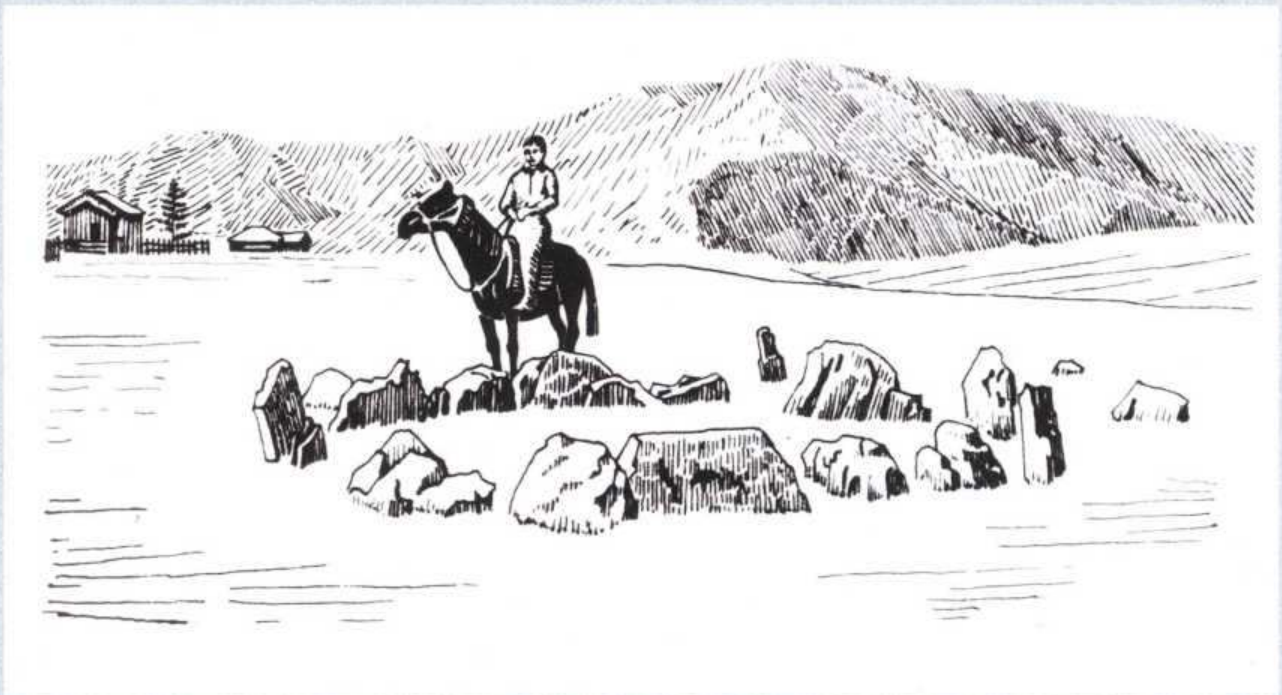
Э.Б. Вадецкая, А.В. Поляков, Н.Ф. Степанова

СВОД ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Барнаул 2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Э.Б. ВАДЕЦКАЯ, А.В. ПОЛЯКОВ, Н.Ф. СТЕПАНОВА

СВОД ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОНОГРАФИЯ

Барнаул
2014

ББК 63.442.15
УДК 902
В 127

Ответственный редактор:
академик ***В.И. Молодин***

Рецензенты:
ведущая организация ***Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа***;
доктор исторических наук ***Ю.Ф. Кирюшин***;
доктор исторических наук ***Н.Л. Моргунова***;
кандидат исторических наук ***В.И. Соёнов***

В 127 Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры : монография / под ред. В.И. Молодина. – Барнаул : АЗБУКА, 2014. – 380 с.: илл.

ISBN 978-5-93957-752-6

Свод памятников афанасьевской культуры включает более 180 статей по памятникам с территории Горного и Предгорного Алтая, Енисея, Тувы, Монголии, объектам и находкам афанасьевского типа из северо-западного Китая, долины Зеравшана, Восточного Казахстана. Каждому памятнику посвящена отдельная статья, в которой отражены название, местоположение, основные результаты раскопок, источники, анализируются полученные материалы. В Свод включены как памятники, материалы которых опубликованы, так и объекты, результаты исследования которых до сих пор не были введены в научный оборот. Отдельные главы посвящены анализу погребального обряда афанасьевских комплексов Горного Алтая и Минусинских котловин, другим аспектам изучения культуры. Исследование материалов каждого памятника позволило выделить неафанасьевские погребения (окуневские на Енисее, куротинского типа в Горном Алтае), а также обрядовые группы афанасьевской культуры в Горном Алтае. В приложение включены публикация материалов раскопок крупнейшего афанасьевского могильника Летник VI на Енисее, статьи об объектах афанасьевского типа из Восточного Казахстана и травматических повреждениях по материалам палеоантропологических коллекций афанасьевской культуры Горного Алтая.

Монография рассчитана на археологов, историков, краеведов, работников музеев и всех интересующихся древней историей Евразии.

The collection of monuments of the Afanasyevsky culture includes more than 180 articles on monuments from the territory of Mountain and Foothill Altai, Yenisei, Tuva, Mongolia and on objects and finds of the Afanasyevsky type from northwest China, Zeravshan Valley and East Kazakhstan. A separate article with the information about the name, location, the main results of excavation and the sources is devoted to each monument, the received materials are analyzed. The monuments which materials are published, as well as the objects, the research results of which still have not been introduced into scientific operation, are included in the collection. Certain chapters are devoted to the analysis of a funeral ceremony of the Afanasyevsky complexes of Mountain Altai and Minusinsk hollows, to other aspects of studying of culture. The research of materials of each monument allowed to pick out non-Afanasyevsky burials (the Okunevsky on Yenisei and the Kurotinsky type in Mountain Altai), and also ceremonial groups of the Afanasyevsky culture in Mountain Altai. The appendix includes the publication of excavations materials of the largest Afanasyevsky burial ground Letnik VI on Yenisei, the articles about objects of the Afanasyevsky type from East Kazakhstan and about traumatic damages on materials of the paleoanthropological collections of the Afanasyevsky culture of Mountain Altai.

The monograph is intended for archeologists, historians, regional specialists, museum workmen and all the interested by ancient history of Eurasia.

ББК 63.442.15
УДК 902

Монография подготовлена к изданию при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию», №11-01-00191а

На обложке: афанасьевская ограда у с. Туэкта (Горный Алтай), рисунок по фотографии М.П. Грязнова 1927 г.

ISBN 978-5-93957-752-6

© Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф., 2014
© Оформление, ООО «Азбука», 2014

ВВЕДЕНИЕ

Афанасьевская культура – важнейший культурно-исторический феномен, лежащий в основе научного изучения большого пласта древностей эпохи энеолита, и оказавший огромное влияние на всю эпоху бронзы Южной Сибири. Именно носители афанасьевской культуры стоят у истоков появления в этом регионе таких основополагающих элементов производящего хозяйства, как металлургия и скотоводство. Нет сомнения, что эта группа населения имела развитую социальную структуру и сложившиеся религиозные представления, которые отражаются в своеобразном погребальном обряде. Именно захоронения афанасьевской культуры первыми в Южной Сибири начали совершаться в курганах с выделением сакрального пространства в виде ограды и возведением надмогильного сооружения. Эти и многие другие значимые элементы культурной традиции оставили заметный след в хронологически более поздних археологических памятниках региона, что позволяет считать афанасьевскую культуру краеугольным камнем, заложенным в основание новой эпохи.

История изучения афанасьевских древностей скоро подойдет к столетнему рубежу. Впервые они были выделены в археологическую культуру С.А. Теплоуховым в его основополагающей работе 1929 г. (Теплоухов, 1929). Перед исследователем стояла сложнейшая задача – на основе небольшого числа изученных памятников из района Батеней построить первую хронологическую колонку памятников Среднего Енисея и, более того, создать периодизацию, объединив их в археологические культуры. Именно этот момент и стал отправной точкой изучения такого сложного культурно-исторического явления, как афанасьевская культура, не смотря на то, что некоторые памятники были раскопаны в Минусинских котловинах и Горном Алтае значительно раньше.

На Среднем Енисее после работ С.А. Теплоухова новый шаг в изучении этих памятников был сделан С.В. Киселевым, который значительно обогатил представления о жизни и быте населения афанасьевской культуры, максимально подробно и скрупулезно описав и изучив все известные на тот момент памятники, многие из которых были им же и раскопаны (Киселев, 1951). Значительный вклад в изучение памятников эпохи энеолита и ранней бронзы внес А.Н. Липский, исследовавший такие уникальные памятники, как Бельтыры и Большое Кольцо. Большой прорыв в изучении афанасьевских древностей произошел в результате обширных «новостроечных» раскопок, связанных с затоплением ложа Красноярской ГЭС на Енисее (60–70-е гг. XX в.). Экспедицией под руководством М.П. Грязнова была раскопана серия очень важных и интересных могильников, в том числе доследован эпонимный памятник Афанасьева Гора, раскопки которого начинал еще С.А. Теплоухов. К сожалению, результаты этих работ были опубликованы с большим опозданием (Грязнов, 1999), однако, не смотря на это, их значение трудно переоценить. Большой вклад в изучение афанасьевской культуры был внесен работами Э.Б. Вадецкой. Важнейшим результатом ее исследований стал раздел в монографии, где были детально проанализированы все известные на тот период памятники (до 1980 г.) и составлен наиболее полный «портрет» афанасьевской культуры на Среднем Енисее (Вадецкая, 1986а).

На Алтае отправной вехой в изучении афанасьевских памятников следует считать раскопки 1930-х гг. Г.П. Сосновского и С.В. Киселева. Были проведены не только раскопки памятников, но и сделан научный анализ полученных материалов (Сосновский, 1941; Киселев, 1948; 1949; 1951). Исследования афанасьевских древностей возобновились после большого перерыва в середине 70-х гг. XX в., в связи ростом научного интереса к этой культуре. Работы были начаты одновременно несколькими научными центрами – АГУ, ИИФиФ СО РАН, ГАНИИИЯЛИ и Горно-Алтайским краеведческим музеем. Среди ученых, внесших вклад, включающий, как выявление памятников, так и изучение материалов афанасьевской культуры, следует отметить М.Т. Абдулганеева, В.Н. Владимирова, Ю.Ф. Кирюшина, О.В. Ларина, В.И. Молодина, А.П. Погожеву, В.А. Посредникова, В.Д. Славнина, Н.Ф. Степанову, С.В. Цыба, П.И. Шульгу. С середины 1970-х до начала 1990-х гг. раскопано около 200 погребений, вскрыто более 3 000 кв. м на поселениях, сделаны попытки определить датировку культуры и решить ряд других вопросов (Степанова, Поляков, 2010).

На сегодняшний день в общей сложности исследовано около 600 захоронений этого времени, изучены культурные слои на ряде поселений, получены весьма представительные серии вещей. Однако по-прежнему многие основополагающие проблемы не находят своего решения. Активно дискутируется вопрос об относительной и абсолютной хронологии памятников, остаются актуальными проблемы происхождения и исторических судеб населения, социальных отношений, хозяйства и многие другие (Грязнов, Вадецкая, 1968; Цыб, 1984; Гальченко, 1994; Молодин, 2002; Степанова, 2007; 2010а; 2012а, е; Поляков, 2010б; Степанова, Поляков, 2010; и др.). Отчасти это связано и с географическим разделением афанасьевской культуры на две большие группы памятников (на Среднем Енисее и в Горном Алтае). Исторически сложилось, что изучением каждого из этих анклавов занимается отдельная группа иссле-

дователей. Фактически изучение афанасьевской культуры распалось на два параллельных и практически не пересекающихся между собой направления, каждое из которых шло своим путем и сталкивалось со своими трудностями.

В последние годы наш авторский коллектив постарался изменить эту тенденцию. С середины 2000-х гг. при поддержке грантов РГНФ были изданы три сборника и две монографии, в т.ч. два тематических сборника «Афанасьевский сборник» (Барнаул, 2010) и «Афанасьевский сборник 2» (Барнаул, 2012), в которых вводится в научный оборот большое количество материалов, остававшихся неопубликованными в течение нескольких десятилетий. В сборниках было уделено внимание памятникам со всех территорий их распространения. Представлены результаты научных исследований, связанных с различными областями культурного пространства населения афанасьевской культуры: хозяйством, искусством, погребальной обрядностью. Значительная серия статей посвящена антропологическим исследованиям и данным естественно-научных методов. Представлены и публикации, где освещены новые афанасьевские материалы или чрезвычайно близкие аналогии за пределами привычного для нас ареала культуры (в Северном Китае и Восточном Узбекистане). Однако главное, что появились статьи, охватывающие весь ареал афанасьевских древностей, то есть начался процесс активного сближения и совместного анализа двух групп памятников.

К сожалению, база источников, которая имеется в нашем распоряжении, не отличается высоким качеством. Часть материалов до сих пор не издана, несмотря на то, что в последние годы ситуация заметно улучшилась. Отдельные публикации были подготовлены 60–80 лет назад и представляют библиографическую редкость, хотя памятники имеют принципиальное значение для решения вопросов этнокультурной ситуации в рассматриваемый период. Необходимо отметить, что и опубликованные данные не всегда позволяют провести качественное исследование. Некоторые материалы с территории Среднего Енисея, которые были изданы до выделения окуневской культуры, нуждаются в ревизии и новом анализе, так как содержат обобщенные данные двух культур, что приводит к неверным выводам. Наряду с современными раскопками, проведенными на высоком качественном уровне, есть памятники, исследования которых велись в тот период, когда становление методики раскопок только еще начиналось. Отдельную проблему представляет качество отчетов, которые не всегда в полной мере описывают и иллюстрируют проведенное исследование. Авторами данного «Свода памятников афанасьевской культуры» была проведена большая работа по критике источников, сопоставлению текстов отчетов, чертежей и находок. В первую очередь были отделены материалы более поздних впускных погребений, которые значительно размывали общую картину археологической культуры. Оценена степень достоверности самих отчетов. Результаты этих исследований отражены в статьях, посвященных конкретным памятникам.

Свод памятников афанасьевской культуры подготовлен с целью создать базу для дальнейших работ с материалами этой культуры. Его задача – собрать воедино информацию об афанасьевских памятниках из всех доступных источников и представить данные о том, где можно ознакомиться с исходными материалами – находками и публикациями. Были изучены и оцифрованы материалы десятков отчетов, хранящихся в крупнейших архивах ИА и ИИМК РАН, изучены и систематизированы все публикации о памятниках. Обработаны коллекции, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, Государственном Историческом Музее, Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова, Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова, музее «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, Красноярском краевом Краеведческом музее, музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ и др. Кроме того, проведено обследование современного состояния более 50 памятников на Среднем Енисее и в Горном Алтае, уточнен список памятников, затопленных в результате заполнения водой ложа Красноярской ГЭС (Черновая 6, Барсучиха 4, Карасук 3, Каменный Лог 2, Афанасьева Гора, Малые Копёны 2, Саргов, Восточное, комплекс памятников у горы Тепсей). Надеемся, что собранная информация облегчит работу исследователей, которые обращаются в своих работах к материалам афанасьевской культуры.

Авторы выражают искреннюю признательность всем нашим коллегам, оказавших неоценимую помощь при работе с материалами и подготовке их к публикации в Своде памятников афанасьевской культуры: Л.Л. Барковой, Н.А. Белоусовой, Н.А. Боковенко, А.И. Готлибу, Н.А. Жоговой, В.С. Зубкову, Э.Н. Киргинекову, С.В. Красниенко, В.А. Кочееву, Н.В. Леонтьеву, Н.П. Макарову, Л.С. Марсадолову, Н.Н. Николаеву, Вл.А. Семенову, В.И. Соёнову, С.В. Студзицкой, М.Г. Сулейменову, К.В. Чугунову, П.И. Шульге.

ГЛАВА 1

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Основное количество памятников эпохи бронзы Горного Алтая относится к афанасьевской культуре. Изучение погребального обряда и инвентаря показало, что не все объекты, отнесенные при публикации материалов к этой культуре, могут быть определены, как афанасьевские, и были выделены как погребения арагольского, куротинского и улитинского типов (Степанова, 2009; 2010а; 2012а, б; 2013а). Памятники афанасьевской культуры выявлены на всей территории Горного Алтая, но основное количество обнаружено в Центральном Алтае и на Средней Катуни, арагольского типа – в Центральном и Восточном Алтае, куротинского типа – на Средней Катуни, в Центральном Алтае, отдельные захоронения – Северо-Западном и Юго-Восточном Алтае. Выделяется несколько микрорайонов с памятниками афанасьевской культуры: по р. Урсул и ниже ее устья по р. Катунь до впадения в нее р. Чепош (Центральный и Северный Алтай), на Северном Алтае в районе Черного Ануя, на Северо-Западном Алтае – на р. Чарыш, на Восточном Алтае – на р. Башкаус (Улаганский район) и Юго-Восточном Алтае (плато Укок). В некоторых районах выявлены десятки памятников, в других – единичные находки. Например, в окрестностях сел Ело и Кара-Коба (рис. 7; 199 -3) учтено более 30 могильников с афанасьевскими оградами из вертикально поставленных плит (Посредников, 1980; Степанова, Владимиров, Цыб, 2005; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, табл. 1). Расстояние между ближайшими афанасьевскими кладбищами бывает менее 0,5 км. В долине Катуни между селами Чепош и Элекманар наблюдается подобная насыщенность афанасьевскими поселениями, между ближайшими из них расстояние около 0,5–1,5 км. Вполне вероятно, что поселений на этом участке больше, но выявлены они не все.

1.1. АФАНАСЬЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

Кош-Агачский район

1. Бертек-33, могильник (рис. 1; 2 -1–5)

Расположен на низкой первой надпойменной террасе левого берега р. Ак-Алаха, у подножия и на склоне одинокой горы, которую огибает р. Ак-Алаха, приблизительно в 3,2 км к С от н.п. Бертек. Терраса размывается, на памятнике большое количество речных наносов, большинство объектов почти полностью погребены. В 1991 г. западно-сибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО АН СССР были раскопаны 4 объекта, которые имели наиболее четкие внешние признаки. Три кургана составляли цепочку сооружений, расположенную в направлении ССЗ–ЮЮВ, а четвертый находился в 6 м к СВ от этой цепочки, но, вероятнее всего, он входит в группу редко стоящих курганов у подножия горы. Размеры сооружений составляют 5–6 м. Основная их отличительная особенность – наличие двойного кольца шириной 0,7–0,8 м из двух концентрических выкладок из вплотную положенных валунов и каменных плит, пространство между которыми сплошь заполнено крупной галькой и мелкими колотыми плитками. В кургане 3 внешняя часть кольца была сделана наподобие кромлеха из вертикально поставленных плоских каменных плит. Несколько вертикально установленных плиток зафиксировано и во внешней части кольца кургана 2. Могильные ямы сужаются и по дну имеют размеры от 1,7х0,9 до 2,1х1,0 м, глубина ям от 0,91 до 1,05 м. Над могилами прослежены сооружения из мелких камней, колотых плит, а в кургане 1 и остатки деревянного продольного перекрытия из тонких плашек. Крупные плоские плиты удлиненных пропорций, возможно, являются остатками перекрытий из поперечно положенных плит. В придонной части в стенках ямы оставлялись материковые приступки. В кургане 3, на дне ямы, сохранились следы глиняной обмазки и бересты, в кургане 4 – остатки корьевой подстилки. Во всех могилах зафиксированы следы охры. Погребенные уложены на спине с поднятыми вверх коленями, головой на З с незначительными отклонениями к югу. В трех курганах погребения одиночные (мужчина 40–45 лет, женщины 25–30 и старше 60 лет), а в кургане 2 похоронены мужчина и женщина 20–25 лет и ребенок в возрасте до 1,5 лет.

Инвентарь представлен 4 остродонными глиняными сосудами (по одному в каждой могиле), каменным жезлом с вкраплениями пирита, костяным гвоздиком, плоскими костяными бусами, полированным кольцом с четырьмя симметрично расположенными круглыми шишечками с выделенным перехватом у основания. Необычны и находки из дерева и бересты, которые сохранились в курганах 3 и 4. Это деревянный ковш с ручкой, стенка расшитого берестяного сосуда, очевидно, цилиндрической формы, с отверстиями по краю для сшивания, украшенная несколькими фигурами прорезного геометрического

орнамента, круглое дно и берестяная полоска от другого сосуда, остатки деревянных предметов в виде пластинки с выделенной треугольной головкой (жезл или посох?) и плоского деревянного предмета неизвестного назначения сложной формы с прямоугольной «ручкой». Это позволяет предположить, что и в других афанасьевских захоронениях были подобные предметы, которые не сохранились. Не обычно кольцо, не имеющее аналогий в афанасьевских погребениях. Редки для Горного Алтая находки гвоздиков, а также плоские костяные бусы. Гвоздики имеют аналогии в погребениях афанасьевской культуры Енисея и в одном из захоронений Первого Межелика-1 (рис. 18 - 14; 119 -6; 102 -14; 194 - 4).

Керамика. В одиночных захоронениях сосуды размещены около правой руки, а в коллективном – в ногах. Сосуды орнаментированы шаганием с прокатыванием (качалкой), накалыванием, прокатыванием зубчатыми и незубчатыми орудиями. Венчики двух изделий украшены отпечатками гребенчатых штампов, которые образуют треугольные зоны, на третьем – вертикальные и горизонтальные линии пересекают друг друга под прямым углом. На тулове двух сосудов отпечатки штампов составляют елочку, третий украшен горизонтальными линиями, которые пересекаются длинными вертикальными отпечатками штампов, а вверху по плечику нанесены наклонные оттиски зубчатого инструмента. Орнамент сосуда из кургана 3 состоит из зон (отпечатки уголка инструмента разделены горизонтальными линиями), а на шейке имеется валик. По пропорциям выделяется сосуд из кургана 2, который имеет высоко расположенный центр тяжести, что сближает его с афанасьевской керамикой с Енисея. Однако высота венчика не характерна для енисейской керамики, т.к. он более высокий.

Коллекции хранятся в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. С. 29–31, 39–49, 131–132.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск, 2000. С. 125–128.

2. Мухор-Тархата-I (Тархата-I), могильник (рис. 2 -6–8)

Был исследован в 1991 г. Катунским отрядом ЦАИ. Памятник расположен на высоте 1,927 м над уровнем моря и в 16 км к ЮВ от с. Тархата. На краю могильного поля раскопана ограда №8 диаметром около 11 м, высотой 0,6 м, значительно выделяющаяся своими размерами среди остальных объектов. Каменная наброска (насыпь) состояла из окатанных валунов средних размеров. В центре ограды было обнаружено захоронение позднего средневековья. Основное погребение (афанасьевской культуры) находилось на глубине 1,5 м от материка. Умерший (мужчина в возрасте 25–30 лет) был уложен на спину с ногами первоначально поставленными коленями вверх, головой на ЮЗ. Слева от погребенного обнаружена кварцитовая шаровидная подвеска с ушком, имевшим сквозное отверстие. Аналогии этому изделию известны в окуневском погребении на могильнике Красный Яр на Енисее (Вадецкая, 1981, с. 45, рис. 15 -3). При изучении постраниального скелета удалось установить, что мужчина был смертельно ранен каменным наконечником стрелы, который пробил левую подвздошную часть с наружной стороны. Стрелявший находился за спиной своей жертвы. По костям человека из погребения получена радиоуглеродная дата СОАН-6028 – 3985±60.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Тархата I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 37.

Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата I // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 61–70, 233, 235, 237.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009б. С. 154–159.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте исследования // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 77, 113, ф. 5.

3. Юстыд

В культурные слои палеолитической стоянки Юстыд I, расположенной на правом берегу р. Юстыд, был «врезан» котлован жилища-землянки афанасьевской культуры. Его площадь составляла около 20 кв. м. На полу в очаге было найдено несколько клиновидных нуклеусов, так называемого гобийского типа, большое количество микроотщепов и ножевидных пластин. Здесь же обнаружено несколько мелких фрагментов афанасьевской керамики с гребенчатым орнаментом, кости домашних животных, бронзовая игла и обломанный пест.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. С. 6.

Онгудайский район

4. Бектыек, поселение

В 1989 г. Бойтыгемским отрядом Катунской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета проведено обследование поселения, расположенного в 9,4 км ниже по течению Катуни от устья рч. Бектыек, на второй правобережной надпойменной террасе Катуни. Заложено 3 шурфа размерами 2х2 м. Мощ-

ность культурного слоя 0,2–0,6 м. Находки представлены изделиями из камня, фрагментами керамики и обломками костей животных. Предварительно поселение датировано афанасьевской культурой.

Казаков А.А. Новые материалы афанасьевской культуры со Ср. Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.

5. Бичикту-Бом, поселение (рис. 3 -4–12)

Открыто Горно-Алтайским археологическим отрядом Алтайского госуниверситета. Поселение находится в урочище Алты-Айры у с. Бичикту-Бом, у подножия горы. Раскопок не проводилось, но проведены сборы артефактов на распахиваемом поле. Памятник разновременный. К афанасьевской культуре относится основная часть коллекции (около 20 сосудов). Фрагменты украшены качалкой инструментом с тонким рабочим краем, накалыванием, протаскиванием.

Коллекции хранятся в Музее археологии и этнографии АлтГУв г. Барнауле.

Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Афанасьевские поселения Ламах-2 и Бичикту-Бом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 76–77.

6. Бойтыгем-1, могильник (рис. 3 - 1–3)

Находится в 1,5 км от устья р. Бойтыгем, на правом берегу р. Катунь. Памятник разновременный, включает 77 объектов. В северной группе выделялись четыре плоских кургана, располагавшихся, в отличие от курганов скифского времени, параллельно течению реки. В 1989 г. археологическим отрядом Алтайского государственного университета и Горно-Алтайского центра археологических исследований один из них раскопан. Конструкция представляла собой кольцо из камней, сложенных в два слоя. Диаметр ограды 7,5 м, высота 0,4 м. Могила овальной формы, размерами 1,75х1,05 м, глубиной в материке 1,6 м. На краю могильной ямы обнаружена массивная глиняная курильница. Умерший был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, завалившимися налево, головой на ЮВ, окрашен охрой. Справа от черепа находился крупный остродонный горшок с высоким венчиком. Изделие украшено отпечатками зубчатого штампа, образующими елочку.

Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 24–36.

7. Бойтыгем-2, могильник (рис. 4; 5)

Памятник находится между могильником Бойтыгем-1 и устьем р. Бойтыгем, в 0,5 км от последнего. Состоит из 5 групп, включающих 79 разновременных объектов. В 1989 и 1991 гг. экспедициями АГУ исследовано 10 объектов афанасьевской культуры: восемь – в южной группе, два – в северной. Шесть объектов (№11–14, 16, 20) составляют цепочку вытянутую с СЗ на ЮВ. К двум из них с восточной стороны примыкает курган раннескифского времени. Курганы №9 и 10 находятся неподалеку, между ними расположен №1, в котором исследовано захоронение, отнесенное к погребениям куротинского типа. Объекты №7 и 17 расположены у подножия горы в другой группе среди сооружений более позднего времени.

Размер сооружений от 3 до 8 м. Авторами раскопок надмогильные конструкции разделены на 3 типа: 1) ограды из обломочного материала с крепидой из более крупных камней и без нее; 2) кольцо из крупных блоков с насыпью из мелких камней (курган 7); 3) ограда из плит, уложенных плашмя друг на друга с внутренним кольцом или сооружением и без него. В трех курганах могилы были перекрыты плитами, в одном сохранились остатки деревянного перекрытия. Размеры могил от 0,9 до 2,0х0,9 м (некоторые сужаются ко дну). Глубина могил в материке от 0,5 до 1,6 м. В объекте №17 захоронения не было, в кургане 7 выявлено 2 могилы, но в одной из них погребения не обнаружено. Умерших укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами (за исключением кургана 7, где зафиксировано положение скорченно на правом боку), головой на ЮЗЗ, ЮЗ, З, СЗ, ЮВ. В трех захоронениях зафиксирована охра. Все погребения одиночные: 2 женщины (25–30 и 40–45 лет), 1 мужчина (40–45 лет), 1 подросток, 2 ребенка (в остальных случаях пол и возраст не определен). Из инвентаря найдены глиняные сосуды, предметы из кости, в т.ч. пронизки из костей птиц, в могилах из кургана 11 обнаружена небольшая медная пластинка и кургана 9 – плоская галька. Необычна находка в могиле кургана 9 четырех сосудов различающихся формой и размерами.

Керамика. Всего на могильнике обнаружено 7 сосудов: 4 шаровидной формы (2 с острым дном), 2 яйцевидной и 1 курильница. Наиболее распространенный способ нанесения орнамента – накалывание (зубчатыми и незубчатыми инструментами) и шагание с прокатыванием (качалка). На одном из сосудов зафиксировано наложение отпечатков орнаментиров, нанесенных разными способами и инструментами. Зубчатый инструмент, которым выполнено шагание, имеет особенность – зубцы объединены по несколько штук и составляют группки зубцов, отделенных друг от друга. Подобные инструменты редки, как для Горного Алтая, так и для Енисея. Известно всего несколько сосудов с отпечатками по-

добных штампов – Сальдяр-1, к. 37 в Горном Алтае и Подсуханиха, огр. 2 на Енисее (Ларин, 2005, рис. 61, с. 114; Иванова, 1968, рис. 32 -1).

Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина г. Горно-Алтайске.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 24–36.

8. Второй Межелик, могильник (рис. 6 -6)

В 1980 г. обследован С.В. Цыбом. Могильник находится на правом берегу р. Каерлык, на первой надпойменной террасе, в 1 км от места слияния рек Каерлык и Ело и в 0,2 км к ЮВ от с. Ело. Терраса, на которой расположен могильник, представляет собой западный пологий склон скальной возвышенности Второй Межелик. Афанасьевские погребальные сооружения расположены в двух частях террасы. В северо-западной части находится круглая ограда, диаметром 8 м, составленная из вертикально врытых в землю сланцевых плит, которые выступают из-под дерна на 0,01–0,1 м. Внутренняя часть задернована, местами проступают камни. В юго-западной части террасы расположены еще три аналогичных сооружения. Одно из них, диаметром 18 м, в центре имеет грабительскую яму. Две других ограды диаметром 8 и 10 м. Раскопок памятника не проводилось.

Цыб С.В. Отчет за 1980. С. 5–6. Табл. 3.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 20–35.

9. Второй Межелик-1, могильник (рис. 7 -1)

Находится в 1,5 км к ЮВВ от с. Ело на правобережной террасе р. Каерлык, под южным склоном скального возвышения Второй Межелик. В 1977 г. круглые ограды из вертикально поставленных на ребро плит были хорошо заметны, но позднее терраса была распахана и засеяна травяными культурами, в результате большинство оград уничтожены, сохранилось лишь несколько объектов. По типу надмогильных сооружений могильник отнесен к афанасьевской культуре. Раскопок не проводилось.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 28–29.

10. Ело-1, могильник (рис. 7 -1; 8)

Расположен в 1–1,5 км западнее с. Ело, на правом берегу р. Ело, напротив устья р. Тоботой. Терраса, на которой обнаружены объекты, образует в данном месте долину, ограниченную с трех сторон отрогами г. Елоту. Памятник распахан, поэтому точное количество сооружений установить невозможно. Конструкции подразделяются на 2 группы, удаленные друг от друга на 0,5–1,0 км. В 1976–1977 гг. археологической экспедицией Алтайского госуниверситета раскопано 3 ограды в западной и 2 в восточной части памятника. В результате проведенных исследований выявлено, что объекты отличаются и по погребальному обряду (конструкции надмогильных сооружений, положение погребенных и др.). Вероятнее всего, это два разных могильника. В 2011 г. обследование современного состояния памятника проведено В.И. Соёновым. Установлено, что западная часть могильника входит в огороженную территорию фермерского хозяйства, распахана. Восточная часть могильника используется в качестве пастбища. Географические координаты объектов: 698 N-50°46.382'; E-85°30.721'. Высота над уровнем моря 1098 м (по балтийской системе высот). 700 N-50°46.386'; E-85°30.634'. Высота над уровнем моря 1094 м (по балтийской системе высот). 701 N-50°46.457'; E-85°31.474'. Высота над уровнем моря 1084 м (по балтийской системе высот).

Ело-1 (западная группа). Включает сооружения из вертикально поставленных плит (ВПП) диаметром 5,6–6,2 м. В оградах, по-видимому, зафиксированы остатки центральных сооружений. Могильные ямы подпрямоугольной формы, размерами от 1,7х0,8 до 2,2х2,05 м, глубиной от 1,05 до 1,5 м. Сохранились остатки перекрытия из дерева. В двух оградах захоронения нарушены. Погребения одиночные (мужчина и две женщины). Захоронения совершены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, ЮЗЗ и З(?), с использованием охры. В каждую могилу было помещено по одному сосуду (яйцевидный остродонный и два шаровидных). Один орнаментирован прочерченными линиями, второй – качалкой, нанесенной инструментом с редкопоставленными зубцами (отпечатки составляют диагональные ряды), третий – шаганием с протаскиванием. По образцам дерева получены радиоуглеродные даты для ограды 2 (Ле-1610 4750±50 и СО АН-1521 4720±25).

Ело-1 (восточная группа) состоит из оград из рваного камня, уложенного горизонтально. По погребальному обряду и инвентарю ограда 1 отличается от афанасьевских и отнесена к куротинскому типу погребений (Степанова, 2010а).

Ограда 4 диаметром 8 м, могильная яма подпрямоугольной формы размерами 2,6х1,7 м сужается ко дну до 1,7х1,1 м, глубиной 1,6 м. Сохранились остатки поперечного перекрытия из трех бревен. Мужчина был похоронен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗЗ, окрашен охрой. Около правого плеча погребенного найден остродонный сосуд с высоким венчиком, украшенный сложным и необычным орнаментом (по венчику оттиски штампа образуют сетку, на тулове отмечено соче-

тание горизонтальных и диагональных рядов отпечатков разных инструментов. В заполнении черепа обнаружена медная проволочная серьга. По образцам дерева получены радиоуглеродные даты: Ле-1609 4410±50 и СОАН-1685 4420±30.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 27–28.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69–90.

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 96.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. С.207-232.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 9–10, рис. 2.

11. Ело-2, могильник (рис. 6 -8–10)

Находится в 1 км к СЗЗ от с. Ело на левом берегу р. Ело, к СВ от устья р. Тоботой, напротив могильника Ело-1, на южном склоне г. Башту. Часть памятника уничтожена дорогой, строениями лесопилки и электростанции, подъездными путями к ним. Состоит из разновременных объектов. В 1977 г. археологической экспедицией Алтайского госуниверситета раскопана 1 ограда из вертикально поставленных плит, диаметром 3,6 м, забутованная камнем. Могила овальной формы размерами 0,85х1,45 м, глубиной 0,7 м от материка. Похоронена женщина 35–45 лет (определения С.С. Тур) на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на Ю. Все кости, особенно ног, окрашены охрой. В районе ступней находилось скопление охры. Инвентаря не обнаружено. В 2011 г. В.И. Соёновым и П.И. Шульгой проведены дополнительные обследования памятника, в результате которых установлено, что северная часть могильника входит в огороженную территорию фермерского хозяйства с пилорамой. Южная часть территории могильника используется в качестве пастбища. Координаты курганов: 704 N-50°46.883'; E-85°32.346'. Высота над уровнем моря 1093 м (по балтийской системе высот). 706 N-50°46.800'; E-85°32.356'. Высота над уровнем моря 1084 м (по балтийской системе высот).

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 72–73.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 10, рис. 1-5.

12. Ело-3, могильник (рис. 7 -1)

Находится в с. Ело на левобережной надпойменной террасе р. Каерлык (правый приток р. Урсул), примерно в 200 м от русла. В настоящее время памятник уничтожен полностью, а в середине 70-х гг. XX в. прослеживались 4 круглые ограды из вертикально вкопанных плит диаметром 1,5, 5–6 и 9 м. Около большой ограды располагалась конструкция диаметром 1,5 м. Раскопок не проводилось.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 27–28.

13. Ело, поселение (рис. 7 -1)

Открыто Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета. Находится в 4 км западнее с. Ело, на мысе правобережной надпойменной террасы р. Ело. Памятник имеет культурный слой мощностью до 15 см. В шурфе найдены обломки керамики афанасьевского облика, каменный скребок и несколько костей животных. Материалы не опубликованы.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 27–28.

14. Ело-Баши, могильник (рис. 9)

Находится в 3,5 км от с. Ело, на левом берегу р. Ело, в распадке, образованном ответвлениями горы Тунгахту (отрог Семинского хребта). Визуально на памятнике выделяются около 30 объектов, в том числе 15 оград из вертикально поставленных плит. Памятник подразделяется на несколько территориальных групп, но четких границ между ними нет. Экспедициями Алтайского госуниверситета в 1977–1978 и 1980 гг. раскопано 6 афанасьевских оград. Они относятся к трем скоплениям, удаленным друг от друга (№1, 2, 3, 6 – восточное, №4 – центральное, №5 – западное). В 2011 г. В.И. Соёновым и П.И. Шульгой было проведено обследование современного состояния памятника. Установлено, что территория могильника используется в качестве пастбища. В ЮЗ части могильника в середину кургана вкопана опора ЛЭП, между восточной и центральной группами курганов находится карьер. В восточной части могильника к северу от дороги находится 9 объектов. Географические координаты объектов: 712 (крайний ЮВ курган) N-50°46.825'; E-85°30.937'. Высота над уровнем моря 1099 м (по балтийской системе высот). Центральная часть могильника находится с северу от дороги, включает 6 объектов. 721 N-50°46.909'; E-85°30.852'. Высота над уровнем моря 1113 м (по балтийской системе высот). Юго-западная часть могильника находится

к югу от дороги, включает 5 объектов. Географические координаты большой ограды: 728 N-50°46.774'; E-85°30.754'. Высота над уровнем моря 1095 м (по балтийской системе высот).

Восточная группа. Раскопано 4 ограды, которые сооружены из вертикально поставленных плит. Диаметр конструкций от 4 до 8 м. Все могилы перекрыты плитами. Размеры могил от 1,5х0,8 до 2,4х1,5 м, глубина – 1,0–1,9 м. Выделяется могила из ограды 3, ее размеры в верхней части – 3,0х2,4 м и 1,85х1,2 м в придонной. В двух могилах зафиксированы заплечики и подбои. В ограде 1 похоронена женщина с ребенком, ограде 3 – женщина, в остальных подростки. Погребенные уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З и ЮЗ, окрашены охрой. Из вещей найдены глиняные сосуды (яйцевидный с острым дном, шаровидный с круглым), браслет из медных пронизок и отщеп. В могиле ограды 6 находок не обнаружено. Захоронение в ограде 2 потревожено, в заполнении ямы найдены фрагменты от нескольких сосудов. Керамика орнаментирована зубчатыми и незубчатыми инструментами, накалыванием, шаганием с прокатыванием (качалка), протаскиванием. Больше всего вещей в захоронении женщины с ребенком. В нем же отмечен и ряд необычных для афанасьевской культуры черт – заплечики, подбой, браслет из медных пронизок, отщеп. Редка и форма сосуда из этого погребения, а также четкое деление орнамента на 2 зоны.

Центральная группа. Ограда 4 диаметром 8,8х8,6 м, сооружена из рваного камня. Могильная яма ориентирована по линии СВВ–ЮЗЗ, имела деревянное перекрытие. Захоронение потревожено, сохранились только кости ног. По-видимому, ноги были согнуты в коленях, а погребенный окрашен. Вещей не обнаружено.

Западная группа. Раскопана ограда 5 из вертикально поставленных плит с земляной насыпью диаметром 15 м, диаметром кольца из ВПП – 10,5 м. Сохранились остатки поперечного деревянного перекрытия из плах. Захоронение потревожено. Погребены мужчина и подросток, уложенные на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗЗ. Скелеты полностью окрашены охрой. В могиле найдены глиняные сосуды (яйцевидный с острым дном и плоскодонный (укороченная банка с одним ушком). Банка окрашена охрой. Аналогичный сосуд найден на могильнике Карасук III, огр. 9, м. 2а (Грязнов, 1999, рис. 39 -5). Для ограды 5 получена радиоуглеродная дата Ле-1608 4920±50.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69–70.

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 96.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 10, рис. 1-4; 3.

15. Каерлык-2, могильник (рис. 6 -1)

Обследован в 1980 г. С.В. Цыбом. Могильник расположен на первой надпойменной террасе левого берега р. Каерлык, в 2,5–3 км к ЮЗ от с. Ело и места слияния рек Каерлык и Ело, на южной оконечности террасы. Зафиксированы погребальные конструкции двух типов. Первый тип – девять оградок-кромлехов круглой формы, составленных из вертикально врытых в землю массивных плит, диаметром 6–18 м. Плиты ограды возвышаются над современной поверхностью на 0,05–1,1 м. Во внутренней части оград из-под дерна проступают камни насыпи (высотой до 0,2 м). Сооружения этого типа группируются в три скопления на территории могильника: западное (2 ограды), центральное (3 ограды), восточное (4 ограды). Две ограды имеют западины глубиной до 0,8 м. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 20–35.

16. Кара-Коба-1, могильник (рис. 10–12)

Находится в 1,0–1,5 км к ЮВ от с. Кара-Коба, на правом берегу р. Урсул, в северной части урочища Нижний Тюмечин, протяженность которого с Ю на С составляет 5 км. Участок террасы, на котором находится могильник, ограничен с юга руслом пересыхающего ручья, с востока склонами горы, а С и З поймой р. Урсул. На могильнике прослеживаются круглые ограды двух типов (из вертикально поставленных плит и кольцевидные россыпи из рваного камня, плитняка и булыжников), диаметром от 1,5 до 15 м. В 1977 г. прослеживалось 17 оград, основная часть которых сосредоточена на участке 100х150 м, на мыске, образованном поймой р. Урсул и руслом пересыхающего ручья. В 1977–1980 гг. экспедициями АГУ раскопано 11 объектов афанасьевской культуры и один, в котором зафиксированы признаки, характерные для куротинского типа погребений. Сооружения располагались двумя группами*: северная* (ограды 3 и 3') *и южная* (ограды 1, 2, 5–12), удаленных друг от друга приблизительно на 200 м. Вероятно, это два разных памятника.

Северная группа. Ограда 3 диаметром 16 м, сооружена из ВПП, включает оградку из ВПП диаметром 4,8 м. У северо-западной стенки большой ограды зафиксировано скопление камней и горизон-

тально уложенные плиты. Не исключено, что здесь было детское погребение. Судя по плитам, ориентация могилы была с ЮЗ на СВ. В центральной части ограды найден костяной черешковый наконечник стрелы, по-видимому, датирующийся более поздним временем (рис. 11 -15). В могиле ограды 3 погребения не оказалось. От сохранившихся обломков бревен перекрытия, диаметр которых 20–25 см, взяты образцы и получены 2 радиоуглеродные даты – Ле-1607 5100±50 и СОАН-6144 – 4965±80 лет. В последнем случае для анализа использованы фрагменты близкие к сердцевине дерева. Ограда 3' диаметром 4,6 м находится в юго-восточной части ограды 3. В оградке 3' зафиксировано сооружение из трех вертикально поставленных плит, которое авторы раскопок определили как жертвенник. Погребение нарушено. Сохранились останки двух человек и фрагменты от двух сосудов. Сооружение ограды в ограде необычно для афанасьевской культуры, но известно на могильнике Чепош-3.

Южная группа. Остальные 10 объектов расположены южнее и составляют две компактные цепочки, вытянутые от ограды 1 с ЮЗ на СВ. Диаметр сооружений от 1,3 до 4,8 м, а ограды 1 около 9 м. Общим раскопом охвачено 7 конструкций. Из всех исследованных объектов одна ограда-стенка (№1), остальные из вертикально поставленных плит. Большинство могил были перекрыты плитами, дважды зафиксированы остатки дерева. Как правило, могильные ямы сужаются ко дну до 0,7х0,5 м, 1,45х1,0 м и др., глубина могил от 0,31 до 1,5 м. В ограде 7 зафиксировано впускное погребение. Поскольку погребения в ограде 7 нарушены, целый ряд признаков остался не установленным. Преобладают одиночные захоронения, только в двух оградах (№1 и 2) похоронены женщины с ребенком. Дети были уложены с правой стороны от женщин. Всего захоронено 12 человек, в т.ч. 2 женщины, 2 мужчины, 1 подросток, 5 детей (пол и возраст умерших из ограды 7 не определен). В большинстве могил отмечено использование охры. Преобладает положение погребенных на спине (на правом боку в одной ограде) с согнутыми в коленях ногами. Не вполне ясно – был ли погребенный из ограды 11 первоначально уложен на спине с согнутыми в коленях ногами или на левый бок. Это захоронение выделяется и тем, что верхняя часть левой бедренной кости отделена от нижней и уложена западнее скелета в районе тазовой кости, нижняя находилась между берцовыми костями. На головке бедренной кости имелись остатки опухоли.

Для этой группы оград характерна неустойчивая ориентация погребенных (ЮЗ, ЮЗЗ, З, СЗ и др.). В могилах найдены остродонные, плоскодонные и круглодонные сосуды, орнаментированные зубчатыми и незубчатыми инструментами, украшения из металла. Браслету из медных пронизок из ограды 2 имеются полные аналогии на могильнике Ело-Баши, огр. 1. Остатки изделий из металла прослежены в могилах оград 1 и 12. По погребальному обряду и инвентарю выделяется ограда 8. Подросток был уложен на правом боку, головой на ВСВ, с ним найдено 2 сосуда – шаровидный с острым дном и плоскодонный. Подобное положение и ориентация умерших отмечены в захоронениях куротинского типа. Однако по остальным признакам это захоронение не отличается от афанасьевских. Плоскодонный сосуд имеет аналогии по оформлению придонной части на могильниках Нижний Тюмечин-1, огр. 10, 14 и Кор-Кобы.

Керамика. Есть сведения о 13 сосудах из погребений. Целых изделий 10, из них 3 шаровидных с округлым дном, 1 шаровидный с приостренным дном, 1 с плоским, 1 яйцевидный с приплюснутым дном и 4 яйцевидных с острым дном. Необычный сосуд найден во впускном захоронении ограды 7. Он отличается толщиной стенок, профилем венчика, формой в целом и имеет близкую аналогию на могильнике Первый Межелик-1, огр. 1. Сосуды орнаментированы зубчатыми и незубчатыми инструментами. В целом коллекцию керамики выделяет количество изделий шаровидной формы и отсутствие сосудов, украшенных качалкой, обязательных для афанасьевских памятников. Есть только один сосуд с подобным орнаментом, однако нанесенным необычным инструментом с широким рабочим краем (рис. 11–13). Необходимо отметить, что в надмогильных конструкциях найдены фрагменты толстостенных крупных сосудов, вероятно, корчаг, не встречающихся в афанасьевских захоронениях Горного Алтая. Подобная посуда больше характерна для поселенческих комплексов, и нахождение фрагментов в насыпях может быть связано как с остатками тризн, так и с тем, что на этом месте было поселение этой культуры.

К ритуальным или культовым сооружениям, по-видимому, относится ограда 5. В ней не было погребения, хотя в центре находилось перекрытие из массивных плит, под которыми зафиксированы очаг и развалы нескольких сосудов. Всего найдены фрагменты не менее, чем от 9 сосудов. Основное количество черепков принадлежит 4 изделиям. В очаге находились обломки трех сосудов, в подтреугольной конструкции – одного, по-видимому, плоскодонного, орнаментированного шаганием с протаскиванием, способом характерным для елунинской керамики. Необходимо отметить фрагменты толстостенного сосуда (толщина стенки около 1–1,1 см), украшенного зубчатым штампом с тонким рабочим краем. Обломки, возможно, от этого же сосуда найдены в насыпях афанасьевских оград, расположенных рядом. В публикации 1982 г. два таких фрагмента рассматриваются вместе с теми, что обнаружены возле очага и треугольного сооружения (Владимиров, Цыб, 1982, с. 58–59). Не исключено, что они попали в этот комплекс из насыпи случайно, и сосуд более древний, чем остальная коллекция, но, возможно, что в ритуальный комплекс намеренно поместили фрагменты, а не целый сосуд. Проведен технико-

технологический анализ образцов 6 сосудов, в т.ч. толстостенного. Все они изготовлены из местного ожелезненного низкопластичного сырья с крупными естественными примесями. Несмотря на то, что исходное сырье близко по своим характеристикам, оно происходит из разных источников, из чего следует, что сосуды изготовлены из разных замесов, вероятно, разными гончарами. Сосуды различаются по форме, обжигу и орнаменту, что связано с разными культурными традициями изготовления керамики. Изделия с плоским дном, черный цвет, орнаментация шаганием с протаскиванием не характерны для афанасьевской культуры. Авторы раскопок «наличие неафанасьевских керамических орнаментов» объяснили «взаимодействием афанасьевской культуры с культурами районов, сопредельных с территорией Горного Алтая» (Владимиров, Цыб, 1982, с. 60). Позднее особенности орнаментации этого изделия были связаны с влиянием елунинского населения (Степанова, 1997). Своеобразие остальных сосудов объясняется традициями, которые могли появиться, как под влиянием инокультурного населения, например, штампы с изогнутым рабочим краем, так и традициями, связанными с этнографическими различиями. Инокультурное влияние прослеживается и в орнаментации одного из сосудов шаганием, переходящим в шагание с протаскиванием. Поскольку объект является зарытым комплексом, следов нарушения стратиграфии не выявлено, то существует вероятность, что сосуды были помещены одновременно. По-видимому, сосуд елунинского типа не случайно находился отдельно. Количество изделий, орнаментированных шаганием с протаскиванием, не значительно. Горшок шаровидной формы (дно не сохранилось) такого же цвета с подобным орнаментом обнаружен в разрушенном погребении могильника Ело-1 (рис. 8 -4). Не характерен подобный способ украшения керамики и для енисейских афанасьевских памятников. В Горном Алтае керамика елунинского типа обнаружена на поселении в устье р. Куюм (Кирюшин, Кунгурова, Степанова, 1997). Возможно, сосуды из окрестностей с. Ело более поздние, чем усть-куюмские, т.к. отмечен переход к местным традициям в подготовке формовочных масс, выборе источников сырья.

В целом могильник Кара-Коба-1 выделяется не только керамикой, но и погребальным обрядом. В частности тем, что зафиксирована неустойчивая ориентация погребенных, даже в оградах из одного скопления. Ни в одной могиле нет курильниц, сосудов с ушками, изделий из камня, в т.ч. жезлов. Инвентарь помимо керамики найден только в трех захоронениях. Не обычно и безинвентарное погребение ребенка на камнях, а не в могиле, в ограде 6. Вероятно, это впускное захоронение. В целом есть основания считать, что объекты южной группы относятся к относительно поздним афанасьевским в Горном Алтае. Ряд аналогий в формах сосудов, в частности, из Кара-Кобы-1, огр. 7, 8 на могильниках Сальдяр-1, огр. 17, Первый Межелик-1, огр. 1, а также Кара-Кобы-1, огр. 10 на могильниках Нижний Тюмечин-1, огр. 10, 14, Кор-Кобы позволили сделать вывод, что они изготовлены тремя группами гончаров, в каждом случае в короткий хронологический отрезок времени, что позволяет считать, что памятники функционировали одновременно.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Посредников В.А. Отчет за 1977 г. Архив ИА РАН в г. Москве.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 55–62.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 26–30, 202–205.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 10–11, рис. 4; 5; 6.

Степанова Н.Ф. Керамика из афанасьевского ритуального комплекса Кара-Коба-1, ограда 5 (Горный Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б. С. 89–93.

17. Кара-Коба, могильник (рис. 14 -8–11)

В 1981 г. экспедицией ГАНИИИЯЛ в 300 м к ЮЗ от с. Кара-Коба на распахиваемом поле раскопаны афанасьевская ограда и расположенная рядом с северо-западной стороны подчетырехугольная вымостка со стелой, датировка которой не определена. Афанасьевская ограда диаметром 1,8 м, сооружена из вертикально поставленных плит. Могила перекрыта плитой размерами 1,8х0,94 м. Могильная яма глубиной 0,7 м от перекрытия, размерами 1,1х0,75 м, ориентирована длинной осью с ЮЗ на СВ. Умерший, предположительно подросток, уложен на спину с вытянутыми вдоль туловища руками, согнутыми в коленях ногами, первоначально, по-видимому, поставленными коленями вверх, головой на ЮЗ. Погребенный и дно могилы густо посыпаны охрой. Из вещей найден остродонный сосуд, курильница, изделие из камня. Остродонный сосуд плохой сохранности, красноватого цвета, изготовлен из ожелезненной глины, обожжен достаточно равномерно в окислительной среде. Среди афанасьевских изделие выделяется высотой венчика (3,2 см) и орнаментом, возможно, нанесенным инструментом аналогичным грифельной косточке. Круглые или округлые оттиски диаметром от 1 до 2–3 мм получены при перпендикулярном и наклонном положении предмета. Отпечатки составляют сложную композицию, в которой фиксируются плавные линии в виде волны или фестонов.

Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина г. Горно-Алтайске.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 4–5, рис. 2, 33 -22.

18. Каракол, могильник (рис. 13 -1–3)

В 1985 г. при производстве земляных работ в с. Каракол обнаружен курган. Работы были приостановлены, а памятник исследован Восточно-алтайским отрядом Североазиатской экспедиции ИИФиФ СО АН СССР. Могильник находится в центре с. Каракол, которое расположено на левом берегу р. Урсул, между двумя его притоками: р. Куратой и р. Каракол. Курган был сооружен на вершине холма. Судя по остаткам насыпи, диаметр сооружения составлял 19–20 м. Отдельные камни, мелкие плиты находились почти по всей площади объекта, но больше всего их было по краям и в центре насыпи. Курган содержал три погребения каракольской культуры и одно афанасьевской. Нельзя не отметить, что могилы каракольской культуры расположены на одинаковом расстоянии друг от друга и составляют ряд, ориентированный с ЮЗ на СВ, одна могила находится за пределами надмогильной конструкции. В захоронении афанасьевской культуры погребенный уложен, по-видимому, на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на восток. В ногах взрослого (женщины?) похоронен ребенок. Оба умерших окрашены охрой. В могиле найден глиняный остродонный сосуд и зафиксированы окислы меди. По ориентации погребенной и конструкции надмогильного сооружения курган соответствует погребениям куротинского типа.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. С. 7–12; 20.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

19. Каянча, могильник (рис. 13 -4)

В 1989 г. Бойтыгемским археологическим отрядом Алтайского госуниверситета в урочище Каянча на второй надпойменной террасе правого берега р. Катунь раскопана ограда из вертикально поставленных плит. В ней находилось второе кольцо, сложенное из камней и плиток, уложенных в несколько слоев. В центре конструкции камней не было. Плиты кромлеха поставлены в специально выкопанные для них в погребенной почве ровик и закреплены с двух сторон контрофорсами из рваного камня. Могила разграблена, по мнению авторов раскопок, первый раз еще в эпоху раннего железного века.

Казаков А.А. Новые материалы афанасьевской культуры со Ср. Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.

20. Малый Булундук

На разновременном комплексе Малый Булундук, который находится на левом берегу р. Теньга, в устье лога Малый Булундук, выявлена группа афанасьевских курганов. Раскопок не проводилось.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.

21. Нижний Тоботой-1, могильник (рис. 7 -1)

В 1977 г. обследован археологической экспедицией АГУ под руководством В.А. Посредникова. В 2011 г. В.И. Соёновым уточнены географические координаты объектов: 711 N-50°46.064'; E-85°31.444', высота над уровнем моря 1093 м (по балтийской системе высот). В настоящее время территория памятника используется в качестве пастбища. Могильник находится в 3 км западнее с. Ело, на правобережной второй надпойменной террасе р. Тоботой (левый приток р. Ело), в распадке, образованном ответвлениями горы Тунгахту. Склоны горы ограничивают распадок с северной, западной и южной стороны. С восточной стороны он ограничен поймой р. Тоботой. Состоит из погребальных сооружений различного типа и разных эпох: каменных курганов, прямоугольных каменных набросок, а также круглых оградок из вертикально поставленных плит. Последние относятся к афанасьевской культуре. Раскопок афанасьевских конструкций не проводилось.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 25–27.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках (могильники Первый Межелик-I, Нижний Тоботой-I) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006в. С. 72–82.

22. Нижний Тоботой 2, могильник (рис. 7 -1)

Находится в 3 км северо-западнее с. Ело в урочище Тоботой, в 1,5 км от устья, на левобережной надпойменной террасе р. Тоботой. Могильник открыт в 1976–1977 гг. Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского госуниверситета. В 2011 г. обследован В.И. Соёновым, в результате установлено, что в настоящее время памятник входит в огороженную территорию фермерского хозяйства. В 1976–1977 гг. на могильнике прослеживалось несколько оград из вертикально поставленных плит и кольцевых россыпей из обломочного камня, протянувшихся вдоль дороги на 300 м. Раскопок не проводилось.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 27.

23. Нижний Тюмечин-1, могильник (рис. 15; 16)

Находится в урочище Нижний Тюмечин, 0,5–0,6 км к ЮВ от с. Ело, на правом берегу р. Каерлык, недалеко от места, где он сливается с р. Ело, образуя р. Урсул. Памятник открыт в 1976 г. экспедицией АГУ. В 2011 г. могильник обследован В.И. Соёновым и П.И. Шульгой, установлено, что в настоящее время территория могильника используется в качестве пастбища. От животноводческой постройки остался фундамент. Географические координаты по углам поворота могильника: 692 N-50°46.321'; E-85°34.490'. Высота над уровнем моря 1060 м (по балтийской системе высот). 694 N-50°46.237'; E-85°34.576'. Высота над уровнем моря 1067 м (по балтийской системе высот).

В 1978 г. на памятнике было зафиксировано 24 круглых оградки из вертикально поставленных на ребро каменных плит и 6 кольцевидных каменных россыпей, предположительно, от оград-стенок. Объекты расположены скоплениями, образующими цепочку, расположенную в направлении СЗ–ЮВ вдоль подножия горы. В 1977–1979 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета раскопано 15 афанасьевских оград из вертикально поставленных плит, диаметром от 1,0 до 11,5 м. Внутреннее пространство одних объектов заполнено камнями (забутовка или реже остатки центрального надмогильного сооружения), в других оставалось свободным от камней. Большинство могильных ям перекрыты крупными плитами, в двух (ограды 9 и 12) прослежены остатки деревянной конструкции. Могильные ямы в большинстве случаев сужаются ко дну. Размеры ям от 2,65х1,2 м до 0,8х0,55 м (вверху) от 1,9х1,2 м до 0,75х0,45 м (внизу), глубина от 0,2 до 1, 2 м. В четырех оградах похоронено по 2 человека (№1 и 9 – мужчина с ребенком, №2 и 8 по 2 ребенка), в остальных погребения одиночные. Погребены 5 мужчин, 5 женщин, 9 детей и в 1 случае пол и возраст не определен. Умерших, как правило, укладывали на спину с согнутыми в коленях ногами, реже на правый бок (ограды 13 и, возможно, 12), головой на ЮЗ, ЮЗЗ, посыпали охрой. Инвентарь составляют глиняные сосуды, реже изделия из камня (пест, жезл), кости (рога) (бусинки, кольцо, рукоять-игольница) и металла (окислы в оградах 2 и 8). В заполнении нарушенного погребения из ограды 12 обнаружено изделие из камня архаичного облика. К сожалению, местонахождение предмета не позволяет с абсолютной уверенностью связывать его с захоронением, однако на других объектах подобных находок нет, что, вероятнее всего, свидетельствует в пользу того, что орудие было намеренно помещено в могилу. Каменные орудия архаичного облика найдены и на афанасьевских поселениях, например, на Узнезе-1 и Малом Дугане (Кунгуров, 2012). Получены радиоуглеродные даты для ограды 7 – Ле-1606 4860±60 и по костям человека из погребения для ограды 9 – СОАН-6025 – 3960±80. Для ограды 6 была получена коллагеновая дата – 4550±80 (проба отобрана В.Д. Славниным). В ограде 7 не отмечено перекрытие из дерева и находок из дерева, однако было кострище. По-видимому, на анализ были взяты угли из кострища. К особенностям памятника относится то, что почти все могилы перекрыты плитами, зафиксирована стабильная ориентация погребенных, почти во всех захоронениях есть инвентарь (нет находок только в ограде 5), в трех оградах чаще, чем на других могильниках, найдены изделия из рога животных, над одной из могил обнаружена зернотерка и курант.

Керамика. Обнаружена почти во всех погребениях (не было в оградах 3 и 5). Обычно в могилу помещено по одному сосуду, исключение составляют ограды 9 и 10, где было по два горшка. Однако сосуды из ограды 9 были плохого качества и рассыпались при выборке их из могилы. Интересны находки в ограде 10 – один сосуд яйцевидно-шаровидный (необычны форма и орнамент), а от второго плоскодонного сохранилась стенка. Вероятнее всего, в могилу помещена была только стенка сосуда. Всего в исследованных захоронениях обнаружено 7 яйцевидных, шаровидный с острым дном (ограда 11) и шаровидный круглодонный (ограда 10), плоскодонный (ограда 14) и курильница (ограда 4). При публикации материала из ограды 2 в тексте и на рисунке (Посредников, Цыб, 1992, с. 5, рис. 3–7) допущена ошибка, т.к. дается ссылка на плоскодонный сосуд, хотя был найден целый остродонный сосуд (рис. 15 -11). Миниатюрная курильница сопровождала ребенка. Керамика преимущественно украшалась качалкой. Выделяются сосуды из оград 6, 13, 14, орнаментированные похожими инструментами, совпадает композиционное построение рисунка – чередование отпечатков незубчатого инструмента на шейке, далее качалка, аналогично украшены и венчики (рис. 15 -3, 12). Венчик от похожего изделия найден и в ограде 8. Вероятнее всего, эти сосуды были изготовлены в короткий промежуток времени. Такое сходство может быть следствием контактов гончаров или работой одного мастера. Имеет значение, что найдены изделия в разных частях могильника. Вероятность их изготовления в течение короткого срока (несколько месяцев или лет) не вызывает сомнений. Данное наблюдение позволяет сделать вывод, что формирование памятника велось сразу в нескольких местах. Сложно сказать – были умершие родственниками или же посуду изготавливали не в каждом доме.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин-I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 4–10, 156–160.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Сборник научных трудов. Барнаул, 2009б. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 11, рис. 7; 8.

24. Нижний Тюмечин-2, могильник (рис. 7 -1)

Находится в 200 м восточнее могильника Нижний Тюмечин-1. Протянулся вдоль южного и юго-восточного подножия скального возвышения Первый Межелик почти на 300 м. Памятник состоит из разнотипных объектов, среди которых две круглые ограды из поставленных на ребро плит. В афанасьевские ограды впущены каменные ящики. В 2011 г. памятник обследован В.И. Соёновым и П.И. Шульгой с целью уточнить современное состояние памятника. Географические координаты памятника по углам поворота: 687 N-50°46.296'; E-85°34.974'. Высота над уровнем моря 1071 м (по балтийской системе высот). 688 N-50°46.245'; E-85°34.898'. Высота над уровнем моря 1072 м (по балтийской системе высот). Территория могильника используется в качестве пастбища. Раскопок не проводилось.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 29.

25. Нижний Тюмечин-3, могильник

Находится в 1,5–1,8 км северо-восточнее с. Ело, примерно в 200 м восточнее скального возвышения Первый Межелик. Протянулся на 250 м с СЗ на ЮВ. Состоит из двух десятков круглых оград из поставленных на ребро гнейсовых плит. Наиболее крупные ограды имеют западины. Выделяется размерами одна ограда, расположенная в северо-западной части могильника. Она имеет диаметр 50 м, а внутри нее заключены две меньшие. По надмогильным сооружениям памятник отнесен к афанасьевской культуре.

В 2013 г. ограду диаметром около 50 м с надмогильной конструкцией афанасьевской культуры выявить не удалось. Однако такая необычная черта, что внутри нее находилось 2 ограды меньшего размера, по-видимому, свидетельствует о том, что большая ограда была.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 29.

26. Нижний Тюмечин-4, могильник (рис. 14 -5, 7)

Могильник находится в 2,5 км к СВ от с. Ело, в 1 км к С от возвышения Первый Межелик, напротив слияния рек Ело и Каерлык, на правом берегу р. Урсул. В составе могильника около 20 каменных курганов и оград, располагающихся группами по 2–4. Археолого-этнографической экспедицией АГУ под руководством В.Д. Славнина раскопано 2 афанасьевские ограды из вертикально поставленных плит размерами 2,8х3,8 и 7,2х8,2 м. Могильные ямы были перекрыты плитами. Погребения одиночные. Похоронены мужчина 25–30 лет (определения В.А. Дремова) и ребенок, уложенные на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЮЗ и ЮЗЗ. Отмечена окраска охрой. Вещей не обнаружено.

Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы из раскопок у с. Ело (Центральный Алтай) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 3–17.

27. Нижняя Соору, поселение (рис. 17)

Поселение обнаружено при осмотре оврага в 1994 г. О.В. Лариным. Тогда же с целью остановить эрозию почвы, был заложен раскоп площадью 2,4 кв. м. Позднее осмотр памятника проведен В.А. Кочеевым. Поселение находится в 3 км к ЮВ от с. Кулада, на первой надпойменной террасе р. Каракол. Мощность культурного слоя на раскопанной части около 16 см. В раскоп попала прямоугольная конструкция, впущенная в материк, по-видимому, очаг. Находки составляют керамика, изделия из камня, кости животных. Индустрия отщепового характера, способы производства которой основаны на технике оббивки. Формы орудий специально не подправлялись, за исключением крупных галечных образцов, которые изготовлены с помощью техники пикетажа. Техника отщепового расщепления примитивна, сведена до простейших операций. Керамический комплекс представлен не менее чем 25 сосудами, в т.ч. курильницей и корчагой. Реконструировать сосуды не удалось. Некоторые из них остродонной формы. В орнаментации венчиков преобладает накалывание и качалка, тулова – шагание с прокатыванием (качалка). Некоторые фрагменты выглядят необычными для афанасьевской керамики: это венчики с аккуратным и ровным рядом качалки, а также фрагменты, украшенные шаганием с протаскиванием и шаганием.

Проведено изучение остеологических материалов. Установлено, что доминируют кости мелкого рогатого скота (82%), вероятно, овцы, костей крупного рогатого скота значительно меньше (15%). Кости лошади и диких видов единичны и составляют 1,5%. По мнению П.А. Косинцева, основным

направлением в скотоводстве жителей этого поселения, было овцеводство, вероятно, выраженного мясного направления. Он так же отмечает, что население, по-видимому, не испытывало острого дефицита мяса, т.к. большая часть первых фаланг овец не разбита, в тоже время на поселении отмечена необъяснимая сильная раздробленность костей, особенно, крупного рогатого скота. Отмеченные наблюдения имеют особое значение для изучения хозяйства афанасьевского населения, т.к. это пока единственный памятник, где не обнаружено находок более поздних эпох (раннего железа и средневековья).

Косинцев П.А. Фауна поселения Нижняя Соору // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. С. 160–167.

Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Поселение афанасьевской культуры Нижняя Соору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 67–73.

28. Озерное-II, могильник (рис. 14 -1–4)

Исследования на памятнике проведены в начале 1980-х гг. экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова. Могильник находится в основании южного склона горы, в долине реки, на левом берегу р. Озерная, левого притока Урсула, у дороги из с. Теньга в д. Озерная, в 6 км к С от с. Теньга. Раскопана ограда диаметром 7 м из вертикально поставленных плит. С СВ стороны к ограде примыкала подпрямоугольная пристройка размерами 2,8х3 м. Могильная яма была перекрыта на уровне древнего горизонта каменными плитами. Размеры могилы 1,8х1,3 м, глубина в материке 1,1 м. Похоронен мужчина 40–45 лет (определения А.Р. Кима) на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Умерший посыпан охрой. Вещей не обнаружено. В ограде и возле нее на уровне древнего горизонта обнаружены фрагменты керамики, аналогичные афанасьевским. Погребение выделяется среди афанасьевских ориентацией умершего на СВ, однако по остальным признакам оно характерно для этой культуры.

Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 27–29, рис. 3–5.

29. Онгудай, могильник (рис. 13 -5)

В 1865 г. В.В. Радловым раскопано погребение на р. Урсул. В плоском кургане с маленькой насыпью в ½ аршина, диаметром 3½ сажени произведено углубление четырехугольной ямой (сторона квадрата – 1 сажень). Не встречено никаких камней. На глубине 2½ арш. найден скелет, лежавший головой на СВ, на правом боку, руки лежали прямо, ноги были согнуты в коленях. Над головой лежали сосуды с острым дном из грубой черной жженой глины, совершенно истлевшие. В Отчете ИАК речь идет об одном сосуде, в выписке, сохранившейся в архиве Г.П. Сосновского, описание дано во множественном числе (Прим. – *Н.С.*). В архиве Э.Б. Вадецкой находится рисунок остродонного сосуда, украшенного горизонтальными прочерченными линиями, в верхней части треугольными зонами, на шейке имеется налепной валик. Сосуд хранится в Государственном Эрмитаже.

Архив ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 19.

Отчет ИАК за 1865 г., 1866, с. XC.

30. Первый Межелик-1, могильник (рис. 18; 19; 20)

Располагается на правом берегу р. Урсул, в 1,5–2 км к СВ от с. Ело у той же горы, что и Нижний Тюмечин-1, но у ее восточного подножия. Раскопки проводились археологическими экспедициями АГУ в 1980, 1984 и 1990 гг. В 2011 г. обследование памятника с целью уточнения географических координат и выявления его современного состояния проведено В.И. Соёновым и П.И. Шульгой. Установлено, что территория могильника используется в качестве пастбища и разделена на 2 части забором. Вся юго-восточная часть – за забором фермерского хозяйства. Географические координаты могильника по углам поворота: точки №679–685. 679 N-50°46.397'; E-85°35.082'. Высота над уровнем моря 975 м (по балтийской системе высот). N-50°46.249'; E-85°35.086', высота над уровнем моря 1071 м (раскоп 1984 г.).

Зафиксировано 44 объекта, из которых три ограды-стенки, остальные из вертикально поставленных плит. Вокруг двух объектов выявлены дуги из отдельно стоящих камней, едва заметных на современной дневной поверхности. Расстояние по хорде между крайними камнями в этих дугах до 75 м. Возможно, план одной из них составлен В.Д. Славниным (рис. 6 -3, 4). Ограды составляют несколько скоплений. В двух из них исследовано 13 объектов, еще один (№11) расположен рядом с северной группой конструкций. Расстояние между скоплениями объектов не дает оснований относить их к разным могильникам. Возводились они, судя по их расположению, по определенным правилам. В северной группе по размерам (диаметр около 10 м) выделяется ограда 10 с захоронением мужчины 30–35 лет. С ЮВ стороны к ней примыкает ограда 9, диаметром 4,4–5,4 м, а с ЮЗ стороны цепочка из оград (СВ–ЮЗ) диаметром от 1,7х1,9 до 3, 5 м с захоронениями детей и, возможно, подростков. Южная группа состоит из двух параллельных цепочек (СЗ–ЮВ). Сплошным раскопом вскрыто 6 объектов. С южной стороны прослеживаются еще несколько оград, которые остались не исследованными. Возможно, все

эти объекты составляют одну группу с находившейся неподалеку к СЗ крупной оградой, исследования которой также не проводились. В данном скоплении выявлены необычные объекты: в цепочке, находившейся южнее, в оградах 13 и 14 не выявлено погребений. Сооружения не выделяются по конструкции среди оград, которые возводились для умерших, но немного отличаются размерами – 5,9х6,1 и 5,7х7 м, а расположенные рядом объекты с захоронениями людей – 3,6х4,4 м, 4,0, 4,2 и 4,6 м. В оградах без могил найдены целые и разбитые афанасьевские сосуды, имеющие некоторые особенности в орнаментации. По-видимому, эти объекты, как и на Кара-Кобе-1, были возведены с ритуальными целями.

Все раскопанные сооружения составлены из вертикально поставленных плит. Их диаметр от 1,9х1,7 до 8,6х9,6 м. В оградах 3 и 4 в афанасьевские могилы впущены каменные ящики, погребения в которых нарушены. Вероятно, ящики были сооружены в эпоху бронзы. В трех оградах могильные ямы были перекрыты плитами, возможно, что еще 4 также имели подобное перекрытие. Остатки деревянной конструкции прослежены только в ограде 11. В трех могилах зафиксированы подбои, в половине случаев отмечено сужение могил ко дну (вверху от 1,85х0,97 до 1,15х0,67 м, внизу от 0,85х0,5 до 1,6х0,8 м). Глубина могил от 0,66 до 1,45 м. По размерам выделяются могилы из оград 9 и 11 – 2,15х1,2 м и 2,1х1,0 м. Несколько погребений нарушены. Все захоронения одиночные, но в ограде 2 зафиксировано впускное погребение ребенка (около 1 года) к ребенку 10 лет. Всего похоронено 13 человек (4 ребенка, 2 мужчины, 2 женщины и еще 1 женщина(?), пол и возраст 4 человек не определен). Умерших укладывали, как правило, на спине с согнутыми в коленях ногами (исключение ограда 1 – на правом боку скорченно), головой на ЮЗ и ЮЗЗ, исключение составляют 2 могилы, где отмечена ориентация на СЗ и СВ. Все погребенные окрашены охрой. Инвентарь представлен сосудами, кроме того, найден жезл, пест-абразив, остатки медных оковок, шило, золотая серьга, костяной гвоздик, 2 каменных наконечника стрел и др. Находок не обнаружено лишь в двух нарушенных погребениях. По два сосуда было помещено в 3 могилы (огр. 1, 6, 9). Ограды 6 и 9 выделяются и тем, что в могилах был обнаружен и другой инвентарь (медное шило, костяной гвоздик, каменные жезл, кольцо и др.).

Выделяется ограда 4 ориентацией погребенного на СВ, находкой в могиле 2 каменных наконечников стрел. По ориентации погребенного этот объект сопоставим с захоронениями куротинского типа, но по всем остальным признакам он не выделяется среди афанасьевских, в т.ч. и сосуд в целом соответствует афанасьевским традициям. Вероятно, в данном случае зафиксировано влияние на афанасьевское население племен с другими культурными и этнографическими традициями.

Керамика. Обнаружено 19 сосудов, из которых 15 целых или реконструированных, из них 3 шаровидных (два с круглым и один с острым дном). Остальные яйцевидной формы с острым дном. Изделий с плоским дном и курильниц не найдено. Посуда украшена разнообразными инструментами и способами, как обычными для афанасьевской культуры (качалка), так и редкими, например, инструментом типа стебля растения или пера птицы, палочки с веревочкой (ограды 13, 14). Некоторые сосуды выделяются формой или другими деталями, например, шаровидный с острым дном – нестандартным профилем венчика. Сосуд из ограды 2 имеет аналогии по форме на Кара-Кобе-1, огр. 7 (рис. 11–14; 20 -5). Оба изделия выделяются среди афанасьевских по целому ряду признаков, в частности, форме в целом, толщине и обработке стенок. Они не характерны для афанасьевской посуды, но схожи между собой по многим деталям (индивидуальные особенности профиля венчиков, тонкие стенки, элементы орнамента и др.), которые не могли возникнуть случайно, и свидетельствуют о новых культурных традициях. Сходство может быть связано с тем, что они изготовлены мастерами, имевшими возможность наблюдать за работой друг друга и перенимать опыт.

К особенностям памятника относится отсутствие сосудов с ушками, плоскодонных, курильниц, число остродонных изделий (больше, чем на других памятниках). Отличает могильник и относительно небольшое количество перекрытий могильных ям. По костям человека из погребения ограды 10 получена радиоуглеродная дата СОАН-6026 – 4315±85.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 31–41.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб С.В. Раскопки могильника Первый Межелик I // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 58–65.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 11–12, рис. 9; 10.

31. Сальдяр-I, могильник (рис. 21–31)

Находится в 6 км от с. Малый Яломан на правом берегу р. Катунь, в долине, ограниченной с Ю, С и В отрогами хребта Сальджар (Сальдяр), с З – р. Катунь. Протяженность долины с Ю на С достигает 4,5 км, ширина 0,5–1,0 км, высота берега над урезом воды в р. Катунь 18–21 м. В северной части до-

лины, ограниченной с С отрогом хребта Сальджар, с В – каменистым останцом, с З – р. Катунь и с Ю – рч. Сальдяр, зафиксировано более 100 разнотипных и разновременных археологических объектов, группирующихся четырьмя скоплениями (могильники Сальдяр-1–4). В результате многолетней распашки внешние признаки многих объектов уничтожены.

В 1988–1991 гг. О.В. Лариным на могильнике Сальдяр-1 раскопано 42 объекта. Памятник, в основном, состоит из оград афанасьевской культуры. Из раскопанных конструкций к раннескифскому времени могут быть отнесены 2 каменных ящика из объектов 23 и 33, а ящик из ограды 5, по-видимому, сооружен в эпоху бронзы. Два ящика впущены в афанасьевские надмогильные конструкции, хотя в ограде 33 афанасьевского захоронения не обнаружено.

О.В. Ларин (1959–1999 гг.) опубликовал только краткую информацию о памятнике (1994; 1995). К сожалению, для полной публикации в монографии он успел подготовить только часть иллюстраций. По первому году раскопок сохранился отчет, полевые дневники, по последнему году исследований имелись лишь чертежи, часть из которых не была полностью выверена. Например, имеются разночтения, по ориентации могилы в кургане 42 (Ларин, 2005, рис. 67–69). Сохранилось несколько планов могильника Сальдяр-1, которые не удалось полностью совместить. По устному сообщению О.В. Ларина, на памятнике в ряде случаев удалось проследить стратиграфию и установить какие объекты были сооружены раньше, какие позднее. Однако, записей или чертежей, подтверждающих это сообщение, в архивах О.В. Ларина не обнаружено. При подготовке материалов могильника Сальдяр-1 к полной публикации по последнему году раскопок текст подготовлен по чертежам М.Т. Абдулганеевым (Ларин, 2005). В монографии, изданной в 2005 г., рисунки оград размещены не в соответствии с расположением их относительно друг друга на местности, а, преимущественно, по годам раскопок.

Могильник Сальдяр-1 – один из наиболее исследованных афанасьевских памятников в Горном Алтае. До начала раскопок были проведены геофизические работы, в результате которых выяснилось, что количество объектов приблизительно в 3 раза больше, чем прослеживалось визуально, и составило более 40 сооружений. По мнению О.В. Ларина, формирование памятника началось в северной части, где обнаружены погребения с остро- и круглодонными сосудами, в южной сосредоточены более поздние объекты, на которых найдены плоскодонные изделия (2005, с. 35–36), Автором раскопок также отмечено, что в целом конструкции расположены вдоль р. Катунь.

Погребальные конструкции составляют скопления и цепочки из нескольких объектов. Большинство из них сосредоточены в центральной части могильного поля. Отдельно, в северо-западной части памятника, находились ритуальное сооружение №1, цепочка из трех объектов (№2, 4, 6), ограда 3. К западу от основной части объектов расположены 3 сооружения, одно из которых (№42) раскопано. В южной части поля выявлено 5 объектов, из которых исследованы четыре (№37, 38, 40, 41). Отмечено, что к крупным оградам с южной или юго-восточной стороны пристроены более мелкие (рис. 22 -1).

Диаметр объектов от 0,8–1,0 м до 8–10 м. Различаются они и по конструкции. Большинство из них имеет кольцо (из вертикально поставленных плит или крепиду из крупных камней и блоков, из рваного камня). В некоторых случаях часть конструкции составляла насыпь. О.В. Ларин выделял 5 типов надмогильных сооружений: 1) округлая каменная насыпь (1 объект); 2) кольцо из каменных блоков в насыпи и лежащих на материке (1); 3) кольцо из каменных плит, слегка впущенных в материк в насыпи (2); 4) двойное кольцо – наружное из каменных плит, углубленных в древнюю поверхность, внутреннее из блоков, лежащих на материке или на могильном холме (5); 5) кольцо из каменных плит, установленных в древнюю поверхность (подобное типу 4) (27).

Могильные ямы выкапывались в центральной части оград. В центре кургана 42 выявлено 2 могилы, расположение которых предполагает их близость по времени сооружения. В трех объектах (№1, 6, 12) могильных ям и захоронений не было. В одном из них обнаружен курант. Возможно, конструкции сооружены с ритуальными целями. Захоронения совершались в грунтовых могильных ямах. Перекрытие плитами зафиксировано в 23,5% объектов. Об остатках конструкций из дерева данных нет. Умерших обычно укладывали на спину с подогнутыми в коленях ногами, но в трех случаях на правом боку, и в одном (ребенок) предположительно на боку, головой ориентировали, преимущественно, в западном направлении. Инвентарь обнаружен лишь в половине захоронений, представлен остро-, кругло- и плоскодонными сосудами, пестами, наконечником стрелы, бусами, пуговицами, подвесками, украшениями из меди.

Погребения, в основном, одиночные (87%). В одной могиле (курган 36) погребено 3 человека (подросток и 2 ребенка). В ограде 19 зафиксировано впускное погребение (ориентация погребенных на ЮЗ, в обоих случаях сохранились не все кости). В основном захоронении обнаружены украшения в виде подвесок из зубов и клыков животных, необычные для афанасьевской культуры. Всего в 37 могилах похоронен 41 человек – 13 взрослых, 21 ребенок, 5 подростков и, судя по размеру могил, еще 2 подростка или ребенка. Захоронения детей и подростков совершались в отдельных оградах.

В результате проведенного сравнительного анализа между скоплениями объектов по основным признакам погребального обряда удалось вывить различия. В частности, группа объектов №2, 4, 6, находившаяся в северо-западной части памятника, выделяется по конструкции погребальных сооружений (крепиды, дополненные насыпями), умершие были ориентированы головой в восточный сектор. Вещей не обнаружено, но в насыпи кургана 2 обнаружены фрагменты керамики куротинского типа. Скопление оград 25, 28, 30, 31, 32 (восточная часть могильника) объединяет ряд других признаков. Конструкции сооружены из вертикально поставленных плит без забутовки камнями, в двух захоронениях зафиксирована ориентация погребенных ЗСЗ, в трех были не все кости, в т.ч. отсутствуют черепа. Из инвентаря найдены два плоскодонных сосуда, пуговицы. Ограды 3, 5, 7, которые являются основными в микроцепочках, имеют сходство в конструкции. В оградах 20, 22 и 24 (рис. 26) обращает внимание сходство погребальных конструкций, положение и ориентация погребенных. В объектах 19, 25, 36, где найдены украшения из зубов животных, нет керамики. Расположены они неподалеку друг от друга в центральной части памятника.

Могильник Сальдяр-1 отличается тем, что исследовано большое число детских погребений, зафиксированы расчлененные захоронения и тройное погребение, в одной конструкции было 2 могилы. К числу признаков, выделяющих памятник, относится наличие свободного пространства в ряде могил. Отличает Сальдяр-1 малочисленность инвентаря. Керамика найдена в 39,5% погребений, что намного ниже показателя для афанасьевских памятников Горного Алтая. Плоскодонные сосуды (без учета изделия с уплощенным дном) составляют 19%. Фрагменты курильницы обнаружены только в надмогильной конструкции ограды 3, и ни разу не встречены в погребении. В ограде 17 найден яйцевидный сосуд с уплощенным дном, который в целом отличается от афанасьевских, но имеет аналогию на могильнике Кара-Коба-1, огр. 10. По мнению К.В. Солодовника (2005, с. 122, 124), погребенные из могильников Сальдяр-1, огр. 17, 18, 20, 37 и Кара-Коба-1 имеют особое сходство. Необычный рабочий край инструмента, которым орнаментирован сосуд из кургана 37, имеет аналогии на Бойтыгеме-2, а также на Енисее. Аналогии украшениям из зубов животных известны на могильниках Урускин Лог-1 и Усть-Куюмский, из позвонков щуки – на Усть-Куюмском (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 37 -3; 61). С афанасьевскими памятниками Енисея (Афанасьева Гора) сближают и пуговицы из ограды 25 (рис. 28 -6; 75 -13). В целом, несмотря на целый ряд необычных черт, памятник хронологически близок Кара-Кобе-1, Бойтыгему-2 и другим.

Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Сальдяр // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 17–18.

Ларин О.В. Некоторые итоги исследований на могильнике афанасьевской культуры Сальдяр // Алтай и тюрко-монгольский мир. Горно-Алтайск, 1995. С. 120–123.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. С. 120–154.

Степанова Н.Ф. К вопросу о демографической ситуации у населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск, 2006–а. С. 471–474.

32. Семисарт-2, могильник (рис. 32 -3–5)

Могильник расположен в 4–5 км к ЮЮВ от с. Ело, на первой надпойменной террасе р. Семисарт, являющейся правобережной террасой рч. Алтайры, который впадет в р. Семисарт. С С и В терраса ограничена скальными возвышенностями, с Ю и З общей поймой р. Семисарт и рч. Алтайры. Терраса находится в прямоугольной межгорной котловине, вытянутой в направлении СВ–ЮЗ. Северо-восточная ее часть переходит в узкую горную лощину. Центральная и северо-западная части в направлении СВ–ЮЗ пересечены руслами двух пересохших ручьев. Включает около 60 разновременных конструкций. К афанасьевской культуре могут относиться объекты двух типов, внешним видом напоминающие афанасьевские сооружения. Один тип сооружений представлен оградами из вертикально поставленных по окружности плит. Они составляют две группы в южной части могильника. Диаметр оград от 2 до 7 м, высота плит 0,5–1,0 м. В 1980 г. В.Н. Владимировым и С.В. Цыбом с целью уточнения датировки раскопана ограда из вертикально поставленных плит диаметром 4 м. В центре ее зафиксированы остатки центрального сооружения в виде земляного холма и следы кострища. Могила, размерами 1,8х1,15 м и глубиной в материке 0,75–0,8 м, перекрыта плитами. Похоронена женщина на спине с подогнутыми ногами, головой на запад. На черепе отмечены окислы меди или бронзы.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 21, 28.

33. Семисарт-3, могильник (32 -2)

Могильник расположен на второй надпойменной террасе р. Семисарт, являющейся одновременно террасой рч. Алтайры, который при выходе из урочища Алтайры распадается на два русла. Терраса подвергалась распашке. В 1980 г. прослеживалось 6 сооружений, три из них представляют собой ограды из вертикально поставленных плит диаметром от 11 до 13 м, высота плит над современной дневной поверхностью от 0,1 до 0,5 м. Три других кольца выложены по кругу в несколько рядов и слоев. Их диаметр от 10 до 15 м, высота 0,15–0,5 м. Культурная принадлежность могильника определена по форме надмогильных сооружений. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

34. Семисарт-4, могильник (рис. 6 -7)

Расположен на первой и второй надпойменных террасах р. Семисарт. В 1980 г. зафиксировано 17 надмогильных сооружений, 15 из них представляют собой кольца, выложенные из рваного камня различной величины. Диаметр колец от 3 до 15 м, высота над современной дневной поверхностью 0,3–0,6 м. Двенадцать колец располагаются на первой, три – на второй террасах. В северной части первой надпойменной террасы обнаружены две ограды из вертикально поставленных плит диаметром 10–12 м. Предположительно могильник отнесен к афанасьевской культуре. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

35. Семисарт-5, могильник (рис. 32 -1)

Могильник расположен на первой правобережной террасе р. Семисарт, в 2–3 км к СВ от с. Каерлык. Поверхность террасы подвергалась распашке. В 1980 г. прослеживалось 12 погребальных конструкций, расположенных компактной группой. Одиннадцать из них кольца округлой формы, диаметром от 3 до 15 м, высотой над современной дневной поверхностью 0,07–0,55 м. Здесь же находится сооружение иного типа – ограда-кромлех из вертикально поставленных плит диаметром 12 м, высота плит до 0,15 м. Предположительно памятник отнесен к афанасьевской культуре. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

36. Семисарт-6, могильник (рис. 32 -6)

Расположен на первой надпойменной террасе р. Семисарт, ограниченной с С скальными возвышенностями, с Ю поймой р. Семисарт. Из 12 надмогильных сооружений – три ограды из вертикально поставленных плит, которые расположены на распаханной части террасы и представляют, видимо, остатки разрушенного могильника. Диаметр оград 8–12 м, высота плит 0,4–0,5 м. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

37. Семисарт-7, могильник (рис. 32 -7)

Находится на первой надпойменной террасе р. Семисарт, в 2–3 км к С от с. Каерлык, рядом с поймой. Все 19 конструкций расположены компактной группой и представляют сооружения из вертикально поставленных плит. Диаметр оград от 1 до 12 м, высота плит 20–30 см. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

38. Семисарт-9, могильник (рис. 6 -5)

Расположен на первой надпойменной террасе р. Семисарт, в 2–3 км к СВ от с. Каерлык, рядом с дорогой на перевал Кулада. Терраса распахивалась. В 1980 г. зафиксировано 8 надмогильных сооружений. Четыре ограды сооружены из вертикально поставленных плит, одна из которых сильно разрушена. Диаметр оград 8–10 м, высота плит 30–40 см. Внутри оград прослеживается каменная забутовка. Ограды из вертикально поставленных плит датированы афанасьевским временем. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

39. Семисарт-VII, могильник

Расположен в урочище Семисарт на террасе правого притока р. Каерлык, в местности Картошкин Лог. Памятник состоит из разнотипных сооружений. В 1980 г. А.П. Погожевой зафиксировано 10 оград из вертикально поставленных плит из серого сланца диаметром 2–10 м. Плиты возвышались над современной поверхностью на 0,9–1,2 м. Две ограды раскопаны (диаметр одной 8,5 м). Могильные ямы были перекрыты плитами. В ограде 1 погребение мужчины (50–60 лет, рост ок. 1,9 м) нарушено. На дне ямы много охры, отмечен древесный тлен, найдены длинный каменный пест и дно остродонного со-

суда. В этой же ограде на уровне древней поверхности зачищена небольшая круглая ямка, вымазанная глиной и обожженная, содержавшая кости младенца. В ограде 2 захоронение не потревожено. Погребенный (мужчина 50–60 лет) был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад, густо посыпан охрой. У головы найден остродонный сосуд. Над скелетом и под ним обнаружены кусочки коры. Детское захоронение, по мнению А.П. Погожевой, не относится к афанасьевской культуре.

Материалы хранятся в ИАЭТ СО РАН.

Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 года. 1981. С. 205.

Погожева А.П. Могильник афанасьевской культуры Урускин Лог-1 (Каракол-1) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006б. С. 23–43.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006а. С. 28–30, 177.

40. Теньга-I, могильник

Расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Урсул, в 1 км к ЮЗ от с. Теньга. Могильник включает два разновременных памятника, могильные поля которых совмещаются в западной части террасы. Погребальные конструкции, которые, вероятнее всего, относятся к афанасьевской культуре, представлены двумя типами сооружений – оградками-кольцами из мелкого сланцевого камня, положенного в несколько рядов и слоев, с земляной засыпкой центральной части (диаметр 6–15 м, высота над дневной поверхностью до 80 см), и оградками-кромлехами из вертикально поставленных по кругу плит (диаметр 2–9 м, высота плит до 0,9 м). Оградок 8, кромлехов – 7. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

41. Теньга-3, могильник

Расположен на первой надпойменной террасе р. Урсул, в 2–3 км к ЮЗ от с. Теньга и в 1–2 км к СВ от с. Кара-Коба. Терраса подвергалась распашке. Могильник включает 8 типов сооружений. Наиболее многочисленный (22 объекта) составляют ограды-кромлехи круглой формы из поставленных вертикально сланцевых плит, диаметром 3–11 м. Плиты возвышаются над поверхностью террасы на 0,05–0,6 м. В центральной части могильника ограды группируются в скопления. Встречаются они и в других частях памятника, но четко прослеживается их тяготение к западной части террасы. К афанасьевской культуре, вероятнее всего, также относится и оградка-кольцо, сложенная из мелкого камня, с насыпью из земли в центре. Стенка сооружения сильно задернована. Ограда расположена в западной части могильника в группе с оградами-кромлехами. Ее диаметр 7 м, высота 0,3 м. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005.

42. Теньга-4, могильник (рис. 33; 34 -1–4)

Расположен на первой правобережной террасе р. Урсул, в 2,5–3,5 км к ЮЗ от с. Теньга и в 1,5–2,5 км к В от с. Кара-Коба. Вся поверхность могильного поля подвергалась интенсивной распашке. Многие сооружения были разрушены. Памятник состоит из разнотипных и разновременных конструкций. К афанасьевской культуре отнесены 22 ограды из вертикально поставленных плит и одна оградка-стенка. Ограды из ВПП группируются в скопления в разных частях памятника. В 1979–1980 гг. археологическим отрядом АГУ под руководством С.В. Цыба и В.Н. Владимирова раскопано 2 ограды из вертикально поставленных, размерами 2,6х3,0 м и 4,4 м, забутованные камнем в 2–4 слоя. Могильные ямы были перекрыты плитами или деревом. Погребения совершены на глубине 0,72 и 0,78 м от материка. Умершие похоронены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З или ЮЗ. В ограде 1 похоронен мужчина 25–35 лет (определения С.С. Тур), вокруг которого сохранились остатки растительных волокон. Инвентаря не было, но под плечевой костью правой руки и под правой лопаткой находилось пятно охры мощностью 3–4 см. Погребенный в могиле ограды 2 густо посыпан охрой. Из инвентаря найдены глиняные сосуды и их обломки. Один сосуд шаровидный с округлым дном.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 25–26, 32–34.

43. Третий Межелик, могильник (рис. 6 -2)

В 1980 г. обследован С.В. Цыбом. Могильник расположен в 2–2,5 км к ЮВ от с. Ело у юго-восточного подножия скальной возвышенности Третий Межелик. С восточной стороны могильное поле ограничено возвышенностью Третий Межелик, с ЮЗ и З – отрогами хребта. В направлении к С могильное поле переходит в долину Верхний Тюмечин, которую с З ограждают Первый, Второй и Третий Межелики, а с В отроги горного хребта. Могильное поле переходит в пологий перевал, ведущий из

южной части долины Верхний Тюмечин в долину р. Каерлык. Могильные сооружения представлены двумя типами разновременных конструкций. К афанасьевской культуре относятся 8 оград круглой формы из вертикально поставленных плит. Они группируются в центральной и западной части могильника. В центральной части сооружений из-под дерна прослеживаются камни. Диаметр оград от 2 до 16 м. Плиты возвышаются над современной поверхностью на 0,03–0,88 м. Две ограды, расположенные в центральной части могильника, разрушены и расплылись в северную сторону, одна имеет западину глубиной до 0,6 м. Раскопок не проводилось.

В 1977–1978 гг., по-видимому, этот же памятник обследован В.А. Посредниковым (Третий Межелик-1), т.к. основные географические координаты совпадают (расположен в 2–2,5 км юго-восточнее с. Ело, под восточным склоном скального возвышения Третий Межелик, в 100 м от его подножия). Зафиксировано около десяти отдельно стоящих круглых оград из вертикально поставленных на ребро гнейсовых плит. Ограды протянулись с запада на восток примерно на 300 м.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 28.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 25–26, 32–34.

44. Туэкта, могильник (рис. 7 -3)

В 1935 г. А.Т. Кузнецовой на р. Урсул, у *с. Туяхта*, по дороге в с. Каракол раскопано погребение афанасьевской культуры. Каменная насыпь диаметром 8–10 м, высотой 0,5 м. На глубине 1,4 м находилось нарушенное погребение мужчины, с круглым отверстием в теменной кости в возрасте, приближающемся к старческому. При погребенном найден орнаментированный яйцевидный остродонный сосуд. Орнамент нанесен по всей поверхности изделия гребенчатым штампом со слабовыраженными зубцами шаганием с прокатыванием (качалка). Ряды оттисков составляют елочку. На шейке имеется валик, орнаментированный накалыванием (насечками).

Сосуд хранится в Государственном Эрмитаже.

Архив ИИМК, ф. 42, д. 92.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 32.

45. Улита, могильник (рис. 34 -5–8)

В 1986 г. археологической экспедицией АГУ в 4–5 км южнее с. Ело, на левом берегу р. Улита, раскопана ограда, в которой обнаружено две могилы, одна из них афанасьевской культуры, вторая – эпохи бронзы. Ограда составлена из вертикально вкопанных в землю каменных плит, представляла собой круглый кромлех диаметром до 5 м. С северо-восточной стороны пристроен прямоугольный каменный ящик, который не имел торцевых стенок, перекрытие его было разрушено и провалилось внутрь ящика. Поскольку череп разрушен камнями, составляющими кладку внутренней части ограды, авторы раскопок предположили, что сооружение ящика по времени предшествовало сооружению ограды. Внутри ограды, под слоем мелкого камня, обнаружена 3–4-слойная закладка всей площади конструкции крупными каменными плитами. Под плитами находились две могильные ямы овальной формы, ориентированные длинной осью по линии ЮЗ–СВ, расположенные параллельно друг другу: первая – в юго-восточной части ограды, вторая – у северо-западной ее стенки. Обе могилы были потревожены грабителями. Во второй могиле сохранились отдельные кости человека, фрагменты афанасьевского сосуда со своеобразным орнаментом и изделие из камня. Расположение могил предполагает их одновременность и, по-видимому, ограда сразу планировалась для двух могил, одна из которых предназначалась для представителя афанасьевской культуры.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 57–59.

Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3. С. 22–28.

46. Урмулык-I, могильник (рис. 35)

Расположен в 2 км к ЮЮЗ от с. Теньга на правой надпойменной террасе р. Урсул, в 150 м к ЮВ от могильника Теньга-II. Включает более 40 разновременных объектов. В 1981 г. экспедицией ГАНИИИЯЛ совместно с экспедицией ИА АН СССР раскопано 5 объектов, в т.ч. 3 афанасьевские ограды из вертикально поставленных плит и 1 вымостка с групповым двухъярусным захоронением, датировка которого предположительно определена II тыс. до н.э. Один объект, по-видимому, был ритуальным, в другом могила разграблена, а инвентарь (керамика, нож, кирки (?), астрагалы) найден в ограде и за ее пределами. В ограде 3 умерший уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ.

Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 19–25.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.

47. Урсул

В 1927 г. на р. Урсул Л.П. Потаповым раскопано погребение. Череп найден при обвале берега на глубине 2 м. Скелет человека лежал на слое галечника и песка и был перекрыт каменной насыпью. Череп лицевой частью повернут на ЮЗ. Кости и череп окрашены красной краской. Скелет был обложен лиственничной корой. М.Д. Хлобыстина упоминает, что при костяке находились медные украшения: спиральные височные кольца и пластинки. Однако в архиве Г.П. Сосновского нет упоминания о подобных находках. В монографии Л.П. Потапова говорится, что в погребениях на р. Урсул были найдены медные украшения: спиральные височные кольца, пластинки. Однако Л.П. Потапов, по-видимому, имел в виду не только раскопанное им погребение, но и могильник Курота-2, который расположен в 1,5 км от устья р. Урсул, и где были найдены медные проволочные височные кольца.

Архив Г.П. Сосновского. ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 18.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 58.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 44, 57.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–34.

Чемальский район

48. Айбарка, поселение

Находится на правом берегу р. Узнезя, на мысовидном выступе террасы, в 1,5 км от с. Узнезя по дороге в с. Бешпельтир, в 0,4 км к ЮЗ от лога Айбарка и поселения Узнезя-1. Найдено несколько фрагментов керамики афанасьевской культуры. Раскопок не проводилось.

Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 63.

49. Айрыдаш-1, могильник (рис. 39 -1–4, 6)

Расположен на правом берегу р. Катунь, в 3 км к ЮВ от с. Куюс. Состоит в основном из объектов эпохи раннего железа и древнетюркского времени. В 1980-е гг. экспедицией ГАНИИИЯЛ раскопано 223 разновременных объекта, в т.ч. 2 сооружения, отнесенных к афанасьевской культуре. В 2012 г. обследование памятника с целью уточнения его современного состояния проведено В.И. Соёновым. Географические координаты N – 51°00'084", E – 086°14'576"; N – 50°59'890", E – 086°15'108".

Объекты различаются по ряду признаков. Курган 84 представлял собой насыпь из рваных камней и валунов диаметром 7,4 м. Могильная яма подквадратной формы размерами 1,76х1,6 м, глубиной 1 м от погребенной почвы. Погребение нарушено. Умерший был похоронен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой, по-видимому, на З. Неподалеку от черепа обнаружен кусок охры. Объект 15 выделяется тем, что насыпи не было, но возле погребения находились обломки стелы, установленной первоначально вертикально. Сохранившаяся ее нижняя часть имеет высоту 1,5 м и вкопана в материк. Погребенный лежал на спине, ноги подогнуты и поставлены коленями вверх, головой на ЮЗ. Скелет густо посыпан охрой. В ногах найден медный черешковый нож. Подобные ножи редки для афанасьевской культуры. Известны 2 похожие находки на могильниках Урмулык, Элекманар. Двулезвийные ножи с листовидной формой клинка близки ножам из погребений северокавказской культуры, известны в новосвободенских дольменах и позднеямных памятниках степной полосы (Гей, 2000, с. 151). Они появляются у племен ямной культуры во второй половине III тыс. до н.э. и прочно входят в обиход степных племен вплоть до конца бронзового века (Кореневский, 1978, с. 41–44, 46).

Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 13–14, 18–19.

Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 22–24.

Соёнов В.И., Суразаков А.С. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности комплексов эпохи бронзы могильника Айрыдаш I // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 9–20.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–4, рис. 1.

50. Аскат-2, поселение

Расположено близ пос. Аскат на высокой правобережной террасе р. Катунь. Поселение многослойное, часть находок относится к афанасьевской культуре. Памятник открыт в 1985 г. П.И. Шульгой. В 1988 г. на поселении вскрыто 212 кв. м, в 2011 г. проведено обследование с целью уточнения географических координат и его современного состояния (высота над уровнем моря 371 м, N 51º32.232', E 85º55.722).

Шульга П.И. Раскопки «Скифского» поселения Аскат-II на Ср. Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 64.

51. Барантал-1, могильник (рис. 51 -3)

Находится к северу от с. Чемал, на склоне высокой катунской террасы, неподалеку от устья рч. Толгаек, в урочище Барантал. В 1990 г. разрушен небольшой каменный курган, в котором на глубине 40 см был похоронен взрослый человек в скорченном положении. В районе пояса были обнаружены 2 выгнутые бронзовые (?) пластинки с пуансонным орнаментом. По краям предмета нанесено несколько отверстий, в два из которых была вставлена медная(?) пластинчатая скобка.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 90, рис. 6–4.

52а. Кара-Тенеш, могильник

В 1978 г. раскопан 1 афанасьевский курган. Материалы не опубликованы.

Окладников А.П., Погожева А.П., Молодин В.И. Работы в Горном Алтае // АО 1978 года. 1979. С. 262.

52. Кара-Тенеш, поселение (рис. 36–38)

Находится в урочище Кара-Тенеш, в 6,5 км от с. Куюс, вверх по рч. Нижний Куюс, левому притоку р. Катунь. Урочище представляет собой небольшую (около 1 км в диаметре) горную лощину, которую с востока на запад пересекает Н. Куюс. Центральная часть лощины занята болотом, по краям которого возвышаются отдельные мысы и скальные выходы. В южной части урочища возвышается на 7 м над уровнем окружавшего болота небольшой треугольный мыс, ориентированный оконечностью на северо-запад, который был перерезан у основания селем в 1972 г. По обрезу промоины под дерном четко выражен культурный слой, содержащий кости, керамику, кремень, уголь и крупные скопления камней. Школьник из пос. Куюс Айдар Олонев в 1972 г. в стенке промоины нашел полированный каменный проушной топор, который был передан в Горно-Алтайский краеведческий музей. В 1974 г. директор Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадиков собрал подъемный материал, в т.ч. керамику афанасьевского облика. 1978–1980 гг. работы на поселении Кара-Тенеш проводил Горно-Алтайский разведывательный отряд Северо-Азиатской экспедиции под руководством А.П. Погожевой. В 2012 г. В.И. Соёновым проведено обследование современного состояния памятника и уточнены географические координаты (N – 51°04'288", E – 086°29'899"; N – 51°04'357", E – 086°29'981").

В 1978–1980 гг. на памятнике вскрыто около 700 кв. м. Поселение многослойное, практически нестратифицированное. Оно включает материалы эпохи верхнего палеолита, афанасьевской культуры, развитой и поздней бронзы, раннего железного века, средневековья X–XII вв. и этнографический материал. Около 80% находок афанасьевской культуры залегало на уровне 3–4 штыков (уровень 4-го штыка – граница гумусного слоя и подстилающего его глинистого суглинка). В раскопе II прослежены остатки двух углубленных жилищ с очагами, выложенными камнем. На этом уровне, в т.ч. и в очагах, встречены фрагменты афанасьевской керамики. По углю из очага эпохи ранней бронзы, получена радиоуглеродная дата – 4290±20.

Керамика. Сосуды различаются формой и размерами. Крупные корчаги составляют около 50% находок. Остальные сосуды яйцевидной формы с острым дном с высоким венчиком. Фрагменты курильниц на невысоком сплошном поддоне составляют 2% находок. На одной из курильниц на внутренней поверхности, на другой на поддоне, обнаружена охра. А.А. Бобринским проведен технико-технологический анализ состава формовочных масс нескольких фрагментов керамики. Установлено, что использовалась ожелезненная глина с песком конгломератного состава (сланец, кварц, талькосодержащие вещества), добавлена в концентрации 1:4 дресва конгломератной породы, формовочная масса замешана на навозе жвачных животных. Изредка добавлялся шамот.

Орнамент, чаще всего, составляют горизонтальные ряды елочки из оттисков мелкозубчатого штампа, и горизонтальные ряды качалки. По верхней части некоторых изделий проходит фриз из шевронов с орнаментом внутри них. Реже тулово разделено прочерченными линиями на крупные треугольные зоны. Венчик, как правило, украшен вертикальным заглаживанием, поверх которого могут быть нанесены ряды вдавлений; вертикальными иди косыми оттисками гребенчатых инструментов, горизонтальной елочкой. Узор может состоять из зон, внутри которых оттиски гребенчатого штампа. По краю венчика в 1/3 случаев имеются косые насечки. Впечатление сложной богатой орнаментации создает сочетание отпечатков нескольких орнаментиров на одном сосуде, например, мелко- и крупнозубчатых. Часто поверхность заглаживалась зубчатым штампом, затем наносился елочный узор, поверх него ряды редких насечек. Помимо разнообразных комбинаций оттисков зубчатых штампов, широко использованы прочерченные линии.

К афанасьевской культуре (энеолитическому времени) отнесены каменные орудия из нижней части голоценового слоя, соответствующего основному массиву залегания керамики, а также найденные в непосредственной близости к афанасьевским очагам, развалам сосудов, в жилищах. Большинство орудий сделаны из плитняка и галечника. Оба вида сырья в изобилии находятся в долине Кара-Тенеш. Плитки твердых диабазов и базальтов, судя по ячеистой сработанности, служили наковаленками для

оббивания и раскалывания камня и кости. Продольные следы сработанности на других указывают на их использование для растирания достаточно твердых материалов. Представляют интерес шаровидные каменные ядра из кварцита и диорита диаметром от 6 до 9 см (5 экз.). Они сработаны (уплощены) с одной или нескольких сторон. Судя по характеру сработанности, они могли служить и ударным орудием и терочником. На одном подобном орудии подтреугольной конфигурации видны глубокие следы ударов, и эта же поверхность ярко окрашена охрой. Широко использовались овальные плоские гальки, рабочей поверхностью которых служили оба конца и иногда ребро. На концах отмечены следы ударов, на ребрах – трения. Крупные цилиндрические гальки служили пестами. Использовался наиболее широкий конец, который бывает сработан до плоской поверхности. Найдены гальки, подработанные крупными сколами, встречается много галечных отщепов. Мелкие удлиненно-овальные гальки, стертые по плоским поверхностям, служили точильными камнями. Четкие продольные следы сработанности хорошо видны на аморфном подтреугольном в сечении камне. Рабочая поверхность его слегка вогнута, край приострен, он мог быть использован как скобель для снятия коры и других работ с деревом. Зеленокаменные и желто-розовые глинистые сланцевые пластины послужили материалом для больших грубых ножей с подработанными иногда крупной ретушью лезвиями, с округлыми или приостренными концами (6 экз.). Кроме того, найдены 3 обломка тонких сланцевых пластин с процарапанным рисунком. Из сланца изготовлены диски с просверленными в центре отверстиями, назначение которых не ясно. В голоценовом слое, кроме отщепов, встречались тонкоотретушированные концевые скребки, обломки ножевидных пластин, нуклевидные орудия, микропластины, наконечники стрел с выемкой у основания. Поскольку голоценовый слой подстилается слоем с верхнепалеолитическим материалом во многих местах без стерильной прослойки, а палеолитический слой во многих местах был нарушен перекопами, то хронологическая принадлежность кремневого материала определена предварительно**.** По мнению А.П. Погожевой, афанасьевское население могло переиспользовать палеолитические орудия.

Орудия из рога, кости и металла. К афанасьевской культуре могут относиться поделки из отростков рогов марала и косули. На уровне 3-го и 4-го штыка найдены два раздвоенных рога марала со следами сработанности на концах отростков, крупные обломки основания рога со следами среза отростков либо с заполированностью корневой части, рога косули со следами среза отростков, рога быка, полые внутри, срезанные с одного или двух концов, часть нижней челюсти марала с заполированным нижним ребром, трубчатая кость крупной птицы с поперечными насечками. В нижней части голоценового слоя найдены несколько просверленных клыков марала. Очевидно, из отростков рогов марала и косули могли заготавливаться удобные рукоятки для орудий труда, кость использовалась для заглаживания и заполировки сравнительно мягких материалов. К афанасьевским могут быть отнесены два медных? шила (проколки?) простых форм со следами проковки, найденных в нижней части слоя с афанасьевской керамикой. В средней части шилья квадратные в сечении, ближе к острию – круглые. Одно из них уплощено в верхней части и имеет в сечении форму вытянутого прямоугольника.

Остеологический материал: Хронологическая привязка костей рассматривалась только по глубине залегания. Наиболее достоверная привязка – 4-й штык, слой расположен между черным гумусом и подстилающим его желтым суглинком. С этим слоем связан следующий остеологический материал: домашняя овца – коза – 19 особей; собака – 3 особи; лошадь – 2 особи; крупный рогатый скот – 3 особи; дикий кабан – 1 особь; марал – 4 особи; косуля – 3 особи; барсук – 1 особь; сурок – 1 особь. Основное место в мясном рационе афанасьевского населения занимал домашний скот, в первую очередь, овца. Кости рыб и предметы, относящиеся к рыболовной снасти, не найдены.

Коллекция хранится в ИАЭТ СО РАН.

Окладников А.П., Погожева А.П., Молодин В.И. Работы в Горном Алтае // АО 1978 года. 1979. С. 261–262.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. С. 207–232.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 199–216.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 92–98.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. С. 18–24, 154–158, 162, 169–176.

53. Кор-Кобы-I (он же Кор-Кобы и могильник в устье р. Карбан) (рис. 39 -5, 7–12; 40)

Расположен на левой надпойменной террасе р. Катунь, в 1,5–1,7 км к СЗ от с. Куюс. Исследования проводились отрядом Горно-Алтайского областного краеведческого музея и экспедицией ГАНИИИЯЛ. В 1984 и 1989 гг. раскопано 4 объекта, в т.ч. один ритуальный. Надмогильные конструкции различаются между собой: в кургане 1 прослежено кольцо из вертикально поставленных каменных плит или блоков, укрепленных снаружи и изнутри окатанными валунами, и кольцо из рваных камней; в кургане 6 сооружена

крепида из крупных камней; в кургане 9 – крепида из камней, уложенных в 2–3 слоя. На трех объектах прослежена насыпь. К ЮВ от кургана 6 находилась выкладка. Размеры конструкций от 5,5х4,5 м до 8,8х8,3 м. Перекрытие могилы плитами отмечено только на одном объекте (курган 6). В кургане 1 было впускное погребение раннескифского времени. Все захоронения одиночные. В могиле кургана 1, ниже грудной клетки погребенного, лежали кости мелкого животного, у правой берцовой кости стояла курильница. Умерший уложен головой на ЮЗЗ, на спине, ноги, возможно, слегка были подогнуты вверх коленями, окрашен охрой. Ноги погребенного из кургана 6 первоначально были в положении коленями вверх. Головой он, вероятно, был ориентирован на СВ, частично окрашен охрой. На дне ямы обнаружена лопатка барана и жезл длиной около 30 см. Курган 9, по мнению авторов раскопок, выделяется по конструкции тем, что имеет оформленную насыпь с крепидой по окружности, характерной для раннескифского времени. Умерший был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З. В могиле найдено 2 сосуда (яйцевидный остродонный и плоскодонный нижнетюмечинского типа), жезл и пронизи из метеоритного железа.

Керамика. На памятнике найдено 3 сосуда: курильница с 26 налепами (10 в нижнем ряду и 16 в верхнем) и двумя ушками со сквозными отверстиями, плоскодонный и остродонный. Опубликованы рисунки придонной части плоскодонного сосуда и курильницы. Об остродонном сосуде известно, что он светло-коричневого цвета, украшен елочным орнаментом и отпечатками инструмента, похожими на ложношнуровой орнамент.

Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Каширин А. Исследование в долине Кызык-Телань // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 40.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катуни // Проблемы изучения древней и средневековой истории горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 6–9.

Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 21–22, рис. 4; 5.

54. Королой, поселение

Находится вверх по р. Куюм, неподалеку от с. Нижний Куюм, выше впадения рч. Королой в р. Куюм, в месте, где река делает крутой поворот, образуя петлю. Произведена зачистка стенки оврага и заложен раскоп (12 кв. м). Поселение многослойное, часть фрагментов керамики отнесена к афанасьевской культуре.

Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Работы Горно-Алтайской автономной области // АО 1986 г. М., 1988. С. 251.

Чевалков Л.М. Древние поселения долины реки Куюм // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 45–52.

55. Кызык-Телань-I, могильник (рис. 41)

Расположен на правой надпойменной террасе р. Катунь, в 7 км к ЮВ от с. Куюс. Экспедицией ГАНИИИЯЛ в 1988–1989 гг. раскопано 3 объекта. В 2012 г. В.И. Соёновым проведено обследование памятника с целью уточнения географических координат (N – 50°58'217", E – 086°16'476"; N – 50°58'005", E – 086°16'832"). Могильник разновременный. Афанасьевские курганы вытянуты цепочкой по линии СЗ–ЮВ. К кургану 31 с СВ пристроен объект, в котором не было захоронения.

Курганы 31 и 33 представляли собой сплошную насыпь из мелкого рваного камня и галечника в центре, прослеживались крепидные кольца из крупных скальных обломков в 3–4 слоя, уложенных поперек. Размеры крепидных колец 12х11,4 м и 6,4х6,7 м. В кургане 31 погребен человек, уложенный на спину с подогнутыми вверх ногами, головой на запад, частично окрашенный охрой. Из инвентаря найдены пест и 2 сосуда шаровидной формы. В кургане 33 умерший похоронен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. В могиле обнаружено костяное изделие из рога и развал остродонного сосуда. Курганы имеют не характерную для афанасьевской культуры насыпь, между собой их сближают и крепиды в основании надмогильной конструкции. Ориентация погребенного на СВ характерна для куротинского типа захоронений. В целом сооружения относятся к объектам со смешанными признаками и близки куротинскому типу погребений.

При подготовке материалов к публикации выяснилось, что сосуд, на который дается ссылка, что он найден в кургане 33 (Ларин, 1990, рис. VIII -1), хранится в Республиканском краеведческом музее им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске. Шифр указывает на то, что он из могильника Кор-Кобы, а из могильника Кызык-Телань-1 происходит другой остродонный сосуд. Оба сосуда не выделяются среди афанасьевских (рис. 39 -10).

Каширин А. Исследование в долине Кызык-Телань // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 39.

Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 3–6.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 231 с.

56. Малый Дуган, поселение (рис. 42; 43)

Находится напротив Усть-Куюмского могильника и поселения, на правом берегу р. Куюм, в 0,4–0,5 км от устья р. Куюм, к западу от лога Малый Дуган по дороге в с. Верх. Куюм. Поселение расположено на надпойменной террасе, с ЮВ и ЮЗ ограниченной р. Куюм, с севера – горой. Терраса с ЮЗ стороны имеет пологий спуск к реке, а к северу переходит в подножие горы. Открыто в 1987 г. Н.Ф. Степановой. В 1987–1990 гг. на памятнике вскрыто 934 кв. м. Обследование современного состояния памятника проведено в 2009 и 2011 гг. Выяснилось, что он подвергается разрушениям и частично уже уничтожен дорогами и постройками домиков для туристов.

Поселение многослойное, находки датируются от эпохи неолита до средневековья. Основное количество находок составляет керамика афанасьевской культуры. Культурный слой неолита в северной части раскопа перекрыт стерильной прослойкой. Остальные слои нарушены, что связано с разными причинами, в т.ч. топографией памятника, обильными осадками в этом районе, в результате которых происходит вымывание почвы; с деятельностью человека (перекопы, траншеи и т.д.). Разные участки памятника пострадали в различной степени, в нижней части культурного слоя, как правило, следы антропогенного воздействия слабее. В южной части раскопа, находившегося неподалеку от кромки берега, культурный слой составлял 15–20 см, в северной – около 100 см. В северной части под дерном имеется переотложенный слой почвы без находок, мощность которого возрастает при удалении от реки.

На поселении выявлено более десятка очагов, прокалов и ям. В одной яме (диаметром около 1 м) обнаружены фрагменты афанасьевских сосудов, в т.ч. курильницы, кости животных. В остальных ямах находок, как правило, не было. Прокалы (диаметром от 20 до 80 см), расположены на разных уровнях, и не все могут быть соотнесены с афанасьевской культурой.

Очаги округлой формы, диаметром 1,05–1,2 м, оконтурены небольшими плитками или камнями, расположены на расстоянии от 2 до 4 м один от другого в направлении с СЗ на ЮВ. Они находятся в нижней части культурного слоя, связанного с эпохой металла, по конструкции аналогичны афанасьевским очагам с поселений Балыктыюль, Узнезя-1, Кара-Тенеш, но на Малом Дугане, в отличие от Узнези-1 и Балыктыюля, возле них нет вкопанных в материк остродонных горшков.

На поселении Малый Дуган, как и на Узнезе-1, отмечено наличие мелких и средних рваных камней, которые не составляют никаких конструкций и вряд ли были принесены человеком. Зафиксировано, что под скоплениями этих камней и непосредственно на них находятся фрагменты афанасьевской керамики. Создается впечатление, что имело место стихийное бедствие, в результате которого часть камней оказалась на поселениях или была смещена со своего первоначального местоположения. Предположение, что во время проживания афанасьевцев на Средней Катуни произошло землетрясение, высказано М.Т. Абдулганеевым и О.В. Лариным по результатам исследования могильника Бойтыгем-2 (Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 26).

Находки представлены керамикой, изделиями из камня, костями животных, реже предметами из металла. Поскольку стратиграфия на памятнике нарушена, проведен анализ рассеивания фрагментов керамики разных эпох. Удалось выявить, что керамика афанасьевской культуры найдена на всей площади раскопа, но под дерном и в верхних слоях ее меньше, чем в нижних, а находки большемысской культуры, эпохи бронзы привязаны к конкретным квадратам, эпохи раннего железа и средневековья к верхним слоям. Керамический комплекс афанасьевской культуры самый многочисленный и превышает все остальные в несколько раз.

Керамика. По предварительным подсчетам венчиков найдено не меньше, чем от 150 сосудов. Реконструировать изделия удалось частично, как правило, верхнюю часть. Между собой они различаются по форме, высоте венчиков, размерам в целом, орнаменту. Объем некоторых сосудов около 7 л. Небольшую часть коллекции составляют шаровидные (корчаги), а основную – яйцевидные изделия. Нельзя не отметить, что придонных частей и днищ сохранилось мало. Обнаружены фрагменты одного плоскодонного горшка. Отдельные изделия имеют толщину стенок более 1 см, что не характерно для афанасьевской керамики. Выделяется серия сосудов с тонкими стенками, толщиной менее 0,5 см, некоторые из них по орнаменту и форме полностью повторяют изделия с обычной толщиной стенок.

Сосуды украшались полностью, частично и иногда не орнаментированы совсем, аналогично посуде из погребальных комплексов. Тулово украшали иначе, чем венчики. Для венчиков характерен узор в виде треугольных зон или с наклоном оттисков в одну сторону, выполненный гребенчатым штампом. Отмечена и более сложная орнаментация. Тулово орнаментировали параллельными горизонтальными рядами отпечатков зубчатых штампов, наклоненных в одну сторону или составляющих елочку, в некоторых случаях прочерченными линиями или оттисками длиной до 0,5–0,7 см. Один сосуд нередко украшали разными инструментами и способами, что характерно для афанасьевской керамики. Орнаментиры различались длиной, шириной, формой рабочего края, формой и размерами зубцов. На афанасьевской керамике с Малого Дугана реже, чем в погребальных комплексах, встречаются отпечатки

инструментов с тонким рабочим краем и сравнительно много с подпрямоугольными зубцами размерами более 1,5х1,5 мм. В целом набор штампов с этого памятника разнообразен и не всегда имеет аналогии в погребальных комплексах. Орнамент наносился шаганием с прокатыванием (качалка), накалыванием, прокатыванием, протаскиванием, штампованием. Некоторые изделия имеют необычные для афанасьевской культуры элементы декора, например, налепной валик или жемчужины на шейке. Наличие подобного декора сближает их с керамикой поселений Узнезя-1 и Кара-Тенеш. В погребальных комплексах подобного орнамента пока не выявлено.

В целом, коллекция керамики с поселения Малый Дуган имеет сходство по всем основным признакам (форма сосудов, способы нанесения и композиционное построение орнамента и т.д.) с керамикой из погребальных и поселенческих комплексов. Одним из отличий от керамики из могильников является более разнообразный набор инструментов для нанесения орнамента, некоторые элементы декора (налепной валик, жемчужины), высокий процент орнаментации венчиков треугольными зонами. Наряду с обычными, применялись инструменты с крупными прямоугольными редкопоставленными зубцами и, по-видимому, изогнутым рабочим краем. Разнообразие инструментов свидетельствует о том, что посуду изготавливали несколько гончаров, а особенности в технологии изготовления керамики и орнаментации о разных культурных и этнографических традициях. Судя по количеству сосудов (раскопана незначительная часть террасы), есть основания считать, что их было, как минимум, в 2 раза больше). Сравнительный анализ керамики поселений Малый Дуган, Узнезя-1, Кара-Тенеш позволяет утверждать, что население контактировало, и эти памятники функционировали в один промежуток времени. Выявленные различия в орнаментации керамики, по-видимому, отражают сложные этнокультурные процессы в этот период. Орнамент «качалка», выполненный, как традиционными, так и необычными инструментами, имеет полные аналогии в погребальных комплексах Горного Алтая и Енисея.

Каменная индустрия. Изучение каменной индустрии памятника привело А.Л. Кунгурова к выводу об отсутствии у афанасьевского населения выразительного комплекса первичного расщепления, примитивность и грубость вторичной обработки, появление новых технологий модификации сырья и орудийного набора, не имеющих местных истоков, по его мнению, подчеркивают инородность афанасьевской индустрии.

Остеологические материалы исследованы П.А. Косинцевым, который отмечает, что на Малом Дугане, как и на поселениях Кара-Тенеш, Нижняя Соору, Балыктыюль, доминируют остатки домашних животных.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ, материалы частично опубликованы.

Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 129–132.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия многослойного поселения Малый Дуган (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 113–148.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 73–86.

Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997а. С. 113–116.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Малый Дуган: материалы к своду памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблема археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года. Т. XVII. Новосибирск, 2011. С. 233–238.

Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А. Новые материалы эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 37–39.

Степанова Н.Ф., ***Соёнов В.И.*** Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.

57. Нижнетыткескенская пещера-I (рис. 44)

Исследована полностью археологической экспедицией АГУ в 1991–1992 гг. Находится в устьевой зоне р. Тыткескень, левого притока р. Катунь. Карстовая полость заложена в известняковом массиве на высоте 400 м над уровнем моря (130 м от уреза р. Катунь). Тип пещеры горизонтальный, площадь рыхлых отложений составляет около 25 кв. м. Подход к пещере есть только с западной стороны, с восточной имеется карниз, позволяющий подняться выше. Площадки перед пещерой практически нет, предвходовая часть представляет собой крутой склон длиной 3–4 м. Памятник разновременный. Афанасьевский культурный слой залегал в нижнем гумусовом горизонте и в кровле лесовидной супеси. К афанасьевской культуре относятся 2 очага, 150 фрагментов керамики не менее чем от 30 сосудов, 2 песта, отщепы и обломки костей животных. Для керамики характерна поврежденная поверхность и окатанность краев, что затрудняет реконструкцию сосудов. Изучение керамики, в т.ч. технико-технологический анализ, поз-

волило сделать вывод, что пещера посещалась афанасьевским населением неоднократно. Керамика не выделяется среди афанасьевской. Отмечается особое сходство орнаментальных традиций с находками с Узнези-1, Малого Дугана и могильника Усть-Куюмский.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. 150 с.

58. Партизанская Катушка, поселение

Расположено в 1 км к северо-западу от с. Узнезя. Открыто П.И. Шульгой, в 2011 г. осмотрено им с целью уточнения географических координат (высота над уровнем моря 369 м, N 51º32.144', E 85º55.174) и современного состояния. В 1988 г. П.И. Шульгой на памятнике вскрыто 300 кв. м. Поселение многослойное. Наиболее ранние находки относятся к афанасьевской культуре.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146–164.

59. Тогусхан-4, могильник (рис. 52 -1–3)

Открыт в 1983 г. археологическим отрядом Алтайского госуниверситета во время обследования зоны затопления планируемой Катунской ГЭС. Находится в 0,5 км к Ю от устья рч. Тогусхан на высокой надпойменной террасе правого берега р. Катунь. Памятник разновременный. Из 12 объектов, раскопанных в 1989 г. экспедицией АГУ, к афанасьевской культуре относятся 3 ограды, расположенные цепочкой, ориентированной с СЗ на ЮВ. Ограды, диаметром от 2,3 до 3,1х3,4 м, сооружены из вертикально поставленных плит, забутованы камнями. В центре надмогильных конструкций находились могильные ямы размерами от 0,68х1,28 до 1,24х1,79 м, глубиной от 1,24 до 2,09 м. Все погребения одиночные. Умершие были уложены на спине с согнутыми в коленях ногами головой на СЗ и СВ. Одно погребение нарушено, в другом следов ограбления не зафиксировано, но отсутствовала часть костей, в т.ч. череп. Из инвентаря найден остродонный сосуд и изделие из рога.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Афанасьевский могильник Тогусхан 4 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 19–22.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.

60. Тыткескень-6, могильник (рис. 45)

Находится на левом берегу р. Катунь и левом берегу р. Тыткескень, в устье р. Тыткескень. Открыт в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым. В 1988–1993 и 2006 гг. на памятнике археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета раскопано более 100 разновременных объектов, в т.ч. 2 погребения афанасьевской культуры.

Надмогильные конструкции небольших размеров – 2,7х2,2 и 2,5 м. Сохранились остатки колец из камней, однако определить тип конструкций сложно. Остатков перекрытий не зафиксировано, но в одном случае прослежены уступы. Могильные ямы сужались ко дну, глубина их 1,17 и 1,3 м. Погребения одиночные (подросток, пол и возраст второго не определен). Умершие похоронены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З и В, окрашены охрой. В одном захоронении найдены 3 небольшие пронизи из птичьих костей и на уступе тесло, в другом остродонный сосуд, который выделяется среди афанасьевских толщиной стенок, весом и по другим признакам.

Объект №61 выделяется среди афанасьевских надмогильной конструкцией, находками каменного тесла и пронизей, объект №95 – ориентацией умершего на В и сосудом. Это погребение соответствует по некоторым признакам захоронениям куротинского типа и может быть отнесено к группе со смешанными признаками. Для объекта №95 получены две радиоуглеродные даты: SOAN-7474 – 4295±85 и SOAN-6761 – 4250±110.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. С. 60–61, рис. 28 -1, 2; 30; 31.

61. Узнезя-I, поселение (рис. 46)

Расположено в 1,5–2 км от с. Узнезя, на левом берегу р. Узнезя, на мысовидном выступе, возвышающемся над поймой реки на 10 м. Мыс ограничен с С и Ю поймой, с З – рекой, с В – подошвой горы. Ранее памятник подвергался разрушению распашкой, дорогой и двумя ручьями, которые протекают здесь во время таяния снегов и сильных дождей. В настоящее время используется как зона отдыха туристами. Открыто в 1980 г. Н.Ф. Степановой. В 1985–1989 гг. археологическим отрядом Алтайского госуниверситета на памятнике вскрыто 1432 кв. м, что составляет около 1/4 всей площади.

Поселение многослойное, стратиграфия нарушена. Большая часть находок относится к афанасьевской культуре, меньшая – к эпохе раннего железа, отдельные предметы – к эпохе средневековья. Памятник выделяется тем, что культурные слои афанасьевской культуры и раннего железа на большей части памятника не перекрывают друг друга. Распределение находок по слоям неравномерное. В дерне их немного (невыразительные фрагменты керамики, кости животных), основное количество сосредоточено на 3–5 слоях. Наименее потревожена нижняя часть культурного слоя, где обнаружены сосуды афанасьевской культуры, вкопанные в материк неподалеку от очагов. В центральной части раскопа находок было мало, в восточной больше, чем в западной, но ближе к подножию горы их количество уменьшилось в несколько раз. На большей части раскопа находились камни и скопления камней. Нередко основание камней располагалось в материке, а вершина – в нижней части культурного слоя. Нахождение их на поселении, как и на поселении Малый Дуган, не связано с деятельностью человека.

На вскрытой площади зафиксированы 6 очагов, 7 прокалов, 1 угольное пятно, зольник, относящихся к афанасьевской культуре. Очаги оконтурены небольшими плитками и камнями. Три очага и один прокал выявлены в северной части раскопа в нескольких метрах от края мыса. Минимальное расстояние между очагами около 6 м. Остатков жилищ вокруг них не обнаружено.

Очаги подовальной формы размерами от 1,0х0,9 м до 1,2х0,9 м, прокал составляет 5–18 см, золы не было. В прокале очага 2 найдены обожженные косточки животных, в т.ч. косули (определения А.В. Гальченко). К СЗ от него находилось 2 остродонных сосуда, помещенные один в один, заглубленных в материк на 20 см. От первого сохранилось дно и придонная часть, фрагменты венчика и тулова, у второго отсутствовала верхняя часть. С южной стороны очага 1 лежала плита, к В от нее – крупный камень, неподалеку точильный камень и пест. К Ю от очага 3 находился сосуд без венчика и дна, вкопанный на 13 см в материк, к ЮВ – пест-колотушка. Очаг 4 частично перекрыт камнями, под которыми обнаружен развал крупного сосуда и кости животных (фрагменты этого сосуда располагались и возле очага). С СВ стороны находился крупный камень, в 30 см к ЮЮВ зольник. *Очаг 6* поврежден и оконтурен плитками не полностью.

К афанасьевской культуре относится керамика, песты, точильные камни, скребки, нуклеусы, в т.ч. галечные, нуклеус-наковаленка, отбойники, невыразительные отщепы аморфной формы, кости животных, которых найдено сравнительно мало. Афанасьевская керамика составляет наиболее многочисленную категорию находок.

Керамика. Обнаружены фрагменты и развалы более 100 сосудов. Между собой изделия различаются по орнаменту, форме, высоте венчиков, размерам в целом (объем некоторых из них около 10 л). Небольшую часть коллекции представляют шаровидные, а основную – яйцевидные сосуды. Придонных частей и днищ найдено немного, в основном от остродонных изделий и от одного плоскодонного горшка. Выделяется группа сосудов с тонкими стенками, толщиной менее 0,5 см. Изделия украшались полностью и частично, реже не орнаментированы совсем. Для венчиков характерен узор в виде треугольных зон или с наклоном оттисков в одну сторону, нанесенный гребенчатым штампом. Изредка они украшались качалкой, рядами отпечатков, составляющих елочку, зигзаг или треугольники, выполненные протаскиванием инструмента и др. Тулово орнаментировали параллельными горизонтальными рядами оттисков гребенчатых штампов, наклоненных в одну сторону или составляющих елочку, в некоторых случаях прочерченными линиями. Иногда сосуд украшали разными инструментами и способами, что характерно для афанасьевской керамики. Для нанесения орнамента использовались зубчатые штампы, которые различались оформлением рабочего края (разная длина, ширина, форма и размеры зубцов и др.). Количество зубцов обычно свыше 15, а в отдельных случаях больше 40. На керамике с Узнези-1 реже, чем в погребальных комплексах, встречаются отпечатки орнаментиров с тонким рабочим краем. Один из венчиков украшен рядами горизонтальной качалки инструментом с мелкими зубцами объединенными в группы, рабочий край которого аналогичен орнаментиру из Сальдяра-1, к. 37 (рис. 30 -4). Орнамент наносился преимущественно шаганием с прокатыванием (качалка), реже прокатыванием, протаскиванием, накалыванием и другими способами. Некоторые изделия имеют необычные для афанасьевской культуры элементы декора, например, налепной валик или жемчужины на шейке. Как и на других памятниках, на поселении Узнезя-1 найдены сосуды, которые относятся к категории редких для афанасьевской культуры, например шаровидный сосуд, украшенный растительным орнаментом, выполненный протаскиванием однозубого инструмента, фрагменты сосудов с ушками, курильниц, сосуды, орнаментированные шаганием и шаганием с протаскиванием и др.

Объединяет поселения Узнезя-1, Малый Дуган, Балыктыюль, Кара-Тенеш, Подсинюшка аналогичные по конструкции и размерам очаги, Узнезю-1 и Балыктыюль – вкопанные в землю сосуды неподалеку от очагов (рис. 53 -1, 2). Вокруг очагов не прослежено котлованов, ям или иных следов жилищ. Вероятно, жилища были наземного типа. Керамические комплексы объединяют не только характерные для этой культуры признаки (форма сосудов, способы нанесения и композиционное построение ор-

намента и т.д.), но и необычные, например, с Малым Дуганом наличие жемчужин на шейке сосудов, сосудов с тонкими стенками, с Кара-Тенешем и Малым Дуганом налепных валиков на шейке и др. Одним из отличий от керамики из могильников является более разнообразный набор орнаментиров, некоторые элементы декора (налепной валик, жемчужины), использование инструментов с крупными прямоугольными редкопоставленными зубцами и более редкое применение штампов с тонким рабочим краем. Своеобразие керамического комплекса с Узнези-1 заключается и в том, что по сравнению с Малым Дуганом меньше сосудов с неорнаментированными венчиками и сосудов украшенных накалыванием, больше изделий с качалкой, выполненной разными инструментами. Особенности технологии изготовления и орнаментации керамики с поселения Узнезя-1 свидетельствуют о разных культурных традициях и о том, что посуду изготавливали разные гончары. Анализ керамических материалов поселений Малый Дуган, Узнезя-1, Кара-Тенеш позволяет утверждать, что эти памятники и большинство других функционировали в один промежуток времени, а население контактировало. Орнамент «качалка», выполненный, как традиционными, так и необычными способами и инструментами, имеет полные аналогии в погребальных комплексах Горного Алтая и на Енисее (Грязнов, 1999, рис. 10 -10; 11 -5, 10; Боковенко, Митяев, 2010, рис. 5 -4; и др.). Наличие других общих необычных черт (налепные валики или жемчужины на шейке, способы нанесения орнамента шаганием и шаганием с протаскиванием, качалкой, выполненной аналогичными инструментами и др.) на керамике с поселений из Горного Алтая и могильников с Енисея (Афанасьева Гора, Малиновый Лог и др.) свидетельствует об общих процессах на разных территориях, подтверждает одновременность функционирования памятников и контактов населения этих территорий.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ, материалы частично опубликованы.

Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 14–19.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 84–119.

Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I. С. 321–325.

Степанова Н.Ф. Разведка в Шебалинском районе Алтайского края // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 213.

Степанова Н.Ф. Работы в Шебалинском районе // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 283–284.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 19–26, 198–201.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Узнезя-1 в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012б. С. 278–282.

62. Узнезя-мост, поселение

Поселение находится в с. Узнезя, на правом берегу р. Узнезя, у моста. На разрушенной части террасы собраны фрагменты керамики эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья, а также изделия из камня.

Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 63, рис. 1.

63. Узнезя-школа, поселение

Поселение находится на высоком левом берегу р. Узнезя на территории школьного огорода. Собраны фрагменты керамики афанасьевской культуры и раннего железного века.

Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 63, рис. 1 -1.11.

64. Усть-Куюмский могильник (рис. 47; 48; 49; 50 -1–4)

Находится правом берегу р. Катунь, в устье р. Куюм, на ее левом берегу. Географические координаты восточной группы у дороги: высота над уровнем моря 372 м. N 51º29.807', E 85º58.304'. Это один из первых афанасьевских памятников, выявленных в Горном Алтае. Могильник обнаружен при прокладке тракта в с. Чемал. В 1932 г. научный сотрудник Ойрот-Туринского музея Г.П. Сергеев провел первое обследование могильника. Им было вскрыто 2 погребения афанасьевской культуры и заложен небольшой раскоп, позволивший высказать предположение о наличии стоянки. В 1936 г. Г.П. Сосновский и А.М. Виноградова, по поручению Эрмитажа, продолжили археологические исследования в устье Куюма. Было раскопано 8 погребений афанасьевского типа, установлено наличие стоянки с двумя культурными горизонтами. В 1964–1965, 1969 гг. исследования на памятнике проводились Горно-Алтайским археологическим отрядом ИИФиФ СО АН СССР под руководством Е.М. Берс. К со-

жалению, часть документации по раскопкам утрачена и точное количество исследованных объектов не известно. В общей сложности на этом памятнике раскопано более 20 афанасьевских погребений.

Некоторые ограды сооружены из вертикально поставленных плит, другие, возможно, имели насыпь из камней. Осталось не ясным – была ли конструкция из камней над могилой 12. Размеры объектов от 3,7 до 7,5 м. Часть могил была перекрыта плитами. Над некоторыми ямами выявлены сооружения в виде «розетки», которые, возможно, составили просевшие перекрытия из плит или развалы каменных ящиков раннескифского времени. В ограде 14 было 2 могилы (п. 14/1 и п. 14/2), в остальных – по одной. Могильные ямы овальной и подпрямоугольной формы, ориентированы по линии З–В или ЮЗ–СВ (одна, возможно, СЗ–ЮВ). Погребения совершены в грунтовых могилах. В могиле №19 (раскопки 1964 г.) выявлены подбои. Умершие были уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, в нескольких случаях поставленными коленями вверх, реже на правом боку, вытянуто на животе, в положении промежуточном между положением на спине и правом боку, головой на ЮЗ или З. В могиле 12, несмотря на то, что захоронение было не потревожено, черепа не было. В некоторых погребениях отмечена охра. К сожалению, не известно была ли охра во всех могилах. Погребения, в основном, одиночные, но в могиле 14/1 похоронены женщина с ребенком, в могиле 18 – мужчина с ребенком. В нескольких захоронениях найдены глиняные сосуды, находившиеся справа или слева от умерших, у плеча или руки. В двух погребениях обнаружены украшения из позвонков щуки и зубов животных, в одной – браслет из метеоритного железа, кроме того, пест, однолезвийный медный нож, костяная проколка.

Керамика. На могильнике Усть-Куюм получена самая многочисленная коллекция сосудов (не менее 19 экз.). Не все сосуды найдены в захоронениях, например, плоскодонный с ушками находился вне погребения, фрагменты курильницы обнаружены при раскопках могилы 10 раннескифского времени. Сосуды различаются по форме (яйцевидные и шаровидные). Острое дно имеют 14 изделий (из них яйцевидной формы 12, шаровидной – два); плоское – два, кроме того, есть сосуд с округлым дном, корчага, курильница, два изделия с ушками. Два шаровидных горшка очень близки по форме и орнаменту. Обращает внимание определенный стандарт в размерах посуды могильника (диаметр венчика, высота от края венчика до самой раздутой части тулова, а также общая высота сосуда). По способам орнаментации выделяются несколько изделий, в т.ч. сосуд из могилы 13, большая часть которого орнаментирована веревочкой, венчик – гребенчатым штампом с прямоугольными зубцами, по шейке рядами накалывания уголком инструмента. Придонная часть и дно орнаментированы шаганием с прокатыванием, а в некоторых случаях и протаскиванием инструмента (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 49). Выделяется сосуд с ушками из погребения 14/2, тулово которого орнаментировано гладкой качалкой, ушки накалыванием, венчик украшен треугольными зонами, заполненными отпечатками палочки (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 54). Орнамент на сосуде из могилы 6 состоит из нескольких зон и нанесен разными способами. Узор придонной части напоминает большемысскую качалку (рис. 48 -11). Выделяются и другие изделия, например, плоскодонный горшок из раскопок Е.М. Берс, у которого не украшено только дно, а оттиски расположены очень плотно друг к другу, что не характерно для афанасьевской посуды, хотя орнаментир и способ нанесения орнамента (качалка) обычны для этой культуры.

Различия отмечаются и по композиционному построению орнамента. Основной мотив – елочка и горизонтальные ряды оттисков, с наклоном в одну строну, нанесенные прокатыванием штампа или шаганием с прокатыванием, накалыванием, характерен для усть-куюмских изделий и афанасьевских в целом. Выделяются сосуды из могил 6, 13, 14/2 (2) (раскопки Г.П. Сосновского), могилы 14 (раскопки Е.М. Берс), орнамент на которых достаточно сложный и необычный для афанасьевской культуры, как по способам нанесения, так и по расположению отпечатков относительно друг друга. В частности, шаровидный сосуд из могилы 14 орнаментирован чередующимися вертикальными зонами: треугольные зоны заполнены подпрямоугольными отпечатками палочки, находятся между «полуовалами», которые состоят из двух симметричных частей, орнамент в них нанесен протаскиванием острым инструментом (рис. 47 -9). Подобный узор не часто, но встречается на афанасьевских сосудах, как правило, шаровидных, например, на могильнике Урускин Лог-1, к. 1 (Погожева, 2006, с. 25, рис. 9-1). Фрагменты с похожим узором найдены и на поселениях, например, на Балыктыюле (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, рис. 9; 10). Сосуды с таким орнаментом обнаружены на разных памятниках, но по одному изделию. Возможно, они использовались для ритуальных целей или связаны с какой-то этнографической группой населения афанасьевской культуры. В целом, на керамике с Усть-Куюмского могильника зафиксированы как традиционные для афанасьевской культуры элементы орнаментации, так и редкие, выделяющие коллекцию. Сосуды из могил 6, 13, 14/2 имеют индивидуальные особенности, которые могут быть следствием контактов афанасьевцев с населением с инокультурными традициями. Это подтверждает и находка двух плоскодонных сосудов, не характерных для афанасьевской культуры. Как правило, в погребениях, в которых они найдены, зафиксированы и другие необычные черты. Сравнение

керамики Усть-Куюмского могильника, поселений Малый Дуган и Узнезя-I показало индивидуальное сходство ряда изделий, выделяющее их среди поселенческих и погребальных комплексов, например, орнаментация в виде «волны» (рис. 48 -11).

В двух погребениях, раскопанных Е.М. Берс, обнаружены необычные для афанасьевской культуры украшения. В могиле 18 найдены бусы из 63 позвонков щуки, в середине ожерелья три костяные бусины из трубчатых костей птиц с огранкой края и лапчатая подвеска. На концах нитки бус были 2 тонких колечка из меди. Второе ожерелье, из могилы 19, состояло из шести овальных плоских подвесок из зубов марала, а также клыков красного волка и резцов сурка. На одном конце ожерелья – свернутая из кованой листовой меди трубочка, а на втором – сверленая на конус каменная бусина, куда, по мнению Е.М. Берс, и продевалась трубочка (Берс, 1974, с. 30). Лапчатые подвески не характерны для эпохи ранней бронзы, однако находка из Усть-Куюмского могильника не сохранилась, поэтому не может быть учтена при датировке и определении культурной принадлежности этих погребений. Возможно, что могилы 18 и 19 оставлены группой населения, отличающейся от афанасьевского, или совершены в другой хронологический промежуток. Наличие плоскодонной посуды на памятнике также свидетельствует о контактах афанасьевского населения, вероятнее всего, с населением эпохи бронзы. Ряд близких аналогий в орнаментации керамики позволили высказать предположение, что могильник Усть-Куюмский, поселения Малый Дуган, Денисова пещера, Нижнетыткескенская пещера хронологически близки. Наибольшее количество аналогий по погребальному обряду, инвентарю в погребальных комплексах имеется на могильниках Сальдяр-1 и Урускин Лог-I. Вероятно, могильники Усть-Куюмский, Урускин Лог-I, поселения Малый Дуган, Узнезя-I, пещеры Денисова и Нижнетыткескенская НТП-I относятся к одной хронологической группе.

Коллекции хранятся в Горно-Алтайском Республиканском краеведческом музее (г. Горно-Алтайск), Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Материалы опубликованы не полностью.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае в устье р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 18–31.

Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 159–165.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 653 с.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // Археологический сборник. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 233 с.

Сосновский Г.П. Отчет об археологических исследованиях 1934–36 гг. в Ойротской автономной области Алтайского края // Археологические исследования в РСФСР 1934–36 гг. М.; Л., 1941. С. 304–306.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–34.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Раскопки Куюмского могильника Е.М. Берс в 1969 году // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 158–161.

65. Усть-Куюм, поселение (рис. 50 - 5–13)

Находится в устье р. Куюм. Поселение открыто в 1932 г. Г.П. Сергеевым во время раскопок могильника. Памятник многослойной, зафиксированы культурные слои от эпохи палеолита до средневековья, в т.ч. афанасьевской культуры. Найдены развалы сосудов и отдельные фрагменты. Один небольшой сосуд с острым дном без орнамента хранится среди материалов из раскопок Е.М. Берс в устье р. Куюм. Он отличается от афанасьевских по ряду признаков, в том числе технологии изготовления. На нем нет шифра, место его находки не известно.

Коллекции хранятся в Горно-Алтайском Республиканском краеведческом музее (г. Горно-Алтайск), Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск). Материалы опубликованы не полностью.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае в устье р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 21.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 233 с.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 28.

66. Чемал-3, могильник (рис. 51 -1, 2, 4, 5)

Находится на юго-восточной окраине с. Чемал, около отрогов горы Крестовая, на правом берегу р. Катунь. Состоит из 11 курганов. В 2003 г. А.П. Бородовским раскопан один курган диаметром 10 м. Насыпь была сооружена из крупных грубообломочных камней, составляющих крепиду. Могильная яма размерами 2х0,83 м, глубиной в материке 1,05 м. В могиле на правом боку с разворотом на спину находился скелет молодой женщины, головой на З. У локтя правой руки обнаружено скопление охры, рядом – развал шаровидного сосуда с острым дном и жертвенные кости.

Некипелова Е.Ю. Афанасьевские погребальные комплексы правобережья Средней Катуни // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 182–183.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 84–95.

67. Чепош-1, поселение

Находится в 1,5 км к ЮВ от с. Чепош, в 300 м к востоку от могильника Чепош-3, у подножия горы. Открыто в 1985 г. П.И. Шульгой. Памятник находится в аварийном состоянии. На поселении обнаружена керамика афанасьевской культуры.

Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 86.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 113.

68. Чепош-3, могильник (рис. 52 - 4–8)

Находится на правобережной террасе р. Катунь, в 1 км к ЮВ от с. Чепош, в 15–20 м от тракта. Открыт П.И. Шульгой. В 2011 г. обследован с целью уточнения географических координат (высота над уровнем моря 404 м. N 51º34.514', E 85º51.896) и современного состояния. Состоит из трех курганов. В 1987 г. раскопана оградка-кромлех размерами 11,5х10,5 м, внутри которой вокруг центральной могилы располагалась вторая ограда диаметром 6 м из вертикально поставленных камней. Изнутри камни укреплены кладкой из плоских плиток, положенных в 2–4 слоя. Внутреннее пространство между могильной ямой и крепидой заполнено материковым гравием (выброс из могилы) мощностью до 20 см. Между внешним кромлехом и надмогильным сооружением камней не было, за исключением южного сектора, где находилась наброска из камней, а под ней плита, перекрывающая могильную яму, в которой на глубине 1,1 м погребен ребенок на правом боку с подогнутыми ногами головой на ЮЗ. Инвентаря не было. Центральная могила также была перекрыта плитами. В ней на глубине 1,5 м от материка похоронен мужчина, лежащий на спине с подогнутыми ногами, головой на ЮЮЗ. У правого плеча погребенного находились остро- и круглодонный сосуды и жезл.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 86–89.

***69. Чепош-3,* поселение**

Находится в 150 м к ЮЗ от поселения Чепош-2. Открыто П.И. Шульгой. На памятнике найдены предметы, относящиеся к афанасьевской культуре.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106, 123.

70. Чепош-4, поселение

Открыто в 1985 г. П.И. Шульгой. Расположено в 1,8 км к ЮВ от с. Чепош, на правобережной террасе р. Катунь, вдоль Чемальского тракта. Памятник находится в аварийном состоянии. Находки относятся к афанасьевской культуре и раннему железному веку.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 107, 113.

71. Чичка, поселение

Расположено в окрестностях с. Чепош на левом берегу рч. Чичка. На памятнике обнаружены изделия афанасьевской культуры и эпохи раннего железа (Шульга, 1996, с. 113).

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 113.

72. Эдиган-V, поселение

Расположено на мысовидном выступе террасы левого берега р. Эдиган. В 1988 г. археологическим отрядом ГАНИИИЯЛ был заложен раскоп площадью 72 кв. м. Памятник многослойный. Часть находок датирована афанасьевской культурой.

Чевалков Л.М. Раскопки в устье реки Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 200–209.

Улаганский район

В урочище Арагол раскопано 6 курганов – два в 1924 г. Алтайской экспедицией Русского музея под руководством С.И. Руденко, четыре – в 1929 г. М.П. Грязновым. Поскольку не сохранилось планов, остается неясным, на двух или на одном могильнике проводились раскопки. С.И. Руденко упоминаются 4 кургана, которые находились на правом берегу р. Ян-Улаган, из них 2 были исследованы. М.П. Грязнов

раскопал 4 кургана, которые имеют нумерацию с 1 по 4, т.е. без учета объектов раскопанных С.И. Руденко. Существует большая вероятность, что это два разных памятника, которые в публикации М.Д. Хлобыстиной ошибочно отнесены к одному могильнику и дана общая нумерация курганов – с 1 по 6.

В 1979–1980-е гг. работы в этом районе проводил М.Т. Абдулганеев. На правом берегу р. Большой Улаган он зафиксировал три могильника, на которых имелись погребальные сооружения, предположительно датированные афанасьевской культурой (Абдулганеев, 2006, с. 12–13, рис. 4). Идентифицировать объекты, выявленные в 1979–1980-е гг., с могильниками, исследованными в 1920-е гг., оказалось практически невозможным, хотя не исключено, что Большой Улаган-1 – это Арагол или Ян-Улаган.

Поскольку авторами раскопок С.И. Руденко и М.П. Грязновым памятники не объединялись в один, как разные памятники они учтены Г.Ф. Дебецем, исследовавшим антропологические материалы (Дебец, 1948, приложение 29), М.Т. Абдулганеев, проводивший исследования в урочище Арагол, считал, что, вероятнее всего, это два разных памятника, высказано предложение оставить за курганами, раскопанными С.И. Руденко, название могильник Ян-Улаган, а за курганами, раскопанными М.П. Грязновым, могильник Арагол.

73. Арагол, могильник (рис. 52 -10, 11)

Раскопано 4 кургана. Два погребения оказались нарушенными, в трех захоронениях инвентаря не обнаружено. К афанасьевской культуре с уверенностью может быть отнесен только курган 3. Курган 2 (№4 по М.Д. Хлобыстиной) отличается по погребальному обряду от афанасьевских и относится к арагольскому типу погребений.

В архиве Г.П. Сосновского, хранящемся в ИИМКе, сохранилось описание погребений, которое приводится ниже.

Курган 3 (№5 по М.Д. Хлобыстиной). Насыпь диаметром 6 м, высотой 0,2 м. Раскоп 3х3 м. Яма неясных очертаний, глубиной 1,3 м от горизонта. Верхний слой насыпи толщиной в 30–40 см, наполнен камнем – крупным и мелким. Красная краска в небольшом количестве покрывает дно ямы и кости. Кости слабо окрашены. В области таза и ног угольки.

Сохранился план погребения из этого кургана: умерший был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами. С левой стороны, между пяточными костями левой ноги и кистью руки, найден остродонный сосуд, заглаженный гребенчатым штампом. При описании погребения из кургана 3 (№5) М.Д. Хлобыстина указывает ориентацию умершего на СЗ, но по данным из архива Э.Б. Вадецкой, погребенный был ориентирован на ЮЗ. В описании и на рисунке, хранящихся в архиве Г.П. Сосновского в деле 94, информации об ориентации нет.

Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже.

Архив ИИМК, ф. 42, д. 94.

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 4–19.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

Руденко С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. №5–6. С. 108–109.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010а. С. 24–37.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–18.

74. Балыктыюль, могильник (рис. 52 -9)

В 1929 г. В.С. Адриановым раскопано 2 кургана на правом берегу р. Балыктыюл. В публикации М.Д. Хлобыстиной он упоминается как могильник Улаган. Однако находились эти объекты достаточно далеко от с. Улаган. Поэтому за памятником оставлено название Балыкты-Юл, которое упоминается в первых публикациях материалов памятника и по наименованию реки, на которой они расположены.

Один курган содержал погребение афанасьевской культуры, второй объект по всем признакам близок к погребениям улитинского типа. Ниже приводятся данные, которые сохранились в архиве Г.П. Сосновского со ссылкой на записи В.С. Адрианова 1929 г.

Курган 1 круглый, насыпь земляная диаметром 8,5 м, высотой 0,5 м. В насыпи невидимые с поверхности попадаются камни. На юг от центра кургана, на глубине 1 м, найден рог оленя (?) и в центре metatarsus от крашенного костяка. На глубине 1,75 м два костяка. Кости окрашены в красный цвет. Встречаются мелкие части угля. Черепа костяков раздавлены. Кости хорошей сохранности. Погребены двое мужчин, положенных на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Инвентарь отсутствует.

Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже.

Архив ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 43.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010а. С. 24–37.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–34.

75. Балыктыюль, поселение (рис. 53)

Находится в 300 м к востоку от с. Балыктыюль, на левом берегу р. Балыктыюль. В 1980 г. экспедицией Алтайского госуниверситета вскрыто 80 кв. м. Памятник многослойный, но преобладают фрагменты керамики афанасьевской культуры. Основную массу находок составляют кости животных и керамика. В раскопе зафиксированы 2 очага диаметром 0,8–1,1 м, глубиной очажных ям 0,13 м, оконтуренные плитками и камнями. К СЗ от очага 2 находился вкопанный в землю остродонный сосуд без орнамента, заглаженный зубчатым штаммом. Очаги по конструкции аналогичны афанасьевским с поселений Кара-Тенеш, Малый Дуган, Узнезя-1. С очагами с Узнези-1 сближает наличие вкопанного рядом остродонного сосуда. Изучение остеологического материала показало, что они принадлежат домашним и диким животным. Преобладают кости овцы.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

76. Большой Улаган 1, могильник

Зафиксирован к ЮЮЗ от устья р. Камей. Памятник разновременный, включает 14 разнотипных объектов: 1) кольца из валунов и глыб шириной 3–4 м и диаметром 6–12 м; 2) земляную насыпь высотой 0,4 м, окруженную кольцом из глыб и валунов, диаметром 10 м; 3) кольцо из плит диаметром 8 м, имеющую внутри насыпь из камня; 4) уплощенное кольцо из валунов и глыб диаметром 28 м; ширина кольца 5–6 м. Эти надмогильные сооружения группируются в цепочки по 2–4 перпендикулярно кромке террасы и предварительно отнесены к афанасьевской культуре. На двух из них, в том числе и в большом кольце, имеются следы раскопок или ограбления.

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 13, рис. 4–2.

77. Большой Улаган 2, могильник

Находится ниже по р. Большой Улаган от могильника Большой Улаган 2. В его составе 23 разновременных объекта, в т.ч. 5 колец из глыб с каменной насыпью диаметром 6–12 м. Одно кольцо двойное, в центре другого виден каменный ящик, у третьего с одного края заметны плиты. Эти объекты, предположительно, отнесены к афанасьевской культуре. Следует отметить, что, как на Большом Улагане 2, так и на двух других могильниках, афанасьевскими может быть и часть раскопанных (?) курганов, ограды которых после раскопок приобрели вид курганной насыпи.

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 13, рис. 4-3.

78. Усть-Арагол, могильник

Зафиксирован в приустьевой зоне рч. Арагол. Визуально на поверхности выделялись 11 курганов скифского (?) времени, частично со следами раскопок или ограбления в центре, и 8 колец из глыб и валунов с каменной насыпью диаметром 4–12 м. Девятое кольцо было двойным с внешним диаметром 10 м и внутренним – 3 м. Эти кольца группировались по 2–3 и, вероятно, относятся к афанасьевской культуре.

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 13, рис. 4-1.

Усть-Канский район

79. Владимировка, горная выработка (рис. 58 -1–7, 11, 14)

Открыта в 1955 г. во время геолого-разведочных работ. Расположена на левобережье Чарыша, недалеко от с. Владимировка. В руднике добывали сульфидные медные руды. В условиях вечной мерзлоты хорошо сохранились орудия древних горняков, изготовленные из дерева, рогов коровы или быка. Сохранился кусок шкуры северного оленя. Найден каменный шлифованный топор и другие изделия из камня. По деревянному предмету была получена радиоуглеродная дата – 3756 лет до н.э.

Кызласов Л.Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 165–168.

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. 119 с.

80. Каминная, пещера (рис. 58 -8–10, 12)

Находится в 28 км юго-западнее п. Черный Ануй, в долине рч. Пещерского, левого притока р. Каракол, впадающего в р. Ануй. В пещере зафиксированы материалы от эпохи мустье до этнографического времени, в т.ч. обломки сосудов афанасьевской культуры.

По фрагментам керамики можно составить представление только о верхней части изделий. Они различались формой (часть из них яйцевидные, другие шаровидные, в т.ч. корчаги), высотой венчиков (некоторые выше 3 см), орнаментом и т.д. Посуда с высокими венчиками известна на поселении Подсинюшка и в погребальных комплексах, в частности, Ело-1, огр. 4 (рис. 8 -10). В орнаментации керамики прослеживаются традиции, характерные для афанасьевской культуры, например, венчики украшены отпечатками штампов, составляющих треугольные зоны.

В пещере раскопано захоронение, предварительно отнесенное к афанасьевским. Умерший был уложен скорченно на левом боку, головой на ССЗ. Кости скелета окрашены охрой. От афанасьевских это захоронение отличается по основным признакам погребального обряда (положение, ориентация). О возможной принадлежности его к эпохе бронзы свидетельствует окраска охрой. По остальным чертам оно ближе к раннескифскому времени.

Коллекция хранится в ИАЭТ СО РАН в г. Новосибирске, материалы частично опубликованы.

Гричан Ю.В. Исследования пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы изучения экологии и охраны пещер. Киев, 1987. С. 143–144.

Ефремов С.А. Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная (Горный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 44–47.

81. Каракол, могильник

В обрыве правого берега Каракола, правого притока р. Ануй, в 2 км к востоку от с. Каракол, Горно-Алтайским разведывательным отрядом ИИФиФ СО РАН обнаружено полуразрушенное погребение в могильной яме с прямыми стенками, глубиной 1,4 м от современной поверхности. Прирезка над могилой выявила развал сланцевых плит по краям ямы. Судя по сохранившейся части костяка, погребенный был положен на спине, с поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. Кости густо окрашены, на дне ямы под костяком также много охры. Рядом с левым плечом лежал остродонный яйцевидный сосуд. Судя по сланцевым плитам, окружавшим могилу, по обломкам плит на поле, вокруг могилы было сооружено кольцо – кромлех.

Коллекция хранится в ИАЭТ СО РАН в г. Новосибирске.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006–б. С. 31, рис. 28.

82. Куевы щеки, поселение

Открыто в 1990 г. Находится в урочище Куевы щеки на правом берегу пересохшего ручья Куй, который впадал в р. Ануй в ее среднем течении, в окрестностях д. Черный Ануй. Сборы сделаны на разрушенной части памятника. Поселение многослойное. К афанасьевской культуре отнесено несколько фрагментов керамики и 2 отщепа.

Бородовский А.П. Предварительные итоги исследования одного из многослойных поселений Горного Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 61–65.

83. Ламах-2, поселение (рис. 3 -13–15)

Открыто в 1983 г. Находится в 4 км к СВ от с. Кырлык, в урочище Ламах, у подножия отрога, на правом берегу р. Кырлык, на высоких террасах. Терраса, на которой расположен памятник, перерезается оврагом. В селевой промоине собран подъемный материал. В 1984 г. Горно-Алтайским археологическим отрядом Алтайского госуниверситета проведены небольшие раскопки. Памятник многослойный. К афанасьевской культуре относится фрагменты венчиков, тулова сосудов, курильницы.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Афанасьевские поселения Ламах-2 и Бичикту-Бом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 73–77.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Поселение Ламах-2 в Западном Алтае и вопросы охраны разрушающихся археологических памятников // Охрана и изучение использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 44.

84. Урускин Лог-1 (Каракол-1), могильник (рис. 54; 55)

В первых публикациях и полевых отчетах могильник имел название Каракол 1. Встречается и название Рускин Лог. После открытия одноименного могильника эпохи бронзы в Онгудайском районе памятник получил название по местности, на которой он расположен, Урускин Лог-1.

Находится в 3 км к западу от с. Каракол, на второй надпойменной террасе р. Каракол, в конце конуса выноса. В 1982 г. Горно-Алтайским разведочным отрядом Североазиатской комплексной экспедиции ИИФиФ СО АН СССР под руководством А.П. Погожевой раскопано 6 сооружений. Могильник представляет собой группу курганов, расстояние между которыми 4–7 м, один курган расположен южнее на 20 м. До раскопок прослеживались земляные насыпи диаметром 7–17 м. Ограды сооружены из поставленных на ребро сланцевых плит и перекрывались земляными насыпями. Исключение составляет

конструкция над детским погребением, которая примыкает к кургану 1 и оформлена в виде выкладки из плит размером 1,5х3 м. Диаметр колец из ВПП в курганах 1 и 3 – 11 и 13,7 м, диаметр насыпей – 12 и 16 м. Перекрытие плитами зафиксировано над детским погребением, в одном кургане отмечены остатки перекрытия из дерева (№3). В кургане 2 погребены женщина и новорожденный, в кургане 4 – взрослый и ребенок, остальные погребения одиночные (женщина, ребенок, подросток, мужчина). Скелеты взрослого и ребенка разделяла сланцевая плитка, поставленная вертикально. Умерших укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами, реже на правом боку, но во всех случаях головой на З. В кургане 1 у самого дна могилы прослежен слой плотной глины, перекрывавший остатки дерева и часть костяка. В кургане 2 дно и нижняя часть стенок ямы подмазаны глиной и прокалены. Во всех погребениях зафиксирована охра. В двух могилах обнаружены кости домашних животных. В одной из могил у левого колена погребенного лежали 22 человеческих зуба. Керамику размещали у ног (к. 1, 2, 3) и у головы погребенных (к. 2, огр. 2).

Инвентарь. Во всех могилах найдено по несколько сосудов (до 5). Из других вещей обнаружены проколка из трубчатой кости птицы (к. 1), подвески из просверленных зубов марала (к. 2 и 4), золотая серьга и аморфная железная пластинка, глиняный шарик (к. 2), медный нож (к. 3), браслет из медных (?) плоских обойм, спираль в 2 оборота из тонкой медной проволоки, кольцо (?), и микропластинка.

Керамика. В шести погребениях найдено больше 20 сосудов. Большинство составляют изделия шаровидной формы крупных размеров. Обычные яйцевидные с острым дном сосуды найдены в курганах 1, 2, 3, 4, один горшок плоскодонный, и в кургане 4 обнаружена курильница. Шаровидные сосуды выделяют как размеры, так и орнамент. Как правило, украшены они необычными инструментами или отмечена сложная композиция. Узор сосуда из кургана 1 с растительным орнаментом имеет аналогии на могильниках Усть-Куюмский, Нижний Тюмечин-1, поселении Узнезя-1 в Горном Алтае и на могильниках Афанасьева Гора, Моисеиха (Потрошилово) на Енисее. Другой сосуд из кургана 1 украшен елочкой, ряды которой расположены вертикально, а оттиски оставлены необычными для афанасьевской культуры штампами. Оригинально украшен и шаровидный сосуд из кургана 3 (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 32; 33; 41).

Памятник выделяется среди афанасьевских тем, что погребенные во всех могилах ориентированы на запад, количеством сосудов в погребениях, их формой, размерами, элементами орнамента. Необычен и остальной инвентарь (нож, серьги, подвески и др.), а также количество изделий из металла, в т.ч. золота и железа. Т.А. Чикишева отмечает, что антропологический тип погребенных аналогичен типу погребенных в курганах каракольской культуры и имеет четкий морфологический комплекс отличий от «классических» афанасьевцев (Чикишева, 2000, с. 146).

Коллекция хранится в ИАЭТ СО РАН в г. Новосибирске.

Погожева А.П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года. 1984. С. 225–226.

Погожева А.П. Могильник афанасьевской культуры Урускин Лог-1 (Каракол-1) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006а. С. 23–43.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006б. С. 18–48.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000б. Вып. 1(1) С. 139–148.

85. Урускин Лог-2 (Каракол-2), могильник

Находится в долине р. Каракол, в 300 м от могильника Урускин Лог-1. В 1986 г. отрядом Института археологии АН СССР под руководством А.П. Погожевой произведены раскопки памятника. Могильник состоит из трех курганов, образующих цепочку, ориентированную по линии С–Ю. Диаметр насыпей от 10 до 16,5 м. Полы земляной насыпи находились под каменным кольцом. Над могильными ямами зафиксированы остатки продольного и поперечного перекрытия из плах. Погребения одиночные (похоронены мужчины). Умершие были уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, З и ЗСЗ, окрашены охрой. В одной из могил найдена медная (?) серьга и плоскодонный сосуд. Материалы опубликованы не полностью.

Погожева А.П. Горно-Алтайский разведывательный отряд // АО 1986 г. М., 1988. С. 248–249.

Погожева А.П. Могильник афанасьевской культуры Урускин Лог-1 (Каракол-1) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006а. С. 23–43.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006б. С. 18–48.

86. Черный Ануй-2, могильник

В 1979 г. Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции раскопано наполовину разрушенное погребение на правом берегу р. Ануй, в 1,5 км южнее д. Черный Ануй. На дне ямы сохранилась верхняя часть скелета, лежавшего на густо окрашенном фоне. Погребенный был уло-

жен на спину, руки вытянуты вдоль тела, головой на В. По погребальному обряду захоронение близко к афанасьевским.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 50–73.

Усть-Коксинский район

87. Кучерла-1, культовый комплекс

Расположен в 15 км от с. Тюнгур, неподалеку от г. Белухи. Исследования памятника проводились с 1988 по 1990 гг. Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН под руководством В.И. Молодина. Археологический комплекс исследован полностью. Памятник разновременный, его уникальность в том, что зафиксирован культурный слой и наскальные изображения. К афанасьевской культуре относится ранний хронологический горизонт. Мощность культурного слоя различна на разных участках. К афанасьевской культуре относятся фрагменты минимум от 12 сосудов. Орнамент составляют оттиски зубчатых штампов, а также прочерченные линии.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, 2010. С. 36–49.

Шебалинский район

88. Апшуяхта-II, могильник

Могильник находится на левом берегу р. Апшуяхта, на северной окраине с. Верх-Апшуяхта, на склоне южной экспозиции. Памятник открыт В.И. Соёновым. Могильник включает 6 объектов: четыре плоских кургана диаметром от 3 до 6 м; две оградки диаметром 7,5 и 3,5 м. Два кургана находятся в аварийном состоянии. Курган 1 находится в центральной части могильника, его географические координаты: (769) N-51°14.127'; E-85°54.168'. Высота над уровнем моря 792 м (по балтийской системе высот). Раскопок не проводилось. Предположительно могильник отнесен к афанасьевской культуре.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 19.

89. Апшуяхта-V, могильник

Расположен на западной окраине с. Верх-Апшуяхта на широкой террасе, образованной наносами рр. Едор и Сорулу-Айры, в 1 км к ЗЮЗ от центра с. Апшуяхта, в 0,5 км к ЗЮЗ от места слияния рек Сорулу-Айры и Едор, на правом берегу р. Апшуяхта и левом берегу р. Едор. Географические координаты объекта: (738) N-51°13.893'; E-85°53.107'. Высота над уровнем моря 823 м (по балтийской системе высот). Памятник открыт В.И. Соёновым в 1992 г., в 2011 г. обследован дополнительно с целью уточнения его современного состояния. Могильник включает несколько групп курганов, расположенных на распахиваемом поле и территории животноводческого комплекса. Практически все курганы находятся в аварийном состоянии. Диаметр курганов 7, 18 – 20 м. В разрушенных местах насыпей прослеживаются вкопанные сланцевые плиты ограды-кромлеха, окатанные камни заполнения ограды. Основная часть объектов предположительно относится к афанасьевской культуре. Раскопок не производилось.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 19.

90. Большой Толгоек, могильник (рис. 56)

Расположен на юго-восточной окраине с. Апшуяхта, на высоком террасовидном выступе. Территория могильника ранее распахивалась. Географические координаты объектов: (765) N-51°13.929'; E-85°54.542'. Высота над уровнем моря 803 м (по балтийской системе высот). Визуально прослеживается около десяти объектов. Археологическим отрядом Горно-Алтайского пединститута под руководством В.И. Соёнова в 1990–1991 гг. исследовано 4 афанасьевские оградки. Надмогильные конструкции двух типов – ограды-кромлехи и ограды-стенки с земляными холмообразными центральными сооружениями, диаметром около 3,5 м. Над одной могилой сохранилось перекрытие из плит, над двумя зафиксированы остатки конструкции, возможно, перекрытия из плит. Погребения нарушены. Предположительно умерших укладывали с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ. В могилах зафиксированы следы охры (?). В трех могилах погребения одиночные (2 ребенка и 1 взрослый) и в одной, по-видимому, похоронены 2 подростка. Из инвентаря найдены яйцевидные и шаровидные глиняные сосуды с острым и округлым дном, остатки рукояти кнутовища (?). Три сосуда украшены качалкой, а один накалыванием зубчатым штампом.

Соёнов В.И. Аварийные раскопки на могильнике Большой Толгаек в Горном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 83–85.

Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Большой Толгаек // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. С. 29–45.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 19–20, рис. 30–34.

91. Кара-Дьярык, могильник

Расположен в 2 км западнее-северо-западнее центра с. Верх-Апшуяхта, на левом берегу р. Сорулу-Айры, на склоне южной экспозиции. Географические координаты объектов: (778) N-51°14.593'; E-85°51.894'. Высота над уровнем моря 898 м (по балтийской системе высот). Памятник открыт В.И. Соёновым в 1989 г. Включает цепочку из трех запаханных курганов. Могильник предположительно отнесен к афанасьевской культуре. Раскопок не проводилось.

Соёнов В.И. Разведочные работы в окрестностях сел Апшуяхта и Каспа // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 206–207.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 20.

92. Малый Толгоек, поселение

Находится на восточной окраине с. Верх. Апшуяхта, на правом берегу р. Малый Толгоек правого притока р. Апшуяхты, около места ее впадения. Памятник открыт в 1991 г. В.И. Соёновым. Территория поселения застроена жилыми домами и хозпостройками, разрушена огородами и подъездной дорогой. Произведены сборы, в результате которых получена коллекция керамики афанасьевского облика.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 21.

93. Мост-Песчаная, местонахождение

Находится на левом берегу р. Песчаная, в 7,5 км к ЮВ от центра с. Ильинка, напротив устья р. Верх-Арбайта, правого притока Песчаной, на мысовидном выступе горного склона, в 150 м к З от моста. Географические координаты по GPS-приемнику N-51°23'369", E-085°09'640"; N-51°23'354", E-085°09'659". Высота над уровнем моря 844 м (по балтийской системе высот). Памятник обследован в 2006 г. экспедицией АКИН под руководством В.И. Соёнова. Собрана коллекция керамики, предварительно датированная эпохой ранней бронзы – афанасьевской культурой.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 24.

94. Нижний Айры-Таш, могильник (рис. 57 -1, 2, 3, 5)

Открыт в 2003 г. В.И. Соёновым. Расположен на левом берегу р. Барагаш, в 4,5 км к юго-западу от центра с. Барагаш. Географические координаты памятника по GPS-приемнику N-51°14'43,7", E-85°08'49,8". Высота 960 м над уровнем моря (по балтийской системе высот). Состоит из четырех объектов, расположенных цепочкой С–Ю. Насыпи трех из них повреждены при строительстве автодороги Белый Ануй – Барагаш. В 2003 г. археологической экспедицией АКИН под руководством Т.А. Вдовиной и С.В. Трифановой два объекта раскопаны. Насыпь кургана 1 диаметром 12 м, а у кургана 2 уничтожена. Конструкция кургана 1 состоит из кольца, сложенного преимущественно из окатанных речных валунов среднего размера, в меньшей степени использовался рваный камень. По краям объекта прослежены крупные плоские валуны. Над могилой в кургане 1 зафиксированы остатки перекрытий из жердей. Размеры могильных ям – 220х125х95 и 175х120х90 м. Умершие уложены на спине с подогнутыми ногами, головой на З. В могилах зафиксирована охра. В одном погребении обнаружен каменный шлифованный топор, второе безинвентарное. По остаткам дерева и костям человека получены радиоуглеродные даты: курган 1 – СОАН–5457 4225±60 (кость), СОАН–5458 4480±50 (дерево), СОАН–7924 4780±85 (дерево), СОАН–7925 4840±95 (дерево); курган 2 – СОАН–5459 4725±40 (кость).

Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12. С. 6–12.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. С. 7.

Соёнов В.И., Акимова (Вдовина) Т.А., Трифанова С.В. Радиоуглеродные даты погребений периода ранней бронзы на могильниках Нижний Айры-Таш и Озерное (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 166–172.

95. Толгоек-I, одиночный курган (рис. 57 -4, 6)

Расположен в 50 м к северу от р. Толгоек, на склоне горы у с. Шебалино. Исследован в 2002 г. Т.А. Вдовиной. Диаметр сооружения 7 м. Курган сложен преимущественно из среднего и крупного камня. Умерший (предположительно мужчина 45–40 лет) был уложен на спине, ноги согнуты в коленях и приподняты над дном, головой на З. В могиле обнаружены пятна охры, четырехгранное медное (?) шило. В насыпи найден обломок зернотерки.

Вдовина Т.А. Исследования в урочище Толгоек // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 72–78.

Майминский район

96. Илбик, могильник

Находился на территории современного с. Усть-Муны, рядом с Чуйским трактом. Он был разрушен в 70-е гг. XX в. Могила располагалась у южного края одноименного «притора» (бома) на высокой Катунской террасе. Географические координаты памятника по GSP приемнику N 51º43,576', E 85º44,972'. Высота над уровнем моря 389 м (по балтийской системе высот). По сообщению местных жителей, погребенный лежал в скорченном положении.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катуни (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горный среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. Вып. 7. С. 56–67.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 90.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. С. 55.

97. Манжерок-3

На территории городища эпохи железа, открытого А.П. Бородовским и А.Н. Политовым в 2001 г., расположенного к юго-востоку от одноименного села, на ступенчатой террасе древнего русла р. Катунь, обнаружены фрагменты афанасьевской керамики. Находки локализуются на возвышенном участке, у края террасы, на юго-восточном краю городища. Географические координаты памятника по GSP приемнику N 51º50,136', E 85º47,390'. Высота над уровнем моря 440 м (по балтийской системе высот).

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 90.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. С. 46–47.

98. Манжерок-5, поселение

Находится недалеко от Манжерокских порогов на р. Катунь в пределах территории с. Манжерок. Географические координаты памятника по GSP приемнику N 51º49,828', E 85º46,197'. Высота над уровнем моря 355 м (по балтийской системе высот). В 2003 г. при строительстве фундаментов домов выявлен культурный поселенческий слой эпохи раннего металла (афанасьевская культура) и раннего железа.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 90, 93, рис. 6, 7.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. С. 48.

99. Манжерок-7, поселение

Открыто А.П. Бородовским. Находится на правом берегу р. Манжерочки, в 1,5 км от ее устья, в 0,5 км к СВ от с. Манжерок. Памятник располагается на пологом уплощенном склоне, вытянутом с северо-востока на юго-запад вдоль подошвы горного хребта. Высота площадки поселения составляет 2 м над пойменным участком реки. Максимальная ширина ее с юга на север доходит до 60 м, протяженность с северо-востока на юго-запад до 180 м, рельефных признаков поселение не имеет. На участках, где культурный слой потревожен в ходе хозяйственной деятельности, произведены сборы керамики афанасьевской культурой.

Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. Вып. 9. С. 46–47.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 90.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. С. 48–49.

100. Муны-1, поселение

Открыто в конце 70-х гг. XX в. В.И. Молодиным и В.Т. Петриным. Расположено на р. Муны, правом притоке р. Катунь, в приустьевой долине, урочище Болотов Лог, в 2 км вверх по течению от с. Муны. С 1992 по 2000 гг. памятник обследовал А.П. Бородовский. Поселение многослойное. Керамический комплекс имеет аналогии на афанасьевских комплексах Алтая. Каменный инвентарь представлен в основном галечными и пластинчатыми изделиями.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на Нижней Катуни // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 19–22.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катуни (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горный среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. Вып. 7. С. 56–67.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 93.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. С. 56–57.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 59–63.

101. Усть-Муны-3, могильник

В 30-е гг. XX в. около с. Усть-Муны раскопана могила. Погребенный был обложен камнями в песчаном грунте. В ногах погребенного, на глубине 1 м (рис. 58 -15), по-видимому, обнаружена курильница, хранящаяся Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. Рис. 3–11.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. С. 59.

Случайные находки

102. ***Актру*** (Кош-Агачский). В долине р. Актру в районе альпийской базы «Актру» найдено каменное орудие афанасьевского облика (Бородовский, 2003, с. 38).

103. В музее с. ***Аскат*** (Чемальский район) находится каменный пест (Бородовский, 2003, с. 35).

104–106. В устьях ***Барангол, Коболок-суу, Кегибаш*** и двух безыменных ручьев, притоках Куюма (Чемальский район) открыты поселения, которые датируются энеолитом и относятся к афанасьевской культуре (Суразаков, Чевалков, 1988, с. 251).

107. с. ***Белый Ануй***. Найден каменный сверленый топор (Абдулганеев, Кадиков, Кирюшин, 1982, рис. 2–3).

108. В окрестностях с. ***Дубровка*** (Майминский район), вниз по течению р. Катунь, в разработках гранита в середине 50-х гг. XX в. найден каменный пест аналогичный афанасьевским. Длина песта 22 см, наибольший диаметр сечения 4,5 см. С обеих сторон имеются следы работы. Хранится в фондах Национального музе Республики Алтай им. А.В. Анохина (Киреев, Акимова, Бородовский, Бородовская, 2008, с. 14).

109. с. ***Инегень*** (Онгудайский район), *случайная находка* – каменный сверленый топор. Несмотря на то, что подобные находки иногда связывают с афанасьевской культурой, ни в погребениях, ни на поселениях похожих вещей пока не найдено (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 54, 56, рис. 2 -5).

110. В с. ***Кара-Тенеш*** (Чемальский район) найден каменный сверленый топор (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982).

111. с. ***Куюс*** (Чемальский район). Известно о находках каменных колотушки, песта, зернотерки и обломка зернотерки из (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 62, рис. 3-3).

112. ***Усть-Куба*** (Чемальский район) расположено на р. Куба, притоке р. Чемал. Найдено несколько фрагментов керамики эпохи бронзы. Раскопок не производилось (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982).

113. с. ***Усть-Муны*** (Майминский район). Найдена каменная терочница вместе глиняной курильницей (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 70, рис. 3 -10, 11; Киреев, Акимова, Бородовский, Бородовская, 2008, с. 57, 59).

114. У перевала ***Чакыр*** на р. Шиберты (Шебалинский район) обнаружен каменный шлифованный топор усечено-ромбической формы с круглым сверленным отверстием для рукояти. Датируется концом III – первой половиной II тыс. до н.э. (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 54, рис. 2 -4; Соёнов, Ойношев, 2006, с. 16, рис. 20).

115. с. ***Черный Ануй***. Найден каменный сверленый листовидный топор (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 54, рис. 3 -5).

116. На могильнике ***Чултуков Лог-3***, находящемся, в 1,2 км к северо-западу от с. Манжерок (Майминский район). Памятник открыт А.П. Бородовским в 2002 г. На насыпи одного из курганов обнаружен каменный жезл, аналогичный афанасьевским из погребения кургана Чепош-3 и насыпи ограды 5 могильника Сальдяр-1 (Бородовский, 2006, с. 93; Киреев, Акимова, Бородовский, Бородовская, 2008, с. 54).

117. При обследовании русла одного из рукавов сувака ***Чултуков Лог-1а*** (Майминский район) перекрытого несколькими курганами скифского времени было обнаружено сланцевое тесло, датированное позднеафанасьевским временем на основании аналогий на могильнике Пещеркин Лог-1 (Бородовский, 2006, с. 93).

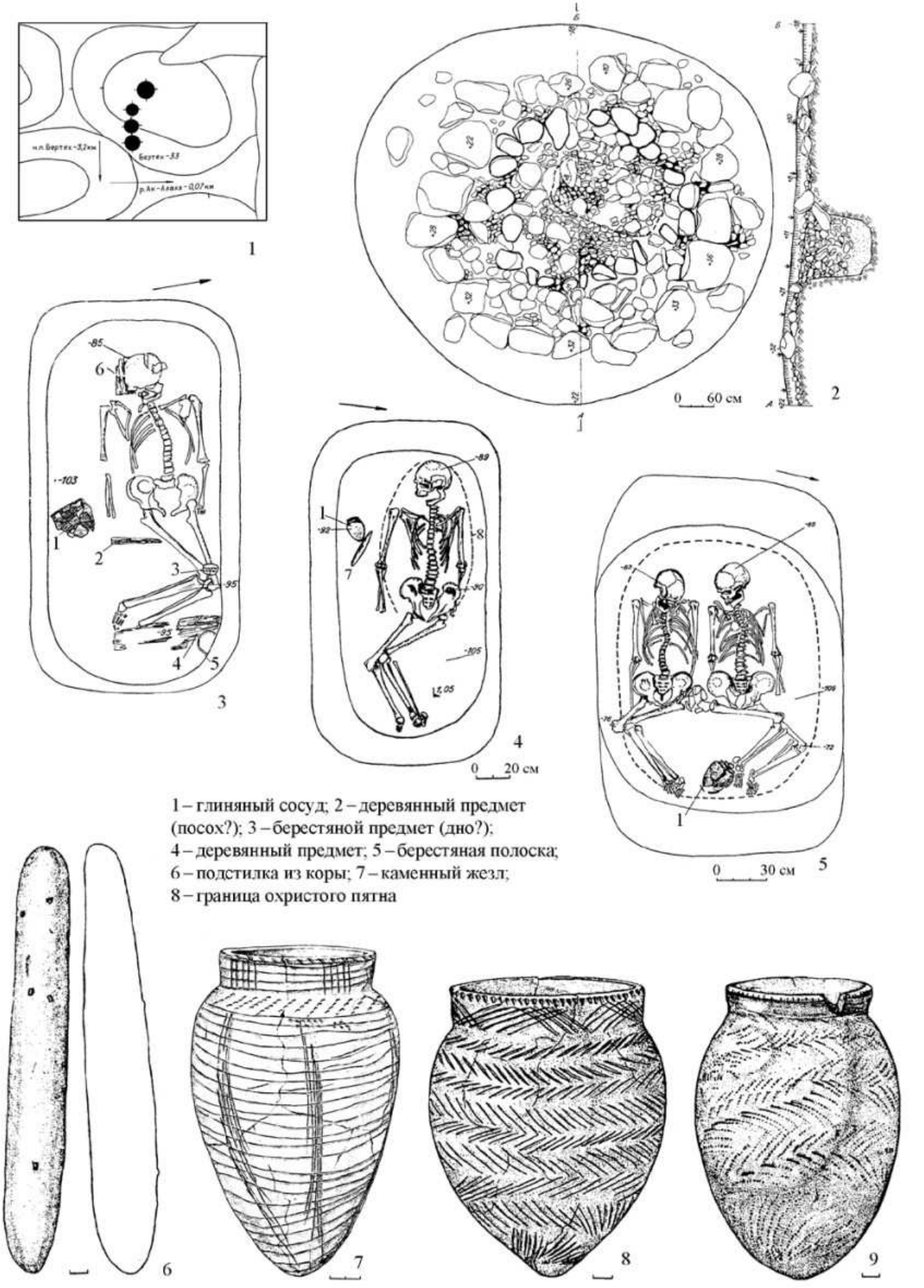

Рис. 1. Могильник Бертек-33. План могильника (1), план и разрез кургана 4 (2), погребения из курганов 4 (3), 1 (4), 2 (5), инвентарь из курганов 1 (6, 9), 2 (7), 4 (8). По: Древние культуры Бертекской долины, 1994

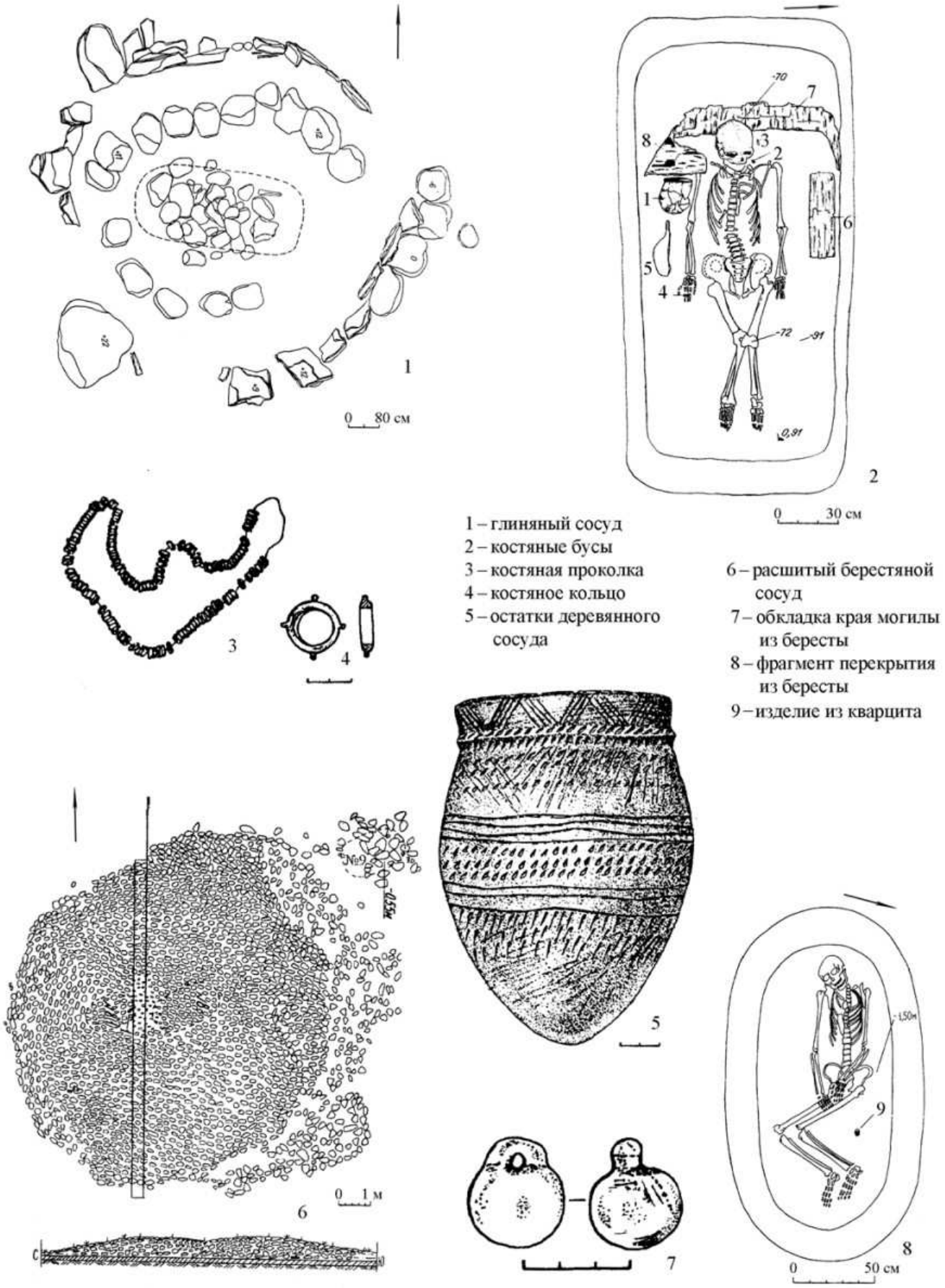

Рис. 2. Могильники Бертек-33, курган 3 (1–5), Мухор-Тархата-1, курган 8 (6–8).
По: Древние культуры Бертекской долины (1–5); Ларин, Могильников, Суразаков, 1994 (6–8)

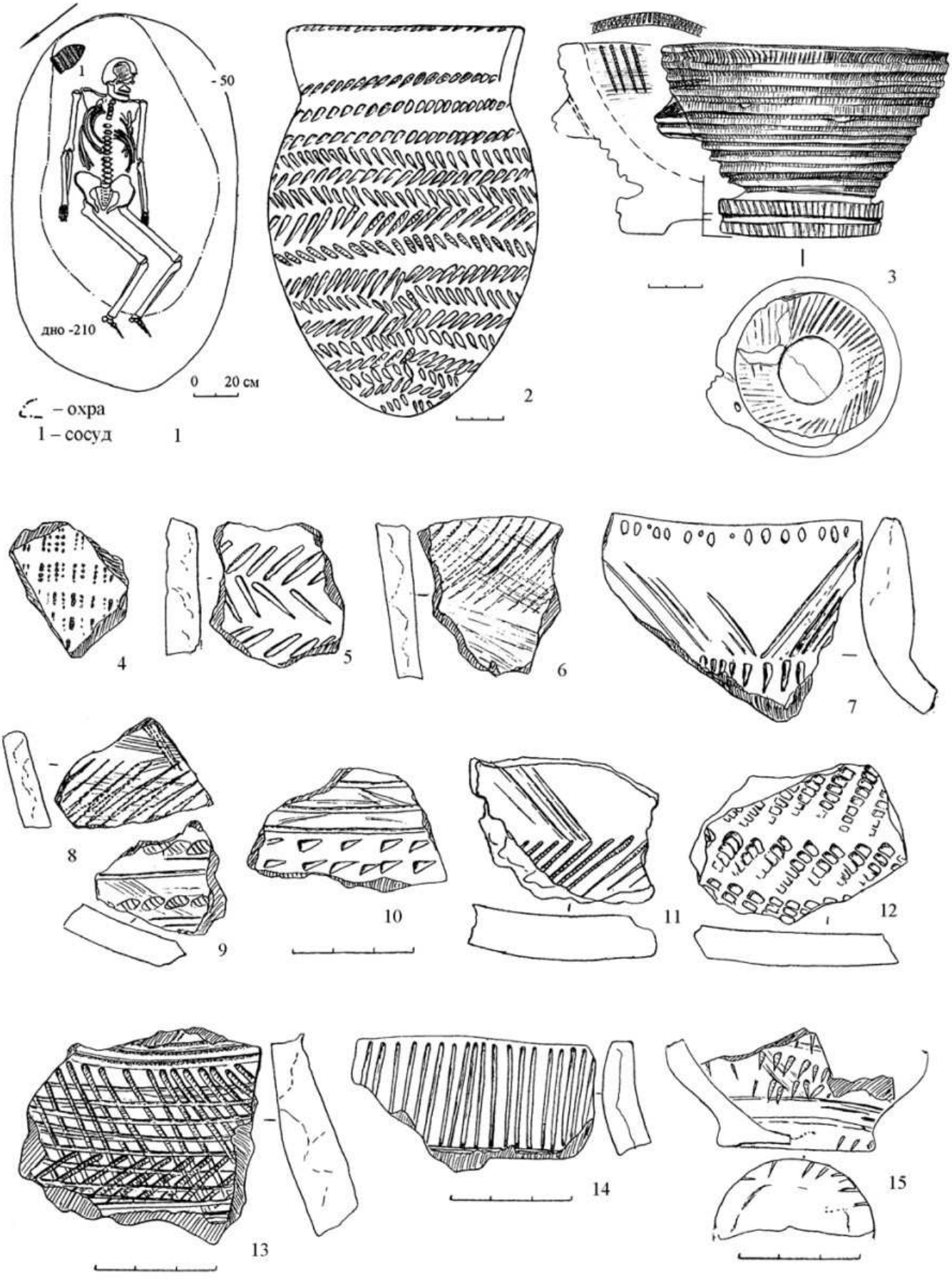

Рис. 3. Могильник Бойтыгем-1, курган 1 (1–3), поселения Бичикту-Бом (4–12), Ламах-2 (13–15).
По: Абдулганеев, Ларин, 1994 (1); Мамадаков, Степанова, 1998 (4–13)

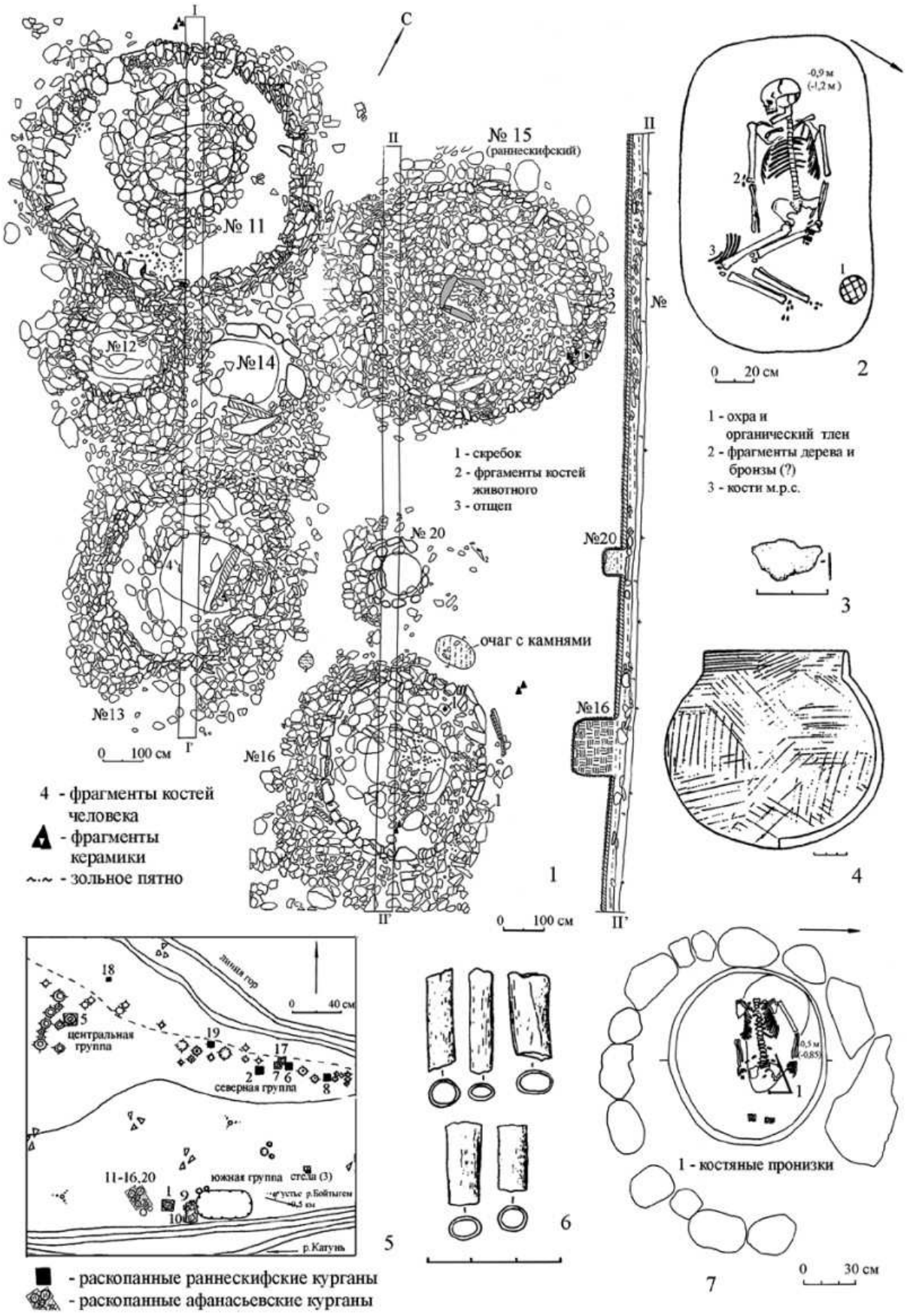

Рис. 4. Могильник Бойтыгем-2, курганы 11–16, 20 (1), погребение из кургана 11 (2), 20 (7), медная пластинка из кургана 11 (3), костяные трубочки из кургана 20 (6), сосуд из кургана 13 (4), план могильника (5). По: Абдулганеев, Ларин, 1994 (2–7)

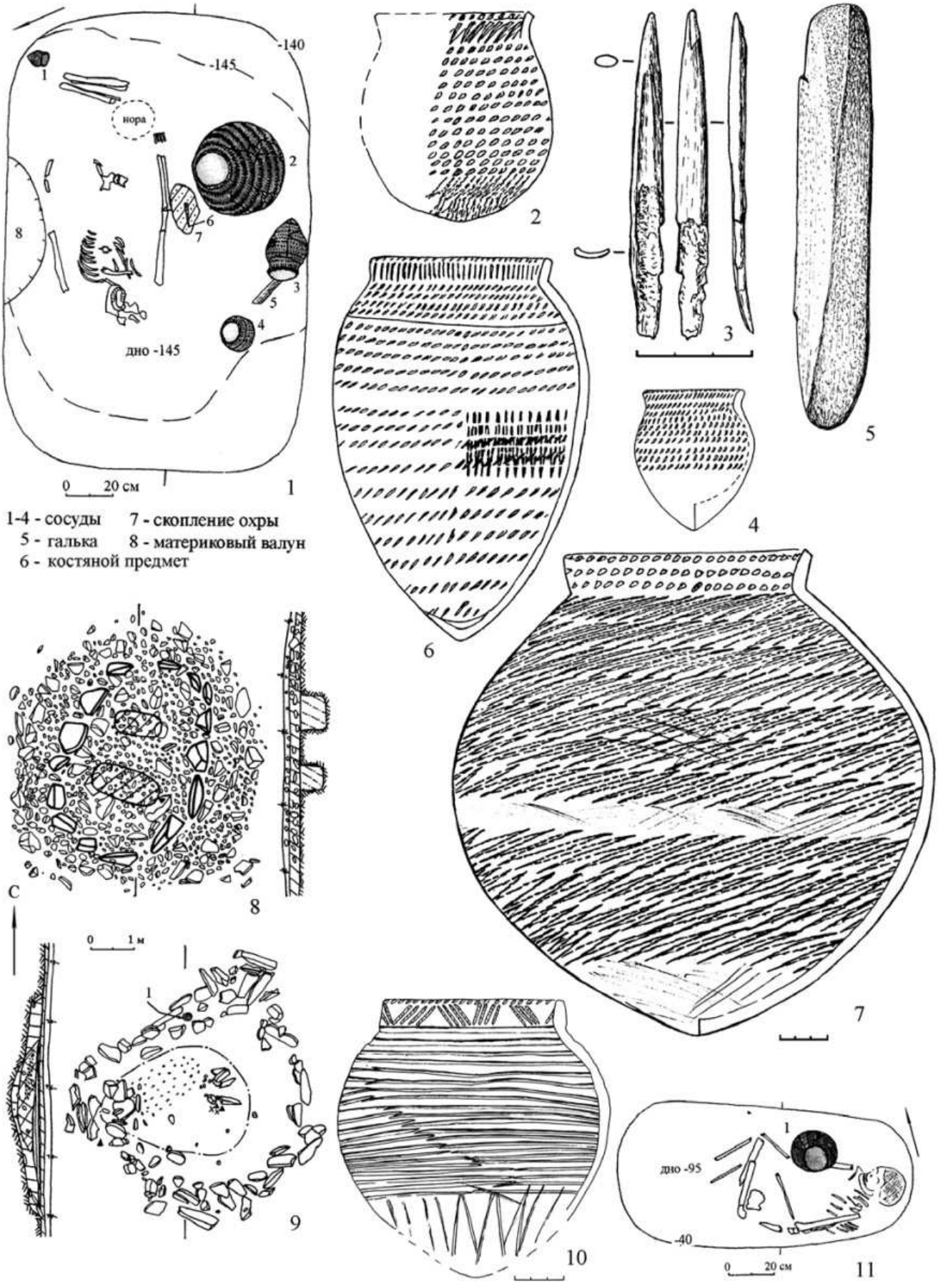

Рис. 5. Могильник Бойтыгем-2, курган 9 (1–7), курган 7 (8, 10, 11), 17 (9). По: Абдулганеев, Ларин, 1994 (1, 8, 9, 11)

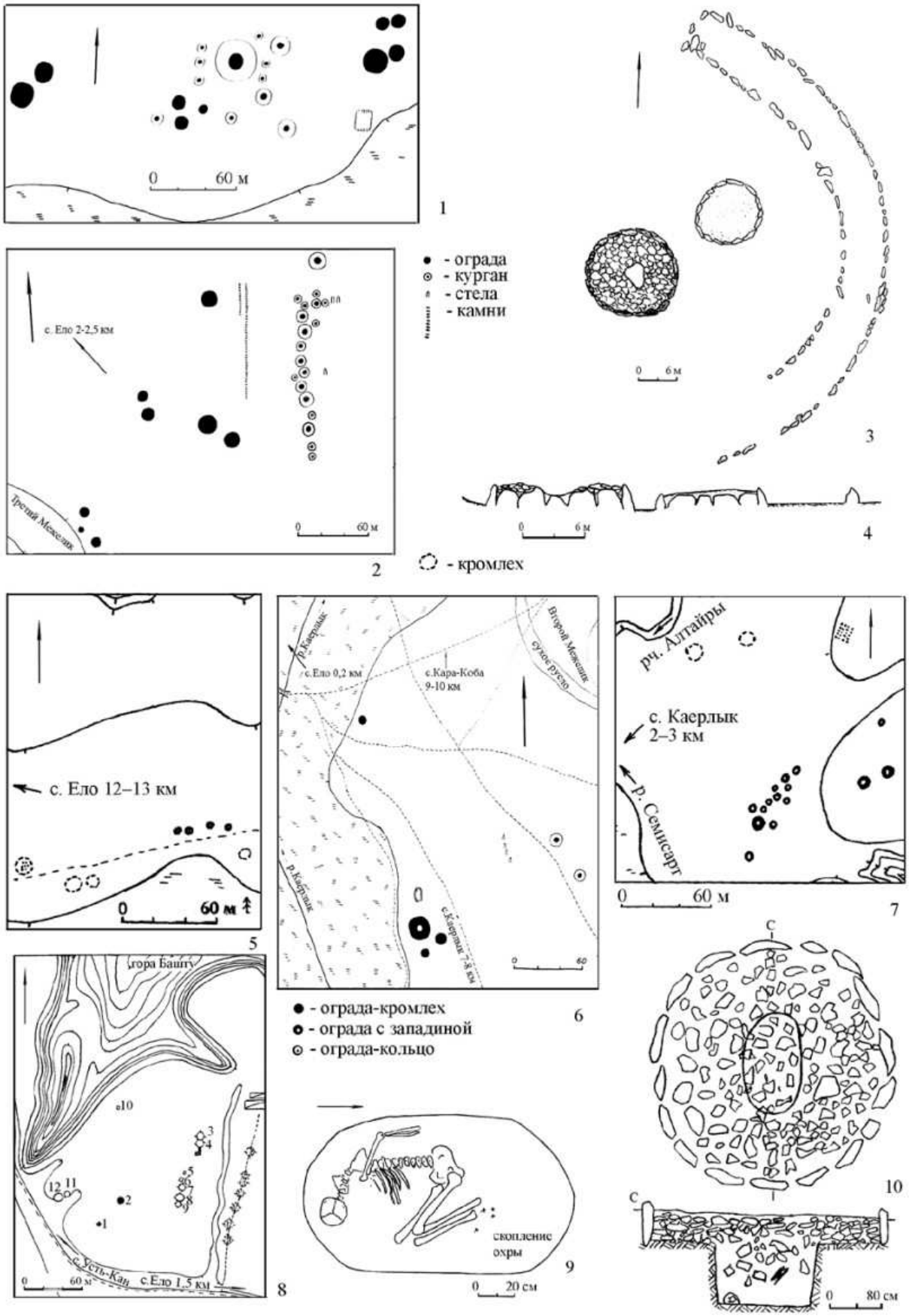

Рис. 6. Могильник Кырлык-2 (1), Третий Межелик (2), дуга из камней (3), ограды из ВПП (4), Семисарт-9 (5), Второй Межелик (6), Семисарт-4 (7), Ело-2 (8–10). По: Степанова, Владимиров, Цыб, 2005 (1, 2, 5–8); Посредников, Славнин, 1976 (2, 3)

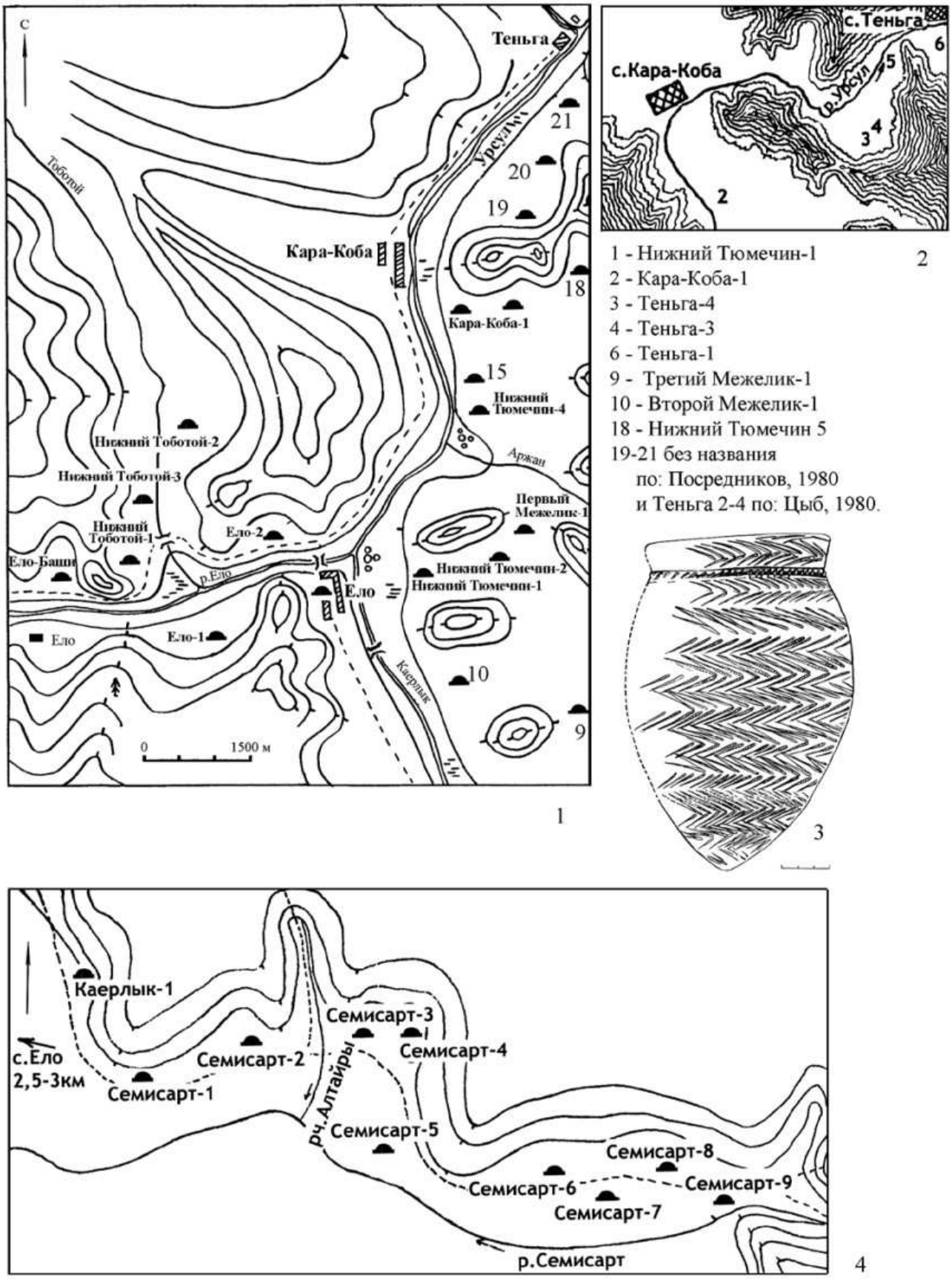

Рис. 7. Памятники афанасьевской культуры на р. Урсул и его притоках (1, 2, 4), сосуд из Туэкты из раскопок А.Т. Кузнецовой, 1935 г. (3). По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006 (1, 4); Степанова, Владимиров, Цыб, 2005 (2)

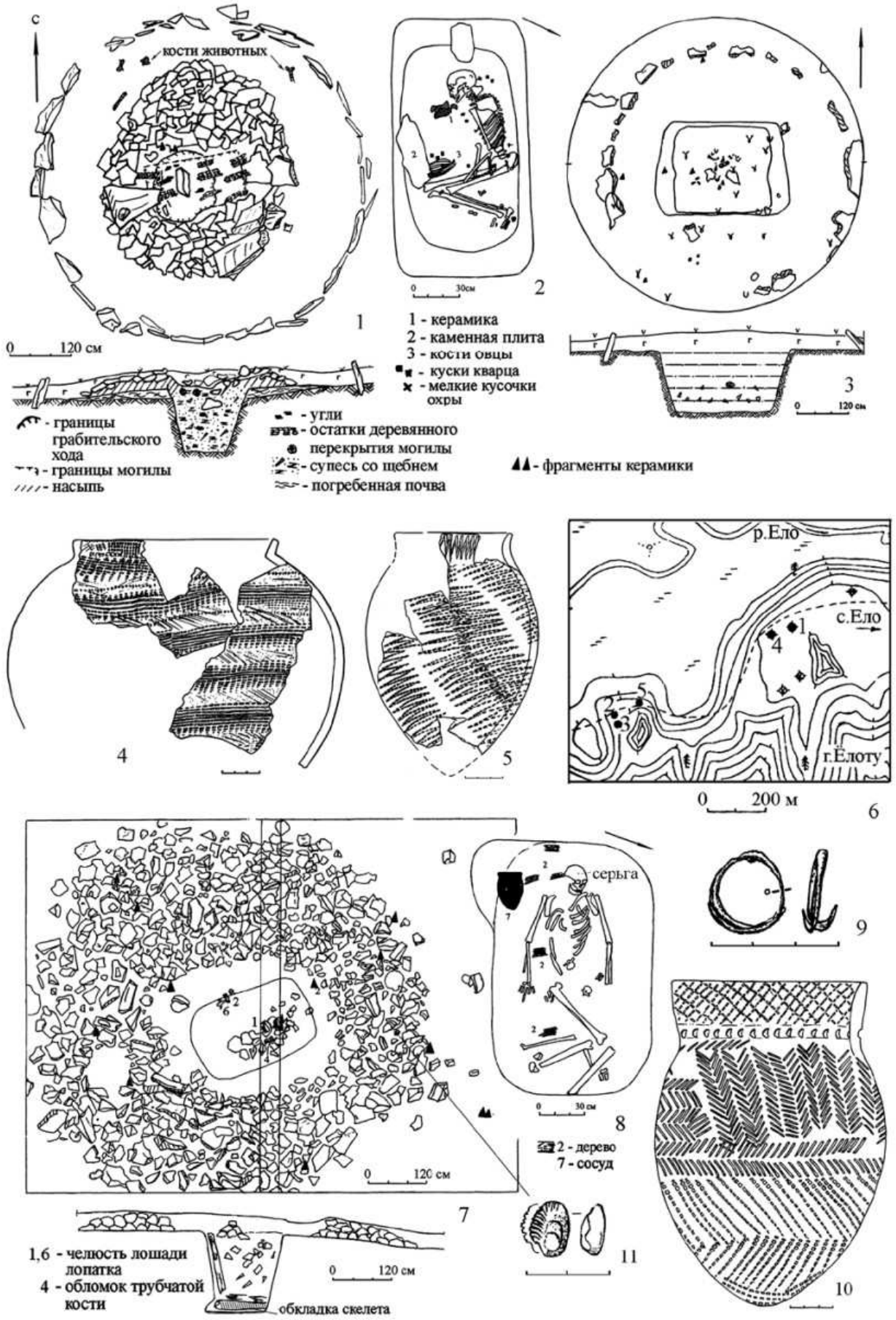

Рис. 8. Могильник Ело-1, ограда 2 (1), 3 (2, 5), 7 (3, 4), 4 (7–11), план могильника (6). По: Степанова, 2012г

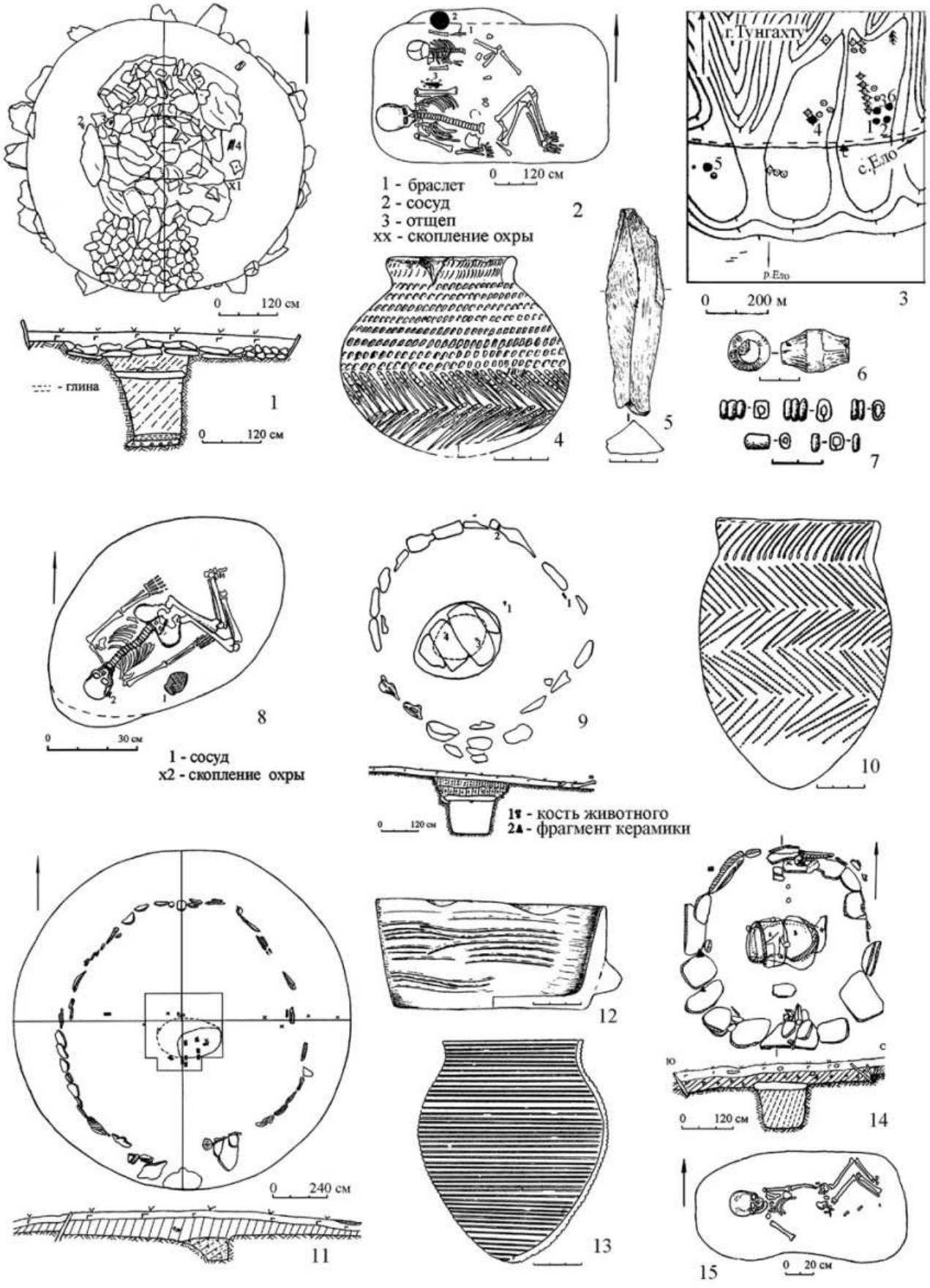

Рис. 9. Могильник Ело-Баши, ограда 1 (1–2, 4–7), 3 (8–10), 5 (11–13), 6 (14–15), план памятника (3). По: Степанова, 2012г

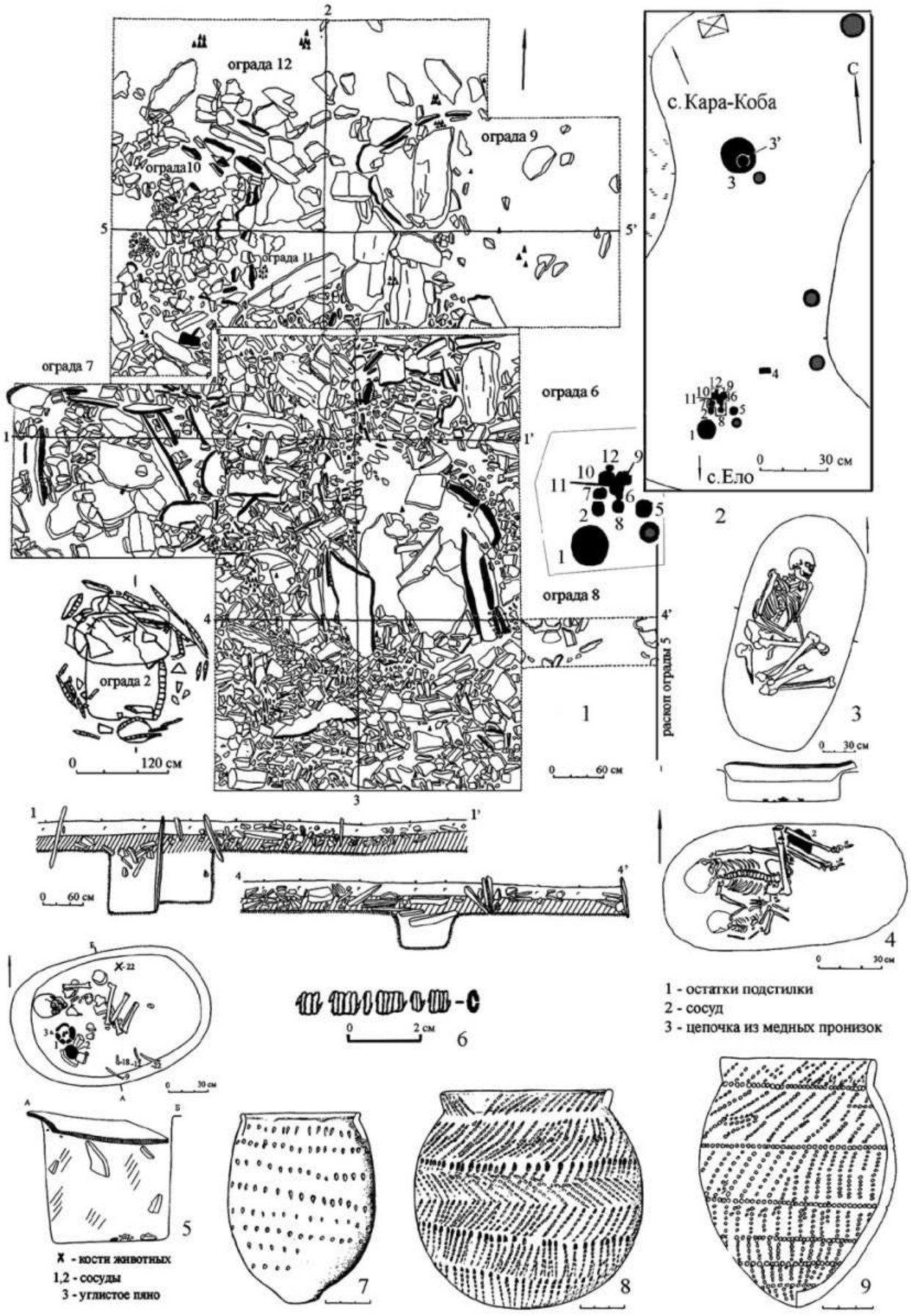

Рис. 10. Могильник Кара-Коба-1, ограды 6–12 (1), погребения и сосуды из оград 11 (3), 2 (4, 6, 9), 10 (5, 7, 8), план могильника (2). По: Степанова, 2012г

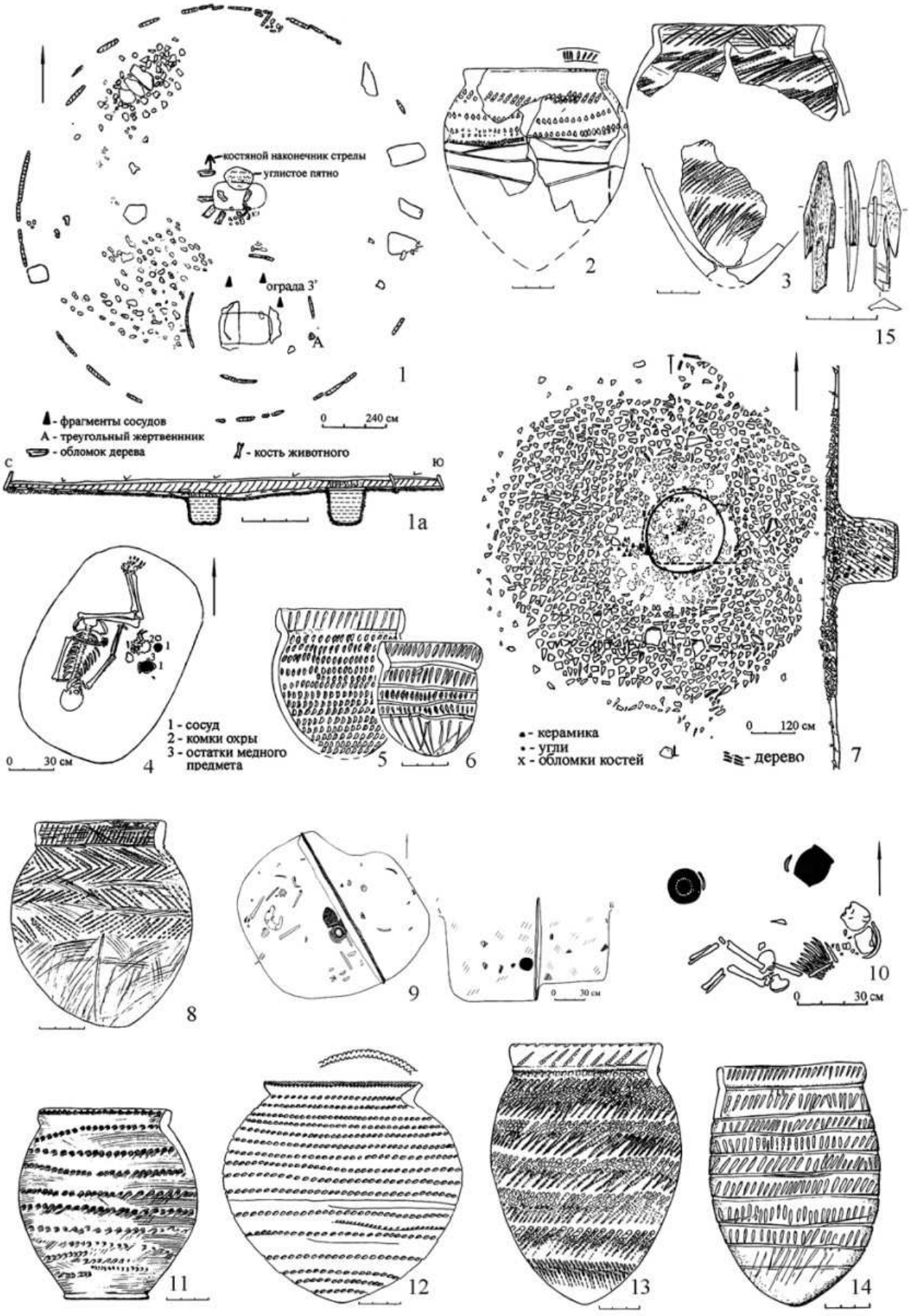

Рис. 11. Могильник Кара-Коба-1, ограды 3 и 3' (1–3, 15), 1 (4–7), 7 (8, 9, 14), 8 (10–12), 9 (13). По: Степанова, 2012г

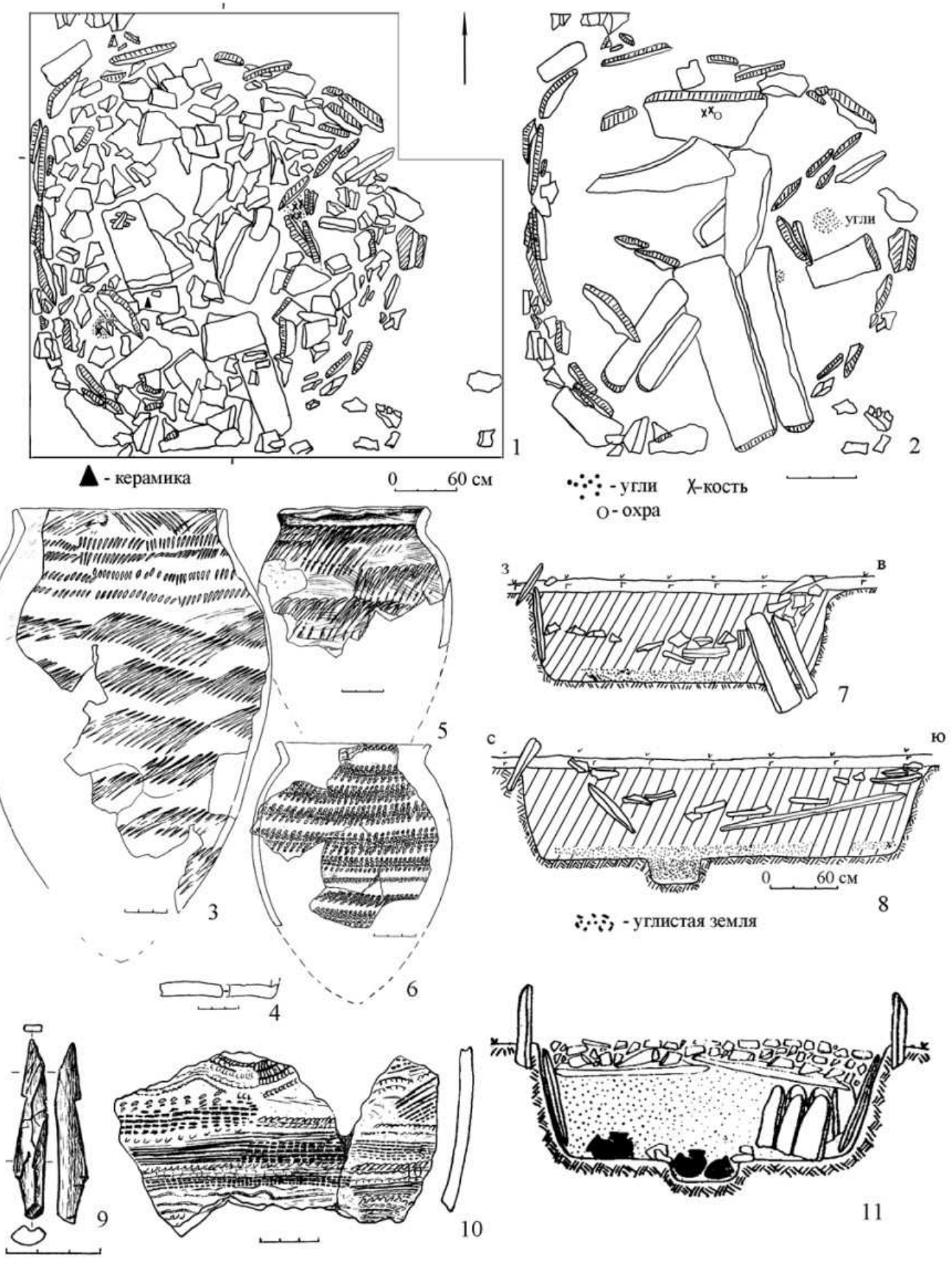

Рис. 12. Могильник Кара-Коба-1, ограда 5. По: Степанова, 2013б

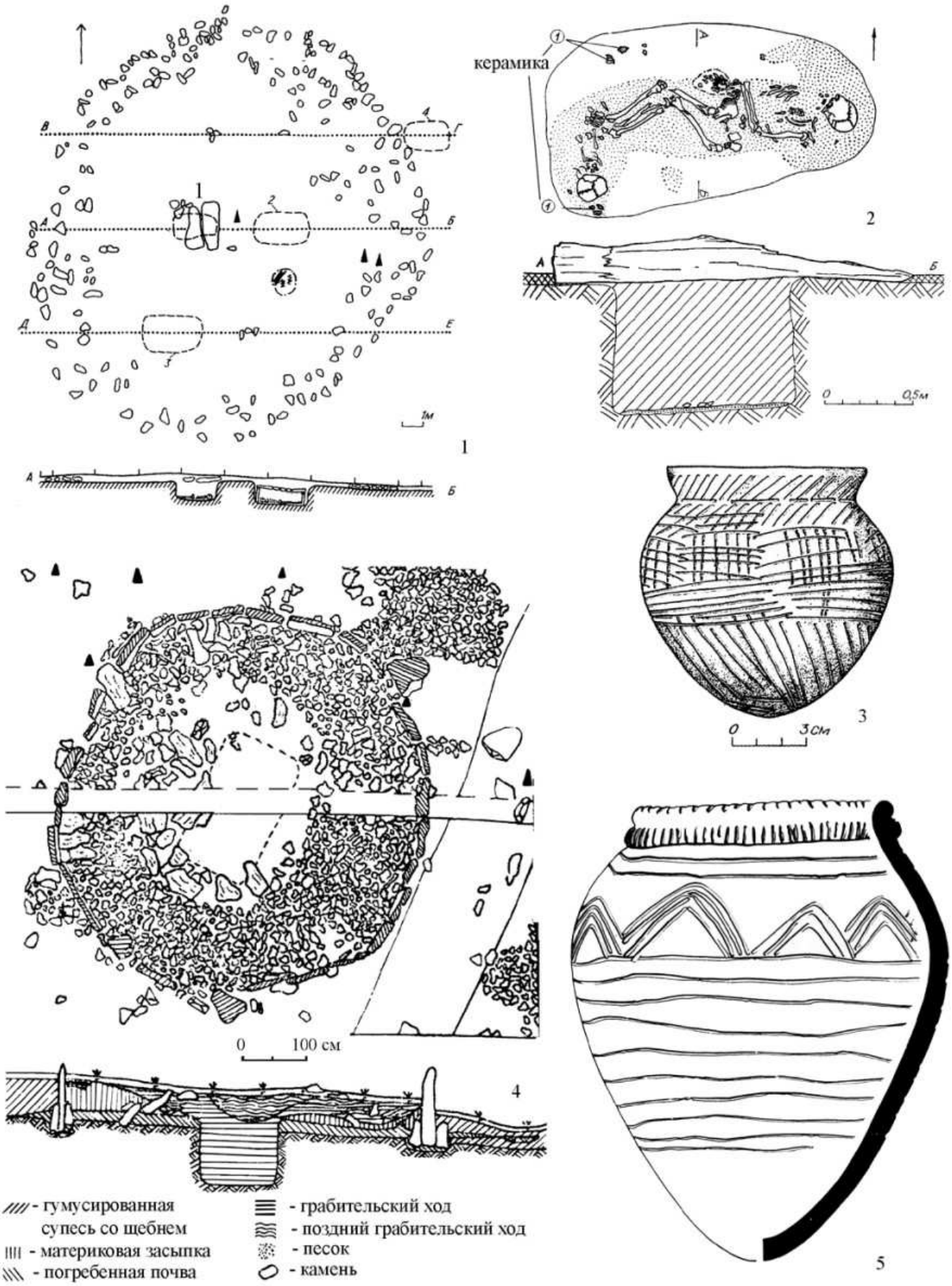

Рис. 13. Могильники Каракол, курган 2, погребение 1 (1–3), Каянча (4), сосуд из Онгудая (5).
По: Кубарев, 1988 (1–3); Казаков, 1992 (4); архив Э.Б. Вадецкой (5)

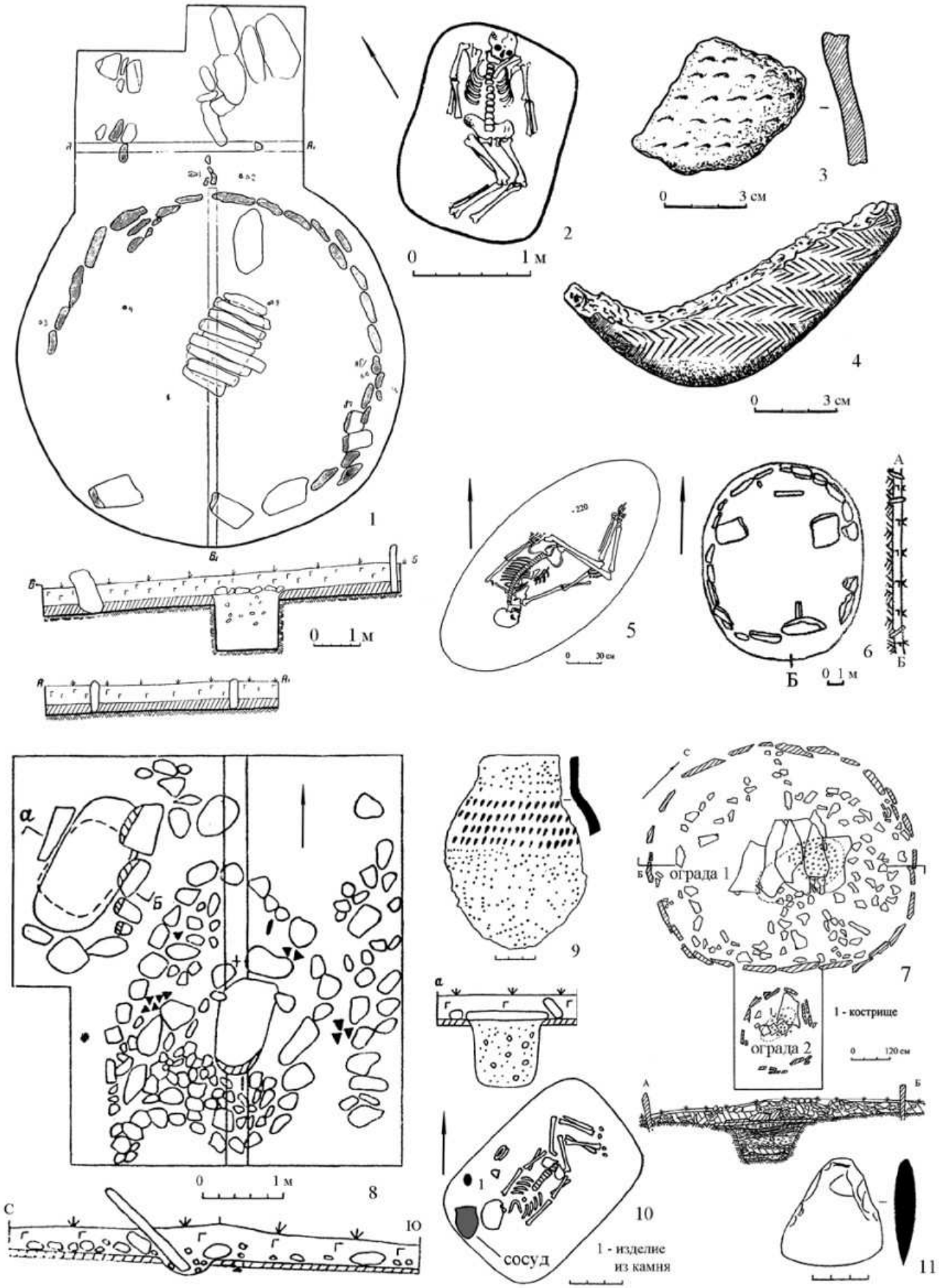

Рис. 14. Могильники Озерное-II, ограда 1, погребение и керамика из насыпи (1–4), Нижний Тюмечин-4 (5, 7), Озерное 2, огр. 2 (6), Кара-Коба (8–11). По: Могильников, 1987 (1–4); Молодин, Петрин, 1985 (6); Абдулганеев, Славнин, 2004 (5, 7); Суразаков, 1987 (8–11)

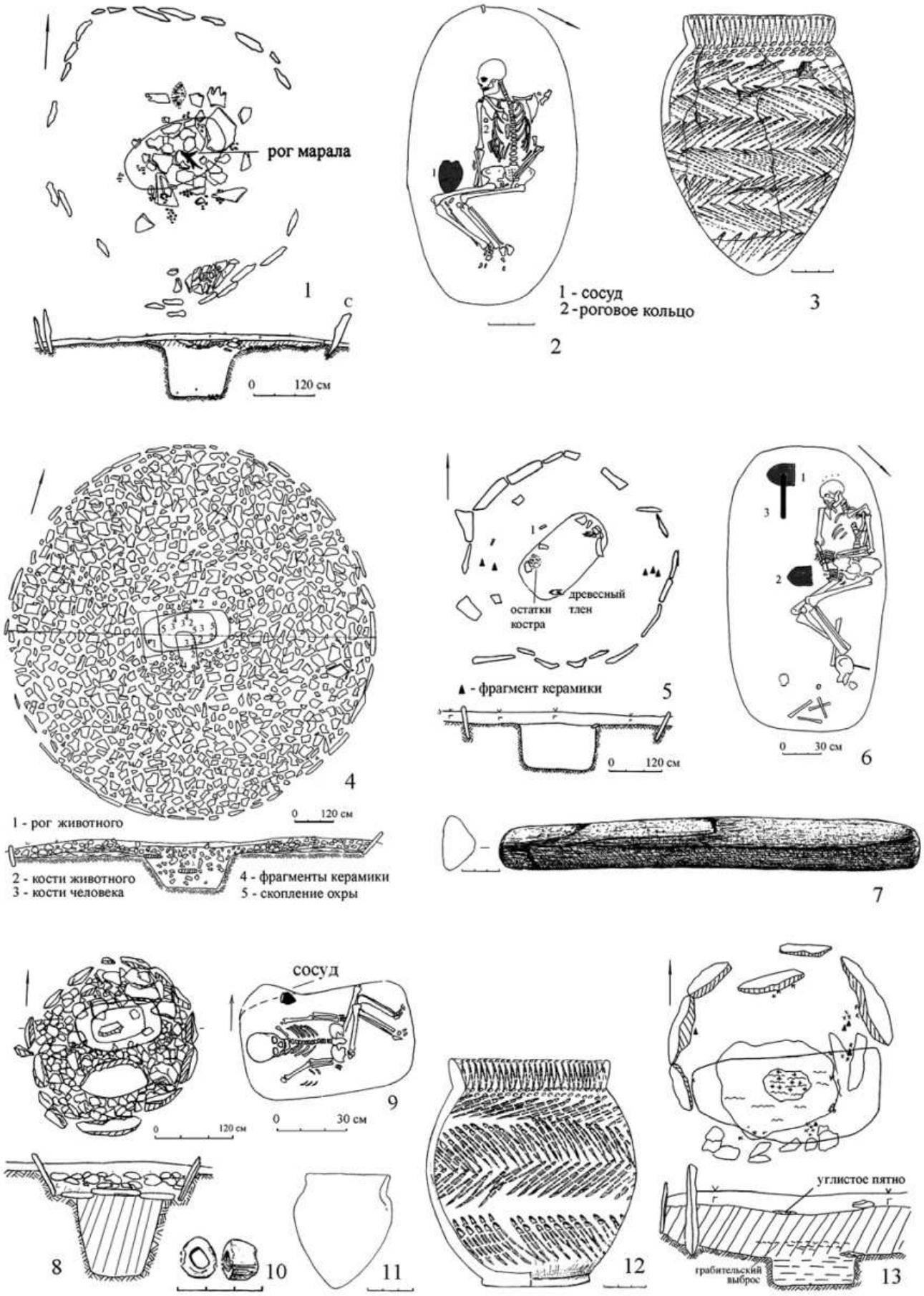

Рис. 15. Могильник Нижний Тюмечин-1, ограды 6 (1–3), 1 (4), 9 (5–7), 2 (8–11), 14 (12–13). По: Степанова, 2012г

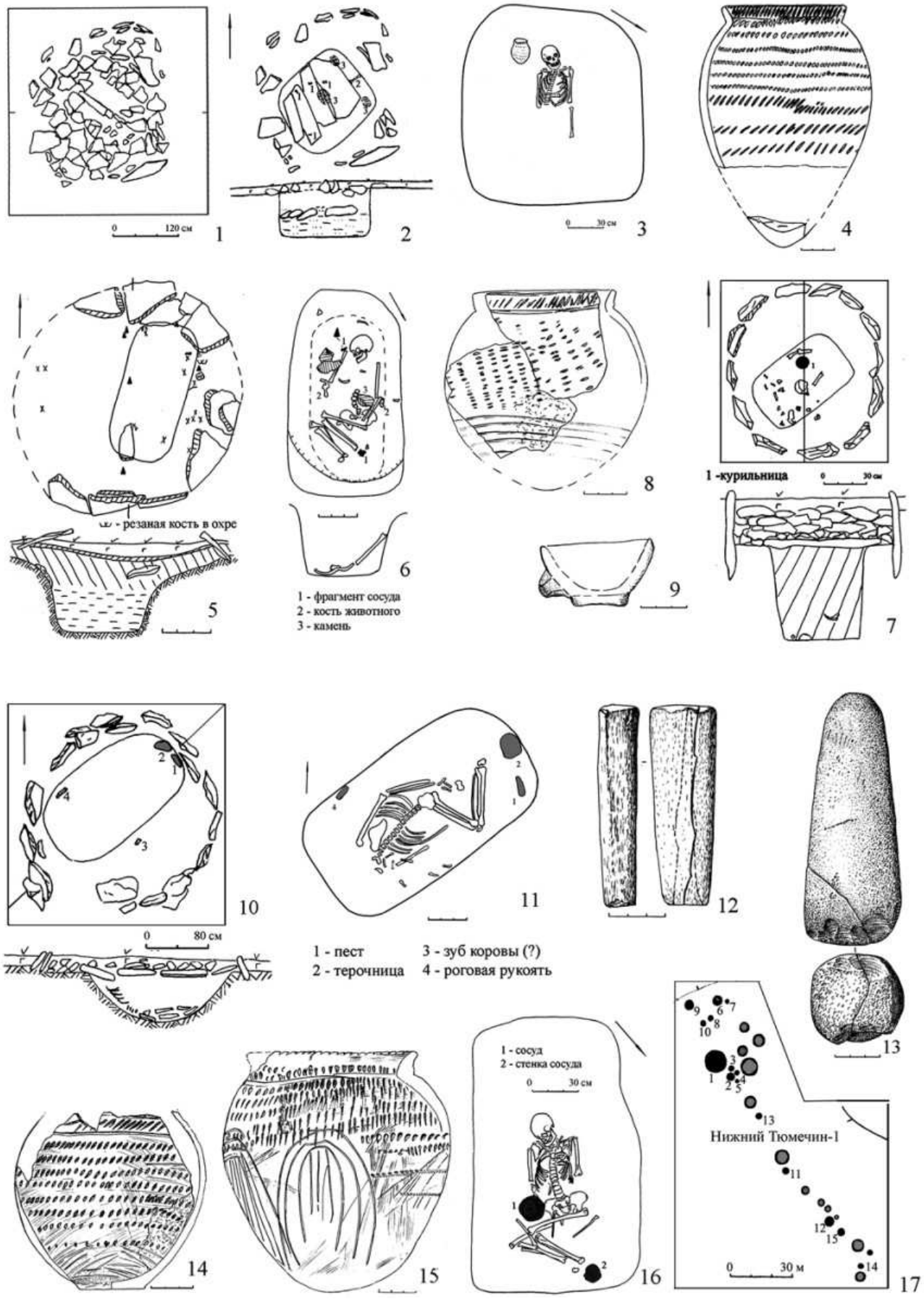

Рис. 16. Могильник Нижний Тюмечин-1, ограды 7 (1–4), 15 (5, 6, 8), 4 (7, 9), 3 (10–13), 10 (14–16), план памятника (17). По: Степанова, 2012г

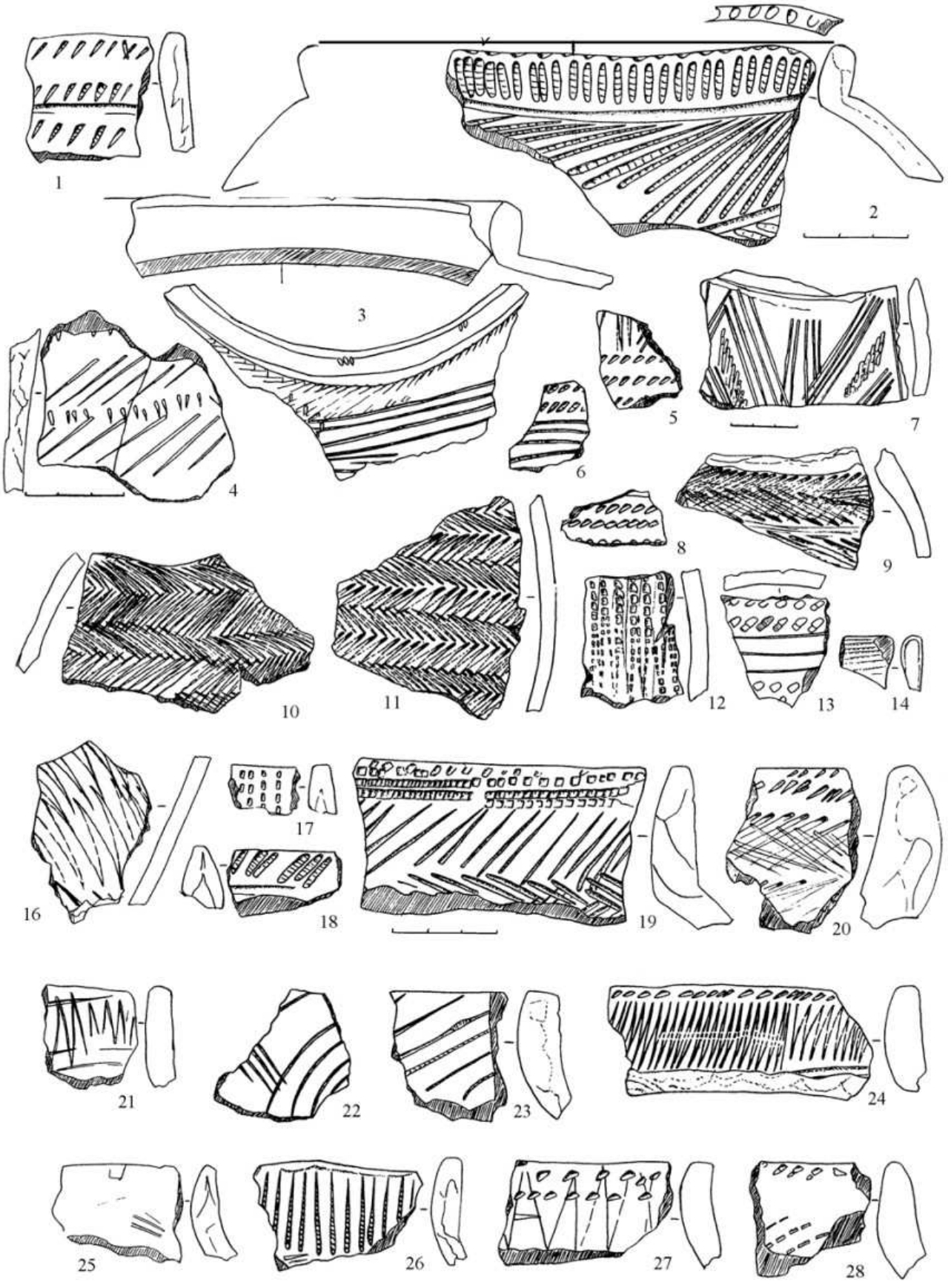

Рис. 17. Поселение Нижняя Соору, керамика. По: Ларин, Кунгурова, Степанова, 1998

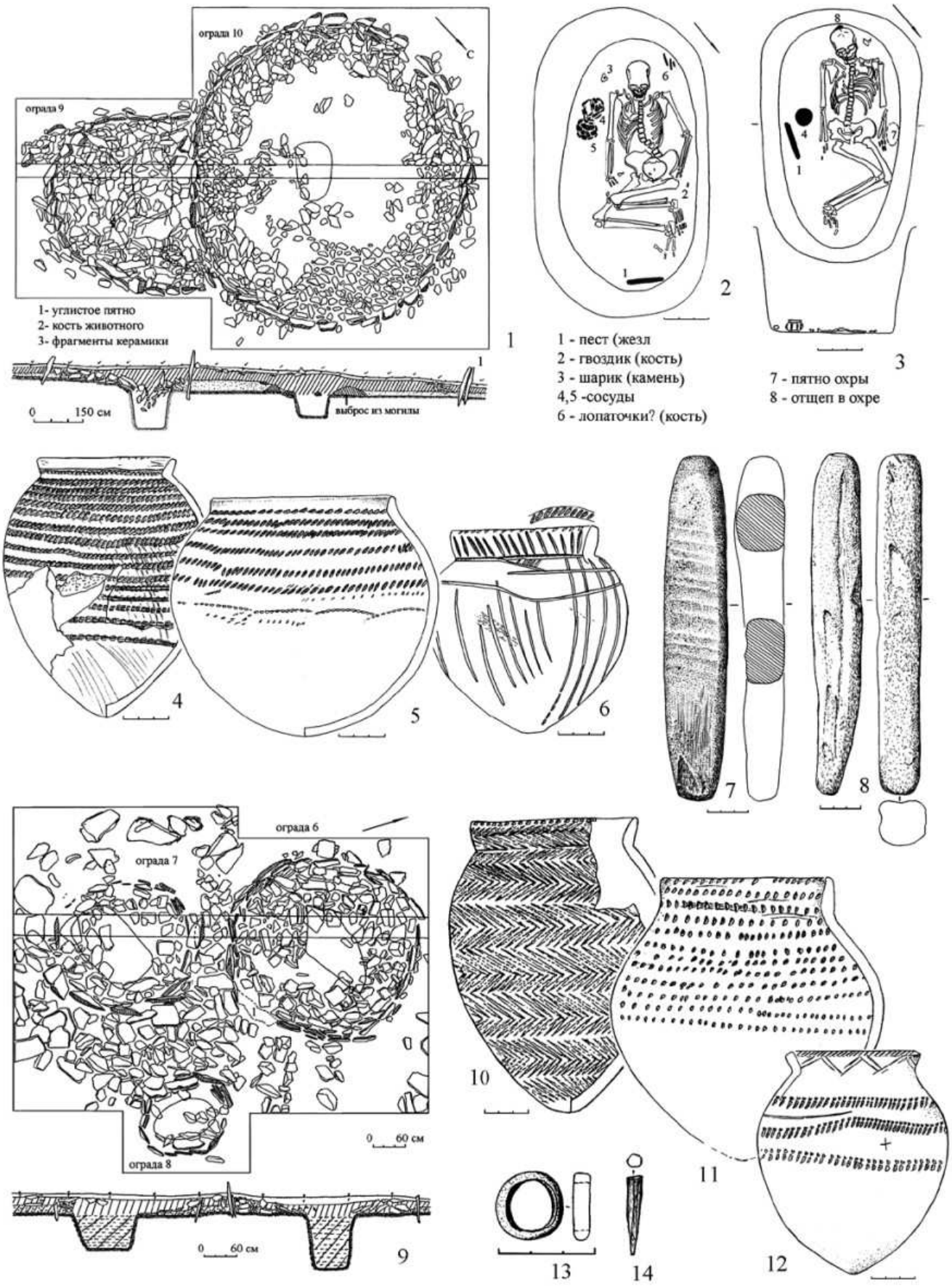

Рис.18. Могильник Первый Межелик-1, ограды 9–10 (1), 6–8 (9), 9 (2, 4, 5, 8, 13, 14), 10 (3, 6, 7), 6 (10, 11), 8 (12). По: Степанова, 2012г (1–12); архив С.В. Цыба (13)

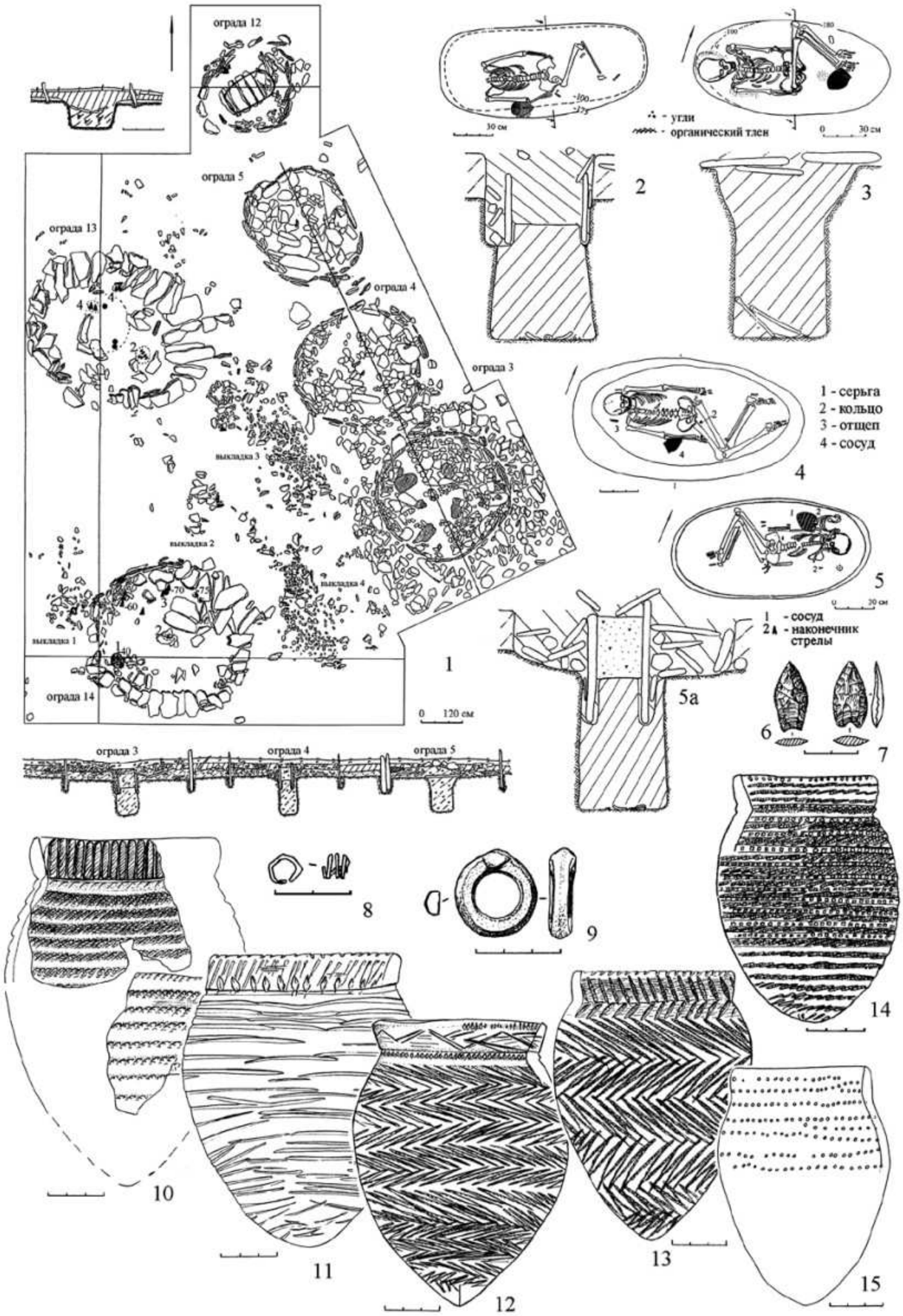

Рис. 19. Могильник Первый Межелик-1, ограды 4–5, 12–14 (1), 3 (2, 14), 5 (3, 11), 12 (4, 8, 9, 13), 4 (5–7, 12), 14 (10), 13 (15). По: Степанова, 2012г (1–7, 9–15); архив С.В. Цыба (8)

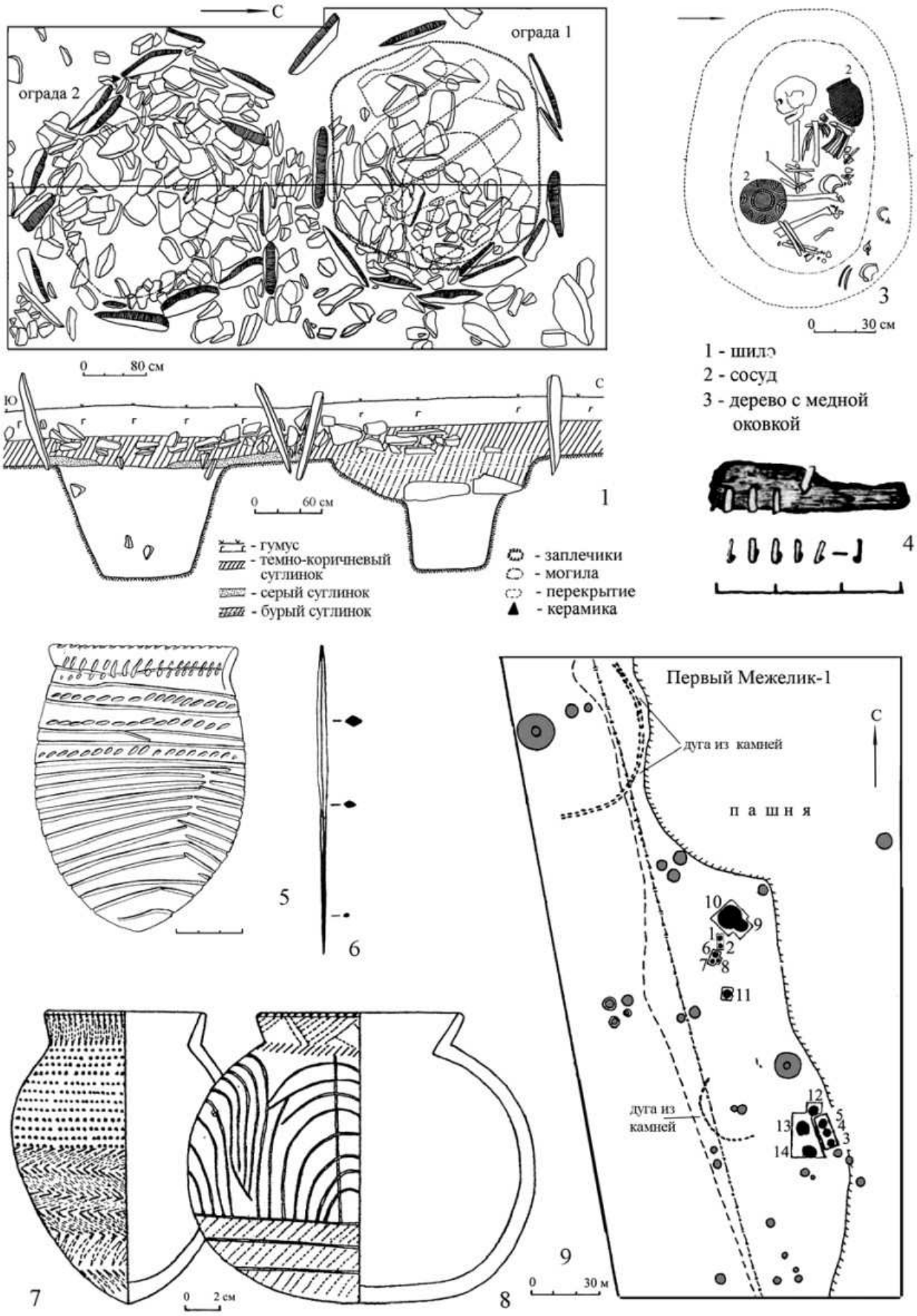

Рис. 20. Могильник Первый Межелик-1, ограды 1, 2 (1), погребение из ограды 2 (3), находки из ограды 1 (6, 7–8), ограды 2 (4, 5), план могильника (9). По: архив С.В. Цыба (4, 7–8)

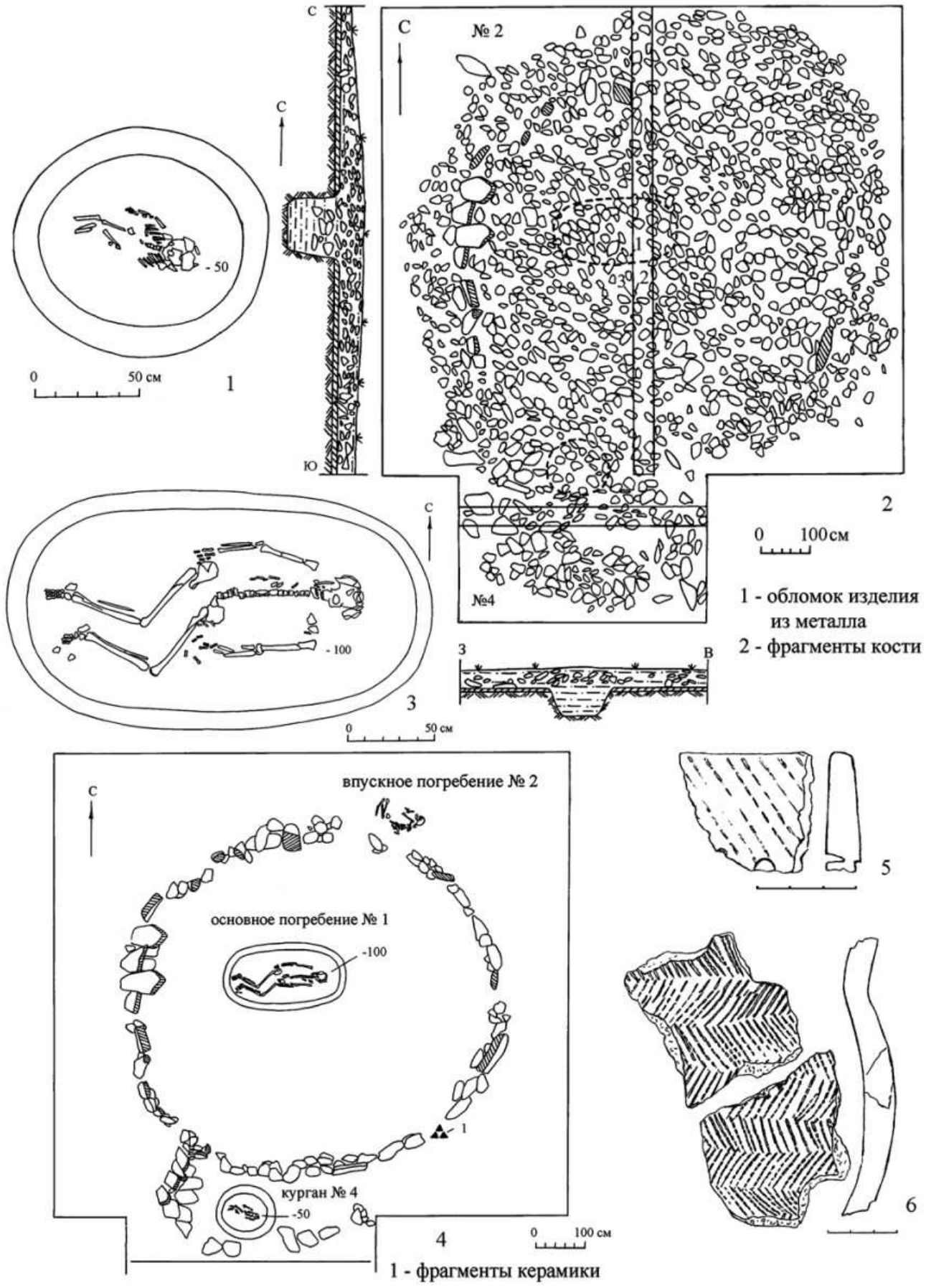

Рис. 21. Могильник Сальдяр-1, курганы 2 и 4 (2, 4), погребения из курганов 4 (1), 2 (3), фрагменты керамики из насыпи (5, 6). По: Ларин, 2005

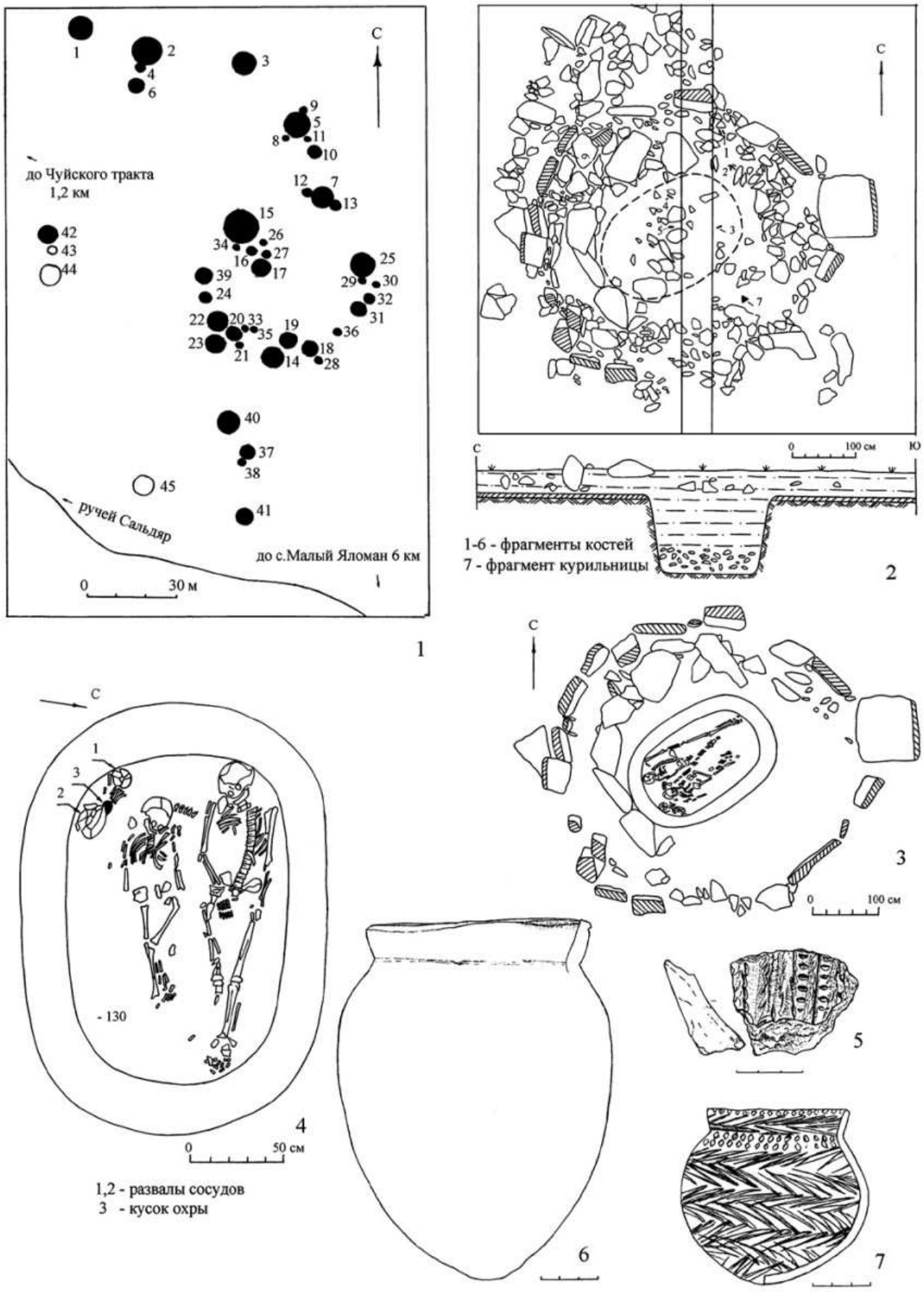

Рис. 22. Могильник Сальдяр-1, план (1), ограда 3 (2–7), фрагмент курильницы из насыпи ограды (5). По: Ларин, 2005

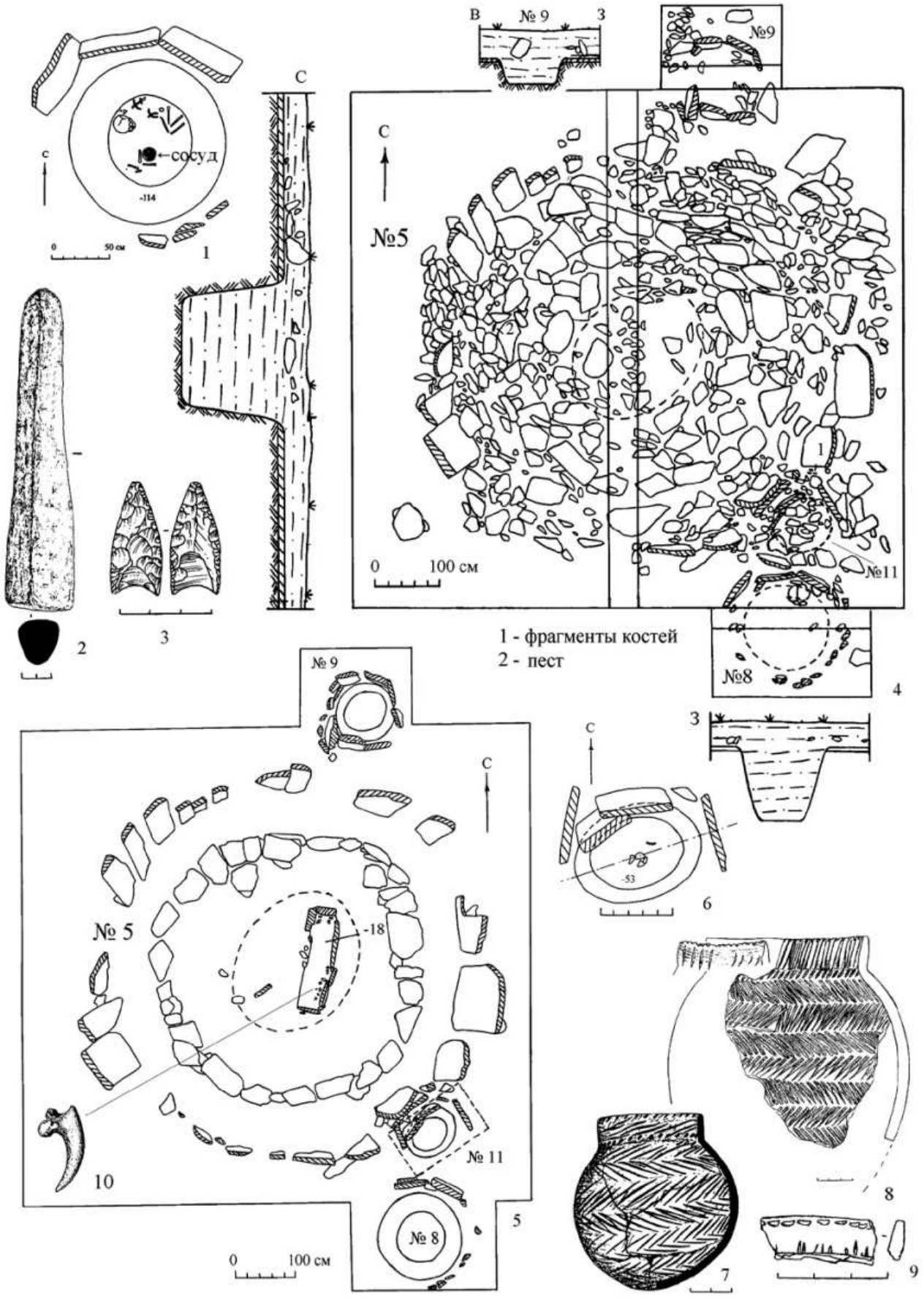

Рис. 23. Могильник Сальдяр-1, ограды 5, 8, 9, 11 (4, 5), ограда 8 (1), 11 (6).
Находки из ограды 5 (2, 3, 8), 8 (7), 9 (9). По: Ларин, 2005

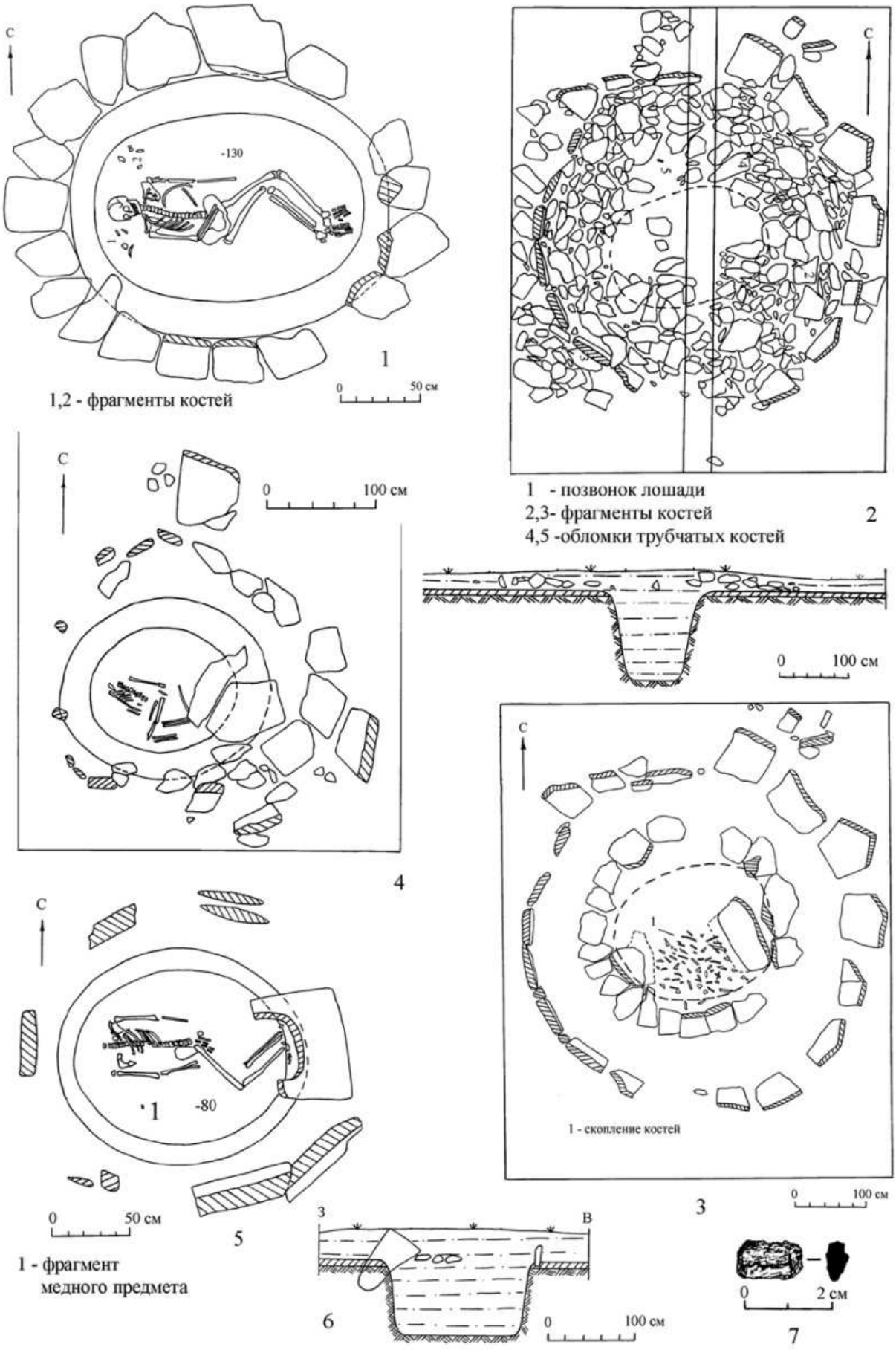

Рис. 24. Могильник Сальдяр-1, ограда 7 (1–3), ограда 10 (4), ограда 13 (5–7). По: Ларин, 2005

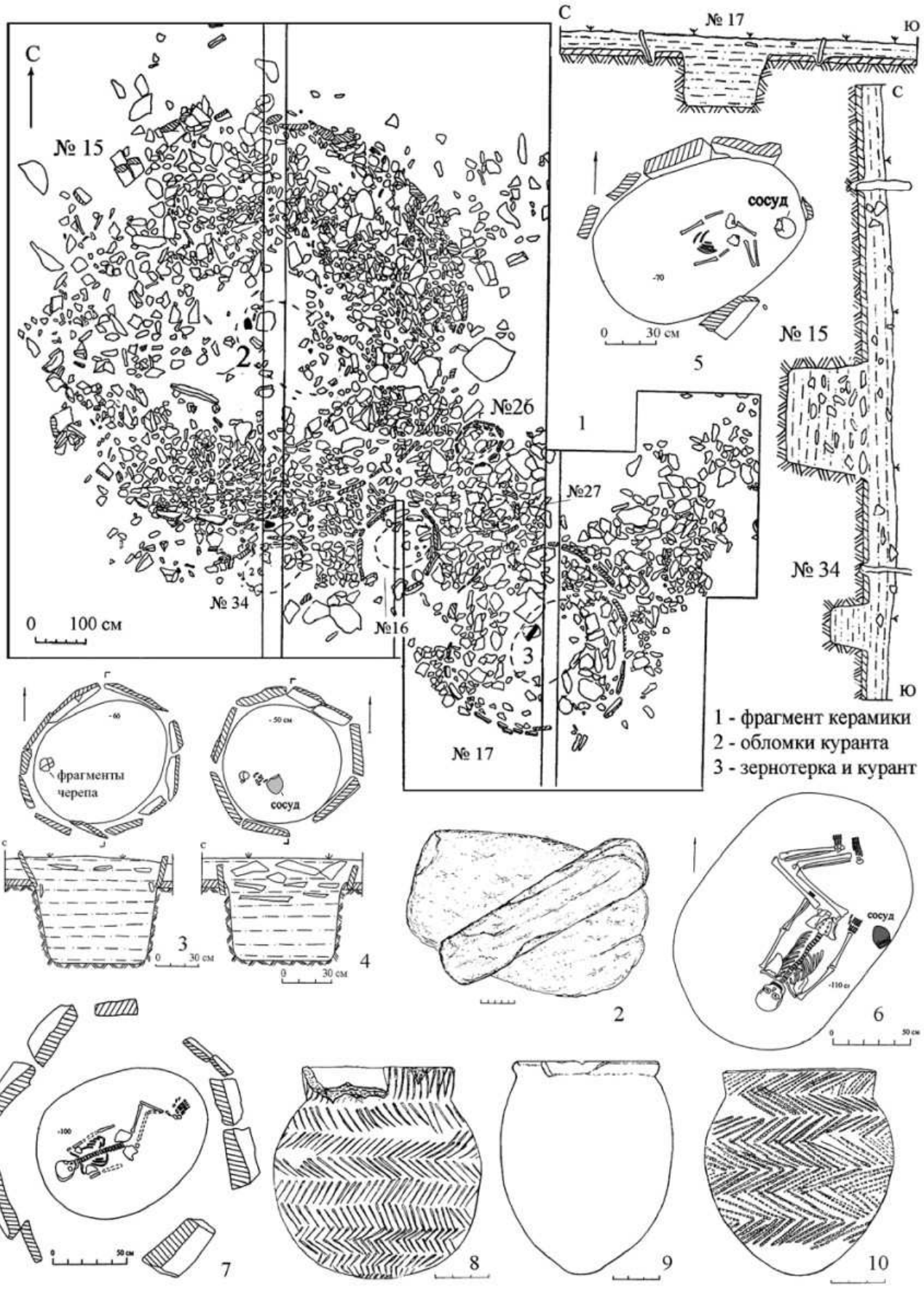

Рис. 25. Могильник Сальдяр-1, ограды 15, 16, 17, 26, 27, 34 (1), ограды и погребения 26 (3), 27 (4), 34 (5), 17 (6), 16 (7), находки из ограды 17 (2) и погребений 34 (8), 17 (9), 27 (10). По: Ларин, 2005

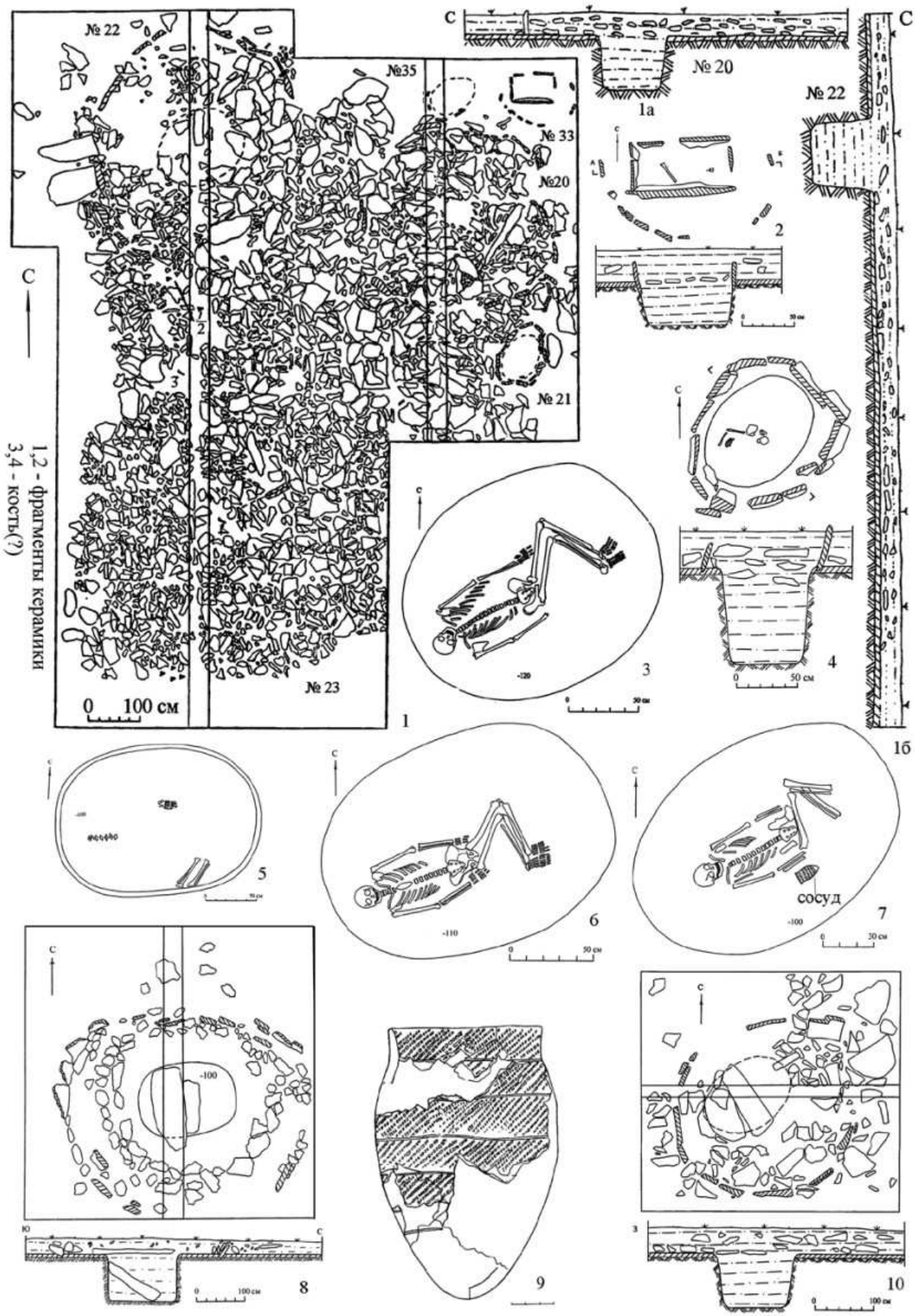

Рис. 26. Могильник Сальдяр-1, ограды 20, 21, 22, 23, 33, 35 (1, 1а, б), 39 (5, 8), 24 (7, 9, 10), 33 (2), 22 (3), 21 (4), 20 (6). По: Ларин, 2005

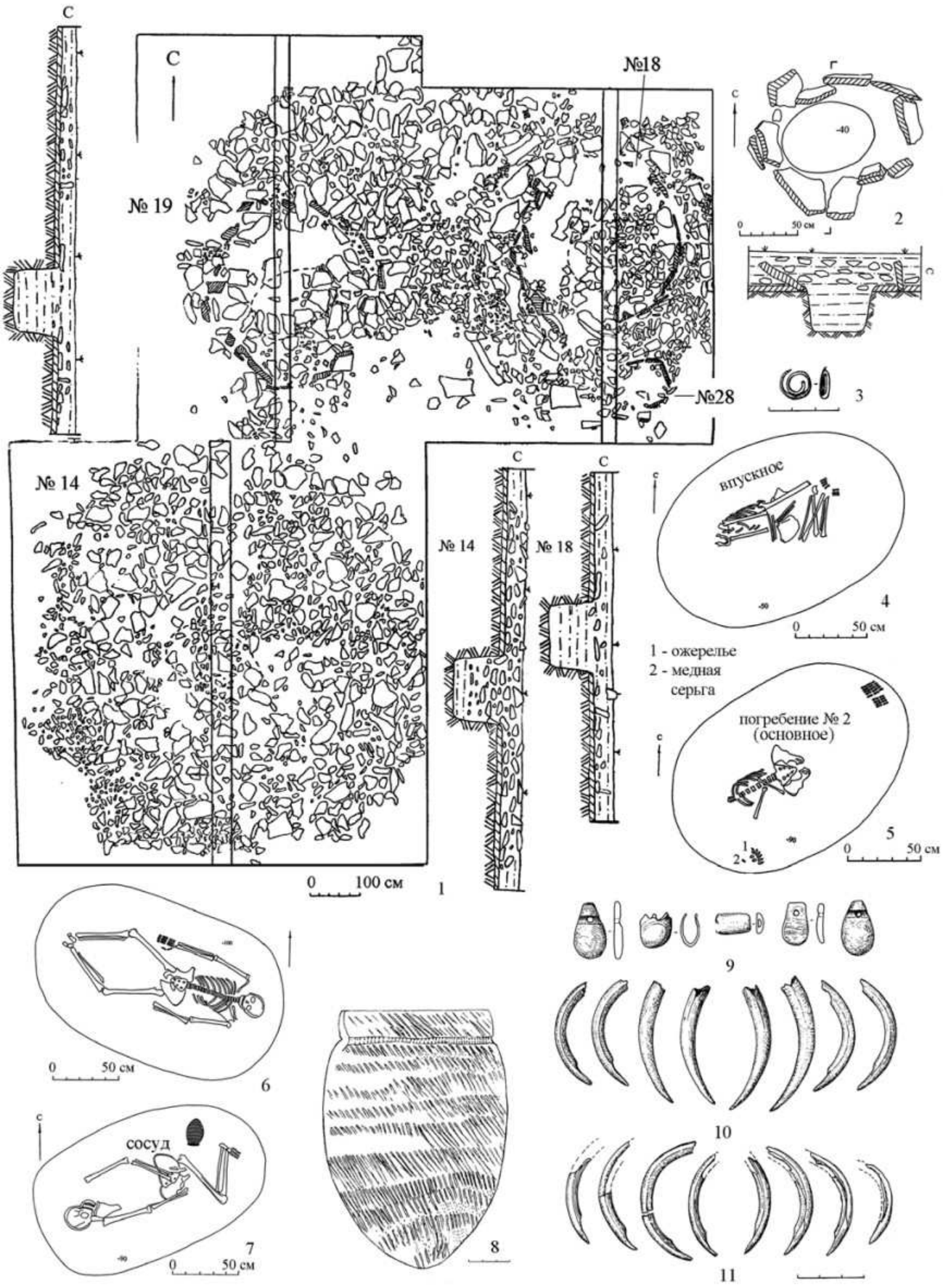

Рис. 27. Могильник Сальдяр-1, курган 14, ограды 18, 19, 28 (1), ограда 28 (2), погребения из оград 19 (4, 5), 14 (6), 18 (7), сосуд из ограды 18 (8), украшения из ограды 19 (3, 9–11). По: Ларин, 2005

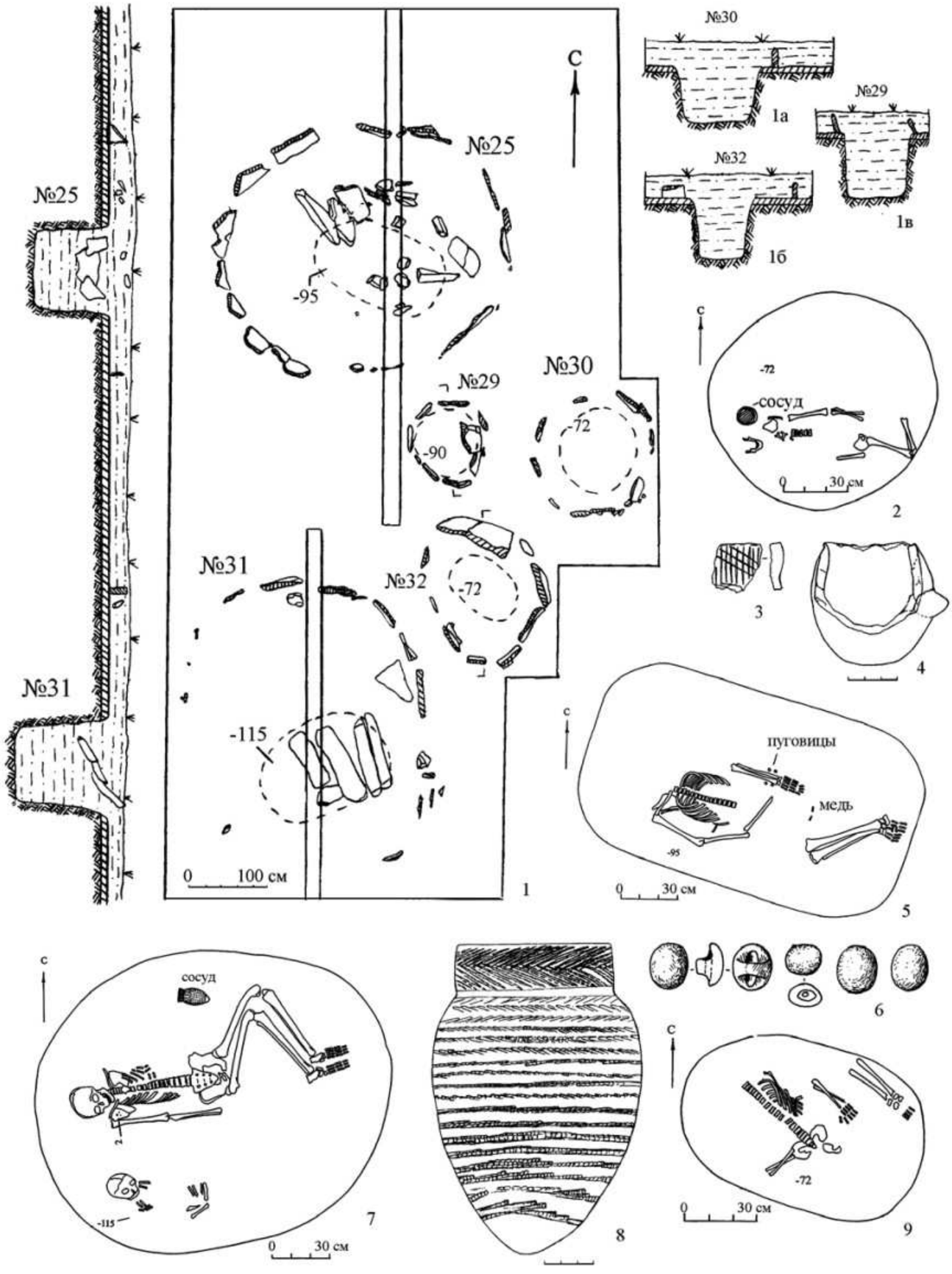

Рис. 28. Могильник Сальдяр-1, ограды 25, 29, 30, 31, 32 (1, 1а–в), погребения в оградах 30 (2), 25 (5), 31 (7), 32 (9), инвентарь из могил оград 25 (6), 30 (3), 29 (4), 31 (8). По: Ларин, 2005

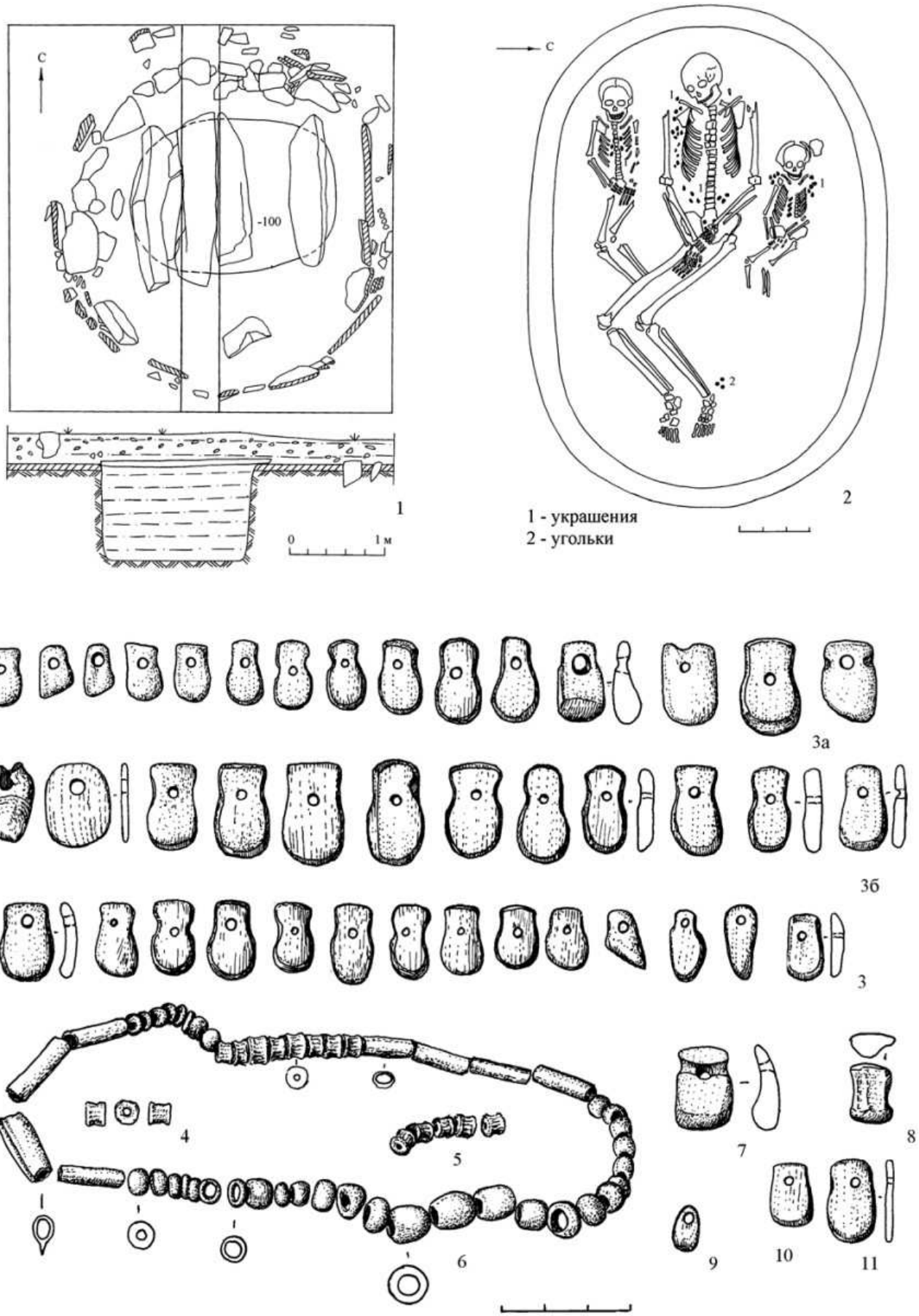

Рис. 29. Могильник Сальдяр-1, курган 36. По: Ларин, 2005

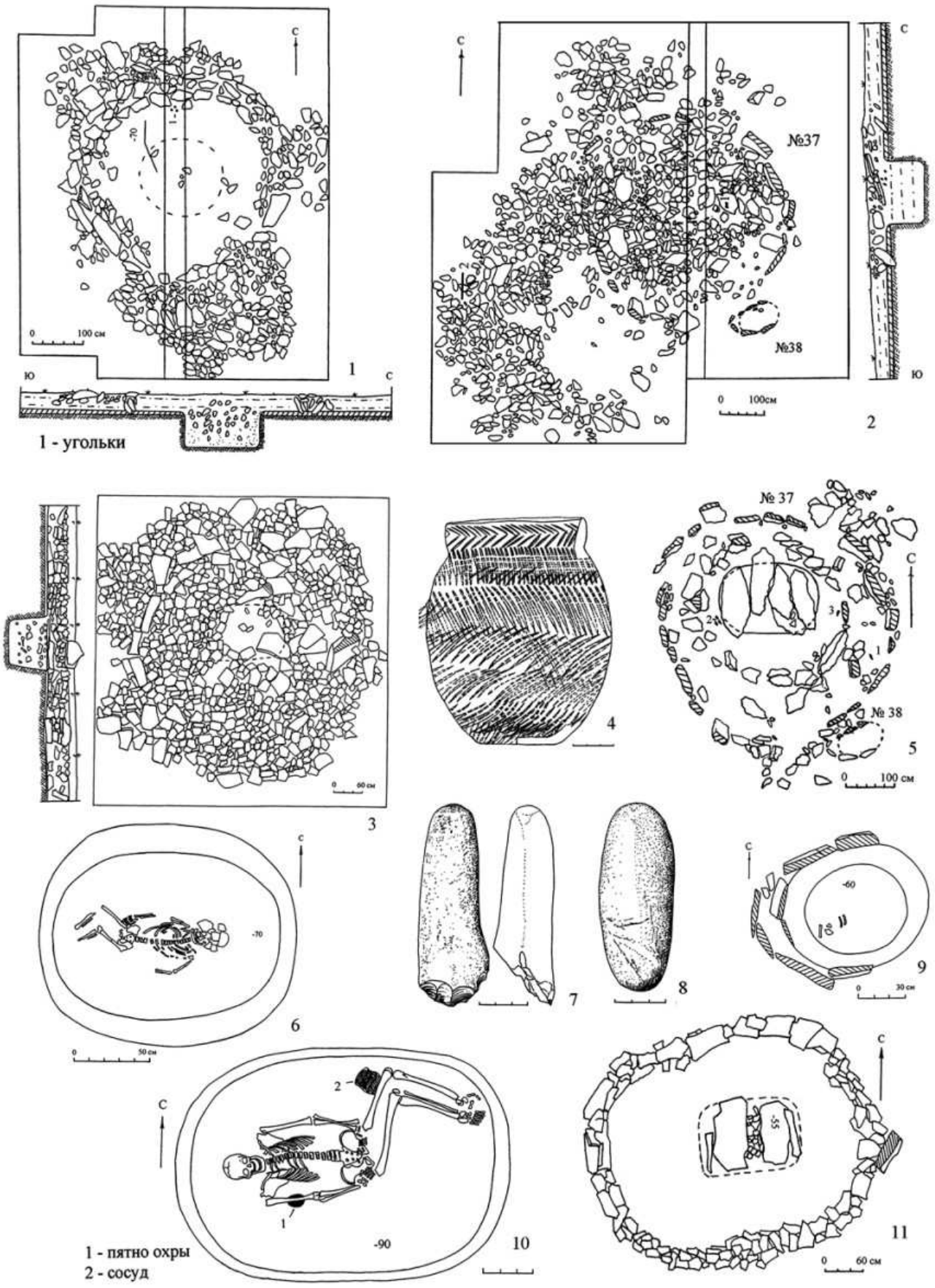

Рис. 30. Могильник Сальдяр-1, курганы 40 (1, 6), 37, 38 (2, 5, 9, 10), 41 (3, 11) и инвентарь из курганов 37 (4), 41 (7, 8). По: Ларин, 2005

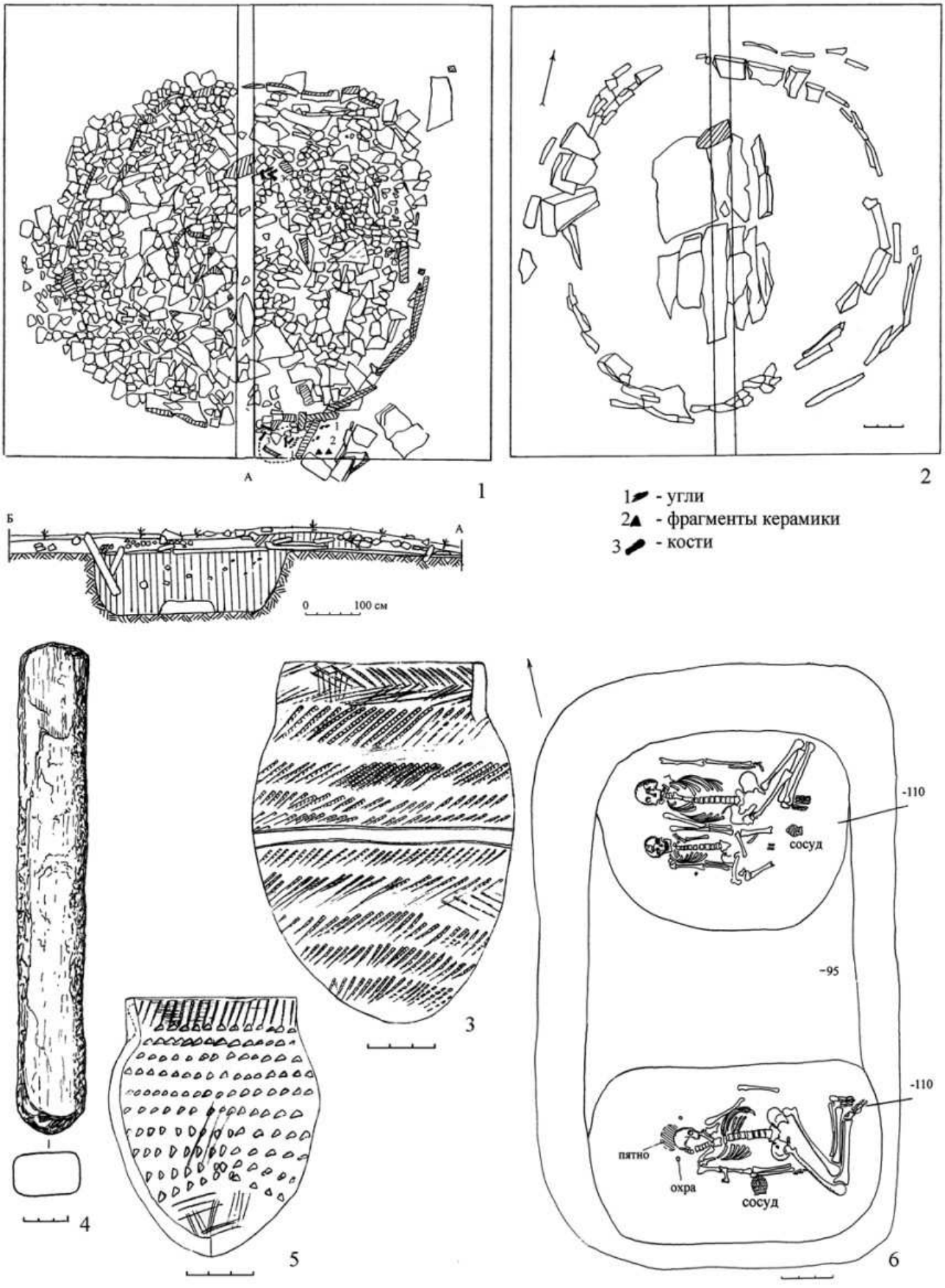

Рис. 31. Могильник Сальдяр-1, курган 42. По: Ларин, 2005

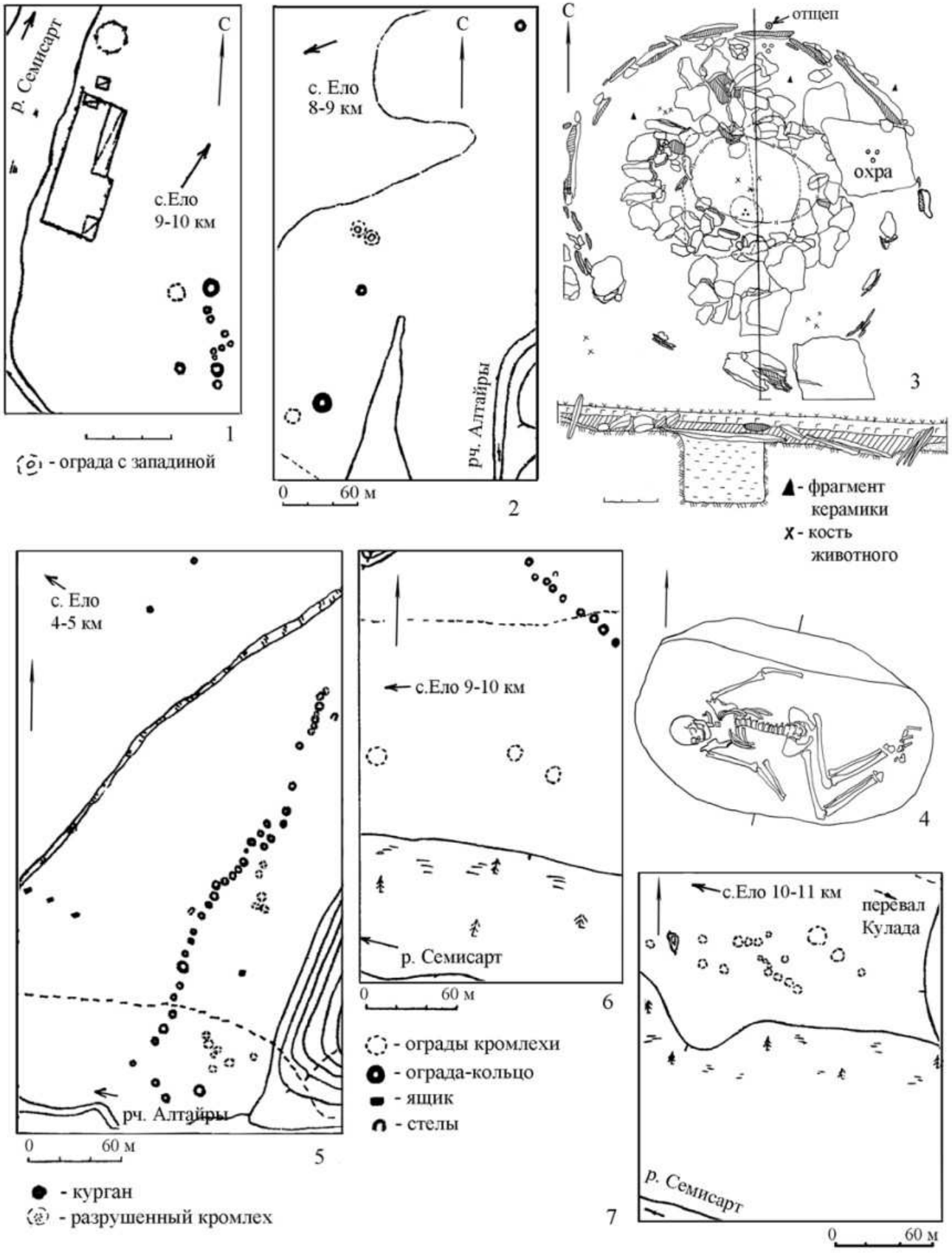

Рис. 32. Планы могильников Семисарт-5 (1), Семисарт-3 (2), Семисарт-6 (6), Семисарт-7 (7). Могильник Семисарт-2 (3–5). По: Степанова, Владимиров, Цыб, 2005

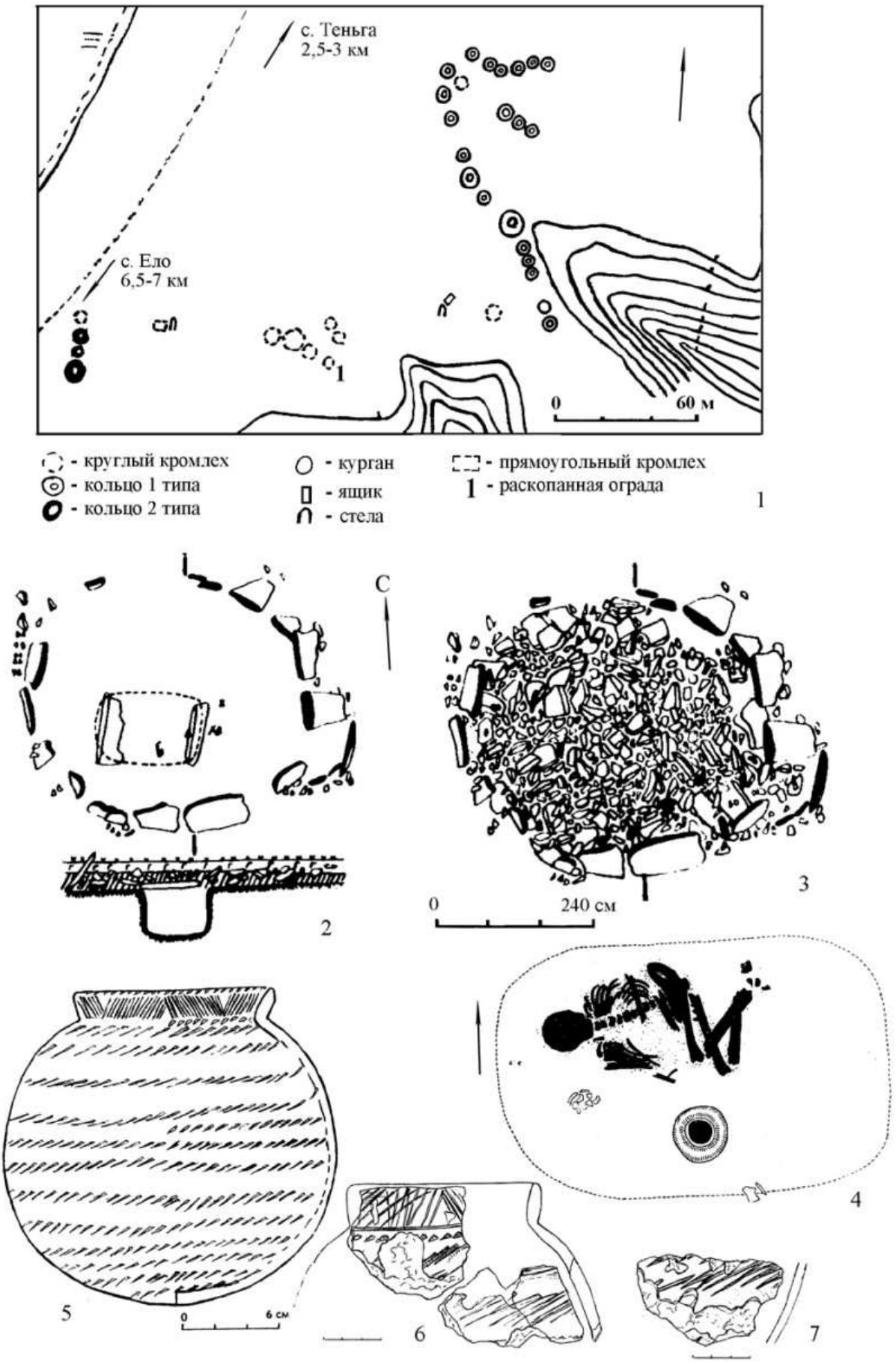

Рис. 33. Могильник Теньга-4, план памятника (1), ограда 2. По: Степанова, Владимиров, Цыб, 2005

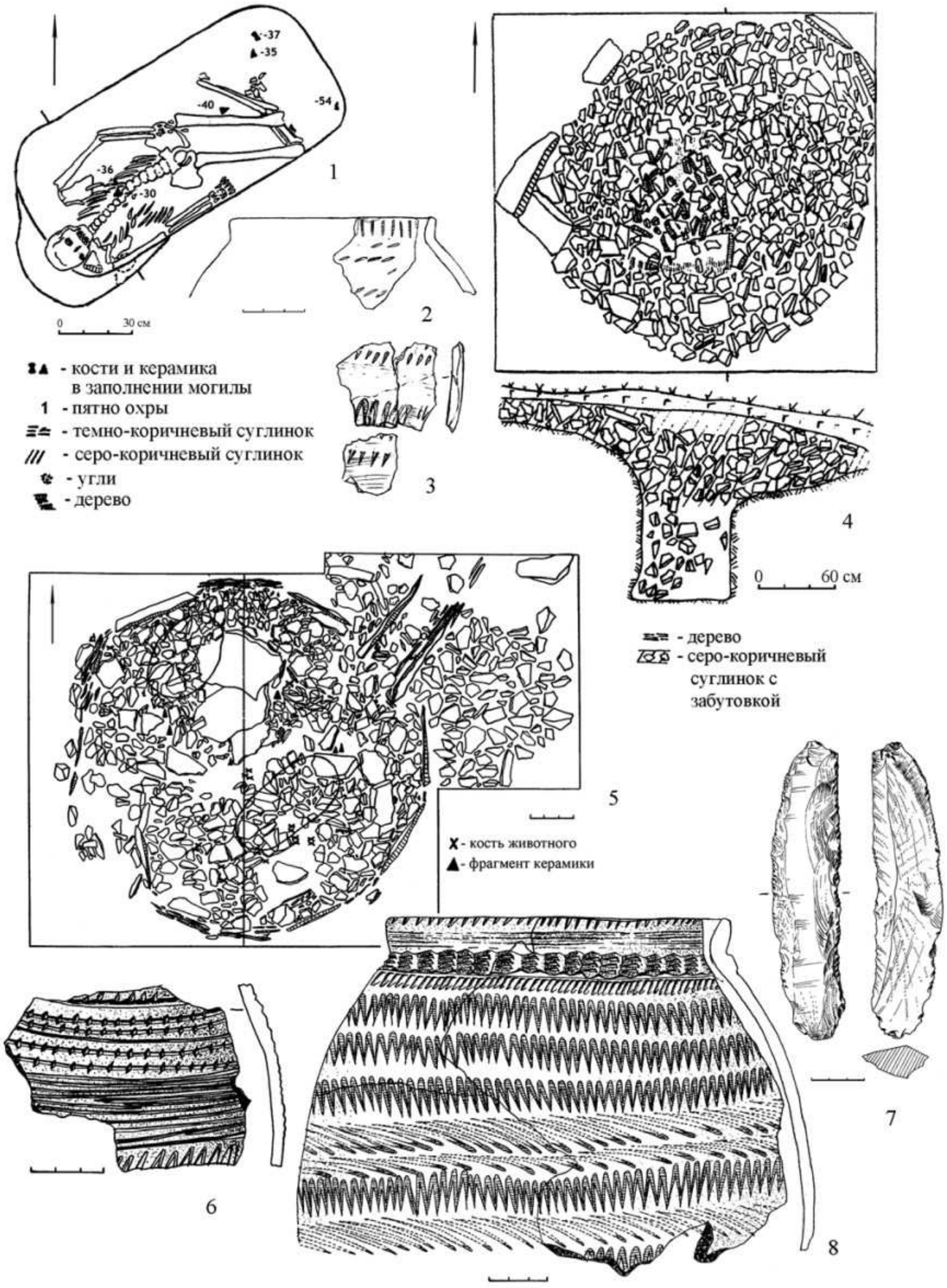

Рис. 34. Могильники Теньга-4, огр. 1 (1–4), Улита (5–8).
По: Степанова, Владимиров, Цыб, 2005 (1–4); Цыб, Мамадаков, Степанова, 1998 (5–8)

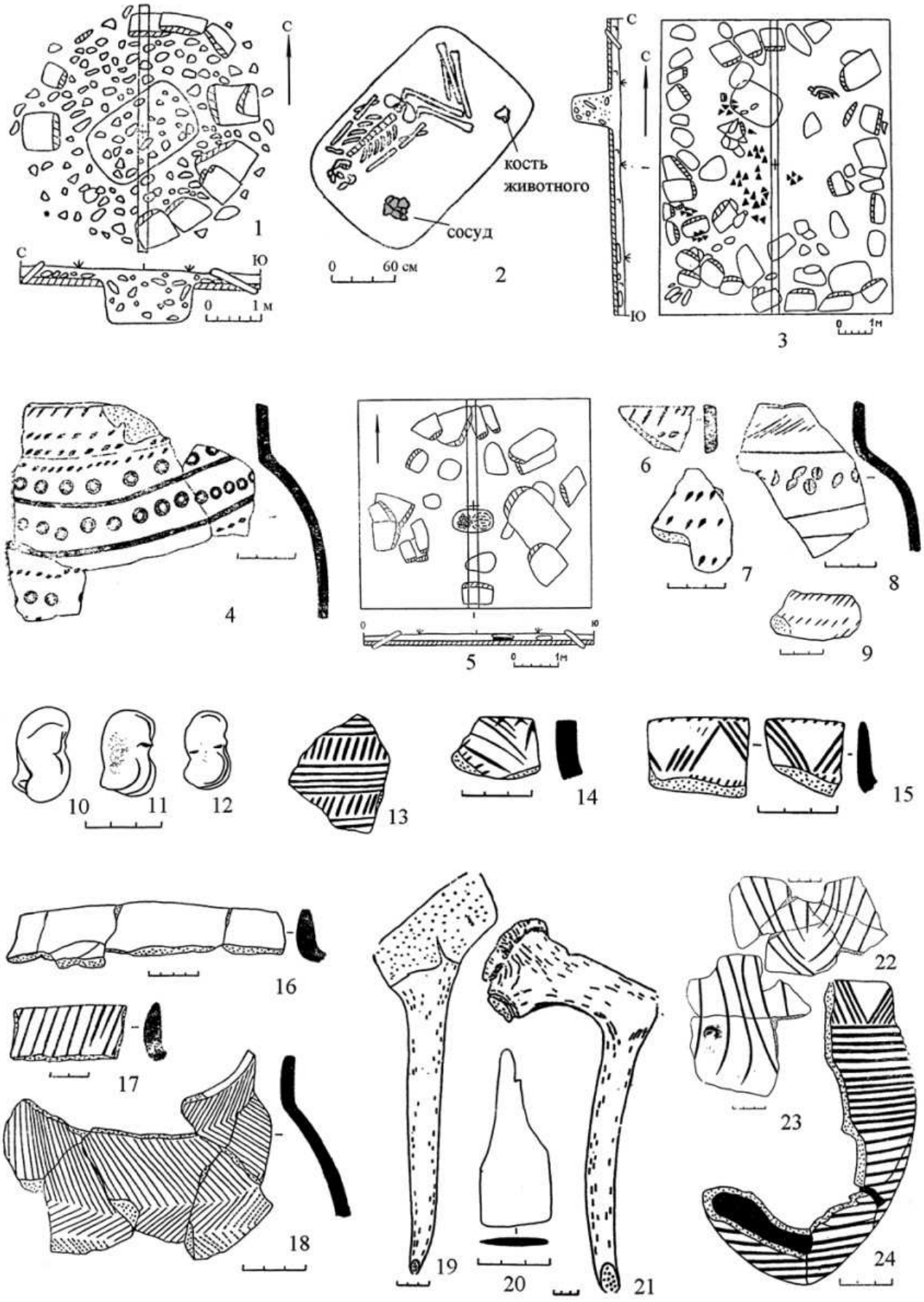

Рис. 35. Могильник Урмулык, п. 3 (1, 2, 24), огр. 5 (5, 9, 16, 22, 23), п. 6 (3, 4, 6–8, 10–15, 17–21).
По: Суразаков, 1987 (1–24)

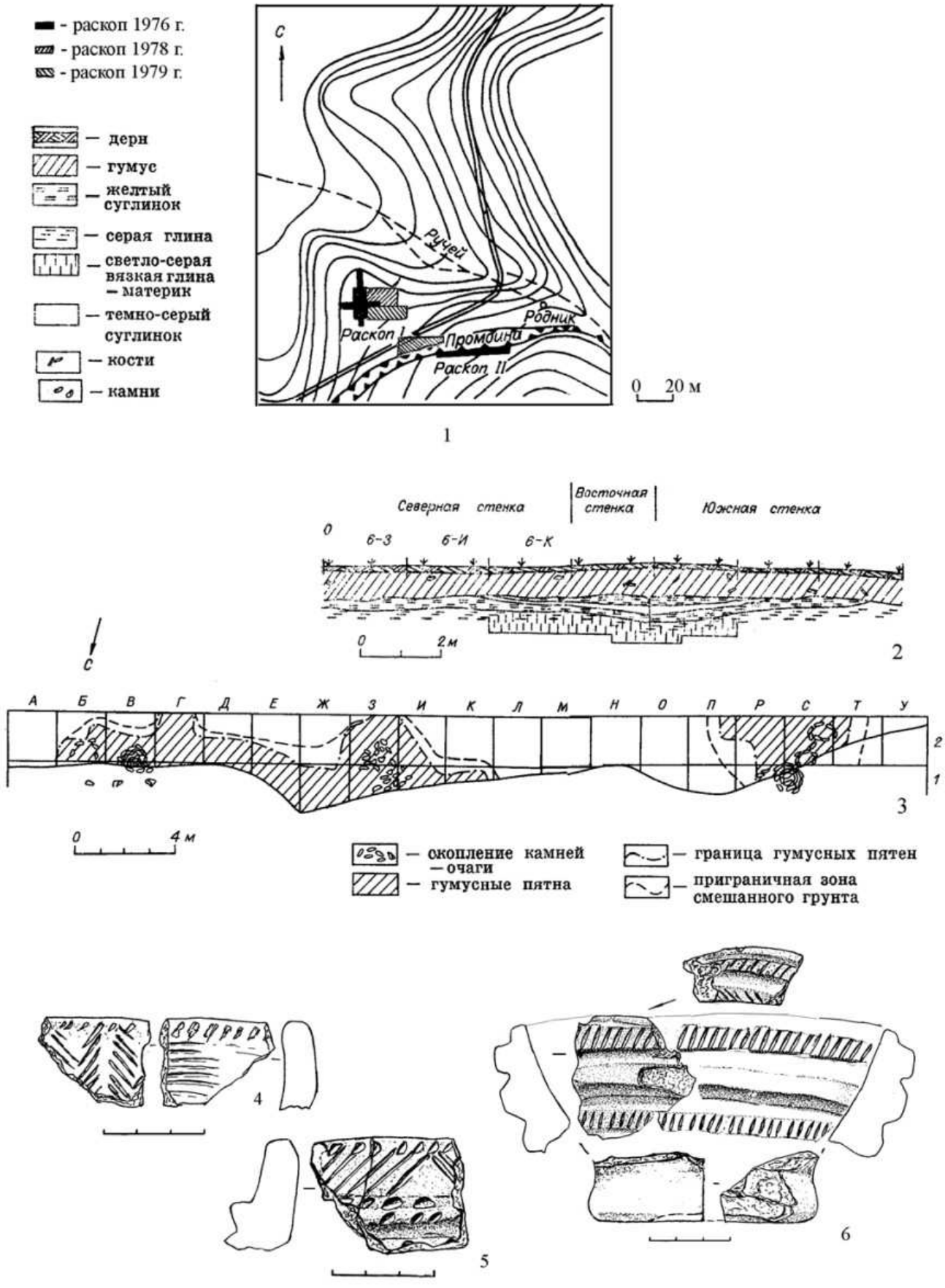

Рис. 36. Поселение Кара-Тенеш. По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006

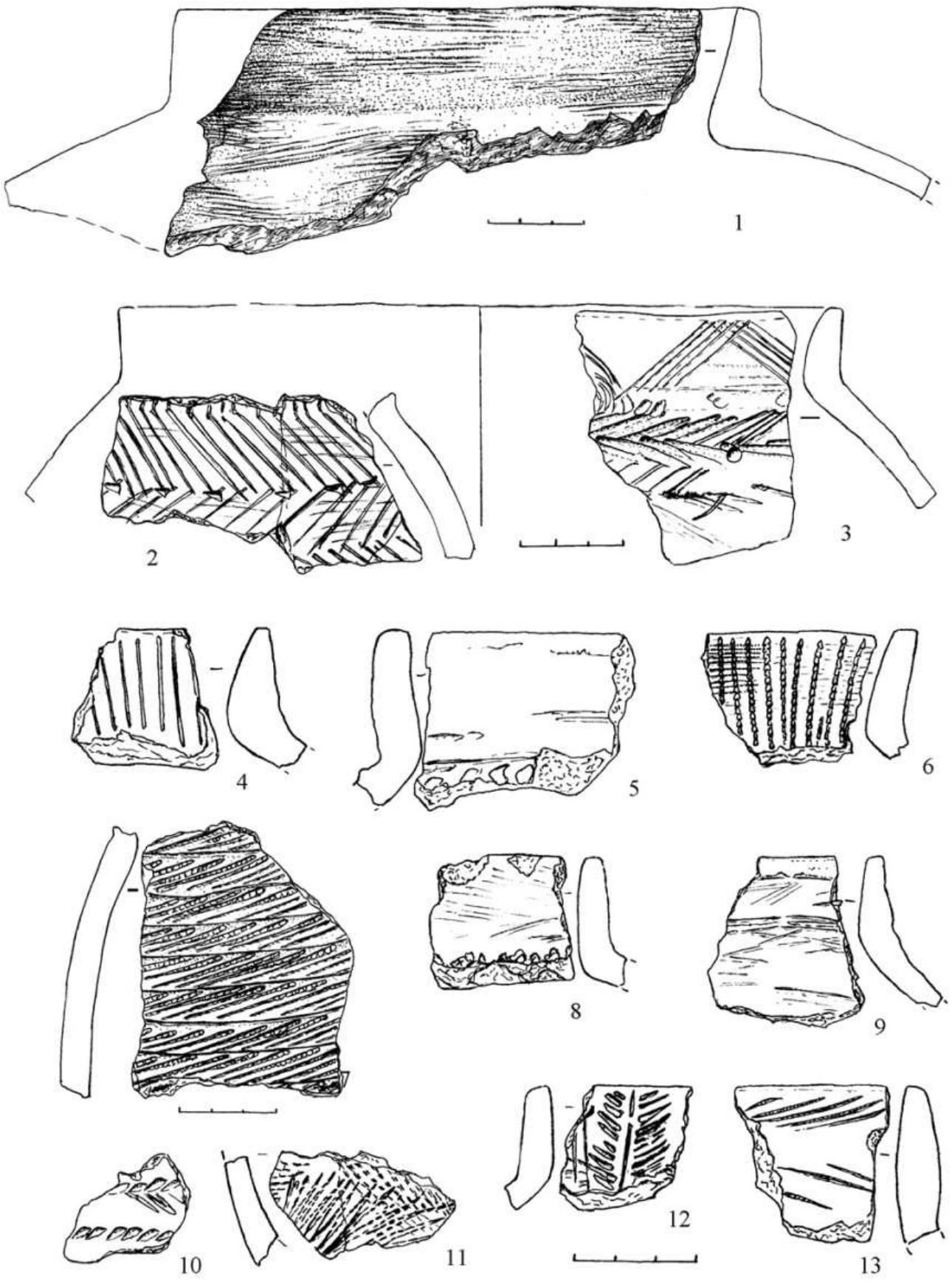

Рис. 37. Керамика с поселения Кара-Тенеш. По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006

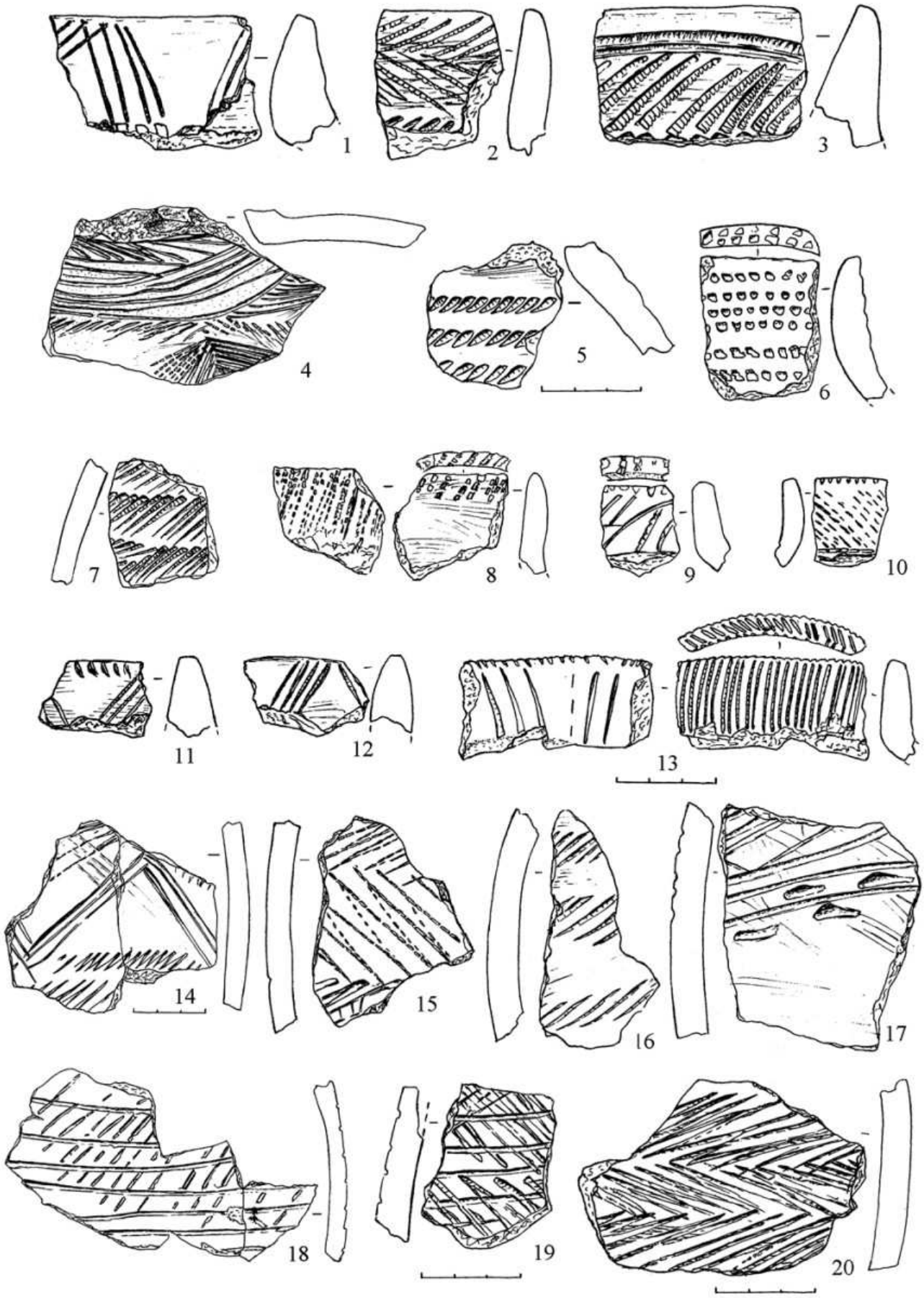

Рис. 38. Керамика с поселения Кара-Тенеш. По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006

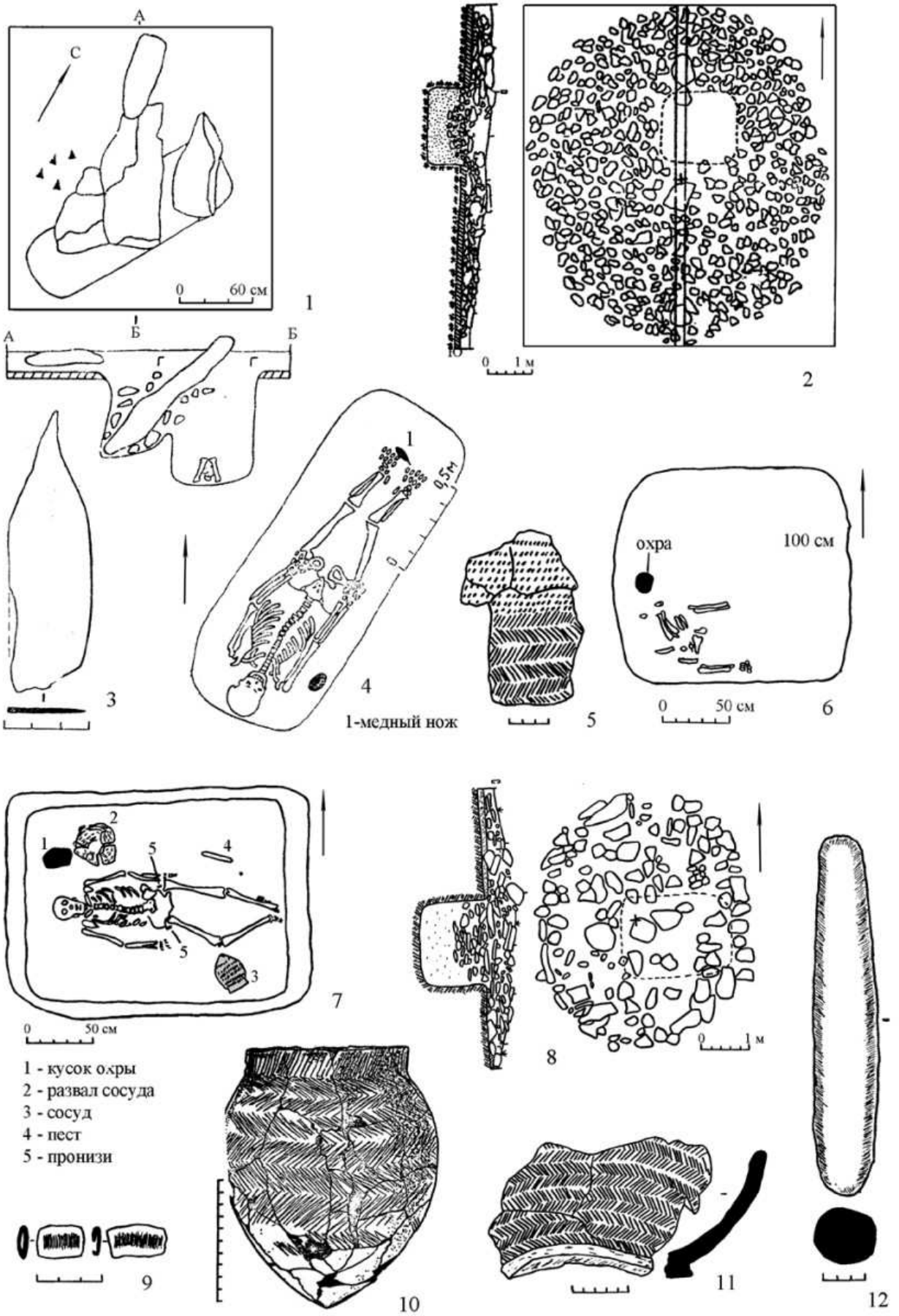

Рис. 39. Могильники Айрыдаш-I, погребение 15 (1, 3–4), курган 84 (2, 6), Кор-Кобы-I, курган 9 (5, 7–9, 11, 12). По: Ларин, 1993 (2, 5–9, 11, 12), 1990 (10)

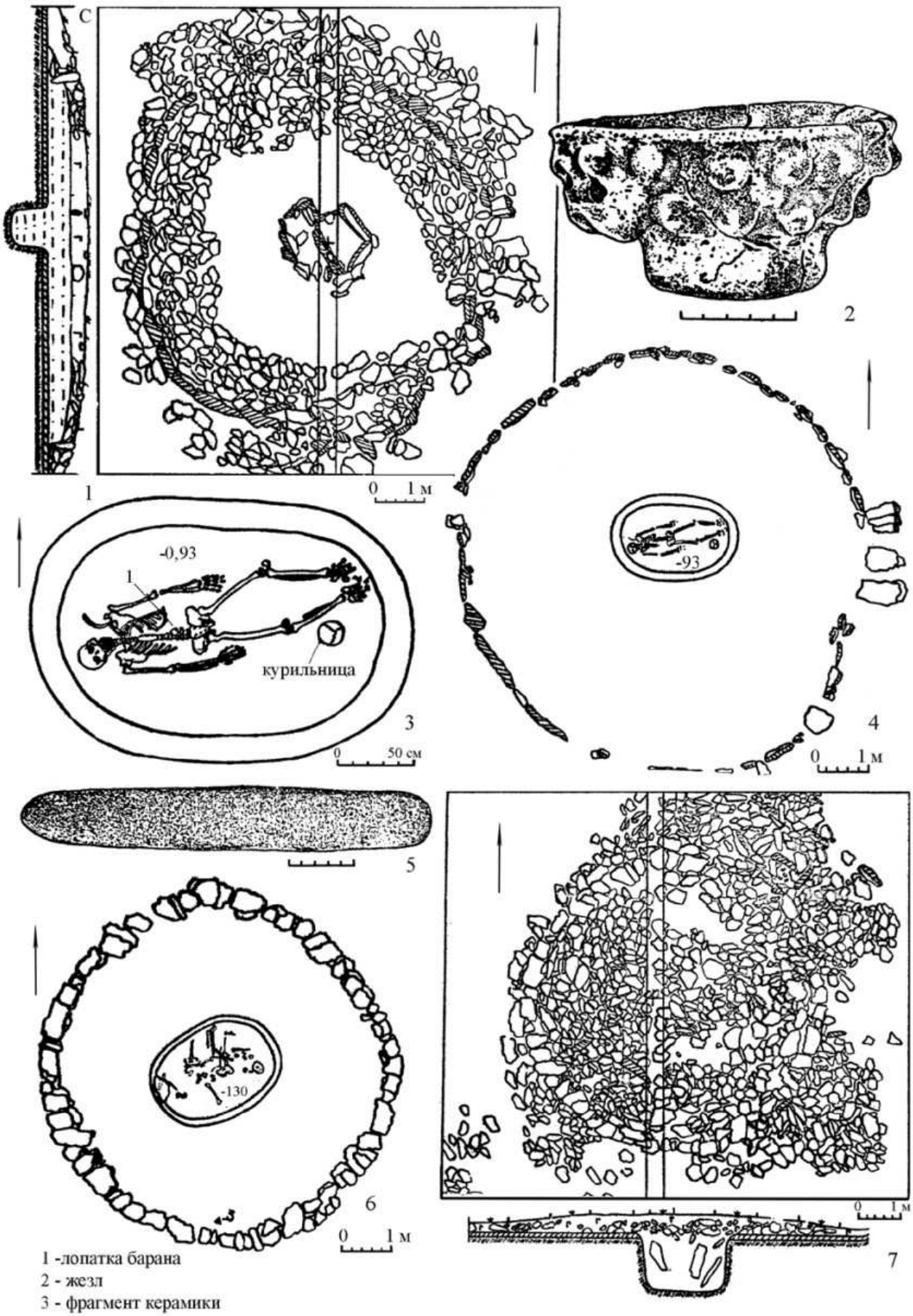

Рис. 40. Могильник Кор-Кобы-I, курган 1 (1–4), 6 (5–7). По: Ларин, 1990

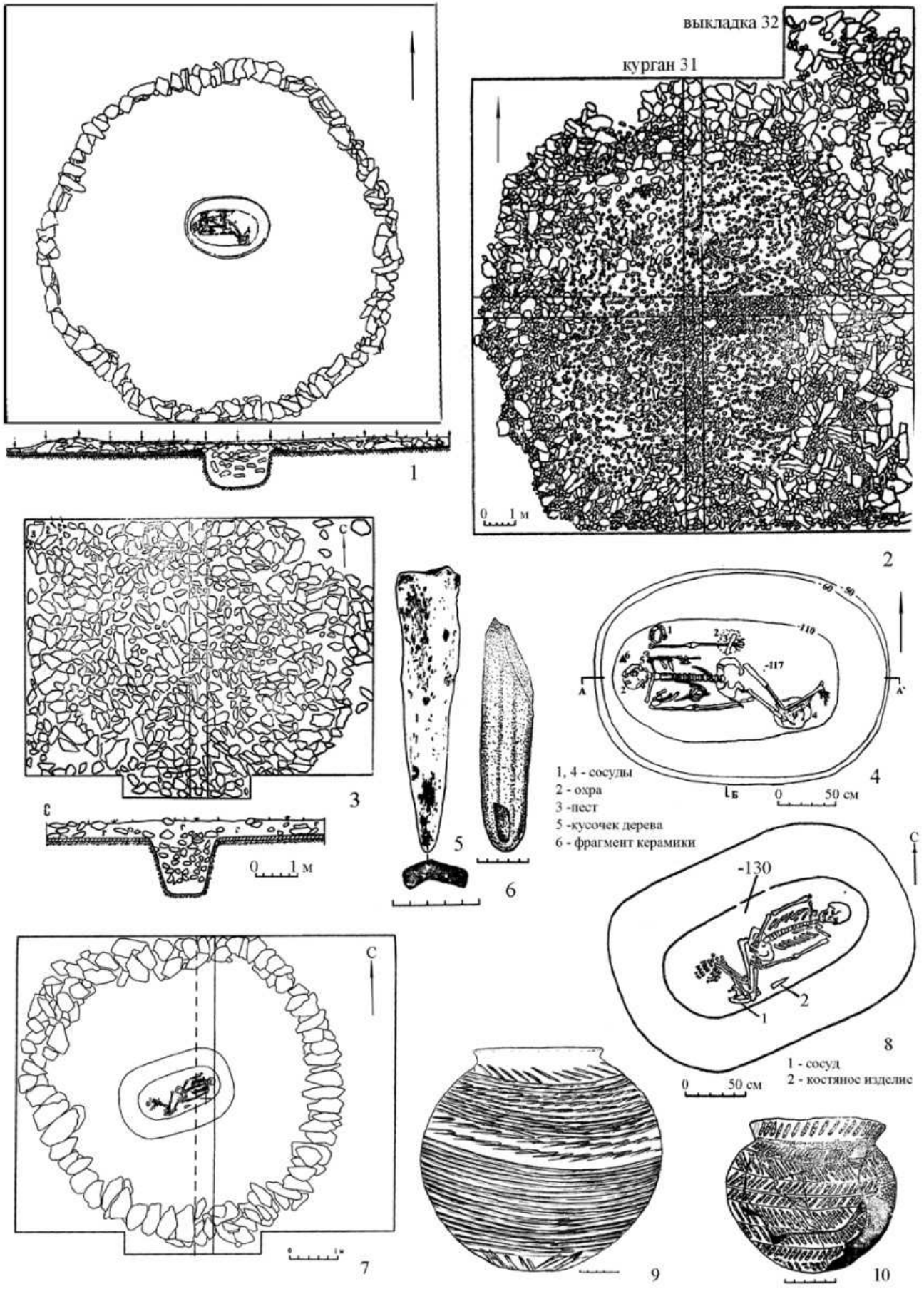

Рис. 41. Могильник Кызык-Телань-I, курган 31 (1–4, 6, 9, 10), 33 (5, 7, 8). По: Ларин, 1990

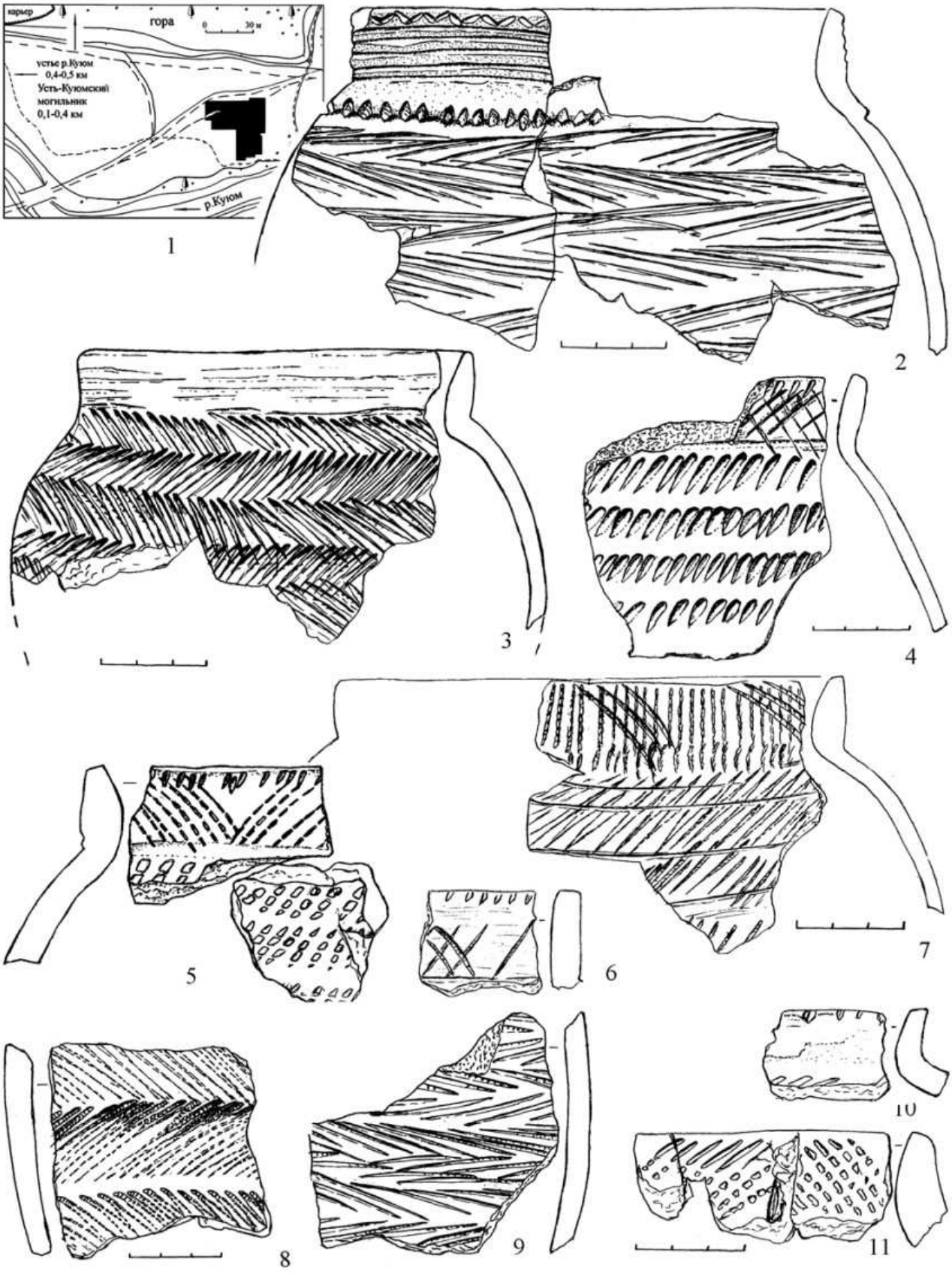

Рис. 42. Поселение Малый Дуган: план памятника (1), керамика афанасьевской культуры (2–11)

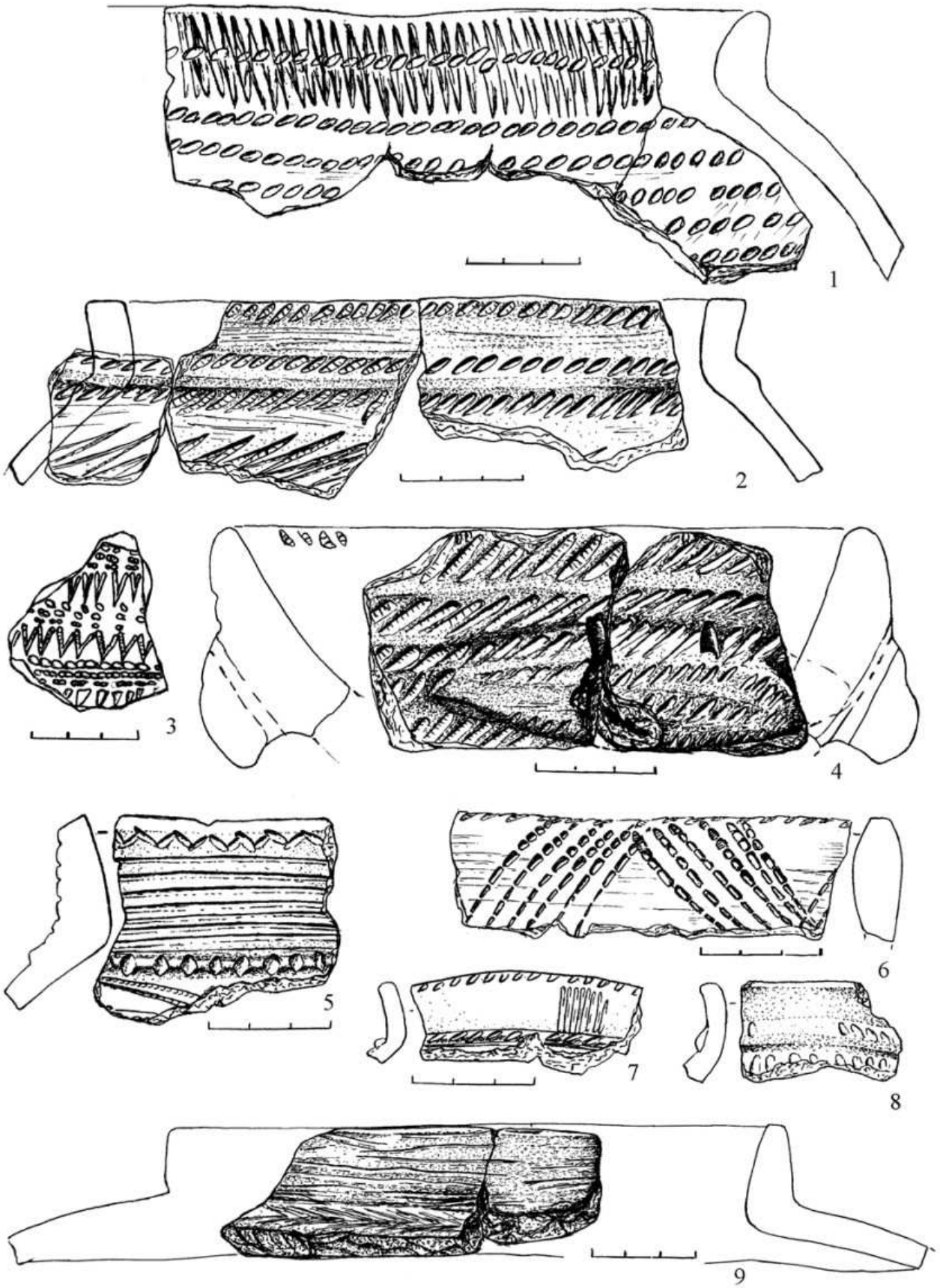

Рис. 43. Керамика афанасьевской культуры с поселения Малый Дуган (1, 2, 4–9), эпохи бронзы (3)

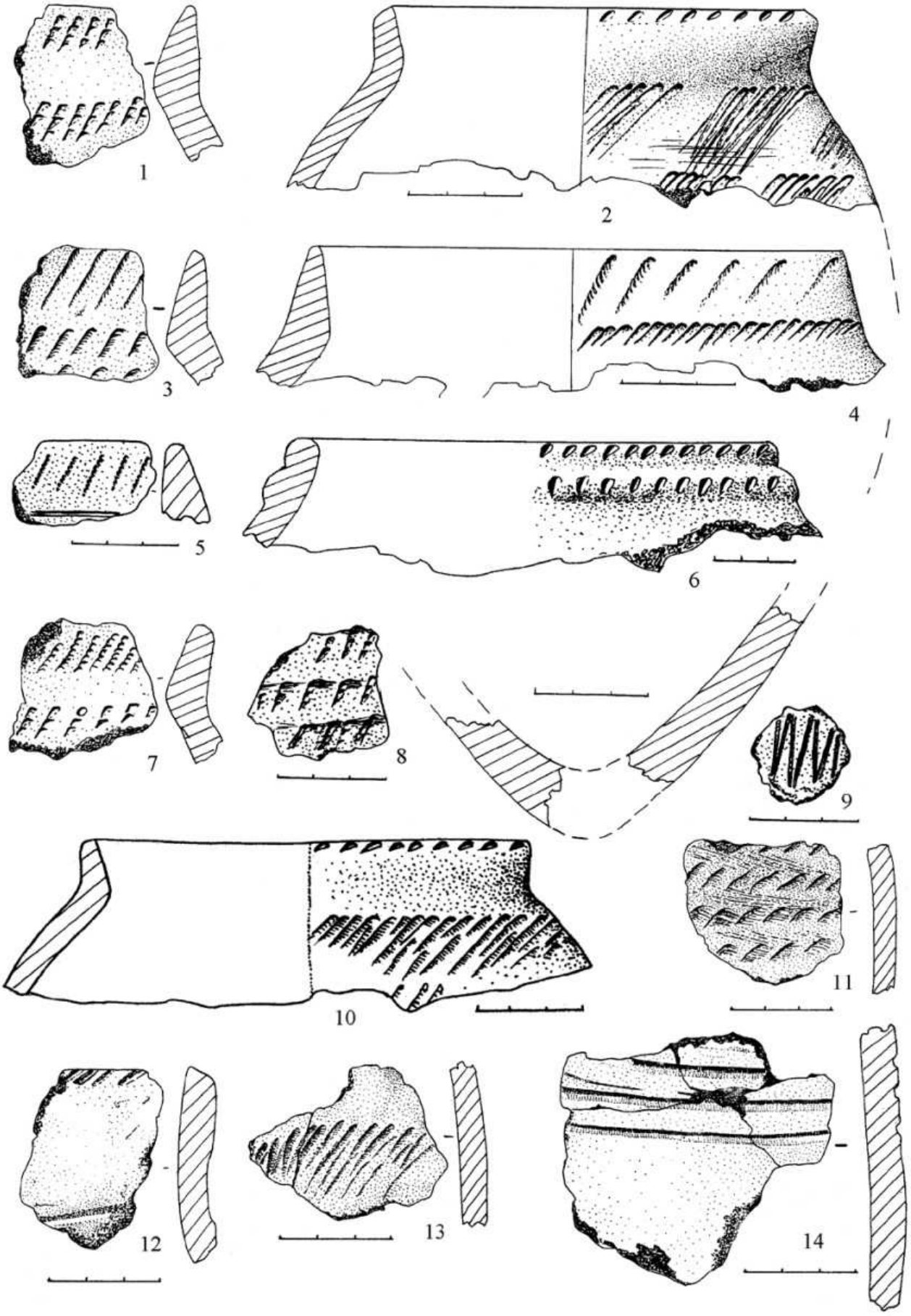

Рис. 44. Керамика из Нижнетыткескенской пещеры-I. По: Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995

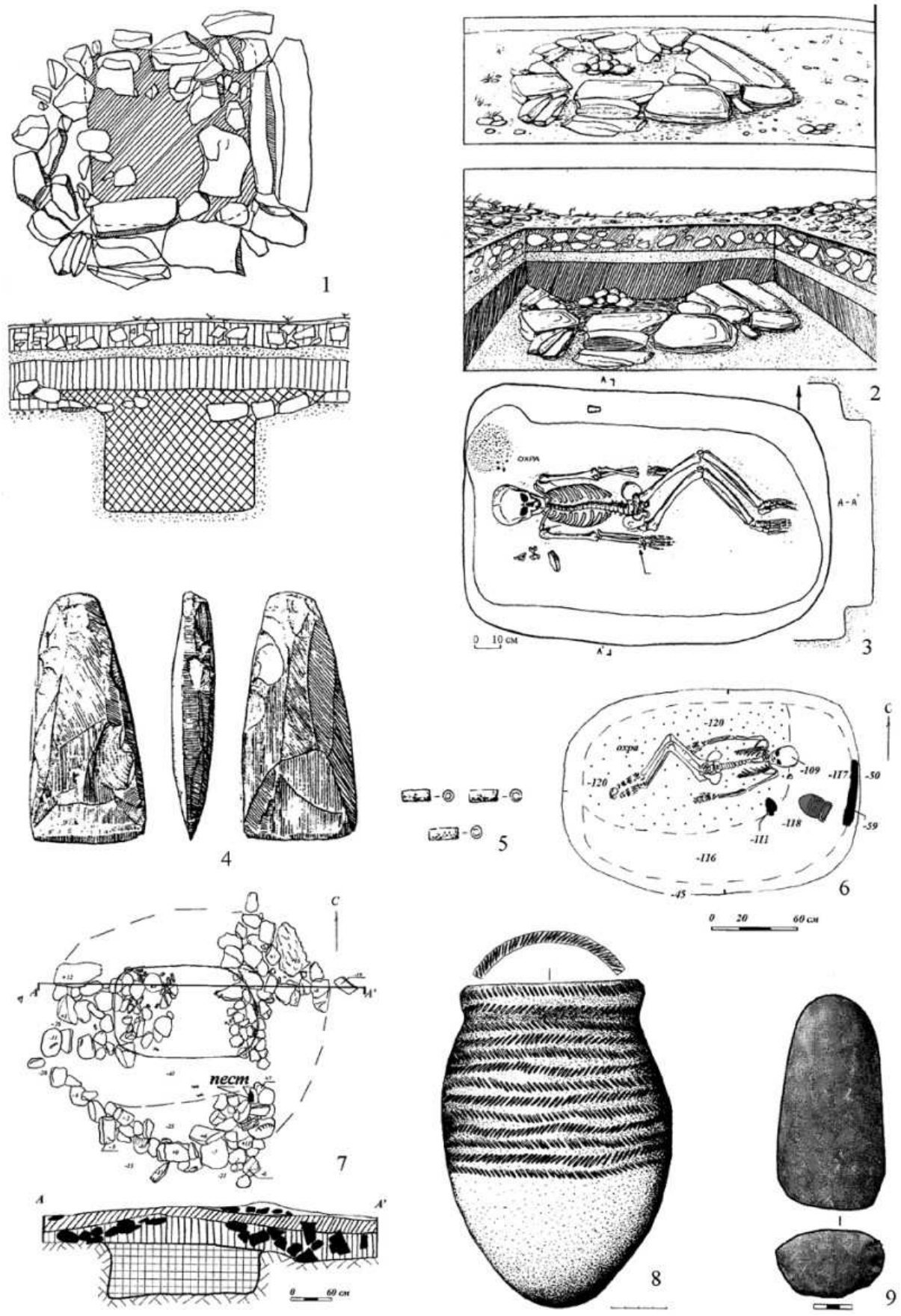

Рис. 45. Могильник Тыткескень-VI, курган 61 (1, 3–5), реконструкция кургана 61 (2), курган 95 (6–8), пест (9) из насыпи кургана 95. По: Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995 (1–5); Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010 (6–9)

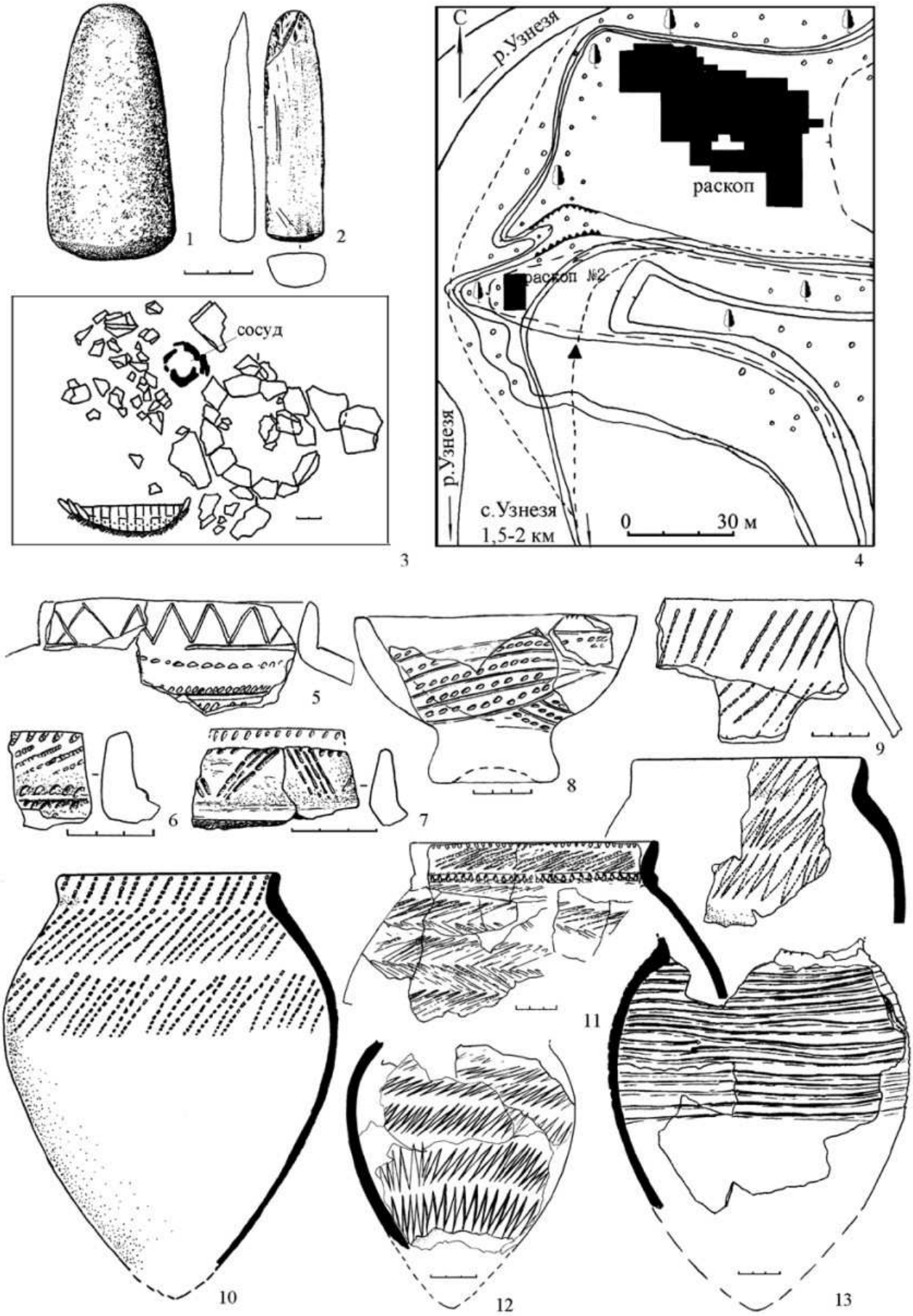

Рис. 46. Поселение Узнезя-1. По: Степанова, 2012б

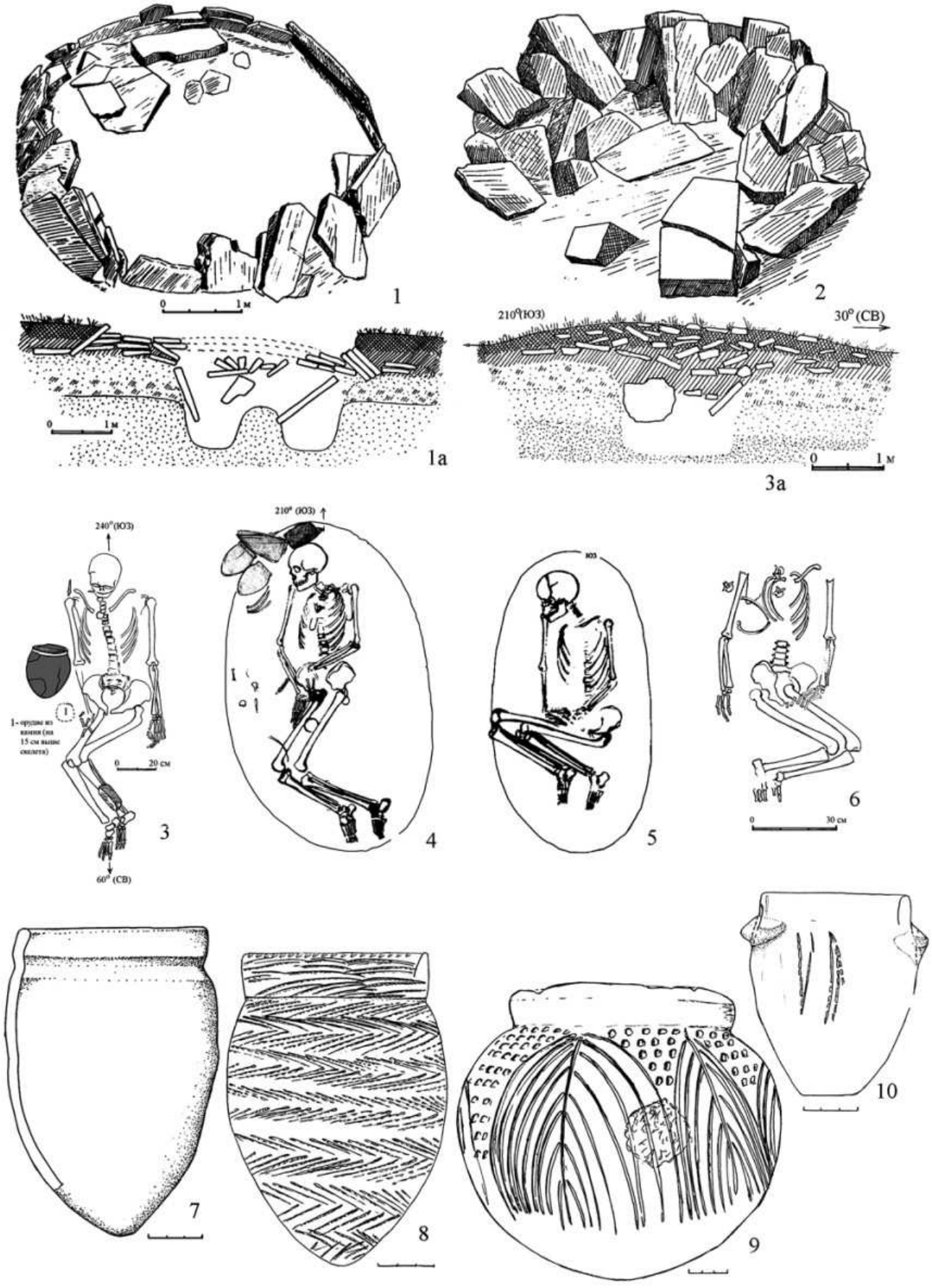

Рис. 47. Усть-Куюмский могильник, ограда 14 (1, 1а, 2), погр. 14/1 (4, 7, 8), погр. 14/2 (5); мог. 13 (3, 3а), мог. 12 (6), погр. 14, раскопки Е.М. Берс (9), сосуд найден вне погребения (10). По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006

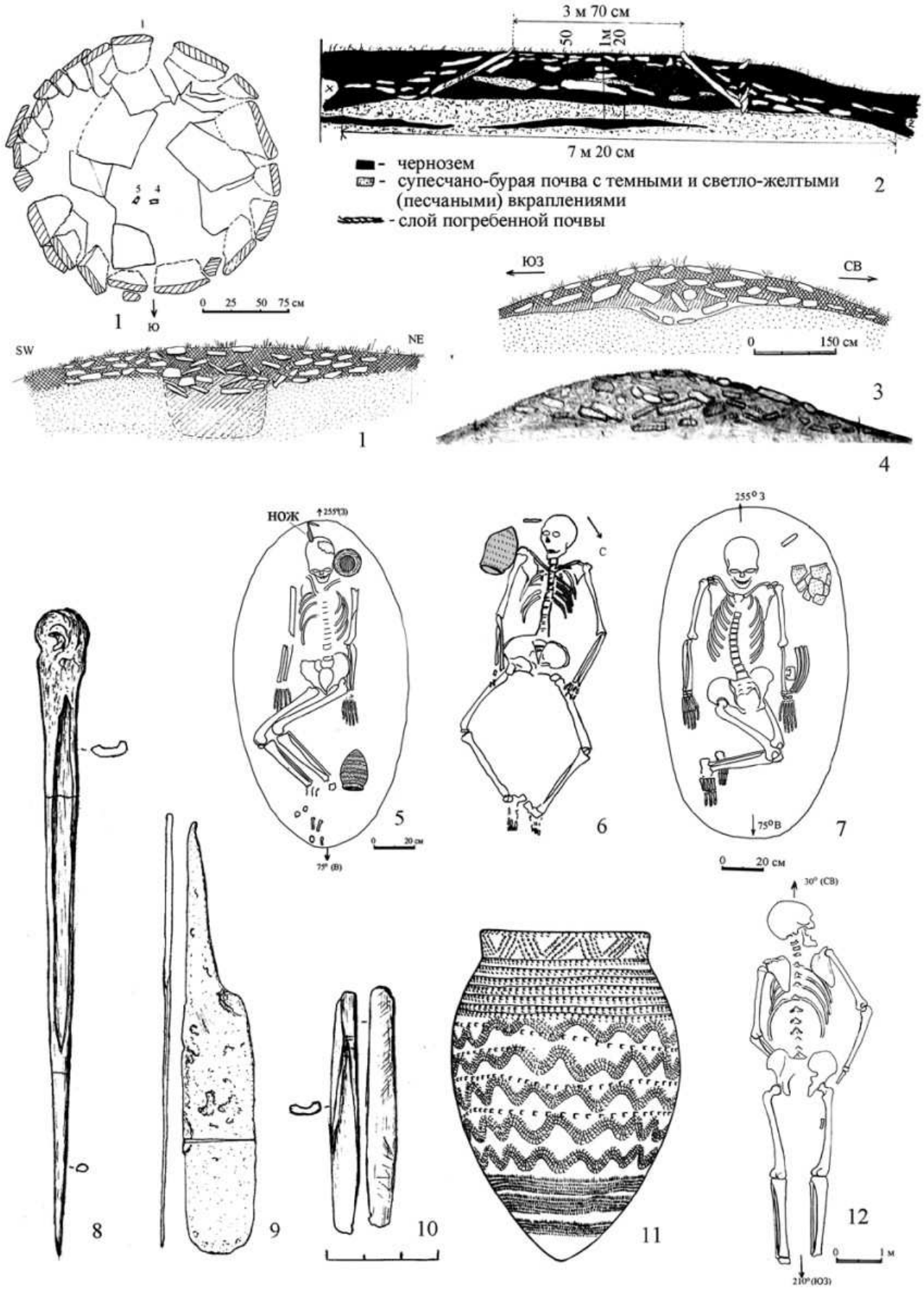

Рис. 48. Усть-Куюмский могильник, курган 5 (2), могила 6 (1, 7, 8, 11), курган 1 (3, 4, 12), курган 3 (6, 11), могила 8 (5, 9, 10). По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006 (1–7, 12); архив Э.Б. Вадецкой (11)

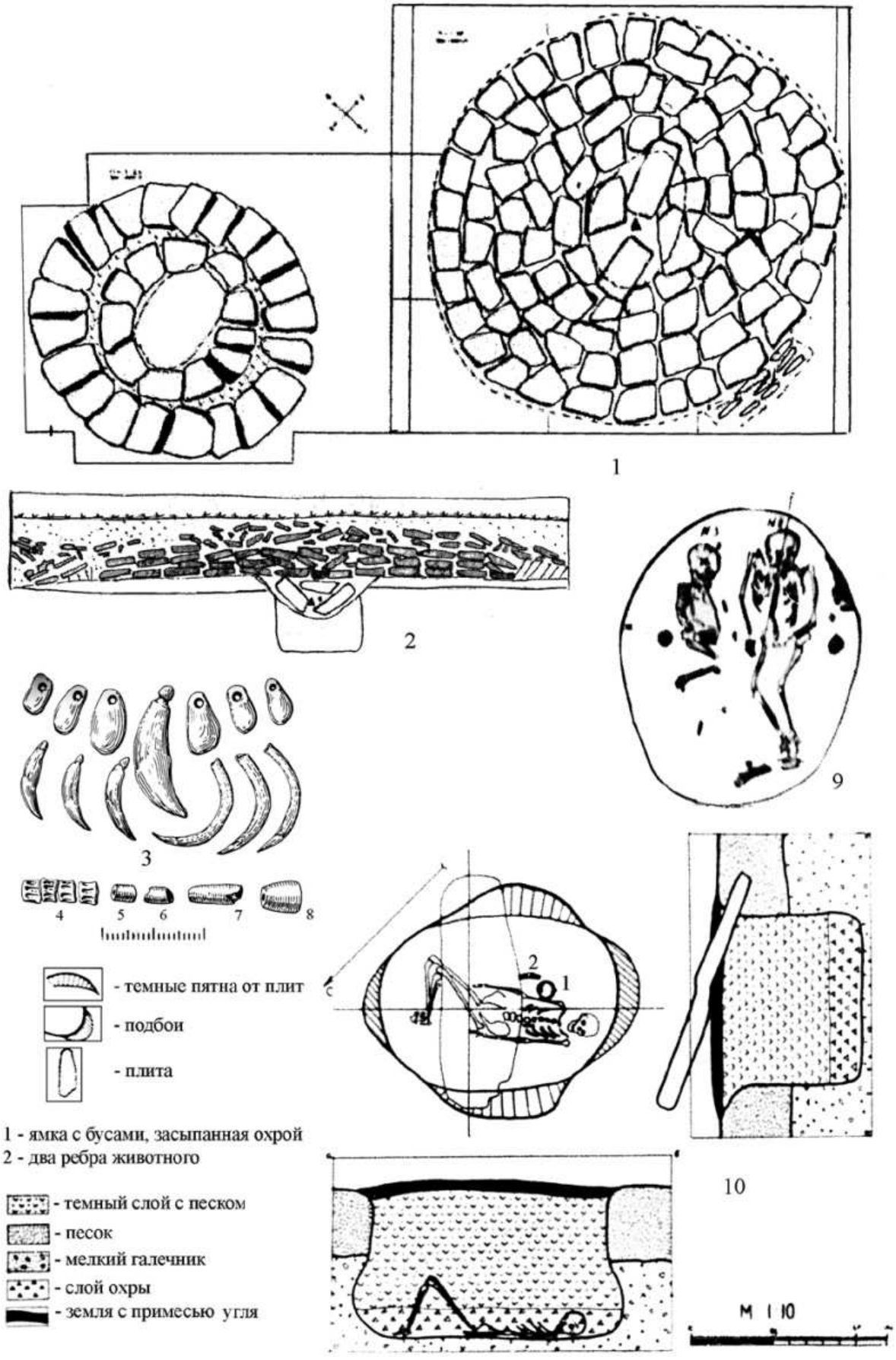

Рис. 49. Усть-Куюмский могильник (раскопки Е.М. Берс), могилы 18 и 19 (1, 2), могила 18 (3, 7, 8, 9), могила 19 (10). По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006 (1, 2, 9, 10), архив Э.Б. Вадецкой (3–8)

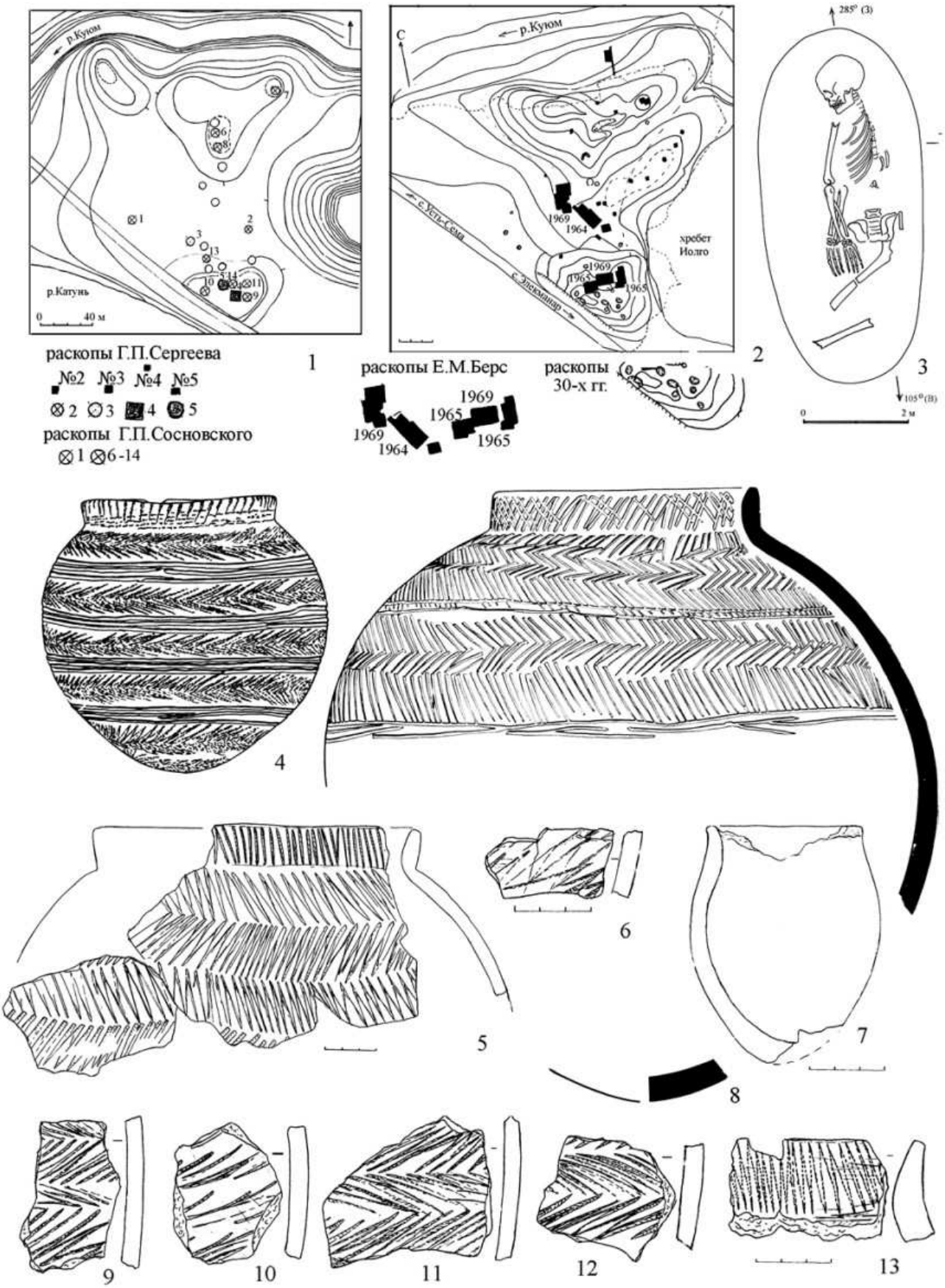

Рис. 50. План могильника Усть-Куюмский из архивов Г.П. Сосновского (1) и Е.М. Берс (2); могила 7 (3), сосуд из могилы 8 (4), керамика с поселения из раскопок Е.М. Берс (5–7, 9–13). По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006 (1–3, 5–7, 9–13); архив Э.Б. Вадецкой (4, 8)

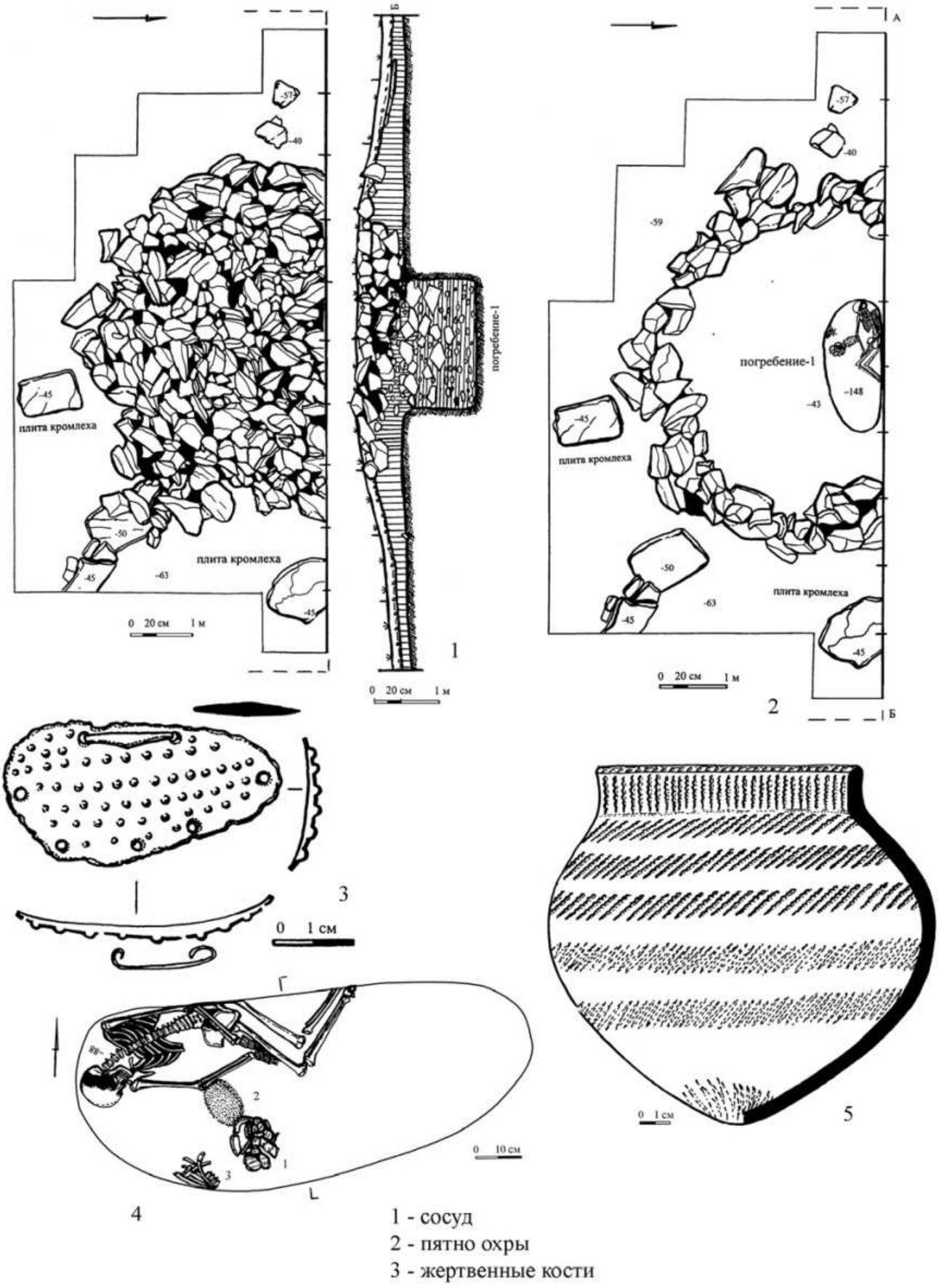

Рис. 51. Могильник Чемал-3, курган 4, погребение 1 (1, 2, 3, 4), Барантал-1 (3). По: Бородовский, 2006

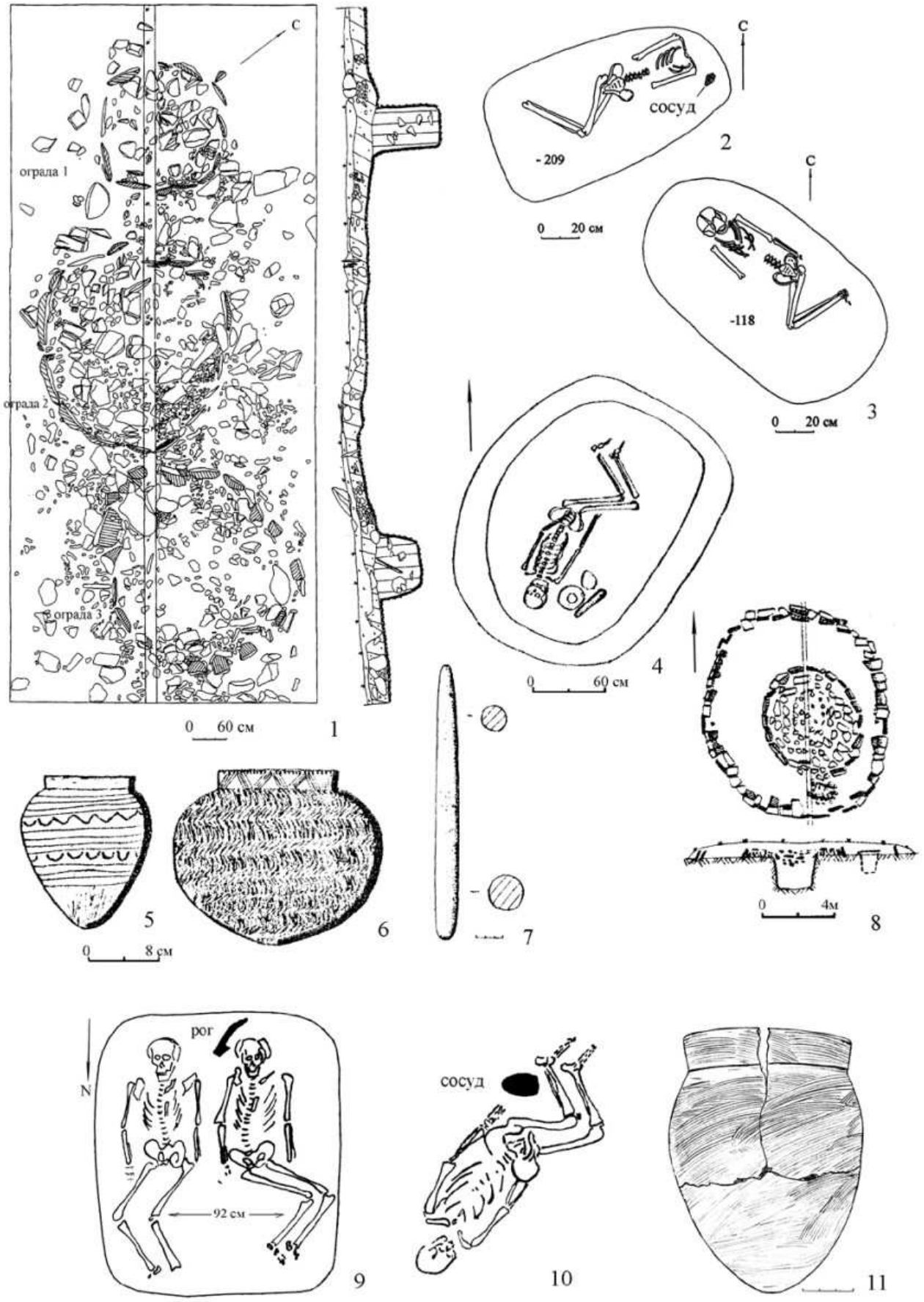

Рис. 52. Могильники Тогусхан 4, ограда 1–3 (1–3); Чепош-3, курган 2 (4–8); Балыктыюль, курган 1 (9); Арагол, курган 3 (10, 11). По: Абдулганеев, Кирюшин, Неверов, 2006 (1–3); Шульга, 1993 (4–8); Степанова, 2010а (9–11)

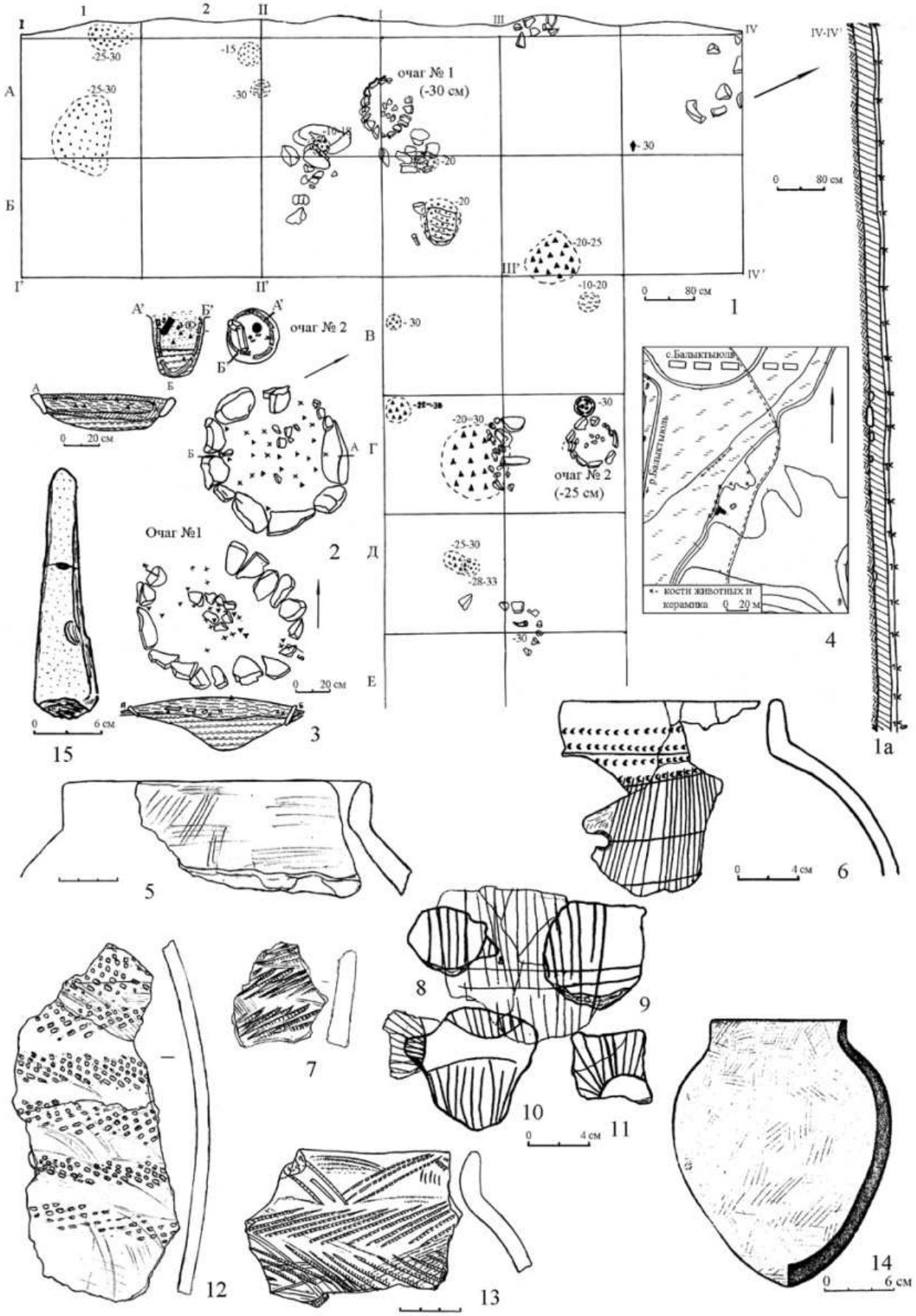

Рис. 53. Поселение Балыктыюль: планы памятника (4), раскопа (1, 1а), очагов (2, 3), находки (5–15).
По: Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982 (1–4, 6, 8–11, 14, 15)

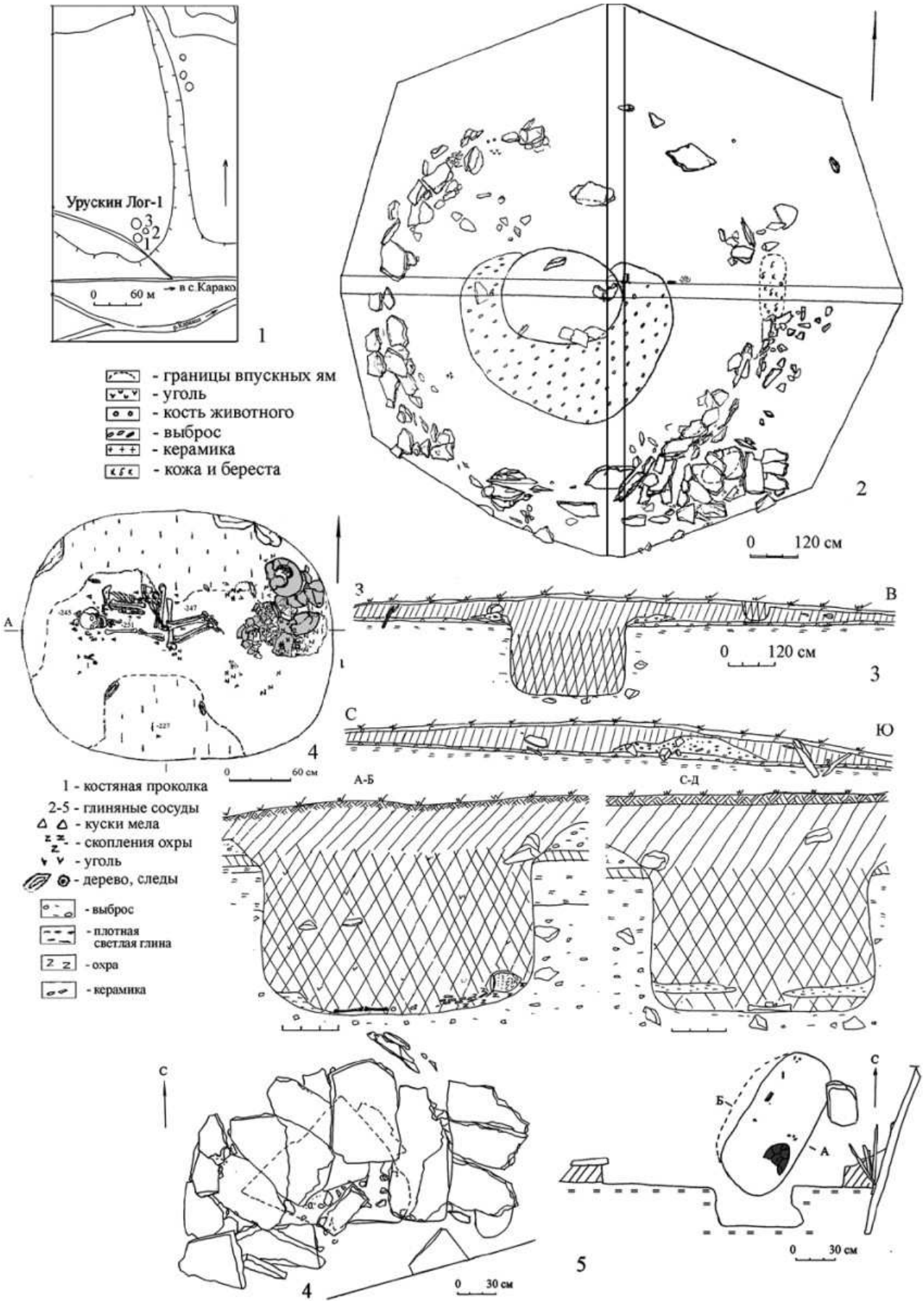

Рис. 54. Могильник Урускин Лог-I (Каракол-1). План могильника (1), курган 1 (2, 3), кладка над детским погребением, могильная яма и разрез (4, 5). По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006

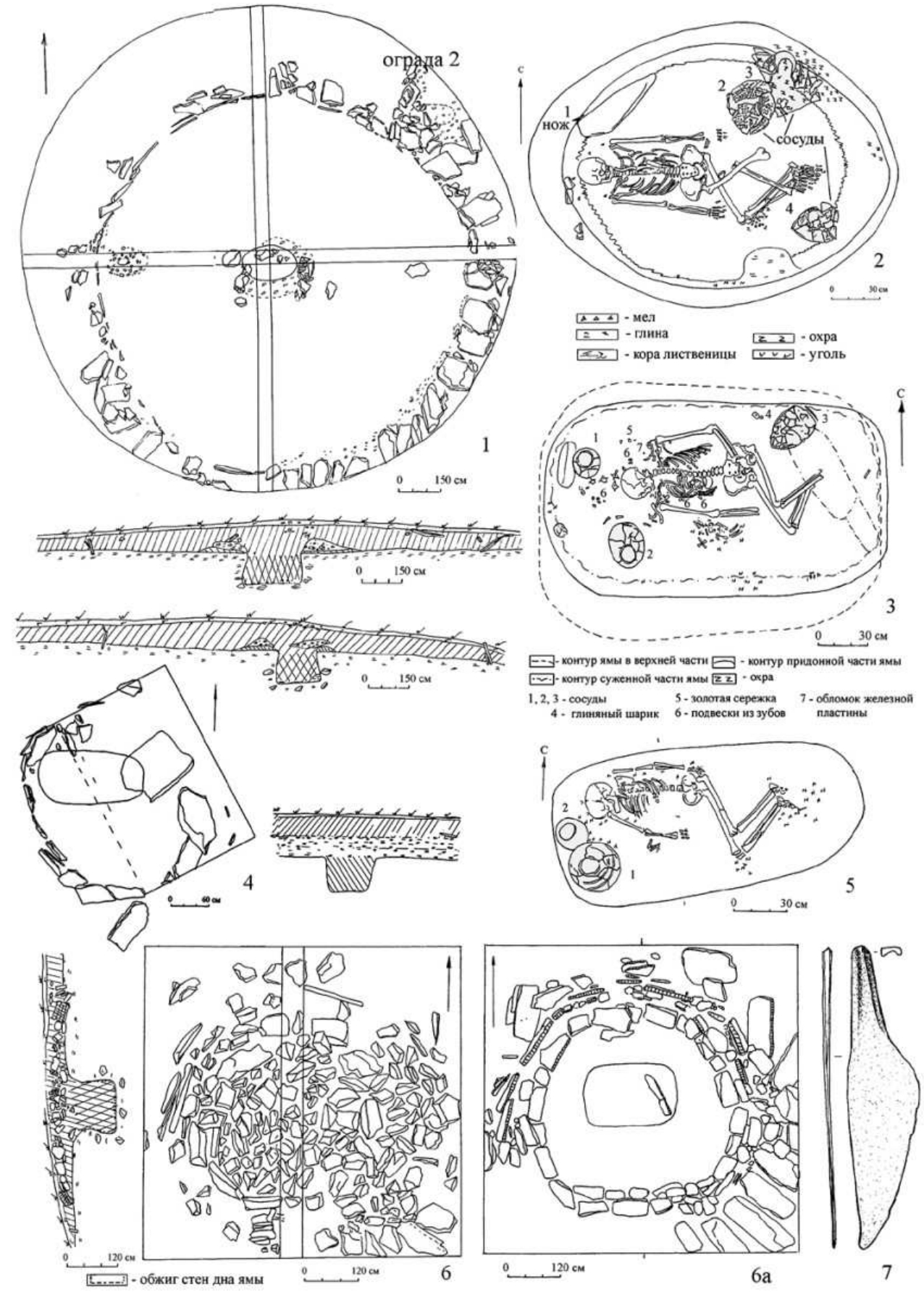

Рис. 55. Могильник Урускин Лог-I, курган 3 (1, 2, 7), ограда 2 (4, 5), курган 2 (3, 6, 6а).
По: Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006

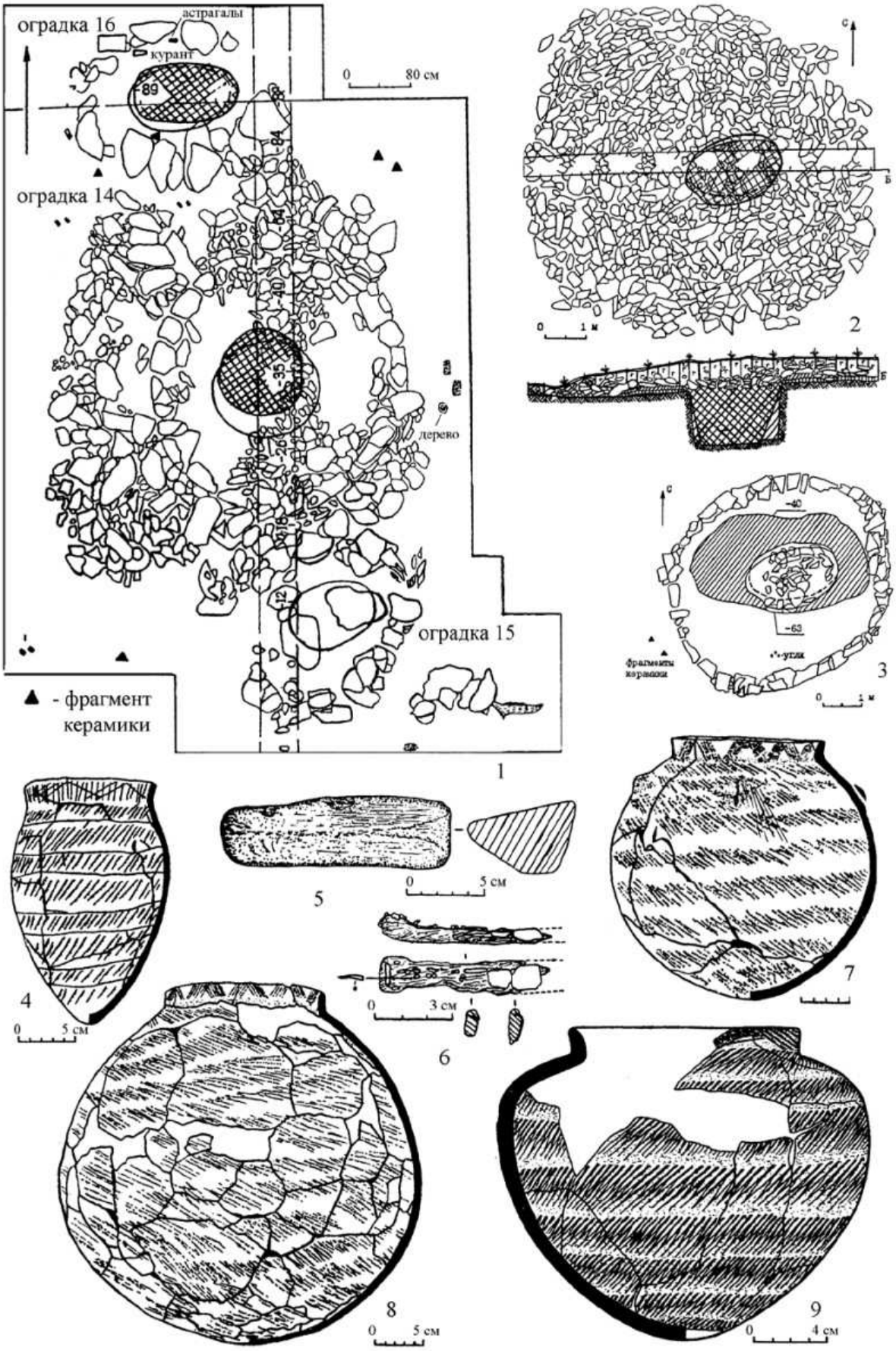

Рис. 56. Могильник Большой Толгоек, ограда 14–16 (1), 7 (2, 3), инвентарь из ограды 7 (4, 6–8), 15 (9), 16 (5). По: Соёнов, 1995

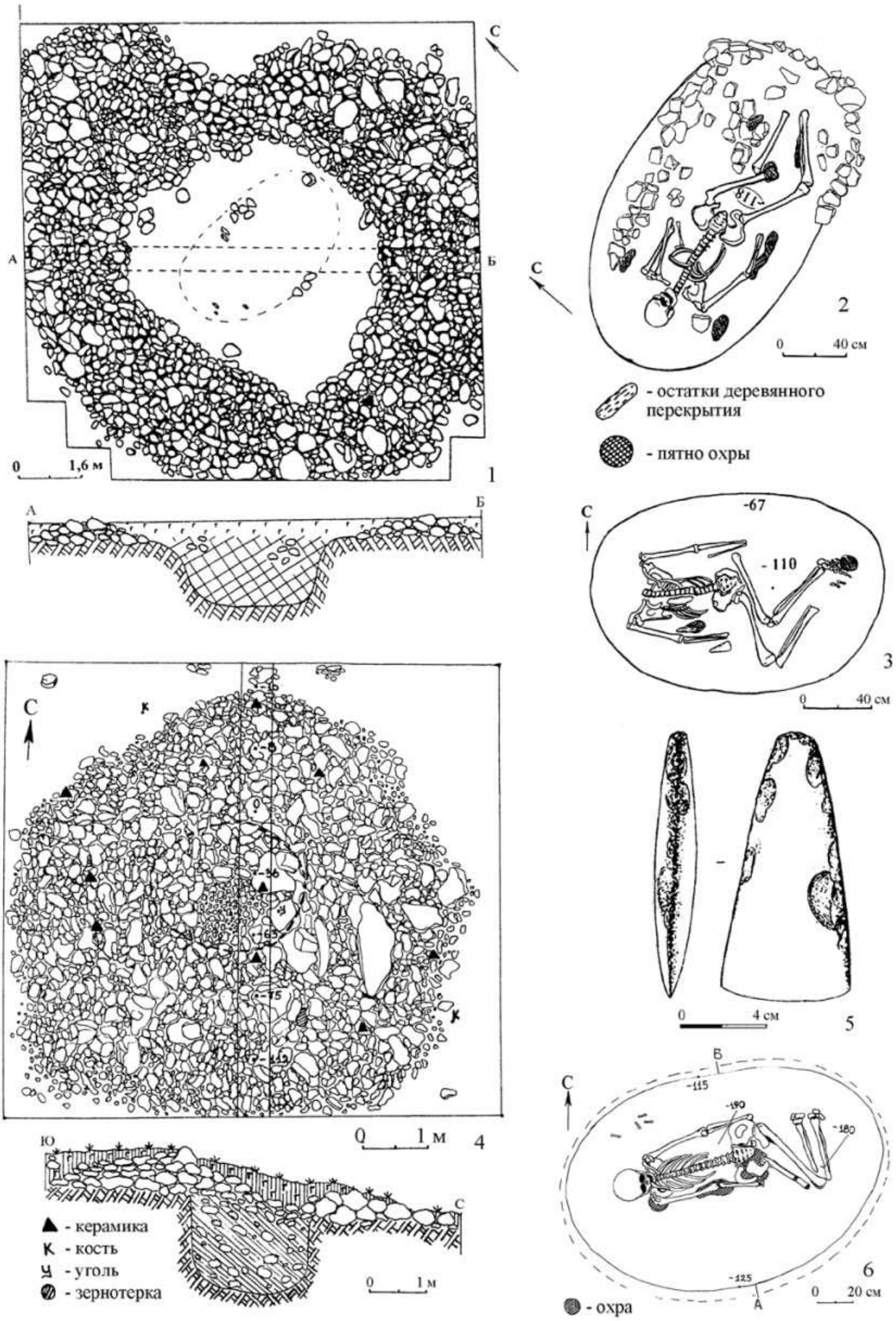

Рис. 57. Могильники Нижний Айры-Таш, курган 1 (1, 2), 2 (3, 5), Толгоек-I (4, 6). По: Вдовина, 2004 (1–3, 5); 2002 (4, 6)

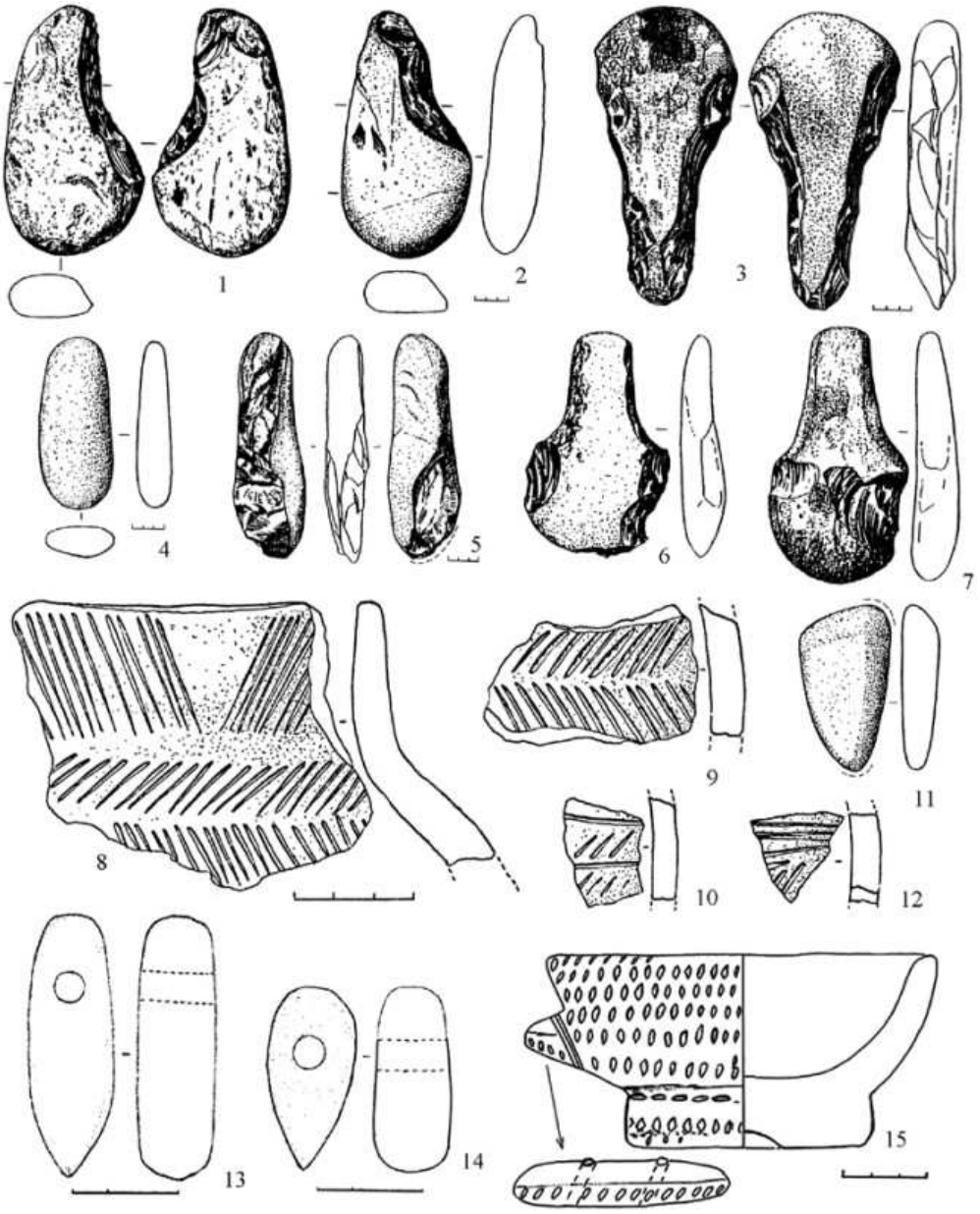

Рис. 58. Горная выработка Владимировка (1–7, 11, 14), пещера Каминная (8–10, 12), каменный сверленый топор из Кара-Тенеша (13), курильница из с. Муны (15). По: Баженов, Бородаев, Малолетко, 2002 (1–7, 11); Ефремов, 2006 (8–10, 12); Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982 (13–14); по рисунку М.Т. Абдулганеева (15)

1.2. КУРОТИНСКИЙ ТИП ПОГРЕБЕНИЙ

1. Айрыдаш-1, могильник (рис. 59 -1, 2)

Расположен на правом берегу р. Катунь, в 3 км к ЮВ от с. Куюс Чемальского района. Экспедицией ГАНИИИЯЛ раскопаны курганы 6а и 7а, которые по погребальному обряду близки захоронениям куротинского типа. Современный их размер достигал 9 и 11 м. Конструкции объектов аналогичны. Из окатанных валунов и рваного камня сложены кольца, ширина которых от 0,8 до 2,4 м и от 1,4 до 3,2 м. В могиле кургана 6а на глубине 0,4 м от материка прослежены остатки деревянного перекрытия (?) из жердей. Умерший был уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. На дне могилы прослежены следы органического тлена. Инвентаря не обнаружено. Погребение в кургане 7а нарушено. В обеих могилах похоронено по одному человеку, сохранились следы окраски охрой.

Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 13–14, 18–19.

Соёнов В.И., Суразаков А.С. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности комплексов эпохи бронзы могильника Айрыдаш I // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 9–20.

2. Берсюкта-1, могильник (рис. 60 -1, 2, 4, 6, 7)

Располагается на второй надпойменной террасе правого берега р. Катунь, в 0,8 км выше устья р. Тыткескень (Чемальский район). Географические координаты – 51°11'69"северной широты и 86°05'52" восточной долготы, 51°11'70" северной широты и 86°05'5" восточной долготы. Цепочка состоит из двух курганов. В 2007 г. экспедицией АлтГУ раскопано 2 объекта. Надмогильные конструкции диаметром до 10 м, сложены в виде колец из рваного камня в несколько слоев. В кургане 1 было захоронение взрослого человека на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой на ВСВ. Обильно посыпан охрой. Неподалеку от головы умершего была помешена банка с ручками-ушками. Во втором кургане захоронение ограблено. Погребен взрослый человек, зафиксированы скопления охры. Получены 2 радиоуглеродные даты по костям человека из кургана 1: Le 8157: 4380±110 и SOAN-7475 – 4020±95.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

3. Берсюкта-II, могильник (рис. 60 -3, 5)

Находится на второй надпойменной террасе правого берега р. Катунь, в 0,8 км выше устья р. Тыткескень, в 1,52 км к югу от могильника Берсюкта I. Географические координаты – 52°11'29" северной широты и 86°05'11" восточной долготы (курган 2). В 2007 г. экспедицией Алтайского госуниверситета раскопан один объект диаметром 9х9,3 м, который имеет конструкцию в виде кольца из камней, уложенных в несколько слоев по окружности сооружения. Могила ограблена. Возможно, погребенный первоначально был уложен на спине, головой на ЗСЗ. На костях сохранилась охра. Получены 2 радиоуглеродные даты: Le-8158: 4500±90 и Le-8159: 4100±100.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

4. Бике-I, могильник (рис. 61; 62 -3, 5)

Расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Катунь, между ее притоками Бийкой и Чобураком (Чемальский район). Экспедицией ИИФиФ СО АН СССР в 1988–1990 гг. раскопано 4 объекта: 3 ограды-кольца из рваного камня и валунов, окаймляющих земляную насыпь, и курган 35, который имел сплошную овальной насыпь – выкладку. Насыпи прикрывали могильный холм, включающий галечный выброс и супесь из ямы. Диаметр сооружений от 7,5 до 10 м. Могильные ямы грунтовые, длинной осью ориентированы по линии В–З, перекрывались плахами или жердями, уложенными в продольном и поперечной направлении. Умершие погребены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З и В, окрашены охрой. Инвентарь обнаружен только в кургане 10: в могиле шаровидный сосуд с уплощенным дном, а на уровне древней поверхности, неподалеку от могилы, фрагменты курильницы. К СЗ от кургана 10 расположены 3 выкладки, под которыми находились черепа лошадей. Эта черта совершенно не характерна для афанасьевской культуры. Не исключено, что захоронения черепов лошадей не связаны с сооружением кургана 10.

При публикации материалов кургана 10 указывается ориентация погребенной на В, однако на рисунке – на З. Есть и другое не соответствие – в тексте: «У кисти левой руки находился раздавленный керамический сосуд», а на плане он у кисти правой руки (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 59–63, рис. 25).

Коллекция хранится в музее археологии ГАГУ.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д. Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 32–54.

5. Бике-II, могильник (рис. 62 -1, 2, 4, 6–9)

Расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Катунь, между ее притоками Бийкой и Чобураком (Чемальский район). Экспедицией ИИФиФ СО АН СССР в 1989–1990 гг. раскопано 2 объекта, состоящих из насыпей, внешних оград-колец из рваного камня и валунов, и внутренних колец из мелкой речной гальки. Размер объектов – 11 и 16 м, диаметр внутренних колец 3,8 и 4,5 м. Могильные ямы перекрывались плахами или жердями. Умершие уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на З или В, окрашены охрой. Инвентарь составляли глиняные сосуды: три найдены в погребениях, а один при разборке насыпи на древней поверхности (рис. 62 -8). В насыпи кургана 2 обнаружен бронзовый наконечник копья. При разборке насыпей были обнаружены фрагменты еще от нескольких сосудов, судя по всему разновременных.

Керамика. Три сосуда яйцевидные с острым дном, высоким венчиком, а четвертый «биконический» (диаметр тулова больше высоты сосуда, отмечается резкое сужение ко дну и венчику от раздутой части тулова, дно скруглено-уплощенное). Орнамент составляют горизонтальные ряды елочки, нанесенные гладким штампом. От афанасьевской керамики отличает не только использование орнаментира с гладким рабочим краем, но и высокие венчики, пропорции сосудов в целом. Необычна для афанасьевских погребальных комплексов Горного Алтая высота сосуда (49 см), найденного под насыпью.

Керамика с высокими венчиками, аналогичных форм найдена на могильниках Бойтыгем 1, к. 1, Ело-1, огр. 4 (рис. 3 -2; 8 -10). Имеет аналогии и биконический сосуд (могильник Бойтыгем-2, к. 1).

Могильники Бике I и II объединяет целый ряд необычных черт: надмогильные конструкции, сооруженные в виде колец из рваного камня и валунов, окаймляющих земляную насыпь, которая, как правило, прикрывает могильный холм, включающий галечный выброс (супесь) из ямы, составляющий дополнительное кольцо вокруг могильной ямы. Преобладает ориентация погребенных на В и нет на ЮЗ. Своеобразен керамический комплекс. Сосуды относятся к нескольким типам: 1) остродонные с высоким венчиком и центром тяжести в средней части тулова; 2) биконический; 3) курильница, обломки которой найдены над могилой. Для афанасьевской керамики не характерны высокие венчики и подобные пропорции сосудов (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, табл. 3–5). На памятниках нет керамики, украшенной качалкой. Могильники Бике I и II по оформлению надмогильной конструкции имеют особое сходство с оградкой из Элекманара (кольцо из мелкой гальки в центральной части ограды).

Коллекция хранится в музее археологии ГАГУ.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 40–41.

Кубарев В.Д. Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 32–54.

6. Бойтыгем-2, могильник (рис. 59 -7–12; 65 -2, 3, 6)

Находится между могильником Бойтыгем-1 и устьем р. Бойтыгем, в 0,5 км от последнего (Онгудайский район). Состоит из 5 групп, включающих 79 разновременных объектов. В 1989 и 1991 гг. экспедициями АГУ исследовано 2 объекта: один – в южной группе, второй (курган 5) – в центральной.

Курган 5 представлял собой насыпь из обломочного материала с крепидой из более крупных камней (диаметр насыпи 9,5 м, крепиды 7,5 м). Могила перекрыта плитами у самого дна, сужалась ко дну, глубина ее от материка 1,25 м. Погребенная была, по-видимому, уложена скорченно, головой на СВ. У СЗ стенки найден баночной сосуд, орнаментированный оттисками штампа с крупными подпрямоугольными зубцами.

Авторы раскопок отмечают, что надмогильная конструкция не имеет аналогий среди исследованных афанасьевских объектов. К специфичным признакам они относят перекрытие могильной ямы у самого дна, форму сосуда. От афанасьевских его отличает расположение плиты перекрытия у самого дна могилы, а не на уровне древнего горизонта, сосуд баночной формы и ориентация погребенной головой на СВ.

Курган 1, диаметром 6,5 м, имел крепиду из более крупных камней. В грунтовой могиле на глубине 0,75 м погребена женщина 15–17 лет на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВВ. Погребение выделяется наличием костей животных, количеством (4 экз.) и формой сосудов: две небольших курильницы без ручек и практически без орнамента, один шаровидный круглодонный сосуд (диаметр венчика и тулова близки), украшенный по венчику крупнозубым штампом, и биконический сосуд без орнамента.

Коллекция хранится в Республиканском краеведческом музее имени А.В. Анохина в г. Горно-Алтайске.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 26–27.

7. Ело-1, могильник (рис. 63)

Расположен в 1–1,5 км западнее с. Ело, на правом берегу р. Ело, напротив устья р. Тоботой (Онгудайский район), в восточной группе оград, неподалеку от афанасьевской оградки-стенки №4. Диаметр ограды достигает 13 м, а диаметр кольца 10,5–11 м. Конструкция сложена из рваного камня (оградка-стенка). В насыпи ЮВ части ограды найден плоскодонный сосуд, сверху перекрытый небольшой плиткой. В нем находились украшения в виде подвесок из зубов марала, костяные, халцедоновые бусины, медные спиралевидные пронизки (всего около 50 предметов). Орнаментирован сосуд глубокими отпечатками гладкого штампа длиной рабочего края около 2 см.

В центре ограды обнаружены обломки берцовых костей крупного животного, обломанными концами углубленные в материк, возможно, закреплявшие перекрытие органического происхождения. На глубине 1,0 м погребен мужчина на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ, окрашен охрой. Вещей в могиле не обнаружено.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69–90.

8. Зырянка, могильник (рис. 69 -3, 4, 4а)

В верхнем течении р. Чарыш, неподалеку от впадения в него р. Ергал, расположено урочище Зырянка (Усть-Канский район). В западной части долины, в 150 м к югу от р. Чарыш, вдоль дороги на Усть-Кумир на небольшой террасе, восточный угол которой нарушен ямами, поблизости от них прослеживались пять кольцевидных оград из вертикально врытых плит, диаметром 5–7 м. Поверхность внутри оград плоская. В одной из силосных ям обнаружена могила глубиной 1,1 м. Прирезка над ней обнажила кладку из плит по краям ямы. В заполнении встречались угольки и мелкие вкрапления охры.

На глубине 0,92–1,05 м находился костяк ребенка 7–8 лет. Ребенок был положен на спину, ноги, слегка согнутые в коленях, завалены вправо, головой на В. Рядом с черепом – пятно охры, угольки, небольшой биконический сосуд с острым дном и толстыми стенками. На его внешней поверхности местами видны бессистемные ногтевые вдавления. Сосуд от афанасьевских отличается по всем признакам – профиль венчика, обработка поверхности, форма в целом и др. Аналогий ему в Горном Алтае пока не известно.

Коллекция хранится в музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск).

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. С. 30–31, рис. 27.

9. Курота-2, могильник (рис. 64; 65 -1, 4, 4а)

Находится в 1,5 км от впадения ее в р. Урсул (Онгудайский район). В 1937 г. Саяно-Алтайской экспедицией раскопано 7 курганов и 2 кольца. Известно, что кроме курганов было 3 кольцевые выкладки. По-видимому, они раскопаны не все.

По надмогильным конструкциям нет полной ясности. Возможно, они были двух типов. Вероятно, часть раскопанных объектов – ограды-стенки. В описании говорится о земляных курганах с выложенными кругами из камня (в кургане 2 было два концентрических круга) и каменных кольцевых выкладках. Зафиксированный размер надмогильных сооружений от 2 до 8 м. В двух курганах над могилами были конструкции из дерева и в одном перекрытие плитами. Обращают внимание размеры могильных ям, у большинства длина превышает 2 м (2,8х1,5 м, 2,6х2,2 м и самые маленькие 1,9х1,15 м, 1,3х0,75 м, в последнем случае похоронен ребенок), глубина могил от 1 до 2 м. Погребенные были уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЗСЗ, З, В, ВСВ. В могилах обнаружены остродонный, два плоскодонных и баночный сосуды, курильница, остатки предметов из бронзы или меди, пест, колотушка и др.

В 1975 г. М.Д. Хлобыстина при попытке обобщить материалы афанасьевской культуры допустила ряд неточностей при описании погребального обряда Куроты-2. Во-первых, на могильнике Курота-2 нет погребений совершенных на левом боку скорченно (Хлобыстина, 1975, с. 22). Из текста С.В. Киселева следует, что ноги погребенных лежали на левом боку, что подтверждается и планами, хранящимися в архиве С.В. Киселева в ИА РАН. Во-вторых, нет ориентации погребенных на север (1951, с. 58).

Могильник Курота-2 отличается от афанасьевских отсутствием захоронений с характерным для этой культуры направлением на ЮЗ, преобладанием ориентации умерших на восток, размерами могил, количеством плоскодонных сосудов (из пяти только один остродонный), сложной пятиугольной конструкцией из дерева над могилой в кургане 1, погребением в могиле двух и трех человек, в одной из них с ориентацией в противоположном направлении. В афанасьевских погребениях в Горном Алтае захоронения трех человек выявлены только дважды – на могильниках Бертек-33, к. 2 и Сальдяр-1, к. 36, случаев ориентации погребенных в одной могиле в противоположных направлениях не известно.

Мнения исследователей по поводу датировки могильника расходятся (Киселев, 1951; Хлобыстина, 1975; Цыб, 1980; 1984; Степанова, 1991; 2005а; 2009а; 2012а). Анализ материалов показывает, что погребение, в котором найден сосуд баночной формы, явно инокультурное, т.к. сходство с афанасьевскими проявляется только в положении погребенного. Остальные захоронения выделяются среди афанасьевских по целому ряду признаков, однако остродонный сосуд и курильница не имеют значительных отличий. Поскольку по большинству признаков Курота-2 отличается от афанасьевских, в тоже время в одном захоронении найден остродонный сосуд с двумя плоскодонными, наиболее вероятным выглядит предположение, что памятник является отражением смешения населения с разными культурными и этнографическими традициями. При определении его относительной датировки следует учитывать результаты исследований антропологических материалов. М.Б. Медникова отмечает, что группа из Куроты-2 относится не к ранним, а, скорее, к боле поздним срокам бытования афанасьевской культуры на Алтае, поскольку комплекс морфофункциональных особенностей жителей высокогорья может сложиться только в ряду поколений (Медникова, 2010, с. 213).

Находки из Куроты-2 хранятся в ГИМе, однако найти все сосуды не удалось. На хранении находятся курильница и банка. Рисунок курильницы близок оригиналу, однако банка, на которой имеется шифр, что она из Куроты-2, не соответствует рисунку, опубликованному С.В. Киселевым. Прежде всего, это касается орнамента. Изделие, хранящееся в ГИМе, орнаментировано зубчатым штампом, а ряды оттисков имеют наклон в одну сторону и не составляют елочку (рис. 66 -4а).

Архив С.В. Киселева, ИА РАН, ф. 12.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 57–59, табл. V-1, 6–8; VI-12–18.

Медникова М.Б. Курота-2 и Куюм: данные антропологии и реконструкция условий жизни алтайских афанасьевцев // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 200–224.

Степанова Н.Ф. Могильник эпохи бронзы Курота-2 в Горном Алтае // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005а. С. 53–54.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–34.

10. Нижний Тюмечин-5, могильник (рис. 66)

Находится в 5,2 км к СВ от с. Ело и в 2,3 км к В от с. Кара-Коба на правом берегу р. Урсул, в СВ части урочища Нижний Тюмечин (Онгудайский район). В 1978 г. археолого-этнографической экспедицией АГУ под руководством В.Д. Славнина раскопано 4 объекта.

К сожалению, из-за того, что часть полевой документации утрачена, много не ясного с погребальным обрядом. Судя по сохранившимся записям, раскопано 2 оградки-стенки и 2 из вертикально поставленных плит (ВПП), одна из которых имеет второе кольцо из ВПП вокруг могилы и забутовку из рваного камня между ними. Диаметр конструкций от 4,5х5 до 6х7 м. Неизвестно сколько объектов содержали захоронения. Не нарушено одно, в котором умершая уложена головой на В с остродонным сосудом с необычным для афанасьевской культуры орнаментом в виде треугольников с опущенными вершинами, высотой венчика и весом. На другом объекте найдены сосуд баночной формы, придонная часть плоскодонного и фрагменты керамики с орнаментом в виде треугольных зон, как и на остродонном. Изделия отличаются необычной для афанасьевской керамики толщиной стенок до 1,2–1,4 см, дна – около 2 см. Банка по орнаменту, в т.ч. особенностям его нанесения, аналогична банке из Берсюкты-I, к. 1, у нее также имеются небольшие ушки.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ в г. Барнауле.

Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы из раскопок у с. Ело (Центральный Алтай) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 3–17.

11. Нижняя Тархата-II, могильник (рис. 69 -1, 2)

Находится на левом берегу р. Тархата, в 13 км ЮЗ от с. Кош-Агач, в 12 км к ЮВ от с. Мухор-Тархата (Кош-Агачский район). Географические координаты по GPS-приемнику: N-49º53'056", E-088º34'980", N-49º53'087", E-088º35'045". В 2009 г. экспедицией ГАГУ раскопан 1 курган с диаметром насыпи 5 м. В неглубокой могильной яме обнаружено потревоженное погребение человека. Ноги погребенного были согнуты в коленях, головой он ориентирован на ССВ. Инвентаря не обнаружено. По костям человека получена радиоуглеродная дата СОАН-7862-4275±85 лет.

Соёнов В.И., Трифанова С.В. Погребение периода ранней бронзы на Нижней Тархате // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 172–176.

12. Озерное-2, могильник (рис. 14 -6; 59 -4, 5)

Расположен в 300 м южнее с. Озерное по тракту, на склоне террасы ручья (Онгудайский район). Памятник открыт в 1978 г. А.П. Погожевой. В юго-восточной части памятника прослеживается большой земляной курган. Вокруг него обнаружено 5 оградок, две из которых были раскопаны в 1979 г. Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции. Оградка 1 представляет собой кольцо из рваного камня. Погребение нарушено, возможно, грызунами. Умерший был похоронен на спине или левом (?) боку со слегка поджатыми ногами, головой на СВ. Зафиксированы кусочки охры. В районе тазовых костей найдены кости животного. Оградка 2 сложена из вертикально поставленных плит. Она овальной формы размерами 6х4,5 м. Погребения не было, по-видимому, это ритуальное сооружение.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 65–67.

13. Пещеркин Лог-I, могильник (рис. 67)

Расположен на террасе левого берега р. Каракол, в 2 км к востоку от с. Каракол (Усть-Канский район). Состоит из 11 курганных насыпей, сгруппированных в скопления. В 1986 г. Западносибирским отрядом экспедиции ИИФиФ СО АН СССР раскопан 1 курган – ограда-стенка из рваного камня. При разборке развала ограды найдены заготовка каменного сверленного топора и другие предметы. Кольцо ограды имело диаметр 10 м (развал до 13 м). Могильная яма была перекрыта плахами. Погребен мужчина, уложенный на спину с ногами, первоначально слабо подогнутыми коленями вверх, головой на СВ. Умерший был посыпан красной охрой. Из инвентаря найдены костяные проколки, каменные шлифованный топорик, орудие типа стамески и кинжал, глиняный плоскодонный сосуд.

Захоронение отличается от афанасьевских тем, что погребенный был уложен на спину с ногами первоначально слабо подогнутыми коленями вверх. Необычно и наличие уступов в могильной яме, количество инвентаря и его состав. Большинство вещей редко встречаются или не имеют аналогий в афанасьевских могилах. Анализируя материалы могильников из долины р. Каракол, авторы раскопок предположили, что при дальнейшем исследовании, возможно, будут выявлены локальные варианты или особенности внутри афанасьевской культуры.

Коллекция хранится в музее ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск).

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции) // Советско-японские археологические исследования на Алтае. Новосибирск, 1987. С. 44–48.

Ким С.А., Кубарев В.Д., Молодин В.И., Худяков Ю.С. Работы Североазиатской экспедиции // АО 1986 г. М., 1988. С. 235–236.

14. Урмулык-I, могильник (рис. 59 -3, 6)

Могильник расположен в 2 км к ЮЮЗ от с. Теньга на правой надпойменной террасе р. Урсул, в 150 м к ЮВ от могильника Теньга-II. Включает более 40 разновременных объектов. В 1981 г. экспедицией ГАНИИИЯЛ совместно с экспедицией ИА АН СССР раскопана 1 ограда куротинского типа.

Ограда, диаметром 6,2 м, из крупных камней в один ряд, дополненных с внешней и внутренней стороны вымосткой из более мелкого камня. Общая ширина кольца 1 м. Размеры могильной ямы 1,9х1 м, глубина от погребенной почвы 1 м. Зафиксированы фрагменты продольного перекрытие из дерева (бревенчатого наката?). Умерший уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Помимо ориентации погребенного, необычна для афанасьевской культуры и надмогильная конструкция.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 5, рис. 4.

15. Чобурак-I, могильник (рис. 68 -1, 2, 4, 6, 7)

Расположен в 3,4 км на ЮЮВ от устья р. Тыткескень, к ЮЗ от одноименного ручья, на правом берегу р. Катунь (Чемальский район). Географические координаты – 51°11'69" северной широты и 86°05'73" восточной долготы. На могильнике зафиксировано несколько объектов эпохи энеолита – ранней бронзы. В 2007 г. экспедицией Алтайского госуниверситета раскопано 2 кургана, диаметром 7,5–10 м, с крепидой из крупных камней, уложенных в несколько слоев. Захоронения совершены на спине с подогнутыми ногами, головой на В и ЮВ, зафиксирована охра. Инвентарь не обнаружен. Получены две радиоуглеродные даты: курган 1 (кость) Le-8154: 4340±70, курган 2 (кость) Le-8155: 4090±100.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

16. Чобурак-III, могильник (рис. 68 - 3, 5, 8)

Находится в 332 м к СЗ от моста через р. Чобурак. Географические координаты – 51°11'69" северной широты и 86°05'73" восточной долготы. Насчитывает 11 курганов, сгруппированных в 2 цепочки, ориентированные с ЮЗ на СВ. В 2007 г. раскопан один курган размерами 10,5х9,75 м, сложенный из окатанных и рваных булыжников. Зафиксирована крепида размерами 7,5х9,2 м. В ограде прослежено несколько темных пятен, в одном из которых обнаружен остродонный сосуд. В могиле находилась деревянная рама с перекрытием, внутри которой захоронение взрослого человека на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮВ. В погребении отмечены следы охры. По костям человека получена дата Le-8156: 3930±100.

Коллекция хранится в Музее археологии и этнографии АлтГУ.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

17. Элекманар, могильник (рис. 69 -5, 6)

Находился у северной окраины с. Элекмонар, на высокой надпойменной террасе правого берега р. Катунь. В 1980 г. Н.Ф. Степановой на распахиваемом могильном поле было зафиксировано 12 объектов. При обследовании в 2009 г. выяснилось, что территория, на которой располагался памятник, полностью занята постройками. В 1983 г. археологическим отрядом Алтайского госуниверситета раскопана 1 ограда, представляющая собой кольцо из рваного камня внешним диаметром 10,4х11,2 м, внутренним – 6,0х6,6 м. По внешнему контуру оградки местами сохранились наклонно стоящие плиты, установленные на длинное ребро. Внутри ограды находилось овальное кольцо из мелкой гальки. Погребения не было. В насыпи между камнями обнаружен медный двулезвийный черешковый нож с листовидной формой клинка, который близок ножам из погребений северокавказской, новотиторовской, ямной культур, датирующимися серединой III – серединой II тыс. до н.э. (Кореневский, 1978, с. 41–44, рис. 8 -58; Гей, 2000, с. 151–153, рис. 46 -9; Моргунова, Кравцов, 1994, с. 46, рис. 24 -1; Богданов, 2004, с. 185–187, рис. 54; 55).

Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 94–97.

1.3. УЛИТИНСКИЙ ТИП ПОГРЕБЕНИЙ

Объекты этого типа имеют ряд общих признаков: погребения совершены в грунтовых могильных ямах, вытянуто на спине, головой чаще на ЮЗ, с плоскодонной керамикой. Улитинские погребения отличаются от каракольских по ориентации погребенных, отсутствием каменных ящиков. Баночные сосуды имеют сходство с куротинскими. Наличие баночных сосудов позволяет отнести погребения из Улиты и Балыкты-Юля к эпохе бронзы. Как тип погребений были выделены по результатам раскопок на могильнике Улита и анализа материалов афанасьевской культуры (Степанова, 2010а).

1. Балыктыюль, могильник (рис. 70 -1–4)

Находится на правом берегу р. Балыктыюл (Улаганский район). В 1929 г. В.С. Адриановым раскопано 2 кургана. Ниже приводятся данные, которые сохранились в архиве Г.П. Сосновского со ссылкой на записи В.С. Адрианова 1929 г.

Курган 2 расположен к западу от кургана 1 с погребением афанасьевской культуры. Курган круглый, насыпь земляная диаметром 8,5 м, высотой 0,5 м. Невидимые с поверхности камни сразу же под дерном попадаются в большом количестве. На глубине 0,4 м к З от центра кургана найден камень правильной формы – оселок и обломки костей. На глубине 0,7 м посередине кургана найден костяк головой на З с вытянутыми конечностями. В ногах костяка остатки черепа ребенка. Кости очень плохой сохранности. Под костяком много угля. На глубине 1,4 м погребение крашенного костяка, частично разрушенного верхним впускным погребением. В ногах крашенного костяка 2 глиняных сосуда остродонный и плоскодонный, покрытых орнаментом. Мужчина из основного захоронения уложен вытянуто на спине, головой на С.

Из-за того, что основное захоронение нарушено впускным, нет уверенности, что сосуды относятся к основному захоронению. По погребальному обряду и впускное, и основное погребения из Балыкты-Юля отличаются от афанасьевских. Единственное, что их может связывать с последними – это остродонный сосуд, своеобразие которого уже отмечалось (Хлобыстина, 1975; Степанова, 1994; 2010а). Сосуд отличается от афанасьевских как формой, так и орнаментацией. Он имеет высокий для афанасьевской керамики венчик – 4 см, а для афанасьевских сосудов из Горного Алтая характерна высота венчика менее 2 см (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, табл. 4; 5). Необычны и другие пропорции изделия, оформление плеча, расположение центра тяжести. Орнамент нанесен инструментом с коротким рабочим краем с крупными прямоугольными зубцами. В верхней части изделие украшено рядами горизонтальной елочки. В средней части сосуда оттиски штампа составляют ромбовидные фигуры, стороны которых оформлены в несколько приемов. Все стороны каждого ромба состоят из нескольких оттисков штампа, составляющих прямую линию. От нижних сторон ромбов, за пределами ромба, расположено по три ряда оттисков штампа, образующих елочку. Часть отпечатков втиснуты, т.к. для них осталось недостаточно места, по-видимому, с целью не нарушить композицию и, количество рядов, составляющих фигуры. Внутренняя часть ромбов также заполнена тремя рядами оттисков, составляющих елочку. Для афанасьевской керамики не характерны не только ромбовидные фигуры, но и не известно подобное сложное оформление деталей орнамента, не выявлено случаев, когда имели значение и количественные показатели, в т.ч. количество рядов. Для мастера, изготовившего этот сосуд, важно было сохранить по 3 ряда, даже если оставалось недостаточно места, отпечатки накладывались один на другой, орнаментир разворачивался так, что заметно менялся угол между рядами оттисков. Необычны для афанасьевских подобные орнаментиры тем, что у них зубцы редко поставленные, крупные, прямоугольные (3х2 мм). Для афанасьевских инструментов характерны мелкие круглые или округлые зубцы диаметром около 1 мм, которыми невозможно было нанести глубокие отпечатки (Степанова, 1997; 2012д).

Банка открытой формы (диаметр венчика немного больше диаметра дна). Полностью орнаментирована горизонтальными рядами оттисков крупнозубого штампа, составляющих елочку. Инструменты, которыми нанесен орнамент на остродонный и баночный сосуды, похожи. У них небольшое число крупных прямоугольных зубцов и, сравнительно, короткий рабочий край. Подобное оформление рабочего края орнаментира характерно для эпохи бронзы Горного Алтая, а не для афанасьевской культуры (Кирюшин, Степанова, 1998). Сходство инструментов позволяет предположить, что сосуды могли быть изготовлены в один хронологический промежуток времени и могли быть помещены в могилу одновременно.

Архив ИИМК, ф. 42, 94, л. 43, 44.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 49–51.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010а. С. 24–37.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 24, рис. 1, 2.

2. Карасу-2, могильник (рис. 70 - 7–10)

Находится близ д. Купчегень (Онгудайский район). Имел каменно-земляную насыпь с кольцом из камней. Перекрытие (поперечный накат из бревен) сооружено в нижней части могильной ямы. В основной могиле погребены 2 человека, уложенные вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Прослежена охристая и углистая подсыпка. Инвентаря не было.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 39–41, рис. 4; 6.

Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 26.

3. Улита, могильник (рис. 34 -5; 70 - 5, 6)

В 1986 г. в 4–5 км южнее с. Ело, на левом берегу р. Улита раскопана ограда диаметром до 5 м из вертикально вкопанных плит, в которой выявлены 2 могилы: одна афанасьевской культуры, вторая – эпохи бронзы. С северо-восточной стороны к ограде примыкал прямоугольный каменный ящик без

торцевых стенок с разрушенным перекрытием, провалившимся внутрь сооружения. Погребены взрослый человек (25–30 лет) и подросток. Первый был уложен на спине головой на ЮЗ. Кости подростка разбросаны. Черепная коробка взрослого человека разрушена камнями, составлявшими кладку заполнения внутренней части ограды. На этом основании авторы раскопок считают, что ящик был сооружен до возведения ограды.

Внутри ограды, под слоем мелкого камня, обнаружена 3–4 слойная закладка всей площади конструкции большими каменными плитами, под которыми находились 2 овальные могильные ямы, ориентированные длинной осью по линии ЮЗ–СВ, расположенные параллельно: первая – в юго-восточной части ограды, вторая – у северо-западной стенки. Обе могилы были потревожены. В погребении №1, частично сохранившимся, похоронена женщина (?), уложенная на спину в вытянутом положении, головой на ЮЗ. На дне могилы найдены обломки костей животных и глиняный баночной сосуд, на внешней поверхности которого сохранилась охра. Расположение могил предполагает, что, вероятнее всего, ограда планировалась для двух могил.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 57–59.

Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3. С. 22–28.

1.4. АРАГОЛЬСКИЙ ТИП ПОГРЕБЕНИЙ

1. Арагол, могильник (рис. 69 -7, 10–12)

В 1929 г. М.П. Грязновым раскопано 4 кургана. Два погребения оказались нарушенными. В кургане 2 (№4 по М.Д. Хлобыстиной) могила имела заплечики и была перекрыта бревенчатым накатом, погребенный уложен вытянуто на спине. Захоронения инвентаря не содержали. В могилах отмечена подсыпка из охры. В архиве Г.П. Сосновского сохранились описания, которые приводятся ниже.

Курган 1. Земляная насыпь высотой 0,4 м, диаметром 7 м. У основания и кое-где посредине глубоко сидящие камни. Могильная яма – 2,00х1,10 м, глубина 0,8 м от горизонта. В верхнем слое насыпи ряд камней. Кости человека в беспорядке, начиная с глубины 0,55 м от горизонта. Найдены 3 зуба, грудина, 2 ключицы, 2 лопатки, позвонки, 14 ребер, 2 стопы, часть мелких костей правой кисти и др. Левая кисть и стопа в полном порядке. Правая стопа в беспорядке около левой (Архив ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 34–35).

Курган 2. Насыпь диаметром 9,5 м, высотой 0,5 м. У основания видны камни. Глубина могилы 1,20 м от горизонта. Бревенчатый накат 2,3х1,95 м. Высшая точка наката 0,7 м от горизонта, низшая – 1,11 м. Скелет полный. По всему дну красная краска. Местами попадались белые камни (Архив ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 36–37).

Сохранился план погребения и разрез этого кургана. Умерший был похоронен вытянуто на спине. На плане не указана ориентация раскопа, а положение погребенного головой на В помечено на разрезе. Если раскоп был ориентирован по сторонам света, а на чертеже могила расположена не параллельно стенкам раскопа, не исключено, что погребенный был уложен головой на СВ.

Курган 4. Насыпь диаметром 8 м, высотой 0,3 м. У основания насыпи и посредине видны камни. Могильная яма глубиной 1,25 м не ясных очертаний. Приблизительные размеры ее – длина 1,5х2,0 м, ширина 1 м. В яме следы красной краски, костей (II фаланги руки и ничтожные обломки трубчатых костей ребенка лет 10). Попадаются мелкие куски дерева (л. 40).

Архив ИИМК, ф. 42, д. 94.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010а. С. 24–37.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 24, рис. 1, 2.

2. Теньга-II (Урмулык-II), могильник (рис. 69 -8, 9)

Располагался на правом берегу р. Урсул, в урочище Урмулык, в 2 км на ЮЮЗ от д. Теньга. Представлял собой одиночный земляной курган с каменной крепидой диаметром 12 м. Кольцо-крепида сложено из двух-трех рядов крупного рваного камня, уложенного на древнем горизонте. Прямоугольная яма глубиной 0,9 м от уровня древнего горизонта, перекрыта продольным накатом из бревен. Погребен мужчина, уложенный вытянуто на спине, головой на СВ. Зафиксированы остатки охристой и углистой подсыпки. Вещей не найдено. По мнению В.А. Могильникова, сооружение может быть датировано эпохой энеолита, ранней бронзы, по ряду признаков оно близко к арагольскому типу и может быть датировано первой половиной – серединой III тыс. до н.э., хотя не исключена и его более поздняя датировка.

Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 23–26.

3. Ян-Улаган, могильник

В 1924 г. Алтайской экспедицией Русского музея под руководством С.И. Руденко раскопано 2 кургана в урочище Арагол, на площадке надпойменной террасы правого берега р. Ян-Улаган, в 2 км ниже впадения в нее р. Балыктыюль. Памятник состоит из четырех земляных курганных насыпей. С.И. Руденко было вскрыто 2 насыпи диаметрами 12 и 13 м, высотой 0,5 и 0,8 м. Обе могилы грунтовые. В одной обнаружено 2 мужских скелета, в другой – один. Все они окрашены в красный цвет, в кургане 1 оба погребенных находились на подстилке из лиственничной коры и ею же были перекрыты. Скелеты лежали в вытянутом положении, головой на NO. Инвентарь отсутствует. Однако в пятом позвонке одного из погребенных из парного захоронения находился кремневый наконечник стрелы. Судя по фотографии, опубликованной С.И. Руденко, он удлиненных пропорций, с небольшой выемкой в основании.

В архиве Г.П. Сосновского сохранились выписки из дневника Глухова. Они содержат более полную информацию об объектах. Ниже приводятся выписки без каких-либо правок и соответствующие тексту, сохранившемуся в архиве Г.П. Сосновского.

Курган 1. Диаметр 13,5–15 м (вытянут с С на Ю), высота более 1 м. Земляная насыпь обложена снаружи камнями едва торчащими на поверхности. В центре покров их плотнее и камни крупнее. В средней части камни сплошной массой заполняют до 1 м в глубину. Раскопан траншеей шириной 2 м. При разборке камней в центре на глубине 70 см найдены обломки черепа и tibia человека и лопатка коровы или лошади. Дно ямы на глубине 2,55 м от поверхности насыпи. В могиле 2 скелета человека на спине с вытянутыми руками головой на NO (правый молодой, левый старый). Скелеты лежали на лиственничной коре и ей же были сверху покрыты. Оба костяка густо посыпаны охрой. В 5-м грудном позвонке взрослого костяка глубоко вонзилась каменная стрела (Архив ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 32).

Курган 2. Диаметр 11–12 м (вытянуто с С на Ю), высотой не более 50 см. Земляная насыпь обложена по поверхности камнями. Раскопана траншеей (7,4х2) по линии NW-SO. Могильная яма (судя по чертежу прямоугольная – 1,6х2,7 м – *прим. Г.П. Сосновского*), ориентирована с СВ на ЮЗ. На дне могильной ямы в слое толщиной около 20 см кости конечностей человека в полном беспорядке. Дно ямы на глубине 1,62 м от поверхности кургана (д. 94, л. 33).

Архив ИИМК, ф. 42, д. 94, л. 30–33.

Руденко С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. №5–6. С. 108–109.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010а. С. 24–37.

Как видно, из приведенных выше данных, захоронения арагольского типа сходства с афанасьевскими фактически не имеют, с каракольскими их сближает положение погребенных и наличие охры. Положение вытянуто на спине характерно для каракольской культуры, но каракольцы совершали захоронения в каменных ящиках, а умерших укладывали головой в западном направлении. Отличают памятники арагольского типа от каракольских перекрытия из дерева, ориентация умерших на СВ, В и С и отсутствие каменных ящиков. Возможно, в арагольских погребениях сохраняются местные неолитические традиции (положение вытянуто на спине и ориентация головой на СВ). Подобные признаки зафиксированы в погребениях эпохи неолита в пещере Каминной и предгорном Алтае (Маркин, 2000; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000; Кунгурова, 2005). Однако погребения арагольского типа отличают от неолитических бревенчатые накаты над могилами, окраска охрой, наличие угля, отсутствие инвентаря. Неолитические захоронения содержат большое количество находок, но использование дерева при устройстве погребальных камер не характерно, хотя ориентация погребенных головой на СВ широко распространена в эпоху неолита в целом.

С.И. Руденко датировал курганы из урочища Арагол неолитом (Руденко, 1926, с. 108–109), М.П. Грязнов – дометаллической эпохой (Грязнов, 1930, с. 5). М.Д. Хлобыстиной курганы из урочища Арагол были отнесены к афанасьевским, т.к. один из них по погребальному обряду и инвентарю соответствовал афанасьевским. Остальные погребения из Арагола были отнесены к афанасьевской культуре потому, что были раскопаны неподалеку от афанасьевского, имели аналогии в ранних древнеямных захоронениях, сходство которых с афанасьевскими казалось очевидным, а также потому, что не было возможности соотнести их с захоронениями эпохи неолита и бронзы Алтая. В последние десятилетия дискуссия по поводу датировки и культурной принадлежности погребений арагольского типа особенно оживилась (Хлобыстина, 1975, с. 17–18; Степанова, 1994; 2000; 2001; 2010а; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004; 2005; Абдулганеев, 2006). Однако малочисленность исследованных погребений и отсутствие инвентаря в большинстве из них оставляют возможность для сомнений и предположений. Так как арагольские погребения безинвентарны, вопрос об их культурной и хронологической принадлежности может быть решен с появлением нового материала. В настоящее время есть только косвенные признаки, позволяющие их сопоставить с теми или иными памятниками, датировка которых определена.

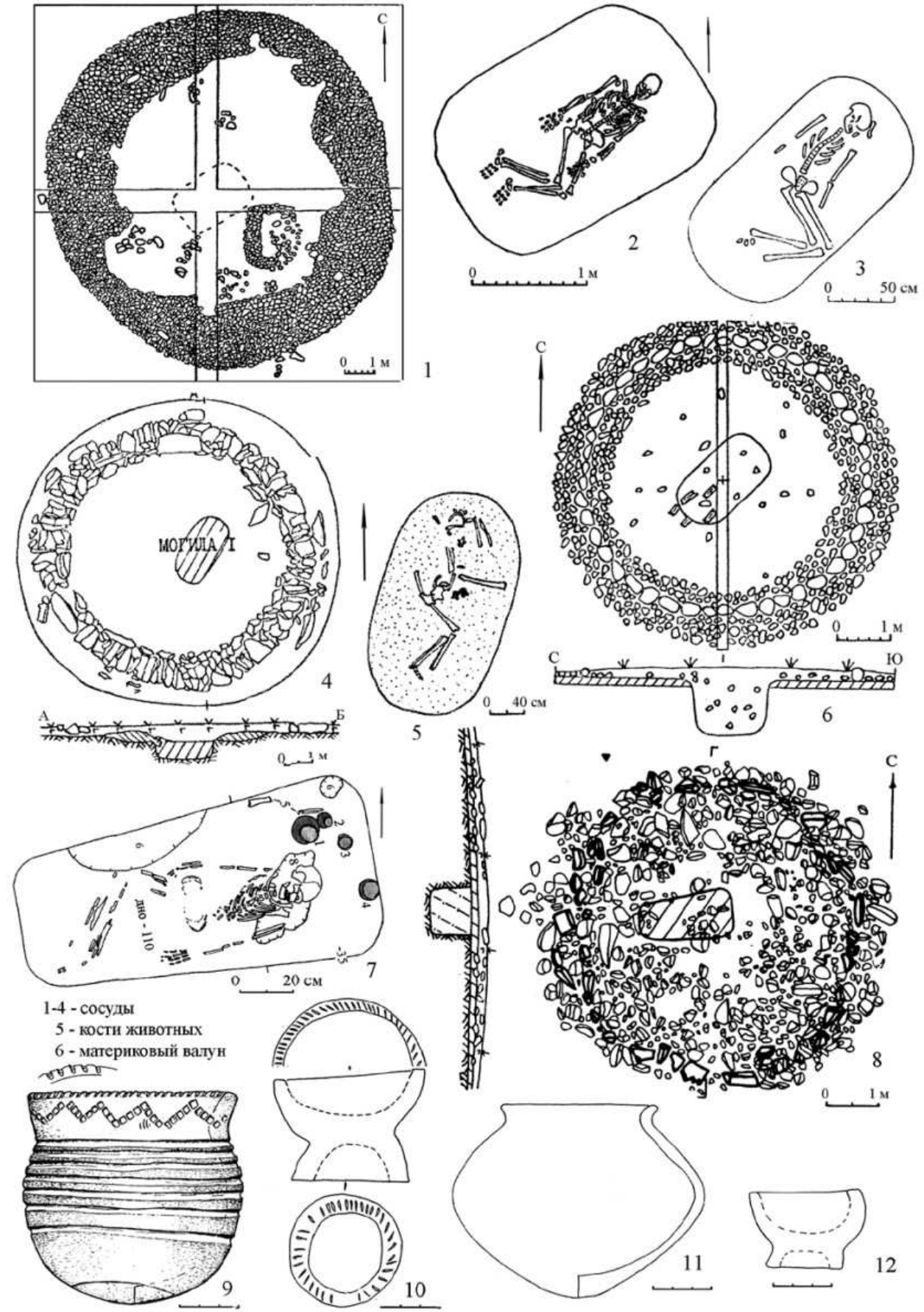

Рис. 59. Могильники Айрыдаш-1, к. 6а (1, 2), Урмулык-1, к. 1 (3, 6), Озерное-2, к. 1 (4, 5), Бойтыгем-2, к. 1 (7–12). По: Ларин, 1988 (1, 2); Суразаков, 1987 (3, 6); Молодин, Петрин, 1985 (4, 5), Абдулганеев, Ларин, 1994 (7, 8)

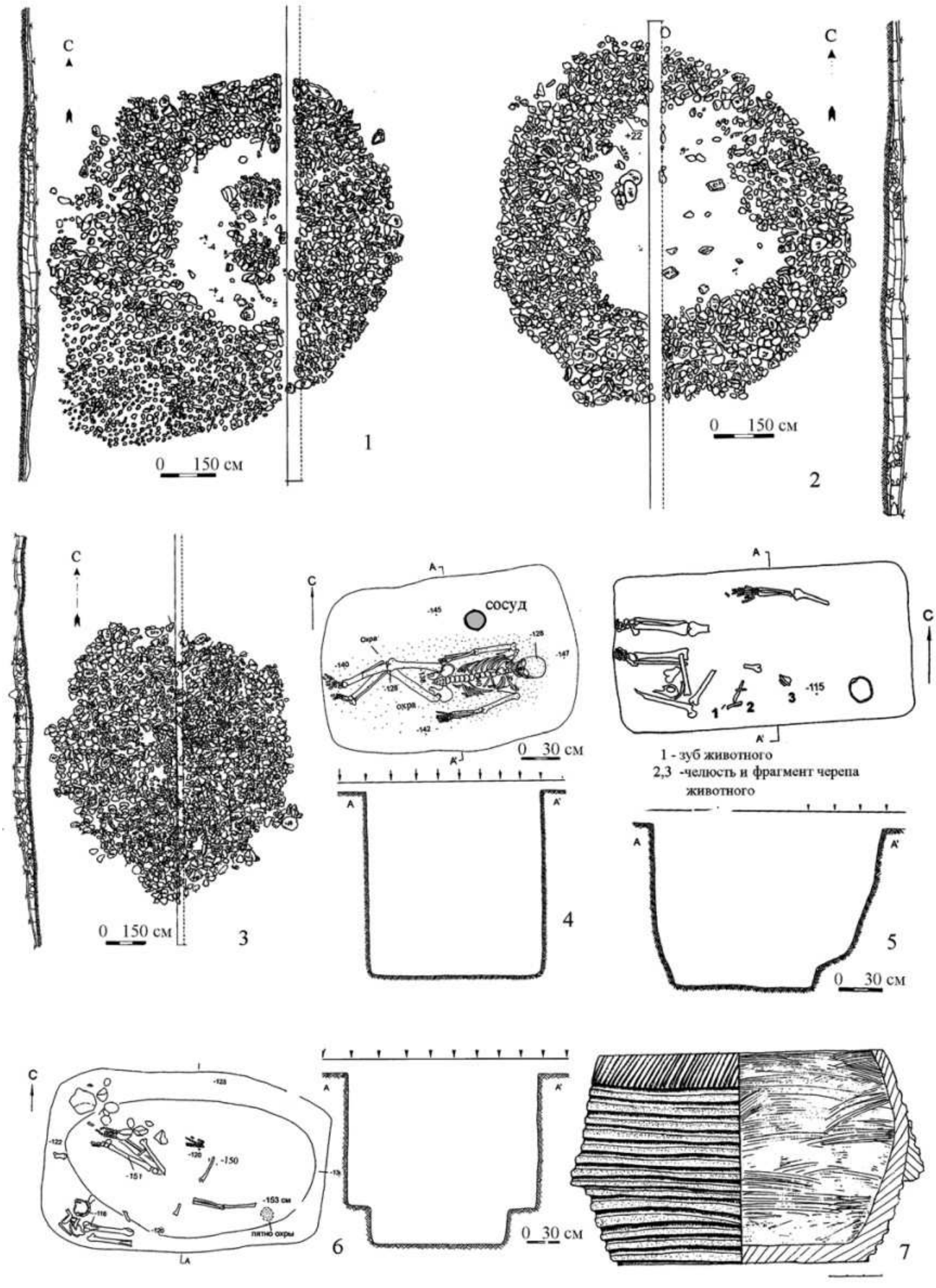

Рис. 60. Могильники Берсюкта-1, к. 1 (1, 4, 7), к. 2 (2, 6), Берсюкта-II, к. 2 (3, 5).
По: Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010

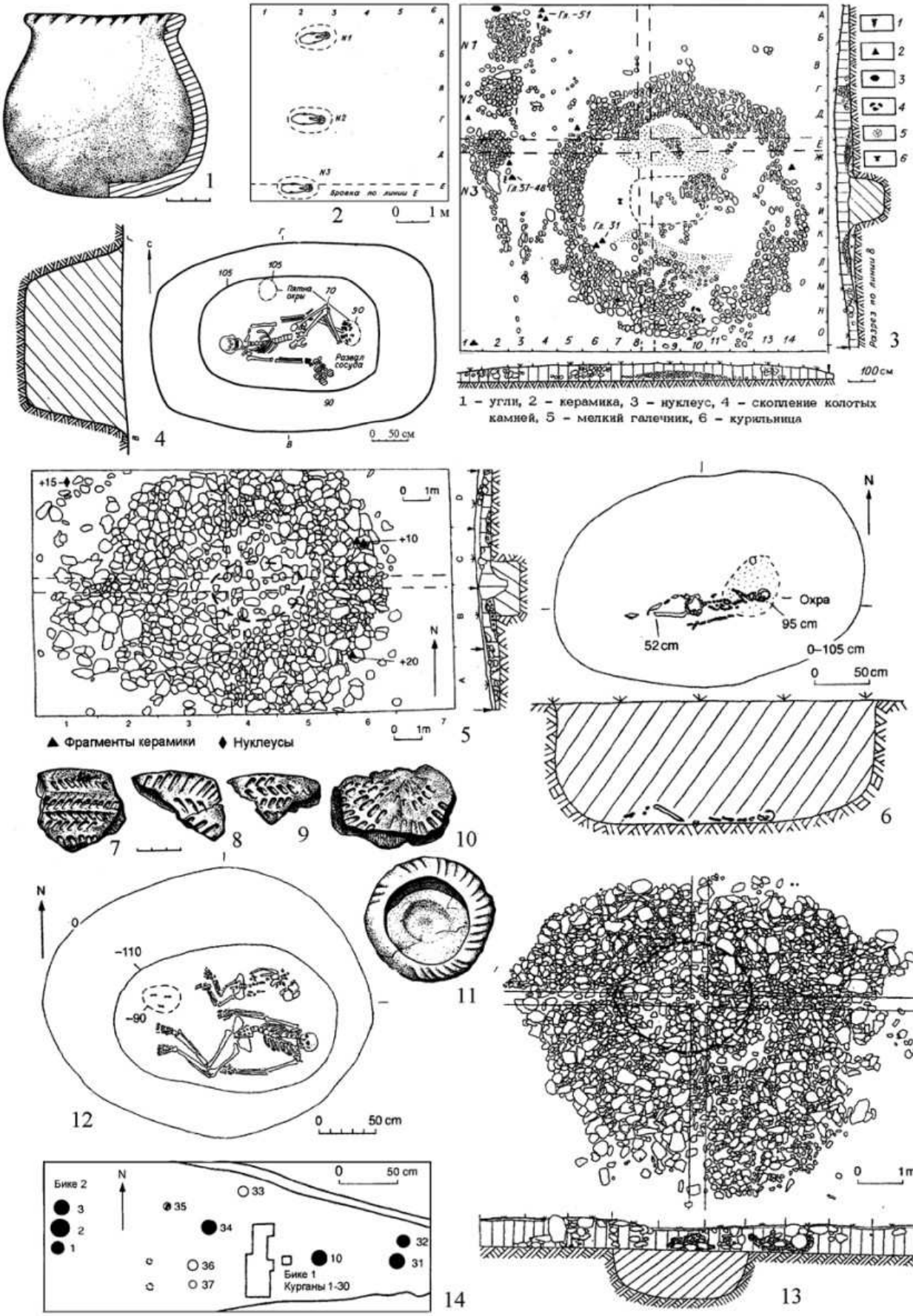

Рис. 61. Могильник Бике I, к. 10 (1–4, 7–11), к. 31 (5, 6), к. 35 (12, 13), план могильников (14).
По: Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990 (1–4, 7–11); Кубарев, Черемисин, Сюсаренко, 2001 (5, 6, 13, 14)

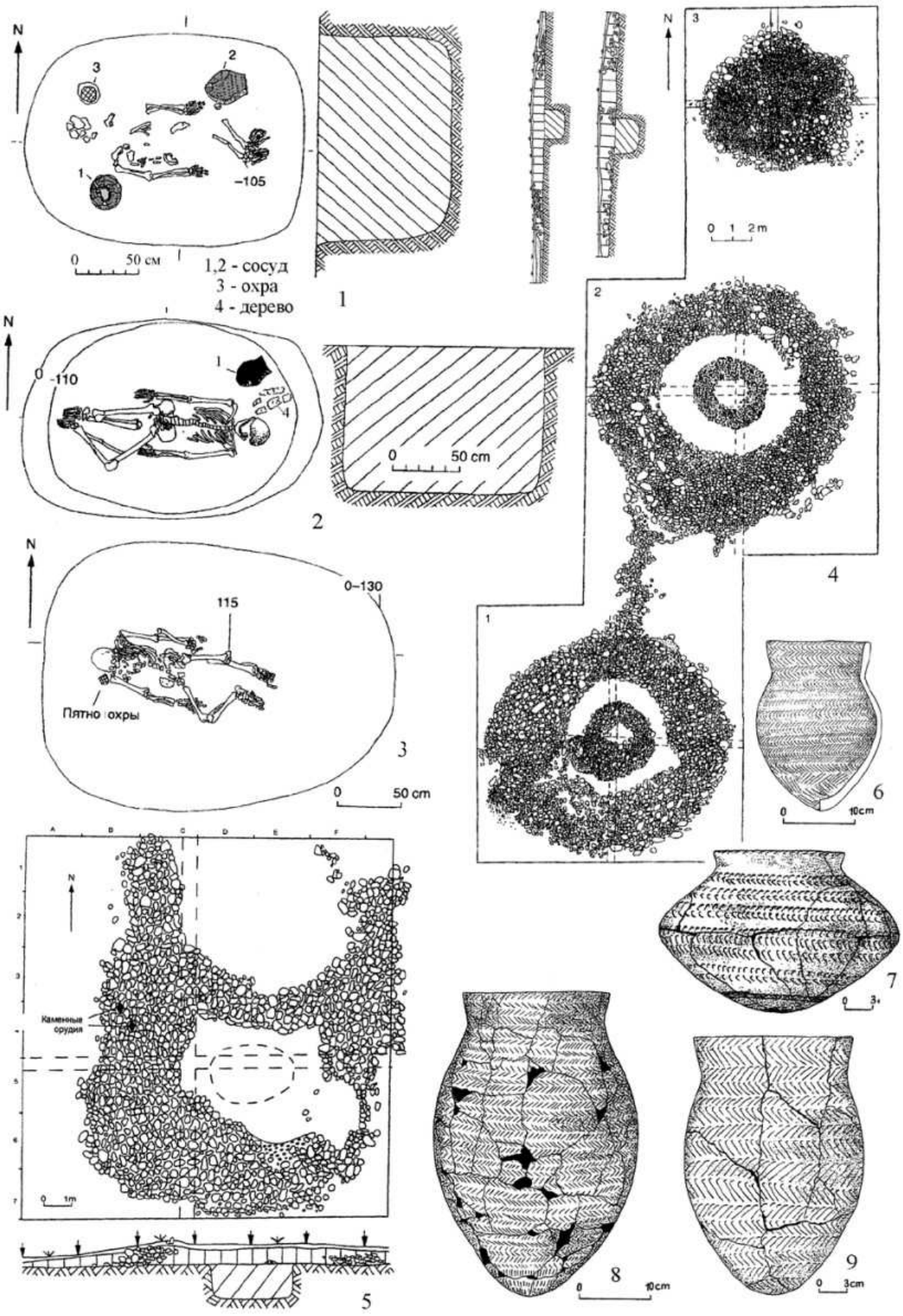

Рис. 62. Могильники Бике I, к. 34 (3, 5) Бике II, к. 1–3 (4), к. 1 (2, 6, 8), к. 2 (1, 7, 9), сосуд, найденный под насыпью (8). По: Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 2001

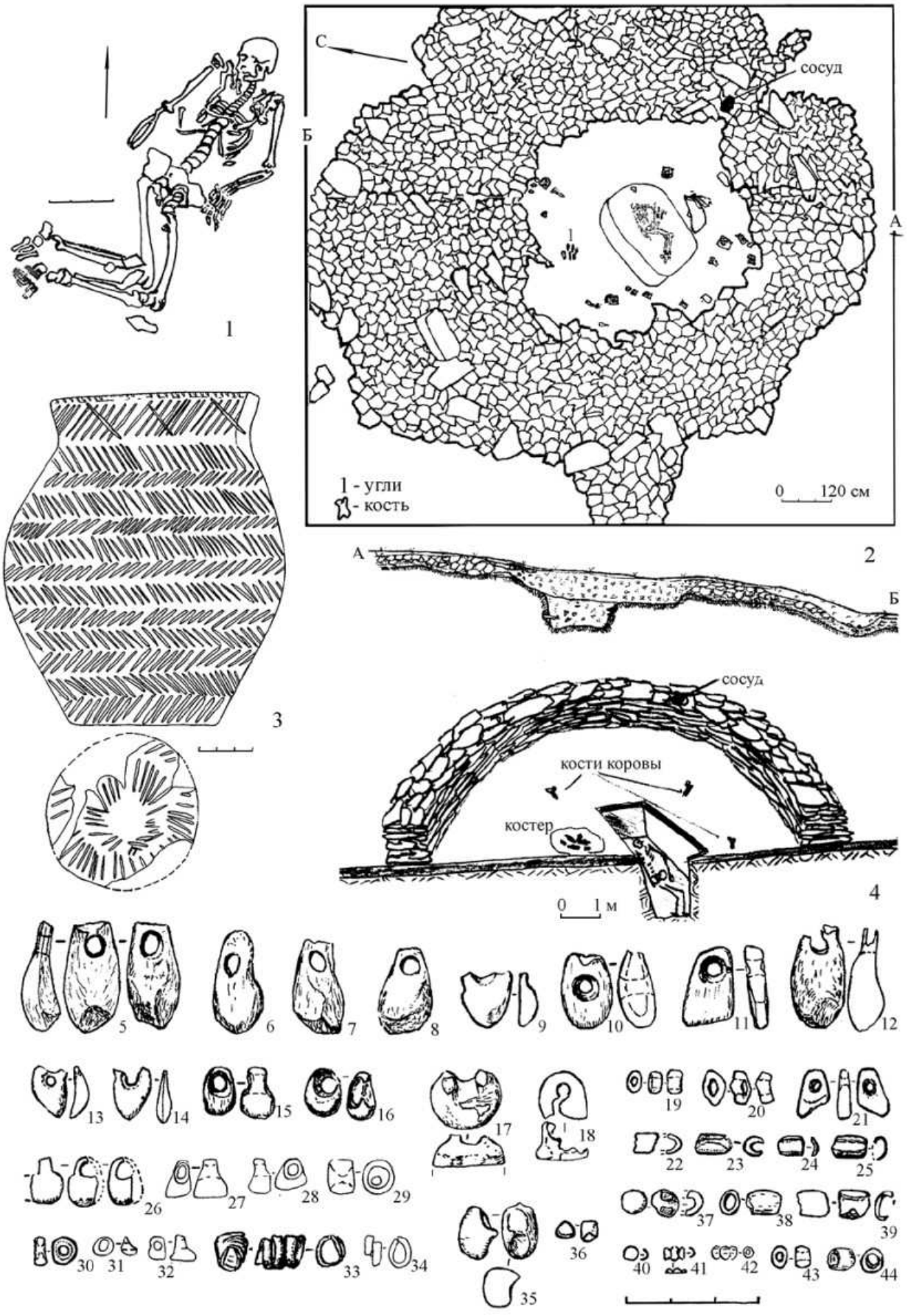

Рис. 63. Могильник Ело-1, огр. 1. Реконструкция ограды по рисунку из полевого дневника В.А. Посредникова (4), украшения из сосуда (33–34 – медь, 27–32 – камень, остальное – кость)

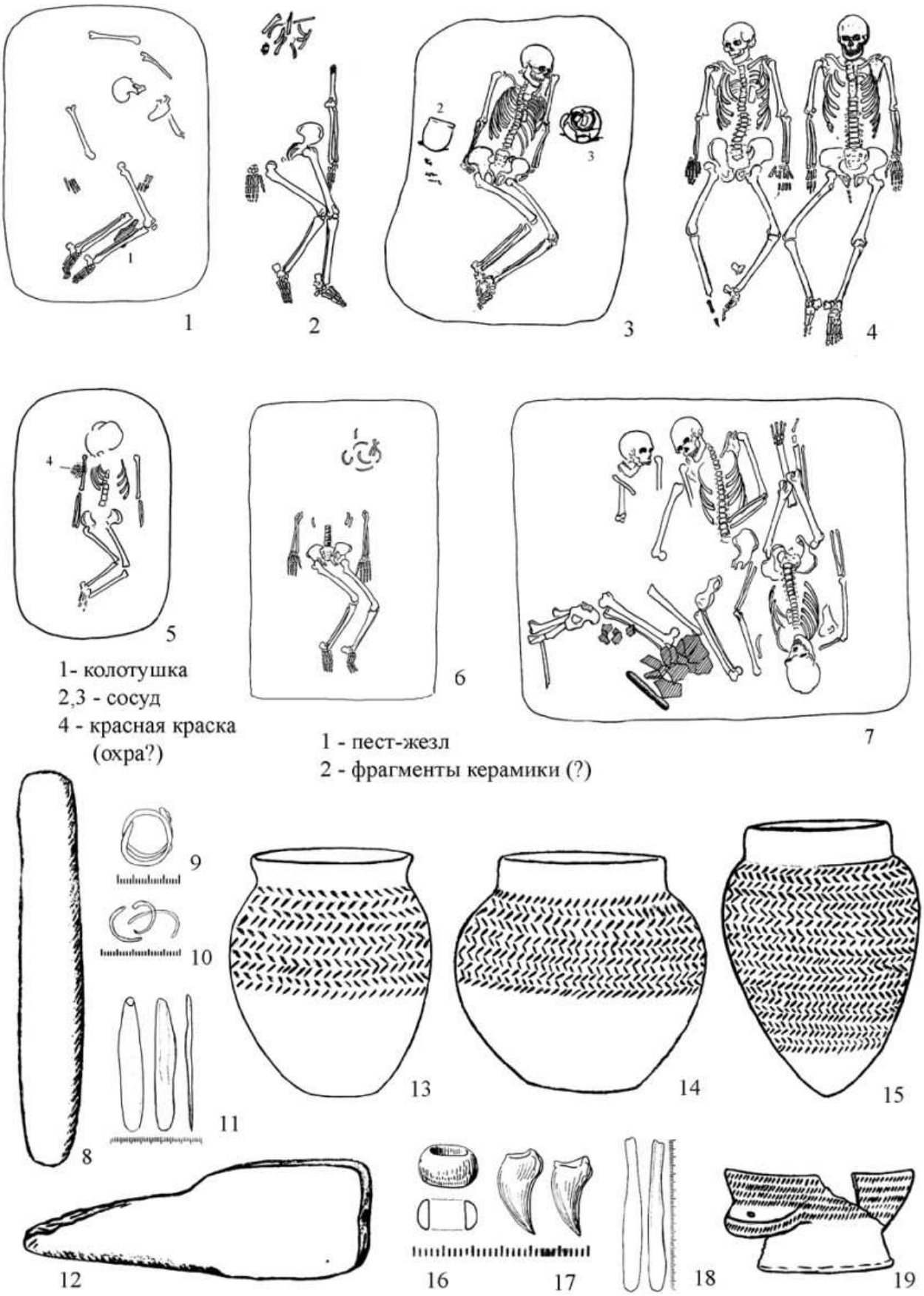

Рис. 64. Могильник Курота-2, погребения из курганов 3 (1), 5 (2), 7 (3), 9 (4), 8 (5), 1 (6), 2 (7), инвентарь из курганов 2 (8, 14, 15, 19), 5 (9), 7 (12, 13), 6 (10, 11, 17, 18), 3 (16). По: Киселев, 1951 (3, 4, 8, 12–15, 19); архив С.В. Киселева (ИА РАН) (1, 2, 5–7); архив Э.Б. Вадецкой (9–11, 16–18)

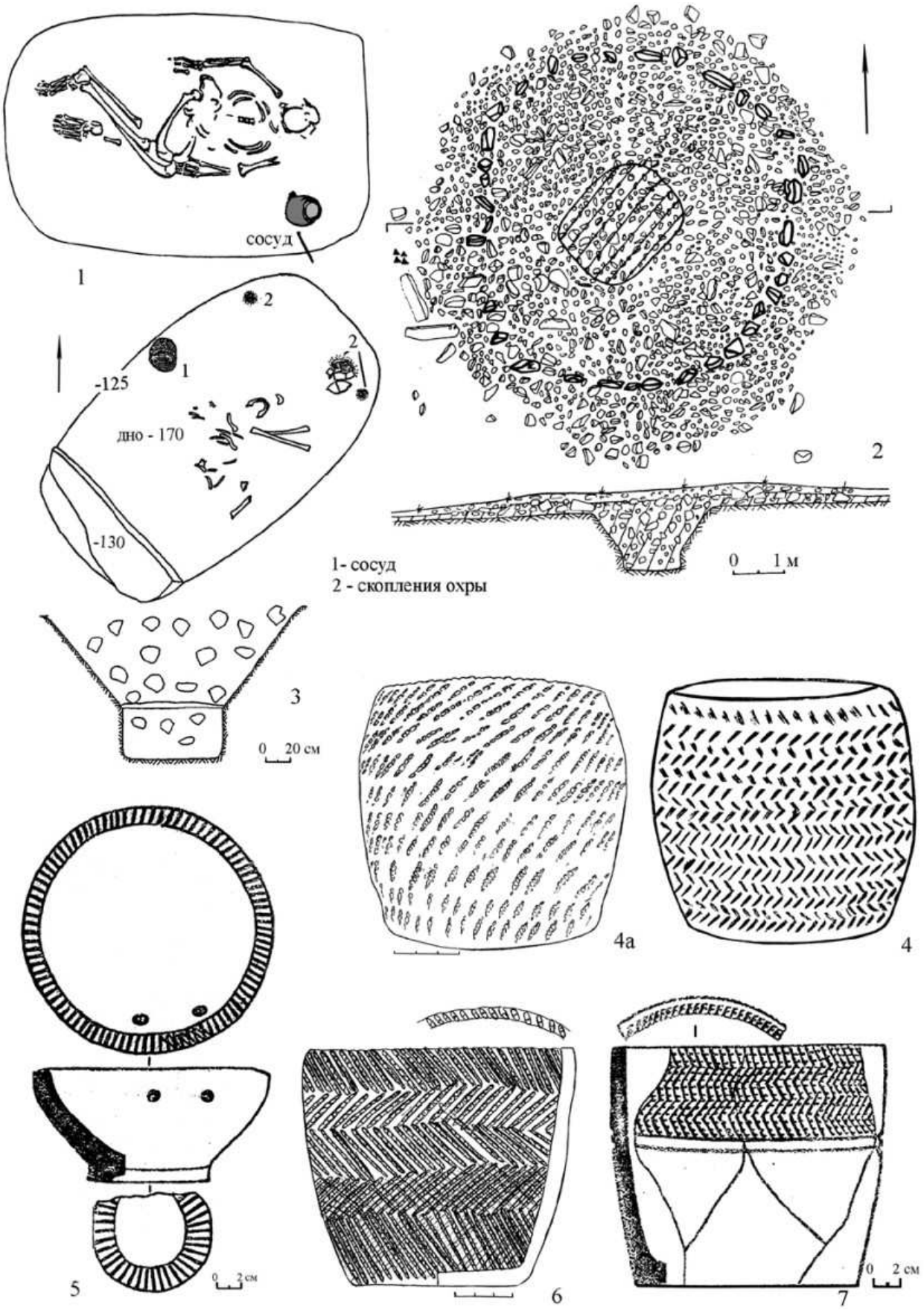

Рис. 65. Могильники Курота-2, к. 4 (1, 4, 4а), Бойтыгем-2, к. 5 (2, 3, 6), находки из разрушенного погребения у с. Кулада (5, 7). По: Киселев, 1951 (1, 4); Абдулганеев, Ларин, 1994 (2, 3); Ларин, 1988 (5, 7); уточненный рисунок из архива Э.Б. Вадецкой (4а)

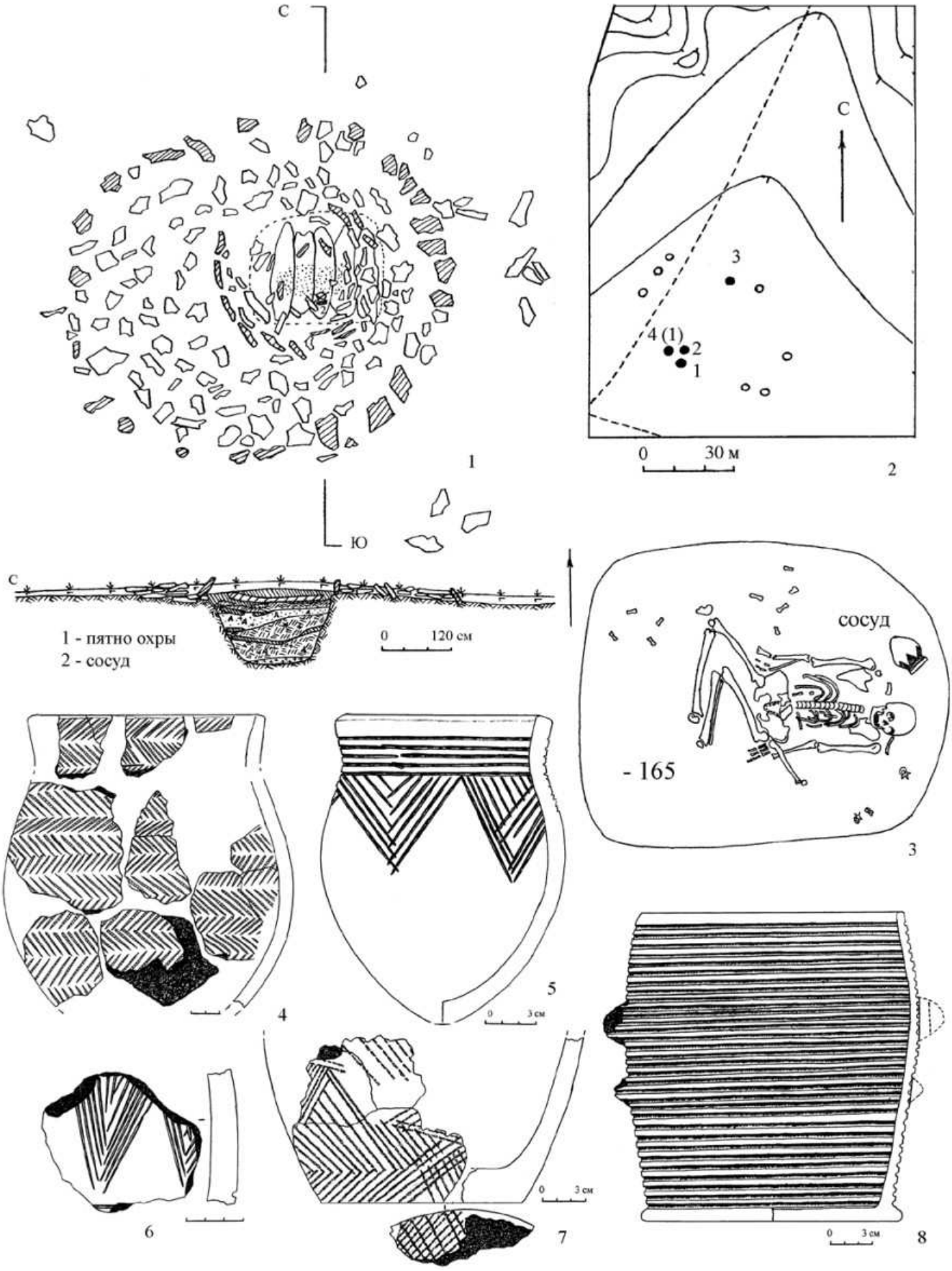

Рис. 66. Могильник Нижний Тюмечин-5, план памятника (2), кольца 2 (1), погребение и сосуд из кольца (3, 5), керамика из кольца 1 (4), ограды 1 (6–8). По: Абдулганеев, Славнин, 2004

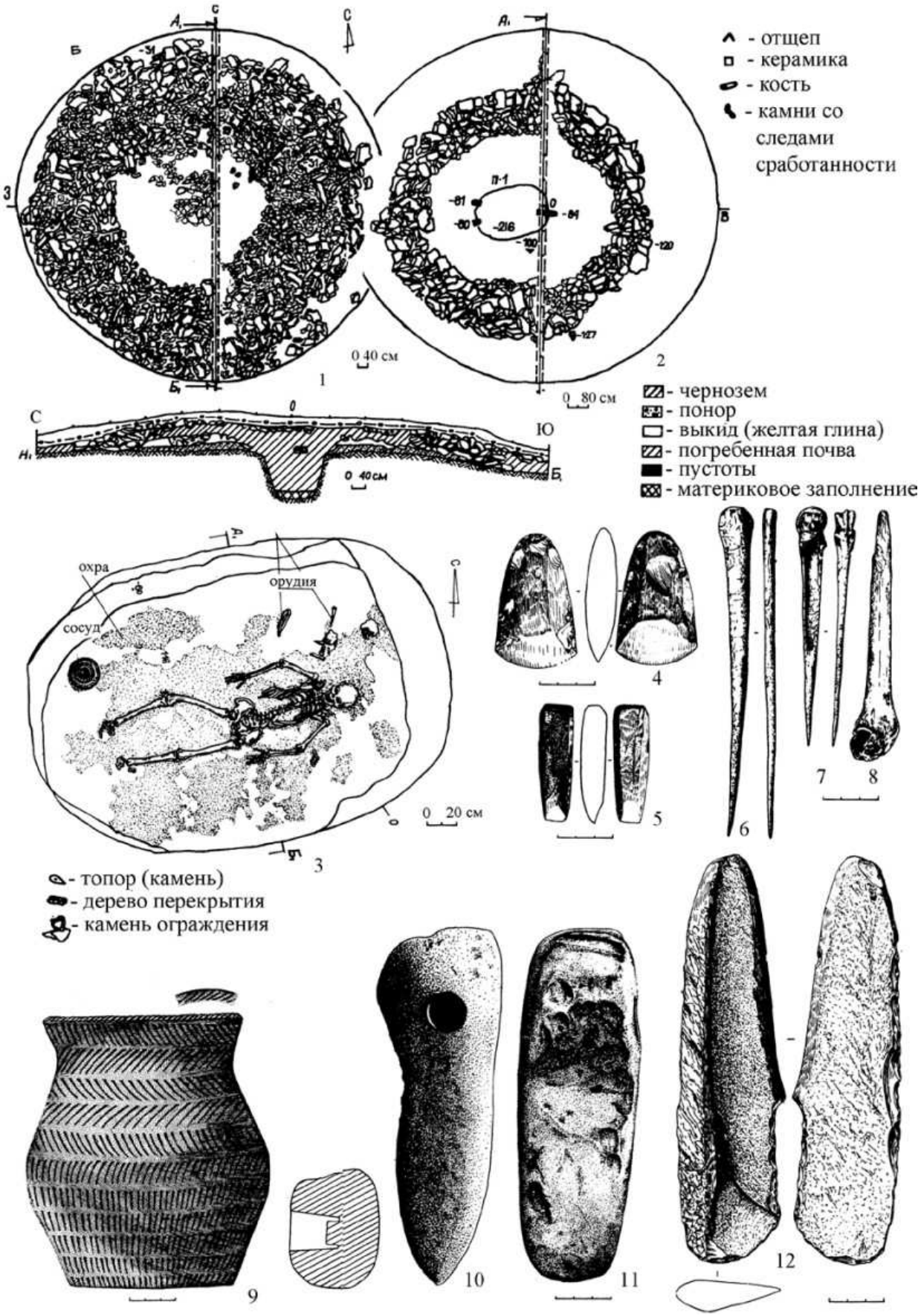

Рис. 67. Могильник Пещеркин Лог-1, к. 1 (1–3), инвентарь из кургана 1: кинжал (1), заготовка каменного сверленного топора из насыпи кургана (2), проколки (6–8), стамеска-долото (7), шлифованный топорик (6), сосуд (8). 4, 5, 10, 11 – камень, 6–8 – кость, 9 – глина. По: Деревянко, Молодин, Маркин, 1987

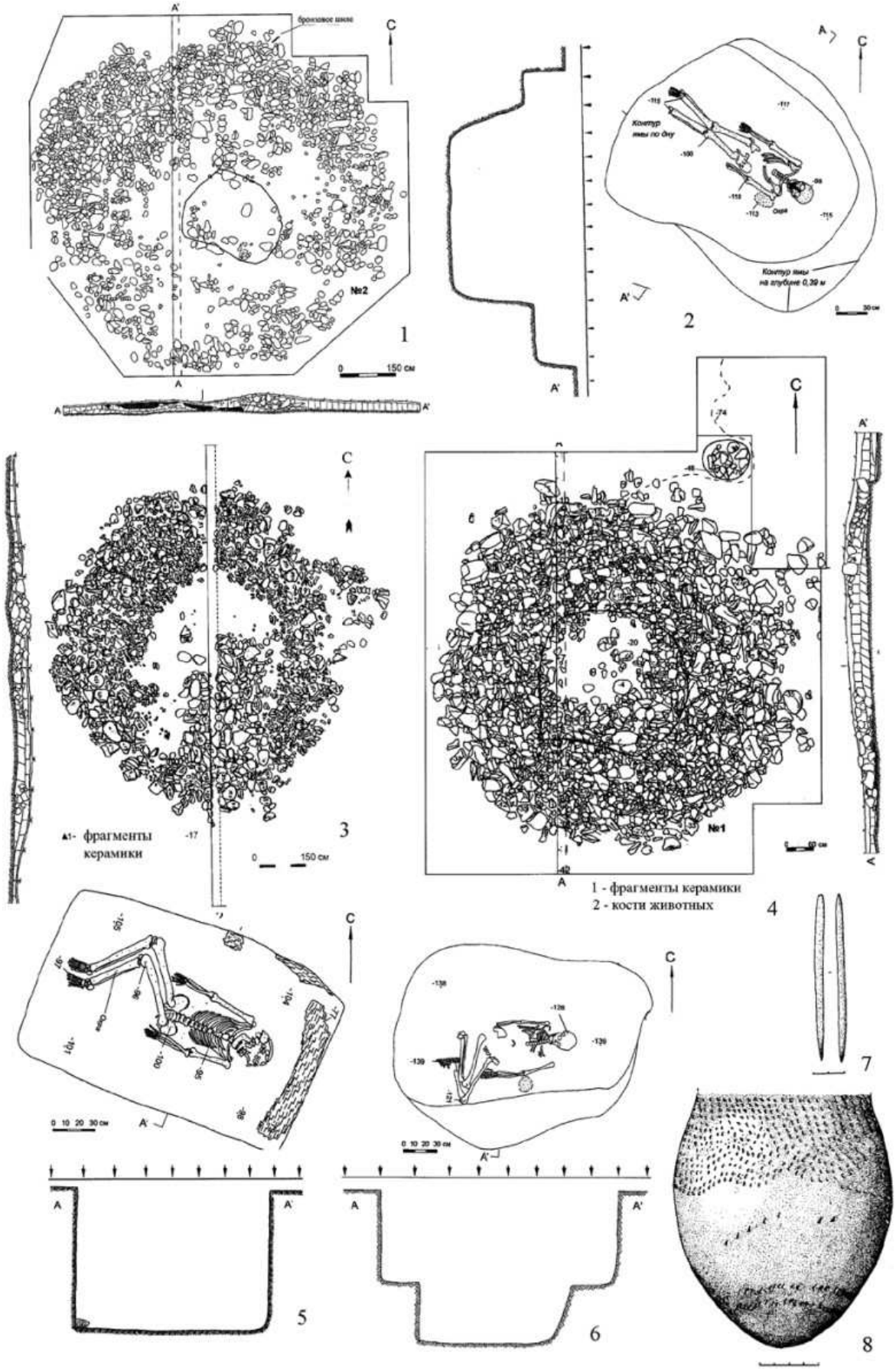

Рис. 68. Могильники Чобурак-1, к. 2 (1, 2, 7), к. 1 (4, 6), Чобурак-III, к. 1 (3, 5, 8).
По: Кирюшин, Грушин, Семибратов, Тюрина, 2010

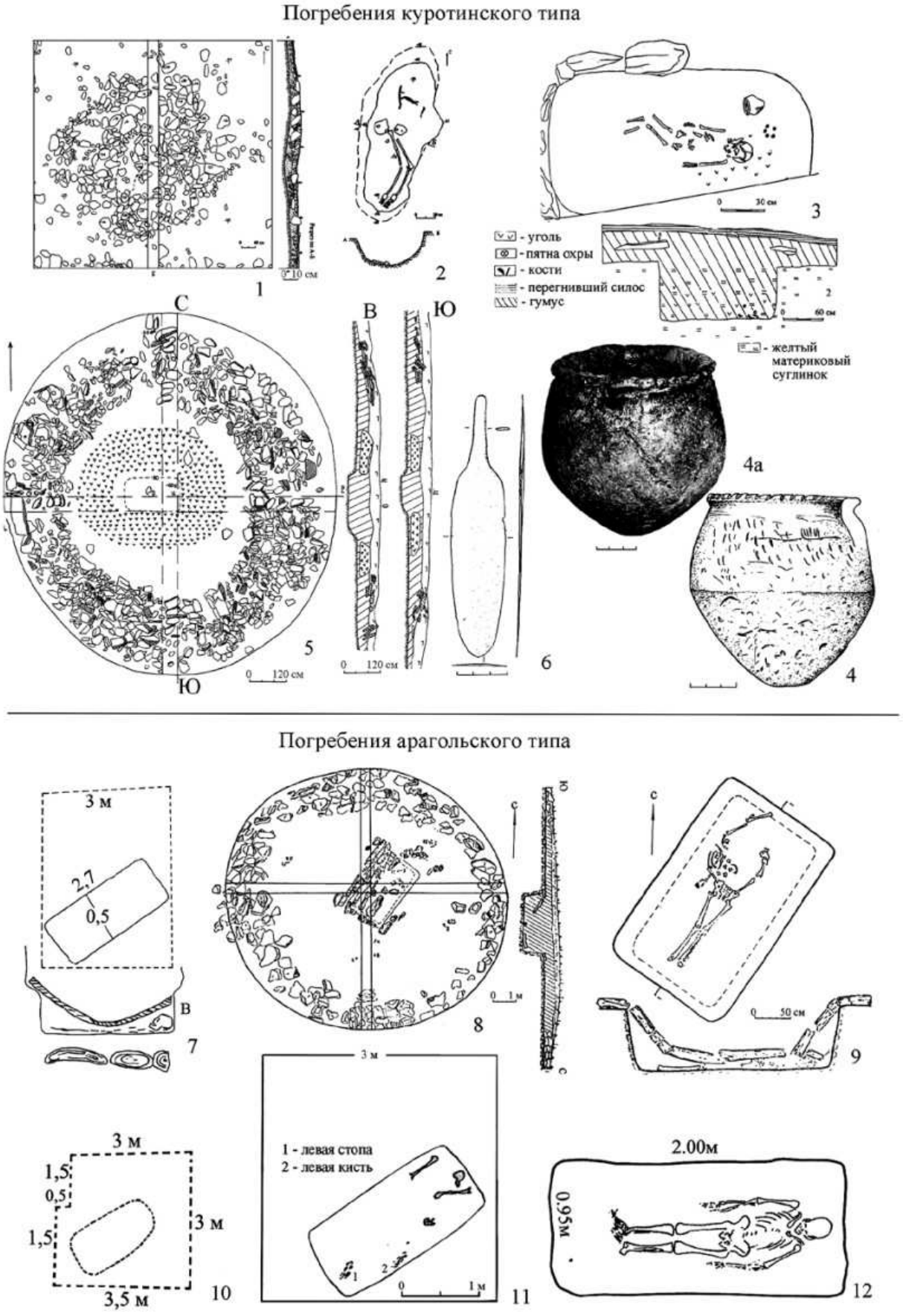

Рис. 69. Могильники Нижняя Тархата-II, к. 4 (1, 2); Зырянка (3–4, 4а); Элекманар (5, 6); Арагол, к. 2 (7, 12), 1 (11), 4 (10); Теньга-II, п. 2 (8, 9). По: Соёнов, Трифанова, 2010 (1, 2), Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006 (3–4а); Степанова, 1993 (5, 6); 2010а (7, 10–12), Могильников, 1987 (8, 9)

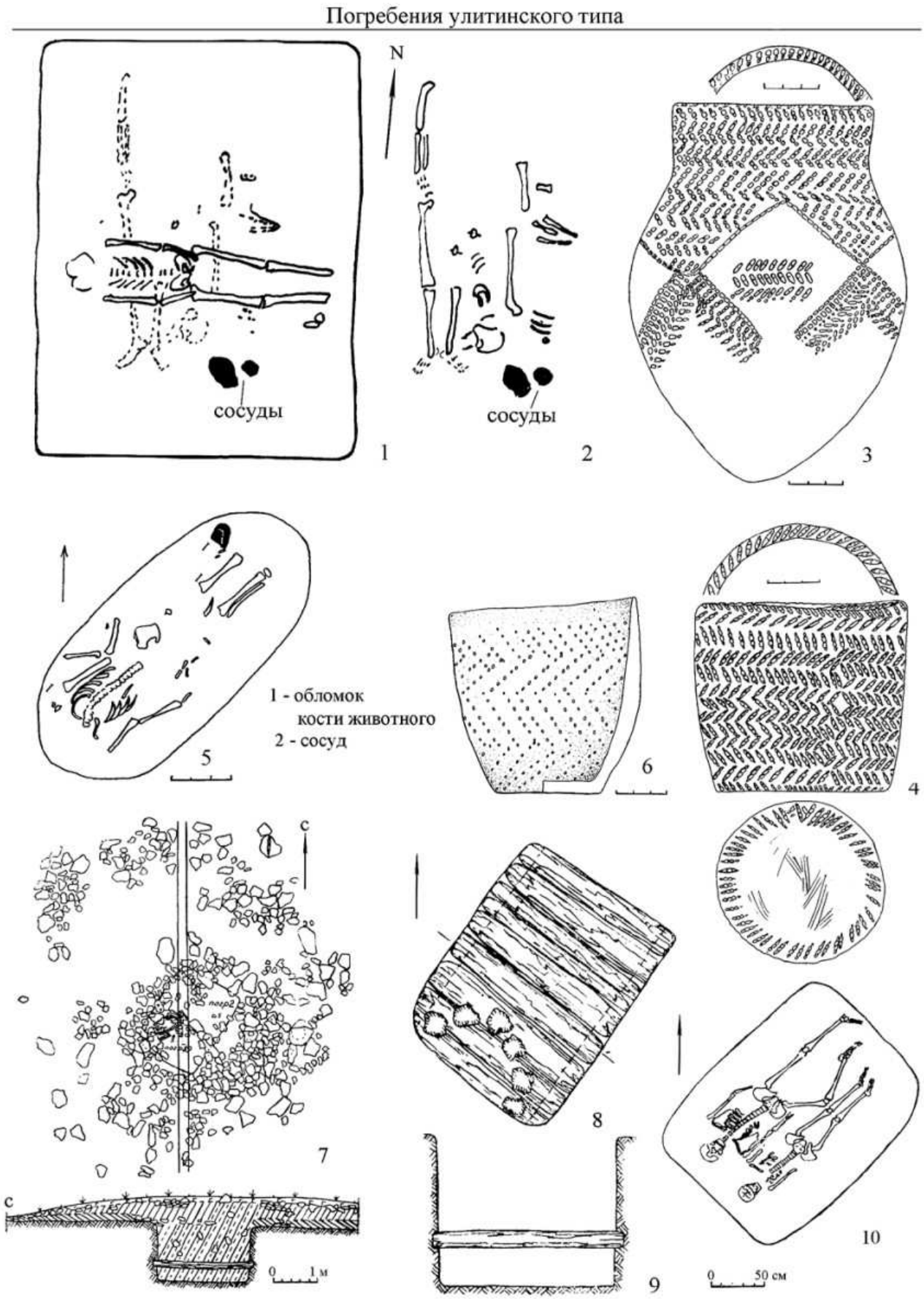

Рис. 70. Могильники Балыктыюль, к. 2 (1–4), Улита (5, 6), Карасу II, к. 1, п. 2 (основное) (7–10).
По: Степанова, 2010а (1–6); Могильников, 1986 (7–10)

ГЛАВА 2

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЕНИСЕЙ (Минусинские котловины)

1. Афанасьева Гора, могильник

Могильник расположен на узкой первой надпойменной террасе под Афанасьевой горой, на левом берегу р. Енисей, близ бывшей д. Батени. На участке длиной 250 м и шириной до 15 м расположено около 40 сооружений, среди которых раскопаны 35 афанасьевских (рис. 71), здесь же могилы подгорновского этапа тагарской культуры. На расстоянии около 200 м к западу от основной группы еще несколько курганов, среди которых выявлен и раскопан один афанасьевский. Восемнадцать афанасьевских могил были исследованы С.А. Теплоуховым в 1920, 1921 и 1923 гг. Могилы на поверхности земли отмечены каменными круглыми кладками диаметром 2–7 м, развалами каменных надмогильных сооружений. С.А. Теплоухов надмогильные сооружения не расчищал, а только вынимал камни, упавшие в могилу, и расчищал остатки погребенного на дне ямы. Чертежи не делались. Могильник Афанасьева Гора является эпонимным памятником, на основании результатов исследований которого была выделена афанасьевская культура и предложена ее первая характеристика (Теплоухов, 1927; 1929).

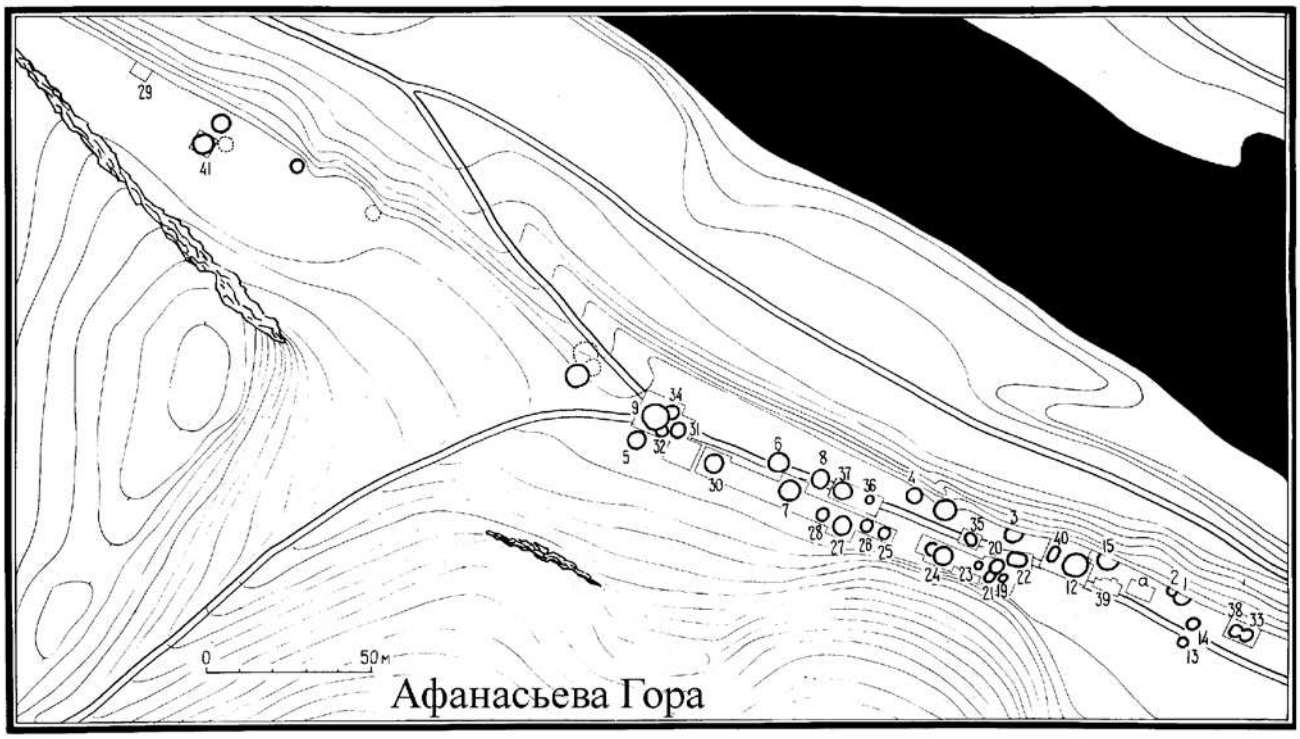

Рис. 71. План могильника Афанасьева Гора

В 1963–1964 гг. раскопки продолжены М.П. Грязновым и М.Н. Комаровой (Грязнов, 1999, с. 12–24). В 1963 г. вскрыт участок (12х15 м) у подножья каменной россыпи горы с четырьмя могилами, а в 1964 г. был заложен раскоп вдоль подножья горы протяженностью (с небольшим перерывом) в 260 м и шириной 4–15 м. Остальные раскопки производились в разных местах, где виднелись камни оград. После удаления почвенного слоя все залегавшие в нем камни зачищали и зарисовывали.

Особенностью могильника являются конструкции надмогильных сооружений, крупные размеры ям, заполненных камнями, единообразная ориентировка и поза покойников и преобладание в могилах сосудов яйцеобразной формы. Имеются также захоронения, совершенные в почвенном слое в очень мелких ямках под камнями. Много могил мало потревоженных или не потревоженных совсем.

Большая протяженность могильника свидетельствует о наличии здесь нескольких афанасьевских кладбищ, которые могут отличаться хронологически. В частности, в восточной половине могильника видны 3–4 скопления могил, разделенных расстоянием в 20–30 м. В каждой группе от 6 до 15 больших и малых каменных выкладок.

Первая группа состояла из ограды 9, диаметром 7 м, к которой примыкали две небольшие ограды 32, 34 и еще две – 5, 31 располагались рядом (рис. 72 -1). К этой группе относится и погребение в ограде 30. В ограде 9 большая могила (240х170х170 см, ЮЗ–СВ) для мужчины, положенного ближе к южной стенке, на спину с согнутыми коленями, головой на ЮЗ (рис. 72 -2). Вдоль северной стенки поставлены 2 яйцевидных сосуда и корчага (рис. 72 -3–5). К корчаге положены куски баранины (остались ребра) и конины (мелкие кости). Выше, на глубине 35–70 см, было впускное погребение, разграбление которого помешало потревожить нижнюю могилу. В нем кости человека и колотушка (рис. 72 -6). В пристроенных к ограде 9 двух оградках, диаметром 2,5–3 м (32 и 34), по погребению, в каждом по миниатюрному яйцевидному горшочку, один из них с ушками (рис. 73 -1, 2). Могилы находились в почвенном слое на глубине 35 см. В ограде 5, диаметром 2,5 м, раскопанной С.А. Теплоуховым, две могилы, одна над другой. В нижней (90х40х170 см) скелет сильно скорченного человека, возможно, ранее усаженного на корточках (рис. 73 -3). Из инвентаря в этом погребении только резец сурка. Часть могилы на глубине 110 см перекрыта другой, сильно ограбленной, с остатками скелета человека с согнутыми ногами, головой на ЮЗ, без вещей (рис. 73 -4). В ограде 31, диаметром 5–6 м, была прямоугольная с закругленными углами яма (170х130х90 см), в которой похоронен мужчина 25–40 лет, на спине, с согнутыми коленями (рис. 73 -5). Около головы остатки деревянного, обшитого берестой, сосуда или двух – деревянного и берестяного. Деревянный реконструируется по остаткам 4-х медных скобок, которыми скреплялись трещины сосудов (рис. 73 -6–10). В 10 м к юго-востоку от ограды 9 расположена ограда 30, диаметром 5 м (рис. 74 -1). В ней, видимо, зимняя могила, меньшего, чем другие, размера и глубины (180х95х140 см), с погребением женщины 40–60 лет, ориентированной головой на ЮВ, около колен которой поставлен шаровидный сосуд (рис. 74 -2, 3).

Итак, основой первой группы является могила пожилого мужчины с корчагой, которую сопровождали 2 могилки младенцев, одиночные захоронения молодого мужчины и пожилой женщины, а также 2 необычные могилки с впускными захоронениями, может быть, окуневские. Всего похоронено 5 взрослых и двое младенцев.

Вторая группа состояла из расположенных парами оград 6 и 7; 8 и 37; 36 и 4; 28 и 27; 26 и 25. Первая из них неоднократно упоминалась в литературе в связи с тем, что посередине ямы с коллективным афанасьевским погребением были разрозненные кости женщины и младенца с окуневскими вещами – горшком (Грязнов, 1999, рис. 5 -7), костяным игольником с иглой и шилом. Вместе с ними в могиле (270х270х140 см, ЮЗ–СВ), вдоль южной стенки уложены три мужчины, а вдоль северной, принадлежавшие им вещи, 5 яйцевидных сосудов, 4 терочки, роговое навершие от посоха и медные оковки какого-то предмета, возможно, того же посоха или деревянного сосуда (рис. 75 -1–5). Два из трех мужчин размещены в юго-восточном углу, их скелеты не нарушены, только черепа и нижние челюсти отделены. Они положены на спину вплотную друг к другу. Первоначальная поза, по-видимому, была на корточках, до того, как их запеленали или упаковали в мешок, чтобы поместить в яму. Очевидно, остатки трупов мужчин собраны и перезахоронены. Принято считать, что женщина с окуневскими вещами похоронена позднее других (Максименков, 1965). Остается непонятным большое, оставленное свободным, пространство в могиле между мужскими костяками и вещами вдоль стенки (рис. 75 -1) и то, что кости женщины и мужчин были на одном уровне, на дне (Теплоухов, 1927, с. 72). Либо на месте костей женщины были кости других покойников, не отмеченные С.А. Теплоуховым, либо женщина была перезахоронена совместно с мужчинами, но в отдельном месте ямы, что вместе с вещами подчеркивало ее этническое отличие. Это вероятнее, поскольку окуневская керамика встречается и в других могилах. В частности, в расположенной недалеко от ограды 6 могиле 8 (150х120х130 см) был миниатюрный горшочек баночной формы схожий с окуневским не только формой, но и орнаментом (рис. 75 -6). На нем четыре горизонтальных налепных валика, между которыми располагались ряды вдавлений круглой палочки. Дно также орнаментировано. Погребенный в могиле человек уложен на спину с поднятыми вверх коленями. Предположительно, он был убит стрелой, кремневый наконечник которой лежал против его локтя (рис. 75 -7). Сосуд поставлен справа от погребенного.

Рядом с оградой 8 расположена ограда 37, в которой находилась не ограбленная могила (200х195х120 см, ЮЗ–СВ) мужчины 40–60 лет, положенного головой на ЮЗ (рис. 75 -8, 9). Около темени кусочек охры, головы – пест, головки плечевой кости – аргиллитовая пуговица, локтя – яйцевидный сосуд, 3 медные скобочки от деревянного сосуда (рис. 75 -10–14) и 8 ребер барана, в ногах шаровидный сосуд. В почвенном слое рядом с каменной выкладкой №36, диаметром 2,5 м, ничего не сохранилось (рис. 75 -15). В крайней могиле этого ряда №4 (170х150х150 см, ЮЗ–СВ) сохранились нижняя половина скелета мужчины, пест (рис. 75 -16, 17) и жаберная кость щуки, служившая частью ожерелья.

В ряду могил, параллельных ограде 7, все четыре могилы (№25–28) оказались не потревожены. В двух могилах, весенней №25 (220х100х160 см, З–В) (рис. 76 -1–5) и летней №28 (150х105х70 см, ЮЮЗ–ССВ) (рис. 78) совершены одиночные захоронения мужчины и женщины 20–25 лет. С каждым покойником положены по куску охры и по яйцевидному сосуду (рис. 76 -3). В двух других могилах захоронено по 2 человека. В №26 (200х130х130 см, СЗ–ЮВ) поздней осенью похоронен юноша 15 лет с окуневским

горшком (рис. 76 -6–11), украшенным рядом жемчужин по венчику, под которым кусочек охры, и женщина 40–60 лет с яйцевидным сосудом. На груди женщины две костяные пластинки, а на запястье кожаный браслет, окантованный железными обоймами и расшитый каменными пуговицами (рис. 76 -10, 11). На грудной клетке каждого покойника кусочек окислившейся меди, возможно, от предмета, типа шила, которым они могли быть заколоты. Костяные пластины не имеют аналогий в афанасьевских материалах, но напоминают окуневские костяные ножевидные подвески. В другой могиле №27 (200х170х150 см, З–В), видимо, ранней весной похоронены подросток 13–14 лет и мужчина 40–60 лет (рис. 77 -1, 2). Между плечом мужчины и грудной клеткой лежали 2 кремневых наконечника, которыми он, очевидно, был убит (рис. 77 -3, 4). Около головы и ног подростка было по шаровидному и яйцевидному сосуду (рис. 77 -5–7).

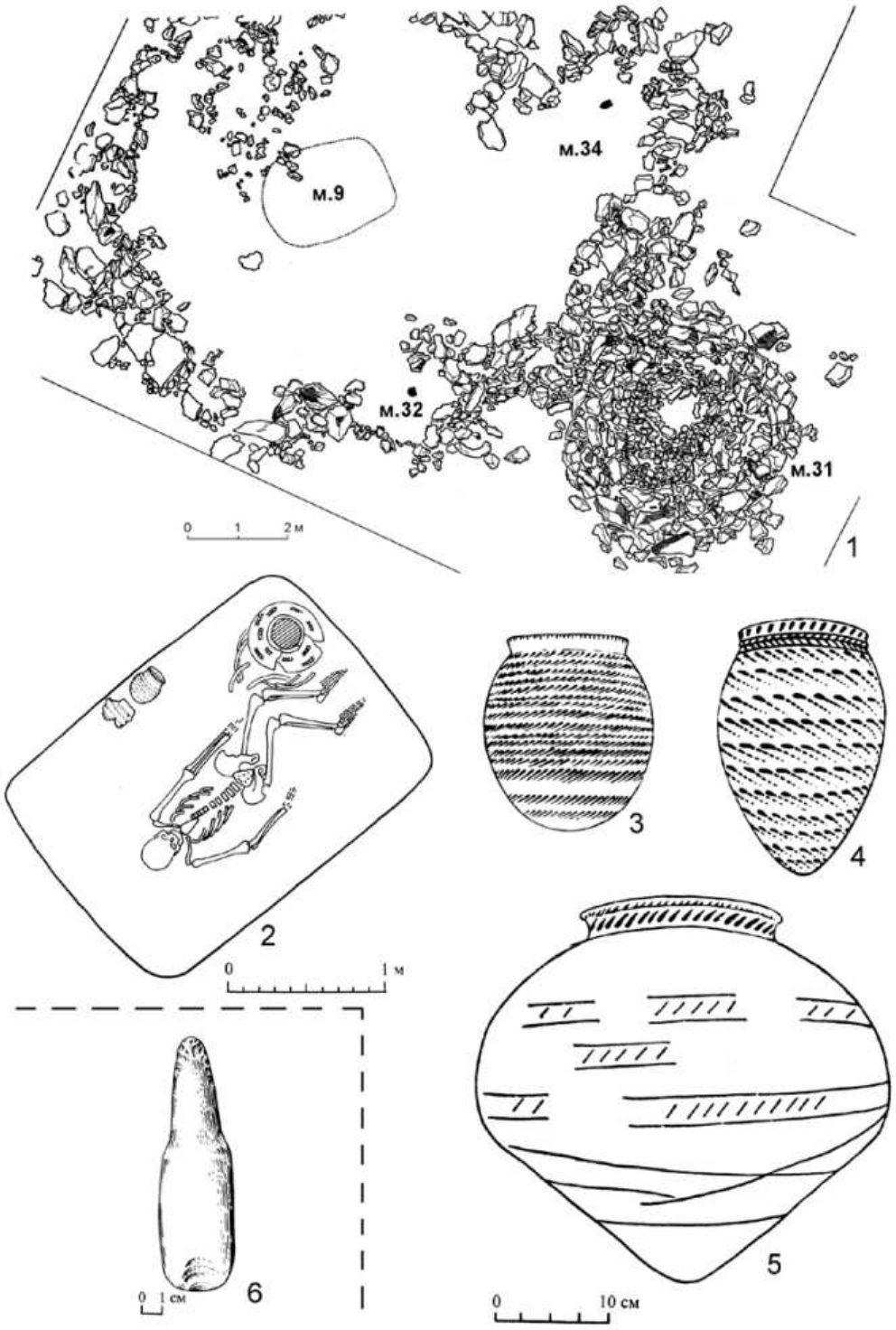

Рис. 72. Могильник Афанасьева Гора, ограда 9: *1* – план оград 9, 31, 32, 34;
2 – нижняя могила из ограды 9; *3–5* – сосуды из нижней могилы ограды 9;
6 – каменная колотушка из верхней могилы ограды 9. По: Грязнов, 1999, рис. 4 -6; 5 -5, 10; 6 -6; 15 -1

Итак, в центральной второй группе раскопана коллективная (6), 6 индивидуальных могил или с младенцем (7, 8, 37, 25, 28, 4), 2 двойные (26, 27), одна детская (36). В трех могилах с покойниками были окуневские сосуды (ограды 6, 8, 26). Всего похоронено 13–14 человек, из них 7–8 совместно. У четырех скелетов (в могилах 8, 27, 26) обнаружены следы умерщвления стрелами или чем-то острым.

К востоку от второй группы на территории кладбища могилы хуже сохранились. Дело в том, что здесь под выкладками находились тагарские и средневековая могилы (ограды №19–23; Грязнов, 1999, с. 12), и только одна, №24, афанасьевская могила (230х210х120 см, ЮЗ–СВ), в которой тесно в ряд, головой в противоположные стороны уложены 4 женщины 40–60 лет и одна 24–40 лет (рис. 79 -1, 2). Каждое тело было во что-то плотно упаковано. Они частично перекрывали одно другое. Между ними и иногда поверх тел поставлены 5 горшков: 2 крупных яйцевидных, 3 шаровидных (рис. 79 -4, 5, 6, 7, 8). На черепе самой молодой женщины было проволочное золотое колечко (рис. 79 -3), а среди ребер самой старой – куски охры. Большой кусок охры, размером 10 см, лежал отдельно в ногах другой женщины. Рядом с оградой 24 была детская могилка №24а, где сохранился яйцевидный сосудик с уплощенным донышком (рис. 79 -9).

В той же части могильника, но ближе к берегу Енисея, раскопаны 10 могил, расположенные парами. Две 35 и 3 выкопаны поздней осенью, видимо, для служителей культа. В первой (160х90х80 см, СЗЗ–ЮВВ) похоронена женщина 40–60 лет, головой на СЗ (рис. 80 -1, 2). На шее у нее остатки ожерелья из просверленных рыбьих позвонков и аргиллитовой подвески (рис. 80 -3, 4). Справа, у руки, лежали комок охры, уголек и железистое изделие аморфной формы типа амулета, поскольку его поверхность заполирована от длительного употребления. В могиле 3, на глубине 1 м, был похоронен мужчина с яйцевидным сосудом и курильницей (рис. 80 -5–7). Здесь также лежала кучка из 70 астрагалов овцы или косули, что встречается исключительно в могилах окуневской культуры.

Особо интересны две могилы (№12 и 15), раскопанные С.А. Теплоуховым. В могиле 12 было два погребения – основное и впускное. На глубине 130 см обнаружен скелет взрослого человека, на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, кости барана и несколько угольков. Выше, на глубине 40–70 см, части двух скелетов взрослых людей, на которых были ожерелье, ручной и ножной браслеты из десятков раковин моллюска Corbicula fluminalis. К сожалению, безусловного подтверждения принадлежности этих могил и вещей к афанасьевским не имеется, за исключением того, что рядом с могилой 12 в овальной ямке (95х75х70 см) был каменный пест (Грязнов, 1999, рис. 6, 28). В могиле 15, глубиной 120 см, в заполнении были кости мужчины, трех женщин и трех детей, вероятно, перенесенные сюда из временных захоронений. При

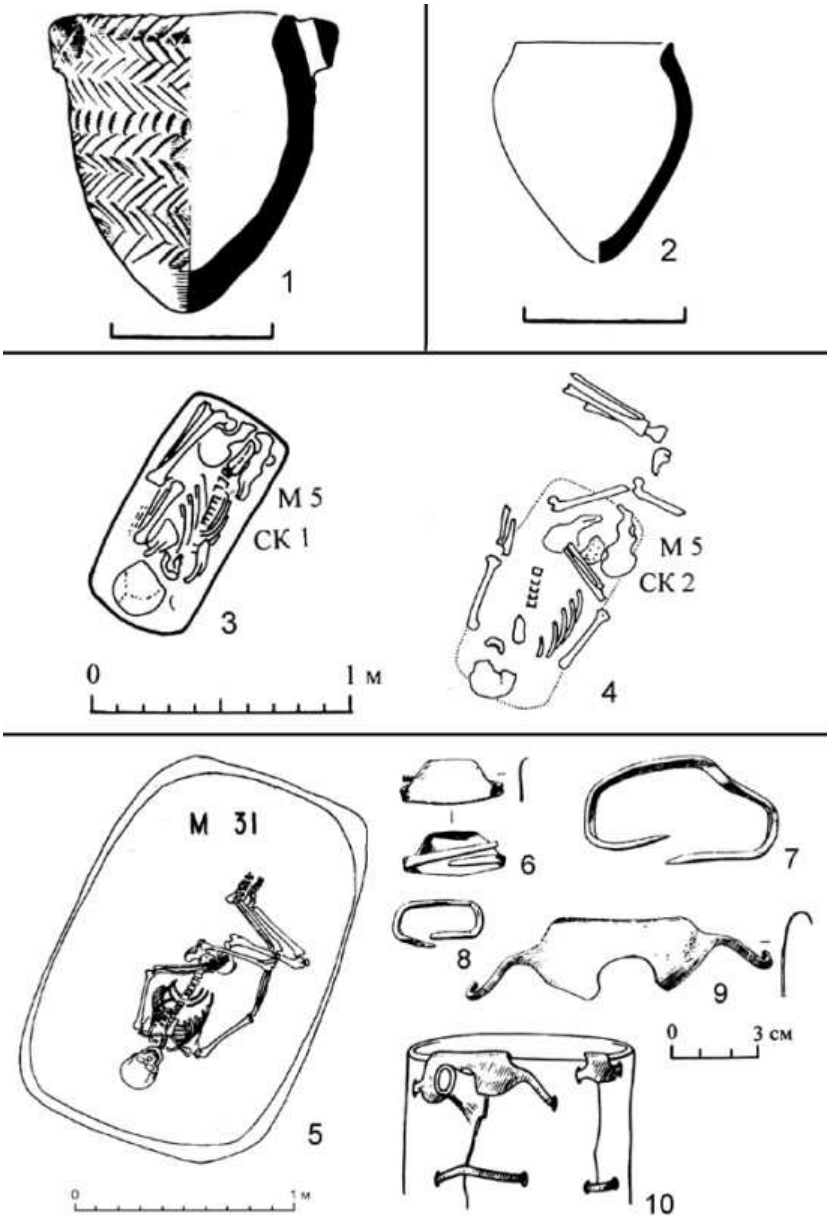

Рис. 73. Могильник Афанасьева Гора, могилы 5, 31, 32, 34:
1 – сосуд из могилы 32; *2* – сосуд из могилы 34; *3–4* – погребения 5; *5* – могила 31; *6–9* – медные скобки из могилы 31; *10* – реконструкция М.П. Грязнова использования медных скобок из могилы 31.
По: Грязнов, 1999, рис. 4 -4; 6 -14, 12, 15, 16, 20; 8 -7; 10 -2; 13 -1

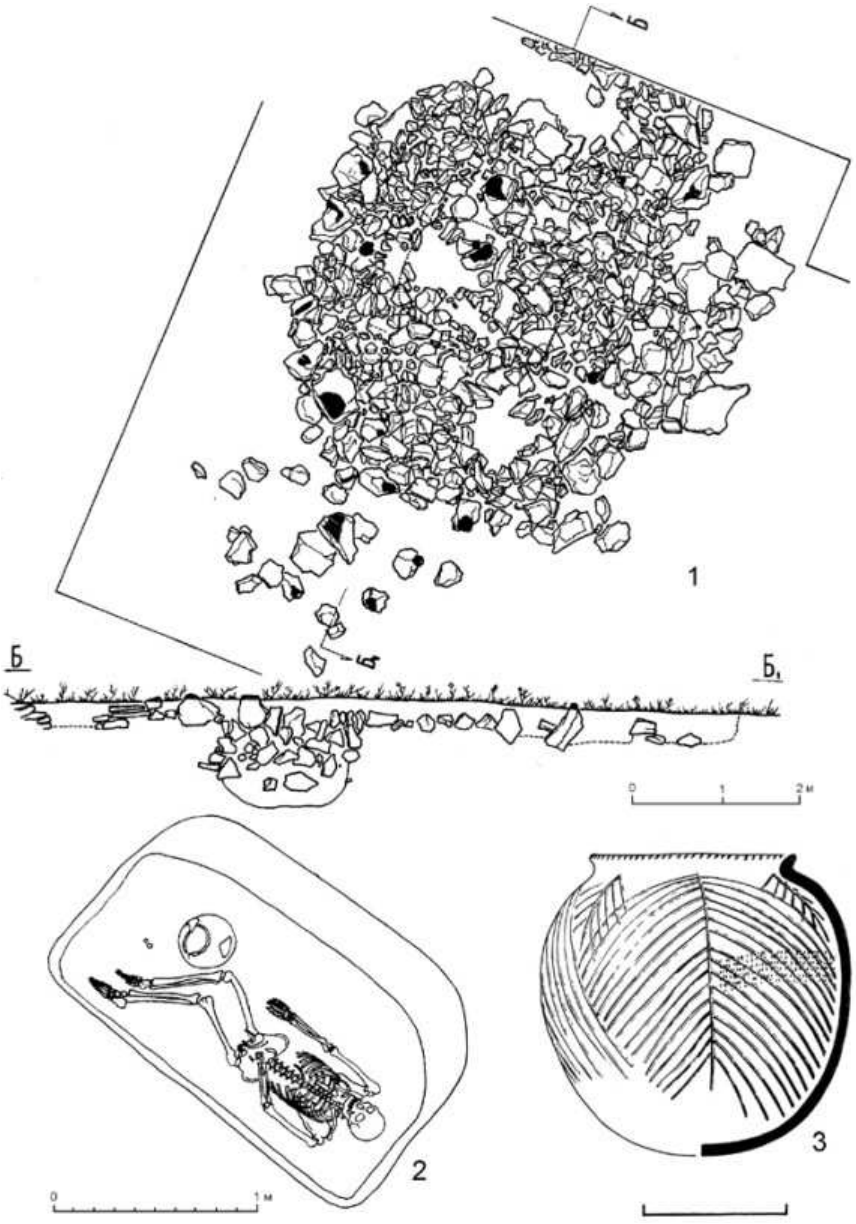

Рис. 74. Могильник Афанасьева Гора, могила 30: *1* – надмогильное сооружение; *2* – могила 30; *3* – сосуд из могилы 30. По: Грязнов, 1999, рис. 8 -6; 13 -3; 14

сборе лежавших где-то костей скелетов вместе с ними в упаковки попали единичные кости косули, лисицы, бурундука, оказавшиеся в могиле. От вещей, сопровождавших захоронение, сохранились черепки остродонного сосуда (Теплоухов, 1927, рис. 10; Грязнов, 1999, с. 16).

Две крайние пары могил (1–2 и 13–14) раскопаны С.А. Теплоуховым и одна пара (38, 33) М.П. Грязновым. Под первыми из них могилы женщины с яйцевидным сосудом и ребенка (рис. 80 -8–9). Под вторыми в овальной ямке (150х100х70 см) кости женщины и ребенка, среди которых кости быка и лошади, а в почвенном слое, на глубине 20 см, скелет отрока в скорченном положении с черепками остродонного и реповидного сосудов, костями быка и углями (Теплоухов, 1927, рис. 9). Могилы 33 и 38 содержали, очевидно, коллективные перезахоронения. В могилу 33 (260х250х80 см), видимо, собрали нескольких умерших в разное время. Сохранились кости только двух старых женщин, занимавших юго-восточную часть могилы (рис. 81 -1–2). Согласно реконструкции, обе женщины были сильно скорчены (одна на левом боку, другая на спине), с сильно прижатыми к тазу ногами. Возможно, что они были во что-то упакованы. Среди камней, над могилой, 2 раздавленных афанасьевских сосуда (рис. 81 -3–4). В могиле 38 (240х220х70 см, ЗЮЗ–ВСВ) были скелеты двух мужчин 40–60 и 20–25 лет и отдельные кости третьего (обломок плечевой и локтевая) в нижней части заполнения могилы (рис. 81 -1, 5). В ногах пожилого человека шаровидный сосуд, орнаментированный горизонтальными резными линиями (рис. 81 - 6).

Итак, в третьей группе могильника всего раскопано 15 могил, из них 4 детских, включая полростка, 4 индивидуальных (3 женщины, одна с ребенком и 1 мужчина), 4 коллективных. Всего совместно захоронено 16 человек, из них 13 взрослых, и 4 взрослых индивидуально.

Западная половина могильника разрушена или скрыта под дюнами. Прослежен и раскопан один курган (41) в 200 м к западу от основной первой группы (рис. 82 -2). Под скоплением камней, диаметром 6–7 м, с углублением посередине, обнаружена могила (250х220х140 см, ЮЗ–СВ), которая содержала 7 одновременно похороненных женщин и ребенка 7 лет (рис. 82 -3). Женщины разного возраста: три молодых (14–16, 16 и 19 лет), одна возмужалая (25–30 лет) и 3 старые (40–60 лет), расположены тесно: пять вдоль западной стенки, две и ребенок в промежутках между ног. Для того, чтобы так их расположить, необходимо было плотно упаковать тела, которым первоначально была придана поза на спине с сильно согнутыми в коленях ногами. Кости покойников частично перекрыли друг друга. Выше ног двух женщин поставлены яйцевидный и шаровидный сосуды. У правого плеча погребенной с яйцевидным сосудом, обломок бронзового (?) шила (рис. 82 -4–6). Недалеко от кургана, в колее дороги, обнаружена овальная ямка (95х75х70 см) с каменным пестом (рис. 82 -1).

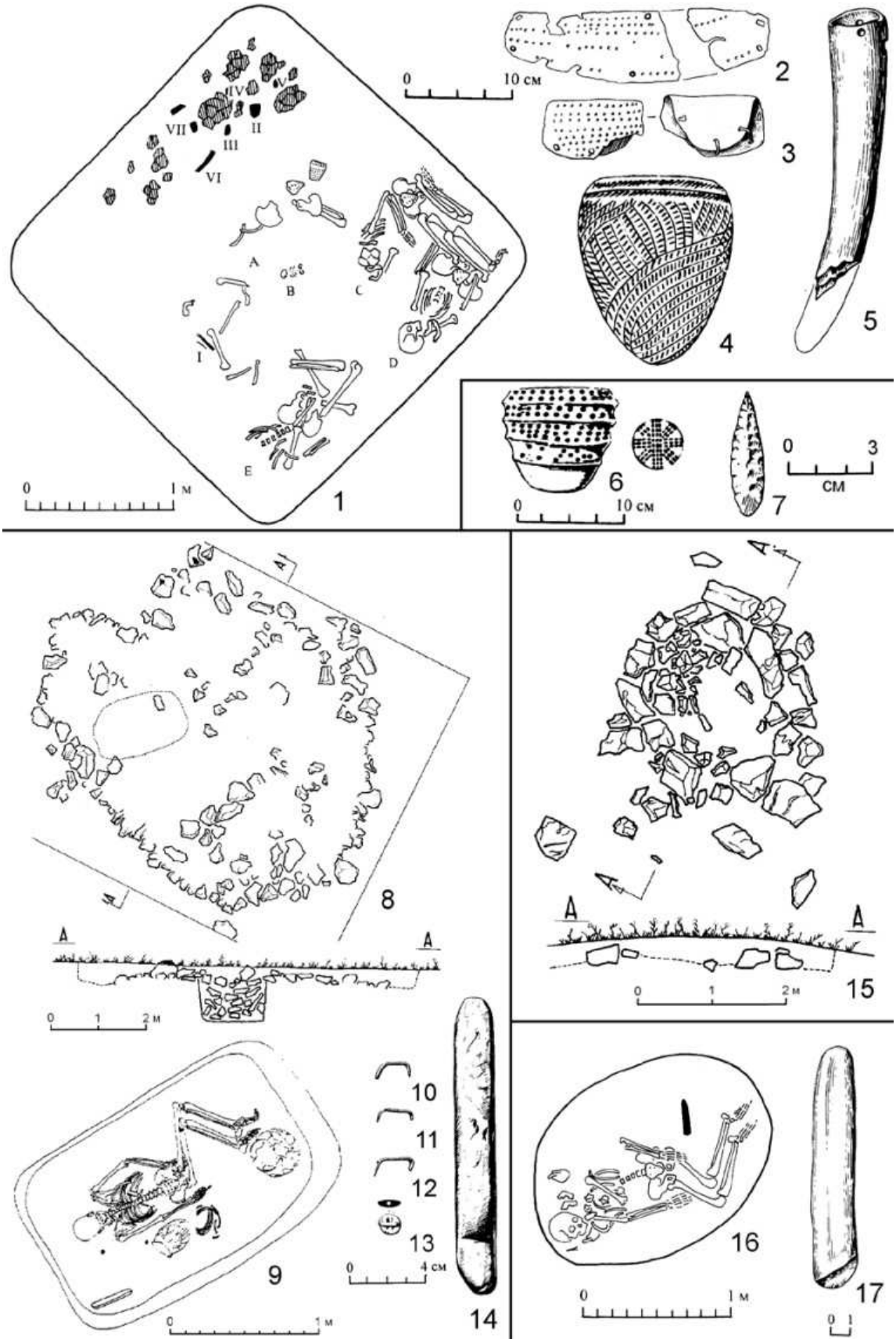

Рис. 75. Могильник Афанасьева Гора, могилы 4, 6, 8, 36, 37: *1* – могила 6; *2, 3* – медные оковки из могилы 6; *4* – сосуд из могилы 6; *5* – роговой наконечник из могилы 6; *6* – сосуд из могилы 8; *7* – каменный наконечник из могилы 8; *8* – надмогильное сооружение могилы 37; *9* – могила 37; *10–14* – инвентарь из могилы 37; *15* – могила 36; *16* –могила 4; *17* – каменный пест из могилы 4. По: Грязнов, 1999, рис. 4 -2,5; 5 -4, 6; 6 -4–8, 11, 18; 21, 22, 27, 35; 15 -2; 16

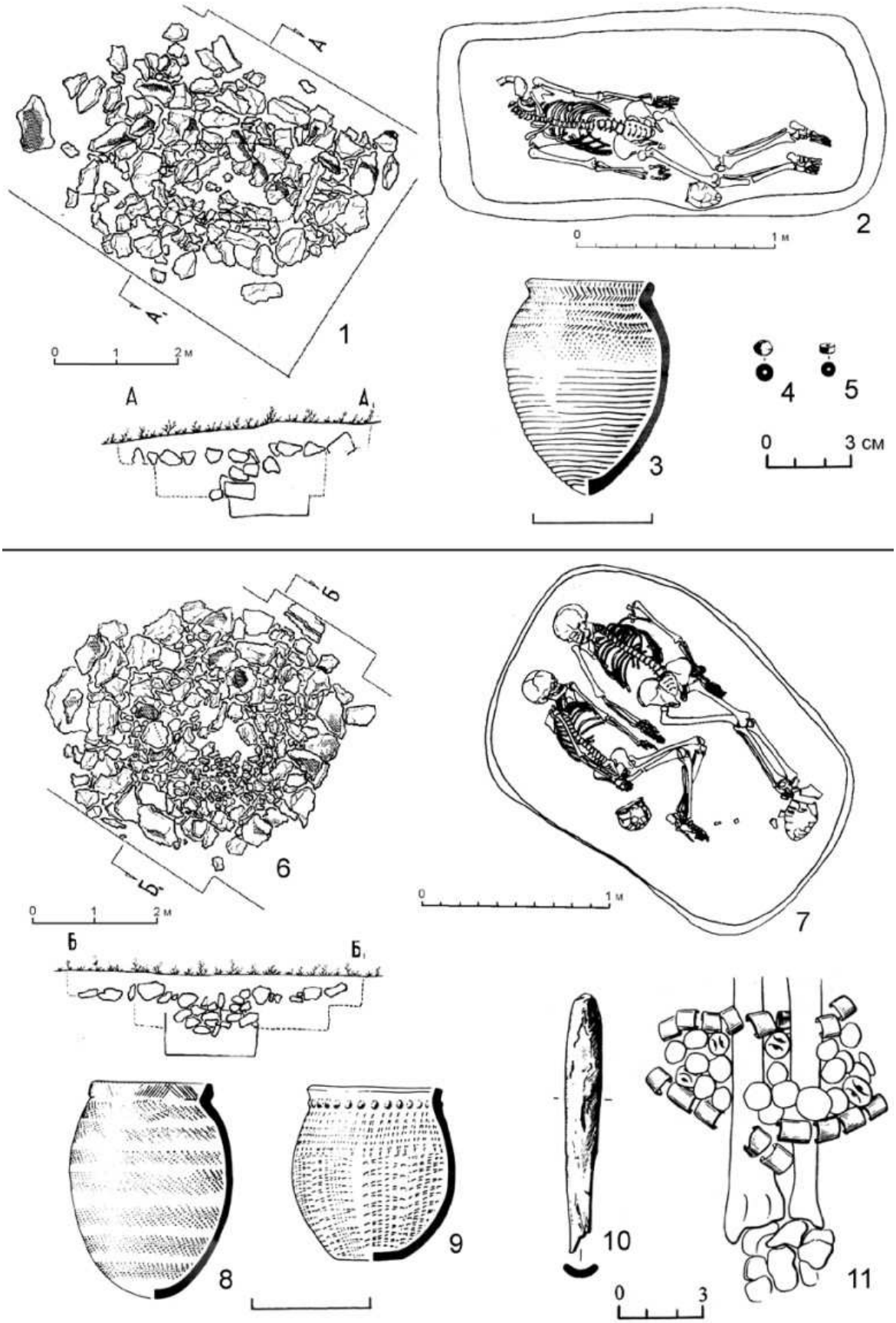

Рис. 76. Могильник Афанасьева Гора, могилы 25, 26: *1* – надмогильное сооружение могилы 25; *2* – могила 25; *3* – сосуд из могилы 25; *4, 5* – белокаменные бусины из могилы 25; *6* – надмогильное сооружение могилы 26; *7* – могила 26; *8–9* – сосуды из могилы 26; *10* – костяное орудие из могилы 26; *11* – остатки браслета из могилы 26. По: Грязнов, 1999, рис. 6 -17, 30, 1, 3; 8 -2; 7; 11 -2, 5, 7

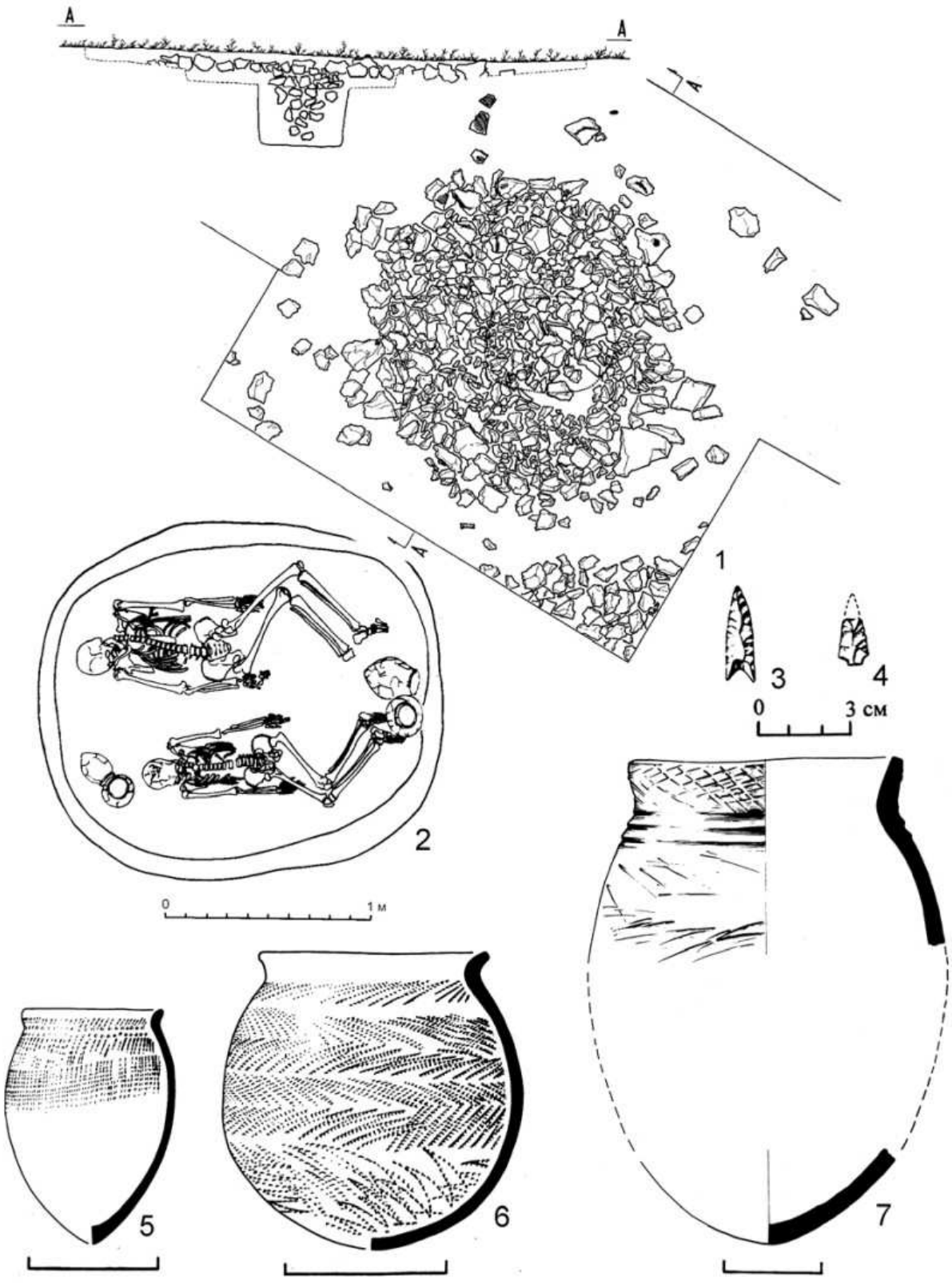

Рис. 77. Могильник Афанасьева Гора, могила 27: *1* – надмогильное сооружение; *2* – могила 27; *3, 4* – каменные наконечники стрел из могилы 27; *5–7* – сосуды из могилы 27. По: Грязнов, 1999, рис. 6 -9, 10; 8 -4; 10 -7; 12; 13 - 2, 3

Конструкции погребальных сооружений. Преобладают ямы подпрямоугольной формы с закругленными углами, площадью 4–5 кв. м, ориентированные длинными стенками по линии ЮЗ–СВ, глубиной 140–160 см. Реже они ориентированы по линии З–В и в единичных случаях – ЗСЗ–ВЮВ. Менее глубокие ямы (70–80 см) на восточной окраине могильника. Ямы, видимо, закрывали бревна-

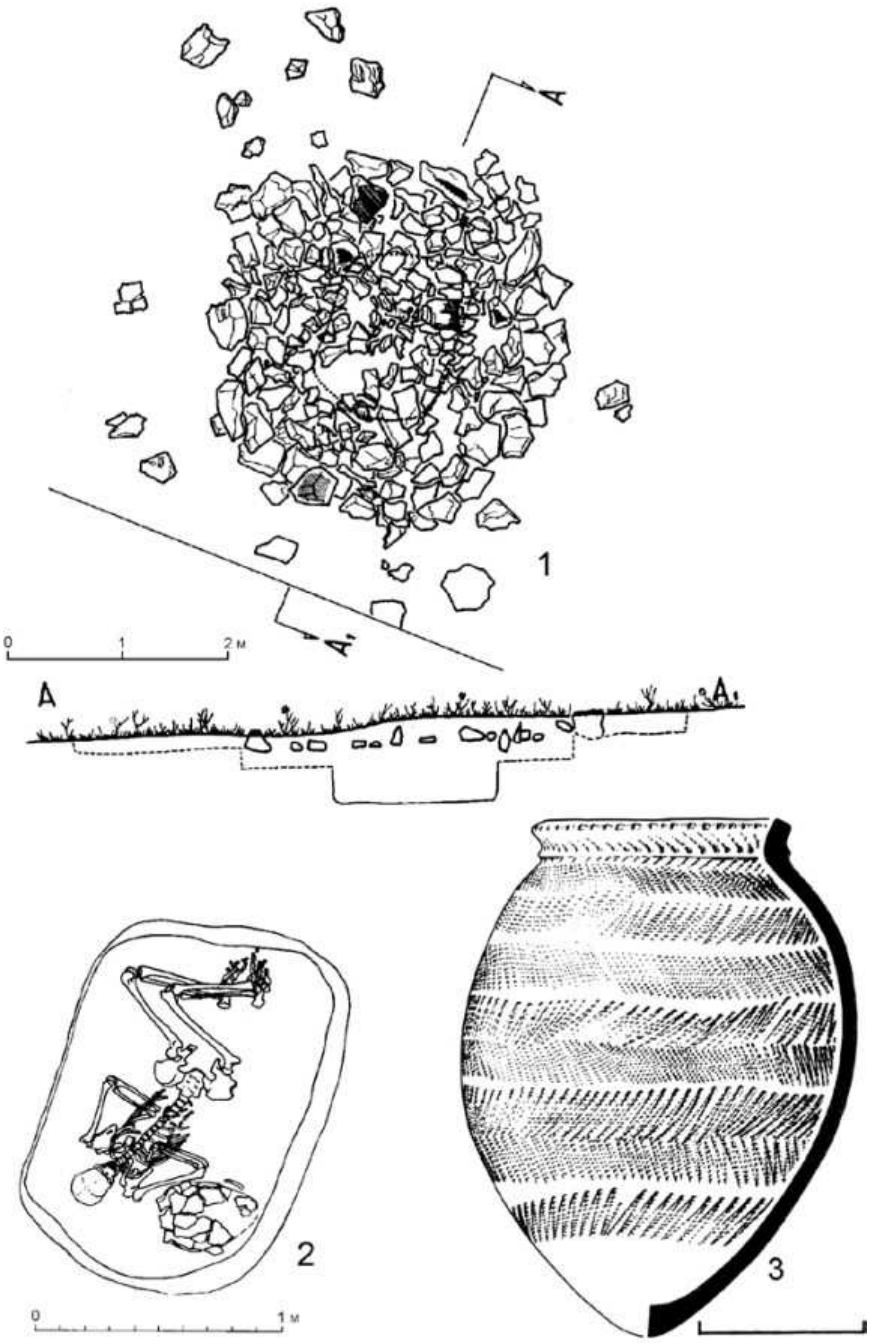

Рис. 78. Могильник Афанасьева Гора, могила 28:
1 – надмогильное сооружение; *2* – могила 28; *3* – сосуд из могилы 28.
По: Грязнов, 1999, рис. 8 -5; 13 -6; 14

ми, остатки которых в двух случаях сохранились (м. 18, 38), а поверх них камнями, взятыми из осыпи горы над могильником. Бревна сгнили, камни завалились вниз до дна ямы. По мнению С.А. Теплоухова, из камней были выложены круглые площадки над могилой. По наблюдениям М.П. Грязнова, из камней сооружались оградки вокруг могил. Однако не исключено, что могилу перекрывали поверх бревен несколькими рядами камней, а более крупными обкладывали в качестве крепиды. В пользу отсутствия специальной ограды вокруг могилы могут свидетельствовать небольшие диаметры развалившихся каменных сооружений, не превышающие 6–7 м, а чаще меньше. В целом они соответствуют размерам могилы. Кроме того, между могилой и предполагаемой оградой не найдено не только каких-либо дополнительных могил, но и следов поминок, как в других могильниках. Под малыми каменными вымостками в погребенной почве были детские захоронения или их следы.

Погребальный обряд. Все захоронения, судя по ориентации могил, произведены с весны до поздней осени, чаще летом, хотя известно, что и людей, и скота больше умирало весной от истощения и голода за длинную зимовку. Весной на территории второй группы могильника выкопаны лишь две рядом расположенные могилы №25 и 27, а осенью между ними еще одна №26. Могилы не нарушены, но погребенные имеют признаки насильственной смерти и нестандартные вещи. В могиле 25 у мужчины 20–25 лет свернута шея. У правого локтя кусок темно-красной охры. Кроме обычного яйцевидного сосуда у колена, в заполнении найдены две каменные бусинки, похожие на окуневские, цилиндрическая и биконическая (рис. 76 -2–5). В могиле 26 на грудной клетке или ребрах юноши 15 лет и женщины 40–60 лет лежали бесформенные кусочки меди, возможно, от воткнутых каких-то острых предметов типа шила. Юноша с окуневским горшком, под которым кусочек охры, а женщина с яйцевидным сосудом (рис. 76 -8, 9), на ее груди 2 костяные пластинки, на запястье кожаный браслет, окантованный железными обоймицами и расшитый каменными пуговицами (рис. 76 -7, 10, 11). В могиле 27 похоронен убитый мужчина старше 60 лет и подросток 13–14 лет, возможно, женского пола, которому поставлено 4 сосуда. В области сердца мужчины, между левыми ребрами и рукой, лежали 2 кремневых наконечника стрел, один с отломанным острием и частью черешка (рис. 77).

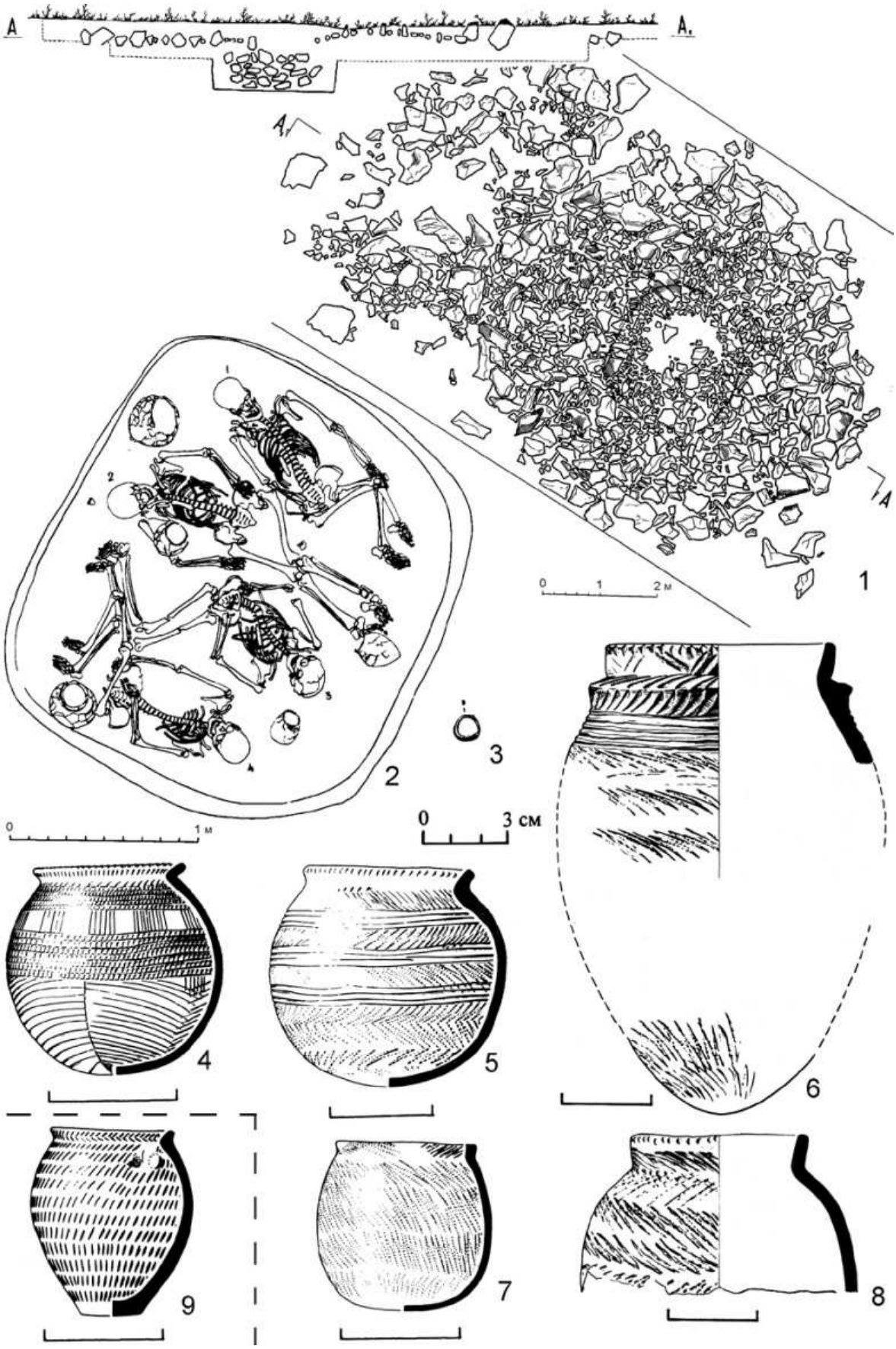

Рис. 79. Могильник Афанасьева Гора, могила 24: *1* – надмогильное сооружение; *2* – могила 24; *3* – золотое проволочное кольцо из могилы 24; *4–8* – сосуды из могилы 24; *9* – сосуд из могилы 24а. По: Грязнов, 1999, рис. 6 -2; 7; 8 -1; 10 -5, 10; 11 -1, 4, 8, 9

В двух других группах могильника по одной осенней могиле. В первой группе – это могила 30, меньшего размера и глубины, чем другие (рис. 74 -2). В ней пожилая женщина необычно ориентированная на ЮВ, с сосудом, орнаментированным уникальным древовидным рисунком (рис. 74 -3). В третьей группе «осенняя» могила 35, тоже меньше других размерами и глубиной. В ней похоронена пожилая женщина, с ожерельем из просверленных рыбьих позвонков и аргиллитовой подвески (рис. 80 -3, 4). Справа от руки – комок охры, уголек и железистый амулет с заполированной поверхностью. Убитый в летнее время похоронен во второй группе в могиле 8, где против локтя погребенного, у грудной клетки, лежал кремневый наконечник стрелы (рис. 75 -6, 7).

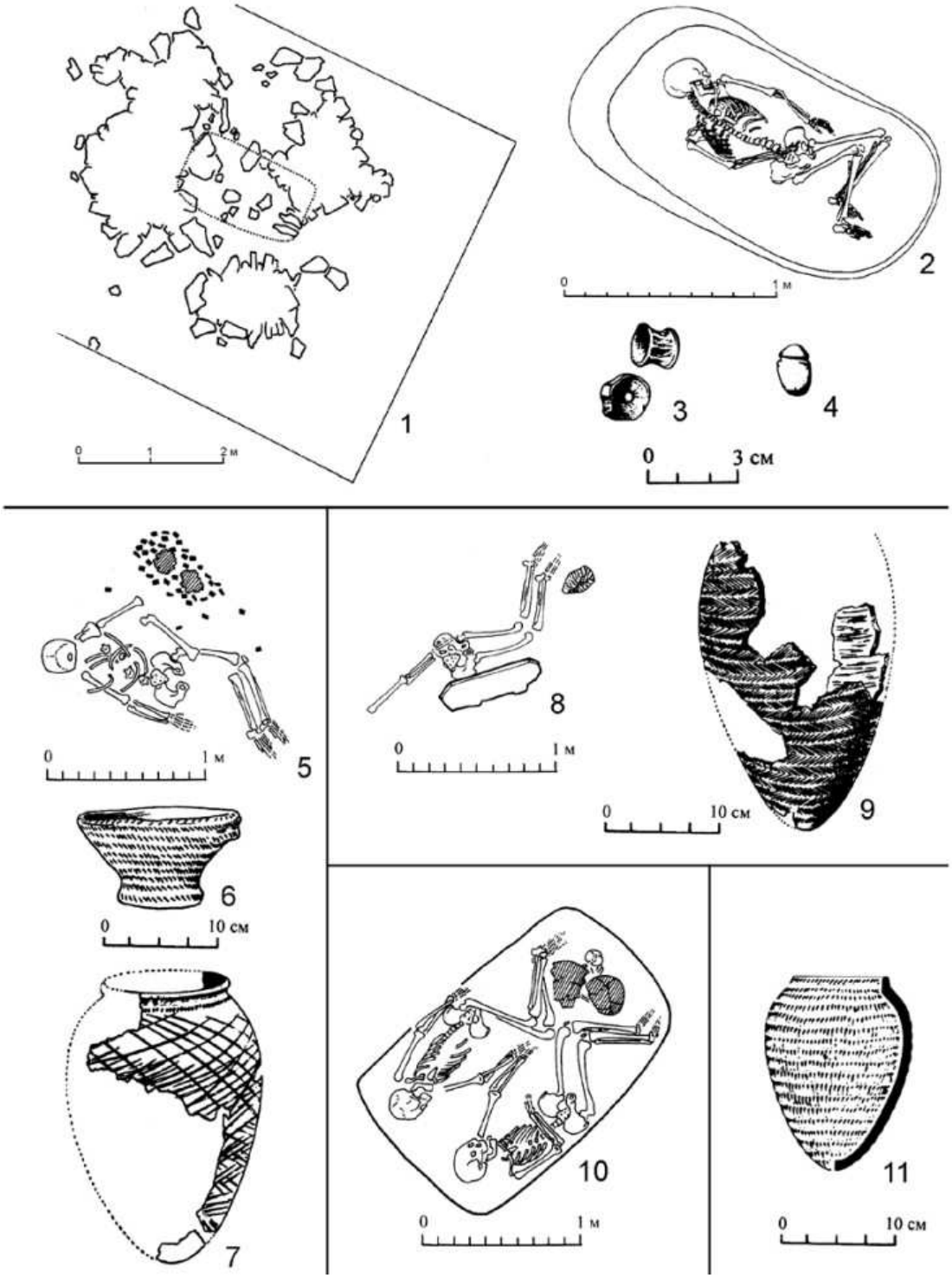

Рис. 80. Могильник Афанасьева Гора, могилы 2, 3, 11, 16, 35: *1* – надмогильное сооружение могилы 35; *2* – могила 35; *3* – два просверленных рыбьих позвонка из могилы 35; *4* – аргиллитовая подвеска из могилы 35; *5* – могила 3; *6* – курильница из могилы 3; *7* – сосуд из могилы 3; *8* – могила 2; *9* – сосуд из могилы 2; *10* – могила 11; *11* – сосуд из могилы 16. По: Грязнов, 1999, рис. 4 -1, 3; 5 -2, 6, 8, 9; 6 -3, 19; 8 -12; 15 -2

Малочисленность весенних и осенних могил позволяет предполагать, что преобладание летних захоронений объясняется тем, что в них хоронили не только недавно умерших, а также и перезахоранивали ранее умерших. Наиболее явные случаи уже указывались. Так, в могиле 6 вдоль южной стенки

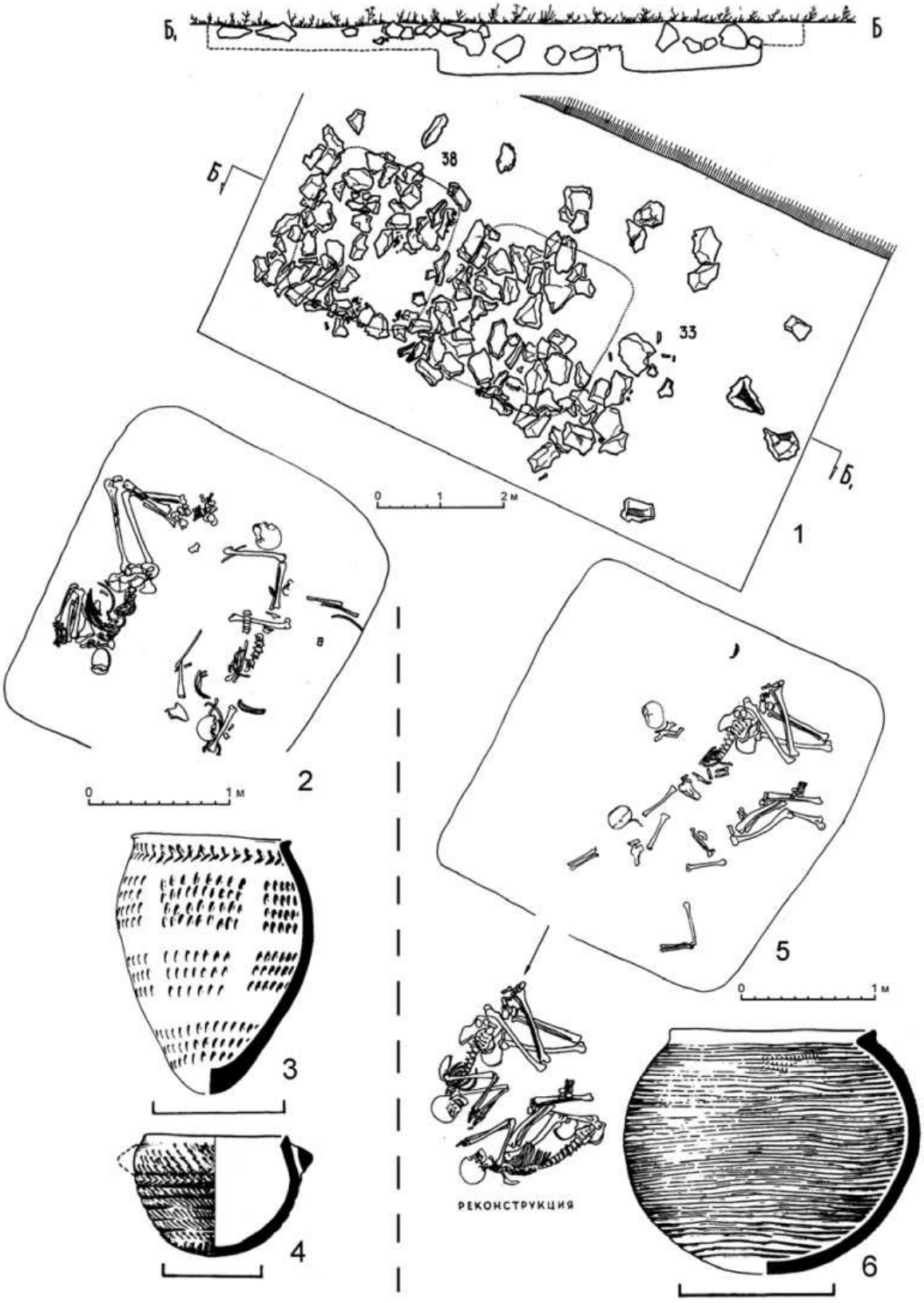

Рис. 81. Могильник Афанасьева Гора, могилы 33, 38:
1 – надмогильное сооружение могил 33 и 38; *2* – могила 38; *3, 4* – сосуды из могилы 38;
5 – могила 33; *6* – сосуд из могилы 33. По: Грязнов, 1999, рис. 8 -8, 10; 10 -9; 11 -3; 13 -6; 16

уложен мужчина, еще двое мужчин помещены в юго-восточном углу. Они положены на спину вплотную друг к другу, первоначальная поза, вероятно, на корточках, затем их запеленали или упаковали в мешок, чтобы положить в яму. Их скелеты не нарушены, отделены только черепа и нижние челюсти. Вдоль северной стенки помещены принадлежавшие им вещи: 5 яйцевидных сосудов, 4 терочки, роговое навершие посоха и медные оковки какого-то предмета, возможно, того же посоха или деревянного сосуда (рис. 75 -1–5). В могиле 15 на факт перезахоронения указывает нижняя челюсть мужчины, найденная в заполнении среди других костей мужчины, трех женщин и трех детей. По наблюдению С.А. Теплоухова, на месте выпавших обоих первых резцов, оказались ложнокоренные зубы, вставленные в пустые альвеолы. Видимо, это результат попыток реставрировать череп. К сожалению, плана могилы нет и размещение останков людей в ней неизвестно (Теплоухов, 1927, рис. 10; Грязнов, 1999, с. 16). В могиле 33 помещены две сильно скорченные старые женщины, занимающие юго-восточную часть могилы, а вся западная, видимо, ранее занятая вещами, была свободной.

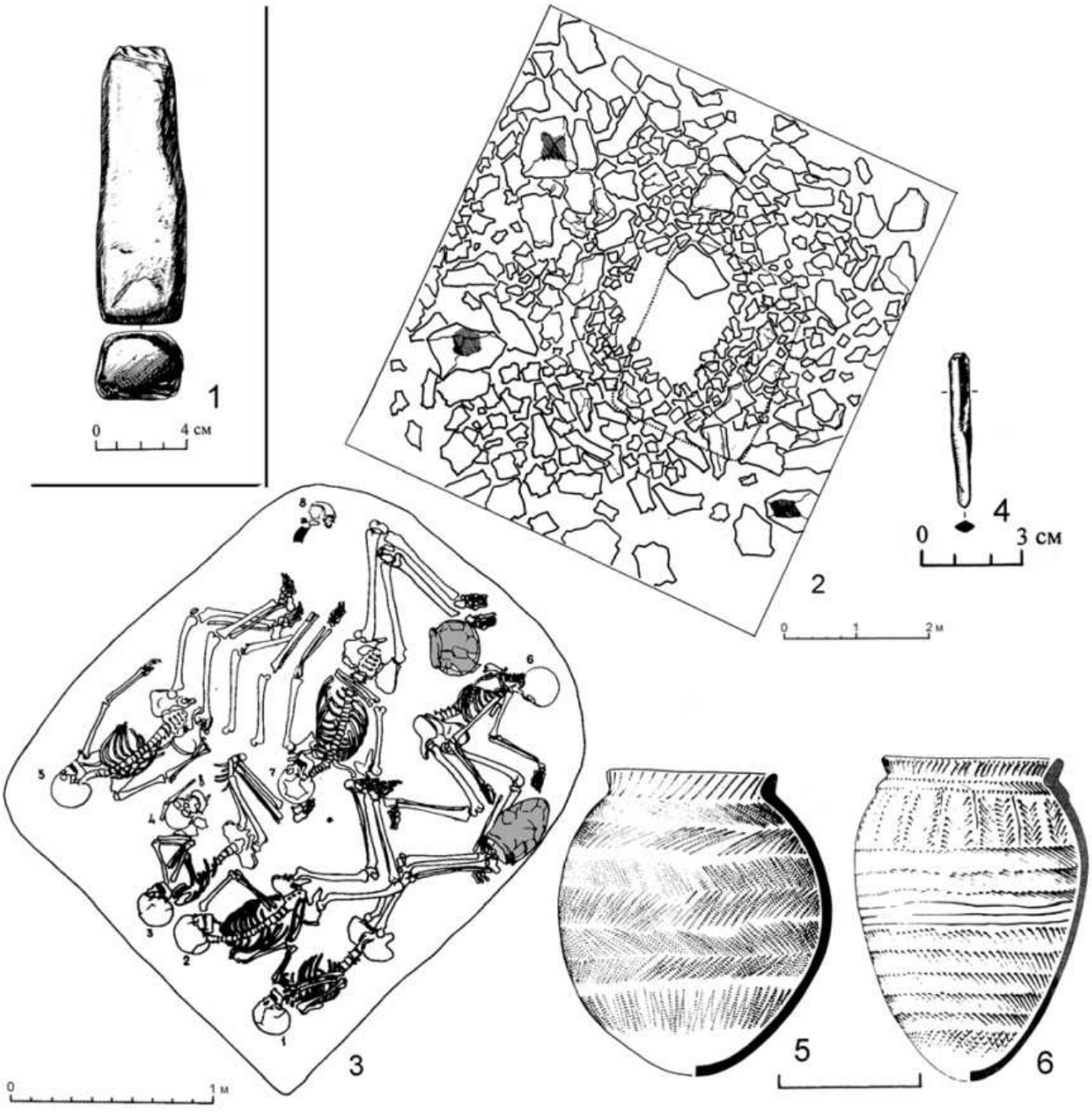

Рис. 82. Могильник Афанасьева Гора, могилы 39, 41: *1* – каменный пест из могилы 39; *2* – надмогильное сооружение могилы 41; *3* – могила 41; *4* – обломок медного шила из могилы 41; *5, 6* – сосуды из могилы 41. По: Грязнов, 1999, рис. 6 -28, 31; 8 -11; 11 -6, 10; 16

Размещение покойников и вещей в этих могилах значительно отличается от двух других коллективных могил (№24, 41), в которых, видимо, хоронили людей вскоре после их смерти. Площади ям были 5 кв. м, в них помещены 4 и 7 женщин с подростком. Расположены они тесно, с ориентацией в разных направлениях, видимо, плотно во что-то упакованными. При разложении тел, кости покойников частично перекрыли друг друга. Сосуды были поставлены в тесные промежутки между телами и поверх них.

Погребенные всех групп могильника, независимо от конкретного времени захоронения, уложены на спину с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Исключение составляют две могилы (№5, 16), где взрослый и младенец захоронены предположительно в сидячем положении. Горшки поставлены чаще у ног или колен, реже у руки или головы. Кости скелетов не окрашены. Кусочки охры среди ребер замечены лишь в одной могиле (№24), но часто у черепа, плеча, ноги, под сосудом, у стенки ямы положено по куску охры, а иногда и уголек. Последние, видимо, взяты из поминального костра, хотя никаких следов поминок под каменными выкладками не было. Куски мясной пищи, чаще баранины, реже говядины и лошади, находились в могилах.

Дети похоронены, как правило, под отдельными выкладками, в небольших мелких ямках, часто выкопанных в почвенном слое. Иногда косточек не сохранилось, и могилка определена по наличию миниатюрного детского горшочка. Часто выкладки, под которыми были детские могилки, пристроены к ограде с большой могилой.

Керамика и инвентарь. Всего найдено 40 сосудов, среди которых яйцевидных (23 экз.) в 2 раза больше, чем круглодонных (11 экз.). Корчага, в отличие от известных в других могильниках, не шаровидной, а реповидной формы, резко сужающаяся к острому дну (рис. 72 -5). На ней прочерчены горизонтальные линии, образующие по тулову рисунки в виде лесенок. Яйцевидные сосуды из этого могильника разнообразнее, чем из других памятников. В частности, здесь имеются крупные сосуды (высотой 30–40 см) с высоким прямым венчиком и несколькими валиками под ними (рис. 77 -7; 79 -6, 8), три крупных шаровидных сосуда, один с приплюснутым дном и два круглодонных. Однако преобладают горшки средних размеров.

Помимо этих сосудов, найдена курильница с отломанной ручкой, на поддоне. Высота курильницы 8,8 см, диаметр чаши 13,5 см, высота поддона 2,5 см, дно диаметром 7,5 см (рис. 80 -6). Пять небольших сосудов необычных форм: 2 горшочка с яйцевидным туловом и плоским донышком, банка с одутловатым туловом и плоским дном, маленький сферический сосудик с двумя выступами под венчиком, одна окуневская банка (рис. 76 -9). Хотя способы орнаментации обычные (оттиски гребенчатого штампа, вдавления уголком палочки, прочерченные линии), комбинации узоров не повторяются. Красивые узоры встречаются как на яйцевидных, так и сферических сосудах. От деревянной посуды сохранились медные скобочки и оковки (рис. 73 -6–9). Один сосуд, видимо, был деревянный, обклеенный берестой (рис. 73 -10).

Из обычных орудий в могилы положены 3 каменных песта из речной гальки и валуна, колотушка, 4 терки. Из более редких вещей – обломок медного шила, золотая серьга, роговое навершие посоха, ожерелье из позвонков рыбы с каменной подвеской и совсем редкий кожаный браслет, украшенный аргиллитовыми бусами, а также отдельные каменные бусины и цилиндрические бисеринки. Кремневые наконечники, предположительно, находились в груди погребенных и могли относиться не к афанасьевской, а к окуневской культуре.

Отражение социальных отношений. Антропологические определения сделаны С.А. Теплоуховым, Г.Ф. Дебецем, М.П. Грязновым. Они частично не совпадают между собой, поэтому выбраны те, что опубликованы М.П. Грязновым. В раскопанных могилах 66 человек, из которых 15 мужчин, 24 женщины и 12 взрослых, пол которых не определен. Среди детей преобладают младенцы, но есть несколько детей до 8–10 лет. Среди мужчин и женщин больше людей в возрасте 40–60 лет. Однако определения условны, поскольку раскопаны не все могилы. Точнее число покойников определяется по отдельным группам – кладбищам, что указывалось при их описании. Каждое кладбище на могильнике занимает свою территорию и отделяется от соседнего свободным пространством. Внутри кладбища курганы группируются, чаще всего, по два близко расположенных кургана, а крупные курганы имеют пристройки с детскими могилами. Устойчивая система размещения оград отражает неизвестную нам родовую или семейную связь между покойниками, поэтому повторю некоторые наблюдения.

В первой группе могильника 5 могил взрослых, похороненных индивидуально, и погребения двух младенцев. Основой группы является могила пожилого мужчины с корчагой, которую сопровождали 2 могилки младенцев, одиночные захоронения молодого мужчины, пожилой женщины и 2 необычные двухъярусные могилы. Во второй группе похоронены 13–14 взрослых человек, из них 7–8 совместно. Раскопаны 9 могил: 1 коллективная (№6), 6 индивидуальных или с младенцем (№7, 8, 37, 25, 28, 4), 2 двойные (№26, 27), одна детская (№36). В трех могилах (№8, 27, 26) у четырех скелетов остатки стрел или острия. В третьей и четвертой группах 15 могил, из которых 4 детских, 4 индивидуальных, включая женщину с младенцем, 4 коллективных. Всего совместно захоронено 16 человек, из них 13 взрос-

лых, и 4 взрослых похоронены индивидуально. Всего в восточной половине могильника захоронено 36 взрослых, 9 детей, 23–24 человека совместно. По могилам они распределяются следующим образом: 25 могил, где похоронены взрослые люди, из них коллективных, включая с двумя людьми – 7 (со вторичными захоронениями – 3), индивидуальных взрослых – 15, детских могил – 7. На западной окраине раскопаны 2 могилы: коллективная и детская. Всего совместно похоронено 8 человек.

Представленные расчеты несколько отличаются от опубликованных М.П. Грязновым. Индивидуальных могил у него указано больше, поскольку он включил и детские могилы, а коллективных меньше, так как погребения двух человек вынесены в отдельную группу (Грязнов, 1999, с. 23).

Могилы престижных покойников отличаются наиболее крупными размерами, количеством и качеством сопроводительного инвентаря. В этом отношении к могилам служителей культа можно отнести могилу 9 в первой группе (кладбище) и могилу 3 в третьей группе. В обеих захоронены мужчины, у которых помимо обычного сосуда стоят корчага (м. 9) или курильница (м. 3). К корчаге положены куски баранины и конины, а к курильнице – 70 астрагалов овцы.

Четыре нестандартные могилы раскопаны С.А. Теплоуховым в двух разных группах (первой – м. 5 и 9 и в третьей – м. 11 и 12). В них, по мнению С.А. Теплоуховым, 2 яруса. При этом верхние погребения нарушены и не имеют безусловно афанасьевских предметов, а нижние не потревожены и, видимо, афанасьевские. Поскольку могилы с двумя ярусами не известны в других могильниках, их трактовка вызывает сомнение.

Хронология. Большинство раскопанных могил оказалось не ограбленными, что является большой редкостью. Однако это касается особенно неприметных с момента сооружения насыпей. Другие начали осквернять еще во время, близкое к захоронению. Имеется в виду могила 33, где были положены перехороненные 2 старые женщины. Об этом свидетельствуют их неестественно согнутые ноги. У одной женщины ноги были прижаты – одна к груди, другая к животу. У второй ноги были пятками прижаты к тазу, а кисти рук перед лицом. Кости руки первой женщины и предплечья были переброшены еще до разложения связок, поэтому лежали в анатомическом порядке. Много позднее поверх близко расположенных могил (№19–23) третьей группы был сооружен могильник подгорновского этапа тагарской культуры, а поверх могилы 33 – захоронение VIII–X вв. (Грязнов, 1999, с. 12, 20).

Территорию могильника под Афанасьевской горой занимали несколько, вероятно, разновременных кладбищ. В частности, вторая из выделенных групп кладбища, видимо, наиболее поздняя. Именно здесь находятся могилы с окуневскими вещами. Это не только коллективная могила, куда могло быть впущено захоронение женщины окуневского происхождения (м. 6), но и могила 8, где пронзенному стрелой человеку поставлен миниатюрный окуневский горшочек баночной формы с четырьмя налепными валиками (рис. 75 -6). Могила 26, где похоронен юноша с окуневским горшком, украшенным рядом жемчужин по венчику, и женщина с яйцевидным сосудом, но на груди ее 2 костяные пластинки схожие с окуневскими ножевидными подвесками. Помимо них, в детской могилке №24а был яйцевидный сосудик с уплощенным донышком (рис. 79 -9). В той же группе могильника имеются сосуды, отличающиеся от классических афанасьевских, но схожие с теми, которые встречены на совместных афанасьевско-окуневских курганах Тас-Хазаа, Бельтыры, Камышта I. У них высокие венчики: у яйцевидных сосудов прямые, у сферических сильно отогнутые наружу, и иногда уплощенное дно (Грязнов, 1999, рис. 10 -5–7, 10; рис. 11 -1, 6, 8–9; Липский, Вадецкая, 2006а, табл. III -1, 3, 6; табл. XII -1, 3; Киргинеков, 2010, рис. 3, 4).

Две радиоуглеродные даты получены по костям скелета для могилы 25 (UB-7489: 4077±39 и UBA-7903: 4037±31) и одна из рядом расположенной могилы 27 (UBA-8772: 4092±27) с интервалами калиброванного календарного возраста 2861–2488, 2832–2473, 2859–2501 cal BC (Поляков, 2010, с. 170). На их основании суммарный интервал, полученный по трем датам, 2855–2480 гг. до н.э., то есть финал афанасьевской культуры (Поляков, 2010, с. 163, рис. 4). Сделаны все эти даты по погребениям второй группы, которая и по другим признакам может считаться наиболее поздней.

Материалы из раскопок С.А. Теплоухова 1920–1921, 1923 гг. хранятся в Музее антропологии и этнографии Сибири Томского государственного университета; вещи из раскопок М.П. Грязнова 1963–1964 гг. в Государственном Эрмитаже.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. Л., 1999. С. 12–24, 89–102, рис. 3–16.

2. Барсучиха IV, могильник

Памятник был расположен у подножья горы Барсучиха, на бывшем краю второй надпойменной террасы левого берега Енисея, в месте выхода в его долину р. Карасук. Здесь на участке могильника, получившем название Барсучиха IV, позднее осуществляли свои захоронения племена тагарской и таштыкской культур, а также эпохи чаа-тас (рис. 83 -1). Их ограды и могилы были хорошо видны на поверхности. Однако, и до них, помимо афанасьевского кладбища, здесь были поселения или кладбища таких культур, как окуневская и андроновская, о чем свидетельствует захоронение в одной из афанасьевских оград и черепки сосудов андроновской культуры в той же ограде. В настоящее время на месте большинства курганов находится залив водохранилища Красноярской ГЭС.

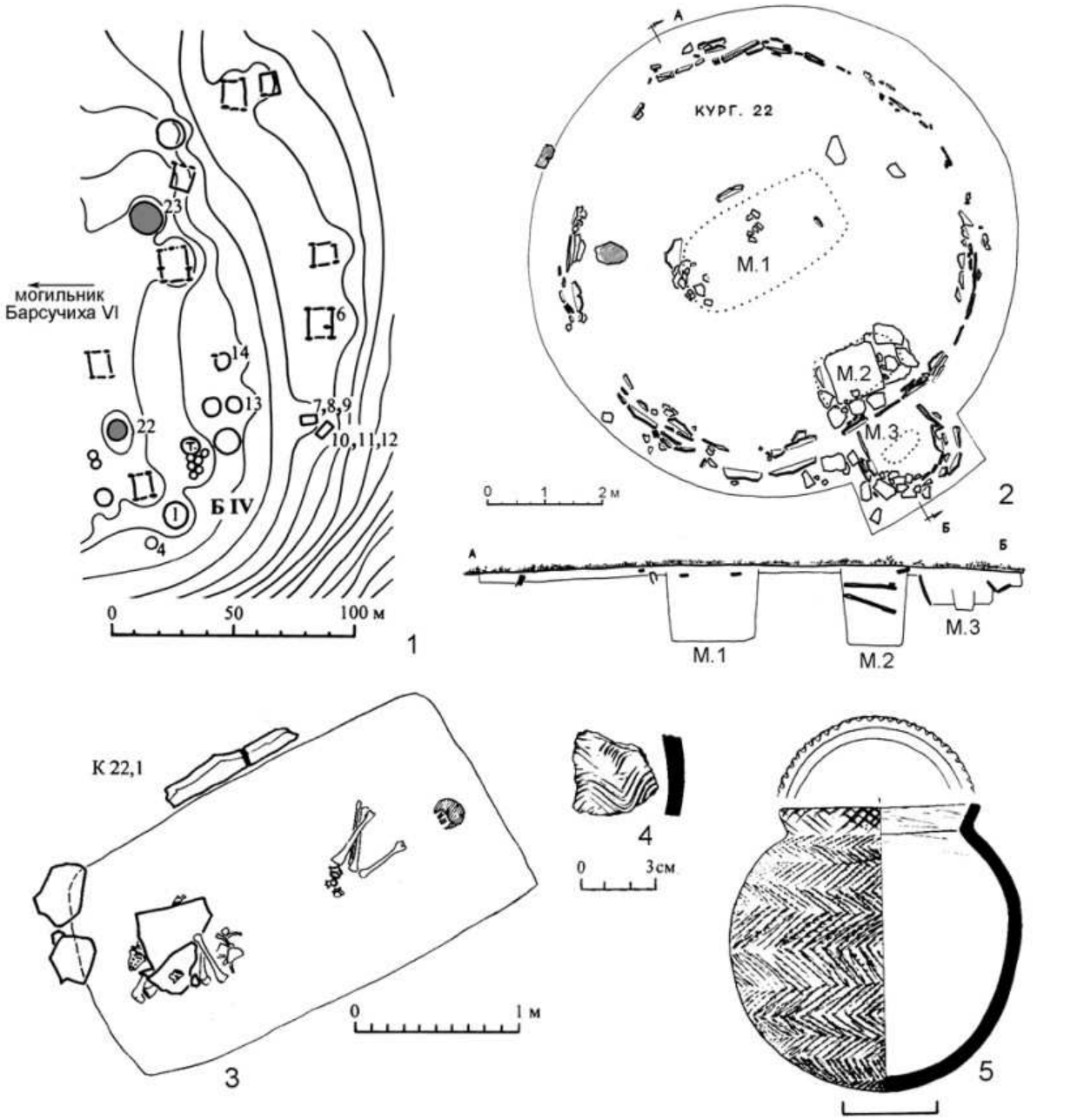

Рис. 83. Могильник Барсучиха IV: *1* – план могильников Барсучиха IV и VI; *2* – чертеж и разрез кургана 22; *3* – могила 1 кургана 22; *4* – фрагмент керамики, найденный за оградой кургана 22; *5* – сосуд из могилы 1 кургана 22. По: Грязнов, 1999, рис. 44 -1; 45 -1; 46 -1, 14

К 1967 г. от афанасьевского могильника сохранились только 2 ограды, располагавшиеся на расстоянии около 100 м друг от друга. Возможно, что каждый из раскопанных курганов был частью двух отдельных групп кладбища, остальные курганы которых застроены оградами более позднего времени. Раскопки произведены в 1967 г. Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М.П. Грязнова. Обе ограды окапывались широким кольцом на глубину до древней поверхности с последующей зачисткой, в результате были обнаружены детские могилы с наружной стороны оград. Невысокие насыпи, образовавшиеся внутри оград от расплывшихся надмогильных сооружений, снимались до появления признаков могил и зачищались по всей поверхности. Пол и возраст захороненных определены М.П. Грязновым.

Раскопанные погребальные сооружения отличаются друг от друга не только территориально, но конструкцией и по другим признакам, поэтому анализируются по отдельности.

Курган 1, южный, при раскопках получил №22 (рис. 83 -2). Обнаружен по едва приметной возвышенности на поверхности земли диаметром 10 м, высотой 25 см. Местами прослеживались верхние края вертикально вкопанных плит ограды. В процессе раскопок за восточной стенкой ограды обнаружен фраг-

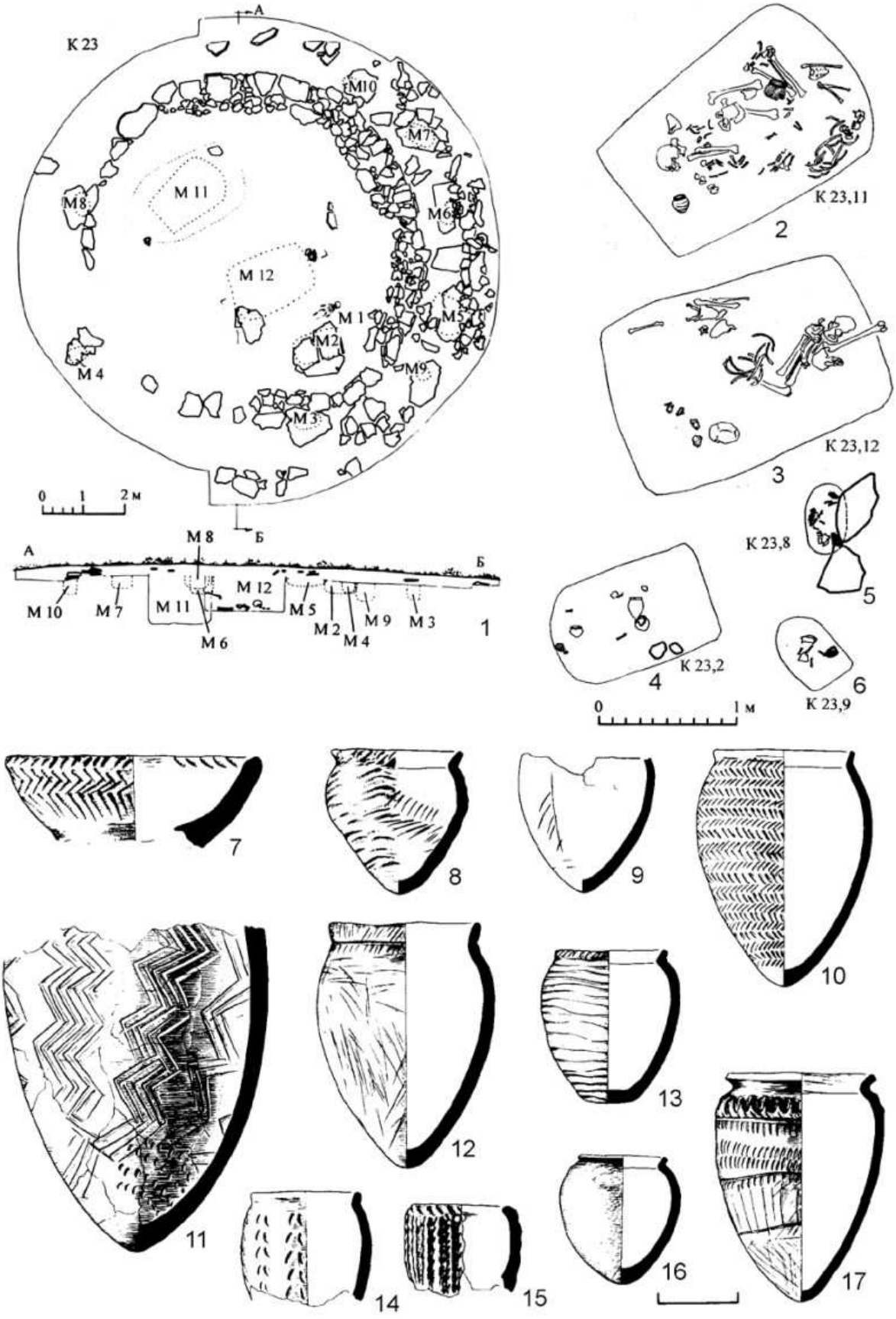

Рис. 84. Могильник Барсучиха IV, курган 23: *1* – чертеж и разрез кургана 23; *2* – могила 11; *3* – могила 12; *4* – могила 2; *5* – могила 8; *6* – могила 9; *7* – сосуд, найденный над могилой 11; *8–10* – сосуды из могилы 2; *11* – сосуд из могилы 12; *12–13* – сосуды из могилы 11; *14* – сосуд из могилы 8; *15* – сосуд из могилы 9; *16* – сосуд из могилы 3; *17* – сосуд из могилы 5. По: Грязнов, 1999, рис. 44–46

мент афанасьевского сосуда (рис. 83 -4). Основой сооружения была прямоугольная яма с пологими стенками размерами наверху 270х150 см, внизу 250х130 см, глубиной 130 см от современной поверхности (рис. 83 -3). Она выкопана летом (ориентирована ЮЗ–СВ) для одновременного погребения взрослого мужчины и, вероятно, женщины 16–18 лет. Им в ноги поставили сферический орнаментированный сосуд с высокой шейкой. Тулово орнаментировано оттисками длинного зубчатого штампа, составляющими елочку (рис. 83 -5). По форме он похож на поздние сосуды афанасьевско-окуневских могильников. Яму перекрыли бревнами толщиной 10–12 см, уложенными вдоль длинных стен. Поверх них в несколько рядов уложен дерн, земляной холмик облицован мелкими плитами. Позднее, в результате ограбления могилы, куски бревен и камни (плитняк) от покрытия оказались в заполнении ямы. Могильный холм оконтурили вкопанными в землю невысокими плитами – крепидой, диаметром 7 м, внутри которой мест для подзахоронений не осталось. Умершего, возможно, вскоре ребенка похоронили снаружи ограды. Для этого за ее восточной частью пристроили круглую оградку диаметром 1,5 м, в середине которой выкопали ямку (70х35 см) глубиной 75 см. Позднее, часть надмогильного сооружения, примыкающего к внутренней восточной стороне ограды, была снята, чтобы освободить место для совершения захоронения представителя окуневской культуры (мог. 2). Насколько позднее афанасьевских захоронений это было сделано, неясно (Грязнов, 1999, с. 41–42, рис. 45 -4; рис. 46 -8).

***Курган 2, северный*,** при раскопках получил №23. Обнаружен по едва приметной возвышенности диаметром 10 м, высотой 20 см, а также выступающим краям плит ограды. После расчистки наименее пострадавших северной и восточной частей ограды, сложенных из плитняка, установлена сохранившаяся высота 40 см (рис. 84 -1). Основой сооружения была прямоугольная яма размерами 200х140 см, глубиной 130 см от современной поверхности (№12 – рис. 84 -3). Она выкопана в начале лета (ЗЮЗ–ВСВ) для погребения мужчины 20–30 лет, уложенного с подогнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. В ноги ему поставлен остродонный орнаментированный крупный сосуд (рис. 84 -11). Второй сосуд, с круглым туловом и отогнутым венчиком, без орнамента, был переброшен вместе с черепом в южную часть могилы. На северо-восточном борту ямы на древней поверхности остались 3 плитки, составляющие треугольник размером 30 см. Видимо, здесь разводили костер, угольки от которого положили в яму или на ее бревенчатое покрытие. После ограбления могилы угольки оказались в ее заполнении. Поверх бревен уложены плиты и дерн. Вокруг могильного холма сложили оградку диаметром 9 м из плит, уложенных плашмя в несколько рядов.

Позднее несколько рядов с внутренней северо-западной стороны ограды были разобраны и выкопана вторая яма (№11) необычной трапециевидной формы, размерами 190х125 см, глубиной 140 см от поверхности (рис. 84 -2). Яма вырыта летом (ориентировка ЮЗ–СВ). В могиле похоронили мужчину 40–60 лет с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. В ноги поставили остродонный сосуд (рис. 84 -10), с двух сторон от мужчины уложили трех младенцев. Одного из них сопровождал миниатюрный сосудик с уплощенным донышком (рис. 84 -8, 9). Яму перекрыли бревнами, закрыли поверх них дерном и сложили костер большого размера для ритуальных действий. К моменту раскопок от костра сохранилось «пятно» над могилой размером 2х3 м. В остатках костра находилось много фрагментов горелого и не горелого дерева, крупные обломки афанасьевского остродонного сосуда и верхняя часть курильницы с елочным орнаментом (рис. 84 -7).

Возможно, что и в дальнейшем в ограде совершали ритуальные действия, поэтому в различных ее местах найдены черепки еще от трех афанасьевских сосудов. Эти ритуалы послужили препятствием для дальнейших захоронений внутри ограды. Только одну ямку выкопали около внутренней стенки ограды (м. 2). В ней похоронили трех младенцев и закрыли плитой (рис. 84 -4–6). Всех остальных похоронили за пределами ограды (№3–10). Это были 8 младенцев в возрасте до 1 года. Для каждого выкопали маленькую ямку, которую закрыли плитой. Младенцам значительно чаще ставили миниатюрные сосудики. Исключение составляют 2 сосуда среднего размера (рис. 84 -12–17).

Материалы раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. С. 41–44, рис. 43–46.

3. Восточное, одиночный курган (рис. 85; 194)

Севернее горы Туран, в нескольких километрах от правого берега р. Енисей, в 3 км от современного с. Восточное находился большой каменный курган афанасьевской культуры. Со временем его завеяло песком, и он превратился в земляной заросший травами холм. После образования Красноярского водохранилища, когда берег отодвинулся вглубь к горам, курган оказался на берегу залива, ежегодно в летние месяцы заполнявшегося водой. Через несколько сезонов вода смыла нанесенный слой песка и земли с искусственного холма, под которым оголилось каменное сооружение значительных размеров. Первоначальные его размеры не известны, поскольку местные краеведы взяли курган под охрану и сообщили о нем в Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова после того, как с краев каменной насыпи вывезли около 50-ти самосвалов камня для строительства коровника.

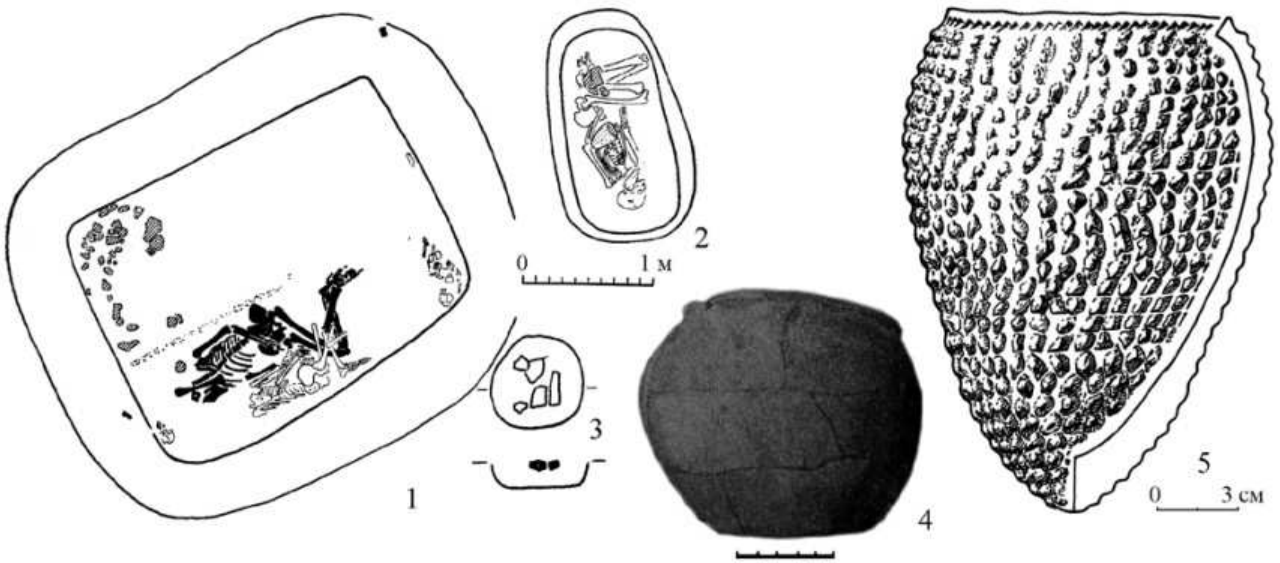

Рис. 85. Курган у с. Восточное. По: Вадецкая, 1980а (1–4); 2012 (5)

Раскопки произведены в 1975 и 1976 гг. отрядом Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Э.Б. Вадецкой. В 1975 г. расчистили общие контуры сооружения, имевшего вид высокой плоской вымостки неясных очертаний и размеров, которая вскоре превратилась в островок. В июне 1976 г. к полам насыпи пробили траншею для выявления ограды, внешняя сторона которой была в дальнейшем окопана. Расчистили каменное покрытие всего сооружения, включая 2 грабительские воронки (глубиной по 30 см), разобрав верхние камни вдоль бровок, намеченных для разрезов. Затем приступили к разборке каменного завала, вынося камни постепенно от центра к ограде, чтобы обнаружить ее внутреннюю стенку.

Конструкция погребального сооружения. Сначала были выкопаны 2 могилы, отличающиеся по своим размерам. Одна большая яма, почти квадратной формы площадью около 9 кв. м (вверху 11,5 кв. м, по дну в 5,5 кв. м), глубиной 90–100 см от древней поверхности. Стенки ее неровные и пологие, поэтому по верхнему краю она имела размеры 370х310 см, а по неровному дну 270х205 см. Ориентирована длинными стенками по линии ЗЮЗ–ВСВ. Яма закрыта длинными бревнами, уложенными продольно, а поверх них плитами. Концы бревен на 1,5 м заходили на борта ямы, поэтому общая длина бревенчатого покрытия составляла около 7 м. Вторая яма небольшая, овальная с пологими стенками размерами 180х110 по верху и 160х80–65 см по дну, глубиной до 100 см. Она была закрыта плитой по размеру ямы – 200х110 см. Вторая могила расположена приблизительно в 1 м к востоку от основной могилы так, что концы бревен покрытия большой ямы опирались на просевшую плиту покрытия малой. Нет сомнения в том, что обе ямы выкопаны и закрыты одновременно. Конструкция кургана исследована художником-архитектором Л.Н. Барановым.

Вокруг этих двух могил сложена ограда из 2–5 рядов массивных необработанных камней и блоков шириной до 5 м. Она сохранилась на высоту до 55–70 см. Выше блоков, начиная с высоты 70 см, она надстроена ровными плитами песчаника, которые на момент раскопок находились за оградой в виде развала, а также были вывезенными для строительства коровника. Первоначальная высота ограды была 2 м, внешний диаметр 20 м, внутренний 15 м. Обе стенки ограды, как внешняя, так и внутренняя, сложены из тщательно подобранных плит, а между ними пространство заполнено беспорядочно набросанными камнями разной формы и размера. Внутри ограды все было выложено (поверх могил) в несколько рядов камнями, а сверху облицовано черепицеобразно уложенными плитами. Общая площадь сооружения определена Л.Н. Барановым в 300 кв. м.

Погребальный обряд. Для того, чтобы сложить каменный купол над могилами и окружить их оградой-крепидой, требовался длительный труд около 100 человек. Однако завершить полностью строительство можно было не сразу после похорон, а в течение нескольких месяцев. Сами же похороны, судя по ориентации ямы, проведены летом. Неровные стенки ямы и дна чем-то покрывали. Тела мужчины и женщины в возрасте 50–60 лет были во что-то обернуты, чтобы сохранить позу, которую им заранее придали, – вытянуто на спине с согнутыми и высоко поднятыми коленями. Покойников положили в южной половине большой ямы, головой на ЗЮЗ. Мужчину ближе к середине, а женщину, прислонив к южной стенке, в пол-оборота. В процессе разложения труп сместился на бок. Кости скелетов к моменту раскопок находились в анатомическом порядке, но без черепов. Вплотную к западной и восточной стенкам ямы (за головой и ногами покойников) уложено по младенцу в возрасте до одного

месяца. Мужчине, слева вдоль тела, положили длинный деревянный предмет типа жезла или посоха, от которого остались тлен и по всей длине около 200 украшавших его костяных гвоздиков. Всю северную половину ямы заполнили вещами, из которых сохранились фрагменты корчаги и отдельные черепки от других сосудов. Здесь же были остатки костей косули.

Во вторую могилу втиснули мужчину 50–60 лет, предварительно спеленав его в той же позе, как других, но поместили головой на юг. В левом его ухе была спиральная серьга из белого металла, вероятно, из серебра. Из-за малого объема ямы один сосуд поместили ему на стопы, а другой на живот.

У юго-восточного края большой могилы прослежено пятно углистой земли диаметром 70 см, глубиной 15–20 см. В нем находились камни и две сожженные косточки. Очевидно, это остатки очага, где готовили еду для тризны. Об этом свидетельствуют кости косули в заполнении большой ямы: часть голени, две первые фаланги разных ног и скакательный сустав. На дне могилы остались два фрагмента нижней челюсти косули, а ее черепная крышка выброшена на покрытие могилы. В заполнении могилы также найдены бедро зайца и лучевая кость птицы, но они могли попасть в яму после ограбления могилы.

Керамика и инвентарь. Помимо раздавленной корчаги, которую не удалось восстановить, в заполнении большой могилы найдены черепки других сосудов. Целые сосуды оказались только в не потревоженной второй могиле. Один остродонный яйцевидной формы, высотой 20 см. Орнамент имитирует грубое плетеное изделие с торчащими на поверхности узелками. Аналогичный сосуд, по форме и орнаменту, найден в могильнике Карасук III, огр. 7, м. 1 (Вадецкая, 1980а, с. 104, рис. 3 -2; Грязнов, 1999, рис. 37 -6). Второй сосуд в 2 раза меньше, с выпуклыми стенками и уплощенным дном, без орнамента (Вадецкая, 1980а, рис. 3 -3).

Спиральная серьга из уха мужчины, похороненного во второй могиле, была похищена школьниками во время раскопок, поэтому установить, из какого металла она была сделана, не удалось.

Более двухсот роговых гвоздиков лежали на органическом тлене вдоль скелета мужчины в основной могиле. Судя по следам тлена, деревянное изделие типа посоха начиналось за черепом и кончалось у стоп. Гвоздики лежали группами по 3–4 штуки в 1–2 ряда, все острием к северной стенке ямы. Следовательно, они украшали наружную поверхность посоха, обращенную орнаментированной стороной к покойнику. Согласно результатам трасологического анализа, миниатюрные стерженьки длиной 1–1,5 и 2 см были изготовлены и заострены с помощью металлического инструмента. Острые концы сильно смяты, заглажены. Верхняя плоскость шляпки залощена, а на некоторых видны следы охры. Следовательно, стерженьки забивали на определенную глубину, а выступающие шляпки отпиливали. Так получался орнамент. Изделие, инкрустированное гвоздиками, видимо, было окрашено охрой, а гвоздики недавно изготовлены, так как их шляпки слабо залощены.

Отражение социальных отношений. Курган имеет все признаки, свидетельствующие о знатности покойников, находящихся в основной могиле. Пока нет аналогов этому сооружению по монументальности. Средняя ширина стенок оград других могильников 70 см, самые большие до 120–150 см. Одиночный курган Восточное имеет стенку ограды шириной около 5м.

Для старой супружеской пары выкопана обширная яма. Положено, видимо, очень много утвари, а также корчага для общественных трапез и предмет, олицетворяющий светскую власть, жезл вождя, инкрустированный костяными гвоздиками, для обработки которых были использованы металлические инструменты.

Этот памятник демонстрирует и редкие детали общественных взаимоотношений, на других могильниках неизвестные. Имеется в виду сопроводительное захоронение человека в могиле 2. Возможно, вместе с вождем и его супругой был специально умерщвлен и погребен верный слуга, в отдельной могиле, но под общей насыпью. Слуга, видимо, тоже из знатных людей, поскольку с серьгой в ухе. Кроме того, к каждому из знатных стариков, вождю с женой, в могилу положено по новорожденному младенцу, что отражает определенный ритуал. Остается загадочным отсутствие черепов у знатных покойников. С одной стороны, головы могли предварительно отделить, чтобы хранить в другом месте, как реликвию. С другой стороны, именно они могли быть главной целью осквернения могилы, которое произошло вскоре после совершения похорон, поскольку кроме керамики ничего не было тронуто и кости посткраниальных скелетов не смешены.

Хронология. Ограбление могилы соплеменниками подтверждает анализ остатков тризны. На основании тщательного анализа черепа косули, проведенного Н.М. Ермоловой, вырисовывается такая картина. Мясо косули сварили и съели, а несъедобные остатки положили покойникам, в том числе голову косули, из которой, по заключению Н.М. Ермоловой, извлекли и съели только мозг. Грабители же выбросили из могилы верхнюю часть черепа, когда у основания рогов еще сохранились остатки ткани. Вскоре в грабительский лаз проникла собака и обглодала эти остатки ткани.

Из очажка, в котором варили что-то для тризны, взят уголь на радиоуглеродный анализ. Была получена дата Ле-1316 – 3880±30. После калибровки получен отрезок времени – 2468–2236 cal BC. На данный момент это одна из самых молодых дат для афанасьевских памятников Енисея. Как все

радиоуглеродные даты, она условная. Однако относительно молодой возраст кургана у с. Восточное среди других возможен, поскольку он отражает время, когда уже использовали металлические острия для обработки костяных гвоздиков. Подтверждает это мнение и сосуд, аналогичный тому, что найден в группе поздних могил Карасука III.

Место хранения материалов: Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский курган у с. Восточного на Енисее // КСИА. Вып. 161. М., 1980а. С. 101–107.

4. Каменный Лог II, могильник

Афанасьевский могильник был расположен в долине правого берега р. Карасук, на левом берегу Каменного Лога, в нескольких км к ЮЗ от могильника Карасук III (рис. 86 -1). Позднее, на этой территории возникло кладбище каменноложского этапа карасукской культуры. От афанасьевского мо-

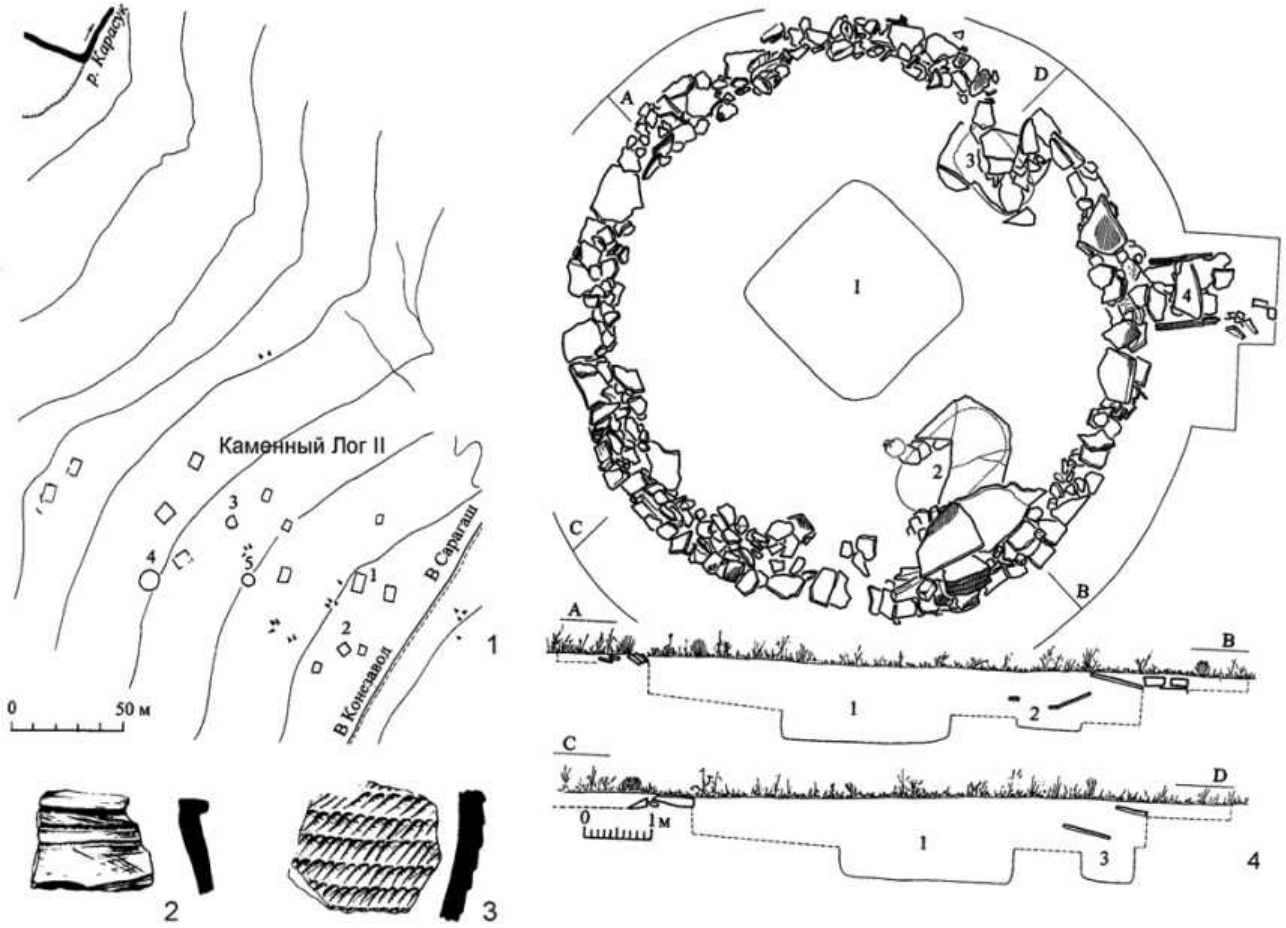

Рис. 86. Могильник Каменный Лог II, ограда 4:
1 – план поселения Каменный Лог I и могильника Каменный Лог II; *2* – фрагмент керамики из могилы 1; *3* – фрагмент керамики из могилы 3; *4* – план и разрезы ограды 4. По: Грязнов, 1999, рис. 41–42

гильника сохранились отдельные плиты ограды из песчаника, положенные плашмя, шириной до 1 м, диаметром 9 м (рис. 86 -4). Раскопки проведены М.П. Грязновым в 1962 г. В центре ограды квадратная яма площадью 7,5 кв. м (250х250 см, ЮЗ–СВ), глубиной 110 см. При возведении ограды использовали каменный пест, обломок которого остался в почвенном слое, и скребло – скол с валуна. Могила разграблена, покрытия нет. В заполнении обломки черепа и длинных костей новорожденного, фрагменты двух сосудов (рис. 86 -2) и 3 обломка рогового предмета. К внутренней стенке ограды пристроены 2 ямы. Южная яма овальная (200х100 см, длинная ось ЮЗ–СВ), глубиной 90 см. Была покрыта разбитой плитой, на краю которой при ограблении оставлен череп мужчины 40–60 лет. Северная яма подпрямоугольной формы (130х80 см, длинная ось по линии СЗ–ЮВ, глубина 120 см). В ней, под разбитой плитой, кости младенца и фрагмент сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами косых оттисков гребенки (рис. 86 -3). С внешней восточной стороны ограды пристроен небольшой каменный ящик, заполненный положенными плашмя плитами. Время его сооружения не известно. Могилы практически полностью ограблены не позднее, чем в период каменноложского этапа карасукской культуры.

Место хранения материалов: Государственный Эрмитаж.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. С. 40–41.

5. Карасук III, могильник

На правом берегу р. Карасук, левом притоке р. Енисей, около выхода ее из гор в долину на протяжении 350 м расположены афанасьевские курганы в трех местах. В 1961–1963 гг. их раскопки проводила Красноярская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством М.П. Грязнова. Основная северная группа погребений занимает всю ложбину между отрогов гор на площади 70х80 м. Обнаружено и раскопано 11 курганов, включая полностью разрушенные ограды №3–5, 7–14. В 130 м к Ю от самой южной ограды (№3) расположена группа из двух курганов (№1 и 6), а южнее еще на 170 м одиночный курган №2 (рис. 87 -1). Все три группы памятников могут представлять собой самостоятельные кладбища, поэтому их можно условно разделить на группы с буквенными индексами Карасук III а–в.

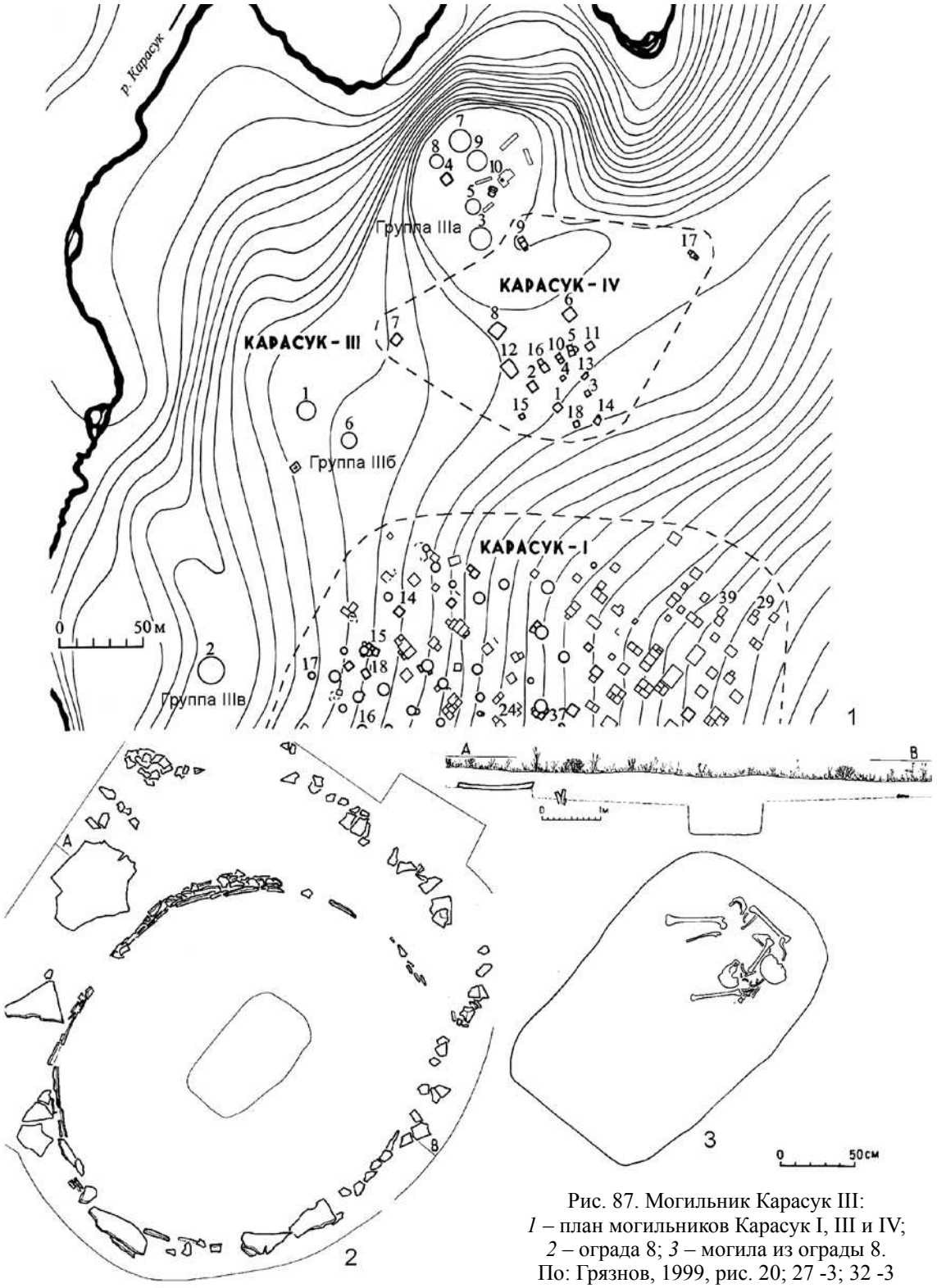

Рис. 87. Могильник Карасук III:
1 – план могильников Карасук I, III и IV;
2 – ограда 8; *3* – могила из ограды 8.
По: Грязнов, 1999, рис. 20; 27 -3; 32 -3

На поверхности одни ограды были видны по едва приметной возвышенности и отдельным камням, другие обнаружены поисковыми траншеями. Все ограды расчищали с внешней и внутренней стороны, включая их развал, а также остатки надмогильной конструкции.

Карасук IIIа

Могильник расположен на территории стоянки неолитического времени с костями диких животных и каменными орудиями (нуклеусами, ножевидными пластинками, скреблами), которые оказались в древнем почвенном слое и в насыпи курганов. Эти находки иногда ошибочно принимают за афанасьевские. Из 11 раскопанных оград не менее шести расположены парами, настолько близко друг от друга, что одна ограда обнаруживалась при раскопках другой. Место на кладбище, очевидно, определяло социальное или родственное положение покойников.

План могильника, взаимоположение курганов. Северную половину территории занимают пары курганов 8 и 4, 7 и 9, 13 и 14.

Ограды 7 и 9 расположены рядом, поэтому ограда 9 обнаружена при раскопках ограды 7 (рис. 87 -1). Обе занимают середину северной половины могильника и параллельны оградам 8 и 4. Не исключено, что с них начиналось устройство кладбища.

Обе ограды диаметром 11 м с могилами знатных людей, но сооружены по-разному. Одна из вертикально вкопанных плит (рис. 88 -1). В ней яма (380х290 см, ЮЗ–СВ) для мужчины старческого возраста, которому положены курильница, шаровидный и яйцевидный горшки (рис. 88 -3–5) и, может быть, шлифованное долотце. Судя по скоплению черепков, первоначальное расположение сосудов было в северной половине, а мужчины, уложенного на спину, головой на ЮЗ, в южной (рис. 88 -2). Во второй ограде, сложенной из положенных плашмя плит, шириной до 70 см (рис. 89 -3), две большие (350х250 и 250х290 см, ЮЗ–СВ) могилы женщин (рис. 89 -2, 3). В юго-восточной половине самой большой могилы похоронена старая женщина на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Около черепа брелок из четырех зубов сурка, положенных на кусок охры. В другой половине ямы из сохранившегося инвентаря – корчага и яйцевидный сосуд с уплощенным дном (рис. 89 -9). Во второй могиле, в одной половине похоронена не разродившаяся женщина 40–60 лет (среди ее костей бедро утробного младенца), а в противоположной – корчага и яйцевидный сосуд (рис. 89 -5, 8). В каждой из оград по 2 впускные могилки младенцев.

Параллельно ограде 9 в восточной части кладбища расположена еще одна ограда из вкопанных вертикально плит (№13), диаметром 9,4 м, высотой 50 см, с большой могилой (310х240 см, ЮЗ), с коллективным захоронением (рис. 90 -1, 2). Почти посередине ямы, ближе к южной половине, уложен на спине взрослый с согнутыми коленями, ЮЗ, покрытый охрой. За его спиной, ближе к северной стенке, в ряд положены два круглодонных, два яйцевидных сосуда и курильница (рис. 90 -3–7). За сосудами почти половина ямы пустая, но ранее, видимо, заполненная не сохранившимися вещами. Ближе к южному углу сложены кости двух взрослых людей, среди которых мужчины 20–25 лет, а также 5 костей медведя: плечевая, локтевая, бедренная, 2 лопатки. Все обильно покрыты охрой.

Ограды 8 и 4 занимают западный край кладбища, расположены рядом. Ограда 8, диаметром 6,5 м, состоит из вкопанных по кругу тонких плит, имевших первоначальную высоту не менее 1 м (рис. 87 -2, 3). В ограде одна нарушенная могила женщины 23 лет с остатками мясной пищи (бедренная часть коровы и лопатка овцы) и выброшенными черепками сосуда. В несохранившейся ограде 4 – две одновременные параллельные могилы, в одной, предположительно, женщина 18–20 лет с новорожденным, во второй женщина старческого возраста и фрагменты горшка (рис. 91 -1, 3, 4). Вокруг них 7 детских могил с 9 младенцами и 8 миниатюрными сосудиками, и еще одна (м. 10) в специальной оградке 3х3,5 м с сосудом среднего размера и рукояткой топора из рога марала (рис. 91–92).

Ограды 5 и 3 расположены в южной части могильника, южнее оград 8, 4 и 7, 9. В ограде 5, в южной половине могилы, женщина 20–25, второй скелет 15–16 лет и новорожденный, ЮЗ (рис. 93). На дне охра, черепки шести сосудов. Посередине основной могилы ограды 3 положен мужчина преклонного возраста, ближе к южной стенке другой погребенный 14–15 лет, видимо, женщина, а у стенки новорожденный (рис. 94–95). Восточный угол выкопан для двух яйцевидных сосудов (миниатюрного и обычного размера), а в северо-западной части северной стены ямы сделан выступ для двух шаровидных крупных сосудов. За спиной мужчины в северной части ямы пустое пространство для вещей. Позднее в оградах подхоронены: мужчина (огр. 5), подросток (огр. 3) и младенцы (огр. 3 и 4).

Остальные могилы занимали восточную половину южной части этого кладбища (рис. 96–97). Они индивидуальные, как для мужчин, так и женщин, и наиболее сильно потревожены. В двух нет вещей, в двух – по 1–2 сосуда и 2 зуба кабарги. Вокруг двух из них ограды не сохранились (огр. 10 и 14), но над одной частично уцелело надмогильное сооружение из плит и дерна размером 5х4,3 м. Ограды небольшие, диаметром 6,7 и 8,9 м, сложены в несколько рядов плит, шириной 50–100 см. С внутренней стенки одной была зимняя могилка младенца.

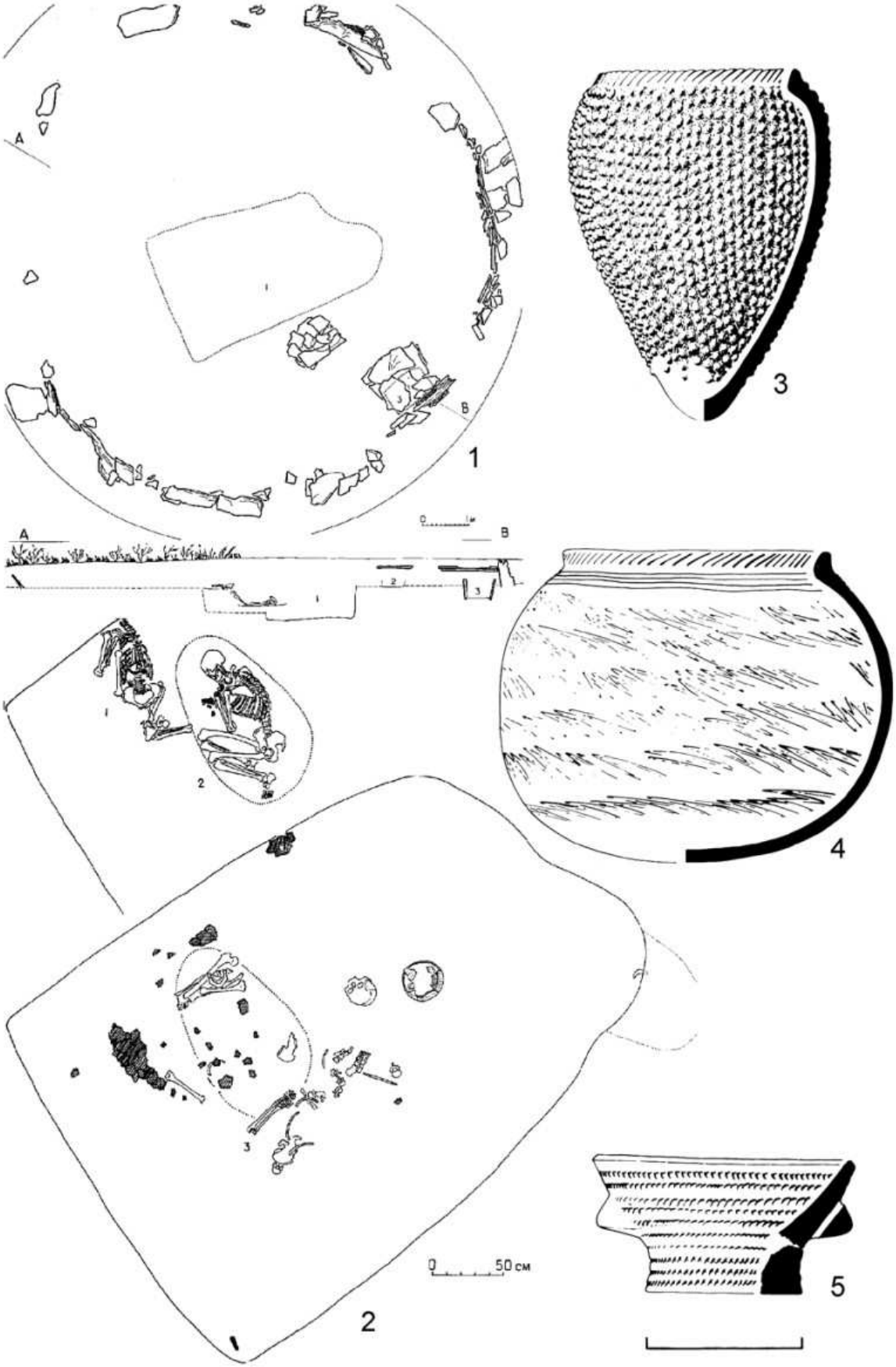

Рис. 88. Могильник Карасук III, чертежи и вещи из могил ограды 7:
1 – чертеж и разрез ограды; *2* – могила 1; *3–5* – сосуды из могилы 1; *5, 8* – сосуды из могилы 1; *6, 7* – сосуд из могилы 2а; *9* – сосуд из могилы 2. По: Грязнов, 1999, рис. 32 -2; 33 -9; 37 -3, 6, 7

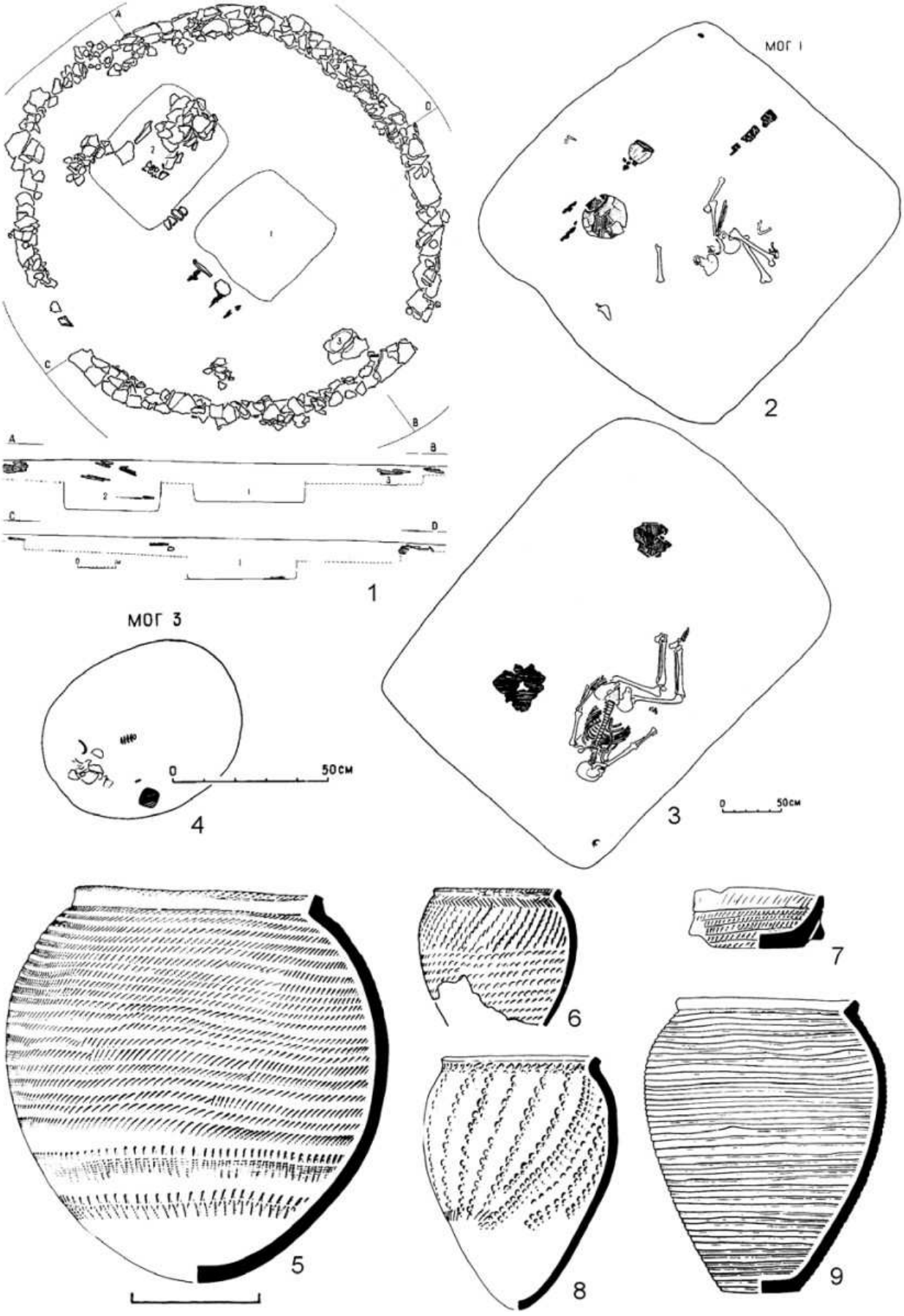

Рис. 89. Могильник Карасук III, ограда 9: *1* – чертеж и разрез ограды 9; *2* – могила 1; *3* – могила 2; *3* – могила 4. По: Грязнов, 1999, рис. 33 -1; 38 -1; 39 -1, 4, 5, 8, 9

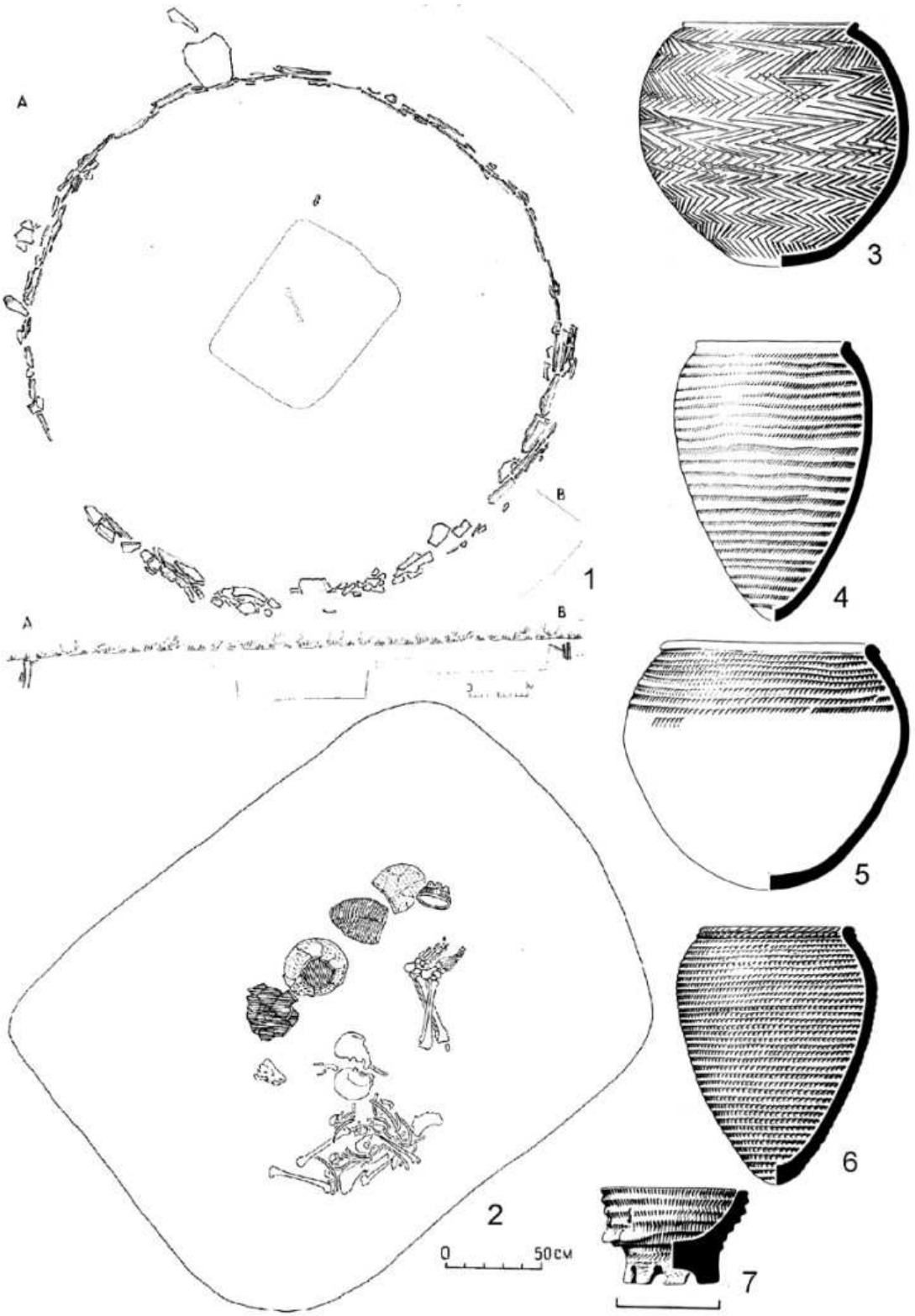

Рис. 90. Могильник Карасук III, чертежи и вещи из могил ограды 13: *1* – чертеж и разрез ограды 13; *2* – могила из ограды 13; *3–7* – сосуды из могилы. По: Грязнов, 1999, рис. 29 -6; 32 -1; 40 -1–5

Конструкция погребальных сооружений. Внутри 11 оград было 13 основных могил, 9 оград окружали одну могилу, 2 окружали по две, выкопанные одновременно или спустя краткий срок, поскольку закрыты одним надмогильным сооружением (ограды 4 и 9). Могилы взрослых подпрямоугольной или почти квадратной формы с закругленными углами под бревнами и плитами, для детей – овальной формы, под плитами. Все могилы большие: для одного человека площадью от 2,5 кв. м до 9–11 кв. м, глубиной 90–100 см от древней поверхности, а для двух человек – 3,5 и 6 кв. м.

Надмогильная конструкция реконструируется по остаткам сооружения в ограде 3. Очень длинные бревна, уложенные вдоль длинных стенок (около 8 м длиной, толщиной 10 см), закрывали не только яму, но и оставленные на месте выкиды земли мощностью 10 см, и продолжались за пределами ямы на 250 см с каждой стороны. Поверх бревен уложен слой золы, толщиной 20 см, от поминального костра и слой дерна такой же толщины. Все это покрыто мелкими плитами на площади 49 кв. м (7х7 м). Другие надмогильные сооружения сохранились площадью от 7–11 кв. м (огр. 4, м. 2 и 3) до 21 кв. м (огр. 12). При такой реконструкции надмогильного сооружения расстояние между ним и оградой было 1–1,5 м или совсем отсутствовало, поскольку все дополнительные могилы выкопаны вблизи внутренней стороны стенки ограды. Ограды двух типов: из вертикально вкопанных плит, сохранившихся высотой до 50 см, а первоначально высотой до 1 м; и сложенные из песчаника до 5 рядов плит шириной до 70–100 см, высотой 30 см, первоначально до 70 см. Общее число дополнительных могил 16, среди них две для взрослых, одна для подростка и 13 для младенцев. Размеры для взрослых 100х100 см, для детей от 60х45 до 95х50 см, глубиной 45–50 см. Во многих оградах в почвенном слое найдены каменные колотушки (огр. 12, 13), песты (огр. 3, 8, 13, 14) или плитки с острыми краями (огр. 8), используемые для выкапывания могил.

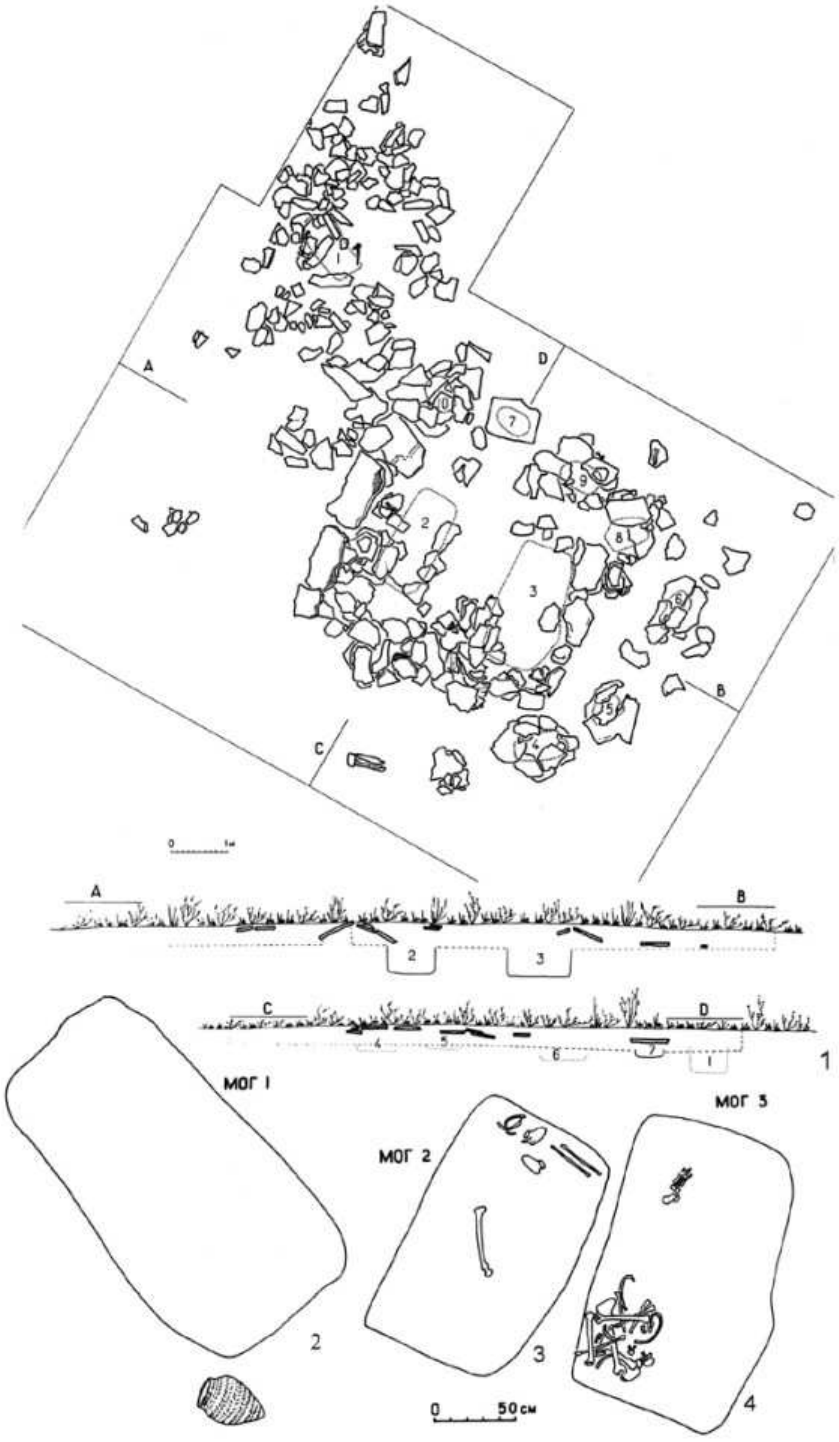

Рис. 91. Могильник Карасук III, ограда 4:
1 – чертеж и разрезы ограды 4; *2* – могила 1; *3* – могила 2;
4 – могила 3. По: Грязнов, 1999, рис. 32 -1; 33 -2, 10, 11

Погребальный обряд. Все основные могилы выкопаны в летнее время, так как ориентированы длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ и меньше ЗЮЗ–ВСВ. Всего захоронено 17 взрослых человек. Положение погребенных стандартное – вытянуто на спине, с ногами согнутыми и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. Вещи, преимущественно горшки, поставлены в ногах или на противоположной стороне.

Использование охры фиксируется по-разному. Чаще всего на костях скелетов имеются следы охры или сохраняется интенсивная окраска. Никогда не указывается обсыпка умершего охрой, поэтому, вероятно, были окрашены не кости, а циновки, в которые были завернуты покойники. Доказательством этому может служить обстоятельство, что охра встречается на костях не только взрослых людей, но иногда и на детских. Кроме того, слой охры сохранился на сложенных, видимо, в пакетах или мешках костях людей. Помимо этого, кусочек охры лежал под брелоком из зубов животных, также внутри сосудика. Такая охра, очевидно, использовалась для окраски изделий, росписи лиц или тел покойников, и в «магии».

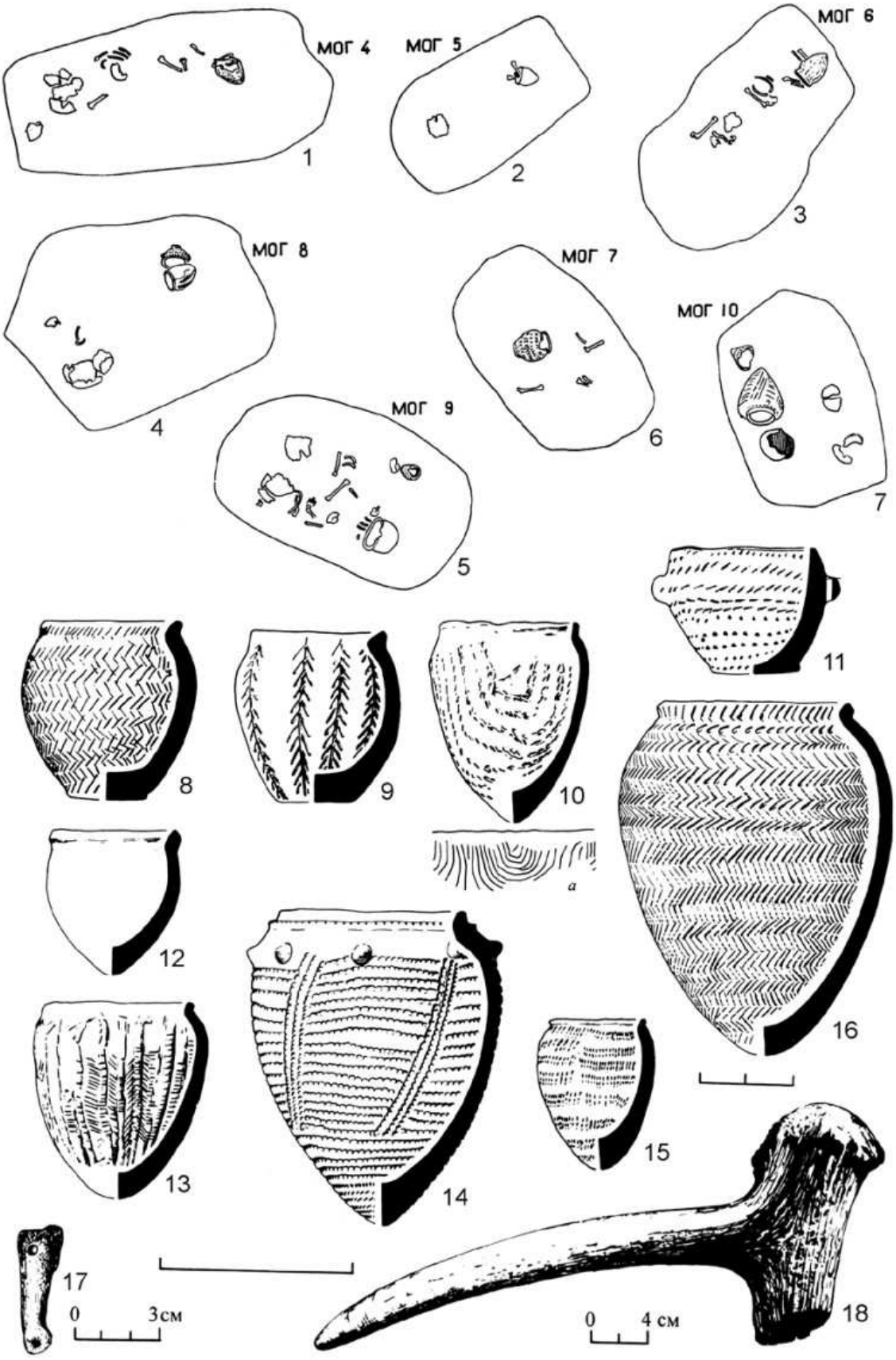

Рис. 92. Могильник Карасук III, ограда 4: *1* – могила 4; *2* – могила 5; *3* – могила 6; *4* – могила 8; *5* – могила 9; *6* – могила 7; *7* – могила 10; *8* – сосуд из могилы 7; *9, 11* – сосуды из могилы 8; *12* – сосуд из могилы 5; *10* – сосуд из могилы 6; *13* – сосуд из могилы 4; *14* – сосуд из могилы 10; *15* – сосуд из могилы 9; *16* – сосуд из могилы 1; *17* – фаланга кулана с отверстиями из насыпи кургана; *18* – рукоятка топора, сделанная из куска рога марала, из могилы 1. По: Грязнов, 1999, рис. 23 -8, 10; 33 -3–9; 34 -4; 35 -1–6, 8, 9

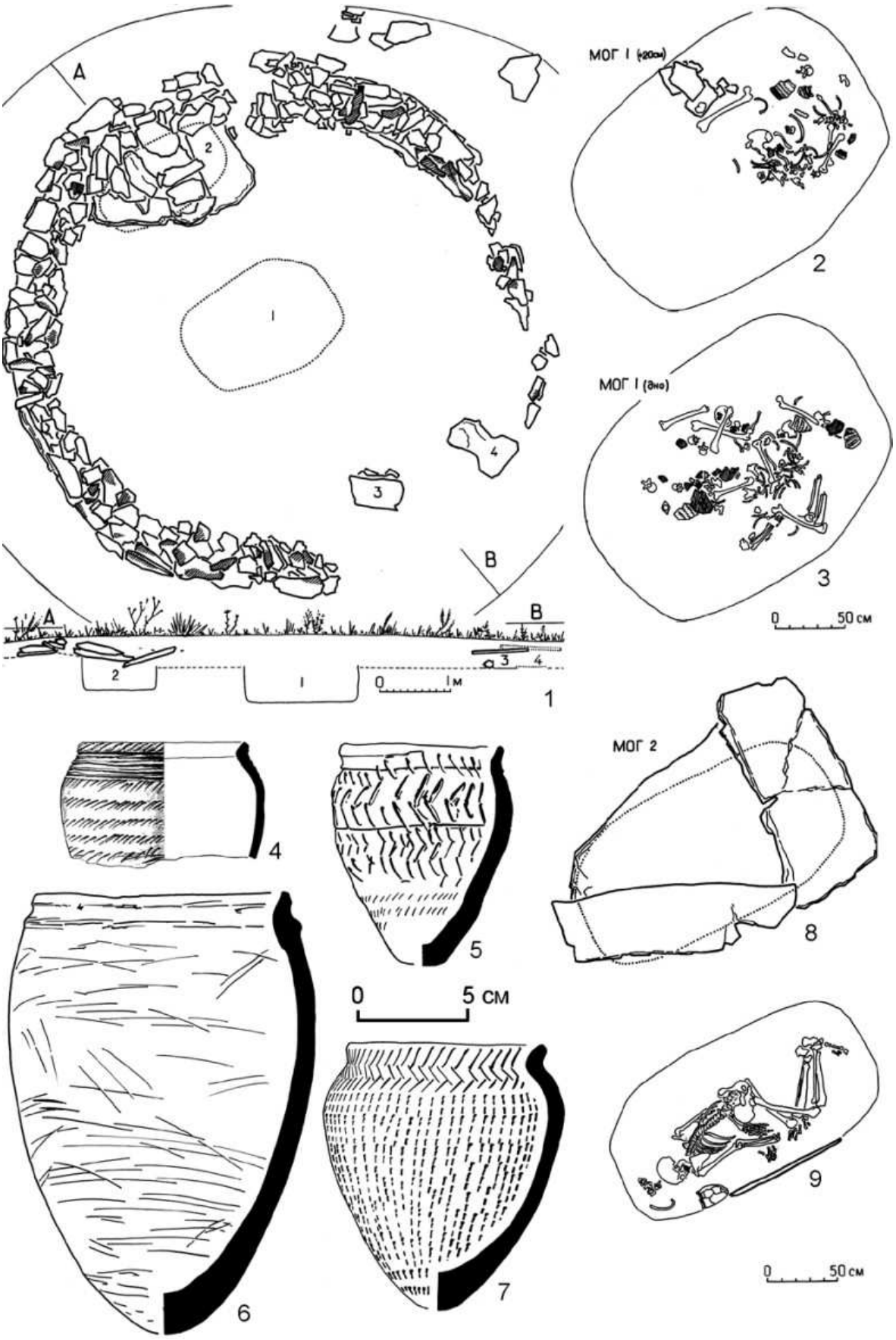

Рис. 93. Могильник Карасук III, ограда 5: *1* – чертеж и разрез ограды; *2* – могила 1 на 20 см выше уровня дна; *3* – дна могилы 1; *4* – сосуд из могилы 1; *5* – сосуд из могилы 3; *6* – сосуд из могилы 4; *7* – сосуд из могилы 2; *8–9* – могила 2. По: Грязнов, 1999, рис. 24 -2; 34 -6; 35 -7, 10, 11; 36 -2

К следам похоронных тризн могут относиться черепки сосудов, найденные среди камней надмогильного сооружения или ограды. Мясная пища (голень коровы и лопатка овцы) положены только в могилу ограды 8.

Керамика и инвентарь. Всего найдено 50 сосудов, не считая окуневской банки. Преобладают горшки яйцевидной формы, из которых 26 остродонных, 3 с плоским дном и один на поддоне. Остродонные сосуды обычно среднего и маленького размера, среди плоскодонных один крупный горшок (рис. 89 -9) и остальные небольшие (рис. 92 -8–12). Шесть сосудов сферической формы крупного и среднего размеров с круглым или уплощенным дном. Пять сосудиков для ритуальных действий, все маленькие, но разнообразные: баночка и овальная мисочка с боковыми ручками, кубический сосудик, 2 вазочки-курильницы на поддоне (рис. 88 -5; 89 -7; 90 -7; 92 -11). Форма восьми сосудов не установлена.

Первая курильница – высота 8,5 см, диаметр венчика 15 см, глубина чаши 5,5 см, высота поддона 3 см, диаметр дна 10 см. С двумя ручками с двух сторон, каждая имеет по сквозной дырочке. Все тулово покрыто оттисками зубчатого штампа (рис. 88 -5). Вторая курильница на поддоне в виде восьми ножек. Высота 10 см, диаметр венчика 13 см, глубина чаши 6,5 см, высота поддона 3,5 см, высота ножек и выемки на поддоне – 2 см. Ручка с одной стороны с двумя параллельными дырочками. Покрыта сплошь горизонтальными рядами глубокими вдавлениями плоского прямоугольного штампа, образующих рельефную поверхность (рис. 90 -7).

Основными мотивами орнамента являются горизонтальные ряды прямых или косых оттисков короткого и длинного зубчатого штампа, пластинки, уголка палочки. Реже оттиски образуют елочный узор, как по горизонтали, так и по вертикали тулова. Три яйцевидных сосуда без орнамента, что встречается очень редко (рис. 95 -8; 92 -12; 93 -6). Самые красивые сосуды с комбинированным орнаментом, состоящим из сочетания горизонтального и диагонального расположения резных линий и оттисков штампа, а также лепных украшений вдоль венчика. Один яйцевидный сосуд с имитацией узелков (рис. 88 -3; 89 -6, 8; 92 -14; 96 -2; 97 -6). Самый необычный яйцевидный с плоским дном, покрыт горизонтальными резными линиями (рис. 89 -9). Шаровидные сосуды единичны, без орнамента или украшены только в верхней половине (рис. 88 -4; 90 -5; 97 -7).

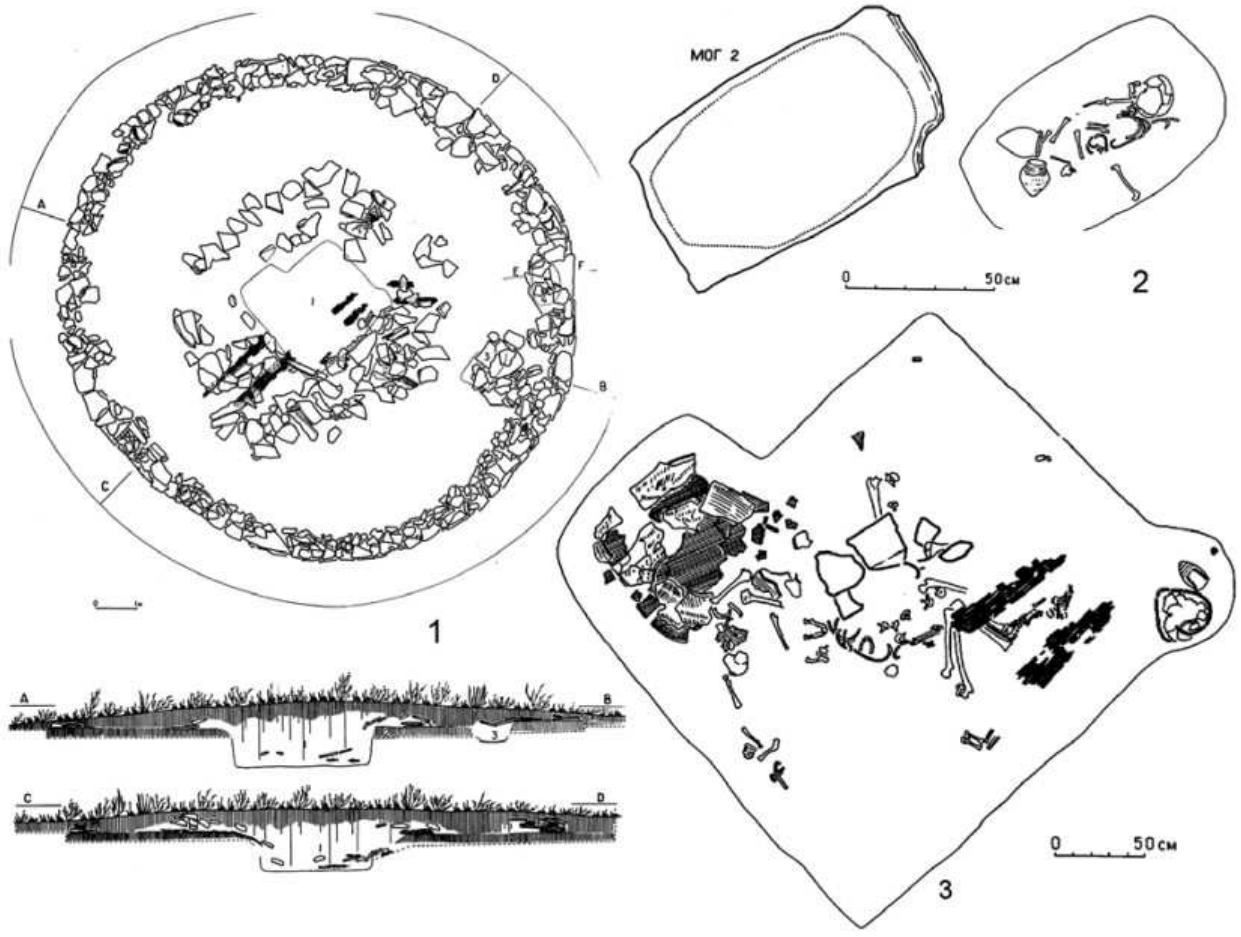

Рис. 94. Могильник Карасук III, ограда 3: *1* – чертеж и разрезы ограды; *2* – могила 2; *3* – могила 1. По: Грязнов, 1999, рис. 26 -2; 29 -3; 31 -1

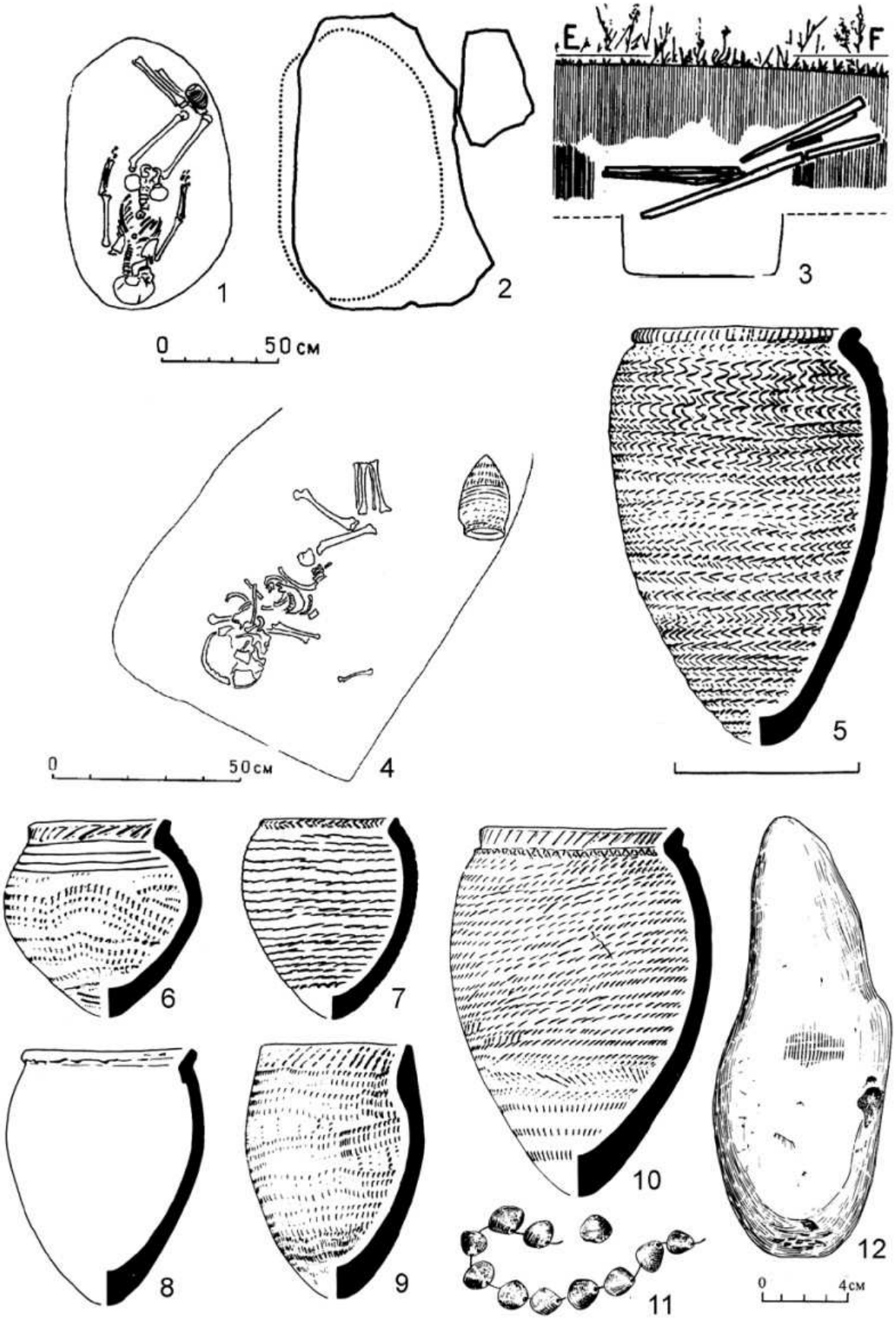

Рис. 95. Могильник Карасук III, чертежи и вещи из могил ограды 3: *1–3* – могила 4; *4* – могила 3; *5, 9* – сосуды из могилы 1; *6, 8* – сосуды из могилы 2; *10* – сосуд из могилы 3; *7* – сосуд из могилы 4; *11* – 13 просверленных раковин из могилы 3; *12* – каменный пест из насыпи кургана. По: Грязнов, 1999, рис. 23 -7; 29 -1; 30 -1–6; 31 -1

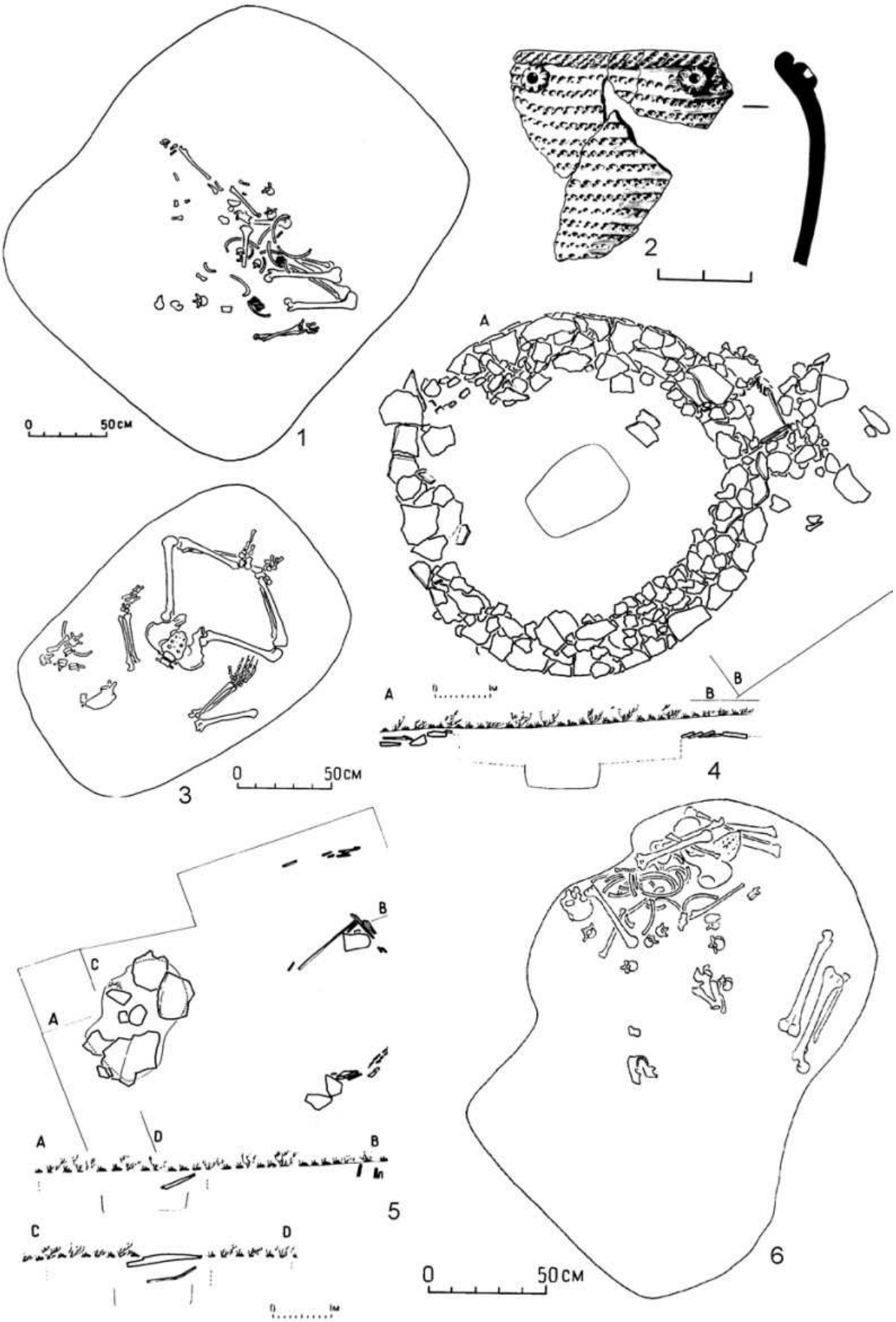

Рис. 96. Могильник Карасук III, чертежи и вещи из могил оград 10 и 11: *1* – могила из ограды 10; *2* – фрагмент сосуда из могилы ограды 10; *3* – могила из ограды 11; *4* – могила из ограды 11; *5* – чертеж и разрезы ограды 14; *6* – могила из ограды 14. По: Грязнов, 1999, рис. 27 -2; 29 - 2,4; 34 -5; 38 -2

Кроме 4 каменных пестов и 2 колотушек, найдены рукоятка топора из рога марала, ожерелье из 13 раковин corbicula fluminalis и просверленная фаланга кулана (рис. 92 -17, 18; 95 -11).

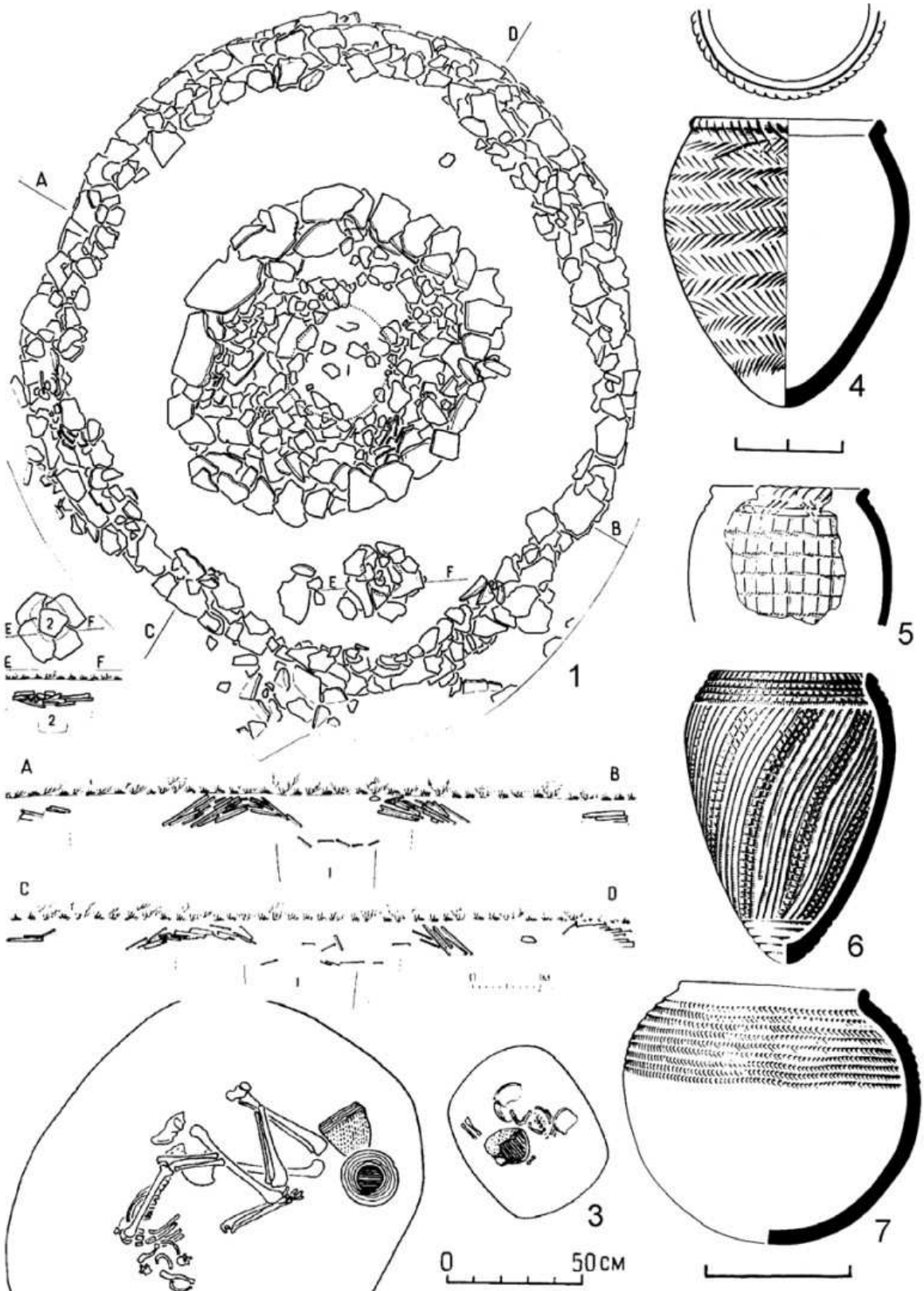

Рис. 97. Могильник Карасук III, чертежи и вещи из могил ограды 12: *1* – чертеж и разрезы ограды 12; *2* – чертеж могилы 1; *3* – чертеж могилы 2; *5* – фрагмент венчика сосуда из почвенного слоя над курганом; *6, 7* – сосуды из могилы 1; *4* – сосуд из могилы 2. По: Грязнов, 1999, рис. 21 -2; 29 -5; 34 -1; 39 -2, 3, 6

*Отражение социальных отношений***.** Антропологические определения сделаны М.П. Грязновым и В.П. Алексеевым. На могильнике захоронены 17 человек. Из них 6 женщин (3 пожилые и 3 молодые), 5 мужчин (двое старых, один 20–25 лет), 6 взрослых (пол не установлен), среди них двое в возрасте 18–20 и 15–16 похоронены с младенцем (огр. 8, м. 2; огр. 3), и на этом основании можно предположить, что это женщины. Таким образом, женщин не менее половины. В могилах взрослых захоронены 4 младенца, а в отдельных могилках похоронены 15 младенцев. Хотя преобладают индивидуальные могилы (9 могил), включая с младенцами, совместных захоронений половина, поскольку в двух могилах по два человека, а в одной – три.

Начало брачного периода у афанасьевцев зафиксировано по антропологическим материалам нескольких могильников (13–14 лет). Поэтому захороненные вместе с младенцами молодые люди не только 18–20, но и 15–16 лет (огр. 8, м. 2; огр. 3), могут быть признаны женщинами. Материалы этого могильника позволяют установить, что 40 лет было предельным возрастом, до которого афанасьевские женщины рожали. Дело в том, что в одной из могил женщина 40–60 лет умерла, не разродившись, поскольку среди переворошенных ее костей было бедро утробного младенца (огр. 9, м. 1).

В трех могилах похоронены знатные люди этого рода, что определяется площадью ям, количеством и качеством вещей (огр. 7, 9, 13). Чертами привилегированности могилы в ограде 7 является пожилой возраст погребенного мужчины, наличие курильницы, большая яма (11 кв. м) для одного человека и необычная глубина 120 см, в то время как другие могилы не превышают 90–100 см. Орнамент яйцевидного сосуда из могилы (оттиски узелков) очень редкий, аналогичен сосуду, найденному во второй могиле в ограде вождя у с. Восточное (рис. 88 -3). Первоначальное расположение сосудов было, судя по скоплению черепков, в северной половине, а мужчины в южной (рис. 88 -2).

В двух могилах ограды 9, площадью 9 кв. м, похоронено по женщине с корчагами. Дополнительными отличительными признаками является, находящийся у черепа одной из них, брелок из четырех зубов сурка, положенных на кусок охры, и яйцевидный сосуд с уплощенным дном (рис. 89 -9), а другой смерть от поздней беременности. Кроме того, покойницы и вещи уложены в противоположных частях могилы. Корчага из могилы 1 редкой формы – полусферической, полуяйцевидной, а яйцевидный сосуд с орнаментом из диагональных оттисков зубчатого штампа, имитирующих тесьму (рис. 89 -5,8).

Третья необычная могила в ограде 13 меньшего размера (7 кв. м), коллективная. В ней, в юго-восточной половине ямы, перезахоронены труп взрослого человека и в свертке кости двух людей и несколько костей медведя, а в северо-западной половине 5 сосудов. Ритуальными чертами является наличие оригинального рогового стержня и курильницы, а, главное, все кости обильно покрыты охрой.

*Хронология***.** Большинство могил ограблены, но, вероятно, по одному разу и не полностью. К моменту ограбления бревна покрытия ям не прогнулись, погребенные и вещи еще не были плотно засыпаны землей. Поэтому части некоторых скелетов остались на месте, а сосуды не раздавлены. Не потревожены только могилы, сооруженные после основных, с внутренней стороны нескольких оград. Преимущественно, это могилы детей, одна мужчины (огр. 5, м. 2). Они выкопаны уже после частичного развала ограды, и в них обнаружены нехарактерные для классических афанасьевских могил сосуды. Например, яйцевидные сосуды без орнамента (огр. 3, м. 2; огр. 5, м. 2), а также миниатюрные плоскодонные горшочки (огр. 4, м. 7, 8), в которых сочетается яйцевидное тулово афанасьевских сосудиков с плоскими донышками окуневских банок (рис. 92 -8, 9, 11). Видимо, грабителями были поздние афанасьевцы, проживавшие одновременно с окуневцами.

Это же отражают материалы нескольких могил. В ограде 9 была сначала сооружена могила в центре, а позже вторая, ближе к северо-западной стенке, для чего, возможно, ограда перестраивалась. Могила не потревожена, поэтому над ней осталась часть каменного покрытия, а на ее дне зафиксирован скелет женщины в анатомическом порядке, рядом с которым раздавленная корчага и яйцевидный сосуд с плоским дном (рис. 89 -9). Здесь же около головы погребенной на куске охры лежали, сложенные кольцом, 4 зуба сурка. Возможно, это был амулет в виде брелока или кусок окрашенного охрой нагрудника, как носили окуневцы.

Сосуд из погребения ограды 10 под венчиком имеет налепы схожие с окуневскими костяными рифлеными бусинами (рис. 96 -2). Это вряд ли случайно, поскольку здесь же был амулет из двух зубов кабарги, что характерно для окуневской одежды. Наконец, в ограде 7 в край надмогильного сооружения основной могилы на глубине 20 см подхоронен младенец с горшочком яйцевидной формы, но на маленьком поддоне, а у стенки ограды вкопан каменный ящичек для другого младенца, но с окуневским баночным сосудом (Грязнов, 1999, рис. 34 -7). Радиоуглеродная дата основной могилы, полученная в 60-х гг. прошлого века по образцу дерева – 1520±200 л. до н.э. (3470±200 BP) (Вадецкая, 1981, с. 62).

Таким образом, первые курганы этой группы могильника были возведены до появления в этой местности окуневских племен. Кладбище продолжало функционировать, в период проживания афанасьевцев с окуневцами, а после ухода афанасьевцев с этой территории ограды использовали окуневцы.

Карасук IIIб

Группа состоит из двух оград (по публикации 1 и 6) диаметром 10–11 м. Сохранившиеся стенки имеют ширину до 60 см и сложены в 2–5 рядов плит высотой 20–25 см (рис. 98, 100). Развал плит снаружи шириной 1–3 м, с внутренней стороны на ширину ограды. В ограде 1 две одновременно выкопанные летом ямы на расстоянии 60 см друг от друга, площадью около 7 кв. м (280х260 см) и 3,5 кв. м (180х180 см),

Рис. 98. Могильник Карасук III, ограда 1: *1* – чертеж ограды и разрезы; *2* – могила 1; *3* – могила 2; *4* – могила 3. По: Грязнов, 1999, рис. 21 -1; 24 -1

глубиной 125 и 115 см от сохранившейся вершины насыпи и 105 см от древней поверхности, а также третья могила, пристроенная к внутренней стороне ограды. В насыпи каменный курант и галька в виде колотушки (рис. 99 -8, 9). В южной половине основной могилы уложены 3 человека – два параллельно (мужчина 45–50 лет, подросток 11–12 лет), и один (мужчина 17–18 лет) в их ногах, а в северной половине поставлены 5 сосудов и курильница (рис. 99 -1–6). Все кости окрашены охрой. По-видимому, они были плотно упакованы, поскольку положены тесно. Пожилой мужчина положен вдоль южной стенки с вытянутыми ногами, а подросток со скорченными ногами и поднятыми вверх коленями. Оба на спине, головой на ЮЗ, но туловище подростка слегка повернулось направо. Поза молодого мужчины та же, но верхняя часть его туловища лежала поверх и поперек стоп старого человека, головой на ЮВ. Сосуды все яйцевидные, среди которых один с уникальным орнаментом: гребенчатым штампом нанесены арки между пятью горизонтальными полосами (в отчете указаны 5 сосудов, а в публикации 4). Престижность покойников могут отражать наличие кусочка меди, курильницы, редкие мотивы орнамента на сосуде.

Во второй могиле вдоль южной стенки положены подросток 12–14 лет и взрослый мужчина, на костях красная охра. Оба лежали на спине, головой на ЮЗ. Ноги подростка вытянуты, а у мужчины согнуты в коленях. Скелет подростка сохранился в нижней части, начиная от бедер, а у мужчины лишь голени. Остальные кости, включая тазовые и череп, перемещены, некоторые находились на 15–20 см выше дна. Среди них найдены 2 роговых гвоздика длиной 4 см (рис. 99 -7) и фрагмент четырехугольного сосудика (Грязнов, 1999, с. 31). В ногах подростка крупная часть яйцевидного сосуда, возможно, тоже переброшенная из северной половины ямы. Обе могилы имели одно каменно-земляное надмогильное сооружение площадью равной внутреннему диаметру ограды, служившей ему крепидой.

Могила 3. Позднее с внутренней стороны ограды выкопали зимой яму (СЗ–ЮВ) для женщины 35–40 лет, которую положили на спину с согнутыми коленями. При разложении тело частично сместилось на правую сторону. В ноги и под колени поставили яйцевидный и сферический сосуды, около головы деревянный сосуд, скрепленный медной оковкой (рис. 99 -1, 3). На левой лопатке было миниатюрное медное изделие типа ножичка (?), которым, видимо, женщина была убита.

Во второй ограде (№6) одна могила площадью около 7 м (280х260 см), глубиной 95 см, выкопанная летом (ЗЮЮ–ССВ) (рис. 100). Могила перекрыта бревнами, положенными вдоль длинных стенок, и крупными плитами длиной 100–140 см. Надмогильное сооружение, видимо, доходило практически до ограды – крепиды. В могиле похоронены мужчина 40–60 лет и новорожденный, с которыми положены огромный реповидный сосуд (типа корчаги?), 3 небольших остродонных сосуда и трубчатая кость барана, обрезанная на концах и залощенная на поверхности (рис. 100 -3–6).

Итак, одна ограда содержала 3 семейные могилы с шестью погребенными – тремя мужчинами (45–50, 17–18 лет, взрослый), двумя подростками 11–12, 12–14 лет, и женщиной 35–40 лет (огр. 1). Вторая ограда содержала погребение муж-

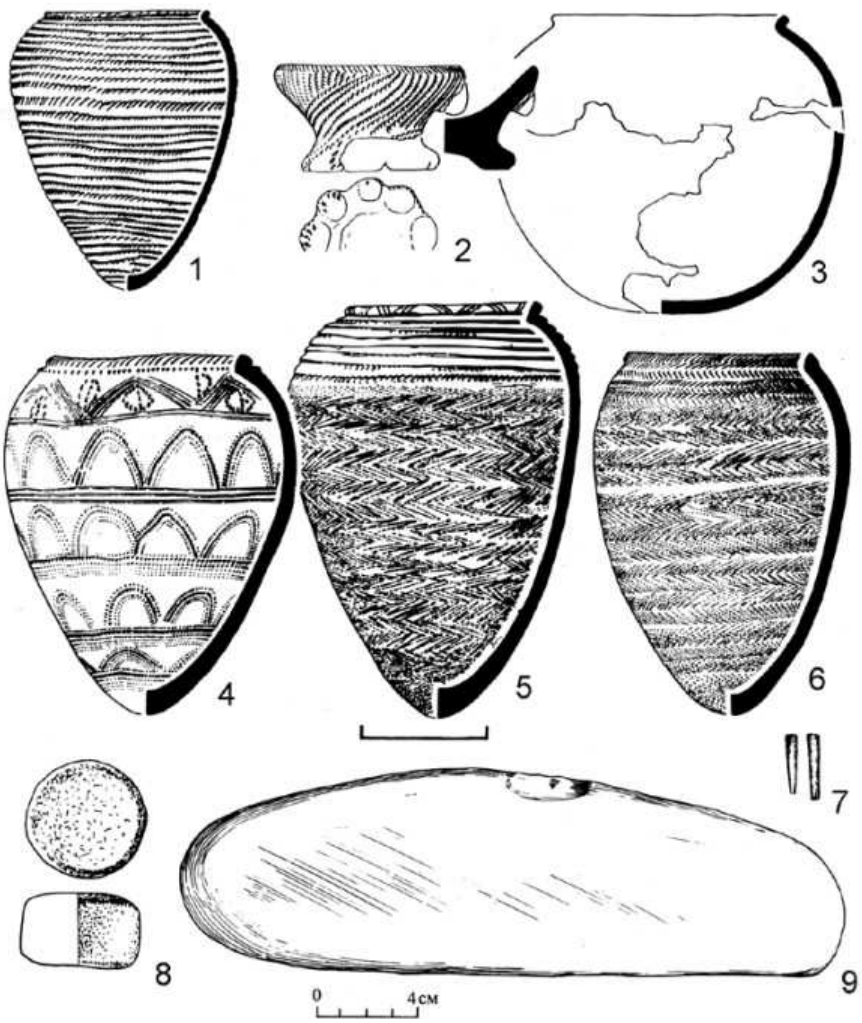

Рис. 99. Могильник Карасук III, вещи из могил ограды 1:
2, 4, 5 – сосуды из могилы 1; *6* – сосуд из могилы 2; *1, 3* – сосуды из могилы 3; *7* – два роговых гвоздика из могилы 2; *8, 9* – каменные орудия из почвенного слоя насыпи кургана. По: Грязнов, 1999, рис. 23 -2, 17, 19; 25

чины – старейшины 40–60 лет с новорожденным, которому положена корчага. В обеих оградах 5 человек похоронены совместно и два индивидуально, не считая новорожденного. Общее число сосудов не менее 10. Среди них не менее восьми яйцевидных, реповидная корчага, сферический сосуд и курильница на поддоне. Яйцевидные сосуды все остродонные с невысокими венчиками, преимущественно отогнутым наружу, и лишь в одном случае венчик налепной. Они покрыты оттисками длинного и короткого гребенчатого штампа, расположенными вертикальными рядами елочкой. Сферический сосуд без орнамента.

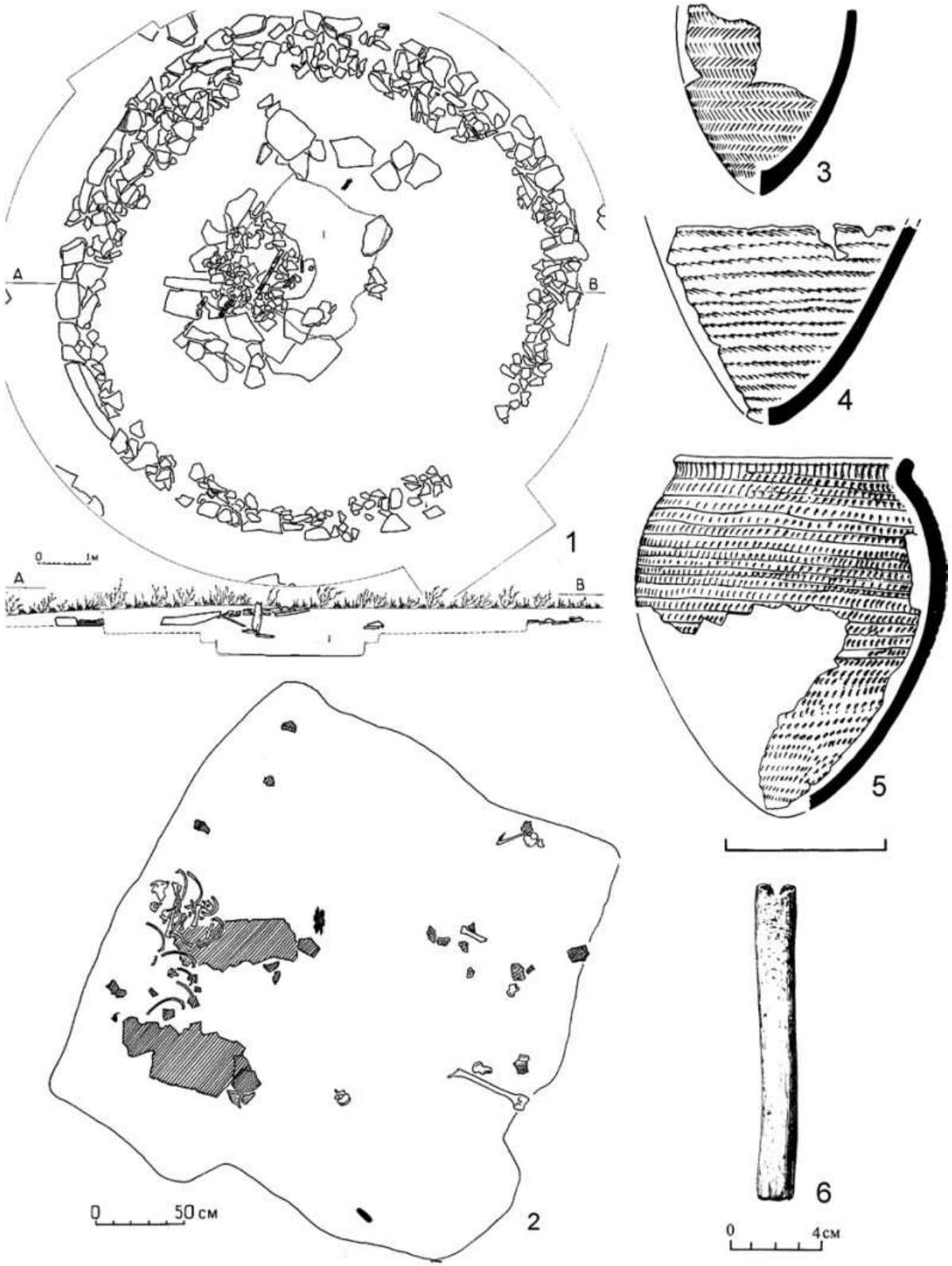

Рис. 100. Могильник Карасук III, чертежи и вещи из могил ограды 6: *1* – чертеж и разрез ограды; *2* – могила; *3–5* – сосуды из могилы; *6* – обработанная трубчатая кость барана из могилы. По: Грязнов, 1999, рис. 36 -1; 37 -2, 4, 5

Курильница с одной ручкой и на поддоне в виде восьми налепных ножек, высотой 8,5 см, диаметром 13,5 см, глубиной чаши 4,5 см, высотой поддона 2,5 см, выемка дна высотой 1,5 см. Край венчика покрыт оттисками гладкого штампа, а весь сосуд, включая поддон, вдавлениями угла палочки, расположенными преимущественно рядами по диагонали (рис. 99 -2).

По костям скелетов из могил 2 и 3 ограды 1 получены радиоуглеродные даты. Из могилы 2 дата 3996±26 и интервалы калиброванного календарного возраста 2573–2469 ВС. Из могилы 3 – 4148±26, интервалы калиброванного календарного возраста 2875–2630 ВС (Поляков, 2010, с. 170). Разница датировок значительная. При этом могила 3 явно сооружена позднее второй, так как устроена вплотную к ограде. Согласно радиоуглеродной дате она моложе, что противоречит стратиграфии кургана.

Карасук IIIв

Один курган расположен в 300 м южнее основной группы могильника и в 170 м от второй. Ограда (по публикации №2) диаметром 14,4 см, состоит из вкопанных плит высотой 40 см, а первоначально 60 см (рис. 101). В ограде две основные могилы, расположенные параллельно, на расстоянии 1 м друг от друга, ориентирован-

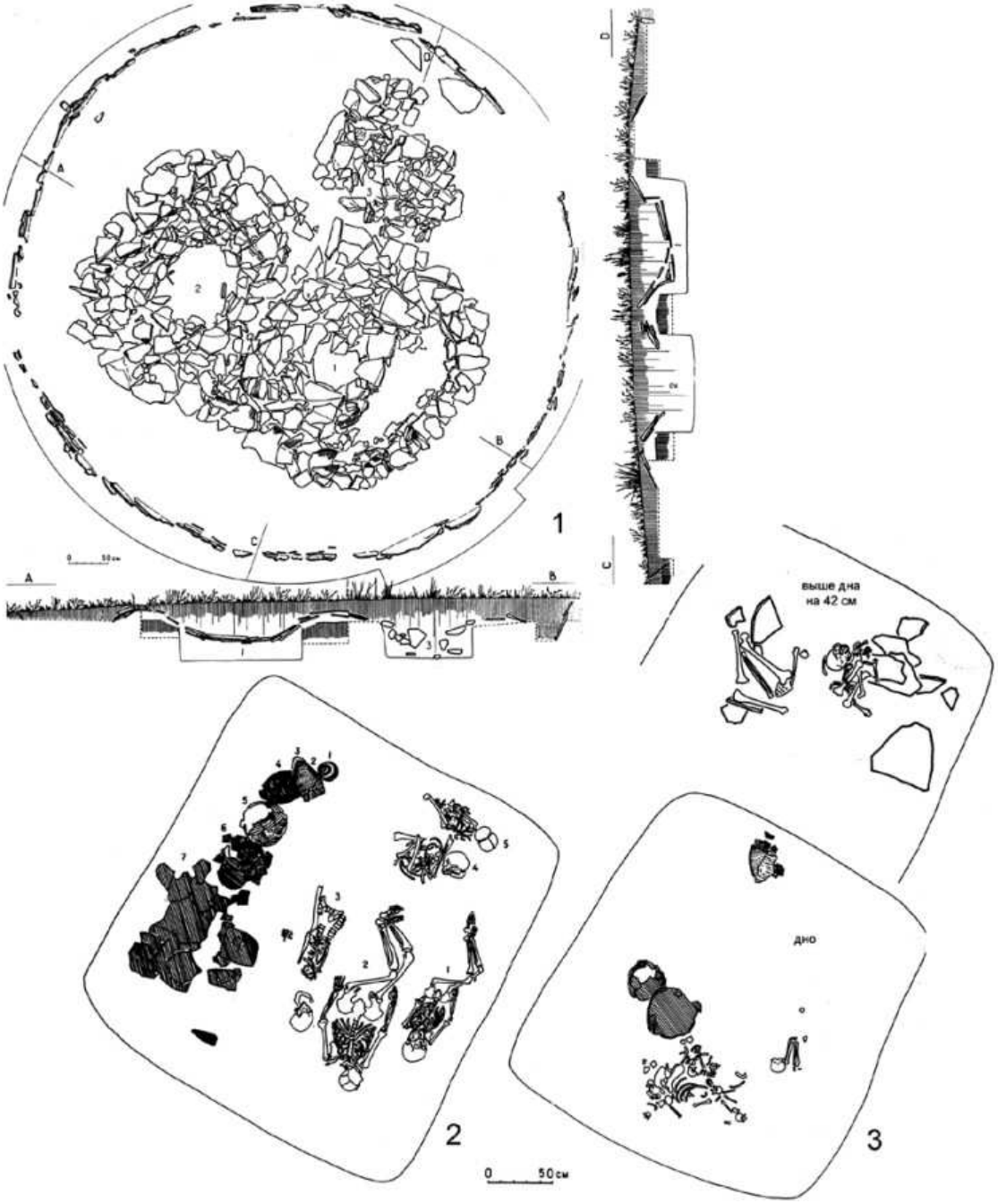

Рис. 101. Могильник Карасук III, ограда 2:
1 – чертеж ограды и разрезы; *2* – могила 1; *3* – могила 2. По: Грязнов, 1999, рис. 26 -1; 27 -1

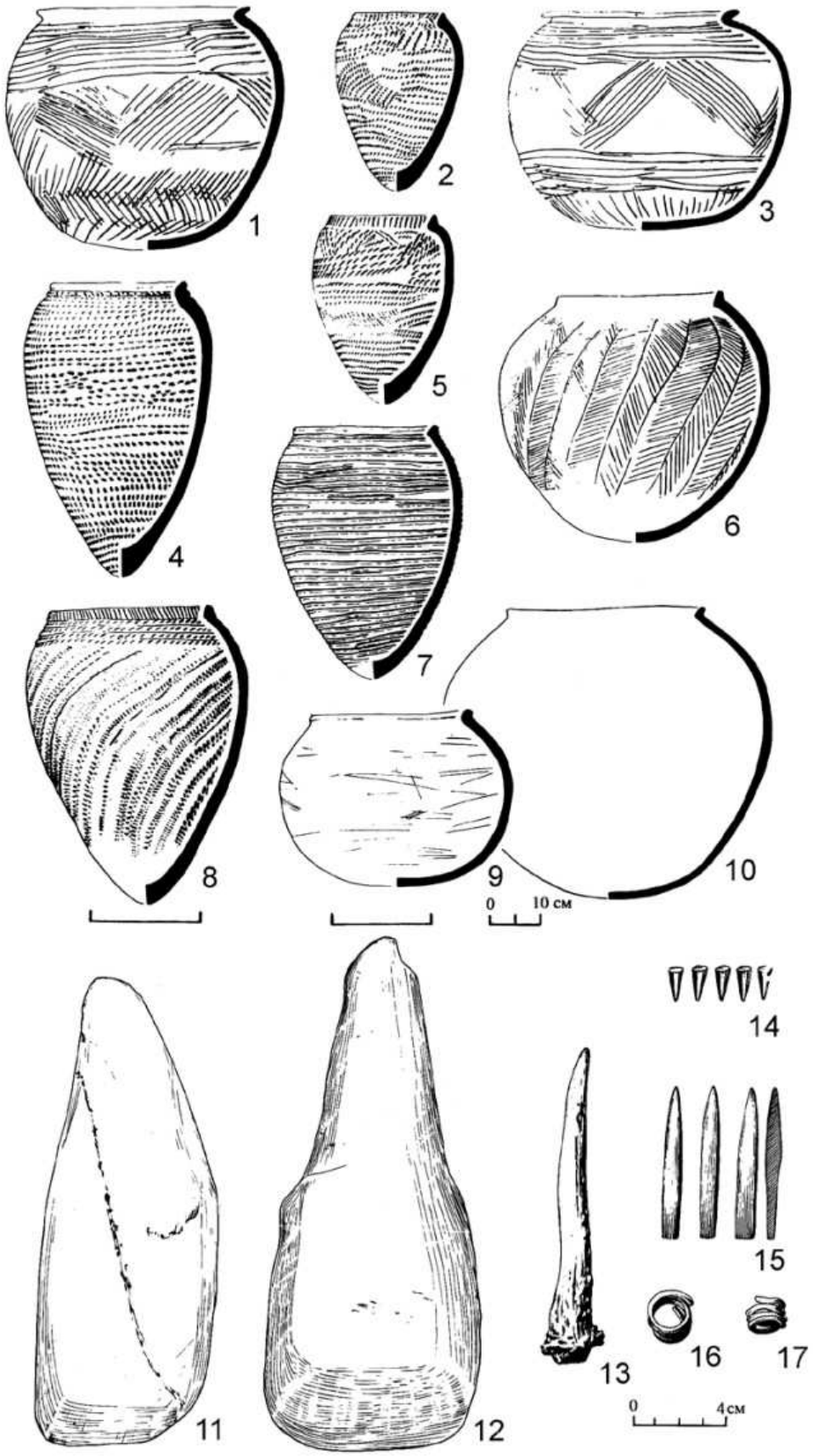

Рис. 102. Могильник Карасук III, вещи из могил ограды 2: *1, 2, 4–7, 10* – сосуды из могилы 1; *3, 8, 9* – сосуды из могилы 2; *12* – курант из насыпи кургана над могилой 1; *11* – курант из могилы 1; *13* – острие из рога косули из могилы 2; *14* – костяные гвоздики из могилы 1; *15* – 3 костяных острия из могилы 1; *16, 17* – две серебряные серьги из могилы 1. По: Грязнов, 1999, рис. 23 -3, 5, 6, 12, 14, 16; 28 -1–10

ные по линии ЮЗ–СВ. Они первоначально закрыты бревнами, а позднее общим надмогильным дерновым сооружением площадью 36 кв. м (6х6 м) и высотой 60 см, облицованным в два слоя плитами. Между надмогильным сооружением и оградой могло быть пространство для дополнительных могил. Единственная могила, выкопанная позднее к северу от других, оказалась пустой, поэтому принадлежность ее к афанасьевской эпохе не установлена. В насыпи остатки тризны – обломки двух черепов коров, лопатка барана.

Могила 1. Подквадратная яма, площадью около 9 кв. м (310х290 см), глубиной 105 см от древней поверхности. Не потревожена. В ней размещены в юго-восточной половине подросток 10–11 лет, старая женщина и кучки костей двух мужчин 40–60 и 25–40 лет, а также ребенка 8–10 лет. Скелеты лежали параллельно на спине со слегка согнутыми в коленях ногами и повернутыми в правую сторону, головой на ЮЗ. Видимо, тела были спеленаты, поэтому у подростка слегка изогнут позвоночник, а у женщины слегка повернут череп, слева у виска, которого сохранилась серебряная серьга (рис. 102 -16). За женским скелетом, параллельно ему, вытянутой кучкой сложены большинство костей мужчины 40–60 лет (ребра, лопатки, позвонки, тазовые, лучевые, бедренная), некоторые из них были в сочленении, в частности, тазовые и несколько позвонков. Череп с нижней челюстью лежали отдельно, у ушного отверстия сохранилась серебряная серьга (рис. 102 -17). Ниже ног женщины двумя параллельными кучками сложены кости неполных скелетов мужчины 25–40 лет (ребра, лопатка, лучевые, части таза, тазобедренные) и ребенка 8–10 лет (часть позвонков в сочленении, ребра, бедренная, лучевая). Черепа уложены отдельно, череп ребенка без нижней челюсти. В северо-западной половине могилы положены вещи. В один ряд у стенки – корчага, сферический и реповидный сосуды, ближе к углу – 4 яйцевидных сосуда. Рядом с последними 3 роговых декоративных гвоздика, а около южной стенки – курант. Между сосудами и кучей костей пожилого мужчины (40–60 лет) была кучка из 54 гвоздиков (рис. 102 -14). Они, судя по чертежу, лежали небольшим кружком острием наружу, видимо, находились в круглом предмете, типа набалдашника палки. У погребенных в этой могиле при ее расчистке были обнаружены не все крупные кости, а мелкие, зачастую, отсутствовали. Края тазовых костей и лопаток мужчин, собранных в кучи, рыхлые. На них и ребрах есть следы зубов собак или волков, нет эпифизов всех трубчатых костей. Следовательно, тела этих людей объедены волками. Несколько позвонков пожилого мужчины еще были в сочленении, а кости ребенка не потревожены. Последнее указывает на то, что тела где-то лежали разные сроки. Расположение костей в кучах свидетельствует о том, что они уложены в мешки или завернуты в узел (Грязнов, 1999, с. 32).

Выводы из наблюдений, сделанных при изучении этой могилой. Во-первых, они объясняют одну из причин наличия коллективных совместных захоронений. Во-вторых, обычай сохранения голов мертвых свидетельствует о культе черепа и объясняет иногда их отсутствие у скелетов, а также мотивы их похищения.

Вторая могила площадью 7 кв. м (270х260) была сильно ограблена. В одной половине ямы положили мужчину 40–60 лет и ребенка 5–6 лет, в другой остродонный, реповидный и шаровидный сосуды (рис. 102 -3, 8, 9). На дне среди костей было острие из рога косули (рис. 102 -13).

Всего из обеих могил 10 сосудов: 5 яйцевидных остродонной формы, 3 шаровидных круглодонных и 2 реповидные с уплощенным дном (рис. 102 -1–10). Орнаменты простые – из узоров в виде горизонтальных и косых полос, почерченных острием палочки или вдавленных ее уголком. Сферический сосуд и корчага без орнамента. Богатый узор на одном яйцевидном сосуде (м. 2) с оттисками гребенчатого штампа, расположенными по диагонали тулова (рис. 102 -8).

Место хранения материалов: Государственный Эрмитаж.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. Л., 1999. С. 30–44, рис. 20–40.

6. Красный Яр I, могильник

Памятник расположен на высокой террасе над левой протокой Енисея, под южным склоном горы Оглахты. После афанасьевцев территорию использовали окуневцы, тагарцы, инокультурное население хуннского времени и VIII–IX вв. Позднее с юго-запада и северо-востока от этой площадки образовались овраги. Первый, большой, получил название Красный Яр, по расположенному близ него улусу, а второй, неглубокий, безымянный. Могильник был открыт в 1930 г. археологом Минусинского музея им. Мартьянова В.П. Левашевой на территории между двумя вышеуказанными оврагами и берегом Енисея и назван по наименованию улуса (рис. 103 -1). Ею было обнаружено 12 оград, из которых 6 она раскопала. Две ограды она полностью снесла, внутри остальных заложила по шурфу. В результате были исследованы только могилы, а ширина оград условно определена по ее развалившейся части.

Изучение могильника было продолжено в 1969 г. Э.Б. Вадецкой, проводившей исследования в зоне затопления Красноярского водохранилища в составе Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР. В то время береговая линия интенсивно размывалась образовавшимся Красноярским водохранилищем, уже не было следов улуса, а сама терраса превратилась в широкий короткий мыс, окруженный с трех сторон водой, заполнившей овраги. В 1969 г. были начаты раскопки, полностью могильник исследован в 1972 г. К этому времени насыпи курганов почти разгладились, ограды углубились в почву и от них на поверхности лишь местами выступали отдельные камни. При каждом предположении на ограду проби-

вали траншеи, затем окапывали широкой площадью развалы камней ограды снаружи и расчищали всю ее внутреннюю поверхность. Две пары оград (11 и 12; 13 и 14) раскопали широкой площадью, чтобы по возможности выявить между ними следы тризн или детских могилок. Закладывали шурфы и в том случае, если камней ограды не было, но предположения о наличии могилы оставались. Благодаря этому, были обнаружены 3 могилы и оградка окуневской культуры (Красный Яр II), а ближе к берегу Енисея остатки поселений неустановленного времени и могильник с каменными ящиками (Красный Яр III).

На основной территории могильника, вытянутой полосой поперек мыса длиной 160 м и шириной 80 м, обнаружено и раскопано 7, а не 6 оград, как предполагала В.П. Левашева. Ограды образуют 4 пары (5 и 2, 3 и 12, 10 и 11, 7 и 9) на расстоянии 10 м друг от друга и 4 одиночные ограды, наиболее короткое

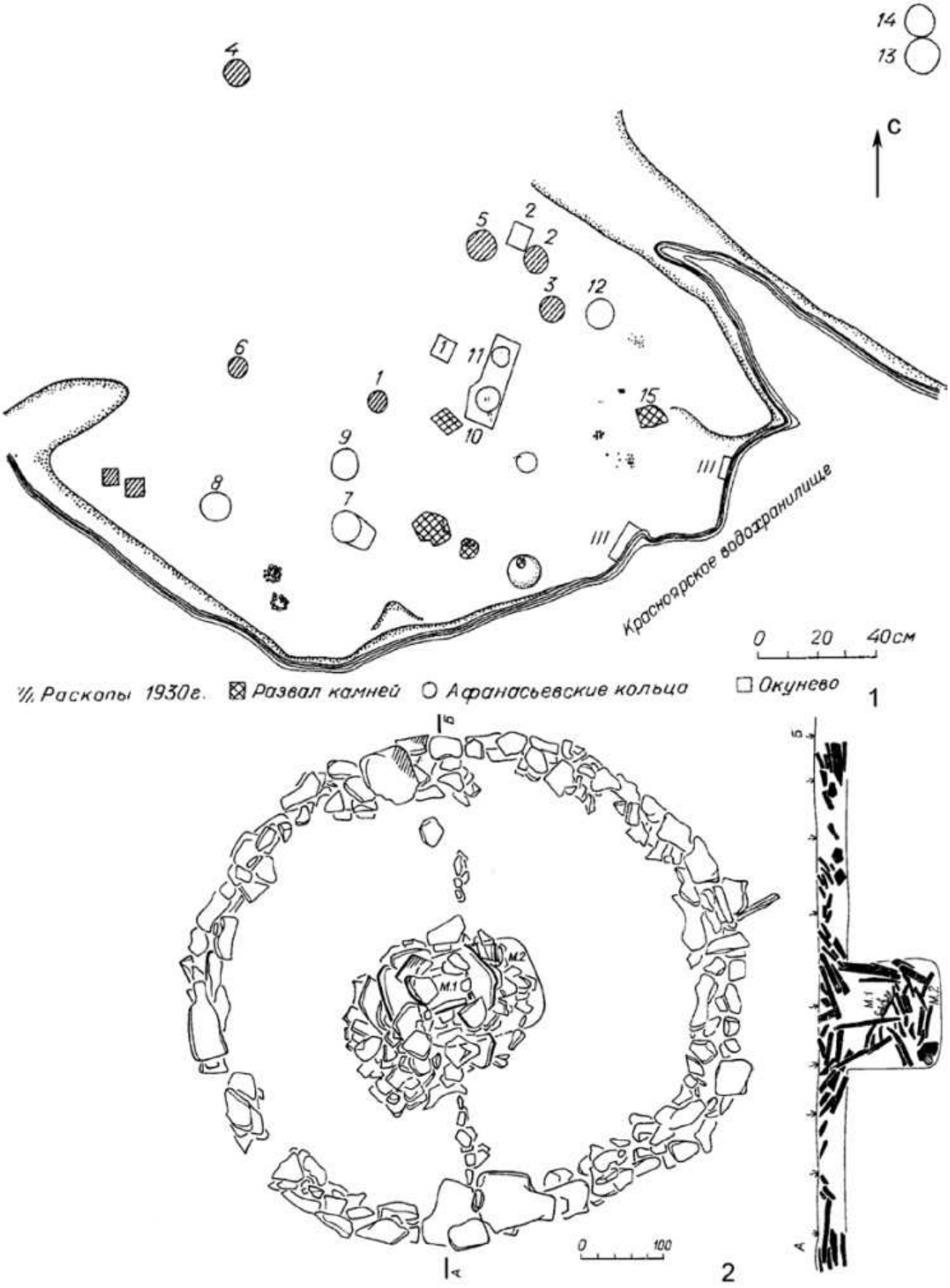

Рис. 103. Могильник Красный Яр I: *1* – план могильника; *2* – курган №15

расстояние между которыми 40 м. В пользу не случайности установленного размещения погребальных объектов свидетельствуют одна и две ограды за пределами основной территории могильника. Одна ограда (№4), расположенная в 100 м к северу от него, раскопана в 1930 г. Две почти смыкающиеся ограды, находящиеся на расстоянии 150 м к северо-востоку от основной территории могильника, раскопаны в 1972 г.

Конструкция погребальных сооружений. В 15 оградах могильника было 17 могил для взрослых и одна для мальчика 10 лет. Могилы овальные или близкие по форме к прямоугольнику и квадрату, но с сильно закругленными углами. Стенки и дно неровные. По наблюдению В.П. Левашевой, у некоторых стенки в верхней части, до глубины 20–40 см, пологие, в одной могиле (огр. 4) выложены плиткой (Левашева, 1962, с. 67). Преобладают обширные ямы, площадью от 3 до 8 кв. м. Они выкопаны не только для совместных погребений двух и более человек, но и индивидуальных. Глубина ям от 40 до 120 см от древней поверхности, но для большей части ям составляет 80–100 см. Могилы покрыты лиственничными бревнами толщиной 30 см, положенными вдоль длинных стенок. Бревна не обработаны, с сучками. Концы бревен заходят за борт ямы на 40–80 см. Ямы ориентированы по линии З–В (15), ЗЮЗ–ВСВ (4, 5, 6, 10), ЗСЗ–ВЮВ (2, 3, 12, 11, 8, 13, 14), СЗ–ЮВ (1,9,7). Внутри ограды только одна детская могила для мальчика 10 лет, которая расположена параллельно взрослой (огр. 14). Она овальная, 145х100х110 см, под плитой 120х110 см. Видимо, плита положена на покрытие из тонких несохранившихся бревен. Еще две могилы младенцев расположены за оградой, в ямках, под плитами на глубине 30–20 см от древней поверхности (огр. 7, м. 2, огр. 10, м. 3). Остатки двух детских каменных ящиков за оградами 13 и 15, вероятно, относятся к окуневской культуре, могилы которой есть на этом могильнике. Поверх бревен покрытия ямы и земли, выкинутой из ямы при ее выкапывании, складывали холм из дерна, который облицовывали плитами. Они хорошо сохранились внутри оград 10 и 11, где заполняли все внутреннее пространство, черепицеобразно налегая друг на друга, будучи наклоненными к основанию ограды. Использованы плиты толщиной 3–4 см и длиной 1 м и более (Вадецкая, 1981, рис. 11). Такие куполообразные каменные сооружения закрывали практически все могилы, окружавшие их ограды, служили крепидами. Когда наклонные плиты купола не сохранились, они фиксируются по длинным бревнам, закрывающим яму почти до внутренних стенок ограды, или по плитам, разбросанным по всей территории внутри ограды. Косвенными признаками такого вида надмогильного сооружения являются следующие. Во-первых, небольшие внутренние размеры оград (от 5 до 10 м). Во-вторых, то, что детские могилы расположены за их пределами, а не внутри, как в больших оградах. Ограды сложены из плоских плит песчаника разного размера и формы, ровно подобранных только по наружной стенке. Соответственно ровная кладка у них только снаружи. В одном случае ограда снаружи была укреплена в нескольких местах вертикально вкопанными плитами, выступающими над остатками кладки на 20–30 см (огр. 7). Внутренняя сторона оград небрежно сложена из острых углов и неровных частей плит, поскольку они обращены внутрь к плитам, заполнявшим все пространство. Ширина оград 80–100 см, сохранившаяся высота 35–50 см. Принимая во внимание ширину развала плит ограды до 3–4 м, первоначально она была высотой не менее 1 м. С северо-восточной стороны у половины оград могильника были скопления камней, производивших впечатление каменных площадок, но оказавшимися участками наибольшего разрушения ограды. Как правило, ограды – крепиды окружают по одной могиле взрослых людей. Исключение составляют две наиболее отдаленные друг от друга. Одна ограда (№6) самая западная на основной площади могильника. В ней одновременно и на одной глубине были выкопаны 2 почти равные по площади параллельные могилы. В первой (260х200х95 см) были захоронены 3 взрослых человека, от которых небольшое количество разбросанных костей без черепов. Во второй (240х160х90 см) похоронен один взрослый человек, скелет которого не потревожен, но не было черепа. В другой ограде (№14) две могилы, судя по ориентации, выкопанных в разное время. Одна почти квадратная (230х220х120 см), закрытая массивными бревнами, расположена в северной половине ограды. В ней ранней осенью (ЗЮЗ–ВЮВ) похоронены 2 женщины 25–30 лет. Другая яма овальная (145х100х110 см), закрытая тонкими бревнами и плитой, расположена в южной стороне ограды. В ней поздней осенью (СЗ–ЮВ) похоронен мальчик 10 лет, для могилы которого, видимо, в ограде специально оставлено место. Видимо, то же В.П. Левашева наблюдала в ограде 3, раскопанной в 1930 г., где полностью разрушенная овальная яма (200х120х40 см) была в западной части ограды, а восточная половина ограды осталась пустой.

Погребальный обряд. Взрослых людей хоронили, как правило, с лета по раннюю осень, в одинаковой позе – вытянуто на спине с ногами согнутыми в коленях и поднятыми вверх, головой на запад. С учетом времени года ориентация головой была на ЗЮЗ и ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль туловища, причем левая слегка согнута в локте. По 1–2 сосуда ставили в ноги погребенных, при совместных погребениях иногда сбоку или в противоположной стороне ямы, где клали и другие вещи. Только детям ставили сосуды у головы. Шесть детей (4 младенца, один в возрасте до года, и подросток 10 лет) захоронены вместе со взрослыми. В отдельных могилах похоронены 3 ребенка. Один раз внутри ограды и дважды за ее пределами (огр. 7, м. 2 и огр. 10, м. 3). Дно одной ямы (огр. 15), выкопанной ранней весной или поздней осенью (ориентирована длинными стенками З–В), было прокалено и с угольками, а верхняя

половина скелета мужчины 40–50 лет сгорела. Видимо, чтобы выкопать ямы даже меньшего размера, чем другие (165х130 см), разводили костер. В этой могиле, кроме круглодонного небольшого гладкого сосуда, имеется необычный кубический. Поэтому все признаки этой могилы – костер на дне ямы, сожжение трупа и ритуальный сосуд, могут быть связаны с особым ритуалом.

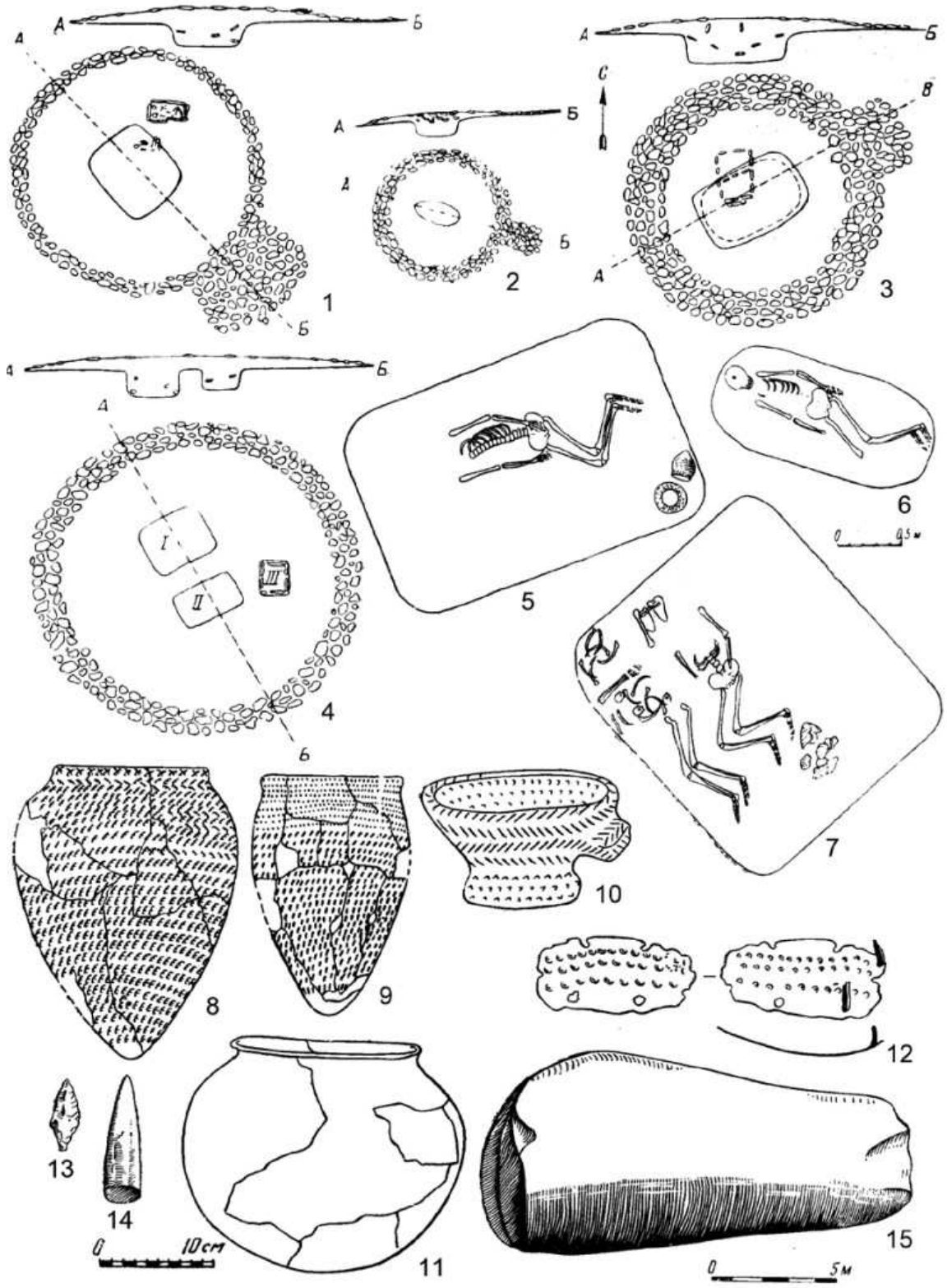

Рис. 104. Материалы из раскопок могильника Красный Яр I: *1* – курган №1; *2* – курган №2; *3* – курган №5; *4* – курган №6; *5* – могила №2 кургана №2; *6* – могила №1 кургана №2; *7* – центральная могила кургана №1; *8* – сосуд из могилы №2 кургана №6; *9* – сосуд из кургана №1; *10, 11* – курильница и сосуд из кургана №5; *12* – медная пластинка из кургана №6; *13* – каменный наконечник стрелы из кургана №1; *14* – костяной остроконечник из кургана №5; *15* – каменная колотушка из кургана №6. По: Левашёва, 1962, рис. 1; 2; 3; 4

Антропологические определения сделаны В.П. Алексеевым (раскопки 1930 г.) и Г.В. Рыкушиной (раскопки 1972 г.). Всего похоронено 25 человек, включая подростков. Среди них 8 мужчин, 6 женщин, 7 взрослых, пол которых не определен. Индивидуальных захоронений 9, к ним можно отнести женщину 13–14 лет с двумя младенцами до 1 года и младенцем 3–6 месяцев. Совместно захоронены 16 человек: в пяти могилах по 2 человека: две женщины 25–30 лет, мужчина 30–40 лет и женщина 13–14 лет, мужчина 40–50 лет и

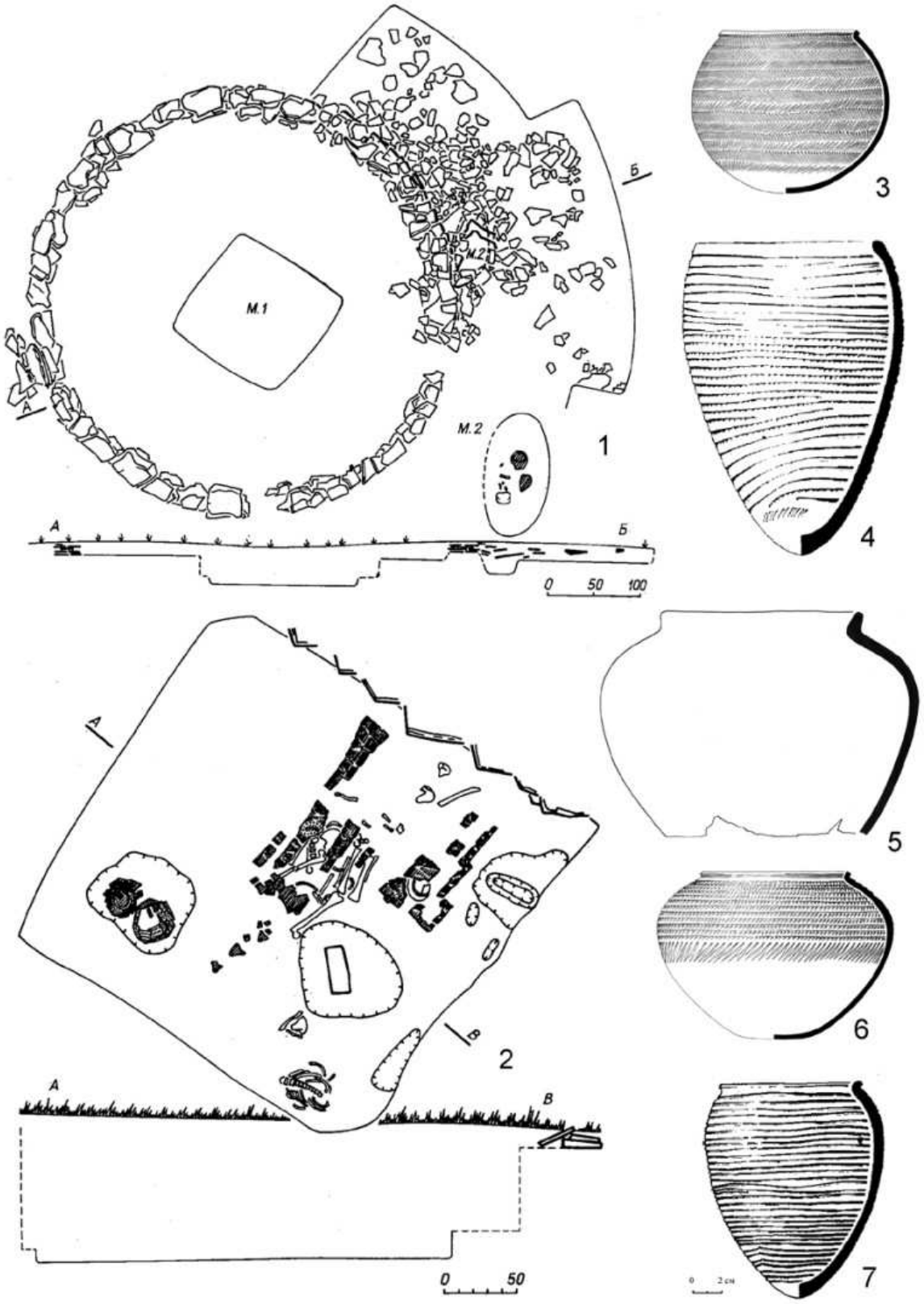

Рис. 105. Могильник Красный Яр I, ограда 7: *1* – чертеж и разрез кургана; *2* – могила 1; *3–6* – сосуды из могилы 1; *7* – сосуд из могилы 2. По: Вадецкая, 1981, рис. 2; 12–14

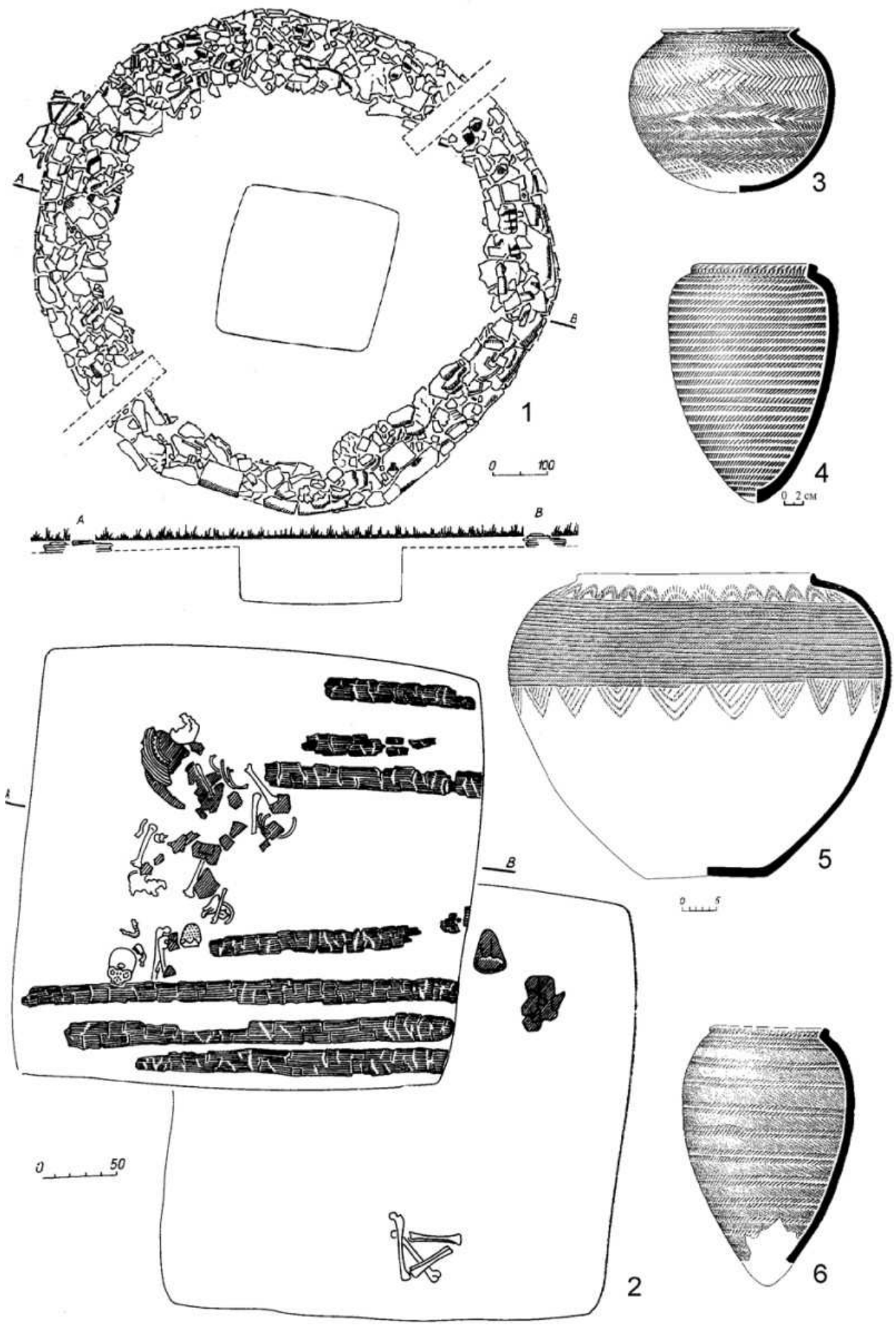

Рис. 106. Могильник Красный Яр I, ограда 8: *1* – чертеж и разрез кургана;
2 – чертеж и разрез могилы; *3–6* – сосуды из могилы. По: Вадецкая, 1981, рис. 3; 12–13

взрослая женщина (?), взрослый и подросток, двое взрослых. Совместные захоронения двух женщин или взрослого с подростком ставят под сомнение парность тех могил, где женщины много моложе мужчин. В двух могилах было по 3 человека: единичные обломки мелких костей женщины 30–40 лет, взрослого мужчины и подростка 10 лет (огр. 13), а также кости от трех неопределимых скелетов (огр. 6). Таким образом, хотя индивидуальных могил больше, в них похоронено меньше людей, чем в коллективных.

Два обломка трубчатых костей коровы найдены в заполнении могилы в ограде №4. Видимо, они попали туда из насыпи при ограблении могилы. Наблюдения показывают, что мясо покойникам на этом кладбище не клали, а совершали тризны, остатки которых сохранились на деревянном покрытии ям или среди облицовки их дерном и камнями. Н.М. Ермоловой определены кости косули, овцы, коровы, лошади.

Керамика и инвентарь. Сосудов найдено более 40. Они представлены тремя группами – остродонными, круглодонными и, в отдельных случаях, плоскодонными. Остродонные (18 экз.) яйцевидной формы,

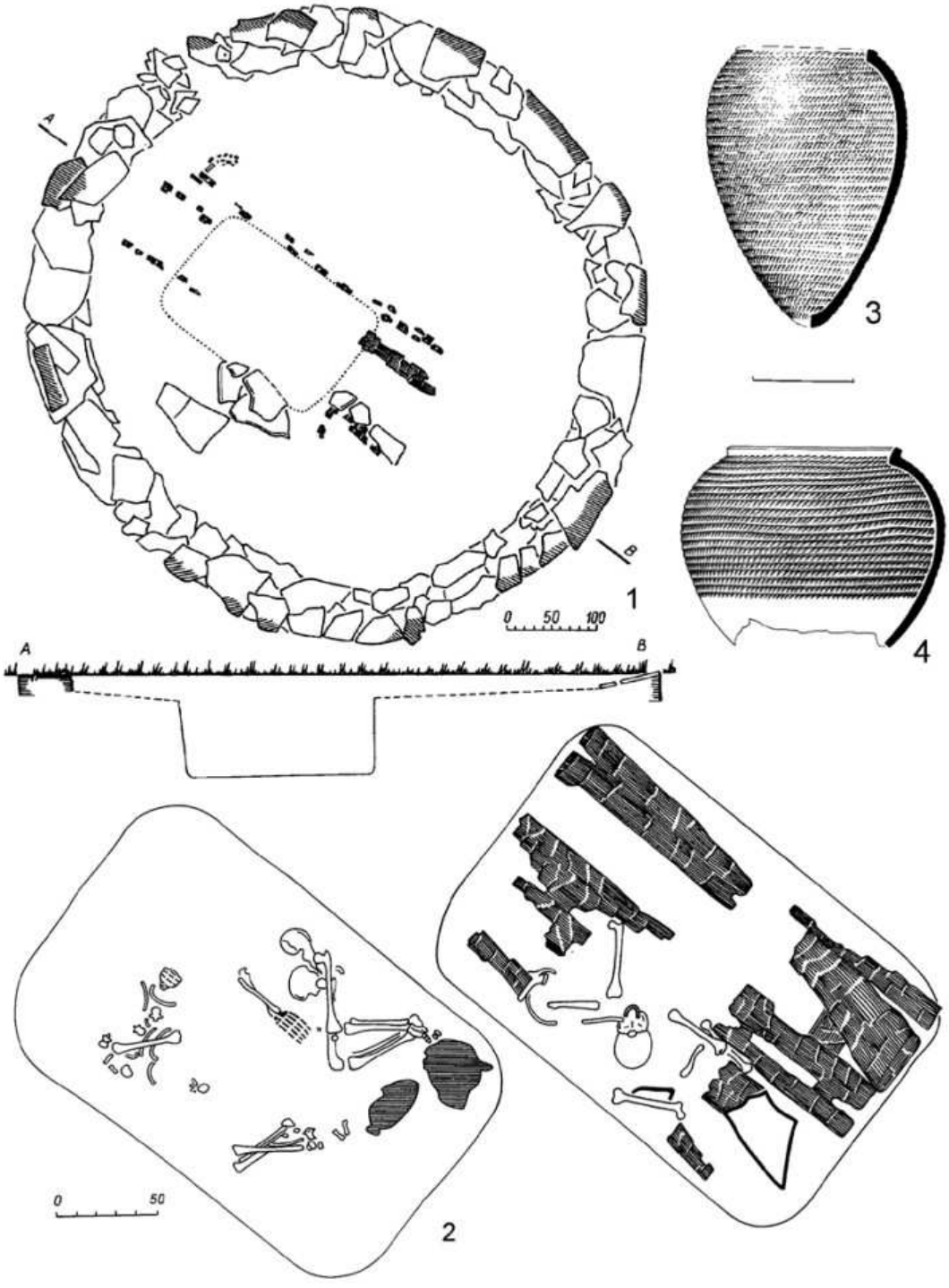

Рис. 107. Могильник Красный Яр I, ограда 9: *1* – чертеж и разрез кургана; *2* – чертеж и разрез могилы; *3–4* – сосуды из могилы. По: Вадецкая, 1981, рис. 4; 13

средних размеров высотой 20–30 см, уменьшенных 15–20 см и миниатюрных 9,5–13,5 см. За исключением миниатюрных, они все полностью орнаментированы. Круглодонные сосуды (19 экз.) разнообразной формы – сферические, реповидные, горшковидные уплощенные. Два сосуда, так называемые корчаги, высотой 45 и диаметром тулова 72 и 55 см. Средних размеров сосуды высотой 20–30 см, уменьшенные – высотой 15–18 см, миниатюрные – высотой 8–11 см. Среди них есть орнаментированные полностью или

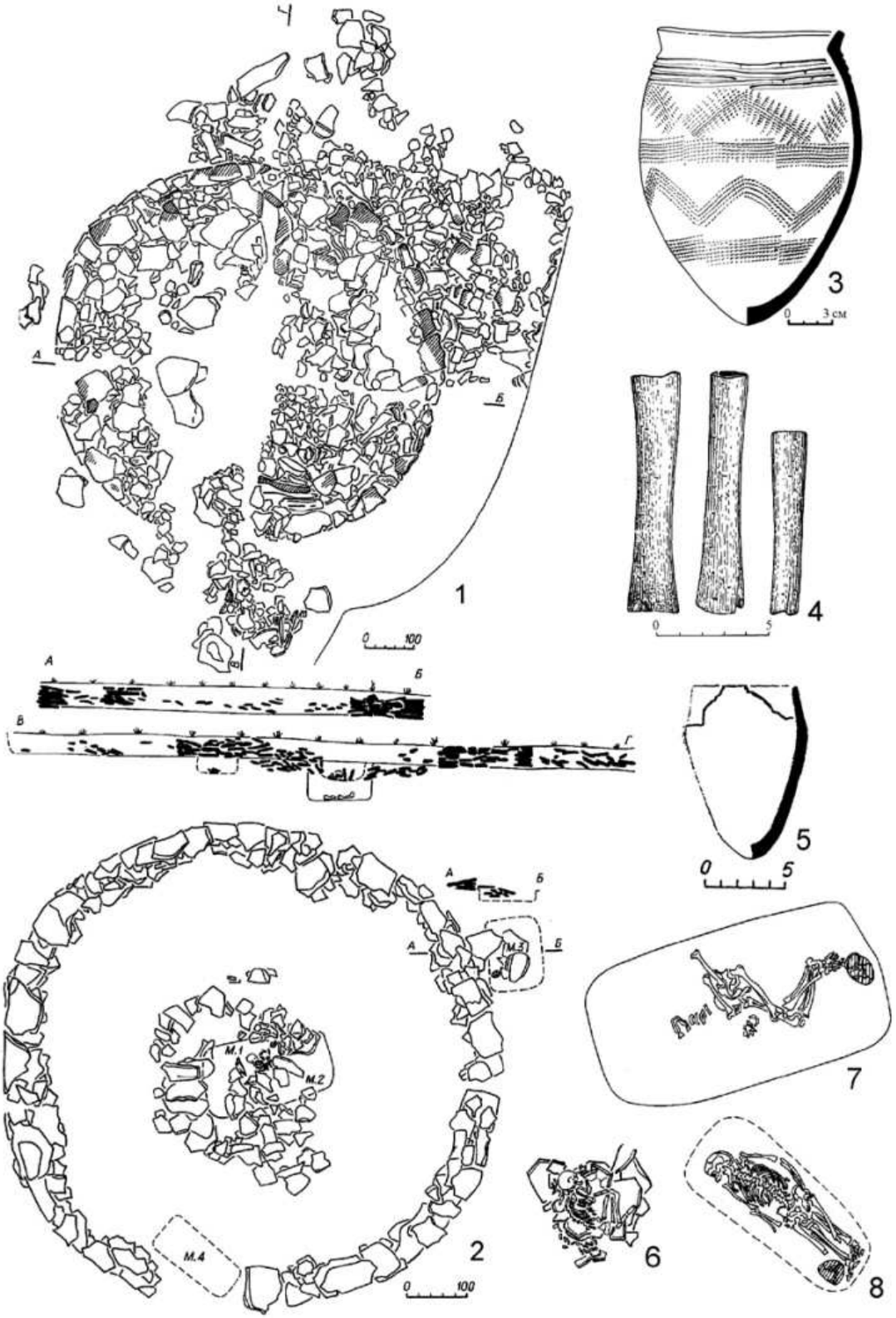

Рис. 108. Могильник Красный Яр I, ограда 10: *1* – чертеж и разрез кургана; *2* – курган после разборки развалов; *3* – сосуд из могилы 1; *4* – костяные трубочки из могилы 1; *5* – сосуд из могилы 3; *6* – чертеж могилы 1; *7* – могила 2; *8* – могила 3. По: Вадецкая, 1981, рис. 5; 14; 15

частично (орнамент покрывал половину или только верхнюю треть сосуда), а также без орнамента. Особую группу составляют «курильница» – вазочка с выступом-ручкой, высотой 10 см, с поддоном высотой 3 см и сосуд кубической формы, высотой 17 см, плоскодонный с широкими плечиками и узким горлом. Орнамент покрывает верхнюю половину сосуда и всю поверхность вазочки. Узор нанесен и на половине внутренней стороны вазочки в виде четырех рядов уголков палочки (Вадецкая, 1986а, рис. 11). Поверхность большинства сосудов прочерчена разным числом горизонтальных бороздок, между которыми нанесены оттиски короткого (4–7 зубцов) штампа, расположенного параллельными рядами или образовавшими елочку. Три сосуда с одинаковой орнаментацией встречены в разных могилах (рис. 106 -4; 107 -3, 4). Есть сосуды, покрытые оттисками длинного штампа (12–15 и более 20 зубчиков), образовавших шагаю-

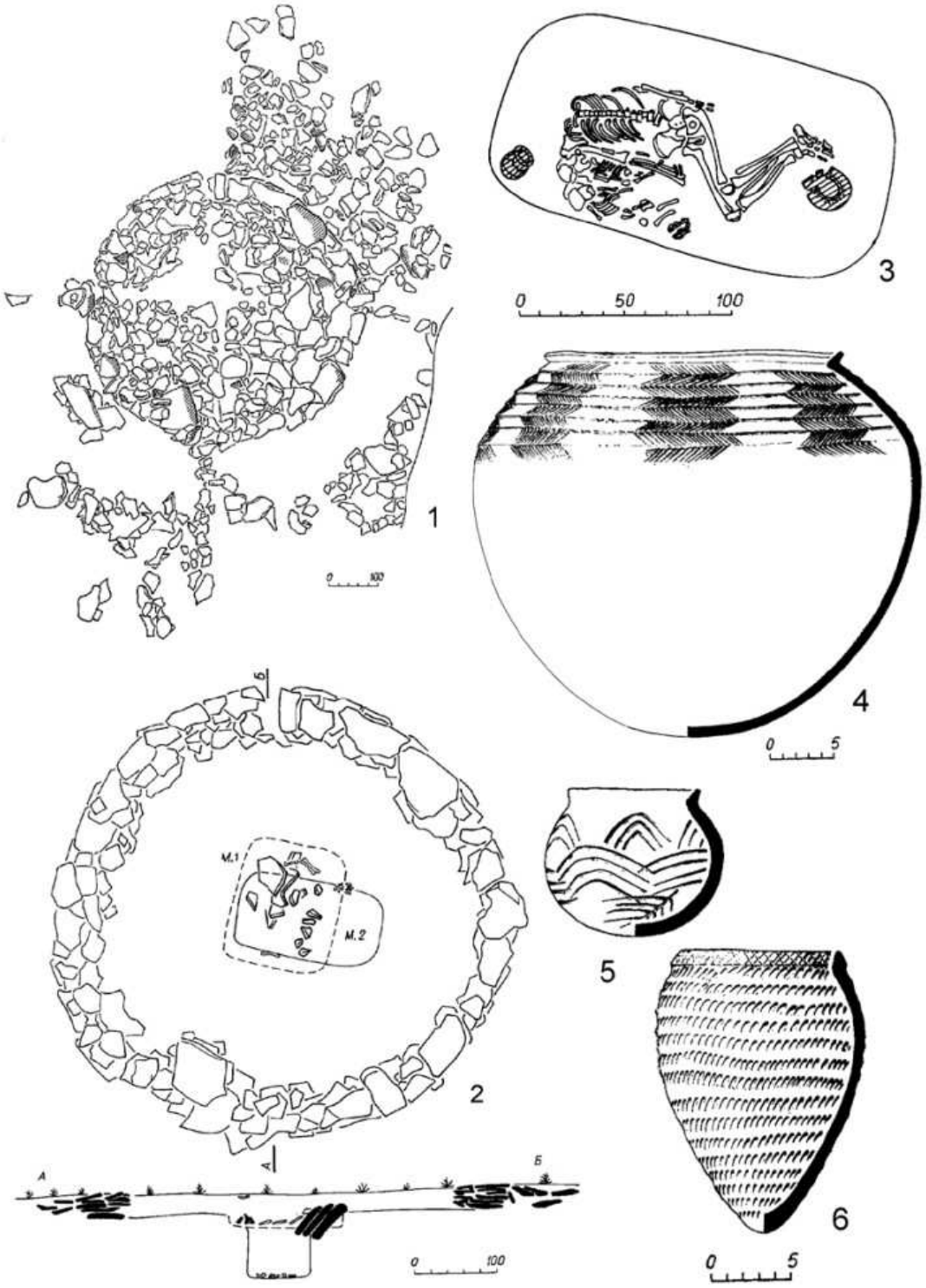

Рис. 109. Могильник Красный Яр I, ограда 11: *1* – чертеж кургана; *2* – чертеж и разрез кургана после разборки развалов; *3* – могила 2; *4–6* – сосуды из могилы 2. По: Вадецкая, 1981, рис. 6; 7; 14

щую гребенку. Встречается сочетание бороздок короткого зубчатого штампа и шагающей гребенки, а также ряды оттисков палочки или поверх бороздок отступающей палочки. Некоторые сосуды покрыты бороздками и между ними оттисками гладкой пластины, одними бороздками, зигзагообразными резными линиями. Оттиски зубчатого штампа использованы не только для нанесения горизонтальных линий, но и треугольников, и арок. Венчики сосудов чаще гладкие, реже имеют кресты, косые линии, оттиснутые теми же штампами. Внутренние стенки всех сосудов со следами сглаживания, возможно, пучком травы или штампом. Два сосуда имеют налепы. На одном они имитируют вымя и прилеплены к донышку в виде четырех сосочков. На другом прилеплены к венчику и покрыты орнаментом.

Помимо керамики, разнообразные, но единичные изделия оказывались в могилах случайно или составляли часть несохранившихся предметов. Каменная колотушка из заполнения могилы (огр. 6, м. 1) первоначально была среди камней покрытия. Длина колотушки 18 см, ширина 8–5 см, толщина 3–5 см. Кремневый наконечник стрелы, найденный в ногах взрослого человека вместе с сосудами (огр. 6, м. 2), видимо, переброшен с правой стороны груди, поскольку череп был вытащен вместе с правыми ребрами, в которых, видимо, застрял наконечник стрелы длиной 3 см (Левашева, 1962, с. 64, 68, рис. 4). Медные пластинки, найденные в двух могилах (огр. 6, м. 1; огр. 14, м. 1), являлись частями окантовок деревянных ларцов (рис. 104 -12). Они длиной 6–7 см, шириной 2,5 см. В них имеются дырочки с медными гвоздиками и кусочками дерева. Три костяных гвоздика являются частью инкрустации предмета (огр. 13, м. 1). Длина гвоздиков – стерженьков 1,5–2 см (рис. 111 -6). В основании они отшлифованы и окрашены охрой. Они похожи формой с заостренной палочкой, найденной около курильницы (огр. 5),

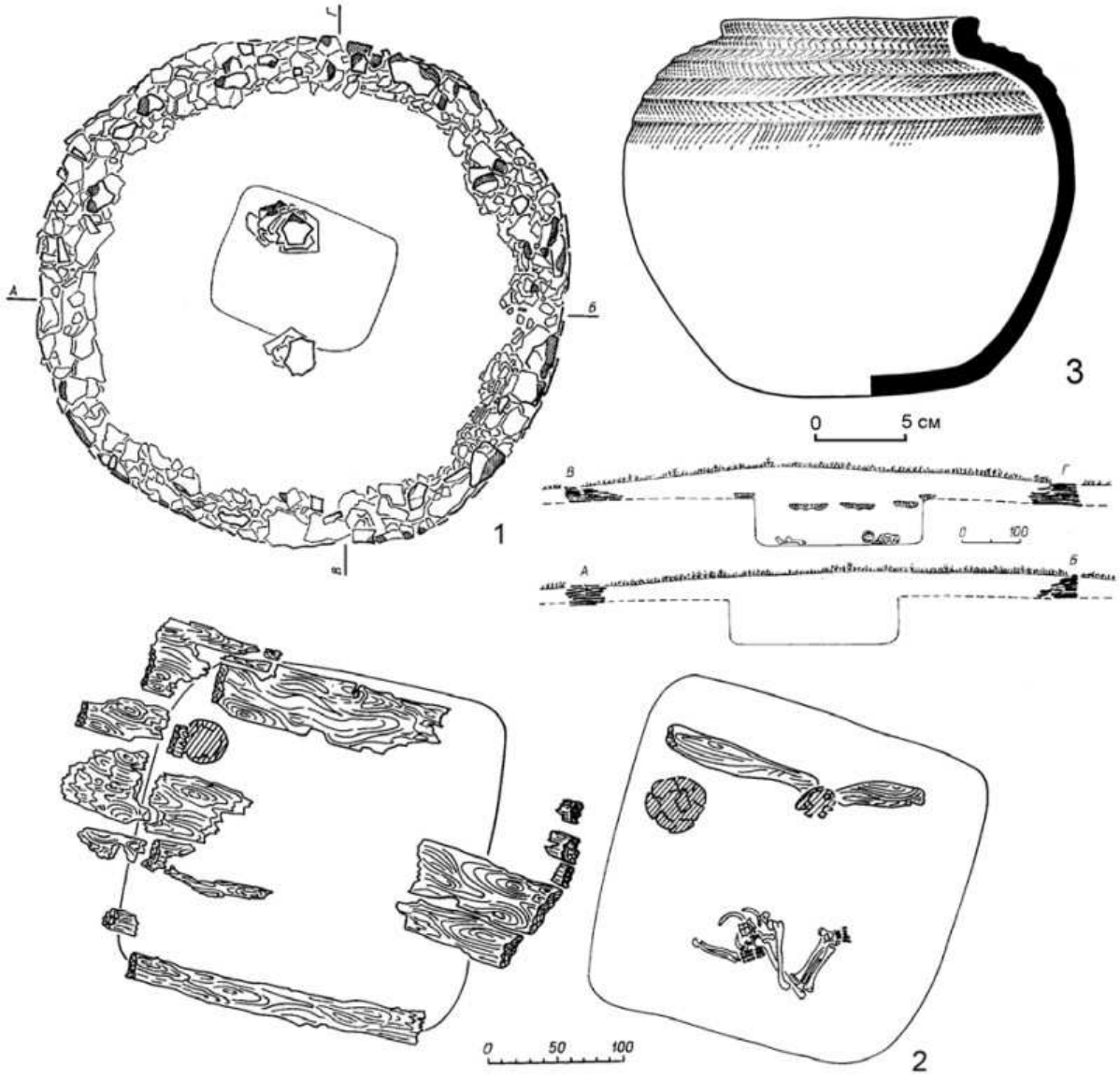

Рис. 110. Могильник Красный Яр I, ограда 12: *1* – чертеж кургана; *2* – могила; *3* – сосуд из могилы. По: Вадецкая, 1981, рис. 8; 14

но в 2 раза крупнее. Ее длина 4,8 см, толщина у основания 1 см, на острие 0,5–0,3 см. Палочка, видимо, использовалась для нанесения орнамента или охры на курильницу.

Специально положенных орудий труда может не быть. Нижний камень зернотерки лежит в ямке для выравнивания дна, кремневый скребок (огр. 7, м. 1) остался от выравнивания стенок ямы. Скребок имеет отчетливые следы употребления. Такими скребками могли обрабатывать также шкуры. Обломок бронзово-

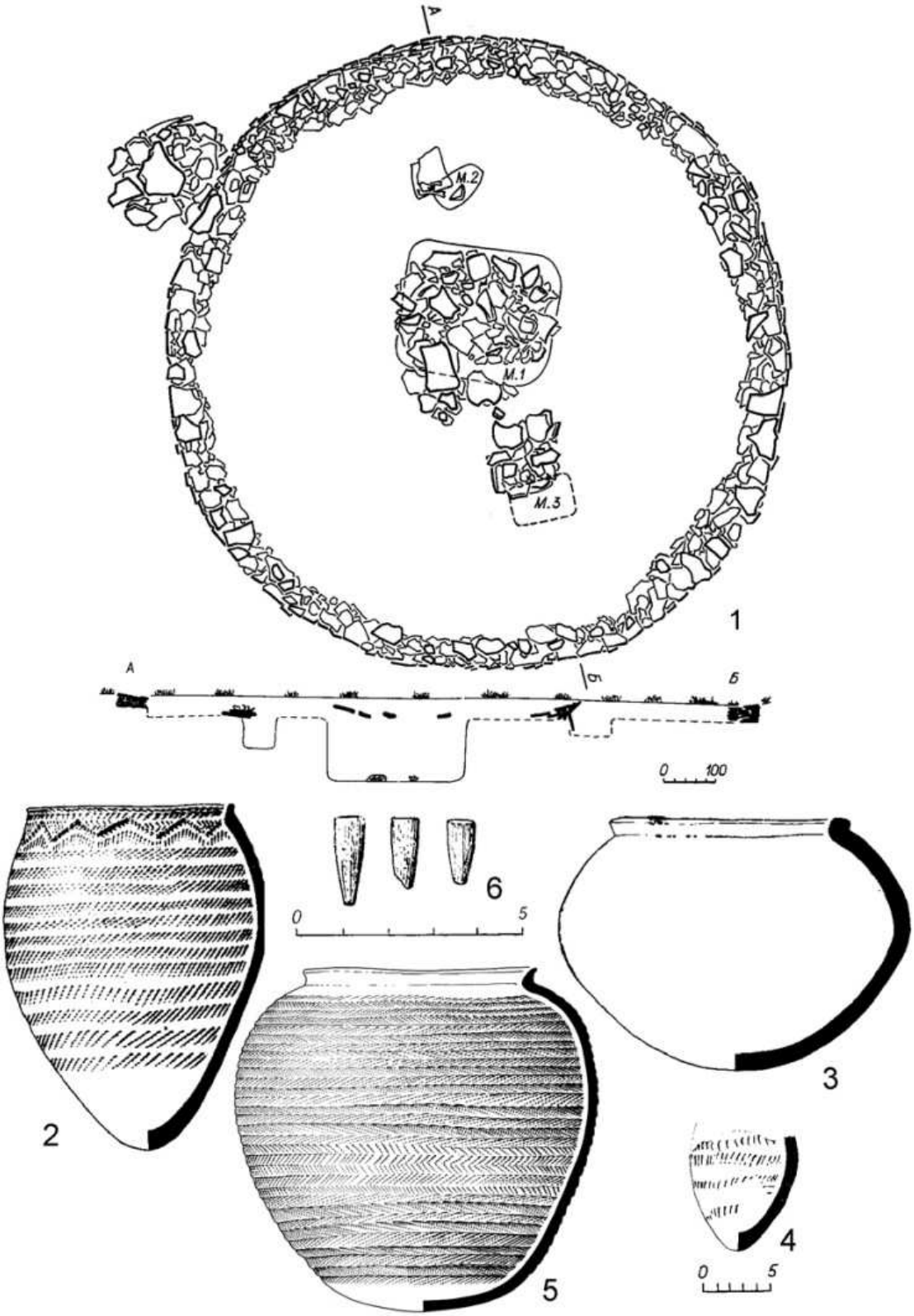

Рис. 111. Могильник Красный Яр I, ограда 13: *1* – чертеж и разрез кургана; *2–5* – сосуды из могилы 1; *6* – роговые гвоздики из могилы 1. По: Вадецкая, 1981, рис. 9; 12; 14; 15

го (?) шила (огр. 13, м. 1) мог быть утерян окуневцами при ограблении могилы. Однако все перечисленное найдено в могилах вместе с корчагами – большими круглодонными сосудами для общественных трапез.

Отражение социальных отношений. В двух могилах захоронены женщины 13–14 лет. В области живота одной из них находились косточки утробного младенца (огр. 9). Это свидетельствует о начале брачного возраста не позже 13 лет. Не разродившаяся женщина похоронена в паре с мужчиной 30–40 лет (огр. 9). Другая женщина – подросток похоронена с двумя новорожденными и младенцем в возрасте 3–6 месяцев. Независимо от того, кто из детей родной, это также косвенно подтверждает ранний брачный возраст, а к 30–40 годам рожали, видимо, редко.

Критериями знатности покойников в афанасьевских могильниках являлись размеры могилы, наиболее трудоемкие конструкции надмогильного сооружения и редкие изделия, в частности, курильницы и корчаги. Этими признаками наделена самая большая (площадь 10 кв. м) и глубокая могила (115 см) в ограде №5 для одного взрослого мужчины. Именно в ней найдены курильница с костяным стерженьком – палочкой и, помимо обычных остродонного и двух круглодонных сосудов, обломок неизвестного в других могилах прямоугольного блюдца с отвесными стенками. Это могила является основой восточной группы могильника, рядом с ней расположены 3 индивидуальные могилы (№2, 3, 12), в двух из которых также похоронены мужчины. Последняя (№12) площадью 7,5 кв. м для одного мужчины 40–50 лет под массивными бревнами покрытия. Мужчина лежал в южной половине ямы, 2 сосуда стояли в северной. Однако обширные могилы для могильника Красный Яр I являются недостаточным показателем общественной привилегированности мертвого. Здесь преобладают большие подквадратные ямы, в которых значительное пространство оставалось для вещей. Особенно это касается трех могил с корчагами.

В первой могиле ограды №7 (300х280 см), в юго-восточной половине похоронен взрослый и подросток (?), кроме корчаги, на другой половине поставлены еще 3 сосуда (рис. 105 -3–7) и, главное, к ним положены камень зернотерки и кремневый скребок (огр. 7, м. 1).

В могиле ограды №8 (290х280 см) в южной половине похоронены мужчина 40–50 лет и, предположительно, женщина. Им поставлены в северной половине корчага и 3 сосуда. Корчага с красочным орнаментом: 20 бороздок – веревочек окаймлены сверху арками, а снизу треугольниками из оттисков гребенчатого штампа (рис. 106 -5).

Могила 1 ограды №13 (270х230 см) сильно потревожена. В ней малочисленные мелкие обломки костей женщины 30–35 лет, взрослого мужчины, и подростка 10 лет. Обломок бронзового (?) четырехугольного шила с тремя костяными стерженьками был у западной стенки ямы, рядом с головой одного из погребенных, а три глиняных сосуда и берестяной сосуд или коробочка стояли у восточной стенки, ближе к центру корчага и миниатюрный детский сосудик (рис. 111 -2–5). В одной могиле (290х265 м, СЗ–ЮВ) с двумя взрослыми людьми, положенными в юго-западной половине, часть вещей первоначально ставили у северо-восточной стенки, а один сосуд в ноги одному из погребенных (огр. 1). Черепа отсутствовали (Левашева, 1962, рис. 2 -1).

Могильник ограблен неоднократно, но самыми ранними осквернителями были современники (соплеменники или окуневские племена). Основанием для такого предположения являются переброшенные до полного разложения тканей части трупов в двух могилах (огр. 1, м. 1; огр. 7, м. 1), что устанавливается по костям скелетов, которые находятся не на своих местах, но в сочленении. Еще из двух могил трупы до разложения тканей были полностью (огр. 3) или почти полностью (огр. 8) вытащены, хотя в могилах не было вещей, которые могли бы представлять интерес для грабителей спустя даже 3–5 лет, пока происходило разложение тела, т.к. положенные туда циновки, шкуры животных и подобное к этому времени были подпорчены. Вместе с тем, в трех могилах, где скелеты практически не потревожены (огр. 1, 2, 4, 6), нет ни черепов, ни их обломков или нижних челюстей (Левашева, 1962, с. 65, 66, 68, рис. 2 -1, 4). Самые сложные процедуры произведены с черепами в двух могилах (огр. 2; огр. 11, м. 2). В них черепа отделены от остальных костей и положены выше на 15–30 см от первоначального места. Лицевая часть одного черепа разрушена (Левашева, 1962, рис. 2, 3). Эти наблюдения позволяют, с одной стороны, видеть в этих людях перезахороненных, с другой, свидетельствуют о наличии в религии афанасьевских племен культа головы или черепа.

Хронология. Для внутренней хронологии могильника пока можно предположить, что индивидуальные могилы более ранние, а с совместными погребениями более поздние. Все индивидуальные могилы расположены в восточной основной группе могильника – ограды 2–3, 5, 10–12. Могилы, где похоронены совместно 2 взрослых, иногда с подростком, расположены в западной части этой группы (огр. 1, 6–9). Более поздняя дата для совместных захоронений в двух северо-восточных отдаленных оградах, образующих отдельное кладбище (огр. 13–14), казалось бы, подкреплена находкой бронзового (?) четырехгранного шила, но его афанасьевская принадлежность сомнительна.

Две рядом расположенные ограды западного участка могильника (7 и 9) имеют радиоуглеродные даты – 4080±40 и 4170±50 лет до н.э. Две ограды из восточного участка могильника (огр. 12 и 15) – 4240±60 и 4160±40 лет до н.э. Получается, что время сооружения между могилами от 10 до 80–90 лет.

Приблизительно устанавливается вертикальная хронология между афанасьевскими и окуневскими могилами. Последние располагаются внутри афанасьевских колец, на месте разобранных участков колец и в провалах каменных куполов над афанасьевскими могилами. Судя по состоянию обвалившегося к этому времени покрытия афанасьевских могил, окуневские могилы впущены приблизительно через 100 лет после сооружения афанасьевских.

Материалы из раскопок В.П. Левашёвой 1930 г. хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова; из раскопок Э.Б. Вадецкой 1969 г. в Государственном Эрмитаже, из раскопок 1972 г. в Красноярском краевом краеведческом музее.

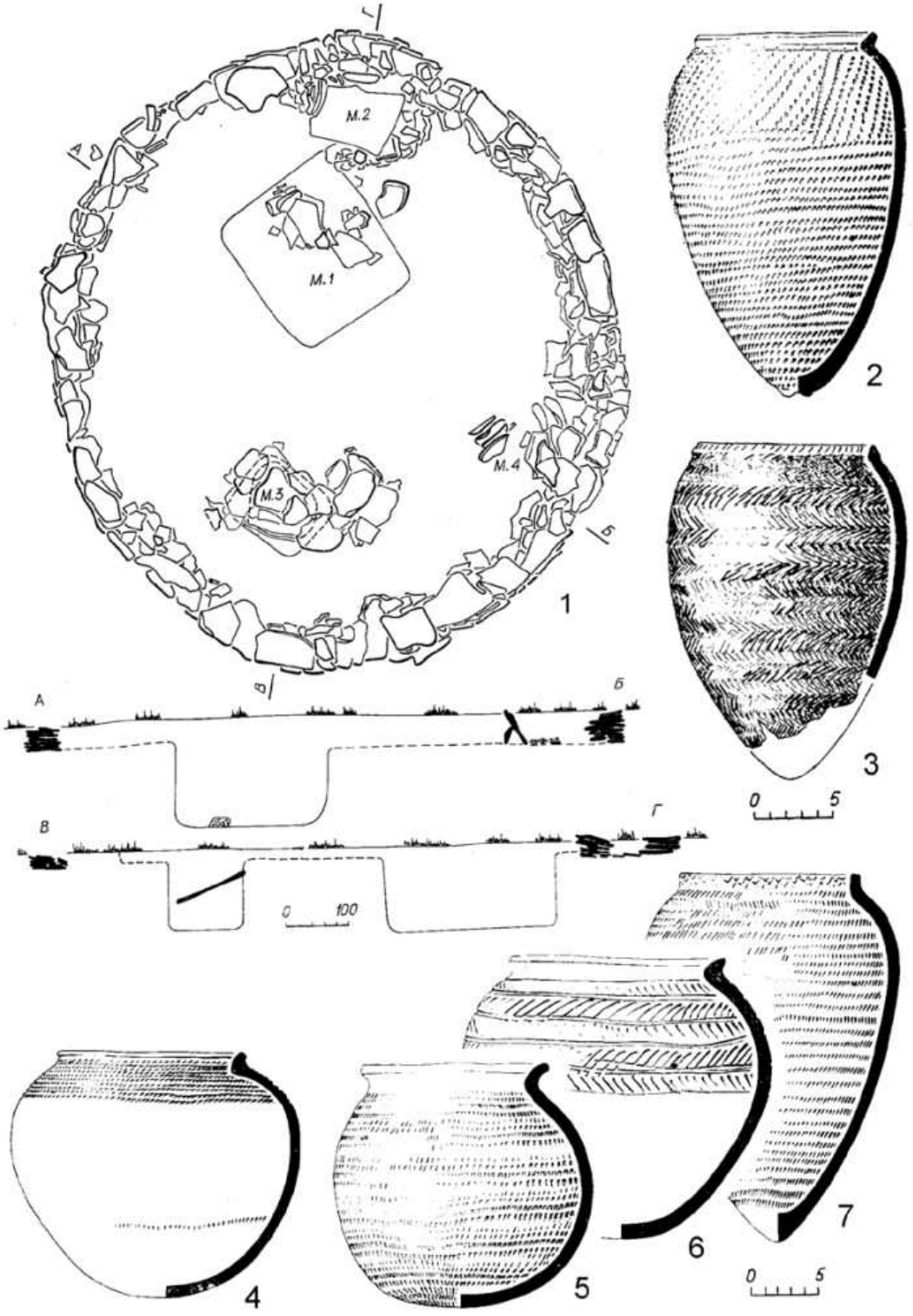

Рис. 112. Могильник Красный Яр I, ограда 14: *1* – чертеж и разрез кургана; *2, 6* – сосуды из могилы 3; *3–5, 7* – сосуды из могилы 1. По: Вадецкая, 1981, рис. 9; 12; 14

Левашева В.П. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 62–73.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск. 1981. С. 33–62.

7. Летник VI, могильник

Расположен на первой террасе левого берега Енисея между берегом и дорогой Абакан-Саяногорск, у пос. Летник, в 1,5 км к северо-востоку от аэропорта г. Саяногорска. В афанасьевских оградах есть единичные впускные окуневские могилы. На той же территории расположены тагарские курганы, часть из которых сооружены поверх раскопанных афанасьевских, а также средневековые.

Раскопки производили в 1973–1974 гг. Ю.И. Трифонов (№30), в 1975, 1979 г. М.Н. Пшеницына (№2, 3, 7, 25–29, 9), в 1978 г. А.С. Поляков (№10, 13, 14, 37). В 1972 г. Ю.И. Трифоновым был сделан план могильника, пронумерованы все видимые объекты, дано название по месту поселения – Летник VI.

Терраса, на которой находится могильник, сложена из мелких валунов и крупных галек, поверх светло-желтой супеси, видимо, являющейся древней поверхностью. Гальки, используемые в качестве строительного материала курганов, в свою очередь, покрыты слоем (40–50 см) светло-коричневой супеси. Для расчистки таких каменных конструкций струей сжатого воздуха впервые использовалась передвижная компрессорная станция. Предварительно дерновый слой и насыпь курганов срывались лопатами до уровня дневной поверхности. Оставлялась бровка шириной от 0,5 до 1,0 м, проходившая через центр ограды. После расчистки сооружения на поверхности оставались камни, которые, предположительно, сохранили свое первоначальное положение. Земляные холмики внутренним диаметром, преимущественно, 10–12 м, высотой до 70 см, где в основании видна оградка из валунов, сложенная в несколько рядов, оказались как афанасьевскими, так и тагарскими курганами.

План могильника, взаимоположение курганов и их группировка. Основное количество раскопанных курганов (8) расположено на площади 110х70 м. Здесь позднее сооружено всего 2 кургана тагарской культуры, под одним из которых раскопаны афанасьевские ограды. В 60 и 200 м к северу от этого кладбища было по одному афанасьевскому кургану среди тагарских, в 60 м к ЮЗ еще два. На северной и южной окраине кладбища находились 2 похожих кургана, состоящих из двух оград, с восточной стороны которых пристроены десятки детских могилок, а внутри оград располагались могилы старейшин.

Северный курган состоял из овальной ограды 29 с двумя могилами (мужчины и женщины) и круглой пристройки 28 с одной могилой (подростка). Мужчина похоронен в большой могиле площадью 5 кв. м (2,5х2 м, глубина 1 м) у юго-восточной стенки, на противоположной стороне корчага и оригинальный ладьевидный сосуд. Здесь, очевидно, был еще сосуд, от которого в заполнении найдены черепки, яйцевидный с ручками-ушками под венчиков. Яма для женщины обычных размеров (1,8х1,1 м, глубина 0,8 м) и без вещей, может быть, из-за сильного ограбления. Могилы покрыты сожженными бревнами, смыкающимися между собой. Над бревнами большие участки прокаленной земли, общей площадью 24 кв. м, занимавшие центральную часть всей ограды. Следовательно, они выкопаны одновременно. Позднее у северо-западного и юго-восточного борта ограды пристроены 2 могилки младенцев и постепенно еще 10 могилок снаружи ограды, пристроенные к ней вплотную или на расстоянии до 2 м. Все детские могилы от 60х50 до 140х80 см, глубиной от 20–30 до 50 см. Покрыты камнем. Сосуды в детских могилах яйцевидные, небольшие и миниатюрные, шесть из них с уплощенными донышками**.**

В ограде 28, пристроенной к предыдущей ограде, в небольшой яме (140х100х85 см) захоронен подросток 12–14 лет с шаровидным сосудом без орнамента в ногах. Верхняя часть скелета нарушена. Под каменной выкладкой на борту могилы миниатюрный сосудик шаровидной формы с двумя ушками для подвешивания. Внутри него кусочки охры для окрашивания тела или несохранившегося изделия. В насыпи, при снятии дернового слоя, обнаружен фрагмент от стенки глиняного сосуда с орнаментом – остатки тризны.

Южный курган 9 также состоял из двух оград, которые закрывала насыпь тагарского кургана, поэтому они не получили общей нумерации**.** В одной ограде в большой могиле, площадью 4,5 кв. м (2,2х2,1 м, глубина 1,1 м), похоронена женщина 40–60 лет, которой поставлена корчага. Снаружи восточной стенки ограды располагалось 14 дополнительных детских могил. Размеры могилок от 60х55 до 90х75 см, глубина 25–35 см. Покрыты валунами и галькой. В большинстве из них по яйцевидному сосуду, небольшому или миниатюрному. Всего 10 сосудов. Самый интересный целый глиняный сосудик с уплощенным дном и двумя ушками для подвешивания, украшенный по тулову резным елочным орнаментом. Во второй ограде могила чуть меньшего размера (2,1х1 м), глубиной 0,8 м, где похоронена женщина 25–40 лет. В ногах умершей установлен шаровидный сосуд, внутри которого яйцевидный сосуд без орнамента.

Справа и слева от северного кургана (с оградами 29–28) расположены захоронения людей, видимо, осуществляющих культовые функции.

Справа курган состоит из ограды (№2) и пристройки (№3), в которых похоронены только женщины. В ограде 2 могилы. Особый статус погребенной в одной из них доказывается большой площа-

дью могилы 6 кв. м (3,1х2 м), хотя кроме женщины захоронен лишь ребенок до 2 лет, положенными ей большими кусками мяса (лопатка, бедро и др.). На это указывает и серебряная серьга в виде проволочной спирали в 2,5 оборота. Других вещей, помимо черепков сосуда без орнамента, не сохранилось. Женщина уложена вдоль южной стенки ямы. Вторая могила в ограде, очевидно, выкопана позднее первой, она не параллельна ей и бревенчатый настил на ней не сожжен. Очевидно, на нем не было ритуального костра. Видимо, изменялась и ограда. Площадь могилы 9 кв. м (3,2х3,1 м), глубина 0,7 м. В ней похоронена женщина 25–40 лет. Здесь были фрагменты курильницы и кости животного (мясная пища). Находки и площадь могилы отражают статус покойницы. В выкладке, помимо впускной могилы, находилась одна афанасьевская могила сравнительно небольшого размера (2х1,4 м) для двух женщин 22–24 и 20–25 лет и ребенка 7–8 лет. С ними положены курильница и 2 яйцевидных сосуда, один миниатюрный. Рядом с могилой, в ямке, ритуальный квадратный миниатюрный сосудик с двумя ушками для подвешивания.

Слева от кургана расположена одиночная ограда (№25) с могилой площадью 3,5 кв. м (2,1х1,6 м), в которой похоронены двое мужчин, покрытых плотным слоем охры. В ногах постановлены 2 шаровидных круглодонных сосуда с оригинальной орнаментацией. Один украшен по тулову оттисками гребенчатого штампа в виде косых крестов, другой волнообразными линиями, нанесенными штампом. С ними курильница на 4-х ножках с боковой ручкой.

Южный курган окружен с севера тремя одиночными оградами (№26, 27, 7), с юга к нему почти примыкает ограда 10. В них по одной основной могиле преимущественно с одним взрослым погребенным, которому поставлен один сосуд. Исключение составляет ограда 7, в которой похоронены 2 женщины и ребенок, где 2 сосуда для взрослых и один миниатюрный для ребенка, выброшенный из могилы и найденный в насыпи. Сопровождают эти оградки рядового населения от одной до трех могилок младенцев изнутри ограды (№10), снаружи (№7) или с обеих сторон ограды (№27).

Отдельную группу образуют две ограды в 60 м к Ю от южного края кладбища. В них по одной женской могиле. В одной (№13) две женщины 25–40 и 40–60 лет, с двумя сосудами, в другой (№14) одна женщина. В насыпи 2 обломка от курильницы и фрагмент яйцевидного сосуда, а за пределами оградки детская могилка с миниатюрным сосудом яйцевидной формы с уплощенным дном и ногтевым орнаментом по тулову, как на окуневской керамике.

В 60 м за северной окраиной кладбища находятся 2 тагарских кургана, под одним из которых (м. 30) раскопана афанасьевская ограда с одной разрушенной могилой, где были кости взрослого человека и обломки корчаги. Внутри ограды 2 детские могилы с миниатюрными сосудиками. В ограду впущен каменный окуневский ящик, в котором погребенный лежал головой на СЗ. При нем сохранился квадратный сосудик с двумя ушками, каменный шар, подвеска из зубов животного, а за оградой собраны, видимо, из того же ящика каменный топор, курильница, бронзовые шило и листовидный нож (Вадецкая, 1986а, с. 40, №41).

В 150 м к С от этого кургана и в 200 м от северной окраины основного кладбища расположена одна афанасьевская ограда (№37), окруженная тагарскими курганами. Афанасьевская ограда была использована не только для окуневской впускной могилы, но и тагарской. Большая яма оказалась с коллективным захоронением 3–4 взрослых людей, а, вероятнее, частей этих людей, поскольку на дне сохранились преимущественно черепа и небольшое количество костей. Сначала погребенные были уложены в южной половине ямы, сосуды в северной. От этого положения сохранились ноги и рука одного человека, уложенного вдоль юго-восточной стенки, головой на ЮЗ. На первоначальное размещение вещей указывают корчага и один сосуд. При ограблении могилы часть костей скелета переброшена на сторону керамики, части двух сосудов смещены к ногам покойников. Большинство костей и черепков выброшено из могилы и позднее оказались в заполнении ямы или в насыпи кургана. Всего в могиле собрано целыми или фрагментами корчага и 6 сосудов, а также 3 сосуда в заполнении. Наиболее редкими формами являются небольшие орнаментированные банки: одна широкая с ушками-выступами, расположенными под венчиком, и орнаментированным плоским дном, а также 2 узкие банки яйцевидной формы с уплощенным дном. К афанасьевскому времени относятся еще не менее 3 сосудов, черепки которых найдены в насыпи, миниатюрный сосудик, а также каменные колотушка, пестик, ступка, оселок.

На юго-восточном борту могилы, не нарушив ее границы, видимо, покрытие было еще видно, на глубине 25 см от уровня древней поверхности похоронена женщина (?) 40–60 лет на правом боку, скорченно, головой на ЮЗ. Справа от скелета сосуд баночной формы с орнаментом по тулову и дну. В области грудной клетки костяные игольник с иглой и бронзовое четырехгранное шило. Погребение относится к окуневской культуре.

Конструкция погребальных сооружений. Исследовано 15–16 оград с 14–18 могилами взрослых. Всего, по сведениям М.Н. Пшеницыной, могил 53. Для взрослых вырыты прямоугольные ямы размерами в среднем 2,5х1,5 м и глубиной от 0,8 до 1м. На их бортах сохранились остатки бревен от накатов,

покрывавших яму вдоль длинных стенок в направлении СВ–ЮЗ. Судя по ориентации длинных стенок ям и бревен покрытия, все могилы выкопаны летом. Бревна поверх ям были длинными, на бортах они сохранились на величину от 50 до 100 см и более (огр. 2, 7, 25). Еще большего размера угольные пятна от горевших бревен покрытия, которые достигают до половины внутренней площади ограды и даже заходят за нее, а внутри небольших оград занимают всю площадь (огр. 29, 28). Поверх бревен в несколько рядов укладывались валуны и гальки. Каменные надмогильные сооружения в некоторых больших оградах сохранились частично или почти до ограды. Расстояние между предполагаемой оградой и каменным сооружением бывает настолько небольшим, что вызывает сомнение в том, что воздвигалась ограда вокруг могилы, а не крепида, которая сдерживала от развала каменное сооружение из валунов. В пользу крепиды свидетельствуют отсутствие, как правило, дополнительных могилок внутри оград и, напротив, их расположение снаружи, вплотную к ограде или на расстоянии до 2 м от нее. Детские могилки – овальные ямки размерами от 60х50 см до140х80 см, глубиной от 20–30 до 50 см. Они были покрыты валунами и галькой поверх, видимо, легкого покрытия из бересты, циновок, прутьев и т.п.

Для выкапывания ям использовались каменные орудия. В частности, в могиле ограды 37 найдены колотушка и фрагмент песта, в насыпи вторая колотушка и пестик.

Погребальный обряд. В могилах похоронено по 1–2 человеку, со взрослым и ребенком, с двумя взрослыми и ребенком. Из-за сильной потревоженности кости скелетов и фрагменты сосудов, в основном, находились в заполнении, поэтому позы людей и размещение сосудов устанавливаются редко. Лишь трижды они фиксируются почти по полному скелету (огр. 25, 28, 29), однажды по нижней его части от тазовых костей (огр. 2), а чаще по остаткам ног. Во всех установленных случаях первоначальная поза была на спине с согнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ, а горшки помещены в ногах или на противоположной стороне ямы. Младенцам, как правило, ставили по миниатюрному горшочку, который сохраняется чаще, чем косточки. Куски мясной пищи положены в исключительных случаях (огр. 2–3). Особенностью похоронного ритуала был большой костер, который разжигали на бревенчатом накате могилы. От него осталась сожженная земля, как под накатом, так и за его пределами. Возможно, что черепки сосудов, найденные в насыпи, были от поминальной тризны. Курильницы, в которых сжигали благовония, найдены и в могилах, и около них. В могилах они поставлены колдунам в качестве атрибута их деятельности (огр. 2, м. 2; огр. 25). Те же, что остались на борту ямы или в обломках в поминальном костре, видимо, использовались для ритуальных действий в процессе похорон (огр. 3; 14). Все могилы взрослых и большая часть могил детей выкопаны в летнее время. Младенцев хоронили в отдельных могилках, как правило, за пределами ограды в мелких ямках.

Керамика и инвентарь. Инвентарь представлен серебряной проволочной серьгой в 2,5 оборота и каменными орудиями (2 колотушки и песты). Кроме того, в могиле ограды 3 найдена бронзовая (?) проколка, вызывающая сомнение в ее принадлежности к афанасьевской культуре. Возможно, она обронена грабителями.

Серия керамики состоит из более чем 60-ти сосудов. 44 из них целые или восстановлены. Преобладают небольшие и миниатюрные яйцевидные сосуды с заостренным или плоским донышком. Три таких сосуда имеют под венчиком две ручки-ушки, и один орнаментированное дно (Пшеницына, 2011, рис. 1 -14, 25, 28). Миниатюрные изделия, как правило, положены детям. Менее 10 шаровидных сосудов среднего размера. Крупные изделия единичные. Среди них один яйцевидный, а также шаровидная и реповидная корчаги. К ритуальным сосудам относятся 3 миниатюрных квадратных сосудика с ручками-выступами на уровне венчика и чуть ниже, ладьевидный сосудик и 5 вазочек – курильниц на ножках (Пшеницына, 2011, рис. 1 -3, 21, 23, 27, 38, 39, 41). Один квадратный сосудик имеет орнамент, имитирующий, по мнению М.Н. Пшеницыной, сшивание дна сосуда со стенками (Пшеницына, 2011, рис. 1 -2). Ладьевидный, овальный в плане, покрыт по всей поверхности косыми насечками и желобками (Пшеницына, 2011, с. 270, рис. 1 -27). Одна целая курильница на овальном поддоне без ручки. Ее высота 8 см, диаметр чаши 12,5 см, глубина 4,5 см, высота поддона 2 см, его ширина 10 см. Орнамент резной в виде горизонтальных линий, образующих елочку. Такой же орнамент на дне поддона (Вадецкая, 1986б, рис. 20). Вторая курильница массивная, имеет боковую ручку с двумя дырочками для подвешивания и 4 ножки, вырезанные на поддоне. Высота курильницы 9 см, диаметр чаши 12 см, глубина чаши 6 см, высота ножек 2,5 см. Орнамент составляют 5 прорезанных глубоких горизонтальных линий и частые мелкие вертикальные линии (Вадецкая, 1986б, рис. 21). Две курильницы по форме одинаковые, высотой 10,8 см, с широкими открытыми вазочками диаметром 16–14 см, глубиной 5,5 см и узким поддоном высотой 3 см (Вадецкая, 1986б, рис. 17, 18). От пятой курильницы сохранились 2 обломка чаши (Вадецкая, 1986б, рис. 19). Все курильницы покрыты горизонтальными линиями оттисков длинного гребенчатого штампа. Одна из курильниц (фрагмент) орнаментирована изнутри решеткой из пересекающихся резных линий.

Отражение социальных отношений. Антропологические определения взрослых людей для большинства могил (огр. 2, 3, 7, 25, 26, 27, 28, 29) сделаны В.П. Алексеевым, для меньшего числа (огр. 9, 13, 14, 37) М.П. Грязновым. Индивидуальных могил взрослых людей 12. В них 9 женщин, 1 мужчина, 1 взрослый (пол не определен), 1 подросток 12–14 лет. Таким образом, женщин значительно больше, чем мужчин, во всех группах могильника. На его основной площади захоронены всего трое мужчин, причем в двух рядом расположенных курганах (25 и 29), где захоронены нерядовые люди.

В могиле ограды 25 в ногах двух мужчин поставлены 2 шаровидных круглодонных сосуда с оригинальной орнаментацией и курильница на 4-х ножках с боковой ручкой. Признаком принадлежности мужчин или одного из них к религиозным деятелям является не только курильница, но и то, что их тела были покрыты плотным слоем охры. Подобного обряда не произведено ни с одним другим покойником. В ограде 29 мужчина положен у юго-восточной стенки ямы, а на противоположной стороне поставлена корчага и оригинальный ладьевидный сосуд. Он вместе с корчагой и большой площадью ямы (5 кв. м) для одного покойника отражает его высокий общественный статус. Видимо, неслучайно мужскую могилу сопровождала могила женщины обычных размеров и без вещей. Она выкопана одновременно с мужской могилой и была закрыта с ней одним накатом. В ограде 9 в могиле большой площадью 4,5 кв. м похоронена женщина 40–60 лет, которой поставлена корчага.

Однако не только курильницы и корчаги определяют высокий общественный статус покойников. Показателями могут быть положенные умершим большие куски мяса, серебряная серьга в ухе, много вещей положенных в специальной части ямы. При этом всегда выкопана крупная яма, в частности, 6 и 9 кв. м (огр. 2, м. 1–2).

Хронология. Окуневские могилы не нарушали афанасьевские. Разграбление афанасьевских могил, видимо, началось лишь в тагарскую эпоху. Очевидно, окуневцы видели надмогильные афанасьевские сооружения и воспринимали их как чужие могилы. Керамика отражает влияние окуневской культурной традиции на формы детской и культовой керамики – яйцевидные сосудики с плоскими донышками, миниатюрная банка с ушками-ручками. Предположительно, это достаточно поздний могильник, соответствующей началу культурной ассимиляции афанасьевского населения окуневцами. Об этом говорят отличия по основным признакам по сравнению с другими афанасьевскими кладбищами. Так, здесь почти одинаковое число индивидуальных и совместных захоронений, сильная дифференциация общественного положения среди погребенных. Однако, главное, могильник имеет локальные особенности. Это прослеживается в устройстве жертвенных костров на покрытиях могил, в керамике – специфическими небольшими яйцевидными сосудами и появлением новых миниатюрных форм сосудов.

Эти наблюдения не соответствуют радиоуглеродным датам, согласно которым могильник один из наиболее древних – 3330–2704 гг. до н.э. (суммарный результат по четырем калиброванным радиоуглеродным датам). Все образцы для дат взяты из рядом расположенных оград на южной окраине среди тагарских курганов. Три даты из одной ограды 14, где над могильной ямой прослежены остатки обуглившихся бревен от наката, закрывавшего ее. Две даты одинаковые 4410±50 (Ле-1612 и Ле-2116), третья 4380±50 (Ле-2115), что может соответствовать разнице в возрасте бревен. Дата образца из ограды 13 на 110–160 лет моложе (4250±40 – Ле-1611), хотя она рядом расположена с оградой 14 и, главное, ни на могиле, ни в ее заполнении не сохранилось остатков деревянного покрытия, откуда якобы взяты анализы (Поляков, 2010, с. 163, 170).

Место хранения материалов: Музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, г. Кемерово.

Пшеницына М.Н. Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. 2011. Т. I. С. 267–270.

Пшеницына М.Н. Статья в Приложении к данному своду. С. 346–368.

8. Малиновый Лог, могильник

Могильник расположен под дюнами на правом берегу р. Енисей, в 3 км ниже по течению от горы Тепсей, на высокой террасе, в конце Малинового Лога (рис. 113 -1). К 1977 г. под дюнами обнажились 5 оград. Четыре ограды раскопаны Н.А. Боковенко в 1977 г., а пятая в 1989 г. На поверхности ограды едва прослеживались по горизонтально лежащим плитам и камням. Впервые были выявлены особенности устройства каждой ограды, определено не только первичное положение трупов в могиле, но и вероятность перезахоронения некоторых из них.

*Расположение курганов на могильнике***.** Ограды расположены тремя группами, под которыми, возможно, скрываются отдельные семейные кладбища. Южная группа состоит из двух оград, к одной из которых сделана пристройка (рис. 113 -2). Одна ограда (№1) диаметром 8,5 м, первоначально высотой до 1 м. В ней большая могила площадью 8 кв. м (3,2х2,5 м, ЮЗ–СВ), глубиной 1 м от древней поверхности, выкопанная для одного человека (рис. 113 -3). Это была пожилая женщина, уложенная вытянуто на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Сохранившиеся кости и их положение позволяет предположить, что тело во что-то упаковано и, может быть, было перезахоронено, поскольку все

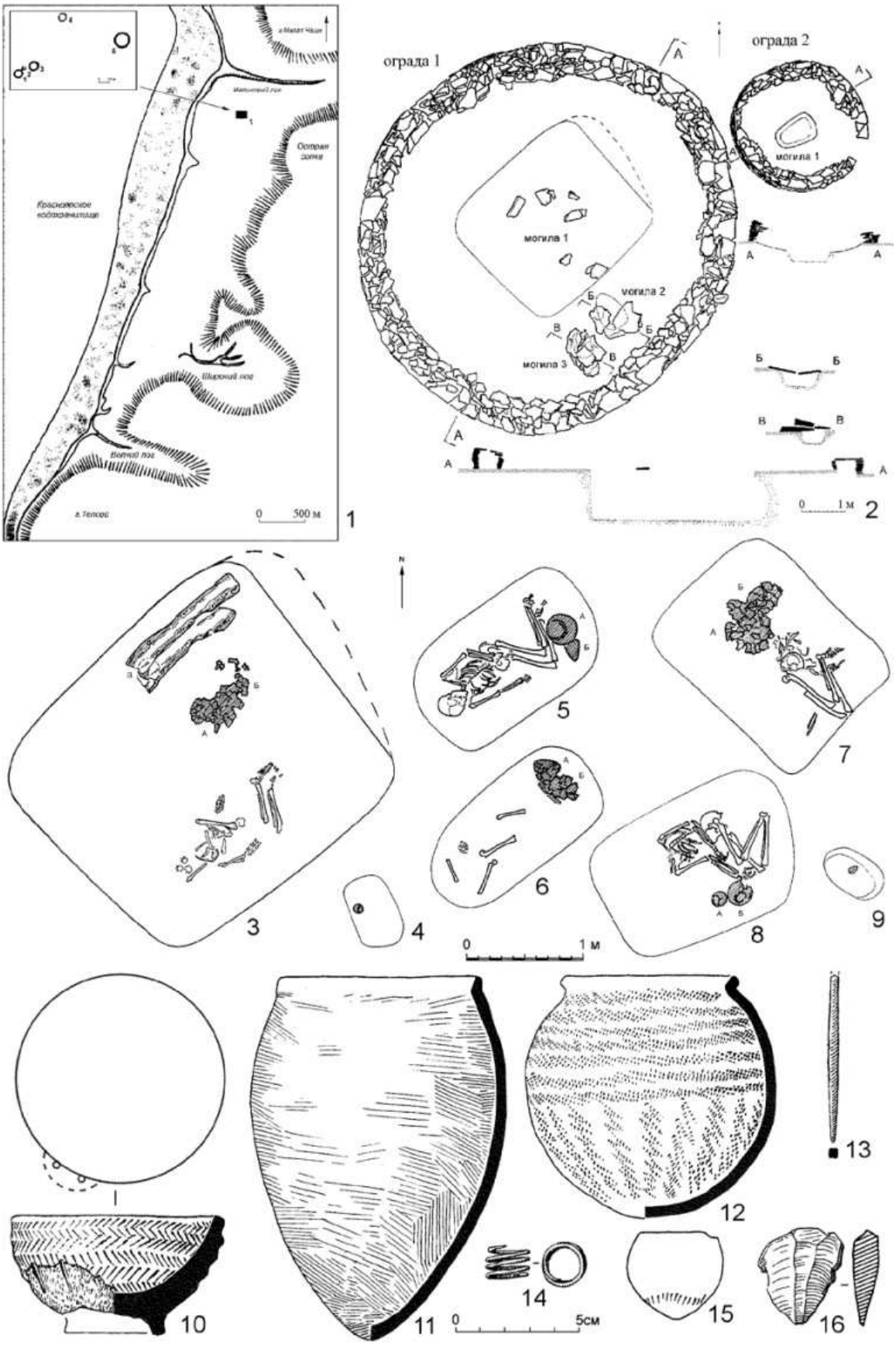

Рис. 113. Могильник Малиновый Лог: *1* – местонахождение и план могильника; *2* – планы и разрезы оград 1 и 2; *3* – могила 1, ограда 1; *4* – могила 3, ограда 1; *5* – могила 1, ограда3; *6* – могила 2, ограда 3; *7* – могила 3, ограда 3; *8* – могила 1, ограда 4; *9* –могила 2, ограда 4; *10–14* – находки из могилы 1, ограды 1; *15* – сосуд из могилы 3, ограды 1; *7* – кремневый отщеп найденный среди камней ограды. По: Боковенко, Митяев, 2010, рис. 2–5

длинные кости в анатомическом порядке, а остальные сдвинуты к груди. Черепа не было, но осталась серебряная серьга в 4 витка (рис. 113 -14). Следовательно, голова была в могиле, а позже она или череп вытащены грабителями. В грудной части скелета лежало бронзовое (?) шило, которым женщина могла быть убита (рис. 113 -13). Женщина положена в юго-восточной половине ямы, в северо-западной стояли вещи, из которых остались 3 сосуда – яйцевидный, шаровидный и курильница (рис. 113 -10–12). Могила закрыта частично сохранившимися бревнами и поверх них плитами. Внутри ограды, около ее восточной стенки, выкопаны 2 ямки глубиной 20–30 см для младенцев. Они закрыты плитками. В одной сохранился миниатюрный яйцевидный горшочек (рис. 113 -15).

К большой ограде примыкает оградка (№2) с практически пустой могилой грудного младенца (95х60 см). В 7 м от нее расположена ограда 3, неровных очертаний: северная ее часть сложена по кругу, а южная подквадратной формы (рис. 114 -1). При расчистке внутренней стороны северо-восточной части ограды, на глубине 17 см, найдены обломки миниатюрного сосудика (рис. 114 -8). В северной половине ограды 2 параллельные (ЮЗ–СВ) могилы с сильно закругленными углами (170х100 см и 165х80 см), глубиной 70–80 см от древней поверхности (рис. 113 -5, 6). Они, видимо, были выкопаны одновременно, поскольку между ними всего 30 см. Северная могила (№2), с остатками скелета женщины? (12–15 лет) и ребенка 7 лет, сильно ограблена. Тем не менее, установлено, что 2 сосуда поставлены в ногах погребенных. Один шаровидный, второй яйцевидный с плоским дном (рис. 114 -4, 5). В центральной могиле (№1) ненарушенное погребение женщины 25–40 лет на спине с поднятыми вверх коленями. Правая рука вытянута вдоль туловища, Левая согнута в локте, кисть лежала на животе. В ноги также поставлены шаровидный и яйцевидный сосуды (рис. 114 -2, 3). Через несколько лет, осенью, южнее уже развалившегося надмогильного сооружения обеих могил была выкопана третья могила (170х130 см, СЗ–ЮВ), такой же глубины для мужчины старше 60 лет, уложенного на спине с поднятыми в коленях ногами, головой на СЗ (рис. 113 -7). Правая рука вытянута вдоль туловища. Не потревоженными остались кости ног и правой руки. У несохранившейся головы остались 2 развалившихся сосуда, яйцевидный и шаровидный (рис. 114 -6, 7).

Итак, в двух южных оградах, принадлежащих, очевидно, одной семье, захоронены 4 взрослых людей (пожилые женщина и мужчина, женщина зрелого возраста, юная 15 лет), ребенок 7 лет и 3 младенца.

В 46–50 м к СВ от вышеописанной группы расположена одиночная ограда внешним диаметром 7,5 м, шириной до 1,5 м, высотой 60–80 см (рис. 114 -9). За оградой найдены предметы, использовавшиеся при строительстве ограды, обломок грубого остроконечника, напоминающего копье, каменная колотушка из гальки и сланцевое скребло (рис. 114 -10–12). В центре ограды могила (180х120 см, ЮЗ–СВ) глубиной 80 см, где похоронена пожилая женщина на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ (рис. 113 -8). Женщина положена у северной стенки, а у южной поставлены шаровидный сосуд и курильница (рис. 114 -14–15). По мнению автора раскопок Н.А. Боковенко, первоначально руки женщины обхватывали колени. Следовательно, не исключено, что тело было сначала помещено в сидячем положении в мешке, а затем перезахоронено. Подтверждением может служить отсутствие черепа, хотя все остальные кости в анатомическом порядке, и следы ограбления могилы отсутствуют. Яма закрыта бревнами площадью 5,5 кв. м (3х1,8 м) и плитами. С учетом сохранившейся ширины ограды и деревянного покрытия, каменное надмогильное сооружение покрывало всю территорию внутри ограды, которая служила его крепидой. Лишь в одном месте у ограды под плитками в ямке (55х35х30 см) захоронен новорожденный (рис. 113 -8; 114 -13).

Одиночная ограда 5 расположена в 50 м к ВЮВ от ограды 4 и в 75 м к СВ от ограды 3 (рис. 115 -1). Она диаметром 14 м, шириной до 1,8 м и сохранившейся высотой 30–100 см. Внутри могила площадью 9 кв. м (2,7х3,1 м) для одного взрослого мужчины (рис. 115 -2). Яма закрыта длинными бревнами, толщиной 30–35 см, и поверх них плитами и камнем. Размер бревенчатого покрытия в 2 раза превышающий размеры ямы, вместе с каменным надмогильным сооружением составляет 2/3 внутренней площади ограды, может быть и больше, поэтому 5 могилок для грудных младенцев сооружены не внутри ограды, а за ее пределами (рис. 115 -3–6).

Мужчине отведена юго-восточная половина ямы, а противоположная была предназначена для вещей. Первоначально он был положен на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Позднее, при разложении тканей, труп завалился вправо и из него выпали к стенке ямы два обломанных наконечника стрел, кремневый и костяной (рис. 115 -7, 9). Очевидно, труп был упакован в интенсивно окрашенную охрой циновку, поскольку остатки красной охры прослежены на разных частях скелета – на грудной клетке, плече, ногах. За исключением черепа и шейных позвонков, скелет был в анатомическом порядке. Лишь один шейный позвонок и левая ключица оказались перемещены с первоначального места, видимо, сусликами. На другой стороне ямы сохранились 2 сосуда, яйцевидный и шаровидный. Оба красного цвета (рис. 115 -8, 10). Снаружи ограды, в 1–1,5 м от нее и на глубине 25–50 см, были 5 пустых детских могилок в ямках и одна в каменном ящике под плитами.

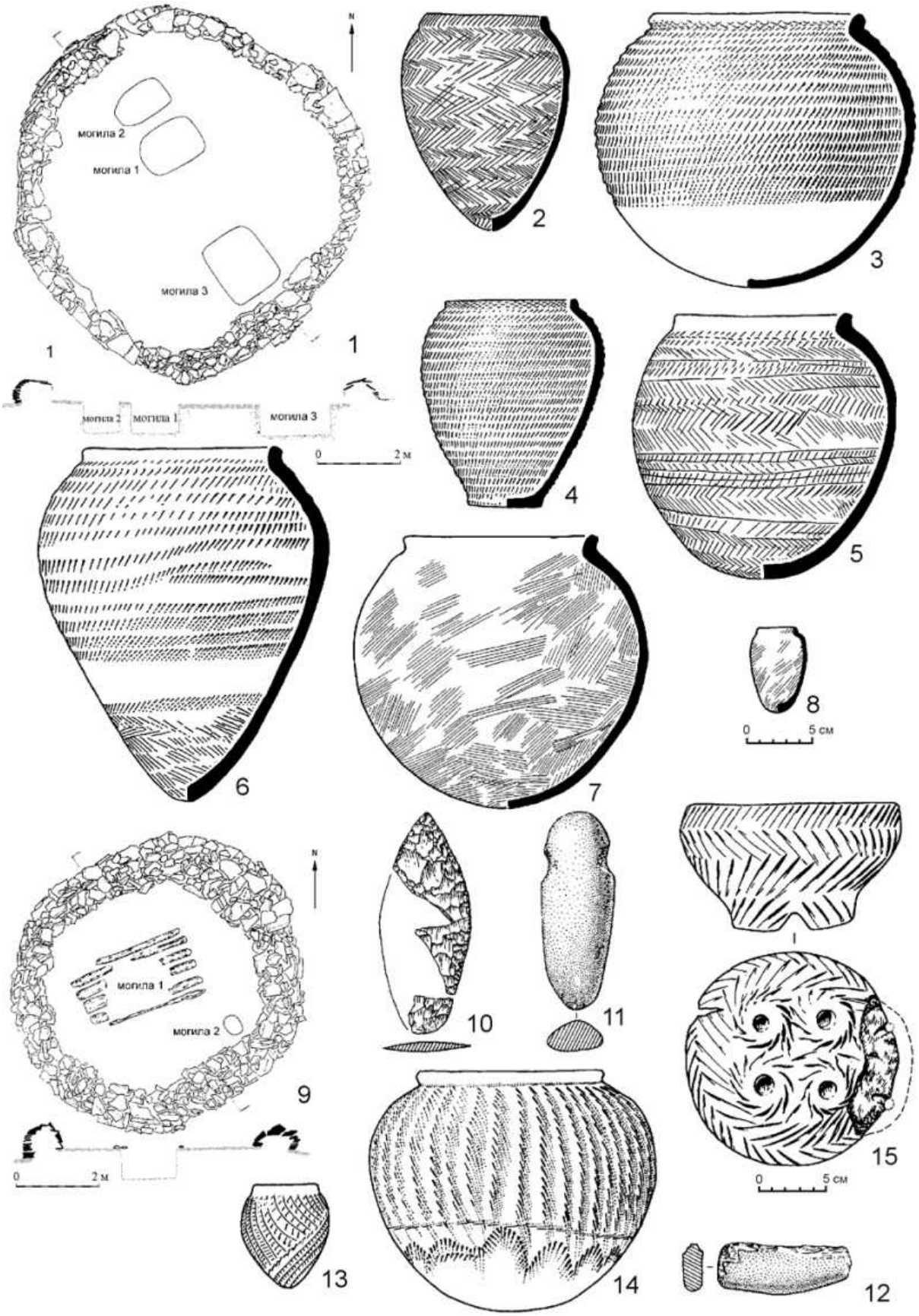

Рис. 114. Могильник Малиновый Лог: *1* – план и профиль ограды 3; *2–3* – сосуды из могилы 1, ограды 3; *4–5* – сосуды из могилы 2, ограды 3; *6–7* – сосуды из могилы 3, ограды 3; *8* – сосуд, найденный у СВ части ограды; *9* – план и профиль ограды 4; *10–12* – находки из ограды; *13* – сосуд из могилы 2, ограды 4; *14–15* – сосуды из могилы 1, ограды 4. По: Боковенко, Митяев, 2010, рис. 6–8

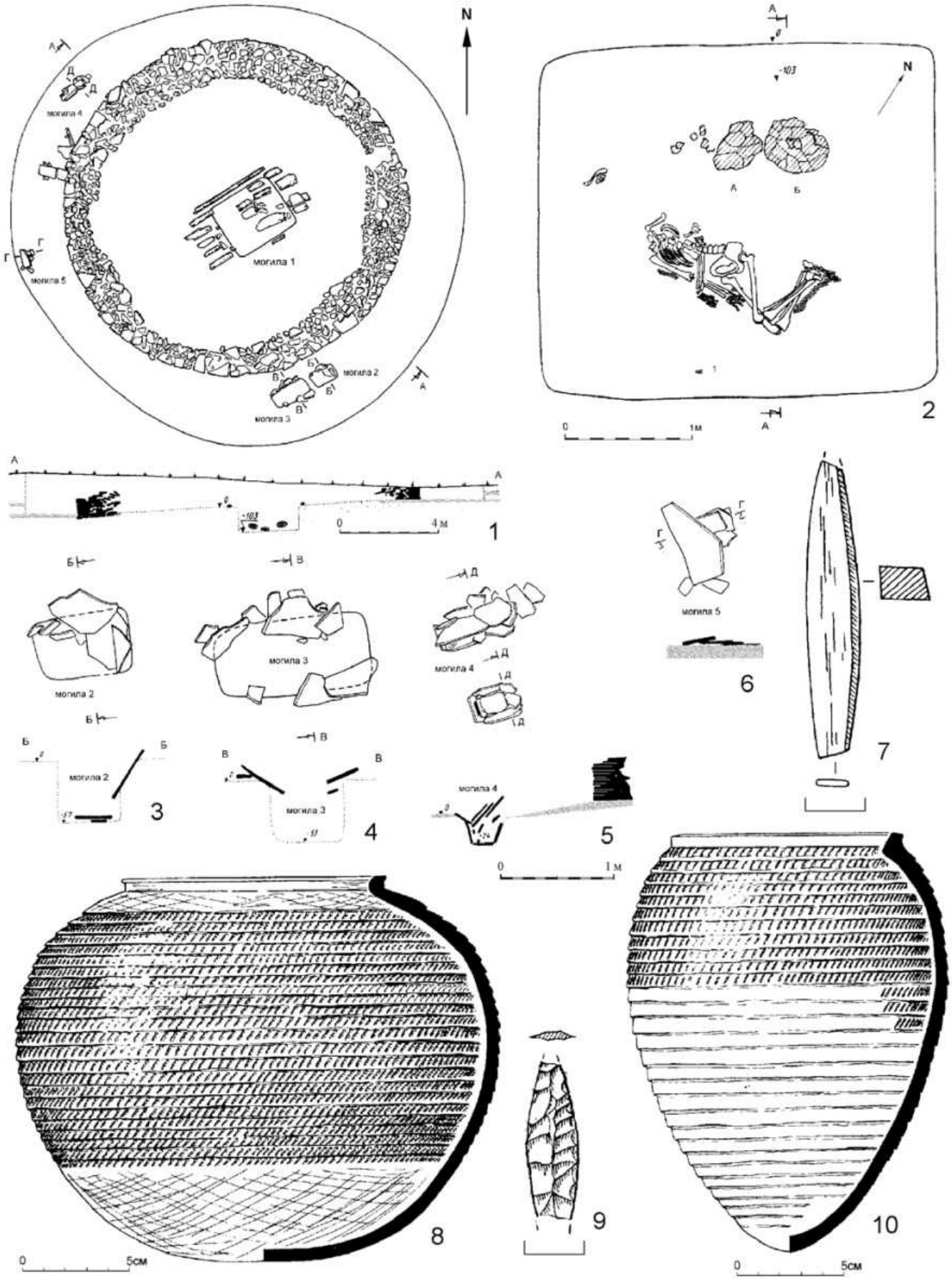

Рис. 115. Могильник Малиновый Лог: *1* – план и профиль ограды 5; *2–6* – планы и профили погребений из ограды 5; *7–10* – инвентарь из могилы 1 ограды 5. По: Боковенко, Митяев, 2010, рис. 9–11

Конструкция погребальных сооружений. Могилы подпрямоугольной и подквадратной формы со скошенными углами выкопаны глубиной 70–100 см от древней поверхности. Ямы закрыты продольно длинными бревнами, толщиной 30–35 см, и поверх них плитами и камнем. Размер бревенчатого покрытия вместе с каменным надмогильным сооружением составляет 2/3 внутренней площади ограды, поэтому могилки младенцев выкопаны изнутри почти вплотную к ограде (огр. 1, м. 2–3; огр. 4, м. 2) или за ее пределами (огр. 5, м. 2–5).

Круглой оградой окружали каждое надмогильное сооружение. В одной ограде были одновременно выкопаны 2 могилы. Видимо, они находились под одним надмогильным сооружением. Третью могилу выкопали за его пределами. С целью окружить их одной оградой-крепидой разобрали южную часть уже существующей круглой ограды и пристроили 2 новые подпрямоугольные стенки. Получилась ограда неровных очертаний (рис. 114 -1).

Все ограды сложены из уложенных плашмя плит, аккуратно подобранных по внешней стороне и с неровными краями изнутри. Они сохранились на высоту от 35 см до 80 см. Три ограды внешним диаметром 7,5–8,5 см, а внутренним 5–7,5 м. Ширина оград от 70 до 150 см. Автором раскопок получены новые данные по архитектуре оград. Крупные плиты (70х100см х20 см) уложены в основании ограды 1 с перерывами, как для разметки объекта. Более мелкие плиты докладывались до высоты больших плит в несколько горизонтов. Под нижними плитами ограды 5 положены 6 валунов, видимо, в промоину для выравнивания поверхности. Плиты миниатюрной ограды 2 (диаметр 3 м) положены горизонтально друг на друга «в перевязку», а для ограды 4 использовали рваный камень и девонский песчаник.

Погребальный обряд. Всего в пяти оградах похоронены 6 взрослых (4 женщины в возрасте 12–14 лет, 25–40 лет и две старше, двое пожилых мужчин), подросток 7 лет и 9 младенцев, от которых остались только могилки (определения А.В. Громова).

Все похороны совершены в летнее время. Для погребения всем покойникам придавали одинаковую позу: укладывали на спину с согнутыми и поднятыми вверх коленями, головой на ЮЗ. Правую руку вытягивали вдоль туловища, а левую сгибали в локте. Обе руки одной пожилой женщины (огр. 4, м. 1) были, видимо, первоначально согнуты в локтях, словно она обнимала колени (Боковенко, Митяев, 2010, с. 24). Не исключено, что тело было перезахоронено без головы, т.к. при временном хранении или захоронении трупов, головы отделяли и хранили отдельно (Грязнов, 1999, с. 32, рис. 27 -1). Перезахоронен, видимо, и мужчина в могиле ограды 5, у которого была аккуратно отчленена голова до распадения связок, а все остальные кости в анатомическом порядке. Труп, очевидно, был упакован в интенсивно окрашенную охрой циновку, поскольку остатки красной охры прослежены на разных частях скелета. Следов охры на костях других скелетов не было.

Независимо от того, первично ли хоронили человека или перезахоранивали, ему в ноги ставили 2 сосуда разной формы – яйцевидной и круглодонной. В том случае, если клали много вещей, то сосуды вместе с другими предметами ставили в противоположной от трупа стороне.

Керамика и инвентарь. Общее количество сосудов 16. Из них 7 яйцевидных остродонных, варьирующих по размеру от крупных до миниатюрных. Восьмой яйцевидный сосуд с плоским дном. Шесть сосудов шаровидных круглодонных и 2 вазочки-курильницы. Сосуды отличаются небогатой орнаментацией. Четыре изделия не орнаментированы (миниатюрный и шаровидный, крупный яйцевидный), что практически не встречается в других могильниках. Не орнаментировано и большинство венчиков. Преобладает стандартный узор из оттисков зубчатого штампа, расположенных горизонтальными рядами. Лишь на двух сосудах сложный орнамент из вертикальных рядов оттисков гребенчатого штампа. Это шаровидные изделия, обычно менее сложно украшенные, чем яйцевидные. Одна курильница высотой 9,5 см, глубина чаши 5,5 см, внешний диаметр чаши 16 см, внутренний диаметр 14,5 см, толщина стенок от 1 см до 2,5–3 см. Небольшая ручка-ушко с двумя отверстиями и значительная часть поддона (длиной 11 см) обломаны. Внешние стенки ребристые из-за глубоких оттисков зубчатого штампа, образующих горизонтальные ряды елочки (Вадецкая, 1986б, рис. 9; Боковенко, Митяев, 2010, рис. 5 -1). Вторая курильница высотой 8,5 см с массивными стенками толщиной 1–6 см, глубиной чаши 4,5 см, диаметром чаши по венчику 14 см, на четырех ножках, высота которых 3 см, ширина 2,5–3 см. В середине каждой ножки отверстие диаметром 1,5 см. Ручка в виде выступа с двумя отверстиями обломана. Курильница украшена резными узорами в виде елочки (Вадецкая, 1986б, рис. 10 -21; Боковенко, Митяев, 2010, рис. 8 -6).

Изделий, помимо керамики, найдено немного. За оградой 4 обнаружены предметы, возможно, использовавшиеся при строительстве ограды, обломок грубого остроконечника, напоминающего копье, каменная колотушка из гальки и сланцевое скребло (рис. 114 -10–12). Специфическим афанасьевским украшением является серебряная серьга в 4 витка (огр. 1, мог. 1) (рис. 113 -14). Из оружия найдены 2 обломанных длинных наконечника стрел, кремневый и костяной (огр. 5, мог. 1) (рис. 115 -7, 9). Бронзовое (?) четырехгранное шило, возможно, относится к окуневской культуре, поскольку по форме от них не отличается (рис. 113 -13). В афанасьевских могилах найдены единичные обломки шильев, возможно, не афанасьевские.

*Отражение социальных отношений***.** Могильник занимает территорию песчаных выдувов, где, возможно, обнажились не все имевшиеся ограды, или сохранились только самые крупные. Как правило, на афанасьевских кладбищах преобладают рядовые захоронения, а могилы знатных людей единичные. Здесь только одна ограда окружала несколько ничем не примечательных могил со стандартными горшками, а в трех из четырех оград могилы необычные.

Прежде всего, это касается двух пожилых женщин с курильницами, в которых, предположительно, окуривали пахучие травы при выполнении специальных ритуалов (огр. 1, мог. 1; огр. 4). Именно с ними были единственные на могильнике богато украшенные шаровидные сосуды. Общим также является положение погребенных вдоль одной стенки, а сосуды поставлены у второй. Однако размеры могил значительно отличаются. Площадь могилы в ограде 1 составляет 8 кв. м (3,2х2,5 м), могилы в ограде 4 немного более 2 кв. м (1,2х1,8 м). Это может объясняться двумя причинами. Во-первых, женщина в большой могиле имела в обществе больший статус, чем простая «шаманка», что подтверждается наличием у нее серебряной серьги. Во-вторых, в большой могиле женщина захоронена первично, а в небольшой она перезахоронена. Последнее обстоятельство не помешало в ограде 5 перезахоронить мужчину в такой же большой яме (площадью 8 кв. м), как в ограде 1. В обеих больших ямах умершие положены в юго-восточной половине, а для вещей оставлена северо-западная половина, большая площадь которой говорит об изобилии ранее сложенных там вещей.

*Хронология***.** Особенностью могильника являются наличие исключительно индивидуальных захоронений, стабильный погребальный обряд и скромная орнаментация сосудов. По-видимому, кладбище продолжало функционировать, когда поблизости уже проживали племена окуневской культуры. О контактах с ними свидетельствуют сосуд яйцевидной формы, но с плоским дном, и находка окуневского бронзового (?) шила. Однако эта версия имеет право на существование, при условии, что шило не было утеряно окуневцами при ограблении могилы.

Не менее условны 4 радиоуглеродные даты, полученные в 1983 г. Все от деревянного покрытия двух могил. Ограда 1, могила 1 – 4770±60 (Ле-2094), ограда 4, могила 1 – 4780±50 (Ле-2091); 4790±50 (Ле-2092); 4820±50 (Ле-2093) (Ермолова, Марков, 1983, с. 96). После калибровки получен суммарный хронологический отрезок – 3695–3377 гг. до н. э. (Поляков, 2010, с. 163).

Место хранения материалов: Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова.

Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 16–29.

9. Малые Копены II, могильник

Могильник из четырех курганов находился в урочище Малые Копены, у бывшего с. Малые Копены, расположенного на левом берегу старицы р. Енисей Боградского района Республики Хакасия (рис. 116). Позднее, в том же урочище сооружен окуневский курган Малые Копены III, затем курганы тагарской культуры. В VII–VIII вв. афанасьевские ограды оказались на северной окраине поселения эпохи чаатас, которое раскапывала в 1940 г. московская Саяно-Алтайская экспедиция под руководством Л.А. Евтюховой. Три ограды были обнаружены ею и отмечены на общем плане вместе со средневековым поселением и тагарскими курганами (Евтюхова, 1948, с. 74, рис. 145). В том же 1940 г. Л.А. Евтюхова раскопала одну из афанасьевских оград (рис. 117), которая была опубликована С.В. Киселевым (Киселев, 1949, с. 21, табл. IV -10).

В 1961–1962 гг. в урочище Малые Копены работала Красноярская экспедиция под руководством Л.П. Зяблина из Ленинграда. Был обнаружен еще один афанасьевский курган и составлен новый общий план могильника, на котором нет поселения чаатас, но обозначены не только афанасьевские, но и тагарские памятники (Вадецкая, 2012б, рис. 1). Афанасьевские курганы пронумерованы, и все исследованы. Курганы 2 и 3 раскопаны в 1961 г., курган 4 в 1962 г. (рис. 118–121). Все имеют вид колец из вертикально вкопанных плит диаметром 7,5, 10,5, 12 и 14 м. Три кольца расположены цепочкой, вытянутой с ССЗ на ЮЮВ, на расстоянии 10–15 м друг от друга. Самый крупный

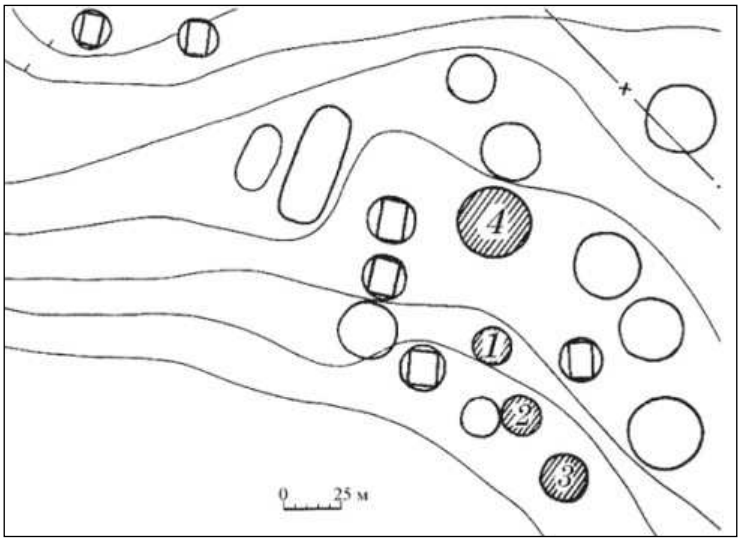

Рис. 116. Могильник Малые Копёны II. План 1962 г. с афанасьевскими, карасукскими и тагарскими курганами

курган (№4) расположен к северу от крайнего в цепочке (№1) на расстоянии 25 м. Могильник состоит из двух групп, насчитывающих 3 и 1 кольцевую ограду. Первую раскапывали шурфом, расширяя его по мере выявления могил к ограде. В 1961–1962 гг. каждую ограду окапывали полосой шириной в 50 см, глубиной 20 см. Проводили 2 бровки, из которых одну (поперечную) оставляли до конца раскопок. Землю внутри ограды снимали по штыкам до появления камней, закрывающих могилы. Многие могилы имели грабительские ямы. Стенка одной разрушена каменным ящиком с погребением ребенка и вещами окуневской культуры (огр. 1, м. 3). Восточная стенка другой могилы перерезана погребением тагарской культуры (огр. 3, м. 4).

Несмотря на многократное ограбление курганов окуневским и тагарским населением, а также использованием их для поминальных тризн еще позднее, могильник отличается оригинальными захоро-

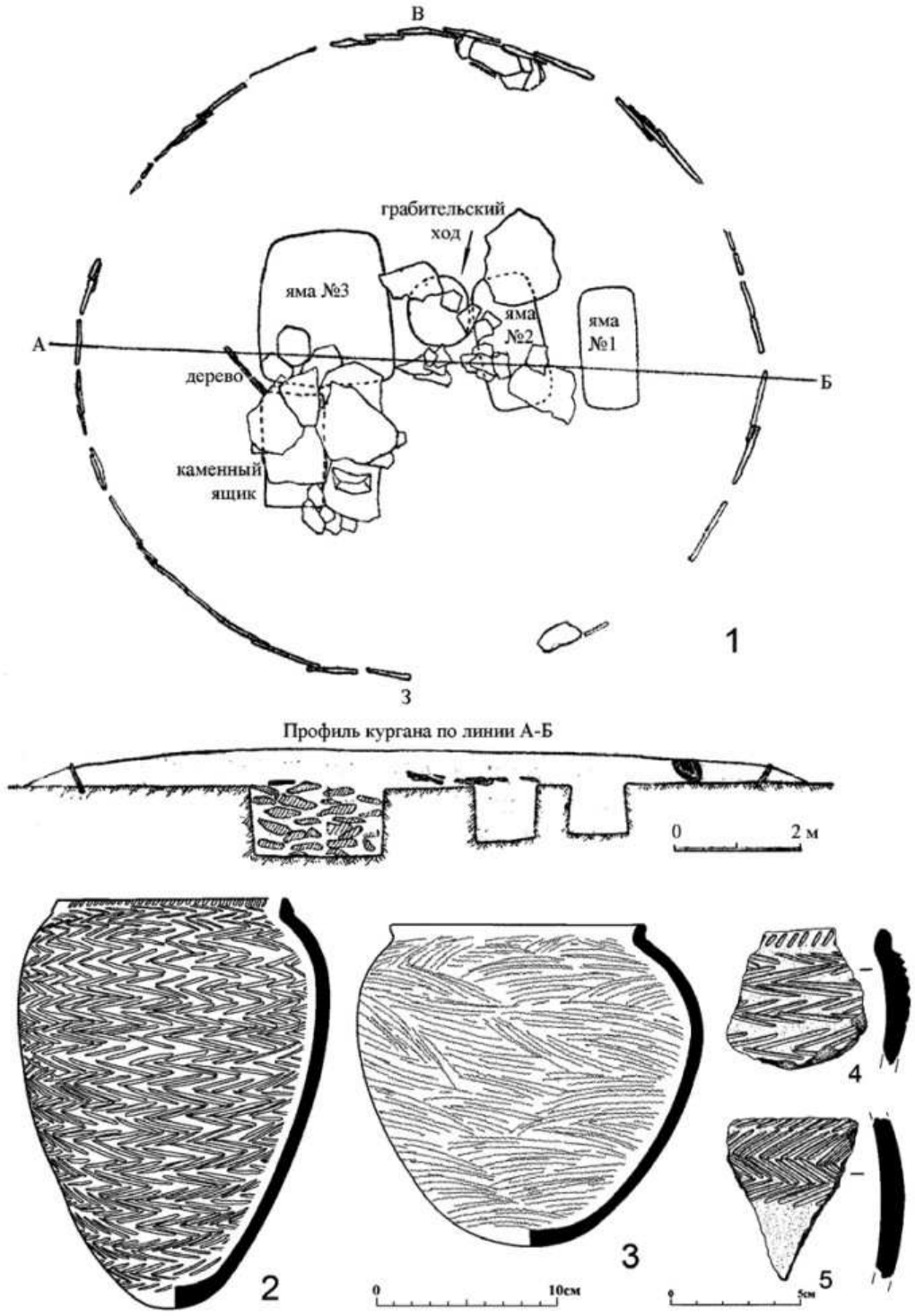

Рис. 117. Могильник Малые Копёны II, ограда 1: *1* – план и разрез ограды 1; *2, 3* – сосуды из могилы 1; *4–9* – фрагменты сосудов из могилы 3

нениями и вещами. Его особенностью являются значительное преобладание индивидуальных могил над теми, где хоронили по 2 человека, и полное отсутствие коллективных погребений. Оградки из вкопанных вертикальных плит могли служить крепидами только относительно легких надмогильных сооружений, конструкция которых еще не определена.

Конструкция погребальных сооружений. Общее число могил 20, из них 14 для взрослых людей. Всего 3 могилы с совместными захоронениями двух человек. Могилы трех вариантов: подквадратные с сильно закругленными углами, площадью около 5 кв. м, прямоугольные со слабо закругленными углами, площадью около 3 кв. м, и овальные, площадью 1,3 кв. м. Все, кроме одной, сильно потревожены. Тем не менее, можно определить, что могилы закрывали тонкими бревнами или плахами, поверх которых настилали бересту и прижимали плитами. Только на этом могильнике в одном случае дно было покрыто корой. Могилы неглубокие (65–45 см от древней поверхности). Некоторые погребения, преимущественно детские, устроены на древней поверхности и присыпаны землей. Они прикрыты только плитами. От обработки бревен сохранилось одно каменное долото, от выкапывания ям и вкапывания вертикальных плит ограды в разных местах (в оградах и могилах) найдены разного размера каменные песты.

В двух меньших оградах (№2 и 3), диаметром 7,5–10,5 м, летом были выкопаны по одной основной могиле подквадратной формы с закругленными углами, площадью около 5 кв. м для 1–2 человек, ориентированных ЗЮЗ–ВСВ, глубиной 70–60 см от древней поверхности. В кургане №3 на ограде и между основной могилой и оградой впускные погребения младенцев.

В двух больших оградах, диаметром 12–14 м, по 2–3 могилы, для которых сооружали ограду, и разное число дополнительных. В ограде, раскопанной Л.А. Евтюховой (№1), сначала выкопали весной одновременно 2 индивидуальные параллельные могилы. Одну большую ближе к северной стенке ограды (240х200 см), другую ближе к южной стороне ограды, прямоугольную с закругленными углами (180х90х80 см), ориентированные З–В (рис. 117 -1). Позднее, возможно, ближе к лету, между ними выкопали третью прямоугольную могилу с закругленными углами (200х100 см), ориентированную на З–В с небольшим отклонением к Ю. К западной части ограды изнутри пристроен миниатюрный каменный ящик с детским погребением.

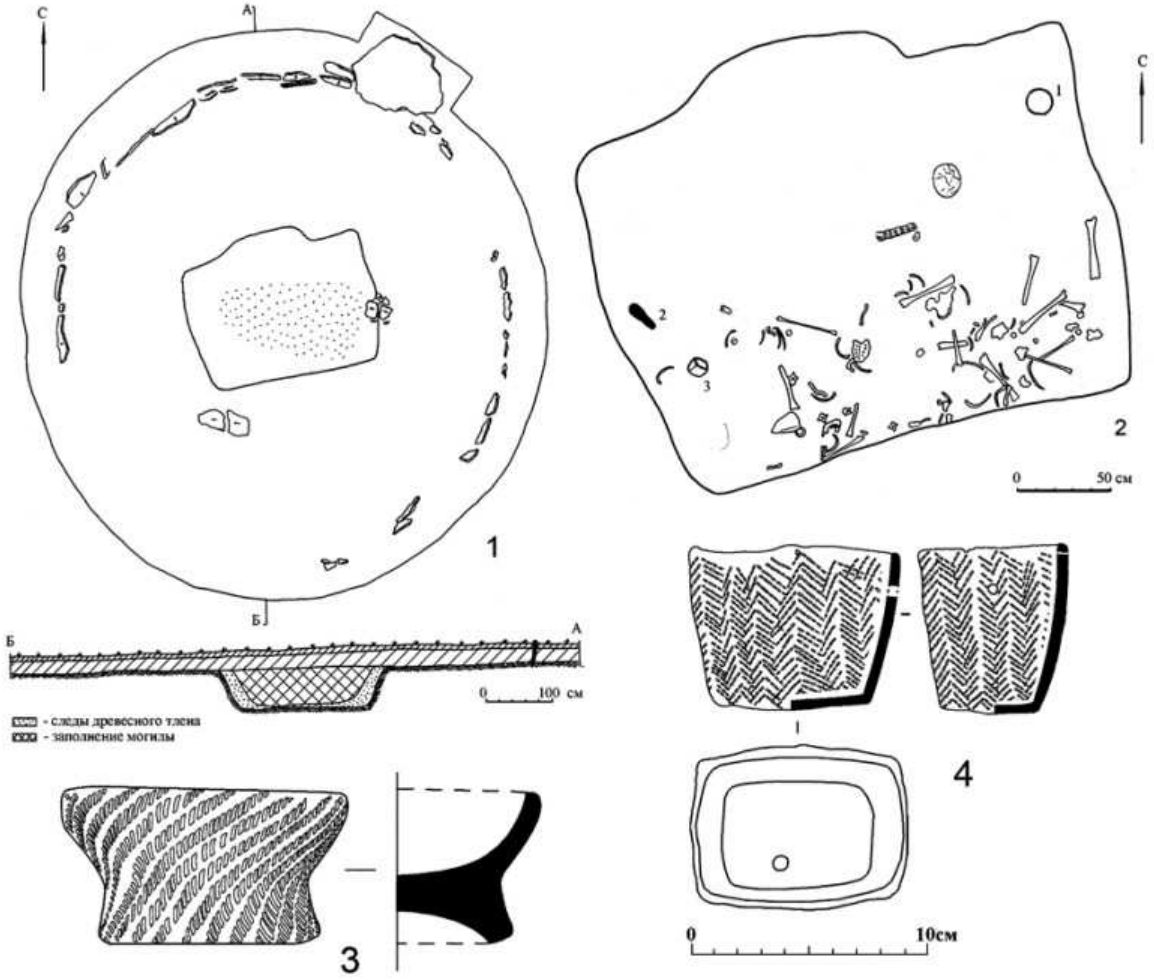

Рис. 118. Могильник Малые Копёны II, ограда 2: *1* – план и разрез ограды 2; *2* – план могилы из ограды 2; *3, 4* – сосуды из могилы ограды 2

В ограде №4 выкопаны одновременно (летом), три параллельные могилы, ориентированные на ЮЗ (рис. 120 -1). Главная, центральная, могила подквадратная (240х155 см), устроена для 2 человек. Севернее ее индивидуальная прямоугольная яма (180х105 см), глубиной 50 см. Южнее индивидуальная овальная яма (175х90 см), глубиной 60 см. Их близкое расположение друг к другу позволяет предполагать возведения над ними единого надмогильного сооружения. Вокруг них позднее выкопаны еще 6 индивидуальных могил для двух взрослых и подростков. Те и другие разного размера (для двух людей от 225х135 см до 190х100 см) и по-разному ориентированы – ЮЗ, СЗ, З–В. Следовательно, их выкапывали в разное время года. Глубина этих могил 55–45 см. Между ними расположены 3 могилки младенцев.

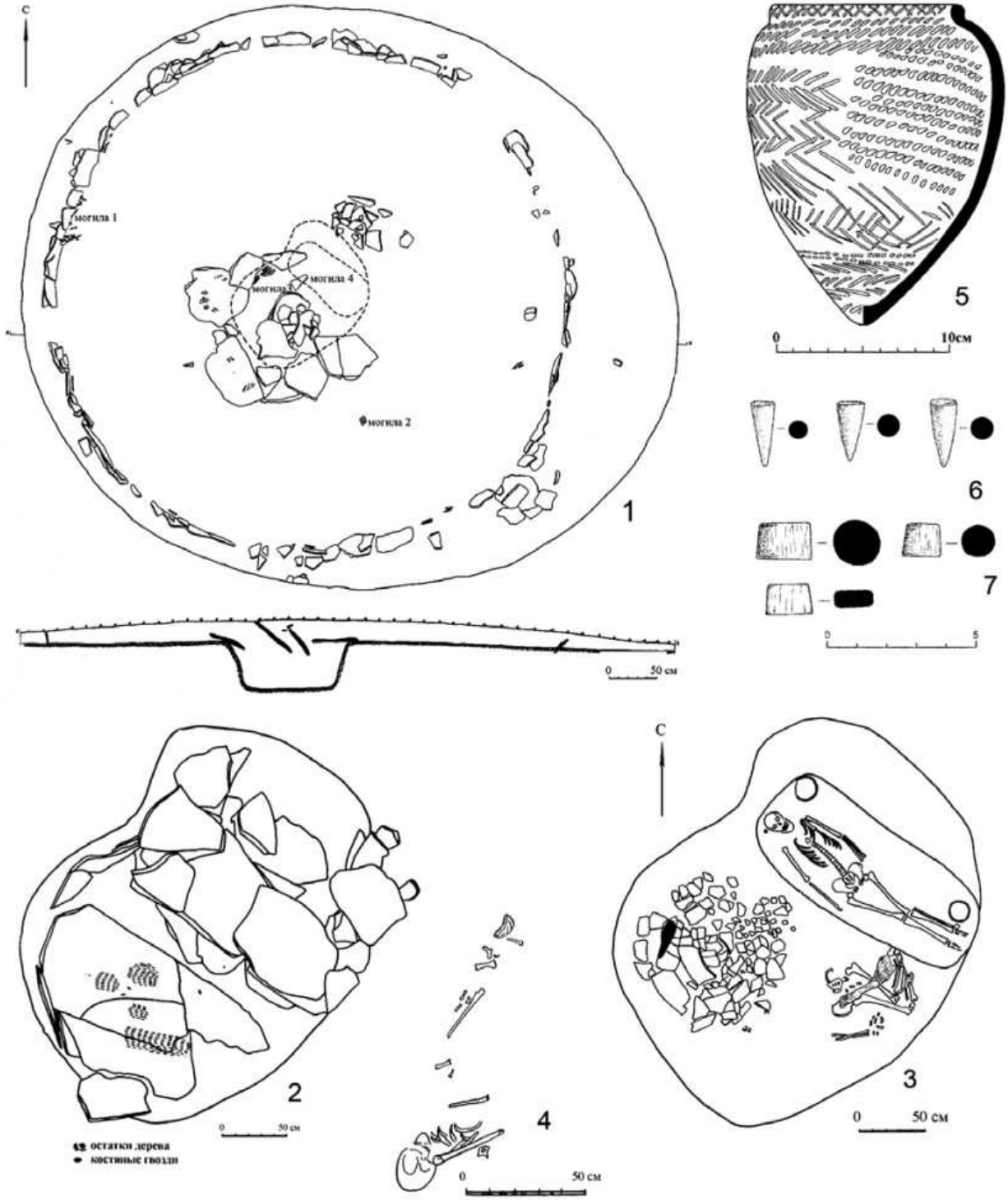

Рис. 119. Могильник Малые Копёны II, ограда 3: *1* – план и разрез ограды 2;
2 – план перекрытия могилы 3; *3* – могила 3 и, впущенная в нее, могила 4 тагарской культуры;
4 – могила 3, деталь; *5* – сосуд их и могилы 1; *6, 7* – изделия из рога из могилы 3

Таким образом, в оградах, где размещено по несколько могил, последние сооружены как одновременно, так и последовательно. Реконструировать первоначальный вид надмогильных сооружений трудно из-за неоднократного использования камней более поздним населением. Поверх бревен и плит, закрывающих большие могилы, видимо, укладывали дерн и обломки скал. Их осталось мало на поверхности оград, но ими заполнены некоторые могилы (огр. 1, м. 3), либо они найдены на глубине около 30 см под дерном, где лежали плашмя или наклонно уходили вглубь земли (огр. 4). Однако ко времени раскопок вертикальные плиты оград и их насыпи почти не были заметны.

Погребальный обряд. Всего захоронено 20 человек. Среди них 14 взрослых и 6 детей. Антропологические определения не сделаны. Только 6 взрослых и двое детей захоронены совместно, по двое в могиле, остальные индивидуально. В могилах со взрослыми людьми детей нет. Основные захоронения произведены летом и реже весной. В дополнительных могилах похороны произведены летом и осенью. Взрослые покойники положены вытянуто на спине со скорченными и согнутыми в коленях ногами, головой в западном направлении. Это отражают фотографии и чертежи, хотя Л.П. Зяблин определяет их позу на правом боку, основываясь не на положении ребер, тазовых костей и вертлюжных впадин, а упавших на правую сторону ног. Дети, в отличие от взрослых, положены в скорченном положении на боку и ориентированы по-разному. Сосуды по 1–2 стоят, как правило, в ногах, как взрослых, так и детей. Исключение составляют необычные сосуды – огромные корчаги и ритуальный сосудик четырехугольной формы. Те и другие принадлежат особо знатным покойникам.

В насыпях оград, не превышающих 60 см высоты, много фрагментов керамики разных эпох, начиная от афанасьевской и включая эпоху чаатас. Так же много костей домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота, лошади), возможно, разного происхождения. Об этом свидетельствует огромное кострище, устроенное средневековыми жителями в афанасьевской могиле ограды 3. Углистая, золистая земля залегала сразу под дерном. В ней, начиная с насыпи и вверху могилы, было немало черепков, предположительно эпохи чаатас (VII–VIII вв.). В западной части ямы угли и зола залегали ниже дна могилы. Среди них был пережженный череп животного, видимо, из кострища.

Керамика и инвентарь. Наибольшее число составляют сосуды. Всего в отчете о раскопках есть сведения о 14 сосудах (целых и в обломках). Кроме того, 2 вазочки-курильницы на поддоне (огр. 2, м. 1 и огр. 4, м. 9) и ритуальный кубической формы с орнаментом в виде нарезных елочек (огр. 2, м.). В двух стенках имеются сквозные дырочки для подвешивания (рис. 118 -4). Среди сосудов, видимо, 3 огромных корчаги в обломках (огр. 1, м. 1; огр. 3, м. 3). Преобладают сосуды средних размеров, остродонные яйцевидной формы. Один сосуд сероглиняный удлиненной формы имеет узкое плоское дно. Орнамент образует две зоны – вверху елочный, внизу сложный из отпечатков гребенчатого штампа (рис. 121 -10). Единичные сосуды той же формы известны на могильниках, где хоронили одновременно афанасьевцев и окуневцев (Афанасьева гора, Камышта I и др.). На двух остродонных яйцевидных сосудах из могильника имеются редкие орнаменты в виде 2–4 каннелюр по шейке. Тулово покрыто елочным узором или прочерченными ромбами.

Каменные орудия. Долото из гальки и несколько пестов размерами от 13 до 35 см, лежавших как в могилах, так и в оградах. Самыми оригинальными находками являются роговые колышки, гвоздики, цилиндрики, пробочки (рис. 119 -6, 7). В отчете о раскопках указано, что в основной могиле ограды №3 за спиной нарушенного скелета был нетронутый ряд из роговых гвоздиков, которые лежали в одну линию. По описи Государственного Исторического музея их 49 штук (длиной 3–4 см, треугольные в сечении). Ближайшей аналогией этим гвоздикам являются гвоздики, найденные Э.Б. Вадецкой в 1976 г. в кургане у с. Восточное, на правом берегу Енисея (около 200 гвоздиков находилась вдоль скелета от плеча до стоп, группками по 3–4 в 1–2 ряда, явно украшали длинный предмет типа жезла) (Вадецкая, 1980а, с. 104–106, рис. 3). Очевидно, гвоздики из могильника Малые Копены II тоже украшали жезл или его часть. Из других костяных поделок сохранились 11 усеченно-конических пробок и 3 цилиндрические пробки. Они меньшего размера, чем гвоздики. Из металлических изделий найдена медная проволочная серьга в 1,5 оборота. Вместе с серьгой в могиле были остатки ожерелья из костяной бусинки и чешуи осетра.

Отражение социальных отношений. В центральных могилах отражаются все признаки общественной значимости умерших. Их могилы сделаны наиболее тщательно и с большей затратой труда, они крупнее других. В них имеются сосуды для родовых трапез (корчаги) или для ритуальных обрядов (курильницы, сосуды кубической формы) и что-либо индивидуальное.

Для одной женщины в большую могилу ограды 1 (240х200 см) положена корчага. На погребенной, видимо, было ожерелье из чешуек осетра (Киселев, 1949, табл. VI, 3). Здесь были костяные пронизки и орнаментированная подвеска в виде кинжальчика (Киселев, 1949, с. 26, табл. VI -4, 8). Однако западная стенка могилы нарушена каменным ящиком с окуневским погребением подростка, к которому, не без основания, принято относить эту подвеску и пронизки вместе с другими вещами: набором из 6-ти астрагалов барана, мраморным шариком, ожерельем из зубов сурка, подвеской из двух коренных зубов медведя (Киселев, 1949, табл. VI -1, 5–7).

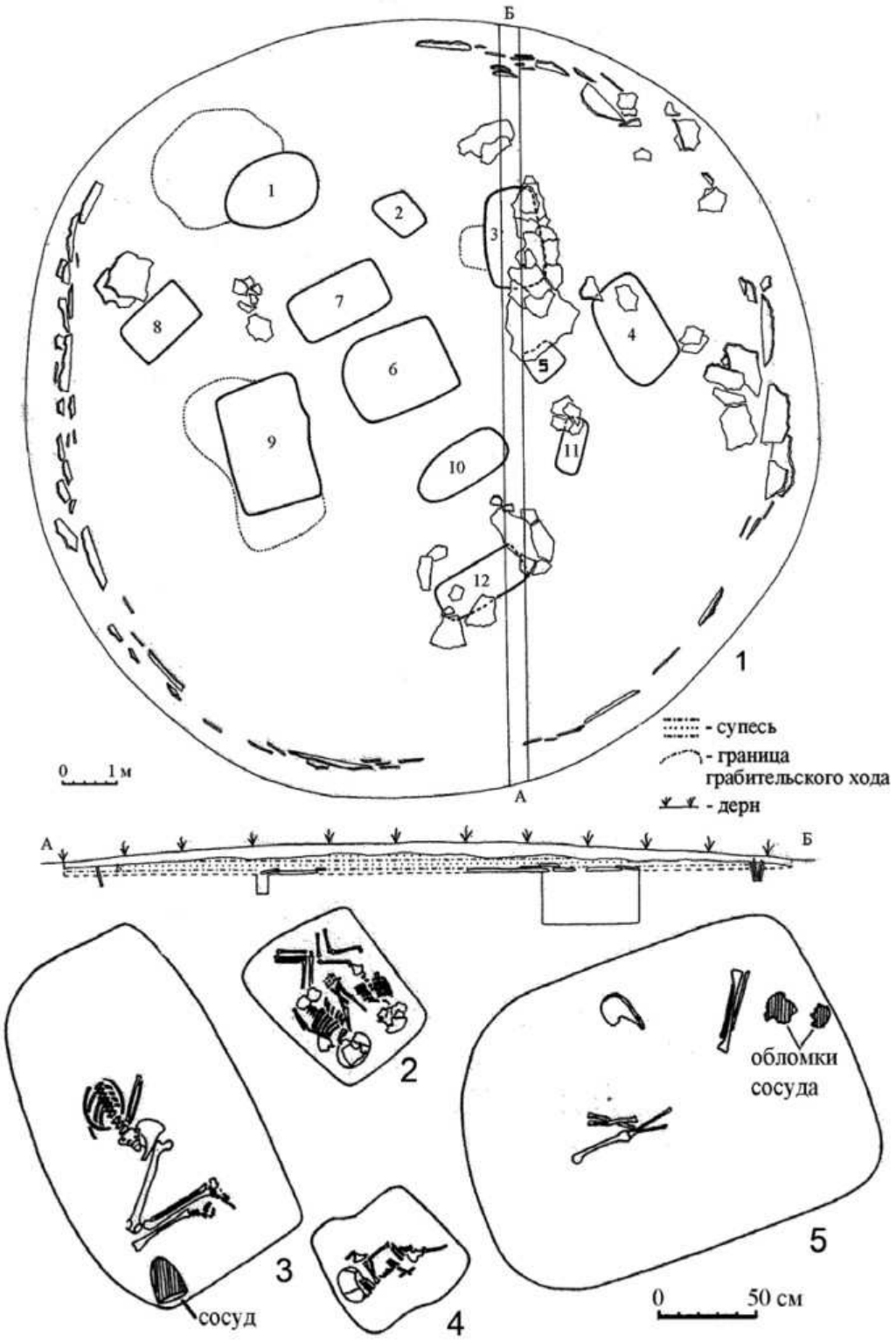

Рис. 120. Могильник Малые Копёны II, ограда 4: *1* – план и разрез ограды 2; *2* – могила 2; *3* – могила 4; *4* – могила 5; *5* – могила 6

В центральной могиле ограды 2 (270х195 см) для одного человека, помимо песта, поставлены 2 ритуальных сосуда, курильница и плоскодонный кубический сосуд.

Полные размеры обширной центральной могилы ограды 3 не устанавливаются, поскольку ее конец перерезала впускная могила тагарской культуры. Она отличается рядом особенностей. На дне могилы прослойка из древесной коры, яма перекрыта плахами, берестой и большими плитами. Около головы покойного поставлены 2 корчаги, положены каменные пест и долото. Этому человеку принадлежали вещи, инкрустированные костяными гвоздиками, цилиндриками, пробочками, предположительно, жезл или посох.

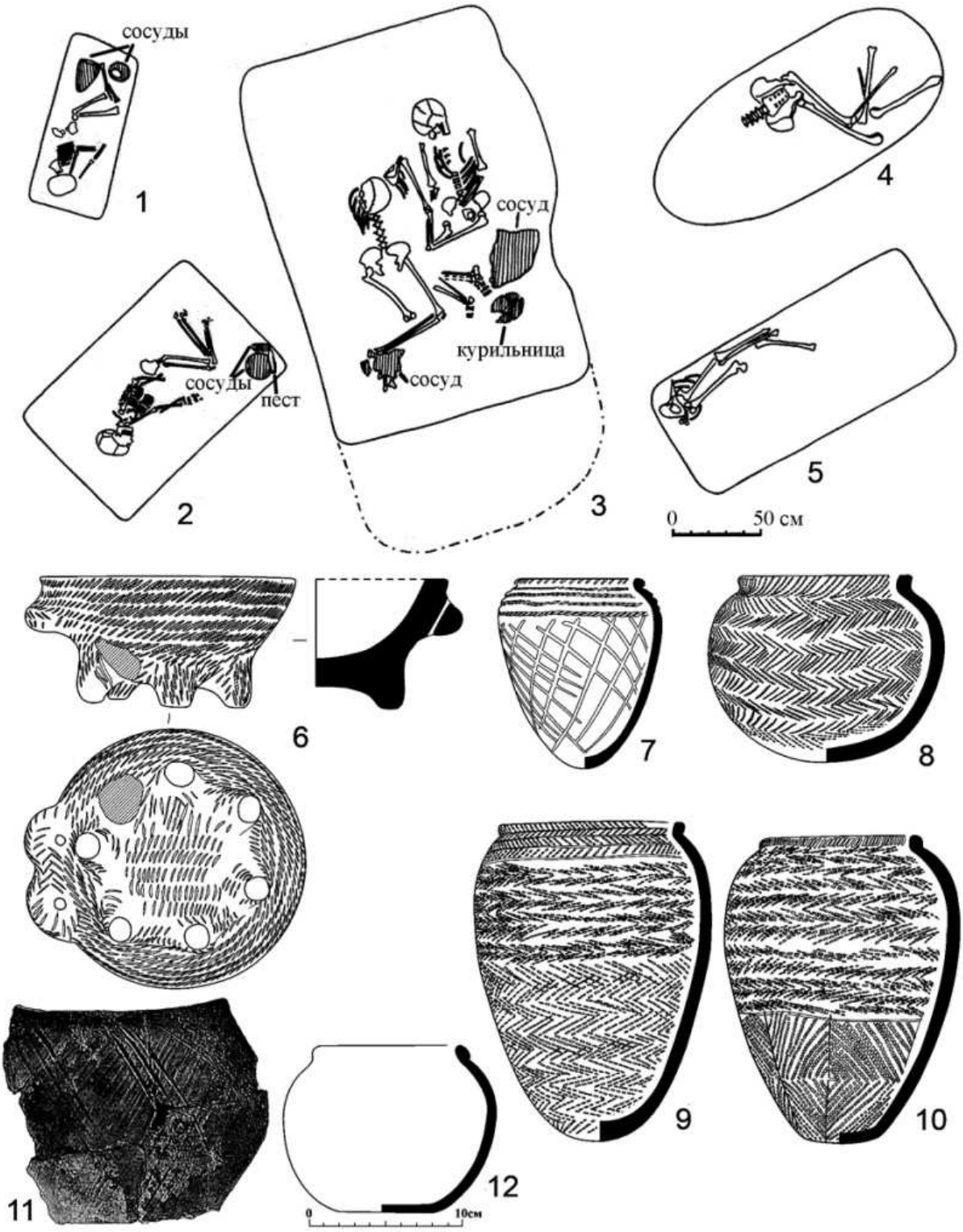

Рис. 121. Могильник Малые Копёны II, ограда 4: *1* – могила 11; *2* – могила 8; *3* – могила 9; *4* – могила 10; *5* – могила 12; *6, 9* – сосуды из могилы 9; *7, 8* – сосуды из могилы 8; *10, 12* – сосуды из могилы 11; *11* – фрагмент сосуда из могилы 1

В ограде 4, где последовательно сооружены 12 могил, примечательна одна (№9) (225х135 см), выкопанная поздней осенью (ориентация ССЗ–ЮЮВ) для 2 человек. Она мелкая (глубина 50 см) и закрыта плитами, видимо, поверх жердей. Среди трех сосудов, один был с редкой орнаментацией, украшенный каннелюрами. В этом погребении находилась курильница на шести ножках (рис. 121 -6, 9).

Хронология. Время первых осквернений могил не устанавливается, но, начиная с окуневцев и вплоть до жителей эпохи чаатас, они утилитарно использовались. Об этом свидетельствуют впускные

окуневская и тагарская могилы, а также кострище VII–VIII вв. Одна и та же могила была ограблена в одну эпоху, а использована под кострище в другую и много позднее. Наличие в ее верхних слоях обломков горшков эпохи чаатас установлено автором раскопок Л.П. Зяблиным. Тем не менее, из могилы он собрал уголь для радиоуглеродного анализа не кострища, а афанасьевского могильника. Полученная дата Ле-455 – 4440±150 имеет слишком большой доверительный интервал, что бы на ее основании можно было судить о хронологии этого памятника (Поляков, 2010, с. 170). Она ошибочна по двум причинам. Во-первых, могильник может быть моложе, но не древнее других, поскольку в нем имеется сосуд с узким плоским дном, а расположение могил в ограде №4 схоже с расположением могил в окуневских оградах. Во-вторых, полученная дата, вероятнее всего, относится к кострищу, которое датируется временем не ранее VI–VII вв.

Место хранения материалов: Государственный Исторический Музей.

Вадецкая Э.Б. Могильник Малые Копены II // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012б. С. 85–102.

10. Моисеиха, могильник

Могильник расположен в неглубокой пади между горами Моисеихой и Безымянной, в 5 км к востоку от с. Потрошилово и в 2 км от левого берега р. Тубы. Насчитывает 19 курганов афанасьевской культуры, среди которых не менее трех позднее использованы для могил окуневской культуры (рис. 122 -1). Кроме того, во время раскопок найдены несколько горшков каменноложского этапа карасукской культуры. На той же площади имеются курганы подгорновского этапа тагарской культуры, которые раскапывались вместе с афанасьевскими. Наконец, в одном афанасьевском кургане (№24), кроме окуневской могилы, раскопан каменный ящик с погребением железного века (тесинского этапа тагарской культуры или ранней таштыкской культуры).

Могильник раскопан в 1959 г. археологом Минусинского музея В.М. Старущенко. Методика раскопок включала расчистку камней ограды для выявления их границ, а для поиска могилы внутри ограды закладывался раскоп от современной поверхности и до материка. При этом стенки могил и дно выявить не удалось, в лучшем случае раскоп охватывал могильное пятно. Поэтому в публикации могильника, подготовленной спустя 50 лет сотрудниками Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, имеются, главным образом, рисунки и описания афанасьевских оград и керамики. Сведения о расположении останков погребенных в могилах и вещах при них практически отсутствуют.

Расположение групп курганов на могильнике. Шесть групп из 2–3 курганов, возможно, составляют отдельные кладбища**.** Дополнительно по окраинам могильника расположены 2 одиночных кургана. Один на расстоянии 60 м от западной окраины могильника (к. 20), второй в 100 м от восточной окраины (к. 21). Все курганы представляют собой круглые ограды, сложенные из плашмя положенных небольших плит песчаника, диаметром от 6 до 16 м и шириной, включая развал, до 1 м (Ковалева, Леонтьев, Амзараков, 2010, рис. 1–4). Конструкция одной ограды, предположительно, отличалась от других тем, что круг из плашмя положенных плит был обставлен небольшими вкопанными на ребро плитами.

В центре могильника расположена с севера на юг цепочка из трех наиболее крупных курганов 4, 7, 9. Самая крупная ограда (№4), диаметром 16 м, содержала могилу, где сохранились только берцовые кости ног и стопа взрослого человека, а в заполнении обломки толстостенной корчаги (рис. 123 -1). При расчистке плит покрытия найдены обломки небольшой чашечки на поддоне с боковой ручкой (рис. 123 -2). Вторая ограда (№7), диаметром 12,5 м, была южнее на 5 м (рис. 123 -4). На глубине 50 см в могильном пятне 3 раздавленных сосуда – 2 шаровидных и 1 яйцевидный, а в заполнении мелкие обломки костей человека (рис. 123 -5–7). Третий курган (№9) в 20 м южнее предыдущего, диаметром 9,2 м, сплошь забутован камнями, под которыми найден необычный небольшой горшочек высотой 11,4 см, с плоским дном и маленькими ручками под венчиком (рис. 124 -4, 5). В центре ограды была могила (280х180х120 см, ЗЮЗ–ВСВ), заполненная обожженной землей с примесью золы и угля, с остатками перекрытия из толстых обгорелых бревен и плит. В могиле остатки костей скелета и обломки от двух сосудов.

В 18 м к В от самой крупной ограды (№4) расположена группа из трех рядом расположенных курганов №17–19. Могилы глубиной 65–75 см, содержат небольшое число костей от индивидуальных захоронений. Необычна могила (230х210 см) ограды 17, в составе заполнения которой были древесные угли, зола и многочисленные обломки толстостенной корчаги. Здесь же был медный нож и небольшой круглодонный сосуд без орнамента (рис. 126 -2). Могила соседней ограды примечательна тем, что по краям ямы сохранились остатки толстых бревен, положенных поперек ямы. В ней найдены фрагменты остродонного и шаровидного сосудов (рис. 126 -4). В третьей ограде, видимо, основная могила не обнаружена, поскольку раскопано могильное пятно (200х150 см) около западной стенки ограды, где, кроме разрозненных костей, был миниатюрный плоскодонный горшочек высотой 8 см (рис. 126 -6).

В 40–50 м к З от самой крупной ограды (№4) расположена группа из двух курганов №26 и 24 (рис. 122 -2, 6). В разграбленной могиле одной, кроме костей, были обломки толстостенного сосуда за-

глаженного травой (Ковалева и др., 2010, с. 121). Во второй раскопана не афанасьевская могила, а 2 каменных ящика. В первом, почти на поверхности насыпи, были кости подростка и гладкий горшочек, схожий по форме с таштыкскими (Ковалева и др., 2010, рис. 7, 10). Во втором, на глубине 120 см, погребение окуневской культуры с баночным сосудом, курильницей, бронзовым (?) ножом и костяным амулетом – стерженьком с заостренными концами (Старущенко, 1959, рис. 43; Ковалева и др., 2010, рис. 7 -12–13; 8 -7–8).

В 20 м к СЗ от самой крупной ограды (№4) группа из трех курганов №16, 5, 22, расположенных на расстоянии менее 10 м друг от друга. В ближайшем (№16) две могилы (3х2,5 м и 3,5х2,5 м, глубиной 125–135 см) (рис. 125). В каждой по скелету взрослого человека, уложенного на спине, головой на ЗЮЗ. У одного ноги в коленях согнуты, у другого вытянуты. В могиле 1 серебряное спиральное кольцо,

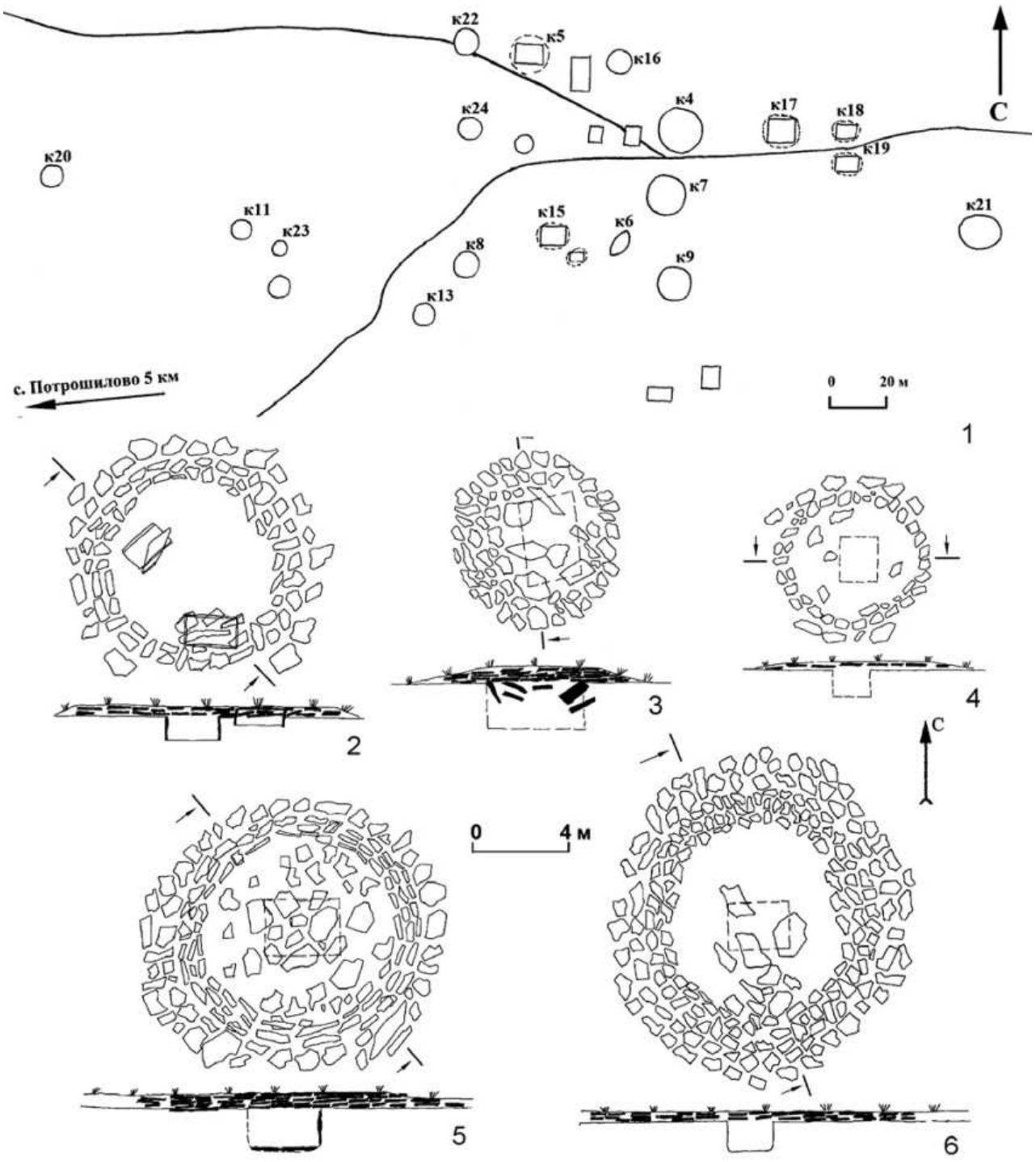

Рис. 122. Могильник Моисеиха: *1* – план могильника Моисеиха; *2* – план и разрез кургана №24; *3* – план и разрез кургана №21; *4* – план и разрез кургана №23; *5* – план и разрез кургана №22; *6* – план и разрез кургана №26. По: Ковалёва и др., 2010, рис. 1, 4

лежащее слева под черепом (рис. 125 -8). Здесь же 2 курильницы, 4 яйцевидных сосуда и обломки шаровидного (рис. 125 -2–6). Два сосуда с необычной орнаментацией. Могила ограды 5 была разрушена захоронением окуневского времени (из вещей найдены бронзовые шило, втульчатый наконечник копья, мраморный шарик, баночный сосуд (Вадецкая, 1981, с. 18; 1986б, рис. 15; Ковалева и др., 2010. с. 110, рис. 5 -1; 6 -2; 8 -1). Крайний курган (№22) находился в 10 м к ЗСЗ от кургана 5 (рис. 122 -5). В разрушенной могиле были кости скелета и обломки двух сосудов. Один с толстыми стенками, заглаженными с обеих сторон травой, другой орнаментирован продольными поперечными линиями (Ковалева и др., 2010, с. 118).

Пятая группа курганов расположена к ЮЗ от центральной ограды 7 (№6, 15, 8, 13). В них трудно разобраться, поскольку под каменными забутовками оград, кроме разрушенных могил с остатками костей скелетов и керамики, имеется что-то типа очага (к. 6), зольной массы, обугленного дерева, песка охристого цвета (к. 15). Самые редкие орнаменты на двух яйцевидных сосудах (к. 8) имеют вид зигзагов, образованных оттисками гребенчатого штампа, а также изображениями елок (рис. 124 -2, 3).

Шестая группа из двух курганов (№11, 23) на расстоянии 8 м друг от друга, расположена в 60 м к З от предыдущей группы и в 150 м от центральной ограды 7. Это были небольшие ограды диаметром 6,8 и 6 м, где, помимо основных могил в середине ограды были детские могилки внутри ограды и за ее пределами, от которых остались сосудики. Под развалами ограды 11 найдены в разных местах 7 сосудов, а также миниатюрный ящик с костями новорожденного и круглодонным сосудом высотой 18 см, украшенный в верхней части резным арочным орнаментом (рис. 124 -6–11). За пределами ограды 23 были обломки двух сосудов – толстостенного, украшенного канелюрами, и второго без орнамента (Ковалева и др., 2010, с. 118).

Одиночные курганы с оградами были за окраиной могильника. Западная ограда, диаметром 7,8 м (к. 20), была на расстоянии 60 м от западной шестой группы курганов. Ограда служила крепидой сплошного каменного надмогильного сооружения. Об этом свидетельствуют обширные размеры могилы площадью 4,5 кв. м (300х150 см, З–В) и наклонное, местами вертикальное положение плит над могилой. Из нее при ограблении выброшена толстостенная корчага, черепки которой были разбросаны по всему кургану, а на дне ямы, глубиной 150 см, сохранился остродонный сосуд, орнаментированный оттисками чередующихся рядов короткого и длинного зубчатого штампа (рис. 126 -7, 8).

Афанасьевская ограда в самом восточном кургане (к. 21), расположенном на расстоянии 100 м к В от центральной ограды 7, не сохранилась (рис. 122 -3). Она разрушена окуневской оградкой (3,6х2,5 м, СЗ–ЮВ) с погребением взрослого человека, пронзенного копьем, в ногах которого, очевидно в сумочке, были бронзовые нож и шило с костяной орнаментированной рукояткой, а на месте черепа сосудик. От афанасьевской могилы сохранились обломки костей человека и черепки двух горшков, найденные внутри ограды. Один из них с толстыми стенками заглажен травой (Ковалева и др., 2010, с. 118, рис. 8 -6; Зимина, 1966, рис. 2).

Конструкция погребальных сооружений. Глубина могил от 65–75 до 135 см от древней поверхности, ориентация преимущественно на ЮЗ и ЗЮЗ. Размеры могил не определены, поскольку измерены лишь площади раскопа (3,5–5 кв. м), заложенного в центре оград или вокруг могильного пятна. Тем не менее, ясно, что ямы были покрыты бревнами, а поверх них землей, из вырытой ямы с остатками погребального костра, которые проваливались в яму вместе с бревнами. Остатки покрытий иногда сохранились вдоль длинных стен ямы. Лишь в одном случае по краям ямы сохранились остатки толстых бревен, положенных поперек ямы.

Вокруг могил сложены округлые ограды из плашмя положенных небольших плит песчаника. Диаметр оград 6–16 м, но чаще 8–9 м, шириной до 1 м, включая как ограду, так и ее развал. Конструкция одной ограды отличалась от других тем, что круг из плашмя положенных плит был, возможно, обставлен небольшими вкопанными на ребро плитами (огр. 11). Помимо этого, согласно полевому чертежу, с внешней стороны вертикальных камней ограды, был второй круг из одного слоя плоских плит. Вероятно, это лишь развал ограды, поскольку под некоторыми из них найдены миниатюрные сосудики от несохранившихся погребений младенцев (Ковалева и др., 2010, с. 112, рис. 2 -6).

Каждая могила взрослого человека окружена оградой. Только в одной ограде (№16) было 2 одновременно сооруженные ямы, в которых похоронено по одному знатному умершему. В трех оградах впущены захоронения окуневской культуры (№5, 21, 24).

Погребальный обряд. Могилы ограблены, но можно достаточно уверенно считать, что в них захоронено по одному взрослому человеку, уложенному на спине с согнутыми коленями, головой к З, ЮЗ. Детей, видимо, хоронили за пределами ограды, и могилы остались не раскопанными, поскольку закрыты плитами, упавшими с ограды при ее разрушении. Плиты расчищались выборочно, в частности, в ограде (№11), где при их расчистке найдены в разных местах 7 сосудов из несохранившихся могилок и миниатюрный ящик с костями новорожденного и сосудом.

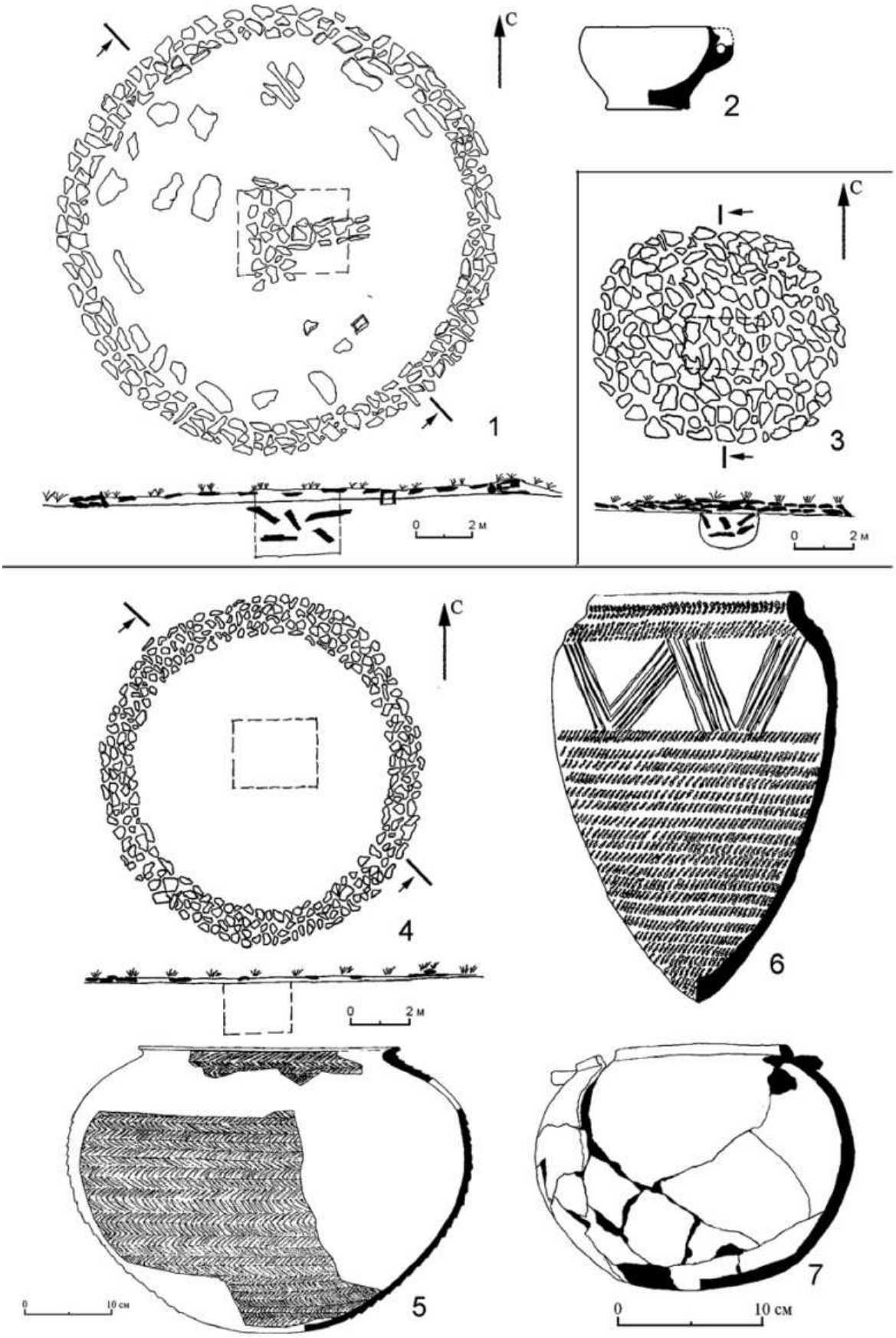

Рис. 123. Могильник Моисеиха: *1* – план и разрез кургана №4; *2* – сосуд из могилы 2 кургана №4; *3* – план и разрез кургана №6; *4* – план и разрез кургана №7; *5–7* – сосуды из могилы 1 кургана №7. По: Ковалтва и др., 2010, рис. 2; 6

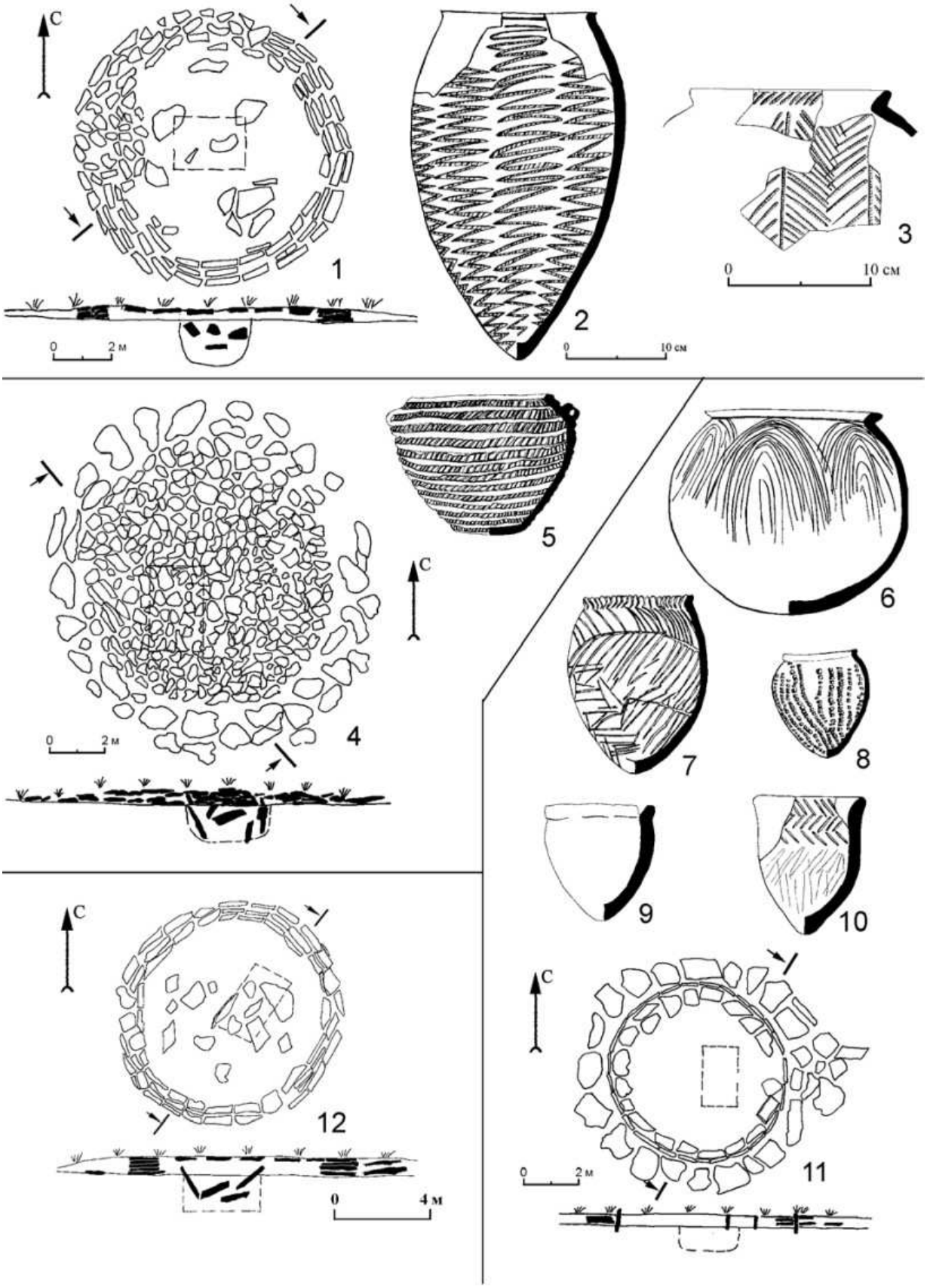

Рис. 124. Могильник Моисеиха: *1* – план и разрез кургана №8; *2* – сосуды из насыпи кургана №8; *3* – сосуд из могилы 1 кургана №8; *4* – план и разрез кургана №9; *5* – сосуд из насыпи курган №9; *6* – сосуд из могилы 1 кургана 1; *7* – сосуд из завала поит к СВ от кургана №11; *8* – сосуд из западной части кургана №11; *9, 10* – сосуды из ограды кургана №11; *11* – план и разрез кургана №11; *12* – план и разрез кургана №13. По: Ковалева и др., 2010, рис. 2; 3; 6

Об остатках тризн, проводящихся при похоронах, свидетельствуют преимущественно наличие в могилах обожженной земли с углями и золой, ранее уложенной поверх бревен покрытия ямы (огр. 9 и 17). В одном случае сохранились остатки обгорелых бревен (огр. 17). Другим свидетельством являются фрагменты сосудов и отдельных костей домашних животных, как внутри ограды, так и за ее пределами. В частности, за пределами ограды 23 были обломки 2 сосудов – толстостенного, украшенного каннелюрами, и второго без орнамента (Ковалева и др., 2010, с. 118). Ни одного каменного орудия не найдено.

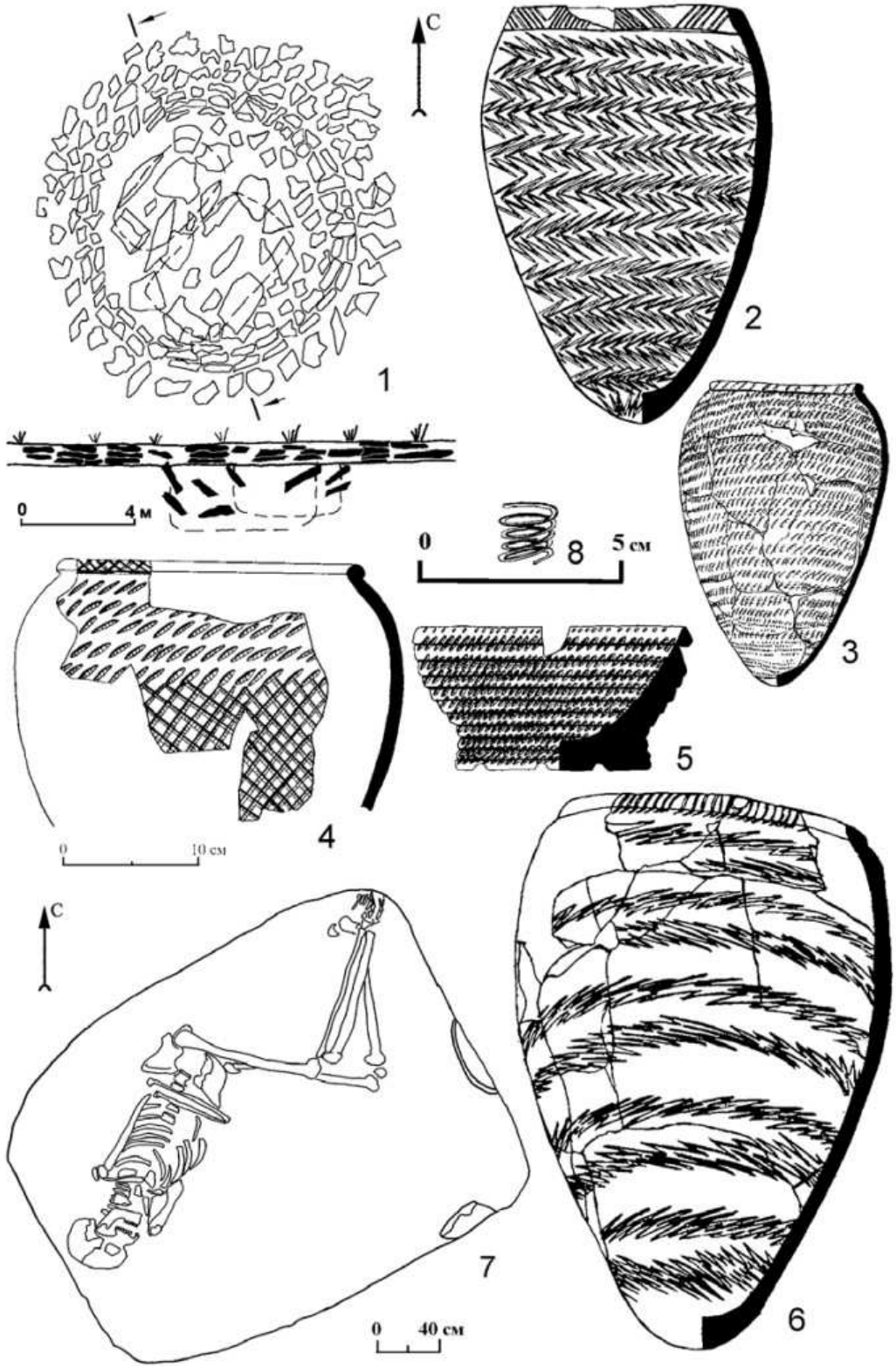

Рис. 125. Могильник Моисеиха: *1* – план и разрез кургана №16; *2* – сосуд из могилы 1 кургана №16; *3–6* – сосуды из могилы 2 кургана №16; *7* – план могилы 1 кургана №16; *8* – серебряное височное кольцо из могилы 1 кургана №16. По: Ковалева и др., 2010, рис. 3; 5; 7; 8

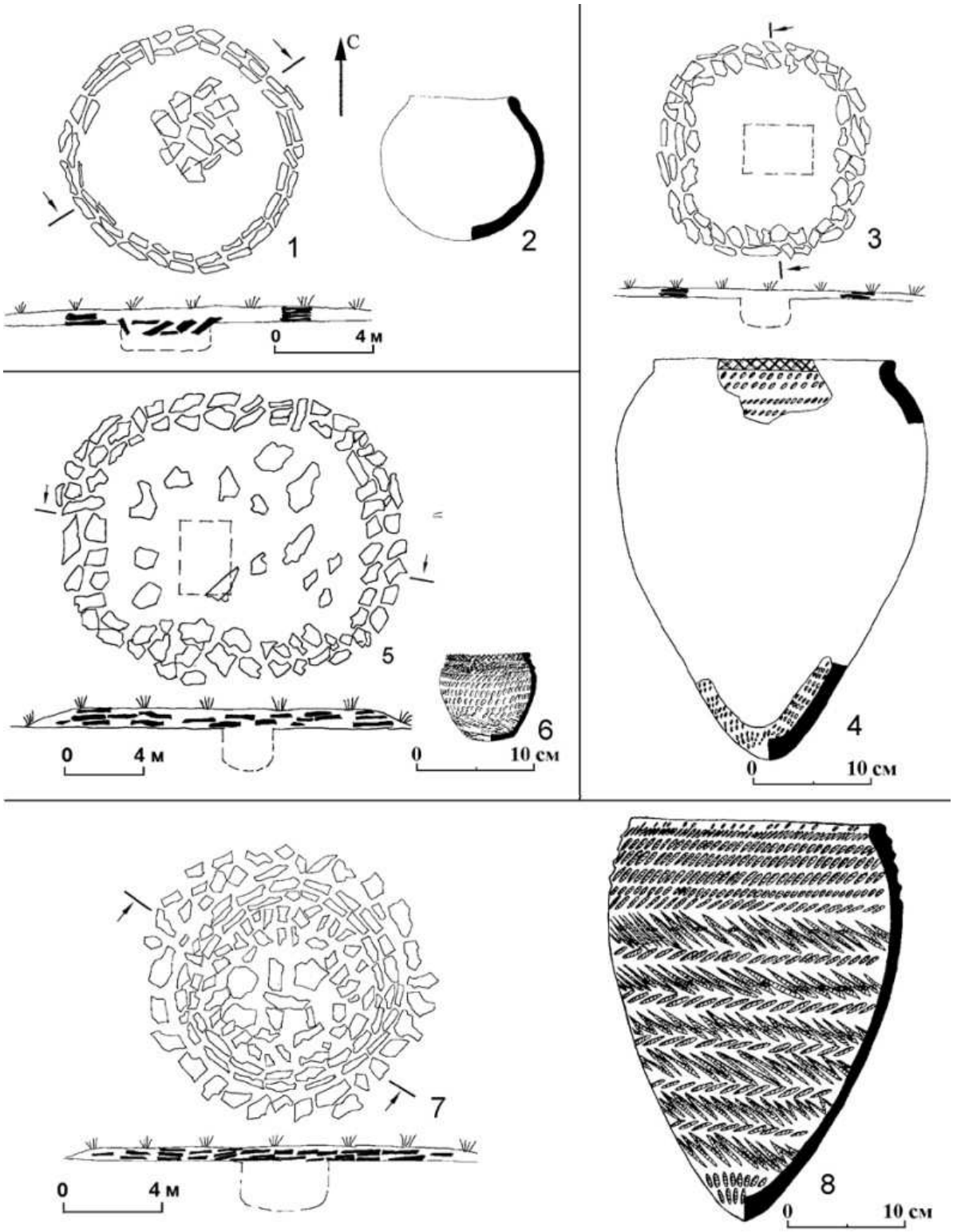

Рис. 126. Могильник Моисеиха: *1* – план и разрез кургана №17; *2* – сосуд из могилы 1 кургана №17; *3* – план и разрез кургана №18; *4* – сосуд из СВ части кургана №18; *5* – план и разрез кургана №19; *6* – сосуд из восточной стенки кургана №19; *7* – план и разрез кургана №20; *8* – сосуд из могилы 1 кургана №20. По: Ковалева и др., 2010, рис. 3, 4, 7

Керамика и инвентарь. Из-за того, что могильник сильно потревожен, многие могилы ограблены, с учетом формальной методики раскопок, главное достижение его исследования – коллекция керамики, состоящая из не менее, чем 46 афанасьевских сосудов, целых и в обломках. Передано в музей в разной степени сохранности более 38 сосудов. После реставрации опубликован 21 сосуд, помимо окуневских и одного тесинского-таштыкского (Ковалева и др., 2010, рис. 6 -2; 7, 10–13). 15 сосудов яйцевидных

остродонных, из них крупные, высотой 25–35 см (рис. 123 -6; 124 -2; 125 -2, 4, 6; 126 -4, 8); средние, высотой 13–22 см (рис. 124 -7; 125 -3), миниатюрные (4 экз.), высотой 8–12 см (рис. 124 -8–10). Яйцевидные сосуды имеют особенности: у них сильно вытянутое тулово или заостренно дно, все венчики низкие и орнаментированные. На тулове сочетаются резные линии (треугольники, арки, вертикальная елка, сетка) и оттиски гребенчатого штампа. Они часто образуют вертикальные зигзаги, как по вертикали, так и по горизонтали. 14 сосудов шаровидных круглодонных, различающихся размерами, высотой от 12–18 до 35 см (рис. 123 -5, 7; 124 -6; 126 -2). Среди них несколько корчаг. Многие сосуды орнаментированы наполовину и без орнамента. Они светло-коричневые, венчики без орнамента, сохранились хуже, чем яйцевидные сосуды. Необычны 2 маленьких горшочка, схожих с яйцевидными сосудиками, но с плоским донышком. У одного имеются 2 ручки под венчиком (рис. 124 -5; 126 -6). Необычна одна из двух курильниц, без орнамента, высотой всего 5 см, на едва заметном поддоне, с боковой ручкой (огр. 4, мог. 2) (рис. 123 -2), вторая курильница похожа на другие афанасьевские вазочки, с обломанной ручкой, высотой 8 см, диаметром чаши 16 см, глубиной 5 см, высотой поддона 3 см, на котором 7 округлых ножек диаметром 3 см. Покрыта рядами наклонных оттисков зубчатого штампа, создавших ребристую поверхностью (огр. 16, мог. 2) (рис. 125 -5). Форма 13 сосудов не установлена.

Помимо керамики, к афанасьевским изделиям относится проволочная серебряная серьга из нескольких витков (огр. 16, мог. 1) (рис. 125 -8). Такие предметы, как бронзовое (?) и каменное копье, шило, 2 ножа, происходят из могил окуневской культуры (огр. 5, 21, 24). Очевидно, из впускной окуневской могилы (огр. 17) был третий нож, «имеющий форму уплощенной лопатки» (Ковалева и др., 2010, рис. 8 -2). Он лежал на 25 см выше дна могилы и костей скелета, вместе с которыми стоял вверх дном шаровидный сосуд высотой 12 см (рис. 126 -2) (Ковалева и др., 2010, с. 114, рис. 8 -2).

Отражение социальных отношений. Материалы могильника подтверждают версию о том, что социальное положение покойника отражают наибольшие размеры ограды и могилы, а также наличие в них таких ритуальных сосудов, как особо крупные сосуды – корчаги для общественных трапез и курильницы для ритуальных обрядов (Вадецкая, 1976). Самая крупная ограда (№4) расположена в центре кладбища, в ней обломки толстостенной корчаги, а на покрытии могилы найдены обломки чашечки на поддоне с боковой ручкой – курильницы (рис. 123 -2). В могиле той же центральной ограды (№7), но меньшего размера, помимо корчаги, были 2 оригинальных сосуда. Один шаровидный с налепными ручками под венчиком, другой яйцевидный остродонный, украшенный зоной прочерченных треугольников среди рядов витой веревочки (рис. 123 -5–7). Еще две могилы с привилегированными покойниками были сооружены одновременно и окружены одной оградой (№16). Знатность одного доказывается тем, что он носил в левом ухе серебряную серьгу (рис. 125 -8). Второму положена курильница и яйцевидные сосуды с уникальными орнаментами (рис. 125 -2–6).

Хронология. К особенностям могильника относится то, что он состоит из нескольких кладбищ, которые могут относиться к разным периодам афанасьевской культуры. Во всех оградах, за исключением одной, по одной могиле, где похоронено по одному человеку. Окуневские захоронения произведены прямо на месте афанасьевских, в середине оград. Следовательно, к этому времени афанасьевские надмогильные сооружения расплылись и были практически не приметны. Это позволяет предполагать, что этот могильник один из самых ранних среди афанасьевских.

Место хранения материалов: Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова.

Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 108–121.

11. Мочёркина Горка, стоянка

Находится в 1 км к Ю от пос. Шушенское, на первой надпойменной террасе, клином вдающейся в обширную пойму Енисея, на выдувах песка, в местности Мочеркина Горка. Н.В. Леонтьевым в 1964 г. был зачищен культурный слой мощностью 30–35 см на глубине 185 см с фрагментами керамики афанасьевского типа. Подъемный материал: фрагменты керамики, колотушка, скребловидное орудие, отщепы, обломки глиняных кружков из стенок сосудов – прясел. В Минусинском музее хранится 2 фрагмента венчика и 3 стенки сосудов. Венчик покрыт косыми оттисками края гладкой палочки, которые под венчиком продавлены в противоположную сторону. Стенки сосуда покрыты горизонтальными рядами косых оттисков краев той же палочки.

Место хранения материалов: Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. Не опубликованы.

Отчет: ИА, р-1, д. 3045, л. 7–8; ММ, оп. 1, д. 528.

12. Нумахыр, могильник

Могильник расположен на надпойменной террасе восточного склона горы Нумыхар, давшей название памятнику, правого берега р. Биджа, в 4 км к ЮЗ от с. Ковыльное. В 2000 г. Н.А. Боковенко раскопал 1 курган афанасьевской культуры.

Могильник разновременный. На нем виден большой десятикаменный курган тагарской культуры и 31 круглая ограда диаметром от 3 до 20 м. Самые крупные, видимо, принадлежат карасукской культуре, а небольшие, возможно, относятся к афанасьевской культуре. Если это подтвердится дальнейшими раскопками памятника, то афанасьевские курганы окажутся расположенными группами от одной, двух-четырех оград, соответственно составляющих несколько кладбищ.

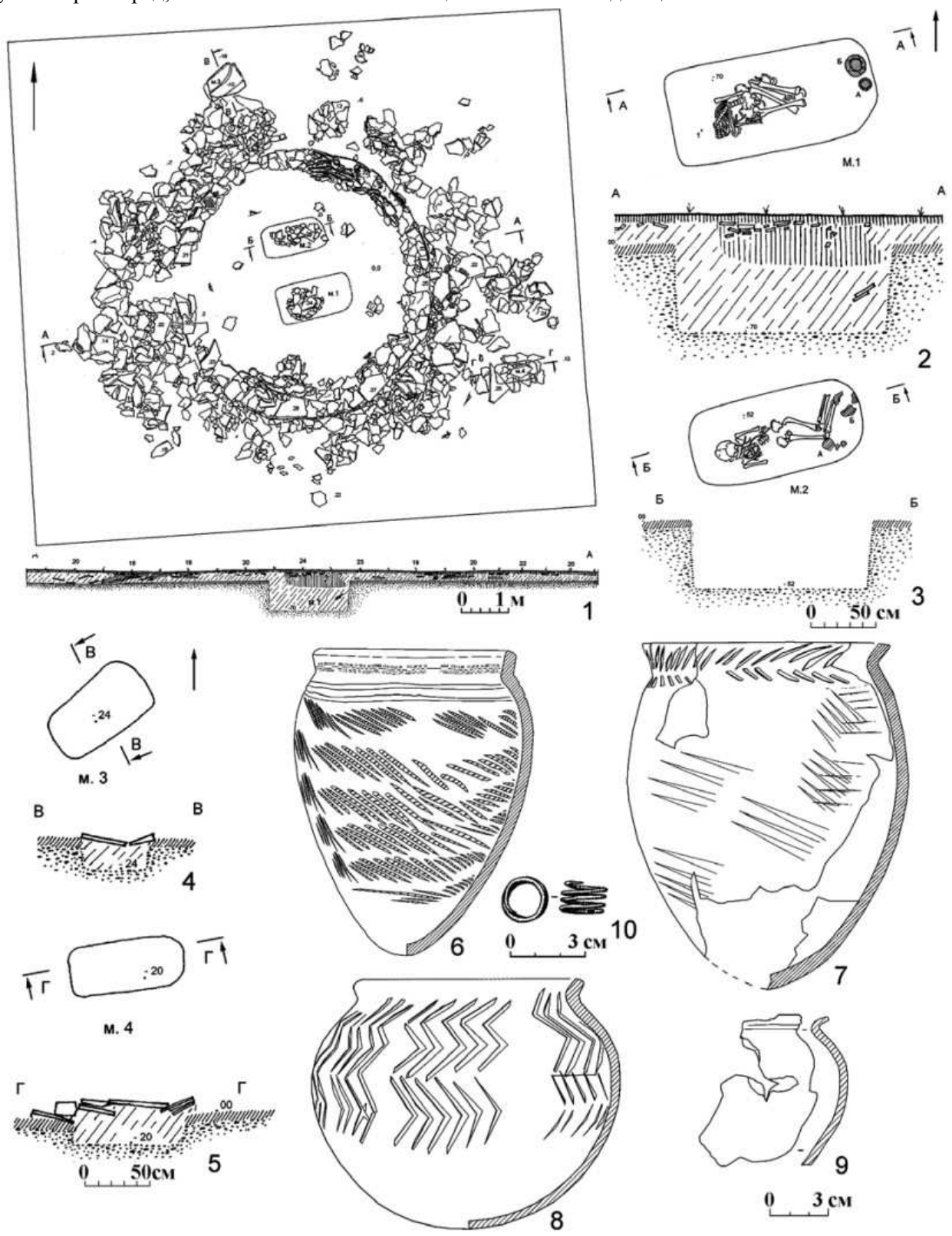

Рис. 127. Могильник Нумахыр: *1* – план и разрез кургана 1; *2* – план и разрез могилы 1; *3* – план и разрез могилы 2; *4* – план и разрез могилы 3; *5* – план и разрез могилы 4; *6, 7* – сосуды из могилы 1; *8, 9* – сосуды из могилы 2; *10* – серебряная серьга из могилы 1. По: Боковенко, Легран, 2010, рис. 4; 6; 7

Ограда диаметром 5,5 м, сохранившаяся на высоту до 50 см и шириной до 70 см (рис. 127 -1), сложена из крупных и мелких плит. Крупные (70х100 см, толщиной 20 см) местами доложены более мелкими плитами до 10х20 см. Внутри ограды были 2 параллельные могилы для подростков (160х77х70 см и 137х66х52 см), расположенные на расстоянии 95 см друг от друга. Они, видимо, были под одним каменным надмогильным сооружением, размером равным внутреннему диаметру ограды, являвшейся практически его крепидой.

В могиле скелет подростка 13–14 лет, на спине, с поднятыми вверх коленями и прижатыми к тазу ногами, головой на ЗЮЗ (рис. 127 -2). Следов нарушения могилы нет, тем не менее, отсутствует череп, мелкие кости рук и неестественно изогнут позвоночник. Все это, с учетом позы костяка, свидетельствует о захоронении в мешке где-то хранившегося трупа. Хранящаяся отдельно от тела голова к моменту захоронения не сохранилась и на ее место положена серебряная проволочная серьга в 2,5 оборота (рис. 127 -10). В ноги поставлены 2 сосуда – яйцевидной и шаровидной формы. Яйцевидный с прямым венчиком, под которым прочерчены 2 линии, тулово покрыто слабыми оттисками длинного гребенчатого штампа. Шаровидный сосуд орнаментирован вертикальными рядами оттисков гладкого штампа, образующих зигзаги (рис. 127 -6, 8). В могиле 2 скелет ребенка 8 лет на спине, с поднятыми вверх коленями, головой на ЗЮЗ (рис. 127 -3). В ноги поставлены 2 сосуда – яйцевидной и шаровидной формы. Оба слабо орнаментированы (горизонтальная елочка под венчиком первого сосуда) (рис. 127 -7, 9). С двух сторон ограды, в 1,5–1,6 м от нее, имелись 2 могилки для грудных младенцев. В ямках (48х84х24 см и 40х90х20 см), под мелкими плитами ничего не сохранилось (рис. 127 -4, 5). Антропологические определения сделаны А.В. Громовым.

Хронология. Яйцевидные сосуды с высоким венчиком небрежно орнаментированы, один только по венчику. По этим признакам ограда может относиться к поздним афанасьевским. Радиоуглеродная дата получена по кости человека из могилы 1 (Ле-6146) – 4160±90. После калибровки получен предполагаемый хронологический отрезок 2915–2488 гг. до н.э. (Поляков, 2010, с. 167).

Место *хранения* материалов: ИИМК РАН.

Боковенко Н.А., Легран С. Могильник Нумахыр на реке Биджа // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 29–35.

13. Подсуханиха, могильник

Расположен на первой надпойменной террасе бывшей левой широкой Потрошиловской протоки, которая отделяла русло Енисея от 8–10 м террасы его правого берега. Он находится под горой Суханихой, в 7 км к юго-западу от ныне затопленного с. Потрошилово и в 15 км от с. Николо-Петровка.

Могильник обнаружен А.А. Гавриловой в 1955 г., тогда же для проверки его культурной принадлежности раскопана 1 ограда. Афанасьевские ограды определялись по отдельным камням, выступающим частично на поверхности земли по кругу. В 1960 г. А.А. Гавриловой в составе Красноярской археологической экспедиции раскопано еще 6 оград, составлен план могильника (рис. 128 -1). Исследование оград производилось широкими раскопами с вертикальной и горизонтальной зачисткой развалов оград. Три из них (№3–5) исследовались одним раскопом, но каких-либо дополнительных сооружений или пятен между ними не выявлено (рис. 129 -1). После затопления поймы Енисея Красноярским водохранилищем афанасьевские курганы во время максимального подъема воды начали разрушаться. В 1987 г. Н.В. Леонтьевым раскопано разрушенное погребение (мог. 8), обнаруженное к северо-западу от раскопанных А.А. Гавриловой, и им же в 1995–1996 гг. совместно с экспедицией Германского археологического института еще 7 могил №9–15 (I/1, I/2, II/1, II/2, III/1, VI/1, VI/5) в разрушенных и полуразрушенных оградах, которые были видны на краю обнаженной береговой террасы. В 2000 г. В.С. Зубков в составе той же экспедиции исследовал афанасьевский курган №19А, расположенный в 22 м на СВ от раскопанного А.А. Гавриловой кургана №2 (рис. 132–133). Этот третий одиночный курган могильника располагался на небольшом возвышении 9–12 м речной террасы, в 5–55 м от ее края. Раскопом площадью 800 кв. м была охвачена ограда и располагавшиеся под ее завалами с внешней стороны на древней поверхности пустая ямка (100х85х40 см) и 3 афанасьевских очага, включая один с керамикой.

Сквозная нумерация	Опубликованный вариант
9	I/1
10	I/2
11	II/1
12	II/2
13	III/1
14	VI/1
15	VI/5

Существуют 2 варианта нумерации могил: один продолжает нумерацию, начатую Гавриловой (9–15), второй представлен в публикации раскопок 1995–1996 гг., изданной в Германии (Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009). В дальнейшем будет использоваться более удобная сквозная нумерация.

Расположение групп курганов на могильнике. В 1960 г. на площади 150х70 м насчитывалось 14 близко расположенных круглых оградок, а 2 наиболее крупные были от них на значительном расстоянии. Расстояние между крайними оградами до 500 м. В четырех из пяти раскопанных оградах основной части могильника были индивидуальные захоронения детей и подростков и только в одной (№7) взрослая женщина. С ней найден 1 сосуд яйцевидной формы (№1).

Северная ограда (№2), внутренним диаметром 11 м, находилась на расстоянии 200 м от крайнего, едва видимого кольца основной территории могильника (рис. 129 -4). В ней была большая могила (320х250 см)

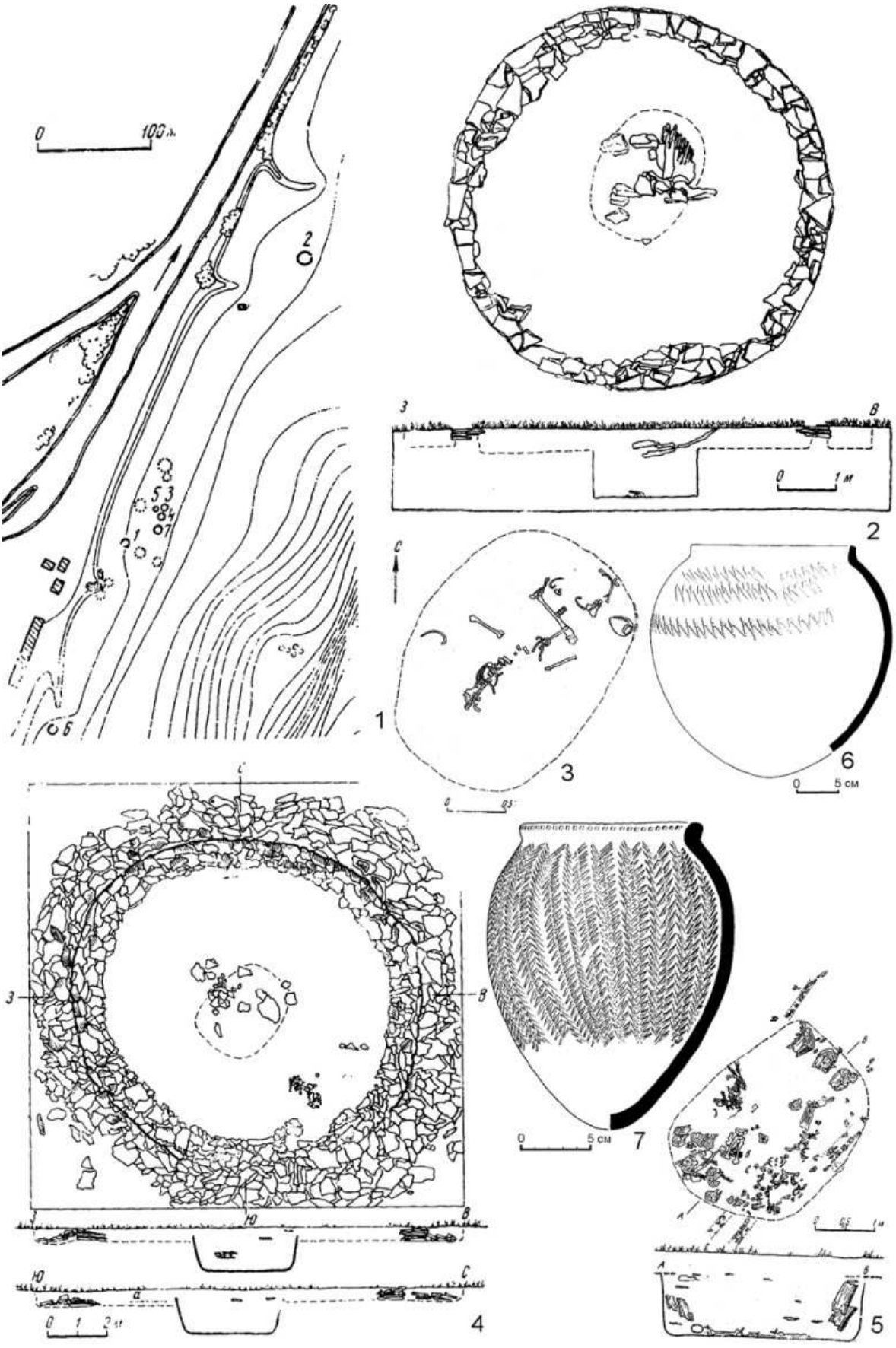

Рис. 128. Могильник Подсуханиха: *1* – план могильника, составленный А.А. Гавриловой в 1960 г.; *2* – план и разрез ограды 1; *3* – план могилы из ограды 1; *4* – план и разрезы ограды 2; *5* – план и разрез могилы из ограды 2; *6, 7* – рисунки сосудов из могилы ограды 2. По: Иванова, 1968, рис. 20; 22; 23; 27; 28

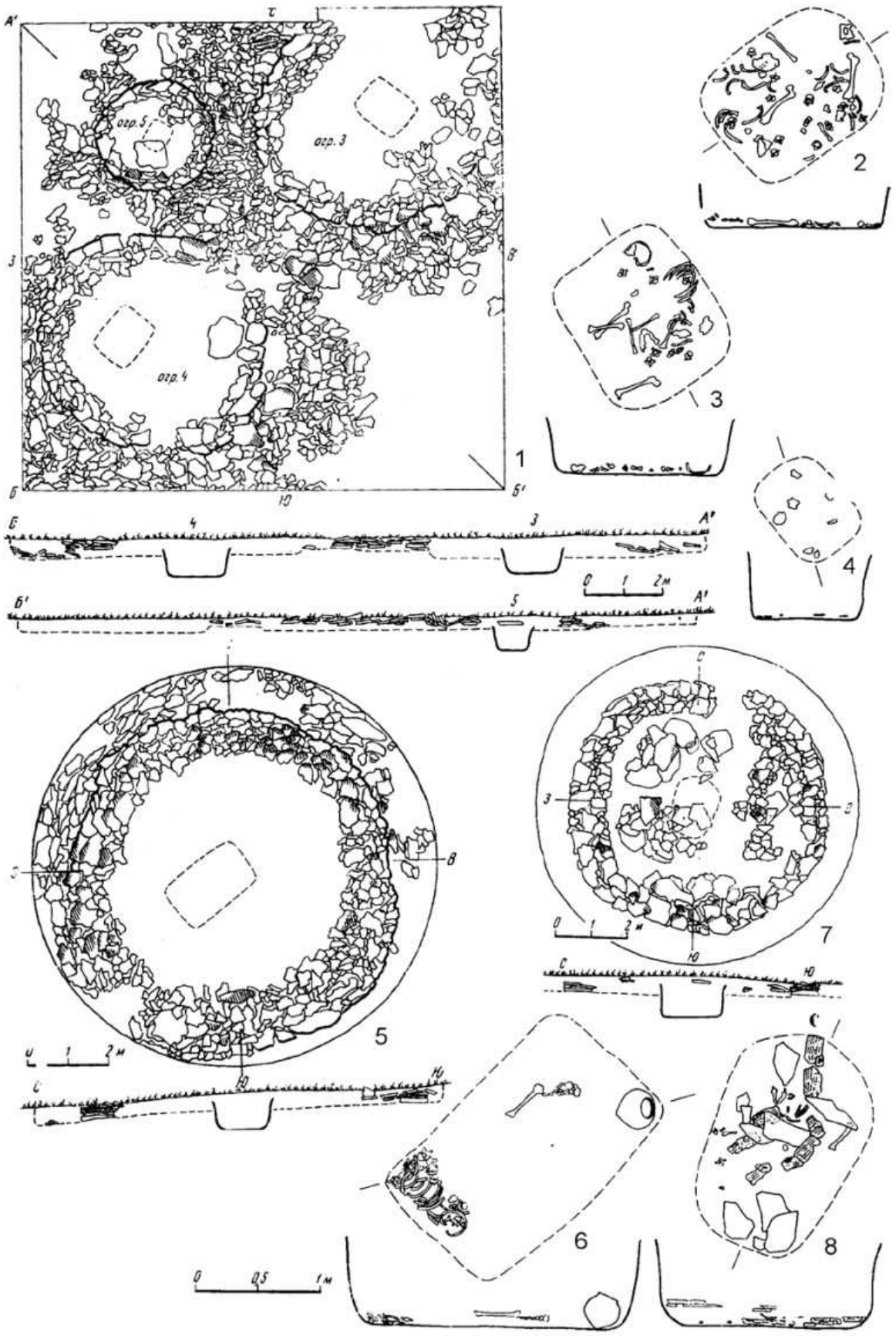

Рис. 129. Могильник Подсуханиха: *1* – план и профили оград 3–5; *2* – план и профиль могилы из ограды 3; *3* – план и профиль могилы из ограды 4; *4* – план и профиль могилы из ограды 5; *5* – план и профиль ограды 6; *6* – план и профиль могилы из ограды 6; *7* – план и профиль ограды 7; *8* – план и профиль могилы из ограды 7. По: Иванова, 1968, рис. 24–26; 29; 30

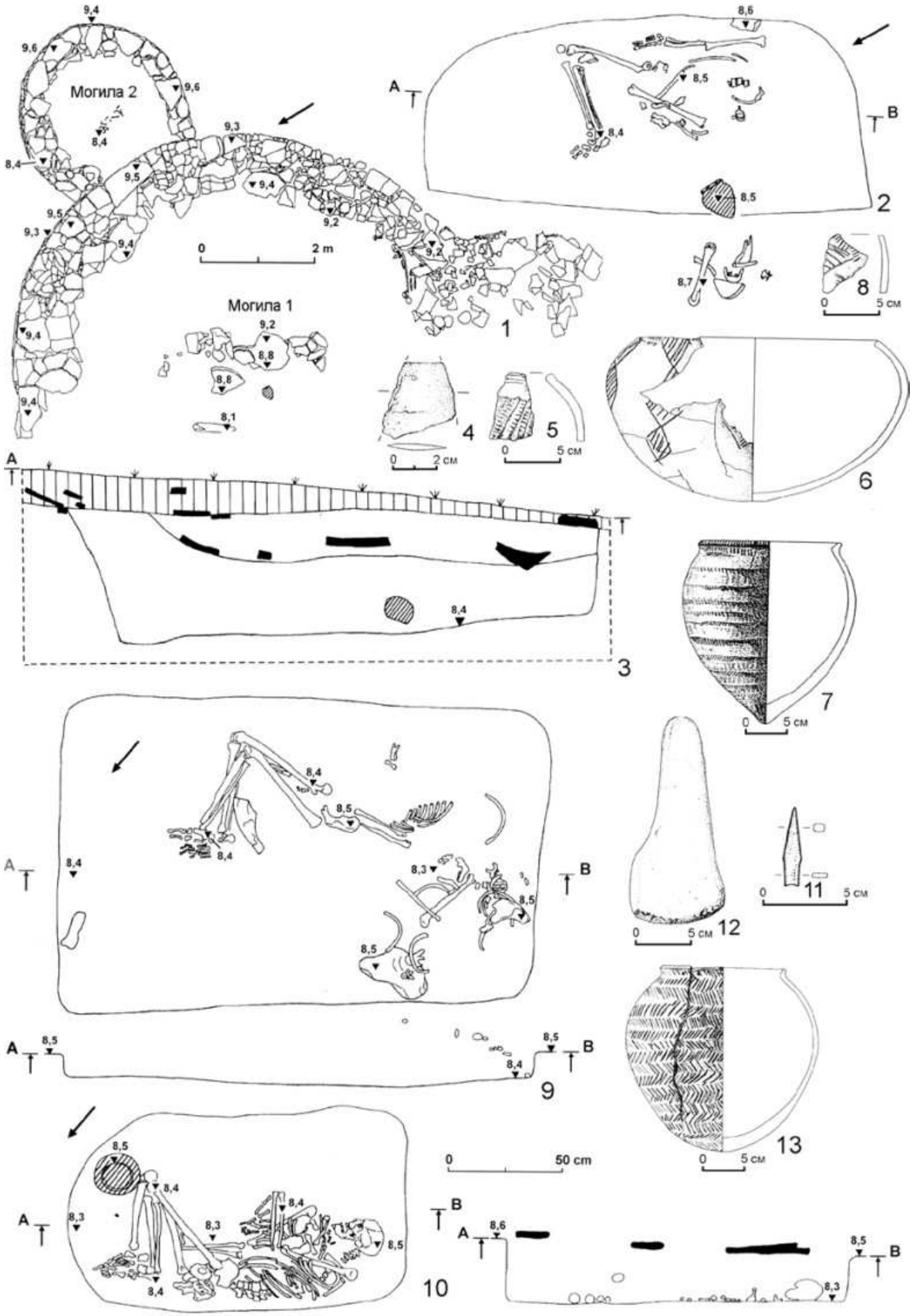

Рис. 130. Могильник Подсуханиха: *1* – план объекта I; *2* – план могилы 1 объекта I; *3* – разрез могилы 1 объекта I; *4* – обломок каменного острия из могилы I/1; *5* – фрагмент керамики из могилы I/1; *6, 7* – сосуды из могилы I/1; *8* – фрагмент керамики из могилы I/2; *9* – план и профиль могилы II/1; *10* – план и профиль могилы II/2; *11* – костяной наконечник из могилы II/1; *12* – каменное долото из могилы II/1; *13* – сосуд из могилы II/2. По: Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 15–19

с погребением пожилого мужчины и ребенка 7 лет, первоначально уложенных головой на ЮЗ. На костях следы охры. В могиле 5 сосудов и каменный наконечник стрелы (Иванова, 1968, рис. 32 -2).

Южная ограда №6, диаметром 8,5 м, находилась на расстоянии 150 м от южного кольца основной части могильника (рис. 129 -5). В могиле (200х130 см), видимо, вторично захоронен человек зрелого возраста (рис. 129 -6). Нижняя часть тела была в анатомическом порядке, а кости верхней части туловища перемешаны, ребра и позвонки аккуратно собраны в кучку. Во время ограбления могилы компактная продолговатая кучка костей была перемещена к юго-западной стенке. В ногах шаровидный сосуд.

Кроме семи могил, раскопанных в 1955 и 1960 гг., на основной площади могильника еще 8 могил (№8–15) доисследовано в 1987, 1995–1996 гг. Эти могилы и их ограды уже были полуразрушены или разрушены, поэтому в них мало, что сохранилось. В могилах захоронены преимущественно мужчины (№9, 11–13), реже подростки (№8, 10) и только однажды мужчина с женщиной (№15). В двух могилах

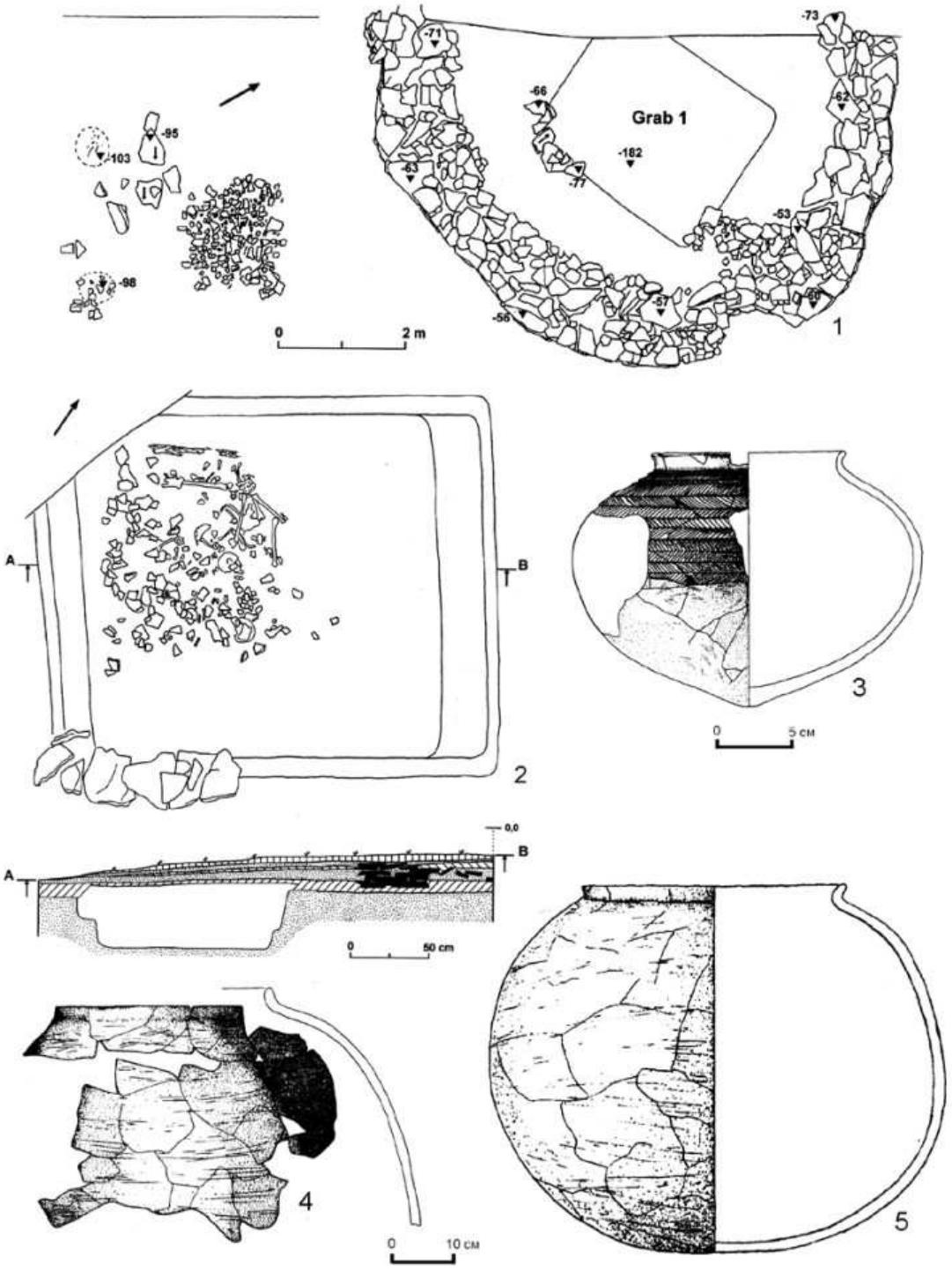

Рис. 131. Могильник Подсуханиха: *1* – план объекта VI/1; *2* – план и разрез могилы 1 объекта VI/1; *3* – сосуд из могилы 1 объекта VI/1; *4, 5* – сосуды из объекта VI/5. По: Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 51; 53; 54

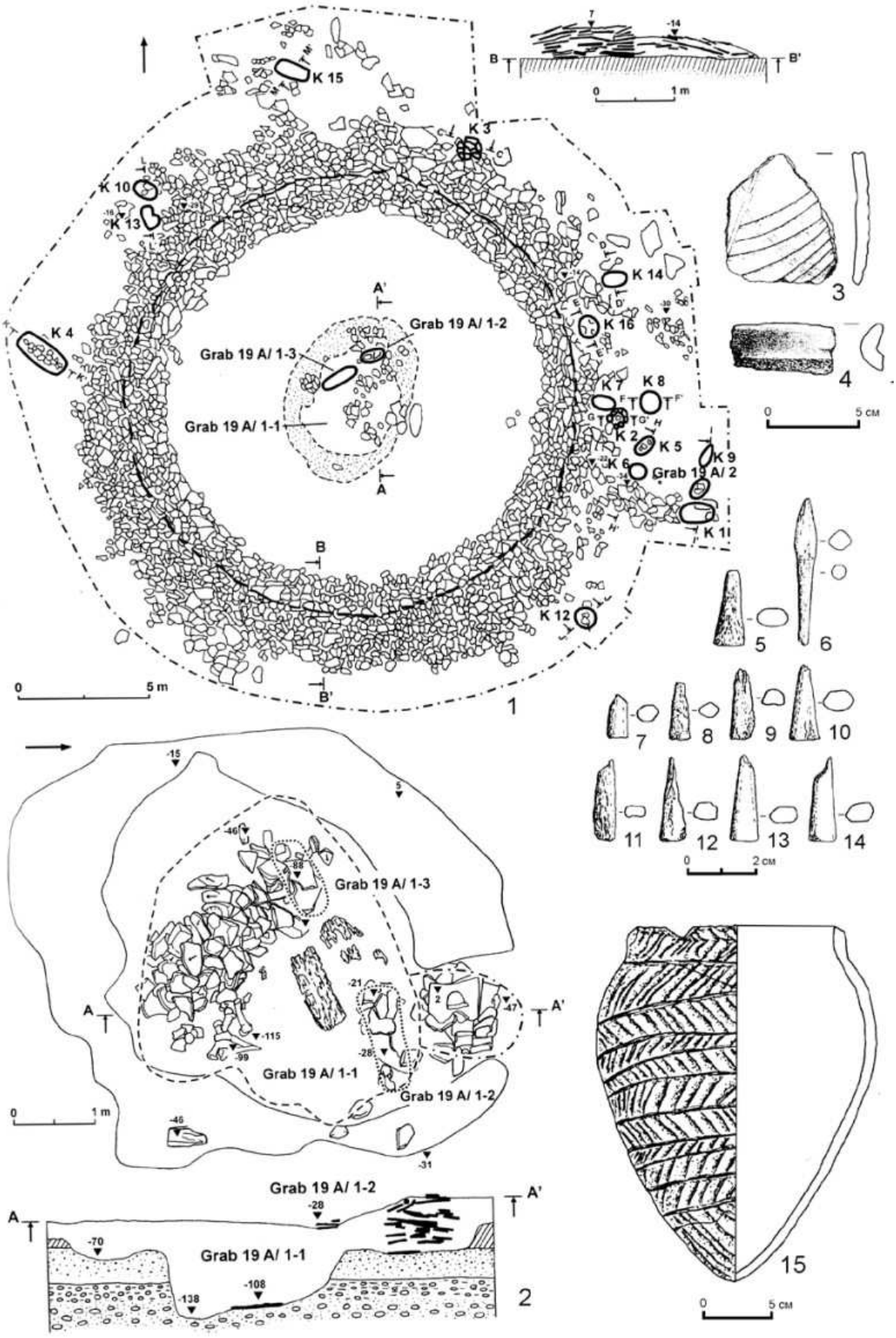

Рис. 132. Могильник Подсуханиха курган 19А: *1* – план и разрез ограды кургана 19А; *2* – план и разрез центральной могилы кургана 19А; *3, 4* – фрагменты керамики из могилы 1 кургана 19А; *5–14* – костяные гвоздики из могилы 1 кургана 19А; *15* – сосуд из могилы 1 кургана 19А. По: Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 101; 105; 106

почти полностью сохранились скелеты, лежавшие вдоль стенки могилы на спине с согнутыми в коленях ногами (Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb.18 -1, 2).

Значительно больше сведений получено из раскопок третьего одиночного кургана №19А, расположенного в 22 м на СВ от крупного кургана №2. Реальный внутренний диаметр кольца 17 м, ширина до 130 см, сохранившаяся высота до 45 см (рис. 132 -1). Ограда сложена из 6–8 рядов плит песчаника, плотно подогнанных друг к другу. При ее расчистке собраны предметы и кости животных, относящиеся к периоду тагарской культуры и позднее. В ограде обширная яма (350х240 см) глубиной 140 см, закрытая первоначально бревнами и сверху плитами. Земля из ямы уложена не сверху на плиты, а по ее периметру. В заполнении могилы и около ее дна, в перемещенном состоянии, были кости двух мужчин 30–35 и 40–45 лет, несколько обломков корчаги, 10 костяных гвоздиков (рис. 133 -5–14), веретенообразный костяной предмет и просверленный астрагал овцы. На дне ямы лежали яйцевидный сосуд (рис. 132 -15) и каменный пест (Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 106–107). С внешней стороны ограды на древней поверхности одна пустая ямка (100х85х40 см) и 3 афанасьевских очажка (рис. 133).

Конструкция погребальных сооружений. В 1960 г. была сделана реконструкция самой большой на тот момент ограды №2, внутренним диаметром 11 м и шириной 100 см. Для этого были расчищены все свалившиеся наружу плиты, лежавшие на ширину 2,5–3 м черепицеобразно, иногда в несколько рядов. Затем все плиты развала были аккуратно сложены на не потревоженную нижнюю часть ограды, сохранившуюся до высоты 35 см. Получилась ограда высотой 80 см. С учетом того, что не все плиты были подняты, вероятная первоначальная высота не менее 1 м. Немного меньше высота, видимо, второй

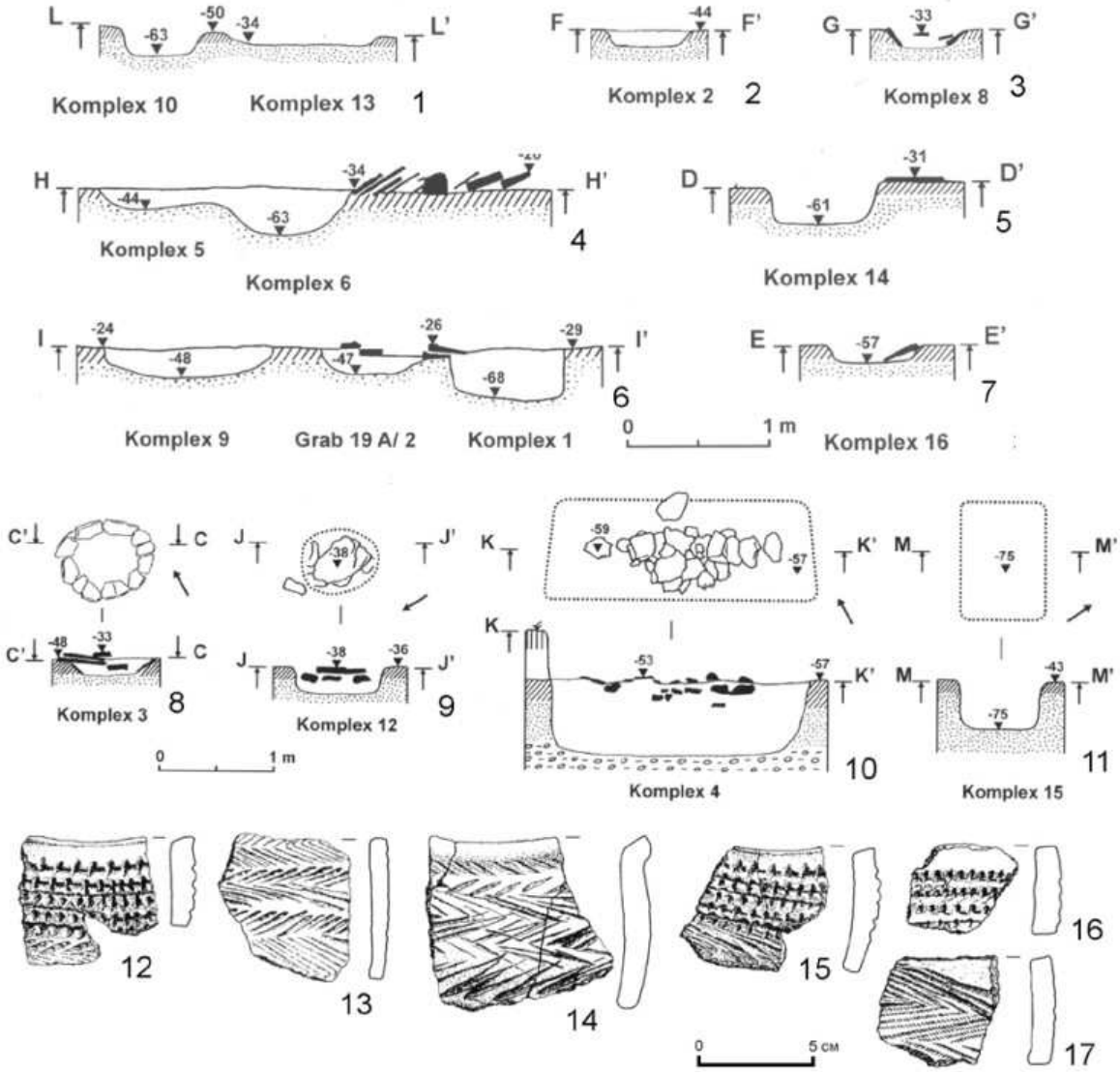

Рис. 133. Могильник Подсуханиха курган 19А: *1–11* – профили сопроводительных комплексов, расположенных вокруг кургана 19А; *12–14* – фрагменты керамики, найденные в комплексе 2; *15* – фрагмент керамики найденный в комплексе 7; *16, 17* – фрагменты керамики, найденные вокруг кургана 19А. По: Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 109–112

одиночной ограды №6, внутренний диаметр которой 8,5 м, ширина 80 см. Почти в 2 раза больше была высота ограды 19А, внешний диаметр которой 17–17,5 м, развал кольца шириной 2,5–3,4 м, а первоначальная ширина 130 см. На основной территории могильника 3 ограды были диаметром 6,5–7,5 см, первоначально высотой до 80 см и шириной до 100 см (огр. 1, 7, 9), а оградки с детскими могилами диаметром 3–5,5 м, шириной 50 см. Конструкция оград стандартная, все круглые, сложены сухой кладкой из плит песчаника, нижние камни крупнее верхних и снаружи стенки выровнены.

Детские могилки овальные, для взрослых подпрямоугольные и одна (150х90 см) прямоугольная. Даже индивидуальные могилы на основной площади кладбища крупные, площадью до 3–4 кв. м, но глубина их разная, от 70 до 115 см. Закрыты длинными бревнами и плитами, а детские ямки только плитами. Ориентированы все с ЮЗ на СВ. В каждой ограде была одна могила.

Сооружения над могилами были громоздкими и соответствовали практически внутреннему диаметру оград, поэтому развалились они только наружу. О том же свидетельствуют остатки покрытия в наиболее крупных оградах №2 и 19А. Бревенчатый накат над могилой в ограде №2 был длиной более 5 м и состоял из бревен длиной 520 см или из одного большого бревна, к которому привязывались другие меньшего размера. Их концы, длиной 1 м и больше, располагались на бортах ямы, длина которой была 320 см (Иванова, 1968, рис. 28). Возможно, что концы бревен лежали на неубранных выкидах земли из ямы. Такой выкид в ограде 19А зафиксирован по всему периметру могилы площадью 8,5 кв. м (3,5х2,4 м). Сохранившаяся высота этого выкида 40 см от древней поверхности. Первоначально могила перекрывалась сначала деревянными досками или бревнами, уложенными в направлении СВ–ЮЗ, а затем поверх них плашмя укладывались плиты песчаника. Таким образом, ограда или крепида складывалась вокруг надмогильного сооружения. Следовательно, мнение, что могила выкапывалась внутри ограды, как предполагают авторы некоторых раскопок, не правильное.

Погребальный обряд. Все похороны совершены в летнее время. Из-за значительной потревоженности могил, как грабителями, так и позднее затоплением, поза погребенных определяется редко. В тех случаях, когда это возможно установить, умерших укладывали на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. В одной могиле (м. 12) покойник был прижат к стенке и перевернулся направо (Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb.18 -3). Сосуды по 1–2 поставлены в ногах покойников.

Антропологические определения сделали Л.Г. Вунч и В.В. Гинзбург (раскопки 1955, 1960 гг.), Т.М. Рейс (раскопки 1987, 1995–1996, 2000 г.). Число погребенных в могиле пропорционально ее размерам. В самых крупных могилах похоронены пожилой мужчина и подросток 7 лет (огр. 2), двое мужчин 30–35 и 40–45 лет. Еще в одной крупной могиле ограды 15 (320х260 см) похоронены женщина 20–29 лет с мужчиной 25–40 лет. В целом, всего 3 могилы, где похоронены по 2 человека разного пола и возраста, а преобладают индивидуальные (12). Среди них почти половина (5) для детей и подростков. Для детей сделаны отдельные оградки или пристройки к ограде взрослого человека.

Керамика и инвентарь. Собрано около 30 сосудов, включая представленные несколькими обломками, из них 24 переданы в музей. Среди полностью или частично восстановленных 5 яйцевидных остродонных и 9 шаровидных круглодонных. Принадлежность двух сосудов, взятых из разрушенных могил, к афанасьевской культуре сомнительная из-за формы или орнамента. Опубликованы рисунки не всех сосудов.

Яйцевидные остродонные

1. Сосуд с отогнутым наружу венчиком. Обе стороны венчика покрыты косыми насечками. Тулово орнаментировано отпечатками шагающей гребенки в виде вертикального зигзага. Могила 1 (рис. 128 -7).

2. Обломки сосуда, орнаментированного горизонтальными рядами отпечатков зубчатого штампа, поставленного наклонно вправо. Могила 2 (Иванова, 1968, рис. 32 -5).

3. Сосуд высотой 21,5 см с приостренным дном. Венчик диаметром 15,7 см, отогнут наружу, орнаментирован вертикальными оттисками штампа (зубчатого?). Тулово сосуда (диаметр 19 см) и его придонная часть украшены горизонтальными рядами оттисков зубчатого штампа (шагание с протаскиванием). Могила 9. Кол. ММ, кол. №А12545 (рис. 130 -7).

4. Сосуд высотой 17 см, диаметр венчика 10,5 см. Яйцевидный с уплощенным дном. Орнаментирован в верхней трети горизонтальными рядами вдавлений уголка палочки, ниже которых в средней части тулова нанесены прочерченные зигзагообразные линии из оттисков зубчатого штампа. Между ними пространство заполнено вдавлениями уголка палочки. Нижняя треть сосуда украшена горизонтальными рядами зубчатых вдавлений, дно отпечатками уголка палочки. Могила 8. ММ, кол. №А10763.

5. Сосуд с венчиком плавно отогнутым наружу. По венчику и шейке нанесены 3 пояска оттисков, выполненных зубчатым штампом и образующие елочку. Тулово разделено горизонтальными линиями на 10 зон, которые заполнены наклонно прочерченными линиями, образующими елочку. Курган 19А, мог. 1. ММ, кол. №А13283 (рис. 131 -3).

Шаровидные, круглодонные

1. Сосуд с немного отогнутым венчиком. Орнаментирована верхняя половина горизонтальными рядами из наклоненных влево отпечатков зубчатого штампа. Могила 2 (Иванова, 1968, рис. 32 -3).

2. Часть сосуда с прямым венчиком. Орнаментирован по плечам двумя горизонтальными рядами шагающей гребенки. Могила 2.

3. Сосуд с прямым венчиком. Орнаментирован вертикальными рядами горизонтального резного зигзага и группами горизонтальных резных линий, пересеченных крест – накрест двумя такими же резными линиями. Могила 6 (Иванова, 1968, рис. 32 -4).

4. Сосуд с выпуклыми боками, невысокой прямой шейкой и плоским дном, без орнамента. Извлечен из обреза берега на месте разрушенной могилы 8. ММ, кол. №А10762 (не похож на афанасьевский).

5. Сосуд высотой 20,5 см, диаметром венчика 14,5 см, наибольшим диаметром тулова 22 см. Венчик отогнут. Орнаментирован полностью горизонтальными рядами резных линий, образующих елочку. Могила 12. ММ, кол. А12552 (рис. 130 -13).

6. Половина светло-коричневого сосуда. На поверхности тулова прочерчены немногочисленные вертикальные ряды ромбов, заштрихованных внутри. Из заполнения могилы 9, которая значительно уничтожена водохранилищем. Здесь же обломок медного предмета, похожего на нож. Возможно, нож и сосуд из разрушенной карасукской могилы. ММ, кол. №А12546 (рис. 130 -6).

7. Корчага со слегка уплощенным круглым дном. Без орнамента. Могила 15. ММ, кол. №А12572 (рис. 131 -5).

8. Фрагменты крупной корчаги из разрушенного погребения около могилы 8. По описи ММ кол. 10764 (в коллекции отсутствует).

9. Часть сферической корчаги из могилы 15 (рис. 131 -4).

Сосуды неопределимой формы

1. Сосуд, орнаментированный горизонтальными оттисками зубчатого штампа, образующими елочку. По наружной части венчика – решетка, далее горизонтальный зигзаг. Могила 2 (Иванова, 1968, рис. 32 -6).

2. Обломки сосуда с отпечатками шагающей гребенки в его верхней части и слабыми оттисками уголка палочки в нижней. Могила 9. ММ, кол. 12547.

3–4. Обломок сосуда из могилы 10 (рис. 130 -5) и 2 обломка сосуда из могилы 14.

5–10. Обломки от 6 сосудов. Курган 19А, из могилы и вокруг ограды. ММ, кол. 13295, 13297, 13299, 13300.

В могилах и около них собраны несколько каменных и костяных предметов.

1. Каменный пест – речная галька продолговатой формы. Древний мастер подработал природную форму камня в технике пикетажа. Четко выделена рукоять песта. Основание песта уплощенное. Общая длина предмета 21 см, рукояти – 9,5 см, размеры основания 7х4,5 см.

2. Каменный пест из необработанной речной гальки со следами сработанности. Могила 11 (рис. 130 -12).

3. Кремневый наконечник стрелы треугольной формы с выемчатым основанием. Могила 2 (Иванова, 1968, рис. 32 -2).

4. Костяной наконечник стрелы найден в скоплении костей человека у западного угла могилы. Могила к. 19А (рис. 130 -11).

5. Конусовидные костяные предметы (гвоздики) (10 экз.). Их длина 1,5–2,1 см, диаметр основания 0,4–0,7 см. Могила к. 19А (рис. 132 -6–14).

6. Веретенообразный костяной предмет длиной 4,2 см. Могила к. 19А (рис. 132 -6–5).

Другие предметы могут не относиться к афанасьевской культуре. Это подвеска из просверленного астрагала овцы диаметром 0,5 см (Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 107 -11), а также обломок медного пластинчатого предмета из могилы 9.

Отражение социальных отношений. Три одиночных кургана, расположенных на значительном расстоянии от других и друг от друга, объединяются следующими признаками. Они имеют наиболее обширные ямы и соответственно наиболее крупные ограды. В ограде 19А (внутренним диаметром 17 м) была яма площадью 8,5 кв. м. Почти такая же площадь могилы (8 кв. м) в ограде 2 с диаметром 11–12 м. Третья изолированная ограда (6) меньшего размера, диаметром 8,5 м, площадью могилы всего 2,6 кв. м, но в ней захоронен 1 человек, а в других 2 взрослых человека или взрослый с подростком. Во всех могилах захоронены привилегированные мужчины, социальный статус которых отражен в большом количестве положенных им вещей, в их редкости и в ритуалах, совершаемых при похоронах. При неоднократном ограблении могил в оградах 2 и 19А сохранились остатки пяти и семи сосудов. В могиле 19А найдены костяные гвоздики, которые, безусловно, служили украшением особо ценного изделия, например, посоха или жезла вождя, как, предположительно, в «царском» кургане у с. Восточного (Вадецкая, 1980, рис. 3 -1). Обломки корчаг, используемых для общественных трапез, найдены не только в кургане 19А, но и в могиле 15, расположенной на основной площади кладбища. В могиле 6, возможно, еще до ее ограбления было совершено вторичное захоронение взрослого человека. Если версия о вторичном захоронении в могиле верная, то это одно из объяснений изолированности некоторых оград от территории кладбища, где перехоранивали давно умерших. К сожалению, другие изолированные могилы (2 и 19А) ограблены не раз, поэтому первоначальное положение костей не устанавливается.

Хронология. Рядом с афанасьевским могильником и частично на его территории расположились карасукский и тагарский могильники. Экспедицией М.П. Грязнова в 1955 г. были расчищены 3 карасукские могилы и 1 тагарская, подгорновского этапа (Вадецкая, 1986а, с. 69, №46; с. 112, №77). Носи-

тели этих культур оскверняли афанасьевские могилы. Первыми, грабителями, видимо, были окуневцы. Свидетельством их присутствия на могильнике является факт ограбления могил еще до полного разложения трупов. Это зафиксировано дважды. Во-первых, в могиле 1 (подростка или молодого мужчины) лежали не потревоженные кости верхней части позвоночника человека и несколько ребер, а одна из больших берцовых костей в сочленении с костями ступы была переброшена и лежала почти перпендикулярно позвоночному столбу. Во-вторых, в могиле 4 была переброшена часть грудной клетки к стенке ямы вместе с расположенными в анатомическом порядке ребрами (Иванова, 1968, рис. 27, 29 -4). Вторым свидетельством присутствия окуневцев являются находки обломков крупного орнаментированного сосуда баночной формы и заготовки цилиндрической стеатитовой бусины. Они найдены при раскопках 1995–1996 гг. в юго-западной части ограды 2 (раскоп 6), между плитами ограды и под ними**.** Физические взаимоотношения тех, кто хоронил своих родственников под горой Суханиха, с окуневцами отражено в одном сосуде из могильника. Он имеет характерную для афанасьевцев узкую яйцевидную форму и плоское дно. По форме и частично орнаменту сосуд схож с сосудом из могильника Малые Копены II (Вадецкая, 2012б, рис. 16 -13).

К характерным чертам могильника относятся стандартность оград, наличие, преимущественно, индивидуальных могил, захоронение детей в специальных оградках. Все это может свидетельствовать о ранней дате могильника, но это не касается кургана 19А. Следовательно, могилы разновременные. К сожалению, радиоуглеродные даты не уточняют их датировку. Имеется 7 радиоуглеродных дат, полученных по образцам дерева. Половина из них не сопоставляется с конкретными могилами. Так, 2 даты 4409±70 (Bln-4764) и 4259±36 (Bln-4765) относятся к разрушенным каменным кольцам, находящимся в раскопе 6. Еще 2 даты 4253±36 (Bln-4767) и 4022±40 (Bln-4769) из неустановленной могилы 1 того же раскопа 6. Пятая дата 4205±44 (Bln-4766) относится к могиле 2 объекту 2, где в могиле не указано дерева. Шестая дата 3936±35 (Bln-4919) получена из мелких фрагментов древесины, найденных в заполнении могилы 15 (раскоп 6). Седьмая дата 4271±30 (Bln-5280) получена на основании образца из фрагментов перекрытия могилы 19А. Практически только два из семи, взятых для анализа, образцов имеют конкретные источники, хотя и небесспорные. В частности, могила 19А после афанасьевского населения переиспользовалась еще дважды в тагарскую эпоху.

Место хранения материалов: коллекция из могил 1–7 хранится в Государственном Эрмитаже, из могил 8–15, 19А в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова.

Иванова Л.А. Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений // КСИА. Вып. 114. М., 1968. С. 58–69.

Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N. und Zubkov V. Das mehrperiodige Graberfeld von Suchnicha bei Minusinsk / Zur Stellung der Tagar-Kultur im Rahmen der bronze- und eisenzeitlichen Kulturfolge im Minusinsker Beskenl / Mit Beitragen von K. Pustovoytov, I. Fasdihder, H, Becker und I Gorsdorf // Eurasia Antiqua. 2009. Band 15. P. 67–208.

14. Саргов, могильник

Памятник был расположен у северного склона горы Оглахты на территории фермы Комсомольская (бывший улуса Саргов). Пять афанасьевских курганов раскопаны А.В. Адриановым в 1903 г. у края овражка, идущего вдоль подножья горы к Енисею. В 100 м к востоку от этой группы, по северному склону лога, еще 1 курган раскопан М.Н. Пшеницыной в 1965 г. На территории могильника были курганы тагарской культуры, подгорновского и сарагашенских этапов.

Согласно описанию А.В. Адрианова, курганы были плоские, без насыпи, отмеченные каймой из плашмя уложенных плиток и камней в форме кольца, диаметром до 10 м. Могилы «без правильного устройства», в которых по скелету и один сплошь орнаментированный сосуд яйцевидной формы.

Надмогильное сооружение расположенной отдельно могилы не сохранилось, поскольку поверх нее была сарагашенская могила (раскопки М.Н. Пшеницыной). Яма почти квадратная, площадью 11,5 кв. м (3,2х3,6 м, ЗЮЗ–ВСВ), глубиной 50 см от современной поверхности (рис. 134 -1, 2). Первоначально была закрыта лиственничными бревнами диаметром 40 см, сохранившимися в виде остатков на дне ямы. В южной половине ямы плотно уложены останки четырех человек, а северная практически пустая. В ней находились 3 горшка – 2 яйцевидных и 1 сферический (рис. 134 -3–5), а также переброшенная часть костей при ограблении могилы. Антропологические определения сделаны М.П. Грязновым.

Вдоль южной стенки на спине, головой на запад, уложен подросток 13 лет. Его ноги слегка согнуты в коленях. Кости верхней половины скелета и череп смещены. За скелетом, параллельно ему, положен мужчина 25–30 лет. Сохранились только голени, остальные кости от скелета переброшены. За мужчиной положена женщина 40–60 лет (на месте остались кости одной стопы). Она расположена параллельно тазовым костям предыдущих скелетов. Вероятно, положены части трупа или сложенные кости скелета. В ногах этих трех человек, головой на юг, находился практически полный скелет юноши 18-ти лет на спине с сильно скорченными в коленях ногами, прижатыми к животу. Поза свидетельствует о том, что труп был сильно скорчен и спеленат. Очевидно, в могилу были собраны тела разной степени сохранности.

Керамика. Сферический и один из яйцевидных сосудов очень крупного размера. Сферический имеет распространенный орнамент из горизонтальных рядов, образованных наклонными оттисками зубчатого штампа, закрывающего половину сосуда (рис. 134 -3). Орнаментация яйцевидных сосудов оригинальная, особенно крупного. Его поверхность разделена пятью горизонтальными линиями, между которыми пространство заполнено по диагонали оттисками зубчатого штампа. Сосуд среднего размера имеет комбинированный орнамент. Его верхняя половина расчерчена по диагонали рядами,

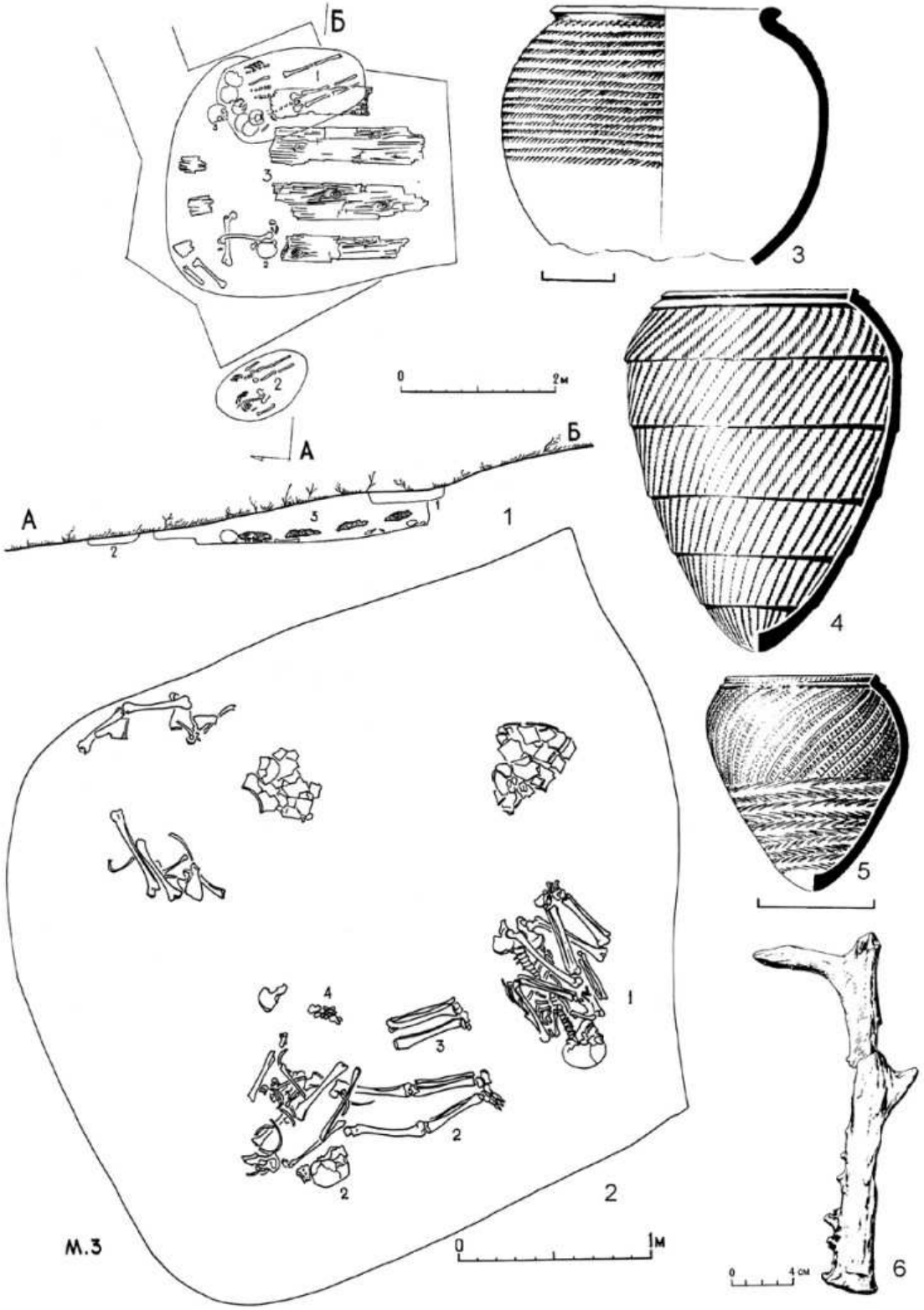

Рис. 134. Могильник Саргов, раскопки М.Н. Пшеницыной в 1965 г.:
1 – план и разрез погребения; *2* – чертеж могилы 3; *3–5* – сосуды из могилы 3;
6 – орудие из рога косули из заполнения могилы 3. По: Грязнов, 1999, рис. 6; 10; 17; 18

между которыми нанесены вдавления уголка палочки-лопаточки. Нижняя половина сосуда покрыта оттисками длинного зубчатого штампа, образующего елочку (рис. 134 -4). Кроме сосудов, в заполнении ямы найден крупный предмет – орудие из рога косули (рис. 134 -6).

Хронология. По образцу дерева из большой могилы (№3) была сделана радиоуглеродная дата Ле-694 – 4270±60 ВР. Получены интервалы калиброванного календарного возраста 3084–2669 гг. до н.э.

Сосуд из раскопок А.В. Адрианова был передан в Красноярский музей, где не сохранился. Вещи из раскопок М.Н. Пшеницыной 1965 г. хранятся в Государственном Эрмитаже.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. Л., 1999. С. 34–35.

15. Староозначенская Переправа, могильник

Разновременный памятник, где, в основном, обнаружены погребения тагарской и таштыкской эпох, расположен на правом берегу Енисея, примерно в 100 м от берега крайней правой протоки, на небольшом возвышенном участке первой прибрежной террасы. В 3 км к югу от памятника, на берегу Енисея, находится с. Красный Хутор. К северу от могильника, примерно в 7 км, ближайший населенный пункт станица Саянская I в Шушенском районе Красноярского края. Могильник исследован Ю.В. Тетериным в разные годы с 1989 по 2004 гг. На левом берегу в пос. Означенное находится лодочная переправа, поэтому автором раскопок дано рабочее название Староозначенская Переправа.

Северо-западную половину памятника занимает обширный грунтовый таштыкский могильник, невидимый на поверхности. При его исследовании применялась методика раскопок грунтовых могильников, закладывались раскопы, на уровне погребенной почвы или материка выявлялись могильные пятна, велась послойная разборка и зачистка внутримогильных конструкций и погребений. В 2004 г. в одном из раскопов (IX), помимо двух таштыкских могил, исследована разрушенная могила афанасьевского времени.

Афанасьевская могила (*могила №31*) прямоугольной формы (2,6х2х0,8 м), ориентирована по линии СЗ–ЮВ (рис. 135 -1). Ее восточная стенка перерезана таштыкской могилой (№30). Могила ограблена. На дне, у юго-восточной стенки, сохранилась окрашенная охрой плечевая кости погребенного, а в центре, среди фрагментов керамики, каменный нож со следами охры (рис. 135 -3). В заполнении могилы черепки того же сосуда, серебряное височное кольцо в 2,5 оборота (рис. 135 -4), 3 кремневых отщепа, несколько ребер и фаланг человека, также окрашенных охрой. Сосуд круглодонный, высотой 30 см, диаметром 31 см, не орнаментирован, но со следами заглаживания в виде длинных полос (рис. 135 -2). Между черепом и правой лопаткой скелета женщины из таштыкской могилы обнаружен фрагмент керамики от второго афанасьевского горшка, покрытый оттисками длинного гребенчатого штампа (рис. 135 -5).

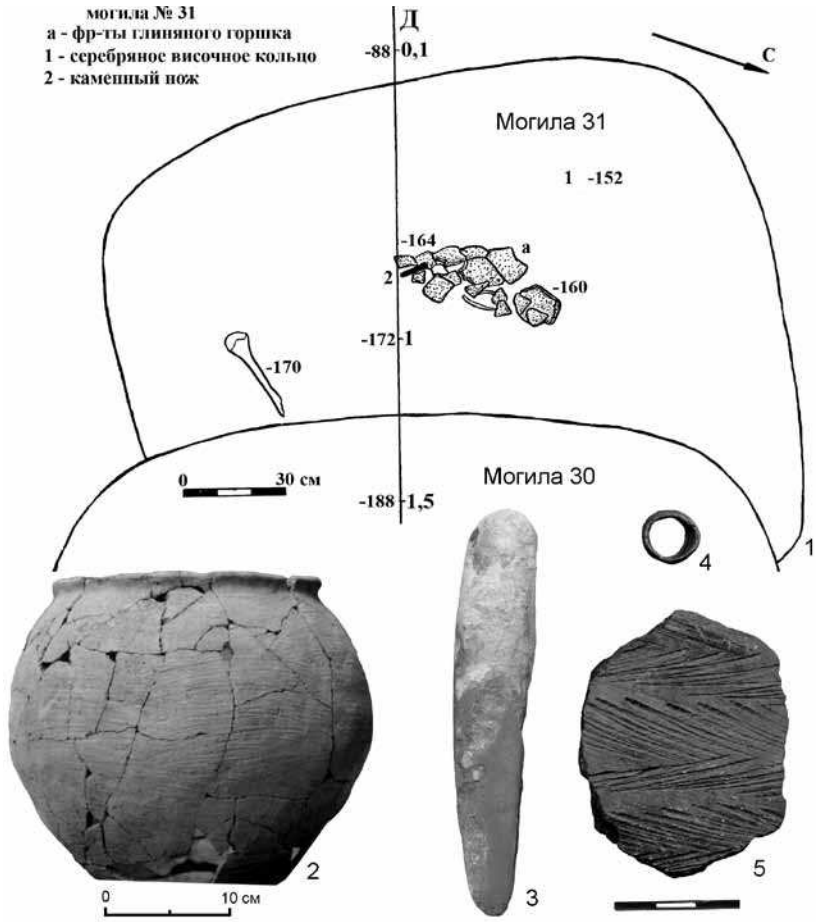

Рис. 135. Могильник Староозначенская переправа могила №31:
1 – план могилы №31; *2* – сосуд из могилы №31; *3* – каменный нож из могилы №31; *4* – серебряная серьга из могилы №31;
5 – фрагмент афанасьевского сосуда, найденный в могиле №30.
По: материалы представлены Ю.В. Тетериным

Помимо могилы, в процессе раскопок на площади памятника в разные годы были найдены фрагменты керамики, каменные пест, тесло и колотушки, кремневые отщепы, которые, скорее всего, также относятся к афанасьевскому времени.

Место хранения материалов: фонды научно-исследовательской лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского гос. университета (ЛГИ НИЧ НГУ). Материалы не опубликованы.

Тетерин Ю.В. Отчет о раскопках памятников таштыкской культуры в Новоселовском и Шушенском районах Красноярского края в 2004 г.

16. Сыда, могильник

Расположен на первой надпойменной террасе правого берега Енисея, в 300–350 м от ее края, среди задернованных, местами развеянных дюн, в 1 км к СЗ от бывшего с. Сыда. Состоял, предположительно, из 12 курганов, имевших вид овальных возвышенностей диаметром 7–12 м и высотой от 40–50 до 80 см. По описанию С.В. Киселева, который в 1929 г. раскопал 7 курганов, на насыпи располагались круглые ограды меньше на 1–2 м диаметра насыпи. Однако ограды он не исследовал, а вместе с ними послойно снял всю земляную насыпь «с закладкой контрольного шурфа в прилегающей целине» (Киселев, 1937, с. 73). Иными словами, заложил раскопы вокруг ограды и глубже древней поверхности. В 1965 г. могильник осмотрен М.П. Грязновым, подтвердившим, что могильник насчитывал не менее 12 курганов, 2 располагались отдельно от основной группы и параллельны друг другу. М.П. Грязнов раскопал 2 кургана с расчисткой ограды, что позволило уточнить их конструкцию.

В публикации М.П. Грязнова могильник назван Сыда I (Грязнов, 1999, с. 25), но такое название уже дано в 1929 г. С.В. Киселевым карасукскому могильнику. Всего в окрестностях села выявлены 4 разновременных могильника и одно поселение (Сыда I–V), не считая афанасьевского, поэтому для последнего должно быть оставлено название Сыда (Вадецкая, 1986а, с. 24, 38, 49, 68, 110, 149).

Расположение курганов на могильнике. О расположении курганов можно судить по полевой фотографии М.П. Грязнова, сделанной им во время работ на могильнике в 1965 г. Фотографией охвачена площадь с 8 ямами, расположенными парами и близко друг к другу. Одна пара курганов с оградами (№8–9), раскопанными в 1965 г., расположена отдельно от них (рис. 136 -1). К сожалению, нумерация оград с их местом на могильнике не устанавливается.

Согласно публикации, в четырех оградах было по одной могиле с плохо сохранившимися костями скелетов людей (ограды 1–3, 7). В двух оградах (ограды 6, 9), кроме центральной могилы, была вторая, пустая, расположенная ближе к ограде (рис. 136 -5–7). Принадлежность этих могил к афанасьевской культуре не установлена. В трех оградах были по 2 и 3 могилы (ограды 4–5, 8).

В ограде №4, диаметром 6,5 м, расположены относительно большие могилы (240х170 и 240х200см) на расстояние 1 м одна от другой. Одна могила, с индивидуальным истлевшим захоронением, была ограблена еще в древности, а вторая, содержавшая погребение 8 человек (двух мужчин, трех женщин, двух взрослых, младенца), осталась, видимо, не потревоженной. В овальной ограде 8, диаметром 7–9 м, были 2 могилы для женщины и мужчины 35–35 лет (рис. 136 -2–4). Обе разграблены. В ограде 5, диаметром 8 м, было 3 могилы. Одна могила большая, четырехугольная, центральная (155х145 см, З–В), и две небольшие прямоугольные, расположенные к СЗ от нее (150х80 см, ЗСЗ–ВЮВ) и восточнее (130х65 см, ЗСЗ–ВЮВ). Все под плитами и насыпью высотой 50 см. Центральная могила ограблена еще в древности, две другие, с погребением молодого человека и ребенка, не потревожены.

Конструкция погребальных сооружений. Шесть оград были сложены из обломков плит, уложенных плашмя. Ограды сохранились высотой 25–40 см из 5–6 слоев плит, шириной до 70 см. Две ограды, по наблюдению С.В. Киселева, составлены из вкопанных на ребро плит толщиной 10–12 см, шириной 100–120 см. Они сохранились на высоту 35–40 см, первоначально были высотой до 1 м. Одна из этих оград (№8), видимо, раскопана М.П. Грязновым. Выяснилось, что ограда первоначально была сложена из плоских плит вокруг одной могилы, а после выкапывания второй расширена, для чего использованы вертикально вкопанные плиты (рис. 136 -2). Очевидно, была перестроена и вторая вертикальная ограда (№4), внутри которой С.В. Киселевым раскопаны 2 могилы. Окружавшая их ограда, диаметром 6,5 м, была слишком мала для двух могил (240х170 и 240х200 см), с учетом наличия их надмогильных сооружений. О последовательности сооружения этих могил и перестройке ограды свидетельствует и то обстоятельство, что одна могила с одиночным погребением была не только ограблена, но и кости скелета в ней успели истлеть. Другая могила с коллективным одновременным захоронением семи взрослых людей и младенца не потревожена грабителями, и скелеты в ней в хорошей сохранности. Очевидно, она выкопана позднее первой. В одной из оград (№6) найдена крупная галька со следами ее употребления в виде колотушки. Такие использовались при копке ямы.

Могилы выкопаны в песке, глубиной 60–110 см от древней поверхности. Они прямоугольной и подквадратной формы с закругленными углами площадью от 2,5–3 до 5–7 кв. м, закрыты сосновыми бревнами или жердями. В одном случае сохранилось только одно бревно длиной 3 м, к которому, по предположению С.В.Киселева, прикрепляли легкий настил из камыша и сучьев (огр. 4). Поверх жердей или бревен уложены плиты, на которые складывали холм из земли из ямы. Для того, чтобы холм не разваливался, его укрепляли оградой-крепидой. Диаметр ограды зависил от размера надмогильного сооружения, а оно от площади могилы. При площади могил около 3 кв. м, диаметр ограды составляет 5,0–5,5 м, при площади могилы в 6 кв. м – 7–9 м.

Погребальный обряд. В шести оградах было по 1 могиле, в двух – по 2 (огр. 4, 8) и в одной – 3 (огр. 5). Однако первоначально, видимо, все они окружали одну могилу, но были перестроены при соо-

ружении новых погребений. Доказывается последовательность сооружения могил по-разному. В одной ограде (№4) об этом свидетельствуют относительно большие размеры могил (240х170 и 240х200 см) при небольшом диаметре (6,5 м) ограды. Кроме того, одна могила в ограде с индивидуальным захоронением была ограблена еще современниками, а вторая, с захоронением 8 человек, не заинтересовала грабителей, так как, видимо, еще не существовала. В другом случае последовательность могил определяется их глубиной и ориентацией. Судя по ориентации длинных стенок, 5 ям выкопаны весной (З–В), 7 ям летом (ЗЮЗ–ВСВ) и только 2 поздней осенью (на СЗЗ и ССВ). Именно они (для молодого человека и ребенка) сооружены в расплывшихся краях надмогильного сооружения предыдущей могилы на глубине 50 см (огр. 5). Последовательность сооружения двух могил доказывается переустройством их окружающей ограды. Из круглой, сложенной из плоских плит, она превращается в овальную, у которой половина сделана из вкопанных плит (огр. 8).

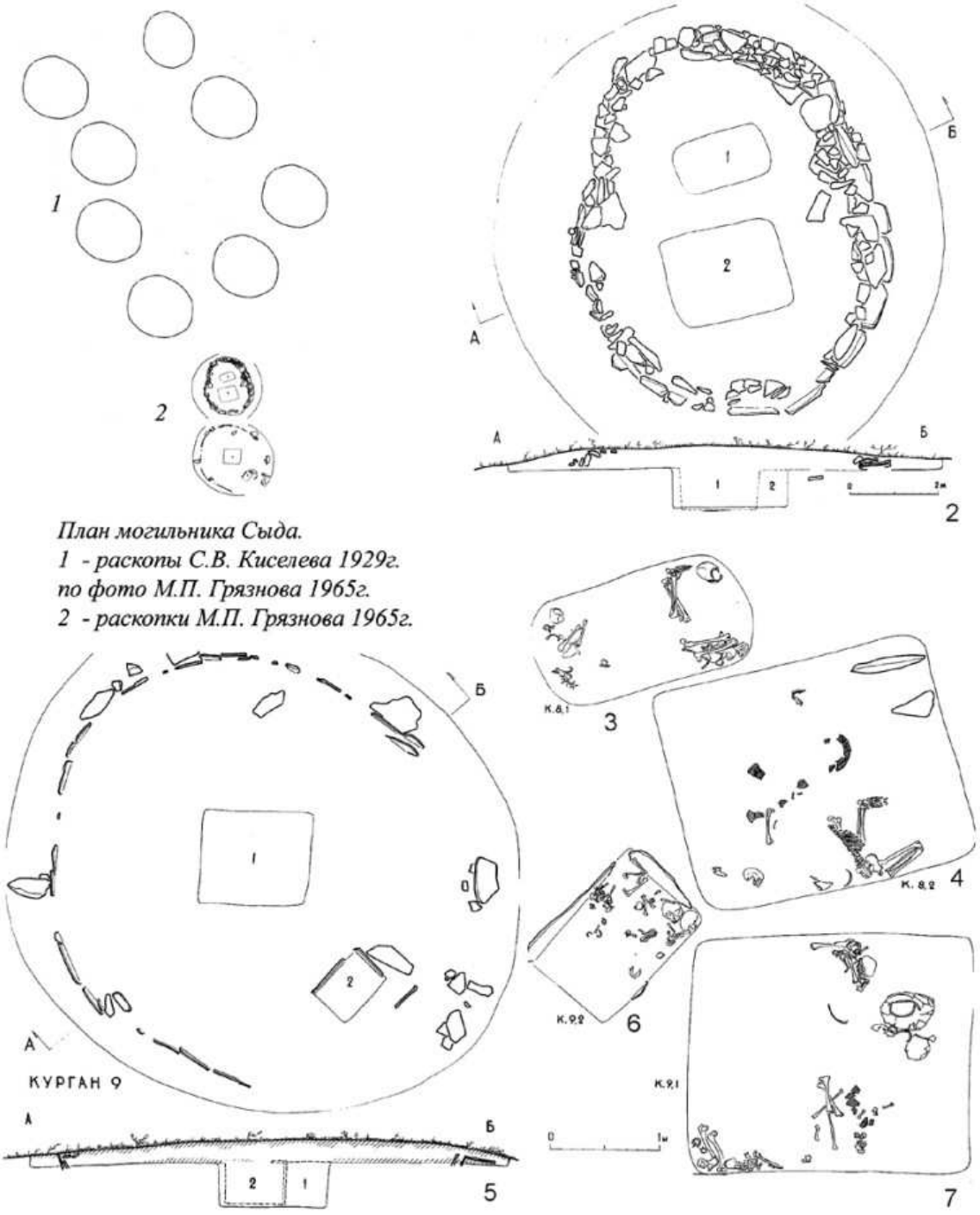

Рис. 136. Могильник Сыда: *1* – план могильника; *2* – план и разрез кургана 8; *3* – план могилы 1 кургана 8; *4* – план могилы 2 кургана 8; *5* – план и разрез кургана 9; *6* – план могилы 2 кургана 9; *7* – план могилы 1 кургана 9. По: Грязнов, 1999, рис. 17 (2–7)

Как правило, преобладают индивидуальные захоронения (8 могил), в которых женщины 30–35 и 45 лет, мужчина 35–40 лет, взрослый человек (пол не определен) и только один ребенок. Лишь 2 могилы содержали по 2 человека. Поза погребенного определена по положению сохранившихся ног. По их расположению к моменту раскопок С.В. Киселевым указана первоначальная поза людей с согнутыми ногами, как на спине, так и на левом и правом боку. Однако ноги в процессе разложения тела падали как на право, так и налево. Лучше сохраняются стопы ног. По ним М.П. Грязнов определил первоначальную позу покойников на спине с согнутыми в коленях ногами (Грязнов, 1999, с. 28). Ориентированы умершие головой в западном направлении, сосуды поставлены, чаще, у ног и, реже, у головы. Около могил совершали похоронные тризны. Их следы в виде обломков горшков и костей животных найдены у ограды (огр. 1) и в насыпях (огр. 8, 9).

Керамика и инвентарь. Всего 31 сосуд и 2 вазочки-курильницы (рис. 137). Преобладают яйцевидные остродонные изделия (18), включая крупный высотой 36 см, и миниатюрный высотой 5,5 см. В 2 раза меньше (9) шаровидных круглодонных сосудов (сферических, по С.В. Киселеву), включая корчагу высотой 30 см с толщиной стенок 1,5 см. Единичны горшковидные сосуды с уплощенным или плоским дном (4) и 2 вазочки-курильницы. Кроме афанасьевской керамики, найдены обломок окуневского сосуда в верхней части заполнении могилы 1 ограды 4 (Киселев, 1937, табл. II -7) и черепки тагарского горшка, очевидно, подгорновского этапа культуры (в насыпи ограды 2).

Шесть горшков и одна курильница переданы в Государственный Эрмитаж. Остальные в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова. Они отреставрированы уже после их публикации, в результате описания С.В. Киселева, не соответствуют действительности, поэтому ниже они уточняются.

Яйцевидные остродонные сосуды

1. Сосуд склеен из венчика с частью плечиков, обломка тулова и дна. Венчик прямой с насечками в виде косых крестов, как вдоль венчика, так и на его поверхности. Толщина стенок 8 мм. По плечикам и верхней части тулова горизонтальные ряды наклонных линий прямого штампа образуют елочку, нижняя половина тулова покрыта вертикальными рядами слабых оттисков зубчатого штампа. Ограда 1, на глубине 15 см от поверхности насыпи. ММ №11386.

2. Светло-коричневый сосуд высотой 25 см. Венчик почти прямой, высотой 1,5 см, толщина стенок 8–10 см. Вдоль венчика оттиски края лопаточки, которой также нанесены 6 горизонтальных рядов по тулову, образующих елочку, ниже 3 ряда прямых оттисков зубчатого штампа. Ограда 2. ММ №11392 (рис. 137 -1).

3. Немногочисленные обломки закопченного сосуда с отогнутым венчиком. Орнаментирован горизонтальными рядами резных елочек. Ограда 2.

4. Обломки сосуда с венчиком диаметром 14 см, украшенным косыми оттисками палочки. Тулово орнаментировано горизонтальными рядами елочки, нанесенными оттисками той же плоской лопаточки; 2 горизонтальные линии прочерчены по одному из нижних рядов елочки. Ограда 4, могила 1.

5. Сосуд высотой 25 см, толщиной стенок 1 см. Венчик высотой 1 см, украшен наклонными оттисками зубчатого штампа. Тулово сосуда, кроме придонной части, орнаментировано длинными неглубокими резными линиями, образующими горизонтальные ряды елочки. Ограда 4, могила 2. ММ №11402 (рис. 137 -6).

6. Светло-коричневый сосуд высотой 20 см, толщиной стенок 7 мм, с венчиком, украшенным вертикальными рядами. Сплошь орнаментирован неглубокими оттисками длинного гребенчатого штампа. Ограда 4, могила 2. ММ №11401 (Киселев, 1937, табл. I -6; 1949, табл. IV -6).

7. Сосуд высотой 23,5 см, толщиной стенок 7 мм, с венчиком, украшенным вертикальными рядами. Орнаментирован мелкими оттисками гребенчатого штампа и косыми линиями. Ограда 4, могила 2. ММ №11400 (рис. 137 -7).

8. Сосуд с венчиком, украшенным перекрещивающимися вдавлениями зубчатого штампа. Ниже 7 горизонтальных рядов елочки из оттисков гребенчатого штампа, нанесенных качалкой, внизу ломаной линией, выполненный гребенкой. Ограда 4, могила 2 (рис. 137 -5).

9. Миниатюрный коричневато-серый сосудик высотой 5,5 см с вогнутым дном. Орнаментирован вертикальными рядами елочки по тулову и одним горизонтальным рядом вдоль венчика. Ограда 4, могила 2 (Киселев, 1937, табл. I -9).

10. Серый сосуд высотой 16 см, толщиной стенок 7 мм. Орнаментирован горизонтальными рядами елочки из оттисков гребенчатого штампа, а внизу розетка, лучи которой сделаны такими же оттисками. Ограда 5, могила 2. ММ №11405 (Киселев, 1937, табл. I -4; 1949, табл. IV -2).

11. Светло-коричневый сосуд высотой 16 см, толщиной стенок 10 мм. Венчик высотой 1 см, украшен наклонными оттисками штампа. Тулово орнаментировано горизонтальными рядами елочки из оттисков гребенчатого штампа, разделенных резными линиями. По дну, по кругу, оттиски длинного мелкозубчатого штампа. Ограда 5, могила 3. ММ №11408 (Киселев, 1937, табл. I -2; 1949, табл. IV -3).

12. Желтовато-серый сосуд высотой 26 см, с отогнутым наружу венчиком, украшенным косыми оттисками палочки, а по краю венчика вдавлениями уголка палочки. Верхняя половина сосуда орнаментирована 19 рядами наклонных вдавлений угла палочки или пластины, ниже двумя рядами ломаных линий, образованных той же палочкой, а по дну – ряд наклонных вдавлений палочки. Ограда 6, могила 1 (Киселев, 1937, с. 85).

13. Сосуд высотой 21 см, толщиной стенок 8 мм, с почти прямым венчиком высотой 1 см. Орнаментирован резными линиями в виде косых крестов по венчику, тремя горизонтальными линиями под венчиком и елочкой по всему тулову. Ограда 7, могила. ММ №11417 (рис. 137 -10).

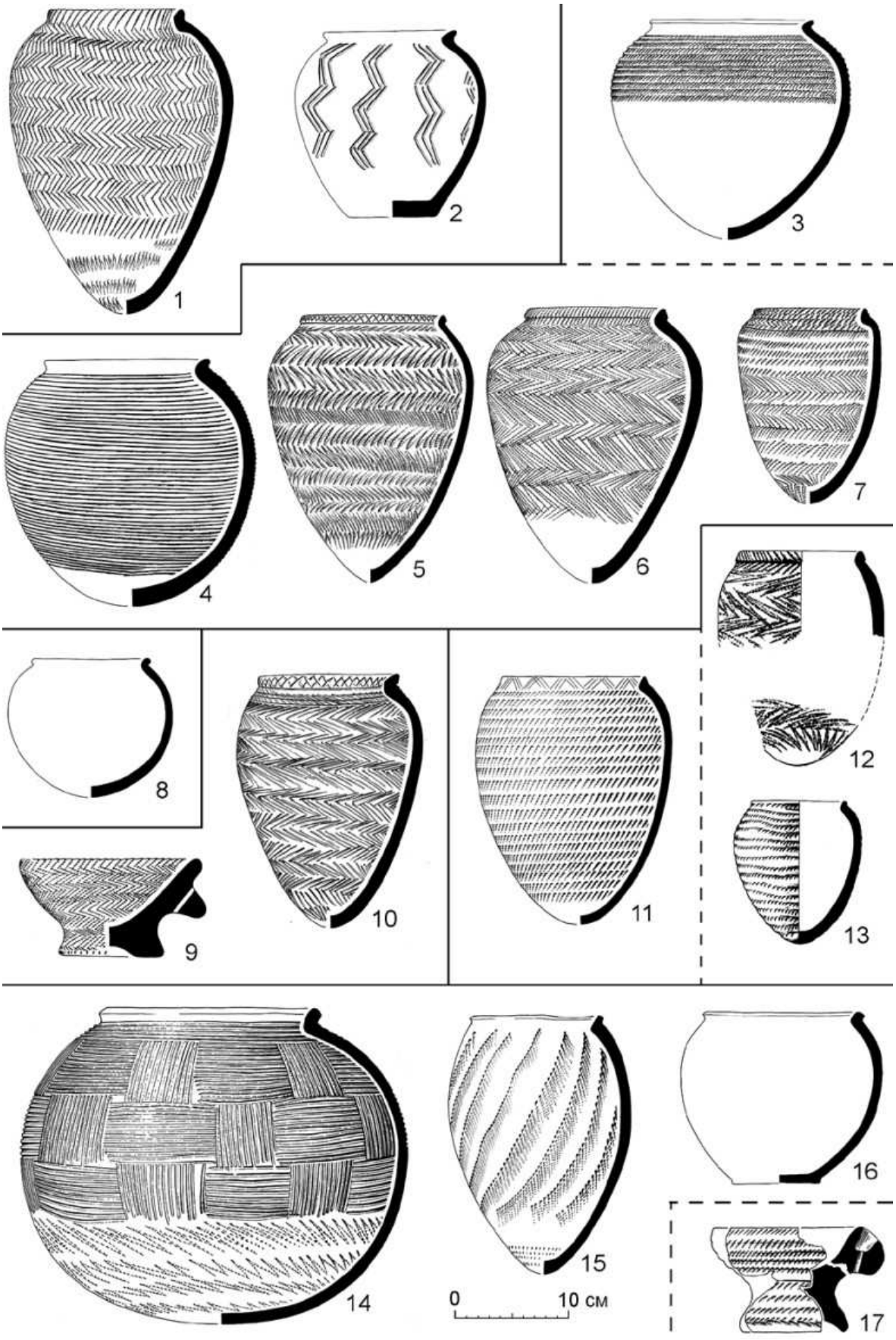

Рис. 137. Могильник Сыда, керамика: *1, 2* – ограда 2, могила 1; *3* – ограда 4, могила 1; *4–7* – ограда 4, могила 2; *8* – ограда 5, погребение 2; *9, 10* – ограда 7, могила; *11* – ограда 8, могила 1; *12, 13* – ограда 8, могила 2; *14–16* – ограда 9, могила 1; *17* – ограда 9. По: Грязнов, 1999, рис. 18; 19

14. Сосуд высотой 25 см с венчиком, украшенным косыми оттисками мелкозубчатого штампа. Орнаментирован горизонтальными рядами, образующими елочку, нанесенную длинным мелкозубчатым штампом, по терминологии С.В. Киселева, «зубчаткой». Ограда 7, могила (Киселев, 1937, с. 85).

15. Сосуд высотой 22 см. Венчик украшен треугольниками, стенки которых составлены из параллельных линий. Тулово покрыто рядами из вертикальных оттисков зубчатого штампа. Ограда 8, могила 1 (рис. 137 -11).

16. Обломки крупного толстостенного сосуда высотой 36 см с невысоким венчиком, покрытым косыми оттисками гребенчатого штампа. Тулово украшено шагающей длинной гребенкой. Ограда 8, могила 2 (рис. 137 -12).

17. Сосуд высотой 22 см с едва заметным венчиком. Орнаментирован горизонтальными рядами уголков палочки. Ограда 8, могила 2 (рис. 137 -13).

18. Сосуд высотой 22 см. Орнаментирован оттисками зубчатого штампа, составляющих диагональные ряды, а около дна четырьмя горизонтальными рядами вдавлений уголка палочки. Ограда 9, могила (рис. 137 -15).

Шаровидные круглодонные сосуды

1. Светло-коричневый с красноватым оттенком сосуд высотой 24 см и толщиной стенок 10 мм, с низким, слегка отогнутым венчиком высотой 7 мм. Орнаментирован на 2/3 тулова горизонтальными линиями, прочерченными острием палочки. Ограда, 1 могила. ММ №11387.

2. Красновато-желтый сосуд с сильно отогнутым низким венчиком. По плечам 12 прочерченных горизонтальных линий. Промежутки между ними заполнены рядами вертикальных оттисков гребенки. Ограда, 4 могила 1 (рис. 137 -3).

3. Крупный сосуд из желтовато-красной глины склеен из обломков. Без орнамента, «выглажен зубчаткой», от которой на обеих поверхностях следы длинных широких линий, как от травы. Ограда 4, могила 2 (рис. 137 -4).

4. Светло-коричневый сосуд высотой 20 см, толщиной стенок 8 мм. Украшен по плечам 11 рядами наклонных оттисков зубчатки. Ограда 5, могила 2. ММ №11406 (Киселев, 1937, табл. I -8; 1949, табл. IV -2).

5. Небольшой сосуд с заглаженной зубчатой поверхностью, без орнамента. Ограда 5, могила 3 (рис. 137 -8).

6. Желтовато-красный сосуд высотой 23 см с уплощенным дном. Украшен ромбами из оттисков гребенчатого штампа. По плечам они изображены четкими вертикальными парами. Ниже по тулову составлены из небрежных косых оттисков длинного гребенчатого штампа. Нижняя сторона заглажена расчесами (Киселев, 1937, с. 84). Ограда 6, могила.

7. Корчага, толщина стенок до 1,5 см, по форме ближе к реповидным, чем шаровидным. Без орнамента, хотя в одном месте есть неясный рисунок, сделанный резными овальными линиями. С обеих сторон заглажена штампом, по С.В. Киселеву «отделана зубчаткой». Ограда 7, могила (Киселев, 1937, с. 85).

8. Красновато-серый сосуд с гладким низким венчиком. Орнаментирован по плечам четырьмя рядами елочки, нанесенных, возможно, краем плоской гальки. Ограда 7, могила (Киселев, 1937, с. 85).

9. Корчага высотой 30 см, толщиной стенок до 1,5 см. Покрыта резным орнаментом: вдоль венчика 4 прочерченные горизонтальные линии, ниже резные линии, образующие шахматный узор и 4 горизонтальные линии шагающего зубчатого штампа. Ограда 9, могила (рис. 137 -14).

Горшковидные плоскодонные сосуды

1. Сосуд оранжево-красный высотой 16 см, с уплощенным дном, толщина стенок 7 мм. Украшен спускающимися почти до дна 8 зигзагообразными полосами из ломаных линий. Ограда 2. ММ №11391 (рис. 137 -2).

2. Сосуд серый высотой 23 см, с уплощенным дном, орнаментирован 9 горизонтальными рядами елочки, нанесенных зубчатым штампом. Ограда 2.

3. Сосуд с низким венчиком, с широкими плечиками, резко сужающимися к маленькому плоскому дну. Высота горшка 14 см, диаметр дна 4 см. На поверхности местами видны отпечатки, похожие на ткань мелкого переплетения. Ограда 4, могила 2. ММ. №11399.

4. Сосуд высотой 14 см с плоским дном. Без орнамента. Ограда 9, могила (рис. 137 -16).

Вазочки-курильницы

1. Курильница высотой 10 см, на поддоне и с выступом-ручкой, имеющей 2 параллельных вертикальных отверстия. Диаметр венчика 16,5 см, внутренний диаметр 15 см, глубина чаши 5 см, толщина стенок 2 см, толщина поддона – 2,5 см. Диаметр поддона 9,5 см, высота выемки поддона в 1 см. Снаружи украшена рядами оттисков гребенчатого штампа, образующих елочку. Край бортика украшен рядом таких оттисков. С внутренней стороны вдоль бортика небрежно нанесены 2 ряда елочки. Обе поверхности окрашены охрой. Ограда 7, могила ММ №11416 (рис. 137 -9).

2. Курильница на поддоне, с ручкой. Высота 9,5 см, диаметр венчика 14 см, внутренний диаметр 12,5 см, глубина чаши 4 см, толщина стенок 1,5 см, диаметр поддона 10 см, высота поддона 3 см, глубина выемки поддона 1 см. Снаружи украшена горизонтальными рядами вертикальных оттисков зубчатого штампа. Ограда 9, насыпь (рис. 137 -17).

Инвентарь могильника состоит из каменных, костяных и медных предметов.

Каменные орудия: 2 колотушки из гальки длиной 16 см, найденные в насыпи ограды 6 и в могиле 3 ограды 5. Последняя известна только по описи коллекции. Кроме того, маленькая терка для растирания красок или растений (Киселев, 1937, табл. II -9), 2 кремневых скребка в заполнении могил 1–2 ограды 8 и кремневый отщеп в ограде 7.

Костяные предметы: наконечник стрелы, 2 навершия, видимо, деревянного посоха, футляр. Оба навершия посоха сделаны из рога марала. На широком конце имеются сквозные отверстия, которыми, видимо, гвоздиками прикреплялись к посоху. На узком конце имеют круговую зарубку (огр. 6, мог. 1

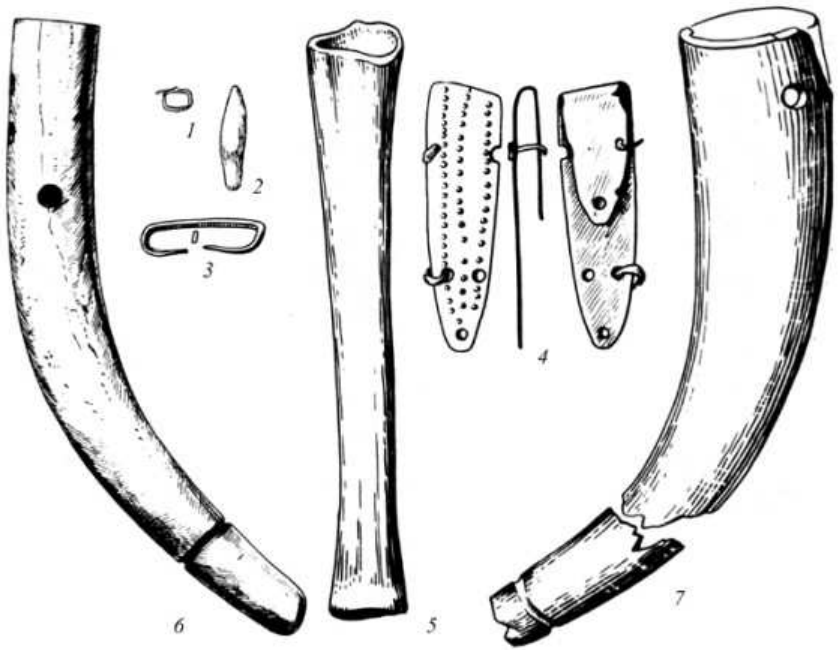

Рис. 138. Могильник Сыда, инвентарь: *1* – ограда 5, могила 2; *2–4* – ограда 4, могила 2; *5* – ограда 7; *6* – ограда 9; *7* – ограда 6, могила 1. По: Грязнов, 1999, рис. 6

и огр. 9, мог. 1) (рис. 138 -6, 7). Назначение футляра из берцовой кости барана неизвестно (огр. 7, мог.) (рис. 138 -5). Наконечник овальный, длиной 3 см, черешковый плоский (рис. 138 -2). Лежал рядом с черепом одной из женщин в коллективной могиле и, очевидно, первоначально застрял в ее голове (огр. 4, мог. 2. ММ №11404).

Металлические изделия: медная проволочная серьга и остатки обкладки деревянного сосуда. Серьга лежала у левого виска молодого человека (огр. 5, мог. 2) (рис. 138 -1). Обкладка сосуда – обоймочка с остатками дерева из медной пластинки, покрытой выпуклостями, выдавленными изнутри. К ней же подвешены 2 вращающихся колечка (огр. 4, мог. 2) (рис. 138 -4).

Отражение социальных отношений. Антропологические определения сделаны Г.Ф Дебецем и М.П. Грязновым. Сохранность скелетов не позволяет установить точное число погребенных, их было не менее 20 (двое детей и приблизительно равное количество мужчин и женщин). Захоронено в могилах, преимущественно, по 1 человеку, лишь в двух могилах по 2. Одна могила была с коллективным захоронением.

Среди сравнительно небольшого числа погребенных не менее трех человек относились к привилегированным членам общества. В одной могиле похоронены 2 человека, осуществляющие, видимо, как светскую, так и религиозную власть (огр. 7). Признаками престижности покойников или одного из них являются большая площадь могилы (7 кв. м, 280х250 см) и наличие, помимо трех обычных сосудов, корчаги и курильницы. Сосуды стоят вдоль восточной стенки. К сожалению, сами скелеты истлели и сильно потревожены, их кости разбросаны. В другой могиле захоронена пожилая знатная женщина (огр. 9). Признаки престижности покойницы – большие размеры ямы площадью 4,5 кв. м, наличие корчаги, кроме яйцевидного сосуда и сферического с прилепленным плоским донышком, а также сохранившееся навершие из рога марала от посоха или жезла. Третья могила, судя по ориентации (ССЗ на ЮЮВ), выкопана поздней осенью на глубину 50 см (огр. 6). Кости двух скелетов плохой сохранности и сильно потревожены. Тем не менее, о престижности могилы свидетельствуют размеры ямы площадью около 6 кв. м (2,6х2,2 м), большое количество обломков плит покрытия, позднее оказавшихся в заполнении, 2 обломка рогового навершия, найденные в середине могилы, и необычность одного из двух сосудов (шаровидный круглодонный, украшенный ромбами, оттиснутыми гребенчатым штампом).

От этих могил значительно отличается коллективная, где одновременно захоронено 7 взрослых и ребенок (огр. 4, мог. 2). В яме площадью 4,5 кв. м (2,4х2 м, ЗЮЗ–ВСВ) захоронены 2 мужчины, 3 женщины, 2 взрослых (пол не определен) и младенец. Помещены они тесно, очевидно, частично перекрывая друг друга. Пятеро из них лежали в ряд, параллельно в западной половине ямы, головой на ЗЮЗ, трое вдоль восточной стенки. Первоначально, кроме младенца, они были уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, позднее упавшими на левую или правую сторону. Около головы поставлены 7 горшков: 4 яйцевидных высотой 20–25 см, один миниатюрный высотой 5,5 см, сферический и горшковидный с плоским дном (рис. 137 -4–7). Перед лицом одной молодой женщины лежал костяной наконечник стрелы, которым она, возможно, была убита. Причина неожиданной смерти стольких людей и их связь друг с другом не установлены.

Хронология. Первое осквернение могил совершено еще до полного разложение трупов и, видимо, в период функционирования кладбища. Это фиксируется по состоянию костей скелетов, сооружению новых могил в насыпях уже ограбленных могил, а также по составу земли, заполнявшей ограбленные ямы.

Самые яркие доказательства связаны с положением костей скелетов. В необычно узкой могиле (350х180 см, З–В), перекрытой поперек бревнами (огр. 2), покойник, видимо, был уложен по середине ямы, головой на З, поскольку у западной стенки, предположительно у головы, стоял один сосуд, а в но-

гах, у восточной стенки, еще 3 сосуда, рог и грудина марала. Кости скелета находились в беспорядке, за исключением правой руки, находящейся в анатомическом порядке в восточной части могилы. Она, видимо, была переброшена грабителями, но ее положение позволило С.В. Киселеву формально реконструировать положение покойника головой на Ю (Киселев, 1937, с. 74). Это противоречит ширине ямы, ее ориентации и размещению сосудов.

В другой могиле (огр. 8, мог. 2) кости левой стороны скелета, от целого позвоночника и до стопы, находились в анатомическом порядке, под ними также в сочленении лежали все кости правой ноги. По мнению М.П. Грязнова, это могли быть части полуразложившегося трупа, переброшенные при разграблении могилы (Грязнов, 1999, с. 28). Хотя не исключено, что они так уложены при перезахоронении трупа самими соплеменниками.

После первого ограбления сооружены новые могилы. Во-первых, могила 2 в ограде 4 с коллективным захоронением, которая, видимо, в тот момент еще не существовала, поэтому не потревожена грабителями. Во-вторых, 2 одиночных не ограбленных мелких могилы, впущенных, видимо, в разрушенную насыпь основной могилы ограды 5.

Время ограбления очерчивается периодом до полного разложения связок трупов. Дополним это замечанием С.В. Киселева, что первое проникновение в могилы грабителей было еще в то время, когда земля с покрытия могилы не проникла внутрь ямы (Киселев, 1937, с. 81). Грабители сами засыпали вновь ямы, поэтому суглинок, их заполнявший, очень твердый (Киселев, 1937, с. 76). Возможно, этим объясняется обстоятельство, что в дальнейшем население здесь не использовало афанасьевские курганы для своих захоронений. Исключение составило тагарское погребение, кости скелета от которого и горшок подгорновского типа (огр. 2) были на глубине 20 см от поверхности насыпи кургана (Киселев, 1937, с. 73). Иными словами, это погребение сделано в уже рассыпавшейся насыпи афанасьевской могилы.

Первыми грабителями могил могли быть не соплеменники, а окуневцы, т.к. обломок окуневской банки найден в верхней части заполнения могилы 1 ограды 4 на глубине 15 см (Киселев, 1937, табл II -7). Он лежал вместе с обломком яйцевидного афанасьевского сосуда, часть черепков которого была и на дне ямы. Следов окуневской культуры более не было, поэтому можно предполагать, что сосуд был разбит самими грабителями.

Вещи из раскопок С.В. Киселева хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова; из раскопок М.П. Грязнова – в Государственном Эрмитаже.

Киселев С.В. Афанасьевские курганы у сел Сыды и Теси // СА. №2. 1937. С. 86–91.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. Л., 1999. С. 25–29, 103–105.

17–20. Тепсей, комплекс памятников

На террасе под горой Тепсей, на правом берегу Енисея, обнаружены остатки двух могильников, стоянка и отдельные находки (раскопки М.П. Комаровой и М.П. Грязнова в 1968–1970, 1976 гг.).

17. Тепсей VII, могильник

Располагался на юго-западной оконечности мыска в 100 м от могильника Тепсей VIII. Сохранилась часть круглой ограды, сложенной из 4–5 рядов плит высотой до 40 см. В 1968 и 1970 гг. найдены фрагменты двух сосудов – небольшого яйцевидного, орнаментированного рядами косых оттисков гребенки, и крупного без орнамента, на поверхности которого беспорядочные следы заглаживания штампом (Грязнов, Комарова, 1979, с. 20).

Коллекция хранится в Государственном Эрмитаже. Кол. 2627/14.

18. Тепсей VIII, могильник (рис. 139 -1, 2)

Остатки могильника из двух разрушенных афанасьевских оград на краю надпойменной террасы, на увале среди могил разного времени (могилы окуневской, карасукской и тагарской культур). Ограды расположены на расстоянии 10 м друг от друга. Одна (№4) диаметром 10 м и шириной 1 м, сохранилась высотой до 40 см в 5–6 рядов плиток. В ней на разной глубине 3 разрушенные могилы. Раскопаны в 1968 г.

Нижняя могила (№3), глубина 200–250 см, была с коллективным захоронением. Из троих мужчин, от которых сохранились кости ног, два уложены параллельно, третий поверх одного из них, головой на З. Остальные кости в беспорядке, большинство костей отсутствовало. К западу от костей, лежали 3 мужских черепа (30–40 и 40–60 лет) без нижних челюстей, видимо, от тех же скелетов. В северном углу, напротив костяков, был большой яйцевидный остродонный сосуд высотой 21 см и диаметром 15 см. Орнаментирован сплошь горизонтальными рядами косых длинных оттисков гребенчатого штампа, образующих ряды елочки (ГЭ, кол. 2585/23). Отсутствие большинства костей, расположение отдельно черепов без нижних челюстей, позволяет предполагать, что трупы были перезахоронены.

Выше, на глубине 70 см от древней поверхности (могила №2), находились кости взрослого человека и 4 роговых гвоздика длиной 1,4 см. Верхние концы двух гвоздиков обломаны (ГЭ, кол. 2585/22) (Грязнов, Комарова, 1979, рис. 14 -3). Еще выше, на глубине 40 см от древней поверхности (моги-

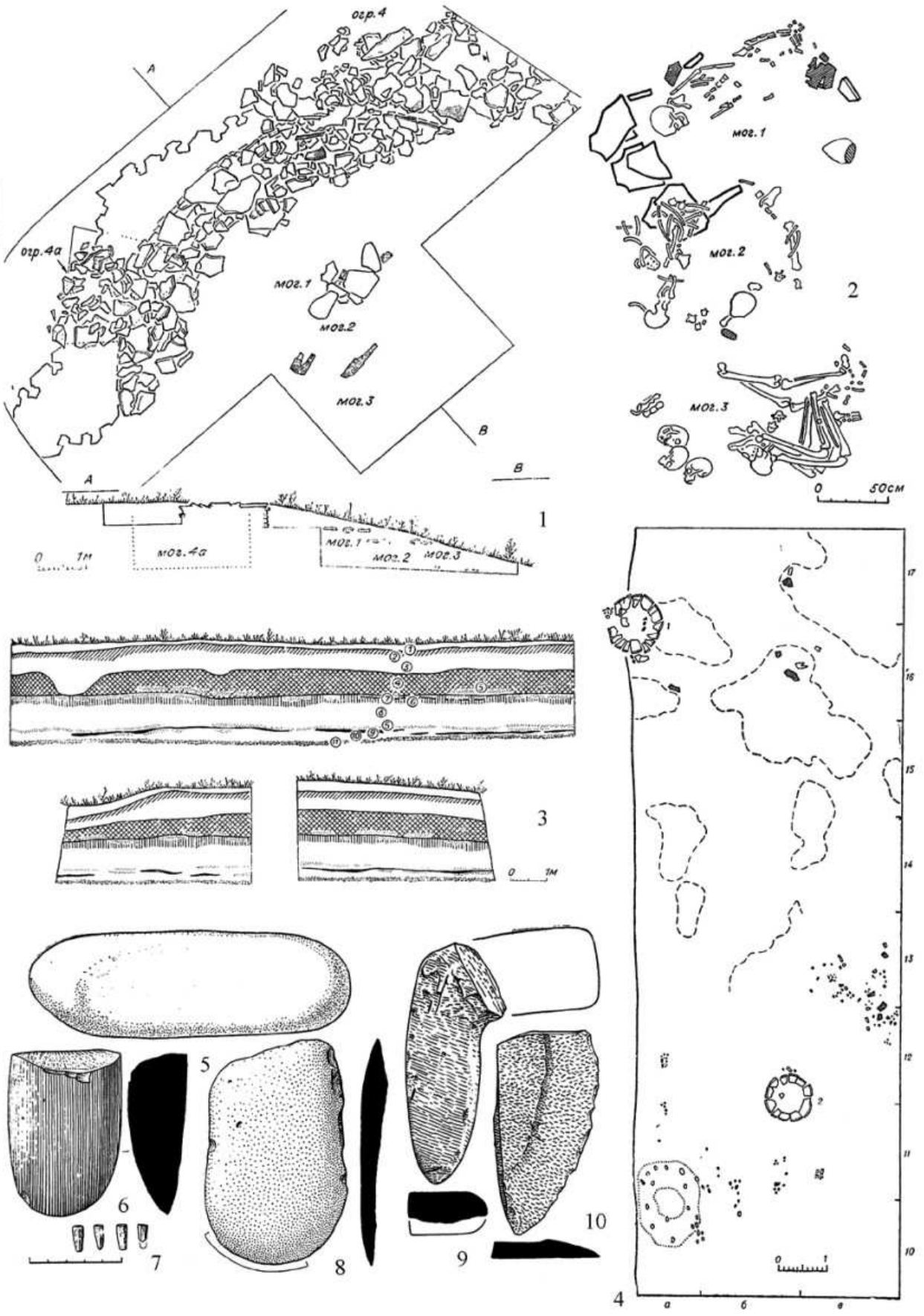

Рис. 139. Тепсей VIII, огр. 4 и 4а (1), огр. 4, мог. 1–3 (2); Тепсей X, разрезы восточной, южной и северной стенок раскопа (3), план раскопа (4), каменные орудия и костяные изделия со стоянки и из могил (5–10). По: Грязнов, Комарова, 1979

ла №1), похоронен мужчина 40–60 лет, на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Правая нога не сохранилась, справа от ее стоп раздавленный сферический или реповидный сосуд, еще 2 таких поставлены около головы.

Первый сосуд крупный сферический или реповидный с уплощенным закопченным дном. Без орнамента. Стенки толщиной 1,5 см, с обеих сторон заглажены, возможно, травой (ГЭ, кол. 2585/19).

Второй сосуд красновато-коричневый сферический с отогнутым венчиком, под которым прочерчены палочкой 2 горизонтальные полосы, а ниже вертикальные рисунки, напоминающие деревья или заштрихованные треугольники (ГЭ, кол. 2585/20).

Третий сосуд коричневый сферический или реповидный с уплощенным дном и заштрихованной поверхностью (ГЭ, кол. 2585/21).

Внутри ограды в 1969 г. найдены один миниатюрный сосудик и обломки второго среднего размера. Миниатюрный сосудик яйцевидный с округлым дном, высотой 6,5 см, толстостенный, без орнамента (ГЭ, кол. 2586/7). От другого сохранились обломки венчика и стенок. Венчик украшен оттисками гребенчатого штампа. Стенки сосуда покрыты редкими косыми оттисками уголка длинного узкого зубчатого штампа (ГЭ, кол. 2586/8).

В другой ограде (№14) юго-западная часть могилы сильно разрушена при рытье силосной ямы, а в северо-восточной части не потревоженными были нижние части скелетов трех подростков, лежавших в ряд головами на ЮЗ, первоначально с поднятыми вверх коленями. Вдоль противоположной стенки ямы вместе с переброшенными еще в древности костями скелетов были остатки шкуры овцы, от которой остались метаподии и фаланги четырех ног (Грязнов, Комарова, 1979, с. 20–22). Антропологические определения сделаны М.П. Грязновым.

Место хранения материалов: Государственный Эрмитаж.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 20–22, рис. 10, 11.

19. Тепсей X, стоянка (рис. 139 -3–4)

Сезонная стоянка на краю 3-х метровой террасы высокой поймы правого берега Енисея. М.Н. Комаровой в 1968 г. раскопано 80 кв. м. Афанасьевский слой, мощностью 25–40 см, на глубине 250 см содержал немного плохо сохранившихся костей животных, углистые прослойки (остатки кострищ), обломки плиток песчаника и галек, обломки горшков. В двух углистых прослойках обнаружено 27 фрагментов костей, из которых 22 зубы или челюсти преимущественно овцы (19 зубов от 6 особей), 4 обломка зубов? коровы и один зуб лошади.

На раскопанной площади стоянки обнаружено 2 очага. Один диаметром 110 см, представляет круглую ямку глубиной 15 см, выложенную тщательно подобранными плитками трапециевидной формы. Очаг выглядел, как плоское углубление на поверхности земли, имеющее углистую прослойку толщиной 6–7 см. Второй очаг диаметром 120 см, устроен аналогично (Грязнов, Комарова, 1979, рис. 13). В его заполнении и рядом с ним найдены обломки двух сосудов. Другой вид очагов представлен открытыми кострищами разных размеров и форм. В них, как в очагах, создавали слой золы, углей, песка, куда размещали яйцевидные остродонные горшки для варки пищи.

Каменные орудия, без сомнения, относящиеся к афанасьевскому поселению, перечислены М.П. Грязновым. Это обломок шлифованного топора, кремневый посредник, сланцевый «утюжок» длиной 13 см, один край которого зашлифован; 2 скребка, один в виде скола из гальки, 12х7,8 см, другой миниатюрный подпрямоугольной формы, 2,5х2,2 см; и скребло подтреугольной формы длиной 14,2 см. К предметам, часто встречающимся на могильниках, относятся обломок гальки клиновидной формы длиной 8,8 см и галька подтреугольной формы (4,5х3 см) (Грязнов, 1979, рис. 14 -2, 4–6). Среди подъемного материала М.П. Грязновым не отмечены, имевшиеся в коллекции, кремневый наконечник стрелы, а также костяные изделия: 4 наконечника стрел длиной от 6,2 до 8,2 см; проколка из остистого отростка рыбьей кости диаметром 6,3 см; костяная заготовка орудия длиной 12,6 см, уплощенная, один конец обрезан, другой сломан (ГЭ, кол. 2587, №32–36).

Основные находки со стоянки – фрагменты остродонных яйцевидных и шаровидных или реповидных горшков, орнаментированные елочкой и рядами косых оттисков гребенки, покрывающими всю поверхность, не отличающиеся от тех, что найдены в погребениях. Они собраны преимущественно на территории самой стоянки, и лишь единичные находки были сделаны около нее на берегу Енисея в 1969 г.

Описание керамических коллекций

1. Обломки яйцевидного сосуда (венчик, часть тулова и дна). По венчику косые нарезки, под венчиком небольшой валик, по тулову горизонтальные прочерченные линии (ГЭ, кол. 2587/7).

2. Восемь обломков стенок и венчика сосуда. Венчик покрыт рядом косых оттисков уголка палочки, под ним валик, под которым ряд таких же оттисков. По основной части тулова оттиски двух штампов с длинным узким рабочим краем и мелкими тесно расположенными зубцами. В нижней части сосуда – оттиски тонких штампов с редкими овальными зубцами, напоминающими оттиски веревочки. Внутренняя поверхность заглажена отпечатками травы или гладкого штампа (ГЭ, кол. 2587/8).

3–4. Обломки двух сосудов. Фрагменты первого украшены рядами овальных оттисков вместе с отпечатками похожими на веревочку. Обломки другого сосуда гладкие или с прочерченными горизонтальными линиями (ГЭ, кол. 2587/9).

5. Обломок стенки сосуда из очага №1. Орнаментирован длинными резными линиями, расположенными в виде горизонтальных рядов елочки. Обратная сторона заглажена, возможно, зубчатым штампом (ГЭ, кол. 2587/10).

6. Обломок венчика, покрытый косыми оттисками короткого зубчатого штампа, и фрагменты стенок сосуда, украшенные длинными оттисками с плохо видимыми зубчиками, образующими елочку (ГЭ, кол. 2587/11).

7–8. Обломки венчиков и тулова двух сосудов. По наружной стороне венчиков и под ними косые оттиски короткого гребенчатого штампа. От венчика одного сосуда вниз идут вертикальные линии из косых оттисков короткого гребенчатого штампа. От венчика второго сосуда вниз идут фигуры в виде ромбов из коротких косых оттисков штампа (ГЭ, кол. 2587/12).

9. Фрагменты стенок и дна остродонного сосуда, орнаментированного узким штампом с мелкими зубчиками (ГЭ, кол. 2587/13).

10–12. Обломки трех сосудов. От первого крупные черепки, покрытые рядами косых оттисков короткого штампа из трех крупных зубчиков. От второго – мелкие черепки, украшенные рядами уголков палочки. Черепки третьего сосуда орнаментированы беспорядочными оттисками мелкозубчатого штампа (ГЭ, кол. 2587/14).

13–16. Обломки четырех сосудов. Фрагмент стенки одного орнаментирован узкими, тесно расположенными рядами оттисков крученой веревочки. Фрагмент второго с прочерченными прямыми глубокими широкими параллельными линиями. 2 фрагмента третьего с мелкими, редкими прочерченными горизонтальными параллельными линиями. 5 фрагментов четвертого без орнамента со следами штриховки (ГЭ, кол. 2587/15).

17. Фрагмент стенки сосуда, орнаментированный параллельными близко расположенными оттисками длинного мелкозубчатого штампа (ГЭ, кол. 2587/16).

18. Обломки стенок красноглиняного сосуда без орнамента (ГЭ, кол. 2587/17, 18).

19–21. Обломки трех сосудов, среди них фрагменты красноглиняные гладкие, с оттисками длинного узкого мелкозубчатого штампа и 2 черепка с рядами косых оттисков зубчатого штампа (ГЭ, кол. 2587/19).

22–23. Обломки 2 сосудов. Фрагменты стенок одного покрыты беспорядочными разнообразными резными линиями: короткими и длинными, узкими глубокими и мелкими, треугольными и прямыми. Обломки другого украшены параллельными оттисками длинной узкой крученой веревочки (ГЭ, кол. 2587/20).

24–25. Обломки курильницы и горшка. Фрагменты курильницы окрашены охрой. Поверхность покрыта вертикальными рядами косых оттисков палочки, между которыми рельефные гладкие полосы. На обратной стороне следы заглаживания. От горшка обломок с плотно расположенными оттисками мелкозубчатого длинного штампа или крученой веревочки (ГЭ, кол. 2587/21).

26. Фрагмент стенки сосуда, орнаментированного длинными оттисками мелкозубчатого штампа или веревочки (ГЭ, кол. 2587/22).

27. Обломки венчика и тулова. Венчик гладкий, под ним и по всему тулову ряды глубоких защипов. Найден около стоянки на берегу Енисея. Отнесен к афанасьевской культуре, поскольку похож на сосуды с орнаментом «шишечками или узелками», известными на афанасьевских могильниках (ГЭ, кол. 2587/27).

Характеристика коллекции. Преобладают от 1 до 4–6 фрагментов от сосуда. Они собраны из 26 пунктов стоянки. В некоторых пунктах есть черепки, видимо, от одних и тех же сосудов. Так фрагменты с оттисками длинного мелкозубчатого штампа или крученой веревочки собраны от сосудов под №13, 15, 16, 20, 22. Нечеткие отпечатки веревочки есть на фрагментах из групп 8, 14. Оттиски фигуры в виде ромбов из коротких косых оттисков штампа или короткой крупной веревочки на сосудах в пунктах №14, 9, 12. Если эти обломки от одних и тех же сосудов, то можно предположить, что на стоянке собраны обломки приблизительно от 20 горшков и одной вазочки-курильницы.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986а. С. 24–25.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 22–26, рис. 10, 11.

20. Тепсей XIII, случайные находки

На краю надпойменной террасы, в 200 м к северу от могильника Тепсей VIII, в 1969 г. найдены предметы афанасьевской культуры. Наиболее интересной находкой является корчага диаметром 40 см с острым дном врытым в землю. Нижняя половина сосуда украшена елочным орнаментом из оттисков мелкозубчатого штампа. Верхняя часть сосуда обломана и черепки, включая венчик, лежали на дне корчаги под продолговатой галькой, длиной 18 см. ГЭ, кол. 2589/2. От других двух сосудов найдены 7 обломков, на некоторых из них оттиснуты неровная веревочка (или прочерчены неровные горизонтальные линии), на других – оттиски гребенчатого штампа. К другим, случайно найденным, предметам из разных пунктов относятся 3 каменные колотушки.

Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, кол. 2587, 2589.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986а. С. 24–25 №14.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 26–27.

21–23. Могильники афанасьевской культуры у с. Тесь

21. Тесь I, могильник

В окрестностях с. Тесь, расположенном на левом берегу р. Туба, обнаружено 3 могильника афанасьевской культуры на расстоянии 500 м друг от друга (Тесь I–III). Самый крупный находился на лессовой террасе у южного склона горы Георгиевской, в 3 км к ЮЗ от с. Тесь. По названию села имеет условное наименование Тесь I (Вадецкая, 1986а, с. 24). Занимал площадку размером 100х70 м, позднее занятую курганами карасукской и тагарской культур. Могильник обнаружен С.В. Киселевым в 1928 г. по округлым возвышенностям высотой 45–75 см с развалившимися каменными круглыми оградами диаметром 4–6 м, шириной до 80–85 см и высотой до 15–20 см. Пятнадцать таких возвышенностей

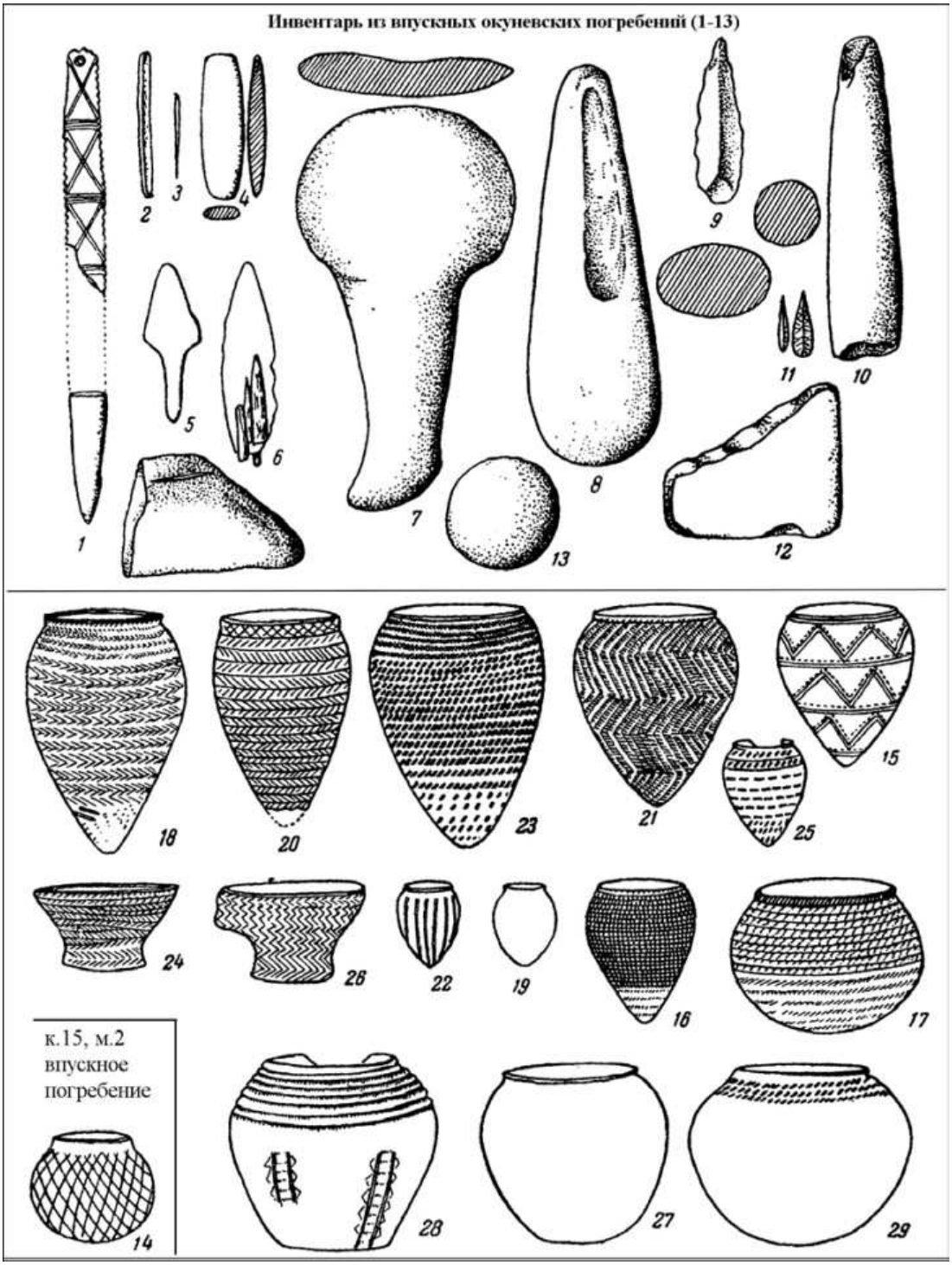

Рис. 140. Инвентарь из могильников у с.Тесь (раскопки 1928 г.). Тесь-I, к. 14, м. 2 (15, 22–24, 26–28); к. 1, м. 1 (17, 18, 29); к. 1, м. 1 (16); к. 10 (25); к. 16 (20); к. 21, м. 2 (21). 1 – кость; 2, 3, 5, 6, 9 – медь; 4, 7, 8, 10–13 – камень; 14–29 – глина. По: Киселев, 1951, табл. III (1–29)

располагались тесной группой. В 1928 г. внутри каждой из 15-ти возвышенностей заложены раскопы площадью 5х5 и 6х6 м. Кроме того, была раскопана одна могила в другой группе тагарских курганов, из которой извлечен один сосуд.

Афанасьевские могилы оказались не только ограблены, но больше половины из них были переиспользованы в более позднее время. Однако у С.В. Киселева, являвшегося тогда аспирантом, не было ни навыков, ни цели в этом разбираться. Его задачами были масштабные разведки и раскопки памятников разных культур в нескольких районах правого берега Енисея и создание археологической периодизации на основании инвентаря. Погребальные конструкции и обряд считались менее существенными, что четко отражено в опубликованном отчете о раскопках, в частности, афанасьевских курганов. Подробно описаны каждая вещь, особенно, сосуды. Сами раскопки произведены формально и стандартно. Визуально все возвышенности над могилами были приняты за их насыпи, поверх которых в специальных канавках укладывали ограду. Поэтому указывалась не сохранившаяся высота камней ограды, а их углубление в насыпь. Раскопки производили шурфом 5х5 и 6х6 м, охватывающем ограду, которую сносили. Не обращалось внимания на то, что иногда внутри ограды были 2 могилы большей площадью, чем сама ограды, и сильно отличающиеся глубиной от 75 до 150 см. Видимо, ошибочно указана преобладающая ориентация ям на ЗСЗ–ВЮВ, что в действительности было редко, поскольку поздней осенью захоронения старались не производить. В музеи сдано черепков от большего числа сосудов, чем указано в отчете. Позы покойников даны без учета перемещения частей тела при его разложении и содержат противоречивые наблюдения. К афанасьевским были отнесены погребальные сооружения типа каменных ящиков и срубов, а также обломки позднекарасукских и раннетагарских сосудов, не считая вещей, неизвестной в то время окуневской культуры.

Наиболее ярким примером неправильной интерпретации обряда является предположение об обычае сожжения мертвого в могиле. Дело в том, что на дне нескольких афанасьевских ям поверх разрозненных истлевших костей скелета человека была прожженная земля с углями или углистыми прослойками. Как теперь известно по материалам других могильников, иногда на бревна покрытия ям складывали вместе с землей остатки поминальных костров или прямо на накате разводили костер. Бревна накатов частично обжигались и впоследствии, вместе с сожженной землей, проваливались в яму. Однако С.В. Киселев этого знать не мог и в опубликованном дневнике о раскопках обожженные кости среди истлевших назвал «обломками сожженных костей». Неправильная трактовка этой ситуации породила версию о наличии обряда трупосожжения у афанасьевцев. Тем не менее, такого ритуала у них не было и не встречено ни на одном другом могильнике.

Из-за обилия неточностей в публикации о раскопках, которая давно стала библиографической редкостью, я повторю основные сведения о могилах с комментариями.

Расположение курганов на могильнике. План могильника не составлялся, нумерация курганов дана согласно последовательности раскопок независимо от культурной принадлежности могил, среди которых были карасукские и тагарские. Афанасьевские курганы до раскопок определялись по 15-ти округлым возвышенностям с развалившимися каменными круглыми оградами: №7–10, 12–22, первыми раскопанными курганами (№2–6) были тагарские.

Курган №7. По насыпи (высота 75 см, диаметр 5,5 м) выложено кольцо (диаметр 4,5 м, ширина 85 см, глубина 15 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана, в яме (250х183 см, глубина 80 см, ЗСЗ–ВЮВ), продольно закрытой бревнами длиной 3 м, со срубом (200х140х55 см) из трех венцов лиственничных бревен, рубленных в лапу, похоронен взрослый мужчина, на спине головой на ЗСЗ. Костяк нарушен, вещей не было. Могила, возможно, принята за афанасьевскую из-за ног скелета, раздвинутых «ромбом». Если скелет принадлежал афанасьевцу, то сам сруб относится к тагарской культуре. Раскопки произведены колодцем 5х5 м.

2. *Курган №8*. По насыпи (высота 50 см, диаметр 5 м) выложено кольцо (диаметр 4,5 м, ширина кладки 75 см, глубина 20 см) из обломков плит девонского песчаника. В центре кургана, в яме (225х160 см, глубина 90 см, С–Ю), закрытой плитами, стоял пустой ящик из плит (200х120х50 см). Он мог принадлежать окуневскому времени и более позднему, но не афанасьевскому. Раскопки произведены колодцем 5х5м.

3. *Курган №9*. По насыпи (высота 50 см, диаметр 5 м) выложено кольцо (диаметр 4 м, ширина 85 см, глубина 25 см) из обломков плит девонского песчаника. В центре на горизонте, на глубине 40 см, открылась яма (250х140 см, глубина 90 см), на дне ее сруб (200х90смх30 см) в 1 венец лиственничных бревен, рубленных в лапу. В нем разбросаны остатки костей человека и обломки шаровидного темно-серого, высотой 29 см, сосуда, похожего на сосуды каменноложского этапа карасукской культуры. Он украшен вдоль шейки двумя рядами елочки, нанесенных зубчатым штампом, разделенными тремя резными линиями (Киселев, 1929, с. 30, 37). Сруб, видимо, был выше афанасьевской могилы. Раскопки произведены колодцем 4,5х4,5 м. ГЭ, кол. 269/25.

4. *Курган №10*. По насыпи (высота 65 см, диаметр 5,5 м) выложено кольцо (диаметр 4,5 м, ширина 85 см, глубина 25 см) из обломков плит девонского песчаника. На глубине 50 см, в центре, яма (250х140 см, глубина 90 см, С–Ю), заполненная землей с обломками сгнившего дерева. На дне фрагменты костей человека и черепки небольшого (высота 10 см) яйцевидного сосуда, по которому определяется принадлежность могилы к афанасьевской культуре (Киселев, 1929, с. 37, табл.1 -26). Однако необычная ориентация ямы позволяет предполагать, что афанасьевская яма была разрушена впускной неизвестного времени, поскольку зимой афанасьевцы мертвых не хоронили.

5. *Курган №11*. Полностью разрушенная афанасьевская могила была под одним из тагарских курганов в другой группе могильника (Киселев, 1929, с. 35, прим. 26). В коллекции остался лишь афанасьевский сосуд шаровидной круглодонной формы с низким почти прямым венчиком. Наружная сторона венчика покрыта косыми резными линиями. Вокруг тулова прорезаны горизонтальные линии, промежутки между которыми заполнены косыми оттисками гладкого штампа. Ниже идут 2 полосы косых резных линий, образующих елочку.

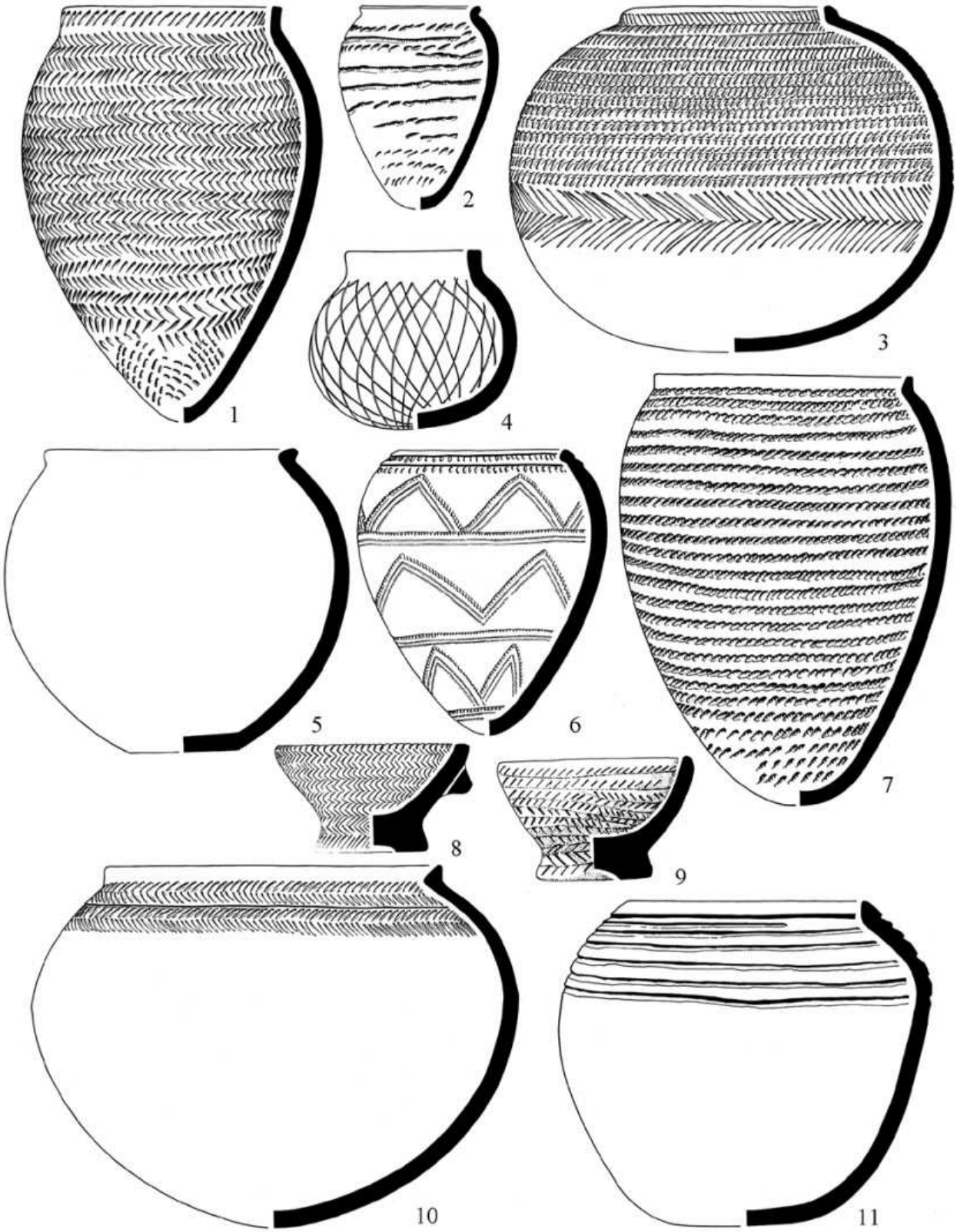

Рис. 141. Могильник Тесь-1, сосуды из к. 1, п. 1 (1); к.10 (2); к. 11 (3); к. 15, п. 2 (4); к. 14, п. 2 (5–9, 11), к. 14, п. 1 (10). Рисунки Л.Н. Баранова

6. *Курган №12*. По насыпи (высота 45 см, диаметр 5,5 м) выложено кольцо (диаметр 4,5 м, ширина 70 см, глубина 20 см) из обломков плит девонского песчаника. В кургане 2 могилы.

Могила 1. В северной части на глубине 45 см, на горизонте, яма (150х150 см, глубина 80 см, ЗСЗ–ВЮВ) под плитами. На дне в углисто-золистом слое лежали в беспорядке обломки сожженных костей одного человека. В юго-западном углу обломки сосуда, украшенного вдоль бортика и по плечам резным линейным и елочным орнаментом.

В коллекции хранятся черепки от двух сосудов. Один шаровидный светло-коричневый с сильно отогнутым низким венчиком. По плечикам прочерчены 4 горизонтальные бороздки, покрытые косыми оттисками гребенчатого штампа. Обе поверхности заштрихованы. Второй сосуд со слабо отогнутым низким венчиком, имеющим по краю насечки. Покрыт орнаментом, состоящим из чередующихся рядов нескольких резных горизонтальных линий и полосы резных косых линий, образующих елочку. ГЭ, кол. 269/6; кол. 269/7.

Могила 2. В южной части кургана на глубине 30 см, на горизонте, яма (200х140 см, глубина 75 см, ЗСЗ–ВЮВ), покрытая плитой. На дне в беспорядке остатки костей человека. Вещей не было.

Раскопки обеих могил произведены колодцем 4,5х4,5 м. На такой площади 2 могилы могли разместиться только перекрывая одна другую. Нижняя могила, расположенная в северной части кургана, видимо, основная, афанасьевская.

7. *Курган №13*. По насыпи (высота 55 см, диаметр 6 м) выложено кольцо (диаметр 4,5 м, ширина 80 см, глубина 30 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана на глубине 40 см, на горизонте, яма (355х300 см, глубина 80 см, ЗСЗ–ВЮВ), покрытая каменными плитами, лежавшими на двух продольных лиственничных балках. На дне, в углисто-золистом слое, лежали в беспорядке обломки как сожженных, так и сгнивших костей одного человека. В СЗ углу шаровидная корчага, сплошь покрытая штрихами от сглаживания штампом. Раскопки произведены колодцем 5х5 м.

8. *Курган №14*. По насыпи (высота 45 см, диаметр 5,5 м) выложено кольцо (диаметр 4 м, ширина 80 см, глубина 20 см) из обломков плит девонского песчаника. Обнаружены 2 могилы.

Могила 1. В северной части на глубине 45 см, на горизонте, яма (250х165 см, глубина 75 см, ЗСЗ–ВЮВ), покрытая плитами, лежавшими на продольной лиственничной балке длиной 3 м и диаметром 30 см. На дне в беспорядке остатки костей взрослого человека. Согласно публикации дневника раскопок, вещей в могиле не было, но в музейной коллекции есть шаровидный круглодонный сосуд, по плечикам которого две горизонтальные полосы елочного орнамента из оттисков гребенчатого штампа, разделенные прочерченной линией (ГЭ, кол. 269 №9). По форме и орнаменту он схож с сосудами каменноложского этапа карасукской культуры. Это объясняет то, что в коллекции могильника имеются и другие каменноложские черепки из других курганов.

Могила 2. В южной части на глубине 30 см, на горизонте, яма покрытая плитами (300х185 см, глубина 75 см, ЗСЗ–ВЮВ), лежавшими на двух продольных лиственничных балках. На дне в беспорядке остатки разрушенных костей человека. В СВ углу были 5 раздавленных сосудов и 2 курильницы. Неизвестно в каком порядке они стояли и на одном ли уровне. Три яйцевидных сосуда и курильницы относятся к афанасьевской культуре (Киселев, 1929, рис. 16 -23–25, 27). Два сосуда не характерны для афанасьевских. Сосуд (кол. 269 -15) удлиненно шаровидный, с маленьким плоским дном, с круглым венчиком и залощенной серой поверхностью. Второй сосуд (кол. 269 -11) в виде небрежно вылепленного горшка с каннелюрами в верхней части.

Судя по размерам ограды (диаметр 4 м), раскопа (4,5х4,5 см) и заключенных в нем могил (5,5 на 3,5 м), последние должны были хотя бы частично перекрывать друг друга, поэтому и сосуды, отличающиеся от афанасьевских, могли принадлежать впускной могиле.

9. *Курган №15*. По насыпи (высота 60 см, диаметр 6 м) выложено кольцо (диаметр 4,5 м, ширина 80 см, глубина 30 см) из обломков плит девонского песчаника. Содержит 2 могилы.

Могила 1. В северо-восточной части на глубине 60 см, на горизонте, яма (200х110 см, глубина 75 см, ЗСЗ–ВЮВ), покрытая плитами. На дне в беспорядке остатки разрушенных костей человека.

Могила 2. В южной части на глубине 50 см, на горизонте, яма (310х170 см, глубина 80 см, ЗСЗ–ВЮВ), покрытая наваленными грудой плитами высотой 45 см. В грабительском лазе над могилой среди камней были 2 обломка костяной плоской пластинки (размерами 13,5х2,3 см и 7,1х2 см) в виде кинжала со сквозным отверстием в верхней части. На дне ямы в углисто-золистом слое лежали обломки пережженных костей одного человека. У западной стенки обломки сферического небольшого круглодонного сосуда и бронзовый игольник с костяной иглой, в ушке которого шерстяная нитка. Посередине дна ямы лежал пластинчатый черешковый треугольный ножик.

В коллекции музея из этой могилы хранятся единичные обломки от двух типично афанасьевских сосудов – яйцевидного и шаровидного (ГЭ, кол. 269, №20, 21). Они, видимо, происходят из основной могилы, не выявленной автором раскопок. Вызывает сомнение наличие двух, а не одной афанасьевской могилы в ограде из-за ее размеров (диаметр 4,5 м), размеров раскопа (5х5 м) и заключенных в нем могил (5,1х2,8 м), которые должны были хотя бы частично перекрывать друг друга.

10. *Курган №16*. По насыпи (высота 45 см, диаметр 6 м) выложено кольцо (диаметр 5 м, ширина 85 см, глубина 25 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана, на глубине 45 см, на горизонте, яма (189х110 см, глубина 103 см, З–В), покрытая плитами. Под ними черепки двух яйцевидных сосудов и обломки черепа человека. На дне в беспорядке кости взрослой женщины (Киселев, 1929, с. 42). Раскопки произведены колодцем 5х5 м.

11. *Курган №17*. По насыпи (высота 55 см, диаметр 6,85 м) выложено кольцо (диаметр 6 м, ширина 95 см, глубина 30 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана, на глубине 45 см, на горизонте, яма (255х150 см, глубина 150 см, З–В), покрытая плитами и обставленная плитами в виде ящика. На дне, черепом на запад, скелет мужчины скорчено на правом боку. Напротив колен каменное шлифованное двустороннее долотовидное орудие. По всем признакам (конструкции, поза погребенного, долото) это окуневская могила. Раскопки произведены колодцем 6х6 м.

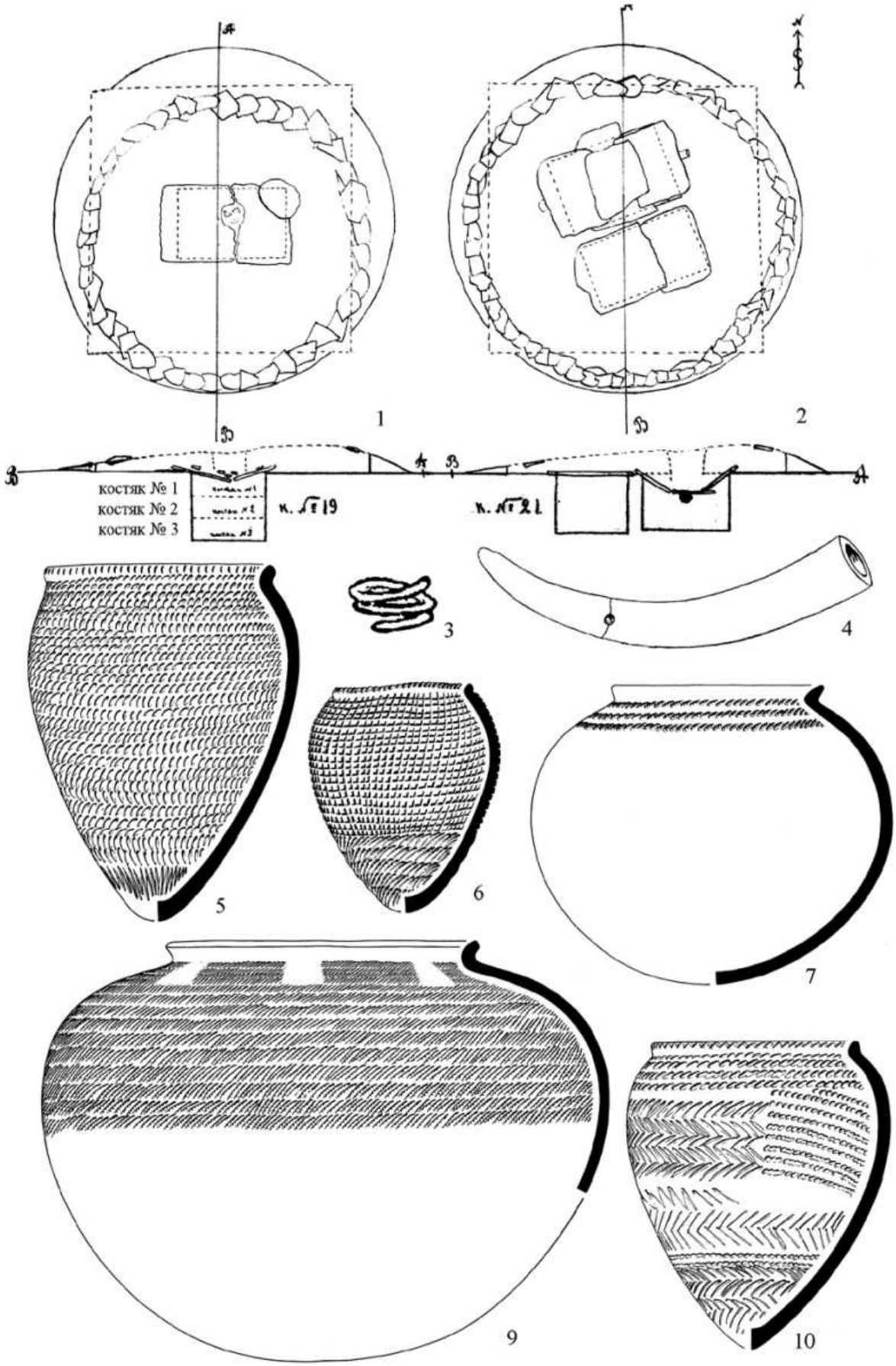

Рис. 142. Могильники Тесь-1, к. 19 (1), 21 (2); Тесь-III (3, 4); к. 10, п. 2 (5, 9, 10); Тесь-II, к. 1, м. 2 (6); к. 1, п. 1 (7). Рисунки Л.Н. Баранова (5–10); по: Киселев, 1928 (1–4)

12. *Курган №18*. По насыпи (высота 35 см, диаметр 6 м) выложено кольцо (диаметр 5 м, ширина 75 см, глубина 60 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана, на глубине 30 см, на горизонте, яма (185х70 см, глубина 60 см, ЗСЗ – ВЮВ), покрытая плитами. На дне истлевший скелет головой на ЗСЗ, на спине с ногами, раздвинутыми ромбом. С правой стороны груди бронзовый (?) пластинчатый ланцетовидный нож, ранее вставленный в деревянную рукоятку. Нож относится к окуневской культуре. Небольшая глубина могилы позволяет предполагать, что она впущена в расположенную ниже, но оставшуюся не раскопанной афанасьевскую. Раскопки произведены колодцем 5х5 м.

13. *Курган №19*. По насыпи (высота 45 см, диаметр 7 м) выложено кольцо (диаметр 6 м, ширина 75 см, глубина 35 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана на глубине 40 см, на горизонте, яма (196х130 см, глубина 117 см, З–В), покрытая плитами. В ней 3 последовательных захоронения.

Верхняя могила. На глубине 45 см от горизонта скелет молодого мужчины, лежавшего скорчено на правом боку, головой на С. Вещей нет, датировка не установлена.

Средняя могила. На глубине 80 см от горизонта на берестяной подстилке уложен мужчина, головой на З, по мнению автора, скорчено на левом боку, с руками несколько согнутыми в локтях и кистями у таза. Однако положение кистей рук, напротив, показывает, что первоначально умерший был уложен на спине с согнутыми ногами. У левого плеча находились каменные топор и шар диаметром 5,5 см, у локтя медный нож, длиной 9 см, с остатками деревянной рукоятки, а ниже колен каменные пест длиной 17 см, секира длиной 23 см и 2 треугольных точильных камня с проложенным между ними медным листком. Под коленами находился выпавший из тела кремневый наконечник стрелы. Восточная часть ямы заполнена пережженной землей с множеством углей.

Нижняя могила. На глубине 117 см остатки скелета взрослого мужчины. По мнению автора раскопок, он положен головой на З, скорчено на правом боку. Однако, согласно положению рук, мужчина уложен на спине с согнутыми ногами, одной рукой вдоль тела, второй, согнутой в локте и положенной кистью на таз. Вещей нет, но поза погребенного характерна для афанасьевцев. Раскопки произведены колодцем 5,5х5,5 м.

14. *Курган №20*. По насыпи (высота 35 см, диаметр 6 м) выложено кольцо (диаметр 5 м, ширина 85 см, глубина 25 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана, на глубине 25 см, на горизонте, яма (200х140 см, глубина 150 см, З–В), ранее покрытая лиственничными бревнами. В заполнении ямы обломки яйцевидного сосуда, обожженная земля с множеством углей и обломков бревен. На дне ямы остатки скелета мужчины, который, по мнению автора раскопок, судя по не потревоженной левой руке согнутой в локте, кистью у таза, лежал скорчено, головой на ЗСЗ. Однако именно положение этой руки свидетельствует, что он был положен на спине с согнутыми ногами. Раскопки произведены колодцем 5х5 м.

15. *Курган №21*. По насыпи (высота 45 см, диаметр 6,5 м) выложено кольцо (диаметр 5 м, ширина 85 см, глубина 25 см) из обломков плит девонского песчаника. В кургане 2 могилы.

Могила 1. В северной части кургана на глубине 45 см, на горизонте, яма (220х140 см, глубина 107 см, З–В), покрытая плитами, положенными на продольную лиственничную балку. На дне скелет взрослого мужчины, уложенного, по мнению автора, скорчено на правом боку головой на ЗСЗ. Однако положение рук (правой вытянутой вдоль тела, левой согнутой в локте и кистью лежавшей на животе) свидетельствует о положении на спине с согнутыми ногами. У колен обломки яйцевидного сосуда, часть которого была в заполнении ямы.

Могила 2. В южной части кургана на глубине 35 см, на горизонте, яма (220х120 см, глубина 110 см, ЗЮЗ–ВСВ), покрытая плитами. На дне скелет взрослого мужчины, головой на З, по мнению автора, скорчено на правом боку. Однако руки, лежавшие вытянуто вдоль тела, свидетельствуют о положении на спине. Ниже колен яйцевидный сосуд. Раскопки произведены колодцем 5х5 м.

16. *Курган №22*. По насыпи (высота 50 см, диаметр 6 м) выложено кольцо (диаметр 5 м, ширина 90 см, глубина 30 см) из обломков плит девонского песчаника. В середине кургана, на глубине 35 см, на горизонте, яма (250х150 см, глубина 105 см, ЗЮЗ–ВСВ), покрытая плитами. На дне в беспорядке разрушенные кости мужчины и женщины. Вещей нет, датировка могилы не установлена. Раскопки произведены колодцем 5,5х5,5 м.

Подведем итоги. Из 15 раскопанных насыпей, содержавших 21 могилу, не менее 12 могил не являются афанасьевскими. Это могилы, впущенные в ту же яму, но выше афанасьевских могил, на глубине, как правило, 60–90 см. В этих случаях сами афанасьевские погребения остались не раскопанными (7–9, 17, 18). Если же они глубже (110–150 см), то полностью разрушены впускными захоронениями (12, м. 1; 14, м. 1; 15, м. 2; 19, м. 3).

Самые ранние впускные захоронения относятся к окуневской культуре. Для них использованы, расположенные близко друг к другу афанасьевские ограды 15, 17–19.

Ограда 15, могила 2 (Киселев, 1929, т. I, р. 1–2, 5; 1949, т. III, 2, 3, 5). Яма закрыта не бревнами, как афанасьевские, а несколькими рядами плит. Окуневские изделия представлены медным игольником с костяной иглой и медным треугольным черешковым ножом (ГЭ, кол. 269, №18–19). В грабительском лазе той же могилы были 2 обломка костяной плоской пластинки в виде кинжала со сквозным отверстием в верхней части. На одной ее стороне резной орнамент из трех длинных крестов, разделенных четырьмя горизонтальными параллельными линиями (Киселев, 1949, т. III, 1). В коллекции музея он называется «гончарным ножом» (ГЭ, кол. 269, №17). Рядом с игольником лежал шаровидный сосуд с высоким прямым венчиком и широким слегка уплощенным дном. Он сплошь орнаментирован резными перекрещивающимися линиями, образующими сетку. Этот сосуд по форме похож на афанасьевские шаровидные сосуды, но меньшего размера (высотой 10 см) и значительно толще стенки (Киселев, 1929, т. I, рис. 15, 1949, т. III, 14).

Ограда 17, могила. Каменный ящик, где помимо скелета, лежавшего, предположительно, на правом боку, головой на З, было каменное долото-резак для разрезания шкур. ММ, кол. 9771, №3 (Киселев, 1929, табл. I, р. 3; 1949, табл. III -4).

Ограда 18, могила. Яма под плитами содержала скелет с согнутыми и поднятыми вверх коленями и медный ланцетовидный нож, первоначально вставленный в деревянную рукоятку. ММ, кол. 9771, №4.

Ограда 19, могила 2. Расположена на глубине 80 см от древней поверхности, выше афанасьевской могилы. На берестяной подстилке уложен мужчина, головой на З. С ним каменные топор, шар, пест, секира, 2 треугольных точильных камня с проложенным между ними медным листком, медный нож. Мужчина убит стрелой, от которой остался застрявший в теле кремневый наконечник. ММ, кол. 9771, №5–11 (Киселев, 1929, с. 44–45, т. I, рис. 7–14; 1949, т. III, 7–13).

Безусловно, к впускным погребениям относятся 3 могилы в афанасьевских оградах (№7–9), непосредственно расположенные рядом с карасукскими и тагарскими курганами. Две из них в виде небольших срубов в 1 и 3 венца из лиственничных бревен, покрытые накатами из таких же бревен, а третий в виде большого каменного ящика. В них плохо сохранившиеся индивидуальные погребения взрослого человека и обломок плоскодонного сосуда горшковидной формы с двумя рядами елочки вдоль шейки, нанесенных зубчатым штампом. Очевидно, сосуд поздний карасукский или ранний тагарский (Киселев, 1929, с. 36–37).

Впускные могилы, предположительно, разрушили афанасьевские погребения еще в трех оградах: №10, 12, 14. В первом случае этот вывод основан на невозможной для афанасьевцев зимней ориентации могилы. В двух других на размерах могил в оградах, которые должны были хотя бы частично перекрывать друг друга. Не удивительно, что в этих могилах нет вещей, и сосуд отличается от афанасьевских. Таким образом, только в шести могилах (13, 16, 20, 21, мог. 1–2, 22) нет следов нарушения вторичными захоронениями.

Конструкция погребальных сооружений. Ямы вырыты в лессовой почве, поэтому они большие, площадью 3–3,5 кв. м, преимущественно длиной 200–250 см и шириной 120–140 см. Глубина ям 110–150 см от древней поверхности. Закрыты длинными бревнами, поверх которых уложены плиты. Расплывшиеся надмогильные сооружения сохранились на высоту 45–75 см. Они окружены круглыми оградами, сложенными из нескольких рядов плоских плит, сохранившихся на высоту 15–20 см. Ограды служили крепидами надмогильных сооружений. Об этом свидетельствуют малые диаметры оград при больших размерах могил и их бревенчатых покрытий. В частности, при внутреннем диаметре оград 4,5–5,0 м, размеры, находящихся внутри них, могил 250х165 и 300х185 см (огр. 14) или 200х110 и 310х170 см (огр. 15). Это без учета площадей бревенчатых покрытий длиной до 3 м. Таким образом, практически свободного пространства между надмогильными сооружениями и оградами не оставалось. Хотя в четырех оградах были 2 могилы, лишь в одном случае (огр. 21) они, безусловно, обе афанасьевские.

Погребальный обряд. Судя по ориентации длинных стен ям (З–В, ЗЮЗ–ВСВ и ЗСЗ–ВЮВ), захоронения произведены весной, летом и осенью, что вызывает сомнения. Покойники всегда обращены головой в западном направлении. Поза определяется скорченными в коленях ногами и положением рук, одна из которых вытянута вдоль тела, а вторая слегка согнута в локте и кистью помещена на живот. Видимо, погребенные уложены на спину с поднятыми вверх коленями, позднее упавшими в ту или другую сторону, а однажды ромбом. Сосуды помещены как у головы, так и у ног, в одной могиле группа сосудов поставлена вдоль стенки.

Очень плохая сохранность костей скелетов и нарушенность большинства ям не позволяет подсчитать количество погребенных. Антропологические определения сделаны для 5 человек (к. 16–17, 21–22): трех женщин и двух мужчин (Дебец, 1932; Алексеев, 1961, т. 14). В одной могиле (огр. 14, м. 2), помимо сосудов обычного размера, найден миниатюрный яйцевидный сосудик, косвенно свидетельствующий о захоронении среди взрослых ребенка.

Керамика и инвентарь. Общее число сосудов 20. Среди них преобладают яйцевидные остродонные сосуды (10) высотой 17,5–25 см и 2 миниатюрных высотой 10 см. В 2 раза меньше шаровидных (6), включая корчагу высотой 55 см, 2 горшковидных с уплощенным дном и 2 вазочки-курильницы. Орнаментированы сосуды преимущественно резными линиями и оттисками штампа. Преобладающими мотивами являются вертикальные линии и елочка. Наиболее оригинально украшены 2 сосуда. Один яйцевидный, покрытый горизонтальными рядами крупных зигзагов, нанесенных гребенчатым штампом и разделенных горизонтальными полосами оттисков того же штампа. Второй горшковидный с шестью горизонтально прочерченными линиями, ниже которых рисунки лесенок, обрамленные треугольниками.

Большинство целых сосудов первоначально были переданы в музей Антропологии МГУ, а 5 сосудов в обломках в Минусинский музей. Там некоторые отреставрированы уже после публикации, в результате их описания, опубликованные С.В. Киселевым, требуют уточнения.

Яйцевидные остродонные сосуды

1. Сосуд высотой 20 см с почти прямым венчиком высотой 1 см. На венчике прочерчены перекрещивающиеся линии, а на тулове горизонтальные линии, внутри которых косые оттиски края палочки, образующие елочку. Ограда 16. ММ, кол. 9771, 1 (Киселев, 1929, табл. 1 -21; 1949, табл. III -20).

2. Мелкие обломки сосуда без орнамента. Ограда 16. ММ, кол. 9771, 2 (Киселев, 1929, с. 42).

3. Толстостенный сосуд, орнаментированный горизонтальными бороздками, прочерченными широким концом палочки. Ограда 20. ММ, кол. 9771, 12 (Киселев, 1929, с. 45).

4. Половина сосуда с фрагментом венчика. Тулово покрыто 15 горизонтальными бороздками, прочерченными тупым концом палочки. По плечам сосуда между 6 рядами нанесены отпечатки зубчатого штампа или вдавлений уголка палочки. Ограда 21, могила 1. ММ, кол. 9771, 13 (Киселев, 1929, с. 46).

5. Сосуд высотой 19 см с низким гладким венчиком. Под венчиком ряд косых оттисков короткого зубчатого штампа. По всему тулову 4 широких ряда, образующих елочку. Они состоят из диагональных прочерченных бороздок, пространство между которыми заполнено косыми резными линиями. Вокруг дна прочерчены по кругу такие же бороздки, между которыми косые линии. Ограда 21, могила 2. ММ, кол. 9771, 14 (Киселев, 1929, табл. 1 -22; 1949, табл. III -21).

6. Миниатюрный сосуд, высотой около 10 см. Венчик едва намечен. Орнаментирован по всей поверхности горизонтальными линиями, образованными оттисками короткого зубчатого штампа. Между линиями ряды из наклонных отпечатков штампа. Ограда 10. ГЭ, кол. 269, №5 (Киселев, 1929, табл.1 -26; 1949, табл. III -25).

7. Светло-коричневый сосуд, высотой 25,5 см, с низким слегка отогнутым венчиком, диаметром 15 см. Толщина венчика – 1 см, стенок – 7 мм. Орнаментирован горизонтальными рядами косых оттисков короткого гребенчатого штампа. Ограда 14, могила 2. ГЭ, кол. 269, №10 (Киселев, 1929, табл. 1 -24; 1949, табл. III -23).

8. Сосуд высотой 17,5 см с низким прямым венчиком толщиной 1 см. Орнаментирован горизонтальными рядами крупных зигзагов, нанесенных гребенчатым штампом и разделенных горизонтальными полосами того же штампа. Ограда 14, могила 2. ГЭ, кол. 269, №14 (Киселев, 1929, табл. 1 -16; 1949, табл. III -15).

9. Миниатюрный сосуд, покрытый вертикальными линиями, нанесенными «вращающей зубчаткой». Ограда 14, могила 2 (Киселев, 1929, с. 29, табл.1 -23; 1949, табл. III -22).

10. Отогнутый венчик сосуда, по шейке покрыт резными горизонтальными линиями, пересеченными косыми оттисками зубчатого штампа. Ограда 15, могила 2. ГЭ, кол. 269, №21.

Шаровидные круглодонные сосуды

1. Обломки светло-коричневого сосуда толщиной стенок 8 мм, с сильно отогнутым венчиком. Верхняя треть сосуда покрыта горизонтальными полосами косых оттисков зубчатого штампа, образующих елочку. С внутренней стороны заштрихован. Ограда 12, могила 1. ГЭ, кол. 269, №6.

2. Обломки светло-коричневого сосуда с толщиной стенок 8 мм. Венчик сильно отогнут, по его краю насечки. Орнамент резной, состоящий из чередующихся горизонтальных линий с рядом вертикальных линий, образующих елочку. С внутренней стороны стенки заглажены. Ограда 12, могила 1. ГЭ, кол. 269, №7.

3. Коричневая корчага со следами черного нагара, в изломе серого цвета, у дна сплющенная. Высота 55 см, диаметр венчика 46 см, по плечикам 86 см. Венчик почти прямой, высотой 2,5 см. Средняя толщина стенок сосуда 2,5 см. Без орнамента, но грубо заглажена с обеих сторон. Ограда 13. ГЭ, кол. 269, №8.

4. Светло-коричневый сосуд высотой 22 см, с низким, слегка отогнутым венчиком, с толщиной стенок 1 см. По плечикам 2 горизонтальных ряда елочного орнамента из оттисков гребенчатого штампа, разделенных прочерченной линией. Ограда 14, могила 1. ГЭ, кол. 269, №9. Похож на карасукские сосуды каменноложского этапа, в публикации сведения о его находке в могиле отсутствуют.

5. Нехарактерный для афанасьевской культуры сосуд высотой 10 см, с высоким прямым венчиком, широким слегка уплощенным донышком. Сплошь орнаментирован резными перекрещивающимися линиями, образующими сетку. Ограда 15, могила 2 (Киселев, 1929, т. I, р. 15; 1949, табл. III -14).

6. Обломок сосуда с отогнутым венчиком без орнамента. Ограда 15, могила 2. ГЭ, кол. 269, №20.

Горшковидные сосуды с уплощенным дном

1. Светло-коричневый сосуд с уплощенным дном высотой 21 см, диаметром венчика 16,5 см, дна – 10 см, плечиков – 23 см. Небрежно вылеплен. По плечам 6 горизонтально прочерченных линий – бороздок. Ниже через равные промежутки, по наблюдению С.В. Киселева, были нарисованы белой краской лесенки, к которым с боков основаниями примыкали треугольники (Киселев, 1929, с. 42, табл. 1 -29; 1949, табл. III -28). Ограда 14, могила 2. ГЭ, кол. 269, №11.

При поступлении сосуда из музея Антропологии МГУ в 1932 г. в Государственный Эрмитаж рисунков на нем не было. В 2002 г. сотрудник Эрмитажа С.В. Хаврин исследовал его поверхность в ультрафиолетовых лучах. Тогда стали видны 2 вертикальные полосы, люминесцирующие слегка желтым цветом, остатки раскраски. Между ними, примерно посередине, имеются еще несколько небольших пятнышек аналогичной краски, возможно, что от еще такой же полосы. По краю одной из полос просматривается ряд треугольных выступов. Эта полоса продолжается вверх на выступах между желобками и венчиком (ГЭ. Д №854). Таким образом, первоначальное наличие росписи подтверждается, но она, видимо, была нанесена уже после его изготовления.

2. Коричневый сосуд удлиненно шаровидной формы с небольшим плоским дном, высотой 18,5 см, диаметром венчика 15 см, дна – 6 см, плечиков – 21 см. Без орнамента, заглажен инструментом, от которого остались штрихи и полосы (Киселев, 1929, табл. 1 -28; 1949, табл. III -27). Ограда 14, могила 2. ГЭ, кол. 269, №15.

Оба сосуда отличаются от афанасьевских и могут происходить из впускной могилы, не прослеженной автором раскопок.

Вазочки-курильницы

1. Курильница на поддоне с выступом-ручкой со сквозным треугольным отверстием. Высота курильницы 9 см, диаметр венчика 16,5 см, диаметр поддона 9 см, глубина чаши 4,8 см, высота поддона 2,5 см, изгиба в середине поддона 1 см, толщина стенок чаши 1–2 см. Покрыты рядами оттисков края лопаточки, образующих елочку. Резные косые линии украшают срез венчика. Ограда 14, могила 2. ГЭ, кол. 269, №12 (Киселев, 1929, с. 30, табл. 1 -25; 1949, табл. III -24; Вадецкая, 1986б, рис. 13).

2. Курильница с отломанной ручкой. Высота курильницы 9 см, диаметр венчика 14 см, высота поддона 2 см. Украшена вертикальными рядами оттисков гладкого штампа, разделенными небрежно почерченными горизонтальными линиями. Ограда 14, могила 2 (Киселев, 1929, с. 30, табл.1 -27; 1949, табл. III -26; Вадецкая, 1986б, рис. 12).

В Минусинском музее хранится медная спиральная серьга из кургана 15. К сожалению, она не указана в публикации отчета, не имеет номера и в описи.

Отражение социальных отношений. Все ямы для могил большие, особенно, которые сделаны для знатных покойников. Это подтверждают сопровождающие их вещи. В самой большой яме (огр. 13), площадью около 11 кв. м (355х300 см), поставлена корчага – огромный грубо вылепленный сосуд для общественных трапез, а во второй по величине могиле (огр. 14, мог. 2), площадью около 10 кв. м (300х185 см), поставлено у восточного угла 7 сосудов разнообразных форм – 3 яйцевидных, 2 горшковидных и 2 курильницы. Если горшковидные сосуды попали случайно, то для одного человека много и пяти.

Хронология. Особенностью могильника является его однообразие. Все могилы выкопаны для одного взрослого человека. Небольшие ограды вокруг могил сложены из положенных плашмя плит. Число яйцевидных сосудов преобладает над остальными и соответствует общему числу шаровидных и горшковидных (Киселев, 1929, табл. I -28–29; 1949, табл. III -27, 28). По этим признакам могильник может относиться к ранним. Могилы ограблены окуневским населением, которое в них уже, видимо, не видело могил. Датирующим может служить также один яйцевидный сосуд, имеющий оригинальный орнамент из горизонтальных рядов крупных зигзагов, нанесенных гребенчатым штампом и разделенных горизонтальными рядами оттисками того же штампа. Орнамент аналогичен орнаменту сосуда из могильника Карасук III, огр. 1, м. 1 (Грязнов, 1999, рис. 25 -4).

В Государственном Эрмитаже (кол. 269) хранятся 20 афанасьевских сосудов (целые и в обломках) из оград 10–15, а также окуневские изделия (медные нож, игольник, костяная игла и костяной кинжал-подвеска) из ограды 15. Они поступили в Государственный Эрмитаж из музея Антропологии МГУ в 1932 г. В Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова (кол. 9771) хранятся 5 яйцевидных сосудов (2 целых и 3 в обломках) из оград 16–21, а также металлическая серьга из ограды 15. Здесь и окуневские изделия: 2 медных ножа, каменные резак, секира, шар, топор, колотушка.

Киселев С.В. Отчет об археологических исследованиях в Минусинском округе. Архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1928, ед. хр. 227.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. Музея им. Н.М. Мартьянова. Минусинск, 1929. Т. 6, вып. 2. С. 34–47.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. №9. С. 17–20.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 23–55.

22. Тесь II, могильник

Расположен в 0,5 км к В от могильника Тесь I, ближе к одноименному селу. В 1928 г. С.В. Киселев среди оград карасукской культуры обнаружил и раскопал одну афанасьевскую ограду в виде кольца диаметром 5 м, сложенного из плит девонского песчаника. Ширина расплывшейся кладки составляла 80 см. Плиты сохранились на высоту 30 см. Раскопки производились колодцем 36 кв. м (6х6 м), охватившим всю площадь кольца. Обнаружены 2 могилы, сооруженные в разное время.

Основная могила в середине ограды размером 255х175 см, глубиной 85 см, выкопана летом (ЗЮЗ–ВСВ). Яма закрыта плитами, уложенными на три сосновых бревна. Могила ограблена. Остались части скелета взрослого человека и в районе головы 3 сосуда: яйцевидный, шаровидный и реповидный. Вокруг могилы была сложена ограда.

Вторая могила была под южной частью ограды на глубине 25 см. Ее размеры 185х125 см, глубина 60 см, выкопана, судя по ориентации длинных стен (ЗСЗ–ВЮВ), осенью. Могила не потревожена. Похоронены женщина (Дебец, 1932) или молодой мужчина (Алексеев, 1961, т. 14). Положение тела – головой на З, на спине с вытянутой вдоль тела правой рукой и согнутой в локте левой, помещенной кистью на животе. Позднее туловище сместилось на правый бок. В ногах поставлен яйцевидный сосуд.

Всего обнаружено 4 сосуда: 2 яйцевидных и 2 шаровидных. Они хранятся в Государственном Эрмитаже (кол. 269), переданы в 1932 г. из музея Антропологии МГУ.

Яйцевидные, остродонные

1. Сосуд высотой 14 см, украшен, по С.В. Киселеву, «шашечным» орнаментом или, по Э.Б. Вадецкой, имитациями «узелков» или «защипами». Около дна нанесено 6 горизонтальных рядов зубчатого штампа. Ограда 1, могила 2. ГЭ, кол. 269, №4 (Киселев, 1929, с. 35, табл. I -17; 1949, табл. III -16).

2. Сосуд высотой 25 см, покрыт рядами резного орнамента в виде елочки. Ограда 1, могила 1. ГЭ, кол. 269, №1 (Киселев, 1929, табл. I -19; 1949, табл. III -18).

Шаровидные круглодонные сосуды

1. Сосуд высотой 18 см, украшен вдоль венчика отпечатками трех крученых веревочек. Ограда 1, могила 1. ГЭ, кол. 269, №3 (Киселев, 1929, с. 35, табл. I -30; 1949, табл. III -29).

2. Сосуд реповидной формы высотой 14 см. Венчик покрыт косыми линиями, а туловище горизонтальными рядами косых оттисков гребенчатого штампа, 9 из которых, разделены резными линиями. Ограда 1, могила 1. ГЭ, кол. 269, №2 (Киселев, 1929, с. 35, табл. I -18; 1949, табл. III -17).

Хронология. Курган Тесь II выглядит моложе могильника Тесь I. Основанием является яйцевидный сосуд с оригинальным «шашечном» орнаментом, имитирующим узелки. По орнаменту устанавливается связь между этим курганом и двумя другими, один из которых расположен на правом берегу Енисея у с. Восточное, а второй на р. Карасук, левом притоке р. Енисей (Карасук III, огр. 7, м. 1). Оба кургана относительно молодые среди афанасьевских: Восточный, по наличию в нем роговых гвоздиков, выполненных металлическими орудиями, карасукский, по имеющейся условной радиоуглеродной дате, отражающей сосуществование афанасьевцев с окуневцами ((Поляков, 2010, табл. 1).

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. Музея им. Н.М. Мартьянова. Минусинск, 1929. Т. 6, вып. 2. С. 34–35.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. №9. С. 17–20.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 23–55.

23. Тесь III, могильник

Расположен в 0,5 км к ВЮВ от могильника Тесь I под склоном горы Георгиевской, ближе к тракту в г. Минусинск. Обнаружен и раскопан С.В. Киселевым в 1932 г. Состоял из 5 земляных насыпей диаметром 8–10 м, высотой 45–55 и 99 см. На них, по мнению автора раскопок, прослеживались остатки круглой комбинированной ограды: одни участки сложены из плит, развалившихся на ширину до 2,5 м и сохранившихся на высоту до 30 см. Другие участки составлены из вертикальных плит, вкопанных на ребро. Мнение, видимо, ошибочное, поскольку камни ограды не расчищались, но поверх не менее трех афанасьевских оград сохранились камни ограды тагарской культуры. Один тагарский курган полностью закрыл собой афанасьевскую ограду (№7). В две другие (№9, 10) афанасьевские могилы были впущены каменные ящики тагарской культуры. Более вероятно, что все ограды были обычными: круглыми, сложенными из плоских плит.

В той или иной степени афанасьевские курганы разрушены тагарскими подгорновского этапа. Один курган разрушен полностью. Он был закрыт прямоугольной тагарской оградой с угловыми камнями (огр. 7). В ней находились 4 тагарские могилы, полностью разрушившие афанасьевскую. Во втором кургане (огр. 10) тагарская впускная могила в виде каменного ящика (180х100 см) частично заняла афанасьевскую яму размерами 270х270 см. В третьем кургане (огр. 9) афанасьевская яма (180х90 см) была переиспользована для тагарского захоронения. Для этого ее стенки обставлены хорошо подогнанными плитами, а умерший уложен на спине, головой на ВСВ. Только в двух оградах (8, 11) не зафиксировано впускных захоронений, хотя основные могилы сильно потревожены. В первой (180х85 см) были части скелета взрослого, уложенного головой на ЗСЗ, во второй (150х80 см) кости взрослого и подростка, а также обломки реповидного сосуда.

Могилы выкопаны в лессовом суглинке на глубину 70–100 см. Две из них узкие прямоугольной формы (150х80 см и 185х85 см), третья квадратная (270х270 см) с коллективным захоронением, первоначально покрытая лиственничными бревнами, уложенными с ЗЮЗ на ВСВ. Каждая могила окружена оградкой, которая служила крепидой надмогильного сооружения. Об этом свидетельствуют размеры ям, надмогильных покрытий и диаметр ограды. Площадь могилы в самой крупной ограде (№10) более 6 кв. м, а площадь бревенчатого наката над могилой не менее 9 кв. м. Следовательно, сначала выкопали яму и разбросали вынутую из нее землю вокруг на 2–3 м. Уложив покойников, закрыли яму бревнами, длиной не менее 3,5 м, сложив на них земляной холмик основанием не менее 10 кв. м. Холмик и часть разбросанной вокруг ямы земли окружили оградкой. Со временем разрушенная конструкция приобрела вид насыпи высотой 55 см. Так же создавались менее крупные сооружения в двух других оградах, насыпи которых (высотой 45 см и диаметром 8–9 м) соответствуют площади их могил.

Похороны, судя по ориентации ям на ЗЮЗ, осуществлены в летнее время. Скелеты сохранились в трех могилах. В одной похоронен взрослый человек (огр. 9), в другой молодой человек и подросток (огр. 11). Антропологические определения сделаны В.П. Алексеевым (1961, т. 14). Третья могила была коллективной, где, видимо, одновременно захоронены и перезахоронены трупы и даже одни головы. Определения сделаны Г.Ф. Дебецем и В.П. Алексеевым. Согласно публикации С.В. Киселева, 5 человек лежали в западной половине могилы параллельно друг другу, головой к ЗЮЗ и 1 человек вдоль ЮЮВ стенки.

Скелет 1. Вдоль ЮЮЗ стенки головой на ЗЮЗ лежала взрослая женщина. По мнению С.В. Киселева, скорчено на правом боку, но, видимо, первоначально на спине, так как руки, согнутые в локтях, лежали на животе (Киселев, 1937, с. 88). *Скелет 2.* Вдоль ЮЮВ стенки взрослая женщина головой на ЗЮЗ, на спине с подогнутыми ногами, ступнями у таза. Кости рук отсутствовали. Поза свидетельствует, что труп в сильно скорченном положении был тесно во что-то упакован. Руки, видимо, к моменту захоронения не сохранились. Следовательно, тело где-то долго лежало или было временно захоронено. *Скелет 3.* Взрослый мужчина лежал в 40 см к ССЗ от первой женщины, головой на ЗЮЗ. У левого виска находилось проволочное медное колечко. По мнению С.В. Киселева, судя по положению черепа и позвоночника, он был положен на правом боку, хотя этому нет подтверждения, т.к. кости таза, рук и ног у него отсутствовали, а ребра были беспорядочно разбросаны как справа, так и слева от позвоночника. Скорее всего, были захоронены части позвоночника с ребрами и отдельная голова (Киселев, 1937, т. II -1). *Скелет 4.* К ССЗ от скелета 3 лежал череп взрослого мужчины. *Скелет 5.* В 30 см к ССЗ от черепа 4 в беспорядочной груде лежали обломки черепа и ребра взрослого человека. Очевидно, захоронен сверток с головой и ребрами человека. *Скелет 6.* В 35 см к ССЗ от костей скелета 5 лежал череп взрослой женщины.

По данным С.В. Киселева, останки шести человек находились на глубине 1 м от древней поверхности, на дне, не потревоженном впускным тагарским ящиком. Возможно, могила была ограблена еще раньше или перезахоронены части трупов. Вероятнее второе, поскольку вещи были уложены в одном месте ямы (вдоль северо-восточной стенки), как их обычно ставили в коллективных могилах с перезахоронениями. Это 3 горшка, курильница, полый рог (Киселев, 1937, с. 87–88).

Керамика и инвентарь. Сохранились 4 сосуда, вазочка-курильница, роговое навершие от посоха и проволочное металлическое кольцо.

Яйцевидные остродонные сосуды

1. Сосуд светло-коричневый, высотой 20 см, с почти прямым венчиком высотой 0,8 см, украшенным оттисками палочки. Толщина стенок 0,7 см. Орнаментирован рядами вдавлений плоскозаточенной палочки, а у дна резные штрихи. Внешняя поверхность слегка закопчена, внутренняя чистая. Ограда 10. ГИМ, кол. 78175, оп. 3 (Киселев, 1937, табл. III -1).

2. Сосуд светло-коричневый, толщина стенок 0,7 см, высота 21 см, с широкими плечами и острым дном. Вдоль венчика начерчены косые кресты. Покрыт орнаментом, где сочетаются горизонтальные ряды и комбинации елочки из оттисков края палочки, прямого штампа и резных линий. Ограда 10. ГИМ, кол. 78175, оп. 7.

Шаровидные круглодонные

1. Сосуд светло-коричневый, высотой 15 см с закопченными стенками толщиной 0,7 см. Форма близкая к реповидной с широким уплощенным дном. Орнаментирован горизонтальными рядами наклонных оттисков зубчатого штампа. Верхние края обломаны. Ограда 11. ГИМ, кол. 78175, оп. 8 (Киселев, 1937, табл. III -2).

2. Сосуд светло-коричневый, высота 22 см, толщина стенок 0,7–0,8 см. Из-за низкой широкой шейки и выпуклых плечиков имеет горшковидную форму, но дно округлое, слегка уплощенное. Плечи орнаментированы пятью горизонтальными рядами наклонных вдавлений гребенчатого штампа, с шестью интервалами шириной до 3 см. Ниже 14 таких же рядов опоясывают сосуд. Ограда 10. ГИМ, кол. 78175 (Киселев, 1937, табл. III -4; 1949, табл. V -4).

Вазочка-курильница

Высота 10 см, на коническом поддоне высотой 3 см, с ручкой-выступом, в котором имеется сквозное отверстие. Диаметр венчика 16,5 см, поддона 10 см, изгиб в середине поддона 1 см, глубина чаши 5,5 см, толщина стенок 1–2 см. По внешней стороне горизонтальные ряды наклонных вдавлений зубчатым чеканом. На поддоне ряд таких же оттисков. Курильница окрашена охрой. Ограда 10. ГИМ, кол. 78175 (Киселев, 1937, табл. III -3; 1949, табл. V -3; Вадецкая, 1986б, рис. 14).

Кроме керамики в коллективной могиле лежал аккуратно отпиленный рог оленя, полый внутри и со сквозным отверстием ближе к тонкому концу. ГИМ, кол. 78175 оп. 96/5, оп. 1985/13 (Киселев, 1937, табл. II). На черепе мужчины, у левого виска, обнаружено медное проволочное кольцо, возможно серьга. ГИМ, кол. 78175 (Киселев, 1937, табл. II -1).

Отражение социальных отношений. Сохранились останки 9 человек, среди которых 8 взрослых и подросток. Среди взрослых одинаковое число мужчин и женщин. Детей хоронили, видимо, за пределами оград, где раскопки не проводились. Среди погребенных выделяется знатный мужчина с серьгой в ухе. Видимо, ему же принадлежал посох с роговым навершием и курильница – признаки светской и религиозной власти.

Хронология. Могилы очень сильно потревожены при устройстве тагарских захоронений. Более ранних впускных захоронений, в частности, окуневских, нет. Очевидно, эти курганы хорошо были видны и воспринимались, как чужие могилы. По этому признаку могильник Тесь III моложе могильника Тесь I. Возможно, поэтому шаровидные сосуды могильника изготовлены уже нестандартно, а имеют черты реповидных или горшковидных сосудов с уплощенным дном.

Материал хранится в Государственном Историческом музее кол. 78175.

Киселев С.В. Афанасьевские курганы у сел Сыды и Теси // СА. №2. 1937. С. 86–91.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. №9. С. 14–34.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 23–55.

24. Черновая VI, могильник

Расположен на высохшей террасе правого берега р. Черновая, в 1,2 км от ее впадения в Енисей. На небольшой территории, ныне находящейся под водами залива Красноярского водохранилища, находились могильники афанасьевской (Черновая VI), окуневской (Черновая VIII), карасукской (Черновая VII), тагарской (Черновая II) и таштыкской (Черновая I, IV) культур. Все они получили наименование по названию речки с уточнением (римскими цифрами) последовательности ведения раскопок. Четыре афанасьевских кургана обнаружены среди окуневских оград могильника Черновая VIII. Они

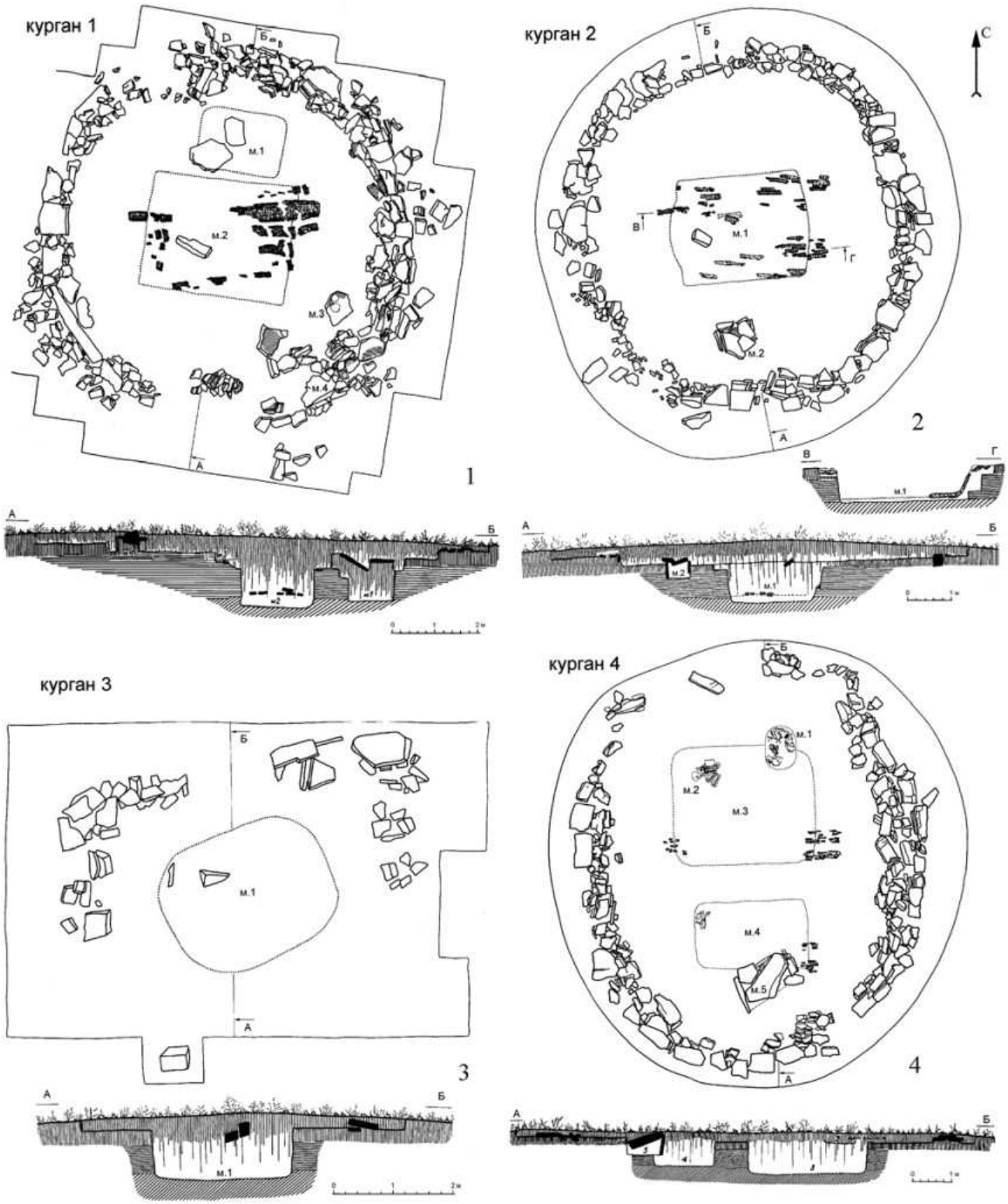

Рис. 143 Могильник Черновая VI, планы курганов: *1* – курган 1; *2* – курган 2; *3* – курган 3; *4* – курган 4. По: Вадецкая, 2010, рис. 1–4

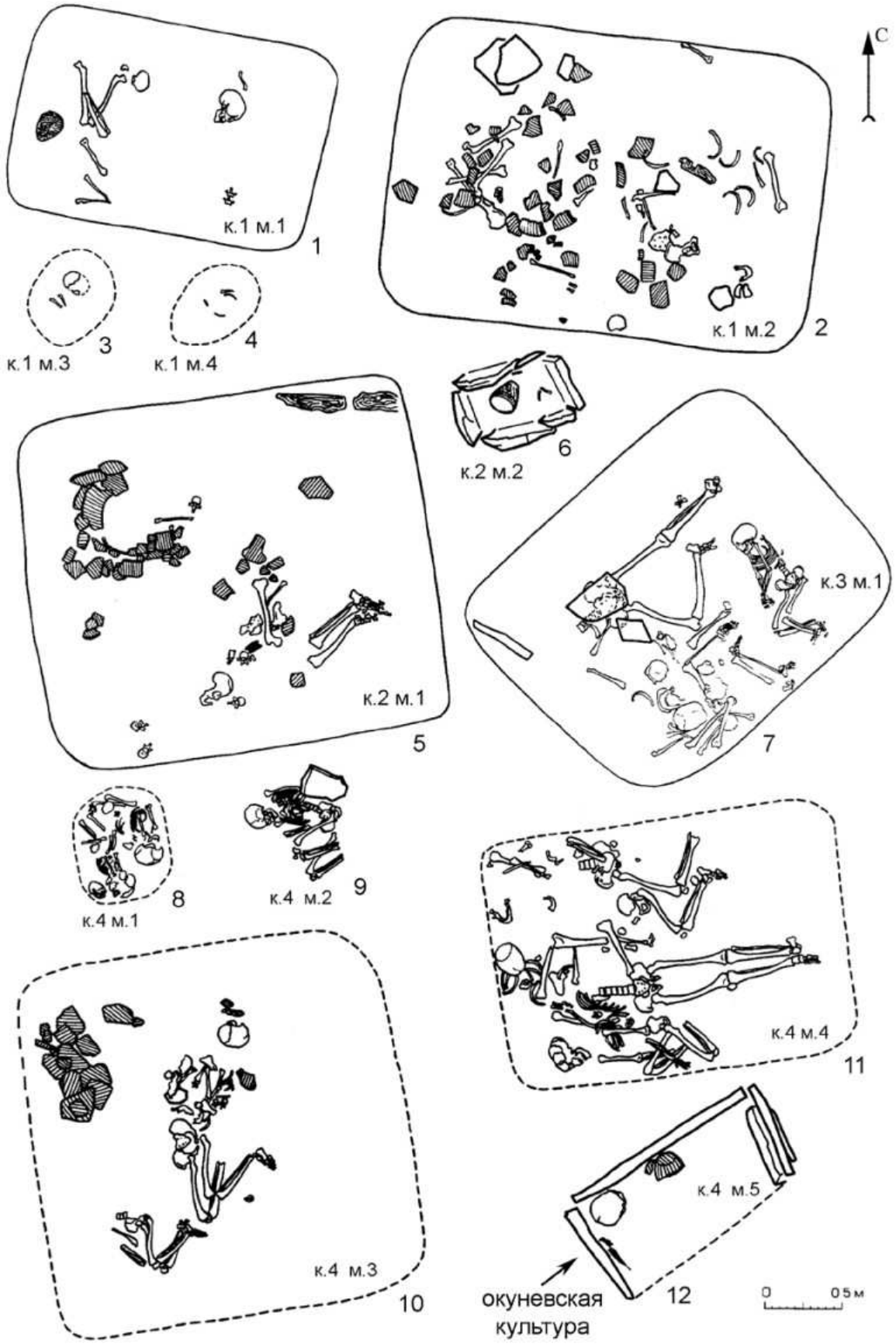

Рис. 144. Могильник Черновая VI, планы могил: *1* – курган 1, могила 1; *2* – курган 1, могила 2; *3* – курган 1, могила 3; *4* – курган 1, могила 4; *5* – курган 2, могила 1; *6* – курган 2, могила 2; *7* – курган 3, могила; *8* – курган 4, могила 1; *9* – курган 4, могила 2; *10* – курган 4, могила 3; *1* – курган 4, могила 4; *12* – курган 4, могила 5. По: Вадецкая, 2010, рис. 5–6

раскопаны Красноярской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Г.А. Максименкова в 1962 г. На поверхности от каждой ограды выступали всего несколько камней. При их расчистке и снятии земли выявляли ограду, которую окапывали широкой площадью до последних камней развала на глубину до древней поверхности и немного ниже. Зачистку внутри ограды производили до уровня древней почвы.

Могильник выделяется среди других, насчитывающих несколько оград, большим числом совместных захоронений, по сравнению с индивидуальными, а также детскими погребениями, совершенными в расплывшейся насыпи над могилой. Кроме того, здесь не только дети, но и некоторые взрослые уложены скорчено на боку.

Конструкция погребальных сооружений. Первоначально курганы имели вид куполообразных сооружений внутренним диаметром 7–8 м, сложенных из дерна и облицованных плитами (рис. 143). Дерн складывали поверх бревен, закрывавших ямы, которые значительно превышали размеры ям. Основания насыпей укреплялись оградками шириной 1–1,2 м, сложенными из плит средними размерами 60х70 см. Наружные стены оград выровнены. Пространство между могилой и оградой-крепидой полностью было заполнено землей или камнями, поэтому более поздние впускные могилы, как афанасьевские, так и окуневские, располагались в расплывшихся краях надмогильной насыпи или для них разбиралась часть ограды. Три кургана были сооружены первоначально для одной могилы, поэтому их ограды-крепиды имеют вид кольца. Эти могилы прямоугольной или подквадратной формы с закругленными углами площадью от 5,5 до 7,5 кв. м (345х220 см – огр. 1; 300х260 см – огр. 2; 252х200 см – огр. 3) и глубиной 75–90 см от древней поверхности (рис. 144). Только в четвертой ограде выкопано 2 могилы, различающиеся по форме, площади (250х250 и 270х170 см) и численности погребенных, но на одной глубине (80 см от древней поверхности). Они расположены параллельно, расстояние между ними не превышало 1 м. Возможно, ямы выкопаны одновременно и над ними сложено единое овальное надмогильное сооружение, укрепленное оградой овальной формы, внутренним диаметром 9х7 м. Не исключено, что основой кургана послужила большая могила с двумя покойниками, которая первоначально была окружена круглой оградой, а вскоре выкопана вторая могила, коллективная с четырьмя взрослыми погребенными, не считая детей. Из-за них ограда была перестроена.

Современный вид погребальных сооружений значительно отличался от выше описанного первоначального. При раскопках от трех оград сохранились плиты нижнего ряда и частично второго и третьего рядов. Камни ограды 3 были выворочены плугом. От покрытия могил остались длинные толстые бревна, расположенные вдоль длинных стен ямы. Они покрывали не только ямы, но и их борта до 60–80 см с каждого края. Остатки камней покрытия ям поверх бревен немногочисленны.

Погребальный обряд. Всего в оградах 5 основных могил, которые выкопаны весной (огр. 2, 4) или летом (огр. 1, 3). В трех оградах, кроме основных могил, были детские, сооруженные в развалившейся насыпи над основными могилами. Несмотря на значительную потревоженность могил и плохую сохранность скелетов, для большинства из них В.П. Алексеевым сделаны определения.

В двух могилах были индивидуальные захоронения взрослых. Пол и позу одного определить нельзя (огр. 1). Его кости были разбросаны по всей яме вместе с обломками корчаги. Сосуд, предположительно, поставлен за головой погребенного у западной стенки ямы. У северной стенки лежал нуклеус, который использовали при устройстве могилы. Вторым взрослым был мужчина 40–60 лет, первоначально положенный на спине с согнутыми коленями, головой на запад, но несколько смещенный при ограблении ямы (огр. 2). В северной половине ямы раздавленная корчага, а около смещенных с первоначального места тазовых костей лежала медная оковка от деревянного изделия и темно-серая галька с оббитыми краями (Вадецкая, 2010, рис. 5 -5). Из могилы выброшена нижняя неорнаментированная часть крупного остродонного сосуда.

В остальных трех могилах были совместные захоронения. В могиле ограды 3 захоронили 5 человек: двух мужчин 40–60 лет, двух подростков и ребенка. Один мужчина 40–60 лет положен на расстоянии около 1 м от северо-западной стенки, на спине с согнутыми ногами и поднятыми коленями, головой на ЮЗ. У противоположной стенки поместили второго мужчину, видимо, в пол-оборота, головой на ЮЗ. Между мужчинами уложили ребенка 8 лет. Его череп лежал напротив тазовых костей к ЮВ от пояса первого мужчины. Ниже, между стопами мужчин, положили подростков 9 и 12–13 лет, в скорченном положении на правом и левом боку, головой на СЗ, лицом друг к другу (Вадецкая, 2010, рис. 5 -7). В заполнении найдены череп ребенка 4–6 лет и кости новорожденного. Место захоронения не устанавливается. Возможно, это были погребения, совершенные в развале надмогильного сооружения. Вещей, кроме дисковидной каменной плитки (11,3х12 см) с обработанными крупными сколами краями, не было. В заполнении могилы собраны кости барана (лопатка, трубчатая, позвонок) от кусков мяса, положенного в могилу.

В северной могиле ограды 4 произведено совместное захоронение женщины старческого возраста и подростка 12–13 лет (рис. 144 -10). Женщина положена ближе к середине ямы, на правом боку, с сог-

нутыми в коленях ногами, головой на З. Подросток лежал у южной стенки ямы, почти параллельно женщине, скорченно на правом боку, головой на З. В пустой северной половине ямы были корчага и яйцевидный сосуд (Вадецкая, 2010, рис. 6 -3). В южной могиле ограды 4 похоронены 2 взрослых человека и 2 подростка (рис. 144 -11). Они лежали параллельно и вплотную друг к другу. У северной стенки ямы мужчина 25–40 лет, вытянуто на спине, с ногами согнутыми в коленях и поднятыми вверх, головой на ЗЮЗ. За ним подросток 14–18 лет, уложенный параллельно первому, головой на ЗЮЗ, но скорченно на правом боку. Посередине ямы лежал скелет мужчины 25–40 лет в вытянутом положении. Очевидно, ноги, поднятые в коленях, упали при разложении тканей или их не успели спеленать до начала трупного окоченения. Вдоль южной стенки ямы был уложен еще один подросток 12–13 лет, скорченно на правом боку, параллельно другим. Вещей в могиле не было, в заполнении ямы найдены черепа двух детей 4–6 лет и одного 2 лет. Дети, видимо, подхоронены в могилу поверх или позднее взрослых, так как им нет места на дне ямы.

Всего похоронены 7 взрослых и 5 подростков, из них 2 человека индивидуально и 10 взрослых и подростков совместно. Кроме того, преимущественно в заполнении ям собраны останки еще шести детей и младенцев, но некоторые могли попасть из могилок, выкопанных уже в развалах надмогильных холмиков. Такие могилы обнаружены практически во всех оградах.

В частности, после разграбления основной могилы в ограде 1 на северном краю ее расплывшегося надмогильного сооружения осенью выкопана могила для ребенка 7–8 лет. Он уложен на левом боку с согнутыми коленями, головой на ВЮВ. У ног поставлен остродонный сосуд. В заполнении обломок раковины и 2 резца сурка. Позднее, когда ограда начала разваливаться, похоронили еще двух младенцев. Одного, в возрасте 6 месяцев, положили вместе с миниатюрным остродонным сосудиком у юго-восточного края насыпи, закрыв его, снятой с ограды, плитой. Поблизости разобрали несколько плит самой ограды, втиснули туда грудного младенца и закрыли плитой. В надмогильном холме ограды второй младенец не сохранился, но остался афанасьевский миниатюрный сосудик. Еще одно детское захоронение впущено в край развалившегося надмогильного сооружения центральной ямы. Оно было в маленьком (60х40 см) каменном ящике и относилось к окуневской культуре (рис. 144 -6).

В ограде 4, кроме двух основных могил, были 2 впускные. Одна, безусловно, относится к афанасьевской культуре (рис. 144 -8), расположена в северной части надмогильной насыпи, в ямке, глубиной 20 см от современной поверхности, над деревянным покрытием основной ямы. В ямку уложены дети 5 и 7 лет скорчено на правом боку, головой на Ю. У головы одного лежал миниатюрный яйцевидный сосуд. Впускная могила 2 может относится как к афанасьевской, так и окуневской культурам (рис. 144 -9). Она расположена над северо-западным углом надмогильной насыпи, в ямке глубиной 40 см от современной поверхности. Похоронен юноша 14–18 лет, скорчено на правом боку, головой на З. Руки согнуты в локтях. Вещей нет. Поверх угла второй афанасьевской могилы был впущен каменный ящик окуневской культуры с черепом взрослого человека и окуневским сосудом (рис. 144 -12).

Керамика и инвентарь. Могильник беден вещами. Из восьми яйцевидных остродонных сосудов – 4 в обломках и 3 миниатюрных. Все сосуды были во впускных детских могилах.

1. Самый крупный целый сосуд высотой 18,5 см и диаметром 11 см, с низким венчиком, орнаментированным косыми насечками. Ниже 2 ряда оттисков гребенчатого штампа. Такие же косые ряды оттисков гребенки покрывают верхнюю половину туловища сосуда. Нижняя половина покрыта рядами елочки из слабых оттисков шагающей гребенки. Сосуд находился в детском погребении 1 ограды 1 (рис. 145 -3) (Вадецкая, 1964, рис. 35 -3; 2010, рис. 7 -3). ГЭ, кол. 2375/1.

2–3. Два сосуда одинакового размера, высотой 12 см, диаметром 6,5–7,5 см. Один (огр. 1) яйцевидный остродонный, другой (из впускной могилы огр. 4) с уплощенным дном. Под едва заметным венчиком первого нанесен двойной ряд овальных ямок. В средней части двойная прочерченная линия, а в нижней – полоса из оттисков гребенки (рис. 145 -1) (Вадецкая,1964, рис. 35 -1; 2010, рис. 7 -1). ГЭ, кол. 2375/2. Второй орнаментирован тремя горизонтальными рядами оттисков короткого зубчатого штампа (рис. 145 -2) (Вадецкая, 1964, рис. 35 -2; 2010, рис. 7 -2). ГЭ, кол. 2371/9.

4. Яйцевидный сосуд с уплощенным донышком высотой 10 см. Он покрыт аккуратными вертикальными резными линиями по тулову и тремя горизонтальными линиями под венчиком (рис. 145 -5) (Вадецкая, 1964, рис. 35 -4, 5; 2010, рис. 7 -5).

5. Неорнаментированная нижняя часть крупного остродонного сосуда, выброшенная из основной могилы ограды 1 (рис. 145 -4) (Вадецкая,1964, рис. 35 -4; 2010, рис. 7 -4).

Кроме того, в половине могил для взрослых поставлены корчаги. Это 3 очень крупных сосуда с округлым и слегка уплощенным дном, с низким венчиком, сильно отогнутым наружу. Они орнаментированы резными линиями и гребенчатым штампом, образующим елочку (Вадецкая, 1964, с. 117). Корчаги были разбиты грабителями до мелких обломков.

Помимо керамики, в могилах найдены медная обоймочка от деревянного предмета и 3 камня со следами обработки. Среди них серая галька с подтреугольным сечением и оббитыми краями (ГЭ, кол. 2375). При расчистке оград 1 и 3 найдены песты длиной 19,5 и 24,3 см, с выделенной рукоят-

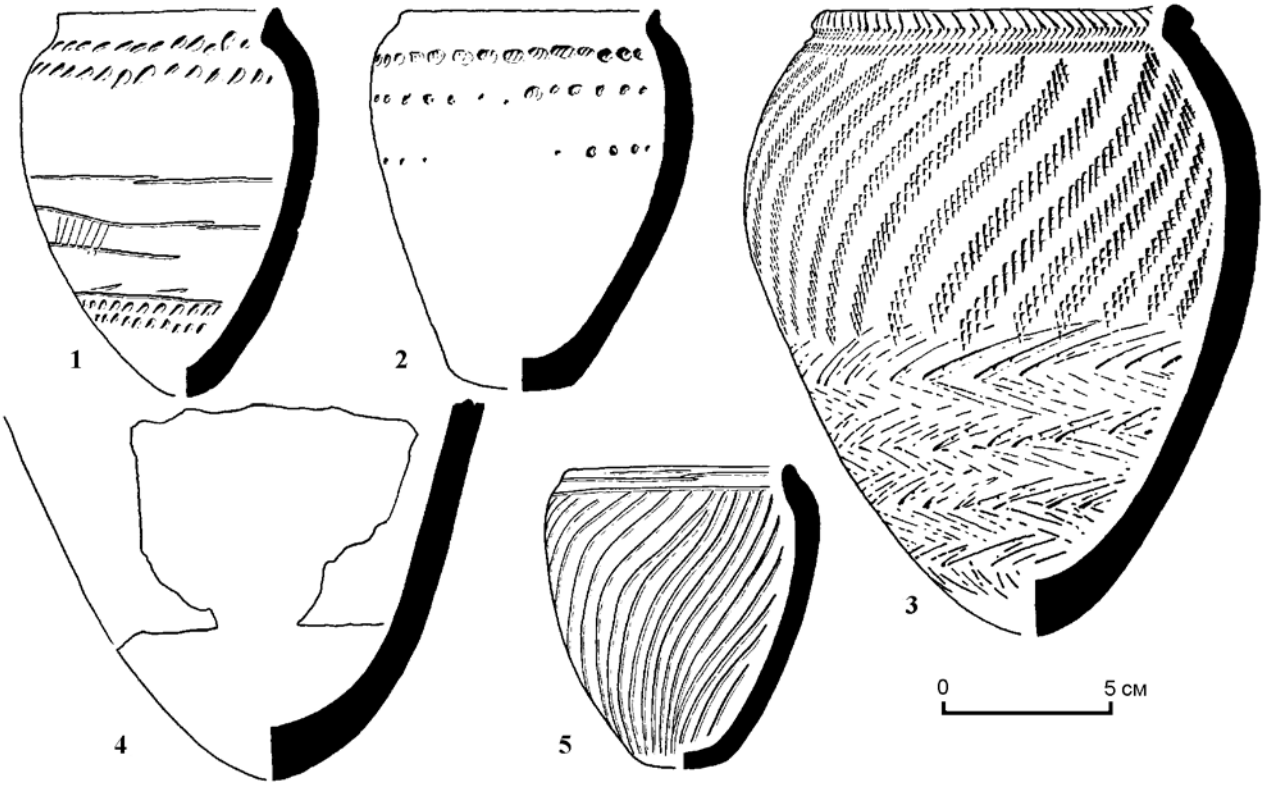

Рис. 145. Могильник Черновая VI, керамика из погребений: *1* – курган 1, могила 3; *2* – курган 4, могила 1; *3* – курган 1, могила 1; *4, 5* – курган 2, могила 1. По: Вадецкая, 2010, рис. 7

кой, на которой следы употребления в качестве орудия (ГЭ, кол. 2375/3, 2375/7). В заполнении детской впускной могилы ограды 1 найдены обломок раковины и 2 резца сурка.

Отражение социальных отношений. На могильнике четко прослеживается разный общественный статус погребенных, захороненных в индивидуальных могилах и коллективных. Первые – обширные ямы площадью около 8 кв. м (огр. 1, 2). Умершим клали корчаги и, видимо, много вещей в северной половине ямы. В коллективных могилах нет вещей, даже керамики. Погребенные уложены очень тесно. При этом взрослые традиционно вытянуто на спине с согнутыми ногами, а подростки и дети скорчено на боку. Во всех трех определимых случаях на спине в коллективных могилах лежат мужчины 25–40 лет. Возраст подростков, уложенных скорчено на боку, 14–18 лет. Их пол не определен, но предположительно женский, поскольку женщины в коллективных могилах обычно отсутствуют. Это тем более вероятно, что начало брачного возраста у афанасьевцев (Красный Яр I и другие) устанавливается с 12–13 лет. Исключение составляет могила старой женщины и подростка 12–13 лет, площадь которой была 7,5 кв. м, и в ее северной половине помещена корчага.

Хронология. Могильник неоднократно ограблен. Впервые еще соплеменниками, так как тела покойников еще полностью не разложились. Таких наблюдений несколько. Наиболее четко это видно, когда переброшен с места таз с крестцом (могила ограды 1) или нога в сочленении со стопой (могила ограды 3). По значительному количеству коллективных могил могильник может быть одним из поздних. Об этом свидетельствуют и детские сосудики с уплощенными донышками. Для радиоуглеродного анализа взят образец дерева, упавший с покрытия северной могилы ограды 4. В результате получена дата 3700±80, которая после ее калибровки дает хронологический отрезок – 2389–1883 cal BC, что не противоречит относительной молодости могильника.

Место хранения материалов: Государственный Эрмитаж.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник на речке Черновой // КСИА. Вып. 101. М., 1964. С. 116–120.

Вадецкая Э.Б. Могильник Черновая VI (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 35–46.

ГЛАВА 3

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ПЕРИФЕРИИ МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН

1. Бельтыры, могильник

Памятник расположен в 3 км к ССЗ от с. Бельтыры на левом берегу р. Абакан, «у борта конуса выноса из лога Чагыз-Той» (Аскизский район Республики Хакасия). Он состоял из 16 видимых на поверхности плоских (высота до 0,5 м) выкладок из булыжника, диаметром до 12 м. В некоторых случаях они образовывали систему пристроек. Раскопки памятника проводились А.Н. Липским на протяжении 4-х лет (1951–1954 гг.). Могильник исследован полностью, все погребения оказались в той или иной степени потревожены (рис. 146; 147).

Этот памятник резко выделяется из числа других могильников афанасьевской культуры обилием совершенно новых и неожиданных черт, появление которых исключительно на Бельтыры вызывает заслуженный интерес со стороны исследователей афанасьевской и окуневской культур. К сожалению, раскопки проводились довольно давно, в тот период, когда методика археологических исследований подобных объектов еще проходила стадию становления. В связи с этим, отчет, подготовленный А.Н. Липским, вызывает многочисленные вопросы и не позволяет в полной мере осмыслить культурологические особенности могильника. Необходимо отметить, что практически все памятники, где взаимодействие афанасьевской и окуневской культур выглядит наиболее интенсивным, были исследованы А.Н. Липским (Бельтыры, Тас-Хазаа, Большое Кольцо).

Материалы могильника, с учетом современных представлений и новейших данных, были разобраны в статье, подготовленной Э.Б. Вадецкой (Липский, Вадецкая, 2006а). В связи с этим нет необходимости подробно изучать каждое погребение и повторять уже проделанную работу. Стоит остановиться только на самых важных и ключевых особенностях памятника, а также высказать собственную точку зрения на это исключительное явление. Необходимо отметить, что в процессе подготовки данного свода был уточнен рисунок сосуда из ограды 7 (рис. 146 -4).

Начать следует с того, что в основе могильника лежит кладбище афанасьевской культуры, состоящее из оград круглой формы, часть из которых возводилась из вкопанных вертикально плит, а часть складывалась из

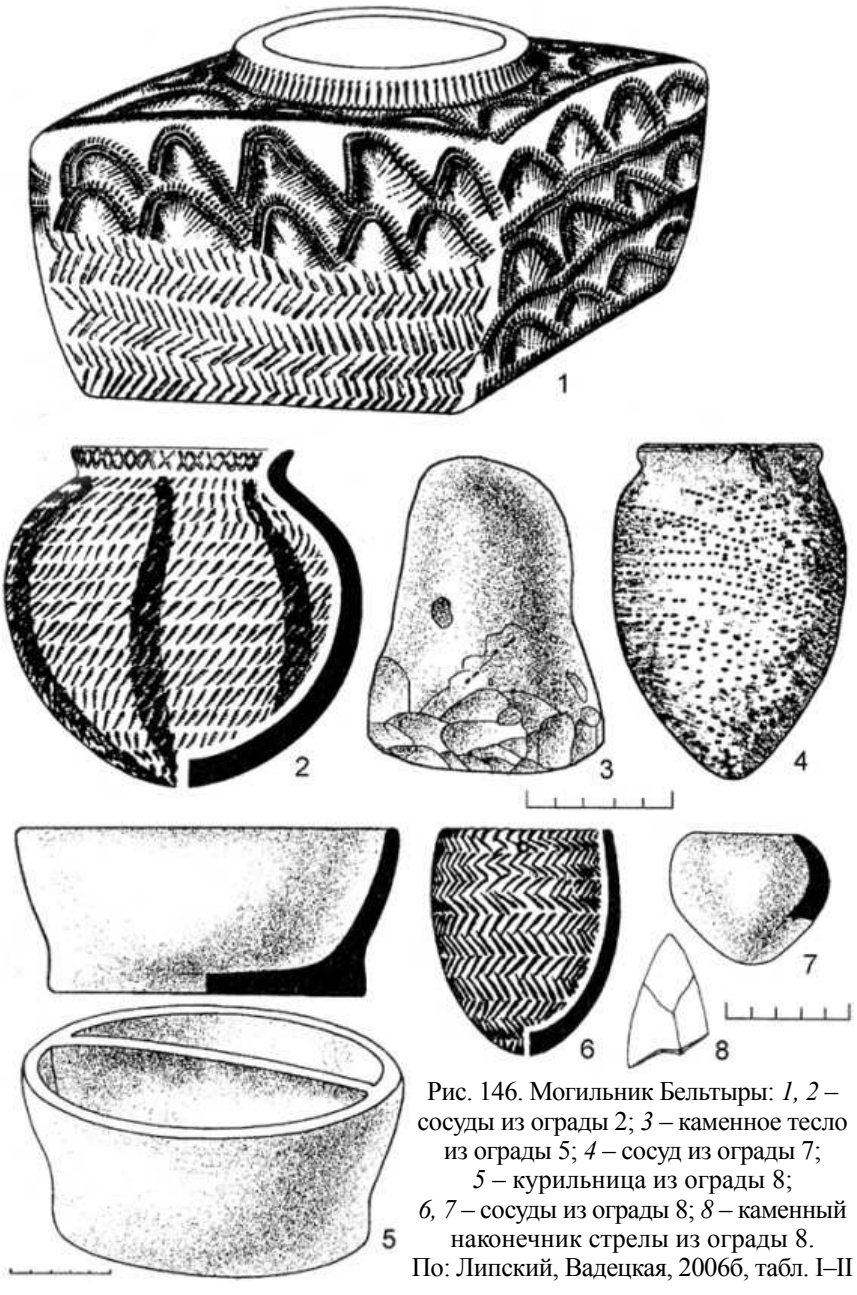

Рис. 146. Могильник Бельтыры: *1, 2* – сосуды из ограды 2; *3* – каменное тесло из ограды 5; *4* – сосуд из ограды 7; *5* – курильница из ограды 8; *6, 7* – сосуды из ограды 8; *8* – каменный наконечник стрелы из ограды 8. По: Липский, Вадецкая, 2006б, табл. I–II

нескольких рядов булыжника. Подобное разнообразие не является уникальным явлением и уже неоднократно отмечено исследователями (Карасук III, Итколь II). С конструкциями могил ситуация выглядит намного сложнее. Следует обратить внимание, что во всех случаях, когда размеры грунтовых ям для погребений зафиксированы, они весьма значительны. Минимум 200х100 см (огр. 6 и 11), а чаще значительно крупнее: 200х185 см (огр. 15), 210х200 см (огр. 5) и даже 250х160 см (огр. 2). Это характерно для афанасьевской культуры, где все погребения взрослых индивидуумов имеют схожие размеры, но крайне редкое явление для окуневских памятников, где обычно погребенные укладывались с сильно подогнутыми ногами в могилы крайне незначительных размеров. Исходя из этого параметра, сами могилы тоже следует относить к афанасьевскому времени.

При рассмотрении конструкций могил возникают практически непреодолимые противоречия. Погребения афанасьевской культуры Среднего Енисея, за редчайшими исключениями, представлены грунтовыми ямами, перекрытыми продольным бревенчатым накатом, иногда дополненным поверх каменными плитами (Грязнов, 1999, с. 46–47; Вадецкая, 1986а, с. 16). Небольшие одиночные погребения в редких случаях перекрыты большими плитами песчаника без использования дерева. Среди погребений могильника Бельтыры пять раз зафиксированы дополнительные конструкции: три ящика (огр. 2 и 11), в одном случае вертикальная плита стояла в торцевой части могилы (огр. 5), а еще в одном случае в обоих торцах (огр. 6). Манера такого оформления захоронений характерна для окуневской культуры, причем, как показывают новые исследования, преимущественно для ее относительно позднего черновского этапа. Следует еще раз обратить внимание, что размеры самих погребений никак не соответствуют стандартам окуневской культуры. Наиболее разумное объяснение этого явления – переиспользование населением окуневского времени погребальных сооружений афанасьевской культуры с добавлением своих элементов (каменных конструкций).

В таком случае логично предположить, в этих могилах будут зафиксированы именно погребения окуневской культуры, но картина оказалась заметно сложнее. В могиле ограды 2 обнаружены два сосуда, один из которых относится к афанасьевской культуре (рис. 146 -2), а второй, уникальный, имеет афанасьевскую орнаментацию (рис. 146 -1). Аналогичный арочный орнамент нанесен на сосуд из другого могильника афанасьевской культуры – Карасук III, огр. 1, м. 1 (рис. 99 -4). В нижнем ящике из ограды 11 погребение тоже сопровождал шаровидный афанасьевский сосуд, в культурной принадлежности которого нет сомнений. В ограде 6, где в яме были установлены только торцевые плиты, находилось погребение окуневской культуры, о чем свидетельствует весь, без исключения, инвентарь (сосуды, нож, шило и др.). Ограда 5, где в изголовье ямы стояла одна плита, отличается смешанным инвентарем. Сосуд, по описанию, датируется афанасьевской культурой, а просверленные клыки и резцы встречаются только в окуневское время. Обращает на себя внимание еще одна важная деталь: именно в этом погребении зафиксировано бревенчатое перекрытие, расположенное поперек длинной оси могилы. Во всех известных случаях перекрытие афанасьевских могил уложено в продольном направлении, а среди окуневских памятников известны случаи поперечного размещения.

Рис. 147. Могильник Бельтыры: *1–3* – сосуды из ограды 10; *4* – каменный пест из ограды 11; *5, 6* – сосуды из ограды 11; *7, 8* – сосуды из ограды 14. По: Липский, Вадецкая, 2006б, табл. III

Отдельно стоит остановиться на использовании огня в погребальной практике. Если в могиле ограды 1 это слой обо-

жженной земли и углей, то в оградах 7 и 8 зафиксированы обожженные кости человека среди золы и мелких угольков. Использование обряда кремации, кроме этого случая, ни разу не зафиксировано для памятников афанасьевской культуры, и лишь один схожий случай известен среди памятников окуневской культуры – Есинская МТС, который также исследовался А.Н. Липским в 1952 г. В качестве массового явления этот обряд на территории Среднего Енисея появляется позднее в материалах андроновской культуры (Максименков, 1978, с. 60–61). В результате приходится констатировать, что на данном этапе, опираясь на два очень слабо документированных случая, нет оснований фиксировать использование обряда кремации для памятников энеолита и ранней бронзы.

Таким образом, в материалах этого памятника наблюдается настоящий коктейль из признаков двух культур. Причем речь идет не о воздействии одной культуры на другую, а скорее о механическом смешении их характерных элементов. Учитывая не высокий уровень отчетной документации, делать на основании погребений этого могильника какие-то серьезные выводы представляется неправомерным. Каждый исследователь может трактовать имеющиеся материалы в любом ключе, однако рассматривать их как доказательство совместного продолжительного проживания двух принципиально различающихся групп населения невозможно. К данным, полученным при раскопках этого могильника, можно будет вернуться только в том случае, если на современном методическом уровне будет исследован памятник с аналогичным набором признаков. Пока таких объектов обнаружено не было.

Все известные материалы опубликованы. Находки хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2. СПб., 2006а. С. 73–81.

2. Большое Кольцо, одиночный курган

Курган располагался в междуречье рек Камышта и Ниня (левые притоки р. Абакан), в 1 км к северо-востоку от пос. Камышта (Аскизский район Республики Хакасия) (рис. 148 -1). Исследован полностью. Раскопки проводились А.Н. Липским в 1959 г., Г.А. Максименковым в 1973–1974 гг. и Э.Н. Киргинековым в 2008 г.

Этот памятник уникален тем, что раскопки одного кургана проводились на протяжении практически 50 лет тремя исследователями, вскрывавшими различные части этого внушительного объекта. Всего на его площади было зафиксировано 11 могил, относящихся к афанасьевской и окуневской культурам. Каждый исследователь вводил новую нумерацию могил и начинал ее с единицы, в результате Э.Н. Киргинеков предложил к номеру могилы добавлять первую букву фамилии исследователя. Таким образом, погребения, раскопанные А.Н. Липским, имеют нумерацию 1Л, 2Л и 3Л, Г.А. Максименковым – 1М, 2М, 3М, 4 М и 5М, а Э.Н. Киргинековым – 1К, 2К и 3К.

Впервые курган был обнаружен А.Н. Липским в ходе разведок 1952 г. Диаметр кургана был оценен в 36 м, а высота – 0,5 м. Выглядел он как «булыжниковая лепешка», оконтуренная по периметру кольцом из вертикально поставленных плиток. Визуально А.Н. Липский выделял на его площади 19 каменных колец диаметром 3–4 м (рис. 148 -2). Однако позднее, при возведении ряда запруд для рыбоводческого хозяйства на р. Камышта строители разобрали большую часть камня из кургана и сильно повредили его каменные конструкции, в том числе разрушив одну из могил. В связи с этим в 1959 г. А.Н. Липский проводил спасательные раскопки, вскрыв часть его площади на наиболее пострадавших участках. При этом были изучены 3 могилы, из которых одна была практически полностью уничтожена строителями и материалов не содержала (1Л).

Могила 2Л также была частично разрушена строителями. В ней обнаружены находки, которые на современном уровне знаний позволяют уверенно относить ее к окуневской культуре: плита с характерным изображением, баночный сосуд, резцы сурка. Она была ограблена еще в древности и на первоначальном месте находились только ступни ног погребенного. Могила 3Л сохранилась гораздо лучше и не была потревожена (рис. 148 -3, 4). Судя по отчету, в скромной по размеру грунтовой яме (1,2х0,7 м) с обставкой по периметру из каменных блоков было «втиснуто» захоронение двух человек, положенных на спине с подогнутыми ногами. Однако несложно заметить, что указанные размеры ямы явно противоречат сохранившимся чертежам (рис. 148 -4). Если исходить из этих размеров, то рост похороненных людей должен быть около 1 м, что весьма сомнительно. Сопроводительный инвентарь состоял из двух сосудов, один из которых – курильница с перегородкой (рис. 148 -5). В каменной стенке на дне могилы был найден прямоугольный камень с барельефом лица человека (рис. 148 -6). По сумме признаков это погребение тоже следует относить к окуневской культуре (характерное «тесное» сооружение, курильница с перегородкой, барельеф). Однако второй сосуд, обнаруженный в погребении, афанасьевский – реповидной формы с «древовидным» орнаментом (к сожалению, в фондах ХНКМ не обнаружен – Киргинеков, 2010а, с. 80). Нет изображения этого сосуда и в отчете А.Н. Липского.

Необходимо отметить, что в тот период окуневская культура еще не была выделена, как самостоятельное явление, и большинство исследователей, вслед за С.В. Киселевым, относили эти памятники к ранним этапам андроновской эпохи. А.Н. Липский высказывал иную точку зрения. На основании серии собственных раскопок (Тас-Хазаа, Большое Кольцо, Бельтыры), он утверждал, что материалы которые мы сейчас относим к окуневской культуре, принадлежат к кругу афанасьевских древностей, и в качестве доказательства приводил аргумент, что они встречаются совместно, как в одном кургане, так и в одном погребении. Соответственно, в представлении А.Н. Липского курган Большое Кольцо был монокультурным (афанасьевским).

В 1973–1974 гг. Г.А. Максименков, заинтересовавшись сочетанием в одном кургане разнотипных захоронений, продолжил исследования этого памятника (рис. 149; 150). В течение двух лет им была тщательно изучена большая часть площади кургана, выявлено и раскопано еще пять погребений. Одно

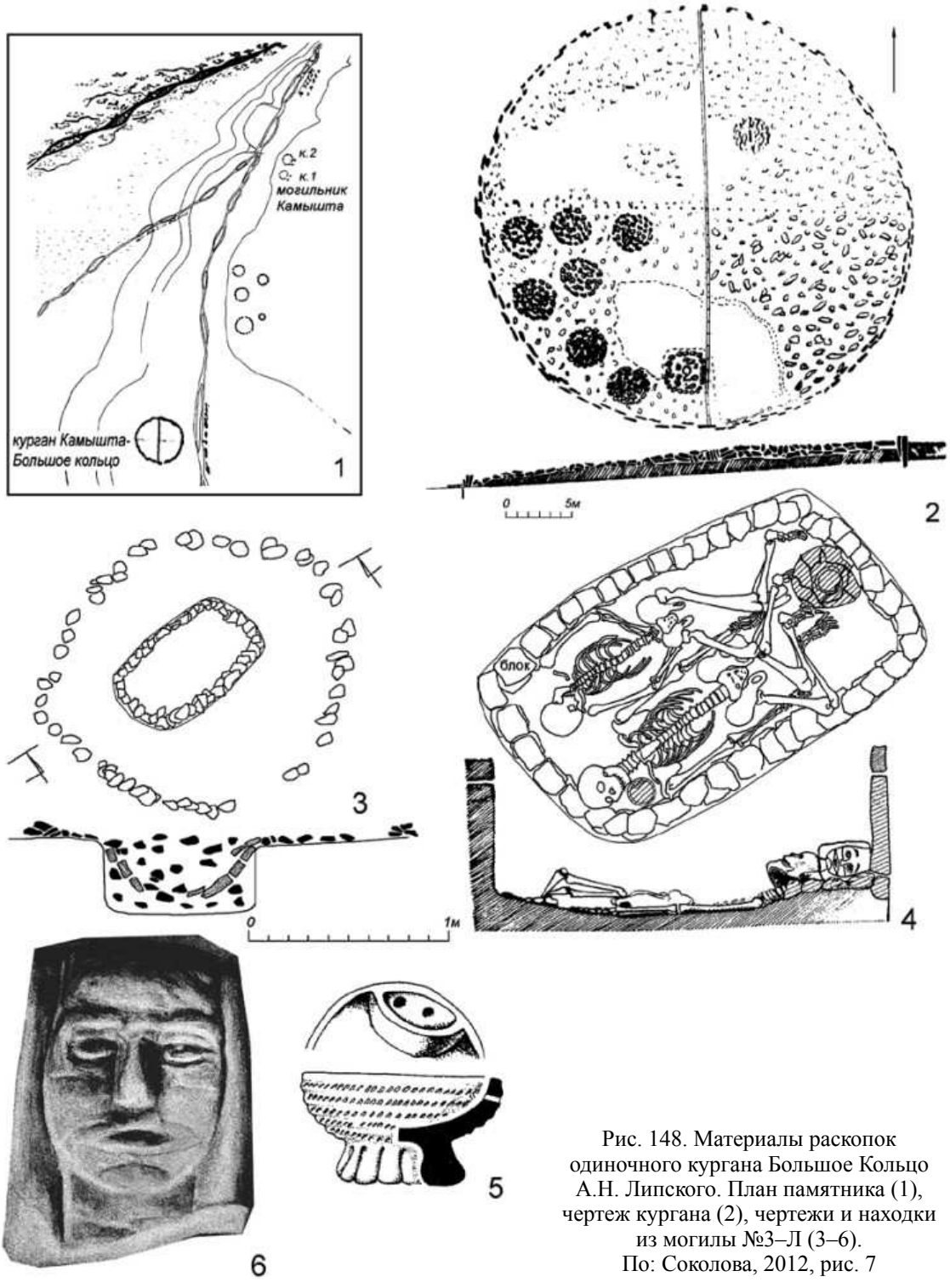

Рис. 148. Материалы раскопок одиночного кургана Большое Кольцо А.Н. Липского. План памятника (1), чертеж кургана (2), чертежи и находки из могилы №3–Л (3–6).
По: Соколова, 2012, рис. 7

из них было безынвентарным и не содержало других признаков, позволяющих провести культурную атрибуцию (1М). Второе, представляло собой пустой разрушенный каменный ящик размерами 0,9х0,6х0,45 м (2М). Погребальные конструкции в виде каменных ящиков очень распространены в материалах окуневской культуры и совершенно не встречаются среди афанасьевских памятников. Еще одна могила (3М) зафиксирована в виде грунтовой ямы с погребением женщины в сопровождении двух афанасьевских сосудов (большой реповидный и поменьше яйцевидный). Центральная могила (4М) в виде грунтовой ямы размерами 2,0х1,3 м и глубиной 2,5 м. В ней находились останки двух человек. Частично сохранившийся костяк женщины старше 50 лет лежал вдоль юго-западной стенки в сопровождении инвентаря, относящегося к окуневской культуре: черешковый нож, игольник и шило с остатками кожи, вероятно, в кожаном чехле, украшенном рядом зубов грызуна, височное кольцо и сосуд. Кости второго человека находились в переотложенном состоянии, частично у северо-западной стенки, частично в заполнении, куда они попал в процессе ограбления могилы. Последняя пятая могила (5М) в виде значительной по размерам грунтовой ямы 3,5х2,5х1,5 м. В заполнении найдены кости пожилого человека и фрагмент афанасьевского сосуда.

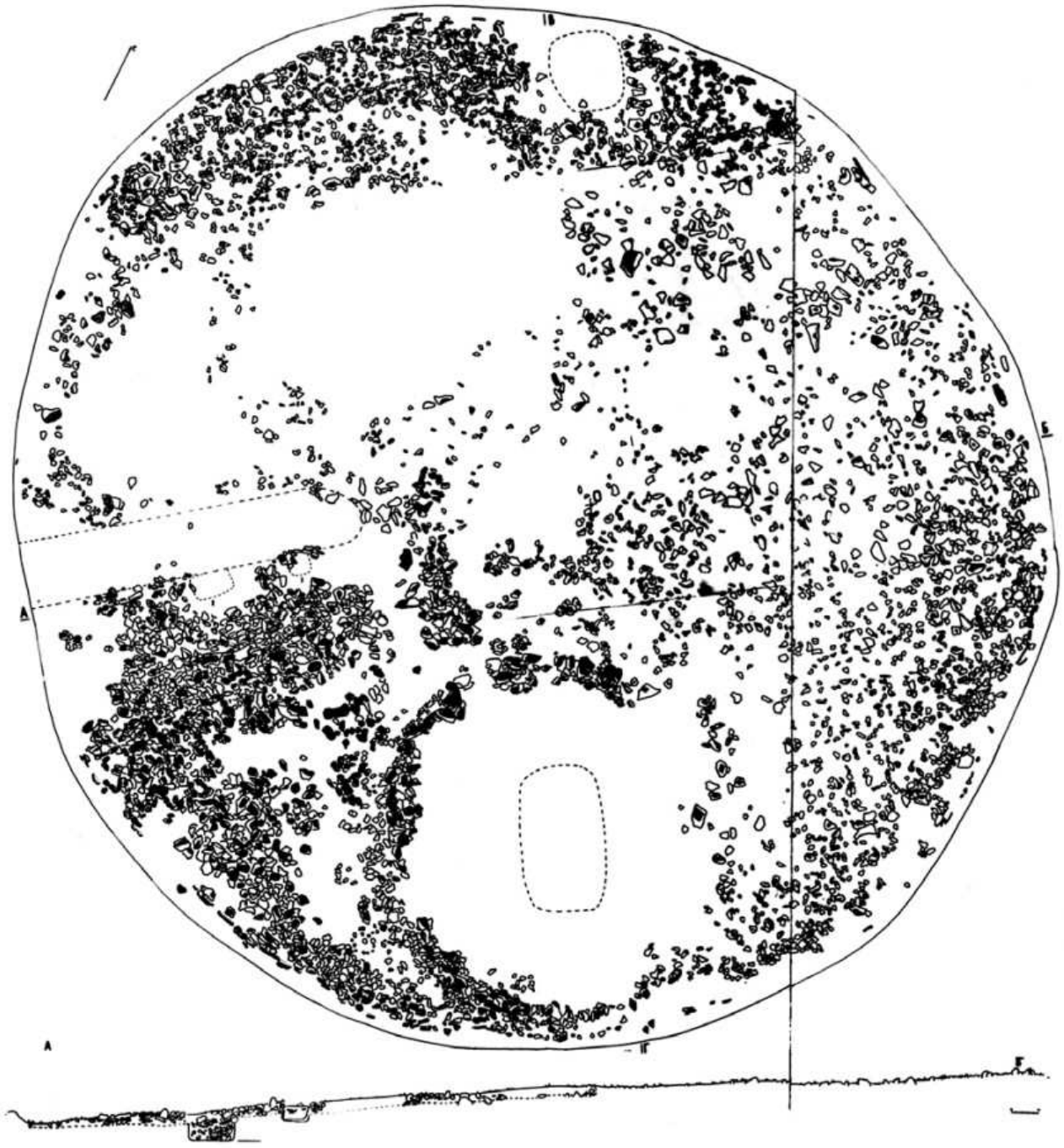

Рис. 149. План одиночного кургана Большое Кольцо по итогам работ Г.А. Максименкова в 1973 г.

Таким образом, две могилы (3М и 5М) можно уверенно относить к афанасьевской культуре. Центральная могила (4М) содержала исключительно окуневские материалы. Однако Г.А. Максименков считал, что первоначально существовала афанасьевская могила, в которую впоследствии было сделано впускное окуневское погребение, хотя убедительных доказательств этому обнаружить не удалось. Вероятно, к окуневскому времени относилась еще одна могила (2М).

Результаты исследований не удовлетворили Г.А. Максименкова, так как не отвечали на главный вопрос – о взаимоотношении двух культур в рамках одного памятника. В итоге работы не были полностью закончены, не исследованной осталась северо-восточная часть кургана.

В 2008 г. раскопки этого объекта были завершены Э.Н. Киргинековым, который детально исследовал оставшуюся не раскопанной часть кургана (Киргинеков, 2010а). По его мнению, ограда представляла собой стенку, сложенную из блоков рваного камня шириной около 2,5 м, которая снаружи была облицована вертикальными плитками. Диаметр ограды по внешней стороне составлял около 40 м (рис. 151).

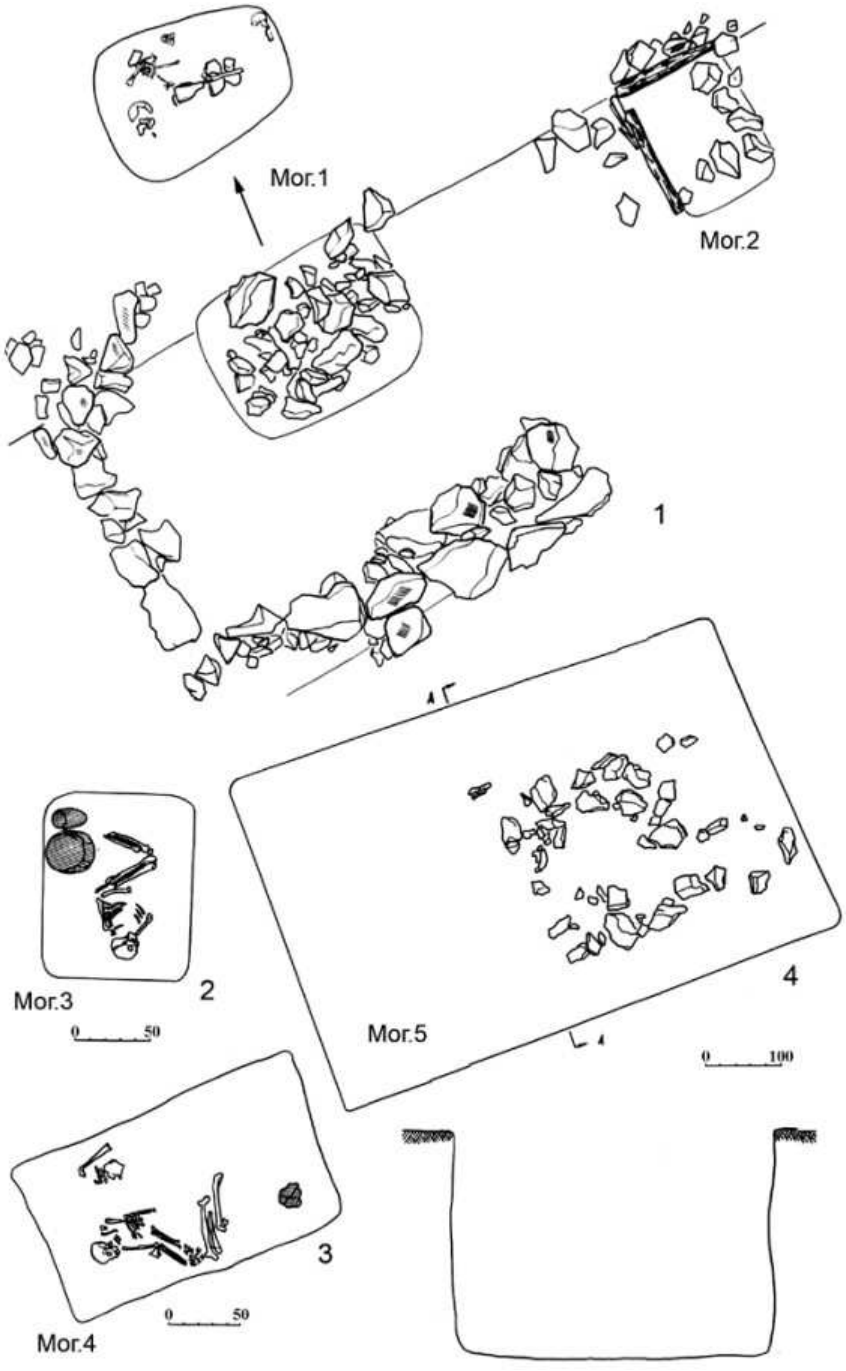

Рис. 150. Чертежи погребений из раскопок Г.А. Максименкова кургана Большое кольцо: *1* – могилы 1 и 2 (1973 г.); *2* – могила 3 (1974 г.); *3* – могила 4 (1974 г.); *4* – могила 5 (1974 г.)

Были обнаружены еще три детские могилы. Две из них представляли собой грунтовые ямы и находок не содержали (1К и 2К). В могиле 2К частично сохранились перемещенные кости ребенка 3-х лет. Третья могила (3К), также в виде грунтовой ямы, перекрытой крупным валуном с многочисленными окуневскими изображениями, содержала не потревоженное погребение ребенка 2–5 лет в положении вытянуто на спине. Погребенный целиком находился в прослойке охры мощностью 0,03–0,05 м. Инвентарь погребения состоял из большого числа бус (свыше 300), лежащих скоплениями, украшений из резцов сурка и зубов марала, костяного игольника из трубчатой кости с костяной иглой внутри. У восточной стенки компактно размещались сосуд баночной формы, бронзовый черешковый нож, бронзовое шило и костяная пластинка-накладка. Они были помещены в могилу после того, как погребенный был засыпан охрой. Данное погребение по сумме признаков датируется окуневской культурой.

Можно резюмировать, что за весь период исследования этого кургана было зафиксировано 11 погребений, находящихся на его площади. Из них два уверенно датируются афанасьевской культурой (3М и 5М), а три содержат инвентарь исключительно окуневского времени (2Л, 4М и 3К). Только одна могила (3Л), предположительно, носит признаки смешения этих двух различных комплексов. В оку-

невском погребении А.Н. Липским был обнаружен сосуд, по описанию относящийся к афанасьевской культуре. Однако на сегодняшний день не удается обнаружить ни самого сосуда, ни его изображений.

Все эти материалы не дают возможности однозначной трактовки процессов взаимодействия двух культур. Сторонники, как последовательной их смены, так и продолжительного совместного существования могут найти аргументы в защиту своих позиций, однако, это будут только косвенные признаки, не дающие однозначного ответа.

К вопросу о хронологии можно только добавить, что по сумме признаков окуневские погребения кургана Большое Кольцо датируются ранним уйбатским этапом (Киргинеков, 2010а, с. 90–91). На это указывает следующие детали погребального обряда: использование в качестве могил грунтовых ям, а не ящиков; типологические особенности и орнамент сосудов из могил 2Л и 3К (прямой срез венчика, «жемчужник», монотонный накольчатый орнамент по всему тулову сосуда и дну и другие признаки); медные ножи с удлиненно-треугольным клинком и черешковым насадом из могил 4М и 3К (Лазаретов, 1997, с. 36); химический состав бронзовых изделий (Хаврин, 2006, с. 243; Киргинеков, 2010а, с. 90).

Все известные материалы опубликованы. Находки из раскопок А.Н. Липского и Э.Н. Киргинекова хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Отчеты: Липский А.Н. – ИА, р-1, д. 2119, л. 46–58; Максименков Г.А. – ИА, р-1, д. 5087-а (1973 год); ИА, р-1, д. 6326 (1974 год); ИИМК, ф. 35, оп.1, 1973, д. 52, л. 1–6; ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1974, д. 43, л. 13–18.

Киргинеков Э.Н. Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 79–91.

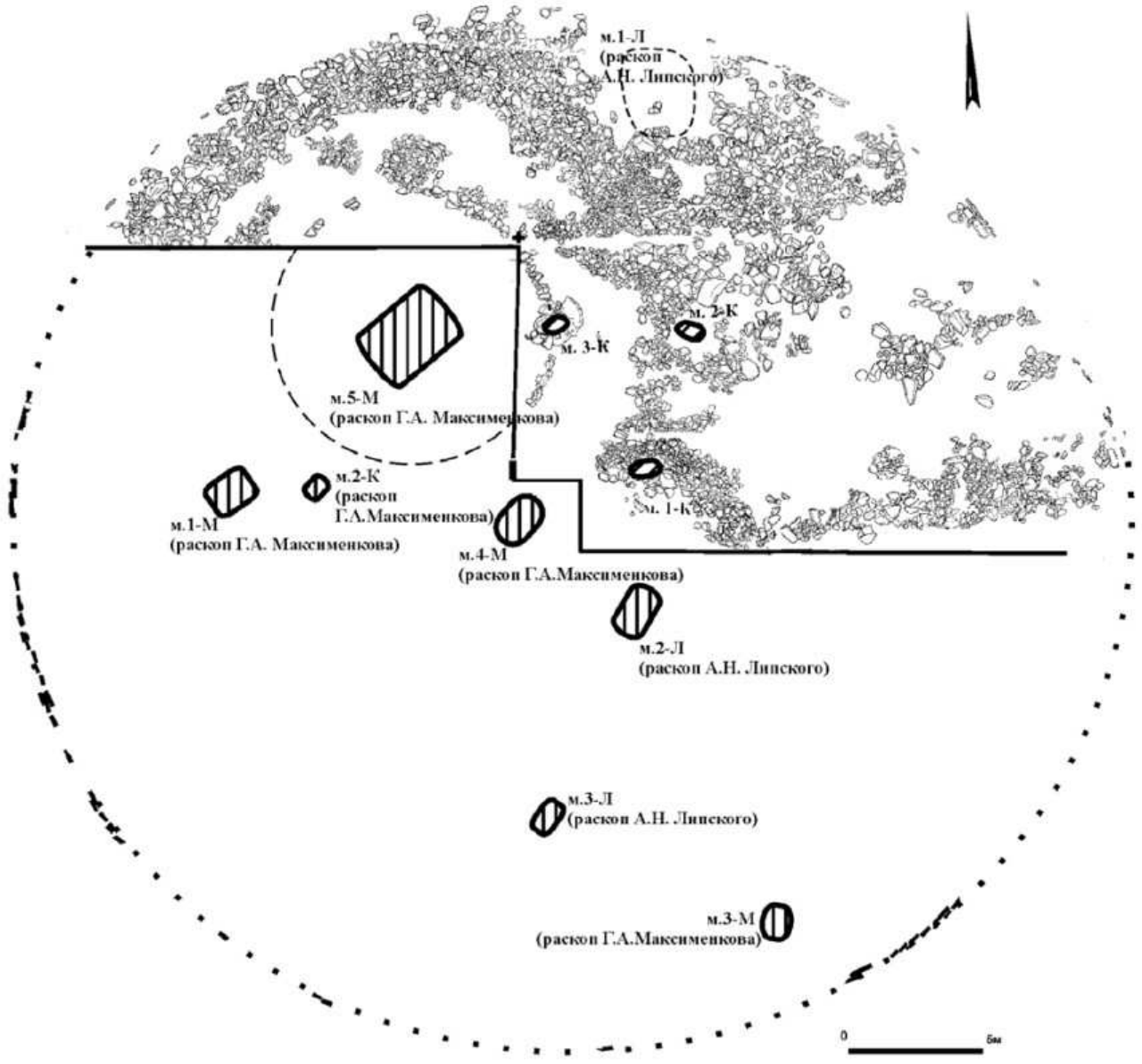

Рис. 151. План одиночного кургана Большое Кольцо по итогам работ Э.Н. Киргинекова.
По: Киргинеков, 2010, рис. 1

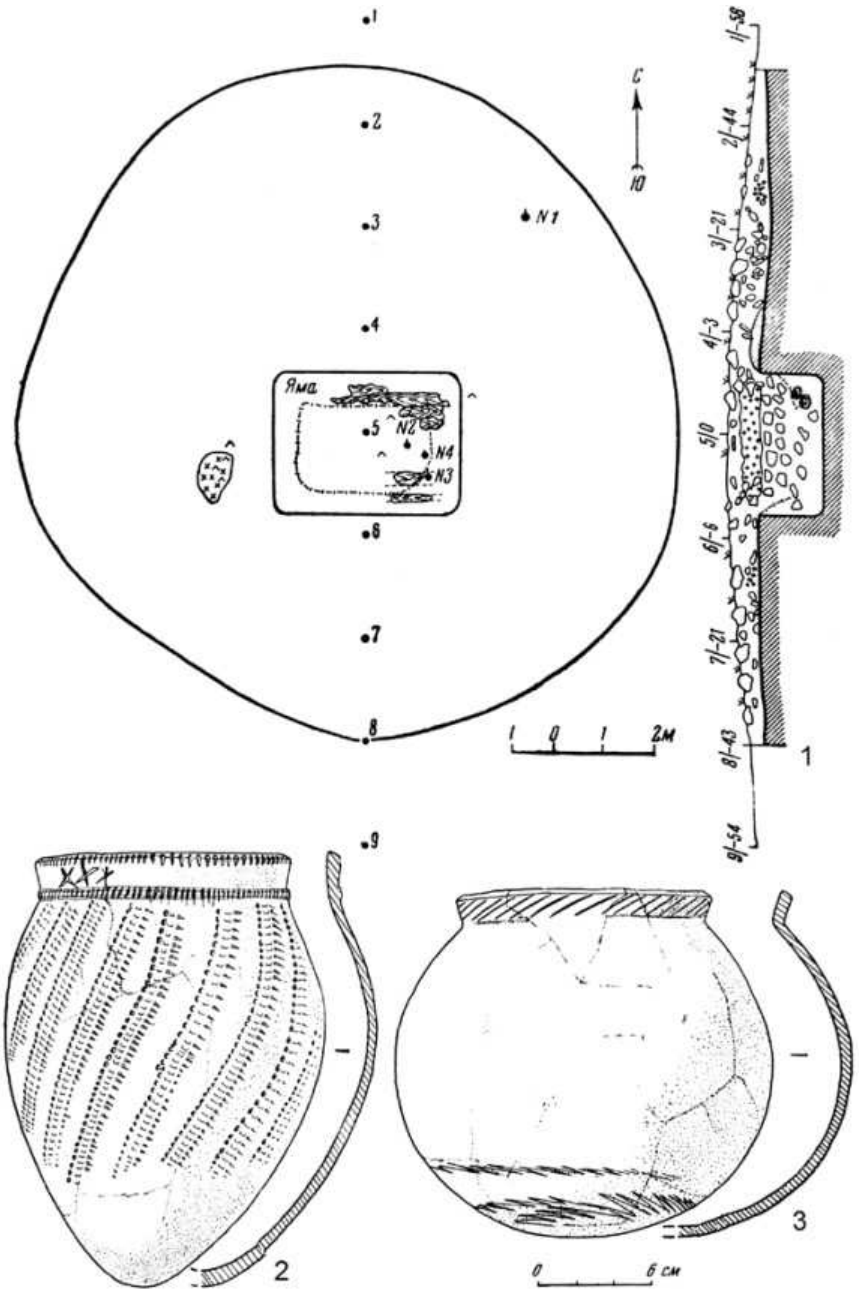

Рис. 152. Материалы могильника Бюрь II, курган №3 (1) и сосуды из погребения (2–3). По: Кызласов, 1962, рис. 6, 9

3. Бюрь II, могильник

Расположен на левой надпойменной террасе р. Бюрь, примерно в 1 км к В от современного русла реки, возле самой железной дороги под невысокой сопкой в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия. Семь афанасьевских курганов разбросаны по обе стороны от старой грунтовой дороги, к востоку от железной дороги на отрезке между станциями Усть-Бюрь и Ербинская. Из них три большие (диаметром 12–14 м) и 4 малых (3–4 м). В 1958 г. Л.Р. Кызласов провел раскопки одного большого кургана (№3).

Насыпь округлой формы диаметром 12,8–13,1 м из обломочника и земли, высотой 0,55–0,6 м (рис. 152 -1). В западной части кургана на уровне горизонта находилось кострище с древесным углем и золой, и на нем несколько не обожженных косточек овцы. В центре кургана зафиксирована могильная яма, над которой залегал мощный слой пережженной земли с золой и углем. Сохранились следы бревенчатого перекрытия могилы (каждое бревно 16–20 см диаметром), лежавшего по линии запад-восток. Накат был закрыт слоем бересты сохранившейся по краям. Яма прямоугольной формы 3,6х2,76 м, вытянута по линии запад-восток, глубина от уровня древнего горизонта 1,2 м. Погребение сильно потревожено грабителями, их ход проходил в западной части могилы. Кости человека старше 60 лет находились в полном беспорядке, череп отсутствовал. У восточной стенки могилы находились два раздавленных сосуда, которые удалось целиком реставрировать (рис. 152 -2, 3). Других артефактов не обнаружено.

Материалы опубликованы. Находки хранятся в Московском государственном университете.

Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. №2. С. 210–224.

4. Верхний Аскиз, могильник

Расположен на высокой террасе правого берега р. Аскиз, к югу от автодороги Верхний Аскиз-станция Аскиз, под скалой Хара-Хая в Аскизском районе Республики Хакасия. Расстояние от станции Аскиз около 9 км (рис. 153 -1, 2). На данный момент следов это объекта обнаружить не удалось, хотя его местоположение устанавливается довольно точно. Вероятно, он полностью уничтожен в результате естественных эрозийных процессов террасы. Всего А.Н. Липским в 1958 г. были зафиксированы и исследованы три кургана, вытянутых в одну цепочку (рис. 153 -3).

На момент раскопок они представляли собой каменно-земляные насыпи диаметром около 4 м и высотой 0,2–0,4 м. На основании отчета А.Н. Липского можно предположить, что у курганов №1 и 3 оградки в виде колец были сложены из рваного камня, а у кургана №2 была ограда из вертикально

вкопанных плит песчаника. Все погребения совершены в грунтовых ямах. В курганах №1 и 3 над могилами прослежены продольные бревенчатые перекрытия. К сожалению, наблюдаются разночтения между размерами могил, указанными в тексте отчета, и представленными в нем чертежами, поэтому точные их параметры определить сложно. Можно полагать, что это были грунтовые ямы прямоугольной формы, ориентированные по линии ЮЗ–СВ.

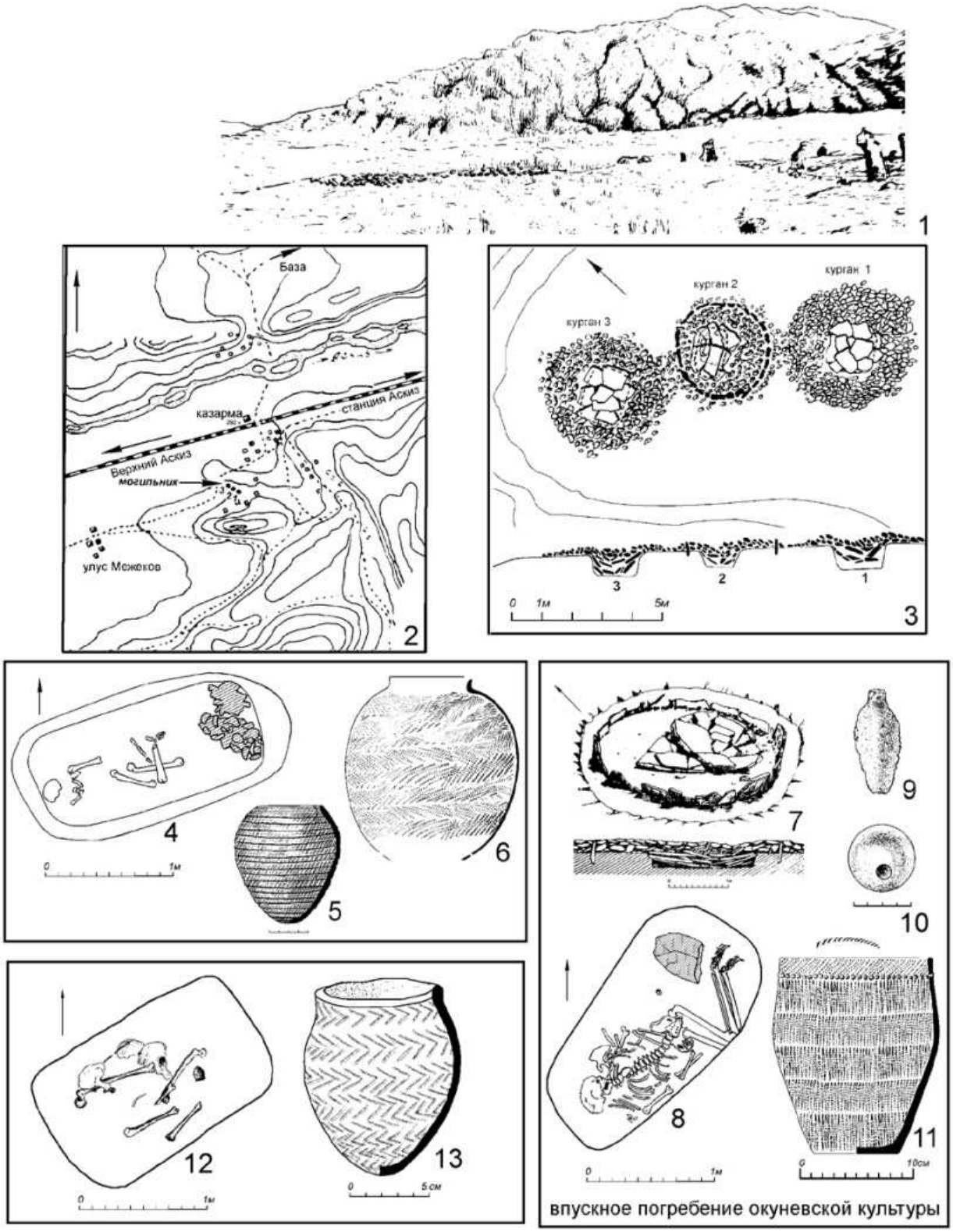

Рис. 153. Материалы могильника Верхний Аскиз: *1* – прорисовка панорамы на могильник; *2* – карта расположения могильника; *3* – план курганной группы Верхний Аскиз; *4* – план погребения из кургана 1; *5, 6* – керамика из кургана 1; *7, 8* – рисунок и план погребения кургана 2; *9–11* – инвентарь из погребения кургана 2; *12* – план погребения из кургана 3; *13* – сосуд из погребения кургана 3. По: Соколова, 2012, рис. 5

В погребении кургана №1 часть костей человека сохранилась на первоначальных местах, на основании чего удалось установить, что он был положен на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой в юго-западном направлении (рис. 153 -4). В кургане №2 все кости взрослого человека и младенца до 1 года находились в перемещенном состоянии. Сопроводительный инвентарь этих двух могил представлен исключительно керамическими сосудами. Причем в могиле кургана №1 это две корчаги шаровидной формы, как свойственно этому типу сосудов, очень значительных размеров (рис. 153 -5, 6). Одна из них была частично реставрирована. Ее размеры – высота 52 см, диаметр 60 см. Сосуд сплошь орнаментирован оттисками шагающего зубчатого штампа. В могиле кургана №3 был обнаружен один миниатюрный остродонный сосуд, вероятно сопровождавший погребение младенца (рис. 153 -13).

Отдельно необходимо остановиться на погребении в кургане №2 (рис. 153 -7). По сумме признаков его можно уверенно датировать окуневской культурой. Характерные признаки есть и в положении тела погребенного на спине коленями вверх, и в сопроводительном инвентаре: сосуд баночной формы, черешковый бронзовый нож и мраморный шарик (рис. 153 -8–11). Таким образом, связывать погребение с афанасьевской культурой нельзя. Однако это не означает, что и курган имеет окуневское происхождение. Круглые ограды из вертикально вкопанных плит для этой культуры не известны. Все три исследованных кургана планиграфически объединены в единый комплекс, и, несмотря на небольшие конструктивные отличия, их следует датировать афанасьевской культурой. В то же время в центральном из них (курган №2) А.Н. Липским зафиксировано впускное погребение окуневского времени.

Все известные материалы опубликованы. Находки хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Материалы по энеолиту Хакасии из архива А.Н. Липского (подготовлено к печати Л.А. Соколовой) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 210–224.

5. Гляден 8, стоянка

Расположена на возвышающемся, в виде невысокого холма, участке первой надпойменной террасы левого берега р. Кадат, в 2 км к востоку от восточной окраины д. Гляден и в 11 км по дороге от районного центра г. Шарыпово (Шарыповский район Красноярского края). В 1999 г. С.В. Красниенко был заложен разведочный раскоп площадью 20 кв. м (5 квадратов 2х2 м) на краю бульдозерной траншеи, разрушившей западную часть поселения. В 2000 г. работы было исследовано еще 300 кв. м площади стоянки. Таким образом, общая площадь, вскрытая на территории памятника, составила 320 кв. м.

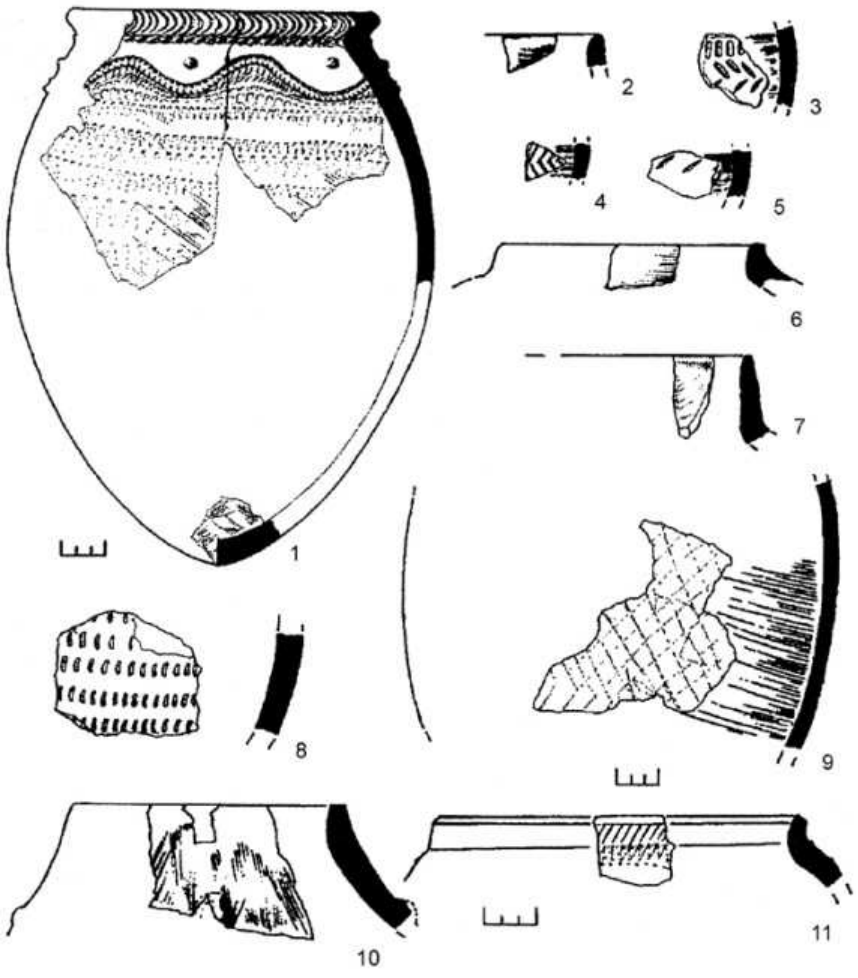

Рис. 154. Керамика афанасьевской культуры из материалов стоянки Гляден 8. По: Красниенко, 2002

В результате проведенных работ обнаружены материалы афанасьевской, окуневской, карасукской и тагарской культур. При этом первые явно преобладали, а остальные были отмечены в единичных случаях. Стратиграфия памятника не предусматривает их разделения на хронологические горизонты. Зафиксированы два слоя: дерн, в нижней части которого выявлены отдельные фрагменты керамики и кости животных, и слой желтовато-серого суглинка мощностью около 0,3 м. Основная часть находок сделана на нижней границе последнего, непосредственно над подстилающими материковыми слоями.

Афанасьевская керамика представлена фрагментами 10–11 сосудов (рис. 154). Тесто практически всех фрагментов рыхлое, с большим содержанием песка. Среди орнаментов преобладают оттиски гребенчатого штампа и горизонтальные линии, видимо, сплошь покрывавшие поверхность сосудов. Внутренняя поверхность имеет следы заглаживания. Один сосуд удалось реконструировать. Он имел яйцевидную форму, под венчиком имеются ручки, вылепленные в виде двух пар небольших сосцевидных выступов.

Кроме фрагментов керамики были обнаружены 5 кремневых отщепов, скребок, каменная крышка сосуда из куска оббитого песчаника, костяное изделие с отверстием и фрагмент медного ножа (практически 100% меди – анализ С.В. Хаврина). Однако нельзя уверенно утверждать, что эти изделия датируются афанасьевской культурой.

В центральной части памятника находились два очага, сложенных из камней и небольших плит песчаника: каменная наброска размерами 1х0,8 м, высотой 0,15 м и кольцо из кусков плит песчаника, внутренний диаметр 0,8 м, внешний – 1,4–1,6 м. Последний имеет широкие аналогии на других памятниках афанасьевской культуры (Тепсей VII, Хадынных I, Итколь III).

Красниенко С.В. Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 171–175.

6. Итколь II, могильник

Расположен на левом высоком берегу безымянной протоки вытекающей из оз. Тушино, ранее являвшегося частью оз. Итколь в Ширинском районе Республики Хакасия. В составе могильника насчитывается 43 кургана. Среди них представлены сооружения афанасьевской, окуневской, карасукской и тагарской культур. В 2008–2010 гг. А.В. Поляковым исследовано 5 курганов, которые могут быть отнесены к афанасьевской культуре (№№14, 23, 24, 27, 43). Среди не раскопанных объектов еще несколько могут быть предположительно отнесены к афанасьевской культуре.

Отдельно следует описать ситуацию с курганом №14, который имеет сложную историю (рис. 155). Первоначально был возведен традиционный по внешнему облику курган афанасьевской культуры. Круглая ограда диаметром 9 м сложена из горизонтально лежащих тонких плит песчаника. В восточной части кладка сохранилась на высоту до 11 слоев (0,4 м). Плиты были выровнены по внешнему краю. В более позднее время, когда афанасьевская ограда уже была частично разрушена, представители окуневской культуры повторно использовали ее для возведения собственного кургана. Вокруг афанасьевского кольца была построена квадратная ограда из вертикально вкопанных плит, а центральное погребение полностью уничтожено. Аналогичная ситуация зафиксирована при раскопках кургана 3 могильника Пистах (Подольский, 1997, с. 113–122). Однако М.Л. Подольскому не удалось выявить каких-либо других следов афанасьевского погребения, кроме самой ограды. В случае с курганом 14 могильника Итколь II есть еще одно доказательство, что первоначально курган представлял собой захоронение афанасьевского времени. Вдоль северной части внутри кольца, было собрано несколько крупных фрагментов от одного афанасьевского сосуда (рис. 158 -1). Их размер и характер залегания исключают возможность происхождения из поселенческого комплекса. Можно уверенно утверждать, что это часть сосуда, выброшенного из центрального погребения кургана 14 при его переустройстве. Других материалов афанасьевского времени в этом кургане не обнаружено.

Остальные 4 кургана до начала работ представляли собой невысокие каменно-земляные насыпи, в основании которых прослеживались округлые ограды от 3,5 до 9 м диаметром (рис. 156). Конструкции их различны. Ограда кургана №23 была сложена из плитняка, а остальные возведены из вертикально вкопанных плит песчаника. Интересно отметить, что в двух случаях (курганы №24 и 27) внутри ограды с небольшим отступом от нее фиксировалась широкая круглая выкладка из плит, которая, вероятно, оконтуривала основание надмогильного сооружения на уровне древнего горизонта. Это подтверждает известный факт, что над афанасьевскими курганами фактически не было насыпи, а только надмогильное сооружение в центре ограды.

Все могилы для взрослых представлены грунтовыми ямами подпрямоугольной или подквадратной формы (рис. 157 -1–5). Обращает на себя внимание большой спектр ориентации осевых линий этих могил: от ЮЗ–СВ до СЗ–ЮВ. При этом во всех случаях, когда на первоначальном месте сохранилась хотя бы часть костей, устанавливается, что погребения совершались головой в западный сектор. В двух хорошо сохранившихся погребениях (к. 23, м. 2; к. 43, м. 1) зафиксирована редкая поза погребенного «на боку вполоборота».

В погребениях обнаружено шесть целых сосудов (рис. 158 -1–3, 6–9). Пять из них имеют приостренное дно, но различную степень раздутости тулова. Форма венчика сосудов имеет схожие признаки. В шести случаях из семи венчик имеет прямой срез, и только в одном край сосуда приострен (рис. 158 -2). Несмотря на некоторые индивидуальные отличия, просматривается общая орнаментальная схема. На венчиках четырех сосудов нанесена косая сетка: на трех гладким (рис. 158 -2, 3, 9) и одном

зубчатым штампом (рис. 158 -6). Ниже, на шейке трех изделий из четырех, нанесен один ряд наклонных оттисков. Используемый при этом орнаментир отличается от того, которым наносился орнамент на венчике и тулове. Например, на сосуде из могилы 2 кургана 23 все элементы выполнены зубчатым штампом, вероятно, одним, однако наклонные оттиски по шейке сделаны другим инструментом (рис. 158 -6). На сосуде Б из могилы 1 кургана 23 аналогичная картина. Весь орнамент выполнен оттисками гладкого штампа, а одна линия наклонных оттисков на шейке сосуда – мелкозубчатым (рис. 158 -3). Тулово сосуда в верхней части равномерно покрывалось монотонным орнаментом. Это либо наклонные оттиски гладкого или зубчатого штампа, либо шагание с прокатыванием (качалка) зубчатого штампа. Особенно интересен сосуд, на тулове которого орнамент имеет горизонтальное, а не вертикальное, как принято,

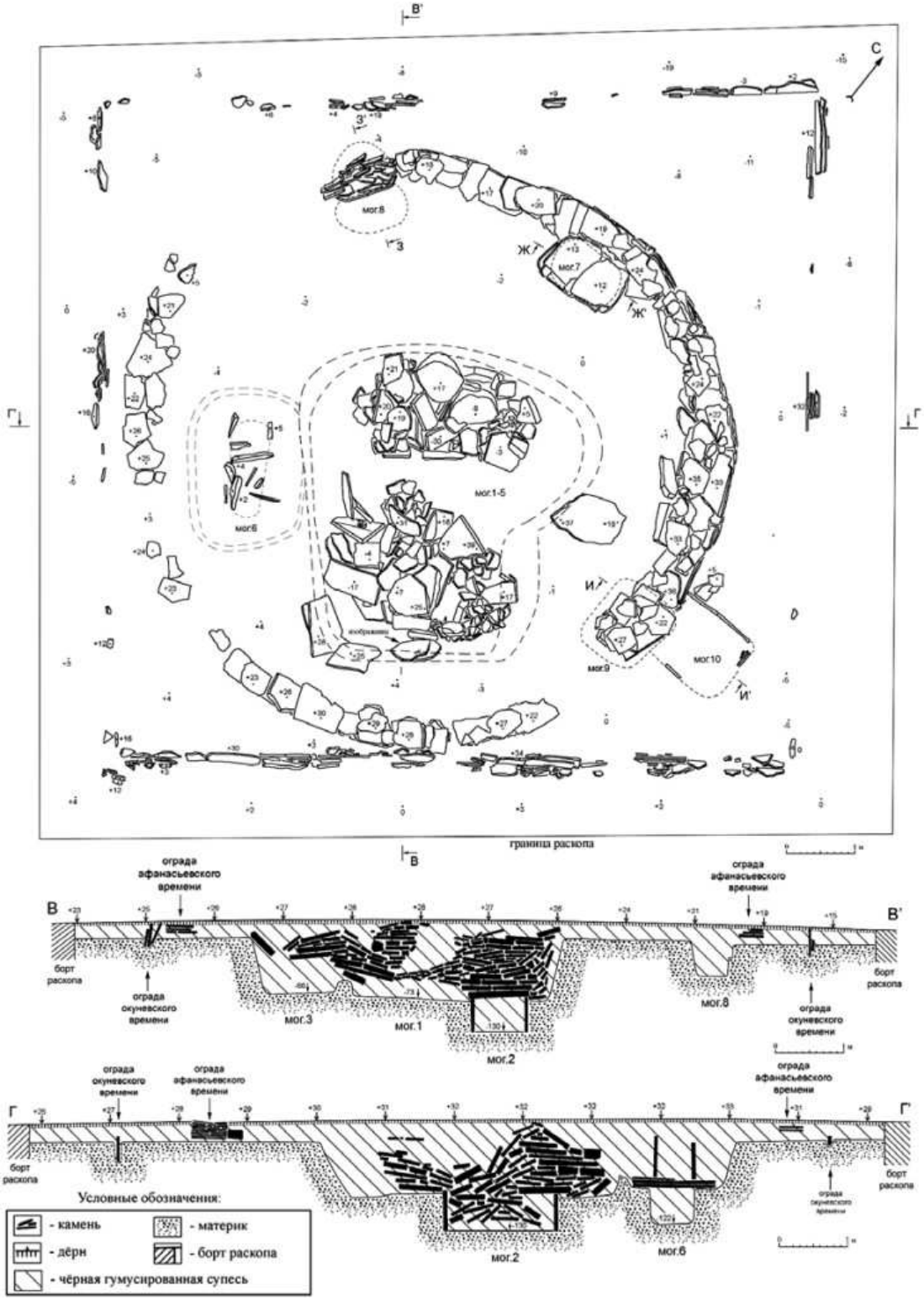

Рис. 155. Могильник Итколь II. Курган 14. План сооружения и разрезы

зонирование (рис. 158 -2). На одной его половине орнамент нанесен зубчатым штампом – шагание с прокатыванием (качалка), а на другой резной орнамент в виде елочки вершиной вниз. Это крайне редкая композиция для керамики афанасьевской культуры Среднего Енисея.

Кроме сосудов, в могилах найдены медные обкладки деревянных сосудов (во всех трех случаях обнаружены фрагменты дерева), различающиеся своими размерами (рис. 158 -4, 5, 10). В могиле 1 кургана 24 были обнаружены две обкладки, которые можно считать наиболее крупными из известных медных предметов афанасьевского времени. Одна из них чуть меньше по своим размерам и была покрыта по всей поверхности пуансонным орнаментом вычеканенным изнутри (рис. 158 -4). Ее отличает загнутый край, который, вероятно, огибал венчик или слив сосуда. На основании профиля этой обкладки можно предположить, что деревянный сосуд представлял собой сферическое блюдо или чашу. Вторая, более крупная обкладка из этой могилы, находилась на своем первоначальном месте (рис. 158 -5). Она имеет множественные вмятины и повреждения по своей поверхности, а также значительную трещину. По всей видимости, эта обкладка покрывала дно сосуда, а повреждения были нанесены в процессе его продолжительной эксплуатации. Нельзя исключать, что обе обкладки относятся к одному сосуду. Подобные изделия часто встречаются в погребениях афанасьевской культуры (Вадецкая, 1986а,

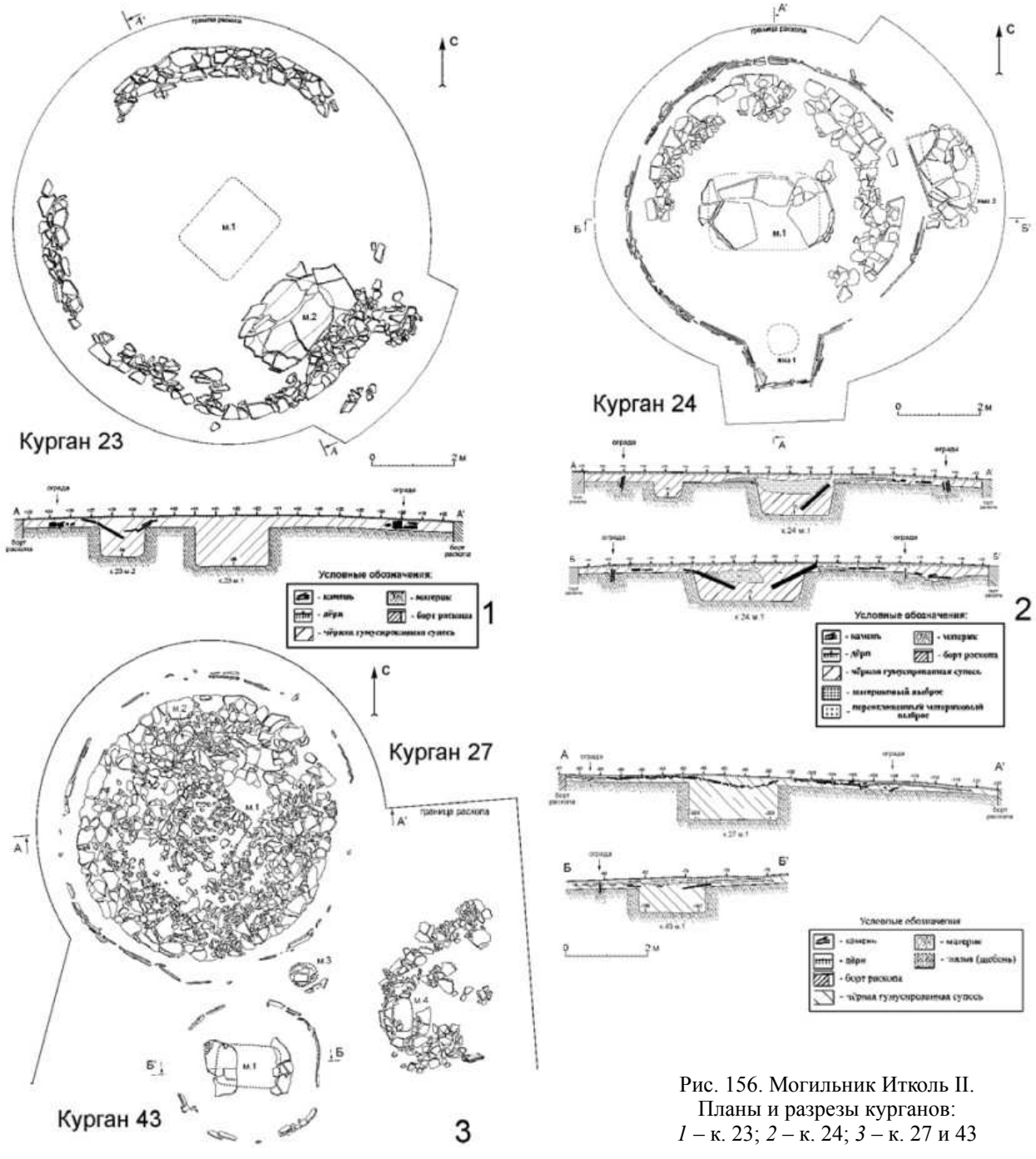

Рис. 156. Могильник Итколь II. Планы и разрезы курганов: *1* – к. 23; *2* – к. 24; *3* – к. 27 и 43

с. 19, табл. 2–7; Грязнов, 1999, с. 49, рис. 6–8, 20, 21, 25). Химический анализ металла из кургана 27, проведенный С.В. Хавриным в лаборатории Государственного Эрмитажа, показал, что это чистая медь с незначительными естественными примесями.

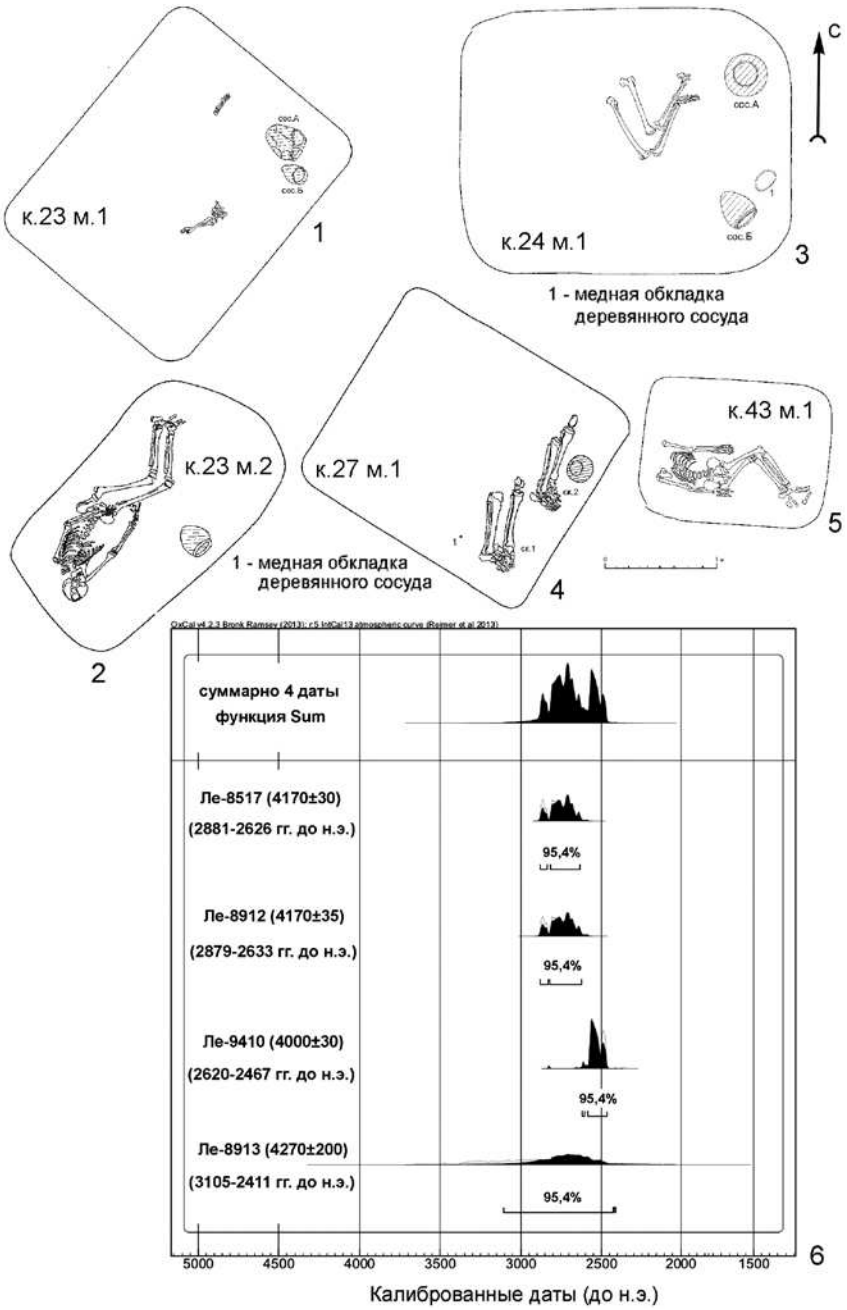

Рис. 157. Могильник Итколь II. Могилы: *1* – к. 23, м. 1; *2* – к. 23, м. 2; *3* – к. 24, м. 1; *4* – к. 27, м. 1; *5* – к. 43, м. 1 и 6 – радиоуглеродные даты

На сегодняшний день по материалам из этого могильника получено четыре радиоуглеродные даты (рис. 157 -6), две из которых, сделанные по образцам дерева из перекрытий могил к. 23, м. 1 (Ле-8912 – 4170±35) и к. 27, м. 1 (Ле-8517 – 4170±30), оказались очень близкими между собой (Поляков, 2010а). На их основании, после поправки с помощью калибровочной кривой, можно считать, что наиболее вероятный возраст этих погребений лежит в границах 2886–2631 гг. до н.э. Третья дата Итколь II к. 24, м. 1 (Ле-9410), полученная по фрагментам деревянного перекрытия могилы собранным в ее заполнении, оказалась несколько «моложе» – 4000±30 (2577–2468 гг. до н.э. после калибровки). Четвертая дата, полученная по костям человека из к. 23, м. 1 (Ле-8913 – 4270±200), не противоречит этим данным, но имеет слишком большой доверительный интервал для принятия взвешенных оценок на ее основе.

Находки переданы в Государственный Эрмитаж, отчеты – в архивы ИА и ИИМК РАН.

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 144–158.

7. Итколь III, стоянка

Стоянка Итколь III расположена на северном высоком берегу оз. Итколь, на левом берегу протоки, вытекающей из оз. Тушино, которое в свое время было частью оз. Итколь. Ближайший населенный пункт пос. Шира, памятник находится к югу и юго-востоку от поселка на расстоянии примерно 2 км. В 2007 г. была проведена разведка и в одном из шурфов обнаружена серия из семи фрагментов керамики эпохи бронзы и кремневый наконечник стрелы. А.В. Поляковым в 2008 г. на этой стоянке было вскрыто 100 кв. м, а в 2009 г. еще 72 кв. м. Общая площадь, вскрытая на стоянке Итколь III единым раскопом – 172 кв. м. Данная стоянка связана с могильником Итколь II и расположена на его периферии. Отдельные находки фрагментов керамики афанасьевской культуры сделаны и при исследовании насыпей курганов этого могильника.

На площади стоянки выявлено два культурных слоя. Верхний слой переотложенной бурой супеси, мощностью около 0,2 м, смыт с вышележащих склонов, и все находки в нем переотложены. Он содержит не стратифицированные материалы афанасьевской, окуневской, карасукской и тагарской культур. Нижний слой черной гумусированной супеси незначительной толщины (до 0,2 м) не потревожен. Имен-

но с ним связаны все выявленные конструкции, а также основная часть находок только двух культур: афанасьевской и окуневской. Плотность находок составляет 4–5 предметов на 1 кв. м. В подавляющем большинстве – это фрагменты керамики, однако, изредка встречаются каменные диски, скребки или

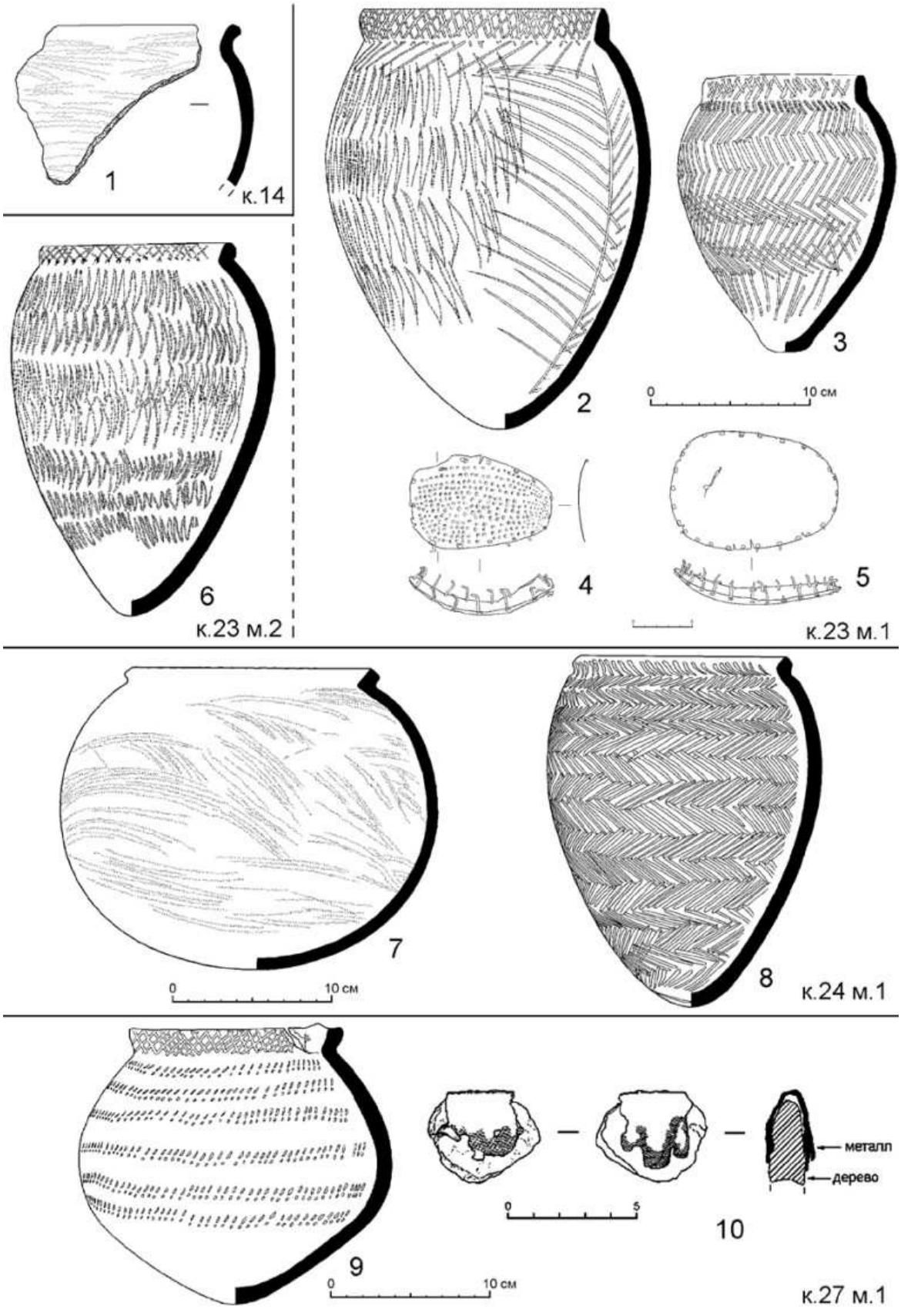

Рис. 158. Могильник Итколь II. Инвентарь из погребений: *1* – к. 14; *2–5* – к. 23, м. 1; *6* – к. 23, м. 2; *7–8* – к. 24, м. 1; *9–10* – к. 27, м. 1 (1–3, 6–9 – керамика; 4, 5, 10 – медь)

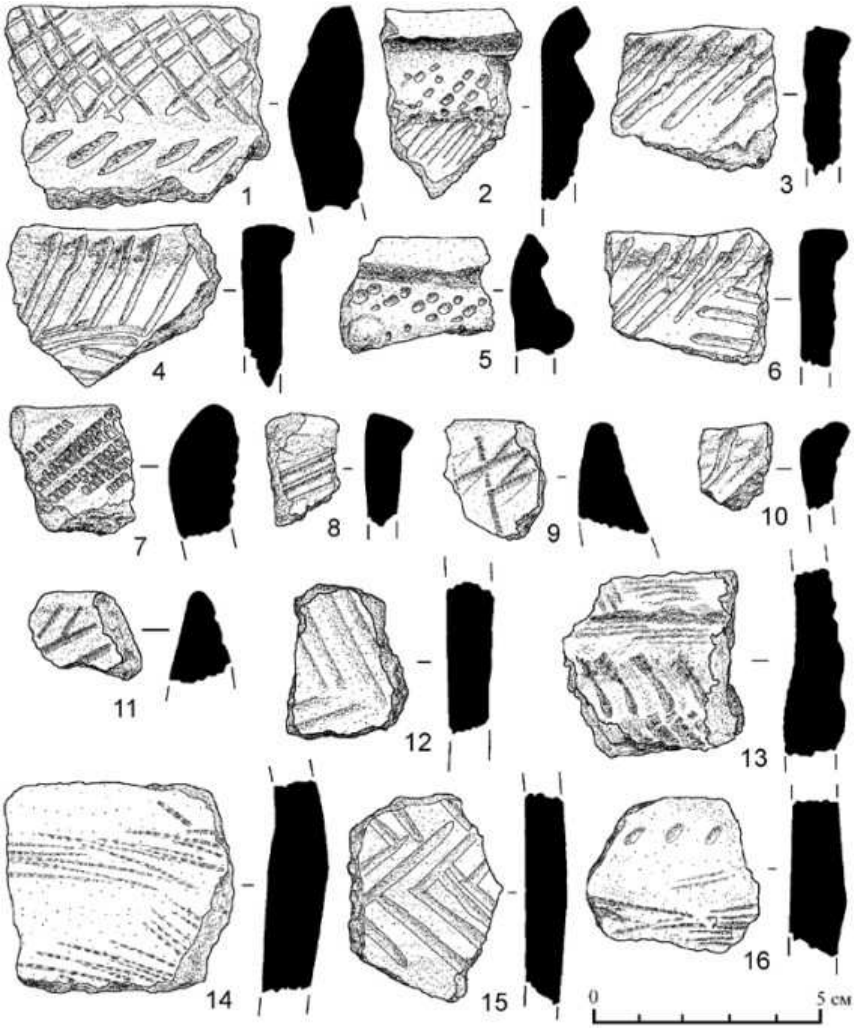

Рис. 159. Фрагменты керамики афанасьевской культуры с поселения Итколь III

другие изделия из камня, а также подтесанные альчики барана. Стратиграфически слой не разделяется, но можно отметить, что фрагменты афанасьевской культуры чаще залегают относительно ниже, чем керамика окуневского времени.

К афанасьевскому времени на стоянке Итколь III относятся фрагменты от нескольких десятков сосудов (214 фрагментов) (рис. 159). Это весьма характерная керамика, отличающаяся невысокой плотностью теста и низкотемпературным обжигом. По всей поверхности сохранились следы заглаженности, что позволяет легко их идентифицировать. Преобладает орнамент в виде вертикального зигзага, полученного оттисками гладкого штампа. Зубчатым штампом выполнена качалка. Орнамент, как правило, покрывает все тулово сосуда. В одном случае зафиксирован развал крупного сосуда афанасьевской культуры (115 фрагментов).

На площади раскопа обнаружено семь очагов различного типа. Однозначно отнести их к той или иной культуре нет оснований. Можно только отметить, что очаги №1 и 2 схожи с теми, что обнаружены на поселениях Тепсей VII, Хадынных 1 и Гляден VIII. Это кольца из крупных каменных блоков, позволяющие накапливать в таком очаге мощный слой золы.

В результате изучения костей животных, собранных на площади раскопа, было установлено, что практически все они принадлежат одомашненным видам: 72% кости овцы, 16% коровы, 8% лошадь. В единичном случае были обнаружены кости козы, собаки, и дважды – птицы. Дикие виды представлены исключительно костями косули (4 случая), то есть менее 2% от общего числа определимых костей. Связать эти данные с конкретной археологической культурой (афанасьевской или окуневской) не представляется возможным.

Находки находятся на временном хранении в ИИМК РАН. Отчеты сданы в профильные архивные учреждения (ИА и ИИМК РАН).

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 144–158.

8. Камышта I, могильник

Могильник находится в междуречье рек Камышта и Ниня (левые притоки р. Абакан), в 1,4 км к северо-востоку от пос. Камышта (Аскизский район Республики Хакасия). Расположен в 400 м к северу от памятника афанасьевской культуры Большое кольцо. По мнению Э.Н. Киргинекова, который проводил исследования афанасьевских памятников этой группы в 2008 г., могильники Ниня I и Камышта I представляют собой единый могильник, разделенный искусственно (Киргинеков, 2010б, с. 74, рис. 1). В 1958 г. А.Н. Липским было раскопано три кургана (рис. 160), еще один в 2008 г. Э.Н. Киргинековым (рис. 161). Всего могильник на сегодняшний день насчитывает 11 курганов. К сожалению, в отчетах А.Н. Липского указаны не все размеры сооружений, более того наблюдаются разночтения между текстом отчета и имеющимися чертежами. Это требует проведения серьезного критического изучения материала перед их использованием.

Исследованные курганы были оконтурены оградами диаметром 7–9,6 м. Они сложены из плитняка и блоков рваного камня. В одном случае (курган 3) такая стенка снаружи дополнительно обставлена вкопанными вертикальными плитами. Площадь внутри ограды кургана №8 (раскопки Э.Н. Киргинекова) выложена в 1–2 слоя камнями. Автор раскопок отметил, что были использованы камни разных пород и цветов (красного и серого). Надмогильные сооружения в центре ограды возводились из камня, в двух случаях зафиксированы следы продольного бревенчатого перекрытия, поверх которого укладывались плиты.

Центральные погребения совершались в грунтовых ямах подпрямоугольной формы глубиной от 0,9 до 1,2 м. Чрезвычайно интересно сооружение в могиле кургана №2, где обнаружена каменная циста, высотой 18–20 см, опущенная на дно могильной ямы. Аналогий среди других афанасьевских памятников Среднего Енисея до сих пор не обнаружено, кроме погребения 3Л кургана Большое Кольцо, также раскопанного А.Н. Липским всего в 700 м к югу.

В погребениях традиционные для афанасьевской культуры одиночные и парные захоронения, сопровождаемые керамическими сосудами, стоящими в ногах или у пояса. Ориентация во всех случаях головой в западный сектор. В кургане №8 обнаружено два сопроводительных детских погребения. Одно находилось непосредственно под оградой в северной ее части, другое за пределами ограды с северо-востока.

Отдельно следует остановиться на небольших кольцах диаметром около 1,5 м, сопровождающих курганы №1 и 2. В тексте указано, что они располагаются к ЮЗ, хотя по чертежам устанавливается их положение к ЮВ. По два таких кольца сопровождают курганы №1 и 2. Конструктивно они копируют

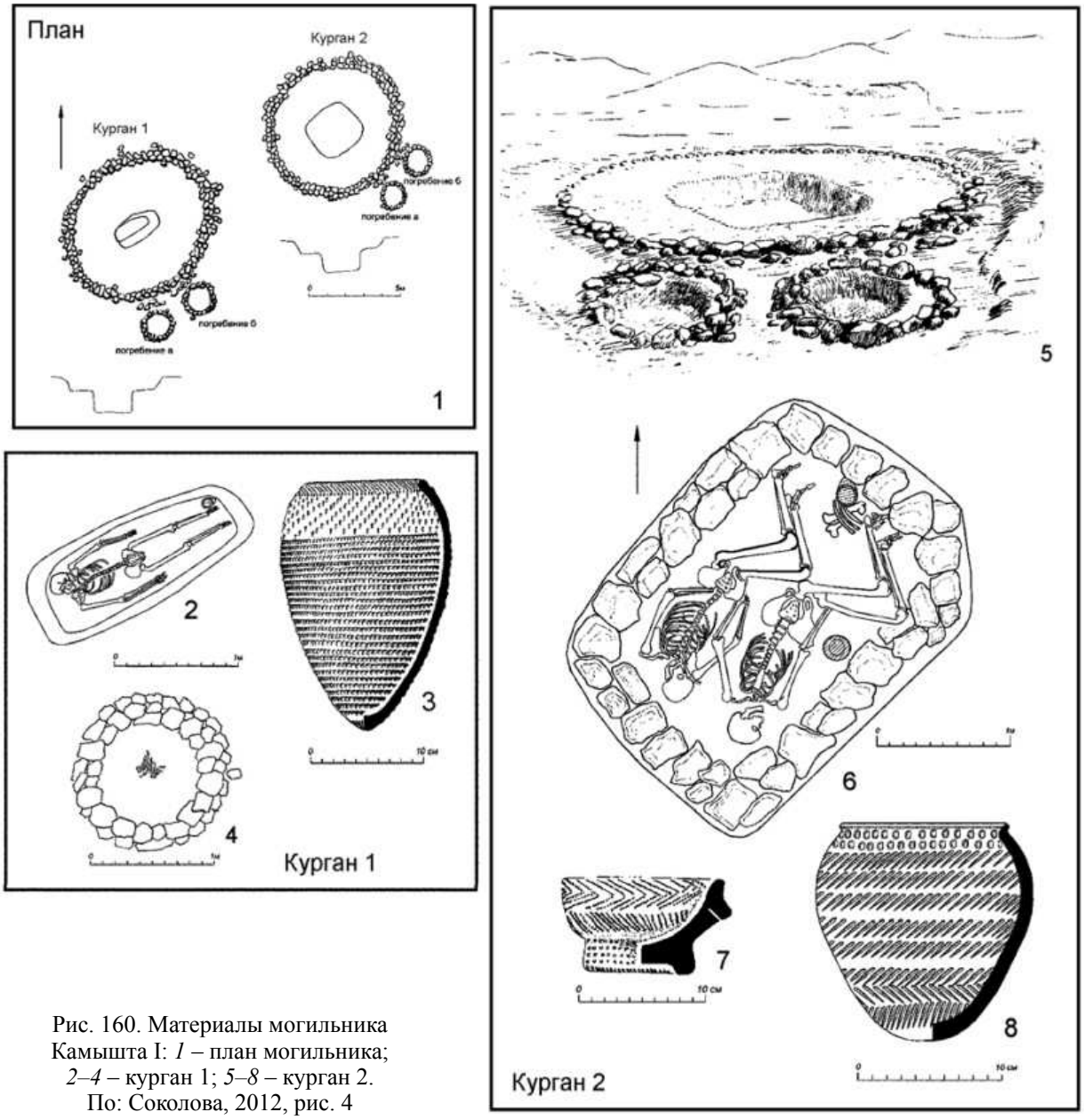

Рис. 160. Материалы могильника Камыштa I: *1* – план могильника; *2–4* – курган 1; *5–8* – курган 2. По: Соколова, 2012, рис. 4

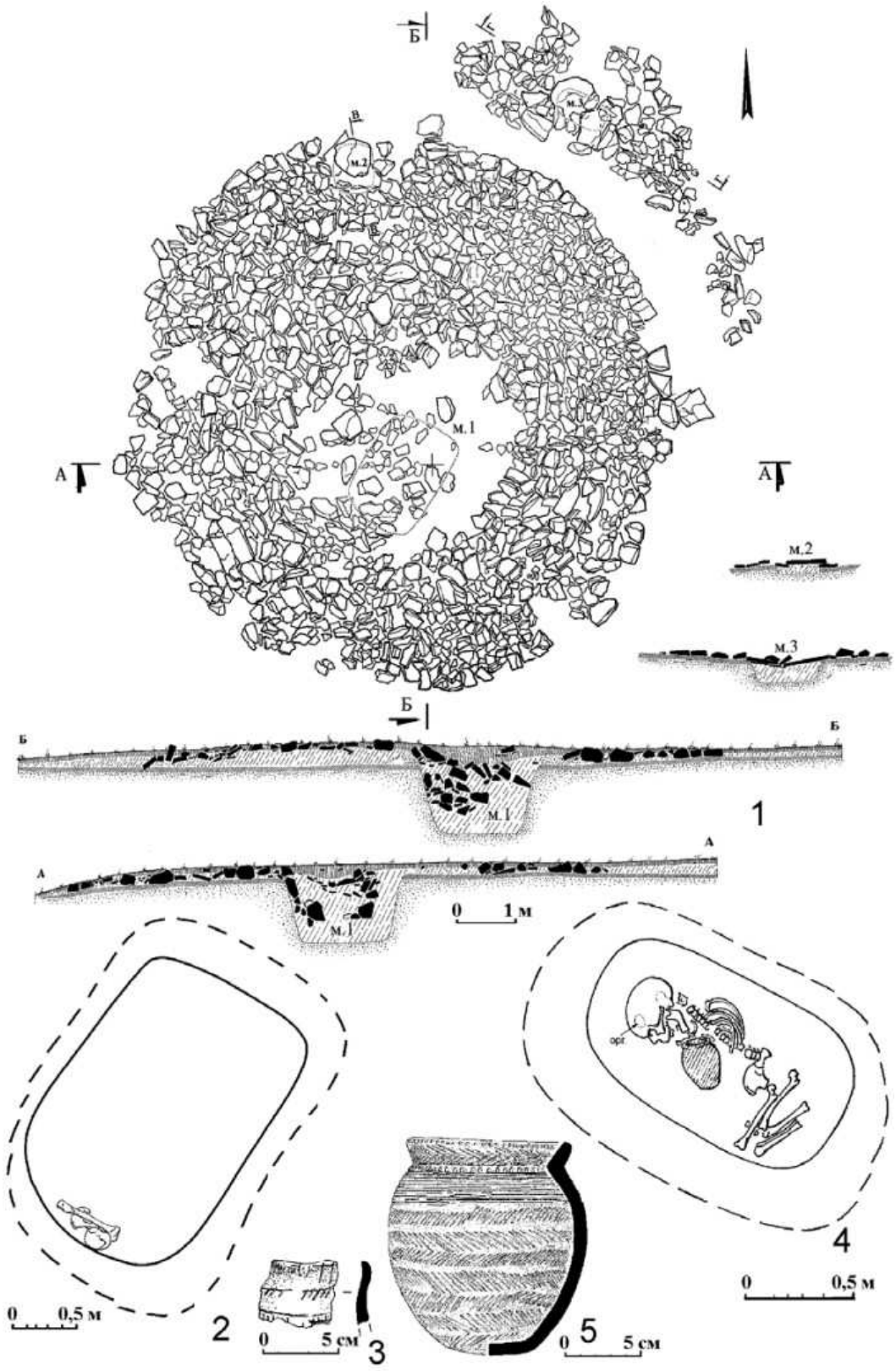

Рис. 161. Материалы могильника Камышта I. Курган №8, раскопки Э.Н. Киргинекова.
По: Киргинеков, 2010а, рис. 2 и 3

центральные сооружения, то есть это были кольца из булыжника, в центре которых располагалась небольшая грунтовая ямка, диаметром около 0,7 м и глубиной около 0,5 м, у которых предположительно были перекрытия из плитняка. В самих ямках были обнаружены кости овцы в сочленении (ребра и позвонки). Стоит отметить, что остатки сопроводительной пищи в виде костей овцы и коровы были обнаружены и в центральных погребениях всех трех курганов, раскопанных А.Н. Липским.

Все известные материалы опубликованы. Находки хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Материалы по энеолиту Хакасии из архива А.Н. Липского (подготовлено к печати Л.А. Соколовой) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 213–217.

Киргинеков Э.Н. Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 79–91.

Киргинеков Э.Н. Конструкции курганов афанасьевской культуры Хакасско-Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010б. С. 73–79.

9. Кок-Хая, могильник

Расположен в 4,5 км к ЗЮЗ от пос. Полтаков, в 100 м к востоку от подножия горы Кок-Хая, по которой и получил свое название. В 40 м к югу находится протока Торгажак р. Тея, притока р. Таштып. Курган исследован Е.Д. Паульсом в 1987–1988 гг.

В 1987 г. в результате исследования других памятников было случайно обнаружено одно кольцо афанасьевской культуры. Проведена разборка насыпи, зачищена и сфотографирована бровка, заложенная по линии З–В, обнажена ограда. Исследования были завершены только на следующий год. Все материалы раскопок представлены в отчете за 1988 г.

Высота земляной насыпи кургана – 0,6 м, диаметр ограды – 17 м, первоначальная высота не менее 1 м (рис. 162). Прослежены внешняя и внутренняя части ограды, отличающиеся техникой кладки. Внешнее кольцо из тонких хорошо подогнанных плит песчаника, уложенных горизонтально. Внутреннее сложено из рваного камня. Основное погребение (могила 1) расположено не в центре, а ближе к северной части. В восточной половине кольца, ближе к югу, в 1 м за стенкой ограды сложено малень-

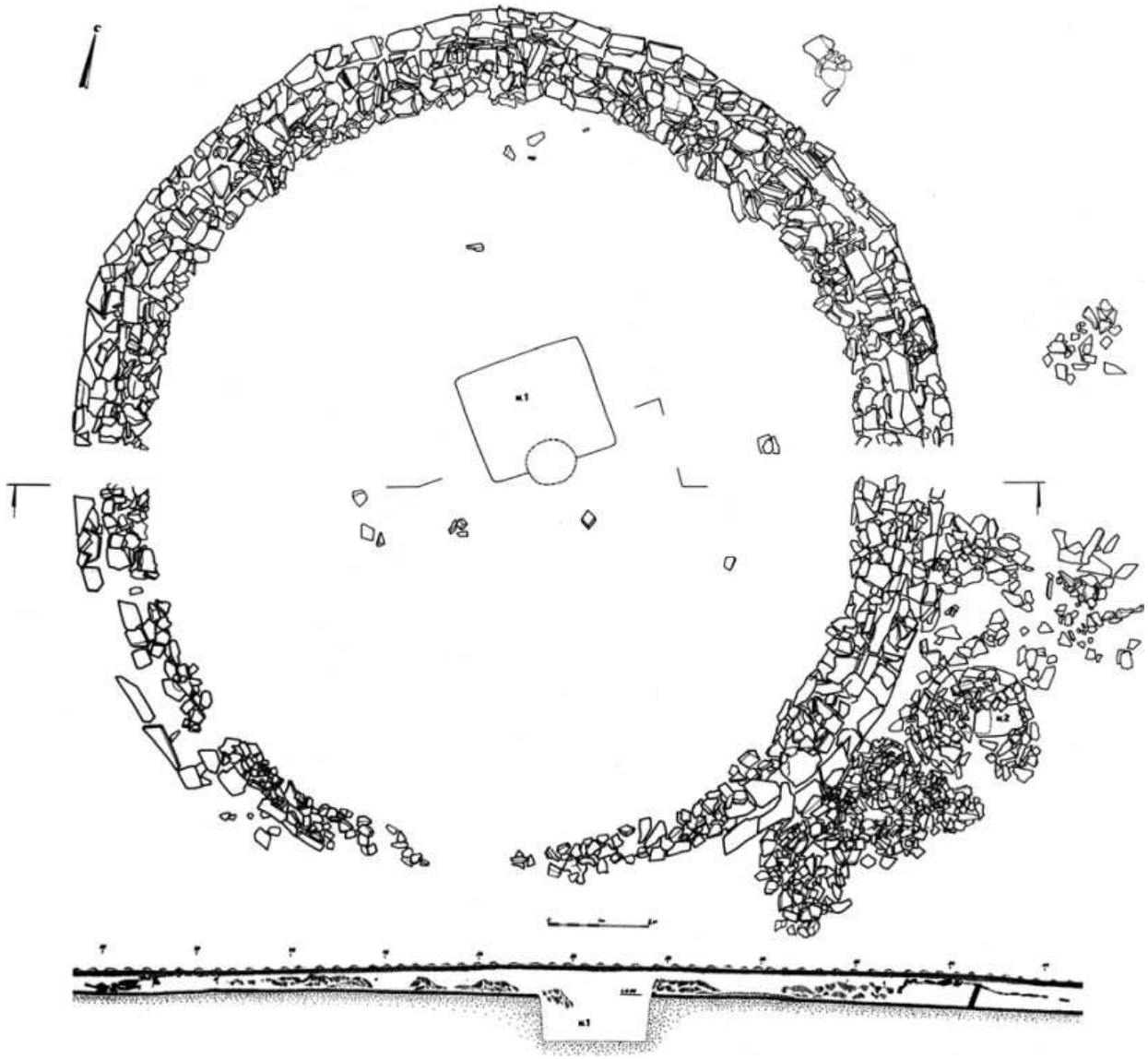

Рис. 162. Могильник Кок-Хая, курган 1

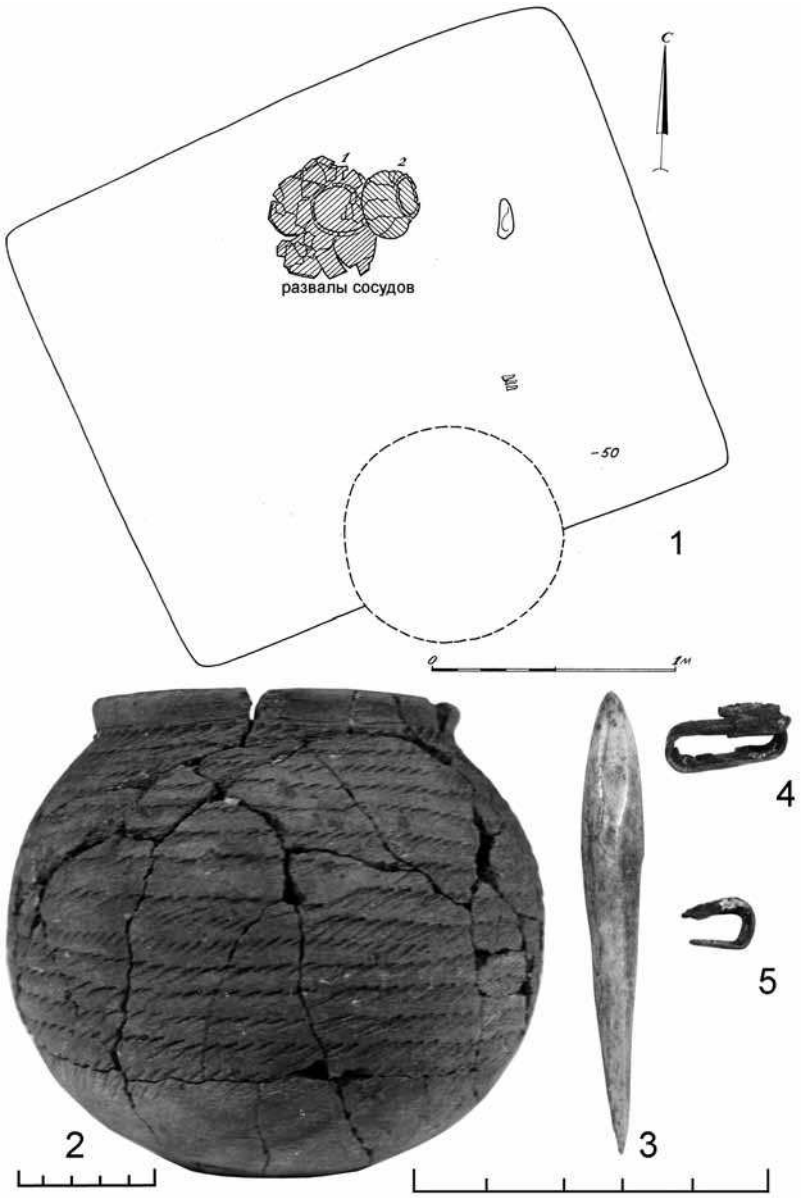

Рис. 163. Могильник Кок-Хая. Курган 1. Могила 1 (*1*) и некоторые, обнаруженные в ней артефакты: *2* – сосуд Б; *3* – «костяная стрела»; *4–5* – «бронзовые оковочки» (2 – керамика; 3 – кость; 4–5 – металл)

кое кольцо диаметром 2,5 м. Сохранилась кладка в 2–3 ряда, на высоту 0,1–0,2 м. В центре этого маленького кольца могила 2.

Могила 1. Размеры грунтовой ямы 2,3х2,1 м, глубина 1 м, ориентирована углами по сторонам света (рис. 163 -1). В заполнении небольшие фрагменты лиственничных бревен. В могиле кости мужчины 40–50 лет. На месте только стопа, позволяющая определить первоначальное положение погребенного, головой на ЮЗ. Остальные кости со следами зубов животного, в полном беспорядке смещены яму на южном борту могилы. В северной части на дне могилы 2 сосуда (удалось обнаружить изображение только одного – рис. 163 -2). Кроме того, в придонной части заполнения могилы найдены костяная стрела (скорее, проколка, – рис. 163 -3) и 2 «бронзовые», вероятнее все-таки медные, оковочки деревянных сосудов (рис. 163 -4–5).

Могила 2. Грунтовая яма 0,8х0,6 м, глубина 0,25 м. Ориентирована длинной осью по линии З–В. В заполнении несколько косточек новорожденного. Вещей нет.

Материалы не опубликованы. Местонахождение коллекций не известно.

Отчет: ИА, р-1, д. 13404, л. 2–3, илл. д. 13405; ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1988, д. 119, л. 2–3.

10. Куйбышево I, стоянка

Расположена на правобережной 6–7 м первой надпойменной террасе р. Джебаш, в 100–120 м к востоку от русла небольшого безымянного ручья, который впадает в р. Джебаш также с правой стороны (Аскизский район Республики Хакасия). Исследования стоянки проводились в 2008–2009 гг. отрядом Хакасской археологической экспедиции под руководством В.С. Зубкова. Общая площадь раскопа составила 100 кв. м.

В процессе работ выявлено два культурных слоя. В первом из них были зафиксированы немногочисленные фрагменты керамики афанасьевской (7 фрагментов) и окуневской (9 фрагментов) культур.

Материалы не опубликованы. Отчет сдан в профильное архивное учреждение (ИА РАН).

11. Ниня I, могильник

Курган располагался в междуречье рек Камыштa и Ниня (левые притоки р. Абакан), в 1,4 км к северо-востоку от поселка Камышта (Аскизский район Республики Хакасия). Один курган был исследован Г.А. Максименковым в 1973 г. Могильник расположен в 400 м к северу от памятника афанасьевской культуры Большое кольцо, рядом с раскопами А.Н. Липского курганов могильника Камышта I. По мнению Э.Н. Киргинекова, который проводил исследования афанасьевских памятников этой группы в 2008 г., могильники Ниня I и Камышта I представляют собой единый могильник, разделенный искусственно (Киргинеков, 2010б, с. 74).

Исследовано два кургана «для установления характера памятников и их времени». Г.А. Максименков посчитал, что они отличаются по внешнему виду от курганов могильника Камышта I. В результате раскопок выяснилось, что курганы разновременны. Каждому из них был присвоен свой номер. Курган афанасьевской культуры был назван Ниня I (в оригинале отчета Неня I), а тагарской – Ниня II.

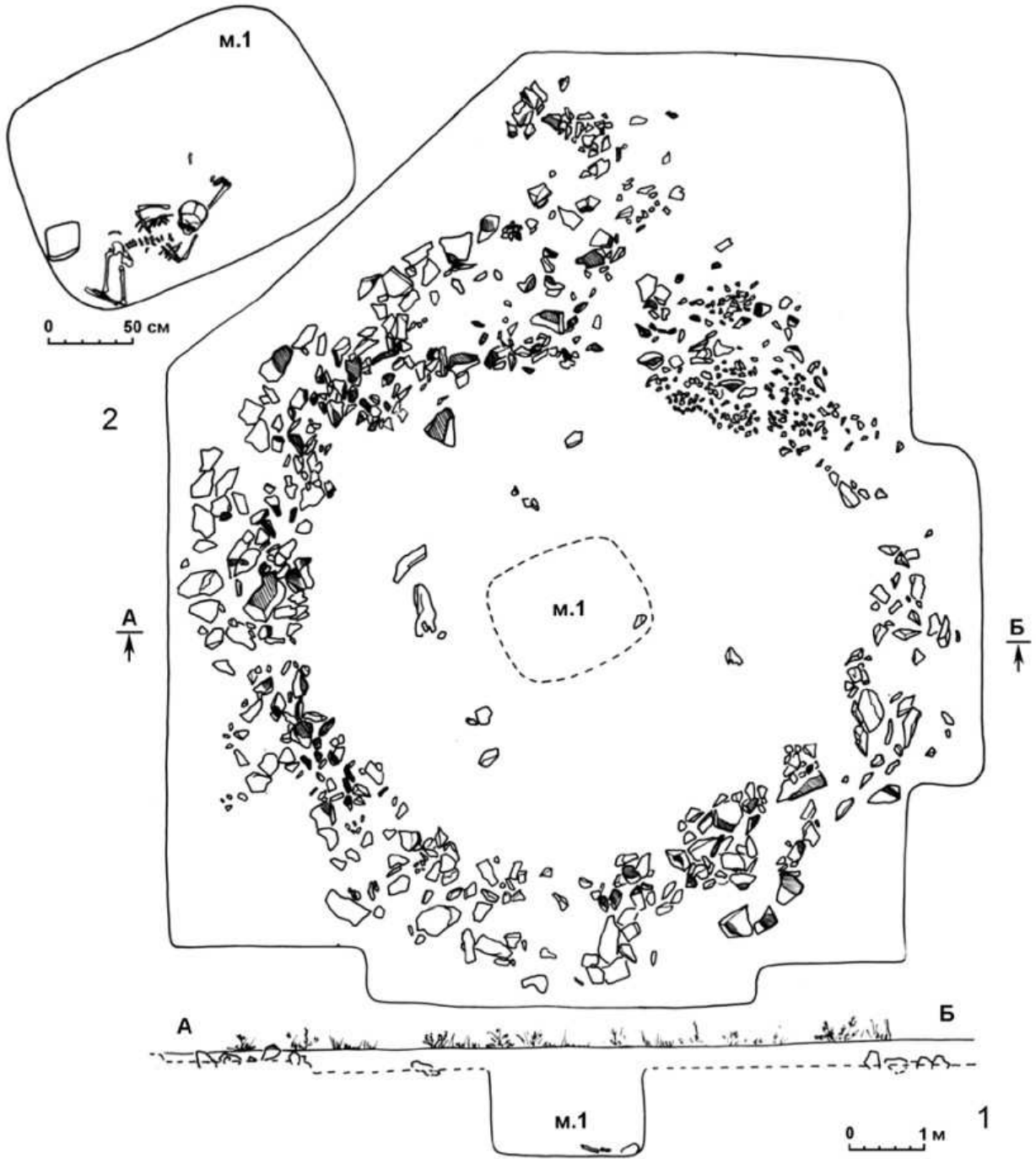

Рис. 164. Могильник Ниня I. Чертеж и разрез кургана (1) и план могилы 1 (2)

До раскопок были видны отдельные камни, образовывавшие круглую в плане оградку и развал плит в северной стороне кольца. После расчистки выявлено кольцо диаметром 10 м и шириной 1,5 м (рис. 164 -1). Внешний край образован более крупными и ровными камнями. В центре оградки встречаются отдельные камни.

Могила оформлена в виде четырехугольной грунтовой ямы размерами 250х150х100 см, ориентированной длинной осью по линии ЮЗ–СВ (рис. 164 -2). В заполнении встречались отдельные камни и куски сильно сгнившего дерева от покрытия могилы. В ней, у северной стенки, лежал скелет ребенка 8–9 лет. На спине, ноги согнуты в коленях, головой на ЮЗ (чертеж могилы, вероятно, перевернут на 180°, публикуется по отчету Г.А. Максименкова – костяк лежит у южной стенки и головой на СВ, что не характерно ни для афанасьевского, ни для окуневского погребального обрядов). На правой скуле следы охры. На дне могилы найдены разрозненные кости скелета женщины 40–50 лет. От нее сохранились: левые плечевая, лучевая, малая берцовая, две лопатки, ключица, отдельные позвонки и ребра. Артефактов в погребении не обнаружено.

Несмотря на отсутствие сопроводительного инвентаря, Г.А. Максименков совершенно справедливо отнес этот курган к памятникам афанасьевской культуры на основании особенностей погребальных конструкций (форма ограды, форма и размеры погребальной камеры, остатки надмогильного сооружения), и сделал вывод о том, что в основном (афанасьевском) погребении была похоронена женщина, а захоронение ребенка было впущено позднее, и датируется (на основании его позы) окуневской культурой. Завершает свой отчет Г.А. Максименков совершенно справедливым замечанием: «…однако доказать это невозможно».

Материалы не опубликованы.

Отчет: ИА, р-1, д. 5087, л. 6–7 и 5087 (а); ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1987, д. 52, л. 6–7.

12. Пистах, могильник

Расположен на р. Узунчул правом притоке р. Камышта, в 3 км ниже заброшенной д. Нижний Узунчул. Название дано по находящейся рядом горе Пистах. Памятник состоит из трех компактно расположенных курганов, исследованных М.Л. Подольским в 1993 г. (рис. 165). Два из них представляют собой традиционные для афанасьевской культуры ограды круглой формы с погребениями, содержащими сопроводительный инвентарь исключительно этой эпохи. При раскопках третьего кургана под сплошной каменной забутовкой были обнаружены две ограды (рис. 166 -2). Внешняя квадратная (10х10 м) частично из вертикальных плит, частично из валунов, и внутренняя круглая (диаметр около 9 м). Весь инвентарь, обнаруженный в этом кургане, датируется окуневским временем.

Курган 1 оформлен в виде двух кольцевых оград, расположенных вокруг одного центра, диаметром 15 и 6 м. Они сохранились только в южной части на высоту до 3 уровней кладки (0,4 м). Северная часть колец, вероятно, была уничтожена в окуневское время при перестройке кургана 3. Центральная могила содержала погребение двух человек: мужчины и женщины в возрасте 35–45 лет. В заполнении фрагменты трех сосудов (рис. 166 -2–4). Могила 2 содержала только кости ребенка 10–12 лет. Сопроводительный инвентарь не сохранился. В могиле 3 (не потревожена) обнаружен череп новорожденного, а рядом миниатюрный яйцевидный остродонный сосуд (рис. 166 -5).

Курган 2 расположен вплотную к кургану 1 с ВЮВ стороны (4 могилы). Его основу составляет ограда диаметром 8 м, к которой с четырех сторон были сделаны «пристройки». В одной из них с северо-запада расположена могила 3 – пустая грунтовая яма. Внутри кольца две ограбленные детские могилы (мог. 1 и 2), инвентарь не сохранился. В могиле 2 часть костей погребенного (ребенок 7 лет), положенного головой на юго-запад, находилась на дне. В могиле 4 за оградой находились останки новорожденного, головой на запад, и миниатюрный сосуд (рис. 166 -6).

Наибольший интерес представляет курган 3. Как уже было указано выше, в его основе прослежены две ограды разных типов. Автор раскопок не дает однозначного ответа о причинах подобного явления (Подольский, 1997, с. 116–117). Хотя в тексте статьи и выдвигается предположение о том, что вначале был сооружен афанасьевский курган, а затем в окуневское время он был перестроен и вокруг возведена вторая ограда. Даже предлагается термин – «впускной курган». Однако далее по тексту приводится целая серия соображений опровергающих такой взгляд на этот редкий комплекс. Причина такой осторожности понятна. Кроме ограды круглой формы никаких иных доказательств афанасьевской основы этого объекта в распоряжении М.Л. Подольского не было.

В 2010 г. полностью аналогичное сооружение было исследовано А.В. Поляковым: Итколь II, курган 14 (см. раздел в настоящем своде). Вокруг круглой ограды из плашмя положенных плит была возведена квадратная ограда, а на площади сооружения зафиксировано 10 могил, относящихся к окуневской культуре. Однако в отличие от могильника Пистах удалось обнаружить дополнительные признаки позволяющие считать, что в основе все-таки лежит сооружение афанасьевской культуры. В частности, под внутренней стенкой круглой ограды были собраны крупные фрагменты от одного афанасьевского сосуда, которые удалось частично склеить. Они явно были выброшены из центральной могилы в процессе ее переустройства. Кроме того, в двух случаях отмечено, что могилы окуневской культуры разрушают кольцевую ограду. Это было бы невозможно, если бы обе ограды возводились одновременно. Таким образом, и в случае кургана 3 могильника Пистах можно предполагать, что первоначально был сооружен курган афанасьевской культуры с круглой оградой, который позднее был перестроен окуневским населением для своих нужд.

Материалы опубликованы. Местонахождение коллекций не известно.

Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 113–122.

13. Сагай, могильник

Расположен на левом борту долины р. Абакан, в 8 км к СВ от поселка Аскиз (Аскизский район Республики Хакасия). В закрытой долинке, отделенной от русла р. Абакан невысоким увалом, протекал короткий пересыхающий ручей. Раскопки могильника вызваны строительством кошар Аскизского овцесовхоза. Всего зафиксировано 8 курганов, из которых 4 раскопано А.Н. Липским в 1956 г. Как указано в отчете, три кургана из числа раскопанных оказались разрушенными полностью, а один сохранился лишь частично, поэтому информация в отчете содержится только об этом последнем сооружении.

Он был сложен песчаниковым булыжником и имел круглую в плане форму, диаметром не более 8 м, и высотой до 0,4 м (рис. 167). Ограда была возведена из булыжника (сохранилось до 3–4 слоев) и облицована с внешней стороны вертикально вкопанными плитками песчаника. В центре прослежено

Рис. 165. План могильника Пистах.
По: Подольский, 1997, рис. 1

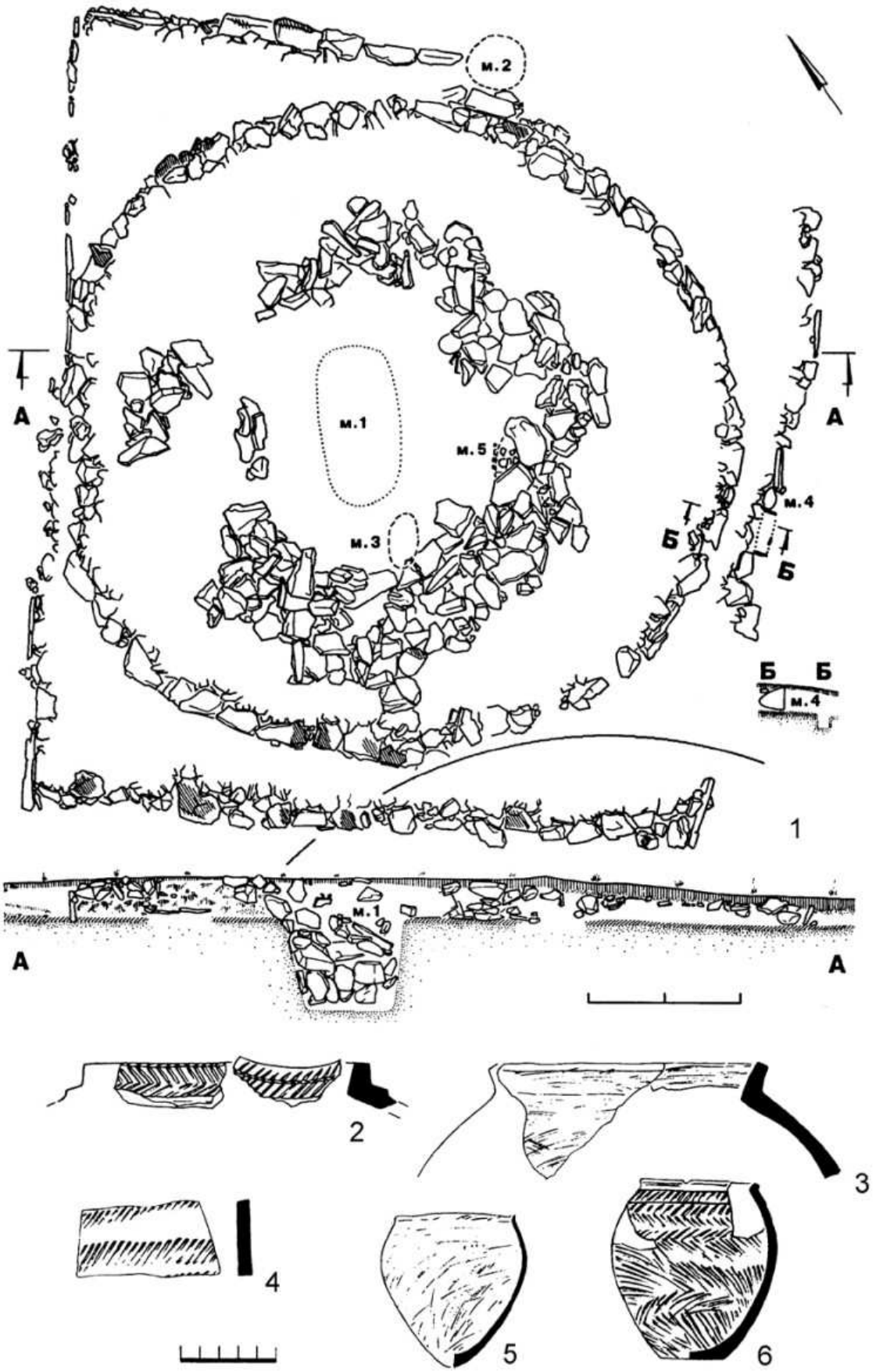

Рис. 166. Могильник Пистах: *1* – план и разрез кургана 3 после разборки каменного развала; *2–6* – керамика афанасьевской культуры из могильника Пистах. 2–4 – кург. 1, мог. 1; 5 – кург. 1, мог. 3; 6 – кург. 2, мог. 4. По: Подольский, 1997, рис. 2, 7

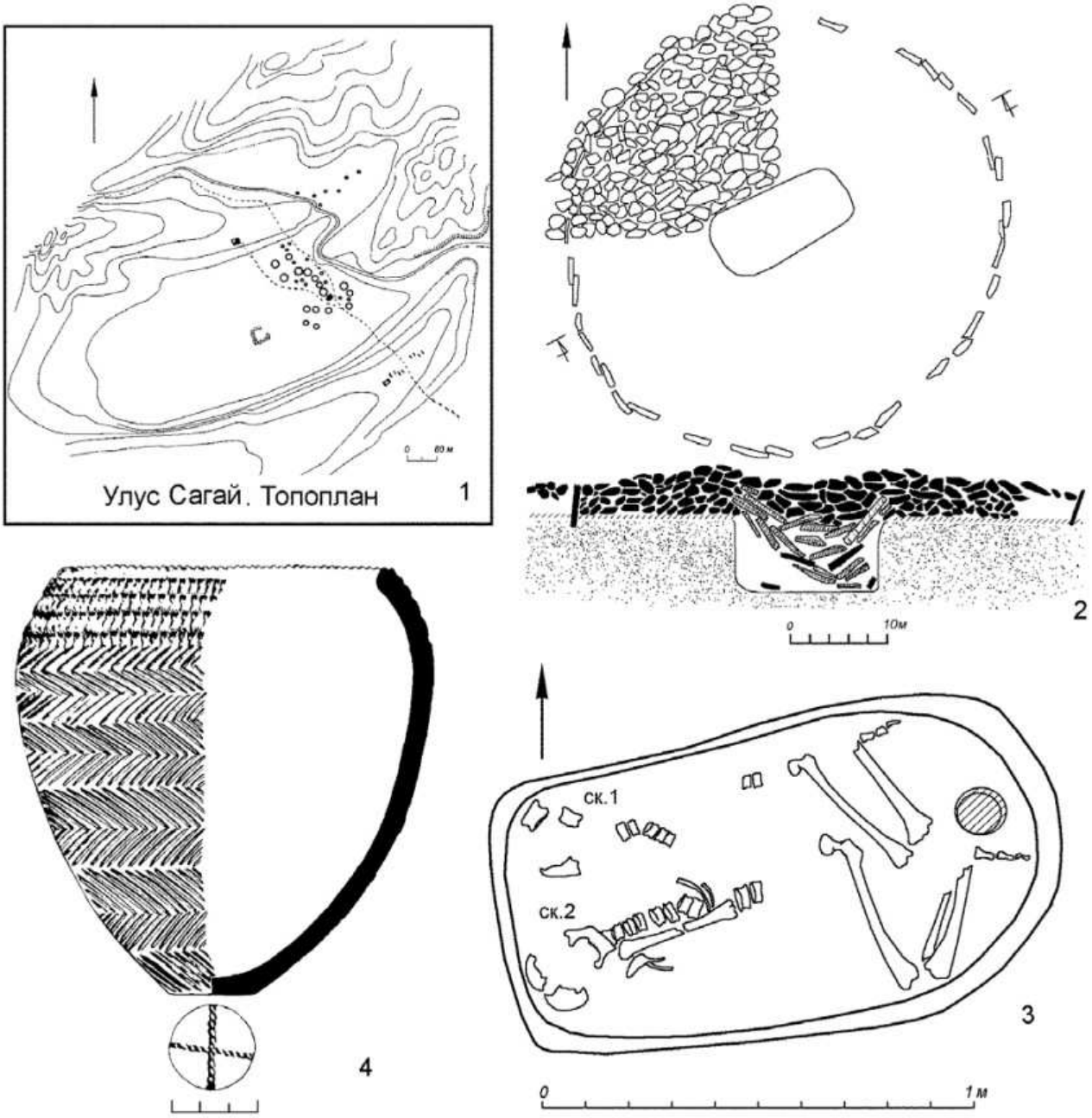

Рис. 167. Материалы могильника Сагай: *1* – план могильника; *2* – курган 1; *3* – погребение кургана 1; *4* – сосуд из кургана 1. По: Соколова, 2012, рис. 3

надмогильное сооружение, основание которого окаймляло по краю могилу, оформленную в виде прямоугольной грунтовой ямы размерами 1,5х0,9(0,8) м, и глубиной около 1,2 м, ориентированной длинной осью по линии ВСВ–ЗЮЗ. Могила была перекрыта продольным деревянным накатом из бревен, поверх которых были уложены крупные каменные плиты.

На дне погребения, в его юго-западом конце, обнаружены фрагменты двух черепов: пожилого мужчины и юноши или молодой женщины. Части посткраниального скелета также сохранились на своих первоначальных местах. На этом основании было определено, что погребенные были положены головой в ЗЮЗ направлении, на правом боку с согнутыми в коленях ногами. В ВСВ конце могилы лежал полностью орнаментированный раздавленный сосуд яйцевидной формы с небольшим уплощенным дном. Орнамент на шейке сосуда и плечах состоял из четырех валиков, покрытых оттисками фигурного штампа. На тулове девять рядов наклонных оттисков штампа, образующих вертикальный зигзаг. Особенно важно отметить, что на дне сосуда нанесен солярный символ в виде креста. Эта особенность показывает наличие в этот период серьезного влияния со стороны носителей окуневской культуры на население, оставившее афанасьевские памятники. Можно предположить, что этот могильник относится к самому финалу существования афанасьевской культуры на Среднем Енисее.

Все известные материалы опубликованы. Находки хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Отчет: ИА, р-1, д. 2119, л. 1–7.

Материалы по энеолиту Хакасии из архива А.Н. Липского (подготовлено к печати Л.А. Соколовой) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 210–224.

14. Све-Таг, грот

Расположен в 1,1 км к юго-западу от поселка Усть-Тунгужуль на правом берегу р. Белый Июс, в 0,4 км восточнее ее русла (Ширинский район Республики Хакасия). Название дано по одноименной горе, на юго-западном склоне которой находится грот. Памятник впервые выявлен в 1997 г. С.В. Александровым. В 1998 г. его исследования проводились отрядом археологической лаборатории Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова под руководством А.И. Готлиба.

Объект представляет собой скальный навес высотой 1,75 м и шириной 1,5–2 м (рис. 168). Вход под него со стороны реки перекрыт тремя большими обломками гранитной скалы, которые огораживают небольшой ровный участок, попасть на который можно только вдоль скальной стенки. Ширина северного входа на площадку грота 1,2 м, ширина южного входа 1,4 м. Археологические раскопки производились только внутри грота. Площадь раскопа составила 12 кв. м. Общие размеры внутренней площадки грота после раскопок: СЮ – 3,8 м, ЗВ – 3,1 м.

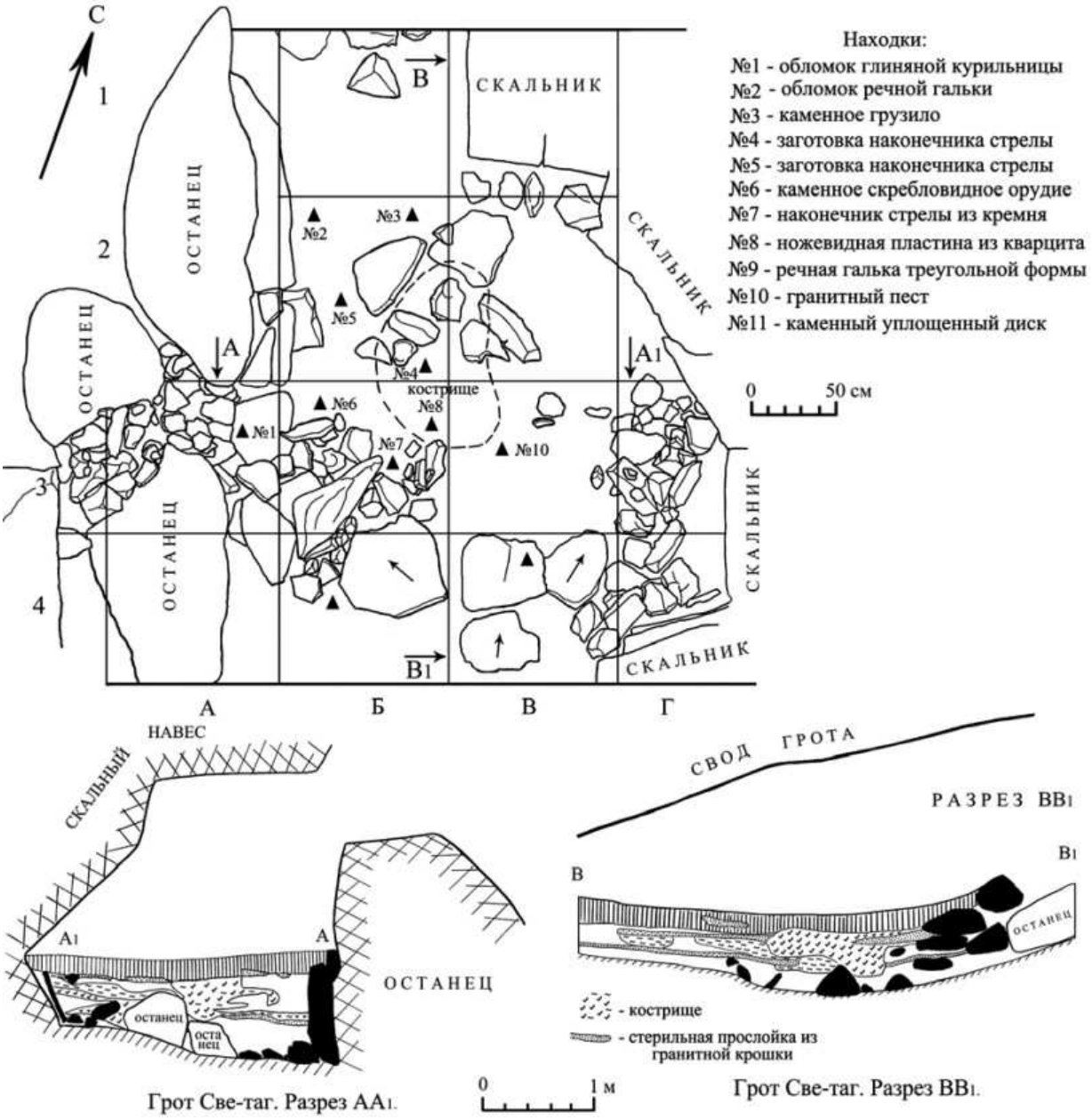

Рис. 168. План раскопа и разрезы АА1 и ВВ1 в гроте Све-таг. По: Готлиб, 2012, рис. 2–3

В результате проведенных исследований удалось выявить четко выраженную стратиграфическую последовательность залегания трех культурно-хронологических слоев, содержащих остатки жизнедеятельности человека. Мощность культурных слоев в центральной части площадки навеса достигала 1 м, по краям площадки – 0,3–0,4 м.

Самый поздний по времени образования верхний культурный слой №1 датируется ранним железным веком (тагаро-таштыкская эпоха). Его мощность – 0,2 м. В нем обнаружены десятки фрагментов неорнаментированной керамики от сосудов баночной формы с плоским дном. Ниже по всей площади раскопа внутри грота фиксируется стерильная прослойка из мелкой гранитной крошки без признаков культурного слоя, толщиной 3–4 см. Под этой стерильной прослойкой выявлен культурный слой №2, мощность которого колеблется в пределах 0,15–0,35 м. Он содержит многочисленные небольшие фрагменты керамики орнаментированной, преимущественно, оттисками зубчатого штампа. По сумме признаков эти материалы относятся к окуневской культуре.

Нижний культурный слой №3 грота Све-таг определяется афанасьевским временем. Он отделяется от предыдущего культурного слоя тонкой стерильной прослойкой из гранитной крошки (продуктом разложения скального карниза грота) толщиной до 2 см. Непотревоженные участки этого слоя лучше

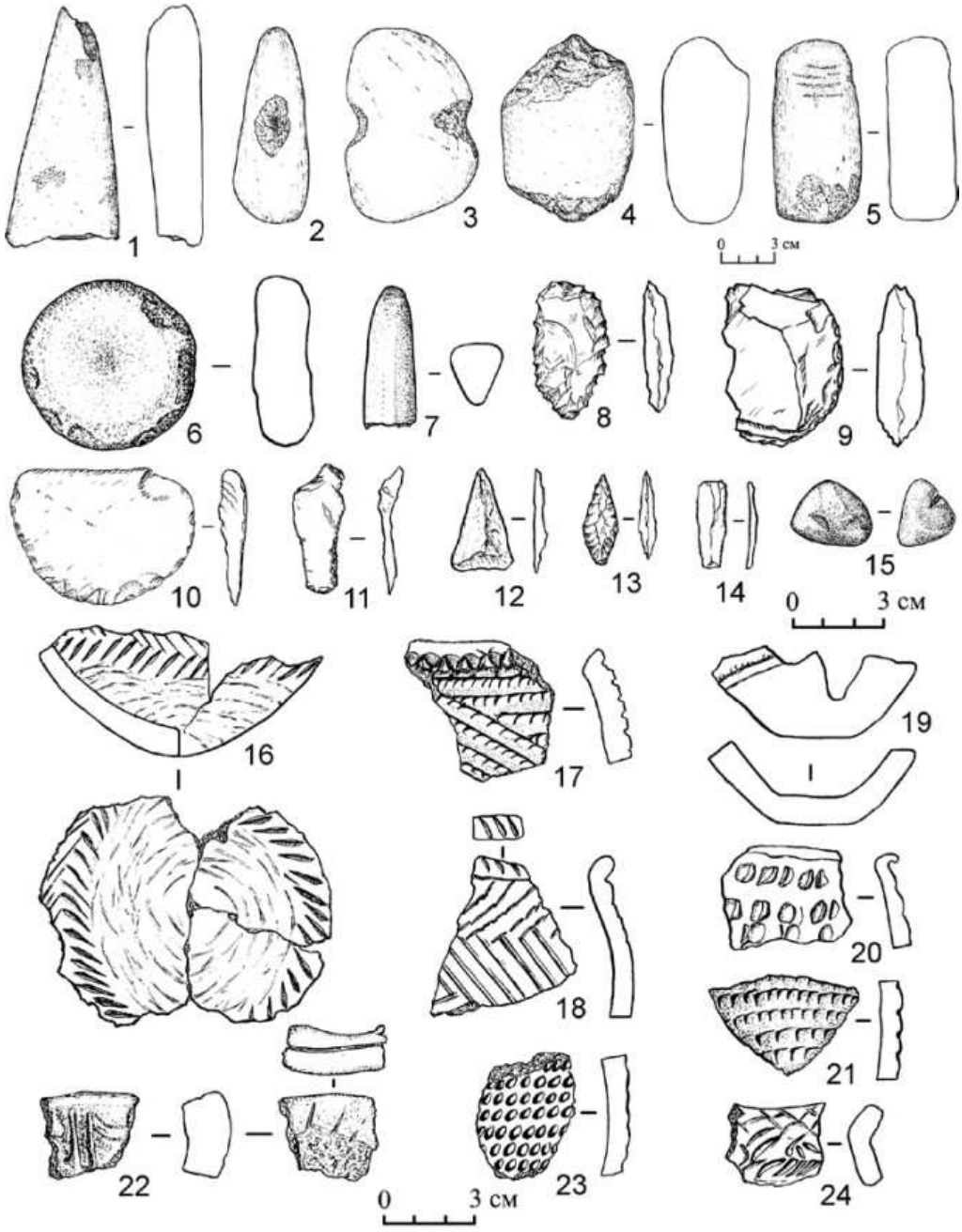

Рис. 169. Грот Све-таг. Инвентарь из культурного слоя афанасьевской эпохи:
1–15 – камень; *16–24* – керамика. По: Готлиб, 2012, рис. 4, 6–8

всего сохранились по краям площадки грота. Керамический комплекс культурного слоя №3 самый многочисленный. Всего найдено 303 фрагмента керамики афанасьевской культуры (рис. 169 -16–24). Из этого числа 280 орнаментированных фрагментов стенок сосудов, 13 фрагментов венчика, 10 обломков от донной части сосудов. Характерной деталью оформления керамики является наличие следов заглаживания в виде расчесов с внутренней стороны фрагментов. Венчики сосудов отогнуты наружу и в некоторых случаях по срезу орнаментированы. Донца сосудов – конусовидные с небольшим уплощением. Орнаменты традиционны для афанасьевского времени: это ряды косых оттисков гладкого штампа, расположенных елочкой, оттиски зубчатого штампа, декорирование поверхности защипами. В коллекции афанасьевской керамики из грота Све-таг выделяется не менее 6 сосудов, хотя, видимо, их было больше.

В культурном слое №3 встречено 54 целых речных гальки и 297 необработанных обломков речного камня в большинстве случаев, имеющие следы закопченности, что свидетельствует о сильном воздействии огня. Предметный инвентарь, датируемый афанасьевским временем, представлен целой серией артефактов. Среди них следует отметить грузило из речной гальки с выемками по краям (рис. 169 -3), каменное скребловидное орудие, кремневый наконечник стрелы и две заготовки аналогичных изделий, ножевидную пластину из кварцита (рис. 169 -3, 8, 10–13).

Обращает внимание почти полное отсутствие обломков костей животных в слое №3. Найдено всего 60 обломков мелких, частично кальцинированных, костей.

Этот памятник следует особо выделить из числа поселенческих объектов афанасьевской культуры на Среднем Енисее. Во-первых, это пока первый и единственный грот, где зафиксированы материалы этого времени. Во-вторых, это один из двух памятников, наряду со стоянкой Тоора-Даш, где прослежена четкая стратиграфия залегания слоев, оставленных афанасьевским и окуневским населением. В большинстве случаев, например, Итколь III, Гляден, материалы двух культур находятся в едином слое. Здесь же наблюдается стерильная прослойка, которая их разделяет.

Готлиб А.И. Грот Све-Таг – археологический комплекс афанасьевской эпохи на севере Хакасии // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 103–112.

15. Тас-Хазаа, одиночный курган

Курган расположен на второй надпойменной террасе правого берега р. Абакан, в 8 км к северо-востоку от улуса Чаптыков, напротив устья р. Камышта (Бейский район Республики Хакасия). Исследован полностью А.Н. Липским в 1957 г. Раскопано 15 погребений, однако информация сохранилась только о 6 из них.

На данный момент, у большинства исследователей не вызывает сомнения принадлежность этого кургана к окуневской культуре. Более того, можно констатировать, что по сумме признаков он относится к раннему «уйбатскому» этапу культуры, выделенному И.П. Лазаретовым (Лазаретов, 1997). На это указывают, как элементы конструкций кургана (ярусные грунтовые могилы), так и содержащийся в погребениях инвентарь (характерные типы сосудов, ножи с черешковым насадом). При этом в трех могилах (мог. 1, 2 и 4), по сведениям А.Н. Липского, находились сосуды, безусловно относящиеся к кругу афанасьевских древностей (рис. 170). Конструкции этих могил, положение тел погребенных и весь остальной сопроводительный инвентарь, а также многочисленные изображения на плитах, происходящих из этих погребений, имеют исключительно окуневский облик. На этом фоне представленные сосуды выглядят совершенно инородно и, еще с момента их обнаружения, вызывают пристальный интерес исследователей.

Именно на основе серии памятников раскопанных А.Н. Липским, в том числе и кургана Тас Хазаа, был поставлен и продолжает дискутироваться вопрос о продолжительном синхронном проживании на одной территории представителей афанасьевской и окуневской культур (Соколова, 2007). Для сторонников данной гипотезы этот памятник является важнейшим доказательным звеном. Его уникальность заключается в том, что наряду с могильником Карасук VIII (Комарова, 1981), где найдены только фрагменты одного сосуда, этот курган демонстрирует ситуацию, когда афанасьевские материалы обнаружены в кургане окуневской культуры. Во всех остальных случаях направление связей обратное: окуневские материалы исследователи фиксируют при раскопках курганов афанасьевской культуры. В 95% случаев это точно определенные впускные окуневские погребения, относительно более поздний характер которых не вызывает сомнения, и они не могут использоваться в качестве доказательства продолжительного сосуществования двух культур.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что обнаружение афанасьевских сосудов в погребениях окуневской культуры кургана Тас Хазаа остается уникальным, единственным в своем роде явлением, не считая весьма спорного случая в кургане Карасук VIII. На мой взгляд, пока не будет документально зафиксированы еще подобные случаи, не стоит на этой основе строить далеко идущие выводы. В статье Э.Б. Вадецкой хорошо отражено насколько сложным и противоречивым документом является отчет А.Н. Липского. К сожалению, методический уровень проведения исследования, а главное фиксации полученных результатов крайне невысок, даже для 1957 г. Один факт, что из 15 могил, которые были раскопаны, в отчет внесена информация только о 6 погребениях, говорит нам очень о многом.

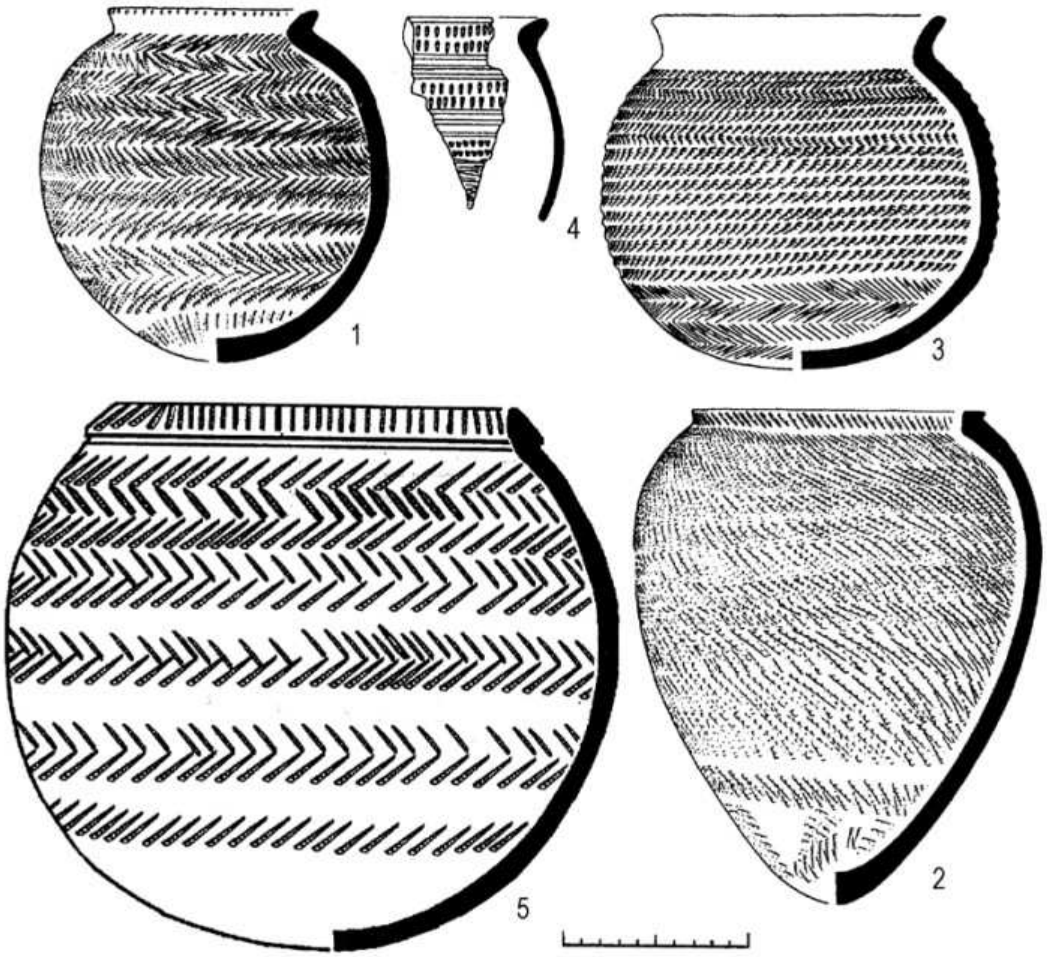

Рис. 170. Керамика афанасьевской культуры из погребений кургана Тас Хазаа:
1 – мог. 1; *2* – мог. 4, нижнее погребение; *3* – мог. 2, погр. 3; *4* – мог. 2, погр. 2;
5 – мог. 2, погр. 5. По: Липский, Вадецкая, 2006а, табл. XII

Все известные материалы опубликованы. Находки хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Отчет: ИА, р-1, д. 1476.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2. СПб., 2006б. С. 9–52.

16. Узунчул-33, могильник

Охранные раскопки могильника Узунчул-33 (авторы раскопок А.И. Готлиб, В.С. Зубков) производились в 1993 г. по хоздоговору с золотодобывающей артелью «Сибирь». Памятник расположен в Аскизском районе республики Хакасия, на высоком террасовидном правом берегу рч. Узунчул, в 350 м от заброшенного улуса Нижний Узунчул и в 60 м от русла ручья. До раскопок визуально фиксировался 21 курган, большинство из которых относится к тагарской культуре.

Исследования производились в северо-восточной части могильника. Раскапывался курган №1 (размеры каменной ограды 15х15 м). Курган датируется сарагашенским этапом тагарской культуры. На территории кургана №1 в процессе работ на уровне погребенной почвы было выявлено два кургана афанасьевской эпохи (каменные кольца курганов №2 и 11). Всего на северном участке, прилегающем к ограде кургана №1 выявлено еще 8 курганов, представляющих собой каменные кольца (курганы №4–10 – афанасьевская культура) и 1 каменная прямоугольная ограда №3, датируемая окуневской культурой).

Было исследовано 8 курганов афанасьевской культуры. Ограды в виде колец диаметром от 4,5 до 11 м. В центре, обычно, одна могила. Только в кургане №6 было две могилы. Все погребения сильно разграблены. В погребениях из шести курганов находок обнаружено не было. Находки сделаны только в курганах №5 и №6. Всего в трех могилах обнаружены 1 целый сосуд и фрагменты еще от трех, все яйцевидной формы.

Материалы не опубликованы.

Отчет: ИА, р-1, д. 18176, л. 1–146.

17. Устанах, све

Горная крепость (све) Устанах расположена на вершине одноименной горы в верховьях рч. Устанах, левого притока р. Немир, в 5 км к ЮЗ от улуса Аххол. Эта гора является господствующей вершиной горной системы Агдым, ее высота не менее 155 м. Све расположено на скальном утесе высотой не менее 10 м (рис. 171 -1). С севера крутой склон поросший лесом отгорожен сетью защитных стен сложенных из камня. Дата постройки стен точно не установлена. Исследования этого памятника проводились А.И. Готлибом в 1991, 1994–1995 гг. На нем заложено 3 раскопа общей площадью 158 кв. м. Почти 90% всех обнаруженных артефактов датируется каменноложским этапом карасукской культуры. Однако, кроме того в раскопе №1 представлены материалы афанасьевской и окуневской культур.

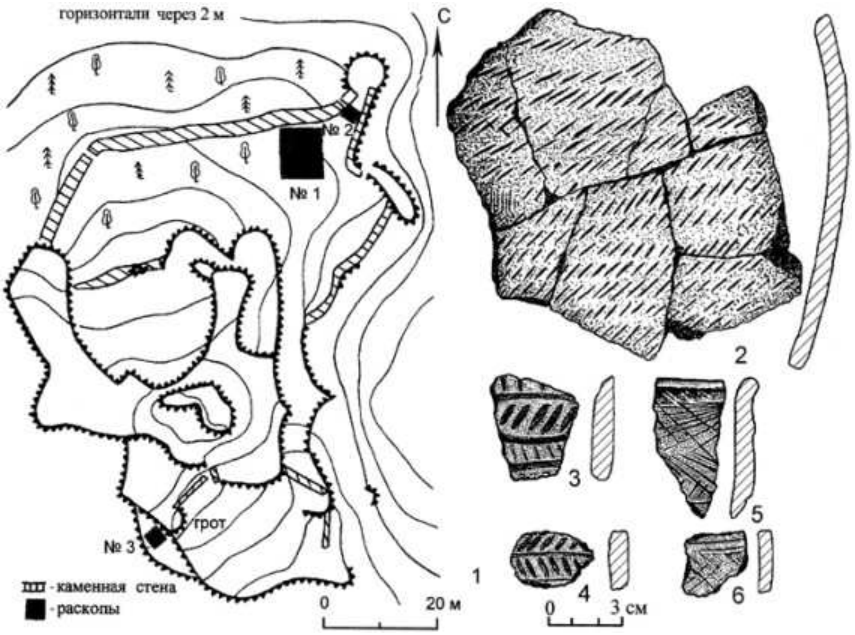

Рис. 171. План све Устанах (1) и фрагменты керамики афанасьевской культуры (2–6), обнаруженные при ее исследовании.
По: Готлиб, Подольский, 2008, рис. 61, 64

К афанасьевской культуре относятся 29 обнаруженных фрагментов керамики (рис. 171 -2–6). Они встречались по всей площади раскопа за исключением каменного сооружения. Фрагменты крупные с четкими сломами. Они представляют обломки не менее трех сосудов.

Сосуд 1. Найдено 16 обломков стенок. Это большой сосуд типа круглодонной афанасьевской корчаги. Внешняя поверхность орнаментирована рядами косых оттисков гладкого штампа.

Сосуд 2. Сохранилось 11 небольших фрагментов. Сосуд орнаментирован рядами оттисков зубчатого штампа, расположенных елочкой. Ряды разделяются горизонтальными прочерченными линиями.

Сосуд 3. Найдены фрагмент венчика и фрагмент стенки. Венчик с прямым срезом, слегка отогнут наружу. Сосуд орнаментирован длинными перекрещивающимися наклонными линиями.

К сожалению, каменный инвентарь датируемый эпохами энеолита и ранней бронзы не может быть разделен и с одинаковым успехом может относиться как к афанасьевской, так и к окуневской культуре.

Необходимо отметить, что, не смотря на значительное число исследованных горных крепостей (десять объектов), это единственный памятник такого типа, где отмечена керамика афанасьевской культуры. В остальных случаях наиболее ранний хронологический горизонт све относится к окуневскому времени. Скорее всего, появление материалов афанасьевской культуры в слоях све случайное явление, и ожидать в дальнейшем увеличения числа подобных находок не стоит.

Все известные материалы опубликованы.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб., 2008. С. 89–101.

18. Узун-Харых, могильник

Расположен на правом берегу р. Туим, в 7 км к Ю от станции Шира, возле самого полотна автодороги Шира-Туим в Ширинском районе Республики Хакасия. Памятник насчитывает 12 курганов, из которых афанасьевской культурой датируются 5 объектов (№8–12). В 1986 г. И.Л. Кызласовым проведено исследование кургана №8.

Курган №8 представлял собой сильно оплывший округлый земляной курган, в полах которого угадывалось каменное кольцо. Сохранившаяся высота насыпи 0,25 м. После расчистки ограды были установлены ее размеры. Диметр ограды 9,6–9,9 м, ширина кольца из рваных обломков плит 1,2–1,8 м. В основании уложены крупные камни подпрямоугольной формы. В процессе снятия насыпи обнаружены фрагменты сосудов, каменный терочник и галечный отбойник, а также кости животных.

При строительстве этого сооружения внутри ограды был выкопан котлован диаметром около 6 м и глубиной до 0,48 м (снят дерн и часть материкового грунта) по краю которого шла ступенька. В центре котлована находилась прямоугольная могильная яма размерами 346х255 см, вытянутая по линии СВ–ЮЗ. Сохранились части продольного бревенчатого перекрытия. Зафиксировано два погребения. Одно из них (погребение II) располагалось на дне могилы. От него сохранилась нижняя часть костяка,

лежавшего в скорченном положении на правом боку, головой в западном направлении. Оно сопровождалось развалом сосуда. Второе погребение в виде разрозненных костей почти полного скелета старого мужчины (погребение I) располагалось на 0,4 м выше и под ним были зафиксированы фрагменты дерева. Автор раскопок полагает, что оно находилось на перекрытии могилы. Связанного с ним сопроводительного инвентаря нет. Кроме того, в заполнении могилы обнаружена медная пластинка со шпеньками. Вероятно, это обкладка деревянного сосуда, которые довольно часто встречаются в погребениях афанасьевской культуры.

В связи с этим памятником обращают на себя внимание два принципиальных момента. Во-первых, наличие котлована внутри ограды, опущенного на глубину почти полуметра от уровня древнего горизонта. Единственное упоминание о подобных конструкциях отмечено только в отчетах А.Н. Липского о раскопках могильника Бельтыры. Однако в дальнейшем, под влиянием М.П. Грязнова, он от описания этих котлованов отказался и в публикации их не упоминал. Обнаружение котлована в могильнике Узун-Харых позволяет по-новому взглянуть на этот вопрос и заново пересмотреть материалы раскопок могильника Бельтыры. Возможно, мы действительно имеем дело с крайне редкой конструктивной особенностью.

Во-вторых, интерес вызывает погребение II, совершенное, предположительно, на перекрытии могилы. Такая традиция характерна для захоронений уйбатского этапа окуневской культуры, но не известна среди памятников афанасьевского времени. Единственное исключение – это афанасьевские курганы с впускными окуневскими погребениями. К сожалению, в погребении II могильника Узун-Харых не сохранилось изначального положения костяка и не обнаружен сопроводительный инвентарь. Таким образом, невозможно установить его культурную привязку. Нельзя исключать вариант, что оно тоже датируется окуневским временем.

Материалы не опубликованы.

Отчет: ИА, р-1, д. 12650, л. 3–4, 30–32.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Раскопки в горах Хакасии // Археологические открытия 1986 года. М., 1988. С. 242–243.

19. Уйбат-Хулган, могильник

Расположен на левой надпойменной террасе р. Уйбат, в 300 м к СВ от горы Хулган и в 150 м к СВ от железной дороги Абакан-Ачинск (370 км) в Усть-Абаканском районе Республики Хакасия, примерно на 8 км дороги от станции Усть-Бюрь к станции Уйбат. Всего на памятнике зафиксировано 5 курганов. Исследования проводились Л.Р. Кызласовым в 1958 и 1972 гг. на трех из них. К афанасьевской культуре относится только курган №1, раскопанный в 1958 г. Курган №2 датируется окуневской культурой. Насыпь, которая исследовалась в 1972 г. (курган №3), по мнению автора раскопок, оказалась жертвенным местом, связанным с курганом №1, где тоже представлены материалы афанасьевской культуры.

Курган №1 на момент раскопок представлял собой овальную каменно-земляную насыпь размерами 13х11 м и высотой до 0,45 м (рис. 172 -1). Как было установлено в результате дополнительных исследований в 1972 г., окружала насыпь ограда из горизонтально положенных плит, диаметром 15,6 м, сохранившаяся на высоту 3–4 слоев. В большую афанасьевскую яму (3,05х2,45 м, глубина 0,9 м) было впущено несколько погребений окуневской культуры (рис. 172 -2). Причем, судя по находящимся в могиле материалам, подзахоронения производились, как в могилу, так и в ее заполнение, уже после того, как она была частично засыпана. В связи с этим практически невозможно уверенно связывать какие-либо костные останки с первоначальным погребением. Наиболее вероятно, что к афанасьевскому времени относятся остатки костяков №5 и 6, полностью перемещенные. Скелет №4, скорее всего, следует относить к окуневской культуре. На это указывают размещение тела в могиле (вплотную у восточной стенки), поза погребенного на спине коленями вверх и сама целостность костяка. Расположение рядом развалов двух афанасьевских сосудов явление случайное. Эти сосуды были установлены в ногах в восточной части могилы, а основное афанасьевское погребение было сделано в ее западной части.

Афанасьевским временем датируется только часть обнаруженного сопроводительного инвентаря (рис. 173). Это два развала сосудов возле восточной стенки (рис. 173 -1, 2) и фрагменты еще одного сосуда в заполнении могилы (рис. 173 -3). Возможно, к афанасьевской культуре относится находка костяного острия, расположенного у южной стенки могилы (рис. 173 -4). Крайне интересная ситуация связана с находкой в заполнении могилы бритвы, сделанной из медной накладки с пуансонным орнаментом (рис. 173 -5). Подобные накладки на деревянные сосуды – распространенный инвентарь афанасьевских погребений, встречаются и довольно крупные экземпляры (могильник Итколь II, к. 23, м. 1). Однако переделка подобной накладки в бритву, явление уникальное, так как кардинально меняет суть назначения предмета. Можно предположить, что накладка была добыта при ограблении афанасьевской могилы представителями окуневской культуры, а затем, после переделки, уже как сопроводительный

инвентарь попала во впускное окуневское погребение. Остальной инвентарь могилы датируется либо окуневским временем, либо может быть отнесен к обеим культурам с равной степенью вероятности (костяные проколка и орудие).

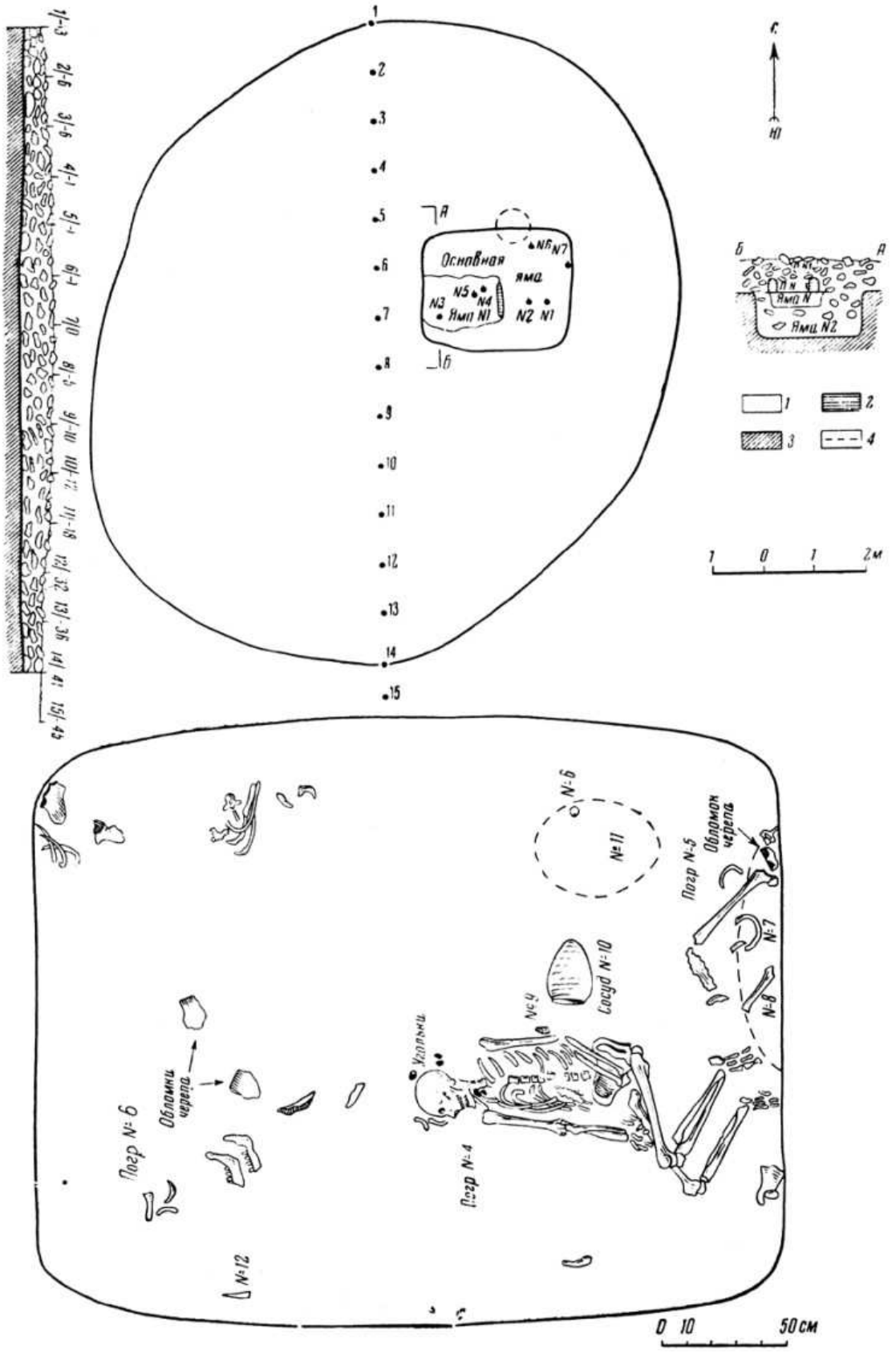

Рис. 172. Могильник Уйбат-Хулган, курган 1 (1)
и центральное погребение (2). По: Кызласов, 1962, рис. 1, 5

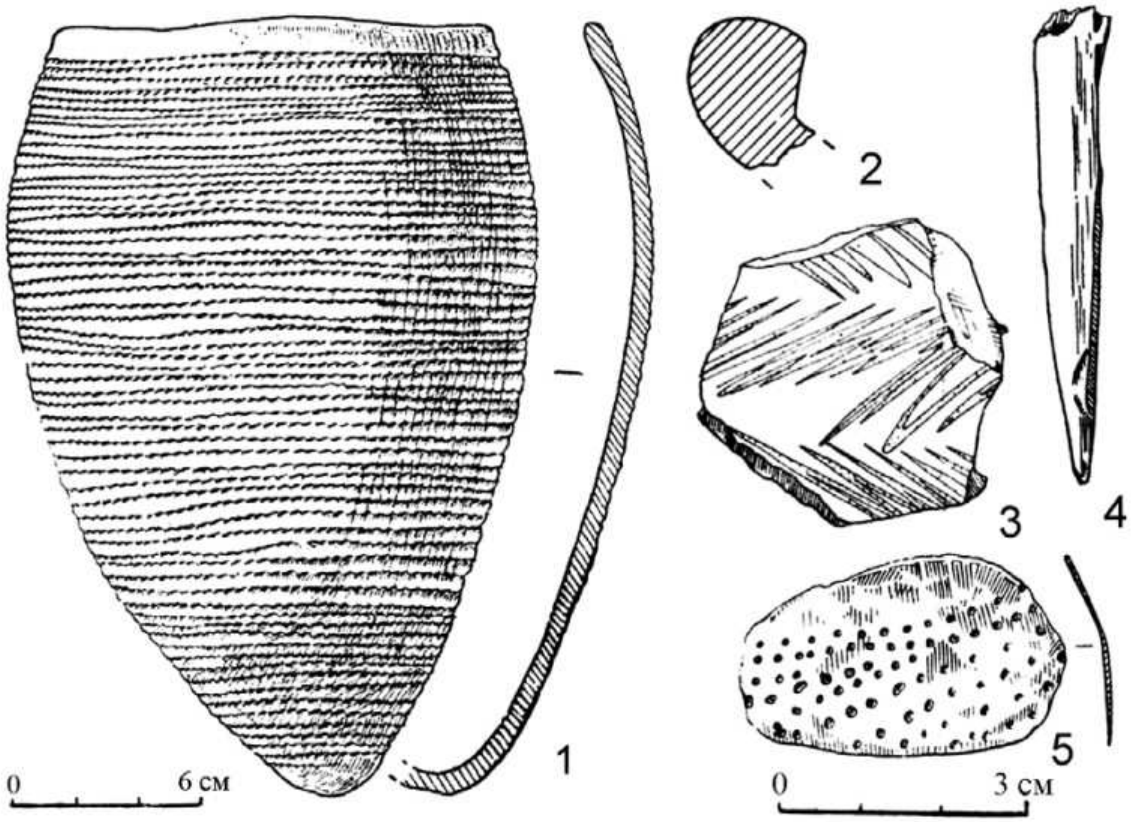

Рис. 173. Могильник Уйбат-Хулган. Материалы афанасьевской культуры из кургана 1.
По: Кызласов, 1962, рис. 3; 4; 6

Погребения №2 и 3 были сделаны значительно позднее, в заполнении основной могилы, фактически с уровня древнего горизонта. Они тоже могут быть достоверно датированы окуневской культурой на основании положения тела погребенного и сопроводительного инвентаря (баночный сосуд, игольник из трубчатой кости, просверленная полированная бусина). Погребение №1, совершенное в насыпи кургана, не содержало артефактов и потому не может быть точно датировано.

К востоку от этого кургана вскрыта площадка, которая первоначально была принята автором раскопок за самостоятельный курган. Однако в процессе работ погребального сооружения не выявлено, но зафиксированы многочисленные находки, в том числе и фрагменты керамики афанасьевского облика. На вскрытой площади были обнаружены 4 небольшие грунтовые ямки, в двух из которых находились миниатюрные афанасьевские сосуды, и еще в одной фрагмент сосуда этого же времени. Автор раскопок интерпретировал их как жертвенное место, однако более поздние раскопки показали, что с восточной стороны от афанасьевских курганов часто расположены детские и младенческие грунтовые погребения, в которых чаще всего кости не сохраняются, а единственный инвентарь миниатюрные сосуды.

Материалы опубликованы. Находки хранятся в Московском государственном университете.

Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. №2. С. 210–224.

20. Усть-Кюг, стоянка

Расположена на террасе левого берега р. Аскиз, в 150 м выше места впадения в нее рч. Кюг, в 2,3 км к СЗ от поселка Болганов (Аскизский район Республики Хакасия). В 2000 г. С.В. Александровым проводилось обследование этого участка в связи с сообщениями об обнаружении керамики афанасьевской культуры в устье рч. Кюг.

Была сделана только зачистка обрывистого берега террасы протяженностью 3 м, на глубину до 2 м. В результате была выявлена довольно сложная стратиграфическая колонка, состоящая из 23 различных слоев и прослоек. Обнаружены 6 фрагментов керамики, относящиеся к слою №11 (гумусированный темно-серого цвета мощностью 0,03–0,05 м). Он залегает строго горизонтально на глубине примерно 0,8 м от современной дневной поверхности.

Пять фрагментов из шести однотипны. Внешняя сторона красно-коричневого цвета, внутренняя серого цвета, излом серый. Внешняя и внутренняя поверхность керамики покрыты грубыми расчесами. Толщина черепков 0,8–1,0 см. Вероятно, все они представляют собой фрагменты стенки одного большого толстостенного сосуда. Шестой фрагмент керамики светло-коричневого цвета, с внешней

стороны украшен сплошными горизонтальными уступами, сделанными при помощи мелкого косого штампа. Толщина черепка 0,5 см. Все шесть фрагментов керамики по характерным признакам отнесены автором раскопок к афанасьевской культуре.

Материалы не опубликованы.

Отчет: архив ИА, р-1, д. 24025, л. 1–23.

21. Читыгол I, стоянка

Располагается в устье лога Читыгол, на северном борту древнего конуса выноса на отметках 13–14 м выше уреза воды р. Большая Есь, в ее верхнем течении, в 3 км к северо-западу от улуса Тюртас, примерно в 70–80 м от реки (Аскизский район Республики Хакасия). В этом месте к речке выходит обширный лог, названный по-хакасски «Читыгол» («Седьмой лог»). Стоянка выявлена в 2001 г. археологическим отрядом Лаборатории археологии НИЧ ХГУ им.Н.Ф. Катанова под руководством В.С. Зубкова.

Работы на объекте В.С. Зубковым проводились в 2002 г., раскоп 1 – 16 кв. м, и в 2006 г., раскоп 2 – 100 кв. м. С учетом заложенных в 2001 г. 3-х шурфов, общая площадь, вскрытая на памятнике, составила 124 кв. м. Выявлено 2 культурных слоя, содержащих археологические артефакты. Во втором слое (нижнем) среди прочих археологических материалов зафиксировано 4 фрагмента керамики афанасьевско-окуневского облика.

Материалы не опубликованы. Отчет сдан в профильное архивное учреждение (ИА РАН).

22. Читыгол II, стоянка

Располагается в устье лога Читыгол на пологом южном борту древнего конуса выноса на отметках 8–10 м выше уреза воды р. Большая Есь, в ее верхнем течении, в 3 км к северо-западу от улуса Тюртас, примерно в 90–100 м от стоянки Читыгол I (Аскизский район Республики Хакасия). В этом месте к речке выходит обширный лог, названный по-хакасски «Читыгол» («Седьмой лог»). Стоянка выявлена в 2001 г. археологическим отрядом Лаборатории археологии НИЧ ХГУ им. Н.Ф. Катанова под руководством В.С. Зубкова.

Работы на объекте В.С. Зубковым проводились в 2005 г. и в 2006 г. единым раскопом общей площадью 120 кв. м. Выявлено 3 культурных слоя, содержащих археологические артефакты. Во втором слое (среднем) обнаружены фрагменты керамики, принадлежащие, вероятно, двум сосудам: керамика с оттисками параллельных штрихов на внешней и внутренней поверхности стенок сосуда, полученных в процессе заглаживания этой поверхности. По внешней поверхности сосуда нанесен орнамент в виде наклонных вдавлений мелкозубчатым штампом и параллельно прочерченными линиями. Толщина стенок сосуда 0,6–0,7 см. Эта керамика типична для афанасьевской археологической культуры энеолита Хакасско-Минусинской котловины. Венчик слегка отогнут наружу. Общее число фрагментов 142. В этом же слое обнаружена керамика окуневской культуры – 19 фрагментов от 1–2 сосудов.

Материалы не опубликованы. Отчет сдан в профильное архивное учреждение (ИА РАН).

23. Читыгол III, стоянка

Стоянка расположена на 5–6 м первой надпойменной террасе левого берега р. Большая Есь, в 60–70 м к юго-западу от стоянки Читыгол II, напротив одноименного лога, в ее верхнем течении в 3 км к северо-западу от улуса Тюртас (Аскизский район Республики Хакасия). В этом месте к речке выходит обширный лог, названный по-хакасски «Читыгол» («Седьмой лог»). Стоянка выявлена в 2001 г. археологическим отрядом Лаборатории археологии НИЧ ХГУ им. Н.Ф. Катанова под руководством В.С. Зубкова.

Работы на объекте В.С. Зубковым проводились в 2002–2004 гг. единым раскопом общей площадью 225 кв. м. Выявлено 3 культурных слоя, содержащих археологические артефакты. Второй культурный слой, судя по керамическому материалу, может быть датирован в диапазоне от бронзового (афанасьевская и окуневская керамика) до раннего железного века (керамика тагарская – середина III – середина I тыс. до н.э.). Афанасьевская представлена лишь 2 фрагментами, а окуневская – 44 фрагментами от 2–3-х сосудов.

Материалы не опубликованы. Отчет сдан в профильное архивное учреждение (ИА РАН).

ГЛАВА 4

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НАХОДКИ АФАНАСЬЕВСКОГО ОБЛИКА НА ВЕРХНЕМ ЕНИСЕЕ, В МОНГОЛИИ, СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ, КИТАЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

4.1. АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ И НАХОДКИ АФАНАСЬЕВСКОГО ОБЛИКА НА ВЕРХНЕМ ЕНИСЕЕ, В МОНГОЛИИ, КИТАЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

На сегодняшний день афанасьевская культура представлена двумя крупными анклавами памятников, расположенными на Среднем Енисее (Минусинские котловины) и в Горном Алтае. За пределами этого ареала обнаружение памятников и даже случайных находок схожего облика носит эпизодический характер. Большинство из них сконцентрировано к югу и юго-востоку на обширных просторах Центральной Азии. Однако буквально несколько лет назад появилось и совершенно новое, хотя и вполне ожидаемое, западное направление связей. В задачу данной статьи входит первичная систематизация и объединение информации о наиболее достоверных и важных подобных случаях.

ВЕРХНИЙ ЕНИСЕЙ

Начать обзор следует с территории Верхнего Енисея, где известно 4 исследованных памятника. Это 2 могильника: Ооруг-Аксы и Хайыракан I, и 2 стратифицированные стоянки: Хадынных I и Тоора-Даш. Подробно все эти материалы не так давно разобраны в статье Вл.А. Семёнова (2012). Несмотря на продолжительные археологические исследования, проводящиеся на территории Республики Тыва, число известных памятников остается крайне небольшим. Более того, два из них (стоянки Хадынных I и Тоора-Даш) расположены в Саянском каньоне, фактически в устье пути между долинами Верхнего и Среднего Енисея.

1. Ооруг-Аксы, могильник

Расположен на правом берегу р. Улууг-Ооруг в местности Кежээлиг-Алаг, в 7 км на ЮЮЗ по дороге от с. Кызыл-Даг и в 10 км к ССВ по дороге от с. Бай-Тал, на землях бывшего совхоза Кызыл-Даг в Бай-Тайгинском районе Республики Тыва. В составе памятника насчитывается 44 разновременных сооружения, из которых Я.А. Шером в 1988 г. исследовано пять. Среди них один курган (№26) может быть отнесен к афанасьевской культуре.

К началу раскопок курган №26 был плотно задернован и возвышался над современной поверхностью на 0,12 м. Выявленная в результате работ каменная конструкция представлена кольцом из крупной гальки. Внутри кольца и за его восточными пределами зафиксирована наброска из мелкой гальки. На уровне древней поверхности обнаружены фрагменты керамики, среди которых обломки остродонного орнаментированного сосуда. Могильное пятно на уровне древнего горизонта не фиксировалось. В центральной части кольца на глубине 0,55–0,64 м расчищены кости скелета: крышка черепа, несколько зубов, фрагменты берцовых костей, предположительно в первоначальном положении. Вероятно, погребенный был ориентирован головой на ЮЗ и лежал скорчено на левом боку. Погребение было совершено на подсыпке из грунта вишнево-коричневого цвета. Размеры подсыпки – 1,5х0,65 м, мощность – 0,17 м. По периметру с трех сторон погребение было обложено крупными гальками (с узких концов и за спиной погребенного). В заполнении могилы в придонной части были обнаружены два фрагмента керамики от того же остродонного сосуда, части которого фиксировались при разборке насыпи кургана. Один фрагмент орнаментирован елочкой.

Материалы не опубликованы.

2. Хайыракан I, могильник

Расположен на узкой оконечности высокой террасы левого берега р. Енисей, которая почти вплотную примыкает к обрывистому склону горы Хайыракан в Улуг-Хемском районе Республики Тыва. Раскопки проводились в 1978 г. А.М. Мандельштамом и в 1987–1988 гг. Л.И. Ревой (Рева, 1992; Семенов, 2012). Всего исследовано 5 курганов (рис. 174).

До начала работ курганы практически не были видны. Фиксировались только небольшие развалы камней. После расчистки выявлены округлые ограды диаметром от 4 до 6 м, сложенные из крупных, положенных плашмя, блоков белого известняка горы Хайыракан. В кургане №5 удалось реконструировать высоту стенки ограды – 1–1,2 м. Все курганы ограблены. Надмогильные сооружения в должной степени проследить не удалось. Только в кургане 2 А.М. Мандельштамом были отмечены следы деревянных плах, лежавших в поперечном направлении, возможно, от перекрытия. Могилы представляли

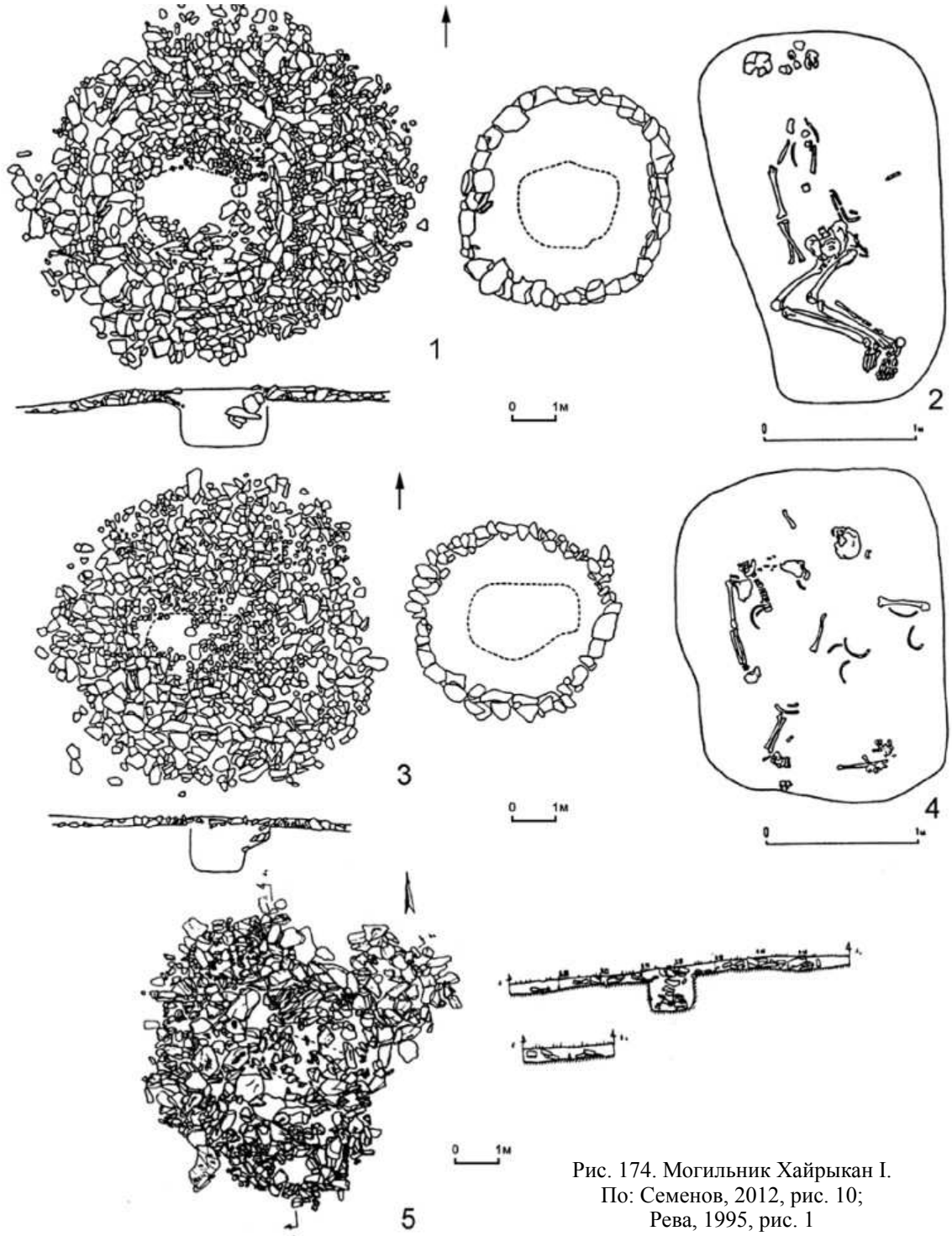

Рис. 174. Могильник Хайрыкан I.
По: Семенов, 2012, рис. 10;
Рева, 1995, рис. 1

собой прямоугольные или трапециевидные по форме грунтовые ямы. Погребения в курганах №1 и 2 ориентированы по линии З–В, в курганах №3–5 СЗ–ЮВ. Во всех случаях погребенные были ориентированы головой в западный сектор. Только в кургане №1 было обнаружено парное погребение. В остальных могилах были одиночные захоронения. Наиболее хорошо сохранилось погребение в кургане №4, где отмечено положение костяка на спине с ногами согнутыми и поднятыми коленями вверх. Во всех пяти могилах отмечены следы охры, а в одном случае еще и мела. Наиболее точно удалось проследить расположение пятен охры в кургане №4. Охрой были засыпаны кисти и стопы погребенного, а также место, где должен был находиться отсутствующий череп.

Все находки сделаны за пределами могил: в насыпях курганов или в грабительском выкиде. К афанасьевскому времени можно относить 3 ромбовидных кремневых наконечника (рис. 175 -1–3), секировидный вкладыш (рис. 175 -5) и фрагмент керамики из кургана №2 (рис. 175 -11), а также большой фрагмент нижней части остродонного сосуда (рис. 175 -10) и фрагменты курильницы из кургана №5 (рис. 175 -6, 8, 9).

При публикации этого памятника Л.И. Рева отмечает его близость по ряду параметров к алтайскому варианту афанасьевской культуры и указывает на отдельные параллели с монгольскими материалами и результатами раскопок самого южного могильника на Среднем Енисее – Летник VI.

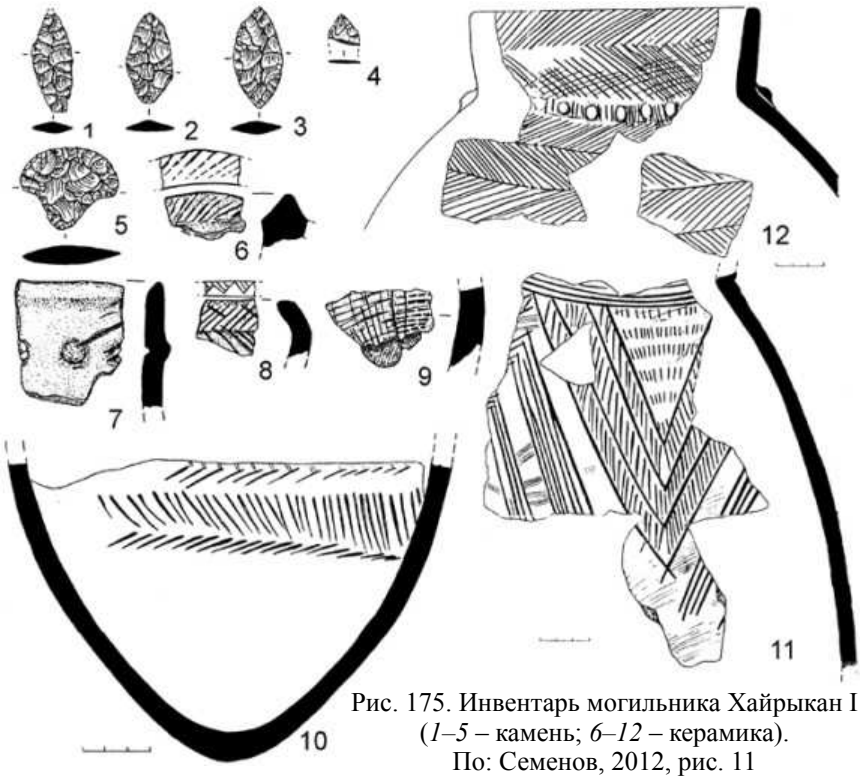

Рис. 175. Инвентарь могильника Хайрыкан I (*1–5* – камень; *6–12* – керамика). По: Семенов, 2012, рис. 11

3. Тоора-Даш, стоянка

Расположена на правом берегу р. Енисей, в 5 км ниже впадения в нее р. Хемчик в Ермаковском районе Красноярского края. За семь лет исследований вскрыта площадь 670 кв. м, на которой мощность культурных отложений достигала 4 м. Раскопки проводились Вл.А. Семеновым с 1978 по 1984 гг. (Семенов, 1992, с. 52–59; 2012, с. 155–165). Зафиксировано 13 стратиграфических культурных слоев, представляющих археологические материалы от эпохи неолита до средневековья. С афанасьевской культурой связан 5-й слой, вскрытый на площади 440 кв. м. Он разделен на 3 горизонта мощностью до 0,3 м каждый. Стратиграфически этот слой залегает между слоями эпохи неолита и окуневской культуры.

К 5-му слою приурочено некоторое число очажных пятен аморфных очертаний, кости животных, осколки галек. Большинство обнаруженных артефактов (фрагментов керамики и каменной индустрии) привязаны к очагам. Насыщенность слоя невысокая. Каменный инвентарь представлен 246 отщепами (20 со следами ретуши утилизации) и 48 чешуйками кремня. Также обнаружены: 4 крупных первичных скола с галек, каменный пест, 2 скребка, 10 наконечников стрел, их обломков и заготовок, каменный нож, обломок лезвия нефритового тесла, заготовка для орудия (рис. 176). В 5-м культурном слое обнаружены остатки 9 керамических сосудов (рис. 177). Три из них восстановлены полностью, два лишены придонной части, еще от одного сохранилось только дно, три сосуда представлены отдельными фрагментами. Керамика несомненно имеет типологическое своеобразие и не находит прямых аналогий в памятниках афанасьевской культуры других регионов. Вл.А. Семенов считает, что эта посуда несет на себе сочетание черт, свойственных местной неолитической керамике, и окуневской культуре (Семенов, 2012, с. 160).

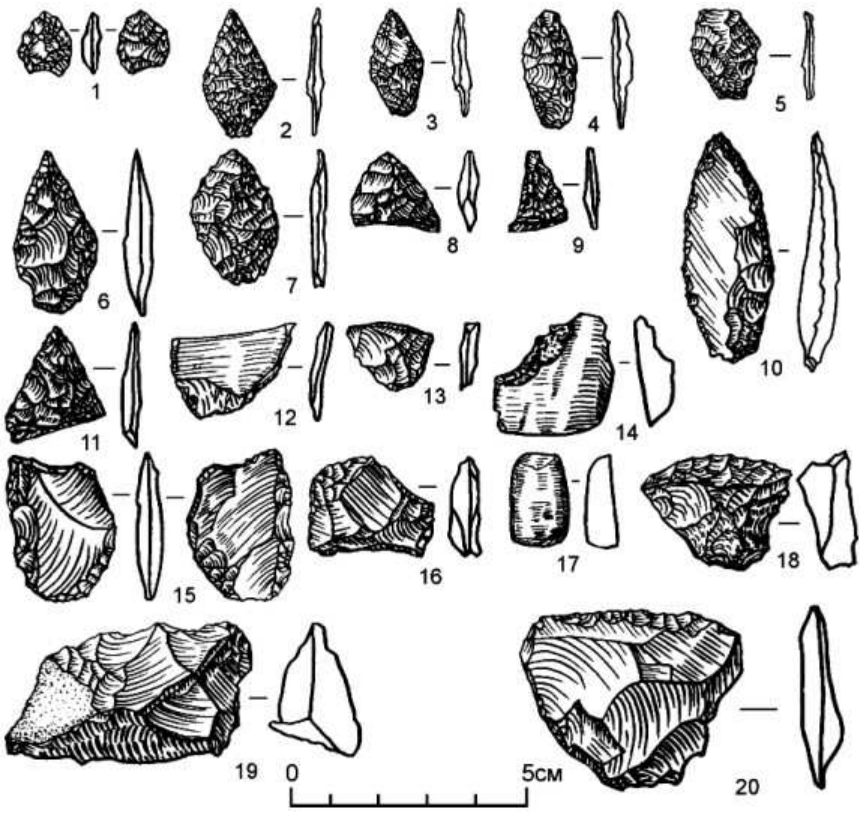

Рис. 176. Каменная индустрия 5-го слоя стоянки Тоора-Даш. По: Семенов, 2012, рис. 5

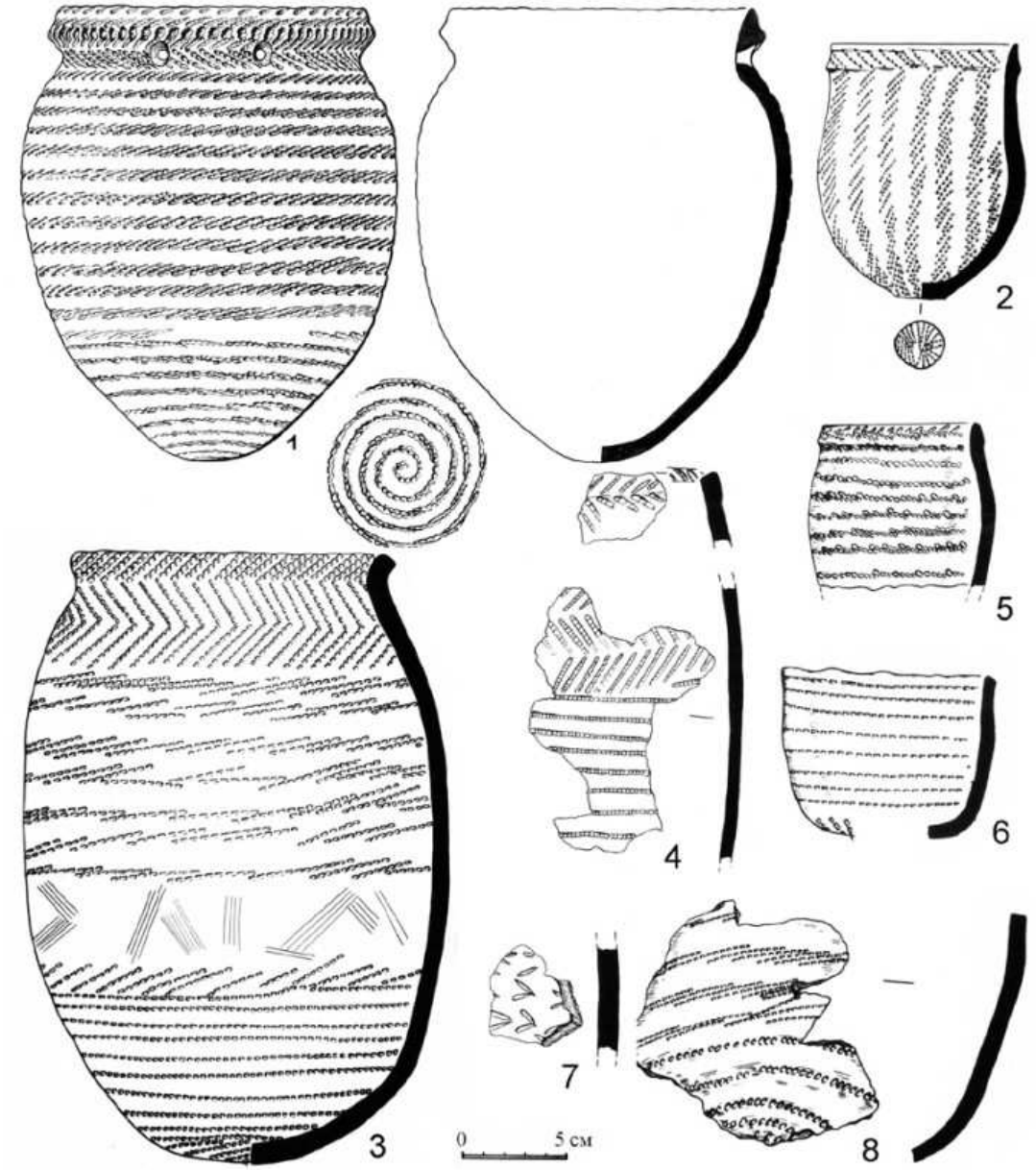

Рис. 177. Керамика из 5-го слоя стоянки Тоора-Даш. По: Семенов, 2012, рис. 6-8

Этот памятник имеет принципиальное значение для изучения афанасьевской культуры на территории Верхнего Енисея, где число известных памятников этого времени крайне мало. Погребальные памятники (Хайыракан I, Ооруг-Аксы) безынвентари, все находки сделаны в насыпях курганов и относятся к афанасьевской культуре с определенной долей условности. Серия находок, сделанных в 5-м слое стоянки Тоора-Даш, фактически составляет основной корпус источников по материальной культуре афанасьевских древностей этого региона. Кроме того, важнейшее значение имеет практически идеальная стратиграфия стоянки, где большинство слоев разделено стерильными прослойками. Залегание 5-го слоя между слоями, содержащими с одной стороны неолитический материал, а с другой артефакты, датирующиеся окуневской культурой, фактически является важнейшим доказательством последовательной смены этих археологических культур не только на территории Верхнего, но и Среднего Енисея.

4. Хадынных I, стоянка

Стоянка Хадынных I расположена на правом берегу р. Енисей, в 27 км ниже устья р. Хемчик, в 1,5 км ниже по течению устья рч. Хадынных, напротив устья рч. Калбак-Мыис в Ермаковском районе Красноярского края (Семенов, 1992, с. 52–59; 2012, с. 155–165). Стоянка была открыта и частично исследована Вл.А. Семеновым в 1973 г., заложен раскоп №1 площадью 20 кв. м. На следующий год (1974) работы на этом раскопе были продолжены и вскрыто еще 60 кв. м. В 1975 г. к нему было прирезано еще 16 кв. м и его общая площадь составила 96 кв. м. На западной оконечности террасы заложен раскоп №2, пло-

щадью 36 кв. м. Материалы афанасьевского времени в нем не обнаружены. Основная особенность этой стоянки – наличие мощных слоев оползней разделяющих горизонты, содержащие культурные остатки.

В раскопе №1 выявлено 4 культурных слоя, относящихся к различным хронологическим эпохам. Материалы 3-го слоя представлены каменной индустрией и керамикой, которые датируются афанасьевской и окуневской культурами. Он прослежен по всей площади раскопа №1 и имеет мощность 0,25–0,3 м. К сожалению, полностью разделить материалы двух культур в составе слоя не возможно. В связи с этим уверенно можно датировать только керамику, имеющую характерные признаки.

К этому слою приурочены 4 очага. Очаг №1 имел ограждение из четырех продолговатых камней (его диаметр около 0,5 м). Очаг №2 не был огорожен, но его дно выложено плоскими сланцевыми плитками. Очаги №3 и №4 имели ограждение из камней (их диаметр не более 0,5 м). Все четыре очага находились на расстоянии 1,5–2 м один от другого и образовывали правильный четырехугольник. Здесь же залегали почти все обнаруженные изделия из камня и керамика. Обращает на себя внимание, что три из них (№1, 3, 4) по своей конструкции очень схожи с аналогичными очагами, обнаруженными на стоянках Тепсей VII и Итколь III, и, вероятно, датируются афанасьевским временем. Главная особенность их конструкции – это обкладка по периметру камнями, которые позволяют накапливать в очаге слой золы, в который удобно устанавливать сосуды с яйцевидной и шаровидной формой дна.

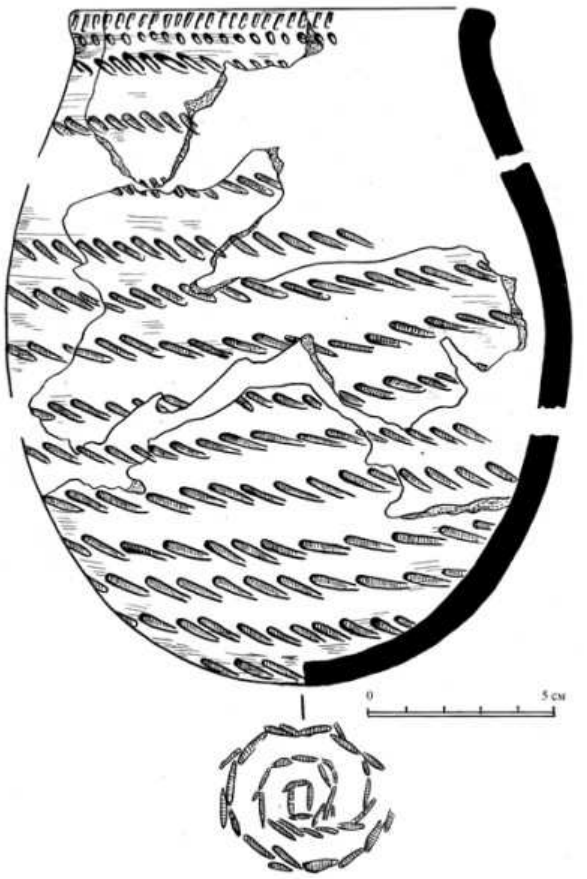

Рис. 178. Керамический сосуд, реконструированный по материалам 3-го слоя стоянки Хадынных I. По: Семенов, 2012, рис. 9

Датировать временем афанасьевской культуры можно обломки двух сосудов. Сосуд 1 (70 фрагментов) серого цвета орнаментирован оттисками мелкого гребенчатого штампа, горизонтально опоясывающими тулово сосуда и заканчивающимися на округлом дне в виде спирального узора (рис. 178). Венчик сосуда чуть отогнут наружу, а его край рассечен вдавлениями штампа. Под краем венчика проходят еще два ряда наколов. Сосуд 2 (10 фрагментов) имеет волнистый венчик, а орнамент выполнен диагонально поставленными наколами. В третьем слое было обнаружено около 200 изделий из камня (наконечники стрел, скребки, ножи, скобели, галечные чопоровидные ядрища), однако нельзя уверенно относить их к одной из археологических культур.

Обнаруженные в этом слое кости животных принадлежат лошади, овце, косуле, сибирскому козерогу и волку (определения Н.М. Ермоловой).

Резюмируя все данные можно сделать следующие выводы. На территории Верхнего Енисея материалы афанасьевской культуры присутствуют, но при этом они представляют особый вариант, не являющийся зеркальным отражением среднеенисейской или алтайской групп памятников. Различия наблюдаются как в самом погребальном обряде, так и в формах и орнаментации керамики. В целом можно согласиться с мнением Вл.А. Семенова, о том, что это является следствием наложения афанасьевской традиции на местную неолитическую. Вероятно, ключевое значение сыграла малочисленность групп афанасьевского населения, проникшего на Верхний Енисей, что отражается в малом числе оставленных памятников.

МОНГОЛИЯ

Группа памятников, в материалах которой прослеживаются прямые аналогии с афанасьевской культурой, была исследована в Центральной Монголии в 1970-х гг. (Новгородова, 1989, с. 81–86) (рис. 179). Этим находкам предшествовало обнаружение в ***Архангайском аймаке*** фрагментов сосуда афанасьевского типа от большого толстостенного сосуда яйцевидной формы. Его верхняя часть украшена орнаментом в виде «горизонтальных полос-елок», а нижняя – треугольными фестонами, заполненными каплевидными вдавлениями (Волков, 1967, с. 11, рис. 8 -1–5; Новгородова, 1989, с. 81).

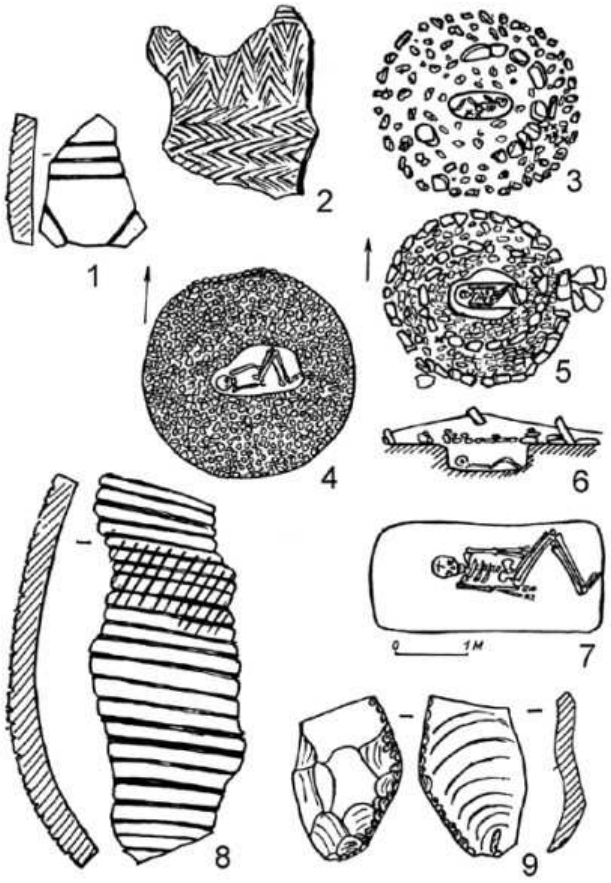

Рис. 179. Погребения энеолитического времени в Шатар-чулуу и Алтан-сандал:
1, 2, 8, 9 – находки в погребениях;
3–7 – планы и разрез курганов и погребений.
По: Новгородова, 1989, с. 82

В 1971 г. в местности ***Алтан-сандал*** в верховьях р. Северный Тамир (Архангайский аймак) было раскопано 3 из 6 курганов, имеющих серию общих признаков: округлые каменно-земляные насыпи диаметром от 4 до 4,3 м, высотой 0,2–0,35 м, под которыми находились небольшие грунтовые ямы (длина 1,3–1,4 м, ширина 0,6–0,7 м, глубина 1,1–1,5 м). Погребенные уложены на спину с согнутыми в коленях ногами. В двух случаях головой на восток, а в одном на запад. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Во всех трех погребениях фиксируется присутствие охры, причем дважды отмечено, что дно могилы и костяк человека густо посыпаны охрой.

Еще три похожих кургана были раскопаны в 1971 и 1975 гг. в местности ***Шатар-чулуу*** на левом берегу р. Туин-гол, в 20 км к северу от центра Баянхонгорского аймака. Насыпь первого кургана имела диаметр 10 м и высоту 0,7 м. Она состояла, в основном, из речной гальки и небольших окатанных валунов. Под ней были выявлены две кольцевые кладки из гранитных плит, диаметром 6 и 5,5 м. В северной части кургана между кольцевыми кладками зафиксированы фрагменты орнаментированной керамики. В центре кургана – овальная грунтовая яма размерами 2,8х2 м и глубиной 1,7 м. Погребенный положен на спину, головой на восток, с ногами согнутыми в коленях и вытянутыми руками. Лицо закрыто куском бересты. Дно могилы и костяк густо посыпаны охрой, сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Второй курган также имел насыпь из галечника и некрупных валунов, диаметром 6,5 м и высотой 0,35–0,4 м. По ее внешнему краю была сделана кольцевая кладка из гранитных плит в 2–3 ряда общей высотой 0,3–0,35 м и шириной до 0,5 м. После снятия насыпи обнаружено еще одно кольцо меньшего диаметра из крупных блоков и гранитных валунов. Погребение совершено в овальной грунтовой яме 1,5х0,9 м, глубиной 0,7 м. Погребенный положен на спину, головой на запад, с ногами согнутыми в коленях и вытянутыми руками. Дно могилы и костяк густо посыпаны охрой, сопроводительный инвентарь отсутствовал. Под камнями кольцевой кладки в северной части кургана найден каменный нож, изготовленный из отщепа красной яшмы.

Третий курган представлял собой насыпь из валунов и галечника диаметром 7 м и высотой 0,35–0,4 м. В восточной части находился развал камней, образующий выступ длиной 2 м. Под насыпью была обнаружена кольцевая кладка из крупных плит гранита диаметром 4,5 м. Погребение в овальной грунтовой яме размером 1,6х0,9 м и глубиной 1,1 м. При разборке заполнения ямы обнаружены клык кабана и фрагменты средней части толстостенного сосуда с орнаментом в виде «горизонтальной елочки». На дне могилы костяк погребенного, уложенного в скорченном положении на правом боку, головой на восток. Правая рука вытянута вдоль тела, левая ладонью между ног. Кости интенсивно окрашены охрой.

Палеоантропологические определения материалов из этих памятников проводились Н.Н. Мамоновой. По ее мнению: «Комплекс морфологических признаков позволяет отнести эти черепа к одному из вариантов протоевропейского типа. При сопоставлении этих черепов с краниологическими сериями афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины обнаруживается большое сходство этих серий, что позволяет говорить об общности их антропологического типа, не исключая, однако, локальных различий между этими группами» (Мамонова, 1979, с. 205).

К сожалению, безинвентарный обряд погребений значительно ограничивает наши возможности по их сопоставлению с другими афанасьевскими памятниками, что сближает эти могильники с описанными выше афанасьевскими погребениями Верхнего Енисея (могильники Ооруг-Аксы и Хайыракан). Многие признаки имеют прямые аналогии с памятниками Среднего Енисея и Алтая: форма и тип ограды, погребения в виде грунтовых ям, положение тела на спине с согнутыми в коленях ногами,

использование охры. Наряду с этим наблюдаются и некоторые черты явных отличий в погребальном обряде. Наиболее важные из них: ориентация большинства погребенных головой в восточный сектор и незначительные для афанасьевских размеры грунтовых могил. Ни то, ни другое не характерно для погребений Среднего Енисея, а на Алтае ориентация в восточный сектор встречается в виде исключений. Все это позволяет характеризовать данные памятники, как особый, но вариант афанасьевской культуры. Учитывая, что эта группа удалена от основного ареала культуры примерно на 1000 км, перед исследователями встает сложный вопрос об интерпретации данного явления. Нельзя исключать, что на территории Монголии и Северного Китая по мере изучения территорий будут выявлены и другие схожие памятники.

На сегодняшний день важнейшим археологическим памятником, находящимся за пределами традиционного ареала культуры следует считать раскопанный А.А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром на территории монгольского Алтая афанасьевский курган Кургак гови 1 (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010). Группа из двух разнокультурных курганов (афанасьевского и чемурчекского) расположена на первой террасе левого берега р. Кара-Джамат-гол в Баян-Ульги аймаке (Уланхус сомон).

Кургак гови 1, курган

Афанасьевский курган представлял собой округлую платформу высотой около 0,7 м от уровня древней поверхности, диаметром 14 м (рис. 180 -1). Стенки платформы были образованы обтесанными каменными плитами, поставленными вертикально и вкопанными на глубину 0,2–0,3 м. Практически вплотную к ограде с восточной стороны находилось основание стелы. Платформа каменно-земляная, использован рваный камень различных размеров. В ее центре с уровня древней поверхности в материк была впущена могильная яма размерами 2,5х1,3 м, глубиной 1,4 м. Она ориентирована по оси запад-восток с отклонением 16° против часовой стрелки. Поскольку материковый грунт представлял собой речную гальку с песком, точно проследить стенки грунтовой ямы не удалось. На уровне 50 см выше дна могилы вдоль стенок были обнаружены остатки досок, которые позволили авторам раскопок предположить наличие на этом уровне заплечиков, на которые опиралась деревянная конструкция (рис. 180 -2). В публикации материалов предложена интересная гипотеза интерпретации этой конструкции, как кузова повозки, имеющей аналогии среди ямных погребений (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 108, рис. 11). Могильная яма выше этого импровизированного перекрытия была засыпана суглинком, смешанным с углями вплоть до уровня древней дневной поверхности.

Значительная часть инвентаря, вероятно, была расположена поверх деревянной конструкции. Костяной наконечник стрелы (рис. 181 -4), два каменных орудия (рис. 181 -7, 8), костяная пластинка (рис. 181 -5), бронзовые (медные?) нож и шило (рис. 181 -1, 2). В центре восточной части могилы, на том же уровне, были зачищены фрагменты раздавленного глиняного сосуда яйцевидной формы (рис. 181 -9), рядом с которыми лежал органический предмет из луба(?), составленный из скрещивающихся под прямым углом полос (корзинка?). Окончание одной из этих полос удалось сохранить (рис. 181 -3). Все предметы лежали выше уровня костей погребенных, иногда поверх костей скелетов. На дне могильной ямы были зачищены скелеты взрослого мужчины и ребенка, уложенные на спину, головой в восточный сектор (рис. 180 -3). Ноги мужчины, немного согнутые в коленях, уложены на правый бок, кисти рук лежали на костях таза. На груди мужчины обнаружена подвеска из клыка животного (рис. 181 -6). За черепом ребенка, ближе к северо-восточному углу, находилось 28 альчиков мелкого рогатого скота.

По различным образцам из могилы получена серия из 6 радиоуглеродных анализов, которые после калибровки указывают на хронологический отрезок 2876–2482 гг. до н.э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 101; Поляков, 2010б, с. 167, рис. 3). Эти результаты очень хорошо могут быть сопоставлены с датами афанасьевской культуры, полученными по материалам других памятников (Поляков, 2010б). С большой вероятностью курган следует относить к позднему периоду развития афанасьевской культуры.

Анализируя данные памятника необходимо отметить, что он обладает целым набором признаков, определяющих его своеобразие. Ни у кого из исследователей не возникает сомнений в принадлежности кургана именно к кругу памятников афанасьевской культуры. Можно сказать, что это некоторый особый вариант, отличающийся как от курганов Среднего Енисея, так и Алтая. При этом, например, ориентация погребенных головой в восточном секторе перекликается с выше описанными курганами, исследованными в Центральной Монголии (Шатар-чулуу и Алтан-сандал). Хотя расположен могильник Кургак гови 1 всего в нескольких десятках километров к югу от традиционного ареала памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, включать его в эту группу памятников не совсем корректно.

Весьма своеобразно по своей конструкции перекрытие могилы. Использование ямы с заплечиками и засыпка верхней части погребения специально подготовленным грунтом – явление уникальное. Как и использование в качестве перекрытия, по предположению авторов раскопок, кузова повозки.

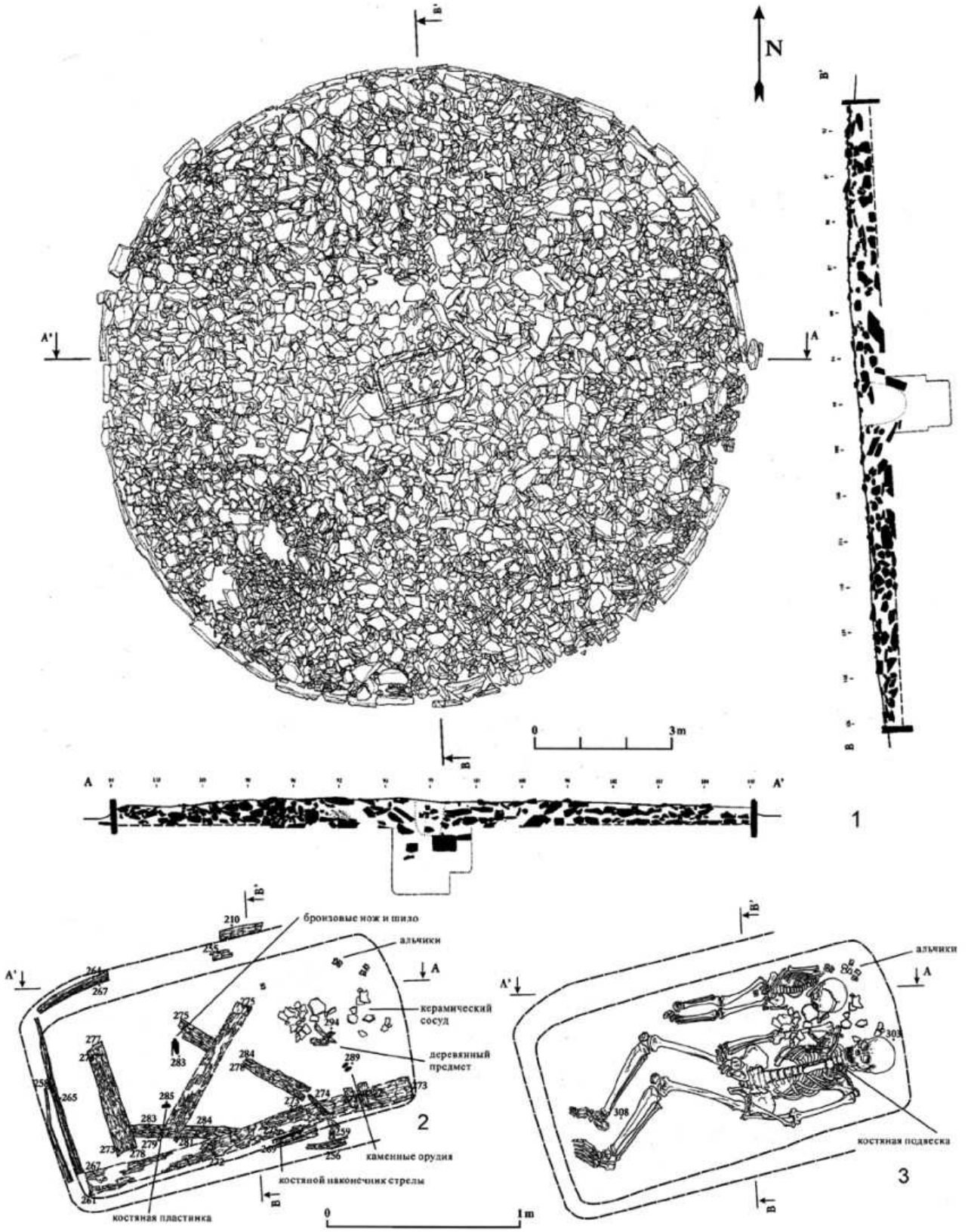

Рис. 180. Курган Кургак гови: *1* – чертеж и разрезы кургана; *2* – деревянная конструкция на покрытии могилы 1; *3* – могила 1. По: Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, рис. 2-3

Данные наблюдения значительно расширяют наши представления о погребальном обряде афанасьевской культуры. Это первый подобный случай, известный для афанасьевской культуры, где традиционно используются продольные перекрытия из мощных лиственничных бревен, расположенные на уровне древней дневной поверхности.

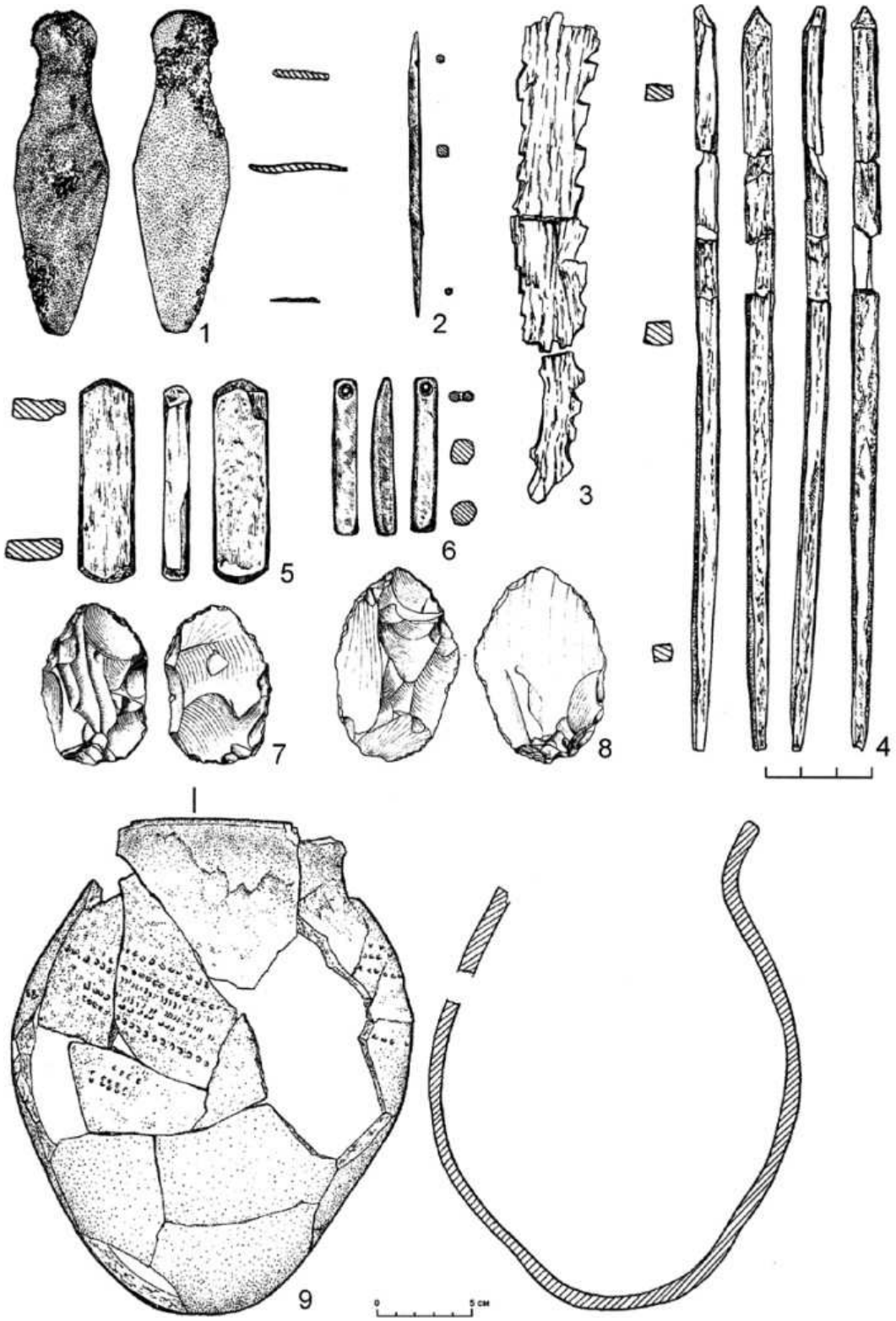

Рис. 181. Инвентарь из могилы кургана Кургак гови: *1, 2* – бронза (медь?); *3* – дерево; *4, 5* – кость; *6* – зуб; *7, 8* – камень; *9* – керамика. По: Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, рис. 7-8

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ

Менее значительные свидетельства присутствия элементов афанасьевской культуры зафиксированы на территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Подробно эти данные изложены в серии статей (Варенов, 1998; Молодин, Алкин, 2012; и др.). Все авторы отмечают два ключевых памятника, в материалах которых прослеживаются отдельные аналогии, в первую очередь, керамике афанасьевской культуры: могильник ***Кэрмуци*** и местнахождение ***Сыдуйтуцю***. Неопубликован-

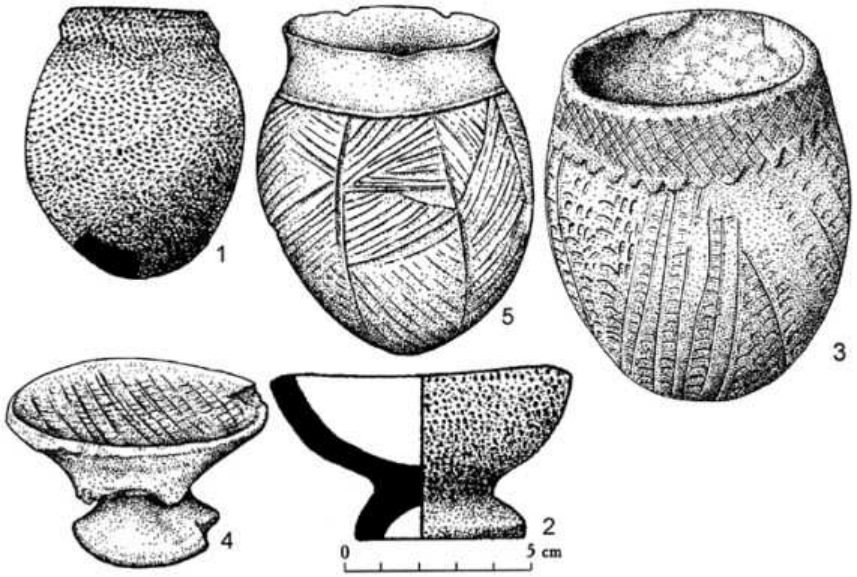

Рис. 182. Керамика афанасьевского облика из Синьцзяна: *1* – Кэрмуцы, комплекс М16; *2* – Кэрмуцы, комплекс М24; *3* – Сыдуйтуцю; *4, 5* – комплекс Копаэргу. По: Молодин, Алкин, 2012, рис. 1; Ковалёв, 2010, рис. 10

ными остаются материалы могильника ***Гумугоу***, где, судя по данным китайских археологов и одной из радиоуглеродных дат, присутствуют погребения энеолитического возраста, синхронные с афанасьевской культурой.

Разновременный могильник ***Кэрмуци*** исследован в 1963 г. возле одноименной деревни, расположенной в 12 км к юго-западу от г. Алтай. Большинство исследователей относят к афанасьевской культуре «курильницу» из ограды №24 и круглодонный сосуд из ограды №16 (рис. 182 -1, 2). Остальные элементы погребального обряда (прямоугольные ограды, погребения в каменных ящиках и т.д.) никак не могут быть связаны с афанасьевскими древностями. Местонахождение ***Сыдуйтуцю*** расположено в уезде Цитай у северного фаса хребта Богдашань. В 1976 г. местные жители нашли на пашне 2 сосуда. Один из них круглодонный яйцевидной формы, рассматривается как аналогия посуде афанасьевской культуры (рис. 182 -3). Кроме того, А.А. Ковалев и Д. Эрдэнэбаатар отмечают появление в китайской литературе изображений еще двух сосудов из погребений «типа Кэрмуци» (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010, с. 103), которые могут быть сопоставлены с афанасьевской керамикой (рис. 182 -4, 5). Эти сосуды были найдены местными жителями в 2003 г. в каменном ящике с росписью стенок красной краской (косая решетка) в урочище Копаэргу близ деревни Ахэцзяэр уезда Бурчун.

На сегодняшний день все эти свидетельства носят эпизодический и ненадежный характер. Речь пока идет об отдельных артефактах, имеющих облик схожий с материалами афанасьевской культуры, которые обнаружены либо случайно, либо в инокультурных погребениях. Делать на этом основании вывод о широком ареале афанасьевской культуры пока слишком рано. Отмеченная схожесть может носить случайный характер. Даже если признать все эти сосуды относящимися к афанасьевской культуре, их появление в погребениях «типа Кэрмуци» не доказывает расширение ареала афанасьевских памятников.

УЗБЕКИСТАН

В завершение обзора необходимо обратиться к недавно выявленному ***святилищу Жуков***, где также отмечены аналогии с материалами афанасьевской культуры. Этот объект находится далеко на западе, на территории современного Узбекистана, в 16 км к востоку от Самарканда, на берегу р. Заравшан (Аванесова, 2012). Он представляет собой округлую ограду диаметром около 3 м и высотой до 0,4 м, частично уничтоженную в северо-восточной части обрывом берега реки. Сооружение возведено на уровне древнего горизонта без подрезки дернового слоя из 2–3 рядов камней. Ширина кладки 0,2–0,35 м. В центре ограды был установлен валун-стела без видимых следов обработки высотой 0,47 м, ориентированный по линии СЗ–ЮВ, в ямке, и забутован гравием с галькой. На площади ограды зафиксированы два заглубленных в грунт кострища и несколько скоплений находок. Кроме того, в разных местах ограды находились охристые и углистые пятна, значительное количество костей животных (овца, корова, олень, кулан) и различные артефакты.

На площади объекта обнаружено 32 фрагмента лепной керамики, 2 глиняные поделки, изделия из камня (наконечники стрел, тесловидные топоры, песты, терочники, скребла, микропластинки и бусы) и металла (пронизки-обоймочки, пластинчатое кольцо и четырехгранное шило). Н.А. Аванесова выделяет среди этих материалов несколько различных культурных комплексов, среди которых наиболее ярко представлены афанасьевский и ямный. Судя по имеющимся иллюстрациям, действительно значительная часть обнаруженной керамики может быть сопоставлена с сосудами афанасьевской культуры, причем с той ее частью, которая происходит с территории Среднего Енисея (рис. 183).

Интересно назначение этого объекта. Приходится согласиться с автором, что два наиболее распространенных варианта – курган или поселенческий объект, здесь не могут быть применены. Действительно, наиболее подходящий вариант интерпретации, – площадка, имеющая сакральное назначе-

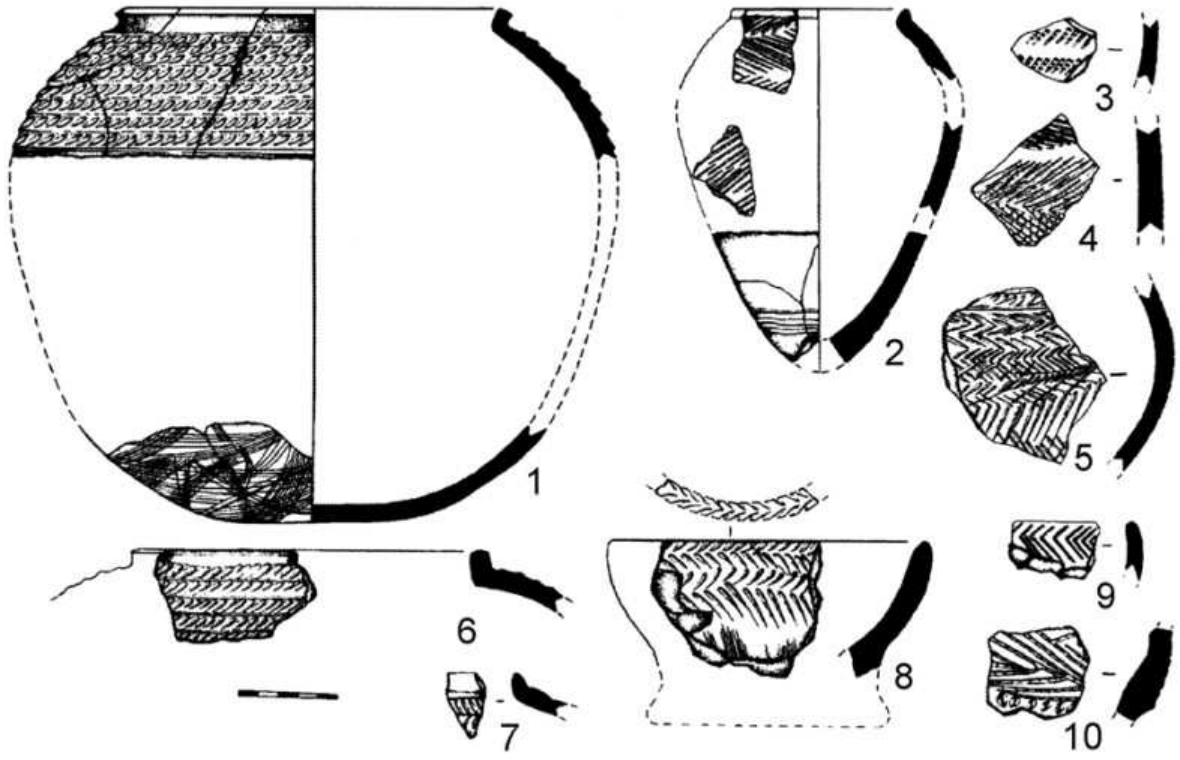

Рис. 183. Керамика афанасьевского облика из святилища Жуков. По: Аванесова, 2012, рис. 2

ние. На это указывают и стела, расположенная в центральной части, и многочисленные следы костров. Как известно, для афанасьевской культуры огонь имел особое сакральное значение. Следы разведения костров на перекрытиях могил весьма распространенное явление. Еще один принципиальный момент, связанный со святилищем Жуков, это его поликультурность. Сосуществование в рамках одного объекта материалов двух таких крупных культурных общностей, как афанасьевской и ямной, имел принципиальное научное значение. Такая ситуация может рассматриваться в качестве еще одного доказательства того, что их взаимосвязь гораздо сложнее, чем традиционный взгляд, который предполагает происхождение афанасьевской культуры в виде миграции представителей ямной общности на восток.

Подводя итог краткому обзору, можно отметить, что зона расселения представителей афанасьевской культуры имеет четко очерченные границы, за пределами которых известны только единичные случаи обнаружения схожих памятников или артефактов. Таким образом, не следует ожидать расширения ареала культуры, даже в южном или юго-восточном направлении, где отдельные памятники представлены. Эпизодические находки будут встречаться и далее, однако их вряд ли удастся объединить в новый локальный вариант афанасьевской культуры. Особый интерес представляет святилище Жуков, расположенное далеко на западе. Пока можно только осторожно предположить, что это одна из ниточек, которая позволит, наконец, начать движение к решению вопроса происхождения афанасьевской культуры.

4.2. ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОКРОВСКОГО ТИПА (СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ)

В свод включено 16 памятников и случайных находок афанасьевской культуры и покровского типа с территории Алтайского края (Чарышский, Солонешенский, Курьинский, Рубцовский районы). По геоландшафтным характеристикам территории различаются, в частности, Чарышский и Солонешенский районы – это горная зона, а Рубцовский – степная. Погребений покровского типа мало, не ясно, как они соотносятся с афанасьевскими. Не исключено, что население, их оставившее, было родственным с куротинским и вступало в контакты с афанасьевским.

Чарышский район

1. Красный Яр-2, могильник

Находится на второй правобережной террасе р. Чарыш, в 6 км от устья р. Сентелек. В 1983 г. П.И. Шульгой и А.А. Казаковым выявлена ограда-кромлех диаметром 15 м с западиной. Некоторые

плиты возвышались на 0,7 м от уровня современной поверхности. В результате обследования, проведенного в 1991 г., на памятнике обнаружены еще 2 ограды (Шульга, 2000, с. 109).

2. Машенка, поселение

Находится под высокой правобережной террасой р. Чарыш, в 2,5 км от устья р. Сентелек. Шурфом выявлен слабонасыщенный культурный слой мощностью около 1 м. Часть керамики из шурфа предположительно датирована афанасьевской культурой (Шульга, 2000, с. 109).

3. Озерки, могильник

Открыт в 1999 г. Расположен в 2 км к Ю от с. Озерки, в устье р. Трактовая, на террасе, разрушенной трактом Алейск–Чарышское. На краю террасы выявлена кольцевая кладка диаметром около 5 м из горизонтально лежащих сланцевых плит. С восточной стороны объекта найдены фрагменты афанасьевского сосуда. Судя по обломкам плит, к востоку от дороги было разрушено еще несколько оград (Шульга, 2000, с. 110).

4. Покровский Лог-3, могильник (рис. 184 -4)

Расположен в 3 км к ССВ от с. Покровка. Занимает южную часть могильного поля, протянувшегося по долине на 3 км. Отделен от могильника Покровский Лог-4 условно. Раскопан 1 объект афанасьевской культуры, представляющий собой округлую насыпь диаметром около 7 м из уплощенных речных галек. В основании имелось кольцо из галечника диаметром около 6 м. Умерший уложен на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Зафиксирована охра. Инвентаря не было (Шульга, 2000, с. 109; 2002, с. 151–152).

5. Покровский Лог-4, могильник (рис. 184 -1–5, 9–10)

Расположен в долине р. Сентелек, в 4,8 км к ЮЗ от с. Сентелек, отделен от могильника Покровский Лог-5 небольшим логом, представляет собой продолжение на юг могильного поля. В 1993 г. у дороги Покровка-Сентелек исследован почти полностью разрушенный объект № 2 диаметром около 13–15 м. Судя по сохранившимся участкам, он представлял собой кольцо из галечника с оградкой из плит поставленных вертикально или под углом по его внешнему краю. Изнутри плиты укреплялись каменной кладкой из рваных камней. В могильной яме на глубине 110 см находился скелет человека на спине с заваленными вправо коленями, головой на ЮЗ. Кости умершего и дно могилы окрашены охрой. Инвентарь представлен остродонным сосудом и остатками изделий из меди (?) – иглы и еще одного мелкого предмета. В 1995 г. исследован объект 7а, диаметром около 2,5 м, датировка которого определена предположительно по некоторым особенностям сооружения.

В 2002 г. исследован объект №8, диаметром около 8 м (первоначально около 6,5 м, высота – 70–80 см, ширина 1,2–1,5 м). Верхняя часть конструкции сложена из уплощенной речной гальки. В центре первоначально камней не было. Кольцо сооружалось на земляной уплотненной насыпи. Основание кладки состояло из крупных угловатых галек, на них радиально укладывались в 2–3 слоя продолговатые уплощенные гальки длиной 40–60 см. Сверху гальки закладывались уплощенными мелкими и средними камнями. Могила овальной формы (ЮЗ–СВ), размерами по дну 1,9х1,05 м, глубиной 25–35 см от уровня древней поверхности. Похоронен подросток на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. В захоронении прослежена охра, инвентаря не обнаружено. Не раскопанными остались еще несколько объектов, которые могут относиться к изучаемому периоду (Гельмель, Шульга, 1994, с. 44–47; Шульга, 2000, с. 110; 2003, с. 440–442; 2006, с. 50–55).

6. Покровский Лог-5, могильник (рис. 184 -6–8)

Расположен на правобережной террасе р. Сентелек, в 3 км к ЮВ от западной окраины с. Сентелек. В 1996 г. раскопан наполовину разрушенный объект афанасьевской культуры. Кольцевая насыпь из речного галечника имела диаметр 12 м, ширину около 3 м. По краю насыпи прослеживалась крепида из крупных галек и одной плиты. В центральной части прослежена земляная насыпь, частично уходящая под кладку. Могильная яма овальной формы размерами 230х170 см, перекрыта плитами, под которыми прослежены остатки продольной жерди. Умерший похоронен на глубине 0,56 м от материка, на спине с заваленными вправо коленями, головой на СВ, слабо окрашен. У правой руки находилось скопление охры. Под черепом была подсыпка. Инвентаря не обнаружено (Шульга, 2000, с. 109; 2006, с. 49–50).

7. Покровка-4, могильник (рис. 185; 186)

Расположен на юго-западной окраине с. Покровка. Исследования памятника проводились с 1993 по 1999 гг. П.И. Шульгой. Раскопано 8 объектов (3 ограды и одно кольцо с четырьмя примыкающими к нему объектами). Ограды 1 и 2 отнесены к афанасьевской культуре, остальные объекты выделены в покровский тип памятников.

Ограда 1 – кольцо диаметром около 9 м из колотых плоских галек, сложенных в 4–5 слоев (высота ок. 60 см), ширина стенки в основании до 2 м. С восточной стороны к ограде примыкали вертикально вкопанная в материк стела размерами 98х32х20 см и, расположенные к югу и к северу от нее, 2 столбообразных камня (стелы) из колотых половин продолговатых галек. Неподалеку от стел найдены фрагменты афанасьевской керамики. Погребение мужчины совершено в округлой яме, на глубине 15–20 см от уровня материка, на спине с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ, зафиксирована охра. В могиле найден подработанный округлый камень и остродонный сосуд. Ограды 1 и 2 имеют аналогичные конструкции (ограды-стенки).

Ограда 2 диаметром около 5,5 м сложена из колотых плоских галек толщиной 4–7 см из р. Сентелек (по конструкции аналогична ограде 1). В центре кольца камней не было, погребения не обнаружено.

Раскоп 2. *Кольцо 3* имело диаметр около 9 м, ширину в основании 2–2,5 м. Сложено в 2–3 слоя из уплощенных галек. С ССЗ к кольцу пристроены два объекта 3а и 3б, с ЮЮВ – объект 3г. С востока примыкало кольцо 3в. При разборке конструкций найден обломок псалия и фрагмент керамики елунинского типа.

В центральной части кольца 3 на уровне материка выявлено захоронение двух детей на спине с подогнутыми ногами, головой на З. Между скелетами у левой плечевой кости южного погребенного найден призматический нуклеус. В ногах умерших лежал плоскодонный сосуд, украшенный оттисками гладкого штампа.

Объект 3а. Конструкция частично разрушена промоиной. Это кольцевая выкладка диаметром 3,5 м из крупных галек, в западном и восточном секторах гальки имели стелообразную форму длиной 1,1 м. Два таких камня вместе со сланцевой плитой перекрывали захоронение ребенка. Сверху конструкция закладывалась в один слой галечником. Скелет ребенка находился на УДП на спине с подогнутыми ногами, головой на ЮЗ. Суд по положению черепа, под него была сделана подсыпка. В ногах найден плоскодонный сосуд, украшенный оттисками гребенчатого штампа. В СВ секторе под камнем выкладки обнаружены круглодонный сосуд и курильница (рис. 186 -9, 10).

Объект 3б. Кольцевая выкладка диаметром около 2 м из крупных галек. Сверху конструкция заложена в один слой галечником. В центре под плитой на уровне древней поверхности лежал плоскодонный сосуд, орнаментированный оттисками гладкого штампа.

Объект 3в. Пристроен с востока к кольцу 3 и сливается с ним. Это кольцо диаметром около 5 м из уплощенных галек, уложенных в 1–2 слоя. Ширина кольца 1,6–2,2 м. В центре камней не было. Найдена курильница.

Объект 3г. Выкладка диаметром 3 м из мелких и средних галек, встроенная в южную часть кольца 3. Сложена из концентрических кругов галечника и двух сланцевых плит по центру, помещенных длинными сторонами по линии ЗЮЗ–ВСВ. Захоронения и находок не обнаружено.

Оградка-стенка 4. Кольцо диаметром 6 м, шириной в основании 1,5–1,7 м, сложенное в 3–4 слоя из плитняка. В центре ограды на уровне материка и выше на 5–6 см была устроена овальная площадка размерами 2,4х2 м. В южной части площадки обнаружен скелет ребенка 8–9 лет на спине с подогнутыми ногами, головой на ВЮВ. На костях небольшое количество охры, на площадке – мелкие угольки. В ногах круглодонный сосуд. У левой височной части черепа находились вставленные одна в другую подвески-пронизки (в 4 оборота из медной проволоки, диаметром 1,45 см, и из золотой в 2 оборота (диаметр 7,5 мм) (Шульга, 1999, с. 564–570; 2000, с. 109–110; 2006, с. 55–67, 71–72).

8. Усть-Теплая, могильник (рис. 187)

Находится на р. Теплая, левом притоке р. Чарыш. П.И. Шульгой раскопано 4 ограды-стенки из плит, диаметром 3–5 м. Конструкции оград включали земляную насыпь (№6, 7, 21). Могильные ямы были перекрыты плитами, в оградах 16 и 21 дополнительно, по-видимому, еще и деревом. Захоронения были в трех могилах, в т.ч. в могиле ограды 16 найден зуб человека и остродонный сосуд. В оградах 7 и 21 погребены дети. Умерших укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ и СВ. В могилах зафиксирована охра. Всего в погребениях найдено 2 остродонных сосуда и отщеп. В надмогильных конструкциях ограды 7 и 16 обнаружены нижние камни зернотерок. Для ограды 7 получена радиоуглеродная дата по костям ребенка из погребения СОАН-6027 – 3975±75 лет (Шульга, 2002, с. 141–151; 2010, с. 189–199; Степанова, 2009, с. 154–159).

9. Усть-Черновая, поселение

Расположено в устье р. Черновая, в 2 км к С от с. Покровка. Проведены сборы, часть керамики может быть датирована афанасьевской культурой. Отмечена близость в орнаментации керамики с этого поселения и могильника Покровка-4 (Гельмель, Демин, Шульга Н.Ф., Шульга П.И., 1996, с. 112–114; Шульга, 2000, с. 110).

10. Щучий Лог-1, могильник (рис. 188)

Расположен на правобережной террасе р. Чарыш, в 8 км к востоку от с. Чарышское. Могильник открыт в 2005 г. П.И. Шульгой и назван по местности «Щучий Лог». В 2006 г. раскопано 3 объекта. Расстояние между конструкциями составляло 6–6,5 м. Размер надмогильных конструкций от 3,5 до 5 м. Погребений не обнаружено, однако под камнями найден яйцевидный сосуд с округленным дном и фрагменты курильницы. Объекты различаются по внешним признакам (кольцо, насыпь) и могут быть отнесены к разновременным комплексам. Однако находки керамики похожей на афанасьевскую предполагают, что объекты близки по времени сооружения. Керамический комплекс сопоставим с глиняной посудой из Покровки-4 (Шульга, 2010, с. 189–199).

11. В с. **Сентелек** найден сверленый каменный топор (Шульга, 2006, с. 47).

Солонешенский район

12. Денисова Пещера (рис. 189; 190)

Расположена в 6 км северо-западнее с. Черный Ануй, на правом берегу р.Ануй, в 1,8 км ниже устья его левого притока р. Каракол. Вход в пещеру экспонируется на юго-западную и западную части подножия горы Сосновой, в 28 м над уровнем современного зеркала реки. Как археологический памятник Денисова пещера была открыта в 1977 г. Н.Д. Оводовым. В 1978 г. была осмотрена группой археологов ИИФиФ СО РАН СССР во главе с академиком А.П. Окладниковым. Археологические исследования пещеры начаты с начала 1980-х гг. и проводятся до настоящего времени.

Памятник многослойный. Слои 11 и 12 содержат материалы афанасьевской культуры. Основу комплекса составляют кости животных и фрагменты керамики. Сосуды яйцевидной формы с острым или округлым дном, с высокими и низкими венчиками. Плоскодонных сосудов не найдено. В орнаментации керамики отмечены, как традиционные способы нанесения узора, композиция, например, качалка, треугольные зоны по венчику, так и редкие, в частности, шагание и др. Каменный инвентарь имеет неолитоидный облик. Изделия из металла редки, и аналогии некоторым предметам, например, кельту, в афанасьевских комплексах не известны (Деревянко, Молодин, 1994, рис. 84 -1). Сложно найти аналогии в погребальных комплексах этой культуры предметам из кости и рога, т.к. последние редко встречаются в захоронениях и обычно плохо сохраняются. В слое обнаружены очаги, оконтуренные камнями и плитками, имеющими аналогии на афанасьевских поселениях в Горном Алтае (Узнезя-1, Малый Дуган, Балыктыюль, Кара-Тенеш) и на Енисее (Тепсей-X). По материалам из афанасьевсикх культурных слоев было получено шесть дат: СОАН-2737 4190±30 (почва), СОАН-2738 4315±30 (почва), СОАН-2739 4265±30 (древесный уголь), СОАН-2740 4225±30 (почва), СОАН-2742 4725±30 (почва), СОАН-2744 5200±30 (почва) (Деревянко, Васильевский, Молодин, 1985; Деревянко, Молодин, 1994, с. 3–9, 27, 31, 35, 41, 47, 52, 61–97, 109–113, рис. 59–87; Деревянко, Шуньков, Цыбанков, Ульянов, 2007; Орлова, 1994).

13. Пещера им. Окладникова

Расположена в с. Сибирячиха. Открыта А.П. Деревянко и В.И. Молодиным в 1984 г. Один из комплексов состоит из нескольких десятков фрагментов керамики, относящихся к афанасьевской культуре (Деревянко, Молодин, Маркин, 1987, с. 14, 20).

Курьинский район

14. Подсинюшка, поселение (рис. 191 - 1–13)

Находится в 4 км к ЮВ от с. 8 Марта, в 3,3 км к СВ от г. Синюха, на левом берегу р. Синюшка, в устье небольшого ручья. Открыто в 1993 г. Л.С. Марсадоловым, в 2005, 2007–2009 гг. работы на памятнике проводил С.П. Грушин. Культурный слой поселения частично разрушен. В 2009 г. на памятнике вскрыто 180 кв. м. Основное количество находок относится к афанасьевской культуре. Выявлены хозяйственные ямы, очаг, развалы сосудов, изделия из камня, обломки керамических льячек, кусочки руды, шлака, всплески металла, но практически не найдено костей животных. Керамический комплекс составляют крупные сосуды с высоким венчиком, острым, круглым и, реже, с плоским дном, украшенные горизонтальными рядами оттисков штампа с наклоном в одном направлении или составляющих елочку, а также прочерченными линиями. Из способов орнаментации встречаются качалка, накалывание и протаскивание. Зафиксирован ряд необычных черт для афанасьевской культуры. Например, традиции в использовании исходного сырья, обработке поверхности сосудов, орнаментации (плотность и равномерность расположения оттисков штампов). Ни на одном афанасьевском памятнике не выявлено такого количества сосудов с шамотом, как на Подсинюшке. Предварительный анализ находок привел к выводу, что с накоплением материалов, будет поставлен вопрос о выделении особой группы афанасьевских памятников, локализованных на Северо-Западном Алтае (Марсадолов, 1997, с. 116–119; Грушин, 2009, с. 193–198; Грушин, Степанова, 2010).

Рубцовский район

15. Бугры. В 2008 г. в районе пос. Бугры найдено 2 фрагмента керамики и нуклеус. Один фрагмент орнаментирован качалкой, характерной для керамики афанасьевской культуры (Кушакова, 2009).

Егорьевский район

16. Случайная находка яйцевидного сосуда с острым дном у с. Первомайское (рис. 8 -14) (Матющенко, 1973, с. 50, рис. 9 -1; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982, рис. 11 -3).

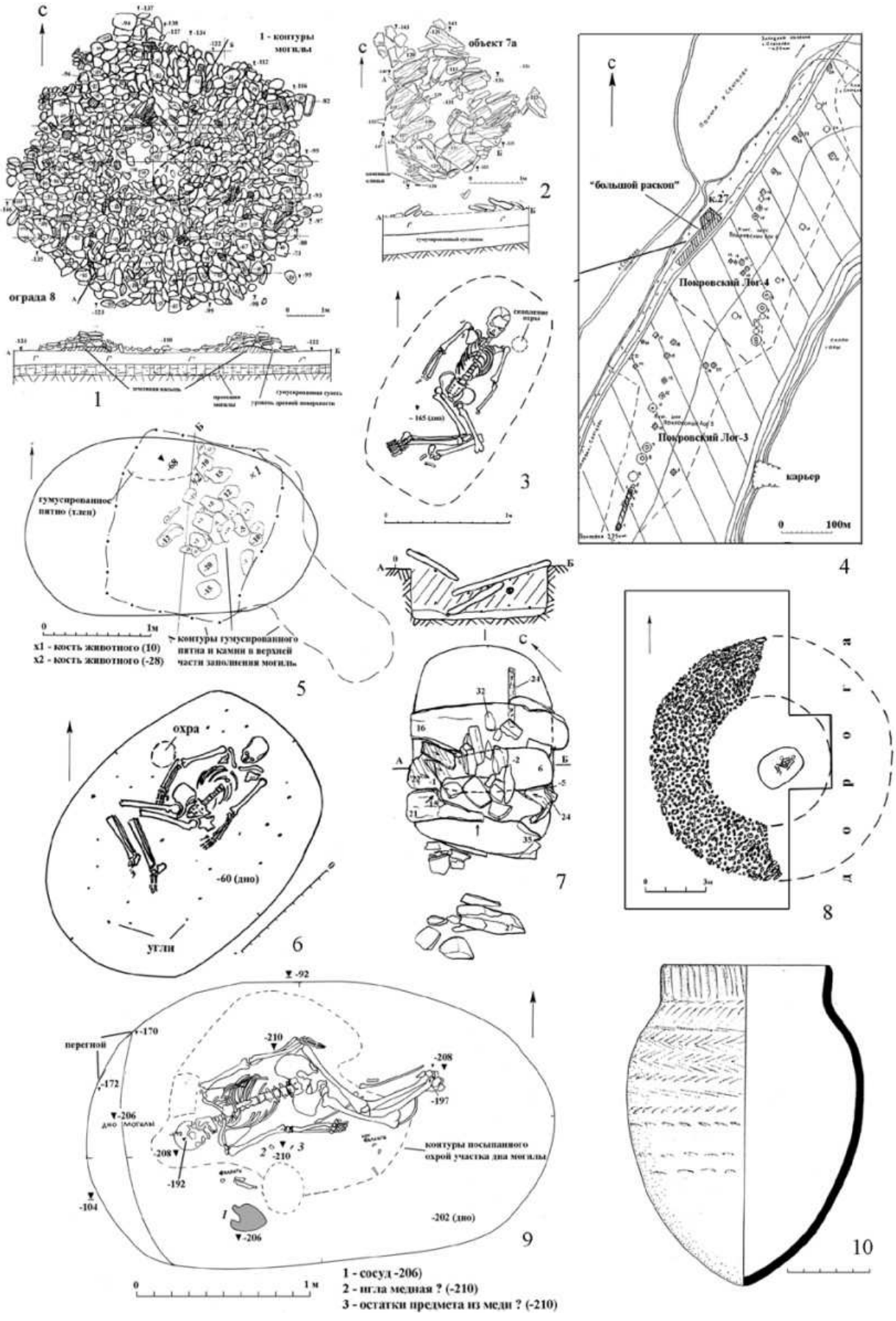

Рис. 184. План могильников Покровский Лог-3, 4 (4). Могильники Покровский Лог-4, ограда 8 (1, 3), объект 7а (2), объект 2 (5, 9, 10); Покровский Лог-5 (6–8). По: Шульга, 2006

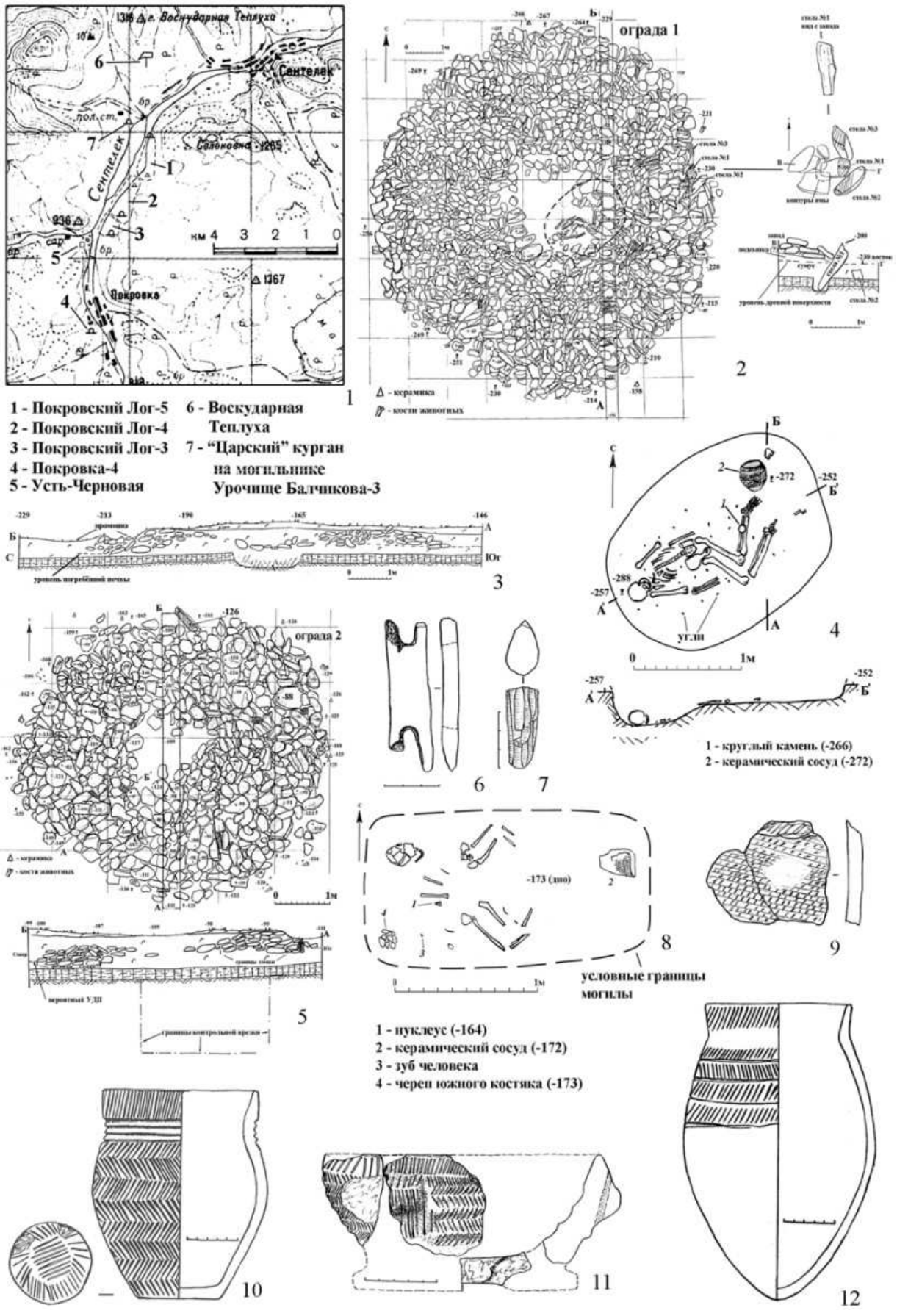

Рис. 185. Памятники в долине Сентелек (1), могильник Покровка-4, огр. 1 (2, 3, 4, 12), 2 (5), 3 (7–10), обломок псалия и фрагмент керамики из насыпи огр. 3 (6), курильница из огр. 3в (11). По: Шульга, 2006

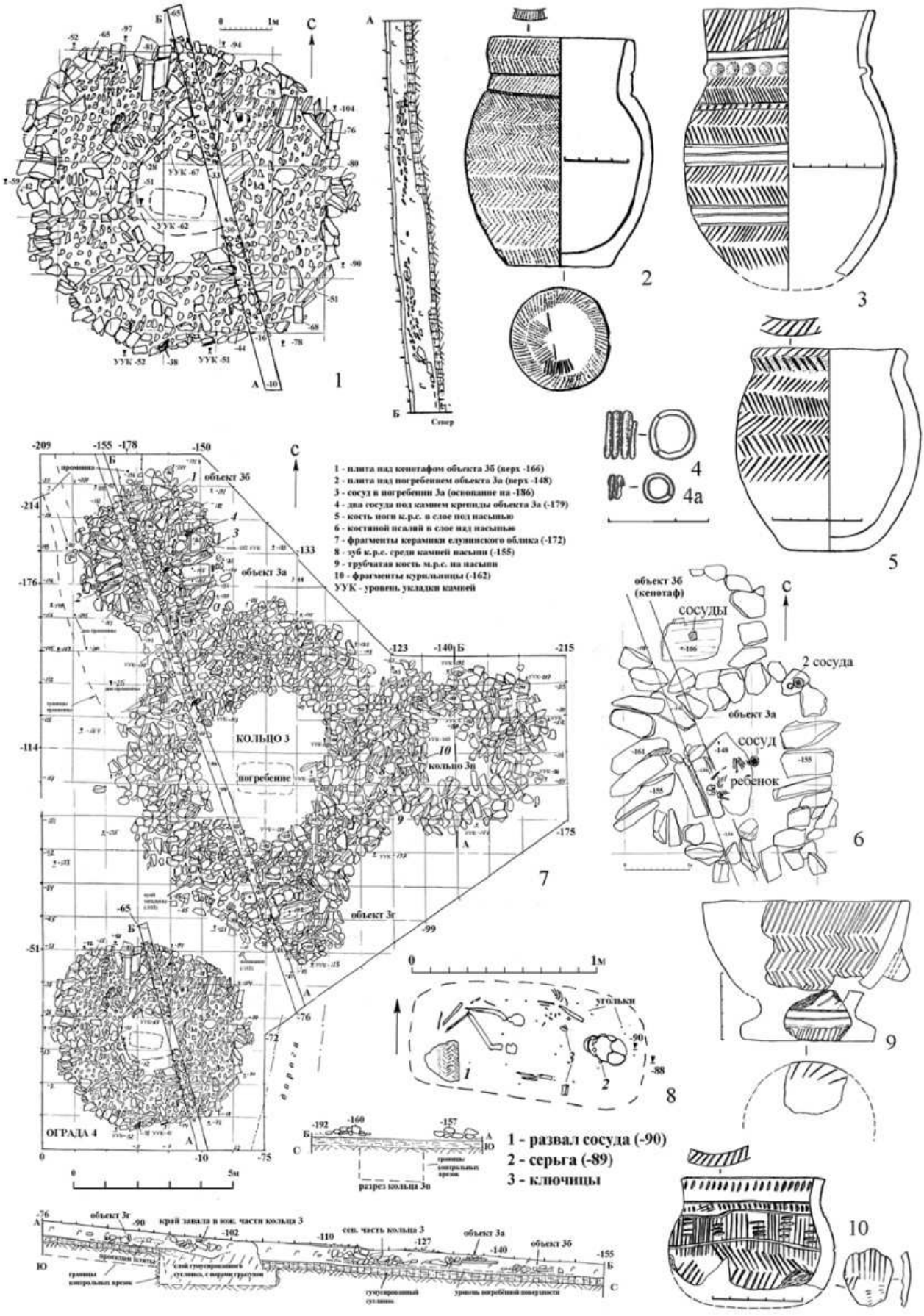

Рис. 186. Могильник Покровка-4, ограда 4, кольца 3, 3в, объекты 3а, 3б, 3г (7), ограда 4 (1, 3, 4, 4а, 8), объекты 3а, 3б (6), сосуды из объекта 3б (5), 3а (9, 10), объекта 3а из погребения (2). 4 – медь, 4а – золото. По: Шульга, 2006

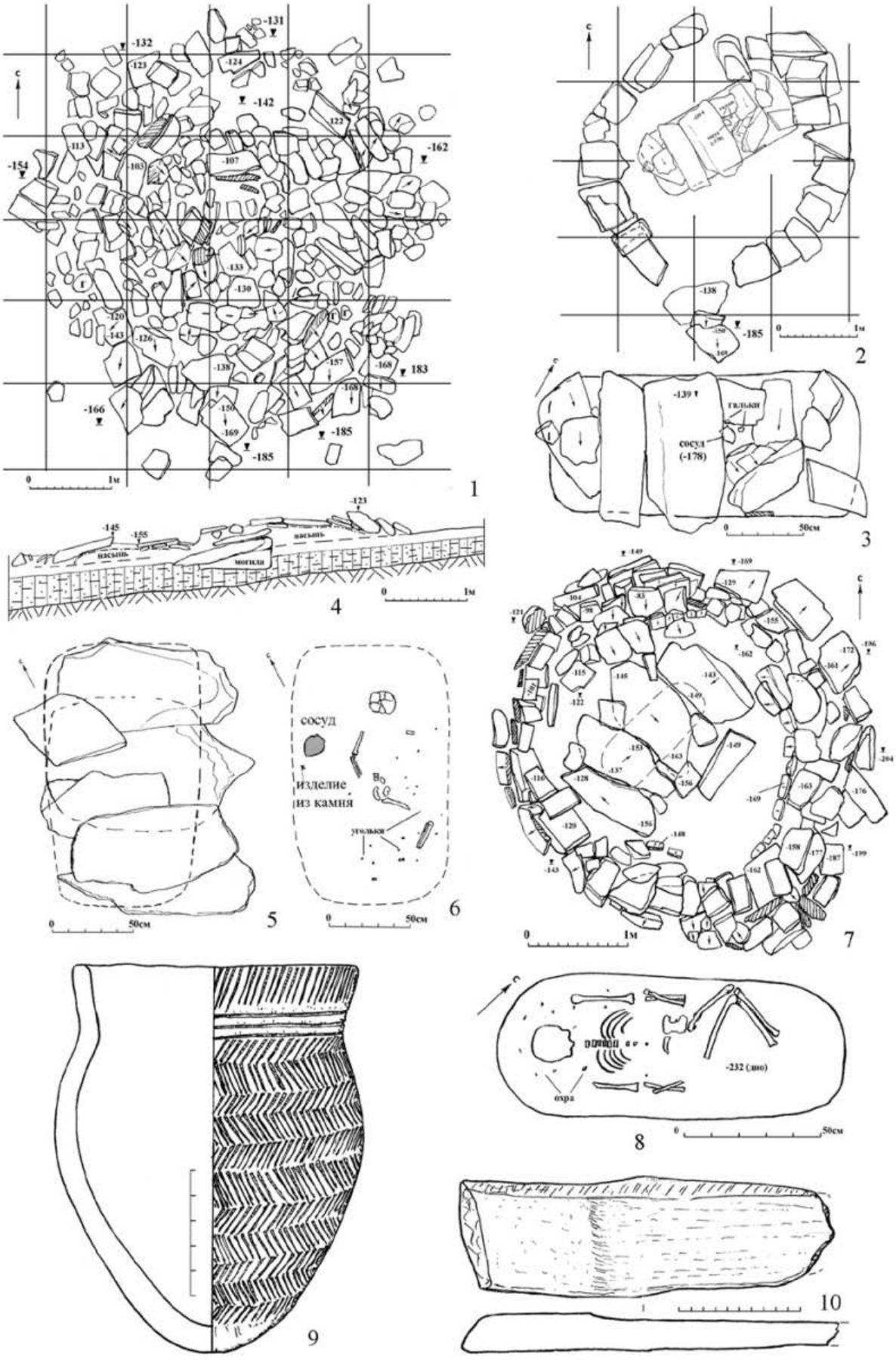

Рис. 187. Могильник Усть-Теплая, ограды 16 (1–3, 9), 21 (4–6), ограда 7 (7, 8, 10). По: Шульга, 2010

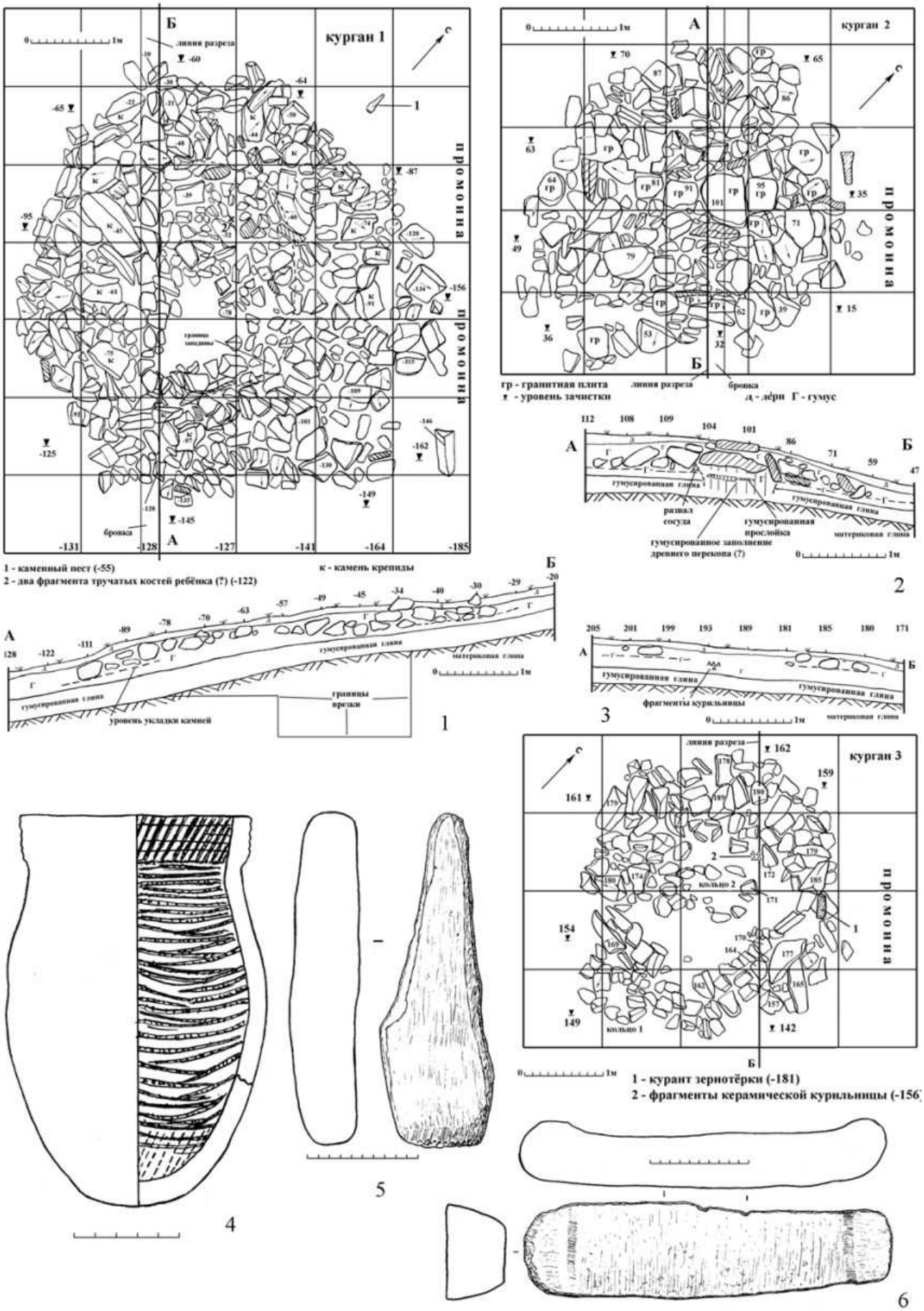

Рис. 188. Могильник Щучий Лог-1, курганы 1 (1, 5), 2 (2, 4), 3 (3, 6). По: Шульга, 2010

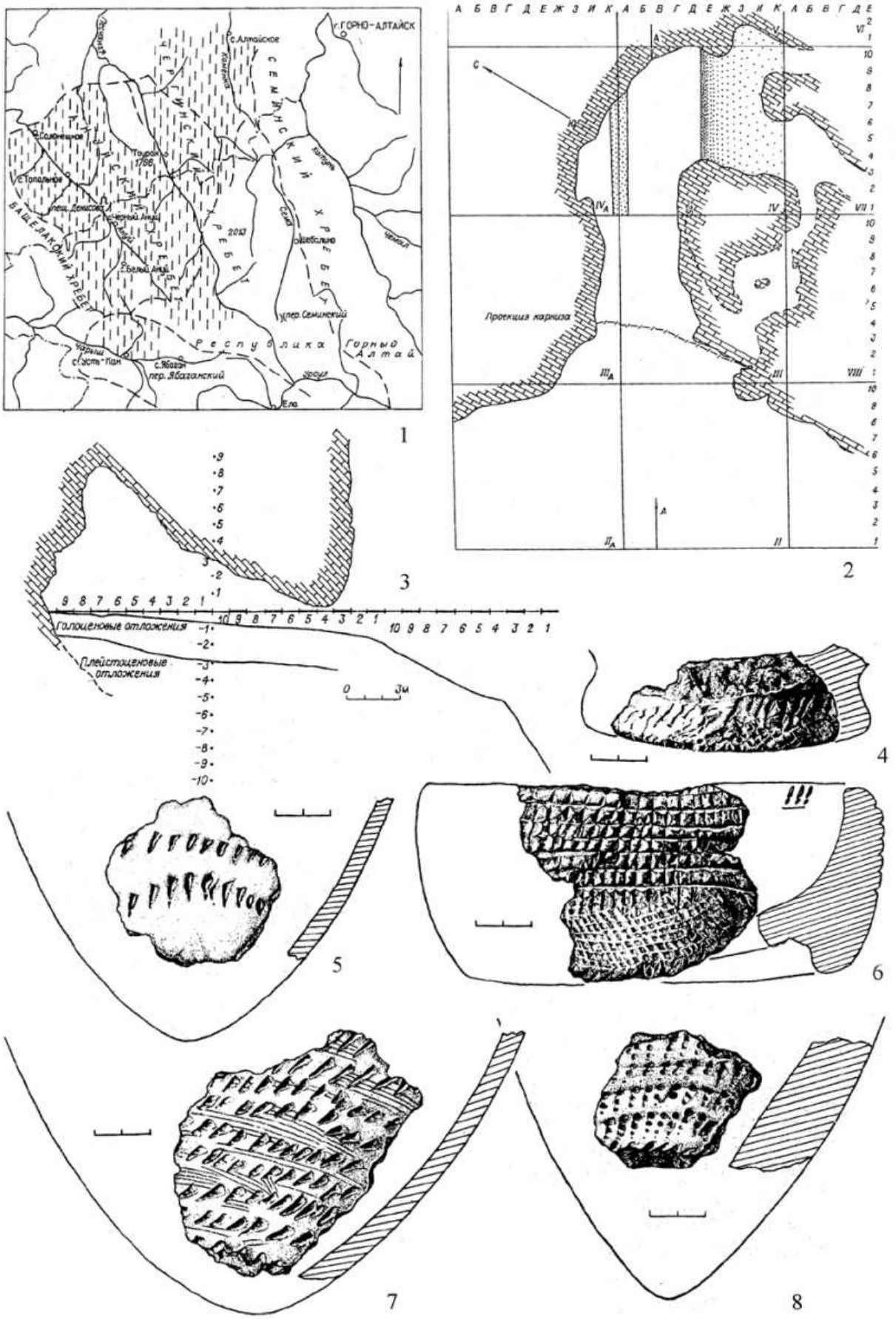

Рис. 189. Денисова Пещера, карта-схема расположения пещеры (1), план (2), продольный разрез, включающий голоценовые слои (3), керамика (4–8). По: Деревянко, Молодин, 1994

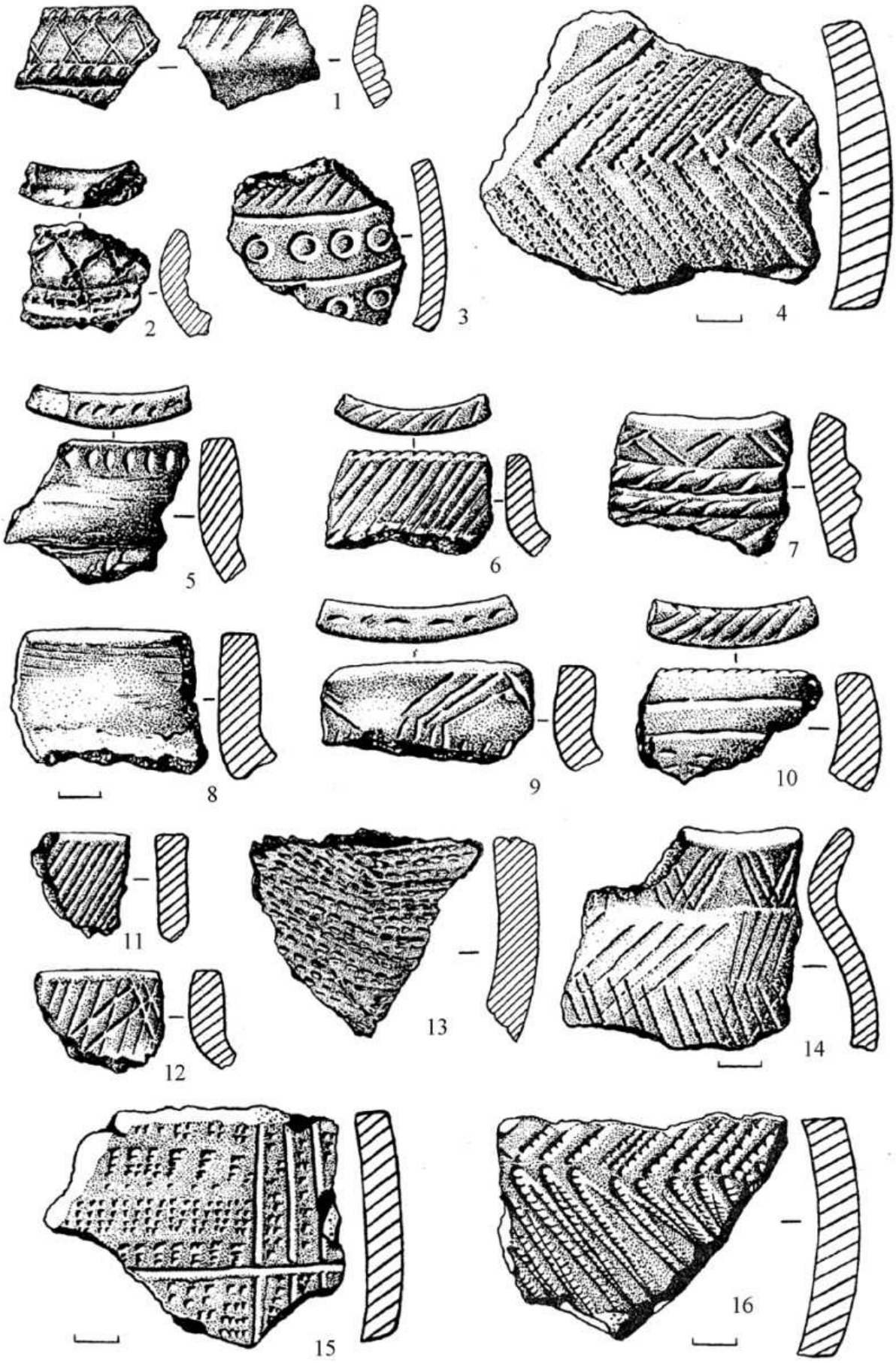

Рис. 190. Денисова Пещера. Керамика афанасьевской культуры. По: Деревянко, Молодин, 1994

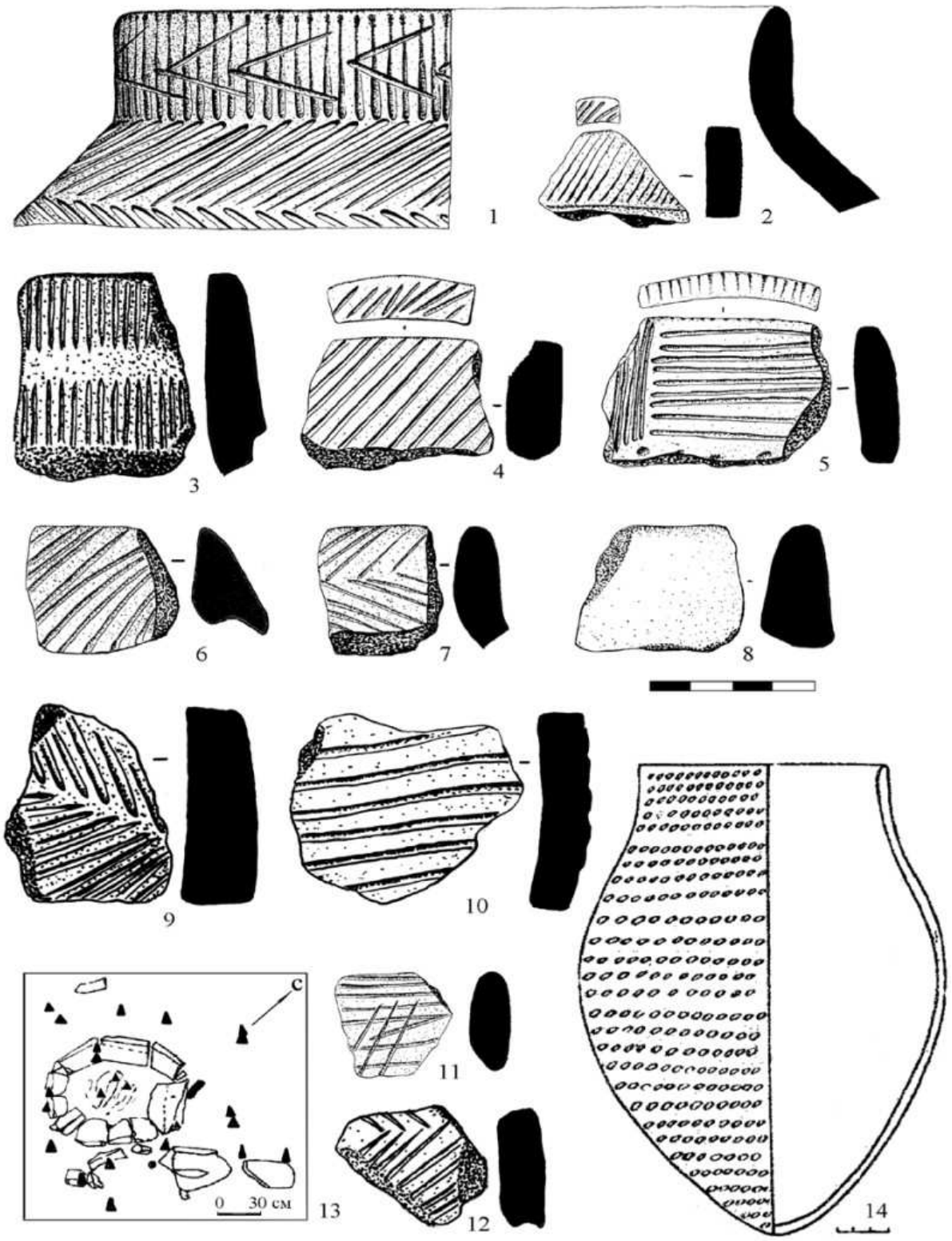

Рис. 191. Керамика (1–12) и очаг (13) с поселения Подсинюшка, сосуд из Первомайского (13).
По: Грушин, Степанова, 2012 (1–13); Матющенко, 1973 (14)

ГЛАВА 5

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЯ

5.1. ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЯ

В Минусинских котловинах памятников афанасьевской культуры известно значительно меньше, чем в Горном Алтае, возможно, из-за того, что в лесостепных районах курганы запаханы, а на правом берегу Енисея могильники и поселения развеяны или закрыты дюнами. В степи ограды афанасьевских курганов, некогда имевшие высоту до 1 м, к моменту раскопок чаще всего не заметны. Видны лишь отдельные задернованные верхние края плит ограды. Наибольшее количество могильников раскопано на террасах Енисея и по его притокам. Это объясняется тем, что здесь в разные годы произведены масштабные археологические исследования. Памятники, раскопанные в прибрежной зоне Енисея, не только самые многочисленные, но и наиболее изучены, поскольку эти могильники раскопаны полностью или почти полностью. Именно на их основе предложена археологическая характеристика культуры, изменяющаяся по мере увеличения числа исследованных памятников.

Название культуры и ее первое описание даны С.А. Теплоуховым по материалам 18 могил, раскопанных им под горой Афанасьевой. Он выделил основной погребальный инвентарь культуры. Глиняные сосуды, преимущественно, яйцевидной или, реже, сферической формы, покрытые грубым орнаментом, выполненным зубчатым чеканом, резьбой и лепкой. Каменные орудия представлены пестами и терками. Отмечены медные изделия в виде обкладок краев деревянных предметов. Несмотря на малочисленность остатков мясной пищи в могилах, С.А. Теплоухов определил охото-скотоводческую форму хозяйства. Впервые, как антрополог, он установил физический тип населения: длинноголовость, узкое лицо и горбатый нос. Это отличало древнее население от современного местного и жителей прилегающих районов Азии. В качестве основных черт погребального обряда, он отметил овальные и круглые ямы, положение погребенных скорченно, головой на ЮЗ, под завалом камней (Теплоухов, 1929, с. 42–43).

С.В. Киселев, спустя 20 лет, сравнил могильник под горой Афанасьевой с новыми памятниками (Тесь I–III, Сыда, Красный Яр, Малые Копены), где было раскопано еще 34 кургана. Сравнения произведены по внешнему виду надмогильных сооружений, конструкциям могил, числу яйцевидных и сферических сосудов. К известным под горой Афанасьевой каменным выкладкам он добавил земляные курганы высотой до 60 см, на южной стороне которых выложены круглые ограды из положенных плашмя или, реже, вкопанных на ребро плит. К грунтовым ямам (овальной и квадратной формы), покрытым бревнами и жердями, он добавил низкие срубы и каменные ящики, впоследствии оказавшимися впускными могилами других культур. С.В. Киселев справедливо установил, что погребения не забрасывали камнями, но считал, что некоторых погребенных в могилах сжигали. К уже установленным двум формам сосудов (яйцевидные остродонные и шаровидные круглодонные) он добавил реповидные и горшковидные с плоским или уплощенным дном, а также вазочки на поддоне. Таким образом, памятники афанасьевской культуры, по его наблюдениям, оказались значительно разнообразнее, чем представлялось С.А. Теплоухову. Это разнообразие он пытался объяснить хронологическими причинами, выделив в первую (раннюю) группу могильник под г. Афанасьевой, а во вторую (относительно позднюю) все остальные. В качестве подтверждения эволюции культуры С.В. Киселев констатировал уменьшение числа сосудов яйцевидной формы с 70 до 52%, увеличение парных (с учетом двух могил под одной насыпью) и коллективных захоронений, в чем он видел проявление патрилокального брака.

С.В. Киселев предложил первое описание жизни и быта афанасьевского населения. По его мнению, оно селилось небольшими поселками по берегам Енисея и его крупных притоков. Жили оседло, о чем свидетельствует то обстоятельство, что в каждой могиле не менее 1–2 горшков. Занимались преимущественно рыболовством, собирательством, охотой. Они делали первые шаги в разведении скота, довольствуясь ближайшими пастбищными угодьями. Наличие мотыжного земледелия ничем не подтверждается, но нет основания, по мнению автора, его полностью отрицать (Киселев, 1949, с. 30). Ко времени исследований С.В. Киселева, антропологом Г.Ф. Дебецом было установлено размещение монголоидного населения в таежной зоне к Востоку от Енисея и европеоидного на Алтае, в Минусинской котловине, Западной Сибири и Казахстане (Дебец, 1932; 1941; 1948). Тем не менее, С.В. Киселев не исключал участия в формировании культуры и местного населения.

Наиболее полный анализ культуры провел М.П. Грязнов по результатам раскопок могильников под горой Афанасьевой и у с. Сыда, а также в окрестностях рч. Карасук, под горой Суханиха, около улуса Саргов. Он обосновал принадлежность культуры к эпохе энеолита, поскольку не наблюдалось упадка

в производстве каменных орудий, а для мелких металлических поделок (пластинок, оковок, серег) использовался металл в самородном виде – медь, серебро, золото, метеоритное железо. Афанасьевские сосуды он разделил не по высоте, как С.А. Теплоухов и С.В. Киселев, а по емкости. Выяснилось, что среди них преобладают сосуды 1,5–3 л, реже свыше 10 л, самый крупный до 200 л. Детские горшочки имеют емкость 0,5 л и меньше. Все они использовались для приготовления или разогревания жидкой пищи, но не каши или молока, так как имеют нагар только в верхней части сосуда. Благодаря раскопкам стоянки под горой Тепсей появились реальные представления об очаге, в виде округлого углубления, заполненного слоем горячей золы и угля, и обставленного по периметру каменными плитками. Острым дном горшки помещали в золу и варили пищу. Орнамент на сосудах, по его мнению, имитировал фактуру плетенных или вязаных изделий. М.П. Грязнову принадлежит реконструкция и интерпретация наиболее загадочных изделий – медных скоб и пластинок для починки деревянных сосудов, а также роговых стержней и миниатюрных гвоздиков. Назначение роговых заостренных стержней с несколькими сквозными отверстиями по сторонам до этого было не ясно. Предполагалось, что это музыкальные инструменты или псалии от мягкой узды. М.П. Грязнов установил, что они служили наконечником палки, вероятно, посоха. Гвоздики длиной 10–15 мм с залощенными торцами были окрашены по краям торца охрой. Очевидно, они забивались в красный предмет и украшали его, как белая точечная инкрустация (Грязнов, 1999, с. 57).

Главные достижения связаны с изучением погребального обряда, чем ни С.А. Теплоухов, ни С.В. Киселев практически не занимались. Под руководством М.П. Грязнова раскопано свыше 40 новых курганов, содержащих около 55 могил взрослых людей, не считая детских. Среди них много не значительно потревоженных и даже не ограбленных. Курганы впервые были раскопаны широкими площадями с расчисткой оград и надмогильных сооружений, что позволило М.П. Грязнову детально проанализировать их конструкции и подсчитать, сколько требуется материалов и затрат человеко-дней для их сооружения. В результате было установлено, что насыпей поверх афанасьевских могил не было, а были развалившиеся надмогильные конструкции из земли (дерна), дерева и камня, и не поверх их складывали ограду, как утверждал С.В. Киселев, а вокруг сооружений.

М.П. Грязнов высказал версию, что людей хоронили в определенное летнее время и не каждый год. В коллективных могилах собирали людей, умерших в разное время. Их клали в одной половине ямы, а вещи для всех ставили в другой. Предположительно, трупы окоченевали в позе сидящего человека с кистями рук, положенными на бедра, но, безусловно, умершие помещались в могилу в такой позе на спине, головой в западном направлении (Грязнов, 1999, с. 58). Ему принадлежит новая попытка определить брачно-семейные отношения афанасьевцев. Для этого по результатам раскопок девяти могильников установлены возрастные группы 150 умерших, включая 40 младенцев и 26 детей с подростками. Среди взрослых погребенных оказалось больше мужчин, в чем М.П. Грязнов увидел отражение полиандрии (Грязнов, 1999, с. 63). Однако, как выяснилось позднее, на других могильниках, например, на Летнике VI, картина противоположная, т.е. значительно больше похоронено женщин. Так сложилось, что отдельные, написанные в разные годы, части рукописи М.П. Грязнова опубликованы уже после его смерти, поэтому публикация содержит повторения, некоторые устаревшие понятия и противоречия. К таким досадным ошибкам относятся указания на несуществующие факты захоронения пепла человека и значительного количества костей диких животных в могилах (Грязнов, 1999, с. 58).

Итоги изучения афанасьевской культуры подведены в опубликованной мной в 1986 г. монографии. Их необходимость диктовалась тремя обстоятельствами. Во-первых, это соответствовало структуре монографии, посвященной всем историческим периодам Присаянья, где дан анализ всех культур перед кратким сводом их памятников. Во-вторых, не только рукопись М.П. Грязнова[1], но и материалы большинства раскопанных к тому времени памятников афанасьевской культуры Енисея не были опубликованы. В-третьих, источниками новой характеристики культуры было значительно увеличившееся число памятников: 28 могильников, включающих 183 раскопанных кургана с 309 могилами. Конечно, были и личные наблюдения. В частности, мною помимо оград выделены крепиды-ограды надмогильных сооружений. Зафиксирован обычай разводить около могил костер для похоронной тризны, остатки которой, включая угли, косточки животных, обломки посуды, клали на бревенчатое покрытие могилы. Из-за костров и горячих углей некоторые накаты обугливались. В характеристику хозяйства культуры внесены уточнения об отсутствии значительной роли охоты, поскольку все найденные кости диких животных из насыпей курганов, оказались принадлежащими неолитическим поселениям (Вадецкая, 1986а, с. 19). Однако меня больше интересовали темы, не затронутые в рукописи М.П. Грязнова. Это касалось анализа афанасьевских и окуневских курильниц (Вадецкая, 1986б), но, главным образом, социальных отношений (шаманов, старейшин, вождей) в афанасьевском обществе. Впервые при характеристике культуры для хронологии памятников Енисея были использованы 16 радиоуглеродных дат

[1] С разрешения М.П. Грязнова я использовала его рукопись и полевые отчеты при написании нескольких статей (Грязнов, Вадецкая, 1968, с. 159–165; Вадецкая, 1976, с. 42–52; 1980а, с. 104–118; 1980б, с. 79–93; 1986а, с. 15–26).

(Вадецкая, 1981, с. 62). Таким образом, эта характеристика не только подтвердила многое, уже известное, но и наметила новые направления для изучения культуры.

Данный свод памятников наглядно показывает какие наблюдения оправдались, а какие ошибочны или преждевременны. Четко прослеживаются неизученные вопросы. Чтобы их суммировать я придерживалась единой схемы описания памятников: название и географическое место, методика раскопок, расположение курганов на территории могильника, конструкция погребальных сооружений, обряд, керамика и инвентарь, отражение социальных отношений, хронология, место хранения материалов, источники и публикации. Ниже изложено краткое обобщение основных результатов.

Погребальные сооружения

Афанасьевские погребальные сооружения называют и курганами, и оградами, поскольку под курганами имеются в виду расплывшиеся надмогильные сооружения, окруженные оградами или укрепленные крепидами – опорными стенами, построенными по периметру надмогильного сооружения. Те и другие плохо сохранились. В некоторых случаях прослеживаются насыпи высотой до 20–40 см, иногда они плоские, до того же уровня сохранились камни ограды.

Методика раскопок курганов постепенно совершенствовалась. Первоначально изучали лишь заполнение ямы и расчищали останки погребенного (С.А. Теплоухов). Позднее закладывали раскопы внутри ограды или снимали насыпь вместе с оградой (С.В. Киселев). В настоящее время, в первую очередь, выявляют внешнюю сторону ограды, окапывая кольцевой траншеей шириной не менее 1 м, а затем проводят бровки внутри ограды, снимают землю и расчищают камни и дерево.

К погребальному комплексу относятся сооружения, состоящие из грунтовой ямы, ее покрытия, надмогильного холма или купола, а также ограды вокруг холма или крепиды, вплотную к нему.

Грунтовые ямы – единственный вид афанасьевских могил. Ямы, овальные, подквадратные и прямоугольные, с сильно скошенными углами и неровными стенками, которые отбивались каменными пестами и колотушками. Проследить первоначальные стенки трудно и в твердом грунте. В частности, на могильнике Красный Яр I стенки нескольких ям в верхней части, до глубины 20–40 см, были пологие, а в одной могиле (огр. 4) выложены плиткой. Особенно сложно это сделать в песчаной почве. Например, в яме кургана у с. Восточное стенки неровные и пологие, поэтому яма по верхнему краю размером 370х310 см, а по неровному дну 270х205 см. Наличие на могильнике Афанасьева Гора, так называемых ярусных могил, не подтвердилось, поскольку среди верхних ям нет ни одной, безусловно, афанасьевской.

Надмогильные сооружения. Конструкции погребального комплекса, как правило, стандартные и различаются лишь размерами и материалом, что связано с географическими условиями, в частности, правого и левого берегов Енисея. Все могилы, кроме детских, большие, закрыты бревнами и небольшим слоем земли, состоящим из выкида из ямы и остатков погребального костра. Бывает сложнее, например, поверх бревен уложен слой золы в 20 см от поминального костра и слой дерна такой же толщины. Все это покрыто мелкими плитами на площади 49 кв. м (Карасук III, огр. 3). В другом случае концы бревен лежали на неубранных «выкидах» из ямы высотой до 40 см, сохранившихся по всему периметру (Подсуханиха, огр. 19А). Выше остатков погребального костра конструкции над могилой различались: 1) они складывались полностью из камня; 2) из дерна и облицовывались плитами; 3) из плит, поверх которых укладывали дерн. Надмогильные сооружения, как правило, укреплены стенками-крепидами и реже оградами. Ограды или крепиды двух типов: из вертикально вкопанных плит, сохранившихся высотой до 50 см, первоначально высотой до 1 м, или сложенные из песчаника до 5 рядов плит, шириной до 70–100 см, высотой 30 см, первоначально до 70 см. Наружные стены оград-крепид выровнены. Расстояние между ними и могилой 1–1,5 м или совсем отсутствовало, поскольку было заполнено землей или камнями. Все дополнительные могилы выкопаны почти впритык с внутренней стороны стенки ограды или в расплывшихся краях надмогильной насыпи, иногда для них разбиралась часть ограды.

Несколько отличаются каменные надмогильные сооружения, как на севере под горой Афанасьевой, так и на юге, на Летнике VI, где они выкопаны в супеси с галькой и мелкими валунами. Поверх бревен в несколько рядов укладывались валуны и гальки. Это каменное сооружение сдерживала от развала крепида из валунов, поэтому дополнительные могилки расположены, как правило, снаружи ограды. Особенности конструкции прослеживаются, возможно, в одном из поздних могильников Малые Копены II, где ямы закрывали тонкими бревнами или плахами, поверх которых настилали бересту и прижимали плитами. Дно ям, видимо, выстилали корой. Ямы мелкие, от 45 до 65 см глубиной от древней поверхности. Некоторые погребения, преимущественно детские, устроены на древней поверхности и присыпаны землей.

Конструкции оград. Ограда от крепиды-ограды отличается большими размерами и аккуратно выложенной с двух сторон стенкой, а у крепиды ровная только наружная стенка. Внутренняя сторона из неровных плит, которые, видимо, должны были закрываться краями надмогильного сооружения. Оградой окружены могилы у с. Восточное. Внешний диаметр ограды 20 м, внутренний 15 м. Обе стенки

ограды (внешняя и внутренняя) сложены из ровно подобранных массивных необработанных камней и блоков, а между ними беспорядочно набросаны камни разной формы и размера. Выше блоков (с высоты 70 см) ограда надстроена ровными плитами песчаника, на момент раскопок находившимися за оградой в виде развала. Ширина ограды до 5 м, сохранившаяся высота до 55–70 см. Первоначально ее высота была до 2 м. Ограда использовалась, видимо, во время сооружения могилы вождя. После погребения пространство внутри нее поверх могил выложено в несколько рядов камнями, а сверху облицовано черепицеобразно уложенными плитами.

Во всех других случаях трудно отличить ограду от крепиды – опорной стены, построенной по окружности надмогильного сооружения. Те и другие круглые, различаются 2 типа: сложенные из плашмя положенных плит или составленные из вертикально вкопанных плит. В единичных случаях ограды-стенки обставлены снаружи вертикальными плитами. Преобладают могильники с оградами первого типа (Черновая VI, Красный Яр I, Летник VI, Малиновый Лог, Тесь, Моисеиха, Суханиха). Два поздних могильника с оградами второго типа (Малые Копены II и Бельтыры). Оградки из вкопанных вертикальных плит могли служить крепидами только для относительно легких надмогильных сооружений, конструкция которых пока не определена. Оба типа оград имеются на могильниках Сыда, Карасук III, Барсучиха IV и у оз. Итколь. Поскольку они могут быть со временем разрушены, то для определения ограда или крепида требуются такие дополнительные наблюдения, как размеры надмогильного сооружения, размещения дополнительных могил внутри ограды или за ее пределами.

Реконструкция ограды, кроме могильника у с. Восточное, производилась лишь с целью восстановления ее первоначальной высоты. Для этого были расчищены все свалившиеся наружу плиты ограды (Подсуханиха, огр. 2), лежавшие черепицеобразно, иногда в несколько рядов на ширину 2,5–3 м. Затем все плиты развала были аккуратно сложены на не потревоженную нижнюю часть ограды, сохранившуюся до высоты 35 см. Таким образом, удалось восстановить ограду внутренним диаметром 11 м и шириной в 100 см, высотой 80 см. С учетом того, что не все плиты были подняты, ее вероятная первоначальная высота была не менее 1 м. Для другой ограды могильника (ограда 6), внутренний диаметр которой 8,5 м и ширина 80 см, предположена меньшая высота. Почти в 2 раза больше в 2000 г. установлена высота третьей ограды этого могильника (19А), внешний диаметр которой 17–17,5 м, развал кольца шириной 2,5–3,4 м, а первоначальная ширина 130 см.

Внешне одинаковые ограды могут различаться внутренней кладкой. Это прослежено на четырех оградах могильника Малиновый Лог внешним диаметром 7,5–8,5 м, внутренним 5–7,5 м, сохранившейся высотой от 35 см до 80 см, шириной ограды от 70 до 150 см. Все сложены из уложенных плашмя плит, аккуратно подобранных по внешней стороне и с неровными краями изнутри. В основании одной ограды (№1) для ее разметки уложены с перерывами крупные плиты (70х100 см), а более мелкие плиты докладывались до высоты больших плит, и так в несколько горизонтов. Под нижними плитами другой ограды (№5) положены 6 валунов, видимо, в промоину для выравнивания поверхности. Плиты третьей ограды (№2), диаметром 3 м, положены горизонтально друг на друга «в перевязку». Для ограды 4 использовали разные материалы – рваный камень и девонский песчаник (Боковенко, Митяев, 2010, с. 16–24).

Итак, к косвенным признакам ограды-крепиды относятся, во-первых, небольшие внутренние размеры ограды (от 5 до 10 м). Во-вторых, детские могилы расположены за ее пределами, а не внутри. В-третьих, ровная кладка оград только снаружи. Следовательно, неровные края плит внутренней стороны были чем-то закрыты: плитами или землей надмогильного сооружения. Таким образом, вокруг надмогильного сооружения чаще сооружалась крепида, реже ограда, но всегда предварительно выкапывалась могила.

Погребальный обряд

Особенностью похоронной практики афанасьевцев было совершение захоронений преимущественно летом, реже весной и осенью. Это подтверждается ориентацией ям, следами предварительного обогрева весенне-осенних ям, обычаем перезахоронений тех, кто умирал в холодное время года. Большинство ям ориентировано длинными стенками ЮЗ–СВ и ЗЮЗ–ВСВ. Прослежено, чтобы произвести одно захоронение весной (З–В) на могильнике Красный Яр-I, огр. 15, яму выкопали меньшего размера (165х130 см), чем другие, землю обогревали кострами, отчего дно прокалено и с угольками, а верхняя половина захороненного мужчины 40–50 лет обуглилась. В другом случае 2 осенние могилы (ориентированные на СЗЗ и ССВ) сооружены в расплывшихся краях надмогильного сооружения предыдущей могилы (Сыда, огр. 5).

Перезахоронения. Еще при раскопках С.А. Теплоухова на могильнике под горой Афанасьевой (м. 15) на факт перезахоронения указывала нижняя челюсть мужчины, в которой на месте выпавших обоих первых резцов оказались ложно-коренные зубы, вставленные в пустые альвеолы (Теплоухов, 1927, рис. 10; Грязнов, 1999, с. 16). Более конкретные признаки вторичных захоронений были установлены при раскопках одной из могил кургана 2 могильника Карасук III (рис. 101; 192). В юго-восточной

половине были размещены тела подростка 10–11 лет и старой женщины, кучки костей двух мужчин 40–60 и 25–40 лет, а также ребенка 8–10 лет. В северо-западной половине могилы поставлены в ряд сосуды различных форм: корчага, сферический, реповидный, 4 яйцевидных. Видимо, тела были спеленованы, поэтому у подростка слегка изогнут позвоночник, а у женщины слегка повернут череп (Грязнов, 1999, рис. 22 -6). Среди сложенных костей мужчины 40–60 лет некоторые были в сочленении, а череп с нижней челюстью лежал отдельно, около ушного отверстия сохранилась серебряная серьга. Отдельно уложены черепа возле кучек сложенных костей неполных скелетов мужчины 25–40 лет и ребенка 8–10 лет. Все скелеты не полные (не было некоторых крупных костей и всех мелких). Края тазовых костей и лопаток мужчин, собранных в кучи, рыхлые. На них и ребрах есть следы зубов собак или волков, нет эпифизов всех трубчатых костей. Следовательно, тела этих людей объедены волками. Несколько позвонков пожилого мужчины еще были в сочленении, а кости ребенка вообще не потревожены. Последнее указывает на то, что тела где-то лежали разные сроки. Расположение костей в кучах говорит о том, что они уложены в мешки или завернуты в узел (Грязнов, 1999, с. 32).

Эта могила, с одной стороны, объясняет наличие некоторых коллективных совместных захоронений на афанасьевских кладбищах. С другой стороны, указывает, как распознавать перезахороненных людей по скорченным от пеленания трупам, отделенным от тела или отсутствующим головам, сложенным в кучи костям скелетов, размещению останков покойников в одной половине ямы, а вещей в другой. По этим признакам выделяются совместные перезахоронения и в других могилах: Афанасьева Гора, м. 6 и 33 (Грязнов, 1999, с. 15, 20, рис. 4 -3; 8 -8); Карасук III, огр. 13, Саргов (Грязнов, 1999, с. 24, 39, рис. 17 -7; 29 -6), Черновая VI, к. 3, м. 1 (Вадецкая, 2010, рис. 5 -7), Тесь III, к. 14, м. 2 (Киселев, 1937, с. 77–80), Тепсей VIII, к. 4, м. 3 (Грязнов, Комарова, 1979, с. 20) и др.

Логично предполагать, что перезахоранивали не только группу, но и отдельных людей. Признаки перезахоронения могут быть те же: частичное отсутствие костей в не потревоженных могилах, расположение черепа отдельно от скелета, неестественность позы погребенного, позволяющая предполагать, что труп или кости были спеленованы или находились в мешке. На могильнике Нумыхар захоронен подросток 13–14 лет. Следов нарушения могилы нет, однако у подростка отсутствует череп, мелкие кости рук и неестественно изогнут позвоночник (рис. 127 -3). На могильнике Малиновый Лог похоронен мужчина после отчленения головы, когда связки еще не совсем распались. Следов ограбления нет, мужчине отведена южная половина ямы, а северная оставлена для вещей (рис. 115 -2). На могильнике Красный Яр I головы отделены от тела и положены на 15–30 см выше от предназначенных им мест (рис. 104; 109 -3).

Поза покойника и размещение горшков. Для первичных захоронений используются определенные ритуалы. Сразу после смерти взрослого человека, до окоченения, усаживали в одежде, затем во что-то плотно заворачивали, придавая не только позу ногам с поднятыми коленями, но и рукам, одну из которых прижимали вдоль туловища, а вторую сгибали в локте и клали кистью на живот. Доказательства того, что их одевали в зимние шубы, как предполагал М.П. Грязнов, отсутствуют. Завернутое в шкуру или циновку тело клали на спину в западном направлении, то есть лицом на восход солнца. Дно ямы, видимо, предварительно застилали подстилкой из коры (Малые Копены и Малиновый Лог) или бересты. В исключительных случаях и, как правило, при перезахоронении тело клали в скорченном положении на боку или усаживали.

Погребенным клали сопроводительную пищу, принадлежности, связанные с их общественной деятельностью, и, вероятно, мягкие вещи из не сохранявшихся материалов типа меха, шкур, растительных циновок. Сосуды с пищей, преимущественно, ставили около ног и, реже, у головы. В частности, на могильнике Красный Яр I по 1–2 сосуда ставили у ног погребенных, а при совместных захоронениях сбоку или у противоположной стенки ямы, где клали и другие вещи. Только детям ставили сосуды у головы. К «профессиональным предметам» относятся: курильницы, корчаги, посохи старейшин. Предположение о наличии мягких вещей (одежды или постели) основано лишь на отведенной для них в могилах большой площади.

Кроме керамики, на могильниках часто находят каменные песты и колотушки из галек и валунов, в единичных случаях – тесло, долото, плитки с острыми краями, используемые для выкапывания могил. В основном, эти предметы оставлены при сооружении надмогильных конструкций и оград, реже в заполнении ям при их выкапывании. К предметам специально положенным мертвым они, видимо, не относятся. Такими же случайными являются кремневые наконечники стрел, застрявшие в телах покойников.

Культовые действия. Курильницы найдены, как в могилах, так и около них. В могилах они поставлены, вероятно, людям, связанным с сакральной сферой, в качестве атрибута их деятельности. Те же, что остались на борту ямы или в обломках в поминальном костре, очевидно, использовались для ритуальных действий в процессе похорон (Летник VI, огр. 3, 14). Куски говядины (голень коровы) и баранины (лопатка овцы) клали очень редко (Летник, огр. 2–3; Афанасьева Гора, м. 8).

Использование охры. Охрой окрашены все ритуальные сосудики, большинство из которых вазочки-курильницы, в них сжигали пахучие травы, веточки можжевельника и эфедры. Следы охры

есть на единственном найденном каменном ноже (Староозначенскя Переправа I), на верхней части костяных гвоздиков, являющихся частью инкрустации деревянных посохов (Карасук III, огр. 2, м. 1; Красный Яр I, огр. 13, м. 1). В других случаях сами деревянные изделия типа посохов и иных предметов были окрашены охрой, а белые шляпки гвоздиков их инкрустировали (Восточное). Для окрашивания вещей или, вероятно, нанесения росписи на лицо и тело умершего некоторым покойникам клали небольшие кусочки охры. В могилах под горой Афанасьевой они лежали в разных местах – у черепа, плеча, ноги, под сосудом, у стенки ямы и однажды среди ребер, в одном случае (Летник VI, огр. 28) кусочек охры вложен внутрь шаровидного сосудика с двумя ушками для подвешивания.

Крайне редко скелеты осыпаны охрой – имитацией крови. Это практиковалось, видимо, лишь для особой категории людей, занимающихся религиозной практикой. На могильнике Летник VI только в одной могиле (огр. 25) двое мужчин были покрыты плотным слоем охры. На могильнике Карасук III это зафиксировано в трех могилах. В первой (огр. 13) были перезахоронены труп и кости двух людей, покрытые плотным слоем охры. Среди сосудов в могиле была курильница. В другой могиле, в которой перезахоронены 3 трупа (огр. 1, м. 1), все кости окрашены охрой. Также среди сосудов была курильница. В третьей могиле (огр. 1, м. 2) красная охра была на костях подростка 12–14 лет и взрослого мужчины. Значительно чаще на костях скелетов имеются лишь следы охры, поэтому, вероятно, были окрашены не кости, а циновки, в которые завернуты покойники. Косвенно это подтверждается тем, что охра встречается лишь на отдельных костях, причем как взрослых людей, так и детей, связь которых с сакральным использованием охры маловероятна.

Поминальные ритуалы. Похоронные тризны около могилы устраивали на всех кладбищах. Остатки тризн вместе с угольками от костра укладывали на бревна покрытия могилы вместе с землей, вырытой из ямы. Поэтому в земляном надмогильном сооружении находят черепки сосудов, золу и угольки. Иногда разводили костер прямо на перекрытии могилы. Под горой Барсучиха (к. 23) яму перекрыли бревнами, закрыли поверх них дерном и сложили очень большого размера костер. К моменту раскопок от костра сохранилось «пятно» над могилой размером 2х3 м. В остатках костра найдено много фрагментов горелого и не горелого дерева, крупные обломки остродонного сосуда и верхняя часть курильницы (рис. 84 -7). В других случаях остатки погребального костра проваливались в яму вместе с бревнами. В таких случаях ямы оказывались заполненными обожженной землей с примесью золы и угля, а также остатками от покрытия из толстых обгорелых бревен и плит (Моисеиха, огр. 9 и 17). На могильнике Летник VI от костров сохранились не только обугленные бревна покрытий, но и обожженная земля за пределами могилы.

Посуда и другие изделия

Погребенным клали пищу, оставляли украшения или постоянно находящиеся при них какие-нибудь атрибуты. Основой хозяйства афанасьевских племен было разведение домашнего скота. Анализ нагара и накипи на сосудах подтверждает, что в них варили бульон с мясом, а не кашу или молоко (Грязнов, 1999, с. 48). Между тем, куски мяса среди похоронной пищи были редкостью. Видимо, мясную пищу покойникам заменяли молочной (творогом, сыром, араку), растительной (коренья диких растений) либо рыбой.

Основные формы керамических изделий – яйцевидные остродонные и шаровидные круглодонные сосуды, а также ритуальные вазочки-курильницы. Помимо них имеются малочисленные нестандартные формы, близкие к указанным выше.

Яйцевидные сосуды преобладают на всех могильниках, но кроме классических появляются новые: крупные сосуды (высотой 30–40 см) с высоким прямым венчиком и несколькими валиками под ними (Афанасьева Гора), и небольшие или миниатюрные яйцевидные сосуды, как с заостренным, так и плоским донышком, один на поддоне (Летник VI; Карасук III). Различаются между собой яйцевидные сосуды с вытянутым туловом и круглым и заостренным или плоским дном (Малые Копены II, Подсуханиха, Моисеиха). Среди шаровидных круглодонных сосудов, кроме схожих с реповидными и горшковидными, имеются отдельные экземпляры с заостренным дном (Афанасьева Гора, Подсуханиха), с крупными сильно отогнутыми венчиками (Афанасьева Гора); горшковидные с большим плоским дном и без орнамента (Малые Копены II, Подсуханиха, Сыда). Особенно много миниатюрных сосудиков: кубических, квадратных, горшочков, схожих с яйцевидными сосудиками, но с плоским донышком и иногда ручками. Кроме них ладьевидный сосудик (Летник VI), круглодонный с двумя выступами под венчиком (Афанасьева Гора), овальная мисочка с боковыми ручками (Карасук III).

Социальные отношения

Данных о структуре семьи и рода по-прежнему нет. В оградах бывает от одной до трех могил. При анализе каждой выясняется, что одновременное сооружение даже двух могил было крайне редким. Чаще они выкопаны последовательно. Это доказывается тем, что для сооружения новой могилы разбирали часть уже имеющейся ограды и складывали новую: Сыда к. 8, Малиновый Лог огр. 3 (рис. 114 -1; 136 -2). Иногда имеются более сложные доказательства, например, для могильника Летник VI. Здесь

поверх бревенчатых накатов могил разводили костер. Исключение составила одна могила из двух в ограде 2. Она, видимо, выкопана позднее, поскольку не параллельна первой и бревенчатый настил на ней не сожжен. Следовательно, с момента первого захоронения изменился ритуал погребения.

Принято считать, что количество погребенных на том или ином могильнике приблизительно соответствует численности жителей афанасьевских поселков. На этом основывался М.П. Грязнов при подсчете возрастных групп погребенных в могильниках. Исходя из этого был сделан вывод о наиболее высокой смертности в юношеском возрасте, установлены сроки продолжительности жизни и форма брачных отношений – полиандрия (Грязнов, 1999, с. 61–63). Однако не были включены в подсчеты такие крупные могильники, как Красный Яр I и Летник VI, в которых женщин в 3 раза больше, чем мужчин. Не учтено, что крупные могильники содержат по несколько разновременных отдельных групп – кладбищ. Следовательно, число умерших в них людей надо подсчитывать отдельно. Однако, главное, обычай сезонного захоронения мертвых и перезахоронения ранее умерших, вообще не позволяет количество погребенных переносить на демографию живого населения. Более уверенно подтверждается начало брачного возраста с 13 лет и отражается социальная дифференциация покойников. Мнение о начале брачного возраста основано на могилах, где захоронены мужчины 25–40 лет с подростками 12–13 и 14–18 лет (Черновая VI). По аналогии с ними молодые люди в возрасте 15–16 лет и 18–20 признаны женщинами (Карасук III, огр. 8, м. 2; огр. 3). Доказательством являются две женщины 13–14 лет, в области живота одной находились косточки утробного младенца, а вторая похоронена с двумя новорожденными и младенцем 3–6 месяцев (Красный Яр I, огр. 9 и 11).

Около 30% афанасьевских могил коллективные. Преобладают погребения женщины или мужчины с ребенком. Второе место по численности занимают могилы с двумя людьми, как разного, так и одного пола, иногда с ребенком. Парных погребений не больше, чем однополых. Среди коллективных могил 4 «братские», где захоронены одновременно умершие, а не собранные из предварительных захоронений. Состав погребенных в них разный: 4 пожилых женщины (Афанасьева Гора, м. 24); 7 женщин, в том числе 3 пожилых, и ребенок (Афанасьева Гора, м. 41); 2 пары, где мужчина 25–40 лет и подросток 13–14 лет (Черновая VI, к. 4, м. 4); 7 мужчин и женщин с младенцем (Сыда, огр. 4, м. 2). Объединяются могилы, где похоронены предположительно убитые (обломок шила у черепа или костяной наконечник стрелы) условиями погребения. Для них вырыты небольшие ямы, покойники помещены плотно, частично перекрывая один другого. Горшки отсутствовали или поставлены в тесные промежутки между телами и поверх них.

На каждом могильнике, насчитывающем не менее 4–5 курганов, имеются по 1–2 могилы, отражающие значительную социальную дифференциацию погребенных. Признаками высокого общественного статуса является монументальность сооружения, чем больше курган, тем больше людей привлекалось для его возведения. Как правило, надмогильные и около могильные конструкции на данный момент разрушены, но в качестве признака сохраняются ямы больших размеров. Их площадь разделена на две половины, одна для 1–2 покойников, другая для вещей. Среди них всегда имеется корчага или вазочка-курильница. Подробное описание курганов приводится в главе посвященной могильникам, поэтому напомню самые примечательные, где, кроме корчаг, клали посохи старейшин.

Самый крупный (ограда шириной 5 м и высотой 2 м) одиночный курган у с. Восточного. В основной яме похоронены без голов мужчина и женщина 50–60 лет, которым символично положено по младенцу в возрасте до 1 месяца. Слева от мужчины, от головы и до стоп, положен деревянный посох, украшенный по всей длине более чем 200 роговыми гвоздиками, лежавшими группками по 3–4, в один-два ряда. Северная половина ямы заполнена раздавленными сосудами, среди них корчага. Рядом с могилой вождя, в маленькой яме под плитой, захоронен мужчина 50–60 лет с серебряной спиральной серьгой в левом ухе. На его живот и стопы поместили 2 горшка (Вадецкая, 1980а, с. 101–107).

Второй по величине курган (ограда шириной 1,3 м и высотой 1,5 м) с корчагой и остатками посоха в могиле расположен в 35 м от могильника под г. Суханиха. В нем были кости двух мужчин 30–35 и 40–45 лет, обломки корчаги, 10 костяных гвоздиков, веретенообразный костяной предмет. На дне ямы лежали яйцевидный сосуд и каменный пест (Parzinger, Nagler, Leont´ev, Zubkov, 2009, abb. 106–107).

Третья яма с посохом, инкрустированным гвоздиками, имела ряд особенностей: на дне подстилку из древесной коры, покрытие из плах, больших плит и бересты (Малые Копены II, огр. 3). Около головы погребенного поставлены 2 корчаги, положены каменные пест и долото. За спиной был нетронутый ряд из 63 роговых гвоздиков и пробочек разного размера, которые лежали одной линией (Вадецкая, 2012б, рис. 17).

Украшения четвертого посоха (кучки из 54 гвоздиков) лежали около костей мужчины 40–60 лет в коллективной могиле (Карасук III, огр. 2, м. 1). Их, видимо, перенесли вместе с мешком костей человека и куском посоха. Ему же, видимо, поставлена корчага, находившаяся вместе с другими семью сосудами вдоль северной стены ямы (Грязнов, 1999, с. 32, рис. 27 -1).

От пятого посоха (Красный Яр I, огр. 1, м. 2) найдены 3 костяных гвоздика среди немногочисленных останков людей (мужчины, женщины, подростка) и корчаги (Вадецкая,1981, с. 45, рис. 15 -1).

Как правило, если ставили корчагу, то не ставили курильницу, хотя площади могил с курильницами тоже превышают принятые стандарты. В могилах с курильницами похоронены или один пожилой мужчина, или женщина, реже 2 человека. Среди сосудов есть миниатюрные необычной формы (ладьевидной, кубической, прямоугольной), нарядные сосуды с религиозными символами, редкие куски баранины и конины. Именно в этих могилах иногда покойники покрыты слоем охры (Карасук III, огр. 13, Летник VI, огр. 25). В одной могиле мужчине положены 70 астрагалов овцы для ритуального обряда (Афанасьева Гора, м. 3).

Серьга в ухе. Серьги в виде проволочной спирали чаще из серебра, реже медные, в 1,5–2,5 и в 3,5–4 оборота лежали у виска, под черепом или поверх него. Только одно золотое колечко было слева у черепа женщины 24–40 лет, около сосцевидного отростка (Грязнов, 1999, с. 17). Возможно, одинаковые изделия для мужчин служили серьгой, а для женщин височным колечком. Их носили очень немногие люди разного пола, преимущественно взрослые, реже молодые от 13–14 лет. Среди них были как знатные, так и рядовые, поэтому знаковый смысл украшения не ясен, как и то, зачем этот символ старались сохранить с покойником даже при консервации головы (Карасук III, огр. 2, м. 1) либо клали на место головы (Нумахыр), если она отсутствовала (рис. 127 -2, 10).

Проблема хронологии могильников

В первых работах, посвященных афанасьевским памятникам Енисея, хронологические границы определяли версиями происхождения культуры и ее связей с другими территориями, где обнаруживались похожие изделия, обряды или физический тип населения. В настоящее время археологические даты заменяются радиоуглеродными, что удобно для археологов, поскольку не требуют от них усилий по обобщению широкого круга источников. К сожалению, пример дат, полученных для памятников Енисея показывает, чо среди них есть много ошибочных или несоответствующих археологическим наблюдениям, стратиграфии (Малые Копены II, огр. 2) и планиграфии (Карасук III, огр. 1, м. 2, 3; Летник VI, огр. 13, 14). Объективной причиной сомнительности радиоуглеродных дат является ненадежность образцов, взятых для анализа. Чаще всего, это кусочки дерева, лежавшие по краям покрытия грабленых могил, в том числе таких, которые периодически затапливались водами Красноярского водохранилища (Подсуханиха, Восточное), закрывались дюнами (Малиновый Лог), впускными могилами (Черновая VI, Саргов улус) или извлекались из заполнения ям. Всего около 10 образцов дерева и костей скелетов взяты непосредственно со дна могил. Их даты в близких пределах 4037–4240 лет (ВР): Красный Яр, огр. 7, 12, 15; Нумахыр, Афанасьева Гора, м. 25, 27 (Поляков, 2010б, с. 170).

Учитывая малочисленность относительно надежных радиоуглеродных дат, требуются дополнительные методы для определения хронологических границ могильников Енисея. В качестве рабочей гипотезы можно предложить для их внутренней хронологии 2 основных ориентира – взаимоотношение афанасьевского населения с окуневским и эволюция керамики. Обращает внимание то обстоятельство, что новые формы сосудов не закрепились, а лишь отразили появившуюся нестабильность в жизни гончаров. На Енисее практически не известны афанасьевские кладбища, в которых не ощущалось бы в той или иной степени влияния окуневской культуры или контактов с окуневским населением. Взаимодействие афанасьевского и окуневского населения (раннего или первого этапа окуневской культуры) предположительно и приблизительно можно реконструировать следующим образом. Окуневцы расселялись по минусинским степям и лесостепи постепенно. Сначала они лишь периодически совершали набеги на афанасьевские поселки из лесов, где проживали. Угоняли скот и захоранивали своих внезапно умерших соплеменников в насыпях или могилах афанасьевских курганов. Это, видимо, был наиболее краткий период из их общей истории. Затем они начали селиться вблизи афанасьевских поселков и вступали в контакт с местными племенами. Это был, возможно, самый длительный период, в течение которого охотники-окуневцы превратились в скотоводов и металлургов. После этого окуневцы начали вытеснять афанасьевьевцев с их пастбищ, занимать их кладбища, грабить могилы. В этот период часть населения ушла в более изолированные районы, другая осталась проживать в одних поселках с окуневцами, поэтому в культурных слоях поселений присутствуют черепки горшков обеих культур. Хоронили родственников каждая этническая группа на своих кладбищах, но в похоронных правилах у афанасьевцев стали появляться черты, характерные для окуневцев.

Все сказанное условно отражает хронологическая цепочка из следующих крупных могильников Енисея: Тесь I, Карасук III, Афанасьева Гора, (основные группы), Красный Яр I, Моисеиха, Подсуханиха, Малые Копены II, Черновая VI, Бельтыры. К раннему периоду, предположительно, относится могильник Тесь I. Его особенностью является однообразие захоронений: могилы индивидуальные, ограды-крепиды сложены из положенных плашмя плит, окружают одну могилу, реже две, одновременно выкопанные. Число яйцевидных сосудов преобладает над остальными. Окуневские могилы выкопаны прямо в середине расплывшихся надмогильных сооружений, поверх или внутри афанасьевских могил. Очевидно, они уже плохо различались на поверхности. Устанавливается хронологическая близость этого могильника

с центральной группой могильника Карасук III по керамическим комплексам (яйцевидные сосуды с Карасука III, огр. 1, м. 1 и Теси I, огр. 14 с оригинальным орнаментом из горизонтальных рядов крупных зигзагов, нанесенных гребенчатым штампом и разделенных горизонтальными рядами из оттисков того же штампа – Грязнов, 1999, рис. 25 -4; Киселев, 1949, табл. III -15). Рядом расположенные могилы (Карасук III, огр. 1, м. 2, 3) имеют радиоуглеродные даты – 3996 и 4148 (ВР) (Поляков, 2010б, с. 170).

Первые контакты с окуневским населением отражены на северной, основной территории, могильника Карасук III в единичных амулетах (в виде четырех зубов сурка и двух зубов кабарги – ограды 9, 10) и имитациях окуневских костяных рифленых бус и банок. Под венчиком одного афанасьевского сосуда прилеплены кружки, имитирующие окуневские бусины с рельефными краями (рис. 96 -2). Знакомство с окуневской керамикой ощущается в появлении сосудов с плоскими донышками (рис. 89 -9; 92 -8, 9, 11). В одной из могил этой группы могильника (Карасук III, огр. 7, м. 1) имеется яйцевидный остродонный сосуд, аналогичный сосуду из кургана Восточное, м. 2. На них редкий орнамент с имитацией налепных жемчужин (рис. 88 -3; Вадецкая, 1980, рис. 3 -2). По этим сосудам памятники оказываются близки по времени. Курган у с. Восточное имеет радиоуглеродную дату – 3880 (ВР) (Поляков, 2010б, с. 170).

Более тесные взаимоотношения между разными этническими группами населения отражает центральная группа могил под горой Афанасьевой. Здесь, в двух могилах находились окуневские изделия. В первой (№6) с тремя перезахороненными мужчинами лежала женщина, которой поставлен окуневский горшок, положены игольник с иглой и шило. Во второй (№26) захоронены юноша 15 лет с окуневским горшком и женщина 40–60 лет с яйцевидным сосудом. На ее левом запястье кожаный браслет с нашитыми белыми каменными пуговками, известными у окуневцев, а на груди – кусочек меди от шила, которым она, возможно, была заколота, и 2 костяные пластинки схожие с окуневскими «кинжаловидными подвесками» (Грязнов, 1999, с. 18, рис. 6 -17, 30; 11 -2, 5). В могилах этой группы найдены небольшие яйцевидные сосуды с плоским маленьким дном, в чем также проявляется влияние окуневской посуды, и шаровидные сосуды с большим отогнутым наружу венчиком, которые встречены в поздних могильниках Бельтыры и Камышта I (Грязнов, 1999, рис. 10 -6; 11 -1, 8–9; Липский, Вадецкая, 2006а, табл. III -1, 3, 6; VII -3; XXII -1, 3; Киргинеков, 2010а, рис. 3 -4).

Могильники Красный Яр I и Моисеиха имеют общие черты: окуневцы не только использовали для своих захоронений афанасьевские могилы, но и сооружали свои рядом. Эти кладбища были, видимо, одновременны и с могильником Карасук III, поскольку на всех трех могильниках особенно много похожих горшков, что свидетельствует о том, что они изготовлены одной группой мастеров, работающих в рамках общей традиции и между которыми существовали контакты (Степанова, 2012е, с. 189). Датируется ранняя группа могильника Красный Яр I с 4080 по 4240 лет (ВР) (Поляков, 2010б, с. 170).

К позднему этапу афанасьевской культуры относятся могильники Черновая VI, Малые Копены II, Подсуханиха. На это указывают нестандартные формы керамики: яйцевидные сосуды с сильно вытянутым туловом или заостренным дном, шаровидные плоскодонные и с заостренным дном или миниатюрные сосудики разнообразных форм. Между тем, по радиоуглеродным датам разница между могильником Малые Копены II (4440 (ВР)) и Черновая VI (3700 (ВР)) 740 лет (Поляков, 2010б, с. 170).

Самый поздний из курганов (№4) на могильнике Малые Копены II, на котором помимо нестандартных сосудов (мешковидный), яйцевидный плоскодонный, широкий плоскодонный, шаровидный с высоким венчиком), в конструкции прослеживаются окуневские черты. В отличие от афанасьевских оград, которые делали после сооружения могилы, здесь, как в окуневских, сначала соорудили ограду, а потом ее заполняли могилами. Внутри ограды были 12 могил, расположенные по правилам характерным для окуневских оград. Сначала выкопаны 3 центральные могилы, затем по краям их расплывшихся насыпей выкопаны 4 новые, а позднее в промежутках между насыпями последних еще 4 могилы (рис. 120; 121).

Более поздние афанасьевские могилы имеются на юге Минусинской котловины, в частности, у с. Бельтыры. Здесь продолжали хоронить афанасьевцев и начинали хоронить окуневцев, из-за чего в конструкциях могил сочетаются детали обеих культур и разный физический тип погребенных. В керамике преобладают толстостенные шаровидные круглодонные сосуды с высоким сильно отогнутым наружу венчиком. Яйцевидные сосуды только детские (Липский, Вадецкая, 2006а, с. 77–78, табл. I–III).

Итак, при всей условности эволюции афанасьевских могильников, хронология, основанная на появлении нестандартной посуды и контактов с окуневским населением, более достоверна, чем сформированная по радиоуглеродным датам памятников.

5.2. КОЛЛЕКТИВНЫЕ МОГИЛЫ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

До 70-х гг. прошлого века основные раскопки памятников афанасьевской культуры проводились в Минусинской котловине. К настоящему времени ситуация изменилась, большое их число выявлено и раскопано на территории Горного Алтая. По мере исследования увеличивается разница в их харак-

теристиках, но по-прежнему енисейские могильники выглядят разнообразнее по размерам могил, расположению в них вещей и количеству захороненных людей (чаще по 1 человеку, реже по 2–4 взрослых человека, не считая детей, в отдельных случаях больше). Из-за этого их пытаются интерпретировать не только с точки зрения отражения в них ритуальной похоронной практики, но также и с точки зрения родовых, семейных и социальных отношений, а также выявить первичные и вторичные захоронения. Преобладают могилы с одним взрослым покойником или со взрослым и ребенком. Могилы с двумя разнополыми покойниками составляют 1–5% (Максименков, 1974, с. 10). Пока не было антропологических определений, высказывалось предположение о том, что в одиночных могилах с детьми захоронены исключительно женщины, и подобное обстоятельство свидетельствует о материнском роде для большинства населения. В редких двойных разнополых погребениях видели первые свидетельства патриархальных отношений для небольшой его части, когда насильно умерщвляли жен родовых старейшин и военных предводителей (Киселев, 1951, с. 52). С тех пор выяснилось, что в одиночных погребениях немало подростков и мужчин, в том числе с детьми, а в могилах с двумя погребенными разного возраста: двое мужчин, две женщины, пожилая женщина с подростком 13 лет, мужчина с подростком, два подростка. В связи с этим предложено их тоже относить к категории коллективных могил (Максименков, 1974, с. 10). Могилы с несколькими погребенными, пока не было доказано, что захоронения в них произведены в один прием, относили к погребениям членов большой семьи или к большесемейной общине (Иванова, 1970, с. 13). Главной аргументацией в пользу одноактности захоронений нескольких человек явилось отсутствие следов повторного вскрытия могил или смещения скелетов один на другой, а также сложность разбора надмогильного сооружения (Вадецкая, 1976, с. 45). Кроме того, в некоторых могилах установлена четкая регламентация мест для расположения покойников и общих для них вещей. Однако последнее наблюдается не во всех, а в половине коллективных могил. Целью данного исследования является попытка объяснить разницу и смысл этих двух групп могил.

Коллективные могилы со смешанными захоронениями (первичными и вторичными)

Население афанасьевской культуры совершало похороны в основном летом, реже весной и в отдельных случаях осенью. Косвенным доказательством этого являются ориентация могил, их сравнительно незначительна глубина и размеры, орудия производства. Летние ямы ориентированы длинными стенками на ЗЮЗ или ЮЗ. В некоторых могильниках все могилы исключительно летние. Их выкапывали глубиной в среднем на 1 м и закрывали необработанными бревнами. При весенней ориентации на запад глубина ям меньше или на дне обожженная от костра земля и угольки. Осенние могилы, ориентированные на ЗСЗ, особенно редкие, и расположены часто по краям насыпей уже существующих могил. Их глубина до 50 см, а детских до 30 см. Орудиями для выкапывания ям служили деревянные колья, каменные песты, колотушки и сколы с них, примитивность которых также не способствовала возможности производить захоронения в промерзшей земле.

Между тем, в течение зимы и, особенно, весной людей должно было умирать больше, чем в другое время, поскольку организм истощался. К весне сокращались основные источники пищи, получаемые рыболовством и собирательством разнообразных дикорастущих трав и кореньев. Некоторые коллективные могилы показывают, что тела людей умерших зимой, временно припрятывали, захоранивали или частично консервировали.

В 1923 г. под горой Афанасьевой на Енисее С.А. Теплоухов раскопал ограбленную могилу (№15) с костями мужчины, трех женщин и трех детей. В нижней челюсти мужского скелета, на месте выпавших обоих первых резцов, оказались ложнокоренные зубы, крепко вставленные в пустые альвеолы (Теплоухов, 1927, с. 64; Вадецкая, 1980, с. 106; Грязнов, 1999, с. 32). Нет сомнения в том, что был захоронен череп, который пытались реставрировать. Среди костей скелетов были обломки яйцевидного остродонного горшка, много углей и отдельные кости косули, лисицы, бурундука и суслика. Мясо косули клали в могилы в качестве пищи покойникам. Суслики часто вырывают норки в могильных ямах, где и погибают. Кости лисицы и бурундука, видимо, были собраны вместе с костями людей, предварительно захороненных или спрятанных на месте обитания этих зверей. Позднее выяснилось, что это не единственная могила, в которой перезахоронены скелеты людей. Тщательные раскопки и комплексное исследование М.П. Грязновым уникальной по своей сохранности могилы на правом берегу р. Карасук в 1961 г. позволили их интерпретировать.

Одиночный курган №2 могильника Карасук III располагался в 300 м к югу от основной группы курганов (Грязнов, 1999, рис. 20). Он содержал 2 основные могилы, окруженные оградой из вертикально вкопанных плит, диаметром 14,5 м. По всей видимости, могилы выкопаны одновременно, поскольку параллельны, одной глубины (100 см от погребенной почвы), расположены на равном расстоянии от ограды и в 1 м друг от друга. К моменту раскопок имели общее надмогильное сооружение. Площадь могилы 1 – 9 кв. м, а могилы 2 – 7 кв. м. Их надмогильные конструкции идентичны. Сначала ямы были покрыты бревнами, затем вырытой из них землей и сверху облицованы плитами в 2 слоя. Сохранив-

шаяся часть наземного сооружения над первой могилой имела площадь 36 кв. м (6х6 м) и высоту 60 см. Такая же конструкция, но немного меньше, над второй могилой. В обеих похоронено по старому человеку и ребенку. В могиле 1 это были женщина и ребенок 10–11 лет, в могиле 2 – мужчина и ребенок 5–6 лет. Однако в первой, более крупной могиле, были похоронены кости еще трех человек. Земляное сооружение над обеими ямами провалилось на глубину до 1 м от поверхности. Однако это не спасло вторую могилу от разграбления. Плиты, упавшие вслед за землей в первую яму, образовали «воронкообразную выкладку», что, видимо, помешало грабителям в нее проникнуть (Грязнов, 1999, с. 32–33).

Две трети ямы занимали останки погребенных, а одну треть, вдоль северо-западной стенки, горшки (рис. 192 -1) У юго-восточной стенки лежал костяк подростка 10–11 лет, а западнее и параллельно, старой женщины. Оба положены на спину со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Тела, очевидно, были спеленуты, поскольку у подростка слегка изогнут позвоночник, а у женщины (с серебряной серьгой у левого виска) слегка свернута голова. Перед скелетом женщины и параллельно ему вытянутой кучкой сложены большая часть костей мужчины 40–60 лет (ребра, лопатки, позвонки, тазовые, лучевые, бедренные кости), из которых тазовые и несколько позвонков были в сочленении. Череп с нижней челюстью лежал отдельно, у ушного отверстия сохранилась серебряная серьга. Возле ног женщины двумя параллельными кучками сложены кости неполных скелетов мужчины 25–40 лет (ребра, лопатка, лучевые, тазовые, бедренные кости) и ребенка 8–10 лет (часть позвонков в сочленении, ребра, бедренная, лучевая). Черепа уложены отдельно, череп ребенка без нижней челюсти (рис. 193 -1). В северо-западной половине могилы, около южной стенки, лежал каменный курант, вдоль западной поставлена керамика: корчага, сферический, реповидный и 4 яйцевидных горшка. Рядом с ними находились 3 костяных наконечника стрел (Вадецкая, 1980, рис. 1; Грязнов, 1999, рис. 23 -3, 5, 14; 26 -1; 27 -1; 28 -1, 2, 4–7, 10). Около сложенных костей пожилого мужчины лежали в кучке (словно были воткнуты в какой-то круглый предмет типа набалдашника палки) 54 костяных гвоздика (рис. 192 - А).

Скелеты представлены не всеми крупными костями, а мелкие вообще отсутствуют. Следовательно, когда их собирали, они не все сохранились. Края тазовых костей и лопаток мужчин, находящихся в кучах, рыхлые. На них и ребрах есть следы зубов собак или волков. Отсутствуют эпифизы всех трубчатых костей. Иными словами, тела этих людей объедены волками (рис. 192 -3; 193 -2). При этом несколько костей пожилого мужчины еще были в сочленении, а кости ребенка не потревожены. Последнее доказывает, что тела где-то хранились разные сроки. Расположение костей в кучах свидетельствует, по мнению М.П. Грязнова, что они уложены в мешки или завернуты в узел (Грязнов, 1999, с. 32).

Таким образом, признаки коллективных могил, где одновременно уложены трупы и кости скелетов людей, умерших в разное время, следующие. Во-первых, в могилах оставлены специальные площади для вещей и для покойников. Во-вторых, в могилах находятся плотно упакованные как тела, так и кости покойников. В-третьих, во время первичного хранения или захоронения трупа голову отделяли от тела, возможно, консервировали, в частности, высушивали, поэтому около упаковок с телами или костями черепа лежали отдельно либо отсутствовали. Из-за обычая сохранения голов мертвых, возможно, возник культ головы или черепа, объясняющий не только погребение безголовых тел, но и мотивы их похищения (Вадецкая, 1980, с. 106–117). Культ головы стал популярным в сибирских верованиях в последующие тысячелетия.

Самым ярким признаком коллективных могил является размещение вещей на противоположной стороне от погребенных, это легко просматривается даже в сильно потревоженных могилах. В ряде случаев наглядны необычные позы покойников: сильно скорченные, возможно, упакованные в мешок, помещенные в ногах других, или положенные отдельно головы. Сложенные в могилах кости скелетов фиксируются редко, им, к сожалению, авторы раскопок не придают значения.

На могильнике Карасук III они зафиксированы еще в одной могиле площадью в 7,5 кв. м из кургана №13, расположенном на противоположном краю кладбища по отношению к кургану №2. Могила почти посередине разделена, стоявшими в ряд, четырьмя горшками (шаровидными и яйцевидными) и вазочкой-курильницей. Южнее, в центре вдоль горшков, был уложен головой на ЮЗ взрослый человек, от которого на месте сохранились только голени и стопы. Возможно, его тело первоначально было завернуто в окрашенную циновку, от которой на голенях осталась окраска охрой. Ближе к южной стенке сложены часть костей от двух других скелетов: череп, нижняя челюсть, половина таза, крестец, ребра и позвонки. Кости принадлежат мужчине 20–25 лет и второму взрослому, пол которого не определен. Среди костей человека сложены кости, видимо, медведя (локтевая, плечевая, бедренная, две лопатки) (Грязнов, 1999, с. 40, рис. 29 -6; 40 -1–5). Все кости обильно покрыты охрой и первоначально, вероятно, были сложены в один узел (рис. 193 -3).

Предположительно, перезахороненные кости были в могиле площадью 7 кв. м, раскопанной С.В. Киселевым в 1932 г. у с. Тесь (огр. 10). К сожалению, она известна только по описанию автора раскопок, которым указано, что в нее был впущен каменный ящик (1,8х1 м) тагарской культуры, не потревоживший останки шести ранее похороненных людей: трех мужчин и трех женщин (Киселев, 1937, с. 88). Не указа-

но, насколько была потревожена могила до этого. Тем не менее, нет сомнения, что вещи первоначально были поставлены вдоль северо-восточной стенки (3 горшка, курильница, роговое навершие от посоха), а юго-западную и южную части ямы занимали покойники. Целые скелеты, их части и два отдельных черепа, которые могли принадлежать как разрушенным, так и перенесенным сюда скелетам. Однако описание, по крайней мере, двух костяков позволяет предполагать, что в могиле захоронены и трупы в разном состоянии, и собранные кости с черепом. Дело в том, что скелет одной женщины лежал на спине с подогнутыми ногами, ступнями у таза, у него отсутствовали кости рук. Видимо, труп этой женщины, был тесно во что-то упакован в скорченном положении. От другого мужского скелета были только череп, у левого виска которого сохранилось медное проволочное кольцо, и ребра, «беспорядочно разбросанные справа и слева от позвоночника» (Киселев, 1937, с. 87–88). Так они выглядят, когда сложены в кучу.

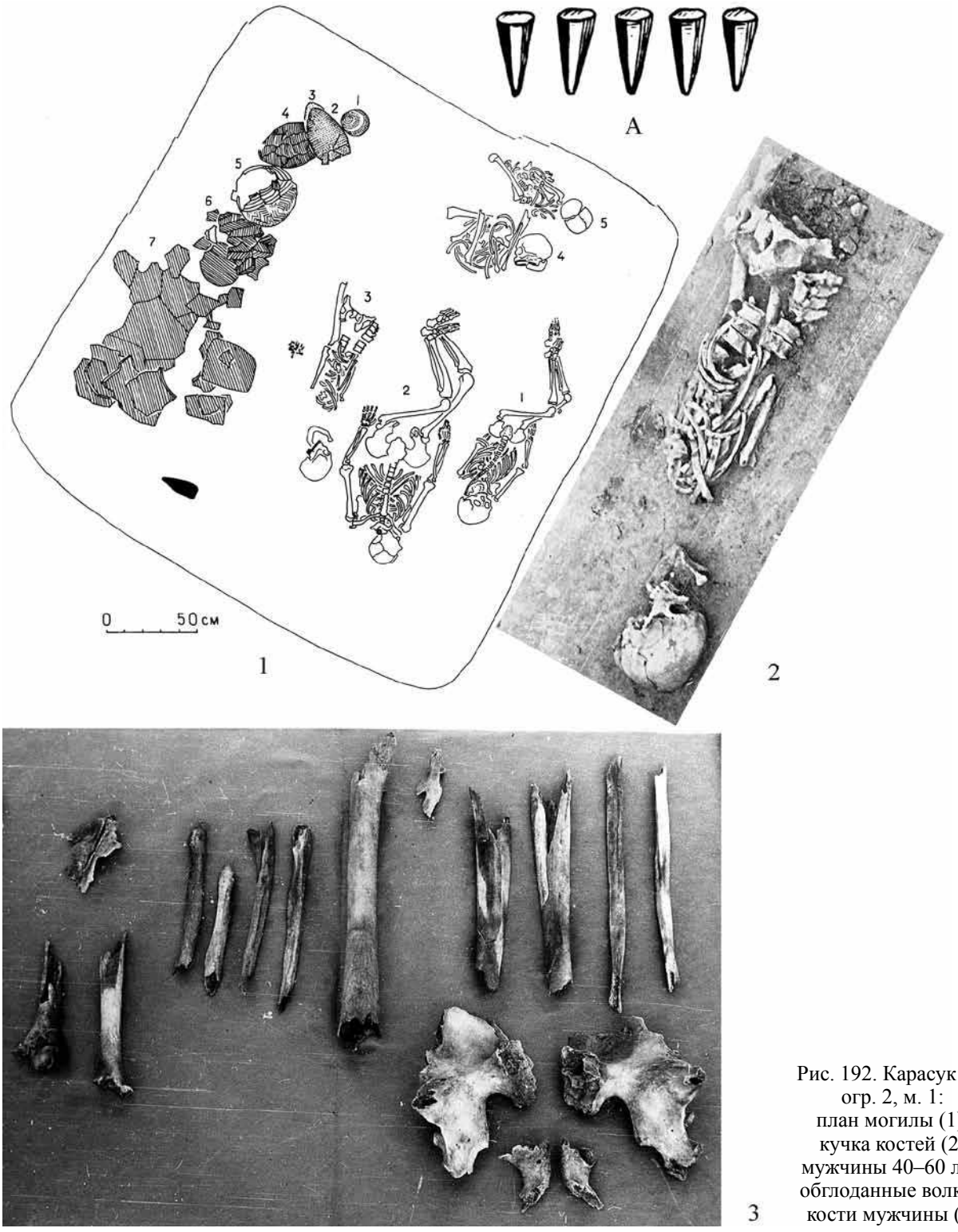

Рис. 192. Карасук III, огр. 2, м. 1: план могилы (1), кучка костей (2) мужчины 40–60 лет, обглоданные волком кости мужчины (3)

Упаковки с костями скелетов в других могилах не замечены, поэтому совершенные перезахоронения в них предполагаются по неестественной позе или местонахождению скелетов. Такие могилы известны во всех могильниках, но в разном количестве и сохранности. Ниже приведу лишь несколько примеров.

Могильник Карасук III, огр. 1, м. 1 (рис. 193 -4). Юго-восточную половину ямы площадью 7,5 кв. м занимают тесно уложенные 3 скелета – ребенка 11–12 лет, лежавшего вдоль юго-восточной стенки, лицом вниз, мужчины 45–50 лет, сильно скорченного на правом боку, и мужчины 17–18 лет, положенного поперек этих людей, поверх стоп ребенка. Кости окрашены охрой, видимо, от упаковки, в которую тела были плотно завернуты. В северо-западной половине ямы поставлены вещи, из которых сохранились 4 горшка, целых и в обломках, а также курильница (Грязнов, 1999, с. 31, рис. 24 -1; 25 -2, 4, 5).

Могильник Саргов, м. 3 (рис. 193 -5). Почти квадратная яма площадью 11,5 кв. м, глубиной 50 см. Первоначально была перекрыта лиственничными бревнами, диаметром по 40 см. В южной половине могилы положены на спину головой на ЗЮЗ, подросток 13 лет, мужчина 25–30 лет и женщина 40–60 лет. Кости верхней половины скелетов переброшены в северную половину ямы, где первоначально поставлены 3 горшка (2 яйцевидных и 1 сферический). В ноги подростку и мужчине положен в сильно скорченной позе юноша 18 лет. Он был, видимо, в сидячей позе упакован в мешке (Грязнов, 1999, с. 25, рис. 17 –7; 18 -1, 2).

Могильник Афанасьева Гора, м. 6. Вдоль южной стенки ямы площадью 7,5 кв. м уложен мужчина, еще двое мужчин помещены в юго-восточном углу. Они положены на спину вплотную друг к другу, в положении, напоминающем позу на корточках, поскольку ноги сильно согнуты в коленях. Кости скелетов не нарушены, только черепа и нижние челюсти отделены. Вдоль северной стенки остались 5 яйцевидных

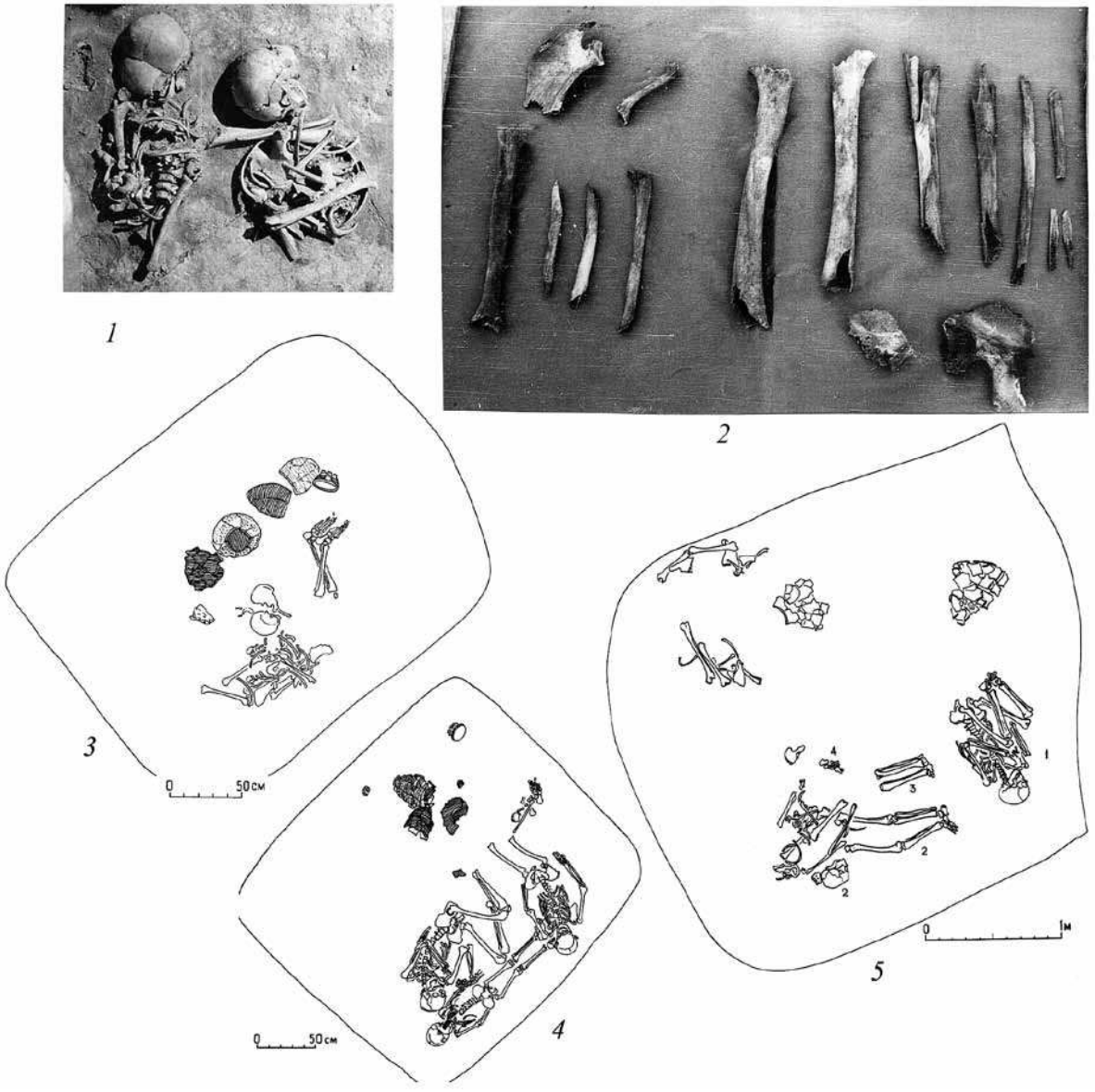

Рис. 193. Карасук III, огр. 2, м. 1 (1), кучка костей ребенка 8–10 лет (5) и мужчины 25–40 лет (4); обглоданные волком кости мужчины (2); огр. 13, мог. 4 (3); огр. 1, м. 1 (4). Саргов Улус, м. 3 (5)

сосудов, 4 каменные терочки, роговое навершие посоха и медные оковки деревянного предмета (Грязнов, 1999, с. 15, рис. 4 -5; 5 -4). В середине ямы было впускное погребение женщины окуневской культуры.

Могильник Афанасьева Гора, м. 33. В могиле площадью около 7 кв. м помещены 2 старые женщины с согнутыми в коленях ногами и руками, согнутыми в локтях, занимающие только юго-восточную часть могилы, а вся западная, видимо, ранее занятая вещами, была свободной (Грязнов, 1999, с. 20; рис. 8 -8).

Могильник Тепсей VIII, огр. 4, м. 3. В южной половине разрушенной могилы сохранились кости ног трех мужчин, судя по которым, двое были уложены параллельно, а третий поверх одного из них. К западу от костей лежали 3 мужских черепа (30–40 и 40–60 лет) без нижних челюстей. В северном углу, напротив костяков, сохранился большой яйцевидный сосуд (Грязнов, 1979, рис. 11).

Могильник Черновая VI, огр. 3, м. 1. В яме площадью 5 кв. м плотно размещены мужчина 40–60 лет, уложенный вытянуто, головой на ЮЗ, и подросток 12–13 лет с ребенком 9 лет, положенные сбоку от его ног, скорченно, лицом друг к другу. Южнее их были, видимо, собранные части неполных скелетов ребенка 8 лет и второго мужчины 40–60 лет. От ребенка остался череп, от мужчины череп, расположенный лицевой стороной вниз, со сдвинутой нижней челюстью, а также сложенные кости рук и голень. Погребенные уложены плотно, хотя вдоль северной стенки оставлено много свободного место, видимо, для вещей (Вадецкая, 2010, рис. 5 -7).

Рис. 194. Курган у с. Восточное, ограда кургана (1), фото и план могилы (2, 3), костяные гвоздики от украшения посоха (4)

Таким образом, только в трех могилах (Афанасьева Гора, м. 15, Карасук III, огр. 2, м. 1 и огр. 13) зафиксировано, что в них перезахоронены кости скелетов, ранее где-то погребенных или спрятанных покойников. Они имеют ряд признаков, по большинству из которых выявляется серия коллективных могил со смешанными обрядами погребения. Признаки следующие: большие ямы, четкая регламентация мест для вещей и покойников, часть из которых уложены в неестественной позе. Среди горшков встречаются огромные корчаги для общественных трапез и вазочки-курильницы. Среди вещей находят уникальные роговые навершия посохов или украшавшие их костяные декоративные гвоздики. Те и другие часто встречаются в могилах с одним или двумя знатными погребенными, обладающими высоким общественным статусом. Престижные могилы сооружали для двух категорий людей: старейшин, которым ставили корчаги и клали посохи, и «шаманов», которым ставили курильницы. Иногда один и тот же человек обладал как светской, так и религиозной властью, но всегда имел возраст не моложе 40–60 лет (Вадецкая, 1976, с. 48–51). Могилы знати имеются на каждом могильнике, насчитывающем не менее 4–5 курганов. Как и в коллективных могилах, умершие помещены в одной половине ямы, а вещи в другой. Иными словами, они имеют явное сходство с коллективными могилами, что свидетельствует о том, что в них собирали тела и кости как рядовых, так и знатных людей. Однако погребальные камеры и надмогильные сооружения для знатных покойников делали монументальнее, чем для коллективных могил. Согласно подсчетам М.П. Грязнова, захоронение даже рядовых сородичей было не под силу отдельной семье, поскольку на сооружение надмогильного холма употреблялось до 30–50 куб. м земли, на ограду – 20–25 куб. м камня, на что требовалось не менее 60-ти человеко-дней (Грязнов, 1999, с. 59). Соответственно, приготовить могилу для старейшины или жреца было затратнее и дольше, поэтому мертвое тело приходилось до погребения консервировать. Иллюстрацией сказанному служит курган вождя у с. Восточного, объем надмогильной конструкции которого в несколько раз превышал над коллективными могилами (Вадецкая, 1980а, с. 102, рис. 1 -1). В южной половине ямы, площадью по верху 11,5 кв. м и по дну в 5,5 кв. м, похоронены без голов мужчина и женщина 50–60 лет. Вплотную к западной и восточной стенкам с ними похоронено по младенцу в возрасте до 1 месяца. Справа от мужчины положен посох или жезл, от которого остались тлен и по всей длине около 200 костяных гвоздиков. В северной половине ямы лежали фрагменты корчаги и нескольких сосудов, а также обломки челюсти косули (рис. 194 -1–4). Самым примечательным является отсутствие черепов, хотя другие кости не потревожены (Вадецкая, 1980а, с. 101–107). По-видимому, «вождь» и его спутница были похоронены не сразу после смерти, а после совершения определенных операций с телами.

На некоторых могильниках не зафиксированы следы вторичных захоронений или коллективных могил. Иногда это можно объяснить плохой сохранностью костей скелетов или невнимательностью раскопщиков. В частности, отсутствуют такие наблюдения на могильниках у сел Тесь и Сыда, которые исследовал С.В. Киселев. Здесь, по его данным, во многих могилах кости истлели. В других случаях, возможно, перезахоранивали не группу людей, а каждого по отдельности. По аналогии с коллективными могилами можно допустить, что признаком перезахоронения человека являются неполный состав костей скелета, отсутствие черепа или его отделение от скелета. На обряд отчленения головы от тела указала В.П. Левашева в 1930 г. при раскопках могильника Красный Яр-I, где в одной непотревоженной могиле (огр. 6, м. 2) скелет был без черепа, а в другой (огр. 2) он был перевернут лицевой частью вниз (Левашева, 1962, с. 65–68). В третьей неграбленой могиле этого памятника (огр. 11, м. 2) череп был отделен от других костей скелета женщины и лежал выше его на 30 см (Вадецкая, 1981, с. 44, рис. 7).

Из более поздних наблюдений укажу на могилу подростка 13–14 лет на могильнике Нумахыр. В ней уложили подростка, видимо, в мешке. Признаков нарушения скелета нет, но череп и мелкие кости рук отсутствуют, а позвоночник неестественно согнут. На место черепа положили серебряную серьгу (Боковенко, Легран, 2010, рис. 6 -1). Не менее показательно захоронение мужчины без головы на могильнике Малиновый Лог. Он, очевидно, был спеленован в красную циновку или материю, от чего на костях в разных местах сохранились следы краски. Скелет был в анатомическом порядке, что свидетельствует о его ненарушенности. Между тем, по данным автора раскопки Н.А. Боковенко, голова была отсечена от тела до распадения связок, то есть спустя определенное время после смерти (Боковенко, Митяев, 2010, с. 24, рис. 10 -2).

Коллективные могилы с одноактными захоронениями

Среди них преобладают те, в которые уложены женщина или мужчина с ребенком. Такие могилы принято причислять к категории одиночных, поскольку детей умирало много, и их хоронили в любое время, в частности, помещали к взрослым при погребении последних. Второе место по численности составляют могилы с двумя людьми, как разного, так и одного пола. Соотношение между ними и индивидуальными могилами в самых крупных могильниках следующее. В Летнике VI индивидуальных могил 12, с двумя покойниками 2: в одной – 2 женщины с ребенком (к. 3), в другой – 2 мужчины (к. 25). В Афанасьевской Горе индивидуальных могил 13 и 3 двойных: одно парное, в двух пожилой чело-

век (мужчина или женщина) с молодым человеком 14–15 лет. В Карасуке III индивидуальных могил 9 и в двух мужчина с подростком 12–14 лет. В Красном Яре I индивидуальных могил 9, в пяти с двумя людьми: 2 парных захоронения, в третьей 2 женщины, в четвертой 2 взрослых, в пятой женщина с подростком. Итак, парных погребений не больше, чем однополых. Среди них могут быть как одновременно умершие, так и специально убитые. В этом отношении интересны две не потревоженные могилы могильника Афанасьева Гора, где хорошо сохранились скелеты.

В небольшой (200х130 см, СЗ–ЮВ) осенней могиле №26 вплотную друг к другу положены женщина 40–60 лет и, предположительно, юноша 15 лет, вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 195 -1). Женщина занимала северную половину ямы, а юноша южную. У женщины ноги немного согнуты, колено левой ноги слегка приподнято. На левом запястье кожаный браслет с нашитыми белыми каменными пуговками-бляшками и окантованный с двух сторон ремешками, покрытыми согнутыми из тонких железных пластинок обоймицами. На грудной клетке сохранился бесформенный кусочек меди и 2 костяные пластинки с округлым заострением на конце. В ногах сосуд яйцевидной формы с прямым венчиком. М.П. Грязнов называл пластинки «инструментами» (Грязнов, 1999, с. 18, рис. 6 -17, 30; 8 -3; 11 -2). Они, возможно, воткнуты в грудную клетку (выступают на фото из ребер) и вместе с кусочком меди от «шила» могут быть инструментом убийства пожилой и не рядовой, судя по браслету, женщины. Тело юноши при разложении наполовину повернулось влево, в сторону женщины. Его ноги подняты и сильно согнуты в коленях, под ними был плоскодонный горшок, видимо, окуневской культуры (Грязнов, 1999, рис. 11 -5).

В расположенной рядом аналогичной по размерам (200х170 см, З–В), но выкопанной весной, могиле №27 похоронены мужчина старше 60-ти лет и подросток 13–14 лет (рис. 195 -2). Оба лежали на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на З. Мужчина занимал северную половину ямы, а подросток южную. Около головы подростка и у ног мужчины стояли по 2 горшка (шаровидный и яйцевидный). Мужчина убит двумя стрелами с кремневыми наконечниками (типичными для окуневской культуры), лежавшими у ребер. Один наконечник сломан (Грязнов, 1999, с. 18, рис. 8 -4; 6 -9, 10; 10 -7; 13 -2, 3).

Обращает внимание явно не случайное сходство в расположении убитых старых людей у северной стенки, а подростков у южной, и подбор погребенных по возрасту. Однако причины сходства не ясны.

К настоящему времени известны только 4 могилы на трех могильниках с одноактными коллективными захоронениями более двух человек. В них помещены от 4 до 7 человек в ямах, сравнительно небольшой площади. Погребенные уложены плотно, частично перекрывая один другого. Горшки поставлены в тесные промежутки между телами и поверх них.

На могильнике Афанасьева Гора две коллективные могилы находились на двух его окраинах. Одна (№24) расположена к востоку от основной части кладбища, среди более поздних тагарских курганов. Яма площадью около 5 кв. м (230х210 х120 см, ЮЗ–СВ), где плотно в ряд, на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями, но головой в противоположные стороны, уложены 4 женщины (рис. 196 -1). Одна до 40 лет (24–40), две в возрасте 40–60 лет, четвертая еще старше. Каждое тело было во что-то плотно упаковано и частично закрыто одно другим. Между ними и частично поверх них поставлены 5 горшков: 2 крупных яйцевидных, 3 шаровидных. На черепе самой молодой женщины было проволочное золотое кольцо. Тела мертвых, видимо, окрашивали охрой, поскольку ее куски найдены как среди ребер самой старой женщины, так и в ногах другой. Последний кусок охры был размером 10 см (Грязнов, 1999, рис. 8 -1; 10 -5, 10; 11 -4, 8, 9).

Вторая могила (№41) расположена отдельно, в 200 м к западу от начала основного кладбища. В яме площадью 5,5 кв. м (250х220х140 см, ЮЗ–СВ) были 7 женщин и ребенок 7 лет. Женщины разного возраста: три – 14–16, 16 и 19 лет, одна – 25–30 лет и три – 40–60 лет. Расположены плотно – 5 вдоль западной стенки, 2 и ребенок в промежутках между их ног (рис. 196 -2). Чтобы так расположить тела, нужно было их плотно упаковать, с первоначальным приданием позы на спине с сильно согнутыми в коленях ногами. При разложении тел кости разных погребенных частично перекрывали друг друга. Поверх ног двух женщин поставлены яйцевидный и шаровидный сосуды. У правого плеча старой женщины (№1) с яйцевидным крупным горшком, лежал обломок бронзового (?) шила, которым, возможно, женщина была убита (Грязнов, 1999, рис. 8 -11; 11 -6, 10). Обстоятельство, что в обеих могилах захоронены одни женщины, преимущественно пожилые, возможно убитые, с телами, раскрашенными охрой, может отражать ритуал убийства пожилых людей.

В могильнике Черновая VI (огр. 4, м. 4) в яме площадью около 4 кв. м похоронены двое взрослых с двумя подростками. Они лежали параллельно и тесно, головой на ЗЮЗ. Могила нарушена, поэтому судить о положении покойников можно по нижней части скелета. У северной стенки ямы положен мужчина 25–40 лет, вытянуто на спине, с ногами, согнутыми в коленях. Справа от него подросток 14–18 лет, скорченно на правом боку. Посередине ямы лежал мужчина 25–40 лет в вытянутом положении. Справа от него, вдоль южной стенки ямы, уложен еще один подросток 12–13 лет, скорченно на правом боку. Вещей, даже горшков, в могиле не было (Вадецкая, 2010, рис. 6 -4). Поскольку установлено, что у афанасьевцев брачные отношения начинались в 13 лет, в могиле могли быть захоронены неожиданно

скончавшиеся две супружеские пары (Вадецкая, 1986а, с. 21). Смерть их была неожиданной, похоронную пищу им не подготовили, а пустые горшки, очевидно, не ставили.

Четвертая коллективная могила известна только по описанию С.В. Киселева, раскопавшего ее в 1932 г. у с. Сыда (огр. 4, м. 2). В яме площадью всего в 4,5 кв. м (2,4х2 м, ЗЮЗ–ВСВ) захоронены

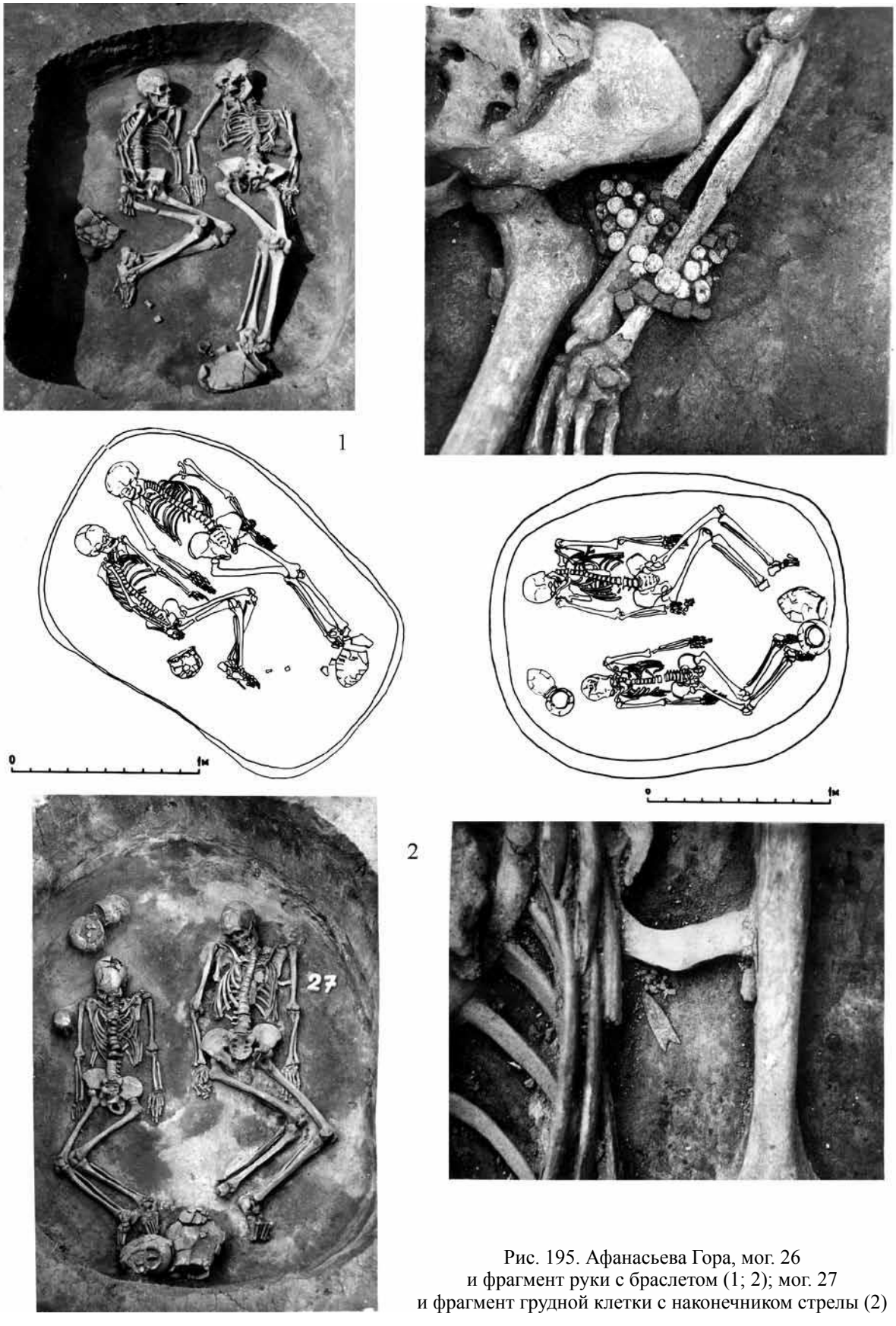

Рис. 195. Афанасьева Гора, мог. 26
и фрагмент руки с браслетом (1; 2); мог. 27
и фрагмент грудной клетки с наконечником стрелы (2)

8 человек: двое мужчин, три женщины, два взрослых, пол которых не определен, и младенец. Пятеро из них лежали в ряд, параллельно, в западной половине ямы, головой на ЗЮЗ. Трое в оставшемся месте вдоль восточной стенки. Первоначально, кроме младенца, они были уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, позднее упавшими на левую или правую сторону. В головах поставлены 7 горшков: 4 яйцевидных, высотой 20–25 см, один миниатюрный, высотой 5,5 см, сферический и горшковидный с плоским дном (Киселев, 1937, с. 86–88; Грязнов, 1999, с. 26–27, рис. 19 -4). Перед лицом одной молодой женщины лежал костяной наконечник стрелы, которым она, возможно, была убита. В могиле можно было бы видеть семейное захоронение, но это противоречит существующим в науке представлениям о том, что в родовом обществе любой поселок состоит из представителей разных родов, и каждый мог быть похоронен только на родовом кладбище со своими родственниками (Максименков, 1974, с. 10).

Вероятнее всего, для каждого одноактного коллективного захоронения были свои причины, в силу чего ни по своему содержанию, ни по интерпретации они не имеют ничего общего с могилами со смешанными ритуалами погребения.

Подведение итогов об интерпретации коллективных могил преждевременно. Согласно наблюдениям, среди них имеются такие, в которых хоронили как людей вскоре после их смерти, так и спустя год и больше. Похоронный ритуал, видимо, только складывался, чем объясняется разное число на могильниках индивидуальных и коллективных могил. Более устойчиво отражена социальная дифференциация общества, ибо на каждом могильнике имеются могилы вождей и исполнителей религиозных культов. К сожалению, не потревоженных могил, какие встречены в могильниках Афанасьева Гора и Карасук III, на Енисее мало, что сильно усложняет изучение похоронных правил и родового строя населения.

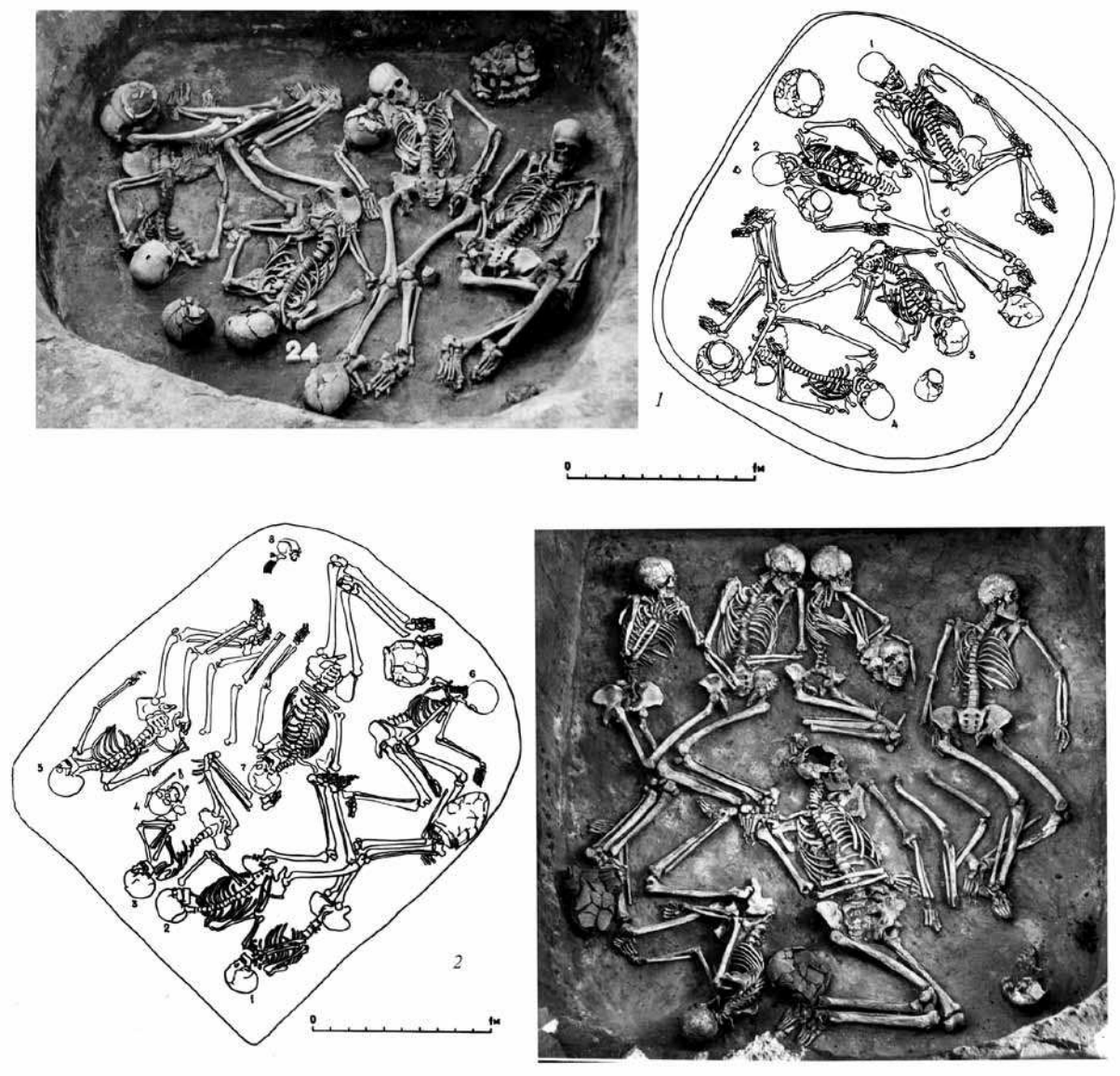

Рис. 196. Афанасьева Гора, могила 24 (1); могила 41 (2)

ГЛАВА 6

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД, ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ И ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

В Горном и предгорном Алтае раскопано 290 погребений, которые отнесены к эпохе энеолита и бронзы. Из них более 230 афанасьевской культуры, остальные куротинского, арагольского, улитинского и покровского типов погребений, каракольской культуры, культурная принадлежность некоторых не определена. Поскольку большинство погребений куротинского типа в первых публикациях материалов были отнесены к афанасьевской культуре, в данной работе при общем анализе признаков погребального обряда они рассматриваются среди афанасьевских, что позволяет показать их своеобразие. Захоронения с банками и с положением погребенных вытянуто на спине (арагольского и улитинского типов), которые также ранее относили к афанасьевским, рассматриваются отдельно, т.к. их отличия от афанасьевских очевидны и не требуют дополнительных подтверждений.

Впервые анализ материалов афанасьевских погребальных комплексов (могильники Курота-2 и Усть-Куюмский) проведен С.В. Киселевым, который определил их культурную принадлежность и высказал предположение об относительной хронологии (1938; 1948; 1949; 1951). Позднее вопросы погребального обряда и хронологии афанасьевских памятников Горного Алтая рассматривались М.Д. Хлобыстиной. Она отнесла к афанасьевской культуре не только могильники Курота-2, Усть-Куюмский, но и курганы из урочища Арагол, ряд погребений, раскопанных в 20–30-е гг., высказала свою точку зрения на проблему их относительной хронологии (Хлобыстина, 1975). В первой половине 80-х гг. С.В. Цыб на основании данных 22 могильников, насчитывающих 100 захоронений, предпринял попытку систематизировать материалы афанасьевской культуры Горного Алтая (Цыб, 1980; 1984). Как и его предшественники, он выделил раннюю и позднюю группы памятников. Однако предложенная им схема вызвала серьезные и аргументированные возражения (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990; Степанова, 1991; Владимиров, Степанова, 1994; Кубарев, Черемисин, Слюсаренко, 2001; Погожева, 2006а, б). В последние годы проведена ревизия материалов и выделены погребения куротинского, арагольского, улитинского и покровского типов, обрядовые группы афанасьевской культуры (Степанова, 2009а; 2010а; 2012а–в; 2013в; Шульга, 2006). Тем не менее, некоторые вопросы до сих пор не решены, например, об относительной хронологии памятников. Несмотря на то, что утвердилось мнение, что афанасьевские памятники разделяются на ранние и поздние, не удается определить критерии для их выделения (Киселев, 1951; Хлобыстина, 1975; Цыб, 1984; Владимиров, Степанова, 1994; Степанова, 2001; 2012е). Вызывает дискуссию культурная и хронологическая принадлежность немногочисленных погребений арагольского типа (Руденко, 1926; Хлобыстина, 1975; Цыб, 1980; 1984; Степанова, 1991; 1994; 2001; 2010а; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004; 2005; Абдулганеев, 2006). Не исключено, что в дальнейшем погребения куротинского типа, которые включают несколько подгрупп, в т.ч. собственно куротинские с банками, отличающиеся по всем признакам от афанасьевских (Курота-2, к. 4, Бойтыгем-2, к. 5 и др.); захоронения со смешанными признаками (Кара-Коба-1, огр. 8, Первый Межелик-1, огр. 4); безинвентарные погребения, могут быть отнесены к разным археологическим культурам.

6.1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной работе основное внимание уделено планиграфии, надмогильным конструкциям, внутримогильным сооружениям, положению и ориентации погребенных, инвентарю. Надмогильные конструкции подразделяются по конструктивным особенностям оград, размерам, внутримогильные – наличию или отсутствию перекрытия, вариантов последнего, форме и размерам могильной ямы. Учитывается наличие или отсутствие инвентаря, материал, из которого изготовлены вещи, функциональное назначение предметов, тип изделий и др. Сосуды разделяются по форме дна и тулова. Как отдельный признак рассматривалось местонахождение сосудов в могиле. В целом рассмотрены не только основные, но и второстепенные черты, которым до сих пор не уделено должного внимания.

Планиграфия

Планиграфии афанасьевских сооружений не уделено достаточного внимания, как при публикации материалов отдельных памятников, так и в обобщающих работах. Для этого есть целый ряд причин, включая то, что большинство планов не только не опубликованы, но глазомерные и содержат неточ-

ности. Принадлежность оград из вертикально поставленных плит к афанасьевской культуре, даже если не проводилось раскопок, определяется достаточно надежно, но многие конструкции небольших размеров и ограды из рваного камня, можно выявить только в результате раскопок. Применение методики сплошного раскопа на могильниках Первый Межелик-1, Кара-Коба-1, Сальдяр-1 позволили исследовать не только видимые на дневной поверхности объекты, но и рядом находящиеся сооружения, которые имеют важное значение для изучения афанасьевской культуры. Дополнительные сложности возникают из-за того, что только на 6 могильниках вскрыто больше десятка сооружений, на трех памятниках по 6–8, а на остальных, как правило, раскопано 1–2 объекта. Нередко афанасьевские конструкции выявлялись случайно во время раскопок памятников, на которых в общей сложности может быть до сотни и больше разновременных объектов.

Известно 82 могильника. На 60 из них проводились раскопки. Для изучения доступными оказались менее 30 планов, большинство из которых не содержат необходимой информации.

Афанасьевские могильники располагаются на надпойменных террасах, у подножия гор. Например, вдоль подножия горы Первый Межелик у с. Ело расположено несколько могильников – Нижний Тюмечин-1, 2, Первый Межелик-1 (рис. 7). Отмечены случаи расположения объектов параллельно течению рек. В частности, О.В. Ларин отметил, что погребальные сооружения могильника Сальдяр-1 располагаются параллельно течению р. Катунь (Ларин, 1995; 2005, с. 35). На Средней Катуни могильники афанасьевской культуры, как правило, находятся на оконечности долин, у прижимов, реже в приустьевой зоне притоков Катуни. Погребальные объекты группируются по 3–9, образуя цепочки параллельно, реже перпендикулярно руслу Катуни (Абдулганеев, 2006, с. 10). Афанасьевские могильники нередко расположены на небольшом расстоянии друг от друга (от 0,5 до 1 км). Это прослежено на р. Урсул и ее притоках, где выявлены десятки памятников, насчитывающие в общей сложности сотни оград. Нередко сложно провести границу между могильниками, как, например, на Ело-1, Ело-Баши, Кара-Кобе-1.

Изучение планов показывает, что сооружения не составляют четких цепочек, как, например, в скифское время. В ряде случаев прослеживается расположение оград в определенном направлении, например с СЗ на ЮВ (Кызык-Телань-I, Теньга-4), с СВВ на ЮЗЗ (Тогусхан-5) (Суразаков, Тишкин, 2007; Степанова, Владимиров, Цыб, 2005; Абдулганеев, 2006). Однако для кладбищ афанасьевской культуры более характерны скопления погребальных объектов, как на могильниках Кара-Коба-1, Сальдяр-1, Нижний Тюмечин-1, Усть-Куюмский, Теньга-3, Каянча-3 и др. (рис. 197). На Первом Межелике-1 объекты расположены вдоль подножия горы, которое имеет направление с СЗ на ЮВ. Здесь также выделяется несколько скоплений, которые имеют построение с СЗ на ЮВ и с СВВ на ЮЗЗ. Одно скопление включает 10 объектов, составляющих две параллельные цепочки, ориентированные с СЗ на ЮВ. На Сальдяре-1, где применялись геофизические способы выявления объектов, в первую очередь, фиксируются скопления, которые если и составляют цепочки, то имеют существенные отличия в построении от цепочек скифского времени, как по общей направленности, так и расположении относительно друг друга. Для скифского времени характерно направление с С на Ю, курганы пристроены один к другому (Суразаков, 1989; Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.). На афанасьевских могильниках отмечены случаи пристраивания объектов. Однако нет такой плотности и четкости, которая характерна для скифского времени, и нет направленности с С на Ю.

В скоплениях зафиксированы ограды с мужскими, женскими и детскими погребениями. Ограды с захоронениями детей не только пристраивались к более крупным объектам с погребениями взрослых и подростков, но и располагались в общих «цепочках». О.В. Ларин отметил, что на могильнике Сальдяр-1 объекты с погребениями детей пристраивались к могилам взрослых с восточной стороны, если взрослый был уложен головой в западном направлении (Ларин, 1995; 2005, с. 36). В настоящее время, когда имеются половозрастные определения по этому памятнику, можно отметить, что подобное наблюдение подтверждается, и ограды с детскими захоронениями находятся с юго-восточной стороны и реже с СВ. К сожалению, материалы других памятников не позволяют подтвердить или опровергнуть подобное наблюдение из-за их недостаточной изученности. На Среднем Енисее на могильнике Барсучиха-IV отмечено расположение детских могил преимущественно в восточной стороне (Грязнов, 1999, с. 42).

Количество объектов. Визуально на памятниках выявляются от одного до нескольких десятков объектов. Как одиночное афанасьевское сооружение известен Толгоек-II. Однако обычно объектов больше. Например, на могильнике Первый Межелик-1 зафиксировано 44 сооружения. На могильнике Семисарт-7 выявлено 19 оград-кромлехов, на могильнике Теньга-3 – 22 ограды из вертикально поставленных плит. Около 30 объектов зафиксировано на могильнике Нижний Тюмечин-1. Всего же, например, на участке в несколько километров по правому берегу небольшой горной речки Семисарт зафиксировано 10 могильников, и на каждом несколько оград из вертикально поставленных плит (рис. 7 -4). Кроме того, В.Н. Владимиров и С.В. Цыб, которые провели обследование, предполагают, что к афанасьевской культуре относятся и часть объектов из горизонтально уложенных рваных камней (Степанова, Владимиров, Цыб, 2005).

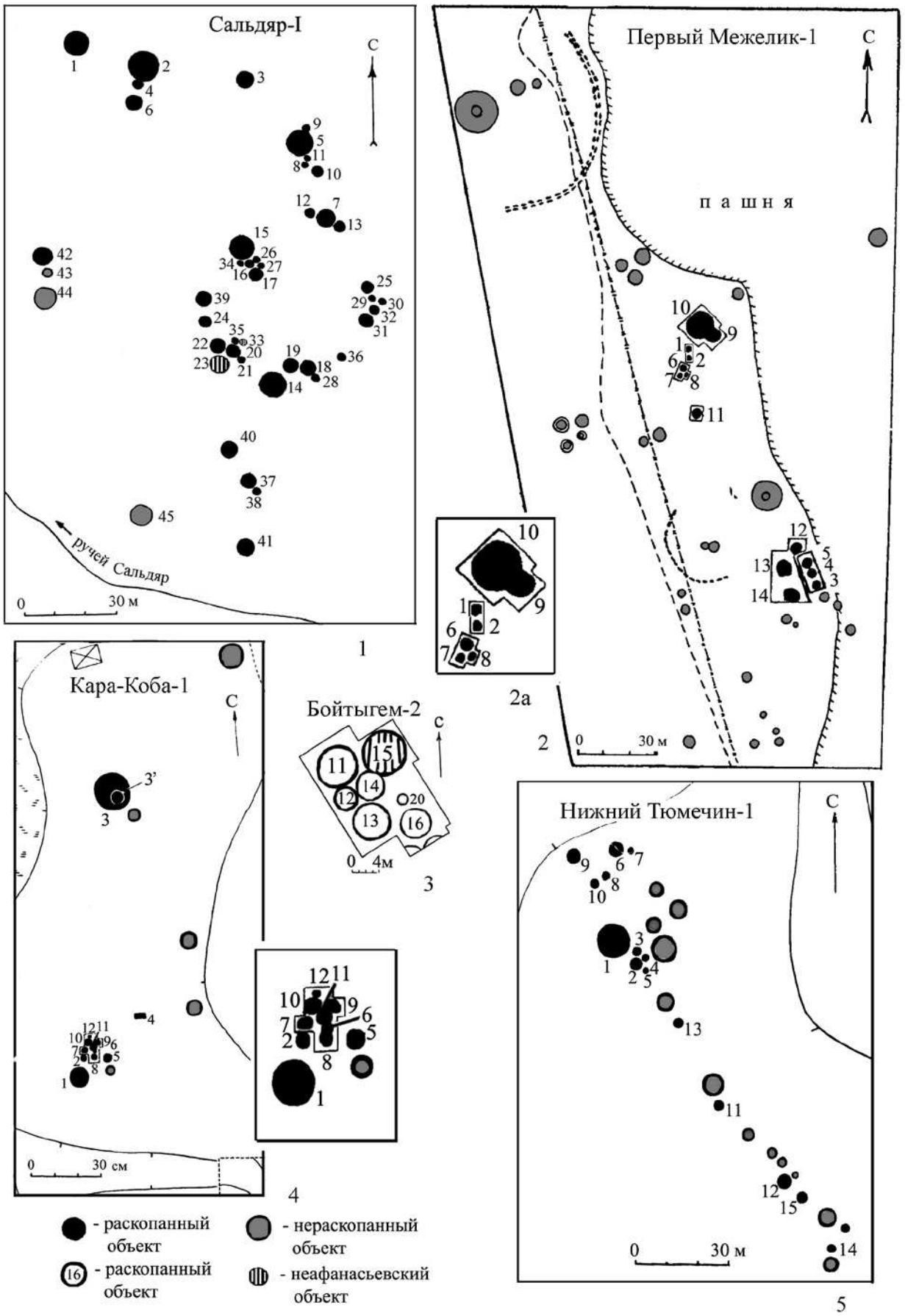

Рис. 197. Планы могильников афанасьевской культуры: Сальдяр I (1), Первый Межелик-I (2), Бойтыгем-2 (3), Кара-Коба-I (4), Нижний Тюмечин-I (5)

Обычно при применении методики сплошного раскопа выявляются объекты, которые невозможно было зафиксировать до раскопок. На могильнике Сальдяр-1 визуально до раскопок прослеживалось 15 оград-кромлехов, но после проведения геофизических работ и применения методики сплошных раскопов было вскрыто более 50% обработанной способом электроразведок поверхности, фактическое количество обнаруженных объектов увеличилось до 39 вместо 11 (Ларин, 1994; 1995; 2005, с. 35, 197). При обследованиях в зоне предполагаемого ложа Катунской ГЭС установлено, что большая часть погребальных объектов, в т.ч. сооруженных на 1–2 тысячелетие позднее афанасьевских, не прослеживаются или слабо прослеживаются до раскопок (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 8–9). Афанасьевские ограды, особенно из горизонтально уложенных камней, задернованы намного сильнее, чем объекты скифского времени. Из-за этого установить, сколько погребальных сооружений характерно для «среднего» афанасьевского кладбища, сложно, но можно отметить, что одиночные курганы редкость, обычно сооружений больше, и их количество достигает 40 и больше.

Размеры надмогильных конструкций. На афанасьевских могильниках исследованы ограды диаметром от 0,8 до 16,5 м. Известны ограды и большего диаметра, например, на могильнике Первый Межелик-1, но раскопок на них не проводилось. Объекты диаметром от 0,8 до 5 м составляют 56%, от 5 до 9 м – 32%, 10–16,5 м – 12,5%. Объект из Каракола имеет диаметр 19–20 м, однако он содержал не только афанасьевские, но и каракольские захоронения. Больше всего раскопано сооружений диаметром от 2,4 до 4 м – 31%.

Размеры конструкций из уложенных плашмя камней на момент раскопок и в большинстве случаев отличаются от первоначальных, т.к. за тысячелетия камни сместились, и размеры конструкций увеличились. Однако это не относится к сооружениям из ВПП. Из 108 объектов из вертикально поставленных плит, которые подверглись раскопкам, ограды диаметром от 0,8 до 6 м составляют 81,5%. Конструкций других типов диаметром менее 3 м не выявлено.

Надмогильные конструкции

Наибольшие сложности для изучения представляют надмогильные конструкции. Они достаточно разнообразны, но в публикациях обычно имеются лишь краткие сведения, которые не редко не позволяют составить представления о сооружении. Особенно, это касается ранних раскопок, о которых сохранилось мало информации, и объекты часто полностью не вскрывались. Из-за этого, например, нередко сложно определить, что было исследовано – насыпь или оградка-стенка.

С увеличением числа раскопанных объектов количество выделяемых типов надмогильных конструкций увеличивается (Цыб, 1980; 1984; Кирюшин, Посредников, Фирсов, 1981; Степанова, 1991; 2005б; 2006б; Абдулганеев, 2006). Практически на каждом могильнике выявляется что-либо особенное и, как правило, зафиксировано несколько разновидностей надмогильных конструкций. Принято считать, что основной признак, по которому различаются афанасьевские надмогильные конструкции, это то, как установлены или уложены плиты и камни, т.е. находятся они в вертикальном или горизонтальном положении. В Горном Алтае зафиксированы и «смешанные» варианты, т.е. на одном объекте были комбинации двух разновидностей укладки и установки камней и плит при возведении надмогильных сооружений (Цыб, 1984; Степанова, 1991; 2005б; Абдулганеев, Ларин, 1992; Савинов, 1994; Ларин, 1995; Молодин, 2002; Абдулганеев, 2006; и др.).

Ни одна из предложенных классификаций афанасьевских надмогильных конструкций не является безупречной. Учитывая предыдущий опыт, одной из задач было выявление не только различий, но и общих черт. В данной работе учтена значимость признаков, сокращается количество типов, но сохраняется множество вариантов и видов.

Общее для всех афанасьевских оград или курганов (иногда используется термин «курган») то, что они круглой или округлой формы. Этот признак был определяющим при возведении надмогильной конструкции. Надмогильные сооружения, как правило, включали кольцо из камней и плит. Как исключение из правил встречаются сплошные насыпи или выкладки округлой формы. Следовательно, этот признак (наличие кольца) занимает второе место по значимости. Кольца возводились по-разному. Для сооружения кольца использовались плиты, валуны, рваные камни, которые устанавливались вертикально или укладывались плашмя. При сооружении объектов имели значение размеры камней. Особенности в сооружении колец послужили основанием для выделения типов погребальных конструкций. Внутреннее пространство ограды могло закладываться полностью или заполнялось частично, центр мог быть свободным от каких-либо сооружений. По-видимому, способ заполнения внутримогильного пространства имел второстепенное значение.

С учетом вышеперечисленного, все надмогильные конструкции афанасьевской культуры могут быть разделены на 1) кольца из камней и плит и 2) сплошные насыпи из камня (курганы?)[1] и выкладки. Кольца подразделяются на конструкции, в которых плиты, образующие кольцо, установлены вертикально (1), конструкции, составленные из крупных валунов, блоков и камней (2), и конструкции,

[1] Известны насыпи из земли, но они были в оградах из вертикально поставленных плит, поэтому отдельно не рассматриваются.

в которых камни уложены плашмя в несколько слоев, которые принято относить к оградкам-стенкам (3). Предполагается, что первоначально было сложено кольцо из уложенных горизонтально в несколько слоев рваных камней средних и мелких размеров, как, например, в Подсуханихе и Малиновом Логе на Среднем Енисее (Иванова, 1968; Bokovenko, Mitjaev, 2000). В Горном Алтае остатки таких оград прослежены на Бойтыгеме-2. Из 230 объектов надмогильный тип конструкций определен у 189 объектов.

Группа 1. Надмогильные конструкции включают кольцо из камней или плит.

Тип 1. Ограды из вертикально поставленных плит (ВПП). Исследовано 111 сооружений, которые подразделяются на несколько видов.

1.1.1. С *центральным сооружением над могилой*. В настоящее время фиксируется скопление камней, которые иногда составляют остатки конструкции округлой формы. В одних оградах под центральным сооружением имеется *перекрытие могил крупными плитами* (Ело-Баши, огр. 1; Нижний Тюмечин-1, огр. 6; Семисарт-2, огр. 1), в других – *перекрытие из дерева* (Ело-1, огр. 2, 3) (рис. 8 -1; 9 -1; 200 -1).

Возможно, к этому же виду относятся сооружения с камнями во внутренней части ограды, которые в настоящее время не составляют конструкции и не образуют сплошной забутовки (Кара-Коба-1, огр. 2, Сальдяр-1, огр. 11).

1.1.2. С забутовкой камнями внутреннего пространства (Кара-Коба-1, огр. 7, 10, Нижний Тюмечин-1, огр. 12, Нижний Тюмечин-4, огр. 1, 2, Первый Межелик-1, огр. 1, 2, 5, 11, Сальдяр-1, огр. 20, 21, 22, 26, 27, 42, Урмулык, огр. 3, Урускин Лог-1, к. 2). Над могильными ямами в этих конструкциях зафиксированы перекрытия из плит (Нижний Тюмечин-1, огр. 1, 2, 3, 4, 5, 7; Сальдяр-1, огр. 24; Теньга-4, огр. 2); из дерева (Ело-2, огр. 1; Теньга-4, огр. 1), хотя в ряде случаев перекрытий не прослежено (Сальдяр-1, огр. 21, 28).

1.1.3. Без центрального сооружения и забутовки (Ело-1, огр. 7; Нижний Тюмечин-1, огр. 9, 14, 15). В этих конструкциях зафиксированы перекрытия могильных ям из плит (Первый Межелик-1, огр. 12; Ело-Баши, огр. 2, 3, 6; Кара-Коба; Нижний Тюмечин-1, огр. 8, 10, 11, 13; Озерное-II; Сальдяр-1, огр. 31, 36); реже из дерева (Ело-Баши, огр. 5; Кара Коба-1, огр. 1, 2). В некоторых оградах перекрытия могил не выявлено (Сальдяр-1, огр. 8, 9, 13, 16, 29, 30, 32) (рис. 15 -13; 16 -5; 200 -3).

1.1.4. Вокруг могильной ямы имеется дополнительное кольцо из крупных камней. Здесь выделяются варианты по заполнению внутреннего пространства ограды.

а) без дополнительного заполнения внутреннего пространства ограды с перекрытием могильной ямы плитами (Сальдяр-1, к. 39) (рис. 26 -8);

б) с забутовкой внутреннего пространства ограды и перекрытием могильной ямы плитами (Сальдяр-1, к. 37) (рис. 30 -2, 5);

в) с кольцом (?) из рваного камня или забутовкой пространства между внешним и внутренним кольцом из крупного камня (Сальдяр-1, огр. 7) (рис. 24 -2);

г) кроме внутреннего кольца из уложенных плашмя каменных блоков имеется сплошная забутовка ограды более мелким камнем (Сальдяр-1, огр. 5) (рис. 23 -4, 5).

1.1.5. Ограды из ВПП *дополнены кольцами из рваных камней.* Кольца из рваных камней могут находиться внутри ограды и за оградой из ВПП (П. Межелик-1, огр. 7, 6, 10; Сальдяр-1, огр. 17, 39 и др.) (рис. 18 -1, 9).

1.1.6. Ограды *с земляными насыпями* (Ело-Баши, огр. 5, Урускин Лог-1, к. 1, 3). Кроме земляной насыпи может быть дополнительное кольцо из рваных камней внутри ограды (Кор-Кобы-I, к. 1).

1.1.7. В ограде из вертикально поставленных плит находится вторая ограда меньших размеров. Могильные ямы имеются в большой и малой оградах (Кара-Коба-1, огр. 3, Чепош-3) (рис. 11 -1).

Тип 2. Ограды из крупных валунов, камней или блоков (1.2). Исследовано 20 объектов, которые подразделяются на несколько видов.

1.2.1. Ограды из крупных валунов, камней или блоков без дополнительных конструкций подразделяются по разновидности используемых камней.

а) кольцо из крупных валунов (Бойтыгем-2, огр. 20) (рис. 4 -1, 7);

б) кольцо из крупных блоков (Бойтыгем-2, к. 14).

1.2.2. Кольцо из крупных камней (крепида) дополняется кольцом из более мелкого камня (Бойтыгем-2, к. 1).

1.2.3. Кольцо из камней и блоков с заполнением надмогильного пространства камнями (Сальдяр-1, огр. 3) (рис. 22 -2).

1.2.4. Внутри ограды имеется дополнительное внутреннее кольцо из крупных валунов или камней.

а) пространство между кольцами из валунов заполнено более мелким камнем (Бертек-33, к. 1–3);

б) помимо дополнительного кольца из крупных валунов имеется сплошная забутовка внутреннего пространства надмогильного сооружения более мелким камнем (Бертек-33, к. 4) (рис. 200 -4).

1.2.5. Кольцо из крупных камней, с внутренней и внешней стороны дополненные кольцами из более мелких камней (Урмулык, п. 2).

1.2.6. Крепида из крупных блоков или камней с насыпью из камня (Сальдяр-1, к. 2, 4, Бойтыгем-2, огр. 7, Чемал-3) (рис. 5 -8; 51).

Тип 3. Ограды-стенки (I.3). К этому типу отнесено 41 сооружение. Они подразделяются на 4 вида.

1.3.1. Ограды-стенки или кольца с центральным сооружением и перекрытием могильных ям из дерева и без перекрытий (Ело-1, огр. 1, 4; К-Коба-1, огр. 1; Бике-1, к. 10, 31, 34) (рис. 8 -7; 11 -7).

По-видимому, к этому же виду относится конструкция из Бойтыгема-2, к. 9, в виде крепиды из камней, уложенных горизонтально в несколько слоев, в центре которого, вероятно, находилось центральное сооружение из валунов и земли.

1.3.2. Без центрального сооружения с перекрытием могилы плитами (Бойтыгем-2, к. 12).

1.3.3. Двойные кольца (рис. 62). Выделяются варианты:

а) внешнее кольцо-крепида из горизонтально уложенных в несколько слоев камней и внутреннее кольцо крупного камня (Бойтыгем-2, к. 11, 13, 16);

б) кольцо из крупных и средних камней и внутреннее кольцо из более мелкого камня с незаполненным пространством между кольцами (Бике-2, к. 1);

в) кольцо из крупных и средних камней и внутреннее кольцо из более мелкого камня с земляной насыпью (Бике-2, к. 2).

Возможно, к этому же виду относится конструкция из Нижнего Айры-Таша, к. 1, в которой прослеживается кольцо из более крупных камней.

1.3.4. Крепида из камней, сложенных горизонтально в несколько рядов, с насыпью из камня (Кор-Кобы, к. 6, 9; Кызык-Телань-I, к. 31, 33; Сальдяр-1, к. 41) (рис. 41).

Группа 2. Насыпи. Известно 10 объектов, из которых 5 считаются ритуальными.

Тип 1. Сплошные насыпи из камня без выраженной крепиды (Мухор-Тархата-1, 8о, Сальдяр-1, огр. 14, Усть-Куюмский, м. 1, Айрыдаш-1, к. 84 (плоская насыпь) и, по-видимому, Бике-1, к. 35) (рис. 2 -6). Возможно, насыпи были еще на нескольких памятниках, однако определить это в настоящее время невозможно.

К этой группе сооружений условно можно отнести еще 2 типа надмогильных конструкций, у которых не зафиксировано крепид или колец:

Тип 2. Сплошная выкладка из плит, уложенных плашмя (Урускин Лог-1, к. 1а).

Тип 3. Сплошные выкладки из горизонтально уложенных по окружности плит, подогнанных друг к другу (Усть-Куюмский, м. 18).

В общей сложности выделено 6 типов, которые объединяют более двух десятков видов и вариантов конструкций. Учитывая индивидуальные различия объектов, количество вариантов устройства надмогильных сооружений может быть и больше, но они будут включать по одному объекту, что неизбежно приведет к чрезмерной дробности и затруднит дальнейший анализ. Иногда тип или вид сооружения сложно определить. Это связано как с недостатком информации[1], степенью сохранности объекта, так и с тем, что существуют конструкции, которые совмещают ряд признаков, например, насыпь и кольцо из вертикально поставленных плит, насыпь и крепиду из камней. Поскольку насыпей известно мало, то в случаях совмещения признаков, наличие насыпи в конструкциях признано второстепенным признаком по сравнению с оградой из вертикально поставленных плит и оград-стенок или крепид.

Как правило, многообразие разновидностей надмогильных конструкций у афанасьевцев связывают с хронологическими или этнографическими различиями. Одной из причин многообразия видов и вариантов конструкций могло быть и то, что у афанасьевцев на новом месте еще не сложились полностью традиции в устройстве надмогильных сооружений, но существовал обычай для обозначения места погребения умерших возводить конструкцию округлой формы, вероятнее всего, кольцо-ограду, поэтому сооружались ограды из вертикально поставленных плит или камней, уложенных плашмя в несколько слоев, возможно, около 1 м высотой. Вполне возможно, что часть из выделенных разновидностей надмогильных конструкций обусловлена местными особенностями, например, наличием камня, который мог быть использован для сооружения объектов. Если не было подходящих плит сланца, их могли заменить крупными валунами. Есть объекты, где наблюдается совмещение разновидностей строительного материала, например, на Бертеке-33. Кольца из крупных камней или валунов могли заменять кольца из вертикально поставленных плит или камней, уложенных плашмя в несколько слоев и составляющих ограды-стенки. Видимо, совмещение на одном объекте колец из вертикально поставленных плит и колец из рваных камней в ряде случаев может быть объяснено тем, что кольца из рваных камней выкладывались с целью поддерживать плиты в вертикальном положении, что подтверждают результаты раскопок. Очевидно, что многообразие надмогильных конструкций у афанасьевского населения может быть связано с разными причинами.

[1] К сожалению, невозможно определить тип конструкций на памятниках, раскопанных в 1930-е гг. Известно, что на Куроте-2 С.В. Киселевым были зафиксированы круги из камня и кольцевые выкладки (Киселев, 1951, с. 57). На Усть-Куюмском могильнике были ограды из вертикально поставленных плит, в т.ч. с забутовкой, и, по-видимому, насыпи, и выкладки из небольших плит, уложенных плашмя (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 48 -2–3; 49 -2–3; 50 -1, 2; 51; 52; 57 -1; 60 -1–2).

Анализ признаков показал, что несмотря на различия, которые обращают на себя внимание в первую очередь, между надмогильными конструкциями разных типов есть сходство, которое проявляется, например, в наличии кольца, центрального сооружения, второго внутреннего кольца на объекте и др. Кольцо из крупных плит или камней могло быть заменено крепидой из камня более мелких размеров, но составляющих сравнительно высокую стенку.

К сожалению, невозможно предоставить полные статистические данные по каждому из выделенных типов и видов намогильных конструкций. Среди раскопанных сооружений, тип надмогильных конструкций которых определен, большинство составляют ограды из вертикально поставленных плит (59%). По количеству объектов выделяются ограды из ВПП с забутовкой камнями внутреннего пространства и без центрального сооружения и забутовки. Объектов других типов или видов меньше.

Преобладание оград из вертикально поставленных плит в Горном Алтае отмечалось и ранее и считается одним из отличий памятников афанасьевской культуры Горного Алтая и Минусинской котловины. Однако преобладание оград из ВПП может быть связано с тем, что в Минусинской котловине преимущественно исследовались аварийные памятники (Вадецкая, 1986а), а в Горном Алтае поиск афанасьевских могильников велся целенаправленно. В этой ситуации наиболее перспективными для раскопок были ограды из вертикально поставленных плит, которые хорошо заметны на поверхности и датировка которых не вызывала сомнений. Оградки-стенки, как правило, слабо прослеживаются на современной дневной поверхности. Они сильно задернованы и видны лишь отдельные камни, из-за чего выявить сооружения не всегда возможно, а датировать без раскопок в таких случаях очень затруднительно. Поэтому преобладание оград из вертикально поставленных плит в Горном Алтае может быть связано с выборкой объектов для раскопок и не отражать фактическое соотношение объектов с разным типом конструкций.

Центральное сооружение

Во время раскопок на некоторых афанасьевских объектах отмечались остатки конструкций в центре оград. В ряде случаев их реконструируют как сооружение из камней в виде пирамидки (Ело-1, огр. 4 и др.), иногда как земляной холмик, обложенный плитами (Семисарт-2). Остается не ясным, что первоначально представляли собой розетки на Усть-Куюмском могильнике. Не исключено, что в афанасьевские ограды были впущены каменные ящики раннескифского времени, под которыми остались перекрытия афанасьевских могил крупными каменными плитами. На могильниках Усть-Куюмский и Элекманар-2 были раскопаны подобные ящики (Марсадолов, 1981; Степанова, 1996; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 49 -3, 4). Возможно, что это были просевшие в могилы плиты перекрытия, в т.ч. расколовшиеся плиты.

Под центральным сооружением редко встречается перекрытие могильной ямы каменными плитами. Чаще они встречаются с перекрытиями из дерева. Возможно, второе кольцо, находящееся вокруг могильной ямы, могло быть частью центрального сооружения. Достоверной статистики по центральным сооружениям нет.

Могильные ямы

В ограде находилось по одной могильной яме. Исключения составляют Бойтыгем-2, к. 7, Усть-Куюмский, п. 14, Сальдяр-1, к. 42. Кроме того, расположение могильной ямы на могильнике Урмылык, к. 6 и форма ограды предполагают, что могильных ям должно было быть две (Суразаков, 1987, рис. 8 -1). Дважды в афанасьевских оградах встречены неафанасьевские захоронения, в частности, в ограде могильника Улита было 2 могильных ямы. Хотя они и отличаются между собой по погребальному обряду и культурной принадлежности, их расположение говорит, что при возведении ограды предполагалось сооружение двух могил, что позволяет считать эти захоронения близкими по времени. К этой же ограде был пристроен и каменный ящик. На могильнике Каракол, помимо афанасьевского, раскопаны 3 погребения каракольской культуры. Однако расположение каракольских могил своеобразно: они составляют ряд, который мог быть возведен независимо от афанасьевского надмогильного сооружения и, возможно, раньше (Кубарев, 1988, рис. 4).

На могильнике Семисарт-7, огр. 1 в 0,9 м от основной могильной ямы обнаружено детское погребение. Могильная яма обмазана глиной и обожжена. А.П. Погожева из-за радиоуглеродной даты посчитала, что это погребение не афанасьевское (Погожева, 2006а, с. 30). Для афанасьевской культуры не характерен подобный обряд, но и для более поздних периодов Горного Алтая подобный обряд не обычен. Косвенным свидетельством принадлежности этого захоронения к афанасьевской культуре или эпохе бронзы могут служить вкрапления охры, а следы обмазки глиной дна могильной ямы зафиксированы на афанасьевском могильнике Бертек-33, к. 3.

Известны 2 случая расположения ограды в ограде, в каждой из которых была могила – Кара-Коба-1, огр. 3 и 3' и Чепош-3. Возможно, на могильнике Кара-Коба-1, огр. 3 включала не только вторую ограду,

но и еще одну могилу с детским захоронением у СЗ стенки, где находились три плиты, уложенные как перекрытие над детской могилой. Как известно, кости младенцев сохранялись не всегда, а могильные ямы для них выкапывались не глубокие.

Перекрытия и формы могил. Характерны грунтовые могильные ямы, нередко перекрытые массивными плитами, уложенными поперек могил на уровне древней дневной поверхности. Такие перекрытия зафиксированы в 30% погребений и, возможно, еще около 8% могил было перекрыто плитами. Перекрытия из дерева встречаются в 2 раза реже, чем перекрытия из плит, и зафиксированы приблизительно в 16% погребений. Деревянные плахи или жерди укладывались одинаково часто, как вдоль могильных ям, так и поперек, реже – по диагонали, в нескольких случаях нет информации о расположении составляющих деревянного перекрытия. Выделяются по количеству перекрытий из дерева могильник Ело-1, плит – могильники Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1, Ело-Баши. Мало перекрытий зафиксировано на могильниках Первый Межелик-1 и Сальдяр-1.

Ямы овальной или подпрямоугольной формы встречаются приблизительно одинаково часто. Форма некоторых могил определена как подовальная. Они составляют приблизительно шестую часть. Другие формы могил, например, округлые, квадратные, встречаются редко. Выделяются памятники, для которых более характерны подпрямоугольные ямы (Ело-1, Ело-Баши, Нижний Тюмечин-1) или овальные (Сальдяр-1, Усть-Куюмский).

Ямы имеют вертикальные или наклонные стенки. В ряде случаев зафиксированы подбои, в т.ч. и по 2 подбоя (Ело-1, огр. 4, Ело-Баши, огр. 1, 3, Нижний Тюмечин-1, огр. 2, Первый Межелик-1, огр. 3, 4, 5, Теньга-4, огр. 1, Урускин Лог-1, к. 1, 1а, 4, Покровский Лог-4, огр. 2). На могильнике Нижний Тюмечин-1, огр. 3, 8 было воронкообразное дно могил (погребенный находился как бы в полусидячем положении).

В нескольких могилах зафиксированы заплечики (Ело-Баши, огр. 1, 3, 4, Урускин Лог-2, к. 1), материковые приступки (Бертек-33, к. 1–4), уступ (Тыткескень-6, к. 61).

Размеры могильных ям в верхней части и по дну, как правило, различаются. По дну длина их обычно менее 2 м, ширина около 1 м, нередко меньше. Глубина ям – 0,7–1,9 м, но, к сожалению, глубины могил отмечаются по-разному: от современной дневной поверхности и от уровня материка или древней дневной поверхности, в публикациях часто не указывается от какого уровня велся отсчет. Из-за этого трудно провести полный статистический анализ. Как правило, могилы сужались ко дну, но в публикациях нередко указываются только размеры верхней или нижней части ямы. Учитывая специфику заполнения афанасьевских могил (оно по цвету и составу часто почти не отличается от материка) и, то, что верхние края ям часто нарушены при сооружении перекрытий или их разборке, достоверной статистики нет.

Впускные погребения

В афанасьевских могилах зафиксировано 6 впускных погребений (могильники Первый Межелик-1, огр. 2, 3, 4, Кара-Коба-1, огр. 7, Сальдяр-1, к. 5, 19). Возможно, впускным было погребение в Кара-Кобе-1, огр. 6, т.к. оно сооружено на камнях и не было впущено в грунт. Не исключено, что каменные ящики, впущенные в афанасьевские могилы на могильниках Первый Межелик-1, огр. 3, 4, Сальдяр-1, к. 5, сооружены в эпоху бронзы.

Положение погребенных

Около 30% захоронений нарушено. Кости человека, фрагменты керамики и некоторые другие предметы из могил нередко находятся в норах грызунов, в заполнении могил, иногда в оградах. В некоторых случаях «недостающие кости» обнаружить не удается. Исследованы могилы, не имеющие следов явных нарушений, но часть костей в них отсутствует. В детских захоронениях это может быть связано с плохой сохранностью костей. В погребениях взрослых с хорошей сохранностью костей это может быть объяснено тем, что имело место расчленение погребенных. К подобному выводу пришли исследователи, проводившие раскопки на разных памятниках (Абдулганеев, Ларин, 1994; Погожева, 2006а, б). По крайней мере, в 10 погребениях нет черепов, хотя все остальные кости находятся в анатомическом порядке (Сальдяр-1, Бойтыгем-2, Усть-Куюмский, Первый Межелик-1, Нижний Тюмечин-1, Нижний Айры-Таш, Тогусхан-4). На могильнике Урускин Лог-1, к. 2 зафиксировано отчленение черепа ребенка. Во многих других захоронениях отмечается неестественное положение черепа относительно скелета, которое может быть связано с отчленением черепа от туловища погребенного.

Положение погребенного нередко затруднительно определить потому, что захоронения нарушены, и потому, что со временем происходило смещение останков погребенных. Принято считать, что смещение могло происходить из-за того, что ноги, первоначально поставленные коленями вверх, падали на правую или левую сторону или же при положении погребенного на боку происходило смещение на спину. Несколько захоронений с положением погребенных на спине с некоторым разворотом на правую сторону могут быть связаны как со смещением останков погребенного, так и с намеренным

положением умершего в такой позе. Таких захоронений немного, например, на могильниках Каракол, Усть-Куюмский, п. 14/1.2, Чемал-3. К сожалению, по чертежам невозможно определить некоторые детали, которые помогают установить первоначальное положение умерших (Вадецкая, 1980б).

Полностью положение погребенных определено в 157 могилах и частично (положение ног) еще в 11. Положение на спине с согнутыми в коленях ногами составляет 85% (учитывалось по количеству могил, где определено положение умершего). Во многих случаях удалось установить, что ноги стояли коленями вверх. Положение ног ромбом встречается редко. Обычно колени и череп погребенного направлены в одну сторону, т.е. направо или налево. Реже они ориентированы в разные стороны. Кроме этого зафиксировано положение черепа – на затылке, часто приподнятом вверх. Не исключено, что под голову что-то подкладывали. Иногда создается впечатление о неестественном положении черепа. Руки вытянуты вдоль туловища, реже слегка согнуты в локтях. В нескольких случаях правая рука согнута в локте приблизительно на 90º.

Захоронения на правом боку составляют 8%, на спине с некоторым разворотом на правый бок – 4%, нестандартные положения (ничком на животе, ноги слегка подогнуты в коленях – Усть-Куюмский, м. 1, Сальдяр-1, огр. 3 и др.) – 3%. Не зафиксировано ни одного случая погребения на спине или боку с вытянутыми ногами. Нет достоверных данных о положении умерших на левом боку с согнутыми в коленях ногами. На могильнике Усть-Куюмский, мог. 18, принадлежность которой к афанасьевской культуре вызывает сомнения, на левый бок был уложен ребенок (Степанова, 1996, с. 53–54; 2006б, с. 133–137; рис. 60 -3). Предположение, что на могильнике Сальдяр-1, огр. 29 ребенок был уложен на левом боку, невозможно подтвердить или опровергнуть, но это захоронение выделяется среди афанасьевских тем, что в нем был найден плоскодонный сосудик с ушком-ручкой, не имеющий аналогий среди афанасьевской керамики (рис. 28 -4) (Ларин, 2005, с. 22, рис. 53 -1; 54 -4). Не вполне ясно – был ли погребенный на могильнике Кара-Коба-1, огр. 11 первоначально уложен на спине с согнутыми в коленях ногами или на левый бок. Верхняя часть левой бедренной кости из этого захоронения отделена от нижней и уложена западнее скелета в районе тазовой кости. Нижняя часть бедренной кости левой ноги находилась между берцовыми костями (Посредников, Цыб, 1994, с. 29–30).

В целом, несмотря на достаточно устойчивый обряд положения погребенного, в деталях (положение черепа, рук, угол между бедренными и берцовыми костями и др.) имеются отличия даже на одном памятнике. Почти все захоронения на правом боку совершены в оградах из ВПП. Больше двух таких погребений на одном могильнике не зафиксировано. Как правило, погребенным на правом боку ставили шаровидный сосуд с круглым дном или сосуд с раздутым туловом, но с приостренным дном, реже с плоским (Первый Межелик-1, огр. 1, Кара-Коба-1, огр. 8, Каракол, Сальдяр-1, к. 8, 9, Бойтыгем-2, к. 7, Чепош, Большой Толгаек и др.). Среди этой группы погребений почти нет захоронений мужчин. Более половины похороненных на правом боку составляют дети и подростки (6 детей, 3 подростка, 4 женщины, 1 мужчина). Э.Б. Вадецкая отмечает, что на Енисее нет ни одного могильника, где бы погребенные лежали только на боку, однако есть памятники, где на боку находились только дети (Малые Копены, Красный Яр I) или женщины и дети (Черновая-VI) (Вадецкая, 1980б, с. 129; 1981, с. 58). Положение погребенного на правом боку традиционно считается хронологически поздним явлением. Сопутствие этому признаку определенного типа глиняной посуды и совершение захоронений практически только в надмогильных конструкциях одного типа, вероятнее всего, может быть объяснено тем, что это явление этнического или этнографического порядка.

Ориентация на ЮЗ зафиксирована в 28% погребений, ЮЗЗ и З по 17%, СЗЗ – около 5%, СЗ – 4%, СВ – 9,5%, В – 7%. Ориентация на ЮЗ, ЮЗЗ, З в общей сложности составляет около 62%. Очевидно, что ориентация на СЗ, СВ, В и др. не характерна для афанасьевской культуры. Удалось выявить, что у мужчин чаще встречается ориентация головой на ЮЗ, ЮЗЗ и из необычных вариантов на СВ, у женщин преобладает ориентация головой на ЮЗ, остальные варианты отмечены как единичные случаи, у подростков и детей – З, ЮЗ, ЮЗЗ, СЗ, ВСВ и в меньшей степени СВ. В двойных и тройных захоронениях чаще встречается ориентация головой на В, З, ЮЗ и ЮЗЗ. Наиболее неустойчива ориентация в погребениях детей и подростков.

На большинстве памятников зафиксировано несколько вариантов ориентации погребенных. Выделяется могильник Нижний Тюмечин-1, где погребенные уложены головой преимущественно на ЮЗ. На могильниках Сальдяр-1 и Усть-Куюмский преобладает ориентация на ЮЗ. На Урусскином Логу-1 отмечена только ориентация на З, на Бертеке-33 – ЮЗЗ. На остальных памятниках заметного преобладания какого-либо варианта ориентации погребенных не отмечено. Нельзя не отметить, что на Кара-Кобе-1 для скопления оград, которое включает 10 из раскопанных на этом памятнике объектов, характерна наиболее разнообразная и нестабильная ориентация.

Охра зафиксирована в 63% погребений. Однако эту цифру нельзя считать окончательной, она может быть и выше, т.к. в ряде случаев из публикаций не ясно – была ли охра в захоронениях. Установлено, что во многих погребениях умерший был посыпан охрой полностью, включая дно могилы, в других случаях

отмечается лишь частичная окраска охрой, например, черепа. Иногда прослеживаются скопления охры, которые первоначально могли находиться в мешочках из органических материалов, не сохранившихся до настоящего времени, остатки которых зафиксированы на могильнике Бойтыгем-2, к. 9, 11.

Инвентарь

Вещи находят в могилах, возле могил, в пределах оград и на надмогильных конструкциях. Одни предметы, как правило, встречаются в могилах и изредка над могилами (курильницы), другие только в пределах оград или над могилой (зернотерки и куранты).

Сложилось мнение о бедности афанасьевских захоронений. Однако находки из Бертека-33 позволили предположить, что бедность является относительной и во многом объясняется степенью сохранности вещей, сделанных из органических материалов (Савинов, 1994, с. 134). К такому же выводу приводит сравнение с находками из погребений древнеямной культурно-исторической области, для ранних погребений которой даже глиняные сосуды очень редкое явление, а куски охры относят к инвентарю. При изучении афанасьевской культуры охра не рассматривается как инвентарь. В данной работе при учете безинвентарных погребений скопления охры также не относились к инвентарю.

Безинвентарные погребения составляют 32%. Половина из них нарушена грызунами или грабителями, поэтому отнести их к безинвентарным можно условно, т.к. в норах грызунов нередко находят фрагменты керамики, кости и другие предметы, вынесенные из могилы. Керамика обнаружена в 58% захоронений, изделия из камня, кости, металла в общей сложности в 32%, вещи без керамики – в 10% захоронений. Погребения, в которых найдены изделия из нескольких видов материалов, составляют около 25,5%, а погребения, в которых больше двух вещей – 31%. На показатели оказали влияние материалы могильника Сальдяр-1, где безинвентарные погребения составляют 50%, а керамика была в 39% могил. По количеству находок среди памятников, на которых раскопано не менее 10 погребений, выделяется могильник Нижний Тюмечин-1, где в 93% погребений есть инвентарь. Близок к нему Первый Межелик-1.

Помимо глиняной посуды в могилах находят украшения, орудия труда из металла, кости и камня. Чаще других предметов встречаются песты и жезлы (Первый Межелик-1, огр. 9, 10, Нижний Тюмечин-1, огр. 3, 9, Кор-Кобы-1, огр. 6, 9, Кызык-Телань-1, огр. 31, Чепош-3, к. 2, Бертек-33, к. 1 и др.). Большинство жезлов найдено в погребениях мужчин. Располагались эти находки в могилах в разных местах – возле головы рядом с сосудом, у ног (параллельно или перпендикулярно скелету), у тазовых костей, рядом с сосудом и т.д. Из украшений преобладают серьги.

Погребения различаются между собой количеством вещей и их набором. По 3–5 сосудов найдено в 4,5% могил (Урускин Лог-1, к. 1, 2, 3, 4, Бойтыгем-2, к. 1, 9, Курота 2, к. 2, Урускин Лог-1, огр. 2). По 2 сосуда было в 12% погребений. По 3–5 сосудов найдено, в основном, в одиночных захоронениях, что, видимо, свидетельствует о статусе погребенных. В некоторых могилах найдены изделия из метеоритного железа, серьги из золота (Урускин Лог-1, Усть-Куюмский и др.). Находки деревянных, берестяных и, по-видимому, кожаных мешочков свидетельствуют, что в могилы клались и другие вещи, которые не сохранились. Иногда в таких мешочках была охра. Большинство вещей из могил являются единичными. Даже сосуды, как правило, имеют индивидуальные черты, как по орнаментации, так и по форме.

Размещение инвентаря

Глиняные сосуды размещались справа и слева от погребенного, возле головы или плеча, рук или ног. Чаще они располагались справа от погребенного, у правого плеча или руки. С левой стороны также бывают чаще около плеча и ноги. Иногда в могиле находилось по 2 сосуда – справа и слева от погребенного (Бике II, к. 2). Кроме того, в одной могиле сосуды могут находиться у черепа и ног и т.д. (Усть-Куюмский, м. 8). Известны случаи, когда четыре сосуда находились рядом, в ногах погребенного (Урускин Лог-1, к. 1) (Погожева, 2006б, с. 25; Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 30). При изучении закономерностей размещения сосудов в могиле в соответствии с полом и возрастом погребенного удалось обнаружить несколько тенденций. В женских погребениях сосуды размещали справа, исключение составляет погребение из Куроты-2, где сосуды были слева и справа от погребенной. В захоронениях мужчин, детей и подростков глиняная посуда может быть справа и слева, но чаще справа. Размещение керамики у головы, ног, рук или плеча встречается приблизительно одинаково. Однако для мужских захоронений более характерно размещение у ног и плеча, женских – у руки, детей и подростков – у головы, ног и рук и, реже, у плеча. В женских и детских захоронениях найдены и такие редкие предметы, как курильницы.

Палеодемографические наблюдения

Количество погребенных в могиле. Погребения двух человек составляют около 10%. Как правило, это женщина и ребенок (Ело-Баши, Кара-Коба-1, Бике-1, Урускин Лог-1 и др.), дважды двух мужчин, двух детей, мужчины и ребенка, по одному случаю – мужчины и женщины, мужчины и подростка, подростка и ребенка. Известно всего 3 погребения (1,5%), в которых похоронено по три человека. На Куроте-2 – это

2 мужчины и женщина, на Бертеке-33 это были мужчина, женщина и ребенок, на Сальдяре-1 – подросток и два ребенка (Дебец, 1948; Киселев, 1951; Савинов, 1994; Ларин, 2005). Учитывая небольшое число подобных захоронений, а также, что вторым обычно был похоронен ребенок, можно сказать, что у афанасьевского населения Горного Алтая не было традиции двойных или коллективных погребений. Даже совсем маленьких детей обычно хоронили в отдельных могилах, вокруг которых сооружались ограды.

Половозрастной состав. В 201 погребении похоронено 230 человек, в т.ч. 62 ребенка, 21 подросток, 147 взрослых (55 мужчин и 41 женщина, у 51 погребенного, считающихся взрослыми, пол и возраст не определен). Возраст определен у 134 человек (определения В.П. Алексеева, Г.Ф. Дебеца, В.А. Дремова, А.Р. Кима, М.Б. Медниковой, Г.В. Рыкушиной, К.Н. Солодовникова, С.С. Тур, Т.А. Чикишевой). Кроме того, известно о захоронении 22 детей и 13 подростков, у которых точнее возраст не установлен, т.к. эти определения, как правило, сделаны авторами раскопок.

Количество детей и подростков составляет 36% от общего числа погребенных, мужчин – 57%, женщин – 43% от количества взрослых, у которых определен пол. Детских погребений выявлено больше на тех памятниках, где исследования производились сплошным раскопом. Наиболее показательны материалы могильника Сальдяр-1, который исследован почти полностью. Здесь в 37 могилах похоронен 41 человек – 13 взрослых (5 мужчин, 7 женщин, пол и возраст 1 взрослого не определен), 21 ребенок, 5 подростков и, судя по размеру могил, еще 2 подростка или ребенка. Захоронения детей и подростков составляют 63%, что значительно превышает число, полученное по сумме всех данных по афанасьевским захоронениям Горного Алтая, и находится приблизительно в том же соотношении с числом взрослых, что и в сводке В.П. Алексеева по могильникам эпохи бронзы (Алексеев, 1988, с. 306). На могильнике Нижний Тюмечин-1 похоронено 19 человек, дети и подростки составляют 47%, на могильнике Кара-Коба-1 – 40%. Из этого можно сделать вывод, что утверждение о низкой детской смертности у афанасьевцев Горного Алтая не соответствует действительности (Бобров, Фрибус, 2005). Впечатление о низкой детской смертности лишь связано с выборочностью раскопок.

Возраст смерти мужчин и женщин различается. Большинство мужчин умирали моложе 50, женщин – моложе 35. Выделяются своеобразные пики смертности – у женщин в возрасте до 20 лет и от 30 до 35 лет, у мужчин от 35 до 50. Женщины редко доживали до 45 лет, мужчин старше 45 лет больше. Средний возраст смерти мужчин 35,9 (48), женщин – 30,1 (36).

Интересны наблюдения по детской смертности. Высока она до 10 лет, особенно от 5 до 10 лет и до 1–2 лет. Затем смертность резко возрастает в период от 12–13 до 16 лет. Половая принадлежность в последней группе не определена. К этой же группе по возрасту относятся 3 женщины (от 13 до 15–17 лет) и еще у четырех женщин возраст определен до 19 лет. На возрастную группу от 13 до 19 лет приходится наибольшее количество смертей, если рассматривать суммарно подростков, женщин и мужчин.

Приведенные выше данные отличаются от результатов, полученных В.В. Бобровым и А.В. Фрибусом для Горного Алтая, особенно по некоторым показателям (процент детской смертности, средний возраст смерти мужчин и женщин и др.), и от результатов по Енисейским афанасьевцам, где отмечается высокая смертность младенцев, а также значительное число людей старше 60 лет (Бобров, Фрибус, 2005; Грязнов, 1999, с. 61). В Горном Алтае даже на могильнике Сальдяр-1 не зафиксировано такого уровня смертности младенцев, а афанасьевцев старше 50 лет всего 8 человек (6%). Разница в результатах исследований по Горному Алтаю связана с тем, что использовано разное количество данных, но различия с минусинскими материалами объяснить сложнее, т.к. М.П. Грязновым учтена большая выборка. По-видимому, различия между афанасьевцами Горного Алтая и Енисея вызваны какими-то локальными особенностями и, частично, различиями в методиках исследований.

Очевидно, что полученные результаты не связаны с погребальным обрядом и особыми способами захоронения детей, т.к. даже детей в возрасте до 1–3 лет афанасьевцы Горного Алтая хоронили по тому же обряду и на тех же памятниках, что и взрослых (могильники Сальдяр-1, Нижний Тюмечин-1, Кара-Коба-1), но для детей возводили сооружения меньших размеров – диаметром от 0,8 до 4 м (могильники Сальдяр-1, Бойтыгем-2, Кара-Коба-1, Нижний Тюмечин-1, Урускин Лог-1 и др.). Ограды с погребениями детей находятся в общей цепочке, как на Нижнем Тюмечине-1, или пристроены к сооружениям над могилами взрослых и подростков, например, как на могильнике Сальдяр-1. Полученные данные по афанасьевскому населению Горного Алтая по многим показателям не выделяются среди палеодемографических наблюдений эпохи бронзы других регионов (Алексеев, 1988, с. 308; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 98). Погребений мужчин больше чем женщин, хотя о резкой диспропорции говорить преждевременно.

Наблюдения. Проведен сравнительный анализ захоронений женщин, мужчин, детей и подростков в разных типах надмогильных сооружениях, а также рассмотрена возможность различий надмогильных конструкций по размерам в зависимости от того, кто похоронен. Выяснилось, что 71% женских захоронений, 73% подростков, 87% детей совершены в оградах из вертикально поставленных плит,

а мужских только 51%, т.е. для мужчин чаще, чем для женщин, подростков и детей сооружались ограды из рваного камня, насыпи. На правом боку погребены преимущественно женщины, подростки и дети. Основные размеры надмогильных конструкций с погребениями детей от 0,8 до 3 м (Нижний Тюмечин-1, огр. 5, Сальдяр-1, огр. 11, 26, 27, 29 и др.), над женскими в пределах 2,5–11 м (чаще от 4 до 7 м, среди них выделяются по количеству диаметром 4 м), над мужскими от 2 до 16,5 м (большинство от 3 до 11 м). В небольших по размеру сооружениях погребались не только дети, но и взрослые. Часть самых крупных объектов, диаметром 14–16,5 м, сооружены над мужскими захоронениями, но в целом по размерам надмогильных конструкций над женскими и мужскими могилами существенных различий нет. Крупные ограды (диаметром 8–11 м) встречаются как над мужскими, так и женскими захоронениями. К сожалению, для некоторых объектов, выделяющихся размерами, нет половозрастных определений (Кызык-Телань-1, к. 31, Нижний Айры-Таш, к. 1 и др.).

Ритуальные сооружения

На 10 могильниках выявлены объекты, в которых не было захоронений: Кара-Коба-1, огр. 5, Первый Межелик-1, огр. 13, 14, Сальдяр-1, огр. 1, 16, 12, Урмулык, 5, Бойтыгем-2, огр. 17, Кор-Кобы-1, к. 7. Зафиксированы пристройки к оградам на Бике-1, к. 34, Кызык-Телань-1, огр. 32. Они различаются между собой. В одних случаях объекты сооружены из вертикально поставленных плит, в других, из крупных камней, расположенных по окружности, в-третьих, это пристройки к конструкциям с захоронениями. Различаются ритуальные сооружения и по внутреннему устройству, а также по наличию и количеству находок. Один из наиболее интересных объектов изучен на могильнике Кара-Коба-1, огр. 5. Помимо того, что удалось проследить конструкцию сооружения, получен материал, позволяющий датировать объект.

Подводя итог, отметим, что для афанасьевской культуры характерны надмогильные конструкции округлой формы, большинство из которых включают кольцо из плит, поставленных вертикально, или, реже, из камней, уложенных горизонтально (плашмя). Внутреннее надмогильное пространство в ограде закладывалось полностью или частично, или не заполнялось совсем. Все могильные ямы грунтовые, около 50% из них имели перекрытия обычно из крупных плит, реже из дерева. Умерших укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, ЮЗЗ и З. В большинстве могил зафиксирована окраска погребенных охрой и скопления охры. Из вещей находят глиняные сосуды, преимущественно остродонные. Другие изделия (украшения, орудия труда) встречаются реже. Небольшая часть предметов, вероятно, имела ритуальный характер. Изделия из металла в могилы помещали чаще, чем из камня или кости. К наиболее устойчивым чертам погребального обряда относится тип надмогильной конструкции, положение погребенного, использование охры, размещение в могилах остродонной глиняной посуды, а один из наименее устойчивых признаков – ориентация погребенного. Необычными или редкими следует признать надмогильные конструкции в виде насыпей, положение погребенных на боку, ничком на животе, ориентацию умерших на СЗ, СВ, В, ЮВ и Ю, наличие кругло- и плоскодонных сосудов, курильниц. По-видимому, эти признаки имеют особое значение для характеристики афанасьевской культуры.

6.2. ОБРЯДОВЫЕ ГРУППЫ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статистический анализ показал, что в группах оград, объединенных по типу надмогильной конструкции и по ориентации погребенных (ЮЗ, ЮЗЗ, З, СВ и В), наблюдается устойчивое совмещение некоторых признаков, индивидуальных для каждой группы, позволяющих говорить о выделении обрядовых групп.

ЮЗ (28% погребений). В этой группе 73% захоронений совершены в оградах ВПП, 7% – в оградах-стенках. Охра зафиксирована в 69% погребений (61% в оградах из ВПП в целом). Положение на правом боку зафиксировано в 11% могил (от количества определенных положений). Положение ног коленями направо встречается в 2 раза чаще, чем налево. Безинвентарные погребения составляют – 13%. Размещали сосуды преимущественно с правой стороны, как и в группе с ЮЗЗ. Металл найден в 15,6% захоронений и всего в 3% оград из ВПП с ЮЗ ориентацией. Подобный показатель по изделиям из металла только в оградах с СВ ориентацией.

ЮЗЗ (17% погребений). В этой группе 55,6% погребений совершено в оградах из ВПП, 22% в оградах из крупных камней и валунов, 15% в оградах-стенках. Перекрытия из плит составляют 33%, но в оградах из ВПП – 53%. Безинвентарных погребений – 11%. Керамика найдена в 85% могил, больше чем в какой-либо другой группе, и самое большое количество остродонных сосудов – 67%. Размещение керамики справа в 2 раза чаще, чем слева. Выделяет эту группу количество погребений с изделиями из металла – 37% захоронений (40% в оградах ВПП), что значительно превышает средний показатель.

З (17% погребений). Отмечено наибольшее количество отклонений от средних показателей для афанасьевской культуры. В оградах из ВПП, в оградах-стенках и оградах с кольцом из крупных камней совершены соответственно 59, 18,5 и 11% погребений. Перекрытия из плит встречаются реже, чем в двух предыдущих группах – 22%, но в оградах из ВПП – 37,5%. Положение погребенных на правом боку

составляет 15%, а в оградах ВПП – 25%. Положение ног приблизительно одинаково как на правой стороне, так и на левой, и коленями вверх, что сближает с ЮЗЗ группой. Безинвентарных больше, чем в двух предыдущих группах, 22%. Керамика обнаружена в 59% погребений, находилась одинаково часто как справа, так и слева, кроме того, в ногах. В этой группе один из наиболее низких показателей количества остродонных сосудов – 26% и самый высокий круглодонных и плоскодонных – 30 и 18,5%. Чаще, чем в других группах, найдено по несколько сосудов в одной могиле – 33%. В тоже время высок процент погребений без керамики – 41%. Металл обнаружен в 30% могил (в оградах ВПП – 37,5%). Чаще, чем в других группах, находят изделия не из глины – 52%. Эти показатели заметно отличаются от афанасьевских.

СВ (9% погребений). Эту группу выделяет то, что 60% погребений приходится на оградки-стенки. Могилы одинаково часто (по 33%) перекрывали крупными плитами и деревом, уложенным вдоль ямы, что выше общего показателя для афанасьевской культуры. В этой группе самый высокий процент захоронений с охрой – 87% и безинвентарных погребений – 60% (67% в оградах-стенках) и без керамики 67%. В большинстве случаев, в отличие от остальных групп, колени погребенных направлены налево. Остродонные сосуды найдены всего в 20% захоронений. Ни в одной могиле не прослежено остатков металла. Изделия из металла были только в плоскодонном сосуде, найденном в насыпи. В целом большинство показателей заметно отличаются от общих для афанасьевской культуры. Если сравнить показатели погребений с СВ ориентацией в целом и из оградок-стенок с такой же ориентацией погребенных, то существенных различий не обнаруживается (основное различие, что часть погребений совершены в других типах надмогильных конструкций).

В (7% погребений). Погребения с ориентацией на восток выявлены во всех типах конструкций. Незначительное преобладание их приходится на оградки-стенки. В этой группе самый низкий процент перекрытий из плит (18%). Положение ног преимущественно коленями на право. Безинвентарных погребений – 63,5%, без керамики – 54,5%.

ВСВ (5 погребений и еще в одном захоронении предположительно определена ориентация погребенного на ВСВ). Эту группу отличает то, что только одна могила была перекрыта плитами, в одной была охра (20%). Керамика найдена в 4 могилах (80%). Нет безинвентарных захоронений. На могильнике Нижний Тюмечин-1, где предположительно была ориентация погребенного на ВСВ, также был плоскодонный сосуд, аналогичный по технологии изготовления плоскодонному сосуду из этой же группы.

СЗЗ (8% погребений). Эту группу отличает количество перекрытий из плит – 62,5%, низкий процент погребений с охрой – 50%, остродонные и плоскодонные сосуды составляют по 25%.

Ориентация погребенных на СВ и В всегда считалась нехарактерной для афанасьевской культуры, и то, что для этой группы погребений характерен ряд признаков, выделяющих ее среди остальных, выглядит закономерным. Однако ориентация на З всегда считалась традиционной для этой культуры. Тем не менее зафиксирован ряд черт заметно выделяющих ее среди остальных, например, что плоскодонная и круглодонная керамика чаще встречается в погребениях с ориентацией на З.

Из 218 сооружений, в которых были совершены захоронения, определить тип конструкций можно у 177 (83%), еще у 13% объектов тип надмогильной конструкций определить возможно с определенной долей вероятности.

Ограды ВПП составляют 60,5%. Сооружения этого типа найдены на большей части территории Горного Алтая. Не выявлены они пока на Восточном и Юго-Восточном Алтае, хотя на могильнике Бертек-33 один из объектов составлен из крупных валунов и вертикально поставленных плит. Размеры оград колеблются от 0,8 до 16,6 м.

Для оград этого типа зафиксированы все признаки, характеризующие афанасьевскую культуру, в т.ч. и большинство редких. Перекрытия могильных ям плитами встречаются чаще, чем из дерева (39 и 12%). Охра зафиксирована в 58% захоронений. Положение погребенных на правом боку составляет 14%, нестандартные – 4%. Преобладает ориентация на ЮЗ (39%), З (19%), ЮЗЗ (18%). Ориентация на СВ, В и ВСВ составляет по 2,4%. Безинвентарных погребений 24%, большая часть из которых приходится на могильник Сальдяр-1. Ряд захоронений потревожен, что позволяет отнести их к безинвентарным условно. Кроме того, в некоторых могилах находок не было, однако в пределах ограды обнаружены обломки зернотерок, куранты и др. Все это указывает на то, что процент безинвентарных погребений завышен. Керамика справа от погребенных встречается в 3,5 раза чаще, чем слева. Справа сосуды обычно находятся у руки, плеча или черепа. Слева, как правило, у ног и руки. Как справа, так и слева отмечены отдельные случаи нахождения сосудов у тазовых костей. В целом керамику у головы, плеча и руки размещали в 2,5 раза чаще, чем у ног.

Выявлены заметные различия внутри группы оград из ВПП между захоронениями с ориентацией погребенных на ЮЗ, ЮЗЗ и З. Например, изделий из металла в оградах ВПП с ориентацией на ЮЗ практически нет, а в оградах с ориентацией на ЮЗЗ и З погребения с предметами из металла составляют 40 и 37,5%, что намного выше, чем в целом для афанасьевской культуры. В оградах с ориентацией

на З круглодонных сосудов в 3,5 раза больше, чем в других подгруппах. Отмечены отличия и для оград, например, с ЮЗ ориентацией из ВПП и ЮЗ ориентацией в целом: металл найден в 15,6% захоронений с ЮЗ ориентацией и всего в 3% оград из ВПП с ЮЗ ориентацией.

Конструкции из крупных валунов или камней по окружности составляют 11% и известны на нескольких памятниках. По несколько таких объектов известно на могильниках Бойтыгем-2, Бертек-33, Сальдяр-1, расположенных в разных районах Горного Алтая. Они находятся в одних скоплениях с оградками-стенками или оградами ВПП. Большинство сооружений диаметром 5–6,5 м и 10–10,5 м. Объектов диаметром менее 3 м не зафиксировано. В конструкциях этого типа всего 2 захоронения ребенка, совершенных в индивидуальных могилах в оградах диаметром по 3 м. Для этого типа оград более характерны перекрытия из дерева, чем из плит (39 и 5,5%). Преобладает ориентация погребенных на ЮЗЗ – 35%, на З составляет 18%, СВ и ЮВ по 12%. Вариантов ориентации на ЮЗ не зафиксировано. На правом боку погребен один человек. Охра отмечена в 74% могил. Нет подбоев, но зафиксированы материковые приступки и заплечики. Безинвентарные погребения составляют 42%. Керамика обнаружена только справа от погребенных, чаще у руки или плеча.

К ***насыпям*** отнесено 5 объектов, хотя не исключено, что их было больше. В этой группе учтены сооружения, в конструкциях которых не было прослежено колец из крупных камней или плит, крепид и т.д. Все 5 объектов находятся на разных памятниках, в разных районах Горного Алтая. Ни в одном не зафиксировано перекрытия могильной ямы. Умершие уложены на спине с согнутыми в коленях ногами, а на могильнике Усть-Куюмский вытянуто на животе. Ориентация погребенных различна: СВ, ЮВВ, СЗ, ЮЗ. В трех могилах отмечены скопления охры. Ни в одной не найдено керамики. В погребении из Мухор-Тархаты-1 обнаружена подвеска из камня. В остальных могилах находок не было. Похоронены как мужчины, так и женщины. В одном случае женщина с ребенком.

Дополнительно были рассмотрены объекты, в которых отмечены насыпи как часть надмогильной конструкции. Однако каких-либо тенденций выявить не удалось.

Выкладки составляют 3%. Эти сооружения сложены из горизонтально уложенных плит – Усть-Куюмский (раскопки Е.М. Берс), Урускин Лог-1, Тыткескень-6, Усть-Теплая. К сожалению, практически обо всех объектах имеется неполная информация, что не позволяет провести какой-либо анализ.

Оградки-стенки (22%). Объектов больше, но, к сожалению, из-за недостаточной информации ряд сооружений может быть отнесен к оградкам-стенкам предположительно, например, могильник Курота-2. Сооружения этого типа находятся в разных районах Горного Алтая, но большинство на Средней Катуни и р. Урсул с ее притоками. На одном могильнике выявлено по одному и более объектов. Ограды-стенки и ограды из ВПП даже на одном памятнике находятся в разных группах, и, по-видимому, относятся к разным могильникам (Ело-Баши, Ело-1, Кара-Коба-1). Больше всего таких оградок исследовано на могильнике Бойтыгем-2.

Для этого типа оград имеется ряд признаков, отличающих их от предыдущих групп, например, чаще встречаются перекрытия из дерева – 35%, чем из плит – 25%. Лишь в одном случае зафиксировано положение погребенного на правом боку (ребенок похоронен в ногах женщины, что необычно для афанасьевской культуры – Каракол). Ориентация погребенных головой различна, но преобладает СВ – 32%; реже встречается З – 18%; ЮЗЗ – 14%; ЮЗ и В по 11%; ЗСЗ, ЮВ, СЗ, ВСВ – по 3,6%. В 77,5% погребений зафиксирована охра. Безинвентарные погребения составляют 45%, но в насыпях нескольких оград (10%) были обнаружены изделия из камня (обломки зернотерок, куранты) и шило. Шаровидные сосуды с круглым или с приостренным дном составляют 15 и 2,5%. Редко встречаются подбои. Керамика найдена, как правило, справа от погребенных, чаще у руки, плеча или у ног. В захоронениях иногда отмечается органический тлен или гумусированная прослойка.

По ориентации погребенных в оградках-стенках выделяются 3 подгруппы: 1) с направлением в западный сектор (З+ЮЗЗ+ЮЗ) – 12; 2) и восточный (СВ+В+ВСВ) –13; 3) все остальные, включая и те, в которых ориентация не установлена, включающие практически одинаковое количество объектов. При проведении сравнительного анализа выявились различия этих подгрупп оград и по другим признакам. В частности, в подгруппе *с ориентацией в западный сектор* перекрытие из дерева укладывалось поперек могильной ямы, мало перекрытий из плит, преобладает положение коленей погребенных направо, керамика находилась чаще у ног, реже у плеча и рук. В объектах с *направлением в СВ и В* сектор перекрытия из дерева сооружались по вдоль могилы, отмечено положение ног погребенных коленями налево или вверх, керамику размещали у плеча и ног. В оградах первой подгруппы незначительно преобладают могилы с остродонными сосудами, но по количеству больше круглодонных, в могилах бывает больше одного сосуда. В оградах второй подгруппы керамика встречается реже, в могилу помещали не более одного сосуда, нет круглодонных изделий. Во второй подгруппе более половины захоронений без керамики и безинвентарны, а в первой только третья часть без керамики и шестая часть без инвентаря в целом, т.е. находок больше, в т.ч. металлических изделий.

Группу оград-стенок с ориентацией погребенных на СВ в целом выделяет наиболее высокий процент погребений с охрой (89%) и безинвентарных погребений (67%), немногочисленность керамики (33%), отсутствие в могилах изделий из металла. Эти признаки практически неизменными остаются для всех погребений с ориентацией на СВ независимо от того, каким был тип надмогильной конструкции. По количеству безинвентарных погребений, немногочисленности керамики группы оград с ориентацией погребенных на СВ и В близки.

Итак, для каждого типа оград отмечено преобладание определенных признаков (одного из видов перекрытия, ориентации погребенных, размещения керамики справа или слева, у головы или у ног и др.), отмечается разница в количественных показателях по использованию охры и безинвентарных захоронений, форм сосудов и др. В частности, в оградах ВПП преобладают перекрытия могильных ям плитами, в оградах-стенках и из крупных камней и валунов – из дерева. В оградах ВПП большинство составляет ориентация погребенных на ЮЗ, в крепидах из крупных камней – на ЮЗЗ, в оградках-стенках – на СВ. Наиболее стабильна ориентация погребенных в оградах ВПП. Если рассматривать суммарно ЮЗ+ЮЗЗ+З, то в оградах ВПП это 76%, в оградах из крупных камней и валунов – 53%, в оградах-стенках – 43%. Ориентация на СВ+ВСВ+В составляет в оградах ВПП – 7,2%, оградах из крупных камней и валунов – 24%, оградах-стенках – 43%. В оградах-стенках выделяются 2 противоположных направления в ориентации погребенных. В оградах из крупных валунов значительное место занимают направления ЮВ+ЮВВ (18%), нехарактерное для афанасьевской культуры. В оградах ВПП реже встречается охра, меньше безинвентарных погребений, но совершено большинство захоронений на правом боку. Керамика размещается справа и слева от умершего, в 2,5 раза чаще у головы, плеча и руки, чем у ног, в отличие от оград-стенок, в которых у головы сосуды совсем не помещали, а у плеча и рук почти также часто, как и у ног. В оградах из крупных камней и валунов размещение керамики отмечено только справа от погребенного, в ногах – всего в одном погребении и реже встречаются изделия из металла. Несмотря на то, что остродонные сосуды составляют большинство во всех типах сооружений, в оградах из ВПП их количественный показатель намного выше. В то же время в каждой группе оград выявлены подгруппы по ориентации погребенных, которые различаются между собой по другим признакам. Особенно выделяется подгруппа с ориентацией на З в оградах ВПП и с ориентацией погребенных на СВ в оградках стенках. В оградах из ВПП, как и в оградах-стенках, изделия из металла чаще встречаются в погребениях с ориентацией на ЮЗЗ, З.

В целом, оградам из ВПП свойственны все признаки, характерные для афанасьевской культуры, а также отмечены почти все нетипичные для этой культуры черты, но в небольшом количестве. Наиболее сильны неафанасьевские традиции в оградках-стенках (преобладание направления на СВ, малочисленность погребений с остродонной керамикой и др.), в оградах-стенках реже встречаются некоторые признаки, считающиеся поздними, например, погребения на правом боку, и более распространены архаичные (захоронения с охрой составляют до 80% и больше). Некоторые «поздние» признаки занимают по количественным показателям одинаковое положение во всех типа конструкций – это плоскодонные сосуды (5–7%) и курильницы (2,5–5%). Кроме того, захоронения с ориентацией погребенных на З составляют по 18–19% во всех группах.

Подводя итог, отметим, что выделено несколько групп погребальных комплексов: 1) ограды из ВПП; 2) ограды из крупных валунов и камней; 3) ограды-стенки; 4) оградки с ориентацией погребенных на СВ; 5) ограды с ориентацией погребенных на З. В группах, выделенных по надмогильным конструкциям, выделяются подгруппы по ориентации погребенных, которые объединяются и некоторыми другими признаками. Устойчивое совмещение ряда черт, позволяет поставить вопрос о выделении *обрядовых групп*, свидетельствующих, что афанасьевское население было неоднородно по этнографическим характеристикам. Это предположение подтверждается и антропологическими данными (Солодовников, 2005). Все перечисленные группы различаются по численности и не имеют своей территории. Вероятно, наличие поздних черт (плоскодонной посуды, курильниц и др.) практически во всех выделенных группах говорит об одновременном функционировании памятников с разными типами надмогильных конструкций и о контактах населения. Тип надмогильных конструкций и ориентация погребенных, по-видимому, признаки близкие по значимости, являющиеся этнографическими чертами. Особого внимания заслуживает выделение двух групп оград-стенок. Одна группа отличается от собственно афанасьевских захоронений, прежде всего, конструкцией надмогильного сооружения. В остальном нетипичные признаки также немногочисленны и составляют приблизительно такой же процент, как и среди оград ВПП. Вторая группа оград-стенок (с СВ ориентацией) имеет целый комплекс признаков, отличающий или выделяющий среди афанасьевских.

6.3. ПОГРЕБЕНИЯ КУРОТИНСКОГО ТИПА И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ

Погребения с СВ, В, ВСВ, а также несколько объектов с баночными сосудами с подобной ориентацией (Курота-2, к. 4, Бойтыгем-2, к. 5, Берсюкта-1, к. 1) и некоторые другие были выделены как ***куротинский тип погребений*** (Степанова, 2009а; 2012а). Название дано по первому исследованному могильнику Курота-2. Эти захоронения объединены как тип погребений, а не памятников, т.к. исследованы на разных могильниках и не локализованы на отдельной территории. Нередко на памятнике раскопано по одному объекту, и остается не ясным насколько характерен подобный обряд для могильника в целом. Исключение составляют Курота-2, Нижний Тюмечин-5, Бике I, II, на которых исследовано по несколько объектов и нет типичных афанасьевских погребений. Своеобразие большинства памятников, отнесенных к куротинскому типу погребений, отмечалось и ранее. Например, на основании материалов могильника Пещеркин Лог-1 было высказано предположение, что при дальнейших исследованиях, возможно, будут выявлены локальные варианты или особенности внутри афанасьевской культуры (Деревянко, Молодин, Маркин, 1987, с. 48). Материалы могильника Нижний Тюмечин-5 были датированы эпохой бронзы, а памятник, с точки зрения авторов, по погребальному обряду соответствует позднеафанасьевским (Абдулганеев, Славнин, 2004, с. 5).

Особенности погребального обряда и инвентаря

Для захоронений *куротинского типа* характерны грунтовые могилы, положение погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ, В, СВВ, окраска охрой, преобладание безинвентарных погребений, а также надмогильные конструкции округлой формы, сложенные из рваного камня и галечника, обычно уложенного плашмя (горизонтально), как правило, в форме кольца. Пространство внутри оград заполнялось камнями или возводилась насыпь, нередко сооружалось внутреннее кольцо вокруг могилы. Отмечается незначительное преобладание остродонных сосудов над плоскодонными и отсутствие круглодонных.

Оград из вертикально поставленных плит (ВПП) немного. В отличие от афанасьевских они, как правило, дополнялись вторым кольцом из камней и плит, насыпями и т.д. Незначительное количество составляют крепиды и кольца из крупного камня, также часто дополненные насыпями. В целом, насыпи, как часть конструкции, встречаются в каждом из типов надмогильных сооружений. На некоторых объектах зафиксированы индивидуальные черты, не имеющие аналогий как среди погребений куротинского типа, так и афанасьевских, например, перекрытие в нижней части могильной ямы (Бойтыгем-2, к. 5), уступы и разнообразный инвентарь (большинство вещей не имеют аналогий в афанасьевских могилах) (Пещеркин Лог-1, к. 1), перекрытие, возможно, из органического материала (Ело-1, огр. 1). В двух объектах обнаружены целые горшки в насыпях (Ело-1, огр. 1, Бике-II, к. 1).

Погребения куротинского типа с афанасьевскими объединяет только положение погребенного на спине с согнутыми в коленях ногами, грунтовые могилы и окраска охрой. По остальным признакам прослеживаются различия (рис. 198). Это относится к надмогильным конструкциям (для афанасьевской культуры характерны ограды из ВПП, куротинских погребений – оградки-стенки и, составляющие часть конструкции, насыпи), ориентации погребенных, керамике. Нельзя не отметить, что некоторые необычные черты зафиксированы и на афанасьевских, и на куротинских памятниках. Например, надмогильная конструкция в виде ограды из ВПП (Нижний Тюмечин-5) с дополнительным кольцом из ВПП вокруг могилы и забутовкой из рваного камня между кольцами из ВПП имеет аналогии на Сальдяре-1, к. 7, 37, где умершие были уложены головой на З, а в кургане 37 обнаружен плоскодонный сосуд.

Инвентарь. В погребениях найдены несколько *изделий из камня*: жезл, колотушка (Курота-2), кинжал с выраженной рукоятью, шлифованный топорик, орудие с дугообразным лезвием – типа стамески, долота и др. (Пещеркин Лог 1, к. 1). Находки из Пещеркиного Лога 1, в основном, не имеют аналогий в афанасьевских погребениях. *Изделия из кости* (рога): роговой перстень, костяные лопаточки (Курота-2, к. 3, 6), проколки (Пещеркин Лог 1, к. 1). *Изделия из металла:* медные височные кольца обнаружены на могильнике Курота-2, медная пронизка – в сосуде из Ело-1. В надмогильных конструкциях на могильниках Бике-II, Элекманар, огр. 1 найдены бронзовое копье, нож. Копье из Бике-II, вероятно, не связано с погребением.

Керамика обнаружена в 51% захоронений. Остродонные, в т.ч. остродонно-шаровидные, сосуды составляют 44%, плоскодонные и баночные – 37%, с уплощенно-приплюснутым дном и круглодонные по 4%, курильницы – 11%.

На некоторых сосудах из Берсюкты-I, Бойтыгема-2, Нижнего Тюмечина-5 орнамент нанесен способом, не выявленным на афанасьевской керамике: горизонтальные ряды состоят из широких и глубоких линий, полученных в результате выемки глины предметом с острым рабочим краем в виде дуги. Движение проводилось иначе, чем при протаскивании: глина вынималась, а не разрезалась, излишки

ее не оставались по краям, как при протаскивании острого конца предмета. Банки из Берсюкты-I и Нижнего Тюмечина-5 имеют одинаковый орнамент и ушки-налепы без отверстий. Аналогично выполнено заглаживание внутренней поверхности обоих сосудов штампом с мелкими зубцами. Основное различие состоит в высоте изделий, и в том, что у находки из Нижнего Тюмечина-5 над ушком без отверстия имеется дополнительное ушко (или ушки) с отверстием, а венчик орнаментирован так же, как и тулово. Различает и оформление придонной части, т.к. диаметр дна у нижнетюмечинской находки больше диаметра тулова в месте их соединения, как и у плоскодонных сосудов из Кара-Кобы-1, огр. 8 и Нижнего Тюмечина-1, огр. 10, 14.

Сосуды с острым дном из куротинских погребений имеют отличия от афанасьевских по пропорциям, высоте венчиков, орнаменту и по другим признакам. Высота куротинских венчиков превышает 2,5 см, а афанасьевских обычно меньше 2,0 см. Совершенно необычна форма биконического сосуда из Бойтыгема-2, к. 1. Сосуд из Зырянки неафанасьевского облика по всем признакам (форма, обработка поверхности, профиль венчика, орнамент). Фактически сходство только в том, что у него острое дно, которое не может быть показателем принадлежности к какой-либо культуре.

Керамический комплекс отличается от афанасьевского соотношением плоскодонных и баночных сосудов с остродонными (для последнего не характерны плоскодонные изделия), пропорциями, высотой венчика остродонных сосудов. Целый ряд различий связан с орнаментом. В частности, венчик украшали также, как и тулово (у афанасьевских по-разному). Нет сосудов с качалкой. Использовались инструменты с гладким и зубчатым рабочим краем, в т.ч. с крупными прямоугольными зубцами. Длина рабочего края в основном около 2 см и менее (у афанасьевских больше 2 см и не характерно использование инструментов с гладким рабочим краем длиной более 1 см). Отпечатки штампов на куротинских сосудах, как правило, глубокие. Горизонтальные ряды оттисков, в основном, составляют елочку, а на афанасьевской керамике оттиски чаще наклонены в одну сторону (Степанова, 2010б). Необычные орнаментальные композиции отмечены на сосудах из Нижнего Тюмечина-5 и Каракола. В одном случае от шейки вершинами вниз расположены треугольники, в другом пересекающиеся линии.

Разнообразие форм сосудов, а также некоторые различия в погребальном обряде предполагают, что куротинские погребения не составляют единого комплекса. По крайней мере, выделяются такие группы захоронений: 1) с плоскодонными горшками, банками и безинвентарные – Курота-2, к. 4, Бойтыгем-2, к. 5, Берсюкта-1, к. 1, Пещеркин Лог-1, Ело-1, огр. 1, и др.) собственно куротинские (неафанасьевские); 2) афанасьевско-куротинские с плоскодонной и остродонной керамикой из Кара-Кобы-1, огр. 8, Каракола, и др., для которых характерно совмещение афанасьевских и куротинских черт. Особое место занимают захоронения с плоскодонными сосудами, которые имеют индивидуальные отличия, выделяющие их как внутри группы, так и среди афанасьевских.

Проблемы хронологии

На основании радиоуглеродных дат хронологические рамки афанасьевской культуры Горного Алтая определяются в широких пределах (38–25 вв. до н.э.), что не подтверждается археологическими материалами. Изучение керамических комплексов показывает, что большинство памятников функционировали в один хронологический период. В целом, полученные данные говорят о том, что датировка афанасьевской культуры Горного Алтая должна быть ограничена несколькими столетиями, а не 10–15 веками (Поляков, 2010б; Степанова, 2009б; 2012е). Нет единого мнения и об относительной датировке памятников, в т.ч. могильника Курота-2.

С.В. Киселев считал, что керамика служит аргументом в пользу большей молодости куротинских курганов по сравнению с куюмскими (Киселев, 1951). М.Д. Хлобыстина относила Куроту-2 к ранним афанасьевским. Она предполагала, что в пользу его большей древности свидетельствует интенсивная окраска охрой и ориентация погребенных, но вынуждена была отметить не соответствие архаичных признаков погребального обряда с керамическим комплексом, производившим неархаичное впечатление (Хлобыстина, 1975). С.В. Цыб включил могильник Курота-2 в раннюю группу афанасьевских памятников (Цыб, 1980; 1984). В.Н. Владимиров и Н.Ф. Степанова поддержали точку зрения С.В. Киселева о поздней датировке памятника (Владимиров, Степанова, 1994, с. 6; Степанова, 2005а). М.Б. Медникова, анализируя антропологические материалы могильника, пришла к выводу, что группа из Куроты-2 относится не к ранним, а, скорее, к более поздним срокам бытования афанасьевской культуры на Алтае, поскольку комплекс морфофункциональных особенностей жителей высокогорья может сложиться только в ряду поколений (Медникова, 2010, с. 213). Этот вывод соответствует и археологическим наблюдениям.

В настоящее время очевидно, что захоронения с банками из Куроты-2 и Бойтыгема-2, которые первоначально рассматривались среди афанасьевских, с последними объединяет только положение погребен-

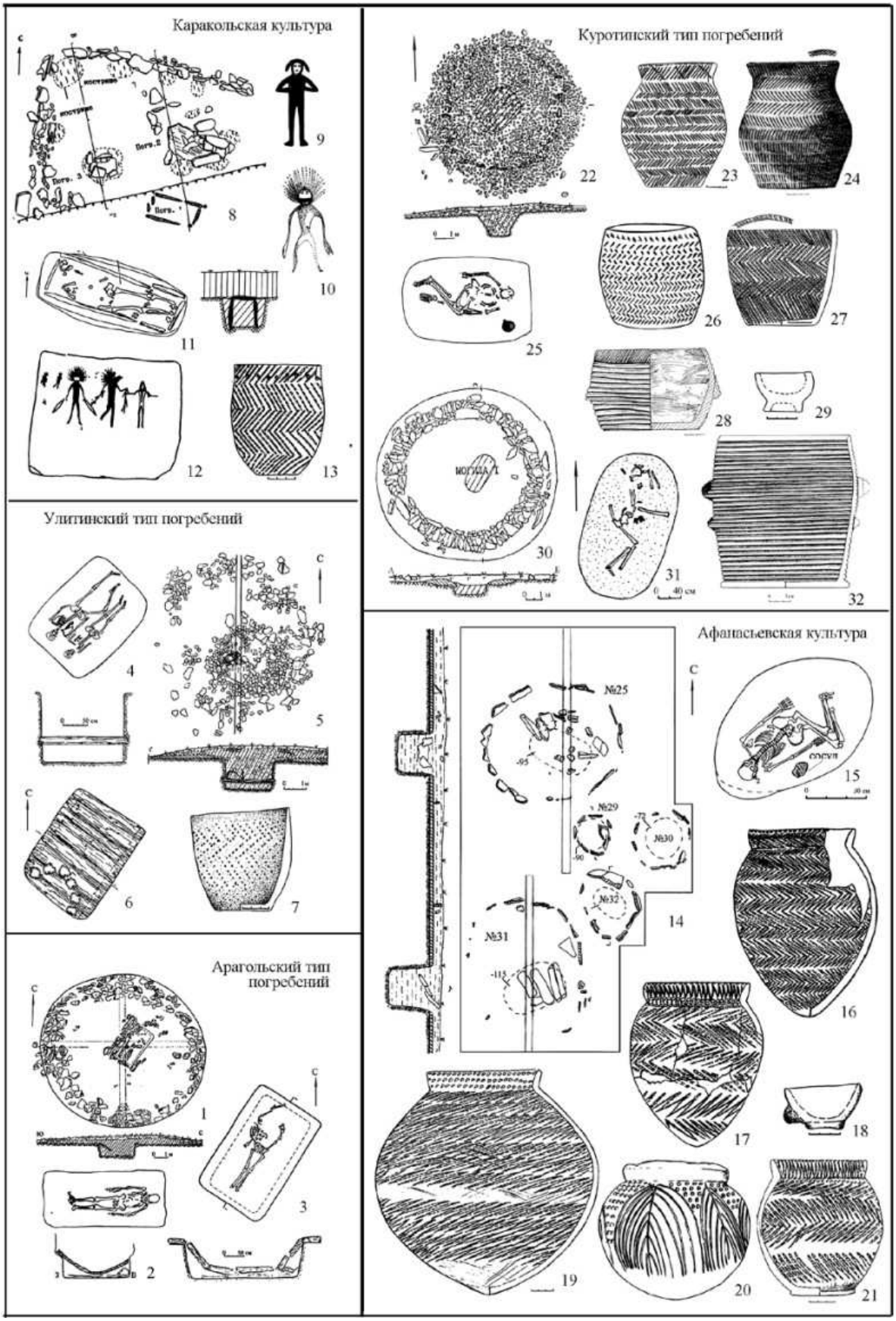

Рис. 198. Могильники Теньга-II (1, 3), Арагол (2); Карасу-II (4–6), Улита (7); у с. Озерное (8–9, 11, 13), Бешозек (10, 12); Сальдяр-1 (14), Ело-Баши (15), Первый Межелик-1 (16), Нижний Тюмечин-1 (17, 18, 21), Усть-Куюмский (20); Бойтыгем-2 (22, 27, 29), Ело-1 (23), Пещеркин Лог-1 (24), Курота-2 (25, 26), Берсюкта-1 (28), Нижний Тюмечин-5 (32), Озерное-2 (30, 31)

ного и применение охры. Однако оба этих признака не могут определять культурную и хронологическую принадлежность, т.к. были широко распространены в эпоху ранней бронзы, например, в Горном Алтае использование охры в этот период зафиксировано в каракольских памятниках. Всего в Горном Алтае в погребальных комплексах найдено 8 банок – на Куроте-2, к. 4, Бойтыгеме-2, к. 5, Берсюкте-1, к. 1, Нижнем Тюмечине-5, Балыктыюле, к. 2, Улите, в разрушенных погребениях в пос. Озерное и с. Кулада (Хлобыстина, 1975; Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982; Ларин, 1988; Абдулганеев, Славнин, 2004; Степанова, 2010а). Между собой памятники различаются по погребальному обряду (положение и ориентация погребенных, наличие и отсутствие каменных ящиков и др.). Находки из Озерного соотносят с каракольской культурой, из Улиты – с эпохой бронзы. Сосуды баночного типа, датированные эпохой бронзы, обнаружены на поселениях Кара-Тенеш, Малый Дуган, Тыткескень-6, Сары-Бел и др. (Погожева, Молодин, 1980; Степанова, 1990; Кирюшин, Тишкин, Степанова, Кунгурова, 1995; Кирюшин, Степанова, 1998; Погожева, 2006; Кирюшин, Семибратов, Кунгуров, Грушин, 2006). Керамические комплексы с банками и плоскодонной керамикой с поселений не связывают с афанасьевской культурой, но в тоже время остается не ясным с какими погребальными комплексами они функционировали одновременно.

Определяя относительную хронологию погребений куротинского типа, нельзя не учитывать, что в нескольких из них найдены остродонные сосуды. Это может свидетельствовать о контактах населения и о том, что некоторые куротинские объекты одновременны с афанасьевскими. По оформлению придонной части куротинские и афанасьевские плоскодонные горшки подразделяются на 2 типа (Владимиров, Степанова, 1994, с. 6–7). Сосуды первого типа (Кара-Коба-1, огр. 8, Нижний Тюмечин-1, огр. 10, 14), вне всяких сомнений, изготовлены афанасьевскими гончарами, которые, по-видимому, копировали чужие образцы. Сосуды второго типа (Курота-2, Ело-1, огр. 1, Пещеркин Лог-1) практически не имеют сходства с афанасьевскими как по форме, так и орнаментации. Вероятнее всего, они были изготовлены неафанасьевскми мастерами. По-видимому, появление группы погребений совмещающих афанасьевские и куротинские признаки погребального обряда, связано с тем, что происходило смешение населения с разными этнографическими традициями или разных археологических культур. Появление ориентации на СВ и В, плоскодонной посуды у афанасьевского населения (Первый Межелик-1, огр. 4, Кара-Коба-1, огр. 8) может быть следствием контактов с населением, оставившим захоронения куротинского типа с банками и плоскодонной керамикой.

Неафанасьевская принадлежность погребений с баночными сосудами и некоторых с плоскодонной керамикой очевидна. Однако малочисленность таких захоронений и различия в погребальном обряде затрудняют определение их культурной и хронологической принадлежности. На соседних территориях баночные сосуды характерны для окуневской, елунинской и других культур. Сосуды близкие по форме плоскодонным горшкам из Пещеркиного Лога 1 и Ело-1 найдены на могильнике Покровка-4, своеобразие которого позволило П.И. Шульге выделить покровский тип захоронений (Шульга, 2006). Возможно, погребения с банками и плоскодонными горшками близки по времени сооружения окуневским и елунинским. Наличие керамики баночной формы в погребениях улитинского, куротинского типов, с поселений свидетельствует о том, что в эпоху бронзы на территории Горного Алтая проживало население с культурными традициями отличными от афанасьевских, которое оказало влияние на афанасьевцев, что нашло отражение в погребениях смешанного афанасьевско-куротинского типа.

Для могильника Нижняя Тархата-1 по костям человека получена дата СОАН-7862 – 4275±85, которая не противоречит предположению, что на определенном этапе афанасьевское и куротинское население сосуществовало. Черешковый нож с листовидным клинком из Элекманара, огр. 1 среди афанасьевских имеет немногочисленные аналогии. Большое количество похожих предметов найдено в памятниках новотиторовской, северокавказской, позднеямной культур, датируемых серединой III – серединой II тыс. до н.э. (Кореневский, 1978, с. 41–44, рис. 8 -58; Гей, 2000, с. 151; и др.). С учетом всех этих данных, можно предположить датировку, по крайней мере, некоторых погребений куротинского типа серединой III тыс. до н.э., оставляя открытым вопрос о нижней и верхней хронологических границах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Территория, где найдены афанасьевские памятники, огромна: Горный и Предгорный Алтай, Минусинские котловины, Тува, Монголия. Предметы афанасьевского облика обнаружены в северо-западном Китае (Синьцзяне), в долине Зеравшана, неподалеку от Самарканда, исследовано сооружение с фрагментами керамики афанасьевского типа. В данной работе учтено более 180 памятников, в т.ч. те, раскопки которых еще не производились, а также случайные находки, местонахождение которых известно, предметы афанасьевского облика, и памятники, которые ранее были отнесены к афанасьевским, но в настоящее время их культурная принадлежность пересмотрена или обсуждается, в их числе могильник окуневской культуры Тас Хазаа, могильники с погребениями куротинского, арагольского, улитинского и покровского типов Берсюкта-I, II, Курота-2, Нижний Тюмечин-5, объекты из Арагола, Бойтыгема-2 и др. В результате проведенного анализа и ревизии материалов всех памятников, выявлены неафанасьевские захоронения, в частности, окуневские на могильниках у с. Тесь (Енисей), обосновано выделение погребений куротинского, арагольского и улитинского типов в Горном Алтае.

Основное количество афанасьевских памятников открыто на Енисее и в Горном Алтае. Большую часть из них составляют могильники (рис. 199; 201). Между погребальными комплексами с разных регионов прослежены различия и сходство, как по погребальному обряду, так и предметам материальной культуры (рис. 200; 202, 203).

Общее для енисейских и горно-алтайских афанасьевских памятников. Все надмогильные сооружения округлой формы, могильные ямы грунтовые. Характерно 2 типа надмогильных конструкций: оградки-стенки из горизонтально уложенных камней и плиток и оградки из вертикально поставленных и вкопанных плит (ВПП). Могильные ямы перекрывались плитами или конструкциями из дерева. Умерших обычно укладывали на спину с согнутыми в коленях ногами (во многих случаях установлено, что ноги были поставлены коленями вверх), головой в западном направлении, преимущественно на ЮЗ, З. Иногда, как правило, женщин и детей хоронили на правом боку. В могилы помещали яйцевидные остродонные и шаровидные круглодонные сосуды, изредка курильницы и плоскодонные горшки. Преобладает орнамент из оттисков рядов качалки, нанесенных инструментами с тонким рабочим краем с мелкими зубцами (до 30–35 шт.). Обращает внимание близость форм шаровидных сосудов, хотя на Алтае отмечается преобладание шаровидных с приостренным дном, на Енисее – с округлым и уплощенным. Из других предметов иногда находят песты, жезлы, серьги (как у мужчин, так и у женщин по одной серьге), роговые гвоздики, возможно, украшавшие посохи или навершия, медные заклепки иди оковки и др. (рис. 203). Орудия труда и украшения изготавливали из камня, кости (рога) и металла (медь, золото, метеоритное железо). Сближают памятники Енисея и Горного Алтая не только характерные черты, но и редкие, например, растительные орнаменты на изделиях шаровидной формы, налепные валики, жемчужины или ушки на сосудах (рис. 43 -2; 74 -3; 79 -6; 200 -26; 202 -10).

Различия между енисейскими и горно-алтайскими памятниками сводятся к тому, что в Горном Алтае преобладают оградки из вертикально поставленных плит с перекрытием могил плитами, а на Енисее – оградки-стенки, с перекрытием могил деревянными накатами. Кроме того, на Енисее непосредственно вокруг конструкции над могилой чаще возводили крепиду из камней, покрытия могил из дерева были более мощными, чем в Горном Алтае. Иногда, как правило, последовательно, сооружали 2–3 могилы, для чего перестраивали ограду, а в могилах хоронили по несколько человек, умерших в разное время**.** В Горном Алтае ограды возводили вокруг одной могилы и не совершали коллективных захоронений. На Енисее реже встречается окраска погребенных охрой, в могилу часто помещали несколько сосудов, в т.ч. корчаги (в Горном Алтае по одному и изредка по 2 сосуда в могиле). Остродонные сосуды со Среднего Енисея и Горного Алтая различаются по форме, высоте венчика. Венчик изделий с Алтая, как правило, высокий (больше 1 см), у енисейских низкий (меньше 1 см). Максимально раздутая часть тулова у енисейских горшков находится выше, чем у алтайских. На Енисее больше крупных и совсем мелких изделий. Такие предметы, как роговые гвоздики и оковки, находят чаще на Енисее, а песты и жезлы в Горном Алтае.

Немногочисленные объекты из Монголии также имеют ряд специфических черт. Они отличаются от енисейских и алтайских афанасьевских памятников, в частности, преобладанием ориентации умерших на восток и безинвентарных погребений.

Общего между погребальными комплексами с разных регионов больше, чем различного. Аналогичные традиции прослежены в сооружении надмогильных конструкций, устройстве могильных ям, размещении в них умерших, инвентаре, орнаментации керамики и др. Отличия связаны преимущественно с количественными, а не качественными показателями. Особенности надмогильных конструкций, форм сосудов, вероятнее всего, отражают этнографические различия и могут быть связа-

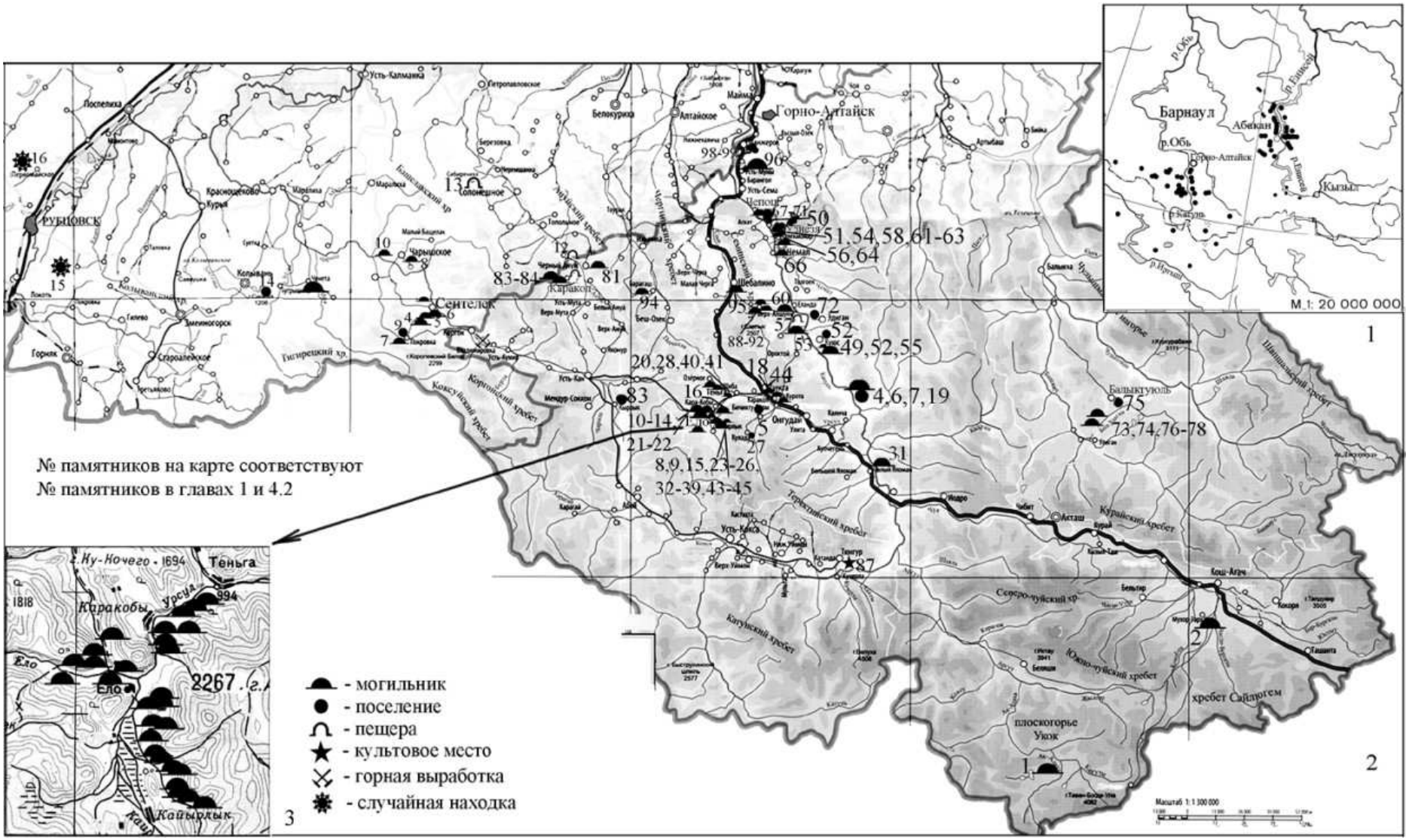

Рис. 199. Схема распространения афанасьевских памятников: *1* – общая; *2* – в Горном и предгорном Алтае; *3* – у сел Ело и Кара-Коба (Горный Алтай)

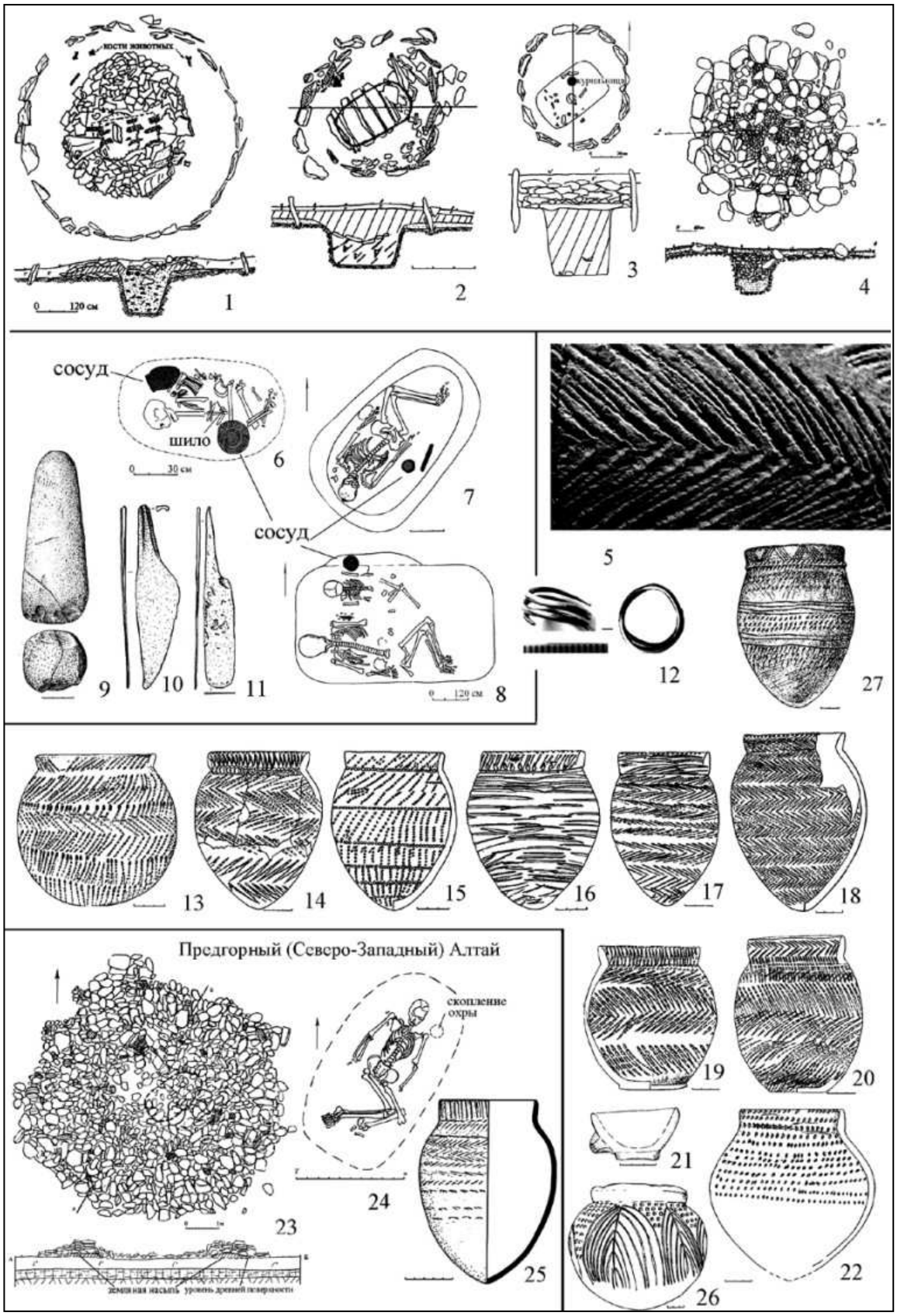

Рис. 200. ***Горный Алтай***: могильники Ело-1 (1), Первый Межелик-1 (2, 5–7, 16, 18, 22), Нижний Тюмечин-1 (3, 9, 14, 19, 21), Бертек-33 (4, 27), Ело-Баши (8), Кара-Коба-1 (13, 15), Урускин Лог-1 (10, 12), Усть-Куюмский (11, 17, 26), Сальдяр-1 (20). ***Предгорный Алтай***: Покровский Лог-4 (23–25). По: Владимиров, Мамадаков, Цыб, Степанова, 1999 (2, 6, 7); Эпоха энеолита и бронзы..., 2006 (10–12, 17, 26); Степанова, 2012г (13–16, 18, 19, 21, 22); Ларин (20), Шульга, 2006 (23–25); Древние культуры..., 1994 (4, 27)

ны с историческими судьбами населения. В целом, отличия не выходят за пределы общих традиций, и афанасьевские памятники с Енисея и Горного Алтая составляют локальные варианты афанасьевской культурно-исторической общности. Изучение и анализ погребального обряда также показали, что различаются не только погребальные комплексы с разных территорий, но и расположенные рядом, что позволило поставить вопрос о выделении обрядовых групп по материалам памятников Горного Алтая. Основными признаками для выделения обрядовых групп послужили особенности сооружения надмогильных конструкций и ориентация погребенных.

Актуальными остаются проблемы абсолютной и относительной хронологии афанасьевской культуры и вопрос о контактах афанасьевского и окуневского населения. По итогам проведенного анализа сделан вывод, что ряд афанасьевских могил на Енисее**,** видимо**,** был ограблен окуневцами. Кроме того, окуневцы иногда хоронили своих умерших в афанасьевских могила**х** через какой-то промежуток времени. Зафиксированы факты, которые могут быть следствием контактов афанасьевского населения Енисея с окуневским. Например, в одном погребении на могильнике Карасук III найдены амулеты из зубов сурка и кабарги, на Афанасьевой Горе захоронены юноша и женщина с плоскодонным и остродонным сосудами, на запястье женщины находился браслет с белыми каменными пуговками, известными у окуневцев, на груди фрагмент шила и 2 костяные пластинки схожие с окуневскими «кинжаловидными подвесками» (Грязнов, 1999, с. 18, рис. 6 -17, 30; 11 -2, 5). Внутри ограды №4 одного из наиболее поздних афанасьевских могильников Малые Копены II, были 12 могил, расположенные по правилам характерным для окуневских оград (рис. 120–121). Изучение нестандартных форм посуды показывает, что афанасьевское население испытывало влияние инокультурного населения, видимо, окуневского.

При подготовке данной работы выяснилось, что происхождение ряда образцов, взятых для радиоуглеродного анализа, остается не ясным, т.к. они извлечены из разрушенных погребений или в тех объектах, из которых они якобы взяты, не было дерева. Подобные примеры есть и на Енисее, и на Алтае. Это служит дополнительным основанием с осторожностью относиться к радиоуглеродным датам из афанасьевских памятников, не соответствие которых археологическим материалам отмечалось уже неоднократно. Длительное функционирование афанасьевской культуры, основанное на радиоуглеродных датах (Горный Алтай – 38–25 вв. до н.э., Енисей – 33–25 вв. до н.э.) не подтверждается археологическими данными и количеством памятников (Абдулганеев, Посредников, Степанова, 1994; Степанова, 2009б; 2012е; Поляков, 2010б; Степанова, Поляков, 2010; и др.). Радиоуглеродным датам, согласно которым афанасьевские памятники Горного Алтая древнее енисейских на несколько столетий, также противоречат результаты изучения керамики. В частности, выявленные идентичные традиции в оформлении рабочего края зубчатых орнаментиров и аналогичные способы нанесения орнамента, несмотря на консерватизм традиций в гончарстве, не могли сохраняться без изменений до 1000 и более лет. Не может быть случайным и наличие одинаково редких для афанасьевской керамики с обеих территорий элементов декора (шагание, налепной валик, жемчужник, ушки и др.). Вероятнее всего, общие традиции в изготовлении инструментов, способах орнаментации, в т.ч. необычные, свидетельствуют о том, что ряд памятников Енисея и Горного Алтая функционировал одновременно, и заселение территорий происходило в одно время, и, возможно, о контактах населения, разделенного сотнями километров.

На основании исследования керамики сделан ряд выводов об относительной хронологии памятников. В Горном Алтае и на Енисее, выделены группы и пары сосудов, которые близки по времени изготовления. Это свидетельствует, что большинство афанасьевских памятников из Горного Алтая составляют одну хронологическую группу (Степанова, 2006б; 2009б; 2012а, г, е). На Енисее на разных могильниках или в разных погребениях одного памятника также найдены однотипные остродонные и плоскодонные сосуды, баночные с ушками или с похожим орнаментом (рис. 85 -5; 88 -9; 89 -9; 92 -8, 9, 11; 97 -6; 102 -1, 3; 114 -4; 134 -4, 5; 201 -12–14). Объединяет керамику с разных памятников, как распространенные элементы орнамента, например, качалка, так и редко встречающиеся, в частности, шагание, выполненное инструментами с необычным, но аналогично оформленным рабочим краем (Афанасьева Гора, Итколь III, Карасук III, Малиновый Лог, Сыда и др. – Степанова, 2013а). В отличие от Горного Алтая, где отмечено особое сходство форм, на Енисее показательны и аналогии в орнаментации (способы нанесения, оформление рабочего края орнаментиров, композиционное построение узора). В частности, это сосуды с орнаментом из глубоких коротких оттисков зубчатых штампов (группа керамики с «рельефным» орнаментом – Малиновый Лог, огр. 3, м. 1, огр. 5, м. 1; Красный Яр, огр. 7, м. 1, огр. 8 и 9, огр. 13, м. 1 и др.), украшенные налепами типа жемчужин (Восточное, Карасук III, огр. 7, м. 1) (Вадецкая, 1981, рис. 12 -5, 8; 13 -10, 11; 2012а, с. 32, рис. 34; 35), композициями в виде диагональных рядов, выполненных аналогичными способами, с геометрическим и растительным орнаментом, например, Саргов и Черновая VI, к. 1, м. 1, Карасук III, огр. 1, м. 1, огр. 12, м. 2 и 3, Афанасьева Гора, м. 6, 30, Малиновый Лог, огр. 4, м. 2; Моисеиха, к. 11, м. 1 и др. Керамические комплексы некоторых памятников

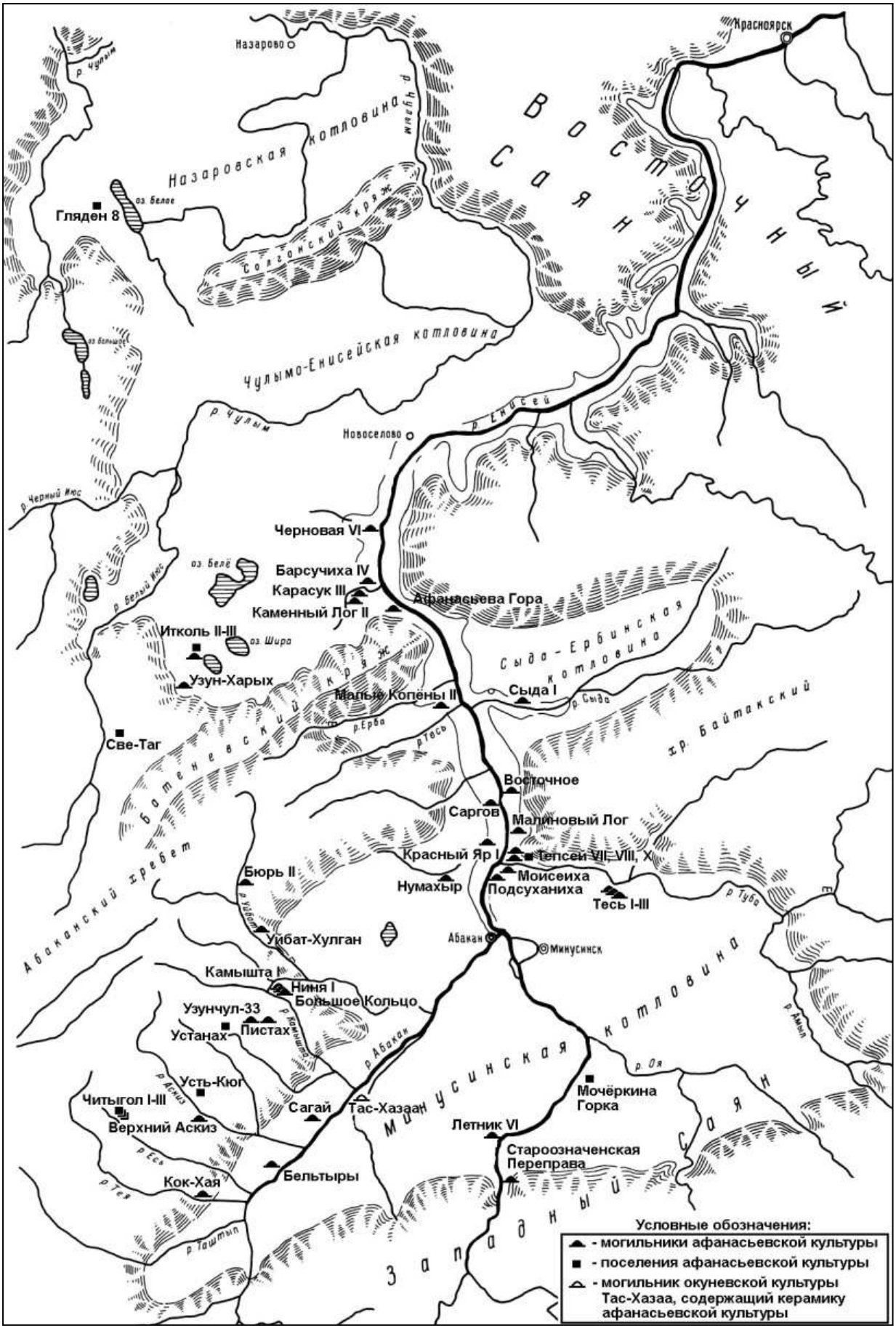

Рис. 201. Карта размещения памятников афанасьевской культуры на Среднем Енисее

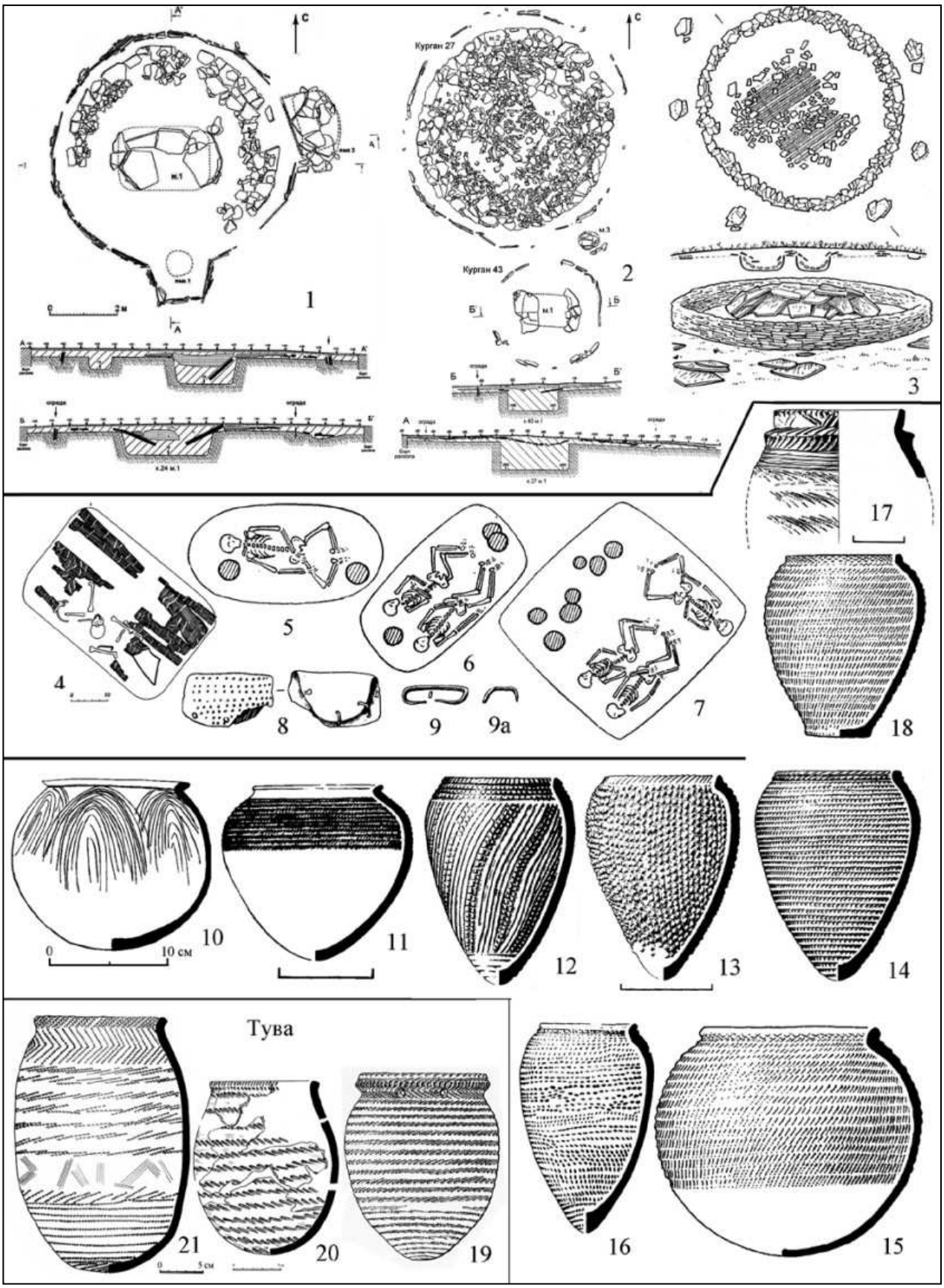

Рис. 202. ***Минусинские котловины***: могильники Итколь II (1, 2), Красный Яр I (4), Афанасьева Гора (8, 9, 15, 17), Сыда-I (9а, 11), Карасук III (12–14, 16), Малиновый Лог (15, 18); ***Тува***: стоянки Тоора-Даш (19, 21), Хадынных (20). По: Поляков, 2010б (1, 2), Вадецкая, 1986 (3, 5–7), 1981 (4), Грязнов, 1999 (8, 9, 9а, 11–14, 16), Ковалева и др., 2010 (10), Боковенко, Митяев, 2010 (15, 18); Семенов, 2012 (19–21)

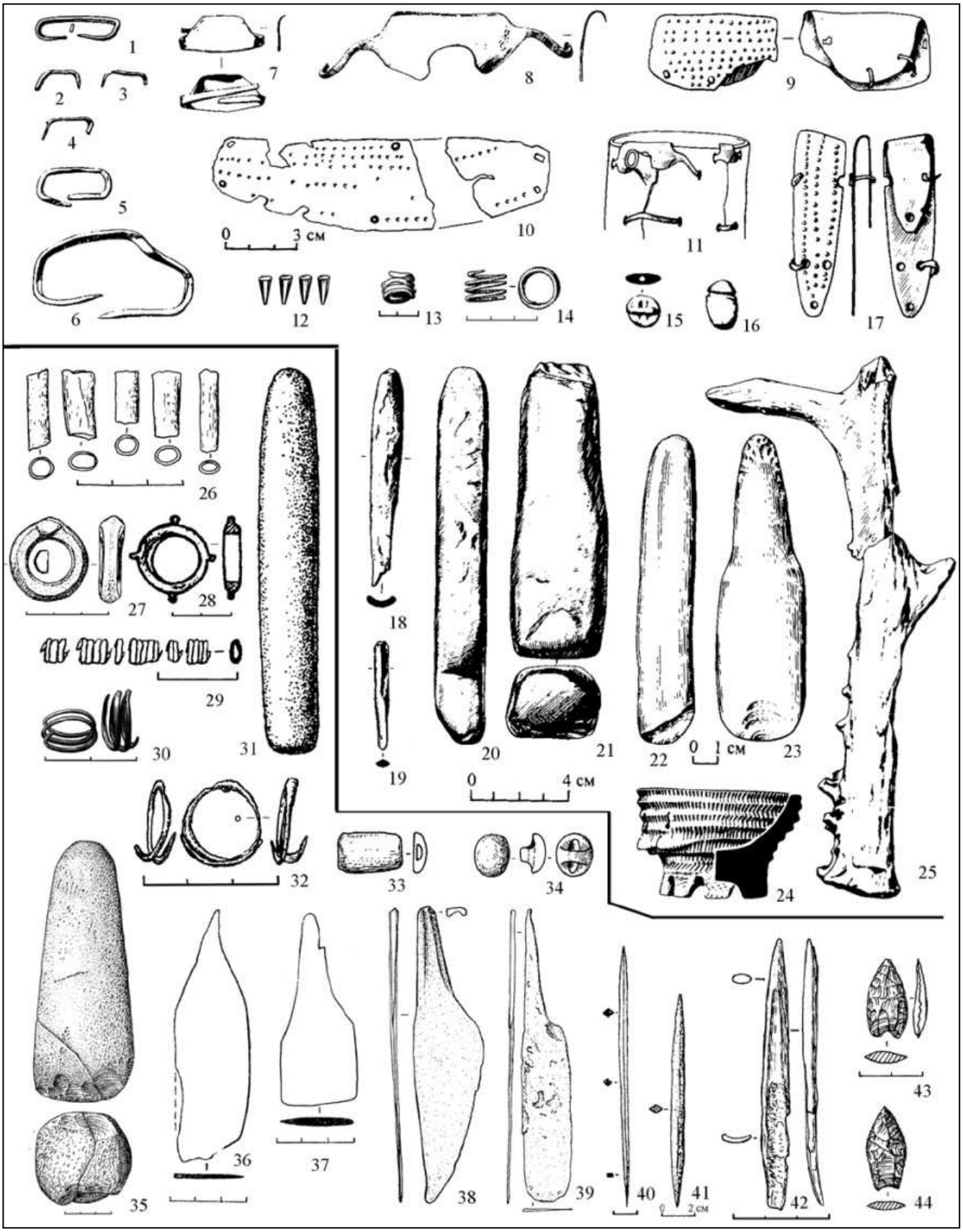

Рис. 203. Вещи из афанасьевских могильников: *1–25* – Енисей, *26–44* – Горный Алтай.
1–11, 17, 19, 29, 32, 34, 36–41 – медь, 13, 14 – серебро (?), 30 – золото, 12, 18, 25, 26, 28, 33, 42 – кость, рог, 15, 16, 20–23, 27, 35, 43, 44 – камень, 24 – глина. По: Грязнов, 1999 (1–14, 15–25); Боковенко, Митяев (14); Абдулганеев, Ларин, 1994 (26); Древние культуры... (28); Ларин, 2005 (33, 34); Эпоха энеолита... (30, 36–39); Степанова, 2012г (27, 29, 31, 32, 35, 43, 44), Вдовина, 2002 (41)

с Енисея объединяет особое сходство. Прежде всего, это относится к могильникам Малиновый Лог и Красный Яр I (преобладание шаровидных изделий, нанесение узора похожими зубчатыми инструментами, «рельефный» орнамент). Вероятно, эти памятники близки не только хронологически, но и оставлены группами населения с одинаковыми этнографическими традициями. Другую группу составляют могильники Карасук III, Летник VI, Афанасьева Гора, Сыда, Саргов, Восточное, Пистах и др. Находки на разных могильниках сосудов, изготовленных в рамках общих традиций, имеющих индивидуальное сходство, позволяют предположить, что часть из них изготовлены одной группой мастеров в короткий промежуток времени, и то, что погребальные комплексы близки хронологически. Особое место занимает керамический комплекс могильника Летник VI, предварительное изучение которого выявило ряд поздних черт. Помимо того, что на памятнике крайне мало сосудов с традиционным афанасьевским орнаментом, в т.ч. с качалкой, здесь обнаружено большое количество изделий гибридных форм (баночного типа, горшковидных плоскодонных с ушками и без них и др.), с необычным орнаментом, как в композиционном построении (волна), так и в орнаментации большинства изделий необычными способами и инструментами и др. Несомненно, что население, хоронившее на Летнике VI, испытывало влияние инокультурных племен, в результате которого произошло смешение традиций изготовления керамики.

Подводя итог, отметим, что этапы в развитии афанасьевской культуры не выделены, несмотря на то, что на Енисее и в Горном Алтае выявлены погребения с поздними чертами, в т.ч. с необычными для афанасьевской культуры плоскодонными горшками, изделиями с ушками, а на Енисее сосудами баночного типа (плоское дно и баночные сосуды свидетельствует о появлении новых навыков в изготовлении глиняной посуды, о контактах населения). По материалам памятников из Горного Алтая был поставлен вопрос о кратковременности существования горноалтайского локального варианта афанасьевской культуры, но для енисейской группы памятников подобный вывод делать преждевременно. Не исключено, что афанасьевское население на Алтае и в Минусинских котловинах появилось позднее, чем принято считать. В пользу этого говорят такие черты, например, как положение погребенных на правом боку и курильницы, которые иногда встречаются в афанасьевских памятниках, сближают их между собой и с древнеямными, где эти признаки считаются поздними и редкими (Фисенко, 1970, с. 23–25; Мерперт, 1974, с. 96; Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 38, 55, 57). К традициям, сложившимся, по-видимому, на Енисее, относятся сооружение нескольких могил в ограде и совершение коллективных захоронений, а отмеченное сходство надмогильных конструкций может быть связано с тем, что обычаи возводить круглые ограды из камня, укладывать и устанавливать камни в определенном порядке и ряд других сформировались раньше, чем афанасьевское население достигло Енисея и Горного Алтая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулганеев М.Т. Афанасьевские некрополи Средней Катуни и Большого Улагана: локальные особенности погребальной обрядности // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 4–19.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В. Афанасьевский могильник Тогусхан 4 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 19–22.

Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 24–36.

Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р. Ело // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 69–90.

Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы из раскопок у с. Ело (Центральный Алтай) // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 3–17.

Аванесова Н.А. Святилище ранних номадов Заравшана // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 8–27.

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Труды Института этнографии (новая серия). 1961. Т. LXXI (71). С. 107–206.

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989. 446 с.

Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. 293 с.

Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. 226 с.

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. 119 с.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае в устье р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 18–31.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлевка-4. Новосибирск, 1993. 157 с.

Бобров В.В., Фрибус А.В. К вопросу о демографической ситуации на территории Горного Алтая в афанасьевское время // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2005. Ч. 1. С. 198–202.

Богданов С.В. Эпоха меди Степного Приуралья. Екатеринбург, 2004. 285 с.

Боковенко Н.А., Легран С. Могильник Нумахыр на реке Биджа // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 29–35.

Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновый Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 16–29.

Бородовский А.П. Предварительные итоги исследования одного из многослойных поселений Горного Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 61–65.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на Нижней Катуни // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 18–23.

Бородовский А.П. Исследования на Нижней Катуни и Верхнем Приобье // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и дальнего востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 92–94.

Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 эпохи палеометаллов на Нижней Катуни (вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения в условиях горный среды) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. Вып. 7. С. 56–67.

Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. Вып. 9. С. 42–52.

Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул. 2003. Вып. XIII. С. 33–39.

Бородовский А.П. Афанасьевские памятники Нижней Катуни // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 84–95.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник на речке Черновой // КСИА. 1964. Вып. 101. С. 116–120.

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 91–159.

Вадецкая Э.Б. Отражение общественных отношений и социальной дифференциации в погребальных памятниках афанасьевской культуры Енисея // Из истории Сибири. Томск, 1976. С. 42–52.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский курган у с. Восточное на Енисее // КСИА. 1980а. Вып. 161. С. 101–107.

Вадецкая Э.Б. К методике определения первоначального положения погребенного в могиле // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980б. С. 126–129.

Вадецкая Э.Б. О культе головы по древним погребениям Минусинских степей // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980в. С. 104–118.

Вадецкая Э.Б. Первые скотоводы Сибири // Археология Прииртышья. Томск, 1980г. С. 79–93.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевский могильник Красный Яр // Проблемы Западно-Сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986а. 180 с.

Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // КСИА. 1986б. Вып. 185. С. 50–59.

Вадецкая Э.Б. Могильник Черновая VI (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 35–46.

Вадецкая Э.Б. Афанасьевская керамика (классика археологического рисунка) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012а. С. 31–84.

Вадецкая Э.Б. Могильник Малые Копены II // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012б. С. 85–102.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 148 с.

Варёнов А.В. «Афанасьевские» древности из Северного Синьцзяна и их алтайские аналогии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 77–81.

Вдовина Т.А. Исследования в урочище Толгоек // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9. С. 72–78.

Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2004. №12. С. 6–12.

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 31–41.

Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 3–8.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 196.

Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 55–62.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.

Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 14–19.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000. 223 с.

Гельмель Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 112–114.

Гельмель Ю.И., Шульга П.И. Афанасьевское захоронение на реке Сентелек // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 44–47.

Готлиб А.И. Исследование горного сооружения Устанах // Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб., 2008. С. 89–101.

Готлиб А.И. Грот Све-Таг – археологический комплекс афанасьевской эпохи на севере Хакасии // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 103–112.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб., 2008.

Гричан Ю.В. Исследования пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы изучения экологии и охраны пещер. Киев, 1987. С. 143–144.

Грушин С.П. Исследование афанасьевского поселения Подсинюшка в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVIII. С. 193–198.

Грушин С.П., Степанова Н.Ф. Особенности технологи изготовления керамики с афанасьевского поселения Подсинюшка // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 46–53.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930. 11 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.

Грязнов М.П., Вадецкая Э.Б. Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1: Древняя Сибирь. С. 159–165.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Афанасьевская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 20–27.

Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // Антропологический журнал. 1932. №2. С. 26–48.

Дебец Г.Ф. Проблема заселения северо-западной Сибири по данным палеоантропологии // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 14–18.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. ТИЭ. М.; Л., 1948. Т. IV. 391 с.

Деревянко А.П., Васильевский Р.С., Молодин В.И., Маркин С.В. Исследование Денисовой пещеры. Предварительный анализ источников голоценовых культурных слоев. Препринт. Новосибирск, 1985. 65 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла I (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 3–7.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. 1. 261 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции) // Советско-японские археологические исследования на Алтае. Новосибирск, 1987. 76 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. 224 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 228–233.

Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск, 1994. 224 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. 111 с.

Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.

Ефремов С.А. Погребение афанасьевского времени в пещере Каминная (Горный Алтай) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 44–47.

Зимина В.М. Афанасьевское погребение из Тубы // Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 160–163.

Иванова Л.А. Могильник Подсуханиха и некоторые особенности афанасьевских надмогильных сооружений // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 58–69.

Иванова Л.А. Опыт выделения и палеоэтнографической характеристики афанасьевской культуры Среднего Енисея: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.,1970. 15 с.

Казаков А.А. Новые материалы афанасьевской культуры со Ср. Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.

Каширин А. Исследование в долине Кызык-Телань // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 39–40.

Ким С.А., Кубарев В.Д., Молодин В.И., Худяков Ю.С. Работы Североазиатской экспедиции // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 235–236.

Киргинеков Э.Н. Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камыштa // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 79–91.

Киргинеков Э.Н. Конструкции курганов афанасьевской культуры Хакасско-Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010б. С. 73–79.

Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники и объекты Майминского района. Горно-Алтайск, 2008. 143 с.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Неверов С.В. Аварийные раскопки на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.

Кирюшин Ю.Ф., Абдулганеев М.Т., Цыб С.В. Раскопки могильника Первый Межелик I // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 58–65.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни. Барнаул, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о культурной принадлежности памятников арагольского типа // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 21–26.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о роли неолитического компонента в сложении афанасьевской культуры Горного Алтая // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 26–28.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. Барнаул, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комплекс в устье р. Куюм // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 36–41.

Кирюшин Ю.Ф., Посредников В.А., Фирсов Л.В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири // Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 28–32.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Кунгуров А.Л., Тюрина Е.А., Грушин С.П. Исследование афанасьевского захоронения на памятнике Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. 1. С. 370–372.

Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIII. Новосибирск, 2007. С. 274–277.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпоха ранней бронзы с поселений Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 245–249.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Киселев С.В. Отчет об археологических исследованиях в Минусинском округе // Научный архив ИИМК РАН. Ф. 2, оп. 1. 1928. Д. 227.

Киселев С.В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928г. // Ежегодник Государственного музея им. Н.М. Мартьянова в г. Минусинске. 1928. Минусинск,1929. Т. VI, Вып. 2. С. 1–162.

Киселев С.В. «Афанасьевские» курганы у сел Сыда и Теси // СА. 1937. №2. С. 71–94.

Киселев С.В. Саяно-алтайская экспедиция в 1937 г. // ВДИ. 1938а. №2. С. 237–238.

Киселев С.В. Советская археология Сибири периода металла // ВДИ. 1938б. №1(2). С. 228–243.

Киселев С.В. К вопросу о культуре древнейшего европеоидного населения Сибири // ВДИ. 1948. №1. С. 169–177.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. №9. М.; Л., 1949. 364 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 653 с.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 91–108.

Ковалева О.В., Леонтьев Н.В., Амзараков П.Б. Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 108–121.

Комарова М.Н. Своеобразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 76–90.

Кореневский С.Н. О Металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. №2. С. 33–48

Косинцев П.А. Фауна поселения Нижняя Соору // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальядар-1. Барнаул, 2005. С. 160–167.

Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 129–132.

Красниенко С.В. Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. I. СПб., 2002. С. 171–175.

Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 219 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 32–54.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 84–119.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия многослойного поселения Малый Дуган (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 113–148.

Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I. С. 321–325.

Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Проявление традиций в каменном инвентаре поселения Малый Дуган // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 26–33.

Кушакова Н.А. Находки керамики и нуклеуса близ пос. Бугры Рубцовского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVIII. С. 288–291.

Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. №2. С. 112–123.

Кызласов Л.Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 165–168.

Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Раскопки в горах Хакасии // Археологические открытия 1986 года. 1988. С. 242–243.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.

Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 13–21.

Ларин О.В. Афанасьевские памятники среднего течения Катуни // Проблемы изучения древней и средневековой истории горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3–30.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Тархата I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 37.

Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 19–25.

Ларин О.В. Исследования на могильнике Сальдяр // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 17–18.

Ларин О.В. Некоторые итоги исследований на могильнике афанасьевской культуры Сальдяр // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы, статьи). Горно-Алтайск, 1995. С. 120–123.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. 208 с.

Ларин О.В., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Поселение афанасьевской культуры Нижняя Сору // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 67–73.

Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата I // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 61–70, 233, 235, 237.

Левашева В.П. Афанасьевский могильник Красный Яр в Хакасии // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 62–73.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Афанасьевские и окуневские погребения в могильнике Бельтыры // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. СПб., 2006а. С. 73–81.

Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник 2: культура и ее окружение. СПб., 2006б. С. 9–52.

Максименков Г.А. Впускные могилы Окуневского этапа в афанасьевских курганах // СА. 1965. №4. С. 204–211.

Максименков Г.А. Погребальные памятники эпохи бронзы минусинской котловины – источник изучения семейных и общественных отношений // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 8–17.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Среднем Енисее. Л., 1978. 192 с.

Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Афанасьевские поселения Ламах-2 и Бичикту-Бом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 73–77.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Поселение Ламах-2 в Западном Алтае и вопросы охраны разрушающихся археологических памятников // Охрана и изучение использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 44–45.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 57–59.

Мамонова Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Международный конгресс монголоведов. Т. III. Улан-Батор, 1979.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 53–64.

Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // Археологический сборник. Л., 1981. Вып. 22. С. 11–22.

Марсадолов Л.С. Афанасьевское поселение «Подсинюшка» в Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы конференции. Барнаул, 1997. С. 116–119.

Марсадолов Л.С. Исследования на Западном Алтае (около поселка Колывань). Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. СПб., 1998. Вып. 2. 46 с.

Материалы по энеолиту Хакасии из архива А.Н. Липского (подготовлено к печати Л.А. Соколовой) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 210–224.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 9. 184 с.

Медникова М.Б. Курота-2 и Куюм: данные антропологии и реконструкция условий жизни алтайских афанасьевцев // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 200–224.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 167 с.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.

Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 23–34.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск, 2000. 192 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск, 2002. С. 98–142.

Молодин В.И., Алкин С.В. Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 149–154.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск, 2010. 264 с.

Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 50–73.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Богданов Е.С., Черемисин Д.В. Историко-культурные процессы на плоскогорье Укок // Археологические памятники плоскогорья Укок. Новосибирск, 2004. С. 203–227.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994. 153 с.

Некипелова Е.Ю. Афанасьевские погребальные комплексы правобережья Средней Катуни // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 182–183.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.

Окладников А.П., Погожева А.П., Молодин В.И. Работы в Горном Алтае // АО 1978 года. 1979. С. 261–262.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256 с.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия (материалы международной археологической конференции). Алматы, 1998. С. 9–70.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Новосибирск, 1994. Ч. 1. С. 202–206.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. С. 207–232.

Отчет Императорской Археологической комиссии за 1865 годъ. СПб., 1866.

Погожева А.П. Раскопки могильников ранней бронзы и ранних кочевников на Алтае // АО 1980 года. М., 1981. С. 205–206.

Погожева А.П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года. М., 1984. С. 225–226.

Погожева А.П. Горно-Алтайский разведывательный отряд // АО 1986 года. М., 1988. С. 248–249.

Погожева А.П. Афанасьевская культура // Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006а. С. 18–48.

Погожева А.П. Могильник афанасьевской культуры Урускин Лог-1 (Каракол-1) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006б, С. 23–43.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск, 1980. С. 199–216.

Погожева А.П., Молодин В.И. Раскопки на поселении Кара-Тенеш (1978 г.) // Археологический поиск (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С. 92–98.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 233 с.

Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 113–122.

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010а. С. 144–158.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010б. С. 158–171.

Посредников В.А. Отчет за 1977 г. // Музей археологии и этнографии Алтая при АлтГУ, г. Барнаул.

Посредников В.А. К археологической карте Алтая // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 25–37.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин-I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 4–10, 156–160.

Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 26–30, 202–205.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. 414 с.

Пшеницына М.Н. Погребальные памятники афанасьевской культуры в предгорьях Саян на юге Хакасии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. 2011. С. 267–270.

Рева Л.И. Хайыракан I – могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности. СПб., 1992. С. 17–22.

Руденко С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. №5–6. С. 108–109.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 39–49.

Семенов Вл.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992. С. 52–59.

Семенов Вл.А. Раннекерамические социумы Тувы и их соотношение с афанасьевской культурой // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 155–165.

Соёнов В.И. Разведочные работы в окрестностях сел Апшуяхта и Каспа // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 206–207.

Соёнов В.И. Аварийные раскопки на могильнике Большой Толгаек в Горном Алтае // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 83–85.

Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Большой Толгаек // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. С. 29–45.

Соёнов В.И., Акимова (Вдовина) Т.А., Трифанова С.В. Радиоуглеродные даты погребений периода ранней бронзы на могильниках Нижний Айры-Таш и Озерное (Горный Алтай) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 166–172.

Соёнов В.И., Ойношев В.П. Археологические памятники и объекты Шебалинского района. Горно-Алтайск, 2006. 99 с.

Соёнов В.И., Суразаков А.С. К вопросу о хронологии и культурной принадлежности комплексов эпохи бронзы могильника Айрыдаш I // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 9–20.

Соёнов В.И., Трифанова С.В. Погребение периода ранней бронзы на Нижней Тархате // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 172–176.

Соколова Л.А. Окуневская культурная традиция в стратиграфическом аспекте // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №2. С. 41–51.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2003. №10. С. 3–27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. Барнаул, 2005. С. 120–154.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. Научный альманах. М., 2009. Вып. 17. С. 117–135.

Солодовников К.Н., Ларин О.В. Краниологическая серия из могильника Сальдяр 1 афанасьевской культуры Горного Алтая // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культуры. Барнаул, 2002. С. 119–123.

Сосновский Г.П. Отчет об археологических исследованиях 1934–36 гг. в Ойротской автономной области Алтайского края // Археологические исследования в РСФСР 1934–36 гг. М.; Л., 1941. С. 304–306.

Сосновский Г.П. Раскопки Куюмского могильника в 1932, 1936 гг. // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. С. 118–129.

Старущенко В.М. Отчет об археологических раскопках могильника у с. Потрошилово (Минусинский район), 1959 г. (Рук.) // Архив Минусинского музея. Оп. 1, №509. 133 с.

Степанова Н.Ф. Разведка в Шебалинском районе Алтайского края // АО 1980 года. М., 1981. С. 213.

Степанова Н.Ф. Работы в Шебалинском районе // АО 1985 года. М., 1987. С. 283–284.

Степанова Н.Ф. Поселение Малый Дуган – памятник эпохи бронзы Горного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 73–86.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 50–53.

Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 94–97.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994а. С. 19–26, 198–201.

Степанова Н.Ф. Эпоха бронзы Горного Алтая: погребальный обряд и керамика // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994б. С. 49–51.

Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 62–66.

Степанова Н.Ф. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996а. С. 53–54.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996б. С. 54–69.

Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997а. С. 113–116.

Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребальных комплексов Горного Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск, 1997б. С. 296–300.

Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 2001. №6. С. 54–62.

Степанова Н.Ф. Могильник эпохи бронзы Курота-2 в Горном Алтае // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005а. С. 53–54.

Степанова Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005б. С. 121–125.

Степанова Н.Ф. К вопросу о демографической ситуации у населения афанасьевской культуры Горного Алтая // Современные проблемы археологии России. Т. 1. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006а. С. 471–474.

Степанова Н.Ф. Могильник афанасьевской культуры в устье Куюма (раскопки 1964, 1965, 1969 гг. и итоги исследований) // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006б. С. 129–137.

Степанова Н.Ф. Погребения в каменных ящиках (могильники Первый Межелик-I, Нижний Тоботой-I) // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006в. С. 72–82.

Степанова Н.Ф. К вопросу об адаптации населения афанасьевской культуры Горного Алтая (по материалам керамических комплексов) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 95–104.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура и древнеямная КИО: сходство и различие // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I. М., 2008а. С. 351–354.

Степанова Н.Ф. Особенности погребального обряда мужских, женских и детских захоронений афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы археологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2008б. Т. XIV. С. 256–259.

Степанова Н.Ф. Предварительные итоги исследований исходного сырья и формовочных масс керамики неолита-бронзы Горного Алтая и его предгорий // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2008в. Вып. 7. С. 23–31.

Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009а. Т. XV. С. 391–395.

Степанова Н.Ф. Проблемы абсолютной и относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009б. С. 154–159.

Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010а. С. 24–37.

Степанова Н.Ф. Особенности орнаментальных композиций афанасьевской керамики из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010б. Т. XVI. С. 307–311.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Малый Дуган: материалы к своду памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблема археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVII. Новосибирск, 2011. С. 233–238.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012а. С. 173–182.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Узнезя-1 в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012б. С. 278–282.

Степанова Н.Ф. К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012в. С. 203–208.

Степанова Н.Ф. Могильники афанасьевской культуры окрестностей с. Ело в Горном Алтае (материалы к своду памятников) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2012г. №4 (16). С. 8–26.

Степанова Н.Ф. Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков: сборник научных статей. Ханты-Мансийск, 2012д. С. 43–50.

Степанова Н.Ф. Проблемы хронологии афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012е. С. 183–195.

Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии афанасьевских памятников Енисея (по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013а. С. 323–327.

Степанова Н.Ф. Керамика из афанасьевского ритуального комплекса Кара-Коба-1, ограда 5 (Горный Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б. С. 89–93.

Степанова Н.Ф. Эпоха ранней бронзы Горного Алтая: современное состояние изучения // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири. Барнаул, 2013в. С. 126–136.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевские памятники у с. Ело в Центральном Алтае // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. С. 20–35.

Степанова Н.Ф., Поляков А.В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 4–15.

Степанова Н.Ф., Пугачев Д.А. Новые материалы эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 37–39.

Степанова Н.Ф., Соёнов В.И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск, 2009. 212 с.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.

Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007. 231 с.

Суразаков А.С., Чевалков Л.М. Работы Горно-Алтайской автономной области // Археологические открытия 1986 г. М., 1988. С. 251.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // МЭ. 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии Л., 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Трифонов Ю.И. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972. М., 1973. С. 241–242.

Трифонов Ю.И. Работы в Туве и Хакасии // АО 1974. М., 1975. С. 237–238.

Тур С.С., Рыкун М.П. Палеоэкология населения афанасьевской культуры // Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006а. С. 60–114.

Тур С.С., Рыкун М.П. Краниологические материалы афанасьевской культуры Горного Алтая в палеоэкологическом аспекте // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006б. С. 137–144.

Фисенко В.А. Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов, 1970. 48 с.

Хаврин С.В. Металлические изделия окуневской культуры // Окуневский сборник 2: культура и его окружение. СПб., 2006. С. 242–244.

Хаврин С.В. Древнейший металл Саяно-Алтая (энеолит – ранняя бронза) // Известия Алтайского Государственного Университета. Серия: История. Барнаул, 2008. Вып. 4/2(60). С. 210–216.

Хаврин С.В. Древнейший металл Горного Алтая // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 187–189.

Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1975. №1. С. 17–34.

Худяков Ю.С., Мороз М.В. Раскопки Куюмского могильника Е.М. Берс в 1969 году // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 158–161.

Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.

Цыб С.В. Отчет за 1980 г. // Архив Музея археологии и этнографии Алтая при АлтГУ, г. Барнаул.

Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: автореф. дис. … канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.

Цыб С.В., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф. Погребальное сооружение эпохи бронзы из Горного Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. Вып. 3. С. 22–28.

Чевалков Л.М. Раскопки в устье реки Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 200–209.

Чевалков Л.М. Древние поселения долины реки Куюм // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1993. С. 45–52.

Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Раскопки на могильнике Бике в 1990 году // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 55–57.

Чикишева Т.А. Антропологические находки эпохи раннего металла из Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 166–168.

Чикишева Т.А. Антропология древнего населения Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). Новосибирск, 1994. С. 157–175.

Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. Вып. 1 (1). С. 139–148.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // Свод археологических источников. В1-3. Киев, 1986. 160 с.

Шульга П.И. Раскопки «Скифского» поселения Аскат-II на Ср. Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 64–65.

Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с. Чепош // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Тезисы научно-практической конференции. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 86–89.

Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на Средней Катуни // Археология, антропология, этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 106–123.

Шульга П.И. Поселение Партизанская Катушка // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998. С. 146–164.

Шульга П.И. Исследования захоронений эпохи энеолита – ранней бронзы в долине реки Сентелек // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 564–570.

Шульга П.И. Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 108–112.

Шульга П.И. Новые материалы по афанасьевской культуре в бассейне реки Чарыш // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура (Материалы международной научной конференции). Барнаул, 2002. С. 150–154.

Шульга П.И. Работы на северо-западном Алтае и предгорьях // Археологические открытия 2002 г. М., 2003. С. 440–442.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 47–72.

Шульга П.И. Захоронения эпохи энеолита-бронзы из могильника Щучий лог-1 и Усть-Теплая // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 189–199.

Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 233 с.

Bokovenko N.A., Mitjaev P.E. Malinovyj Log. Ein Gräberfeld der Afanas'evo-Kultur // Eurasia AntiQua / Zeitschrift Für ArchÄologie Eurasiens. Band 6. 2000. Sonderdruck. P. 13–33.

Molodin V.I. Bronzezeit im Berg-Altai // Eurasia antiqua/ Zeitschrift fűr archäologie eurasiens. Band 7. 2001. Sonderdruck. schrieftleitug berlin im dol 2–6/ p/

Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N. und Zubkov V. Das mehrperiodige Graberfeld von Suchnicha bei Minusinsk / Zur Stellung der Tagar-Kultur im Rahmen der bronze- und eisenzeitlichen Kulturfolge im Minusinsker Beskenl / Mit Beitragen von K. Pustovoytov, I. Fasdihder, H. Becker und I Gorsdorf // Eurasia Antiqua. 2009. Band 15. P. 67–208.

ПРИЛОЖЕНИЕ

М.Н. Пшеницына

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МОГИЛЬНИКЕ ЛЕТНИК VI НА ЮГЕ ХАКАСИИ

Молодой центр Сибири Саяногорск расположен в глубине Азиатского материка в предгорьях Саян. Как и вся Минусинская котловина, ставшая своего рода прародиной сибирской археологии, район Саяногорска отличается обилием памятников древности. Раскопки археологов позволяют прочесть эту летопись веков, хотя в ней есть пока и пропуски и неясные страницы, но вместе с тем отдельные периоды ушедших тысячелетий освещаются очень ярко и выразительно.

Саянская земля, на которой из небольшого с. Означенного вырос г. Саяногорск, буквально начинена исторической информацией. Эти места привлекали к себе внимание русских и зарубежных ученых еще с первой половины XVIII в. Финский ученый М.А. Кастрен, во время своего путешествия в 1847 г. по рекам Енисею и Абакану, у с. Означенного обнаружил камень с рунической надписью и раскопал расположенный неподалеку земляной курган. Камень с рунами он доставил в с. Шушь (Вадецкая, 1973, с. 96–97, 104–106). В 1889 г. во время работ финской экспедиции под руководством профессора И.Р. Аспелина, на средства финской общественности, у с. Означенного было исследовано еще два кургана. На одном из них стоял камень с надписью, обнаруженной М.А. Кастреном. Курган датируется сарагашенским этапом тагарской культуры (IV–III вв. до н.э.) (Вадецкая, 1973, с. 131).

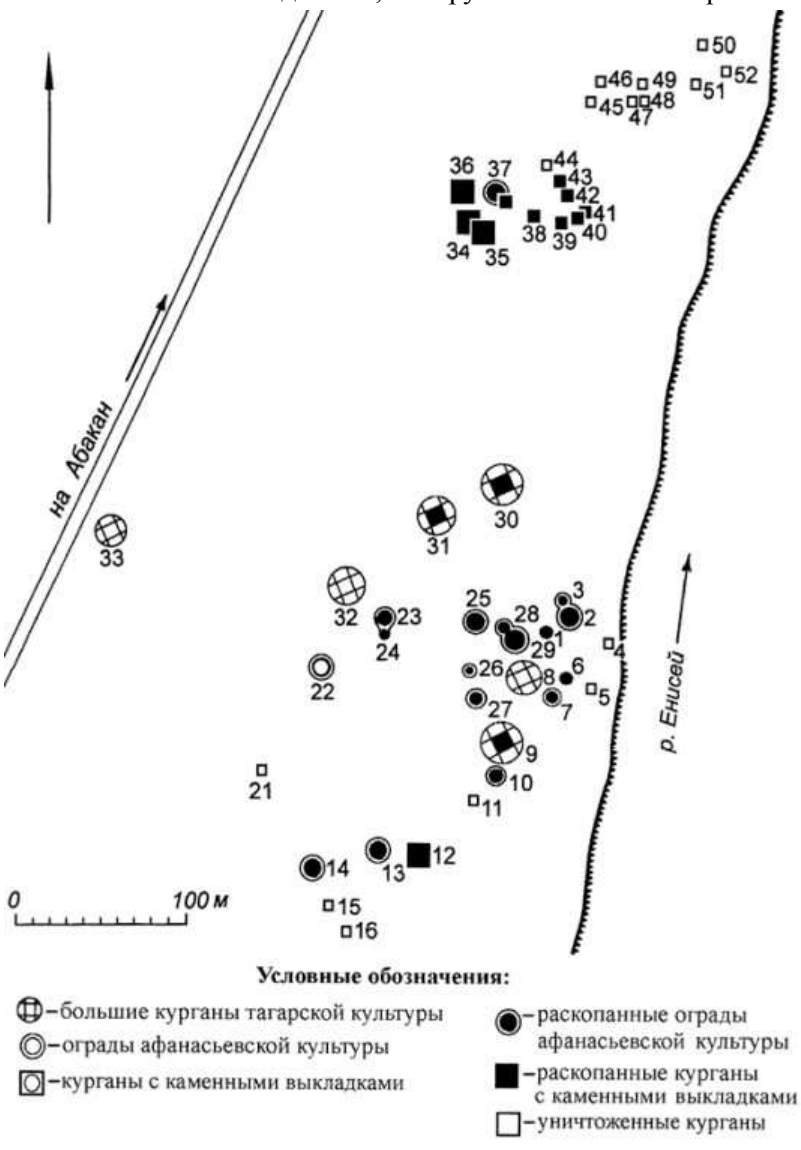

Рис. 1. Летник VI, план могильника

Первые масштабные исследования курганов в этом регионе были начаты в 70-е гг. прошлого столетия на могильнике Летник VI, расположенном около аэропорта г. Саяногорска на юге Хакасии (рис. 1). Основу могильника составляли памятники афанасьевской и тагарской эпох. Ограды афанасьевской культуры сконцентрированы в южной половине могильника. Раннетагарские курганы занимали его северную часть (рис. 1).

Начальником 5-го отряда Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) Ю.И. Трифоновым в 1972 г. был сделан план могильника и всем находящимся в нем объектам дана сплошная нумерация (1–52). Тогда же им был раскопан курган 31, диаметром 22 м, высотой 0,8 м тагарской культуры. В том же году Ю.И. Трифоновым был начат еще один памятник, содержавший погребальные комплексы афанасьевской и тагарской культур (курган 30). Доследован он был в 1974 г. (Трифонов, 1973, с. 241–242; 1975, с. 237–238). Нам не удалось подготовить к публикации материалы раскопанных Ю.И. Трифоновым памятников афанасьевской и тагарской культур в могильнике Летник VI ввиду их утраты. Сохранились только глиняные квадратный сосудик с двумя ушками и косыми насечками по тулову

(рис. 12 -7) и курильница, покрытая снаружи елочным орнаментом (рис. 12 -5), а также бронзовые шило и листовидный нож из могил афанасьевской и окуневской культур кургана 30 (рис. 18 -4–5).

С 1975 г. к исследованию могильника приступила Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством М.Н. Пшеницыной. В 1975, 1978, 1979 гг. экспедицией было раскопано 14 оград афанасьевской культуры, содержавших 53 могилы. При раскопках оград на могильнике Летник VI мы также

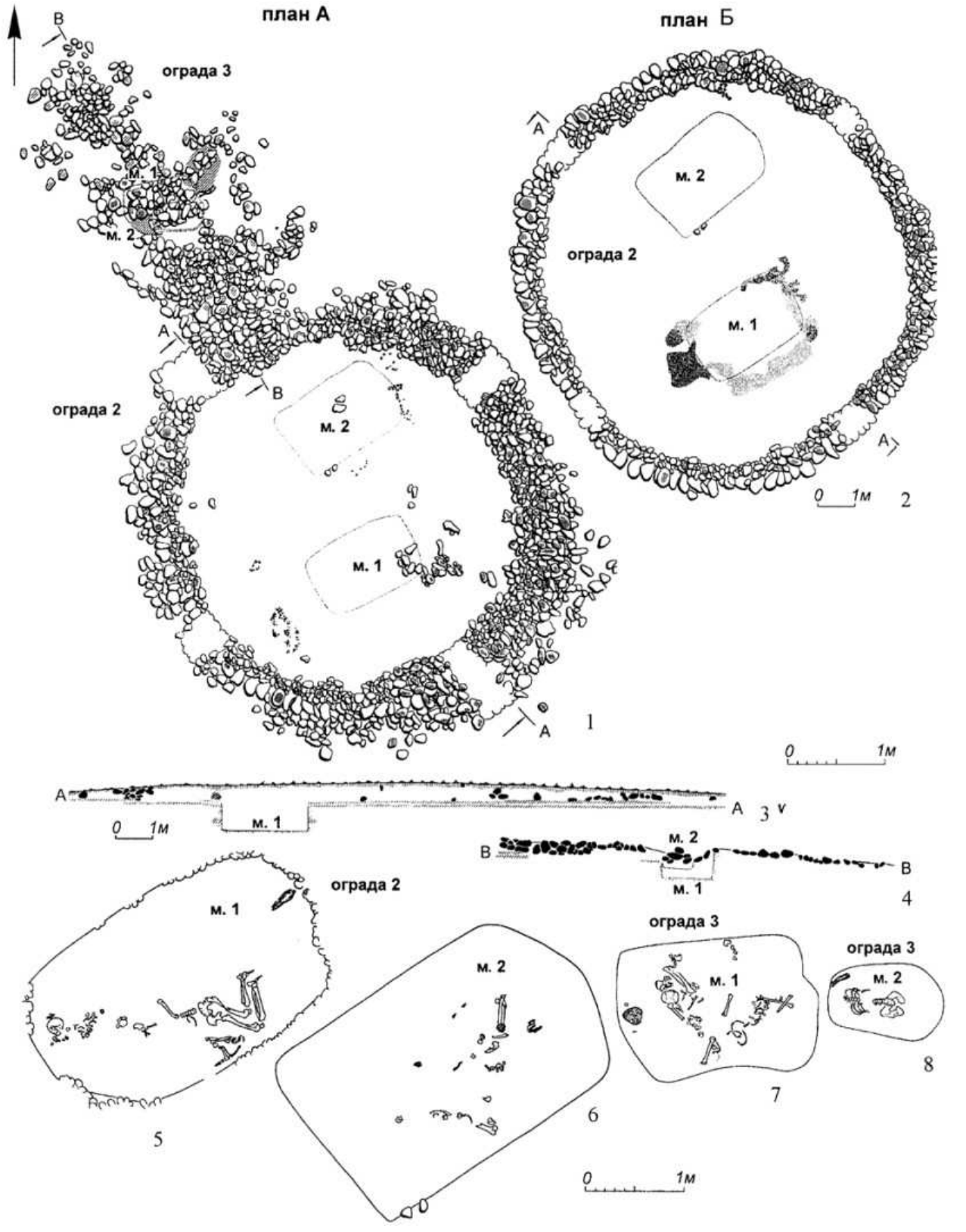

Рис. 2. Летник VI: *1* – план А оград 2 и 3; *2* – план Б ограды 2; Ограда 2: *3* – разрез А-А; *5* – план могилы 1; *6* – план могилы 2. Ограда 3: *4* – разрез В-В; *7* – план могилы 1; *8* – план могилы 2

сохраняли нумерацию археологических объектов, данную Ю.И. Трифоновым. В процессе раскопок выяснилось, что объекты на плане Ю.И. Трифонова под номерами 34, 35 представляют собой один большой тагарский курган. Ему оставлен номер 35. Объект, которому на плане могильника даны номера 40 и 41 также оказался одним разрушенным курганом. Ему оставлен номер 40.

В раскопках могильника Летник VI в разные годы принимали участие научные сотрудники ИИМК РАН: Н.А. Боковенко, В.А. Завьялов, Л.Б. Кирчо, ст. научный сотрудник Государственного Эрмитажа М.П. Завитухина, сотрудник Института этнографии АН СССР П.Е. Митяев; археологи Н.Ю. Кузьмин, Е.Л. Немировская, Т.В. Николаева, М.Л. Подольский, Б.Н. Пяткин, А.С. Поляков, раскопавший по выданному ему открытому листу 4 ограды (ограды 10, 13, 14, 37), доцент кафедры этнографии исторического факультета ЛГУ (ныне профессор кафедры археологии исторического факультета СПбГУ) Д.Г. Савинов. Земляные работы производились учащимися школ г. Саяногорска, служащими г. Ленинграда и г. Томска. Графическая фиксация в поле исследуемых оград выполнялась художником-архитектором В.Г. Ефимовым. Он же подготовил все чертежи и рисунки находок к публикации. Научным сотрудником ИИМК РАН Л.А. Соколовой был выполнен перевод в цифровой формат с последующей компьютерной обработкой общих планов оград и их разрезов, а также планов покрытий и дна могил и их разрезов, рисунков находок и керамики. Палеоантропологические исследования захороненных в оградах афанасьевской культуры выполнены академиком В.П. Алексеевым. Материалы раскопок могильника Летник VI находятся на постоянном хранении и в экспозиции музея Кемеровского Государственного Университета («Археология, этнография и экология Сибири»), коллекция №3.

Ограда 2. До раскопок представляла пологий земляной холмик диаметром около 20 м, высотой 0,5 м. В его основании просматривалось кольцо, сложенное из крупной гальки и мелких валунов, внутри которого также виднелись отдельные камни, возможно, от покрытия могил или развала ограды. Среди них обнаружен фрагмент стенки глиняного сосуда (рис. 16 -9). Круглая ограда из валунов и гальки, уложенных друг на друга в несколько слоев, сохранились на высоту 0,3 м. Ширина ее в основании – 0,9–1,0 м. Диаметр ограды – 11 м. Внутри нее – две основные могилы в виде грунтовых ям с земляными стенками и дном (рис. 2 -1–3).

Могила 1 (рис. 2 -5). Размеры 3,1х2 м, глубина 0,8 м. Ориентирована ЮЗ–СВ. После зачистки могильного пятна на уровне древнего горизонта по бортам ямы четко прослеживается значительные участки прокаленной земли, в которой в большом количестве попадаются куски прогоревшего дерева – следы от сожженного бревенчатого наката, покрывавшего яму в направлении СВ – ЮЗ. Могила ограблена. В ней погребено двое. На дне – остатки скелета взрослого, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. На месте – поясничные позвонки, таз, кости обеих ног и стоп. Череп найден у юго-западной стенки могилы. На дне и в заполнении попадались разрозненные кости от этого погребенного и среди них черепная коробка и кости от детского скелета. На дне, у юго-восточной стенки, кости животных (лопатка, бедро

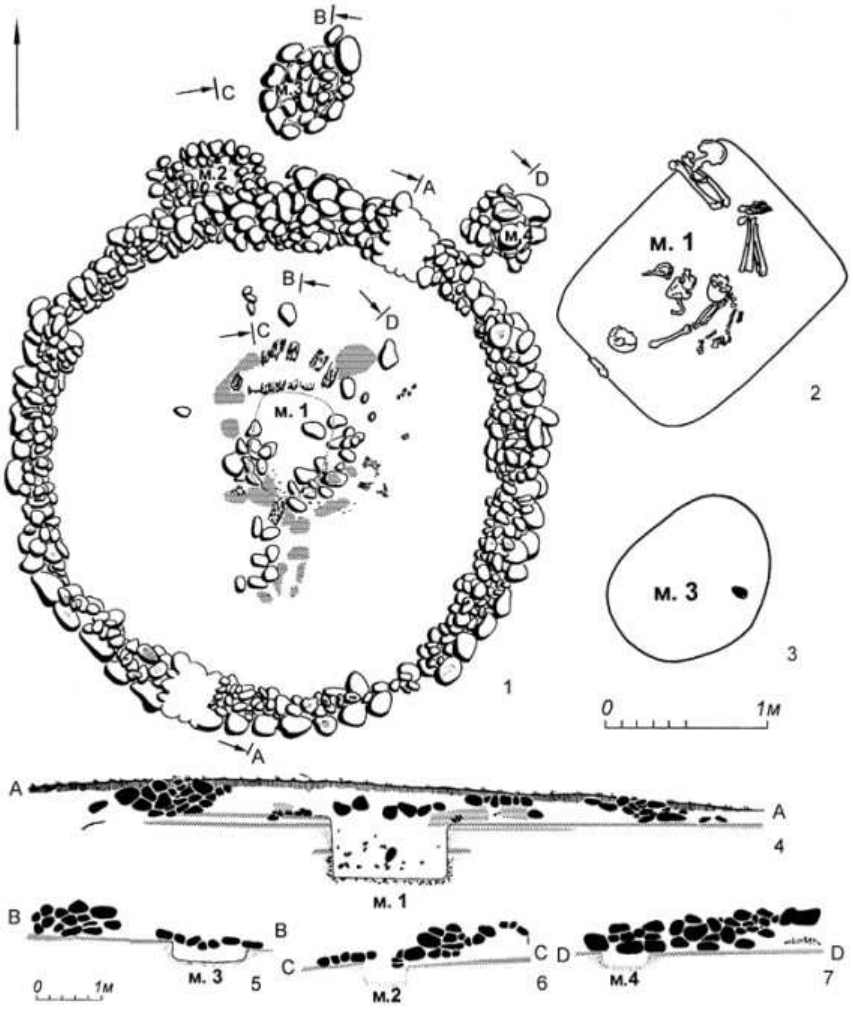

Рис. 3. Летник VI, ограда 7: *1* – план ограды; *2* – план могилы 1; *3* – план могилы 3; *4* – разрез А-А. Разрезы могил: В-В – могила 3 (*5*); С-С – могила 2 (*6*); D-D – могила 4 (*7*)

овцы) – остатки мясной пищи. В заполнении и на дне, около черепа, найдены обломки от венчика и стенок глиняного сосуда без орнамента (рис. 16 -5, 10). Здесь же – серебряная серьга в виде проволочной спирали в 2,5 оборота (рис. 18 -1). В заполнении – кусок горелого дерева.

Могила 2 (рис. 2 -6). Размеры 3,2х3,1 м, глубина 0,7 м. Могила ограблена. На дне и заполнении отдельные разрозненные кости от скелета взрослого. Среди них – кости животных. Здесь же два фрагмента глиняной курильницы, наружная и внутренняя поверхность которой покрыта резным орнаментом: елочным (снаружи) и пересекающимися линиями, образующими ромбы (изнутри). По венчику – резная крестообразная насечка (рис. 12 -3).

Ограда 3. После снятия земляной насыпи над оградой 2 за пределами ее северо-западного участка обнаружена бесформенная выкладка из крупной гальки и валунов, отдельные камни которой были видны до раскопок на северо-западном склоне ограды 2. Выкладка вытянута в направлении СЗ–ЮВ. В процессе ее разборки выявить ограду не удалось, хотя косвенные данные о том, что первоначально она была, имеются. Приблизительно в центральной части выкладки, под камнями, обнаружены две могилы: одна (1) – основная, другая (2) – впускная (рис. 2 -1, 4).

Могила 1 (рис. 2 -7). Размеры 2х1,4 м, глубина 0,65 м. Ориентирована З–В. На уровне древнего горизонта в этом направлении зафиксированы большие участки сильно прокаленной земли. На восточном борту ямы – остатки прогоревшего бревна от сожженного бревенчатого покрытия могилы. Могила ограблена. На дне и в заполнении в полном беспорядке найдены разрозненные кости двух человеческих скелетов (один череп, несколько длинных костей рук и ног, позвонки, ребра и др.). На дне, у западной стенки ямы, раздавленный яйцевидный остродонный глиняный сосуд, украшенный по тулову оттисками гребенчатого штампа и резным елочным орнаментом по венчику (рис. 13 -15). Внутри него был найден миниатюрный глиняный яйцевидный сосудик с уплощенным дном и резным елочным орнаментом по тулову (рис. 13 -5). Рядом с ними – бронзовая проколка (рис. 18 -3). На северном борту ямы, ближе к северо-восточному углу, перевернутая вверх дном глиняная курильница в виде чаши на изящной ножке со следами боковой ручки, покрытая по тулову и дну резным елочным орнаментом (рис. 12 -4).

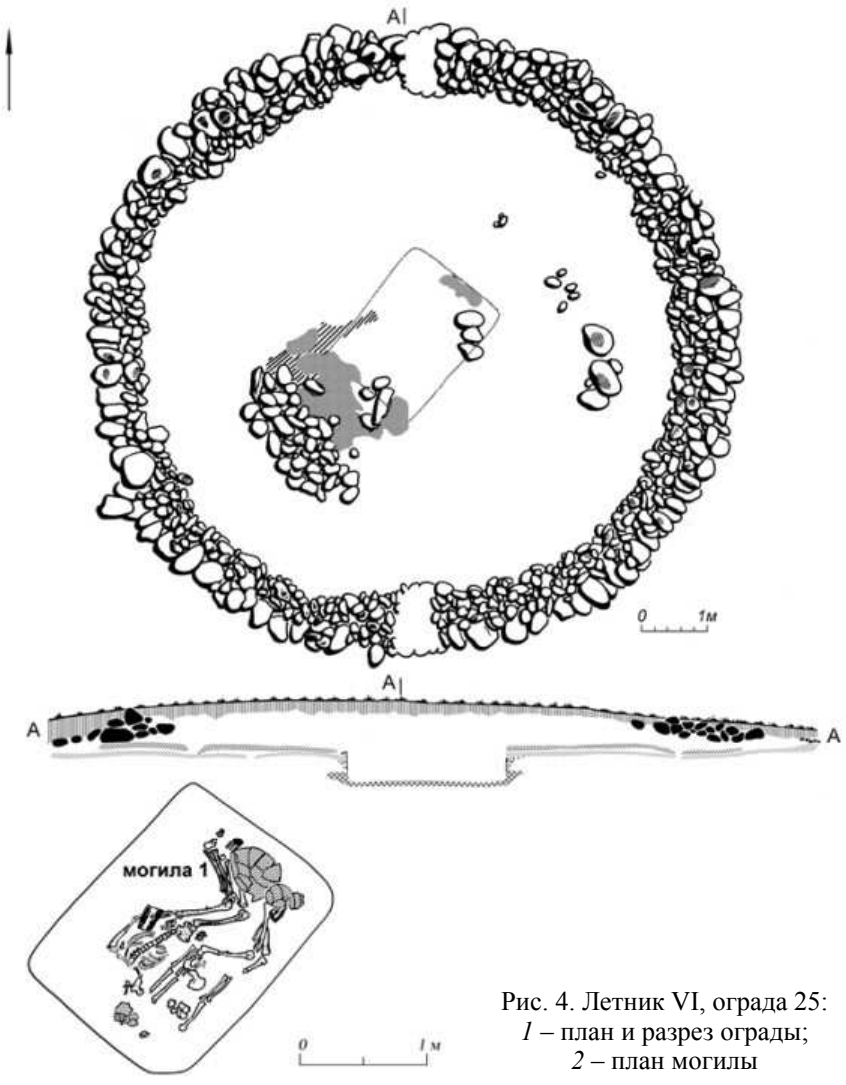

Рис. 4. Летник VI, ограда 25:
1 – план и разрез ограды;
2 – план могилы

Могила 2 (рис. 2 -8). На глубине 35 см от уровня древнего горизонта при разборке могилы 1 в ее юго-восточном секторе в овальной ямке, размерами 120х75 см, обнаружены остатки скелета человека, на спине, головой на З. На месте – часть грудных позвонков и ребер, отдел поясничных позвонков и таз. Вещей нет. Отсутствие инвентаря не дает возможности установить датировку этого захоронения. Стратиграфические наблюдения позволяют сделать вывод о том, что оно является впускным и не имеет отношения к афанасьевскому комплексу. После разборки каменного развала на уровне древней дневной поверхности в небольшом углублении найден, лежавший вверх дном, глиняный квадратный миниатюрный сосудик с двумя ушками для подвешивания, украшенный по тулову оттисками гребенчатого штампа и резной «елочкой» по краю дна (рис. 12 -1).

Ограда 7. До раскопок представляла собой земляной холмик диаметром 10 м, высотой

0,5 м, в основании которого виднелись отдельные камни от круглой ограды. Ограда из крупной гальки и мелких валунов, уложенных друг на друга в несколько слоев, сохранилась на высоту 0,5 м. Ширина ее в основании – 0,8–1 м. Диаметр ограды – 8 м. Внутри нее в центре – одна основная могила (1). С севера, около наружной стороны ограды, были устроены три детские дополнительные могилы (2–4). Все они ограблены (рис. 3 -1, 4).

Могила 1 (рис. 3 -1, 2, 4). Яма размерами 1,6х1,2 м, глубиной 1 м. На двух ее бортах сохранились концы обгоревших бревен от наката, покрывавшего яму в направлении СВ–ЮЗ. На этом же уровне, вокруг могилы, зафиксированы участки прокаленной земли. Погребено двое: взрослый и ребенок. На дне – остатки от скелета взрослого, головой на ЮЗ. На месте – кости голени обеих ног и стоп, и правой руки взрослого. У юго-западной стенки – его череп. В заполнении и на дне в полном беспорядке череп и другие кости от детского скелета. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 3 -1, 6). Овальная яма размерами 0,9х0,45 м, глубиной 0,3 м, примыкающая с севера к ограде. По бортам ямы – выкладка из круглой гальки в два слоя. Могила пуста.

Могила 3 (рис. 3 -1, 3, 5). Овальная яма, размерами 1,1х0,85 м, глубиной 0,3 м, рядом с могилой 2. Покрытие из крупной гальки. На дне, у юго-восточной стенки, глиняный остродонный яйцевидный сосудик без орнамента (рис. 13 -7).

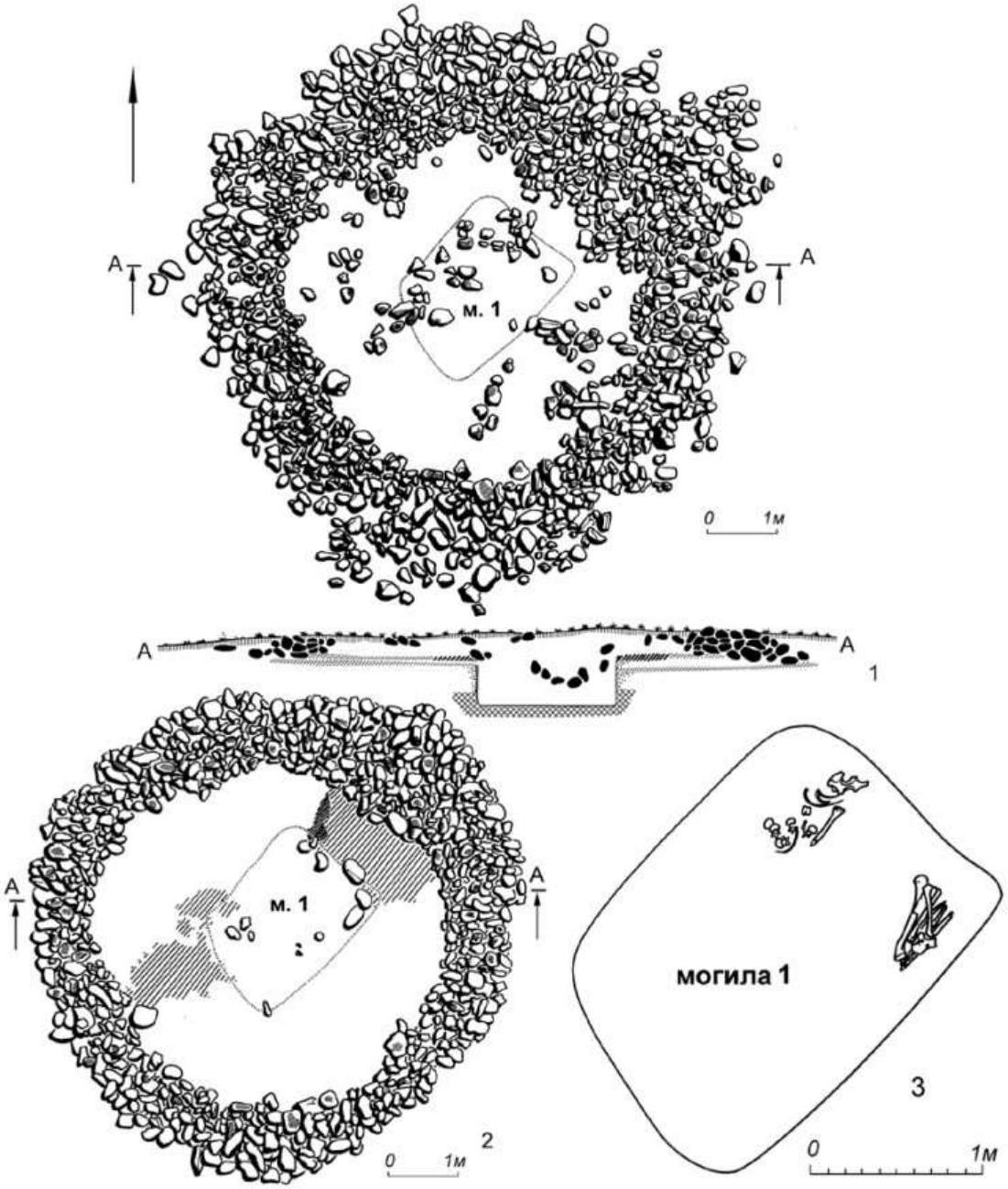

Рис. 5. Летник VI, ограда 26: *1* – план А и разрез; *2* – план В; *3* – план могилы 1

Могила 4 (рис. 3 -1, 7). Округлая яма, размерами 0,7х0,6 м, глубиной 0,2 м, около ограды с ее северной стороны. Над ней – выкладка из мелких валунов и гальки. Могила пуста.

При снятии дернового слоя в различных местах насыпи найдены миниатюрный глиняный сосудик с уплощенным дном и отбитым краем венчика, без орнамента (рис. 13 -2), черепки от венчика и стенок глиняного яйцевидного сосуда, украшенного по тулову оттисками гребенчатого штампа и налепным валиком у основания шейки (рис. 13 -14) и фрагмент небольшого глиняного яйцевидного сосуда, украшенного по тулову валиком с защипами (рис. 16 -11).

Ограда 10. До раскопок она представляла собой пологий земляной холмик, диаметром 10 м, высотой 0,5 м. В его основании четко просматривалось кольцо от ограды. Круглая ограда из крупных валунов и гальки, уложенных друг на друга в несколько слоев, сохранилась на высоту 0,4 м. Ширина ее в основании – 0,7 м. Диаметр ограды – 8 м. Внутри нее, в центре, одна основная могила в виде грунтовой ямы с земляными стенками и дном (1).

Могила. Яма размерами 2х1,4 м, глубиной – 0,9 м. Ориентирована ЗЮЗ–ВСВ. Могила ограблена. В ее заполнении – разрозненные кости скелета женщины старше 50 лет. Череп отсутствует. Находок нет.

В 2 м к северо-востоку от ограды обнаружена небольшая ямка, оказавшаяся пустой (по плану ограды – могила 2). При зачистке внутренней площади ограды на уровне древней дневной поверхности, в 1,3 м к ЮВ от могилы 1, найден миниатюрный сосуд, яйцевидной формы с плоским дном, без орнамента (рис. 15 -4).

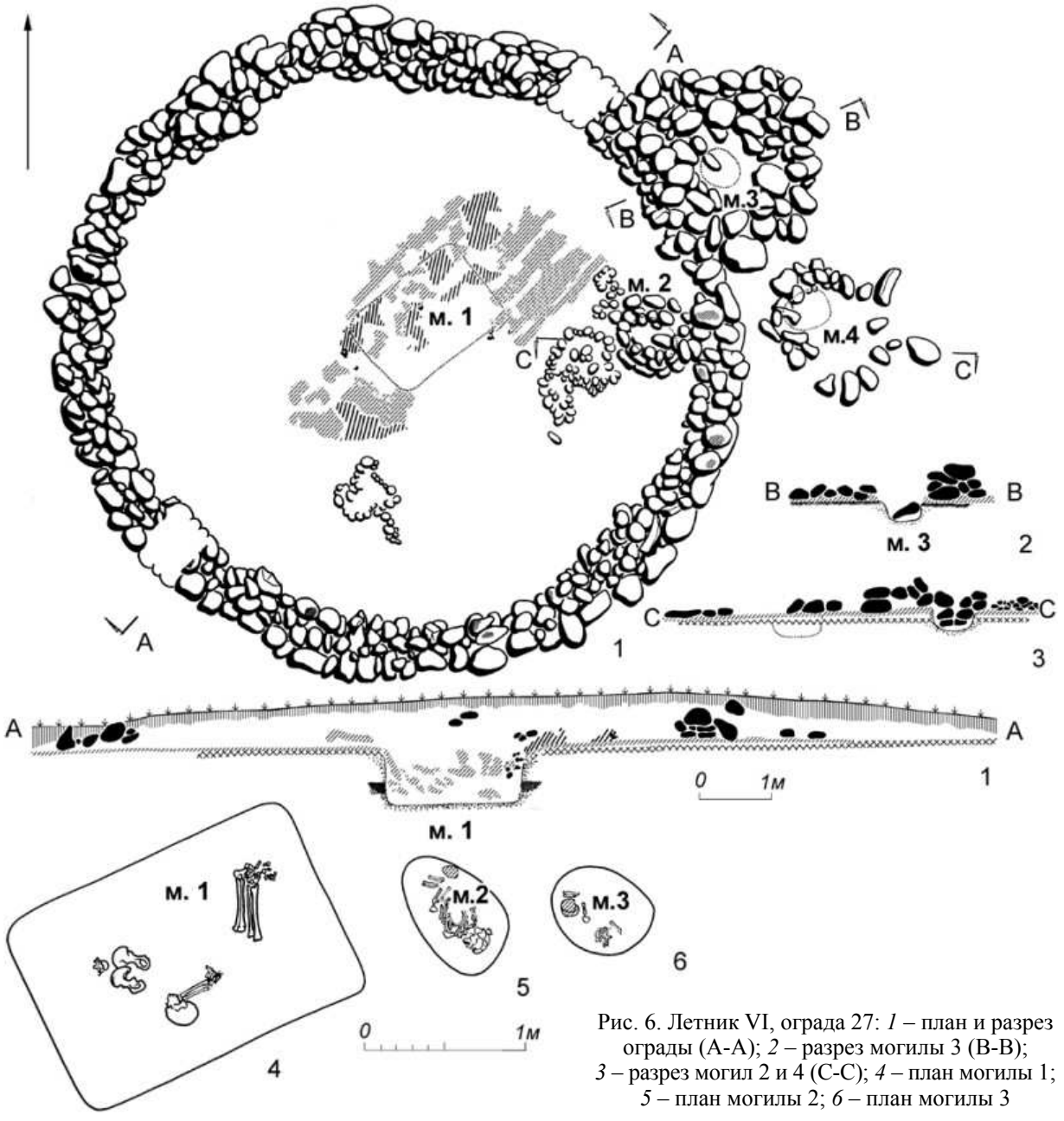

Рис. 6. Летник VI, ограда 27: *1* – план и разрез ограды (А-А); *2* – разрез могилы 3 (В-В); *3* – разрез могил 2 и 4 (С-С); *4* – план могилы 1; *5* – план могилы 2; *6* – план могилы 3

Ограда 13. До раскопок представляла собой пологий земляной холмик диаметром 14 м, высотой 0,3 м. Круглая ограда из крупной гальки и валунов сохранилась на высоту 0,4 м. Ширина ее в основании – около 1 м. Диаметр ограды – 12 м. Внутри нее, в центре, одна основная могила в виде грунтовой ямы с земляными стенками и дном.

Могила. Яма размерами 2,5х2 м, глубиной 0,7 м. Ориентирована СВ–ЮЗ. Сохранились остатки ее покрытия из валунов и крупной гальки. Могила ограблена. В заполнении найдены обломки черепа и нижняя челюсть женщины 25–40 лет, нижняя часть плечевой, пятая фаланга и пяточная кость лошади. На дне – кости ног и череп женщины (?) 40–60 лет. Здесь же фрагменты двух глиняных сосудов – сферического, без орнамента (рис. 16 -1) и с горизонтальными желобками по тулову (рис. 16 -2).

Ограда 14. До раскопок представляла собой земляной холмик диаметром 15 м, высотой 0,7 м. В его основании четко прослеживалось кольцо ограды из крупной гальки и валунов, сохранившейся на высоту 0,4 м. Ширина ее в основании – 0,8 м. Диаметр ограды – 10 м. В ее центре – одна основная могила (могила 1).

Могила. Грунтовая яма размерами 2,8х2 м, глубиной 0,7 м. Ориентирована СВ–ЮЗ. Над могильной ямой прослежены остатки обугливших бревен от наката, закрывавшего ее. Земля под ними прокалена. Могила ограблена. В заполнении обнаружены кости ног, тазовые, ребра и позвонки от скелета женщины 40–60 лет. На дне – череп с нижней челюстью от того же скелета.

За северной стенкой ограды, на уровне древней дневной поверхности, в неглубокой ямке (условно могила 2) находился миниатюрный глиняный сосуд яйцевидной формы с уплощенным дном и ногтевым орнаментом по тулову (рис. 15 -2). К северо-западу от ограды, на уровне древней дневной поверхности, обнаружены кости ног (правая тазовая, две бедренных, голень и одна пяточная) женщины 25–30 лет. В насыпи найдены два обломка глиняной курильницы с рельефным орнаментом (рис. 12 -2) и фрагмент глиняного сосуда с гребенчатым орнаментом (рис. 16 -3).

Ограда 25. До раскопок она представляла собой земляной холмик диаметром 12 м, высотой 0,6 м, на поверхности которого виднелись камни от ограды и ее развалов. Круглая ограда из крупной гальки и мелких валунов, уложенных друг на друга в несколько слоев, сохранились на высоту 0,5 м. Ширина ее в основании 1 м. Диаметр ограды – 10 м. Внутри нее, в центре, одна основная могила (рис. 4).

Могила (рис. 4 -1, 2). Яма размерами 2,1х1,6 м, глубиной 0,6 м. Ориентирована ЮЗ–СВ. После зачистки могильного пятна на уровне древнего горизонта по северо-восточному и особенно юго-западному бортам ямы были зафиксированы большие участки сильно прокаленной земли – следы сгоревшего наката над ямой. Могила частично ограблена. На дне – потревоженные скелеты двух взрослых, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головами на ЮЗ. Черепа обоих погребенных смещены со своего первоначального места и раздавлены. У одного из скелетов, расположенного вдоль юго-восточной стенки могилы, не сохранился позвоночный столб и ребра. Кости таза также смещены со своего места. Кости обеих ног и тазовые другого погребенного покрыты плотным слоем охры. В ногах умерших стояли 3 глиняных сосуда: 2 раздавленных шаровидных, один украшен по тулову оттисками гребенчатого штампа (рис. 16 -15), другой – волнообразными линиями, нанесенными штампом (рис. 15 -8), и целая курильница на 4-х ножках с боковой ручкой, по-

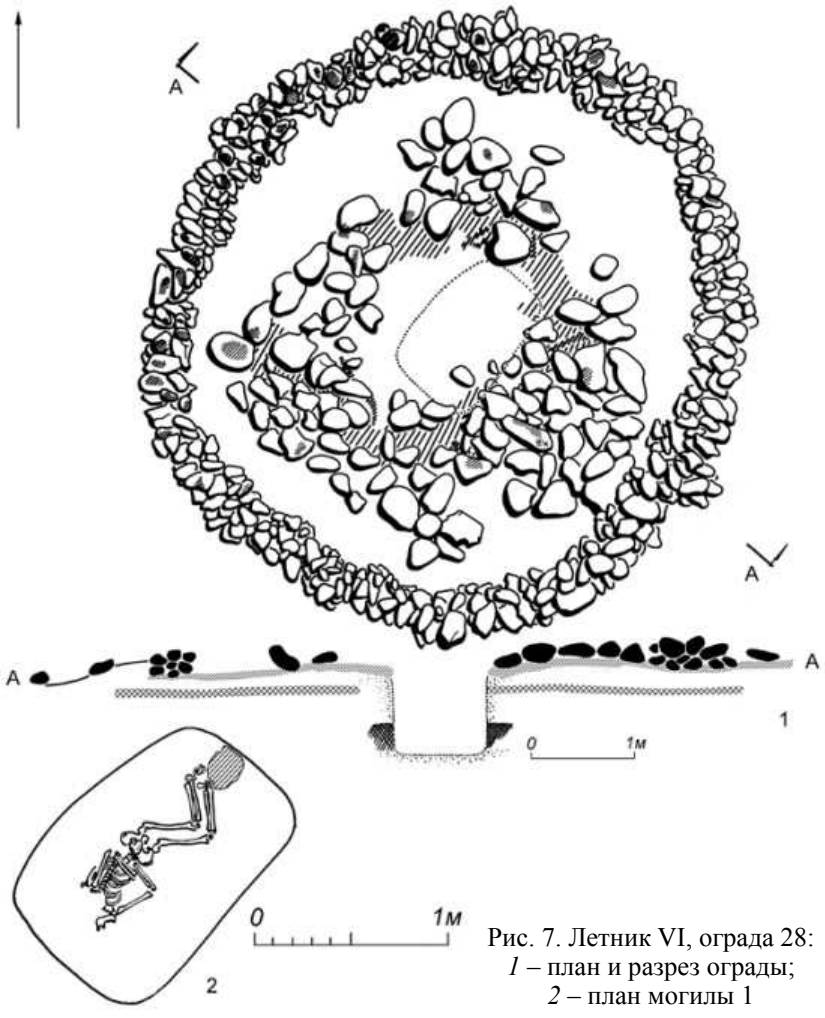

Рис. 7. Летник VI, ограда 28:
1 – план и разрез ограды;
2 – план могилы 1

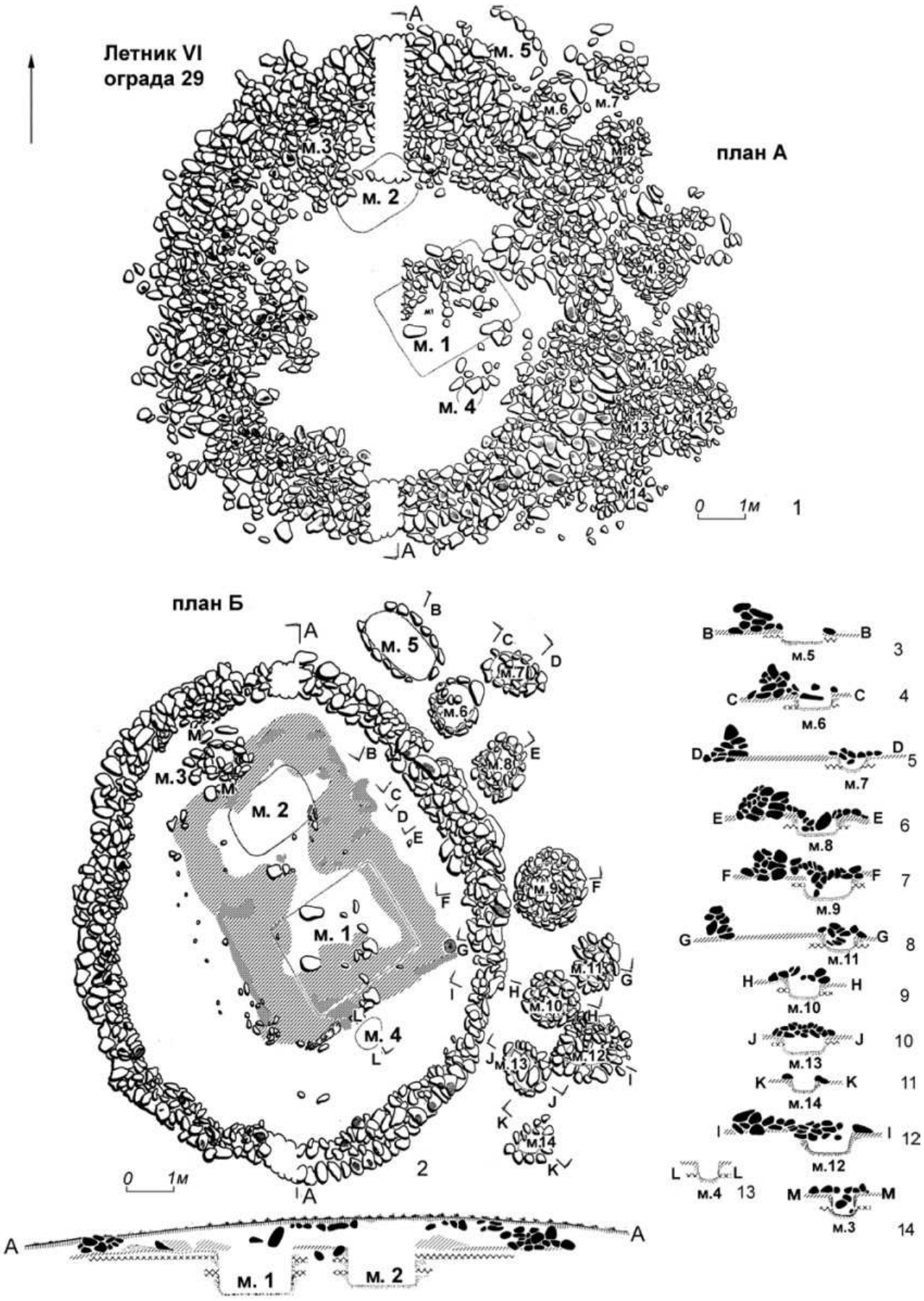

Рис. 8. Летник VI, ограда 29: *1* – план (А) ограды; *2* – план и разрез после расчистки (Б); *3–14* – разрезы по конструкциям

крытая снаружи косыми насечками и желобками (рис. 12 -6). В заполнении и на дне встречались в большом количестве угли и фрагменты обгоревшего дерева. На юго-западном борту ямы – выкладка из крупной гальки и валунов, являющаяся, скорее всего, остатками каменного покрытия могилы.

Ограда 26. До раскопок на поверхности виднелась плоская земляная насыпь диаметром 9 м, высотой 0,3 м, в основании которой четко просматривалось кольцо ограды, сложенной из крупной гальки и мелких валунов. Круглая ограда из валунов и гальки, уложенных друг на друга в несколько плотных слоев, сохранилась на высоту 0,4 м. Ширина ее в основании 1–1,2 м. Диаметр ограды – 7 м. Внутри нее, в центре, одна основная могила (рис. 5 -1, 2).

Могила (рис. 5 -2, 3). Яма размерами 2,3х1,7 м, глубиной 0,7 м. Ориентирована ЮЗ–СВ. После зачистки могильного пятна на уровне древнего горизонта по северо-восточному и юго-западному бортам ямы до ограды выявлены большие участки прокаленной земли – следы сгоревшего наката над ямой. Вдоль бортов ямы и в ее заполнении попадались мелкие валуны и крупная галька – остатки каменного покрытия могилы. Могила ограблена. На дне и в заполнении в полном беспорядке найдены разрозненные кости от человеческого скелета. Среди них фрагменты венчиков и стенок глиняного сосуда, украшенного по тулову елочным орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом, и с крестообразными насечками по венчику (рис. 15 -7).

Ограда 27. До раскопок она представляла собой небольшой земляной холмик диаметром около 12 м, высотой 0,6 м, с несколькими выступающими на поверхности камнями от ограды или покрытия могил. Ограда из крупной гальки и валунов, уложенных друг на друга в несколько плотных слоев, сохранилась на высоту 0,4 м. Ширина ее основания, сложенного из довольно крупных валунов, 1 м. Диаметр ограды – 10 м. В ней 4 могилы: одна основная, расположенная в центре ограды (могила 1), и три детские дополнительные в ее восточной части – одна внутри ограды (могила 2), две другие – снаружи (могилы 3, 4) (рис. 6 -1).

Могила 1 (рис. 6 -4). Яма размерами 1,95х1,35 м, глубиной 0,8 м. Ориентирована ЮЗ–СВ. На ее северо-восточном и юго-западном бортах сохранились концы обгоревших бревен от наката, покрывавшего яму в направлении ЮЗ–СВ. Здесь же большие участки прокаленной земли. В заполнении могилы часто попадаются фрагменты обгоревших бревен, угли и слои прокаленной земли. На дне – остатки скелета взрослого, на спине, головой на ЮЗ. На месте – кости голени обеих ног и стоп, кости предплечья и кисти правой руки. Череп и таз смещены со своего первоначального места и найдены на дне на разных уровнях. На юго-восточном борту ямы лежали ребра, позвонки, крестец и другие кости от скелета погребенного, видимо, выброшенные сюда грабителями. Вещей нет.

Могила 2 (рис. 6 -3, 5). Овальная яма размерами 0,8х0,5 м, глубиной 0,25 м, внутри восточной части ограды. Покрытие из крупной гальки в три слоя. На дне – скелет ребенка на правом боку в скорченном положении, головой на ЮВ. Череп раздавлен. В ногах – миниатюрный глиняный яйцевидный остродонный сосудик без орнамента (рис. 15 -6).

Могила 3 (рис. 6 -2, 6). Округлая яма размерами 0,6х0,5 м, глубиной 0,3 м около ограды с ее северо-восточной наружной стороны. Покрытие из крупной гальки и мелких валунов, уложенных друг на друга в 2–3 слоя.

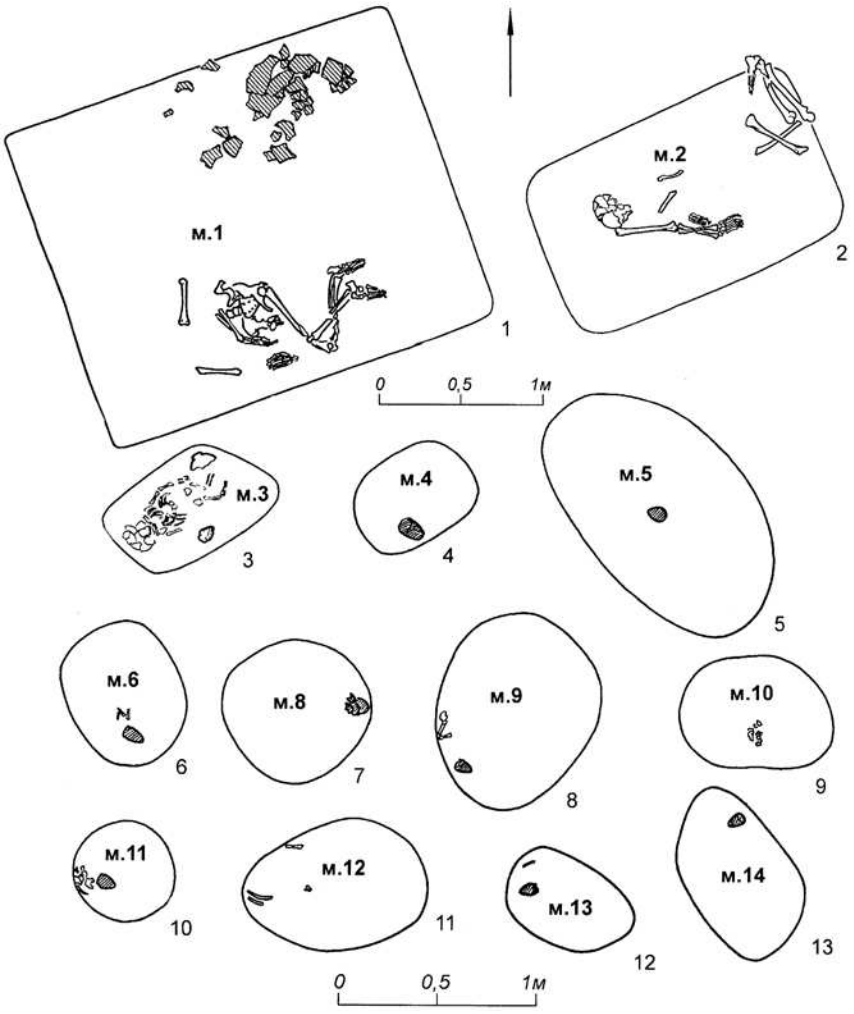

Рис. 9. Летник VI, ограда 29: *1–13* – планы могил

На дне – остатки детского скелета (ребра, длинные кости). Здесь же небольшой яйцевидный сосудик без орнамента из плохо обожженной глины.

Могила 4 (рис. 6 -3). Округлая яма размерами 0,7х0,6 м, глубиной 0,3 м, около ограды с ее восточной наружной стороны. По ее бортам – выкладка из крупной гальки. Могила пуста.

Ограда 28. До раскопок представляла собой еле заметное всхолмление с небольшим количеством камней на его поверхности. Круглая ограда из крупной гальки и мелких валунов, обнаруженная после снятия дернового слоя, сохранилась на высоту 0,3 м. Ширина ее в основании – 0,6 м. Диаметр ограды – 6 м. Внутри нее в центре – одна основная могила (рис. 7 -1).

Могила (рис. 7 -2). Яма размерами 1,4х1 м, глубиной 0,85 м. Ориентирована ЮЗ–СВ. После зачистки могильного пятна на уровне древнего горизонта вокруг бортов ямы были зафиксированы большие

Рис. 10. Летник VI, ограда 37: *1* – план; *2* – разрез ограды А-А;
3 – разрез В-В могилы 5; *4* – разрез С-С могилы 4

участки прокаленной земли – следы сгоревшего наката из бревен над ямой. На поверхности этого слоя, по бортам ямы, выкладка из крупной гальки и небольших валунов. Видимо, это остатки каменного покрытия могилы. Могила частично потревожена. На дне скелет подростка, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Череп отсутствует. В ногах раздавленный шаровидный глиняный сосуд без орнамента (рис. 14 -12).

На восточном борту ямы – сплошная выкладка из гальки и небольших валунов, возможно, от детской дополнительной могилы. Границ могильной ямы проследить не удалось. После разборки выкладки и зачистки поверхности под ней, в небольшом углублении, найден миниатюрный глиняный сосудик шаровидной формы с двумя ушками для подвешивания и резным елочным орнаментом по тулову. Внутри него – кусочки охры (рис. 14 -9). В насыпи, при снятии дернового слоя, найден фрагмент стенки глиняного сосуда с орнаментом (рис. 16 -6).

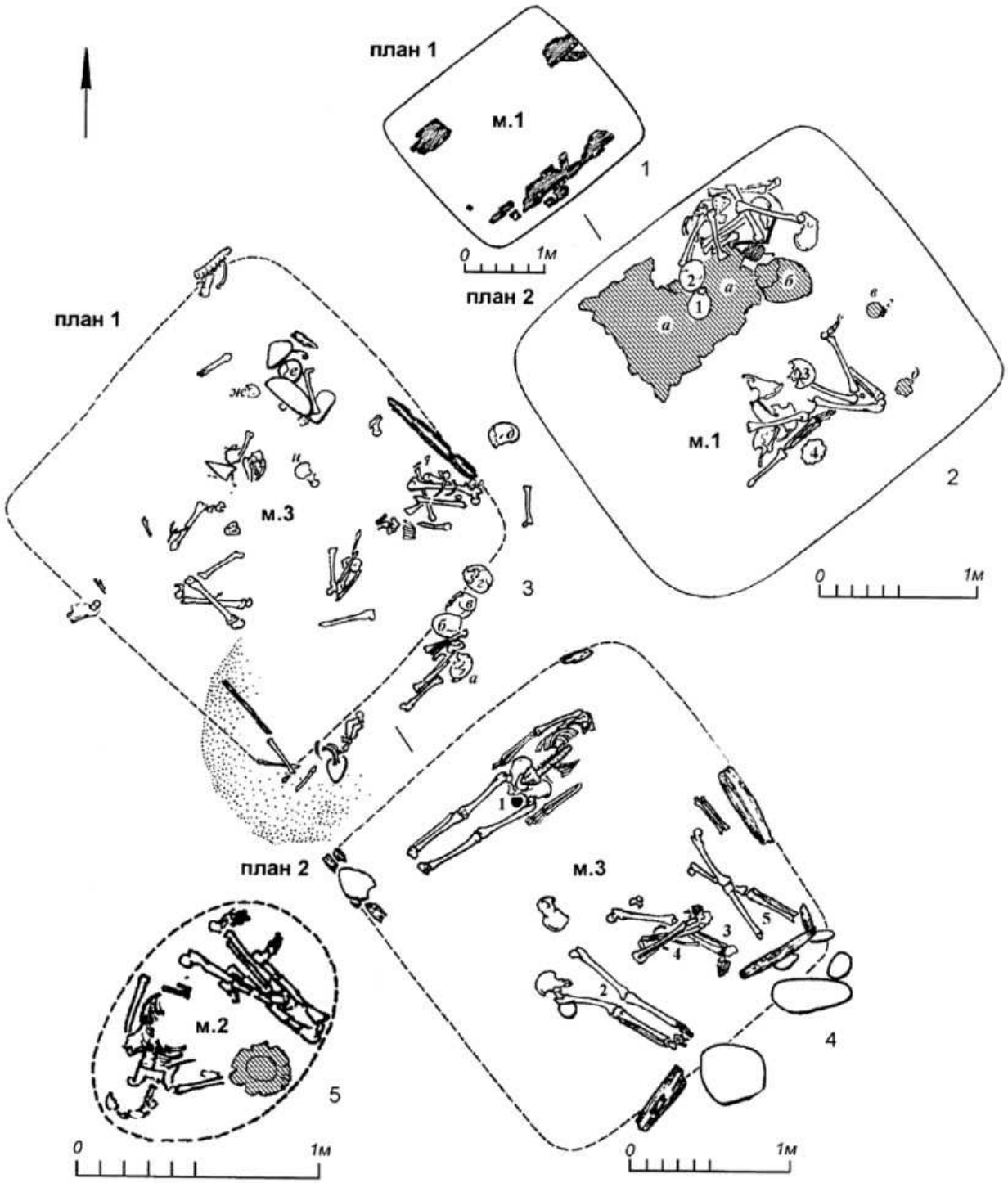

Рис. 11. Летник VI, ограда 37, планы могил: *1, 2* – могила 1; *3, 4* – могила 3; *5* – могила 2

Ограда 29. Сооружена на расстоянии приблизительно около 1 м к востоку от ограды 28. До раскопок представляла собой пологий земляной холмик диаметром 12 м, высотой 0,6 м, в основании которого хорошо было видно кольцо из гальки и валунов. Круглая ограда из крупной гальки и валунов, уложенных друг на друга в несколько слоев, обнаруженная после снятия дернового слоя, сохранилась на высоту 0,5 м. Ширина ее в основании – 1 м. Диаметр ограды – 10 м. В ней 14 могил. Из них 2 основные, сооруженные в центре ограды (могилы 1 и 2), остальные 12 дополнительные детские. Из них 2 (могилы 3 и 4) также находились внутри ограды, остальные 10 располагались снаружи около восточной половины ограды, пристроенные к ней вплотную или на расстоянии до 2 м (рис. 8 -1, 2).

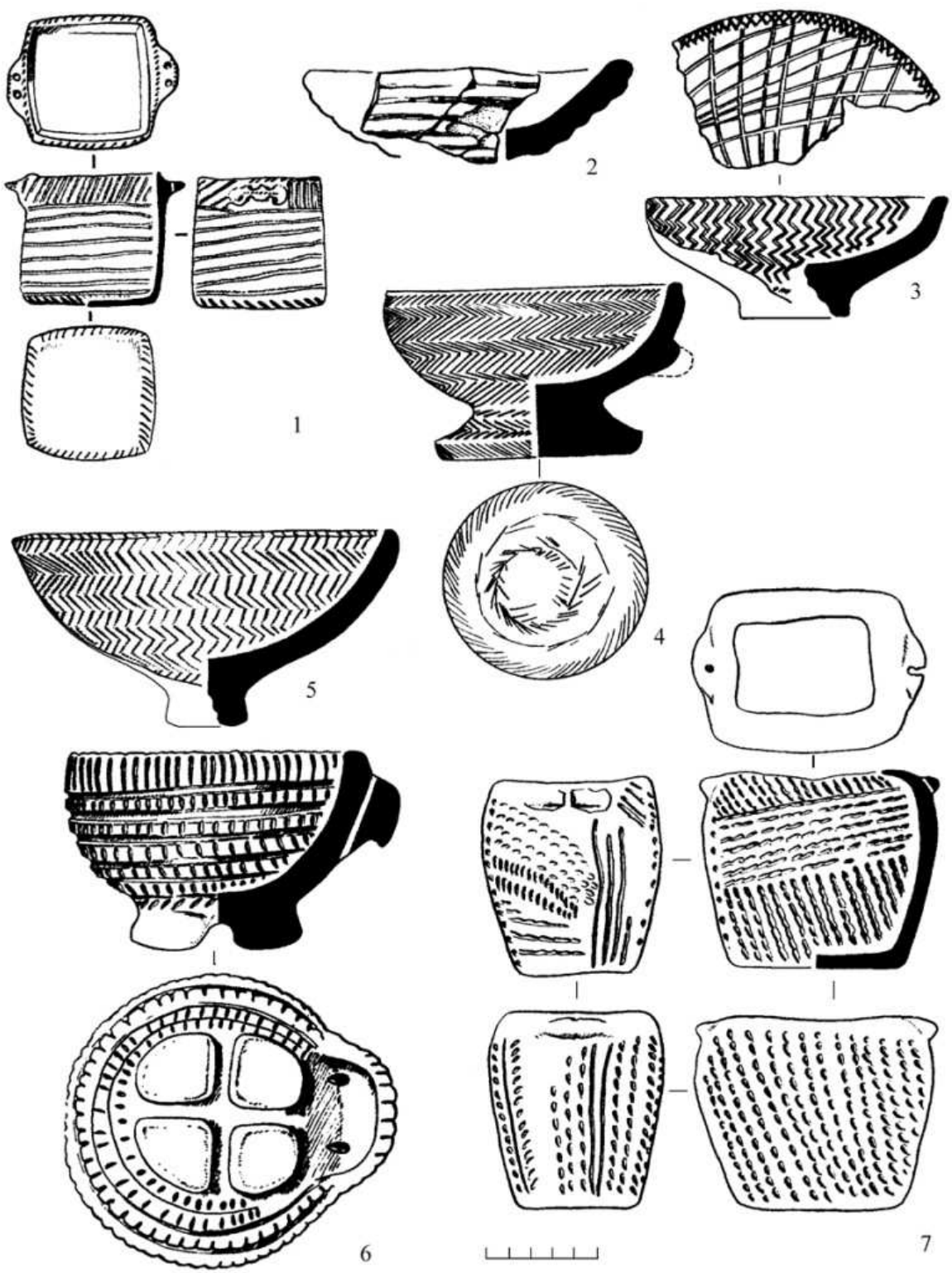

Рис. 12. Глиняные сосуды из могильника Летник VI:
1 – о. 3; *2* – о. 14, насыпь; *3* – о. 2, м. 2; *4* – о. 3, м. 1; *5, 7* – о. 30; *6* – о. 25, м. 1

Могила 1 (рис. 9 -1). Яма размерами 2,5х2 м, глубиной 1 м. Ориентирована ЮЗ–СВ. После разборки камней в центре ограды и зачистки могильного пятна, на уровне древнего горизонта, выявились большие участки прокаленной земли, общей площадью 24 кв. м, занимавшие центральную часть всей ограды. На юго-западном борту ямы сохранились концы прогоревших бревен наката, закрывавшего яму. В заполнении попадаются куски прогоревших бревен и слои прокаленной земли. Могила ограб-

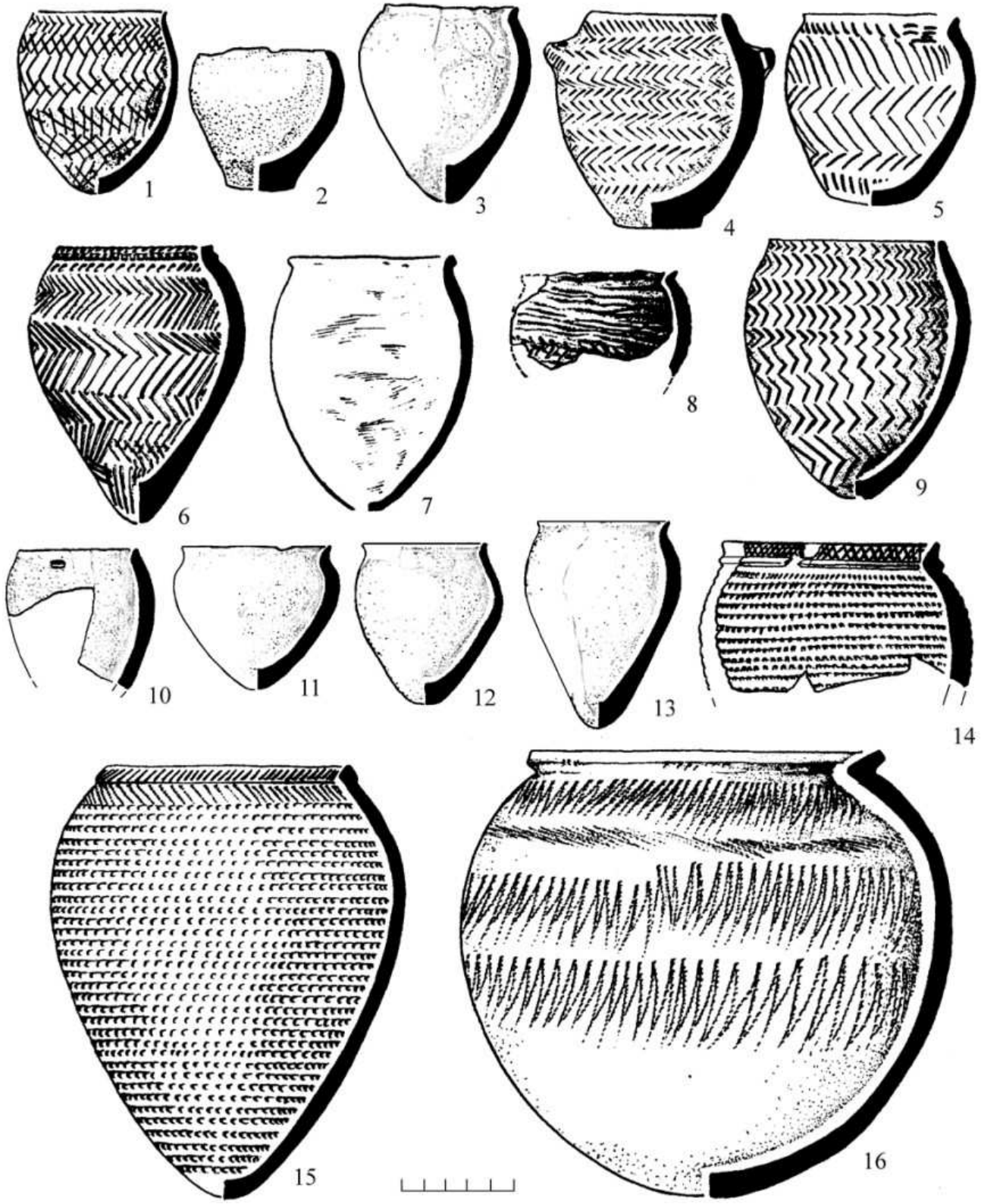

Рис. 13. Глиняные сосуды из могильника Летник VI: *1* – к. 9, м. 17; *2, 14* – о. 7, насыпь; *3, 16* – к. 9, м. 1; *4* – к. 9, м. 13; *5, 15* – о. 3, м. 1; *6* – к. 9, м. 9; *7* – о. 7, м. 3; *8* – к. 9, м. 4; *9* – к. 9, м. 5; *10* – к. 9, м. 16; *11* – к. 9, м. 12; *12* – к. 9, м. 7; *13* – к. 9, м. 14

лена. На дне – остатки скелета взрослого, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. На месте несколько поясничных позвонков, таз и крестец, все кости ног и стоп, кости предплечья левой руки и обе кисти. Здесь же, у северо-западной стенки ямы, ближе к северному углу, фрагменты глиняной корчаги без орнамента. В заполнении найдены черепки от ее венчика и стенок, а также целый ладьевидный глиняный сосудик, овальный в плане, покрытый по всей поверхности косыми насечками гребенчатого штампа и желобками (рис. 14 -7).

Могила 2 (рис. 8 -2; 9 -2). Яма размерами 1,8х1,1 м, глубиной 0,8 м, ориентирована ЮЗ–СВ. На бортах ямы после зачистки могильного пятна встречались фрагменты обгоревших бревен от наката

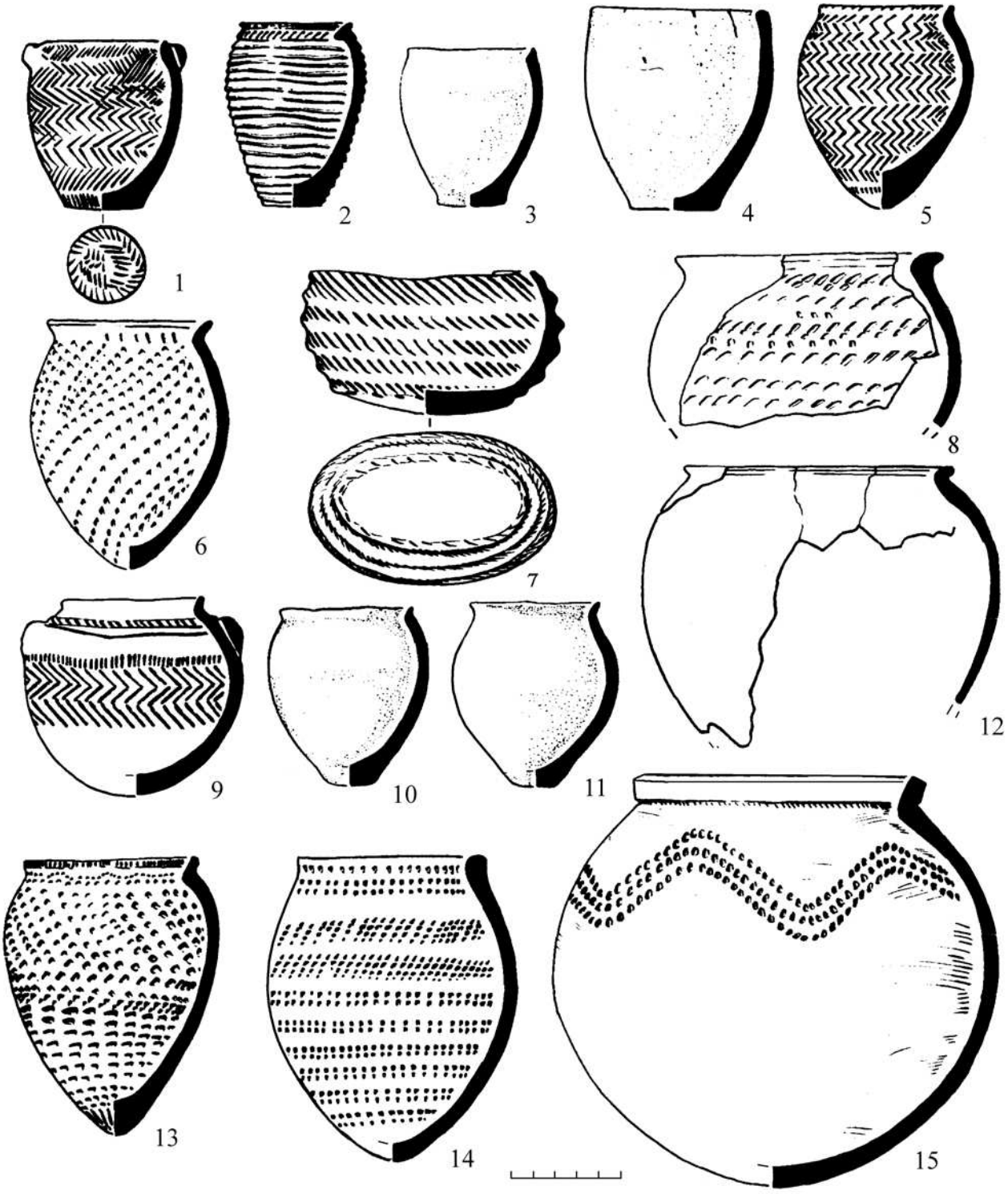

Рис. 14. Глиняные сосуды из могильника Летник VI: *1* – о. 29, м. 5; *2* – о. 29, м. 14; *3* – о. 29, м. 11; *4* – о. 29, м. 4; *5, 8* – о. 29, м. 3; *6* – о. 29, м. 6; *7* – о. 29, м. 1; *9, 12* – о. 28, м. 1; *10* – о. 29, м. 13; *11* – о. 29, м. 9; *13, 15* – о. 29, в ограде; *14* – о. 29, м. 8

над ямой и большие участки прокаленной земли. Могила ограблена. На дне – остатки от скелета подростка (?). На месте раздавленный череп, все кости правой руки и обе кисти. Судя по их положению, погребенный лежал головой на ЮЗ. В северном углу в беспорядке длинные кости ног. Вещей нет.

Могила 3 (рис. 8 -2, 14; 9 -3). Овальная яма размерами 0,7х0,5 м, глубиной 0,4 м, внутри ограды, недалеко от северо-западного борта могилы 2. Покрытие из гальки и мелких валунов. На дне скелет ребенка, на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ. Череп раздавлен. Справа от погре-

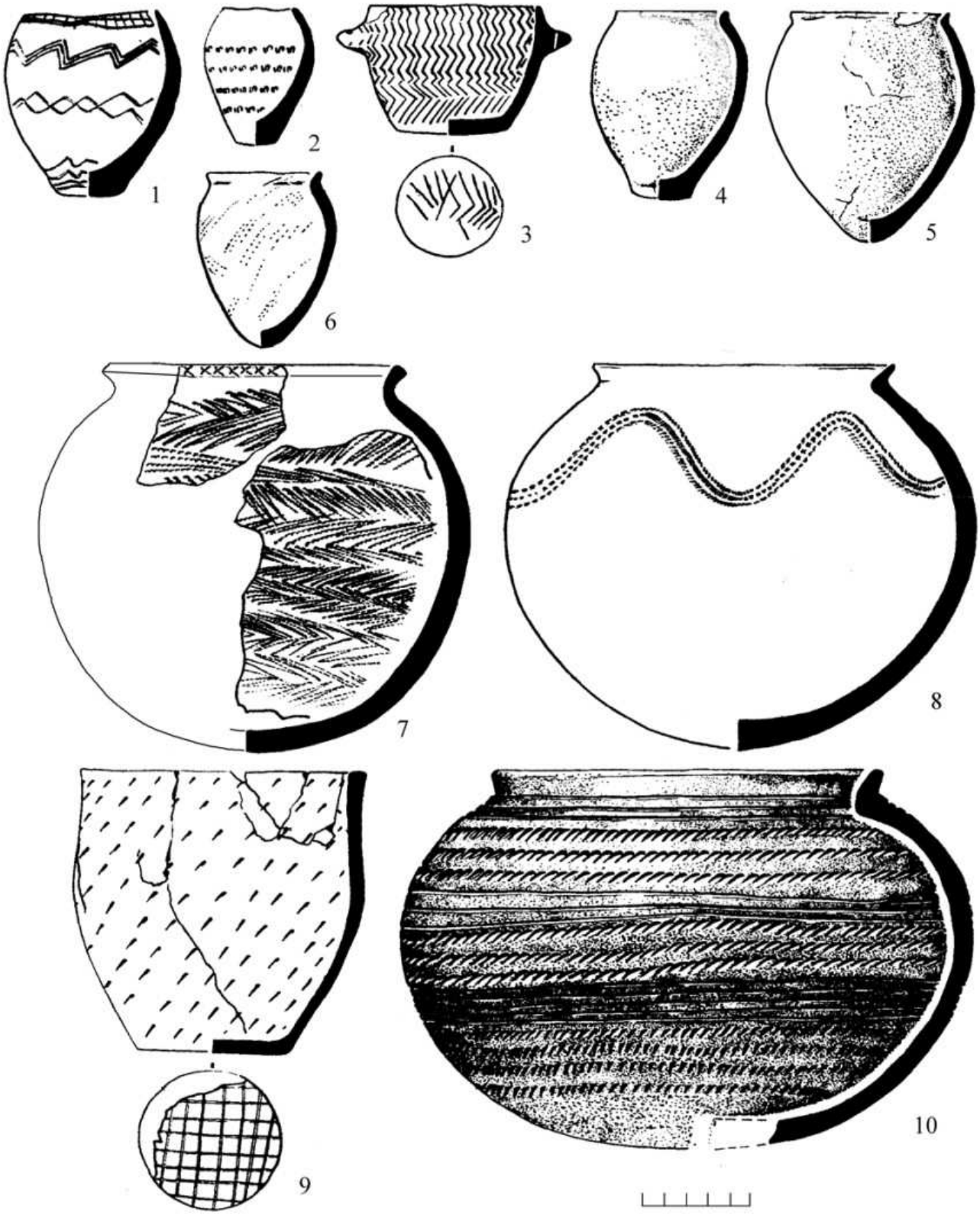

Рис. 15. Глиняные сосуды из могильника Летник VI: *1* – о. 37, насыпь; *2* – о. 14, м. 2; *3, 5, 10* – о. 37, м. 1 (3 – «в», 5 – «д», 10 – «б»); *4* – о. 10; *6* – о. 27, м. 2; *7* – о. 26, м. 1; *8* – о. 25, м. 1; *9* – о. 37, м. 2

бенного – целый яйцевидный остродонный глиняный сосудик с резным елочным орнаментом по тулову (рис. 14 -5). Слева в ногах – черепок от верхней части большого глиняного сосуда с косыми оттисками штампа по тулову (рис. 14 -8).

Могила 4 (рис. 8 -2, 13; 9 -4). Округлая яма размерами 0,6х0,5 м, глубиной 0,3 м, внутри ограды, недалеко от юго-восточного борта могилы 1. На дне небольшой глиняный неорнаментированный сосуд с уплощенным дном (рис. 14 -4).

Могила 5 (рис. 8 -2, 3; 9 -5). Овальная яма размерами 1,4х0,8 м, глубиной 0,2 м, снаружи ограды. Борта ямы выложены крупной галькой в один слой. На дне целый глиняный яйцевидный сосудик с уплощенным дном и двумя ушками для подвешивания, украшенный по тулову и дну резным елочным орнаментом (рис. 14 -1).

Могила 6 (рис. 8 -2, 4; 9 -6). Округлая яма размерами 0,7х0,6 м, глубиной 0,3 м, снаружи ограды. Ее борта выложены крупной галькой и мелкими валунами в один слой. На дне несколько длинных костей от детского скелета и целый яйцевидный остродонный сосудик, украшенный по тулову косыми оттисками подтреугольных вдавлений (рис. 14 -6).

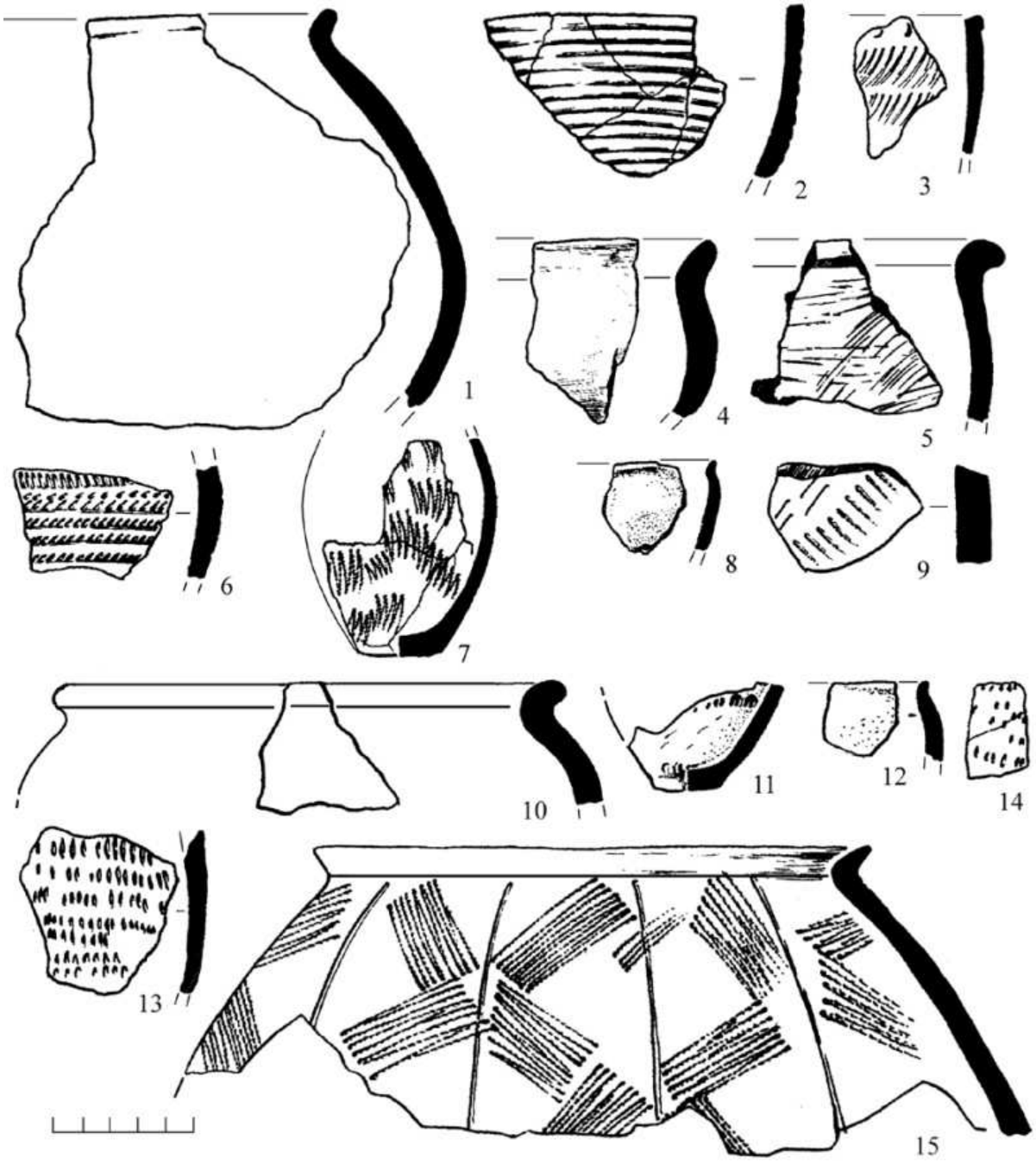

Рис. 16. Глиняные сосуды из могильника Летник VI: *1, 2* – о. 13, м. 1; *3* – о. 14; *4, 7, 8* – о. 37, м. 1; *5, 10* – о. 2, м. 1; *6* – о. 28; *9* – о. 2, насыпь; *11* – о. 7, на покрытии; *12* – о. 9, м. 11; *13, 14* – о. 37, насыпь; *15* – о. 25, м. 1

Могила 7 (рис. 8 -2, 5). Округлая яма размерами 0,9х0,7 м, глубиной 0,3 м, снаружи ограды. Покрытие из гальки и мелких валунов. Могила пуста.

Могила 8 (рис. 8 -2, 6; 9 -7). Округлая яма размерами 0,75х0,75 м, глубиной 0,4 м, снаружи ограды. Покрытие из гальки и мелких валунов. На дне раздавленный глиняный яйцевидный остродонный сосуд, украшенный по тулову оттисками мелкого зубчатого штампа (рис. 14 -14).

Могила 9 (рис. 8 -2, 7; 9 -8). Овальная яма размерами 1х0,85 м, глубиной 0,4 м, снаружи ограды. Ее борта выложены крупной галькой в 2 слоя. Покрытие из мелких валунов и гальки в 2–3 слоя. На дне несколько костей от детского скелета и целый глиняный сосудик с уплощенным дном без орнамента (рис. 14 -11).

Могила 10 (рис. 8 -*2,9*; 9 -*9*). Овальная яма размерами 0,75х0,55 м, глубиной 0,3 м, снаружи ограды. Покрытие из крупной гальки. На дне мелкие фрагменты от детской черепной коробки. Вещей нет.

Могила 11 (рис. 8 -2, 8; 9 -10). Округлая яма размерами 0,5х0,5 м, глубиной 0,3 м, снаружи ограды. Покрытие из крупной гальки и мелких валунов в два-три слоя. На дне раздавленный детский череп и целый глиняный яйцевидный сосудик с уплощенным дном без орнамента (рис. 14 -3).

Могила 12 (рис. 8 -2, 12; 9 -11). Овальная яма размерами 0,95х0,65 м, глубиной 0,4 м, снаружи ограды. Покрытие из мелких валунов и крупной гальки в 2–3 слоя. Борта ямы выложены слоем мелких валунов. На дне несколько длинных костей от детского скелета. Вещей нет.

Могила 13 (рис. 8 -2, 10; 9 -12). Овальная яма размерами 0,65х0,45 м, глубиной 0,3 м, снаружи ограды. Ее борта выложены крупной галькой. Покрытие из валунов и крупной гальки в 2 слоя. На дне несколько костей от детского скелета и целый глиняный яйцевидный сосудик с уплощенным дном без орнамента (рис. 14 -10).

Могила 14 (рис. 8 -2, 11; 9 -13). Овальная яма размерами 0,75х0,5 м, глубиной 0,2 м, снаружи ограды. Ее борта выложены крупной галькой. На дне целый яйцевидный сосудик с уплощенным дном и желобками по тулову (рис. 14 -2).

В ограде на уровне древнего горизонта, у восточного угла могилы 1, раздавленный глиняный шаровидный сосуд, украшенный по тулову волнообразными оттисками гребенчатого штампа (рис. 14 -15). На том же уровне, у юго-восточного борта могилы 2, целый глиняный яйцевидный сосудик, украшенный по тулову оттисками гладкого штампа (рис. 14 -13).

Ограда 37 (рис. 10 -1, 2). До раскопок представляла собой пологий земляной холм диаметром около 17 м, высотой 0,8 м. Насыпь сильно повреждена запашкой. Ограда из валунов и крупной гальки сохранилась на высоту 0,4 м. Ее диаметр 13 м, ширина основания около 1 м. Внутри ограды находились 3 могилы: основная (могила 1) афанасьевского времени и две впускных – окуневской (могила 2) и тагарской (могила 3) культур.

Могила 1 (рис. 11 -1, 2). Грунтовая яма прямоугольной формы, размерами 5,2х4,3 м, глубиной 1 м, ориентирована СВ–ЮЗ. Сохранились остатки бревенчатого покрытия (рис. 11 -1). В заполнении могильной ямы найдены нижняя челюсть, тазовая и 5 поясничных позвонков с сильными экзостозами человека 40–60 лет. Здесь же фрагмент венчика миниатюрного глиняного сосуда без орнамента (рис. 16 -4) и обломки еще от одного, также без орнамента (рис. 16 -8). На дне остатки скелетов трех человек: женщины (?) 25–40 лет (на плане череп 1) и двух мужчин – 40–60 лет (черепа 2 и 3). Керамический комплекс представ-

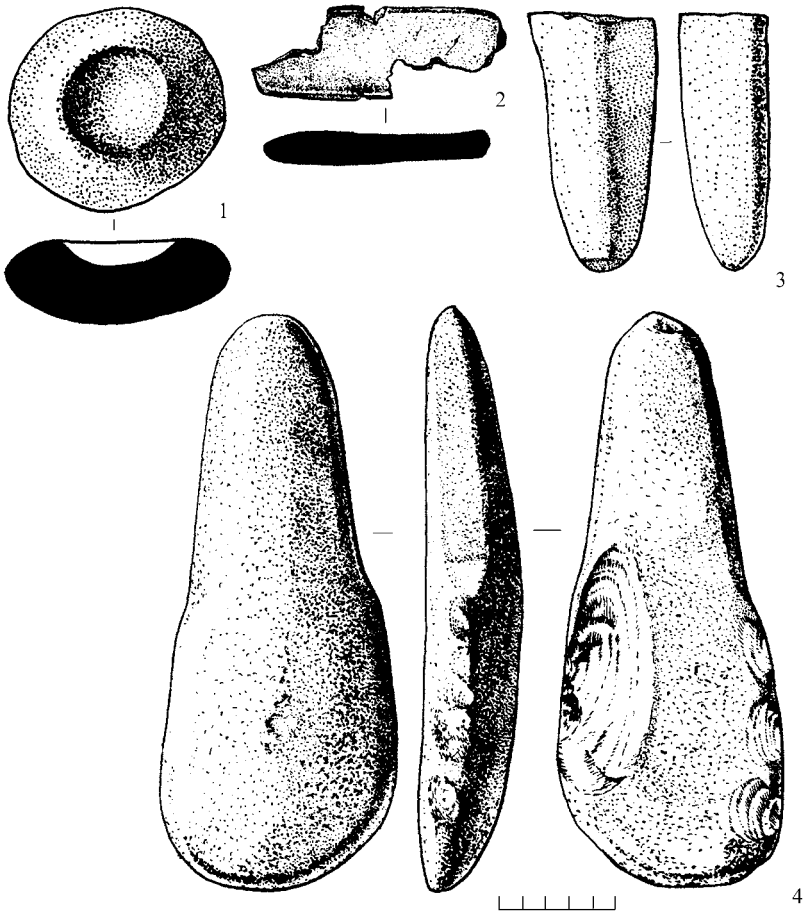

Рис. 17. Летник VI. Каменный инвентарь из ограды 37

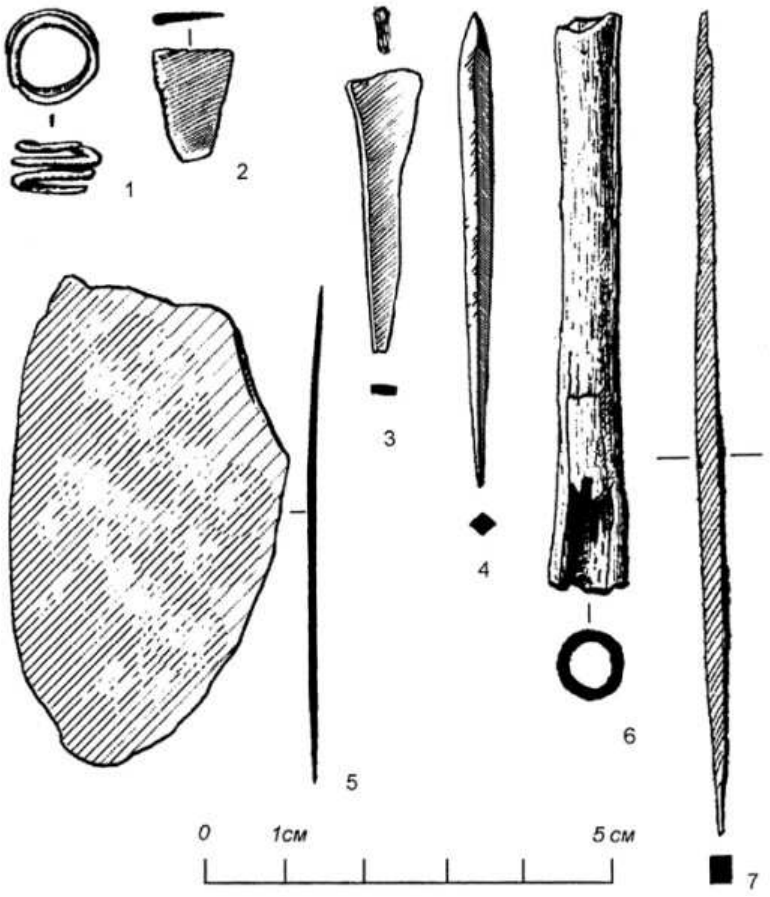

Рис. 18. Летник VI. Погребальный инвентарь: *1* – ограда 2, могила 1; *2* – ограда 6; *3* – ограда 3, могила 1; *4* – ограда 30; *5* – ограда 30; *6* – ограда 37, могила 2; *7* – ограда 37, могила 3 (1 – серебро; 2–5, 7 – бронза; 6 – кость)

лен фрагментами большой глиняной корчаги (на плане сосуд «а»), орнаментированным сферическим сосудом (на плане сосуд «б») (рис. 15 -10), небольшим плоскодонным сосудом с ушками (на плане сосуд «в») (рис. 15 -3), фрагментами сосуда с орнаментом (на плане сосуд «г»), неорнаментированным сосудом яйцевидной формы (на плане сосуд «д») (рис. 15 -5). В заполнении фрагменты венчиков и стенок от двух небольших сосудов, один их них с орнаментом (рис. 16 -7).

Могила 2 (рис. 10 -1, 2; 11 -5). Впускная, окуневская. Сооружена на юго-восточном борту могилы 1. Глубина от уровня древней дневной поверхности 0,25 м. Погребенный (женщина (?) 40–60 лет) был уложен на правом боку (?), скорченно, головой на ЮЗ. Справа от скелета сосуд баночной формы, с орнаментом по тулову и дну (рис. 15 -9). В области грудной клетки игольник из трубчатой кости животного с иглой из кости (рис. 18 -6) и бронзовое четырехгранное шило.

Могила 3 (рис. 10 -1, 2; 11 -3, 4)[1]. Впускная, тагарская, сооружена в центре ограды и частично перекрывала основную могилу 1 афанасьевской культуры. Глубина ее от уровня древней дневной поверхности 0,1 м. Границы могильной ямы (2,6х1,8 м) удалось проследить по остаткам сруба (рамы). Могила разграблена. В заполнении остатки скелетов от 11 погребенных взрослых и детей и мясной пищи (лопатка и кости ног овцы). На дне могилы обнаружены останки от пяти умерших. При них найдены бронзовое зеркало с петелькой на оборотной стороне и подвеска из клыка кабарги. Кроме того, на дне обнаружены фрагменты венчика и дна глиняного сосуда баночной формы и бронзовое шило (рис. 18 -7).

Над всеми тремя могилами сохранилось покрытие из валунов и крупной гальки. Сейчас уже трудно определить, к какой из двух могил (афанасьевской или тагарской) оно относилось, но, скорее всего, к тагарской.

За пределами ограды, к северу и югу от нее, исследованы две могилы (могилы 4 и 5) (рис. 10 -1, 3, 4). Могилы пусты.

Внутри ограды, у северной стенки, находилась наброска из крупной гальки и валунов (рис. 10 -1). Под ней ничего не оказалось.

В насыпи ограды обнаружены кости скелетов 4-х погребенных: мужчины и женщины, молодой женщины и подростка 12–15 лет, а также фрагмент лопатки и зуб лошади. Из вещей здесь же найдены каменная колотушка (рис. 17 -4), пестик (рис. 17 -3), ступка (рис. 17 -1), оселок (рис. 17 -2) и миниатюрный глиняный сосуд с прочерченным зигзагообразным орнаментом (рис. 15 -1). Все эти находки относятся к афанасьевскому времени. Кроме того, в насыпи встретились фрагменты стенок и венчиков не менее, чем от 3-х глиняных сосудов, двух без орнамента и одного с рядами зубчатого штампа по тулову (рис. 16 -13, 14).

«Курган» 9 (рис. 19–21). На могильнике исследован еще один сложный памятник, содержавший погребальные комплексы двух различных исторических периодов (афанасьевской и тагарской культур). До раскопок памятник представлял собой земляной холм диаметром 30 м, высотой 0,8 м, на поверхности которого виднелись камни оград и их развалов.

[1] В статье не дается подробного описания могилы 3 ограды 37, так же как и могил 2 и 3 кургана 9, поскольку они относятся к тагарской культуре.

Под насыпью, после ее снятия, обнаружены 2 круглые ограды из валунов и крупной гальки, расположенные по линии север-юг, относящиеся к афанасьевской культуре (ограда I – северная, ограда II – южная). Внутри каждой из них по одной основной могиле (могилы 1 и 2а). Снаружи, около восточной половины южной ограды II, располагалось 14 дополнительных детских могил (4–17) (рис. 19).

В тагарскую эпоху поверх этой ограды был возведен курган. В центре его прямоугольной ограды (ограда III) из валунов и крупной гальки находилась одна могила с коллективным захоронением (могила 2). Спустя какое-то время была сооружена вторая тагарская погребальная камера, разрушившая стенку ограды III более раннего тагарского кургана и находившуюся ниже часть афанасьевской (южной) ограды II (могила 3). Сохранилась восточная часть от ограды из валунов и крупной гальки (ограда IV), которая, скорее всего, относится ко времени сооружения могилы 3. На уровне дневной поверхности, на которой сооружена тагарская ограда III, обнаружены 3 впускных без инвентарных погребения (могилы А, Б, В) (рис. 20; 22 -3, 4).

Рис. 19. Летник VI.
План «А» кургана 9

Ограда I, могила 1 (рис. 19; 21; 22 -2). Круглая ограда из валунов и крупной гальки, уложенных друг на друга в несколько слоев, сохранилась на высоту 0,3 м. Ширина ее в основании 0,8–1,0 м. Диаметр ограды 9,5 м. Внутри нее, в центре, одна основная могила, представляющая собой грунтовую яму подпрямоугольных очертаний с земляными стенками и дном, размерами 2,1х1 м, глубиной 0,8 м. Ориентирована в направлении СВ–ЮЗ. Могила ограблена. На дне остатки скелета взрослой женщины 25–40 лет. На месте кости голени обеих ног и стоп. Судя по их положению, погребенная лежала головой на ЮЗ, на правом боку. В заполнении и на дне в полном беспорядке найдены отдельные кости ее скелета. На дне, в восточном углу могилы, в ногах умершей, раздавленный глиняный шаровидный сосуд, украшенный по тулову косыми оттисками гребенчатого штампа (рис. 13 -16). Внутри него обнаружен раздавленный глиняный яйцевидный сосуд без орнамента (рис. 13 -3). В заполнении встречались кусочки древесного угля.

Ограда II (рис. 19; 21; 22 -1). Круглая ограда из валунов и крупной гальки, уложенных друг на друга в несколько слоев, сохранились на высоту до 0,4 м. Ширина ее в основании 1,3 м. Диаметр ограды

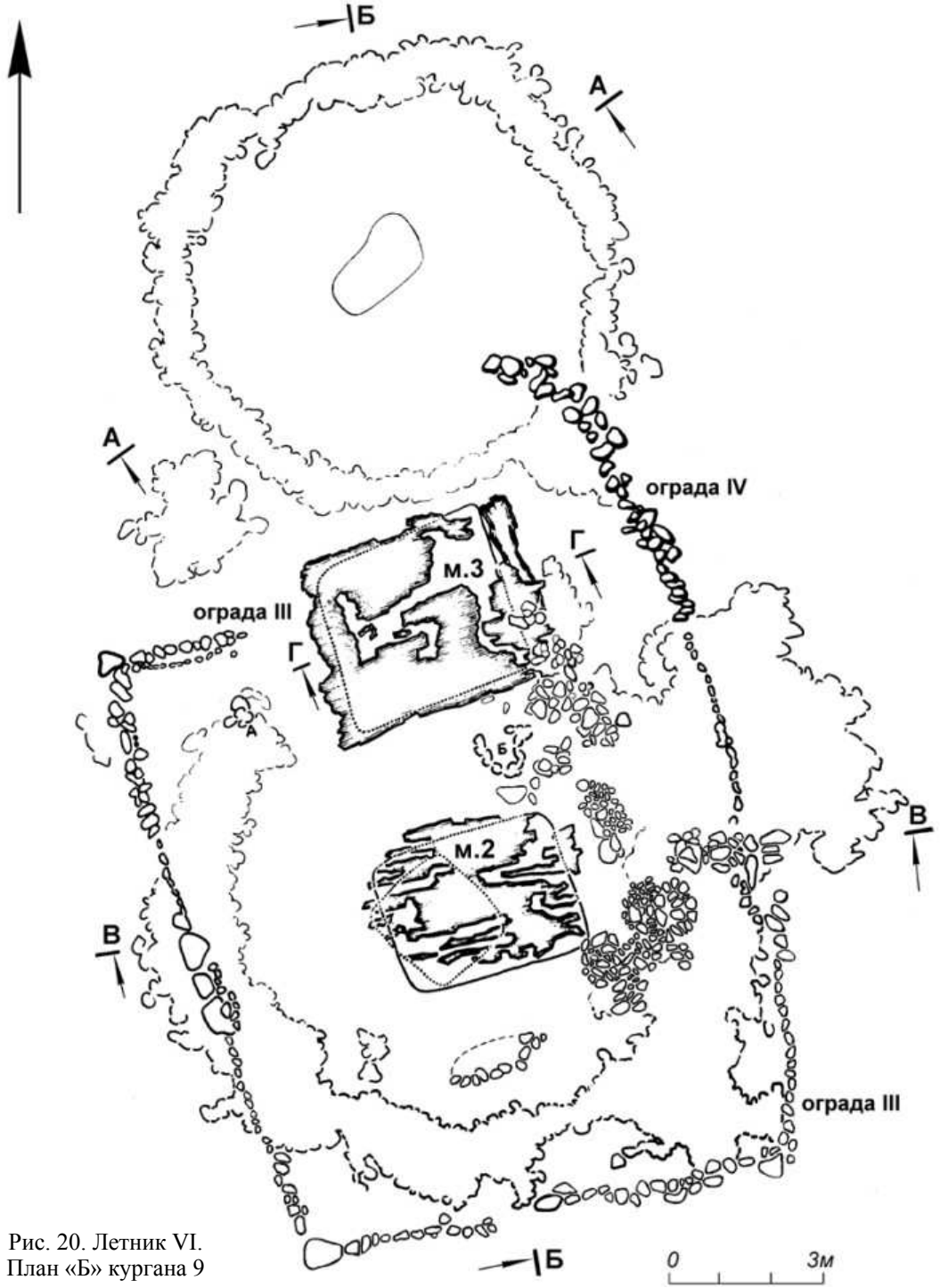

Рис. 20. Летник VI.
План «Б» кургана 9

10 м. Часть ее северной стороны была уничтожена при сооружении сарагашенской могилы 3. Внутри ограды, в центре, одна основная могила (могила 2а). Снаружи, около восточной половины ограды, обнаружено 14 дополнительных детских могил, пристроенных к ней вплотную или на расстоянии до 2 м (могилы 4–17) (рис. 19). Все могилы потревожены.

Могила 2а (рис. 19; 22 -1). Квадратная грунтовая яма с земляными стенками и дном, размерами 2,2х2,1 м, глубиной 1,1 м. Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На дне, в западном углу могилы, раздавленная глиняная корчага. Рядом с ней череп женщины 40–60 лет. В заполнении найдены отдельные кости от ее скелета.

Могила 4 (рис. 22 -5). Овальная яма размерами 1,1х0,75 м, глубиной 0,25 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в два слоя. На дне фрагменты черепа и мелких костей скелета новорожденного младенца и половина раздавленного глиняного яйцевидного сосудика с прочерченным орнаментом по тулову (рис. 13 -8).

Могила 5 (рис. 22 -6). Округлая яма размерами 1х0,75 м, глубиной 0,2 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в один слой. На дне целый глиняный яйцевидный сосуд с резным елочным орнаментом по тулову (рис. 13 -9) и мелкие фрагменты костей скелета младенца.

Могила 6. Овальная яма размерами 1х0,6 м, глубиной 0,25 м. Находок нет.

Могила 7 (рис. 23 -1). Овальная размерами 1х0,6 м и, глубиной 0,35 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в один слой. На дне глиняный остродонный сосудик без орнамента (рис. 13 -12).

Могила 8. Овальная яма размерами 1х0,8 м, глубиной 0,25 м. Находок нет.

Могила 9 (рис. 23 -2). Овальная яма размерами 0,8х0,7 м, глубиной 0,25 м. На дне раздавленный глиняный яйцевидный сосуд с резным елочным орнаментом по тулову и двумя рядами косых насечек по венчику (рис. 13 -6).

Могила 10. Округлая яма размерами 0,55х0,55 м, глубиной 0,3 м. Находок нет.

Могила 11 (рис. 22 -8). Округлая яма размерами 0,75х0,6 м, глубиной 0,3 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в один слой. Покрытие из гальки и валунов. На дне фрагменты мелких костей младенца и обломок венчика небольшого глиняного сосудика без орнамента (рис. 16 -12).

Могила 12 (рис. 23 -3). Округлая яма размерами 0,6х0,55 м, глубиной 0,25 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в 2 слоя. На дне раздавленный глиняный остродонный сосудик без орнамента (рис. 13 -11).

Могила 13 (рис. 22 -7). Округлая яма размерами 0,95х0,85 м, глубиной 0,35 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в один слой. Покрытие из мелких валунов и гальки. На дне фрагменты черепа и длинных костей младенца, а также целый глиняный сосудик с уплощенным дном и двумя ушками для подвешивания, украшенный по тулову резным елочным орнаментом (рис. 13 -4).

Могила 14 (рис. 23 -4). Овальная яма размерами 1х0,75 м, глубиной 0,3 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в 2 слоя. Покрытие из мелких валунов и гальки. На дне фрагменты черепа и длинных костей младенца и целый глиняный остродонный сосудик без орнамента (рис. 13 -13).

Могила 15. Овальная яма размерами 1х0,7 м, глубиной 0,3 м. Находок нет.

Могила 16 (рис. 23 -5). Овальная яма размерами 0,7х0,55 м, глубиной 0,3 м. Ее борта выложены крупной галькой и валунами в один слой. На дне фрагменты глиняного остродонного сосудика без орнамента (рис. 13 -10).

Могила 17 (рис. 23 -6). Округлая яма размерами 0,8х0,75 м, глубиной 0,3 м. На дне целый глиняный яйцевидный сосудик с резным орнаментом по тулову (рис. 13 -1).

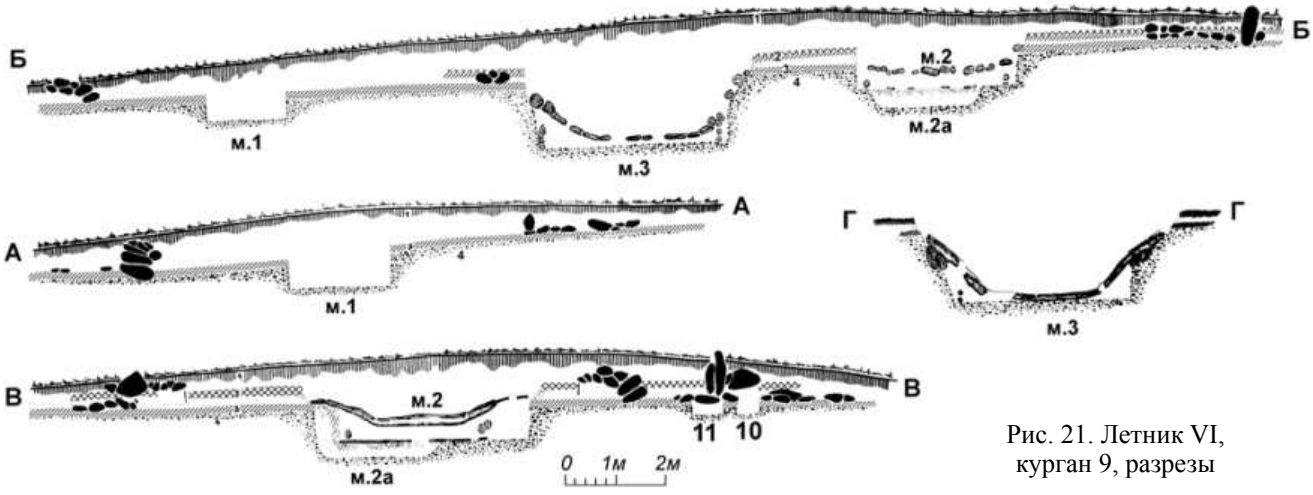

Рис. 21. Летник VI, курган 9, разрезы

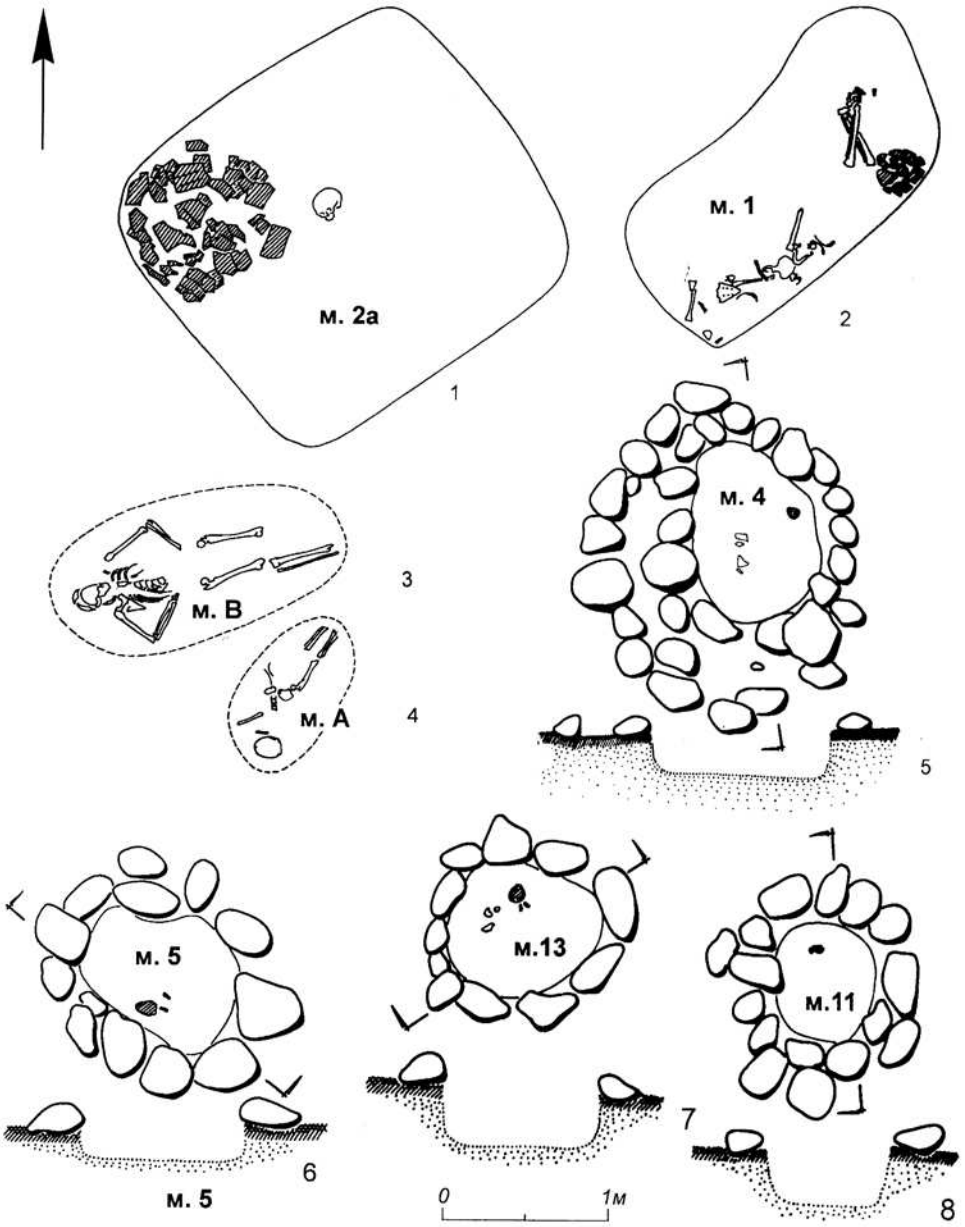

Рис. 22. Летник VI, курган 9. Планы и разрезы могил: *1* – могила 2а; *2* – могила 1; *3* – могила В; *4* – могила А; *5* – могла 4; *6* – могила 5; *7* – могила 13; *8* – могила 11

Исследованные 14 оград афанасьевской культуры в могильнике Летник VI представляли собой пологие земляные холмики диаметром от 10 до 15 м и высотой 0,3–0,8 м. В большинстве случаев по выступавшим на поверхности валунам можно было четко проследить кольцо ограды. Внутри круглой ограды, сложенной из валунов и крупной гальки, находилась одна, реже, две могилы. Это были прямоугольные грунтовые ямы размерами в среднем 2,5х1,5 м и глубиной от 0,8 до 1 м. На их бортах сохранились остатки бревен от накатов, покрывавших яму в направлении с СВ на ЮЗ. Почти все перекрытия сгорели. Внутри ограды или снаружи находились детские могилки в виде овальных ямок размерами 0,5х0,8 м, глубиной 0,3–0,4 м. Их борта выложены крупной галькой и мелкими валунами в 1–2 слоя. Покрытие могилок из гальки и мелких валунов. В основных могилах погребено по 1–2 взрослых, в одном случае – трое взрослых, иногда взрослый и ребенок. Умершие были уложены на спину с согнутыми в коленях ногами, головами на юго-запад. В основной могиле ограды 25 останки двух взрослых погребенных были покрыты плотным слоем охры. По наблюдениям М.П. Грязнова, кости животных, остатки мясной пищи, в могилах находят очень редко «…и в их составе не наблюдается никакой закономерности» (Грязнов, 1999, с. 48).

Погребальный инвентарь представлен серебряной серьгой в виде проволочной спирали, бронзовой проколкой и каменными орудиями. Аналогичная серьга найдена в могильнике Карасук III (Грязнов, 1999, с. 109, рис. 23 -6). Каменная колотушка и фрагмент песта подобны таким же орудиям из могиль-

ников Афанасьева Гора и Карасук III (Грязнов, 1999, с. 92, рис. 6. -22–23; с. 109, рис. 23 -16, 18). Керамика представлена большой и разнообразной по форме серией (более 60 сосудов). Среди крупных сосудов обнаружено не менее 4-х корчаг, около половины из них сферические и шаровидные, значительно меньше остродонных или с уплощенным дном. Орнаментация сравнительно проста, но есть не встречавшиеся ранее типы: два шаровидных сосуда украшены по плечикам волнообразными линиями оттисков гребенчатого штампа (рис. 14 -15; 15 -8). Найдены три курильницы. Одна из них в виде чаши на изящной ножке со следами боковой ручки, покрытая по тулову и дну резным елочным орнаментом (рис. 12 -4). Другая, целая курильница на 4-х ножках с боковой ручкой, орнаментированная снаружи косыми насечками и желобками (рис. 12 -6). Два крупных фрагмента еще одной курильницы покрыты резным орнаментом – елочным снаружи и пересекающимися линиями, образующими ромбы, изнутри (рис. 12 -3). Очень необычны два сосудика: один – квадратной формы с двумя ушками для подвешивания и орнаментом, имитирующим сшивание дна сосуда со стенками (рис. 12 -1), и ладьевидный, овальный в плане, покрытый по всей поверхности косыми насечками и желобками (рис. 14 -7). Аналогии большинству сосудов и курильницам имеются в могильниках Афанасьева Гора и Сыда I (Грязнов, 1999, с. 97, рис. 11; с. 99, рис. 13; с. 105, рис. 19 -5), Карасук III и Барсучиха IV (Грязнов, 1999, с. 114, рис. 28; с. 116, рис. 30; с. 121, рис 35 -2, 3; с. 123, рис. 37 -5, 7; с. 126, рис. 40 -2; с. 132, рис. 46 -4).

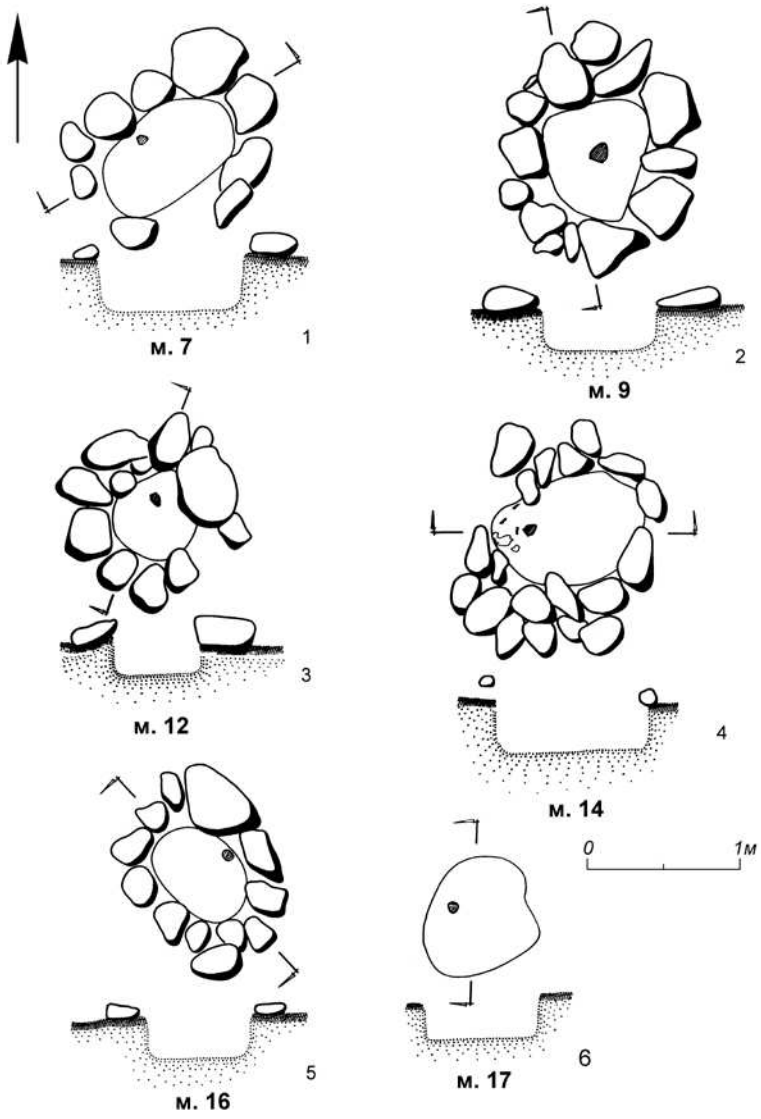

Рис. 23. Летник VI. Планы и разрезы могил кургана 9:
1 – могила 7; *2* – могила 9; *3* – могила 12; *4* – могила 14;
5 – могила 16; *6* – могила 17

В одной из оград обнаружено неграбленое впускное погребение (огр. 37, м. 2). По найденным в нем глиняному сосуду, бронзовому шилу и костяному игольнику оно относится к окуневской культуре. Аналогичные предметы найдены в могильниках Черновая VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 109, табл. XVIII -7, 9, 10) и Барсучиха IV (Грязнов, 1999, с. 109, рис. 23 -1; с. 132, рис. 46 -8).

Исследования оград афанасьевской культуры на могильнике Летник VI дали много дополнительной информации для реконструкции погребального обряда афанасьевских племен. Следует подчеркнуть, что раскопанные захоронения обнаружены на могильнике, являющимся самым южным из известных на Среднем Енисее памятников афанасьевской культуры (вт. пол. III тыс. до н.э.; Грязнов, 1999, с. 54).

Библиографический список

Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. VI. С. 91–159.

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 148 с.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.

Трифонов Ю.И. Исследования в Минусинской котловине // АО 1972. М., 1973. С. 241–242.

Трифонов Ю.И. Работы в Туве и Хакасии // АО 1974. М., 1975. С. 237–238.

И.В. Мерц

ПАМЯТНИКИ АФАНАСЬЕВСКОГО ТИПА ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА[1]

В настоящее время в Восточном Казахстане известны один могильник, два объекта горного дела и случайные находки каменных сверленых топоров, которые можно отнести к афанасьевской культуре (рис. 1 -1).

Могильник Черновая 2 расположен в Катон-Карагайском районе Восточно-Казахстанской области, к северо-западу от центральной усадьбы мараловодческого совхоза «Черновицкий» (Черновое). Памятник, состоящий из трех курганов, находится в долине, ограниченной с северо-востока большим холмом, а с запада проселочной дорогой, идущей от совхоза в ущелье, к ферме (рис. 1 -1, 2). В 1986 г. экспедицией кафедры археологии и этнологии КазГУ были раскопаны 2 кургана (Оразбаев, Омаров, 1998, с. 24, 27).

Курган №1 представлял собой плоскую каменную насыпь округлой формы диаметром 5,6х5,8 м, по периметру которой фиксировались крупные камни. В центре, под курганной насыпью, находилась вытянутая грунтовая яма размером 2х1,8 м, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Могила оказалась разграбленной в древности, при ее расчистке в заполнении обнаружены кости человека и фрагменты кальцинированных костей. На глубине 1,3 м, у юго-восточной стенки могильной ямы, найдены куски красной охры (100 г), а в северо-западной части ямы скопление золистой земли мощностью до 30 см. На дне могилы находились фрагменты черепа и нижние конечности человека, согнутые в коленях и направленные влево.

Курган №2 находился в 5 м от кургана №1, представлял собой каменную насыпь округлой формы диаметром 6,5х6,5 м, высотой 0,5–0,6 м (рис. 2 -1). На насыпи лежали крупные камни, образующие неправильный круг, после ее удаления, при углублении на 35–40 см, в центре кургана было выявлено могильное пятно темно-золистого цвета. Могильная яма размером 2,2х1,3 м, глубиной 1,77 м, вытянута по линии СЗ–ЮВ. Золистое заполнение могилы продолжалось до глубины 0,75 м, на глубине 0,52 м были найдены кости голени барана. На дне находился скелет человека на спине с подогнутыми влево ногами и вытянутыми вдоль туловища руками, обильно покрытый темно-красной охрой. Возле костей правой руки лежали 2 раздавленные сосуда (рис. 2 -2). Сосуд №1 баночного типа со слегка вздутым туловом. Диаметр венчика 21 см, тулова – 23 см, высота 24 см. Поверхность от наружного края венчика до дна орнаментирована горизонтальной елочкой, нанесенной гребенчатым штампом. Сосуд №2 чашевидной формы в виде плоской тарелки, диаметром 16 см, поверхность гладкая, без орнамента. В юго-восточной части могилы обнаружены кусочки охры (Оразбаев, Омаров, 1998, с. 28, 33).

Посткраниальный скелет погребенного принадлежит мужчине зрелого возраста (35–40 лет), протоевропейского типа (Исмагулова, 1989, с. 75). Наибольшую морфологическую близость череп из кургана 2 Черновой II проявляет с серией черепов из могильников Кокса, Бертек 33, Мухор-Тархата, Балыкты-Юл, Арагол, Ян-Улаган, для которых характерно при выраженности европеоидных особенностей, длинная мозговая коробка, средняя высота лица и носа (Солодовников, 2010, с. 238). По особенностям погребального обряда и инвентарю могильник Черновая II можно отнести к куротинскому типу памятников (Степанова, 2012, с. 173–179).

Ревизия материалов, полученных Калба-Нарымским отрядом Казахстанской экспедиции ГАИМК под руководством С.С. Черникова в 1935 и 1937 гг. в 30-е гг. XX в. (коллекция №1659, хранится в Государственном Эрмитаже) (Черников, 1949, с. 8, 9), позволила выявить ранние артефакты на двух памятниках горного дела, которые можно отнести к афанасьевской культуре.

Выработки на олово Карагоин (Каракойын) упоминаются В.К. Котульским в 1916 г., эксплуатировались в 30–40-е гг. XX в., в настоящее время законсервированы (Месторождение Карагоин, 2014). Памятник на археологической карте Казахстана обозначен под №1652 (АКК 1960, с. 118), расположен в Уланском районе Восточно-Казахстанской области, в Центральной части Калбинского хребта, в 2–3 км к востоку от с. Таргын, на северном склоне горы, у подножья которой течет ключ Карагоин. Выработки распространяются по всему склону от вершины до подножья (рис. 1 -1, 3, 8). Всего найдено 32 объекта двух типов: открытые разрезы с дудками и целиками, и штольни, заданные на склоне горы, все они завалены и заплыли от времени.

В 1935 г. были частично расчищены 4 выработки: №11, 17, 24, 28 (рис. 1 -8) (Черников, 1949, с. 19, 20). Ранние материалы найдены в выработке №17а, но, к сожалению, из публикации С.С. Черникова не ясно, какая из выработок имеет этот номер. Вполне вероятно, что это обозначение траншеи, непосредственно примыкающей с запада к выработке №17, которая состоит из трех штолен, заданных под склон горы в шахматном порядке и двух открытых, связывающих их разрезов. Выработка была расчищена не полностью (рис. 1 -7) (Черников, 1949, с. 19).

В выработке 17а был обнаружен точильный камень с отверстием (№1659-33), керамическое пряслице (№1659-34) и венчик горшка (ГЭ №1659-31 Кл I – 204) (рис. 1 -5) (Черников, 1949, с. 20). Диаметр венчика со-

[1] Работа выполнена при частичной финансовой поддержке бюджетной программы МОН РК «Грантовое финансирование научных исследований» на 2012–2014 гг. №92/1960 «Ранний бронзовый век правобережья Казахстанского Прииртышья: этнокультурное взаимодействие» и гранта Правительства РФ №2013-220-04-2245, тема «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

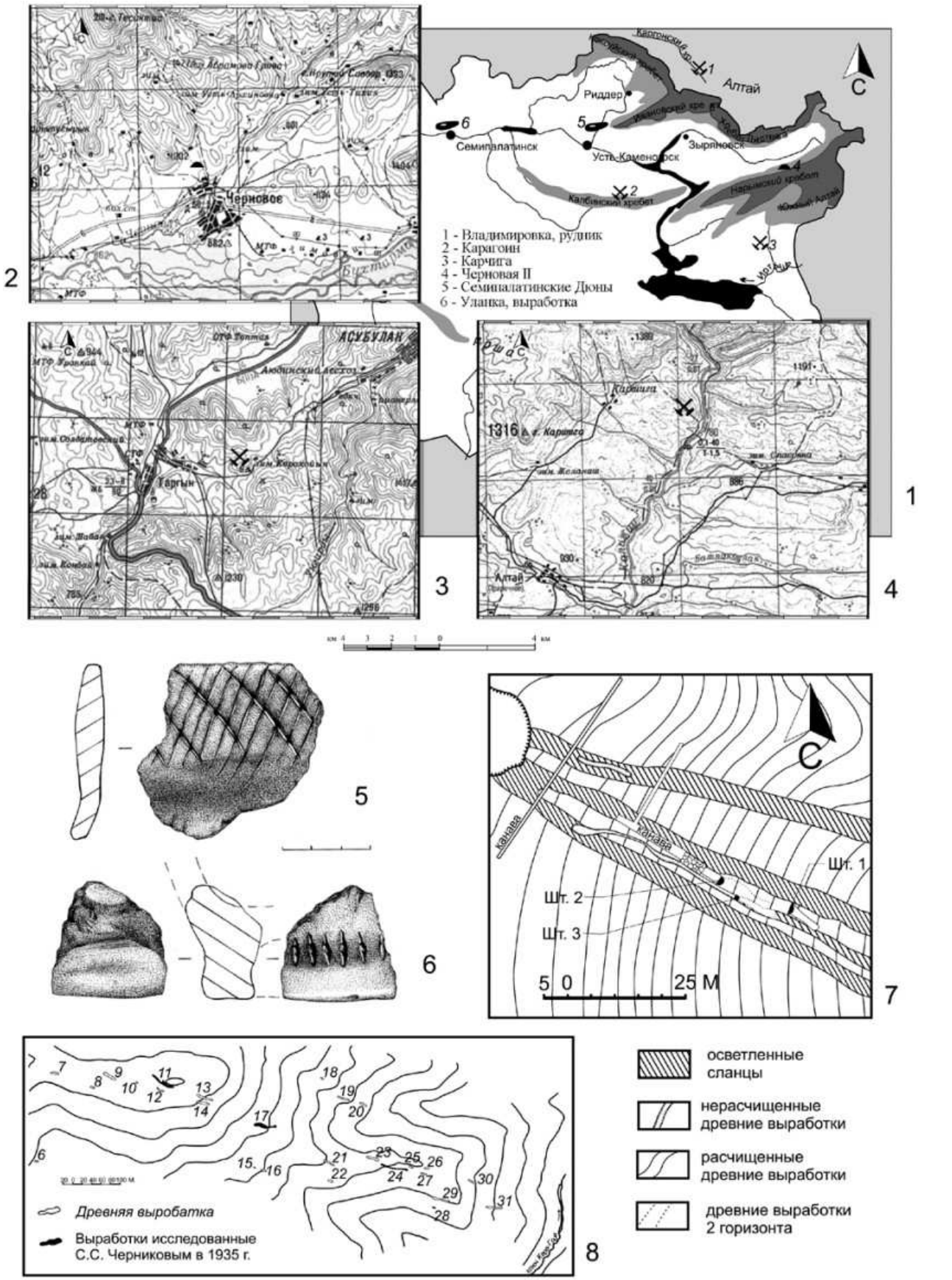

Рис. 1. Карта расположение памятников афанасьевского типа в Восточном Казахстане и рудника Владимировка на Юго-Западном Алтае (1); могильник Черновая II (2), выработки Карагоин (3); Карчига (4); Карагоин, керамика из выработки 17а (5); Карчига, керамика со сборов (6); Карагоин план выработки №17. По: Черников, 1949, рис. 8 (7); план древних выработок Карагоин (ИИМК РАН Ф. 35, оп. 2-Д. Д. 28. №17) (8)

ставляет 18 см, высота 3,7 см. Орнамент в виде косой сетки нанесен по шейке накалыванием. Длина рабочего края инструмента 4 см, зубцы плохо различимы (их не менее 14), прямоугольной формы, длиной до 1,5 мм.

Выработки на медь Карчига (Каршига) открыты по следам «чудских» разработок в 1913 г. Г.Г. Келлем. Разведка месторождения производилась советскими геологами в 1940–1942 гг., в 1950–1957 гг. (Геология СССР..., 1974, с. 288), позднее было законсервировано. В настоящее время фирмой Orsu Metals Corporation (Великобритания) планируется разработка этого месторождения (Karchiga VMS, 2014). Памятник на археологической карте Казахстана обозначен под №2607 (АКК 1960, с. 182), расположен в Курчумском районе Восточно-Казахстанской области, на восточных склонах хр. Бесбугу, идущих с севера на юг, в 1,5 км от р. Кальджир, на ее правом берегу (рис. 1-1, 4).

Древние выработки Карчига (Каршига) имеют вид круглых ям диаметром от 10 до 50 м и глубиной от 2 до 5 м. На южном конце выработанной зоны (протяженностью около 100 м) находятся выработки в виде горизонтальной осыпи сланца и кварца. Открытые работы велись на площади около 2000 кв. м на небольшую глубину. Выработки имеют большую, по сравнению с выработками на олово, глубину и менее четкие очертания (рис. 1 -2) (Черников, 1949, с. 38–39). В 1937 г. на памятнике производился только сбор подъемного материала. На отвалах были найдены каменные орудия, обломки глиняных сосудов и бронзовый нож. Особый интерес представляет фрагмент придонной части маленького сосудика (ГЭ №1659-115 Кл I – 204), возможно, курильницы (рис. 1 -6). На внешней стороне был нанесен ряд вертикальных линий гребенчатым штампом, накалыванием с нажимом на один край инструмента.

На основании полученных материалов – металлических ножей карасукского типа и керамики, эти горные выработки были отнесены к эпохе поздней бронзы (Черников, 1949, с. 67, 68). Обломок сосуда из Карагоина принадлежит горшку с выделенной шейкой. Подобная высокая шейка сосуда и орнамент в виде сетки (рис. 1 -6) характерны для керамики афанасьевского поселения Подсинюшка в Рудном Алтае (Грушин, Степанова, 2010, рис. 4), а также встречается на афанасьевских памятниках Горного Алтая в могильниках Ело 1, огр. 4, Урускин Лог, к. 3 (Степанова, 2010, рис. 3 -2; Погожева, 2006, рис. 13 -1), на поселениях Кара-Тенеш, Итколь III (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 14 -2; Поляков, 2010, рис. 10 -1), в Синьцзяне в могильнике Сыдуйтуцю (Молодин, Алкин, 2012, рис. 1 -3). Необходимо отметить, что косая сетка распространена не только в декоре афанасьевских, но и окуневских сосудов и стел (Есин, 2010, рис. 5). Остальные предметы из выработки 17а: обломок точильного камня с отверстием и керамическое пряслице, имеют прямые аналогии в материалах поселения Кара-Тенеш в Горном Алтае (Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 22 -2, 6, 8, 9). Подобные изделия широко распространены в эпоху бронзы и раннего железа, и поэтому не могут быть четкими культурно-хронологическими маркерами, однако обнаружение этих предметов совместно с афанасьевским фрагментом керамики позволяет предположить их единокультурность.

Обломок курильницы из Каршиги представляет собой изделие с глубоким поддоном, поверхность которого украшена рядами вертикальных линий (рис. 1 -7). Полностью идентичных сосудов неизвестно,

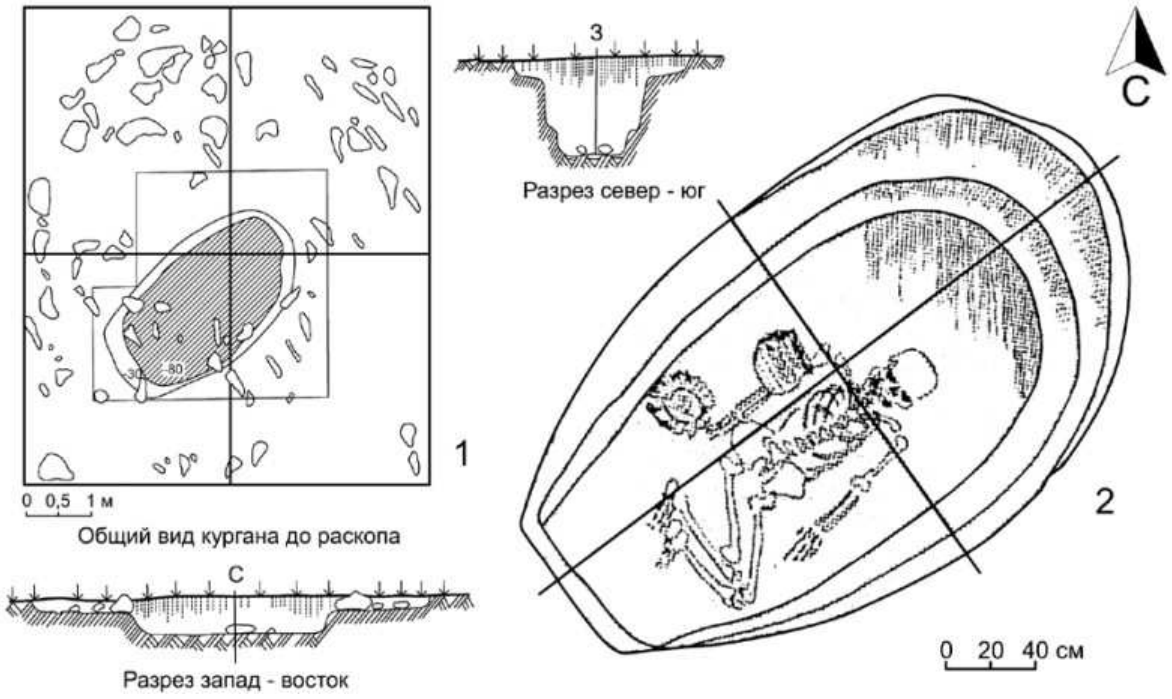

Рис. 2. *1, 2* – план кургана №2 могильника Черновая II. По: Оразбаев, Омаров, 1998, рис. 20

но очень похожие имеются в погребениях, относимых к куротинскому типу могильника Бойтыгем 2, к. 1 и в могильнике Кэмурцы – комплекс №24 (Степанова, 2012, рис. 3 -9; Молодин, Алкин, 2012, рис. 1 -2), более далекие аналогии наблюдаются в афанасьевских комплексах Енисея (Вадецкая, 1986). Таким образом, можно предположить, что памятники эксплуатировались, как минимум, дважды – в афанасьевское и карасукское время. В связи с этим необходимо провести ревизию всех известных объектов горного дела на предмет наличия ранних материалов, поскольку поздние объекты могут находиться на месте более ранних.

По-видимому, с афанасьевским горнорудным производством необходимо связывать случайные находки каменных сверленых топоров. В настоящее время в регионе известно 2 предмета (рис. 1 -1). Первый найден на дюнах в окрестностях г. Семипалатинска в 1903 г. О.П. Педашенко (Летопись..., 1912, с. 52, 53), хранится в Усть-Каменогорском музее, инв. №ВКОМ КПО 19п 8507. Второй топор обнаружен на глубине одной сажени в золотоносном отвале выработки на р. Уланка, в 35 верстах от г. Усть-Каменогорска, в 1909 г. был передан И.М. Петржкевичем, через А.М. Суворцева в Семипалатинский областной музей, инв. №329 (Отчет..., 1909, с. 21). Изделия представляют собой шлифованные орудия с клиновидной рабочей частью, округлым обухом и просверленным отверстием для крепления рукояти. У топора с семипалатинских дюн отверстие расположено посередине, а у топора с р. Уланка – ближе к обуху. Подобные предметы известны на территории распространения афанасьевской культуры в Горном Алтае, однако, в основном, все они случайные находки. Единственный каменный топор, обнаруженный в археологическом комплексе, происходит из насыпи кургана №1 могильника Пещеркин Лог (Деревянко, Молодин, Маркин, 1987). Подобное изделие обнаружено на руднике Владимировка (Баженов, Бородаев, Малолетко, 2002, с. 42). На основании этих фактов, возможно, допустить афанасьевскую принадлежность подобных орудий.

Таким образом, приведенные материалы из Восточного Казахстана расширяют ареал распространения памятников афанасьевского типа практически до Иртыша, но их малочисленность не позволяет на данном этапе установить региональную специфику.

Библиографический список

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. 385 с.

Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 50–59.

Геология СССР. Том XLI. Восточный Казахстан. Полезные ископаемые. М., 1974. С. 286–290.

Грушин С.П., Степанова Н.Ф. Особенности технологии изготовления керамики с афанасьевского поселения Подсинюшка // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 46–53.

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.

Исмагулова А.Э. Энеолитический череп из Восточного Казахстана // Маргулановские чтения: сб. матер. конф. Алма-Ата, 1989. С. 75–78.

Летопись Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. 1902–1910 гг. // Записки Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Семипалатинск, 1912. Вып. VI. С. 1–95.

Месторождение Карагоин [Электронный ресурс] // Комитет геологии и недропользования министерства индустрии и новых технологий РК [Офиц. сайт] – Режим доступа: http://geology.gov.kz/ru/pomosh-biznesu/reference-fields-in-kazakhstan/solid-minerals/item/карагоин (2014).

Молодин В.И., Алкин С.В. Памятники афанасьевского времени на Северо-Западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 149–154.

Оразбаев А.М., Омаров Г.К. Некоторые итоги археологических исследований Восточного Казахстана // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия (материалы международной археологической конференции). Алматы, 1998. С. 9–70.

Отчет о деятельности Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1909 г. // Записки Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Семипалатинск, 1911. Вып. V. С. 1–32.

Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 234 с.

Поляков А.В. Памятники афанасьевской культуры на северном берегу озера Итколь (Республика Хакасия) // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 144–158.

Солодовников Н.К. Черепа из погребений афанасьевской культуры средней и нижней Катуни // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 233–244.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различие) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул, 2012. С. 173–182.

Степанова Н.Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и погребения куротинского типа // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2012. С. 173–182.

Черников С.С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая: дис. ... канд. ист. наук // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 2-Д. Д. 28.

Karchiga VMS [Electronic resource] // Orsu Metals Corporation [Official website]. URL: http://www.orsumetals.com/karchiga.aspx (accessed: 19.03.2014).

С.С. Тур, М.П. Рыкун

ТРАВМАТИЧЕСКИЕ ПОВРЕЖДЕНИЯ В ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЯХ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Изучение характера и частоты травм, встречающихся в палеоантропологических коллекциях, важно для понимания многих аспектов жизни древних коллективов.

На костях черепа и посткраниального скелета из археологических раскопок можно обнаружить травмы прижизненные (antemortem), предсмертные (perimortem) и посмертные (postmortem). Прижизненные травмы легко идентифицируются по признакам заживления, предсмертные и посмертные также имеют некоторые характерные особенности, однако различить их труднее и не всегда возможно.

По происхождению все травмы делятся на преднамеренные и случайные. Преднамеренные травмы возникают в результате проявлений агрессии (с использованием оружия или без него), а также в результате трепанации черепа (прижизненной, посмертной, символической). Случайные травмы связаны с неосторожными действиями самого индивида. Кроме того, случайные травмы на костях скелета могут появиться в результате воздействия тафономических факторов или неосторожных действий в процессе археологических раскопок.

В скелетной выборке афанасьевской культуры Горного Алтая на костях черепа встречаются прижизненные, предсмертные и посмертные травмы (табл. 1). К прижизненным относятся переломы носовых костей и скуловой дуги, а также некоторые травмы мозговой коробки. Прижизненные и предсмертные травмы свода черепа, по-видимому, имеют разнородное происхождение. Заросший перелом лобной кости с обломком наконечника стрелы (Сальдяр-1, огр. 18) и прижизненная травма теменной кости (Нижний Тюмечин-1, огр. 6) на мужских черепах, а также два вдавленных перелома без следов заживления на черепе женщины (Сальдяр-1, к. 42, южн. ск.) являются, судя по всему, результатом проявления агрессии. Две поверхностные травмы со следами репарации костной ткани на черепе мужчины из могильника Курота-2 М.Б. Медникова предположительно связывает с операцией, произведенной острым предметом в ритуальных целях (Медникова, 2003, с. 154). Происхождение небольших зажив-ших дефектов костной ткани, отмеченных еще на двух черепах (Кызык-Телань-1, к. 33; Сальдяр-1, огр. 37) остается неясным. Почти все прижизненные и предсмертные травмы встречаются на мужских черепах. Исключением является женский череп с двумя вдавленными переломами на лобной кости без следов заживления (Сальдяр-1, к. 42, южн. ск.).

Посмертные травмы на афанасьевских черепах достаточно однотипны и локализуются на затылочной кости. Отсутствие значительной части затылочной кости, прилегающей к большому затылочному отверстию, является, очевидно, результатом посмертной трепанации черепа, которая проводилась с целью удаления головного мозга.

Наряду с краниальными травмами в афанасьевской выборке встречаются также травмы постраниального скелета (табл. 1). Это заживший перелом дистального конца левой лучевой кости у одной из женщин (Ело-Баши, огр. 3) и две травмы у мужчин – заживший перелом верхней трети диафиза правой малой берцовой кости (Озерное-2, огр. 1) и дырчатый перелом подвздошной кости с застрявшим кончиком стрелы без признаков репарации костной ткани (Мухор-Тархата-I, к. 8). Отмеченные переломы длинных костей конечностей имеют, по-видимому, случайное происхождение.

В образцах травматических повреждений костей черепа и посткраниального скелета в афанасьевской выборки прослеживаются две стратегии агрессивного поведения, одна из которых направлена на летальный исход, другая – на нелетальный. Олицетворением последней являются переломы носовых костей.

Согласно современным клиническим данным, голова, шея и лицо наиболее часто травмируются в результате межперсональной агрессии, что имеет стратегическое и символическое значение (Walker, 1997). При этом наиболее обычной травмой являются переломы костей носа.

Для того, чтобы сравнивать уровень агрессивного поведения в разных палеопопуляциях, необходимо регистрировать не только случаи наличия травм, но и случаи их отсутствия. Обычная практика учитывать число изученных индивидов в таких случаях недостаточна в силу неодинаковой сохранности разных скелетных коллекций. Эта проблема особенно значима при анализе носовых переломов. Носовые кости тонкие и нередко ломаются или утрачиваются в процессе раскопок, в то время как кости свода черепа значительно более устойчивы к повреждениям, хотя и их нередко находят в фрагментированном состоянии. В связи с этим кости носа и свод черепа целесообразно анализировать раздельно (Walker, 1997).

При дифференцированном анализе лицевой и мозговой части черепа было установлено, что среди археологических популяций выделяются группы как с низкой, так и с высокой частотой краниальных травм. Последние различаются по соотношению травм носовых костей и травм свода черепа. Некоторые имеют высокую частоту травм свода и низкую частоту переломов носа, другие наоборот (Walker, 1997). На мужских черепах афанасьевской культуры Горного Алтая частота переломов носовых костей превышает 20%. Высокая частота переломов носовых костей была характерна также для населения андроновской культуры Алтая. По-видимому, «бытовые» конфликты, которые решались с помощью рукоприкладства, являлись характерной чертой скотоводческих обществ Алтая эпохи бронзы.

Другую стратегию агрессивного поведения, направленную на смертельный исход, в афанасьевской скелетной выборке демонстрируют травмы от каменных наконечников стрел. К ним относится заросший перелом лобной кости у мужчины из могильника Сальдяр-1 (огр. 18), а также дырчатый перелом левой подвздошной кости без признаков заживления у мужчины из могильника Мухор-Тархата-I, к. 8. В обоих случаях, судя по расположению обломка наконечника стрелы, застрявшего в кости, стрелявший находился сзади от своей жертвы. Отмеченные травмы свидетельствуют о том, что отношения афанасьевских групп с местным инокультурным населением были напряженными. В более многочисленной выборке алтайских андроновцев, травмы от стрелкового оружия пока не встречались.

Таблица 1

Травматические повреждения в палеоантропологических материалах афанасьевской культуры Горного Алтая

Происхождение материалов	Пол	Травматическое повреждение
Ело-1, огр. 4 ТГУ №1951	Муж.	На лобной кости, по линии врегма-назион, на расстоянии 35 мм от брегмы вдавление в форме равностороннего треугольника с длиной стороны 10 мм, с четко очерченными краями и неровной поверхностью между ними. Имеет прижизненное происхождение
Ело-2, огр. 1 ТГУ №1953	Муж.	Заросший перелом правой скуловой дуги
Ело-Баши, огр. 3 ТГУ №2097 (Р)		Заросший перелом дистального конца левой лучевой кости
Кызык-Телань-1, к. 33 АГУ №494	Муж.	На левой теменной кости на месте теменного отверстия небольшое углубление округлой формы 10х8 мм со слегка приподнятыми краями, прижизненного происхождения
Курота-2, к. 2Б МГУ №8557	Муж.	Заживший перелом носовых костей, сопровождавшийся сильным искривлением носовой перегородки (Медникова, 2010, с. 202)
Курота-2, к. 9Б МГУ №8559	Муж.	На лобной кости, примерно на границе роста волос, два травматических повреждения: одно (11х9,5 мм) округлой формы, другое (15х13 мм) неправильной подокруглой, с неровной бугристой поверхностью внутри контура и линейными надрезами (?) в верхней и нижней частях, со следами заживления (Медникова, 2003, с. 154; 2010, с. 203)
Куюм, м. 6 МАЭ №5910-2	Муж.	Заживший перелом носовых костей (Медникова, 2010, с. 205)
Куюм, м. 13 МАЭ №5910-6	Муж.	Заживший перелом со смещением носовой перегородки (Медникова, 2010, с. 206)
Мухор-Тархата-I, к. 8 АГУ №377	Муж.	Дырчатый перелом подвздошной кости каменным наконечником стрелы, кончик которой застрял в кости
Нижний Тюмечин-4, огр. 1 ТГУ №1961	Муж.	Заросший перелом носовых костей
Нижний Тюмечин-1, огр. 6 ТГУ №1962	Муж.	На левой теменной кости прижизненная травма в виде вдавления вытянутой формы (12х5 мм). Напоминает заросшее повреждение на лобной кости другого афанасьевского черепа (Сальдяр-1, мог. 18), оставшееся после травмы каменным наконечником стрелы, только более поверхностное
Нижний Тюмечин-1, огр. 9 ТГУ №2102	Муж.	Заживший перелом носовых костей
Озерное-2, огр. 1 ТГУ №2503	Муж.	Заживший перелом носовых костей. Заросший перелом верхней трети диафиза правой малоберцовой кости
Первый Межелик-1, огр. 12 АГУ №396	Муж.	Отсутствует часть затылочной кости, прилегающая к затылочному отверстию (посмертная трепанация?)
Покровка-4, огр. 1 АГУ №1252	Муж.	Заживший перелом нижнего края правой носовой кости

Происхождение материалов	Пол	Травматическое повреждение
Покровский лог-4, огр. 2 АГУ	Муж.	Заживший перелом носовых костей с деформацией носовой перегородки
Сальдяр-1, огр. 18 АГУ №361	Муж.	Заживший перелом лобной кости с обломком наконечника стрелы
Сальдяр-1, огр. 37 АГУ №369	Муж.	На лев. лобной кости около верхнеглазничной вырезки небольшая вдавленность 8х7 мм с иррегулярной поверхностью; немного выше и ближе к височной линии аналогичное образование (прижизненная травма?)
Чепош-3 АГУ №493	Муж.	На лобной и теменной костях два отверстия от сильного удара тяжелым инструментом с заостренным концом во время раскопок
Бойтыгем-2, к. 11 АГУ	Жен.	На левой теменной кости отверстие неправильной, подпрямоугольной) формы (42х28 мм), по краям срезан верхний компактный слой, без следов репарации костной ткани (посмертная трепанация?)
Сальдяр-1, огр. 20 АГУ №362	Жен.	Отсутствует значительная часть затылочной кости, прилегающая к большому затылочному отверстию (посмертная трепанация?)
Сальдяр-1, к. 42, сев. ск. АГУ №371	Жен.	Отсутствует значительная часть затылочной кости, а также правый сосцевидный отросток (посмертная трепанация?)
Сальдяр-1, к. 42, южн. ск. АГУ №370	Жен.	На правой стороне лобной кости около височной линии вдавленный перелом в форме вытянутого эллипса (20х7 мм) без следов заживления. Еще один аналогичный перелом (13,5х7 мм) в области лобного бугра

Библиографический список

Медникова М.Б. Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии: символические трепанации // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. Р. 147–156.

Медникова М.Б. Курота-2 и Куюм: данные антропологии к реконструкции условий жизни алтайских афанасьевцев // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 200–224.

Walker P.L. Wife Beating, Boxing, and Broken Noses: Skeletal Evidence for the Cultural Patterning of Violence // Troubled Times: Violence and Warfare in the Past. Martin D., Fraer D. (eds.). Gordon and Breach, 1997. Ch. 6. P. 145–175.

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ

Афанасьевская культура

Горный Алтай

Айбарка, поселение – с. 23
Айрыдаш-1, могильник – с. 23, 81
Актру, случайная находка – с. 42
Апшуяхта II, могильник – с. 39
Апшуяхта-V, могильник – с. 39
Арагол, могильник – с. 35, 94
Аскат-2, поселение – с. 23
Аскат, случайная находка – с. 42
Балыктыюль, могильник – с. 35, 94
Балыктыюль, поселение – с. 36, 95
Барангол, случайная находка – с. 42
Барантал-1, могильник – с. 24
Бектыек, поселение – с. 6–7,
Белый Ануй, случайная находка – с. 42
Бертек-33, могильник – с. 5–6, 43–44
Бичикту-Бом, поселение – с. 7, 45
Бойтыгем-1, могильник – с. 7, 45
Бойтыгем-2, могильник – с. 7–8, 46–47
Большой Толгоек, могильник – с. 39–40, 98
Большой Улаган 1, могильник – с. 36
Большой Улаган 2, могильник – с. 36
Владимировка, горная выработка – с. 36, 100
Второй Межелик, могильник – с. 8, 48
Второй Межелик-1, могильник – с. 8
Дубровка, случайная находка – с. 42
Ело, поселение – с. 9
Ело-1, могильник – с. 8–9, 50
Ело-2, могильник – с. 9, 48
Ело-3, могильник – с. 9
Ело-Баши, могильник – с. 9, 51
Илбик, могильник – с. 41
Инегень, случайная находка – с. 42
Каерлык-2, могильник – с. 10, 48
Каминная пещера – с. 36–37
Кара-Дьярык, могильник – с. 40
Кара-Коба-1, могильник – с. 10–12, 52–54
Кара-Коба, могильник – с. 12–13, 56
Каракол, могильник – с. 13, 55
Каракол, могильник – с. 37
Кара-Тенеш, могильник – с. 24
Кара-Тенеш, поселение – с. 24–25, 78–80
Кара-Тенеш, случайная находка – с. 42
Каянча, могильник – с. 13, 55
Кегибаш, поселение – с. 42
Коболок-суу, поселение – с. 42
Кор-Кобы-I, могильник – с. 25–26, 81–82
Королой, поселение – с. 26
Куевы щеки, поселение – с. 37
Кучерла-1, культовый комплекс – с. 39
Куюс, случайная находка – с. 42
Кызык-Телань-I, могильник – с. 26, 83
Ламах-2, поселение – с. 37, 45
Малый Булундук, могильник – с. 13
Малый Дуган, поселение – с. 27–28, 84–85
Малый Толгоек, поселение – с. 40
Манжерок-3, местонахождение – с. 41
Манжерок-5, поселение – с. 41
Манжерок-7, поселение – с. 41
Мост-Песчаная, местонахождение – с. 42
Муны-1, поселение – с. 41–42
Мухор-Тархата-I (Тархата-I), могильник – с. 6, 44
Нижнетыткескенская пещера-I (НТП-I) – с. 28–29, 86
Нижний Айры-Таш, могильник – с. 40, 99
Нижний Тоботой 2, могильник – с. 13
Нижний Тоботой-1, могильник – с. 13
Нижний Тюмечин-1, могильник – с. 14–15, 57–58
Нижний Тюмечин-2, могильник – с. 15
Нижний Тюмечин-3, могильник – с. 15
Нижний Тюмечин-4, могильник – с. 15, 56
Нижняя Соору, поселение – с. 15–16, 59
Озерное-II, могильник – с. 16, 56
Онгудай, могильник – 16, 55
Партизанская Катушка, поселение – с. 29
Первый Межелик-1, могильник – с. 16–17, 60–62
Сальдяр-I, могильник – с. 17–19, 64–73
Семисарт-2, могильник – с. 19, 74
Семисарт-3, могильник – с. 20, 74
Семисарт-4, могильник – с. 20, 48
Семисарт-5, могильник – с. 20, 74
Семисарт-6, могильник – с. 20, 74
Семисарт-7, могильник – с. 20, 74
Семисарт-9, могильник – с. 20, 48
Семисарт-VII, могильник – с. 20–21
Теньга-I, могильник – с. 21
Теньга-3, могильник – с. 21
Теньга-4, могильник – с. 21, 75–76
Тогусхан-4, могильник – с. 29, 94
Толгаек-I, могильник – с. 40, 99
Третий Межелик, могильник – с. 21, 48
Туэкта, могильник – с. 22, 49
Тыткескень-6, могильник – с. 29
Узнезя-I, поселение– с. 29–31, 88
Узнезя-мост, поселение – с. 31
Узнезя-школа, поселение – с. 31
Улита, могильник – с. 22, 76
Урмулык-I, могильник – с. 22, 77
Урускин Лог-1 (Каракол-1), могильник – с. 37–38, 96–97
Урускин Лог-2 (Каракол-2), могильник – с. 38
Усть-Арагол, могильник – с. 36
Усть-Куба, случайная находка – с. 42
Усть-Куюм, поселение – с. 33, 92
Усть-Куюмский, могильник – с. 31–33, 89–92
Усть-Муны-3, могильник – с. 42
Усть-Муны, случайная находка – с. 42
Чакыр, случайная находка – с. 42
Чемал-3, могильник – с. 33, 93
Чепош-1, поселение – с. 34
Чепош-3, могильник – с. 33–34, 94
Чепош-3, поселение – с. 34
Чепош-4, поселение – с. 34
Черный Ануй-2, могильник – с. 38–39
Черный Ануй, случайная находка – с. 42
Чичка, поселение – с. 34
Чултуков Лог-3, случайная находка – с. 42
Чултуков Лог-1а, случайная находка – с. 42
Эдиган-V, поселение – с. 36
Юстыд, поселение – с. 6

Северо-Западный Алтай

Бугры, местонахождение – с. 283
Денисова Пещера – с. 283, 289–290
Красный Яр-2, могильник – с. 280–281
Машенка, поселение – с. 281
Озерки, могильник – с. 281
Первомайское, случайная находка – с. 283, 291
Пещера им. Окладникова – с. 283
Подсинюшка, поселение – с. 283, 291
Покровка-4, могильник – с. 281–282, 285–286
Покровский Лог-3, могильник – с. 281, 284
Покровский Лог-4, могильник – с. 281, 284
Покровский Лог-5, могильник – с. 285
Сентелек, случайная находка – с. 282
Усть-Теплая, могильник – с. 282, 287
Усть-Черновая, поселение – с. 282
Щучий Лог-1, могильник – с. 282, 288

Енисей (Минусинские котловины)

Афанасьева Гора, могильник – с. 121–135
Барсучиха IV, могильник – с. 135–138
Восточное, могильник – с. 139–141
Каменный Лог II, могильник – с. 141
Карасук III, а, б, в, могильник – с. 142–160
Красный Яр I, могильник – с. 160–173
Летник VI, могильник – с. 173–176, 346 –368
Малиновый Лог, могильник – с. 176–182
Малые Копены II, могильник – с. 182–189
Моисеиха, могильник – с. 189–196
Мочёркина Горка, стоянка – с. 196
Нумахыр, могильник – с. 196–198
Подсуханиха, могильник – с. 198–207
Саргов, могильник – с. 207–209
Староозначенская Переправа, могильник – с. 209
Сыда, могильник – с. 210–216
Тепсей VII, могильник – с. 216
Тепсей VIII, могильник – с. 216–219
Тепсей X, стоянка – с. 217–218
Тепсей XIII, случайные находки – с. 219
Тесь I, могильник – с. 220–228
Тесь II, могильник – с. 228–229
Тесь III, могильник – с. 229–230
Черновая VI, могильник – с. 231–235

Периферия Минусинских котловин

Бельтыры, могильник – с. 236–238
Большое Кольцо, могильник – с. 238–248
Бюрь II, могильник – с. 243
Верхний Аскиз, могильник – с. 243–245
Гляден 8, стоянка – с. 245–246
Итколь II, могильник – с. 246–249
Итколь III, стоянка – с. 249–251
Камышта I, могильник – с. 251–254
Кок-Хая, могильник – с. 254–255
Куйбышево I, стоянка – с. 255
Ниня I, могильник – с. 255–257
Пистах, могильник – с. 257
Сагай, могильник – с. 257–261
Све-Таг, грот – с. 261–263
Тас-Хазаа, могильник – с. 263–264
Узун-Харых, могильник – с. 265–266
Узунчул-33, могильник – с. 264
Уйбат-Хулган, могильник – с. 266–268
Устанах, све – с. 265
Усть-Кюг, стоянка – с. 268–269
Читыгол I, II, III, стоянки – с. 269

Верхний Енисей

Ооруг-Аксы, могильник – с. 270
Тоора-Даш, стоянка – с. 272–273
Хадынных I, стоянка – с. 273–274
Хайыракан I, могильник – с. 270–272

Погребения куротинского типа (Горный Алтай)

Айрыдаш-1, могильник – с. 100, 109
Берсюкта-1, могильник – с. 101, 110
Берсюкта-II, могильник – с. 101, 110
Бике-I, могильник – с. 101, 111–112
Бике-II, могильник – с. 101–102, 112
Бойтыгем-2, могильник – с. 102, 109, 115
Ело-1, могильник – с. 102, 113
Зырянка, могильник – с. 102–103, 119
Курота-2, могильник – с. 103, 114–115
Нижний Тюмечин-5, могильник – с. 104, 116
Нижняя Тархата-I, могильник – с. 104, 119
Озерное-2, могильник – с. 56, 104, 109
Пещеркин Лог-I, могильник – с. 104, 117
Урмулык-I, могильник – с. 105, 109
Чобурак-I, могильник – с. 105, 115
Чобурак-III, могильник – с. 105, 115
Элекманар, могильник – с. 105, 119

Погребения улитинского типа (Горный Алтай)

Балыктыюль, могильник – с. 105–106, 120
Карасу-2, могильник – с. 106, 120
Улита, могильник – с. 106–107, 120

Погребения арагольского типа (Горный Алтай)

Арагол, могильник – с. 110, 119
Теньга-II (Урмулык-II), могильник – с. 107, 119
Ян-Улаган, могильник – с. 108

Памятники и находки афанасьевского типа (Восточный Казахстан, Монголия, Северо-Западный Китай, Узбекистан)

Алтан-сандал, могильник – с. 275
Архангайский аймак, могильник – с. 274
Гумугоу, могильник – с. 279
Жуков, святилище – с. 279–280
Карагаин, Карчига, горные выработки – с. 369–371
Кургак гови 1, могильник – с. 276–278
Кэрмуци, могильник – с. 279
Сыдуйтуцю, местонахождение – с. 278
Черновая 2, могильник – с. 369
Шатар-чулуу, могильник – с. 275

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ (ныне АлтГУ) – Алтайский государственный университет
АКИН – Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО – Археологические открытия
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории
ГАНИИИЯЛ (ныне ГАИГИ) – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАИГИ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории
ГАРКМ (ГАКМ) – Горно-Алтайский республиканский краеведческий музей им. А.В. Анохина
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА АН СССР Институт археологии АН СССР
ИАК – императорская археологическая комиссия
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, философии и филологии СО АН СССР
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) – Ленинградское отделение института археологии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова
НИИ – Научно-исследовательский институт
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды института этнографии
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ХНКМ – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение ... 3
Глава 1. Памятники афанасьевской культуры Горного Алтая (*Степанова Н.Ф.*) ... 5
1.1. Афанасьевская культура ... 5
1.2. Куротинский тип погребений ... 100
1.3. Улитинский тип погребений ... 105
1.4. Арагольский тип погребений ... 107
Глава 2. Афанасьевские памятники в долине реки Енисей (Минусинские котловины) (*Вадецкая Э.Б.*) ... 121
Глава 3. Памятники афанасьевской культуры по периферии Минусинских котловин (*Поляков А.В.*) ... 236
Глава 4. Афанасьевские памятники и находки афанасьевского облика на Верхнем Енисее, в Монголии, Северо-Западном Алтае, Китае и Средней Азии ... 270
4.1. Афанасьевские памятники и находки афанасьевского облика на Верхнем Енисее, в Монголии, Китае и Средней Азии (*Поляков А.В.*) ... 270
4.2. Памятники афанасьевской культуры и покровского типа (Северо-Западный Алтай) (*Степанова Н.Ф.*) ... 280
Глава 5. Погребальный обряд афанасьевской культуры Енисея (*Вадецкая Э.Б.*) ... 292
5.1. Особенности памятников афанасьевской культуры Енисея ... 292
5.2. Коллективные могилы афанасьевской культуры ... 300
Глава 6. Погребальный обряд, проблемы культурной и хронологической принадлежности памятников афанасьевской культуры Горного Алтая (*Степанова Н.Ф.*) ... 310
6.1. Погребальный обряд афанасьевской культуры ... 310
6.2. Обрядовые группы афанасьевской культуры ... 321
6.3. Погребения куротинского типа и проблемы хронологической принадлежности памятников ... 325
Заключение ... 329
Библиографический список ... 337
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 346
Пшеницына М.Н. Памятники афанасьевской культуры в могильнике Летник VI на юге Хакасии ... 346
Мерц И.В. Памятники афанасьевского типа Восточного Казахстана ... 369
Тур С.С., Рыкун М.П. Травматические повреждения в палеоантропологических коллекциях афанасьевской культуры Горного Алтая ... 373
Список памятников ... 376
Список сокращений ... 378

Научное издание

Э.Б. ВАДЕЦКАЯ, А.В. ПОЛЯКОВ, Н.Ф. СТЕПАНОВА

СВОД ПАМЯТНИКОВ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОНОГРАФИЯ

Технические редакторы: Н.Ф. Степанова, А.В. Поляков
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 11.08.2014. Формат 60×84/8.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 41,0. Тираж 500 экз. Заказ №376.

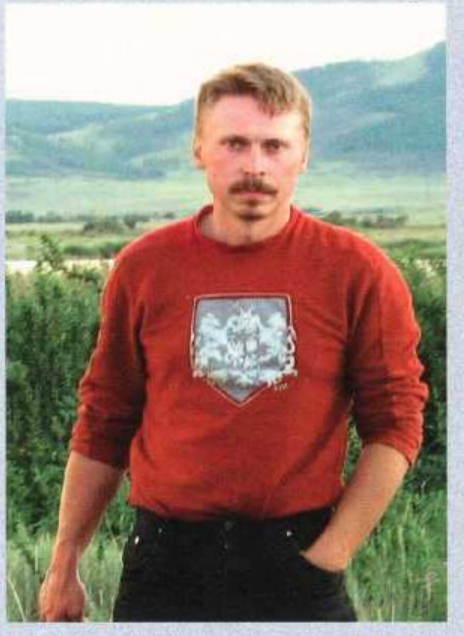
Отпечатано в типографии ООО «Азбука»:
656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а
тел. 629103, 627725
E-mail: azbuka@dsmail.ru

Вадецкая
Эльга Борисовна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН.

Научные интересы – эпохи энеолита – раннего средневековья Южной Сибири, древнее искусство, этногенез народов Сибири, история изучения археологических памятников Минусинской котловины. Автор и соавтор более 150 научных публикаций, в т.ч. 6 монографий. Руководитель и участник археологических экспедиций (отрядов), проводивших раскопки афанасьевских памятников в зоне затопления Красноярской ГЭС (могильники Восточное, Красный Яр I, Карасук III и Черновая VI).

Поляков
Андрей Владимирович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИМК РАН.

Научные интересы – эпоха бронзы Южной Сибири и радиоуглеродное датирование. Автор и соавтор более 30 научных публикаций, в т.ч. 1 монографии. Руководитель археологических экспедиций (отрядов), проводивших раскопки афанасьевских памятников на Енисее (Итколь II, III).

Степанова
Надежда Федоровна,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИАЭТ СО РАН.

Научные интересы – эпоха энеолита – раннего железного века Южной Сибири, технология изготовления керамики и нанесения орнамента. Автор и соавтор более 130 научных публикаций, в т.ч. 5 монографий. Руководитель и участник археологических экспедиций (отрядов), проводивших раскопки афанасьевских памятников в Горном Алтае (поселения Узнезя I и Малый Дуган, могильники Ело-Баши, Первый Межелик-1 и др.).